

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 60.

1 ЯНВАРЯ 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, пѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трюбнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—1860 ГОДЪ—КАЗАНСКІЕ И ПЕТЕРБУРГСКІЕ СТУДЕНТЫ—АДРЕСЪ ДВОРЯНЪ—ЗАЛЬЦМАНЪ И КОЧУБЕЙ. СМѢСЬ: КЪ ФИЗИОЛОГИИ И ЗООЛОГИИ ПОМѢЩИКОВЪ—ОТРАВЛЕНІЯ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ—АЙ ДА КОРФЪ!—АКАДЕМІЯ ХУДОЖЕСТВЪ—ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ АНАСТАСЬЕВЪ.

1860*

I.

Безъ преувеличенныхъ надеждъ и безъ преувеличенныхъ отчаяній, входимъ мы въ *новое десятилѣтіе* — твердымъ, ровнымъ шагомъ стараго войска, знавшаго побѣды, знавшаго пораженія; и пуще всего знавшаго тяжелые переходы по песчанымъ, пыльнымъ, безотраднымъ степямъ. Спины понагнулись, волосы посѣдѣли, много рубцевъ, много шевроновъ... много товарищей въ землѣ, много чужихъ за роднымъ очагомъ... но старые солдаты, мы безъ заносчивости и страха шагомъ твердымъ и ровнымъ входимъ въ новое десятилѣтіе!

Еще шевронъ!....

..... Что бы ни было, хуже чѣмъ было десять лѣтъ тому назадъ, не будетъ. Тогда былъ медовый мѣсяцъ реакціи, тогда со слезой замершей въ глазѣ, со злобой кипѣвшей въ сердцѣ смотрѣли мы на проигранную кампанію, и проклинали позорное время, въ которое намъ пришлось жить.

“Когда многіе надѣялись, мы говорили имъ, это не выздоровленіе, это румянецъ чахотки. Смѣлые мыслію, дерзкіе на языкъ, мы не боялись изслѣдовать зла, ни высказать его, а теперь выступаетъ холодный потъ на лбу. Я первый блѣднѣю, трушу передъ темной ночью, которая наступаетъ; дрожь пробѣгаетъ по кожѣ при мысли, что наши предсказанія сбываются такъ скоро, что ихъ совершеніе такъ неотразимо!”†

Мрачная гуча, которую мы предчувствовали по лому въ мысли и въ сердцѣ, заволокивала больше и больше, все потемнѣло, спуталось, покосилось, стало тонуть... всплывали герои, безъ всякой пользы; говорились слова полныя мудрости, никто ихъ не понималъ... ударъ за ударомъ разилъ то и другое, сбивая осколки въ сѣрую, грязную массу, на вершинѣ которой поднимался яснѣе и яснѣе, какъ на своемъ пьедесталѣ, сфинксъ съ узенькими глазками, ухарски зачесанными висками и усами свернутыми въ фидибусы.

Пять лѣтъ продолжалось это, и все было хуже и хуже.

* Мы хотѣли начать новый годъ прекрасной статьёй объ Украинѣ, но ея размѣръ заставилъ насъ оставить ее до слѣдующаго листа.

† Эпизодъ 1849 году. Съ того Берега.

Годъ IV.

И—ръ.

... Помню я полутуманный лондонскій день и улицы кипящія народомъ, дома покрытые гирляндами, украшенные знаменами, войска въ парадныхъ мундирахъ, нарядныя дамы въ окнахъ, горсъ-гарды на коняхъ, пудренные кучера и лакеи, мѣщане съ сіяющимъ лицомъ, словомъ праздниковъ праздникъ, Наполеонъ III въѣзжалъ побѣдоноснымъ и гордымъ въ почтенныя, средневѣковыя ворота *Темплъ-Бара*; изъ гостей Виндзора, королевы, онъ ѣхалъ въ гости къ царствующей буржуазіи въ *Меншенъ-Гаусъ*. Въ Виндзорѣ надпись “Ватерлооская зала” была стерта, въ Сити было стерто достоинство свободнаго народа; Наполеона встрѣтило чудовищное подбострастіе городскихъ властей, тѣмъ больше упительное для него, что оно не было внушено насиліемъ, а падало передъ нимъ въ откровенно-рабскомъ униженіи... То же восторженное ура проводило его назадъ, и *Теймсъ* трубилъ славу великаго союзника Англіи.

Дальше падагъ, глубже опускаться — нельзя. Это былъ переломъ креста.

По переломъ креста состоитъ не изъ одного звука... а изъ двухъ.

Рядомъ съ Англіей пѣвшей съ благоговѣніемъ и англійскимъ произношеніемъ — “*Pactant pour la Syrie*”... другіе пѣвчіе пѣли — “Со святыми упокой!” у гроба въ Зимнемъ Дворцѣ. Крестъ переломился!

II.

Отлегло на сердцѣ, мы перевели духъ! Дѣло пошло къ утру. Усмиренные опытомъ, укрощенные памятью, мы съ умиле-ніемъ привѣтствовали зорю новаго дня, занимающуюся въ Россіи. Мы радовались не тому что онъ намъ давалъ, а какъ выздоравлиющіе послѣ перелома болѣзни радовались за *право на надежду*.

На эту полосу свѣта на родномъ небосклонѣ, усталые отъ всего что насъ окружало, мы смотрѣли безъ заносчивыхъ требованій, безъ юношескихъ утопій. Мы ограничивались желаніемъ, чтобы съ бѣднаго русскаго народа сняли грубыя желѣзныя цѣпи, для того чтобы *развитіе сдѣлалось возможнымъ*, остальное, казалось намъ, придетъ своимъ порядкомъ; можетъ послѣ насъ, даже весьма вѣроятно, — все равно, лишь бы видѣть самимъ, что на пути нѣтъ бревень,

Мысль наша, рѣчь наша не шли дальше—
О освобожденія крестьянъ отъ помѣщиковъ,
О освобожденія слова отъ цензуры,
О освобожденія суда отъ мрака канцелярской тайны,
О освобожденія спины отъ палки и плети.

Пока мы думали и говорили объ этомъ, вышелъ знаменитый рескриптъ къ дворянству трехъ польскихъ губерній.

Тотъ, кто понимаетъ глубину умиленія и молитвы, которая заставила Капта при вѣсти о провозглашеніи французской республики, обнажить голову и поднявши глаза къ небу, повторить слова Симеона Богопріимца: “Нынѣ отпускаеши!” — тотъ пойметъ что происходило въ душѣ нашей, когда мы слышали робко произнесенное государемъ, но все же произнесенное слово—*освобожденія крестьянъ!*

Мы помолодѣли, мы повѣрили въ себя, въ то что наша жизнь не прошла напрасно... а тутъ облегченіе цензуры, уничтоженіе позорнаго стѣсненія путешествовать, уничтоженіе кантонистовъ, военныхъ поселеній, проекты о гласности судовъ. Мы стали отдыхать отъ ненависти.

Наша программа осуществлялась и намъ легко было сказать—“Ты побѣдилъ Галилеявивъ!” (*Колоколъ, листъ 9.*) Такъ побѣжденными мы хотѣли быть.

Самодержавная революція могла вести Россію къ великому развитію всѣхъ ея неистощимыхъ силъ, невѣдомыхъ возможностей, не проливши ни одной капли крови, не поставивши ни одной висѣлицы, и дѣлая изъ сибирскаго тракта путь богатства и обмѣна—вмѣсто пути слезъ и скрежета зубовъ.

Да, мы были правы говоря Александру II при его восшествіи на престолъ: “Вы необыкновенно счастливы!”

Отчего же мы входимъ въ новое десятилѣтіе не съ тѣмъ свѣтлымъ упованіемъ, не съ той твердой надеждой, съ какой встрѣтили эпоху возрожденія Россіи.

Александръ II, какъ Фаустъ, вызвалъ духа не по силамъ, и перепугался. Какая-то истощающая силы нерѣшительность, шаткость во всѣхъ его дѣйствіяхъ и подъ конецъ совершенно ретроградные поступки. Онъ явнымъ образомъ хочетъ добра—и боится его.

Что же случилось?—Война? возстаніе? распадается-ли государство? провинціи отлагаются что-ли?—Ничего! Финансы плохи, да вѣдь это обыкновенное русское хозяйство, видъ ныщій и ни гроша за душой! Сверхъ того реакціей финансамъ не поможешь...

Чего же испугался государь?—А чего боятся люди на кладбищѣ...?

Въ томъ-то и состоитъ несовершеннѣе людское, что оно боится вздора и не видитъ дѣйствительной опасности, что оно опирается на гнилое дерево возлѣ свѣжаго. Стремясь за фантазіями, оно упускаетъ изъ рукъ реальное; боясь призраковъ въ якобинской шапкѣ—глядитъ шакаловъ въ генеральскихъ эполетахъ; боясь демократической страницы въ журналахъ—не боится олигархическихъ грамотъ въ бархатной книгѣ.

Идти двумя путями невозможно.

Какимъ Япусомъ ни будь нельзя разомъ идти въ двѣ противоположныя стороны, можно только одной половиной своей всякой разъ идти задомъ напередъ, мѣшая самому себѣ и бесполезно качаясь на одномъ мѣстѣ.

Нельзя желать гласности—и усиливать цензуру.

Нельзя желать просвѣщенія—и гнать студентовъ отъ университетскихъ воротъ.

Нельзя уважать людей въ подданныхъ—и не позволять имъ дѣтей вывозить за границу.

Нельзя стать со стороны народа—и называться “первымъ дворяниномъ.”

Нельзя желать гласнаго суда—и держать гайдука юстиціи Панина.

Нельзя желать законности—и имѣть въ своей собственной канцеляріи цѣлое отдѣленіе шпионовъ.

Нельзя начинать новую постройку—и брать помощниковъ изъ богадѣльни прошедшаго.

Нельзя прогнать Клейнмихеля и Бибикова—и оставить Панина, Муравьева, (который вѣщаетъ) Орлова, мухановскаго Горчакова и пр. и пр. Съ этими ядрами на ногахъ, даже знаменитый скороходъ въ “не любо не слушай,” не ушелъ бы далеко.

Все это такъ же несомнѣнно, такъ же пелѣпо, какъ проповѣдывать министерствомъ внутреннихъ дѣлъ трезвую жизнь, медъ и млеко—а министерствомъ финансовъ въ то же время и тѣхъ же людей спаивать отравленной водкой.

Это-то колебаніе и выводитъ насъ изъ терпѣнія—не въ отчаяніе, а въ глубокую горестъ, тѣмъ больше что оно совершенно не нужно и происходитъ отъ того, что декорации принимаются за самое дѣло, вѣроятно по привычкѣ видѣть въ человѣкѣ прежде всего форму воротника и пуговицы.

Еслибъ государь всмотрѣлся, онъ сейчасъ бы увидѣлъ, что онъ окруженъ цѣлымъ міромъ призраковъ, что Панинъ на пр. не въ самомъ дѣлѣ министръ юстиціи, а маріонетка и очень плохо сдѣланная изъ шестовъ; что Горчакова совсѣмъ нѣтъ, а есть его мундиръ съ дырой сзади, въ которую фигляръ Мухановъ запустилъ пальцы и представляетъ будто покойникъ живъ—на оскорбленіе польскаго народа...

Да кѣмъ замѣнить этихъ опытныхъ, маститыхъ, слугъ престола? *Опытныхъ* въ чемъ? Неужели въ освобожденіи крестьянъ, въ учрежденіи гласныхъ судовъ...?

Къ тому же вотъ примѣръ, развѣ въ Москвѣ хуже стало послѣ Закревскаго? Тучковъ навѣрное въ десять разъ лучше его... А вѣдь не начитайся Закревскій французскихъ романовъ и не сдѣлай свой сентиментальный пассажъ à la George Sand—онъ и теперь давилъ бы Москву и государь вѣрилъ бы что онъ необходимъ для спокойствія первопрестольной столицы!

Шапка мопомаха не только тяжела, но и велика, на глаза падаетъ... Еслибъ можно было на одинъ мигъ приподнять ее и показать государю не вѣрноподданчески, а просто по человѣчески, все живое и мертвое въ Россіи, все что пойдетъ съ нимъ, если онъ самъ не оставитъ пути развитія и освобожденія, и все что пойдетъ противъ него... дорого бы можно было дать.

Какія странныя времена, у насъ нѣтъ тайнъ, мы страстно хотимъ государю показатъ всю подноготную. А Долгорукие и Тимашевы, его уши *по ремеслу*, имѣютъ много тайнъ, отъ него и скрываютъ все, кромѣ вредныхъ сплетенъ. А всего тщательнѣе скрываютъ они то, что высшій слой благороднаго росейскаго дворянства, не только не единственная, вѣрная опора престола, но само по хилости ищетъ на что нибудь опереться. Время, въ которое правительство петербургское существовало не только божіей помощью, но помощью олигарховъ-бояръ и вѣмцевъ-генераловъ—прошло. У нихъ тогда было *общее хозяйство* и круговая порука: правительство предоставляло дворянамъ грабить народъ и сѣчь его розгой,

дворянство помогало правительству забирать чужія провинціи и сбѣчь кнутомъ.

Съ тѣхъ поръ исподволь все переишло. Съ тѣхъ поръ Россія Бирона и Остермана — состарѣлась, а Россія Ломоносова пошла впередъ. Съ тѣхъ поръ былъ 1812 годъ и 14 Декабря 1825. Новая среда подкрадывалась незамѣтно клиномъ между пародомъ и вельможами, въ ней встрѣчаются атомы всѣхъ другихъ слоевъ, но иначе кристаллизованные, къ ней принадлежатъ дѣти графовъ и князей и сынъ воровежскаго прасола, въ этой средѣ образованіе, университеты, вся умственная дѣятельность, книги, а книги теперь власть.

Обо всемъ объ этомъ не знаютъ при дворѣ, такъ какъ графъ Гонфалоніери и его друзья не знали ничего, кромѣ смутныхъ слуховъ о революціи 1830, содержась въ Шпильбергѣ. До высочайшихъ казематовъ Зимняго Дворца ничего не можетъ пройти, кромѣ особы первыхъ трехъ классовъ. Кажется все идетъ по прежнему, тѣже мундиры шитые золотомъ, пачника мундировъ истлѣла, измѣлчалась, выжила изъ ума и изъ вѣка, умерла, но по галалевой системѣ, славно балзамирована. Изъ за этихъ анатомическихъ, шитыхъ золотомъ шпалеръ, государь не видитъ, что центры тяжести, фокусы силъ, все измѣнилось, что въ формулу русской жизни вошли элементы, о которыхъ при Петрѣ I не имѣли понятія, а при Екатеринѣ II знали по слуху, онъ не знаетъ, что теперь ни науку, ни литературу *запретить* нельзя, что есть вѣрованія и убѣжденія общія каждому образованному человѣку, кромѣ большинства, именно того высшаго дворянства, которое въ олигархическихъ книжонкахъ представляется опорой престола.

Не видитъ онъ и того, что ему не нуженъ вовсе этотъ гнилой костыль, пока онъ не измѣнитъ пачалу своего царствованія. Когда, кто изъ русскихъ императоровъ имѣлъ разомъ за себя, какъ это случилось въ вопросѣ освобожденія крестьянъ и введенія гласности, — пародъ русской и образованную Россію, простолюдиновъ и литераторовъ, молодое духовенство и всѣхъ старообрядцевъ, наконецъ мнѣніе всего міра отъ величайшихъ органовъ публичности, до смиренныхъ листовъ *Колокола*?

Только “единственная опора” престола *противъ*, ея рабское усердіе не идетъ дальше уменьшенія оброка . . . Се по—по! “Сѣку и служу, не сѣку и не служу!”

Но вѣдь отъ этой оппозиціи не государь сталъ слабѣе, а *они*; у *нихъ* исчезаетъ земля подъ ногами. Поддерживая самодержавіе подъ высочайшее плечо, въ сущности они сами опирались на него. Оставьте ихъ на свои силы и они въ четверть часа упадутъ съ своего “прекраснаго высоко” и сбѣгаются “Comme tout le monde,” по выраженію Сусаны Фигаро. Да это еще счастье, а то какъ крестьянскій *tout le monde* догадается, что государь не поддерживаетъ больше ни Кочубеевъ, которые въ мирное время стрѣляютъ по Австріяцамъ, ни Ивана Онуфриевича, сѣкущаго ежегодно на своихъ заводахъ, ни Паница, который хотѣлъ стянуть домъ, ни меньшихъ братій ихъ въ родѣ Гутцейта, насилующаго дѣтей, Кандыбы оплакиваемаго Строгоновымъ, и сестрицъ въ родѣ Барановой, сажавшей на плиту живую дѣвушку... они тогда проведутъ очень непріятныя четверть часа...

Неужели государь боится, что эти выдуманные графы, напоминающіе аристократію Сулука, эти обнищавшіе князья, съ археологическими именами, при помощи губернскихъ Добчинскихъ и уѣздныхъ Бобчинскихъ, заставятъ его, какъ нормандскіе бароны, подписать *великую хартію дѣйстви-*

тельно-статскихъ свободъ и генераль-майорскихъ вольностей, или сведутъ его въ тюрьму какъ Людовика XVI? Прежде для гочности надобно ему побывать въ законодательномъ собраніи, гдѣ Бутковъ будетъ представлять Лафайета, а какойнибудь Кандыбинъ сыщъ—Мирабо!

Все это ужъ потому самому невозможно, что нормандскіе бароны наши не имѣютъ силы ни въ себѣ, ни въ народѣ, ни въ современной какойнибудь идеѣ, вся ихъ сила въ царской поддержкѣ.

Они могутъ одно сдѣлать — убить государя изъ за угла, на это никакой силы не надобно, а надо быть только злодѣемъ. Въ кастѣ, которая поджаривается на плитѣ живыхъ жевщницъ, и засѣкаетъ здоровыхъ мушницъ — найдется пухъ вѣроятно довольно. Этому впрочемъ каждый подверженъ, такъ какъ тифусу или холерѣ. Можетъ и не мѣшаетъ брать мѣры противъ такого покушенія, но это очень скучно и почти лучше благо-родно рисковать собой, какъ Генрихъ IV, чѣмъ день и ночь выдумывать съ какимънибудь русскимъ Эспинасомъ мѣры предохраненія своей священной особы.

Но намъ могутъ сказать, что государь вовсе не ихъ боится. Кого же?

Народнаго возстанія? трудно себѣ представитъ, что русскій крестьянинъ, терпѣвшій вѣка свое бѣдственное положеніе, взбунтовался бы за то, что его освобождаютъ и сталъ бы требовать возвращенія крѣпостнаго права!

Чиновниковъ? — Люди берущіе взятки никогда не бунтуютъ.

Купечества? — Какой же имъ барышъ отъ этого? Откупщицки первые лягутъ костями за отеческое управленіе....

Смотрите куда хотите въ Россіи, вездѣ есть входы, вездѣ почки, вездѣ зерна наливаются, вездѣ что-то просится наружу, на развитіе, все хочетъ распрямить члены послѣ долгой, долгой неволи и нигдѣ ни одного элемента возстанія. Одинъ вопросъ, который можетъ подпятъ пародъ,—это освобожденіе крестьянъ съ землею; но вѣдь онъ-то и находится въ рукахъ правительства.

Что же мутитъ, что мѣшаетъ государю идти по одной доскѣ?

Самыя рѣзкія, самыя печально-самовластные распоряженія правительства были направлены противъ *литературы*, а теперь и противъ *студентовъ*. Вотъ что пугаетъ, вотъ стало гдѣ опасность! Странно, больно, стыдно, но оно такъ! Съ ценсурой государь няпчится, я думаю третій годъ, уменьшаетъ ее, растягиваетъ, опрощаетъ, усложняетъ. Вдругъ “ценсура требуетъ весь туалетъ!” — изъ каждаго министерства по цензору... Вдругъ совсѣмъ новая ценсура, въ которой предсѣдатель долженъ быть *три человека*, въ числѣ которыхъ одинъ оберъ-форъ-шнейдеръ, одинъ начальникъ лазутчиковъ и одинъ Адлербергъ, извѣстный въ литературѣ только какъ плодовитый писатель векселей. Когда все это было сдѣлано, государь застыдился до того, что придумалъ одного главнаго цензора и того назвалъ пачальникомъ V отдѣленія собственной канцеляріи, (слава богу что по ту сторону IIIго) и для большей скромности ввѣрилъ это мѣсто *Модесту Корфу*, историографу 14 Декабря.

Въ продолженіи этого времени—исторія *Паруса*, исторія съ *Огрышкой*, пелѣвѣйшіе циркуляры Норова, Вяземскаго, Ковалевскаго, указываютъ на какую-то судорожную раздражительность. Ясное дѣло, что журналы, что книги навлекли на себя гоненіе.

Отрѣзанные отъ всякой возможности (отвратительнымъ почтовымъ устройствомъ книжныхъ посылокъ изъ Россіи),—своевременно получать журналы, мы долго думали, что въ Россіи печатаются зажигательныя воззванія, еротическія книги Лютера и еротическія сочиненія Баркова.

Ни чуть не бывало. Получая въ Ноябрь—мартовскую, а въ Декабрь—февральскую книжку, мы все таки мало по малу перечитали почти все. Разница съ николаевскимъ временемъ большая. Задавленная мысль ожила, языкъ воротился, человѣческія мысли, интересы нашли отголосокъ въ “Обозрѣніяхъ.” Всѣ журналы безъ исключенія поддерживали энергически, съ увлеченіемъ главную мысль царствованія — освобожденіе крестьянъ съ землею.

Въ чемъ же дѣло? . . . нельзя же было ждать, что бѣдная, разкованная колодница наша, снова заговоритъ языкомъ покойнаго князя Шаликова, и чувствованіями еще здравствующаго Рафаила Зотова.

Дѣло по несчастію въ томъ, что у насъ въ извѣстной высотѣ надъ уровнемъ житейскаго моря—*слово человеческое считается дерзостью, и мысль сама по себѣ подозрительна.* Думать и гсворить, (т. е. приказывать) должно правительству, для подданнаго это роскошь и ведетъ только къ пересудамъ дѣтъ *не касающихся до него*, на пр., имѣютъ-ли право его безъ суда сажать въ Петропавловскую крѣпость, посылать за тысячу верстъ, не говоря причины и пр. Идеаль государственнаго порядка и цивилизаціи для этой трехъ-перво-класной сферы, восточная сераль и прусскій вахтъ-парадъ. Сераль, въ которой люди, отрѣкаясь отъ своего зоологическаго достоинства, падаютъ на четвереньки передъ владыкой; и фронтъ, въ которомъ человѣкъ придѣланный къ ружейному прикладу унижается до восковой фигуры, и четыре тысячи ногъ поднимаются подъ тѣмъ же угломъ и опускаются въ ту же секунду. Отсюда идетъ супружеская любовь къ безгласному повиновенію, къ молчанію страха и любострастная невоздержанность къ застегнутымъ пуговицамъ, къ формѣ воротника.

Въ послѣдней инструкціи — московскому ценсурному комитету, сказано—что правительству считаетъ *ниже своего достоинства* — обращать вниманіе на факты обличаемые печатной гласностью. Въ послѣднее десятилѣтіе, такъ обильное глупостями, я не думаю, чтобъ было сказано что нибудь глупѣе. Это гениально глупо. Точно будто одно благородное средство и есть узнавать истину—*шпіонство!*

То же самое относительно студентовъ. Цивилизующее правительство должно имѣть университеты и студентовъ, но ему хочется, чтобъ студенты были похожи на солдатъ въ арестантскихъ ротахъ.

... Чѣмъ раздражили студенты правительство до іезуитскихъ экзаменовъ, и дикихъ исключеній?—Да какъ же! исторія за исторіей. — Какія? Въ московской исторіи ни Берингъ, ни Закревскій не могли скрыть, что виновата была полиція. Въ харьковской — студенты не только были правы, но вели себя съ благородствомъ и тактомъ почти равнымъ безобразнымъ дѣйствіямъ попечителя и университетскихъ властей. Въ Казани—студенты аплодировали Буличу. Въ Петербургѣ —студенты собрались, чтобъ узнать что такое было въ Казани, и это все преступленія ???

Однако чего же требуютъ въ самомъ дѣлѣ эти господа отъ юношей?

Очень просто — *рабскаго* духа, *рабской* дисциплины,

рабскаго молчанія! Что значитъ *высочайшее* повелѣніе *не аплодировать* профессорамъ? . . . И за чѣмъ государь исправляетъ должность педеля и инспектора? . . . Какъ иначе Пушкинъ разумѣлъ царское достоинство, заставивъ Годунова сказать сыну, что слово государя какъ благовѣсть должно только раздаваться возвѣщая великое событіе или великое несчастье.

Одно изъ ужаснѣйшихъ посягательствъ прошлаго царствованія состояло въ его настойчивомъ стремленіи сломить отроческую душу. Правительство подстерегало ребенка при первомъ шагѣ въ жизнь и развращало—кадета-дѣтя, гимназиста-отрока, студента-юношу. Безпощадно, систематически вытраивало оно въ нихъ человѣческіе зародыши, отлучало ихъ, какъ отъ порока, отъ всѣхъ людскихъ чувствъ — кромѣ покорности. За нарушеніе дисциплины оно малолѣтныхъ наказывало такъ, какъ не наказываютъ въ другихъ страхахъ закоснѣлыхъ преступниковъ.

Здоровая мощь русская была сильнѣе гнета, не удалось правительству осквернить всѣ души молодаго поколѣнія, свихнуть всѣ сердца, сдѣлать Клейнмихелями и розгами доносчиковъ изъ товарищей школы, палачей изъ старшихъ въ классѣ. Да, не удалось, но какой цѣной купили юные страдальцы святое святыхъ своей человѣческой души?

Посмотрите на это чахлое, нервное, тревожное внутри, невѣрующее болѣе ни во что свѣтлое невѣрующее въ себя—поколѣніе, это та доля, которая *пережила* душесредительство правительственнаго воспитанія.

А сколько умерло, сложивши голову, не зная свѣтлаго дня послѣ вступленія въ корпусъ или школу?

Дѣйствительно, въ то время молчали, *не аплодировали, не собирались*, и еще больше, въ то время у несчастныхъ польскихъ матерей отрывали дѣтей насильно и малютки мерли на дорогѣ, въ то время, какъ полицейскіе *воспитатели* пьянствовали на украденную у нихъ пищу и теплую одежду.

За тѣмъ временемъ не угоняеши!

Безгласная страна, глотая слезы, не нарушила дисциплины. Россія молчала, и падала въ глазахъ всего міра до того, что ненависть къ ней была равнозначительна съ любовью ко всему человѣческому!....

III.

Тяжелы эти воспоминанія! Хотѣлось бы не съ ними вступать въ новое десятилѣтіе, но не мы вызвали черныя тѣни прошедшаго!

Каждый ударъ правительственной плетью по юношеству, по будущей Россіи, будить въ наболѣвшемъ сердцѣ страшные образы; намъ такъ и кажется, что не даромъ еще живы Пеликаны, Бибиковы, не даромъ Мухановъ оставленъ въ Варшавѣ—что они ракомъ вопьются въ молодое поколѣніе и потащутъ его назадъ, или въ помойную яму III отдѣленія.

Да дайте же хоть одному поколѣнію, пресловутые просвѣтители, воепитаться человѣчески, глядя всему въ глаза, безобязанно говоря свою мысль, открыто *рукоплеская*, открыто *собирались*, такъ какъ это дѣлается въ Англіи во всякой школѣ.

Неужели передняя, гдѣ десять крѣпостныхъ лакеевъ молчатъ при баринѣ и молча его ненавидятъ — образецъ воспитанія? Неужели шопоть рабовъ пріятнѣе вамъ, чѣмъ говоръ возникающихъ жизней, ихъ звонкій смѣхъ и даже иногда заносчивое слово?

Ахъ какъ еще наши просвѣтителѣ неразвиты! Какъ они еще далеки отъ "человѣка" и какъ близки къ Аракчееву, какъ замѣтенъ еще на нихъ вершекъ казарменной грязи и подьяческаго честолюбія разночинца — который требуетъ *неуваженія къ лицу, а подчиненности, страха передъ его чиномъ!*

... Мы не такъ легко предаемся вѣрованіямъ, чтобъ ихъ легко оставлять и на вопросъ—думаемъ-ли мы, что всей этой николаевской вѣтошью можно остановить Россію и возвратиться за 1855,—рѣшительно отвѣчаемъ *нѣтъ!*

Но съ другой стороны мы знаемъ, что путь, по которому Россія идетъ, можно исказить, покрыть грязью, усыпать битымъ стекломъ и изъ свѣтлаго, правильнаго шествія, сдѣлать утомительный переходъ и безпрерывную драку, въ которой правительство какъ матеріально гораздо сильнѣйше, погубить бездну людей, надѣлаетъ бездну несчастій безъ нужды и безъ пользы. Вотъ почему эти реакціи, эти возвращенія ко времени, которое надобно забыть, эти перевесы въ сторону прошедшаго—не повергають насъ въ отчаяніе, но заставляютъ дрожать отъ гнѣва и досады. Вотъ почему мы входимъ съ раздумьемъ въ новое десятилѣтіе, и переступая послѣднюю черту прошедшаго, останавливаемся еще разъ, чтобъ сказать государю :

Государь, проснитесь, новый годъ пробилъ, новаго десятилѣтія, которое можетъ носить ваше имя, но вѣдь нельзя одной и той же рукой ярко и свѣтло записывать свое имя въ исторію какъ освободитель крестьянъ и подписывать нелѣпныя повѣленія противъ свободной рѣчи и противъ молодости — юношей. Васъ обманываютъ, вы сами обманываетесь—это святки, все наряжены. Велите снять маски и посмотрите хорошенько кто друзья Россіи и кто любитъ только свою частную выгоду. Вамъ это потому вдвое важнѣе, что *еще* друзья Россіи *могутъ быть* и вашими. Велите же поскорѣе снять маски. Вы удивитесь — этотъ маскарадъ васъ окружающій не похожъ на тотъ, который дѣлали два года тому назадъ для великихъ князей въ кадетскомъ корпусѣ, тамъ дѣти представляли волковъ и вепрей, а тутъ вепри и волки представляютъ сановниковъ и отцевъ отечества!

И—рѣ.

$\frac{2}{14}$ Декабря 1859.

ГОНЕНІЕ ГЛАСНОСТИ И СТУДЕНТОВЪ.

Въ московскомъ ценсурномъ комитетѣ получена бумага, въ которой сказано, что цензоръ не долженъ пропускать ни одной обличительной статьи о какомъ нибудь взяточничествѣ, несправедливости, безпорядкѣ и пр., если онъ не имѣетъ положительныхъ доказательствъ и *документовъ* о происшествіи описываемомъ въ статьѣ... Но лучше всего заключительныя слова бумаги, что правительство не видитъ никакой пользы въ гласности, ибо *считаетъ унижительною для себя* обращать вниманіе на всѣ жалобы и замѣчанія, заключающіяся въ статьяхъ обличительнаго содержанія.

Въ университетахъ нашихъ *высочайшимъ повѣленіемъ* запрещено студентамъ выражать свое сочувствіе или несочувствіе къ прочитанной лекціи и къ профессору. За нарушеніе этого *высочайшаго повѣленія* студентами Казанскаго Университета, по прочтеніи лекціи профессоромъ

Буlichemъ, за которую они ему аплодировали, многіе изъ нихъ (говорятъ до двадцати) были исключены и разсланы по мѣсту жительства ихъ родителей. Восемь профессоровъ подали въ отставку и до двухъ сотъ студентовъ добровольно оставили казанскій университетъ. Слухъ объ этомъ разнесся по Петербургу и дошелъ до университета. — Всѣ студенты желали знать подробности дѣла, извѣстныя только еще не многимъ, для чего и собрались въ XI аудиторію. (Эта аудиторія больше всѣхъ другихъ и общія сходки студентовъ бывають всегда въ ней). Тутъ было прочтано г. Сунгуровымъ, однимъ изъ вольнослушающихъ петербургскаго университета, письмо изъ Казани, объясняющее подробности и ходъ дѣла. Подобныя сходки студентовъ тоже *высочайше запрещены* и, конечно принимаются за демонстрацію и бунтъ. Лица способствовавшія собранію ихъ или говорившія на сходкѣ, считаются главными нарушителями высочайшей воли, и преслѣдуются какъ преступники.

На другой день послѣ этой сходки исправляющій должность попечителя требуетъ къ допросу всю *редакцію* (см. примѣч.), подозрѣвая вѣроятнo, что она способствовала къ устройству сходки, а можетъ быть и по указанію инспектора, и спрашиваетъ : почему редакторы не удержали студентовъ отъ нарушенія высочайшаго повѣленія. На это ему отвѣчали, что факультеты избрали ихъ своими редакторами не съ этой цѣлью и что они и сами, какъ студенты и люди очень интересные дѣломъ казанскаго университета, были на этой сходкѣ. Онъ требовалъ, чтобы они сказали ему кто *читалъ на сходкѣ*, но ему отвѣчали, что избраніе ихъ въ редакторы, доказывающее общее довѣріе къ нимъ ихъ товарищей, должно было ему уже ручаться за то, что они не годятся быть ни шпионами, ни допосчиками. Послѣ этого онъ началъ самъ, съ помощію университетской полиціи и университетскихъ шпионовъ, которыхъ, какъ говорятъ, введено въ университетъ не мало, разыскивать *читавшаго*.

Г. Сунгуровъ желая прекратить эти поиски и тѣмъ избавить многихъ другихъ отъ преслѣдованій, допросовъ и напраслины, самъ явился къ нему и сказалъ ему свою фамилію. Этого благороднаго молодого человѣка, какъ вольнослушающаго, слѣдовательно человѣка частнаго, онъ передалъ въ руки Шувалова, какъ *человѣка нарушающаго высочайшія повѣленія и производящаго смуты въ университетѣ*. Что будетъ дальше, не извѣстно, но извѣстно, что подобнаго рода преступленія наказываются у насъ не легко.

Примѣч. Считаю нужнымъ объяснить что я разумѣю подъ словомъ *редакція*. Въ петербургскомъ университетѣ издается *Сборникъ Студентоес С. Петербургскаго Университета*, для изданія котораго всѣ факультеты, каждый изъ своей среды, избирають отъ себя представителей, или редакторовъ. Всѣ редакторы т. е. отъ всѣхъ факультетовъ вмѣстѣ составляютъ *редакцію*. На редакторовъ возложено еще завѣдываніе и распорядженіе кассою бѣдныхъ студентовъ.

АДРЕССЪ ГОСУДАРЮ.

Шесть человѣкъ дворянъ, участвовавшихъ въ комитетѣхъ объ освобожденіи крестьянъ, подали государю слѣдующее письмо, лишнее бы было прибавлять, что въ этомъ благородномъ, честномъ письмѣ тѣни нѣтъ той своекорыстной, олигар-

лической оппозиции, о которой мы говорили. Мы съ радостію и сочувствіемъ печатаемъ его.

“Всемиловѣйшій государь,

“Державнымъ словомъ в. и. в. объ освобожденіи крестьянъ. Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего отечества. Ему предстоятъ два пути развитія: одинъ — мирный и правомѣрный; другой — путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій.

“Первый истекаетъ изъ любви вашей Государь, къ Россіи и ея счастію.

“Второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

“Въ неизрѣченной милости Вашей, великодушный монархъ, къ дворянству, Вы призвали наше сословіе къ участию въ великомъ дѣлѣ преобразованія быта земледѣльцевъ.

“Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрно и подданнически высказать наши мысли Вашему Величеству о направленіи полученномъ нынѣ крестьянскимъ дѣломъ.

“Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ Вамъ, Государь и живой преданности къ престолу и отечеству.

“Да будетъ надъ нами судъ Вашего Величества!

“Согласно высочайше утвержденной в. и. в. инструкціи, мы представили въ редакціонныя комиссіи, составляющія положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, наши подробныя соображенія и замѣчанія; но изъ внимательнаго изученія заключеній комиссій, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей, помѣщики будутъ раззорены, а быть крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ, и потому что крестьяне только тогда почувствуютъ быть своей улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами и сдѣлаются собственниками, ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

“Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежитъ зародышъ опасной борьбы сословій.

“Вѣруя въ благодушіе вашего величества, зная волю вашу Государь, чтобъ Россія шла путемъ мирнаго развитія, убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе — *охватившее весь народъ отъ мала до велика* получить свободу полную, а землю въ собственность, и что быть сословію не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ Государь, всеподданнѣйше просить в. и. в. о нижеслѣдующемъ:

“1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ нераззорительныхъ для помѣщиковъ.

“2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

“3. Учредить независимую судебную власть, т. е. судъ

присяжныхъ, а пражданскія судебныя учрежденія — независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности предъ судомъ, и

“4. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управления.

“Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ святымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго в. и. в. дворянскому сословію, повергнуть на всемиловѣйшее воззрѣніе Ваше, Государь, наши откровенныя убѣжденія, въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любовью къ Вамъ, Государь, и преданностію къ престолу и отечеству.

25 Октября 1859.

ЧЕРЕЗЪ ДВА ГОДА.

Продолженіе дѣла о покушеніи князя Льва Кочубея убить венгерца Зальцмана.

Читатели наши вѣроятно не забыли эту курьезную исторію, рассказанную въ 71. *Колокола*. Статья наша имѣла свое дѣйствіе. Государь справившись о дѣлѣ у австрійскаго посланника гр. Эстергази, приказалъ гр. Панину обратить особое вниманіе на это дѣло, и оно было во второй разъ отослано на разсмотрѣніе V департамента Сената въ С. Петербургъ, и на этотъ разъ сенаторы — кн. Эристовъ, Горголи, Баратынскій и другіе рѣшили въ пользу Зальцмана, т. е. Сенатъ приговорилъ отдать подъ судъ: генераль-губернатора Шульгина, полце-мейстера Поля, (нынѣ предсѣдатель 2го департамента управы благочинія), двухъ стряпчихъ: Титова и Килсевскаго, пристава Литейной части Сахарова, слѣдственнаго пристава Швалова, квартальнаго надзирателя Копьеченко, частнаго лекаря Васильева (показавшаго, что рана нанесена Зальцману не пулей, а холоднымъ оружіемъ) — за ложныя показанія и фальшивое свѣдѣніе; а также служащаго у Блудова повѣреннаго Кочубея Богоявленскаго за дважды ложный доносъ на Зальцмана: 1) будто Зальцманъ самъ нанесъ себѣ рану и 2) будто онъ уговорилъ свою жену изъ греческаго православія перейти къ католицизму; но главнаго преступника кн. Льва Кочубея, уставшій отъ геройскаго подвига Сенатъ, *не дерзнулъ* отдать подъ судъ, но за неимѣніемъ двухъ свидѣтелей на основаніи Св. Законовъ, Т. XV, Кн. II, Разд. IV, ст. 329, оставилъ въ подозрѣніи со внесеніемъ подозрѣнія въ формуляръ. Сверхъ сего Сенатъ приговорилъ къ взысканію съ виновныхъ въ пользу Зальцмана 30,000 рублей. До сихъ поръ по приговору Сената ничего не исполнено; всѣ поименованные преступники живутъ припѣваючи, служатъ и получаютъ награды.

Насъ убѣряли, что Зальцманъ два раза подавалъ прошеніе государю, разумѣется черезъ комиссію прошеній, руководимую за отсутвіемъ кн. Голицына — г. Рашеттъ съ сыномъ, и разумѣется Зальцманъ не получилъ никакого отвѣта, потому что комиссія прошеній, которой назначеніе быть посредницею между просителями и государемъ, составляютъ неодолимую преграду между царскимъ слухомъ и вопіющимъ голосомъ

подданныхъ. И такъ до сихъ поръ невинный страдаетъ, а преступники гордо носятъ свою голову. Неужели государю, такъ грозно выступающему противъ учащихся и просвѣщенія — пріятна эта тьма кромѣшная русскаго суда, гдѣ самыя повѣленія государя не исполняются, гдѣ страдаетъ цѣлый народъ и позорится имя русское?

Еще въ дополненіе: на мѣсто Эстергази австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ гр. Сѣченый. Этотъ Графъ на прошлой святой недѣли позвалъ къ себѣ Зальцмана и свелъ его съ кн. Сергѣемъ Кочубеемъ (братомъ Льва), который предложилъ Зальцману покончить дѣло миролюбиво, т. е. взять 6,000 р. с. и дать подписку, въ томъ, что князь Левъ Кочубей никогда въ него, Зальцмана, не стрѣлялъ. Разумѣется Зальцманъ подписки не далъ и все идетъ по старому.

С М Ъ С Ъ.

къ физиологій и зоологій провинціальныхъ помѣщиковъ.

Его высокоблагородію, господину младшему чиновнику особыхъ порученій владимірскаго гражданскаго губернатора — Дубенскому,

Изъ дворянъ, жены штабсъ-капитана, Зенаиды Васильевой Архангельской —

Отзывъ.

Въ дополненіе къ даннымъ мною отвѣтамъ по производимому вами слѣдствію—о дурномъ будто бы моемъ обращеніи съ своими людьми, честь имѣю объяснить слѣдующее: взаимныя отношенія господъ и крѣпостныхъ людей основаны на законѣ, какъ гражданскомъ, такъ и нравственно-религіозномъ, самъ Богъ создалъ особо господъ и слугъ, которымъ и далъ особую натуру, способную къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ въ услуженіи господамъ своимъ, тогда какъ господа имѣютъ натуру, отъ Бога имъ данную, болѣе пѣжную. Къ этому физическому различію между господами и холопами, присоединено Богомъ и нравственное различіе между ними: способность повѣлевать и повиноваться. Законъ гражданскій распредѣляя отношенія между людьми, основываясь на этомъ естественномъ различіи господъ и холоповъ, рѣзко распредѣлилъ отношенія между ними и въ гражданскомъ быту, поставивъ господъ первыми въ рядахъ гражданственности и во всѣхъ движеніяхъ свѣта и освободивъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а послѣднихъ, предоставляя имъ одинъ тѣлесный трудъ, подвергаетъ и наказанію тѣлесному. На этихъ общихъ всѣмъ началахъ были основаны и основываются и мои отношенія къ дворовымъ моимъ людямъ — съ требованіемъ отъ нихъ безпрекословной всякаго рода службы, какъ врожденный уже въ нихъ, и безпрекословнаго повиновенія ихъ моей волѣ по праву предоставленному мнѣ какъ закономъ гражданскимъ, такъ и нравственно-религіознымъ. За этими обстоятельствами господъ и холоповъ, жалобы на меня крѣпостной дѣвки — Марѣи Андреевой не заслуживаютъ никакого вниманія и не стоятъ того, чтобы изъ за нихъ беспокоить благородныхъ людей, какъ меня, такъ и васъ, господа слѣдователи.

Объяснивъ изложенное мною вашему высокоблагородію, имѣю честь покорнѣйше просить этотъ отзывъ принять отъ меня и освободить меня отъ всякихъ притязаній Андреевой, какъ нелѣпныхъ и противуестественныхъ.

Къ подлинному отзыву изъ дворянъ штабсъ-капитана Зенаида Васильева Архангельская руку приложила.

Генваря 24 дня. 1858 года.

ОТРАВИТЕЛИ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Одинъ богатый еврей, Бродскій, воротившись изъ за границы, привезъ съ собою множество фальшивыхъ ассигнацій и началъ распространять ихъ. Кіевскій гражданскій губернаторъ Гессе считалъ не деликатнымъ мѣшать ему въ этомъ, тѣмъ болѣе, что Бродскій помогалъ ему своими совѣтами купить имѣніе въ 600 душъ. Ассигнаціи сильно распространились въ южныхъ губерніяхъ, и это дошло до поворооссійскаго генераль-губернатора. Строгоновъ поручилъ своему чиновнику отыскать ихъ источникъ. Чиновникъ былъ усердный и знающій свое дѣло человѣкъ; (*фамилія?*) по горячимъ слѣдамъ добрался онъ до кіевской губерніи. Бродскій видя невозможность убѣдить его, обратился за содѣйствіемъ къ Гессе. Гессе написалъ къ Строгонову, чтобы онъ перемѣнилъ слѣдователя, потому что посланный имъ чиновникъ позволяетъ себѣ противозаконныя поступки. Чиновникъ былъ отозванъ, но когда онъ объяснилъ Строгонову въ чемъ дѣло, его опять послали. Явившись въ кіевскую губернію въ другой разъ, онъ на третій день *скоропостижно умеръ*.

Въ это время содержался въ кіевской крѣпости подъ арестомъ помѣщикъ Черниговской губерніи — Ярошевицкій. Ярошевицкій написалъ въ Петербургъ, что чиновникъ былъ отравленъ; но видно на этотъ разъ отравы была прилипчива, Ярошевицкій выпилъ совершенно здоровый стаканъ минеральной воды, которую онъ имѣлъ обыкновеніе пить, почувствовалъ себя очень дурно и сталъ требовать своего доктора, говоря, что ему дали яду. Явился докторъ, *но не его, а другой* и до тѣхъ поръ принималъ дѣятельныя медицинскія пособія, пока Ярошевицкій успѣлъ умереть. Назначено было медицинское слѣдствіе, при которомъ должны были присутствовать и депутаты отъ медицинскаго факультета. Трупоразытіе, (слѣдланное очень поздно, въ пущіе жары) было произведено госпитальными медиками *Юзевицемъ* и *Мелліотомъ*; университетскіе депутаты профессора Гюббенетъ и Эргардъ уклонились отъ слѣдствія. Признаковъ отравленія не нашли. (Въ другомъ письмѣ сказано, что даже желудокъ присланный въ университетъ, принадлежалъ какому-то солдату).

Это совершенно новая отрасль служебныхъ занятій. Нельзя ли взять на откупъ право отравлять, съ заведеніемъ конторъ (при губернаторскихъ канцеляріяхъ) для продажи *очищеннаго* стрихнина, *подслащенной* синильной кислоты и пр.

Р. S. Въ утѣшеніе намъ пишутъ, что полицмейстеръ *Плехановъ*, по дѣлу съ француженкой, оправданъ. Мы были увѣрены, что виновность рано или поздно восторжествуетъ!

А что *Плехановъ*, занимается что-ли химіей? Зачѣмъ онъ бралъ у двороваго человѣка Ярошевицкаго минеральную воду?

АЙ ДА КОРФЪ!

Самъ Модестъ Андреичъ,
Но это секретъ,
Любить Ерофеичъ,
Больше чѣмъ Совѣтъ....

пѣлось въ извѣстной пѣснѣ, ходившей въ Петербургѣ по рукамъ, но оказывается на дѣлѣ, что Модестъ Андреичъ всего больше любить цензуру. Только что усѣлся на мѣстѣ, взялъ да и изгналъ цензора Палаузова за то, что онъ пропустилъ въ *Русскомъ Словѣ* непочтительную статью о корпусѣ жандармовъ, состоявшемъ при Иванѣ Васильевичѣ!

А тутъ есть добрые люди и плохіе музыканты, которые воображаютъ, что человѣкъ писавшій *поэму* въ прозѣ о вѣцареніи Николая, сидѣвшій съ Бутурлинымъ въ осадной ценсурѣ, будетъ менѣе вреденъ, чѣмъ ценсурный сбродъ.

Воля ваша, а лучше больше любить Ерофеичъ... чѣмъ *класть* мысль человѣческую — по Оригену — на Прокустову постель.

— Академія художествъ въ осадномъ и иконописномъ положеніи.—“Русская академія художествъ годъ тому назадъ украшенная картиной Иванова, взята приступомъ. На мѣсто талантливаго, хотя уже стараго, но весьма почтеннаго вице-президента ея, графа Толстаго, сидитъ грозный вождь князь Гагаринъ. Онъ тотчасъ занялъ крѣпкую позицію — 40 комнатъ подъ свою квартиру, т. е. *вчетверо* болѣе, чѣмъ его предшественникъ, изгнавъ трехъ заслуженныхъ профессоровъ академіи, и все это подъ тѣмъ предлогомъ, что къ нему ѣздитъ *самъ государь*. На передѣлку *укрѣпленія* отпущено ему 5,000 р. с. изъ суммъ вовсе не богатой академіи.

“На художниковъ онъ тотчасъ опрокинулся какъ на враговъ, велѣлъ ихъ допускать въ мастерскія только въ извѣстные часы дня и подвергать ихъ работы полицейскому наблюденію гг. профессоровъ. Натурщицы и натурщики, являющіеся въ мастерскія, также будутъ подвергаться какому-то осмотру бдительнаго начальства. (Баловники!). Къ довершенію всего, православная академія художествъ займется *исключительно византійской школой живописи* и постарается довести до божественной лѣпоты—судальскую иконопись”... (О А. С. Хомяковъ! Вы шутили, а генералы изъ этого сдѣлаютъ розгу!).

Корреспондентъ нашъ прибавляетъ — “Что же дѣлаетъ Марія Николаевна, президентъ Академіи?”

Завятій мало-ли у ней.

Она посылаетъ Васильчикова подсматривать за художниками, не занимается-ли кто по части клубники, не принимаетъ-ли кубебу, плотить-ли прачкѣ деньги...

Хозяйки взоръ повсюду нуженъ.

Особенно когда *хозяйка*—президентъ!

ПО ПОВОДУ ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРА АНАСТАСЬЕВА.

(письмо въ редакцію)

Марсель 17 Декабря 1859.

Здѣсь въ Марсели случайно попался мнѣ 2 Но. листка *Подъ Судъ*. Въ этомъ Но. къ величайшему моему негодованію встрѣтилъ я имя моего отца, инженеръ генераль-маіора Анастасьева,—честное имя, которымъ я очень дорожу.

Вы гдѣ-то выразились, что единственною гарантіей и тишины всего что пишутъ Вамъ изъ Россіи, есть нравственное чувство автора. Вы конечно пошутили, Милостивый Государь. Только въ шутку можно предположить, что всякій умѣющій писать, достаточно снабженъ нравственнымъ чувствомъ, чтобы изъ за какихъ нибудь другихъ, весьма неблагородныхъ видовъ не печатать въ Вашемъ листкѣ лжи и клеветы, тѣмъ болѣе, что право печатать безъ подписи обеспечиваетъ безопасность.

У меня нѣтъ подъ рукою достаточныхъ документовъ, чтобы доказать Вамъ лживость многихъ фактовъ и въ особенности всего тона статьи: *Сообщничество Мьтлина съ Волоховымъ*. Предоставляю это тѣмъ кого дѣло ближе касается, если еще они захотятъ вашего посредничества для своего оправданія.

Считаю только долгомъ заявить, что вездѣ, гдѣ авторъ означенной статьи обвиняетъ въ неблагонамѣренности генерала Анастасьева,—онъ *клеветаетъ*. Отецъ мой болѣе 35 лѣтъ служилъ и заслужилъ имя честнаго и добраго человѣка, имя которымъ справедливо пользуется онъ въ кругу всѣхъ знающихъ его.

Автору статьи: *Сообщничество Мьтлина съ Волоховымъ*, угодно было оклеветать это имя, а Вы даже погрозились XV Томомъ Свод. Зак. Позвольте же Васъ спросить, если имя это выставлено на позоръ предъ всей Россіею напрасно, — то каково должно это подѣйствовать на старика Анастасьева? и кому въ такомъ случаѣ можно погрозить всѣми возможными сводами уголовныхъ преступленій?

Викторъ Анастасьевъ.

P. S. Покорнѣйше прошу напечатать это письмо съ моимъ именемъ.

PP. SS. Представьте себѣ до какой степени упали въ глазахъ русской молодежи, къ которой и я имѣю честь принадлежать, ваши листки, такъ часто наполненные всѣмъ извѣстною ложью?

Третій листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 15 Декабря, въ немъ заключаются *Выписки изъ Отношенія оренбургскаго и самарскаго генераль-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ и письмо въ защиту полковника Таубе*.

Къ этому листу прилагается Оглавленіе *Колокола* за 1857, 1858, 1859 и *Подъ Судъ!* за 1859.

Отпечатано въ Вольвой Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, London.

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1857, 1858, 1859.

№ 1.—1 Июля 1857.

Предисловіе Огарева—Предисловіе Искандера—Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей?—Письмо къ издателю Р. Ч.—Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 годъ.—Смѣсь: Августѣйшіе путешественники (Вдовствующая императрица)—Вяземскій (прибавленіе къ русскому богу). Сборища у Мусина Пушкина. Дѣло о грабежахъ по комиссаріатской части Брокъ противникъ освобожденія крестьянъ. Объ обращеніи раскольниковъ тверскимъ архіереемъ и флигель-адъютантомъ. Генералъ Шейдеманъ. Народный праздникъ во время коронаціи. Закревскій остается генералъ-губернаторомъ.

№ 2.—1 Августа 1857.

Революція въ Россіи—Изъ Петербурга (письмо къ издателю)—Москва и Петербургъ И—ра.

№ 3.—1 Сентября 1857.

Правительственныя распоряженія (съ 1857 года) Р. Ч.—Лобное мѣсто И—ра—Губернаторъ Гуккель и намѣстникъ Горчаковъ.

№ 4.—1 Октября 1857.

Письмо къ императору Александру II (по поводу книги барона Корфа) И—ра—Замѣтка о похищеніи банковыхъ процентовъ и о слухахъ объ освобожденіи крестьянъ—Книга Баллейде—Нашимъ анонимнымъ корреспондентамъ—Rozsua i Europa—Polska, przez X. Y. Z.—Письмо изъ Петербурга—Ланской, сенаторъ Аверисенъ—Генералъ-лейтенантъ Затлеръ и Рабиновичъ—Закревскій и оберъ-полицейстеръ—Замѣтка о разборѣ сочиненія г. Корфа—Генрихъ Михаловскій шпионъ.

№ 5.—1 Ноября 1857.

Кончина Якушкина—Полицейскій разбой въ Москвѣ (студентская исторія, Берингъ)—Подъ спудомъ: а) По части дома умалишенныхъ (Вяземскій, Ланской) б) По части смиреннаго дома: 1) (Янсонъ, Сечинскій, Чернявская, Закревскій) Убийство и покровительство разврата; 2) Убийства, застѣканія и ужасы помѣщичьей власти (Вреде, Щербатовъ, Закревскій, Шиповъ.) Смѣсь: По духовно-душеспасительной части. По части путей сообщенія общества желѣзныхъ дорогъ. Удивленіе невзяточничеству. Международная просьба (замѣтка). Шарманна.

№ 6.—1 Декабря 1857.

Москва (Закревскій отстоялъ Беринга)—Высочайшіе путешественники at home (Николай Николаевичъ, губернаторъ Сивильниковъ—La Regatta подъ окнами Зимняго Дворца (Гостовцевъ, Вяземскій)—Западные книги. Смѣсь: Цакъ и цаки о пнязъ Вяземскомъ. Необыкновенная исторія о цензорѣ Гончаро изъ Ши-пан-ху. Сѣчь или не сѣчь мужика (Эльстонъ-Сумароковъ). Постъскриптумъ къ статьѣ о новыхъ книгахъ. Отъ Виктора Гюго.

№ 7.—1 Января 1858.

Освобожденіе крестьянъ—Правительственныя распоряженія съ 1857 года [продолженіе] Р. Ч.—Что значить судъ безъ гласности И—ра—Дѣло Кочубея и Зальцмана.

№ 8.—1 Февраля 1858.

Императоръ и студенты—Русскіе вопросы—Крестьянская община Р. Ч. Смѣсь: О письмѣ критикующемъ Колокола. Нордъ и Орсини. Тамбовское дворянство. Закревскій бунтуетъ!

№ 9.—15 Февраля 1858.

Кончина Кудрявцева—Черезъ три года (18 Февраля 1858 года) И—ра—Письмо Н. П. Огарева къ Искандеру—Русскіе вопросы: Крестьянская община. Смѣсь: Лакеи и Нѣмцы не допускаютъ. Письмо издателя Колокола къ саксонскому министру внутреннихъ дѣлъ. Отъ редакціи.

№ 10.—1 Марта 1858.

Жламація губернатора П. Новосильцова и возъ розогъ—Невскія письма I—II—А е что объ откупахъ—Ложный доносъ на насъ и безграмотный циркуляръ о нашихъ книгахъ—Разграбленіе монастыря и походъ черниговскаго губернатора противъ монахинь. Смѣсь: В. А. Кокоревъ. Солидарность. (Монтебелло и Наполеонъ III). Ссылка г. Мулина. Отправка Штиглицомъ золота за границу. О дирекціи московскихъ театровъ.

№ 11.—15 Марта 1858.

Русскіе въ Парижѣ въ 1858 году (спены для комедіи)—Невскія письма. Письмо III.

№ 12.—1 Апрѣля 1858.

Русскіе вопросы: Преобразование чиновничества, Н. Огарева. — Смѣсь: Закревскіе берутъ верхъ. Цензура усиливается. Путешествіе Константина Николаевича по Россіи. Сѣчень народа за толки объ освобожденіи. Польза отъ гласности (записка Сечинскаго по дѣлу Янсонъ.)

№ 13.—15 Апрѣля 1858.

Освобожденіе крестьянъ: Разборъ рескрипта 5 (17) Декабря 1857 и министерскаго отношенія—Закревскій поставщикъ суконъ и завоеватель казармъ—Дѣло полицейстера Сечинскаго (записка по дѣлу любавской мѣщанки Янсонъ и примѣчанія редакціи). Смѣсь: Логика и краснорѣчіе Сената. О графѣ Викторѣ Никитичѣ. Предложеніе Профессорамъ харьковскаго университета. Побѣда (отрѣшеніе Брока, Норова и Вяземскаго). L'appetit vient en mangeant (арестъ г. Тхоржевскаго).

№ 14.—1 Мая 1858.

Съ того берега (стихотвореніе Огарева). Слухи (объ отравленіи Александра II)—Ватерлоо 17 Апрѣля 1858, И—ра.—Еще объ освобожденіи крестьянъ, Н. Огарева. Смѣсь: Брошюра Н. Безобразова. Двуспальный листъ. Поправка (въ книгѣ 14 Декабря 1825 года и императоръ Николай). Херсонская земская полиція. Херсонскій управляющій палатой государственныхъ имуществъ. Корфъ. Отставка Сухозанета. Отставка Новосильцова.

№ 15.—15 Мая 1858.

Розги и розги!—Разборъ брошюры Безобразова объ усовершенствованіи

узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства, Н. Огарева. О гражданскомъ судопроизводствѣ въ Россіи. Смѣсь : Матеріалы для некролога Порова, И—ра. Погепноль.

№ 16.—1 Іюня 1858.

Словобознъ (запрещеніе Колокола въ Пруссіи) И—ра.—Письмо владимирскаго чиновника (объ освобожденіи крестьянъ)—Новгородское возмущеніе въ 1831 Палаева—Самоубійство капитана Славчинскаго. Смѣсь : Дворянство сумскаго уѣзда. Тамбовское дворянство. Pas de révéries ! pas de révéries ! Киргизъ-кайсацкое мѣстничество въ Оренбургѣ (Катенинъ), Эртель. Мельниковъ.

№ 17.—15 Іюня 1858.

Новгородское возмущеніе въ 1831 (продолженіе). Смѣсь : Фанатикъ паспортовъ. Архипастырское рвеніе о мрактѣ. Право гражданства приобретенное Колоколомъ въ Россіи. Басня (Ороскомъ жота, акростихъ Ижидина). Сергій Михайловичъ Голицынъ. Забѣтки. Помѣщики переселяющіе крестьянъ.

№ 18.—1 Іюля 1858.

1 Іюля 1858: Возраженіе на статью Колокола —Новгородское возмущеніе въ 1831 (окончаніе)—Бѣшенство пелсуры (запрещеніе Колокола въ Римѣ)—Забѣтки.

№ 19.—15 Іюля 1858.

Программа для занятій губернскихъ комитетовъ.

№ 20.—1 Августа 1858.

Черный кабинетъ (Ростовцовъ, Меньшиковъ, Долгорукій, Ковалевскій, Орловъ, Панинъ, Муравьевъ, Тройницкій) — Программа для занятій губернскихъ комитетовъ (окончаніе)—Изъ писемъ—Приложеніе крѣпостнаго права въ журналистикѣ (типографія московскаго университета.) Смѣсь : Харьковская исторія : Важеніе винной торговли и пауперизмъ. Захватъ Колокола во Франкфуртѣ. Забѣтка.

№ 21.—15 Августа 1858.

Письмо къ государю (по поводу проектовъ центрального комитета)—Проекты центрального комитета—I. Нѣтъ больше освобожденія крестьянъ—II. Нѣтъ больше спасенія отъ чиновничества—Современное стихотвореніе — Опять надежды : Государь отпустилъ удѣльныхъ крестьянъ съ землею. Смѣсь : Для будущей біографіи графа А. Закревскаго. Varrel à la rubeur. Полицмейстеръ Огаревъ. Errata.

№ 22.—1 Сентября 1858.

А. Ивановъ, И—ра.—Письмо къ графу Строгонову, генералъ - губернатору новороссійскаго края (о злодѣйствахъ Клопотовской, К. О.)—Матеріалы для будущей біографіи графа Закревскаго—In re - Ростовцова противъ Россіи—Бумаги изъ портфеля, потеряннаго курьеромъ по дорогѣ изъ комитета министровъ въ домъ министерства юстиціи. Смѣсь : Маркъ - Тулліи Сухожанетъ Безобразное окончаніе харьковской студентской исторіи. Распространеніе іезуитизма въ Петербургѣ (митрополитъ Григорій). Еще и еще разъ (объясненіе редакціи), И—ра.

№ 23 & 24.—15 Сентября 1858.

Предостереженія (возвращающихся изъ за границы)—Гедерштерпъ—Удѣльные крестьяне не освобождены. Н. Огарева—Опоздавшія письма изъ Петербурга : 1) Петербургское купечество, (Смирновъ, Игнатьевъ, Поповъ, Малковъ) 2) Упреки редакціи за умѣренность, Отставка Кавелина, Ссылка за ввозъ Колокола — Отъ редакціи (возраженіе), И—ра. Плантаторскій журналъ Желтухина—Изъ Польши (Мухановъ)—Партизанъ Н. И. Давыдовъ во время крымской войны — Inter pares amicitia (Альбрехтъ, Гедеоновъ, Дуббельтъ, Болотниковъ, Трубочеевъ и Ко.) Смѣсь : Духовный пастырь словеснаго стада и одна изъ пасомыхъ въ овецъ. О усердномъ, о пастырю благоревностному митрополитъ Григорій). А. Люма и наша знать. Струпа изъ графской лиры Растончиной. По дѣлу московскаго полицмейстера Огарева. О Неклюдовѣ и Орловѣ. Извѣщеніе объ изданіи Mémoires de l'impératrice Catherine II.

№ 25.—1 Октября 1858.

Письмо къ редактору поддержка промышленности, скоростипжная смерть въ III Отдѣленіи, Гривальдъ, Гжа. Энгельгардъ, Задаево - Кошанскій, Пантелѣевъ, Тиличѣевъ, Норовъ, Кисловскій, Бутковъ, ценсура, Муравьева, Данокой, отпосекіе Буткова, просьба крестьянъ Гжи. Энгельгардъ, циркуляръ

Муравьева. Смѣсь : Изъ внутренности Россіи (отрывки изъ письма). Государственный контролеръ Анненковъ.

№ 26.—15 Октября 1858.

Матеріалы по крестьянскому вопросу : Виленское дворянство.—Дворянско-чиновничій разбой въ селѣ Дѣдновѣ (рязанской губерніи, зарайскаго уѣзда : губернаторъ Новосильцовъ) — Последствія сѣченія ярославской помѣщицы, исправникъ Любимовъ, губернаторъ Бутурминъ, министр Панинъ)—Іакову Ростовцеву въ день его юбилея, 23 Декабря 1856 года—О бородѣ А. А. Иванова. Флигель-адъютантъ Сколковъ—Отвѣтъ князю З. Вр.

№ 27.—1 Ноября 1858

Письмо къ императрицѣ Маріи Александровнѣ (о воспитаніи паслѣдника). И—ра.—Насъ упрекаютъ, И—ра.—Танъевское дѣло (исправникъ Федорчукъ, губернаторъ Пачулидзеъ ; въ пензенскую палату уголовного суда, губернскаго секретаря Николая Семенова Румянцева объясненіе)—Матеріалы по крестьянскому вопросу (продолженіе) : Отрывокъ князя Меньшикова. Смѣсь : Сѣкущее православіе, И—ра. Г. Фонтонъ. Приглашеніе въ сотруди-честву. ; Правда-ли ?... Нѣтъ, не правда ! Отъ часу не легче. Кража восьми-десяти верстъ.

№ 28.—15 Ноября 1858.

Несчастный опытъ домокрадства (эпизодъ изъ жизни графа В. И. Панина)—Реформа сверху и реформа снизу. Смѣсь : Гродненская исторія (Самашисъ, Филаретъ). Оренбургская исторія (полковникъ Кузминъ, майоръ Дерышевъ и Григорьевъ). Отвѣтъ корреспонденту, Н. Огарева. Иванова борода и Гурьева лобъ. Графъ Мусиъ Пушкинъ. Удоборуководимый Панинъ, Топильскій и Замятинъ. Забѣтка.

№ 29.—1 Декабря 1858.

Америка и Сибирь, И—ра.—Германскіе рыцари XIX столѣтія въ Эстляндіи (Баронъ Унгеряъ-Стернбергъ, баронъ Розенъ, Шведсъ, генералъ-майоръ Зальцъ). Обвинительный актъ. (Письмо г. Ч) — Смѣсь : Дѣло Кривоносовыхъ. Запрещеніе помѣщиками браковъ. Усердный рабъ Бутеневъ и Великій Визирь. Прибавка 80 верстъ желѣзной дороги. Анекдотъ изъ инкерманской битвы. Отвѣтъ на клевету графа Гуровскаго, И—ра.

№ 30 & 31.—15 Декабря 1858.

Московскій комитетъ Н. Огарева.—Основанія, принятыя московскимъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу. Реформа сверху или реформа снизу ? (Прибавленіе къ статьи почтенной въ 28 листѣ Колокола). Appel à la rubeur. (Издатели русскихъ газетъ) И—ра. Дѣтели прошлаго царствованія. (Дуббельтъ и Вердеревскій). Смѣсь : Варшава (Мухановъ). Возраженія на обвинительный актъ. О еврейхъ. Письмо къ редактору. Крѣпостнымъ людямъ находящимся за предѣлами Россіи (по поводу книжки Урусувой и мѣшанки Черкасовой). Ред. Виленское дворянство. Графъ Татищевъ и предводитель Пантелѣевъ. О возстаніяхъ въ Россіи на статьи Колокола. О статьѣ : Aleksander Hergeni Wolna Rosyjska drukarnia w Londynie.

№ 32 & 33.—1 Января 1859.

Россія и Польша. Отвѣтъ автору статьи о русской вольной типографіи въ Лондонѣ : И—ръ. Письмо къ издателю Колокола, по поводу "обвинительнаго акта г. Ч." Письмо въ защиту г. Ч. Спартанскаго. Московскій комитетъ. Смѣсь : Торговля рекрутами. Чембарскій предводитель Катковъ. Имѣнье Обреевона. Бланкъ въ Тамбовскомъ комитетѣ. Къ 31 листу Колокола объ Урусувой и Черкасовой. Строгоновъ и колонисты. Дѣло Кочубея и Зальцмана. Забѣтки объ "Emancipation des Serfs en Russie". Франкель и Гомбергъ. 'О біографіи Панина". Объясненіе по поводу письма къ редактору, И—ра.

№ 34.—1 Января 1859.

Россія и Польша : Отвѣтъ автору о русской типографіи въ Лондонѣ, (письмо второе) И—ра.—Московскій комитетъ. Смѣсь : Радзивиль и его помѣстья. Петръ Наркизичъ Воплярскій. Объявленіе г. З. Свентославскаго. Объявленіе г. Трюбнера и г. Тхоржевскаго.

№ 35.—1 Февраля 1859.

Московскій комитетъ. Проектъ князя Гагарина. Инструкція петровскаго уѣзда. Имѣніе Заварицкаго. Савичъ и сумскій уѣздъ. Копія съ предложенія сумскаго дворянства гг. депутатамъ, выбраннымъ въ члены харьковскаго комитета. Петербургскій комитетъ. Смѣсь : Генералы отъ ценсуры и Викторъ Гюго на батареѣ Сальванди, И—ра.

№. 36.—15 Февраля 1859.

Отвѣтъ русской дамѣ, И—ра. Изъ воспоминаній о Лупинѣ. Мухановскія мѣры противъ просвѣщенія въ Польшѣ (переводъ съ польскаго). Смѣсь: Даже у Павла Иго можно поучиться. Похищенія людей. Просьба о присылкѣ портрета А. Радищева и стихотвореній В. Печерина.

№. 37.—1 Марта 1859.

Отвѣтъ на письмо изъ Польши, И—ра. О положеніи евреевъ въ Россіи. Смѣсь: По дѣлу Кривоногова и доктора Штейна. Смотръ парохода “Колхида”. Просьба о присылкѣ проекта Ростовцова.

№. 38.—15 Марта 1859.

Письмо къ автору “возраженія на статью Колокола,” помѣщеннаго въ 18 листѣ, Н. Огарева. Постельная барщина продолжается (Гутцейтъ, Сафоновичъ). Матеріалы для пониманія начальника IIIго отдѣленія. У Тимашева есть братъ).

№. 39.—1 Апрѣля 1859.

Еще и еще письма противъ “обвинительнаго акта”, помѣщеннаго въ 29 листѣ Колокола”, И—ра. Изъ перваго письма, (о комитетѣ для наблюденія за книгопечатаніемъ и о преслѣдованіи грезвостіи) Проектъ Уньковскаго (тверскаго предводителя дворянства). Смѣсь: Казанскія розги. Дѣло Клопотовской. Кленета варшавской газеты на Евреевъ.

Nos. 40 & 41.—15 Апрѣля 1859.

Джонъ Стюартъ Милль и его книга “On Liberty”, И—ра. — Изъ втораго письма. Отвѣтъ на статью помѣщенную въ 38 листѣ Колокола. Смѣсь: По дѣлу о харьковскихъ злоупотребленіяхъ Зиновьева и потворству Ковалевскаго. Казанская полиція не отстаётъ отъ московской (дѣло студента Колпакова) I. Лелевель и казематы. Новая мерзость въ Польшѣ.

Nos. 42 & 43.—1 и 15 Мая 1859.

О нападкахъ на духовенство, Строгоновъ, Голицынъ, Адлербергъ, Тимашевъ, Фроловъ, Урусовъ, Сухозанетъ, Ланской, Долгорукій, ценсурный триумвиратъ. Выписка изъ ценсурнаго циркуляра. Приказъ Ковалевскаго. Генераль Фроловъ. Увеличеніе подушныхъ. Проекты Ростовцова: I финансовый проектъ, II административно-судебный. Смѣсь: За царемъ служба не пропадетъ. Попытка преданію Анаемѣ, И—ра. — Смоленская гражданская палата (Постниковъ). Russia by a recent traveller, London 1859. Мелницъ и Волоховъ. Строгоновъ и porto franco. Вознагражденіе севастьяновскихъ землевладельцевъ.

№. 44.—1 Юня 1859.

Война (статья первая) I, II, III, И—ра.—Very dangerous!!! (О нападкахъ на обличительную литературу, И—ра.—Смѣсь: Ныяство возведенное въ православную и государственную обязанность. “Сечь могила”. Злодѣй помѣщикъ и губернаторъ палачъ въ кремвчугскомъ уѣздѣ (помѣщикъ Клевезель). Прощайте Арсентій Андреевичъ! Имена преслѣдователей Гжи Софии Югихесъ. Проектъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ (въ приложеніи).

№. 45.—15 Юня 1859.

Бѣшенство цензуры. Одно-ипостасная цензура Ковалевскаго. Гибель парохода безъ паруса и т. д.. Три-ипостасная цензура Адлерберга, Тимашева и Муханова. Дѣло о высѣченномъ генералѣ Кандыбѣ и его женѣ. Отъ ред. О проектѣ освобожденія крестьянъ, Н. Огарева. — Смѣсь: Еще о Гутцейтѣ. О генераль-адъютангѣ Глинкѣ. Почтовое вѣдомство. Еще неспособность цензуры. На углу, И—ра. Замѣтка.

№. 46.—22 Юня 1859.

Кончина Пушкина, Третье отдѣленіе и баронъ Брунновъ (Письмо Огарева къ государю. Письмо барона Бруннова къ Н. Огареву). Отвѣтъ на статью: Крестьянскій вопросъ и Ростовцовъ. (Письмо въ редакцію Колокола)***. Письмо къ автору. Отвѣтъ на статью крестьянскій вопросъ и Ростовцовъ, Н. Огарева. Смѣсь: Еще о возведеніи ныяства въ православную и государственную обязанность.

№. 47.—1 Юля 1859.

Поправка (къ 30 & 31 листу Колокола): Редакція. Московскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Смѣсь: Печенги или не Печенги? (Оправданіе набѣга на раскольниковъ К. Л. Ю.) Одесская полиція. (Торговля женщинами). Эманципаторъ князь Ю. Н. Голицынъ. Путешествіе Тимашева.

Церковно-самодержавныя шалости. Инокъ михайловскаго монастыря. Un austriaco principe Trubetzkoj. По части цензуры творческой (Борисъ Федоровъ). О наперстныхъ крестахъ. Топильскій, Муравьевъ и Панипъ. Мнѣніе Буткова о Муравьевыхъ. Помѣщикъ Юхаринъ и графъ Строгоновъ. Programme de la Sainte-Alliance des Peuples.

№. 48.—15 Юля 1859.

Московскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ [Окончаніе]. Смѣсь: 1814—1859. Второе занятіе Парижа Русскими. Письмо Ростовцова къ графу А. Орлову. Выговоръ по службѣ, И—ра.—По Муханову и Цецурпѣ. (Новыя злодѣйства русскихъ чиновниковъ въ Варшавѣ). Изъ Кіева (полицмейстеръ Плехановъ, губернаторъ Гессе). Ростовцовъ. Бессарабская исторія (Строгоновъ). Теорія и поэзія розогъ и шпицрутеновъ въ приложеніи къ защитникамъ отечества.

№. 49.—1 Августа 1859.

Юстиція и Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ - Петрашевскій. Дворовый челоѣкъ (въ редакцію Колокола). Отъ редакціи. Смѣсь: Гоненіе умершихъ Дуэль Неклюдова съ Беклемишевскимъ. Политическіе обѣды въ Москвѣ I и II. Объясненіе статьи “very dangerous”, И—ра. — Корѣ. Замѣтка. Объявленіи Подъ Судъ. Отъ издателей Колокола о присылкѣ имъ статей. Замѣтка. Письмо русскаго вѣрноподавнанаго къ русскому императору.

№. 50.—15 Августа 1859.

Миръ. И—ра. Адмиралъ Мѣтлнъ. Во Христѣ саперъ Платій. Приложеніе къ прошеніямъ г. Буташевича-Петрашевскаго. Смѣсь: Злодѣйства Власова. Полтавскій губернаторъ Волковъ! Еще о “Колхидѣ”. Еще о [Радзивилѣ]. Объявленія.

№. 51.—1 Сентября 1859.

Комиссія для составленія положеній о крестьянахъ, Н. Огарева. Приложеніе къ прошеніямъ г. Буташевича-Петрашевскаго. Жандармскому начальнику князю Долгорукому, Н. Огарева. Къ издателю Колокола (по поводу письма къ государю, прилож. къ Л. 49.) Смѣсь: Панинъ сошелъ съ ума. Ссылка г. Рыбникова.

№. 52.—15 Сентября 1859.

Комиссія для составленія положеній о крестьянахъ. Н. Огарева (продолженіе). Приложеніе къ прошеніямъ г. Буташевича-Петрашевскаго (продолженіе). Федотъ Переверзевъ. Смѣсь: С ерть или косушку! Губернаторъ Данзасъ, генералъ Ефимовичъ. Замѣтка о губернаторѣ Синельниковѣ. Блистательная побѣда, одержанная въ Ковенской губерніи гусарскимъ Е. И. В. полкомъ. Предсѣдатель уголовной палаты въ Могилевѣ г. Стаховской. Поправка о г. Миклашевскомъ (Колоколъ Л. 47). Отзывъ на письмо о контрабандѣ. Замѣтка о Яскомъ дѣлѣ.

№. 53.—1 Октябрю 1859.

Русскіе Нѣмцы и нѣмецкіе русскіе (отрывокъ первый—правительствующіе Нѣмцы), И—ра. Комиссія для составленія положеній о крестьянахъ (продолженіе) Н. Огарева. Продолженіе къ прошеніямъ г. Буташевича Петрашевскаго (окончаніе). Князь Трубецкой (поправка въ Колоколѣ Л. 47.) Выходъ 110 листа. Подъ Судъ!

№. 54.—15 Октябрю 1859.

Русскіе Нѣмцы и нѣмецкіе русскіе (отрывокъ второй—доктринерствующіе Нѣмцы) И—ра. Комиссія для составленія положеній о крестьянахъ (продолженіе) Н. Огарева. Къ патологической исторіи русской цензуры. I Отношеніе морскаго ученаго комитета къ князю Вик. Ил. Васильчикову. II Выписка изъ корректураго листа, представленнаго на разсмотрѣніе к. Васильчикову и имъ запрещеннаго. III Письмо Васильчикова. Помѣщикъ Голиковъ. Губернаторъ Дорганъ. Новыя книги. Синхедрионъ московскихъ университетскихъ фариисеевъ. Замѣтка.

№. 55.—1 Полября 1859.

Опыты разбора свода законовъ, изданіе 1857 года. I (О генераль-губернаторахъ) Н. Огарева. Синхедрионъ московскихъ университетскихъ фариисеевъ, И—ра. Финансовыя мѣры à la Ванька Каинъ (объотстрашеніи стѣпеній продажи водокъ откупщиками). Циркуляръ военнаго министерства о солдатскихъ письмахъ. Злодѣйства помѣщиковъ (отрывки изъ писемъ). Екатеринбургской предсѣдатель уголовной палаты Зарудный. Помѣщица Харченко. Помѣщикъ Ворковскій. Смѣсь: Преслѣдованіе синодомъ православнаго соборсѣдника. Министерство народнаго просвѣщенія грабитъ нищаго. Голосъ общества

за русскаго офицера. Варшавскія новости (Уставъ о службѣ гражданской).
Замѣтка изъ Одессы. Нарушеніе гражданскихъ законовъ государемъ. Опять и
опять pas de révéries!

№. 56.—15 Ноября 1859.

Русскіе Нѣмцы и нѣмецкіе русскіе. Отрывокъ третій (Варьяця) I, II, III—ра.
Письмо къ издателю (о новомъ поколѣніи). Графъ Строгоновъ и Старицкій.
Черты изъ жизнеописанія одесскаго градоначальника барона Местмахера.
Смѣсь: Графъ Строгоновъ, плачущій на гробѣ свѣчнаго Кандыбы. Шпіонство
Васильчикова въ Парижѣ. Преслѣдованіе въ Вильнѣ гимназистовъ барономъ
Врангелемъ, княземъ Ширинскимъ - Шахматовымъ и фонъ Фрейманомъ. О
полученіи сорока франковъ въ фондъ Гарибальди. Выходъ 2 листа Подъ
Судъ!

№. 57 & 58.—1 Декабря 1859.

Русскіе Нѣмцы и нѣмецкіе Русскіе: Отрывокъ четвертый (продолженіе III,
IV)—Письмо помѣщика въ редакцію; Отвѣтъ Н. Огарева.—Pas de reveries,
ведущіе къ faux pas (путешествіе государя—Народное востаніе, усмиреніе и
возвѣръ розогъ (Брикнеръ.) Смѣсь: Экзамены въ петербургскомъ университетѣ.
Кіево - печерскіе подвижники. Таможенное управленіе Пашкова. Генералъ
Чевкинъ. Объ обкрадываніи акціонерныхъ обществъ. Савва Яковлевъ.
Ярославскій губернаторъ. У Тимашева есть мать. Пузыревскій. Графъ
Строгоновъ, Шпицрутены и штабсъ-капитанша Баранова. Отъ Искандера
(о выходѣ книги: "Искандеръ-Герценъ:" Замѣтка.

№. 59.—15 Декабря 1859.

Русскіе Нѣмцы и нѣмецкіе Русскіе: Отрывокъ пятый (окончаніе V, VI),
III—ра.—Правила для студентовъ московскаго университета—Еще переписка.
Н. Огарева—Выходъ 3 листа: Подъ Судъ.

ПОДЪ СУДЪ!

№. 1.—1 Октября 1859.

Поповъ, Пигнатевъ, Папинъ, Орловъ. Гербуртъ - Гейбовичъ и Закревскій.
Глуховскій, Ахвердовъ, Шугельскій и Титовъ. Шабельскій, Чванова. Іерей
Чулковъ. Консулъ Поповъ и консулъ Черчилъ въ Яссахъ.

№. 2.—15 Ноября 1859.

Убіенство Исклюдова. Ревизія царскосельской дороги. Волоховъ и Метлинъ.

№. 3.—15 Декабря 1859.

И. Сухозапетъ, Замлускій и Подьячевъ подъ судъ за варварское управленіе
заводами. Въ защиту г. Таубе.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOVO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.
Цѣна 1 шиллингъ съ четвертымъ
листомъ — ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 61

15 ЯНВАРЯ 1860.

У Трубнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго
1, Macclesfield Street, (Gerrard street),
Soho London.—Price ONE SHILLING,
with Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Украина—О кончинѣ М. К. Кюхельбекера—Тверской Комитетъ. Смѣсь: Das liefländische Athen—Слабость къ ворами—
Изъ Чернигова и Пнжина—Запросъ и Отвѣтъ—У параднаго крыльца (стихотвореніе).

УКРАИНА.

(Письмо къ издателю Колокола)

Милостивый государь,

Въ 34 листѣ *Колокола* вы проявили относительно Украины такой взглядъ, который мыслимая часть южнорусскаго народа издавна хранить какъ драгоценную святыню сердца. Примите же отъ насъ сердечную благодарность. Къ числу многихъ истинъ, которыя вы первый высказали печатно на русскомъ языкѣ, принадлежитъ и то, что вы сказали о нашемъ отечествѣ. Позвольте же во всеуслышаніе передать вамъ наши задушевные убѣжденія.

Большинство великорусской и польской публики привыкло не считать насъ отдѣльнымъ народомъ, не признавать въ насъ элементовъ для самобытной жизни, выработанныхъ прошедшимъ, сомнѣваться въ существованіи у насъ своенароднаго языка и въ возможности его литературнаго развитія и вообще ставить наши особенности въ рядъ провинціальныхъ отгѣнковъ — то русской, то польской національностей. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что, къ чести нашей, южнорусской, общественной церкви, отъ ней отщеплялось все, носившее на себѣ отпечатокъ барства и привилегіи, да и сама эта церковь предавала его анаемѣ. *Дворянъ-малороссіянъ* нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаніемъ о несостоятельности дворянской институціи, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде не было у насъ дворянъ: они были чужіе, хотя и происходили изъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь — великороссіянами. Народность *малороссійская*, какъ ее привыкли называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достоинствомъ угнетеннаго сословія, потомъ и кровію утучнявшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно-ли признавать народомъ *мужицье*? Можно-ли давать ему права самобытнаго существованія?

Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ Поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоли — Польшѣ не можетъ возникнуть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ — Поляки, и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ; что

же касается до сплошной массы чернаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великороссы, или наслушавшись польскихъ доказательствъ и привычки считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ Полякамъ эти края, или же, подвліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ, составляетъ спорный пунктъ между свободолюбщими обоимъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ — онѣ принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ.

Украина, или южная Русь, имѣетъ свою многознаменательную и поучительную исторію. Не станемъ углубляться въ сумерки удѣльнаго періода, когда южная Русь соединенная съ сѣверною посредствомъ федеративной связи княжескаго рода, скоро послѣ освобожденія отъ Татаръ, при посредствѣ литовскаго князя Гедимина (1320 г.), воротилась къ своему отдѣльному бытію: этотъ періодъ могъ бы сдѣлаться для насъ занимательнымъ предметомъ изученія; ксожалѣнію, мы въ него можемъ смотрѣть только сквозь монастырскія очки лѣтописцевъ. Со времени казачества наступаетъ новая жизнь для нашего края. Казачество, котораго славянское значеніе вами прекрасно сознано, было разсадникомъ свободы и противодѣйствіемъ двойному деспотизму: съ одной стороны — *внѣшнему*, полудикому, восточно-мусульманскому деспотизму, съ другой — *внутреннему*, аристократическому, тонкому, цивилизованному, развившемуся у Поляковъ подвліяніемъ старыхъ римскихъ и папскихъ понятій, до уродливости. Съ конца XVI вѣка идетъ рядъ возстаній противъ польскаго дворянства.

Такъ какъ Рѣчь-Посполитую безпокоили набѣги хищническихъ ордъ, то она не могла обойтись безъ вооруженной силы на турецко-татарскихъ границахъ, а потому нуждалась въ казакахъ и должна была предоставить имъ совмѣстныя, по понятіямъ вѣка, съ званіемъ война, права свободнаго человѣка: но признавала казачье достоинство только за огражденнымъ

Годъ IV.

числомъ записанныхъ въ реестръ, а остальной народъ удерживала въ порабощеніи у королевскихъ старостъ и владѣльцевъ. Народъ напротивъ, хотѣлъ весь пользоваться правами свободныхъ людей; всѣ хотѣли быть казаками, да и самые реестровые желали своимъ званіемъ подѣлиться со всѣми. Народъ не желалъ имѣть надъ собою господъ; народъ хотѣлъ самоуправленія, самосуда, равноправнаго отправления общественныхъ повинностей и свободнаго избранія образа жизни для каждаго. По понятіямъ народа, въ Украинѣ предоставлялось жить всякому, и едва-ли въ XVII вѣкѣ гдѣ нибудь такъ уважались человѣческія права безотносительно къ вѣрѣ, породѣ, народности, убѣжденіямъ. Когда Поляки упрекали казаковъ за то, что у нихъ находили притонъ разнаго рода авантюристы, самозванцы, политическіе изгнанки, еретики, — они отвѣчали, что у нихъ отъ вѣка-вѣковъ такъ заведено, чтобъ каждому былъ вольный приходъ и отходъ; у нихъ не спрашивали откуда кто пришелъ и куда отправляется. Сами казаки, рыцари вѣры, неутомимые враги всего неправославнаго *на войнѣ, у себя дома* принимали съ радушіемъ — и католика, и арианина, и мусульманина. И теперь у южнорусса гораздо меньше религіозности, чѣмъ у великорусса, хотя несравненно больше внутренняго благочестія.

Украинскій народъ, не смотря на виѣшнее сходство во многихъ чертахъ своего быта съ Поляками, представлялъ имъ по своимъ *понятіямъ* въ XVII вѣкѣ совершенную противоположность. Тогда какъ Поляки подъ наплывомъ идей, выработанныхъ благоговѣніемъ къ Римской республикѣ, и вообще подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, толкуя о свободѣ, представляли ее себѣ не иначе какъ достояніемъ “*ludzi szlachetnego stanu,*” которые попирали пятами всю массу *zergotom*, хлоповъ, людей *подлаго* сословія, — Украинцы напротивъ, ненавидѣли всякое превозношеніе и привилегіи; помогаясь отъ Поляковъ *правъ* и *вольности*, они хотѣли и требовали ихъ не для горсти, а для всего своего народа. Вотъ отчего Поляки охотно предоставляли права свободнаго чело-вѣка шести-семи тысячамъ казаковъ, а эти шесть-семь тысячъ вмѣсто того, чтобъ быть довольными своимъ исключительнымъ положеніемъ, принимали въ свои ряды втрое болѣе и подымали оружіе не за себя, а за тѣхъ, кому не давались права, какими они сами пользовались. Это единство въ стремленіяхъ народа и составляло его силу, что очень хорошо сознавалъ самъ народъ, выражаясь такъ въ своей исторической думѣ:

“Тыжъ-то й сталась слава страшная козацкая сила,
“Що у насъ, панове-молодці, була воля й дума одна.”

Правда, ядъ польскаго аристократизма успѣлъ пройти и въ казацкое званіе и породилъ въ немъ много *недолжковъ*, которые, по выраженію другой пѣсни

“Для панства великого,
“Для лакомства (жадности) несчастного,”

измѣняли своенароднымъ убѣжденіямъ, но этотъ ядъ не силенъ былъ заразить всю массу казачества: въ эпоху Хмельницкаго реестровые казаки, на которыхъ паны надѣялись до того, что посылали ихъ сражаться противъ единосельцевъ, перебили своихъ старшинъ-недоляшковъ и пристали къ Богдану, шедшему тогда еще подъ знаменемъ всенародной свободы.

Ксожалѣнію, люди, руководившіе народными движеніями и стоявшіе выше массы по образованію, вмѣстѣ съ этимъ образованіемъ принимали и тѣ важныя предразсудки, которые

были такъ противны Украинцамъ. Свобода, представляемая массой, не ясно, но въ обширномъ смыслѣ, въ ихъ головахъ подъ вліяніемъ тогдашняго образованія, укладывалась въ польскія формы правъ привилегированнаго сословія, хотя и въ видѣ смягченномъ своенародными понятіями. Самъ Богданъ Хмельницкій, побѣдившій короля Яна Казимира подъ Зборовомъ, съ помощію цѣлаго народа, заключилъ однакожъ договоръ, по которому только 40 тысячъ чело-вѣкъ получали казацкія права, а остальной народъ возвращался снова въ подданство. Къ чести и къ несчастію нашего народа, онъ воспротивился этому энергически; черезъ годъ Хмельницкій долженъ былъ откровенно потребовать у Поляковъ совершеннаго уничтоженія крѣпостнаго права; разумѣется, слѣдствіемъ такого страннаго, по тогдашнимъ польскимъ понятіямъ, требованія была война, и эта война кончилась уже несчастно для казаковъ. Съ тѣхъ поръ счастье то помогало, то измѣняло Хмельницкому, пока онъ наконецъ не отдался въ покровительство московскому царю на основаніяхъ Переяславскаго договора (1654 г.).

Блестящіе успѣхи казаковъ и москвитянъ заставили Поляковъ предложить, въ случаѣ смерти тогдашняго короля, корону Алексѣю Михайловичу. Прельщенный этою сдѣлкой, московскій дворъ позволилъ себѣ, относительно Украины; первую вопіющую несправедливость: вмѣсто того, чтобъ оградить страну, которая добровольно къ нему обратилась подъ условіемъ защиты отъ враговъ, царь глухо высказалъ намѣреніе отдать ее Польшѣ, по приобрѣтеніи короны. . . Хмельницкій умеръ отъ тоски.

Тогда, чтобъ доставить своей родинѣ надлежащее мѣсто въ предстоявшемъ государственномъ переворотѣ, Украинцы заключили въ 1658 — 1659 г. Гадячскій договоръ, по которому Украина, подъ именемъ *Великаго Княжества Русскаго*, какъ независимая республика, сохраняя отдѣльность и само-бытность внутренняго управленія, судопроизводства, религіознаго, гражданскаго, финансоваго и военнаго устройства, — соединялась съ Польшею въ одну федеративную Рѣчь-Посполитую; такимъ образомъ возникалъ союзъ славянскихъ государствъ: Польши, Великаго княжества Литовско-Русскаго, Великаго княжества Русскаго и — если совершится соединеніе съ Московіею — то и Московскаго царства. То была первая попытка славянскаго союза, о которомъ мы, какъ и вы, думаемъ теперь. Нельзя не обратить при этомъ вниманія, что составители Гадячскаго договора имѣли въ виду просвѣщеніе народа и свободное слово: Положено было завести въ Украинѣ два университета, школы и типографіи, и предоставлялось вольное книгопечатаніе даже и по предметамъ, касавшимся вѣры.

Но самый важный, жизненный вопросъ былъ разрѣшенъ этимъ договоромъ неудовлетворительно. Какъ бы желая согласить старые предразсудки о необходимости привилегированнаго сословія — съ народнымъ требованіемъ равноправности, составители думали достигнуть этого легкимъ доступомъ къ дворянскому достоинству.

По договору, Русскій Гетманъ имѣлъ право представлять къ нобилитаціи, каждый сеймъ по сту чело-вѣкъ казаковъ изъ каждаго полка. Правда, это вело къ тому, что цѣлый народъ могъ такимъ образомъ одворяниться; но масса народа не могла сознать и принять такой тонкой мѣры: масса не терпѣла инстинктивно вообще дворянское достоинство. Договоръ этотъ

опережавшей въ послѣднемъ отношеніи польскую конституцію 3 Мая 1791 года, былъ нарушенъ тотчасъ же и Поляками и Русскими. Поляки находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ —приняли его, но призывая—по формѣ сеймовой присяги—на свое отечество гнѣвъ божій въ случаѣ его нарушенія, въ то же время подъ вліяніемъ іезуитской логики, многіе изъ нихъ высказывали явно надежду обмануть какаковъ, духовенство соблазнялось тѣмъ, что съ нимъ должны засѣдать православные духовные сановники; дворянство оскорблялось раздачею своего званія тѣмъ, кого оно привыкло называть *хлопами*. Съ другой стороны, народъ, лишь только узналъ объ этомъ, понялъ дѣло такъ, что хотятъ образовать въ Украинѣ шляхту, которая въ его воображеніи представлялась въ ненавистномъ польскомъ образѣ. Составители договора, въ числѣ которыхъ отличался Немиричъ, русскій панъ, убѣжавшій къ казакамъ изъ Польши по причинѣ религиозныхъ своихъ убѣжденій, были перебиты. Справедливо замѣтилъ на сеймѣ одинъ полякъ: “Когда давать дворянство, то давайте его цѣлому народу русскому, который дорожитъ своимъ равенствомъ; но кто захочетъ бросать драгоценную святыню предковъ на приманку грубой черни? И кому вы даете дворянство? Тѣмъ, которые смѣются надъ нашими грамотами и гербами!” . . . Долго и упорно народъ боролся за вѣдннюю независимость и внутреннюю равноправность. Но Польша и Московія видя, что ни той, ни другой отдѣльно не справиться съ упрямымъ народомъ, рѣшились разорвать Украину на двѣ половины; лѣвый берегъ Днѣпра остался за Московією, а правый исключая Кіева, Триполя, Стаеть и Василькова, за Польшею. Это сатанинское дѣло раздѣленія народа совершенно первый разъ по Андрусовскому договору въ 1668 г., а потомъ утверждено черезъ восемнадцать лѣтъ Московскимъ миромъ. Украинцы все это время отчаянно боролись за свою независимость и принужденные сражаться разомъ противъ Москалей и Поляковъ, въ то же время не переставали простирать братскую руку къ тѣмъ и другимъ, пытаясь какъ нибудь сохранить цѣлость своего отечества. Все было напрасно. Не помогла и отчаянная выходка Дорошенка, призвавшаго на помощь Турцію. Жители Подоли и Кіевщины, не желая служить польскимъ панамъ, почти всѣ вышли изъ своего края и поселились въ степяхъ, занимаемыхъ теперь Харьковскою, частію Воронежскою и Курскою губерніями; другіе пристали къ Довскимъ казакамъ. Бѣдные, не знали, что лѣтъ черезъ сто потомки ихъ и здѣсь не уйдутъ отъ панской неволи! Плодосныя поля прежняго ихъ отечества обезлюдѣлись мало по малу, ихъ захватили Поляки и народъ размножившійся въ теченіи XVIII столѣтія, опять попалъ въ такія же отношенія какъ въ XVII. Вспомнилось бывшее: вспыхнула *Колішчица*, послѣдняя судорожная попытка возвратитъ себѣ свободу, попытка уже разодранной Украины. Напрасно! Скоро и Украина, и ненавистная для нея Польша, съ ея панамъ и шляхтою, попали подъ власть всероссійскихъ государей.

Лѣво-бережная Украина, сохраняя казацкое устройство, издыхала въ московскихъ цѣпяхъ. Чадолубивая мать отечества, Екатерина II, уничтожила казацкіе порядки, и чтобъ успокоить и привязать къ себѣ чиновниковъ, уже и прежде значительно деморализованныхъ московскимъ вліяніемъ — ввела въ Малороссію крѣпостное право и поработила вольный народъ, съ такимъ упорствомъ освободившійся нѣкогда отъ этого права въ его польской одеждѣ. Въ 1782 г. она изволила

закрѣпить народъ и въ слободской Украинѣ, потомковъ тѣхъ, которые какъ выше сказано, бѣжали туда изъ Подоли и Кіевщины отъ крѣпостнаго права польскаго.

Съ тѣхъ поръ Украина молчала. Ея народность предана была презрѣнію. Имя *хохолъ*, которое Москали давали казакамъ отъ ихъ *оселедцевъ*, сдѣлалось синонимомъ дурака. Поэтическій языкъ Украины сталъ предметомъ пренебреженія и насмѣшекъ. Нерѣдко сами малороссіане краснѣли, когда выговоръ ихъ обличалъ южное происхожденіе. Украинская исторія была или заброшена, или представлялась въ искаженномъ видѣ, сообразно благимъ цѣлямъ и видамъ правительства.

Пробужденіе славянскихъ народностей быстро отразилось въ Украинѣ и подняло изъ летаргическаго сна народную мысль и чувство. Явилось стремленіе возродитъ умирающую подъ кнутомъ московскимъ и штыкомъ санктпетербургскимъ народность и возсоздать самобытную литературу.

Но идея *панславизма* принялась въ Украинѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась или въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ вождѣнную судьбу Украины и Польши. Въ Украинѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза Славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ, и единственно этимъ путемъ Украина можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой собственный, столь несправедливо и безжалостно попорченный образъ. Молодые люди Харьковского и Кіевскаго университетовъ быстро стали проникаться этими идеями. Могло-ли это ускользнуть отъ бдительныхъ преслѣдователей всякихъ идей при императорѣ Николаѣ?

Въ 1847 г. въ Кіевѣ по доносу студента, жандармскаго сына, Петрова, взято было подъ арестъ нѣсколько лицъ принадлежавшихъ къ кругу малороссійскихъ писателей и въ числѣ ихъ народный поэтъ Тарасъ Шевченко, котораго превосходныя стихотворенія знаютъ наизусть не только почти всѣ читающіе Малоруссы, но и многіе Великороссіане и Славяне. Всѣхъ захваченныхъ ириталили въ III отдѣленіе, гдѣ и засадили. Изъ ихъ бумагъ и писемъ оказывалось, что всѣ они проникнуты идею соединенія Славянъ и любовью ко всѣмъ славянскимъ народонаселеніямъ вообще и украинской въ особенности, омерзеніемъ къ крѣпостному праву, и къ религиознымъ и національнымъ ненавистямъ, и соболѣзнованіемъ о невѣжествѣ народа. Вмѣстѣ съ этимъ нѣкоторые письменно выражали мысль, что было бы очень полезно, еслибъ существовало ученое общество съ цѣлію сближать умственную дѣятельность славянскихъ народовъ и распространять въ народѣ просвѣщеніе. Что съ мыслью объ этомъ обществѣ не соединялось намѣреніе основать такъ называемое *тайное* общество, доказываетъ ясно то, что въ бумагахъ обвиняемыхъ лицъ найдено было порицаніе правилъ: “цѣль оправдываетъ средства.” Какъ при этихъ данныхъ возможно было обвинить въ политическомъ преступленіи, когда общество существовало въ предположеніи, а не на дѣлѣ, и мысль о федеративномъ союзѣ Славянъ представлялась только какъ идеалъ въ отдаленномъ будущемъ? Можно-ли было за это обвинить и карать, да еще какъ, и какъ долго?! Но что невозможно для простыхъ людей,

для Дуббеля было возможно. Онъ тотчасъ увидѣлъ, что тутъ есть готовый матеріалъ для того, чтобъ представить дѣло такъ, будто бы открыто существующее тайное политическое общество и окрестилъ сочиненное имъ общество именемъ Украинно-Славянскаго!... Николай Павловичъ человекъ формы, давалъ больше значенія противнымъ ему идеямъ, когда онѣ были облечены въ формальность, поэтому уничтожить общество, въ его глазахъ представлялось великой заслугой; слѣдовательно Дуббельтъ могъ надѣяться высочайшей награды и благоволенія.

Подъ нравственною пыткой заключенія въ крѣпости, принудили обвиняемыхъ наклепать на себя, что дѣйствительно было общество; съ своей стороны III отдѣленіе дозволило имъ представить вымышленное общество въ елико-возможно извинительномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ они написали, что ихъ общество касалось только западныхъ Славянъ, а не почіющихъ подъ кроткою десницею всероссійскаго монарха, который одинъ можетъ освободить ихъ изъ узъ нѣмецкихъ и турецкихъ. Какъ ни нелѣпъ былъ вымыселъ, какъ ни противурѣчилъ всему что находилось въ бумагахъ арестованныхъ лицъ, однако дѣло слажено. Свѣже-упеченные государственные преступники хотя и получили наказаніе, но растворенное отеческимъ милосердіемъ. Нѣкоторыхъ, главнѣйшихъ, засадили въ крѣпость кого на годъ, кого на три года, а потомъ послали на службу въ великороссійскія губерніи; во и тѣхъ и другихъ отдали подъ строжайшій надзоръ полиціи.

Поэта Шевченка послали рядовымъ въ Оренбургъ, а потомъ въ Новопетровское укрѣпленіе; Николай I строжайше приказалъ, чтобъ ему не позволяли ни писать, ни рисовать, (онъ былъ и живописецъ). Шевченко пробылъ болѣе десяти лѣтъ въ такой нравственной пыткѣ, въ ужасной странѣ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на солончакахъ, гдѣ даже трава не растетъ, постоянно подъ надзоромъ ефрейторовъ, наблюдавшихъ, чтобъ онъ чегонибудь не написалъ или не нарисовалъ. Какъ обращались съ другими, можно судить изъ слѣдующаго: Одно изъ политическихъ преступниковъ, бывшаго кievскаго профессора Костомарова, сослали въ Саратовъ. Тамъ случилось необыкновенное убійство: нашли двухъ мальчиковъ замученныхъ и брошенныхъ на ледъ Волги. Подозрѣніе пало на Евреевъ. Приѣхавшій изъ Петербурга слѣдователь потребовалъ, черезъ губернатора, къ себѣ Костомарова и поручилъ ему написать записку о томъ: представляетъ ли исторія данная для того, чтобъ допускать возможность существованія между евреями какойнибудь кровожадной секты? Костомаровъ занявшись нѣсколько мѣсяцевъ этимъ предметомъ, представилъ слѣдователю записку, гдѣ по своему убѣжденію высказалъ, что существованіе такой секты возможно. Между тѣмъ губернатору Кожевникову, хотѣлось, чтобъ было наоборотъ. Онъ призвалъ Костомарова и не смотря на то, что самъ поручилъ ему исполнить требованіе слѣдователя, грозилъ *засадить его въ острогъ*, пользуясь своимъ правомъ надъ сосланнымъ политическимъ преступникомъ и придираясь къ тому, что Костомаровъ въ своей запискѣ находилъ кровавую сторону въ самыхъ библейскихъ сказаніяхъ и пользовался при составленіи этой записки запрещенными книгами. А этотъ губернаторъ, какъ говорятъ, былъ либераль! Когда, скоро послѣ того, вмѣсто его прислали не либерала, но воплощенную ничтож-

ность, а слѣдователя, благодаря запискѣ Костомарова, (представленной въ министерство и выданной слѣдователемъ за свою), назначили въ Саратовъ вице-губернаторомъ, новоприбывшій съ свѣжими губернскими властями полицмейстеръ, въ назначенный день пожелалъ видѣть всѣхъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи въ Саратовѣ, призвалъ Костомарова вмѣстѣ съ польскимъ книгопродавцемъ Завадскимъ и нѣсколькими другими Поляками, поставилъ ихъ въ рядъ съ людьми дурнаго поведенія, отданными подъ надзоръ полиціи по дѣлу объ убійствѣ мальчиковъ, и началъ читать имъ отеческое нравоученіе, чтобъ они вели трезвую жизнь и не шатались по кабакамъ и зазорнымъ домамъ.

Этихъ чертъ достаточно, чтобъ показать, что значила при Николаѣ отдача политическаго преступника подъ надзоръ полиціи. Но къ чести русскаго общества надобно сказать, что вездѣ, куда ни ссылалъ императоръ нашихъ земляковъ, нѣтъ опала служила дипломомъ на участіе, уваженіе и довѣріе; опальные съ своей стороны, честнымъ поведеніемъ на службѣ и въ частной жизни доказали, всѣ безъ исключенія, твердость своихъ нравственныхъ убѣжденій. Въ довершеніе безстыдства съ какимъ производился розыскъ о кievскомъ дѣлѣ, надобно присовокупить, что Петровъ, въ награду за доносъ былъ оставленъ на службѣ въ III отдѣленіи съ деньгами и чиномъ XII класса, на который онъ, какъ студентъ II курса, не имѣлъ ни малѣйшаго права. Петровъ однакожъ измѣнилъ *за деньги* своимъ покровителямъ, продавъ какія-то бумаги III отдѣленія, за что также былъ куда-то сосланъ.

Послѣ Кievскаго дѣла запрещены были всѣ сочиненія обвиняемыхъ и цензура и шпионство начали ужасно свирѣпствовать противъ Малороссіи; не только малороссійскія книги подвергались недозволенію являться въ свѣтъ, преслѣдовали даже ученые статьи о Малороссіи на великорусскомъ языкѣ; самыя названія Украина, Малороссія, Гетманщина, считались пресудительными.

Благотворное вліяніе весны (хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ), царствованіе Александра II пробудило и Малороссію. На украинскомъ языкѣ появилось вдругъ нѣсколько прекрасныхъ сочиненій. Освобожденіе крестьянъ оживляетъ насъ надеждами за бѣдный угнетенный народъ нашъ, у котораго было отнято все, чего онъ домогался во всю свою жизнь съ такою настойчивостью и самопожертвованіемъ. Благодаримъ императора Александра II и просимъ только, чтобы народъ освободился не по одному имени, но чтобъ пользовался передъ закономъ одинакими правами съ дворянствомъ: иной свободы Украина, упорная въ старыхъ своихъ убѣжденіяхъ, не понимаетъ.

Мы желали бы сверхъ того, чтобъ правительство не только не препятствовало намъ, Украинцамъ, развивать свой языкъ, но оказало бы этому дѣлу содѣйствіе и сдѣлало теперь же распоряженіе, чтобъ въ школахъ, которыя — какъ оно само уже объявило — будутъ заведены для нашего народа, предметы преподавались на родномъ языкѣ, ему понятномъ, а не на официально-великороссійскомъ, иначе народъ украинскій будетъ заучивать лишь слова, не развивая своихъ понятій. Болѣе мы не станемъ требовать и желать, собственно для себя, ничего, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей, желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальною Россією. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе Славяне соединились съ нами въ

одипъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-нѣмецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, въ него же вступимъ и его же чаемъ, наша Южная Русь должна составить отдѣльное, гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южнорусскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной, мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтобъ наши потомки увидѣли то, что едва ли какому нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть,—надобно, чтобы Славяне очищались отъ своихъ старыхъ предрасудковъ!

Пусть же ни Великороссы, ни Поляки не называютъ своими земли, заселенныя нашимъ народомъ.

О КОНЧИНѢ М. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

(письмо къ издателямъ.)

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ Баргузинѣ (заштатномъ городѣ Забайкальской Области Восточной Сибири) скончался *Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ*, одинъ изъ дѣятелей 14 Декабря, братъ поэта. До конца своей жизни онъ остался вѣренъ убѣжденіямъ, которыя повели его въ ссылку; не смотря на крайнюю бѣдность, съ которой боролся до могилы, онъ отличался самой неукоризненной честностью, прямымъ характеромъ, говорилъ правду рѣзко въ глаза. До 14 Декабря М. К. Кюхельбекеръ былъ морскимъ гвардейскимъ офицеромъ, ходилъ кругомъ свѣта и объ этомъ времени любилъ рассказывать—это было для него лучшимъ воспоминаемъ въ жизни.

Михаилъ Карловичъ давно уже поселился въ Баргузинѣ, гдѣ онъ съ трудомъ, кое-какъ перебиваясь, прокармливалъ семью свою, живя въ убогомъ домѣ, который долгое время стоялъ безъ крыши, потому что не хватало у него средствъ ее сдѣлать. Но и въ этой глуши, не смотря на недостатки и лишенія, онъ не оставался безъ дѣятельности. Бѣдный городишка не имѣлъ ни врача, ни аптеки; Михаилъ Карловичъ насколько могъ выучился медицинѣ и сталъ подавать пособіе больнымъ. Много лѣтъ продолжалось это полезное и въ высшей степени безкорыстное служеніе обществу; старика всѣ знали, всѣ любили и уважали въ городѣ и окрестностяхъ, многіе были обязаны ему за спасеніе жизни, за дружескій уходъ полный участія во время болѣзни. Лечилъ онъ на свои гроши, никогда ни отъ кого не принималъ платы за леченіе и лекарства, никогда не отказывался придти на зовъ больного, а больные эти были бѣдняки, простолюдины. Такъ прошла жизнь этого достойнаго чловѣка въ глухомъ уголку Сибири и недавно смерть застигла его, внезапно, за дѣломъ, у постели больного, которому онъ пришелъ помочь быть можетъ на послѣднюю свою гривну.

Много горя испыталъ Михаилъ Карловичъ на своемъ вѣку, кромѣ бѣдности, но онъ никогда не говорилъ о немъ съ людьми даже самыми близкими. Женатъ онъ былъ на баргузинкѣ и имѣлъ 6 дочерей. Трудно было ему жить, честность его отвергала всякое пособіе, (такъ онъ никогда не хотѣлъ пользоваться пенсіей 111 р. с., назначенной правительствомъ ежегодно всѣмъ политическимъ изгнанникамъ), съ большимъ

трудомъ можно было уговорить его взять денегъ займы, это случалось очень рѣдко и только въ крайнихъ случаяхъ онъ соглашался на просьбу. Но главное горе его было еще невыносимѣе. Много лѣтъ спустя послѣ его женитьбы, попу доносъ архіерею, что онъ женатъ на своей кумѣ;—пошло дѣло. Синодъ приказалъ разторгнуть бракъ, признавъ только двухъ дочерей законными, а остальные четыре остались безъ имени, а потому и безъ средствъ получить воспитаніе. Нѣсколько разъ просилъ отецъ о признаніи дочерей законными, мудрое правительство постоянно ему въ этомъ отказывало, забывая при этомъ, что Кюхельбекеръ былъ протестантъ, могъ не знать законовъ русской церкви, что виноватъ былъ попу допустившій его въ воспріемники ребенка чуждой ему вѣры и затѣмъ обвѣчавшій на кумѣ.

Теперь уже поздно каяться въ этой духовно-административной безнравственной мѣрѣ, страдалецъ сошелъ уже съ пути, не увидавъ родины, куда, не смотря на амнистію, ему не на что было вернуться—но помочь бѣднымъ дѣтямъ не поздно, отдать имъ невиннымъ имя отца справедливо, подумать о ихъ воспитаніи—обязанность совѣсти тѣхъ, кто лишилъ ихъ всего съ колыбели.

Отдаленный звонъ вашего свободнаго Колокола нерѣдко и не мало приноситъ пользы Россіи, и открываетъ глаза государю, до котораго на родинѣ не доходитъ правда; отъ души желаемъ, чтобы и эти строки попались ему на глаза и были бы поводомъ къ доброму дѣлу. Обращаемся также къ родственникамъ и друзьямъ покойнаго съ просьбой не оставить его семейства.*

А вы, я увѣренъ, дадите мѣсто воспоминанію нашему о М. К. Кюхельбекерѣ; Колоколъ обязанъ сказать ему *вѣчную память!*

1 Ноября 1859.

— *Очеркъ Тверскаго губернскаго комитета по освобожденію крестьянъ.*—Въ Тверскомъ комитетѣ было три партіи: большинство изъ 15 членовъ и въ томъ числѣ предсѣдатель; партія изъ 3 членовъ, отъ которой представленный проэктъ, существенно разнится отъ положенія большинства тѣмъ, что выкупъ земли крестьянъ добровольный для обѣихъ сторонъ и система управленія составлена согласно программѣ главнаго комитета; и наконецъ 3-е членовъ комитета желали сохраненія крѣпостнаго права въ настоящемъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій, и потому двое изъ нихъ не представили никакого проэкта, а третій написалъ что-то въ этомъ смыслѣ.(1)

Главные основанія, которыми руководствовалося большинство членовъ тверскаго комитета, слѣдующія:

Такъ какъ въ настоящее время вся система управленія въ Россіи, есть не что иное какъ произвольное вотчинное управленіе возведенное на степень государственнаго устройства, то уничтоженіе частнаго произвола помѣщиковъ, не освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и передастъ только крѣпостныхъ крестьянъ изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ, при чемъ произволъ чиновниковъ, ничѣмъ уже не стѣсняемый, доведетъ Россію до окончательнаго раззоренія и наконецъ до самой страшной революціи (принимая во вниманіе степень развитія народа и энергію славянской

* Дочери М. К. Кюхельбекера находятся въ Иркутскѣ, гдѣ Муравьевъ сколько могъ заботился о нихъ.

(1) Жаль, что намъ не сообщили именъ этихъ трехъ допотопныхъ членовъ благороднаго Тверскаго комитета. Прим. ред.

натуры). По этому большинство членовъ Тверскаго комитета, во избѣжаніе такой великолѣпной развязки вопроса, желая уничтожить крѣпостное право во всѣхъ его родахъ, видахъ и подраздѣленіяхъ, предложило правительству слѣдующее :

Всѣ крестьяне, помѣщичьи, удѣльные, государственныхъ имуществъ (2) и прочихъ вѣдомствъ, должны поручить право на выкупъ земель, въ достаточномъ количествѣ, для обезпеченія ихъ быта, въ собственность, по умѣренной цѣнѣ и при пособіи кредита. Выкупъ обязателенъ для правительства и помѣщиковъ, и добровольный для крестьянъ.

Крестьянамъ предоставляется право выкупать полевые ихъ земли по настоящему владѣнію, при чемъ для пособія помѣщичьимъ крестьянамъ устраивается губернской банкъ на акціяхъ, который получивъ отъ правительства гарантію въ крестьянскихъ платежахъ, выплачиваетъ помѣщикамъ деньгами или 4½% облигаціями суммы капитализированныхъ изъ 6% рентъ, слѣдующихъ имъ отъ крестьянъ за уступленные земли. Ренты опредѣлены слѣдующимъ образомъ : при 1ой десятиной надѣла на душу—5 р. 10 к., при 2хъ дес.—6 р. 90 к., при 3хъ—8 р. 10 к. и при 4хъ—8 р. 70 к. Далѣе 4хъ десятиной банкъ не гарантируетъ, и покупка земель уже производится на добровольныхъ условіяхъ, изъ средствъ самихъ крестьянъ. Банкъ выплачивая по облигаціямъ 4½%, употребляетъ 1% на погашеніе крестьянскихъ долговъ, и ½% на свое содержаніе, гарантію выкупа и дивидендъ акціонеровъ. По этому расчету платежи крестьянъ умѣренны, помѣщики же получаютъ безобидное удовлетвореніе; такъ какъ капитализированныя ренты совпадаютъ съ продажными цѣнами въ настоящее время населенныхъ имѣній Тверской губерніи.

За дворовыхъ помѣщики получаютъ отъ правительства по 60 руб. за душу мужс. пола изъ общихъ государственныхъ средствъ.(3)

Для дѣйствительнаго же уничтоженія крѣпостнаго права и для обезпеченія политическаго существованія Россіи, комитетъ находитъ необходимымъ предоставить всѣмъ обществамъ — сельскимъ и городскимъ право полного административнаго самоуправленія. При чемъ для сельскихъ обществъ первую административную единицу составляетъ деревня, вторую — волость, третью — уѣздъ, который есть вторая единица для города и далѣе губернія. Право участія въ дѣлахъ предоставляется крестьянамъ непосредственно въ деревнѣ; въ волости же, уѣздѣ и губерніи, черезъ выборныхъ и уполномоченныхъ. Вообще же для всѣхъ право непосредственнаго участія въ собраніяхъ волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ, опредѣляется постепенно возвышающимся ценсомъ, по степени развитія и платимыхъ прямыхъ налоговъ, отъ которыхъ никто не освобождается. Право же служебной дѣятельности по выборамъ, предоставляется преимущественно дворянамъ землевладѣльцамъ.(4)

(2) Но крестьяне государственныхъ имуществъ платя податью вѣчную ренту, имѣютъ полное право считать земли своею общинною собственностью; имъ нечего платить выкупъ. Название : государственныя имущества — только имя, а не выраженіе факта земельной собственности. Уничтожьте имя — и дѣло не перемѣнится. Еще особый выкупъ тутъ былъ бы совершенной юридической нелѣпностью. Правительство обязано просто оставить въ собственность общинамъ такой надѣлъ, который въ будущемъ не мѣшалъ бы даровому заселенію многоземельныхъ губерній. Прим. ред.

(3) Ну! это ужъ грѣшно! Мучили, мучили дворовыхъ, да еще деньги брать; падо же чѣмъ нибудь полатиться во искупленіе грѣховъ. Прим. ред.

(4) Мы жалѣемъ, что эти положенія, съ которыми мы не совсѣмъ согласны, сообщены намъ здѣсь такъ сжато, что разборъ ихъ основаній становится для насъ невозможнымъ. Прим. ред.

Далѣе комитетъ находитъ необходимымъ полную независимость суда, гласность судопроизводства вообще, учрежденіе суда присяжныхъ для уголовныхъ дѣлъ, и прямую отвѣтственность передъ судомъ должностныхъ и частныхъ лицъ. Первую судебную инстанцію составляютъ мировые судьи на подобіе англійскихъ, съ тою только разницею, что нашимъ судьямъ не предоставляется никакой административной дѣятельности.

Исполнительная власть по мнѣнію комитета должна находиться въ рукахъ высшаго правительства; которое слагая съ себя такимъ образомъ отвѣтственность въ дѣлахъ неисполнимыхъ для его непосредственной дѣятельности, тѣмъ самымъ получаетъ дѣйствительную возможность къ поддержанію законности и порядка внутри государства, и къ огражденію безопасности внѣшней.

По положенію Тверскаго комитета крестьяне должны были бы получить окончательную свободу къ 1 Января 1861 года. На устройство же банка и на расчеты его съ помѣщиками, полагалось ни какъ не болѣе трехъ лѣтъ. Это время и названо срочно-обязаннымъ періодомъ, т. е. періодомъ, въ продолженіи котораго крестьяне платили бы ренту безъ погашенія; всѣ же отношенія ихъ къ помѣщикамъ, кромѣ платежа рентъ, прекратились бы со введеніемъ новаго положенія.

Для охраненія спокойствія государства, реформа должна быть произведена единовременно по всѣмъ частямъ правленія. Если же правительство будетъ продолжать идти по той же дорогѣ какъ оно идетъ теперь, будетъ затягивать рѣшеніе вопроса и не рѣшитъ разстаться окончательно съ крѣпостнымъ правомъ, то вина въ послѣдствіяхъ такихъ дѣйствій, должна уже пасть на одно только правительство, такъ какъ ему ясно показано настоящее положеніе дѣлъ, многими комитетами и отдѣльными лицами. Въ настоящее время оно даже не можетъ сказать, что дворянство препятствуетъ освобожденію крестьянъ.(5) И не мѣшало бы правительству поторопиться, чтобъ не было уже поздно.

С М Ъ С Ъ.

— *Das Liefländische Athen.*—Нѣсколько разъ получали мы письма о Дерптскомъ Университетѣ, и все откладывали эту неприятную матерію. Но такъ какъ насъ снова спрашиваютъ — почему мы не упоминали объ университетской исторіи 22 Ноября 1857 г., то мы считаемъ себя обязанными сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Мы всегда были убѣждены, что въ Остзейскихъ губерніяхъ всѣ уродливыя стороны германизма отъ юнкертума — до теологіи, отъ мѣщанскаго филистерства — до мѣщанской буршикозности, не только хранятся, но доведены до каррикатуры. Точно такъ какъ въ Польшѣ католицизмъ. Не имѣя никакого самобытнаго политическаго значенія, Остзейцы тѣмъ ревнивѣе держатся за бессмысленныя формы. Тупое угнетеніе католицизма при Николаѣ прилило свѣжей крови въ дряхлыя жилы его (*).

Русскіе студенты будучи въ очень сильномъ меньшинствѣ, не могутъ воевать съ нѣмцами, безъ защиты начальства

(5) Но сообщившіи намъ этотъ очеркъ забываетъ, что такихъ комитетовъ какъ Тверской и Харьковской правительство встрѣчало не много. Прим. ред.

(*) Не надобно думать впрочемъ, чтобъ и теперь не дѣлали всякаго рода дикихъ и подлыхъ насмѣшекъ надъ католицизмомъ въ Польшѣ. Въ Ковно въ день (Corpus Christi) 1859, когда крестной ходъ съ святыми тайнами шелъ

а отъ нея спаси ихъ богъ. Лучше уступить Пѣмцамъ, Датчанамъ, Татарамъ, — чѣмъ пользоваться высокимъ покровительствомъ попечителя, ректора и даже жандармскаго оберъ-офицера, какъ это было съ нѣмцами въ дѣлѣ гг. Зарина и Юферева.

Что же дѣлать?

Не вступать въ Дерптскій Университетъ. Развѣ Петербургскій не возлѣ? А хочется непременно въ нѣмецкій университетъ: такъ лучше ѣхать въ Берлинъ, Гейдельбергъ.....

Дерптскій академическій Сенатъ и вся нѣмецкая мусса будутъ рады побѣдѣ; отчего же имъ и не дать порадоваться, а русскіе студенты ничего не теряютъ. Врядъ можно-ли многому научиться въ университетѣ, въ которомъ профессора печатно, въ 1857 году, спорятъ о томъ—могутъ-ли ангелы плодиться или нѣтъ? Гдѣ на степень магистра пишутъ диссертациі о томъ—не слѣдуетъ-ли дьяволу *виндицировать* качество церковнаго лица? И гдѣ кандидату философіи Сонцеву не разрѣшилъ совѣтъ профессоровъ печатать диссертацию, потому что въ пей Сонцевъ, русскій, не совсѣмъ благопріятно отзывается о протестантизмѣ.

И—ръ.

— *Слабость къ ворами.*—Мы всегда за помилованіе, но не за оскорбительное потворство. Зачѣмъ сообщники *Затлера* въ воровствѣ больше наказаны, чѣмъ *Затлеръ*?.. Это похоже на то какъ Кочубей, стрѣлявшій въ Зальсмана, одинъ и не попалъ подъ судъ. Затлеръ помпловаецъ по ходатайству Горчакова и Лидерса; мы понимаемъ, что Лидерсу было жалъ Затлера — свой своему поневолѣ братъ, понимаемъ и то, что окончательнао выжившій изъ ума Горчаковъ, не знаетъ что дѣлаетъ. А государь то зачѣмъ ихъ слушается?— Или онъ суровую сторону власти бережетъ исключительно для студентовъ?....

— *Изъ Чернигова.*—По смерти извѣстнаго жестокостію и эппажнымъ заведеніемъ помѣщика села *Холмова*, Сосницкаго уѣзда, черниговской губерніи, *Ярошевицкаго*, вступила во владѣніе имѣніемъ этимъ его сестра *Гжа. Максимова*. Крестьяне стали просить ее объ облегченіи прежней беззаконной барщины, дававшей имъ только одну недѣлю свободную, послѣ двухъ недѣль барщины, и о введеніи недѣльной, т. е. чтобы одна изъ двухъ недѣль имъ принадлежала. Максимова отказала имъ и вызвала полицію въ имѣніе, которая раздражила своими мѣрами народъ и вызвала своимъ донесеніемъ губернатору, чиновника его *Полторацкаго*. Губернаторъ

изъ Фарнаго костела въ Бернардинскій и проходилъ черезъ площадь, генералъ Лауницъ, командующій корпусомъ внутренней стражи, велѣлъ цѣлому баталіону раздѣться и дѣлалъ смотръ подштавниковъ и рубашекъ, не щадя при этомъ площадныхъ ругательствъ и не обращая вниманія на 10,000 слѣдовавшаго съ крестнымъ ходомъ народа. Мы отъ всей души желаемъ, чтобы католицизмъ, эта застарѣлая язва романаго міра, былъ бы поскорѣ схороненъ въ лѣтописяхъ, съ папами и кардиналами; но готовы всѣми силами защищать католицизмъ, изъ уваженія къ народу, противъ грязныхъ, тунгусскихъ оскорбленій, наносимыхъ царскими оуричниками.

Шабельскій въ свою очередь вызванный донесеніемъ Полторацкаго въ сопровожденіи жандармскаго полковника *Шульковскаго* прибылъ и вызвалъ баталіонъ солдатъ. Все было безуспѣшно. Да и быть не могло иначе, потому что собственно помѣщичья и начальство бунтовали, а люди просили надлежащаго, законнаго. Тогда губернаторъ принялся ѣсть, сажать въ тюрьму, ссылать, и такимъ образомъ побѣдилъ безоружныхъ. Достоинство и славу подвига вмѣнилъ себѣ въ безкорыстную награду, а вещественныя блага предоставилъ своимъ помощникамъ. Имъ досталось *два фазтона, 500 рублей и пара лошадей!!!*

— Въ *Ипжипп* обыграли въ запрещенную игру какого-то мѣщанина, и когда *Гласный* вступился, то разсерженными вмѣшательствомъ его, Частный Прпставъ посадилъ обыграннаго подъ арестъ, въ полицію, къ себѣ за стѣну, а на другой день онъ найденъ былъ въ своей арестантской зарѣзанымъ. Денегъ, которыя у него были по словамъ его жены, при тѣлѣ не оказалось, жену прощаться съ тѣломъ не допустили. Посланный на слѣдствіе отъ губернатора Полторацкій рѣшилъ — что мѣщанинъ самъ зарѣзался.

Вопросъ и Ответъ.

— Мы получили, и притомъ издалека, слѣдующій, не совсѣмъ грамотный запросъ:

“Здѣлайте намъ пріятность, написать и напечатать объясненіе причинъ неависти Вашей къ Славянофиламъ, для насъ непонятной, и по видимому въ послѣдствіи разпространившейся вообще на всѣхъ Славянъ.”

Когда вы сдѣлаете себѣ пріятность прочесть *Колоколъ*, хотя за 1859 годъ, Вы будете имѣть непріятность узнать, что вы самымъ грубымъ образомъ ошиблись.

У ПАРАДНАГО КРЫЛЬЦА. (*)

Вотъ парадный подъѣздъ;
По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холонскимъ педугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ.
Занисавъ свое имя и званье,
Ретируются гости домои
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумасшь—въ томъ ихъ призванье.
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣсть,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то и знаи по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачуть;
Возвращаясь, иной напѣваетъ: трамъ-трамъ!
А иные скрежещуть и плачуть.

(*) Мы очень рѣдко помѣщаемъ стихи, но такого рода стихотвореніе нѣтъ возможности не помѣстить.

Разъ я видѣлъ сюда мужики подошли
 Деревенскіе, русскіе люди,
 Помолвились на церковь и стали въ дали,
 Свѣспвь русыя головы къ груди.
 Показался швейцаръ. “Допусти”, говорятъ
 Съ выраженьемъ надежды и муки.
 Онъ гостей оглядѣлъ : не красивы на взглядъ
 Загорѣлыя лица и руки ;
 Армячишка худой на плечахъ,
 По катомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
 Крестъ на шеѣ и кровь на погахъ,
 Въ самодѣльные лапти обутыхъ.
 (Знать брели-то далеко они,
 Изъ какихъ нибудь дальнихъ губерній)
 Кто-то крикнулъ швейцару : гонп !
 Нашъ не любитъ оборванной черни.
 И захлопнулась дверь... Постоявъ,
 Развязали мошны пилигримы,
 Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
 И пошли они, солнцемъ палимы,
 Повторяя : “Суди его Богъ !”
 Разводя безнадежно руками
 И, покуда я видѣть ихъ могъ,
 Съ непокрытыми или головами ;
 А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
 Еще сномъ былъ глубоко объять.

* * *

Ты, считающій жизнью завидною
 Лносеніе лестью безстыдною,
 Волокитство, обжорство, игру, :
 Пробудись—есть еще наслажденіе !
 Вороти ихъ : въ тебѣ ихъ спасеніе...
 Но счастливые глухи къ добру.
 Не страшатъ тебя грома небесные,
 А земное ты держишь въ рукахъ,
 И несутъ эти люди безвѣстные
 Пенсходное горе въ сердцахъ...
 Что тебѣ эта скорбь вопиющая ?
 Что тебѣ этотъ бѣдный народъ ?
 Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
 Жизнь—очнуться тебѣ не даетъ.
 И къ чему? Щелкопѣровъ забавою
 Ты пародное право зовешь ;
 Безъ него проживешь ты со славою
 И со славой умрешь.
 Безмятежной, Аркадской идилліей
 Закачаться прекрасные дни
 Подъ нѣбнительнымъ небомъ Сициліи,
 Въ благовонной древесной тѣни ;
 Созерцая, какъ солнце пурпурное,
 Погружается въ море лазурное
 Полосами его золота,
 Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
 Средиземной волны, какъ дитя
 Ты успешь, окруженъ попеченіемъ
 Дорогой и любимой семьи,
 (Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ).
 Привезутъ къ намъ останки твои,

Чтобъ почтить похоронною тризною,
 И сойдешь ты въ могилу, герой,
 Втихомолку проклятый отчизною,
 Возвеличенный громко хвалою.

* * *

Впрочемъ чтожь мы такую особу
 Безпокоимъ для мелкихъ людей ?
 Не на нихъ ли намъ вымѣстить злобу ?
 Сами терпимъ... Еще веселѣи
 Въ чемъ нибудь прискать утѣшеніе.
 Не бѣда, что потерпѣть мужикъ,
 Такъ ведущее насъ провидѣніе
 Указало .. Да и онъ самъ привыкъ !
 За заставой, въ харчевнѣ убогой
 Все пропьютъ бѣдняки до рубля,
 И пойдутъ нобираться дорогой,
 И застонутъ... Родная земля!
 Назови мнѣ такую обитель,
 Я такого угла не видалъ,
 Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
 Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ.
 Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
 Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
 Въ рудникахъ на желѣзной цѣни,
 Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
 Подъ тѣлегой почуя въ степи.
 Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
 Свѣту божьему, солнцу не радъ,
 Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ
 У подѣздовъ судовъ и палатъ...
 Тамъ на Волгѣ—чей стонъ раздается
 Надъ великою русской рѣкой ?
 Этотъ стонъ у насъ пѣсню зовется,
 Бурлаки то идутъ бичевой.
 Волга, Волга ! Волной многоводной
 Ты не такъ поливасшь поля,
 Какъ великою скорбью пародной
 Переполнилась наша земля !
 Гдѣ пародъ, тамъ и стонъ... Ахъ, сердечныи !
 Что же значить твой стонъ безконечный ?
 Ты проспешся-ль, исполненный силъ ?
 Или судебъ повинуюсь закону,
 Все что могъ ты уже совершилъ,
 Создалъ пѣсню, подобную стону,
 И духовно на вѣки почилъ ?

Четвертый листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 15 Января.
 въ немъ заключается — *Дѣло плантатора Жадовскаго,*
въ Оренбургской губерніи.

Въ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ, поступили
 въ продажу переплетенные въ одномъ томѣ экземпляры
 Колокола отъ 1 листа (Юля 1857) — до 1860 года. Цѣна
 30 шиллинговъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick
 Square, London.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ

КЪ 61 ЛИСТУ КОЛОКОЛА.

I.

Государь приказалъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ запретить дворянамъ на выборахъ разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ.

Новгородское дворянство по прочтеніи циркуляра раздѣхалось, *не дѣлая выборовъ*.

Тверское (*лучшее* во всей имперіи относительно крестьянскаго дѣла), основываясь на ст. 112 и 113 Свода Законовъ, IX Тома — протестовало. Вслѣдъ за тѣмъ въ явное нарушеніе ст. 133 “Собраніе дворянства ни по какому дѣлу не можетъ быть потребовано къ суду. Оно защищается повѣреннымъ изъ среды себя избраннымъ и ст. 134 “Собраніе дворянства ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ.”—Губернскій предводитель УНЬКОВСКІЙ былъ арестованъ жандармами, повезенъ въ Петербургъ и теперь содержится въ тюрьмѣ III отдѣленія.

II.

Говорятъ, что князь Орловъ, Адлербергъ и другіе старцы всеподданнѣйше доложили Е. И. В., что они не согласятся ни за что явиться къ князю Барятинскому какъ къ фельдмаршалу. Государь *будто бы* сказалъ, что дѣлать нечего, такъ законъ велитъ, но что онъ попроситъ Барятинскаго имъ отдать визитъ. На счетъ князя Орлова рѣшено *будто бы*, что князь Барятинскій выйдетъ на подѣздъ, представляя что онъ самъ ѣдетъ къ нему....?

Сѣдые шалуны, плешивые шалуны, смѣшные шалуны, да неужели вы не понимаете, что между покореніемъ Шамниа и Полкавгаза и покореніемъ почтоваго вѣдомства и третьяго отдѣленія — есть разница?

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 62.

1 ФЕВРАЛЯ 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Триювера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Гторжевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Коммисіи по освобожденію крестьянъ—Изобилитель—Засвѣченный матросъ. Слѣзь: По дѣлу Журавлева—Убитый помѣщикъ—Московский университетъ—В. Безобразовъ—Отъ редакціи.

КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Продолженіе.)

Передъ нами лежитъ 17 номеровъ доклада хозяйственнаго отдѣленія, 11 юридическаго, 1 докладъ хозяйственнаго и юридическаго вмѣстѣ (о дворовыхъ людяхъ), и 8 административнаго, съ запросами губернскимъ депутатамъ, 48 номеровъ журнала общаго присутствія коммиссій, предварительныя соображенія о нѣкоторыхъ дополнительныхъ вопросахъ и предварительныя соображенія особой финансовой коммиссіи о выкупѣ поземельныхъ угодій крестьянами.

Со страхомъ и вѣрою приступаемъ мы къ разбору этого огромнаго труда. Со страхомъ, потому что мы наткнемся на многое, съ чѣмъ мы согласиться не можемъ; съ вѣрою, потому что все же общность положеній, составленныхъ редакціонными коммиссіями, не можетъ не подѣйствовать благотворно на жизнь народа молодого и сильнаго, въ широкой общественной будущности котораго мы не сомнѣваемся.

Прежде всего мы не можемъ согласиться съ необходимостью переходнаго, срочно-обязаннаго положенія; самое то, что срокъ назначенъ совершенно произвольно коммиссіями, которыя во всѣхъ другихъ случаяхъ стараются показать основанія своихъ положеній, самая эта произвольность срока доказываетъ, что тутъ кроется ложное рѣшеніе, ложное понятіе. Если еще есть время воротиться отъ этого пагубнаго положенія, — много можно устранить смуть, судебныхъ и не судебныхъ распрей и даже несчастій.

Но мы и тутъ смиримся: наблюденія надъ жизнью природы и исторіи намъ слишкомъ ясно доказали, что движеніе никогда не совершается по силѣ прямолинейнаго толчка, который въ мірѣ человѣческомъ — разумъ, а совершается по діагональ сложнаго составныхъ силъ. Лишь бы эта діагональ не слишкомъ далеко отводила въ сторону!

Мы начнемъ съ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія, какъ съ основанія всякой выкупной системы.

Первые два доклада ставятъ главную задачу крестьянскаго быта: основаніе и размѣръ надѣла, опредѣленіе и размѣръ усадьбы.

Мы не станемъ слѣдовать за изложенными въ докладахъ мнѣніями губернскихъ комитетовъ, губернаторовъ, мини-

стерствъ и министровъ; это слишкомъ удлиннило бы ваши статьи. Замѣтимъ только, что Тверская губернія, меньшинство нѣсколькихъ другихъ губерній, министерство и министръ внутреннихъ дѣлъ занимаютъ безъ сомнѣнія почетное мѣсто среди разнородныхъ помѣщичьихъ и бюрократическихъ мнѣній, — и перейдемъ прямо къ соображеніямъ самаго хозяйственнаго отдѣленія.

По надѣлу оно пришло къ слѣдующимъ вопросамъ:

“1) Должно-ли, при опредѣленіи размѣра крестьянскаго надѣла, принять въ основаніе расчетъ по душамъ или по тягламъ?”

“2) Не должны ли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи быть допущены, въ видѣ изыятія, какія либо другія основанія для опредѣленія размѣра крестьянскаго надѣла, на пр. расчетъ по дворамъ, участкамъ и проч.?”

“3) Долженъ ли размѣръ крестьянскаго надѣла быть опредѣленъ искусственною нормою или сообразно существующему надѣлу?”

“4) Принимая сохраненіе существующаго надѣла въ отношеніи къ размѣру, не должны ли быть допущены въ ономъ нѣкоторыя измѣненія?”

“5) Принятія измѣненія въ размѣрѣ существующаго надѣла должны ли быть однообразны во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, или слѣдуетъ допустить нѣкоторое разнообразіе?”*

При опредѣленіи надѣла хозяйственное отдѣленіе приняло расчетъ по душамъ, а не по тягламъ, — и совершенно справедливо. Въ современномъ распредѣленіи тяголъ царствуетъ помѣщичій произволъ. Тяглы умножаются въ оброчныхъ и степныхъ имѣніяхъ,† потому что чѣмъ больше тяголъ — тѣмъ больше оброка, чѣмъ больше тяголъ — тѣмъ больше (при неограниченности полей) барщинная запашка; и на оборотъ — тяглы уменьшаются въ барщенскихъ лѣбородныхъ, но не многоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ увеличеніе тяголъ имѣло бы слѣдствіемъ новый прирѣзъ земли къ крестьянамъ и слѣдственно уменьшеніе барщенной запашки. Не говоря уже объ этихъ благодѣяніяхъ отцовскаго помѣщичьяго управленія, подмѣченныхъ хозяйственнымъ отдѣленіемъ, — мы просто скажемъ, что надѣлъ, опредѣленный по душамъ, распредѣлитъ

* Докладъ хозяйственнаго отдѣленія, No. 1, стр. 13 и 14.

† Idem, стр. 15.

на тяглы имѣть право только община и законодательство отнюдь въ это входигь не можетъ, и что по мимо привычки къ душевому расчету въ нашей системѣ податей, всякое неизмѣнное опредѣленіе тяголъ закономъ — было бы со стороны государства насиліемъ надъ правомъ общины.

По второму вопросу хозяйственное отдѣленіе, еще ожидая свѣденій изъ западныхъ губерній, гдѣ существуетъ надѣль по дворамъ и участкамъ, замѣчаетъ :

“Существованіе подобныхъ обычаевъ; несходныхъ съ принятыми вообще въ большей части Россіи основаніями общиннаго владѣнія, не можетъ конечно быть отвергаемо и во всѣхъ нужныхъ случаяхъ должно быть тщательно принимаемо во вниманіе.

“Тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что это различіе преимущественно касается распредѣленія даннаго количества надѣла между крестьянами; но едва-ли можетъ имѣть вліяніе на самое опредѣленіе того общаго количества десятины надѣла, которое нужно для обезпеченія крестьянскаго быта. Это общее количество надѣла, какъ въ разсматриваемой мѣстности, такъ и во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ, едва-ли не должно, напротивъ, во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ, быть поставлено въ непосредственную зависимость отъ числа душъ, т. е. отъ количества народонаселенія, а не отъ произвольной цифры участковъ, дворовъ или тяголъ.”*

Вполнѣ сочувствуя мнѣнію хозяйственнаго отдѣленія, мы видимъ въ немъ возможность, что и въ западныхъ, необщинныхъ мѣстностяхъ, исходною точкой новаго, свободнаго сельскаго сословія будетъ—*равноземіе* и слѣдственно равносіліе на пути развитія, большая потребность совокупной жизни и общиннаго самоуправленія.

По третьему вопросу хозяйственное отдѣленіе совершенно справедливо устранило мнѣніе большинства дворянства † о введеніи искусственной нормы для надѣла. Большинство дворянства предлагало искусственную норму, то сердобольно оберегая правительство, чтобы ему не пришлось слишкомъ много жертвовать при слишкомъ большомъ надѣлѣ; то боясь какъ бы въ иныхъ мѣстахъ существующій надѣль не былъ установленъ владѣльцемъ или слишкомъ скупо, или слишкомъ щедро; то требуя *уменьшенія существующаго надѣла, потому что помѣщикъ только тогда можетъ имѣть работниковъ, когда у крестьянъ земли недостаточно.* О послѣднемъ мнѣніи противъ существующаго надѣла хозяйственное отдѣленіе говоритъ : “Понятно, что подобный доводъ не можетъ возбудить въ себѣ сочувствіе правительства, слѣдственно и едва ли можетъ быть имъ принятъ во вниманіе; ибо главная цѣль правительства состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей, а отнюдь не въ лишеніи этого сословія, съ-первой поры его образованія, лучшихъ средствъ къ самостоятельному развитію.”

Но мы лучше выпишемъ благоразумное заключеніе хозяйственнаго отдѣленія : (Докладъ No. 1, стр. 21, 22, 23 и 24.)

“1) Даже при опредѣленіи нормальныхъ надѣловъ, по необходимости не вездѣ равномѣрныхъ и равноцѣнныхъ, крестьянскія повинности очевидно не могутъ достигнуть повсемѣстнаго однообразія; къ тому же и самыя выгоды, могущія

* Idem. стр. 17.

† Только въ Тверской губерніи большинство дворянства опредѣлило надѣль по существующему размѣру; въ другихъ губерніяхъ одно меньшинство приняло существующій надѣль; въ чериоземныхъ губерніяхъ (кроме 2 членовъ симбирскаго меньшинства) мнѣніе дворянства противъ существующаго надѣла.

проистекать изъ такого однообразія, являются лишь весьма второстепеннымъ обстоятельствомъ въ сравненіи со всею совокупностію дѣйствительныхъ неудобствъ, порождаемыхъ нормою.

“2) При несомнѣнномъ практическомъ складѣ крестьянскаго ума, трудно предположить, чтобы крестьянинъ не съумѣлъ признать всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя можетъ представить ему предполагаемая, высочайше утвержденнымъ 4 Декабря 1858 года журналомъ Главнаго Комитета, помощь государственнаго кредита для выкупа лежащихъ на немъ повинностей и для прекращенія всѣхъ обязательныхъ его отношеній къ помѣщику. Стремленіе къ прочной и обезпеченной собственности, по всѣмъ вѣроятіямъ, побѣдитъ въ немъ слѣпую привязанность къ той части его земельного надѣла, безъ которой ему, на самомъ дѣлѣ, можно будетъ обойтись. Но если, и за симъ, противники существующаго надѣла еомнѣваются въ возможности, даже и предоставленіемъ подобныхъ осязательныхъ выгодъ склонить крестьянина къ уступкѣ пѣкоторой части своего надѣла при добровольномъ выкупѣ, то еще труднѣе предположить, чтобы крестьяне могли, охотно и безропотно, отказаться отъ владѣнія тѣми же самыми угодьями те перь, когда такое лишеніе не должно сопровождаться для нихъ даже и тѣми очевидными выгодами, которыя будутъ для нихъ сопряжены съ окончательнымъ выкупомъ ихъ надѣловъ у владѣльцевъ. Такимъ образомъ самый доводъ, приводимый противъ начала существующаго надѣла, служитъ лишь къ вѣщему доказательству того, какъ трудно отступить отъ этого начала въ пользу произвольнаго сокращенія крестьянскаго надѣла.

“3) Врядъ ли справедливо, чтобы существующій надѣль былъ явленіемъ произвольнымъ и лишеннымъ разумнаго основанія, ибо онъ установился самъ собою, путемъ самымъ естественнымъ, въ силу вѣковыхъ отношеній и взаимныхъ выгодъ того и другаго сословія, налагавшихъ на помѣщика и правительственную, и матеріальную необходимость обезпечить въ достаточныхъ размѣрахъ бытъ своего крестьянина. Такая система, постоянно доселѣ поддерживавшаяся самимъ дворянствомъ, безъ сомнѣнія не можетъ быть опровергнута указаніемъ на сравнительно рѣдкую случайность существованія въ которыхъ или слишкомъ щедрыхъ, или слишкомъ скудныхъ надѣловъ, къ исправленію которыхъ могутъ всегда быть приложены самыя простыя мѣры. Можно, поэтому, съ совершенною достовѣрностію сказать, что существующій нынѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, крестьянскій надѣль есть, за немногими исключеніями, лучшее и даже единственное правильное практическое мѣрило того количества земли, котораго соответствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина.

“4) Искусственное опредѣленіе нормы надѣла въ каждой мѣстности представляетъ чрезвычайныя трудности, и можетъ быть почтено дѣломъ совершенно несбыточнымъ. Несбыточность эта, кроме многихъ другихъ причинъ, обуславливается главнымъ образомъ тройственною невозможностію : опредѣлить съ надлежащею точностію самыя нужды крестьянина въ каждой мѣстности, исчислить дѣйствительную производительность поземельнаго надѣла въ каждой отдѣльной волости Россіи, наконецъ оцѣнить, даже съ приблизительною достовѣрностію, степень выгоды, извлекаемой каждымъ крестьяниномъ изъ главныхъ и въ особенности вспомогательныхъ промысловъ, служащихъ восполненіемъ дохода, получаемаго отъ земли.

“5) Но еслибы даже норма надѣла и была дѣйствительно удобоопредѣлима, то и въ такомъ случаѣ повсемѣстное и сколько нибудь быстрое приведеніе ея въ исполненіе должно встрѣтить на дѣлѣ почти непреодолимыя препятствія, по недостатку необходимыхъ для введенія ея межевыхъ и кадастровыхъ средствъ; эти средства, конечно, нужны также для утвержденія за крестьянами существующаго надѣла и для производства въ послѣднемъ самыхъ необходимыхъ измѣненій, но лишь въ несравненно меньшей мѣрѣ.

“6) Во всякомъ случаѣ, введеніе подобной искусственной нормы, подъ опредѣленіе которой можетъ не подойти безусловно ни одинъ изъ нынѣ существующихъ въ Россіи крестьянскихъ надѣловъ, производя повсемѣстную ломку и крестьянскаго, и господскаго хозяйства, и вынуждая преобразование перваго на новыхъ и неизвѣданныхъ еще основаніяхъ, не можетъ не подвергнуть страшному разстройству оба сословія.

“7) Наконецъ, при такомъ всеобщемъ потрясеніи всѣхъ хозяйственныхъ условій сельскаго быта и при одновременномъ, болѣе или менѣе общемъ, сокращеніи крестьянскаго надѣла, было бы, безъ всякаго сомнѣнія, совершенно невозможно для правительства отвѣчать за сохраненіе общественаго спокойствія или, по крайней мѣрѣ, достигать этой цѣли иначе, какъ съ помощью такихъ средствъ, которыхъ самое простое благоразуміе предписываетъ тщательно избѣгать.

“Взаимное сличеніе силы и убѣдительности всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ, какъ противъ принятія существующаго надѣла, такъ и за возможное его сохраненіе, приводятъ хозяйственное отдѣленіе къ убѣжденію, что размѣръ крестьянскаго надѣла не можетъ быть опредѣленъ посредствомъ какой бы то ни было искусственной нормы, по что за крестьянскимъ сословіемъ должно быть, по возможности, сохранено право пользованія, за опредѣленныя повинности, тѣмъ же самымъ надѣломъ, которымъ существованіе его обезпечивалось до сихъ поръ.”

Существующій надѣль хозяйственное отдѣленіе принимаетъ

въ томъ размѣрѣ, въ какомъ находился въ 1859 году. Мы къ этому прибавили бы только, что скрытіе или тайное измѣненіе помѣщикомъ настоящаго надѣла относятся къ уголовнымъ преступленіямъ.

По 4му вопросу хозяйственное отдѣленіе пришло къ необходимости установить высшій и низшій предѣлы надѣла. Высшій — въ имѣніяхъ, гдѣ “помѣщики, по своему великодушію, предоставляли доселѣ крестьянамъ чрезмѣрно большіе надѣлы,” и гдѣ, добавимъ мы, земли столько, что помѣщикъ не могъ увеличить своей запашки за недостаткомъ рукъ и отдавалъ крестьянамъ лишки, которыми самъ при трехдневной барщинѣ не могъ пользоваться, или гдѣ земли столько, что не считано, сколько крестьяне пашутъ на себя. Низшій тамъ, гдѣ

“Чувство справедливости требуетъ, чтобы новое законоположеніе не освящало вопіющей несправды въ пользу тѣхъ (вѣроятно весьма немногихъ) владѣльцевъ, которые заранѣе отобрали все или почти все земли крестьянскаго надѣла, оставивъ крестьянъ или вовсе безъ земли, или лишь при самомъ скудномъ количествѣ ея; требованіе это тѣмъ болѣе справедливо, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ крестьяне очевидно были бы лишены и правильныхъ средствъ къ существованію и возможности исправно отправлять лежащія на нихъ казенныя и общественныя повинности.”

О высшемъ предѣлѣ хозяйственное отдѣленіе говоритъ :

“Само собою разумѣется, что означенный предѣлъ долженъ быть поставленъ въ такія широкія границы, чтобы отрѣзываніе излишнихъ крестьянскихъ угодій не могло сдѣлаться общимъ явленіемъ, но всегда сохраняло лишь характеръ исключенія. Въ особенности же означенный наибольшій размѣръ (maximum) долженъ быть таковъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ, не могла безвозвратно отойти отъ крестьянъ та часть изъ настоящихъ ихъ угодій, цѣнность которой уже возвышена ихъ трудомъ и обработкой.”

Низшій предѣлъ устанавливается “для того, чтобы крестьяне въ настоящее время, не могли быть надѣляемы меньшимъ противъ этого размѣра количествомъ земли: въ случаѣ, если бы въ которомъ либо имѣніи крестьяне случайно владѣли нынѣ землею въ количествѣ меньшемъ противъ сего низшаго предѣла, тогда помѣщикъ нарѣзываетъ имъ недостающую землю изъ остальныхъ земель, развѣ крестьяне сами откажутся отъ принятія такой добавочной нарѣзки земли за повинность.”

Въ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ надѣлъ скуденъ не по своскорыстнымъ видамъ помѣщика, можетъ случиться, что даже и за низшимъ предѣломъ — у помѣщика вовсе не осталось бы земли или ничтожная часть; въ избѣжаніе такого результата хозяйственное отдѣленіе даетъ помѣщику право “отрѣзать въ свое непосредственное владѣніе известную часть принадлежащихъ къ имѣнію угодій, которыя состоятъ въ пользованіи крестьянъ,” не скрывая отъ себя, что примѣненіе этого правила затруднительно, но желая — согласно требованію почти всѣхъ губернскихъ комитетовъ — “устранить, по возможности, разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащей ему землею.”

Этого мы хорошенько не понимаемъ: имѣнія такого рода промысловыя и оброчныя; помѣщики тамъ не живутъ; капитализация ихъ для выкупа падаетъ на цѣнность усадебъ и выгоды промысловъ. Какимъ же образомъ, при капитализации, въ сущности падающей на трудъ крестьянъ, еще урѣзывать у нихъ клочекъ и безъ того скудной земли? И для чего?... чтобы не разорвать связь помѣщика съ землею, съ которою онъ и безъ того, никогда не живши въ имѣніи, не имѣлъ никакой связи. Это усложняетъ вопросъ и притомъ совершенно несправедливо. Мы не видимъ никакой достаточной экономической и юридической причины предполагаемой отрѣзки земли въ пользу помѣщика, тѣмъ болѣе, что отрѣзанный отъ крестьянскаго надѣла клочекъ, по своей незначительности, не можетъ составить для помѣщика дѣйствительнаго хозяйства. Рѣдкіе случаи, когда въ подобныхъ имѣніяхъ пахотятся

господскія усадьбы — домъ, садъ, огородъ, сѣнокосъ для домашняго обихода — конечно составляютъ исключенія. Такія господскія усадьбы неотъемлемо останутся за помѣщикомъ; это его дача, куда онъ пріѣзжаетъ отдыхать или отъ промышленныхъ трудовъ, если онъ продалъ выкупныя облигаціи и пустилъ капиталъ въ промышленный оборотъ, или отъ городской жизни, если онъ, не продавая облигацій, станетъ жить на проценты съ оныхъ, погруженный въ науку, искусство и тунеядство. Чтобы оправдать отрѣзку изъ скуднаго крестьянскаго надѣла въ пользу помѣщика, хозяйственное отдѣленіе допускаетъ переселеніе части крестьянъ при пособіи правительства. О необходимости переселеній, о покровительствѣ, которое правительство обязано имъ оказывать и надѣленіемъ порожними землями, и пособіями при переходѣ — мы отнюдь не споримъ. Но переселенія въ имѣніяхъ этого разряда окажутся необходимы безъ всякой отрѣзки въ пользу помѣщика; илѣ переселенія не въ ненарушимости связи помѣщика съ землею, — такая сентиментальная цѣль ниже государственнаго смысла, — цѣль въ возможномъ уравниваніи народонаселенія въ государствѣ, которое представляетъ всѣ условія для этого уравниванія, и при общей сѣти желѣзныхъ дорогъ, можетъ явиться организмомъ, гдѣ всѣ отдѣльныя части почти равномерно изобилуютъ живыми соками.

Подъ названіемъ *имѣніе* — хозяйственное отдѣленіе разумѣетъ не одну поземельную дачу, а совокупность смежныхъ дачъ, принадлежащихъ одному помѣщику; поэтому оно совершенно справедливо полагаетъ, “что если прирѣзка земли крестьянамъ можетъ быть требуема лишь изъ ближайшихъ господскихъ земель, принадлежавшихъ къ хозяйственному составу одного имѣнія, то съ другой стороны, при отрѣзкѣ части крестьянскаго надѣла, когда опредѣляется общее количество угодій, составляющее совокупность помѣщичьяго владѣнія, слѣдуетъ принимать въ расчетъ не одно только населенное имѣніе его въ одномъ какомъ либо уѣздѣ, но всю совокупность принадлежащихъ ему въ собственность населенныхъ и ненаселенныхъ земель, какъ въ этомъ уѣздѣ, такъ и въ другихъ съ нимъ смежныхъ, хотя бы сіи послѣдніе находились въ другой губерніи.”

По 5му вопросу хозяйственное отдѣленіе приходитъ къ невозможности однообразнаго измѣненія въ размѣрѣ существующаго крестьянскаго надѣла для всѣхъ мѣстностей Россіи.

Общій выводъ, сдѣланный отдѣленіемъ въ первомъ докладѣ слѣдующій :

“1) Размѣръ надѣла, предоставляемаго крестьянамъ въ пользованіе за опредѣленныя повинности, долженъ оставаться нынѣ существующій, но въ отношеніи къ оному могутъ быть допущены нѣкоторыя измѣненія, указанныя въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

“Примѣчаніе. Существующій надѣлъ принимается въ томъ размѣрѣ, въ какомъ находится въ нынѣшнемъ 1859 году.

“2) Главныя измѣненія существующаго крестьянскаго надѣла состоятъ въ опредѣленіи, для каждой мѣстности, известнаго наибольшаго и наименьшаго размѣра земли на каждую ревизскую душу.

“Примѣчаніе. Цифры, опредѣляющія наибольшій и наименьшій надѣлъ на душу, будутъ установлены, отдѣльно для каждой мѣстности, на основаніи ближайшихъ мѣстныхъ соображеній; о чемъ готовится особый докладъ.

“3) Всѣ нынѣ существующіе крестьянскіе надѣлы, не выходящіе изъ предѣловъ этихъ двухъ цифръ, должны оставаться безъ измѣненія, за исключеніемъ случаевъ, означенныхъ въ статьѣ 5й.

“4) Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ нынѣ существующій крестьянскій надѣлъ превышаетъ наибольшій размѣръ, тамъ помѣщику предоставляется отрѣзать себѣ излишекъ въ свое непосредственное владѣніе, съ соблюденіемъ правилъ, которыя будутъ для сего установлены. Крестьянамъ же дозволяется отказываться отъ обязательнаго пользованія такимъ излишкомъ, если бы онъ былъ имъ предложенъ помѣщикомъ за опредѣленныя добавочныя повинности.

“5) Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне теперь пользуются меньшимъ противу установленнаго для ихъ мѣстности наименьшаго надѣла, тамъ помѣщикъ прирѣзываетъ къ крестьянскому надѣлу недостающее количество (если крестьяне согласятся принять оное за повинности) изъ угодій того же имѣнія, находящихся

въ непосредственномъ владѣніи помѣщика, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

“а) Такая прирѣзка земли крестьянамъ не обязательна для помѣщика, если въ непосредственномъ владѣніи его состоитъ не болѣе одной трети общаго количества угодій, принадлежащихъ къ имѣнію.

“и б) Если нынѣ помѣщикъ имѣетъ въ своемъ непосредственномъ владѣніи болѣе трети общаго количества угодій въ имѣніи, то прирѣзываетъ къ крестьянскому надѣлу, для пополненія установленнаго на душу наименьшаго размѣра, лишь такое количество угодій, чтобы за тѣмъ оставалось не менѣе трети оныхъ въ непосредственномъ его владѣніи.

“б) Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ непосредственномъ владѣніи помѣщика нѣтъ одной трети общаго количества угодій, тогда предоставляется помѣщику отрѣзать, изъ существующаго крестьянскаго надѣла, такую часть, какая необходима для выполнения означенной трети съ соразмѣрнымъ уменьшеніемъ крестьянскихъ повинностей. При этомъ соблюдаются слѣдующія условія:

“а) Въ пользованіи крестьянъ не должно при этомъ оставаться, ни въ какомъ случаѣ, менѣе установленнаго на душу наименьшаго размѣра надѣла. На семъ основаніи, помѣщикъ отрѣзываетъ, для пополненія помянутой трети угодій, только такую часть крестьянскаго надѣла, которая превышаетъ установленный наименьшій размѣръ на душу.*

“б) Къ отрѣзкѣ части крестьянскаго надѣла приступается только въ то время, когда уменьшится, въ той же соразмѣрности, число поселенныхъ въ имѣніи крестьянъ: или посредствомъ перехода въ другія вѣванія, или посредствомъ переселенія на другія земли. Для скорѣйшаго достиженія того и другаго, даются особенныя облегченія (какъ объяснено будетъ при обсужденіи вопроса о правѣ перехода крестьянъ), а для переселенія на казенныя земли оказываются отъ правительства всѣ возможные пособія.

“в) Предоставляемая помѣщику отрѣзка части крестьянскаго надѣла въ его имѣніи допускается лишь въ такомъ случаѣ, когда въ общей совокупности земель, принадлежащихъ ему какъ въ томъ имѣніи, такъ и въ другихъ его владѣніяхъ, населенныхъ и ненаселенныхъ, и расположенныхъ во всѣхъ смежныхъ уѣздахъ, менѣе одной трети угодій состоитъ въ непосредственномъ его владѣніи.

“Примѣчаніе. Окончательное опредѣленіе того, могутъ-ли быть допущены тѣже самыя ограниченія существующаго надѣла въ Западныхъ губерніяхъ, гдѣ уже были введены инвентари, или гдѣ существуетъ участковое пользованіе крестьянъ землею, должно быть оставлено до того времени, когда будутъ получены и рассмотрѣны всѣ положенія комитетовъ и комиссій, учрежденныхъ въ тѣхъ губерніяхъ.”

По 2му докладу: “опредѣленіе и размѣръ усадебъ,” — хозяйственное отдѣленіе постановило слѣдующіе вопросы:

“1) Что именно должно разумѣть подъ усадебною осѣдлостью крестьянъ?

“2) Что слѣдуетъ принять за основаніе для опредѣленія размѣра усадебъ: существующій-ли нынѣ въ каждомъ селеніи размѣръ ихъ, или же опредѣленные нормы количества земли для каждаго двора или усадебнаго участка? и

“3) Если будетъ принято за основаніе существующій въ дѣйствительности размѣръ, то нужно-ли постановить при этомъ извѣстныя ограниченія въ отношеніи *наибольшаго и наименьшаго* размѣра усадебъ?”

Первые два вопроса хозяйственное отдѣленіе разсматриваетъ совокупно.

Не смотря на уменьшенныя нормы нѣкоторыхъ губернскихъ проэктовъ, оно, сообразно съ большей частью оныхъ и высочайшими рескриптами, по которымъ “крестьянамъ *оставляется ихъ усадебная осѣдлость,*” — признаетъ необходимость оставить усадебную осѣдлость крестьянъ въ томъ составѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она существуетъ въ настоящее время, исключая частныя случаи выкупа усадебъ отдѣльно отъ полевой земли, и разумѣетъ подъ усадбою: “*крестьянскія жилища, хозяйственныя, промышленныя и общественныя строенія, съ землею подъ оными и имѣющимися при нихъ дворами, огородами, садами, конопляниками, огуменниками, хмѣльниками, пчельниками и т. п., а также водопоями и выпусками для скота.*”

* Мы уже сказали, почему мы съ мнѣніемъ отрѣзки земли у крестьянъ въ мало земельныхъ вѣдѣніяхъ несогласны. Еще можно бы это допустить, если крестьяне охотно уступятъ оный отрѣзокъ при значительной скидкѣ съ капитализаціи промысловъ т. е. труда.

“Не причисляются къ подлежащей выкупу, усадебной осѣдлости земли подъ строениями, находящимися внѣ черты селенія, какъ-то: отдѣльно стоящими иногда крестьянскими общественными запасными магазинами, вѣтряными мельницами, сѣнными сараями, овинами или ригами, которые не прилегаютъ къ усадбѣ съ выпускомъ, но отдѣлены отъ нея пашней, лугомъ или, однимъ словомъ, землями, не входящими въ составъ усадебъ, а также конопляники, хмѣльники, пчельники и т. п., устроенные въ поляхъ и лѣсахъ, и пахатныя земли и угодья, временно лишь служащія выгономъ. При этомъ, если означенныя крестьянскія строенія находятся на землѣ, остающейся въ распоряженіи помѣщика, то должны быть, въ опредѣленный срокъ, перенесены на земли, предоставленныя крестьянамъ. Само собою разумѣется, что избы. дворы и другія строенія, находящіяся при господскихъ заведеніяхъ и выстроенныя помѣщикомъ собственно для помѣщенія лѣсниковъ, пасечниковъ, шинкарей, мельниковъ, сторожей и пр., а равно земли подъ овинами, остаются во владѣніи помѣщиковъ, хотя бы даже нѣкоторые изъ сихъ строеній находились въ чертѣ селенія.”

По нашему мнѣнію тутъ крестьяне имѣютъ равносильное обратное право противъ помѣщика, т. е. если крестьяне обязаны въ опредѣленной срокъ снести строенія, оставшіяся на помѣщичьей землѣ, то и помѣщикъ обязанъ въ такой же срокъ снести господское строеніе, взошедшее въ черту селенія; по крайней мѣрѣ иначе не можетъ рѣшиться простодушіе разума, т. е. справедливость.

“Размѣръ или граница усадебъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуетъ ясно опредѣленная черта селенія въ видѣ издавна существующихъ: изгороды, два, околицы и т. п., опредѣляется самою этою чертою; но если ближайшій и единственный водопой находится внѣ черты селенія, то къ нему долженъ быть оставленъ свободный во всякое время прогонъ скота. Тамъ, гдѣ черта селенія ясно не означена, должна таковая непременно быть проведена, соображаясь съ существующимъ въ натурѣ очертаніемъ усадебъ, со включеніемъ всѣхъ имѣющихся при ней усадебныхъ угодій, нѣ въ помянутыхъ выше, и непременно прогонъ на водопой.

“Водопой, бывшій до того общимъ у помѣщика съ крестьянами, при немъ и другаго удобнаго, долженъ оставаться въ общемъ ихъ пользованіи; общій же выпускъ можетъ быть, или раздѣленъ по взаимному соглашенію, или оставленъ по прежнему въ общемъ пользованіи.”

Здѣсь мы съ большою радостью замѣтимъ, что хозяйственное отдѣленіе, вопреки феодальному праву собственности, приходитъ къ понятію общей, т. е. ни чьей собственности—водопоя, улицъ, дорогъ, площадей и т. п., всего что составляетъ хозяйственную потребность всѣхъ и имѣетъ для каждаго право на даровое удовлетвореніе.

По третьему вопросу, при трудности отличенія усадебныхъ угодій отъ полевыхъ (на пр. въ степныхъ губерніяхъ) хозяйственное отдѣленіе, основываясь на ст. 445 Т. XII Устава строительнаго, полагаетъ конопляникъ въ 490 саж. на дворъ и выпускъ въ 240 саж., приблизительно того и другаго 960 кв. саж. на дворъ. Въ случаяхъ же перенесенія усадебъ на новыя мѣста, что крестьянину тягостно, да и притомъ земли качествомъ хуже старыхъ усадебъ, — оно принимаетъ за низшую норму усадебъ: дворъ съ огородомъ, садомъ или конопляникомъ въ 840 с. выпускъ въ 960 с., всего 1,800 с. на дворъ, т. е. около 450 кв. саж. на душу.

Вотъ общія заключенія отдѣленія:

“1) Подъ крестьянскою усадебною осѣдлостью разумѣются: а) крестьянскія жилища, хозяйственныя, промышленныя, общественныя и всякія другія строенія и б) вся земля, состоящая въ одной окружной чертѣ селенія подъ крестьянскими строениями, съ принадлежащими къ нимъ крестьянскими огородами, садами, конопляниками, гумнами, хмѣльниками, пчельниками и т. п., проулками (промежутки между дворами), водопоемъ и выпускомъ для скота.

“Примѣчаніе. Строенія, въ которыхъ помѣщаются крестьянскія фабрики и заводы, стоящія внѣ черты селенія, не принадлежатъ къ усадебной осѣдлости; но право крестьянъ на означенныя строенія и право помѣщика на землю, будутъ отворены въ своемъ мѣстѣ.*

“2) Черта селенія, тамъ, гдѣ она издавна существуетъ, опредѣляется ровомъ, изгородью, околицею и т. п. Тамъ же, гдѣ означенной черты не существуетъ,

* Объ этихъ мѣстечкахъ мы уже говорили въ 51 и 53 листахъ Колокола.

таковая опредѣляется сообразно очертаію поселка въ натурѣ, при чемъ, въ случаѣ спора о границѣ усадебной земли, отрѣзывается къ усадебной осыдлости, изъ существующихъ выпусковъ и конопляниковъ, на каждую ревнскую душу: подъ выпускъ не болѣе 240 кв. саж., а подъ конопляникъ (въ отличіе отъ огорода), примѣняясь къ общему закону, не болѣе 120 кв. саж.

“Примѣчаніе. Цифры эти подлежатъ окончательному соображенію и опредѣленію, по полученіи необходимыхъ объясненій отъ членовъ, избранныхъ губернскими комитетами.

“3) Всѣ земли, состоящія въ чертѣ селенія подъ строениями помѣщика, его огородами, садами и др., а также усадьбами, принадлежащими къ его хозяйственнымъ заведеніямъ и занимаемыми должностными при тѣхъ заведеніяхъ лицами, равно воды, составляющія оброчную или доходную статью помѣщина, —остаются въ непосредственномъ его владѣніи.

“4) Площади въ селеніяхъ, по смыслу 422 ст. Уст. Стр., не могутъ быть произвольно уничтожены и состоятъ въ общемъ пользованіи; принадлежащія же помѣщику торговля на нихъ (строенія и лавки, а равно доходы съ нихъ, остаются, по прежнему, въ полной собственности помѣщика.*

“5) Улицы и проѣзжія дороги, въ исчисленіе количества усадебной земли для опредѣленія цѣнности усадебъ, какъ неудобная земля, не включаются, но остаются въ общемъ пользованіи, по смыслу 523 ст. Т. XI. Уст. Пут. Сообш.

“6) Общія водопой и выпуски, если они замѣнены быть не могутъ, остаются въ общемъ пользованіи. При этомъ, если водопой не прилагается къ усадебной землѣ, но отдѣленъ отъ нея лугомъ или другими угодьями, то къ нему долженъ быть оставленъ свободный постоянно прогонъ для скота. Общія же выпуски, если они не будутъ раздѣлены по взаимному согласію между помѣщикомъ и крестьянами, подлежатъ раздѣлу, на основаніи правилъ, которыя будутъ установлены для разграниченія крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьихъ.

“7) Усадьбы остаются въ существующемъ размѣрѣ, если не переносятся на новыя мѣста. Въ случаѣ же перенесенія, по правиламъ, которыя для того Положеніемъ опредѣлены будутъ,—подъ каждую усадьбу въ новомъ поселкѣ нарѣзывается такое количество земли, какое находилось въ прежнемъ, но не менѣе принятаго нормальнаго размѣра (примѣрно около 450 саж. на душу.) Къ цифрѣ этой относятся упомянутое выше замѣчаніе объ окончательномъ ея обсужденіи, по прибытіи членовъ губернскихъ комитетовъ.

“Примѣчаніе I. Здѣсь подразумевается то перенесеніе усадебъ, которое въ известныхъ случаяхъ, будетъ допущено на основаніи новаго Положенія; существующими же усадьбами должны быть признаваемы всѣ тѣ, въ которыхъ будутъ анновать крестьяне въ 1859-1860 году.

“Примѣчаніе II. Относительно усадебъ въ мѣстечкахъ будутъ составлены особыя соображенія на основаніи журнала ‘Общаго Присутствія’ 22 апрѣля, No. 10.”†

На этотъ разъ мы остановимся на первыхъ двухъ докладахъ. Здѣсь мы почти вовсе не расходились съ положеніями хозяйственнаго отдѣленія. Эти положенія могутъ служить основаніемъ просто для выкупа. Какимъ образомъ внослѣдствіи хозяйств. отдѣленіе дошло до постановки переходнаго, срочно-обязаннаго состоянія, до девятилѣтняго сохраненія денежныхъ и барщенихъ повинностей крестьянъ къ помѣщику—трудно объяснить. Уступка-ли это помѣщику мѣшину?... Но за чѣмъ же правительству дѣлать вредныя уступки? За чѣмъ сбиваться съ логическаго пути въ вопросахъ первой величины? Умѣетъ же правительство употреблять власть тамъ гдѣ она не нужна: на пр. запрещеніе дворянству говорить о крестьянскомъ вопросѣ на выборахъ и отрѣшеніе отъ должности Тверскаго губернскаго предводителя Унькоаскаго. Что за нелѣпо-деспотическій поступокъ! Чего испугалось правительство? Дворянскаго бунта что-ли? Но дворяне могутъ бунтовать только противъ освобожденія крестьянъ, а въ этомъ случаѣ крестьяне ихъ перерѣжутъ, слѣдственно дворяне бунтовать не могутъ. Да и не хотятъ. Они хотятъ говорить о

* Оно оговорено въ докладѣ No. 4, на что мы укажемъ при разборѣ онаго.

† Даже слишкомъ въ полной собственности. По рѣшенію юридическаго отдѣленія (докладъ No. 10) помѣщикъ одинъ сохраняетъ доходъ съ ярмарочныхъ и базарныхъ площадей, находящихся по рѣшенію хозяйств. отдѣленія въ общемъ пользованіи и распоряжается ими онъ одинъ, не смотря на то, что онъ представляетъ одну торгующую единицу, а село можетъ быть 3,000 единицъ.

своемъ дѣлѣ; развѣ это бунтъ? Дворянскія пренія могли бы только разъяснить вопросъ; правительство могло бы извлечь изъ нихъ новый матеріалъ для соображеній по крестьянскому вопросу—и только. Мы нисколько не споримъ, что окончательное рѣшеніе, диктатура вопроса принадлежитъ правительству, потому что большинство дворянства тупо смотритъ на вопросъ, и потому что въ государственно-юридическомъ вопросѣ, дворянство — представляя одну изъ тяжущихся сторонъ — не можетъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ.* Но запретить пренія, адвокатуру по дѣлу—уродливо. А когда посмотришь, что Нижегородское дворянство теперь предлагаетъ правительству освобожденіе крестьянъ безъ переходнаго состоянія (Indépendance belge, 15 Января 1860). то какъ знать—можетъ пренія на выборахъ привели бы и остальныхъ губерній къ тому же заключенію, и правительству нечего было бы дѣлать уступку помѣщику требованію переходнаго положенія. Само же правительство переходнаго положенія разумно желать не можетъ по многимъ причинамъ:

1.) Переходное положеніе поставитъ крестьянъ на ножи. Крестьянинъ думалъ, что онъ будетъ вольный, а на дѣлѣ увидитъ что нѣтъ. Станетъ онъ ждать еще девять лѣтъ или нѣтъ—неизвѣстно; но играть народнымъ терпѣніемъ опасно.

2.) Опытъ скоро образумитъ помѣщиковъ, требующихъ переходнаго положенія. Они съ первыхъ же поръ увидятъ, что поставили себя въ самое неловкое положеніе, гдѣ они должны заставлять людей работать насильно, а приказывать по прежнему не могутъ. Они увидятъ, что работа по добровольному найму для нихъ сподручнѣе, а вслѣдствіе побарщины они не могутъ приступить къ нему откровенно. Они должны будутъ пользоваться повинностями сами, а не получать ренту черезъ посредство правительства, и наткнутся на народъ уже совершенно враждебный и озлобленный, *не вѣряющій чтобы кто нибудь желалъ ему добра.*

3.) Переходное положеніе помѣшаетъ правильному выкупу. Первые два доклада хозяйств. отдѣленія опредѣлили размѣръ надѣла и усадебъ вынѣ существующій. Чего проще какъ прямо приступить къ капитализаціи угодій, поступающихъ въ крестьянскую собственность и къ учрежденію выкупа. Даже межевой ломки не потребовалось бы. Разъ метода выкупа утверждена, финансовая операція началась, — тогда спорные пункты между помѣщиками и крестьянами могли бы рѣшаться третейскими судами. Но допустить тяжбы до приведенія въ дѣйствительность выкупа — значитъ разсрочить переходное состояніе въ безконечность. Кто же сказалъ, что черезъ девять лѣтъ все безспорно будетъ готово для выкупа? Нѣтъ, не будетъ. Придется еще разсрочить переходное состояніе до окончанія тяжбныхъ вопросовъ, также какъ было съ черезполосностью. И вотъ выкупъ опять отложенъ. И вы думаете, что въ этомъ междоусобномъ переходномъ состояніи улучшится бытъ крестьянъ или помѣщиковъ! Конечно нѣтъ! Если одна сторона не перерѣжетъ другую, то навѣрное обѣ стороны окончательно раззорятся.

Общее присутствіе комиссій утвердило безъ измѣненія первые два доклада хозяйственнаго отдѣленія. (Журналы об. присут. комиссій NN. 22, 23, 24 и 25).

* Мы понимаемъ, что каждый — судья въ своемъ дѣлѣ не тяжбонѣ, каждый—судья въ своемъ хозяйствѣ, въ своемъ личномъ правѣ свободы совѣсти дѣйствій. Но при освобожденіи крестьянъ дворянство тяжущаяся сторона — и только. Правительство представляетъ третейскій судъ.

Доклады составляли и подписали члены : *Аралетовъ, Жельзновъ, Милотинъ, Самаринъ, Соловьевъ, Татаринъ, князь Сергій Голицынъ,* Жуковский, Павловъ, Семеновъ, Тарновскій и князь Черкасскій.*

Сколько бы мы ни расходились въ мнѣніяхъ, мы съ уваженіемъ смотримъ на труды гг. членовъ. Кто изъ нихъ отстаивалъ правду и разумъ? Кто сворачивалъ въ сторону?.. Когданибудь каждому воздастся по достоинству—хвала или проклятіе. Ни мнѣнія, ни слова каждаго не останутся подъ спудомъ.

Was im Kämmerlein
Still und fein gesponnen
Muss doch auch einmal
Kommen an die Sonnen.

Н. Огаревъ.

ИЗОБЛИЧИТЕЛЬ.

Мы имѣемъ передъ глазами двѣ тетрадки, въ которыхъ студенты Московскаго Университета изобличаютъ аудиторіямъ дурные поступки товарищей. Вещь очень полезная, но недостаточная; за такимъ обвиненіемъ долженъ быть судъ, судъ обязанный выслушать оправданіе, судъ на столько выражающій живое, дѣятельно-нравственное понятіе аудиторіи, на столько сильный ея сочувствіемъ, чтобъ онъ могъ *исключать* изъ среды студентовъ уличеннаго негодяя.

Изобличенія не ведущія ни къ какимъ послѣдствіямъ кромѣ праздныхъ пересудовъ — при существованіи корпораціи — вредны, доказываютъ нравственную инертность ея и недостатокъ общественной силы.

Въ полкахъ, при всей военной дисциплинѣ, офицеры очень часто заставляютъ загрязнившася товарища выходить въ отставку.

На первый случай мы не хотимъ рассказывать преступныя и грязныя исторіи, прочтенныя нами, но беремъ двѣ изъ нихъ самыя гнусныя, для того, чтобъ оставить вопросъ : Могутъ ли порядочные студенты находиться въ одной и той же аудиторіи съ подобными товарищами, если они не оправдаются и могутъ ли ихъ терпѣть, если они не хотятъ оправдываться?

Одинъ студентъ изъ ревности заманилъ дѣвушку, съ которой былъ въ связи, на квартиру къ товарищу; тамъ осыпая ее ударами, юный Отелло раздѣлъ ее до рубашки и потомъ *вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ отодралъ арапникомъ.* Въ этой отвратительной исторіи особенно замѣчательно то, что счастливый соперникъ палача былъ тоже студентъ, и не только ничего не сдѣлалъ, узнавъ объ этомъ, но даже не возбудилъ этимъ смиреніемъ особеннаго вниманія *Изобличителя.*

Второе происшествіе еще гнуснѣе.

Какой-то студентъ, *обидившись* тѣмъ, что крѣпостный его слуга повѣсилъ свои панталоны на вѣшалку съ господскимъ платьемъ, *билъ его палкой* не говоря причины и требуя, чтобъ тотъ *догадался*; такъ какъ бѣдный мальчикъ не догадывался, студентъ его *билъ всякій день до тѣхъ поръ,* пока полиція, узнавъ объ этомъ, вступилась за него и отослала мальчика къ родителямъ.

Въ исторіи съ несчастной дѣвушкой еще можно сыскать тѣнь извиненія—въ ревности. Хотя и трудно чѣмънибудь объяснить (кромѣ пьянаго состоянія) роль Пилада, держав-

* Авторъ пошло-грубой книжонки "Печатная правда", поддѣлки подъ народный языкъ, писанной противъ народной свободы. Двойное преступленіе!

шаго жертву своего Ореста. По отъ этого систематическаго тиранства надъ мальчикомъ—мальчишки-барина и притомъ студента,—становится волосъ дыбомъ. Это холодное, обдуманное, старческое злодѣйство, лишенное, даже той грязной поэзіи, которая окружаетъ всякой развратъ и всякое буйство, *cela promet...* и особенно въ то время, когда вся Россія говоритъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права! Такое глубокое, коренное растлѣніе однажды узнанное,—врядъ имѣютъ ли право студенты амнистировать, не взявъ на себя доли грязнаго пятна.

Намъ возразятъ, что люди способные бить своихъ людей не подчинятся суду, не выйдутъ на праведъ, а пожалуй донесутъ,—и все таки останутся.

Если тысяча студентовъ не умѣютъ отлученіемъ отъ огня и воды товарищества отравить жизнь какомунибудь негодяю, преступнику или доносчику до того, чтобъ онъ не смѣлъ противъ ихъ воли остаться, тогда лучше не дѣлать обличеній, а исправно слушать лекціи, держать спокойно экзаменъ и еще спокойнѣе идти на службу.....

Въ наше время подобный случай былъ невозможенъ. Мы не слышали о студентахъ-палачахъ, студентъ который бы билъ систематически своего крѣпостнаго слугу—не былъ бы съ нами, или мы бы не были съ нимъ, а можетъ быть годомъ, двумя раньше въ Вяткѣ или Перми.

Что касается до университетскаго начальства—оно имѣетъ тотъ характеръ тяжелой глупости, къ которому особенно предрасполагаетъ педантская ученость, старо-семинарское боговоспитаніе, доктринаризмъ и вообще наука, когда она не по организму.

Рядомъ съ тупоуміемъ и іезуитизмомъ, съ *Баршевымъ*, "требующимъ кнута для живыхъ и позора для мертвыхъ," и *Орнатскимъ*, "толкующимъ объ особенныхъ притеченіяхъ святаго духа на главу помазанника божія,"—встрѣчаются разныя канцелярскія пакости, показывающія что aula университетская все же кровная, родная уѣздному суду, гражданской палатѣ.

Зачѣмъ *Майкову* (котораго говорятъ уволили изъ комитета объ освобожденіи крестьянъ за то, что онъ защищалъ крѣпостное право) кафедра сохранена послѣ его исторіи, а онъ самъ живетъ въ отпуску?

Зачѣмъ Овидій, воспѣвшій любовь пауковъ—*Варнекъ*, не лишенъ кафедры, и *Борзенковъ* только его адъюнктомъ?

Зачѣмъ *frater Летуновъ* все спитъ, когда его зовутъ по обязанности къ больнымъ и даже умирающимъ студентамъ? онъ такимъ образомъ уже заспалъ *Жукова*. Альфонскій въ качествѣ генерала и хирурга могъ бы сдѣлать свой судъ Саломоновъ. Если же Летуновъ одержимъ спячкой, какъ многіе изъ русскихъ "грызуновъ," по свидѣтельству Палласа, то отчего же не найти ему больше дневнаго употребленія—лечить ректорскихъ кошекъ, попечительскихъ лошадей, Орнатскаго когда онъ занеможетъ и прочихъ вещей, которыхъ не очень жаль.

ЗАСѢЧЕННЫЙ МАТРОСЪ.

Печатающія документы канибальскаго звѣрства морскаго вѣдомства, и стачки начальства для укрывательства преступленія, мы въ первый разъ обращаемся къ Константину Николаевичу. Говорятъ, что онъ искренно хочетъ улучшить

свою часть—въ такомъ случаѣ онъ не можетъ, не долженъ терпѣть такого татарскаго варварства, и такихъ безстыдныхъ укрывательствъ.

“Подобныя злодѣйства—пишетъ совершенно справедливо нашъ корреспондентъ, котораго мы просимъ присылать намъ побольше подобныхъ документовъ — совершаются у насъ ежедневно и гложутъ безслѣдно въ омутѣ канцелярій; ихъ никто не знаетъ, жертвы этихъ злодѣйствъ совершенно лишены возможности не только искать справедливости, но даже и заявить публично свои страданія.”

Неужели въ то время, когда герцогъ Кембриджскій свелъ телѣсныя наказанія въ арміи на минимумъ и приговоръ къ нимъ окружилъ всѣми гарантіями англійскаго судопроизводства, въ то время какъ англійское адмиралтейство дѣлаетъ подобную перемѣну, и англійскіе судьи *вѣшаютъ* капитановъ засѣкающихъ матросовъ, у насъ въ вѣдѣніи *Константина Николаевича* не только лейтенанты засѣкаютъ *колючими* розгами, но контръ-адмиралы приговариваютъ къ шпицрутенамъ и ссылаютъ въ арестантскія роты челоуѣка за то, что онъ писалъ просьбу вдовѣ засѣченнаго матроса.

Интересно какъ одесскіе друзья г. Бутакова объяняютъ и это дѣло въ его пользу.

Обращаемъ особенное вниманіе на свидѣтельство медиковъ, очень жаль, что ихъ фамиліи не написаны, ихъ слѣдуетъ отмѣтить. Прибавлять къ этимъ документамъ ничего не надобно. Мы очень серьезно просимъ Константина Николаевича дать себѣ трудъ прочесть ихъ.

I.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ ЗАВѣДЫВАЮЩЕМУ МОРСКОЮ ЧАСТІЮ ВЪ НИКОЛАЕВѢ, СВИТЫ Е. И. В. ГОСПОДИНУ КОНТРЪ-АДМИРАЛУ И КАВАЛЕРУ — БУТАКОВУ,

Вдовы умершаго отъ наказанія, 32го флотскаго экипажа матроса I статьи, Семена Блюенки, Авдотьи Степановой дочери

ПРОШЕНІЕ.

На основаніи 5 ст. книг. 2 Свд. Мор. Угол. Постановленій изд. 1851, дѣла о нижеописанныхъ поступкахъ производится не на гербовой бумагѣ, по сему просьбу эту повергаю на простой бумагѣ, съ полною довѣренностію, что ваше прево. не оставите учинить справедливое и законное распоряженіе къ удовлетворенію сего донесенія моего, которое по силѣ 29 ст. той же книги Мор. Пост. не только мнѣ дозволено по праву супружескаго заступленія, но и всякому, а потому по чистой христіанской совѣсти и сообразно здравому разуму принимаю смѣлость доложить вашему пре-ву. слѣдующее:

Помянутый мужъ мой Блюенко, съ 1846 года постоянно служилъ на яхтѣ Ариадна, на которой 11-лѣтъ всегда исполнялъ обязанности: подшкипера, баталера и писаря исправно, какъ доказывается тѣмъ, что при упущеніяхъ онъ не могъ бы столь долго быть въ такихъ должностяхъ постоянно, которыя требовали безпрестанной заботливости и усердія, притомъ малѣйшее нерадѣніе его могло бы въ скорости открыть залутанности по отчетности, недостатки въ содержаніи казеннаго имущества и самый начеть, но за все то время никакихъ взысканій не открыто и шнурованныя книги, за всѣ прошедшіе годы, ведены мужемъ на яхтѣ по всѣмъ частямъ, къмъ слѣдовало повѣрены и ревизіею утверждены,

въ чемъ высланы изъ С. Петербурга квитанціи, какъ обо всемъ этомъ, не предвидя настоящихъ послѣдствій, при жизни мужа, онъ увѣрялъ меня съ душевною откровенностію, и въ теченіи 12 лѣтней службы своей былъ представляемъ къ награжденію унтеръ-офицерскимъ званіемъ отъ бывшихъ командировъ яхты гг. лейтенантовъ Шестакова, Андреева, Стройникова и Унковскаго (нынѣ флигель-адъютанта), который видя исправность мужа, бралъ его съ собою на яхтѣ въ Кронштатъ, на что при неусердіи мужа, г. Унковскій не могъ бы рѣшиться, потому что яхта вызвана была отсель на видъ высокихъ особъ.

При такомъ служеніи мужа моего, командиромъ яхты вступилъ г. лейтенантъ Фельдгаузенъ, который за какіе-то неуголовные проступки мужа, наказалъ его 1 прошлаго Октября *ста ударами ливками* и не давъ время къ совершенному выздоровленію, въ скорости 25 числа того же мѣсяца въ 10½ часовъ утра вновь подвергнулъ его на яхтѣ наказанію *шиповными розгами*, столь продолжительно и жестоко, что лишилъ его жизни; ибо хотя по выбитіи съ яхты г. Фельдгаузена, фельдшеромъ Коптеловымъ тогда были дапы ему медицинскія пособія кровопусканіемъ изъ обѣихъ рукъ, но всѣ ередства оказались бесполезны, ибо въ 1½ часа онъ умеръ, почему въ совершенной мертвенности отправленъ въ николаевскую морскую госпиталь, какъ удостовѣряется тѣмъ, что по положеніи тѣла его въ сарай для анатоміи, множество постороннихъ лицъ пришедшихъ туда на необыкновенное это происшествіе, лично видѣли выниманіе изъ его тѣла *шпицъ шиповника* и что тѣло его не только было весьма окровавлено, но *изъѣчено самымъ жестокимъ образомъ*.

Хотя государственные законы налагаютъ на виновнаго взысканіе за проступки, но оное опредѣляется тѣми же законами соотвѣтственно виновности, ограничивается властію и соразмѣрностію, какъ извѣстно каждому гражданину, что и за уголовныя преступленія судебнымъ рѣшеніемъ, жизнь челоуѣческая предохраняется мѣрою осторожности или раздѣленіемъ значительнаго наказанія, или отложеніемъ на время до выздоровленія; но какъ лейтенантъ Фельдгаузенъ поступилъ несогласно такому законному порядку, то при всѣхъ извѣтахъ его, онъ самъ подвергнулъ себя строгому изслѣдованію по законамъ и потерялъ мѣсто къ извиненію своему, тѣмъ болѣе, что во всякомъ случаѣ лишеніе жизни превышаетъ власть его, ибо Сводомъ Мор. Угол. Пост. предупреждается, Кн. 2, ст. 1: “Никто изъ лицъ, въ морскомъ вѣдомствѣ служащихъ, не можетъ быть подвергнутъ уголовнымъ наказаніямъ безъ обнаруженія вины слѣдствіемъ и опредѣленія степени ея военнымъ судомъ,” и что по дозволеніи 97 ст. той же книги, мужъ мой еслибы и былъ въ чемъ виновенъ, во время производства слѣдствія имѣлъ бы право приносить оправданіе, чѣмъ быть можетъ отстранить бы отъ себя взысканіе, или судъ ограничить бы оное; во какъ сихъ правъ самоправностію г. Фельдгаузена онъ лишенъ, слѣдовательно по силѣ 419 ст. I Кн. Мор. Пост., сей оберъ-офицеръ за смерть мужа моего не имѣетъ никакого мѣста къ своему оправданію, ибо 16 § приложения къ 224 ст. I кн. помянутыхъ постановленій, хотя мѣра исправительнаго наказанія безъ суда предоставлена власти командировъ судовъ, но она этимъ 16 § ограничена, притомъ безъ лишенія жизни и во время только морской кампаніи, а не на рѣкѣ возлѣ николаевскаго порта, на коей пребывала яхта во время смертельнаго наказанія мужа, которая имѣла ежедневное сообщеніе съ портомъ, такъ какъ и

наканувъ смерти мужа, онъ принялъ на яхту подъ росписку свою въ шнурованной книгѣ двѣ сажени дровъ, которые отправилъ на оную съ матросами яхты, слѣдственно за важные проступки мужъ могъ бы быть наказанъ по письменному приказу мѣстнаго въ Николаевѣ начальства, какъ это определено 2 пунктомъ 5го § приложения къ вышепроеписанной 224 ст. Или даже могъ бы быть подвергнутъ военному суду, согласно вышеизложенной I статьи.

Хотя множество людей лично видѣли въ госпитальномъ сараѣ тѣло мужа моего, но какъ несчастнымъ случаемъ этимъ я была ввергнута въ горестный плачь, то не могла имѣть наблюденіе къ замѣчанію ихъ, а потому изъ числа оныхъ поставляя свидѣтелями только нѣкоторыхъ, поименованныхъ въ представляемомъ особомъ спискѣ, я приѣмлю честь всепокорнѣйше просить распоряженія вашего пре-ва., о законномъ изслѣдованіи поступковъ г. лейтенанта Фельдгаузена и объ удовлетвореніи меня за смерть мужа на законномъ основаніи, такъ какъ лишеніемъ его жизни, отняты у меня на всю жизнь мою средства къ содержанію меня съ 8-мѣсячнымъ дитятей, причемъ неизлишнимъ считаю просить содѣйствія вашего пре-ва., чтобы свидѣтели происшествія, на основаніи 189 ст. 2 кн. Сво. Мор. Угол. Постановленій были приведены къ присягѣ лично при мнѣ, безъ чего показанія ихъ, я принять законными не могу.

Жена матроса Бълоенки Авдотья, а за неграмотностью ея подписался керченскій мѣщанинъ Григорій Даниловъ.
11 Ноября 1856 года.

Списокъ лицамъ, обозрѣвавшимъ лично въ госпитальномъ сараѣ тѣло матроса Бълоенки.

Жена рядоваго арсенальной 6 роты Лаврентія Лисанскаго Марья.
11 рабочаго экипажа унтеръ-офицеръ Николай Никифоровъ.
16 рабочаго экипажа унтеръ-офицеръ Григорій Никитинъ.
Жена мастераго 12 рабочаго экипажа Марки Скоробогатаго Анисья.
Мастеровой 13 рабочаго экипажа Климъ Кулишовъ.
Мастеровой того же экипажа Василій Ступаченко.
Жена мастераго 14 рабочаго экипажа Анна Тормашова.
Мастеровой 11 рабочаго экипажа Сомойло Лященко.
Мастеровой того же экипажа Игнатъ Сафоновъ.
Жена мастераго того же экипажа Анисья Марченкова.
Жена арсенальной 6 роты Карла Михальскаго Анна.

II.

Получено 20 Марта.

ВЪ АУДИТОРІАТЪ ШТАБА ЗАВѢДЫВАЮЩАГО
МОРСКОЮ ЧАСТІЮ ВЪ НИКОЛАЕВѢ.

Вдовы матроса Авдотьи Бълоенковой

ПРОШЕНІЕ.

РЕЗОЛЮЦІЯ

Принять къ соображенію при рѣшеніи дѣла.

Подписалъ: генералъ-маіоръ РАТЧЪ.

Извѣстно, что мужъ мой лейтенантомъ Фельдгаузеномъ жестоко наказанъ, умеръ отъ того и тѣло его находилось въ сараѣ морскаго госпиталя, куда сбѣжалось множество постороннихъ людей, о чемъ первая просьба была написана мнѣ на гербовой бумагѣ которую по неграмотности моей подписалъ чиновникъ Макарь Стенановъ; но какъ въ ней не показаны были свидѣтели видѣвшіе лично изсѣченное тѣло мужа, не объяснено служеніе его и не положено законныхъ основаній, противу коихъ превышала власть г. Фельдгаузена, то я въ Ноябрѣ прошлаго года убѣдительно и именемъ Бога

въ дня упросила писаря Спиридона Иванова написать мнѣ другую просьбу, которую тогда же лично подала его пре-ву, завѣдывающему морскою частію въ Николаевѣ, но она протестована по обращенію вниманія на подпись ея, а первую просьбу на гербовой бумагѣ по неполнотѣ ея оставила я у Иванова въ квартирѣ навсегда въ бездѣйствіи, которая въ скорости вмѣстѣ съ бумагами его, гг. полицмейстеромъ и приставомъ Матюжинымъ отобрана отъ него изъ квартиры, а на другое утро вмѣстѣ съ его бумагами объявлена ими мнѣ и ему въ присутствіи градской полиціи.

Впослѣдствіи я освѣдомилась, что за написаніе мнѣ, безъ дозволенія начальства, поданной мною просьбы и за подписаніе ее не на свое имя, Ивановъ преданъ военному суду и уже осужденъ судомъ: лишить 24-лѣтняго унтеръ-офицерскаго званія, приобрѣтеннаго имъ многолѣтними, безпорочными трудами на службѣ, прогнать сквозь строй и опредѣлить въ арестанты.

По уваженію, что столь ужаснѣйшая участь Иванова, постигаетъ его не по влеченію къ злу, интересу и другимъ видамъ, но единственно изъ состраданія къ несчастію моему, какъ это могу свидѣтельствовать тѣмъ, что не смотря на мои неотступныя убѣжденія, онъ едва склонился написать просьбу, то гласъ совѣсти обязываетъ меня взаимнымъ состраданіемъ къ нему, тѣмъ болѣе, что опредѣленные ему весьма великія тяжести происходятъ изъ снисхожденія къ моему несчастному случаю, посему осмѣливаюсь повергнуться предъ правительствомъ съ моею всепокорнѣйшею просьбою не оставить войти въ разсмотрѣніе начальныхъ и послѣдующихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ изволите убѣдиться, что неправильныя дѣйствія г. Фельдгаузена оставили меня бѣдною вдовою съ младенцемъ безъ надежныхъ вспомоствованій, необходимыхъ женщицѣ необезпеченной, каковое положеніе мое основало въ Ивановѣ истинное душевное сочувствіе ко мнѣ, которое опредѣляетъ ему облакивать свое состраданіе во всю жизнь, потому что прослуживъ отечеству столь долго въ унтеръ-офицерскомъ званіи, потерявъ на службѣ здоровье и зрѣніе, признанное общимъ медицинскимъ собраніемъ, приходя съ лѣтами въ безсиліе, вмѣсто отдохновенія отъ многолѣтнихъ трудовъ, лишается всѣхъ заслугъ, готовится къ перенесенію публичнаго гѣлеснаго наказанія и потомъ принять послѣднее въ обществѣ посрамленіе — быть арестантомъ; слѣдовательно всѣ пожертвованія на службѣ должны погибнуть безвозвратно за то, что изъ соболѣзнованія ко мнѣ дополнилъ изъ первой вторую просьбу, согласно домогательству моему, и при семъ благодѣяніи своемъ вовлекся безъ умысла, по одной неразумительности въ такую ошибку, что просьбу мою подписалъ на чужое имя, чѣмъ не причинилъ никому никакихъ оскорбленій, убытка и зла, ибо написанная имъ просьба, подана мною лично, по которой доказательства по закону принадлежать мнѣ, притомъ заключеніемъ ея прошено законнаго изслѣдованія и законнаго удовлетворенія, которое свойственно открытію моими доказательствами и опредѣленію закона, затѣмъ подпись просьбы остается въ бездѣйствіи, а потому въ подписѣ не заключается ничего особеннаго, какъ только одна необдуманность, для удаленія отъ себя неприятныхъ вліяній, и чрезъ эту безвредную ошибку погибаютъ всѣ многолѣтнія заслуги его, приобрѣтенныя трудами съ потерью здоровья и чрезъ эту единственную ошибку подвергается несчастной участи и жена его, такъ какъ съ лишеніемъ

заслугъ его, лишится она на всю послѣднюю жизнь всѣхъ средствъ къ содержанію себя, ибо потеря эта по немолодымъ лѣтамъ его будетъ невозвратна.

Не безызвѣстно, что опредѣленіе военнаго судасъдозволенія закона, измѣняется властію начальствующихъ лицъ и мѣсть, причемъ принимается во уваженіе долговременная служба и прочія заслуги обвиняемаго, которыя вѣроятно не приняты во вниманіе, отъ чего и послѣдовало столь строгое опредѣленіе суда, и притомъ и законъ входитъ въ проицательное изслѣдованіе поступка, обсуживая его не по одному наружному виду, но съ какою цѣлью онъ учиненъ и заключаетъ-ли въ самомъ себѣ зло, или одинъ неумышленный случай, произшедшій отъ необдуманности, отъ коего не послѣдовало никакого вреда. Но какъ справедливость и самая истина подтверждаютъ, что поступокъ Иванова возникъ не отъ злаго умысла, а изъ состраданія къ несчастію моему, ибо онъ будучи убѣжденъ неотступными просьбами со слезами и моими моленіями, по чувствамъ христіанина, исполненнымъ любви и сожалѣнія къ ближнему, не въ силахъ былъ мнѣ отказать; теперь же видя, что благодѣяніе сдѣланное мнѣ, повергло его, Иванова, въ слишкомъ тяжкое несчастіе, и онъ кромѣ заключенія въ тюрьму, соображаясь съ приговоромъ суда, долженъ ожидать страшнаго рѣшенія участи своей. Я относя причину всего этого къ собственному моему несчастію, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ высшему начальству, отъ коего зависитъ рѣшеніе настоящаго дѣла и всенижайше прошу принять во вниманіе все вышеизложенное въ сей просьбѣ, приговоръ суда отмѣнить, ограничивъ взысканіе за сей маловажный поступокъ пяти мѣсячнымъ содержаніемъ писаря Иванова на гаубтвахтѣ въ болѣзненнымъ состояніи, гдѣ подтергаясь изнуренію, здоровье его и безъ того слабое, еще болѣе разстроилось. Этимъ справедливымъ рѣшеніемъ доставить спокойствіе двумъ несчастнымъ семействамъ, которыя поставятъ въ непремѣнный долгъ молить Творца о благодѣяніи начальниковъ, основывающихъ судъ на справедливости.

Сію мою просьбу прошу не оставить приложить къ дѣлу писаря Иванова.

Къ сему прошенію вдовы матроса Авдотьи Бѣлоенковой, вмѣсто ея неграмотной, по личной просьбѣ подписался отставной прапорщикъ Шведовъ.

Марта 12 дня, 1857 года, Г. Николаевъ.

III.

ЗАВѣДЫВАЮЩЕМУ МОРСКОЮ ЧАСТІЮ ВЪ НИКОЛАЕВѢ,
СВІТЫ Е. И. В., КОНТРЪ-АДМИРАЛУ И КАВАЛЕРУ БУТАКОВУ

Аудиторіата Штаба

№. 565.

докладъ.

29 Марта 1857 года.

О подсудимомъ писарѣ Ивановѣ.

По военно судному дѣлу, произведенному въ Николаевѣ надъ писаремъ 1ой половины 4 ластоваго экипажа Спиридономъ Ивановымъ, — подсудимый оказался виновнымъ: въ написаніи вдовѣ Авдотьи Бѣлоенковой просьбы безъ дозволенія ближайшаго своего начальства, и въ подложномъ подписаніи оной, вмѣсто неграмотной просительницы, именемъ Керченскаго мѣщанина Григорія Данилова.

Писарь Ивановъ сознаваясь въ этомъ преступленіи, объясняетъ, что онъ нанисалъ Бѣлоенковой означенное прошеніе

со словъ ея по одной лишь убѣдительной просьбѣ и изъ состраданія къ ея положенію, а подписался не своимъ именемъ безъ всякаго злаго умысла, потому только, чтобъ избѣжать тѣмъ преслѣдованій лейтенанта Фельдгаузена, до котораго касалась просьба Бѣлоенковой, въ чемъ писарь Ивановъ раскаивается нынѣ и проситъ начальство о помилованіи его во уваженіе 24-лѣтней службы въ унтеръ-офицерскомъ званіи и разстроеннаго здоровья во время служенія въ комиссаріатской экспедиціи Черноморскаго Интендентства

Кромѣ того писарь Ивановъ состоитъ подъ судомъ въ комиссіи съ 24 Октября 1854 года за утрату 1266 дѣлъ подлежащихъ къ сдачѣ въ архивъ и *дурное поведеніе* по служенію его въ комиссаріатской экспедиціи, изъ коей онъ переведенъ въ ластовой экипажъ по *болѣзни* (?) 23 Октября 1856 года. Изъ медицинскаго акта 26 Февраля 1857 видно, что подсудимый по свидѣтельству двухъ медиковъ оказался одержимъ хроническимъ катаромъ, и потому можетъ-ли перенести по спинѣ присужденное военнымъ судомъ наказаніе безъ опасности жизни, они положительно сказать не могутъ. Содержится на острожной гаубтвахтѣ по настоящему дѣлу съ 18 Ноября 1856 года.

Коммиссія военнаго суда приговорила подсудимаго писаря Иванова за написаніе вдовѣ матроскѣ Бѣлоенковой просьбы въ противность запрещенія начальства и подложномъ подписаніи оной именемъ керченскаго мѣщанина Григорія Данилова, по силѣ 51, 78, 260 и 523 ст. 1 кн. Св. Мор. Уг. Пост. *лишить писарскаго званія и имѣющаго у него за безпорочную службу трехъ нашивокъ, наказатъ шпицрутенами чрезъ сто человекъ три раза и опредѣлить въ арестантскія роты на два года.*

Командующій 1 половиною 4 ластоваго экипажа полагаетъ: писаря Иванова лишить имѣющаго у него трехъ нашивокъ, писарскаго званія, прогнать сквозь строй шпицрутенами чрезъ сто человекъ два раза и опредѣлить по прежнему на службу.

Командиръ ластовой бригады полагаетъ: хотя и слѣдовало бы Иванова подвергнуть тѣлесному наказанію, но во уваженіе *прежней безпорочной службы*, разстроеннаго здоровья и нынѣ одержимой болѣзни, лишить трехъ нашивокъ и оставить по прежнему на службѣ.

Помощникъ же инспектора ластовыхъ командъ, рабочихъ экипажей и арестантскихъ ротъ полагаетъ: писаря Иванова во уваженіе *прежней долговременной и безпорочной службы*, лишивъ писарскаго званія и трехъ нашивокъ, выдержать еще подъ арестомъ одинъ мѣсяць.

Судъ начать 1 Декабря 1856, а конченъ 25 Февраля 1857. На ревизіи дѣло это находилось у гг. начальствующихъ три недѣли, въ аудиторіатъ же поступило 19 сего Марта.

Писарю Иванову отъ роду 40 лѣтъ изъ незаконно рожденныхъ дѣтей, въ службѣ и въ унтеръ-офицерскомъ званіи съ 1832 года, имѣетъ за 20-лѣтнюю безпорочную службу три нашивки изъ желтой тесьмы, въ штрафахъ не былъ, женатъ, по не служенію при экипажѣ къ повышенію чиномъ не аттестовался.

Аудиторіатъ штаба находитъ, что преступленіе писаря Спиридона Иванова не заключаетъ въ себѣ подложнаго акта и опредѣляемое ему военнымъ судомъ по силѣ 523 ст. 1 кн. Св. Мор. Уг. Пост. наказаніе къ винѣ его не должно быть

относимо, а вповенъ онъ въ написаніи просьбы вдовѣ Бѣлоенковой вопреки воспрещеній, безъ дозволенія ближайшаго начальства и подписаніи оной чужимъ именемъ, впрочемъ безъ умысла на обманъ и вредъ, потому полагаетъ: на основаніи 260 и 538 ст. того же свода и книги, его Иванова, лишивъ трехъ нашивокъ, разжаловать въ рядовые и оставить на службѣ.

Под. под.—Временный членъ капитанъ 2 ранга *Лукьяновъ*, членъ генераль-маіоръ *Брамонтъ*, членъ генераль-маіоръ *Ратчъ*, и скрѣпилъ въ должности оберъ-аудитора *Ивановъ*.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

Согласенъ съ мнѣніемъ комиссіи военнаго суда, и какъ въ Николаевѣ чрезмѣрно расплодился клеветный прошенія, то строжайше подтвердить по командамъ, чтобъ служащіе не смѣли заниматься сочиненіемъ и перепискою оныхъ. Что же касается до прежней, безвѣрной будто бы службы писаря Иванова, то утрата 1266 дѣлъ и дурное поведеніе нисколько не подтверждаютъ проспой снисходительности гг. бригаднаго командира и инспектора.

Под. Контръ-адмиралъ—БУТАКОВЪ.

Апрѣля 26, 1857 года.

IV.

ПОКАЗАНІЯ.

Изъ показанныхъ вдовою Авдотьею Бѣлоенковой свидѣтелей двое мужчинъ и пять женщинъ за присягою показали, что при осмотрѣ ими въ госпитальномъ сараѣ тѣла умершаго матроса Бѣлоенки, они видѣли его жестоко изсѣченнымъ розгами отъ поясицы до колѣнъ, и даже сами вынимали изъ тѣла колючки, а спина у него была сине-багроваго цвѣта, но изъ какихъ розогъ тѣ колючки—шестеро изъ помянутыхъ лицъ отозвались незнаемъ, а строевой унтеръ-офицеръ Николай Никифоровъ утверждаетъ, что колючки были величиною отъ $\frac{1}{2}$ до 1 дюйма изъ розогъ подобныхъ растенію съ красными ягодами, имѣющемуся съ наружной стороны бульвара и взятому имъ Никифоровымъ у бульвара при бытности ассессора военнаго суда; но по указанію этихъ розогъ матросамъ Савкову и Нечаеву, какъ людямъ участвовавшимъ въ выполненіи наказанія Бѣлоенки, они подъ напоминаніемъ прежде принятой присяги, отозвались, что розги были тогда не изъ этого растенія, а изъ тополевыхъ и вишневыхъ прутьевъ; почему по таковымъ разнорѣчивымъ показаніямъ этихъ свидѣтелей дапа была имъ очная ставка, на которой унтеръ-офицеръ Никифоровъ объяснилъ, что онъ не утверждаетъ, чтобы розги были точно изъ указаннаго имъ растенія, но только похожи на оное, или на тополевыя прутья, потому что на тѣхъ и на другихъ бываетъ бѣлая кора.

Между тѣмъ какъ присяжные свидѣтели Бѣлоенкой разнорѣчили свидѣтельству медиковъ, производившихъ наружный осмотръ трупа, умершаго матроса Бѣлоенка, потому показанія тѣ предъявлены медикамъ, которые объяснили: что на тѣлѣ Бѣлоенка на всей поверхности ягодичныхъ частей правой и лѣвой стороны, равно и пахахъ точно были знаки наказанія розгами, а на поясицѣ и бедрахъ, что свидѣтели показываютъ до колѣнъ,—не было никакихъ знаковъ; но упоминаемыхъ свидѣтелями колючекъ они не нашли, что смерть Бѣлоенки послѣдовала отъ апоплексическаго удара, а въ нѣкоторой степени и отъ наказанія, если отъ наказанія розгами 150 ударами можетъ быть подобное послѣдствіе. По прочтеніи сказаннымъ свидѣтелямъ Бѣлоенковой объясненія медиковъ,

они отозвались, что гг. медики не могли видѣть на тѣлѣ Бѣлоенка колючекъ изъ розогъ, потому что колючки тѣ были ими вынуты еще до освидѣтельствованія трупа покойнаго.

Старшій фельдшеръ Коптеловъ за присягою отовался, что за бытность его съ 14 Іюня 1856 г. на яхтѣ, матросъ Бѣлоенко былъ совершенно здоровъ и никогда ни на какіе болѣзненные припадки не жаловался; 25 же Октября по наказаніи его командиромъ яхты розгами, онъ слѣзъ въ кубрикъ, сдѣлалъ тамъ и прохаживался, потомъ чрезъ часъ времени жаловался на колотье въ груди и несвободное дыханіе, почему оказано было ему пособіе втираніемъ спирта и кровопусканіемъ, сначала изъ одной руки, а потомъ когда сдѣлался съ нимъ обморокъ, то изъ другой, но онъ черезъ полчаса умеръ.

Спрошенные по дѣлу сему нижніе чины, составляющіе команду яхты, всего 34 человекъ, за присягою показали, что они часто замѣчали матроса Бѣлоенка выпивши, а пьянымъ они видѣли его только одинъ разъ; болѣзненныхъ же припадковъ не замѣтили; при чемъ изъ нихъ 19 человекъ отозвались, что 25 Октября на яхтѣ ихъ не было и они наказанія не видали; другіе же 15 человекъ утверждаютъ, что Бѣлоенко находился въ двухъ-дневной отлучкѣ, что по приводѣ его 25 Октября, онъ былъ наказанъ командиромъ; изъ нихъ нѣкоторые говорятъ, что наказаніе производилось въ пять перемѣлъ по 20 или болѣе ударовъ, но болѣе или менѣе 150, настояще показать не могутъ, а держали его за руки и за ноги.

Судъ по соображеніи приведенныхъ обстоятельствъ съ дѣломъ, не находя совершенныхъ доказательствъ къ заключенію, чтобы матросъ Бѣлоенко былъ наказанъ жестоко и отъ сего послѣдовала ему смерть, потому что онъ по показанію нижнихъ чиновъ 15 человекъ былъ наказанъ розгами 150 ударами въ видѣ мѣры исправительной, слѣдовательно нельзя сдѣлать заключенія, чтобы смерть Бѣлоенка послѣдовала отъ жестокаго наказанія, а по удостовѣренію медиковъ отъ апоплексическаго удара,—полагаетъ: Лейтенанта Фельдгаузена никакому обвиненію по сему дѣлу не подвергать, случай же смерти матроса Бѣлоенки отнести къ волѣ божей.

Докладъ аудиторіата состоялся 31 Іюля 1857; за №. 1381, за подписомъ членовъ: капитана 2 ранга *Лукьянова*, контръ-адмирала *Алексьева* и за предсѣдателя генераль-маіора *Ратча*.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

Съ мнѣніемъ аудиторіата согласенъ свиты Е. И. В. контръ-адмиралъ БУТАКОВЪ.
9 Августа 1857.

А К Т Ъ.

1857 года, Февраля 26 дня, въ присутствіи комиссіи военнаго суда, учрежденной при Николаевскомъ портѣ былъ нами свидѣтельствованъ подсудимый 1ой половины 4 ластоваго экипажа писарь Спиридонъ Ивановъ, который и оказался одержимъ хроническимъ катаромъ легкиихъ и поэтому можетъ-ли онъ перенести по снпѣ присужденное военнымъ судомъ наказаніе безъ опасности жизни, положительнаго сказать не можемъ. Въ чемъ подписомъ нашимъ удостоверяемъ.

Под. под. Старшій врачъ 29 флотскаго экипажа, штабъ-лекаръ коллежскій совѣтникъ Кормалъ, штабъ-лекаръ коллежскій совѣтникъ Петрушевскій.

Вслѣдствіе этого акта Ивановъ сквозь строй не прогнанъ, а отправленъ въ арестантскую роту въ крѣпость Бендеры.

С М Ъ С Ъ.

— *Въ защиту Н. Журавлева.*—Въ 57 и 58 л. Колокола стр. 481 было напечатано: “Правда-ли, что ярославскій губернаторъ перемѣстилъ Рыбинскаго уѣзднаго секретаря въ Угличъ (въ городъ бездоходный), за то, что тотъ осмѣлился справедливо рѣшить дѣло абакумовскихъ крестьянъ съ рыбинскимъ купцомъ Журавлевымъ, который огородилъ деревню Абакумово тыномъ въ двѣ сажани вышины и лишивъ жителей законнаго и выгоднаго сообщенія съ рѣкою Шексною — превратилъ деревню въ острогъ?”

Мы получили письмо въ которомъ говорятъ: “Во-первыхъ, что губернаторъ не перемѣщалъ никакого секретаря въ Угличъ. Во-вторыхъ, что рѣшеніе магистрата вообще съ уѣзднымъ судомъ было несправедливо, и отвергнуто палатой потому, что тына въ двѣ сажени вышины по дачѣ мѣщанъ, у Журавлева нѣтъ, а есть заборъ вышиною въ 4 аршина, потому поставленный на землѣ Журавлева, что за нимъ къ рѣкѣ производится постройка судовъ Журавлева.”

Считаемъ обязанностью помѣстить этотъ отрывокъ. Часто наши статьи—только запросъ.

Въ томъ же письмѣ въ защиту Журавлева говорится о какомъ-то *Михалковѣ*, выпустившемъ крестьянъ на волю изъ *Петровскаго* безъ земли. Правда-ли? Спрашиваемъ мы, и равно готовы принять отрицаніе и подтвержденіе.

— *Le Nord* рассказываетъ—по своему обычаю, умалчивая собственныя имена—что въ Тамбовской губерніи крѣпостной человѣкъ убилъ своего помѣщика, вступившись за честь своей невѣсты. И превосходно сдѣлалъ, прибавимъ мы. Таковы нравственныя послѣдствія преступнаго и по счастью издыхающаго теперь крѣпостнаго права. Посмотрите на эту чудовищную альтернативу: или вамъ приходится сказать, что священный долгъ жениха, брата, отца почтительно молчать, когда насилуютъ его невѣсту, сестру, дочь, сказать что этого молчанія требуетъ нравственность, религія и чистота семейной жизни, или сознаться, что въ подобномъ случаѣ *еще нравственнѣе* расколоть топоромъ голову барину?—Что касается до насъ, мы предпочитаемъ послѣднее!

Nord совершенно правъ, говоря, что наказывать “по всей строгости законовъ”—плетью и каторгой такого преступленія нельзя, что это безобразно; особенно, прибавимъ мы, когда рядомъ “строгость законовъ” оказывается слабостью бабушки къ внучатамъ—въ отношеніи къ Затлеру.

Кстати, когда же намъ напишутъ что сдѣлали съ орловскимъ помѣщикомъ *Гутцейтомъ*, насилувавшимъ дѣтей, или его оставили тоже *до перваго жениха*?

Эхъ вы, законодатели, администраторы!

— *Изъ Москвы.*—Университетъ больше и больше превращается въ дѣтскій пріютъ, за нимъ приставленъ въ родѣ мамушки—*Авиловъ*, бывшій директоромъ 2ой Гимназіи. Онъ и его помощники сидятъ на лекціяхъ и учатъ студентовъ—слушать. Онъ и его помощники ходятъ по саду, ходятъ по двору—и отучаютъ студентовъ курить; говорятъ что съ будущаго семестра инспекторъ и его помощники будутъ умывать руки студентамъ и причесывать ихъ, а вурса черезъ два носить ихъ на рукахъ, водить по лѣстницѣ.

Письмо изъ Москвы лежащее передъ нами говоритъ между прочимъ: “Мѣсто Иноземцева занялъ теперь человѣкъ умной и дѣятельный—Басовъ. Адъюнктъ Иноземцева Матюшенковъ занялъ кафедру Басова. Нужно избрать теперь адъюнкта Басову на мѣсто Матюшенкова. Достойнымъ этого мѣста является уже извѣстный университету, особенно медицинскому факультету, *Разсвѣтовъ*. Басовъ первый изъявилъ желаніе имѣть у себя адъюнктомъ Разсвѣтова, и всѣ профессора мед. факультета раздѣлили желаніе Басова. Въ совѣтѣ собираются профессора юридич., математ., филолог. и мед. факультетовъ. Люди совершенно не знающіе медицины и не понимающіе Разсвѣтова, положили ему черные шары, и Разсвѣтовъ не избранъ адъюнктомъ.....

“Г. *Леонтьевъ*, профессоръ латинскаго языка на юридич. и филолог. факультетахъ сталъ въ глаза называть студентовъ, своихъ слушателей—глупцами, школьниками, мальчишками и т. п., прибавляя далѣе, что они заслуживаютъ розогъ. Заикнулись было нѣкоторые студенты, но ихъ тотчасъ же исключили изъ университета.”

Г. Леонтьевъ, неужели это правда?

— *Правда-ли*, что статья В. Безобразова “Аристократія и интересы дворянства,” помѣщенная въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, была разбираема въ комитетѣ министровъ *подъ предѣлительствомъ* гесударя? Правда ли, что *за* немедленное прекращеніе журнала былъ..... отгадайте..... разъ, два.....десять..... *Николай Милютинъ*? а противъ такой николаевской мѣры *Горчаковъ*? Правда ли, что В. Безобразову (какъ нѣкогда Чаадаеву)—запретили писать, — отчего не запретили ему думать, быть умнымъ человѣкомъ и пр.?

— По послѣдующимъ извѣстіямъ изъ Россіи видно, что г. Уньковскій, Тверской предводитель дворянства не былъ арестованъ, а удаленъ отъ должности. (*Nord, Indépendance, Daily Telegraph.*)

— *Отъ Редакціи.*—1.) Намъ спрашиваютъ, получили ли мы Записки кн. Пв. Вл. Лопухина? — Нѣтъ, мы ихъ не получили.

2.) Мы получили двѣ статьи о спорномъ вопросѣ общинаго и необщиннаго землевладѣнія. Мы не можемъ ихъ напечатать и отвѣчать на нихъ прежде, чѣмъ окончимъ разборъ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія Ростовцовской комиссіи и разборъ соображеній о выкупѣ крестьянскихъ земель финансоваго отдѣленія комиссіи.

3.) Нѣсколько разъ получали мы письма изъ Петербурга и другихъ городовъ Россіи, съ просьбой выслать книги, *Колокола* и главное съ просьбой немедленно отвѣчать. Что это шутка, неопытность, или бравада,—во всякомъ случаѣ мы считаемъ нашимъ долгомъ *не отвѣчать*.

Четвертый листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 15 Января, въ немъ заключается — *Дѣло плантатора Жадовскаго, въ Оренбургской губерніи.*

Въ *Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ*, поступили въ продажу переплетенные въ одномъ томѣ экземпляры *Колокола* отъ 1 листа (Юль 1857)—до 1860 года. Цѣна 30 шиллинговъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Съ искреннѣйшей благодарностью извѣщаемъ мы пославшаго, что мы получили всѣ документы по дѣламъ о крестьянскихъ возстаніяхъ и всѣ другія бумаги, посланныя съ ними. Равно и письмо о генераль-губернаторѣ Игнатьевѣ намъ доставлено.

30 Января 1860, Park House, Fulham.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 63.

15 ФЕВРАЛЯ 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трибнера & Co., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Горжевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Комиссія по освобожденію крестьянъ—Бвшенство православія—Сибирскіе баталіоны—Помѣщица-ненавидящая и помѣщикъ любящій—Въшающій Муравьевъ. СМѢСЬ: Эпоха прогресса и гласности въ Россіи—FOR GENTLEMEN ONLY—Ученые извѣстія—Академикъ Бассинъ—Агрономическая газета—Переходное положеніе—PRZEGLĄD KZESZY POLSKICH.

КОМИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Продолженіе.)

Въ прошлой статьѣ мы сказали, что правительство не можетъ разумно желать переходнаго, срочно-обязаннаго положенія крестьянъ. Между тѣмъ обстоятельства слагаются страннымъ образомъ. Государь постановилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; помѣщики переполошились. Большинству вовсе не хотѣлось освобожденія крестьянъ; оно удѣлилось за мысль длиннаго, переходнаго положенія. Но время шло, и—кромѣ закоснѣлыхъ помѣщиковъ, которые не могутъ разстаться съ *сладостною привычкою спѣчь*,—всѣ смышленные увидали, что натянутое отношеніе къ народу въ настоящее время, продолженіе этого натянутого отношенія во время грядущаго переходнаго положенія, помѣщикамъ устраивать свое хозяйство, приведутъ къ раззоренію, а съ тѣмъ вмѣстѣ окончательно поспорятъ ихъ съ народомъ и поставятъ въ опасную колею, такъ, что пожалуй собственная шея цѣла не останется. Дворянство устало отъ натянутого отношенія къ народу, такъ какъ народъ усталъ отъ тщетнаго ожиданія свободы съ землею. И вотъ дворянство начинаетъ требовать обязательнаго, немедленнаго выкупа. Требуется Тверская губернія, требуется Нижегородская, требуется Рязанская. Харьковская губернія съ самаго начала полагала только одинъ годъ переходнаго положенія, какъ срокъ необходимый для того, чтобъ развестись землями, разграничиться, устроиться. Мы убѣждены, что въ самое короткое время всѣ губерніи потребуютъ обязательнаго, немедленнаго выкупа, какъ единственнаго спасенія. Кажется правительству слѣдовало бы обрадоваться; въ его выгоду было бы не только согласиться на такое требованіе, но даже предупредить его. Что же пугаетъ правительство въ данную минуту? Народъ что ли не согласенъ на немедленный обязательный выкупъ? Какъ можно! Народъ только этого и жаждетъ. Крестьяне чувствуютъ, что они не вытерпятъ переходнаго положенія; имъ не хочется ни бунтовъ, ни волненій; они боятся, чтобы ихъ не взволновала нужда; имъ хочется мирной развязки; для нихъ немедленный, обязательный выкупъ—спасеніе. Съ чего же правительство зажимаетъ рты дворянству именно

Годъ IV.

тогда, когда дворянство само склоняется на разумное рѣшеніе вопроса?

Мы сказали, что правительство—судья между двумя тяжущимися сторонами. Обѣ стороны соглашаются, обѣ приходятъ къ требованію немедленнаго обязательнаго выкупа. Кто же не согласенъ? Судья! Судья думаетъ, что ему не надо рѣшить дѣло такъ, какъ хотятъ обѣ соглашающіяся стороны, а такъ какъ хочетъ онъ—судья. Да это нелѣпость! За чѣмъ же насильственное, бюрократическое рѣшеніе тяжбы тамъ, гдѣ тяжущіяся стороны перестаютъ спорить?

Въ то время, когда правительство вызывало вопросъ освобожденія крестьянъ, оно стало спрашиваться у дворянства враждебнаго освобожденію и не только позволяло ему говорить, но требовало его мнѣнія. Теперь, когда дворянство привыкло къ мысли освобожденія, когда оно хочетъ дать крестьянамъ волю и землю за немедленный, обязательный выкупъ,—правительство зажимаетъ ему ротъ,—не смѣй разсуждать! Правительство хочетъ рѣшить по своему, по теоріи, взятой съ иностранныхъ образцовъ. Что за игра въ Петры великіе! Времена не тѣ. Петръ великій прививалъ намъ насильственно образованіе, и оно привилось; оно вошло неизгладимымъ элементомъ въ русскую жизнь. Теперь надо ему дать свободно развиваться на народныхъ основаніяхъ. Теперь не нужно насильственныхъ прививаній. Мы не хотимъ ни англійской, ни французской болѣзни, ни даже прусской гегеймратъ-казарменной.

Народъ и дворянство—оба хотятъ немедленнаго обязательнаго выкупа. Надо согласиться. И какъ это легко! Посмотрите: хозяйственное отдѣленіе комиссій разработало основанія освобожденія крестьянъ съ землею, такъ, что на этихъ основаніяхъ можно учредить выкупъ. Оно разработало почву для *выкупа*, но сказало, что это для *переходнаго положенія*. Стоитъ только длинныя слова *переходное положеніе* замѣнить опредѣленнымъ словомъ: *выкупъ*,—и трудъ хозяйственнаго отдѣленія не пропасть. Это выходитъ совершенно ясно изъ его докладовъ.

Въ докладѣ No. 3—объ угодьяхъ, поступающихъ въ крестьянскій надѣлъ,—хозяйственное отдѣленіе постановило слѣдующіе вопросы:

“1) Должно-ли быть соблюдаемо какое либо нормальное

соотношеніе между размѣрами разнаго рода угодій, отводимыхъ въ надѣль крестьянамъ?

“2) При утвержденіи въ крестьянскомъ пользованіи за повинность нынѣ существующаго ихъ надѣла,* можетъ ли быть полагаемо какое либо различіе между угодьями полевыми и пустошными?

“3) Должны ли быть луга включаемы въ составъ того же крестьянамъ отводимаго надѣла?

“4) Должны ли быть крестьянамъ отводимы въ пользованіе лѣсныя угодья, и на какихъ основаніяхъ?

“5) Должно ли быть крестьянамъ дано участіе въ правѣ на лѣса въѣзжіе?”

Оно пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ :

“1) Угодья, входящія въ крестьянскій надѣль, остаются въ томъ самомъ соотношеніи между собой, въ какомъ они находятся въ настоящее время; а потому не настоятъ надобности устанавливать для сего какія либо нормальныя правила.

“2) Состоящія нынѣ, въ исключительномъ пользованіи крестьянъ, луговые угодья, т. е. сѣнокосныя и пастбищныя мѣста, гдѣ снѣ послѣднія есть, входятъ въ составъ надѣла, предоставляемаго крестьянамъ въ пользованіе за повинность.†

“3) Въ имѣніяхъ, гдѣ, въ силу постоянного хозяйственнаго распорядка, сѣнокосы (всѣ или нѣкоторые) донынѣ убирались помѣщичьими крестьянами изъ части, тамъ признается и впредь за крестьянами соразмѣрное участіе въ снѣхъ угодіяхъ за повинность.

“Примѣчаніе. Правило это относится только къ тѣмъ сѣнокосамъ, которые не менѣе трехъ послѣднихъ годовъ сряду, до обнародованія Положенія, постоянно косились крестьянами изъ части. Впрочемъ подобное ограниченіе не примѣняется къ тѣмъ случаямъ, когда крестьяне не пользовались вовсе постояннымъ сѣнокоснымъ надѣломъ, или имѣли въ своемъ пользованіи земли менѣе установленнаго для той мѣстности наименьшаго размѣра.

“4) При окончательномъ разграниченіи такого рода угодій, крестьянамъ отрѣзается въ пользованіе за повинность постоянный участокъ, соразмѣрный прежнему ихъ участію въ сборѣ произведеній со всего луга.

“5) Само собою разумѣется, что всѣ правила о наибольшемъ и наименьшемъ размѣрахъ надѣла т. е. объ отрѣзкѣ и прирѣзкѣ угодій, изложенныя въ первомъ докладѣ Отдѣленія, остаются въ полной силѣ; но при этомъ не дѣлается различія между полевыми и пустошными угодьями.

“Примѣчаніе. Изъ какихъ угодій должна быть прирѣзана земля крестьянамъ и изъ какихъ угодій можетъ быть отрѣзаемъ отъ нихъ излишекъ, будетъ сказано въ докладѣ объ отводѣ и обмѣнѣ угодій.

“6) По отношенію къ вопросу о снабженіи крестьянъ дровянымъ топливомъ и отводѣ имъ лѣса, часть Россіи, нынѣ вмѣщающая въ себя крѣпостное населеніе, можетъ быть раздѣлена на три полосы: малолѣсную, лѣсистую и лѣсную.

“Примѣчаніе. Точныя географическія границы между этими тремя полосами должны быть окончательно установлены по выслушаніи отзывовъ членовъ, избранныхъ Губернскими Комитетами для доставленія Правительству мѣстныхъ свѣдѣній.

“7) Въ малолѣсной полосѣ, на помѣщиковъ не возлагается обязанности отпускать крестьянамъ какіе бы то ни было лѣсные матеріалы, или дѣлать имъ лѣсной отводъ.

“8) Въ лѣистой полосѣ, предоставляется крестьянамъ пользованіе за повинность топливомъ изъ помѣщичьихъ лѣсныхъ дачъ: а) въ тѣхъ имѣніяхъ (и по возможности въ прежнихъ размѣрахъ), гдѣ отпускъ топлива производился имъ донынѣ въ видѣ постоянного обычая, и б) во всѣхъ, безъ исключенія, имѣніяхъ, гдѣ болѣе половины земли состоятъ подъ лѣсомъ.

“Примѣчаніе. Обычай отпуска топлива крестьянамъ изъ господскихъ лѣсовъ считается не существующимъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ такого отпуска не было въ теченіи послѣднихъ трехъ годовъ до обнародованія Положенія.

“9) Пользованіе крестьянъ лѣсомъ, въ лѣистой полосѣ, ограничивается тѣмъ, во первыхъ, что въ отпускъ имъ вовсе не полагается лѣса на постройки и подѣлки, и во вторыхъ, что высшій размѣръ, до котораго можетъ имъ быть назначено пользованіе топливомъ, простирается, смотря по мѣстностямъ, отъ одной половины до одной цѣлой кубической сажени дровъ на ревизскую душу. Опредѣленіе, въ этихъ предѣлахъ, этого высшаго размѣра для каждой мѣстности возлагается на мѣстныя учрежденія.

“10) Въ лѣистой полосѣ, каждый разъ, когда не состоится добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами, возлагается на мѣстныя учрежденія (которыя будутъ указаны въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ о порядкѣ введенія въ дѣйствіе Положенія), какъ разрѣшеніе могущихъ встрѣтиться споровъ между владѣльцами и крестьянами о пользованіи топливомъ, такъ и точное опредѣленіе порядка и размѣровъ такого пользованія, предоставляемаго крестьянамъ за повинность. Мѣстныя учрежденія должны при этомъ принимать въ соображеніе и количество остающихся нынѣ у помѣщиковъ лѣсовъ.

“Примѣчаніе. Этимъ мѣстнымъ учрежденіямъ надлежитъ дать въ руководство Наказъ, примѣняясь къ изложеннымъ въ семъ докладѣ соображеніямъ.

“11) Означенныя учрежденія опредѣляютъ, смотря по условіямъ каждой мѣстности, какое пространство лѣснаго отвода соотвѣтствуетъ приблизительно предположенному къ ежегодному отпуску количеству топлива.

“12) Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ опредѣлено снабженіе крестьянъ за повинность топливомъ, помѣщикъ, при продажѣ лѣсовъ своихъ на срубъ или съ землею, оставляетъ при имѣніи такое количество лѣса, какое нужно для постояннаго обезпеченія крестьянъ топливомъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Покуда же происходитъ экономическая рубка или продажа лѣса, крестьяне могутъ быть, въ установленномъ размѣрѣ, снабжаемы въ топливо валежникомъ, хворостомъ, сучьями и прочими остатками отъ вырубаемыхъ и продаваемыхъ лѣсосѣкъ.

“13) Если, въ такихъ имѣніяхъ, уже существуютъ или вновь заводятся фабрики и заводы, требующіе топлива въ значительномъ количествѣ, то крестьяне могутъ быть довольствуемы ежегоднымъ отпускомъ топлива изъ помѣщичьяго лѣса, въ видѣ валежника, сучьевъ и прочихъ остатковъ отъ ежегодныхъ лѣсосѣкъ. Во всякомъ случаѣ, при имѣніи должно быть оставляемо количество лѣса, нужное для постояннаго обезпеченія крестьянъ топливомъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ.

“14) Помѣщику въполнѣ предоставляется отвести крестьянамъ, однажды навсегда, дровяной участокъ за повинность, и тѣмъ снять, на будущее время, со своихъ лѣсовъ обязанность ежегоднаго снабженія крестьянъ топливомъ.

“Примѣчаніе. Мѣры къ охраненію такихъ постоянныхъ дровяныхъ участковъ отъ неправильной рубки, должны составить предметъ особыхъ соображеній.

“15) При вычисленіи пространства крестьянскаго надѣла (съ цѣлю опредѣлить, на сколько оно выше или ниже установленнаго, для той мѣстности, цифръ высшаго и низшаго размѣра), предоставленное крестьянамъ топливо зачитается имъ въ надѣль за соотвѣтственное лѣсное пространство, согласно статьѣ 11-й.

“16) Въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ владѣетъ въ одно и тоже время лѣсомъ, принадлежащимъ ему на правѣ полной собственности, и правомъ въѣзда во въѣзжіи или въ общій лѣсъ, тамъ предоставляется на его усмотрѣніе назначить крестьянамъ дровяное довольствіе изъ того или другаго изъ этихъ лѣсовъ, съ соблюденіемъ при этомъ лишь общихъ установленныхъ правилъ.

“17) Не считается за лѣсъ кустарникъ, произрастающій между крестьянскими полями, если онъ находился въ постоянномъ пользованіи крестьянъ, и не былъ заказанъ помѣщикомъ отъ порубокъ до 1859 года. Такой кустарникъ можетъ быть зачитываемъ крестьянамъ въ общее число прочихъ угодій.

“18) Въ лѣистой полосѣ Россіи, во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ совокупность усадебныхъ, пахатныхъ и луговыхъ угодій крестьянскихъ не достигаетъ цѣмры, установленной для высшаго размѣра надѣла въ той мѣстности, должно быть крестьянамъ, по ихъ желанію, нарѣзаемо изъ лѣсныхъ угодій, въ пользованіе за повинность, все недостающее количество надѣла. Къ остальнымъ же имѣніямъ лѣсной полосы прилагаются правила, опредѣляемыя предшествующими статьями, отъ 8 до 17 включительно.

“19) Крестьяне имѣютъ право отказаться: въ лѣистой полосѣ отъ такой нарѣзки до высшаго размѣра надѣла, а въ лѣистой—отъ всякаго вообще дровянаго довольствія за повинность. Но въ лѣистой полосѣ для нихъ обязательно принятіе за повинность такого количества лѣсныхъ угодій, какое нужно для пополненія совокупности прочихъ ихъ угодій до назначеннаго для той мѣстности меньшаго размѣра крестьянскаго надѣла.

“20) Если крестьяне откажутся, на основаніи предшествующей статьи, или отъ лѣснаго участка, или отъ дровянаго довольствія за повинность, то снабженіе крестьянъ топливомъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ видѣ, перестаетъ уже, на будущее время, быть обязательнымъ для помѣщика.

“21) До приведенія всѣхъ сихъ правилъ въ исполненіе по каждому имѣнію, крестьянамъ отпускается топливо изъ господскихъ лѣсовъ на прежнемъ основаніи.

Если представить себѣ, что эти правила хозяйственное отдѣленіе постановило не для переходнаго положенія, а для выкупа, — нельзя не признать заслуги хозяйственнаго отдѣленія, нельзя въ общемъ не согласиться съ его заключеніями; возражать можно только противъ частныхъ. Признаніемъ за крестьянами угодій въ томъ размѣрѣ какъ они теперь существуютъ — устраняется исканіе искусственныхъ нормъ, которыя, въ большей части случаевъ, установились бы въ

* Это надо замѣнить слѣдующимъ: “При утвержденіи, посредствомъ выкупа, въ собственность за крестьянами нынѣ существующаго ихъ надѣла”.....

† Слѣдуетъ сказать въ собственности за выкупъ. Предоставляемъ самимъ читателямъ вездѣ, гдѣ встрѣчается: “пользованіе за повинность” — понимать: собственность за выкупъ.

обиду крестьянамъ, и вполне соглашаясь съ этимъ положеніемъ, мы перейдемъ къ слѣдующимъ пунктамъ.

Пунктъ 3 и 4й противурѣчатъ другъ другу. Хозяйственное отдѣленіе, изъ какой то чрезмѣрной осторожности, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, мечетъ пліе, т. е. однимъ пунктомъ опредѣляетъ право только на участіе, а другимъ замѣняетъ участіе, полной прирѣзкой угодій. Если бы хозяйственное отдѣленіе полагало право участія только на время, потребное для разграниченія угодій, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого безъ сомнѣнія короткаго времени (потому что для разграниченія, при началѣ выкупа, достаточно отмѣтки на планѣ и приблизительнаго указанія въ натурѣ,—подробное межеваніе можетъ быть произведено и послѣ утвержденія выкупа) такое положеніе было бы понятно, не содержало бы противурѣчія. Но оставить рядомъ и то и другое, и участіе и разграниченіе—пунктъ 3 и 4й—значитъ оставить и то и другое на произволъ... чьей?... помѣщичій или крестьянскій?... неизвѣстно. А между тѣмъ для обоихъ сторонъ гораздо спокойнѣе разграничиться на дѣлѣ, чтобы не спорить о доляхъ участія; хозяйственное отдѣленіе естественно должно было дать полное преимущество пункту 4му. Ему этого и хочется, но—оно не смѣетъ. Почему? Потому что ему дипломатическая осторожность съ ея неопредѣленностью кажется успѣшнѣе чѣмъ откровенное выраженіе опредѣленнаго понятія. Методы спорныя: едва ли историческій опытъ не признаетъ большаго успѣха за послѣдней!—Въ настоящемъ случаѣ надѣла лугомъ—тамъ, гдѣ крестьяне пользовались сѣнокосомъ изъ части, еслибъ хозяйственное отдѣленіе больше имѣло въ виду выкупъ, чѣмъ злосчастное переходное положеніе, вопросъ постановился бы такъ: Какія угодія подлежатъ выкупу? Тѣ, которыя для крестьянъ необходимы. При такой постановкѣ вопроса хозяйственное отдѣленіе никогда не пришло бы къ слѣдующему разсужденію: “Едва ли нужно доказывать, что убираемый крестьянами, изъ извѣстной части, лугъ никакимъ образомъ не можетъ быть признаваемъ за принадлежавшій, въ полномъ объемѣ своемъ, къ составу крестьянскаго надѣла” (Докладъ No. 3, стр. 27). Изъ этого разсужденія логически не лзя было дойти даже до продолженія права участія, не только до прирѣзки луговъ къ надѣлу по пункту 4му. Почему же хозяйственное отдѣленіе пришло къ заключенію пункта 4го? Потому что онъ логически слѣдуетъ изъ идеи выкупа, идеи затемненной въ сознаніи комиссій туманнымъ призракомъ переходнаго положенія. Основывая же въ пунктѣ 4мъ прирѣзку луга соразмѣрно прежней участію (“гдѣ крестьянинъ получалъ изъ трехъ копенъ одну, тамъ прирѣзка должна состоять изъ третьей части луга и т. д.”) хозяйственное отдѣленіе забыло, что участіе крестьянъ въ лугѣ, по барскому произволу, не можетъ опредѣлить количества луга необходимаго для общины. Въ большей части случаевъ къ участію въ сѣнокосѣ, помѣщики приглашаютъ крестьянъ по приказу, приглашаютъ насильственно, находя что эта плата за покосъ посредствомъ произвольной доли—дешевле наемной, и не рѣдко опредѣленіе количества луговъ въ общинное владѣніе—можетъ правильнѣе быть выведено изъ отношенія числа рабочихъ на господскомъ покосѣ, платы вольнонаемнымъ работникамъ и цѣнъ на луговые земли.

Пунктомъ 5мъ хозяйственное отдѣленіе оказываетъ дѣйствительную услугу крестьянамъ, которые, оставленные съ одной полевой землею, были бы сведены на малоземеліе и лишены

необходимыхъ хозяйственныхъ удобствъ; но самую важную услугу крестьянамъ оказало хозяйственное отдѣленіе въ вопросѣ о лѣсѣ. Выдѣлить крестьянамъ лѣсной участокъ тамъ, гдѣ совершенное безлѣсіе не приучило народъ къ иному топливу, или тамъ гдѣ лѣсъ составляетъ одно изъ неисключимыхъ достояній крестьянъ,—это до такой степени справедливо, до такой степени входитъ въ основное положеніе выкупа (выкупу подлежатъ угодья, которыя для крестьянъ необходимы), что узаконеніе лѣснаго надѣла составляетъ гражданскій подвигъ хозяйственнаго отдѣленія.

Но тоже противурѣчіе, которое мы видѣли между 3 и 4мъ пунктомъ, вошло и въ положенія о лѣсныхъ участкахъ. Въ лѣсной полосѣ Россіи оно естественно устранилось (пунктъ 18й), хозяйственное отдѣленіе просто включило лѣсной участокъ въ необходимую долю надѣла; но лѣсистая полоса вовлекла хозяйственное отдѣленіе въ обычное противурѣчіе. Пункты отъ 8 до 13го говорятъ о пользованіи топливомъ; пунктъ 14й объ отводѣ крестьянамъ участка. Странно будетъ, если помѣщики лучше согласятся на снабженіе крестьянъ топливомъ, чѣмъ на отводъ лѣснаго участка. Въ настоящемъ положеніи вещей—общее владѣніе между крестьянами и помѣщикомъ невозможно. Въѣздъ крестьянъ въ неразграниченный помѣщичій лѣсъ дастъ только поводъ къ распрямъ, къ дѣйствительнымъ сверхъ-условнымъ порубкамъ и къ мнимымъ обвиненіямъ по подозрѣнію. Только окончательный отводъ крестьянамъ лѣснаго участка, соразмѣрно количеству лѣса и крестьянской потребности, можетъ устранить междоусобицу.

Въ какихъ лѣсахъ крестьяне производятъ тайные порубки, какіе лѣса они готовы истреблять безъ сожалѣнія? Помѣщичьи и казенные. Это очень естественно: они считаютъ инстинктивно, что доля лѣса принадлежитъ имъ, но что помѣщикъ и казна захватили ихъ достояніе; право кражи лѣса для нихъ является справедливостью. Зная, что помѣщикъ совершенно произвольно сегодня дастъ лѣсу, завтра нѣтъ, и что казна всегда дастъ за взятку тому, кому не нужно, и всегда откажетъ нуждающимся, крестьяне не только не берегутъ, но истребляютъ помѣщичьи и казенные лѣса. Совсѣмъ не то когда лѣсъ, или участокъ лѣса принадлежитъ общинѣ. Никто лучше не бережетъ своего лѣса какъ свободные хлѣбопашцы, * которыя изъ общиннаго лѣса выдаютъ на каждую семью въ общинѣ столько дровъ и бревенъ сколько по нуждѣ приходится, и у нихъ о своевольныхъ и воровскихъ порубкахъ никогда и слуха нѣтъ. Отведенный въ собственность общины участокъ лѣса, будь онъ малъ или великъ, крестьяне берегутъ лучше всякаго помѣщика, и ихъ притязанія на остальной помѣщичій лѣсъ исчезнутъ, кража лѣса явится развѣ какъ случайное исключеніе. Тѣмъ болѣе хозяйственное отдѣленіе могло просто придти къ пункту 14му, сдѣлавъ вдобавокъ отводъ обязательнымъ, что пунктами 12мъ, и 13мъ, оно при всякой продажѣ лѣса помѣщикомъ, обязываетъ его не продавать и не истреблять количества лѣса, необходимаго для крестьянскаго продовольствія. Какъ же помѣщику не отвести крестьянамъ, просто въ собственность, лѣса, которымъ онъ и безъ того не будетъ имѣть права располагать?

* “Государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ,”—названіе, придуманное Николаемъ Павловичемъ по неависти къ слову: свободные, и потому что ему въ голову не ложилося, чтобъ кто нибудь могъ быть самъ по себѣ и внѣ грабскаго казеннаго управленія. Принадлежи они лучше абстракту—государству, будь государственные, только не будь сами по себѣ.

Мы не станемъ говорить здѣсь о мѣстныхъ учрежденіяхъ, на которыхъ хозяйственное отдѣленіе возлагаетъ обязанность разныхъ расправъ по пользованію лѣсомъ; они относятся къ докладамъ административному и юридическому.

На счетъ пункта 16го мы замѣтимъ, что помѣщикъ не имѣетъ никакого права назначить крестьянамъ дровяное до-вольствіе изъ *възжаго лѣса*, безъ согласія совладѣльцевъ и соучастниковъ. Вообще пора бы възжіе лѣса размежевать, какъ было сдѣлано съ череполоснымъ владѣніемъ, и тѣмъ исключить изъ свода законовъ весь смутно-тяжелый отдѣлъ лѣснаго устава о възжихъ лѣсахъ. Совокупное владѣніе хорошо тамъ, гдѣ есть община, гдѣ цѣль жить вмѣстѣ и слѣдственно есть интересъ общаго владѣнія; а гдѣ цѣль ничего другъ съ другомъ не имѣть общаго—тамъ оно нелѣпо.

Пунктъ 17 очень важенъ; безъ него какіе нибудь Вреде и имъ подобные постараются всучить крестьянамъ ни на что негодный кустарникъ вмѣсто лѣса.

Общее присутствіе комиссій усомнилось въ мнѣніи хозяйственнаго отдѣленія о раздѣленіи Россіи на полосы лѣсную, лѣсистую и безлѣсную. Вотъ выписка изъ журнала No. 30 и 31:

“Изъ заключеній Хозяйственнаго Отдѣленія по докладу No. 3, Общее Присутствіе утвердило положительно пять первыхъ статей, а равно и то общее начало, что снабженіе крестьянъ топливомъ за повинность, тамъ гдѣ оно доселѣ постоянно производилось, было и впредь обязательно для помѣщика на извѣстныхъ основаніяхъ. Что же касается до всѣхъ остальныхъ статей заключенія, относящихся къ самымъ правиламъ снабженія крестьянъ топливомъ, то Общее Присутствіе, утверждая заключенія Отдѣленія, нашло, что вопросъ о томъ, гдѣ именно снабженіе будетъ обязательно и гдѣ не обязательно, можетъ быть рѣшенъ различно, а именно: или согласно съ мнѣніемъ Отдѣленія, раздѣлить всю Россію на полосы—лѣсную, лѣсистую и безлѣсную и, исключивъ послѣднюю изъ обязательнаго снабженія крестьянъ лѣсомъ, опредѣлить: на какомъ основаніи и въ какихъ мѣстахъ должны быть снабжаемы лѣснымъ топливомъ крестьяне двухъ первыхъ полосъ; или же сдѣлать снабженіе крестьянъ топливомъ обязательнымъ по всей Россіи. въ мѣстахъ, гдѣ отпускъ лѣса производился, не исключая и безлѣсной полосы.

“Такъ какъ мнѣнія Членовъ Общаго Присутствія были раздѣлены по сему предмету, то Предсѣдатель, не принимая на себя лично рѣшенія столь важнаго и многосложнаго вопроса, затрудненаго отсутствіемъ географическихъ и статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы произвести безошибочно раздѣленіе Россіи на полосы, предложилъ Общему Присутствію: утвердивъ заключенія Отдѣленія только предварительно, отложить положительное разрѣшеніе этого вопроса до выслушанія объясненій Гг. Членовъ, избранныхъ Губернскими Комитетами.”

Мы сами воздерживаемся отъ всякаго мнѣнія по вопросу такимъ образомъ постановленному и искренно желаемъ знать въ какихъ безлѣсныхъ губерніяхъ, уѣздахъ или деревняхъ, помѣщики снабжали крестьянъ дровянымъ топливомъ. Полагая же вездѣ въ основаніи мысль выкупа, а не переходнаго положенія, мы не видимъ возможности отводить крестьянамъ въ собственность лѣсъ въ мѣстностяхъ гдѣ его нѣтъ. *La plus belle fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a.*

Остальные положенія доклада No. 3 хозяйственнаго отдѣленія всѣ приняты общимъ присутствіемъ.

Докладъ No. 4 хозяйственнаго отдѣленія содержитъ основаніе оцѣнки и выкупа усадебъ. Здѣсь оно пришло къ вопросамъ:

“1) Какой должно принять способъ оцѣнки усадебной оцѣдлости крестьянъ?”

“2) Что именно изъ усадебной оцѣдлости должно подлежать выкупу крестьянъ? и

“3) На какихъ условіяхъ долженъ быть произведенъ самый выкупъ, а именно: а) цѣлымъ обществомъ или отдѣльными

семействами; б) единовременнымъ ли взносомъ всей суммы или съ разсрочкою платежа; в) срочно ли или безсрочно право крестьянъ на выкупъ ихъ усадебъ?”

Заключенія хозяйственнаго отдѣленія слѣдующія:

“1) Крестьяне имѣютъ право на приобрѣтеніе своихъ усадебъ въ собственность посредствомъ выкупа.

“Примѣчаніе. Здѣсь разумѣются тѣ усадебныя, которыя будутъ опредѣлены въ актѣ (уставной грамотѣ), и отнюдь не предрѣшается вопросъ о перенесеніи усадебъ и отдѣльныхъ строеній, составляющихъ предметъ одного изъ послѣдующихъ докладовъ.

“2) Продажа усадебъ, отдѣльно отъ прочихъ угодій, обязательна для помѣщика только въ тѣхъ случаяхъ, которые указаны въ журналѣ 5 Марта No. 2, и которые будутъ подробнѣе развиты и опредѣлены при разсмотрѣніи общаго вопроса о выкупѣ полевыхъ угодій.

“2) Всѣ крестьянскія строенія, какъ собственность крестьянъ, не включаются въ оцѣнку и не подлежатъ выкупу.

“4) За тѣмъ, выкупу подлежитъ одна только крестьянская усадебная земля, цѣнность которой опредѣляется капитализаціей, изъ 6% исчисленной для сего денежной повинности крестьянъ за означенную землю.

“Примѣчаніе. Опредѣленіе самой повинности, которая должна вѣсть на усадьбу въ различныхъ случаяхъ, согласно съ изложенными выше соображеніями, послѣдуетъ при разсмотрѣніи общаго вопроса о повинностяхъ въ VI главѣ.

“5) Оцѣнка этой подлежитъ лишь совокупность всѣхъ усадебныхъ земель мірскаго общества; дальнѣйшая же раздѣлка каждой усадебной и разверстка общей цѣнности между домохозяевами предоставляется міру, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что ни одна отдѣльная усадьба не можетъ быть цѣнима болѣе чѣмъ втрое дороже средней цѣнности усадебъ селенія.

“6) Право выкупа крестьянъ распространяется на всѣ земли составляющія ихъ усадебную оцѣдлость (см. докл. хоз. отд. No. 2 ш. 1), но съ слѣдующими ограниченіями:

“а) Улицы, проѣзжія дороги, базарныя и торговыя площади выкупу не подлежатъ; но если ширина дороги не положительно опредѣлена закономъ, или дорога и улица не ограничены съ обѣихъ сторонъ строеніями, то изъ выкупаемой земли исключается только необходимое для проѣзда пространство 10-ти саженой ширины,—остальная же часть ихъ причисляется къ выпуску;

“б) общіе у помѣщика съ крестьянами выпуски должны быть для выкупа раздѣлены, по правиламъ, которые будутъ установлены для отвода и разверстки угодій;

“в) пространства, которыя будутъ оставлены для прогона крестьянскаго скота къ общему водопю, обязательной для помѣщика продажѣ не подлежатъ, но должны всегда оставаться свободными для прогона;

“г) земли, находящіяся подъ общественными строеніями крестьянъ, въ селеніи, на господской землѣ, обязательной продажѣ не подлежатъ, и строенія должны быть, если помѣщикъ потребуетъ, перенесены, въ продолженіе трехъ лѣтъ на землю, поступившую въ пользованіе крестьянъ.

“7) Если въ крестьянской усадьбѣ находятся промышленныя или торговыя заведенія крестьянъ, какъ-то: фабрики, заводы маслобойни, мельницы и др., то находящаяся подъ ними земля цѣнится вдвое противъ высшей оцѣнки усадебной земли въ томъ селеніи, и предоставляется помѣщику право, по своему усмотрѣнію, или требовать выкупа оной по оцѣнкѣ, или предоставить крестьянину право пользоваться ею съ платою ежегодно 6% съ оцѣнки; по прошествіи же извѣстнаго срока (для деревянныхъ строеній 12, а для каменныхъ 24 года со дня обнародованія Положенія), помѣщикъ имѣетъ во всякомъ случаѣ право требовать переноса съ своей земли означеннаго строенія. Въ случаѣ же несогласія крестьянина на то или другое изъ предложенныхъ помѣщикомъ условій, крестьянинъ обязанъ строенія перенести никакъ не позже годового срока.

“Примѣчаніе. Если строеніе находится на землѣ, поступающей въ надѣлъ крестьянамъ, то сказанное условіе о пользованіи оною и платѣ за то, до помѣщика не относится.

“8) Каждый крестьянинъ отдѣльно имѣетъ право на выкупъ занимаемой имъ усадебной, по сдѣланной міромъ раздѣлкѣ, на основаніи ст. 5, но никакъ не ниже средней цѣны усадебъ въ селеніи.

“Примѣчаніе. Тѣ части крестьянской усадебной земли, которыя подлежатъ передѣламъ, могутъ быть приобрѣтены каждымъ крестьяниномъ въ личную собственность, при отдѣльномъ выкупѣ имъ усадебной, не иначе какъ съ согласія міра.

“9) Какъ цѣлое мірское общество при общемъ выкупѣ, такъ и каждый крестьянинъ, при отдѣльномъ выкупѣ, должны вносить помѣщику полную выкупную сумму единовременно.* При этомъ тѣ выпуски и водопои, которые подлежатъ выкупу, составляя принадлежность всего селенія, при подворномъ выкупѣ

* Это уже совершенно непозвѣдно.

усадыбъ, считаются невыкупленными до окончательной уплаты полной суммы, причитающейся за всѣ усадыбы.

“Примѣчаніе. Что же касается до возможности разсрочки платежей и облегченія способовъ выкупа, то это будетъ зависть отъ разсмотрѣнія общаго вопроса о выкупѣ крестьянами поземельныхъ угодій.

“10) Крестьяне сохраняютъ безсрочно право выкупа занимаемыхъ ими усадыбъ, и имѣютъ право приступить къ нему во всякое время, доколѣ состоятъ въ составѣ общества, и если притомъ не числятся на нихъ недоимка по казеннымъ или по помѣщичьимъ повинностямъ. Само собою разумѣется, что безсрочное право крестьянъ на выкупъ усадыбъ подчиняется условію, указанному выше въ ст. 2-й.

“11) Всѣ вышеназложенныя правила относятся только до обязательной для помѣщика продажи усадыбъ крестьянамъ, но не должны нисколько стѣснять добровольныхъ соглашеній, которыя могли бы составиться между ними относительно оцѣнки, выкупа, разсрочки платежей, и т. п.”

Съ перваго взгляда, съ самаго перваго пункта невольно приходитъ на умъ, что эти заключенія были ужасно выстрадааны, что проекты губернскихъ комитетовъ высказали столько неимовѣрныхъ притязаній, задали такія невообразимыя трудности хозяйственному отдѣленію, что діогонья, по которой оно взяло свое направленіе, должна была отвести далеко отъ прямого пониманія дѣла. Мы здѣсь обязаны указать на сколько хозяйственное отдѣленіе было отуманено проектами губернскихъ комитетовъ и несбыточной фантазіей переходнаго положенія, и очистить задачу отъ ложныхъ данныхъ.

Тринадцать губернскихъ комитетовъ отдавали крестьянамъ строенія даромъ; нѣкоторыя меньшинства включали усадыбы въ общій надѣлъ земли. А другіе комитеты доходили до самой уродливой и совершенно произвольной оцѣнки усадебной земли. Такъ Черниговскій и Московскій комитеты (большинство) доходили отъ 25 до 35 коп. за сажень, т. е. отъ 600 до 840 р. с. (около 3,360 франковъ) и болѣе за десятину. Вотъ что говоритъ хозяйственное отдѣленіе:

“Вникая ближе въ сущность приведенныхъ выше постановленій по этому предмету Губернскихъ Комитетовъ, и въ мнѣнія, выраженыя въ обзорѣ пріятыхъ ими основаній, Отдѣленіе убѣждается, что главнымъ, если не единственнымъ, препятствіемъ къ справедливому и по возможности болѣе простому разрѣшенію вопроса, какъ объ оцѣнкѣ, такъ вообще и о выкупѣ усадыбъ, служило опасеніе, что съ отчужденіемъ ихъ, преимущественно въ промышленныхъ селеніяхъ, значительно утратится цѣнность самаго имѣнія, и что крестьяне, найдя достаточное обезпеченіе своего быта въ пріобрѣтенныхъ ими усадыбахъ, оставятъ земледѣліе и тѣмъ лишатъ въ послѣдствіи помѣщика дохода отъ полевыхъ его угодій. Единственнымъ послѣдствіемъ такихъ существенныхъ и нелишенныхъ основаній опасеній было значительное возвышеніе цѣнности усадыбъ, и нѣкоторое стремленіе къ уменьшенію существующаго нынѣ размѣра ихъ. Убѣжденіе это подтверждается еще и тѣмъ, что Комитеты, назначавшіе весьма высокія цѣны усадыбамъ, ограничивали вознагражденіе помѣщика за пользованіе этими же самыми усадыбами весьма малымъ процентомъ; такъ, Нижегородскій Комитетъ опредѣлилъ 1%. Самое очевидное доказательство этому представляетъ Московскій Комитетъ, который опредѣлилъ въ высшемъ разрядѣ цѣну десятины усадебной земли въ 1,200 р. сер., съ правомъ возвышать и эту цѣну въ случаѣ особыхъ выгодъ, и распространять ее на полевую землю, которую пришлось бы прирѣзать къ усадыбамъ, не заключающимъ въ себѣ установленныхъ неизмѣнно 840 кв. с., и вмѣстѣ съ тѣмъ для выкупа положилъ присоединять къ ней цѣнность крестьянскихъ строеній, а за симъ предоставляетъ въ пользованіе крестьянъ строенія бесплатно, а землю за плату только 2% съ оцѣночной суммы. Наконецъ подтвержденіемъ же служитъ и то, что въ Положеніяхъ, по которымъ усадыбы предоставляются на выкупъ вмѣстѣ съ полевыми угодьями, разрѣшеніе вопроса объ оцѣнкѣ усадыбъ не представило вовсе столькихъ затрудненій.”

Разумѣется хозяйственное отдѣленіе отклонило помѣщичьи притязанія; но пришло къ заключенію, въ которомъ кроется глубокое противорѣчіе:

“Наконецъ Комитеты: Нижегородскій, для промышленныхъ имѣній, большинство Тверскаго, Новгородскій, 2 члена Рязанскаго, 14 членовъ Московскаго, допускающіе выкупъ, вмѣстѣ съ усадыбами, и полевой земли, основываютъ оцѣнку на капитализаціи оброка изъ 6%. Такой способъ оцѣнки, по мнѣнію Отдѣленія, представляетъ то несомнѣнное преимущество, что онъ совершенно истекаетъ изъ существующаго факта. При настоящемъ порядкѣ, помѣщикъ получаетъ съ

крестьянъ назначенный имъ оброкъ или пользуется закономъ дозволенною трехдневною барщиною за совокупное пользованіе крестьянами какъ усадыбами, такъ и тѣми полевыми угодьями, которыя имъ предоставлены для поддержанія ихъ хозяйства. Порядокъ этотъ есть общій для всѣхъ имѣній, какъ земледѣльческихъ, такъ и промышленныхъ. На основаніи приведеннаго уже выше журнала Общаго Присутствія 5 Марта No. 2, отъ воли помѣщика* будетъ зависть сохраненіе той же самой совокупности и въ отношеніи къ повинности, и въ отношеніи къ вознагражденію при выкупѣ. Отдѣленіе, не находя возможнымъ принять назначенныхъ Комитетами цѣнъ, потому что многія изъ нихъ нельзя не признать преувеличенными,—что онѣ до крайности разнообразны и разнорѣчивы, и что онѣ, при совершенной своей произвольности, выражаютъ не дѣйствительную стоимость оцѣниваемой земли, но личный взглядъ каждаго Комитета, и такъ сказать, мѣру его опасеній за будущее, признаетъ единственнымъ нехотомъ привять за основаніе оцѣнки, какъ то сдѣлано въ пяти приведенныхъ передъ симъ проектахъ, тотъ доходъ, который представляетъ помѣщику усадыба, въ видѣ части повинности, на нее падающей.”

Изъ положенія, “что помѣщикъ получаетъ оброкъ, или пользуется трехдневною барщиною за совокупное пользованіе крестьянами какъ усадыбами такъ и полевыми угодьями” ни какъ не слѣдуетъ, чтобы можно было принять “за основаніе оцѣнки усадыбы тотъ доходъ, который представляетъ помѣщику усадыба, въ видѣ частной повинности на нее падающей.”

Изъ этого положенія логически слѣдуетъ только то, что какое бы основаніе расчета мы ни привяли—оброкъ или барщину, въ обоихъ случаяхъ земельный надѣлъ включительно съ усадыбами (даже если бъ строенія были выведены на господскій счетъ) выражаетъ тотъ капиталъ, который помѣщикъ предоставлялъ крестьянамъ за проценты (оброкъ) или доходъ съ котораго служилъ заработною платою (барщина). Слѣдственно при выкупѣ, капитализируя оброкъ, мы получимъ оцѣнку всего надѣла съ усадыбами включительно и не имѣемъ болѣе никакого права цѣнить ихъ отдѣльно. Въ барщинныхъ имѣніяхъ то, что хозяйственное отдѣленіе разумѣло подъ “существующимъ надѣломъ”—копечно значитъ вся земля, которою крестьяне за свой трудъ пользовались, не исключая усадебной, слѣдственно весь тотъ капиталъ, съ котораго проценты они платили трудомъ; слѣдственно—мы получимъ всѣ полевая земли, угодья и усадыбы со всѣми строеніями включительно, хотя бы строенія были выведены и на господскій счетъ, и слѣдственно на отдѣльную оцѣнку усадыбъ мы болѣе не имѣемъ никакого права. Мы говоримъ: *хотя бы строенія были выведены и на господскій счетъ*, потому что, если помѣщикъ строилъ на свой счетъ, то онъ въ этой постройкѣ не могъ не признавать должной платы за крестьянскую трудъ.† Капитализируя оброкъ или трудъ для выкупа, мы предоставляемъ помѣщику проценты, составляющіе доходъ и процентъ погашенія капитала; слѣдственно весь существующій надѣлъ, съ угодьями и усадыбами включительно, переходитъ въ собственность крестьянъ. При этомъ логическомъ выводѣ уже невозможна нелѣпость, явившаяся въ проектахъ губернскихъ комитетовъ, что въ имѣніяхъ, которыя помѣщикъ продаетъ другому помѣщику, цѣликомъ со всѣми душами ревизскими и не ревизскими, со всѣми крестьянскими и не крестьянскими землями, господскими и крестьянскими строеніями, при десяти десятинахъ и болѣе земли на душу, высшей цѣною по 300 р. за душу, т. е. по 30 р. за десятину—крестьянская усадыба одна цѣнится въ 700 и даже въ 1,200 р. А при согласіи хозяйственнаго отдѣ-

* Въ журналѣ No. 2 говорится о добровольномъ соглашеніи крестьянъ съ помѣщикомъ, а не о безобязательной волѣ помѣщиковъ.

† Помимо тѣхъ построекъ, о которыхъ упоминаетъ хозяйственное отдѣленіе, затѣянныхъ помѣщикомъ для удовлетворенія собственнаго каприза, т. е. въ видахъ улучшеній дѣтски-фантастическихъ.

ления на отдѣльную оцѣнку усадьбы,—хотя оцѣнка и не дойдет до 700 р.—но ложный принципъ сохраненъ, и какъ мала ни будь отдѣльная оцѣнка, все же она ложная надбавка на капиталъ, уступаемый крестьянамъ въ собственность за выкупъ. Капитализація помѣщичьихъ доходовъ тѣмъ важнѣе всякихъ отдѣльныхъ оцѣнокъ, что она включаетъ не только цѣнность усадьбы, но и цѣнность самаго крѣпостнаго права, за которое помѣщики такъ держатся; слѣдственно при капитализаціи дохода помѣщику уже грѣшно жаловаться на экспроприацію. Цѣнность имѣній барщинныхъ, при капитализаціи, должна равняться капитализаціи средней сложности доходовъ за двадцать лѣтъ; мы говоримъ за двадцать лѣтъ, потому что въ двадцатилѣтнемъ періодѣ неизмѣнно явятся три голодныхъ года, имѣющіе важное вліяніе на выводъ средней цифры дохода. Выключивъ, изъ средней цифры общаго дохода съ земли, доходъ съ той части, которая остается у помѣщика, мы получимъ часть, составляющую проценты, капитализація которыхъ представляетъ землю отходящую въ собственность крестьянъ,* т. е. существующій надѣлъ со всѣми угодьями и усадьбами, все то, что помѣщикъ теперь отданъ крестьянамъ за трудъ (барщину) или за проценты (оброкъ). Вопросъ не въ отдѣльной оцѣнкѣ усадьбы, а въ опредѣленіи дѣйствительнаго дохода. Отношеніе дохода къ мѣстной продажной цѣнѣ имѣній дастъ всегда повѣрку для этого опредѣленія.

Возьмемъ примѣръ.

100 душъ при 1,000 десятинахъ земли продаются по высшей цѣнѣ, по 300 р. с. за душу, т. е. по 30 р. с. за десятину. Имѣнье стоитъ 30,000 р. Крестьяне пользуются по 6 десят. на душу; въ ихъ владѣніи 600 десятинъ. У помѣщика 400 десят. Считая около $\frac{2}{3}$ тяголъ на число душъ, на 100 душъ имѣется 60 тяголъ. Высшая барщина по 2 десят. на тягло, 120 десят. въ полѣ; въ двухъ поляхъ дающихъ доходъ 240 десят. Высшій доходъ 15 р. с. съ десятины. Съ 240 десят. 3,600 р. Это высшій общій доходъ съ имѣнья. Слѣдственно это имѣнье въ 1,000 десятинъ даетъ высшаго дохода 3 руб. 60 коп. съ десятины. Отсюда 400 десят. остающихся у помѣщика представляютъ капиталъ, дающій доходу 1,440 руб. Выключивъ его изъ общаго дохода (3 600—1,440) получимъ 2,120 р., сумма, которая должна падать на крестьянъ, какъ проценты съ капитала, предоставляемаго въ ихъ собственность. Разкладывая эту сумму на тягла, мы получимъ оброкъ въ 35 р. 33 коп. съ тягла. Если бы какой нибудь помѣщикъ представилъ подобный расчетъ за нормальную оцѣнку своего имѣнья, правительство имѣетъ полное право не признать ее. Во первыхъ продажная цѣна 30,000 указываетъ, что доходъ въ 3,600 р. представлялъ бы 12% съ капитала, чего хлѣбопашество дать не можетъ. Во вторыхъ оброкъ въ 35 р. с. съ тягла—страшный оброкъ, раззорительный для крестьянъ; точно также раззорительный какъ двухъ-десятинная барщина на тягло. Никакого раззорительнаго элемента для крестьянъ, при выкупѣ, принять нельзя; это значило бы принять въ расчетъ излишки, основанные на злоупотребленіи крѣпостнаго права, и въ данномъ случаѣ очевидно двухъ-десятинная барщина выше узаконенной трехдневной работы на помѣщика. Сравненіе съ сосѣдними имѣньями покажетъ, что высшій размѣръ барщины полторы

* Мысль ясно наложенная неизвѣстнымъ авторомъ: "Объ освобожденіи крестьянъ" въ книгѣ У Голосовъ изъ Россіи, стр. 101 и 102.

десятины на тягло. Это составитъ доходъ съ 180 десятинъ по 15 р. 2,700 р. Разкладывая его на 1,000 десятинъ, выйдетъ 1,080 съ помѣщичьей доли и 1,620 съ крестьянской. Но 2,700 р. представляютъ съ капитала въ 30,000 р. 9%. Этого хлѣбопашество не даетъ. Сравненіе съ сосѣдними имѣньями покажетъ, что десятинна 15 руб. въ сложности не даетъ, что это дастъ какой нибудь исключительный годъ, и что въ средней сложности за 20 лѣтъ мы натянемъ едва 12 р.* съ десятины. По этому расчету на долю помѣщичьихъ 400 десят. падетъ 864 р. доходу, на долю крестьянскихъ 600 дес. 1,926 р. Общій доходъ 2,160 р. представляетъ съ капитала въ 30,000 р. 7%. Очевидно это ближе къ дѣйствительности. 1,296 р. на 60 тяголъ представляютъ оброкъ въ 21 р. 60 к. съ тягла, т. е. оброкъ въ лучшихъ оброчныхъ имѣньяхъ, налагаемый по произволу помѣщика, но не выплачиваемый, потому что онъ все же слишкомъ высокъ.

Этотъ расчетъ ближе къ дѣйствительности, но не выражаетъ дѣйствительности. Въ дѣйствительности въ оброчныхъ имѣньяхъ гдѣ оброкъ 20 или 22 р. на тягло,—всегда большая недомка, выражающая излишекъ, основанный на злоупотребленіи крѣпостнаго права. Въ дѣйствительности высокая барщина въ полторы десятины на тягло т. е. въ $4\frac{1}{2}$ десят. въ трехъ поляхъ, раззоряетъ крестьянъ и все же относится къ злоупотребленію крѣпостнаго права, и въ имѣньяхъ, гдѣ крестьяне не притѣснены, запашка не превышаетъ $3\frac{1}{2}$ дес. на тягло во всѣхъ трехъ поляхъ, что докажетъ сравненіе съ другими имѣньями; въ дѣйствительности земледѣльческія имѣнья не даютъ 7%. Слѣдственно за высшій предѣлъ нельзя взять барщину—болѣе какъ $1\frac{1}{2}$ десят. въ полѣ на тягло. 150 десят. въ двухъ поляхъ по 12 р. даютъ доходу 1,800 р., что съ капитала въ 30,000 составитъ 6%. Это довольно нормально. Ни одинъ помѣщикъ, при фантастически неопредѣленныхъ расчетахъ, не мечтаетъ получить отъ земледѣлія болѣе 6%. По этому расчету на 400 десят. помѣщичьихъ по 1 р. 80 к. приходится 620 р. и на крестьянскія 600—1,080. Слѣдственно крестьяне должны платить 1,080 р., что составитъ при 60 тяглахъ оброкъ въ 18 р. съ тягла, оброкъ выплачиваемый въ лучшихъ оброчныхъ имѣньяхъ почти безнедомочно. Что же предоставляетъ помѣщикъ крестьянамъ за оброкъ въ 18 р. съ тягла? Полевой надѣлъ угодья и усадьбы, т. е. обыкновенно всю землю. Что же долженъ предоставить, за такой же оброкъ помѣщикъ въ земледѣльческомъ имѣньи высшаго разряда? Полевой надѣлъ, угодья и усадьбы, т. е. все то, чѣмъ крестьяне теперь пользуются. Объ особенной оцѣнкѣ усадьбы рѣчи быть не можетъ.

Возьмемъ барщинное имѣнье въ 100 душъ при $4\frac{1}{2}$ десятинахъ на душу, т. е. при 450 десятинахъ. За такое имѣнье никто не дастъ болѣе 12,000 р. т. е. по 120 р. за душу, или отъ 26 до 27 р. за десятину. Въ такомъ имѣньи крестьяне имѣютъ во владѣніи земли со всѣмъ полевымъ надѣломъ, угодьями и усадьбами—по 3 десятины на душу, всего 300 десят. У помѣщика 150 десятинъ. Запашки не можетъ быть болѣе полудесятины въ полѣ на тягло; на 60 тяголъ 30 десятинъ; въ двухъ поляхъ, дающихъ доходъ 60 десятинъ по 12 р. съ десятины 720 р. Съ 450 десятинъ земли доходу по 1 р. 60 к. съ десятины. На 150 десятинъ помѣщичьихъ придется 240 р.—на 300 десятинъ крестьянскихъ 480 р. Съ капитала въ 12,000 р.—720 р. представляютъ 6%. Сравнительно съ

* Харьковскій комитетъ полагаетъ доходъ съ десятины въ 8 р.

оброчными имѣньями 720 р. при 60 тяглахъ, представляютъ оброкъ въ 12 р. съ тягла, что дѣйствительно почти низшій предѣлъ оброка въ оброчныхъ имѣньяхъ безвыгодно поставленныхъ.*

Такимъ образомъ изъ высшаго и низшаго предѣла барщины и оброка, мы видимъ, что они постоянно совпадаютъ; что опредѣлить выкупъ по оцѣнкѣ доходовъ менѣе труда чѣмъ всякимъ инымъ способомъ: что при выкупѣ оброчнаго имѣнья, если у помѣщика не было лишней земли, не лзя отрѣзать отъ крестьянскаго надѣла часть земли, не ухудшивъ состоянія крестьянъ и не осудивъ на земледѣліе—помѣщика, который имъ никогда не занимался; что выкупъ всего выгоднѣе для помѣщиковъ многоземельныхъ барщинныхъ имѣній, потому что они и теперь выгоднѣе остальныхъ; что, при выкупѣ по оцѣнкѣ доходовъ, справедливые интересы помѣщиковъ не страдаютъ; но что ни въ какомъ случаѣ не лзя посягать на особую оцѣнку усадебной осѣлости.

Хозяйственное отдѣленіе было вовлечено въ сторону по тремъ причинамъ: 1) по ошибочному направленію, данному правительствомъ всѣму вопросу спервоначала, потому что въ началѣ правительство говорило только объ усадьбахъ; 2) по помѣщичьимъ притязаніямъ губернскихъ комитетовъ (большинствомъ голосовъ) на высшую до невозможности оцѣнку имѣній; 3) по несчастной фантазіи переходнаго положенія, которое увлекаетъ въ какіе то инвентари, гдѣ каждый клочекъ обуславливаетъ повинность и что совершенно не сродно ни духу народа, ни количественному отношенію народонаселенія къ почвѣ.

Признавъ за норму существующій надѣлъ со всѣми угодьями, которыми крестьянинъ пользовался, хозяйственное отдѣленіе не могло не включить и самыхъ усадебъ въ одинъ общій надѣлъ, и перейти къ оцѣнкѣ доходовъ и опредѣленію той соразмѣрной части оныхъ, которая падаетъ на крестьянъ какъ проценты за выкупной капиталъ. Только свихнувшись съ логическаго пути, хозяйственное отдѣленіе могло принять отдѣльную оцѣнку усадьбы, и основаніемъ оцѣнки "тотъ доходъ, который представляетъ помѣщику усадьба, *въ видѣ частной повинности на нее падающей.*" Мы спрашиваемъ: гдѣ въ Россіи найдется тотъ гениальный человекъ, который бы на дѣлѣ опредѣлилъ въ любомъ имѣньи—какая часть помѣщичьяго дохода падаетъ именно на крестьянскія усадьбы, а не на остальные земли? Этого человека не найдется потому что самое опредѣленіе внѣ всякихъ границъ возможности. Возьмемъ всѣ усадьбы имѣнья въ совокупности и невозможность ихъ относительной оцѣнки бросится въ глаза всякому, кто хоть проѣздомъ бывалъ въ деревнѣ; невозможность оцѣнки каждой усадьбы отдѣльно признаетъ само хозяйств. отдѣленіе. Вотъ его слова:

"При этомъ Отдѣленіе, имѣя въ виду, что цѣнность усадебъ въ одномъ селеніи бывасть чрезвычайно разнообразна и нѣтъ никакой возможности входить въ оцѣнку каждой усадьбы въ отдѣльности, помогаетъ, что оцѣнкѣ должна подлежать вся совокупность усадебныхъ земель всѣхъ принадлежащихъ къ одному мірскому обществу крестьянъ селенія, и за сими внутренняя раздѣлка и раскладка между домохозяевами общей суммы, предоставляется уже самому міру; для огражденія же зажиточныхъ крестьянъ отъ чрезмѣрнаго притѣсненія общества, Отдѣленіе считаетъ нужнымъ постановить, что никакая усадьба не можетъ быть крестьянами цѣнима выше тройной средней стоимости усадебной земли въ томъ имѣньи."

Въ этихъ словахъ есть своя доля правды. Дѣйствительно,

* Мы брали 6%ный расчетъ; объ иныхъ расчетахъ мы станемъ говорить при обзорѣ предположеній финансоваго отдѣленія

при выкупѣ, особенно въ оброчныхъ имѣньяхъ, гдѣ въ усадьбахъ большая разница, крестьяне на міру непременно заведутъ income tax, по которой каждый домохозяинъ будетъ участвовать въ выкупѣ общины, въ уплатѣ выкупныхъ процентовъ—*по состоянію*: Income tax, т. е. раскладка налоговъ по состоянію—въ духѣ русскаго народа и можетъ послужить основаніемъ совершенно своеобразнаго развитія общины.

Заключая этотъ отдѣлъ нашего разбора, мы невольно приходимъ къ надеждѣ, что дворянство, пойметъ наконецъ что правильная оцѣнка для выкупа—оцѣнка доходовъ, и что переходное положеніе вредно для интересовъ обоихъ сторонъ и опасно для помѣщиковъ. Мы надѣемся, что, слѣдя примѣру Нижегородскаго, Рязанскаго, Тверскаго, Харьковскаго дворянства, и остальные губерніи стануть требовать выкупа безъ переходнаго положенія, и что правительство уступить общественному голосу и откажется отъ своей бюрократической фантазіи. Только великодушно предоставивъ крестьянамъ въ собственность ихъ настоящее достояніе, не за *насильный*, а за *посильный* выкупъ, только отклонивъ переходное положеніе, и слѣдственно само разомъ освободясь отъ крѣпостной зависимости, дворянство, какъ искренній союзникъ народа, не въ духѣ олигарховъ-властителей, а въ духѣ двигателей умственной и промышленной дѣятельности, можетъ въ Россіи выполнять благородную роль *образованныхъ людей*, забывая свое названіе *дворянства*, корень котораго позорное слово: *дворян*.

Н. Огаревъ.

БЪШЕНСТВО ПРАВОСЛАВІЯ.

(Изъ No. 50 Wiadomości Polskie.)

Въ Витебской губерніи, въ Дрызенскомъ уѣздѣ, въ селеніи Дзерновичи, имѣнія Антона Корсака, — правительство въ 1848 году отняло (какъ въ многихъ другихъ мѣстахъ), католическую приходскую церковь и обратило ее въ православную. Крестьянъ же, подъ предлогомъ, что нѣкоторые изъ нихъ перешли прежде изъ униатъ въ католицизмъ,* какъ отступниковъ отъ унии, а тѣмъ самымъ и отъ православія, вписали въ церковный регистръ, противъ ихъ воли и согласія—православными. Крестьяне видя свою церковь преобразованную въ православную, стали ходить въ сосѣднюю, католическую церковь въ Сѣдловѣ, находящуюся на крестьянскомъ кладбищѣ. Но черезъ годъ и та была закрыта и священнику изъ доминиканъ Забьяльскаго монастыря Петру Цеперскому запрещено было находиться въ Дзерновицкомъ округѣ. Крестьяне все-таки не стали ходить въ православную церковь. Тогда началась миссія, похожая на Дудаковицкую и Леснопольскую, лѣтъ 14 тому назадъ.

По требованію Лужинскаго архіерея прибыли военные и гражданскія власти, и съ помощью мѣстной полиціи и двухъ ротъ солдатъ загнали народъ въ церковь, гдѣ духовенство насильно заставляло принимать причастіе. Крестьяне остались скрытными католиками, и чтобъ избавиться отъ преслѣдованій попа, они платили ему за свидѣтельства что были на исповѣди, браковъ почти не заключали, новорожденныхъ

* Дѣйствительно это случилось при Екатеринѣ II, но по ходатайству фамиліи Корсаковъ, особымъ указомъ дозволено было всѣмъ Дзерновицкимъ крестьянамъ остаться католиками, что и послѣ было подтверждено Александромъ I.

дѣтей крестили сами, попу же это не мѣшало выставить въ ежегодныхъ раппортахъ, что всѣ его прихожане говѣли.

Это состояніе продолжалось до 1857 года. Въ этомъ году лѣтомъ дзерновицкіе крестьяне, наслушавшись о добротѣ новаго государя, подали просьбу на его имя, чтобъ имъ было позволено открыто исповѣдывать католическую вѣру, тѣмъ больше, что они хитростью и насиліемъ были обращены въ православіе.

Коммиссія прошеній, черезъ земской судъ отвѣчала имъ, что ихъ просьба, какъ незаслуживающая вниманія, остается безъ послѣдствій. Крестьяне снова подали въ 1858, просьбу государю и министру внутреннихъ дѣлъ. На этотъ разъ мѣстной попъ перепугался, и донесъ объ этомъ Лужинскому архіерею. Тотъ, какъ обыкновенно, отнесся къ витебскому губернатору Колокольцову. Губернаторъ* послалъ туда губернскаго совѣтника Говоровича вмѣстѣ съ Лужинскимъ протоіереемъ Гумилевымъ, присланнымъ отъ архіерея, съ полною властью употребить всѣ возможные средства для спасенія несчастныхъ душъ отъ вѣчнаго ада.

По прибытіи комиссаровъ въ Дзерновичи, они организовали настоящую миссію, напоминающую страшную эпоху николаевского царствованія. По требованію Говоровича явилась вся исполнительная власть, т. е. капитанъ-исправникъ съ мѣстной полиціей и всѣми приставами уѣзда—Поповымъ, Заленскимъ и Ловейко (впослѣдствіи Поповъ былъ замѣненъ Фидельскимъ), и съ ними сорокъ человѣкъ поповъ.

При допросахъ: кто совѣтовалъ подавать просьбу государю, кто ее сочинялъ, кто переписывалъ и гдѣ находится оригиналъ ея,—исправникъ Сподарцовъ и приставъ Заленскій выказали неутомимое и православное усердіе свое кулаками и розгами. Крестьянскій фельдшеръ Викенти, желая сколько нибудь прекратитъ миссіонерскіе подвиги, принялъ на себя всю вину. Онъ дѣйствительно подписалъ обѣ просьбы. За то онъ и пострадалъ всѣхъ больше. Его жестоко сѣкли, выбили зубъ и до того надъ нимъ неистовствовали, что онъ нѣсколько недѣль лежалъ больной. Въ квартирѣ искали черновыхъ просьбъ, допрашивали и его жену, которая будучи беременной, родила преждевременно; другая же женщина, послѣ допросовъ родивши преждевременно, на другой день умерла.

Викенти и трое другихъ были отправлены въ Дрызу и посажены въ тюрьму. Черезъ двѣ недѣли ихъ привезли въ Витебскъ, и приговорили сослать въ арестантскія роты.

Миссія же, не найдя настоящаго сочинителя прошеній, начала слѣдить гдѣ и у какихъ именно священниковъ дзерновицкіе крестьяне до сихъ поръ исповѣдовались. Крестьяне говорили, что они исповѣдовались въ Полоцкѣ, Дзиснѣ, Освьей, въ Рыгѣ и другихъ церквяхъ, не называя священниковъ и не заикаясь даже о Забяльскомъ монастырѣ Доминиканъ въ разстояніи трехъ миль отъ Дзерновичъ. Это подало подозрѣніе, что забяльскіе Доминикане во всемъ виною. И миссія въ полномъ комплектѣ отправилась въ монастырь. Тамъ подъ присягой спрашивали крестьянъ ходятъ-ли Дзерновичане въ забяльскую церковь и исповѣдываются-ли они у Доминиканъ? Народъ отвѣчалъ разнo и хотя не было достаточныхъ доказательствъ, миссія однакожъ во всемъ обвинила забяльскихъ Доминиканъ.

* Григорій Дмитріевичъ, и это вамъ не стыдно?

Въ этихъ приготовительныхъ дѣйствіяхъ прошелъ Апрель мѣсяць,—повторяю приготовительныхъ, потому что дѣйствительная цѣль апостоловъ состояла въ томъ, чтобъ Дзерновицкихъ крестьянъ закрѣпить въ православіи разъ навсегда.

Но какъ ни сильна была рука, помогающая попамъ въ этомъ дѣлѣ, оказалась однакожъ недостаточной. Изъ Витебска пріѣхалъ жандармскій полковникъ Лосевъ съ 4 жандармами. Онъ собралъ еще больше солдатъ и послалъ ихъ по домамъ на квартиры, съ приказомъ проповѣдывать мужикамъ православіе, а самъ между тѣмъ призывалъ крестьянъ партіями въ господскій домъ, и недовѣряя апостольству поповъ, ежедневно проповѣдывалъ имъ православіе, болѣе же закоснѣлыхъ сѣкъ.

Это дикое, петербургско-нѣмецко-татарское обращеніе продолжалось до половины Мая, и въ продолженіи 6 недѣль успѣли всѣхъ въ православіе одного человѣка—Осипа Римара. Полковникъ Лосевъ видя бесполезность частныхъ конференцій, велѣлъ собрать всѣхъ отцовъ семействъ и хозяевъ около 80 человѣкъ, и въ сопровожденіи поповъ явился передъ созваннымъ народомъ съ рѣчью. “Царь хочетъ, чтобъ вы всѣ были православными — за чѣмъ вы упорствуете, зачѣмъ не хотите принять этой вѣры?”—Народъ кланяется и говоритъ: “Ваше высокоблагородіе, мы всѣ вѣрноподанные царя, платимъ подать, даемъ рекрутъ, не жалѣемъ въ случаѣ нужды и крови нашей, но отъ вѣры отцовъ нашихъ никогда не отступимъ.” Полковникъ: “Такъ вы бунтовщики! вы смѣете противиться воли царя! Кто васъ бунтуетъ, выдайте вашихъ предводителей, по крайней мѣрѣ другихъ спасите, пначе всѣ пойдете подъ кнутъ и въ Сибирь; ни женъ, ни дѣтей вашихъ никогда больше не увидите.” Народъ снова кланяется и отвѣчаетъ: “Мы всѣ предводители, потому что всѣ католики и готовы пойти въ Сибирь и даже умереть, но вѣры нашей не перемѣнимъ.” На это полковникъ замѣтилъ: “А вѣдь вы были уже въ церкви и приняли православіе, зачѣмъ же теперь отступаете отъ него?” Народъ опять кланяется: “Ваше высокоблагородіе, не сердитесь за то что скажемъ, но вѣдь и васъ самихъ, еслибы васъ окружило двѣ роты штыковъ, загнали бы и въ хлѣвъ даже. Что же удивительнаго, что и насъ такимъ образомъ загнали въ церковь. А тѣмъ, которые противились и хваталсь руками за двери, саблей и топоромъ рубили пальцы. Вѣдь они есть между нами.”

Тутъ полковникъ умолкъ. За то попы крикнули хоромъ: “Нѣкоторые изъ васъ приняли и причастіе. Что же это, вы шутите надъ нашей вѣрой?” Народъ: “Мы не шутимъ, но какъ насъ причащали, били по щекамъ и саблей открывали ротъ, притомъ позавтракавши и безъ исповѣди.” Тогда протоіерей Гумилевъ торжественнымъ голосомъ сказалъ: “Я удивляюсь вашей слѣпотѣ и незнанію! Какъ же вамъ не убѣдиться, что святая православная вѣра есть единая истинная? Видѣли-ли вы какъ рисуютъ Христа?” Народъ: “Видѣли.”—“Смотрите-же, развѣ не такая у насъ борода, не такъ-ли причесаны у насъ волосы, какъ у Христа? Не такое-ли платье видите на насъ, какъ на образѣ Христа? Стало вѣра наша должна быть истинная.”—“Знаемъ, что Христосъ носилъ бороду и длинные волосы,” отвѣчали крестьяне, “можетъ быть и платье похоже на ваше, но это не идетъ къ вѣрѣ, и мы отъ нашей не отступимъ.”

Апостолы видя, что нельзя ничего сдѣлать съ крестьянами, донесли м. в. д., что причиною ихъ закоснѣлости забяльскіе

Доминикане, и 19 Мая, вслѣдствіе-ли высшаго указа, или по собственной волѣ, усталые отъ полтора-мѣсячнаго, напраснаго труда, закрыли свой православный трибуналъ и уѣхали изъ Дзерновичъ. Всѣ съ нетѣрпѣніемъ ожидали какъ кончится это дѣло, представленное на рѣшеніе самаго государя.

Но вотъ въ Іюнь мѣсяцѣ ѣдетъ на ревизію витебской губерніи сенаторъ Щербининъ и имѣетъ высочайшее порученіе заѣхать въ Дзерновичи и разобрать дѣло. Вѣсть о пріѣздѣ высокаго сановника государства отъ имени монарха, внушала надежду, что дѣло несчастныхъ крестьянъ будетъ рѣшено въ ихъ пользу. Но едва сенаторъ успѣлъ пріѣхать въ Витебскъ, тотчасъ велѣлъ послать жандармовъ въ Дрызу за фельдшеромъ Викенти и его товарищами, посаженными въ тюрьму, также и за г. Лопацинскимъ предводителемъ дворянства Дрызѣнскаго уѣзда, принявшимъ прошеніе отъ дзерновицкихъ крестьянъ, ходатайствовавшимъ послѣ за нихъ у губернскихъ властей и у полковника Лосѣва. Лопацинскому сенаторъ предлѣжилъ ѣхать немедленно въ Дзерновичи и объявить крестьянамъ царскую волю, чтобъ они были православными. Но г. Лопацинскій рѣшительно отказался. Изъ дальнѣйшихъ распоряженій сенатора оказалось, что пріѣздъ его ни что иное какъ продолженіе прежняго апостольскаго обращенія, только въ болѣе правительственной формѣ, съ другими декораціями, съ большей хитростію, и болѣе обдуманнми средствами.

По отказѣ г. Лопацинскаго, сенаторъ Щербининъ съ 6 чиновниками пріѣхалъ въ село Дзерновичи 12 Іюля. Окруженный многочисленной свитой, въ парадныхъ мундирахъ, сенаторъ явился передъ собраннымъ народомъ, привѣтствовалъ его учтиво и началъ отеческую рѣчь: “Дѣти мои, вы просили всемилостивѣйшаго государя, Александра II, чтобъ вамъ было позволено исповѣдывать католическую вѣру, я отъ его имени пріѣхалъ объявить вамъ, что царь Александръ II, вступая на всероссійскій престолъ, присягалъ пещься о православной вѣрѣ, поддерживать ее, защищать и расширять, а потому просьбы вашей принять и позволить остаться католиками, обязанность присяги запрещаетъ. Сверхъ того должно вамъ быть извѣстно, что воля царя—свята, что царь—посланникъ Бога; Богъ на небѣ, царь на землѣ. Кто противится царю, тотъ противится Богу. А потому и вы, дѣти мои, не должны противиться всевышней волѣ. Царь хочетъ и Богъ хочетъ, чтобъ вы были православными. Что же соглашаетесь?”

Народъ со слезами и стономъ, отвѣчалъ: “Ваше высокопревосходительство, мы слушаемся царя, и уважаемъ его волю во всемъ что не касается нашей совѣсти. Мы умоляемъ васъ оставить насъ при нашей вѣрѣ,—позвольте намъ, какъ позволяете евреямъ и лютеранамъ молиться Богу, какъ ему молились наши отцы, ибо мы православія не знаемъ и не желаемъ.”

— “Нѣтъ, дѣти мои, отвѣчалъ сенаторъ это не возможно. Не упорствуйте противъ воли царя и воли Бога. Вы должны быть православными. Не слушайте этихъ Доминикановъ, которые васъ бунтуютъ, мы ихъ вскорѣ прогонимъ отсюда.”

Вдругъ изъ толпы окружающаго сенатора, закричали: “А что-же вы еще не поклонились царю въ лицѣ сенатора, поклонитесь же!” Народъ съ почтеніемъ клонитъ головы. “Нѣтъ, не такъ,” кричатъ нѣсколько чиновниковъ, “пусть каждый изъ васъ станетъ на колѣна передъ сенаторомъ и поцалуетъ ему руку.” Народъ не зная, что это значитъ, колебался, тогда выскакиваютъ изъ толпы нѣсколько чиновниковъ, хватаютъ бѣдняковъ и влекутъ передъ сенатора, склоняютъ

голову и вѣмятъ цаловать руку. Сенаторъ благословилъ каждого и поцаловалъ въ лобъ. Этотъ поклонъ и поцалуй принять былъ, какъ знакъ согласія на слова сенатора и перехода въ православіе. Всѣхъ, которые перешли этой церемоніей, отставляли въ сторону и вписывали ихъ имена какъ добровольно и охотно принявшихъ православіе; восемь человекъ однакожь догадались и не захотѣли цаловать руку у сенатора, ихъ заперли въ хлѣвъ на цѣлый день. Это происходило въ Субботу. На другой день сенаторъ приказалъ, чтобъ всѣ новообращенные находились въ церкви на молебствіи и приняли причастіе. Между тѣмъ, чтобъ показать крестьянамъ свое удовольствіе, сенаторъ далъ имъ 5 р. с. на водку. Но народъ догадался что все это значитъ, отослалъ деньги и ни одинъ не пошелъ въ церковь. Сенаторъ и вся свита его вознегодовали и опять обвинили Доминиканъ, что тѣ умѣли въ продолженіи ночи испортить все дѣло, такъ счастливо начатое. Сенаторъ еще разъ объявилъ, что царь не перемѣнитъ своего рѣшенія и въ случаѣ упорствованія будутъ употреблены роты солдатъ и жандармовъ, какъ это было лѣтъ 14 тому назадъ. За тѣмъ передавши всю власть въ руки жандармскаго полковника Лосѣва, 13 Іюля Щербининъ уѣхалъ. Послѣ отъѣзда сенатора обставили полиціей и жандармами всѣ дороги ведущія въ деревню, такъ что никто въ околѣдѣ не зналъ, что дѣлается въ Дзерновицахъ. Лосевъ сталъ во главѣ исполнительной власти и Жарновскій* во главѣ сельской — прикащикъ Рациборскій и подлекарь Шаура. Первый дѣйствовалъ отъ имени царя, другой отъ имени помѣщика. Первый говорилъ о несокрушимой волѣ правительства и грозилъ ротами солдатъ, ждавшими въ Полоцкѣ; другой ходилъ изъ хаты въ хату, страшая, что каждый изъ крестьянъ въ случаѣ упорства получить пять-сотъ розогъ, если ихъ выдержитъ, другія пять-сотъ и потомъ будетъ сосланъ въ Сибирь. Наконецъ привезли фельдшера Викентія, которому въ продолженіи трехъ мѣсячной тюрьмы успѣли уже всѣчь православіе.

Народъ увидѣвши его и отпечатокъ страшныхъ мученій на его лицѣ, упалъ духомъ и усомнился въ возможности отстоять вѣру отцовъ своихъ, но ни одинъ не рѣшался идти въ комиссію. Тогда въ понедѣльникъ 14 Іюля, полиція, когда народъ сталъ собираться на пригонъ, внезапно окружила его и загнала въ церковь. Тамъ, попы, какъ прежде, такъ и теперь, избавляя отъ исповѣди, насильно причащали крестьянъ и вписывали въ регистръ, дѣтей перекрестили и послали рапортъ сенатору, что всѣ дзерновицкіе крестьяне повиновались въ своихъ грѣхахъ, съ вѣрой и убѣжденіемъ, возвратились на путь спасенія.

Викенти-же возвратившись не на путь спасенія, а въ Витебскъ, ночью 23 Іюля застрѣлился.

Вотъ развязка этой страшной драмы, случившейся въ 1858 въ царствованіе Александра II, освободителя крестьянъ.

Несчастные солдаты оставленные на голодную смерть.

Намъ пишутъ изъ Сибири. “Зимою 1855 года въ Сибири былъ страшный случай: въ одномъ баталіонѣ солдаты были

* Уполномоченный помѣщика Антона Корсака, который письменно 1843 общался содѣйствовать правительству въ обращеніи крестьянъ въ православіе, пользуясь чѣмъ, сенаторъ Щербининъ пригласилъ его участвовать въ дѣлѣ апостольства, Корсакъ сказался больнымъ и послалъ Жарновскаго, человека свѣдущаго, исполнявшаго прежде нѣсколько низшихъ полицейскихъ должностей и пезадумывающагося надъ средствами.

доведены до людоедства. Фактъ этотъ былъ скрытъ, командиръ баталіона, майоръ Аблеуховъ, получилъ орденъ и сдѣланъ комендантомъ Шилькинскаго завода*. Все дѣло было представлено такъ, что на походѣ приключилась какая-то *невъдомая и убійственная повальная болѣзнь*, отъ которой люди и перемерли. Шли три баталіона съ устья Амура, въ боевой аммуниціи, отправляя баталіоны въ походъ, рассчитали провіантъ на два мѣсяца, но при всемъ томъ въ сутки баталіонамъ нужно было бы дѣлать по 50 верстъ, чтобы пройти всю пустыню Амура.

Не принимали во вниманіе никакихъ случайностей опаснаго, поднаго похода; говорятъ даже, что солдаты не имѣли порядочной зимней одежды. Два баталіона прошли кое-какъ, грабя подъ конецъ прибрежныхъ жителей. Когда Гиляки слышали, что идетъ еще 3^{ій}, то ушли въ лѣса, оставивъ свои юрты пустыми. Провіантъ приходилъ къ концу. Тогда командиръ баталіона, съ частью людей и офицеровъ, ушелъ впередъ. Къ счастью, на рѣкѣ въ то-же время замерзъ паракордъ Аргунь и баржа съ провіантомъ. Рабочіе съ баржи разошлись; команда съ паракорда съѣхала, командиръ его то-же уѣхалъ въ Иркутскъ, оставивъ на паракордѣ двухъ матросовъ. Эти матросы въ одно прекрасное утро увидели кучку людей, опухшихъ, полусумашедшихъ отъ голода. Это была первая партія баталіона. Матросы стали ухаживать за ними. Многіе изъ этой партіи тотчасъ-же умерли, но баталіонный командиръ поправился. Собравъ людей, которые были покрѣпче, онъ послалъ ихъ съ матросами на встрѣчу второй половинѣ баталіона. Ее нашли скоро, но оставалось только нѣсколько человѣкъ въ живыхъ. Эти несчастные, одичавшіе люди, сидѣли около котла, въ которомъ варился свѣжій трупъ только что убитаго товарища. Ихъ должны были взять силою. Они не понимали, что съ ними хотятъ дѣлать.

Въ Сибири объ этомъ дѣлѣ говорятъ шопотомъ. Съ отѣзжающихъ въ Россію чуть-ли не берется присяги; что они будутъ молчать. Въ 7^{мѣ}, кажется №. *Морскаго Сборника* въ интересной статьѣ Завалишина (поселенца, а не лейтенанта) объ Амурѣ было замѣчаніе, что зимовка на Амурѣ была похожа на зимовку Наполеона въ Россіи.

ПОМѢЩИЦА-НЕНАВИДЯЩАЯ И ПОМѢЩИКЪ
ЛЮБЯЩІЙ СВОИХЪ РАБОВЪ.

I.

Намъ пишутъ изъ Украйны, что помѣщица Сумскаго уѣзда жена штабсъ-ротмистра, Наталья Васильевна *Свирская*, далеко превзошла въ гнусныхъ злоупотребленіяхъ помѣщицей въ аспі — Вреде, о которомъ мы писали, (въ 15 л. *Колокола*), Блопотовскую (листъ 22), Гутпейта и пр., не наказанныхъ преступниковъ. Свирская въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ драла, вѣшала за ноги на морозѣ и обливала холодной водой, травила волкомъ дворовыхъ людей и жещинь. Она заставляла обстриженныхъ дѣвокъ *печь собственную косу*, заставляла глотать калъ..... Семь лѣтъ тому назадъ, она замучила одну дѣвочку до смерти. Священникъ видя тѣло покрытое пятнами, отказался хоронить безъ слѣдствія, но *добрый* уѣздный врачъ далъ свидѣтельство, что дѣвочка умерла отъ чахотки и водяной.

* Майоръ Аблеуховъ, впрочемъ, здѣсь не виноватъ. Онъ исполнялъ приказанія начальства.

Передъ этимъ производилось исправникомъ Власовскимъ слѣдствіе по обвиненію Свирской своихъ крѣпостныхъ людей въ покушеніи отравить ее. При производствѣ слѣдствія исправникъ такъ усердствовалъ, что изъ 15 прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, умерло четыре!

Суда никакого не было ни по тому, ни по другому дѣлу. Только генераль-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе взять имѣніе Свирской въ опеку, и представилъ въ Сенатъ о дѣйствіяхъ ея мужа (бывшаго *предводителя* Сумскаго уѣзда!) *допустившаго* жену къ жестокому обращенію. Сенатъ нашелъ что ему за это (за участіе въ убійствахъ и рядѣ злодѣйствъ), слѣдуетъ сдѣлать выговоръ, да и подвелъ его подъ манифестъ 27 Марта 1855.

Все это было въ продолженіе Панинскаго министерства. Нѣтъ, государь отводитъ глаза, онъ не хочетъ правды, онъ боится правды; но исторія не должна забыть преступленія и злодѣйства изверговъ помѣщиковъ, покрываемыхъ ворами чиновниками и амнистіями коронующагося царя!

II.

Въ 1855 году, молодой помѣщикъ, казацкій эсауль *Поповъ* поселился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, саратовской губерніи, парицынскаго уѣзда, въ селѣ Отрадѣ. 22 лѣтнему юношѣ сельская жизнь показалась скучна, и для развлеченія онъ собиралъ по вечерамъ въ барскій домъ сельскихъ дѣвушекъ, начиная съ 14 лѣтъ, пѣть, играть, а послѣ игръ оставлялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и ночевать съ собою. Такая очередь остаться дошла наконецъ до одной дѣвушки, по имени *Анны*, которая на отрѣзъ отказалась отъ этой чести. Поповъ подвергъ ее заключенію, морилъ голодомъ. Отецъ дѣвушки приходилъ упрашивать барина за дочь и говорилъ ему: "Оставь это, вспомни своего дѣда (дѣдъ Попова былъ убитъ крестьянами.)" Дѣйствительно, Поповъ раскаялся, какъ видно: онъ промѣнялъ дѣвушку помѣщику *Данилову* на часы, — такъ по крайней мѣрѣ оказалось по слѣдствію. Даниловъ, перевозя дѣвушку въ свою деревню, также подвергалъ ее истязаніямъ, чтобы принудить жить съ нимъ: билъ ее, запиралъ въ чуланъ, морилъ голодомъ и наконецъ заставилъ дѣвушку покориться — она стала жить съ новымъ своимъ господиномъ. У нея родилась дочь, которую отдали на воспитаніе какой-то старухѣ. Оправившись отъ родовъ, дѣвушка объявила священнику, что не хочетъ продолжать грѣха, уѣжала въ свою родную деревню и подала просьбу исправнику Корбутовскому, жалуюсь на побой, насиліе и отнятіе у нея дочери. *Корбутовскій* родственникъ Данилову и Попову; просьба дѣвушки осталась безъ всякаго дѣйствія. Тогда она подала просьбу уѣздному предводителю дворянства *Скибиневскому*, онъ также оставилъ просьбу безъ вниманія. Наконецъ дѣвушка подала просьбу саратовскому губернатору *Игнатьеву*; Игнатьевъ поручилъ произвести слѣдствіе исправнику Корбутовскому.

Во время производства дѣла, Поповъ ссылаетъ на поселеніе отца дѣвушки, за то, что онъ показывалъ согласно съ ея жалобою, что она подвергалась истязаніямъ; а самую дѣвушку, какъ только подала она просьбу Игнатьеву, посадили въ острогъ какъ бунтовщицу. Акта, по которому бы она была передана или продана Поповымъ Данилову, не существовало; но Поповъ показалъ, что отпускалъ ее къ Данилову только на заработки, и представилъ переписку свою съ Даниловымъ объ этомъ. Но переписка эта явно фальшивая,

составленная уже послѣ начатія слѣдствія (и притомъ Поповъ обязанъ бы былъ дать ей паспортъ, потому что деревня Данилова отъ ея законнаго мѣста жительства отстоитъ болѣе, нежели на 30 верстъ.) Дѣвушка, видя, что Корбутовскій ведетъ слѣдствіе пристрастно, бѣжала изъ острога, гдѣ продолжали держать ее, добралась до Москвы и оттуда написала помѣщику письмо, содержаніе котораго таково :

“Прошедшаго не воротись ; я все тебѣ прощаю, если ты дашь свободу мнѣ и моимъ роднымъ (она еще не знала, что отецъ ея сосланъ на поселеніе.) Въ противномъ случаѣ я отправляюсь въ Петербургъ и подамъ просьбу государынѣ императрицѣ.”

Поповъ представилъ это письмо къ дѣлу, объясняя, что дѣвушка клеветаетъ на него, съ единственною цѣлью получить свободу себѣ и роднымъ.

Дѣвушка дѣйствительно умѣла пробраться до Петербурга и подала просьбу императрицѣ. Императрица отправила ее въ Саратовъ, къ губернатору, давъ ей въ провозытые жандарма ; съ нею послано было отъ статсъ-секретаря императрицы отношеніе, которымъ она, именемъ государыни, поручалась покровительству губернатора. Губернаторъ отправилъ дѣвушку въ Царицынъ, а въ Царицынѣ посадили ее въ острогъ. Это было въ 1857 году. *Съ той поры до нынѣшняго времени она все сидитъ въ острогѣ !*

Но кромѣ того, что посадилъ дѣвушку въ острогъ, губернаторъ велѣлъ начать новое слѣдствіе по ея дѣлу. Слѣдствіе было поручено кандидату на полицейскія мѣста Андрееву, который обнаружилъ, что всѣ жалобы дѣвушки только : “извѣтъ,” т. е. клевета, ябедничество. По произведеніи слѣдствія, онъ представилъ ее въ царицынскій уѣздный судъ, который еще не рѣшилъ дѣла.

Между тѣмъ по самому слѣдствію всѣ жалобы дѣвушки подтверждаются несомнѣнными фактами и показаніями.

Обнаруживается также по самому слѣдствію, что подобныя истязанія и растлѣнія происходили не надъ одною этою дѣвушкою ; всѣ дворовые люди и крестьяне *Попова* показали, что помѣщикъ растлѣвалъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Тоже подтвердили и молодыя крестьянки, вышедшія замужъ года два или три тому назадъ : онѣ, по собственному ихъ признанію, были изнасилованы помѣщикомъ ; дѣтей, рождавшихся отъ этихъ растлѣній, обыкновенно отвозили, по приказанію помѣщика, въ донскія степи и тамъ бросали.

ВЪШАЮЩІЙ МУРАВЬЕВЪ.

(Письмо въ Редакцію Колокола.)

“Въ No. 47 вашего журнала”, говорится, о томъ, что для полученія Топильскимъ аренды надобно было, предварительно, исполнить требованіе “въшающаго” Муравьева и назначить сына его оберъ-прокуроромъ.

Чадолубіе Муравьева выказалось, въ послѣдствіи, въ отношеніи того-же сына еще въ большемъ размѣрѣ :

Въ нынѣшнемъ году, передъ 17 Апрѣлемъ, днемъ рожденія государя, Муравьевъ отправляется къ Панину съ просьбою о представленіи сына его къ награжденію арендою.

Желаніе Муравьева было исполнено и представленіе Панина было утверждено.

Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ награжденный, если у него нѣтъ покровительства, получаетъ, по назначенію министерства государственныхъ имуществъ, или въ Вологодской губерніи тундры, или въ Саратовской губерніи землю, куда и птица не залѣтаетъ. Но сынъ Муравьева былъ счастливѣе : ему назначена земля, за которую теперь купцы предлагаютъ до 300,000 р. с.

Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ производилось дѣло по просьбѣ нѣсколькихъ купцовъ о продажѣ имъ нѣкотораго количества земли по р. Камѣ, для устройства тамъ пристани. Дѣло это было представлено на разсмотрѣніе Муравьева, онъ же, оставивъ докладъ объ этомъ предметѣ у себя, счелъ лучшимъ, вмѣсто предоставленія выгоды казнѣ, доставить выгоду эту одному изъ своихъ наслѣдниковъ. Сперва *былъ прошенъ* Панинъ, а потомъ, по вослѣдованіи высочайшаго награжденія Муравьевскаго сына арендою, *было дано* знать объ отводѣ ему земли именно въ томъ мѣстѣ, которое торговали купцы.

Не правда-ли, что подобная черта родительскаго попеченія умилительна. Брутъ—Брутъ, отецъ и гражданинъ, въшающій, но не повѣщенный.

Вы спрашивали, правда-ли, что Муравьевъ для образованія управленій по министерству государственныхъ имуществъ и по вѣдомству удѣловъ, получилъ одновременно изъ обоихъ вѣдомствъ прогоны. Это совершенно справедливо. Онъ взялъ тогда до 24,000 р.

Сыновняя аренда, другое благопріобрѣтеніе. Далѣе,—вотъ еще одна изъ его продѣлокъ :

При обращеніи запаснаго дворца въ собственность в. к. Михаила Николаевича, надобно было перевести бывшій тамъ департаментъ удѣловъ въ другое мѣсто. Муравьевъ и этимъ воспользовался. Не смотря на то, что изъ двухъ огромныхъ домовъ, предназначенныхъ подъ министерство государственныхъ имуществъ, одинъ не занятъ и потому департаментъ удѣловъ могъ бы быть помѣщенъ тамъ безъ всякихъ новыхъ расходовъ, Муравьевъ придумалъ искуснѣе, и если не приобрѣлъ матеріальной для себя пользы, то достигъ моральной. Онъ нашелъ выгоднѣйшимъ для казны купить подъ департаментъ домъ у Орлова за 300,000 р., который два года тому назадъ достался Орлову за 150,000 или 200,000.

С М Ъ С Ъ.

— *Эпоха прогресса и гласности въ Россіи.*—Желая всѣми мѣрами способствовать изученію Россіи—прогрессивное правительство, сдѣлало, подъ вліяніемъ прогрессивнаго третьяго отдѣленія, слѣдующее положеніе : “что никто не имѣетъ права производить, или посылать кого либо производить по Россіи этнографическія розысканія или собранія *какихъ бы то ни было* свѣдѣній не спрося позволенія правительства, отъ котораго то лице получаетъ особенный видъ, съ прописаніемъ : какъ, почему и для чего посылается. Разумѣется, это дозволеніе можетъ быть дано только лицамъ, пользующимся совершеннымъ довѣріемъ правительства. (Говорятъ что литераторамъ это право вовсе отнято!) Поздравляемъ съ будущей прогрессивной статистикой. !

FOR GENTLEMEN ONLY.

И правда ли, что русский Архимандритъ въ Афинахъ слишкомъ предается восточнымъ и античнымъ страстямъ—страстямъ очень ретрограднымъ въ нашу прогрессивную эпоху, идущую все впередъ? Намъ писали объ этомъ *четыре раза*—нельзя наконецъ не спросить хоть напр. Озерова (не трагика), почему онъ покровительствуетъ такимъ языческимъ поползновениямъ отца Архимандрита и даже тѣснить Діакона—имѣвшаго неосторожность найти православно-несовмѣстнымъ, должность послушника и Антиноя?

— *Ученыя извѣстія.*—Петербургскія газеты увѣдомляютъ насъ что во Вторникъ 29 Декабря 1859 жрецы науки сдѣлали въ Академіи дѣйствительно замѣчательный актъ мужества и упрочили независимость академической науки. Въ присутствіи всѣхъ сановниковъ, не смотря даже на то что и *вѣщающій* Муравьевъ былъ тамъ—непремѣнный секретарь прочелъ что Академіи удалось исходатайствовать высочайшее соизволеніе Государя Императора—*ходатайствовать* у Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника, Цесаревича, Великаго Князя—еще что?... слава богу, молитвами отца нашего Василя Борисовича Бажанова, ничего нѣтъ дальше, одинъ имрекъ... и такъ—наслѣдника, цесаревича, великаго князя Николая Александровича о соизволеніи принять званіе почетнаго члена академіи.

Я бы отказался на его мѣстѣ: не хочу молъ быть почетнымъ членомъ Невскэй Минервы до тѣхъ поръ, пока она выражается какъ чухонская горничная.

— *И правда ли, что Академикъ Бассинъ*—бьетъ учениковъ Академіи художествъ? И правда ли (если это правда) что ученики его еще не поколотили?

— Въ Петербургѣ выходитъ *Агрономическая газета*. Цензура положила на нее (читаемъ мы въ Gazette du Nord) слѣдующее замѣчательное тавро: "*Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобъ газета не разсылалась, не была бы перепечатываема въ журналахъ и не продавалась бы въ книжныхъ лавкахъ.*" Въ Германіи встарь писались драмы—не для сцены. Татарско-нѣмецкой ценсурѣ нашей предстояла честь дозволить журналы *не для чтенія*. Это сильно смахиваетъ на мертво-рожденную цензуру Модеста Корфа—онъ первый началъ въ Россіи печатать—"въ видѣ манускрипта."

— Le Nord отъ 5 Февраля говорить, что уже оконченное положеніе объ освобожденіи крестьянъ начнутъ приводить въ исполненіе съ будущаго Сентября. Во время переходнаго срока отъ 10 до 12 лѣтъ (!) въ каждомъ уѣздѣ будетъ *военный начальникъ съ полной властью* дѣйствовать въ случаѣ столкновений между помѣщиками и крестьянами. То есть боятся, неизбежныхъ при переходномъ положеніи (и невозможныхъ, по ненужности, при немедленномъ учрежденіи

выкупа) крестьянскихъ бунтовъ, и потому припасаютъ солдатъ и военачальниковъ душить народъ, если онъ чуть гдѣ пикнетъ. Сомнѣваемся мы въ этомъ, но если это правда?... О святая предусмотрительность! Ну! а если солдатамъ противно будетъ изъ храбраго войска сдѣлаться палачами своихъ братьевъ мужиковъ? Тогда что?... Тогда первый умный полковникъ, который съ своимъ отрядомъ примкнетъ къ крестьянамъ, вмѣсто того чтобъ душить ихъ—сядетъ на престолъ Романовыхъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ мы узнали объ отпѣнѣ окружныхъ въ государственныхъ имуществѣхъ и оставленіи однихъ волостныхъ управленіи. Теперь, для устраненія грабежа волостныхъ головъ, мы нетерпѣливо ждемъ отпѣну палатъ и министерства государственныхъ имуществъ.

— "Przegląd Rzeczy Polskich" вновь напечаталъ замѣчательную статью о нашихъ мнѣніяхъ. Читатели наши помнятъ, можетъ быть, что мы писали о *Россіи и Польшѣ* (*Колоколъ*, л. 32—34), вызваннае статьею того же Польскаго Обозрѣнія: "Aleksander Hercen i Wolna Rossyjska Drukarnia w Londynie", это отвѣтъ на нихъ. Тотъ же благородный духъ, тотъ же пламенный и гордый патріотизмъ отличаютъ и новую статью. Нѣтъ, мы не можемъ быть противниками, мы дѣйствительно, какъ Польша и Россія, не враги, а *разномыслящіе братья*. Въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ *Колокола* мы скажемъ наше мнѣніе о спорныхъ предметахъ. Такая полемика многое уяснитъ въ вопросѣ, она сблизитъ, а не разведетъ. Ни въ нападеніи, ни въ отпорѣ тѣни нѣтъ самолюбія, любовь къ родимѣ съ обѣихъ сторонъ и съ тѣмъ вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ взаимное призваніе искренности.... Наша разница—это тотъ уголъ, который астрономы называютъ *паралаксомъ*, мы наблюдаемъ съ разныхъ точекъ одну и ту же звѣзду и оттого розно пролагаемъ ее, надобно опредѣлить ея объективно-истинное положеніе. Попытаемся это сдѣлать.

10 Февраля 1860.

И—ръ.

Четвертый листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 15 Января, въ немъ заключается—*Дѣло плантатора Жадовскаго, въ Оренбургской губерніи.*

печатается:

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи *Искандера и Огарева.*

Въ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ, поступили въ продажу переплетенные въ одномъ томѣ экземпляры Колокола отъ 1 листа (Юля 1857)—до 1860 года. Цѣна 30 шиллинговъ

Вольная Русская Типографія въ Лондонѣ, увеличивая свои работы, перемѣщается съ 1 Марта No. 5 Thornhill Place, Caledonian Road.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 64.

1 МАРТА 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 5, Thornhill Place, Caledonian Road. N. W.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Ростовцевъ и Строгоновъ—Письмо изъ провинціи—Изъ Петербурга. Сивъ : Депутаты и редакціонныя комиссіи—Опять розги—Въ примѣръ и ни въ примѣръ—Кіевская децентрализація—Союзъ съ Австріей—Управляющій Машевскій—Герштенцвейгъ—Шницрутенъ и Сиверсъ.

РОСТОВЦЕВЪ и СТРОГОНОВЪ.

Я. И. Ростовцевъ умеръ. Графъ *С. Г. Строгоновъ* назначенъ на его мѣсто. Какъ шатко еще все у насъ, смерть одного дѣятеля и замѣна его другимъ наполняетъ какимъ то ужасомъ мысль нашу, привыкшую съ раннихъ лѣтъ не довѣрять всему, стоящему на снѣжныхъ горахъ петербургскихъ..... Вспомните, графъ Сергій Григорьевичъ, что со дня, въ который вы вошли въ комнату, гдѣ обсуживается величайшій русскій вопросъ—вы стали передъ страшнымъ судомъ исторіи—положите на ваше имя благословеніе русскаго мужика. До сихъ поръ русскіе аристократы заслуживали только благодарность государей, они только имъ и служили, да иногда государству, — народу никогда; за то народъ ихъ ненавидитъ. Переименуйте эту традицію.

Мы не забыли того времени, когда мы васъ лично знали. Въ васъ было много благороднаго, вы любите Россію, покажите, графъ, что маіоратъ въ сорокъ тысячъ душъ не перетянетъ.

ИСКАНДЕРЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

М. Г.

Я долго сомнѣвался, печатать ваше письмо или нѣтъ... и наконецъ рѣшился, но считаю необходимымъ *сперва* сказать нѣсколько словъ объ этомъ.

Вы говорите что я уже печаталъ письмо моихъ враговъ, отчего же не напечатать письма одного изъ друзей “несовершенно согласное съ моимъ мнѣніемъ,” какъ прибавляетъ приложенная къ вашему письму записка.

Мнѣ разъ случилось помѣстить враждебную статью, но это не достаточная причина, чтобъ помѣщать дружескія письма, съ которыми мы не согласны. Печатавъ враждебныя обвиненія, мы садимся на лавку подсудимыхъ, и какъ всѣ подсудимые ждемъ суда, и впередъ радуемся, если онъ будетъ въ нашу пользу. Скажу больше, я предчувствовалъ съ которой стороны будетъ общественное мнѣніе и отъ всей души желалъ этого.

Годъ IV.

Но этого то я и не желаю въ отношеніи къ статьямъ нашихъ друзей, съ которыми мы расходимся. Намъ будетъ больно если мнѣніе выскажется противъ насъ и больно если противъ нихъ; торжество надъ своими—не веселитъ. Къ тому же въ наше бойкое время нельзя давать много мѣста междоусобному спору, нельзя слишкомъ останавливаться, а надобно избравши дорогу идти, вести, пробиваться.

Россія вышла изъ той душной эпохи, въ которую людямъ только и оставалось теоретически обсуживать гражданскіе и общественные вопросы—и, что ни говорить, мы не вошли снова въ Гамлетовскій періодъ сомнѣній, словъ, спора и отчаянныхъ средствъ.

Дѣло растетъ, крѣпнетъ, и вотъ почему мы не можемъ быть безпристрастной нейтральной ареной для бойцевъ; мы сами бойцы и люди партіи.*

Впрочемъ это замѣчаніе къ вашему письму мало относится. Мы расходимся съ вами *не въ идеи*, а въ средствахъ; не *въ началахъ*, а въ образѣ дѣйствования. Вы представляете *одно изъ крайнихъ* выраженій *нашего* направленія; ваша односторонность понятна намъ, она близка нашему сердцу; у насъ негодованіе также молодо какъ у васъ, и любовь къ народу русскому, также жива теперь, какъ въ юншескія лѣта.

Но къ *топору*, къ этому *ultima ratio* притѣсенныхъ, мы звать не будемъ—*до тѣхъ поръ*, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку безъ топора.

Чѣмъ глубже, чѣмъ дольше мы всматриваемся въ Западный міръ, чѣмъ подробнѣе вникаемъ въ явленія насъ окружающія и въ рядъ событій, который привелъ къ намъ Европу, тѣмъ болше растетъ у насъ *отраженіе отъ кровавыхъ переворотовъ*; они бывають иногда необходимы, ими отдѣлывается общественный организмъ отъ старыхъ болѣзней, отъ удушающихъ наростовъ; они бывають роковымъ послѣдствіемъ вѣковыхъ ошибокъ, наконецъ дѣломъ мести, племенной ненависти—у насъ нѣтъ этихъ стихій; въ этомъ отношеніи наше положеніе безпримѣрно.

Императорство со времени Петра I такъ притоптало и вылоло прежнее государственное устройство, какъ этого не сдѣлалъ 92 и 93 годъ во Франціи, такъ что его нѣтъ въ живыхъ,

* Мы недавно отложили до времени два письма объ общинномъ и личномъ владѣніи. Тѣмъ болше мы сочли себя вправе такъ поступить что въ 57 листѣ Колокола было помѣщено подобное письмо и нашъ отвѣтъ на него.

что его надобно отыскивать въ пыльныхъ свиткахъ, въ лѣтописяхъ, оно для насъ больше чужое, чѣмъ Франція Людовика XIV.

И это не вся отрицательная заслуга его, важнѣе этого, можетъ быть, то, что оно и незамѣнило его ничѣмъ прочнымъ органическимъ, чтобы бросило глубокіе корни и выросло бы помѣхой будущему. Совсѣмъ напротивъ, осадное положеніе императорства было вмѣстѣ съ тѣмъ постоянной *реформой*.

Сломавши все старое, императорская власть принималась обыкновенно ломать вчерашнее: Павелъ—Екатерининское, Александръ—Павловское, Николай—Александровское и наконецъ нынѣ царствующій государь—сто разъ повторяя что онъ будетъ царствовать въ духѣ своего отца—ничего не оставилъ отъ военно-смирительнаго управленія *ею* кромѣ сторожей, истопниковъ и привратниковъ.

Императорская власть столько же и строила сколько ломала, но строила по чужимъ фасадамъ, изъ сквернаго кирпича, наскоро, зданія его разваливались прежде чѣмъ покрывались крышей или ломались по приказу новаго архитектора. Оттого то никто не вѣритъ теперь не только въ прочность грановитой палаты и теремовъ, растрелиевскихъ дворцовъ и присутственныхъ мѣстъ—но даже казармъ и крѣпостей.

Если что нибудь уцѣлѣло подъ ударами императорскаго тарана—то это *сельская община*; она казалась нѣмецкому деспотизму до того нелѣпой и слабой, что ее оставили какъ дѣтскую игрушку, зная впередъ что она исчезнетъ какъ только благотворные лучи цивилизаціи ея коснутся.

Другая Россія, Россія правительственная, *дворянская* по той мѣрѣ только и сильна, по которой она идетъ за одно съ правительствомъ.

Онѣ поссорились на вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ и одной неловкости правительства слѣдуетъ приписать то, что оно не умѣетъ воспользоваться этимъ.

Дворянская Россія, искусственная, подражательная, и оттого она безсильна, какъ аристократія. Подумайте о разницѣ между крестьянскимъ понятіемъ о своемъ правѣ и понятіемъ дворянскимъ. Право на землю, такъ кажется естественнымъ и прирожденнымъ крестьянину, что онъ въ крѣпостной неволѣ *не вѣритъ* что оно утрачено. Въ то время какъ дворяне знаютъ что права ихъ высочайше пожалованные и притомъ добровольно дарованные.

Да оно и нѣкогда было забытъ.

Сто лѣтъ тому назадъ, тронутое дворянство русское рѣшило вылить изъ чистаго золота статую Петра III за то что онъ запретилъ дворянъ бить кнутомъ. Сѣченая спина долго не можетъ сдѣлаться аристократической, рубцы переходятъ въ наслѣдство на цѣлыя поколѣнія.

Аристократизмъ, какъ царская власть долженъ въ себѣ имѣть долю сумашествія, безъ котораго онъ не можетъ быть истиннымъ. Царь не вѣрацій въ помазаніе божіе—диктаторъ. Аристократія, не вѣрующая въ свою независимую самобытность, въ свое въ крови и бѣлой кости лежащее право—дворян.

Оттого то вольноотпущенные вельможи, не западные аристократы, а византійскіе евнухи, восточные сатрапы, преданные нѣмецкіе камердинеры, фавориты и пр. Они *не сами по себѣ* и по понятной логикѣ рабства чѣмъ дальше отъ трона, тѣмъ опи самобытнѣе; чѣмъ ближе, тѣмъ зависимѣе и безличнѣе.

Дворянство наше можетъ приобрести гражданское значеніе только однимъ выходомъ изъ правительственной касты въ

неопредѣленное сословіе, называемое *образованнымъ*. Для этого одна дорога—идти дальше самаго правительства въ освобожденіи крестьянъ съ землею.

Гдѣ же у насъ та среда, которую надобно вырубать топоромъ? Невѣріе въ собственныя силы—вотъ наша бѣда, и что всего замѣчательнѣе, неувѣріе это равно въ правительствѣ, дворянствѣ и народѣ.

Мы за какими то картонными драконами, не видѣли какъ у насъ развязаны руки. Я не знаю въ исторіи примѣра чтобы народъ съ меньшимъ грузомъ переправлялся на другой берегъ.

Къ метламъ надобно кричать—а не къ топорамъ!

Вы негодуете за то, что дѣло освобожденія застряло, но неужели вы думаете, что это только отъ тупости однихъ и упорства другихъ.

Я не такъ думаю.

Что правительство идетъ поворачивая ноги носками внутрь, что оно само перепугалось видя какъ крестьянскій вопросъ потянулъ за собой все замысловатое петербургское устройство—это правда. Что большинство дворянства съ ожесточеніемъ степнаго волка держится за кость—это правда.

Но, позвольте васъ спросить, давно ли у насъ толковали о томъ съ землею или безъ земли слѣдуетъ освободить крестьянъ, давно ли хотѣли крестьянъ отбоярить съ одними усадьбами—а теперь коммисіи и нѣсколько губерній согласны, что необходимо отдать крестьянамъ пахатную землю и притомъ не по фантастическому нарѣзку, а по существующему факту.

Вопросы теперь волнующіе наше общество, вопросы возникающіе, поставленные вездѣ, въ квивахъ и дворцахъ, въ университетахъ и канцеляріяхъ, въ военныхъ школахъ и духовныхъ семинаріяхъ—необычайно трудны; реакціонная Европа у насъ отдернула мало по малу всѣ мостики, обобрала всѣ пузыри для плаванія; съ берега намъ прямо приходится бросаться въ море.

Что намъ помогутъ нѣмецкіе юристы, сдѣлавшіе изъ сухаго прусскаго деспотизма,—философію права и французскіе политики, сдѣлавшіе изъ трехъ революцій третьяго Наполеона. У Англичанъ, можно было бы что нибудь занять, но ихъ законодательство похоже на народныя пѣсни, которыя прекрасны на своемъ языкѣ и нелѣпы въ переводѣ.

И что же можетъ въ самомъ дѣлѣ сказать политическая экономія и религія случайной собственности, о парѣзкѣ земель крестьянамъ, объ обязательномъ выкупѣ, объ общинномъ владѣніи.* Мы рѣшительно оставлены на наши силы и на нашу неопытность.

Дайте же сколько нибудь устоятся, придти въ ясность, всей этой массѣ идей, надобно чтобы одно *мысліе* взяло рѣшительный перевѣсъ. Что вы сдѣлаете съ топоромъ, когда одинъ полухоръ говоритъ, что вопросъ объ общинномъ владѣніи, рѣ-

* Какой то русскій помѣщикъ, одичавшій въ западной цивилизаціи, ледѣли три тому назадъ помѣстилъ въ Нордѣ письмо по поводу отвратительнаго осужденія Вашро, за его книгу "о Демократіи." Ему особенно нравится что между другими обвинительными пунктами то, что Вашро защищаетъ право экспроприаціи въ пользу народнои нужды. "Въ свободной Франціи"—какъ называетъ французскую имперію русскій помѣщикъ—видите, сажаютъ въ тюрьму за такія мысли, а у насъ само правительство со стороны надѣла крестьянъ землею!

Намъ даже страшно стало за Александра II. Эдакъ какъ только онъ пріѣдетъ въ "свободную Францію" его тотчасъ въ St. Pelagie какъ partageux. Кто не помнитъ сенатора въ Гоголевскомъ "разъѣздѣ" который говоритъ: "Во всякой образованной странѣ автора отдали бы въ солдаты!"

шенъ всѣми въ русскомъ смыслѣ, а другой подухоръ увѣряетъ, что онъ долженъ быть рѣшенъ въ англійскомъ смыслѣ и не сомнѣвается въ томъ что онъ доказалъ несостоятельность общиннаго вопроса.

Съ полемикой въ основномъ вопросѣ нельзя идти на площадь; 1789 годъ увлекъ всѣхъ, вотъ отчего его непреодолима сила. Тогда были минуты, въ которыя сердца Мирабо и Робеспьера, Съэса и Лафайэта бились одинакимъ образомъ; потомъ пришло съ развитіемъ разсвѣтленіе, раскаяніе и отчаянный бой.

Въ печальный переворотъ 1848 г. вы видите совсѣмъ иное; той вѣры одной и нераздѣльной нѣтъ, даже знамени нѣтъ одного—соціалисты были увѣрены, что они водворяютъ соціальную республику, а политическіе демократы думали, что они доказали несостоятельность соціализма и дѣтскость его вопросовъ.

Слѣдствія вы знаете, а я ихъ видѣлъ своими собственными глазами, и можетъ быть этотъ физиологическій фактъ, дѣлаетъ между нами большую разницу. Іюньская кровь, взошла у меня въ мозгъ и нервы, я съ тѣхъ поръ воспиталъ въ себѣ отвращеніе къ крови, если она льется безъ рѣшительной крайности.

Но и тогда, въ случаѣ крайности, мнѣ кажется что призывъ къ топорамъ последнее, а не первое. Возстанія зарождаются и возрастаютъ, какъ всѣ зародыши, въ тиши и тайнѣ материнскаго чрева, имъ надобно много силъ и крѣпости, чтобъ выйти на свѣтъ и громко кликнуть кличъ.

Что же у васъ готово?... Мы не знаемъ. Отступило ли оскорбленное меньшинство въ сторону, составило ли тотъ первый punctum saliens, по которому притекутъ родные атомы, разсѣянные теперь въ неопредѣленномъ исканіи и броженіи?

Сдѣлано это или нѣтъ?

И это не все.

Призвавши къ топору, надобно овладѣть движеніемъ, надобно имѣть организацію, надобно имѣть планъ, силы и готовность лечь костью, не только схватившись за рукоятку, но схвативъ за лезвіе, когда топоръ слишкомъ расходится? Есть ли все это у васъ?

Одно вы мнѣ можете возразить—а что будетъ дѣлать если народъ, увидя что его надуваютъ освобожденіемъ, самъ бросится къ топору? Это будетъ великое несчастье, но оно возможно благодаря безхарактерности правительства и характерности помѣщиковъ—тогда разсуждать нельзя, тутъ каждый долженъ поступать какъ его совѣсть велитъ, какъ его любовь велитъ... но навѣрное и тогда не *изъ Лондона* звать къ топорамъ. Будемте стараться всѣми силами *чтобъ этого не было!*

Вотъ все что я хотѣлъ вамъ сказать.

Въ заключеніе одно слово на счетъ того что вы называете моимъ "гимномъ" Александру II.

Одной награды, кажется мнѣ, я могъ бы требовать за цѣлую жизнь посвященную одному и тому же дѣлу, за цѣлую жизнь проведенную какъ подъ стекляннымъ колпакомъ,—чтобъ наконецъ не сомнѣвались въ чистотѣ моихъ убѣжденій и дѣйствій.

Я могу ошибаться въ пути, много разъ ошибался даже, но навѣрное не сворочу ни изъ страха передъ фельдгергерской тройкой, ни изъ благоговѣнія передъ императрициной каретой!

Сказавши это, я васъ спрашиваю, да полно ошибся ли я? кто же въ послѣднее время сдѣлалъ что нибудь путнаго для Россіи, кромѣ государя? Огладимте и тутъ кесарю кесарево!...

Прощайте и не сердитесь за длинное предисловіе.

25 февраля 1860.

и—ръ.

Милостивый Государь,

На чужой сторонѣ въ далекой Англій вы, по собственнымъ словамъ вашимъ, возвысили голосъ за русскій народъ, угнетаемый царскою властію, вы показали Россіи, что такое свободное слово...и за то, вы это уже знаете, все что есть живаго и честнаго въ Россіи съ радостію, съ восторгомъ встрѣтило начало вашего предпріятія и всѣ ждали, что вы станете обличителемъ царскаго гнета, что вы раскроете передъ Россіей источникъ ея вѣковыхъ бѣдствій—это несчастное идолопоклонство передъ царскимъ ликомъ, обнаружите всю гнусность вѣрноподданческаго раболѣпія; и чтоже? вмѣсто грозныхъ обличеній неправды, съ береговъ Темзы несутся къ намъ гимны Александру II, его супругѣ (стольпекушейся о любезномъ вамъ православіи съ отцемъ Бажановымъ). Вы взяли на себя великую роль и потому каждое ваше слово должно быть глубоко взвѣшено и рассчитано, каждая строка въ вашей газетѣ должны быть дѣломъ расчета, а не увлеченія. Увлеченіе въ дѣлѣ политики бываетъ иногда хуже преступленія... Помните-ли, когда-то вы сказали, что Россіи при ея пробужденіи можетъ предстать опасность, если либералы и народъ не поймутъ другъ друга, разойдутся и что изъ этого можетъ выдти страшное бѣдствіе—новое торжество царской власти. Можетъ быть это пробужденіе недалеко, царскіе шпидрутены, щедро раздаваемые вѣрноподаннымъ за разбитіе царскихъ кабаковъ, разбудятъ Россію скорѣе, чѣмъ шопоть нашей литературы о народныхъ бѣдствіяхъ, скорѣе мѣрныхъ ударовъ вашего Колокола... Но чѣмъ ближе пробужденіе, тѣмъ сильнѣе грозитъ опасность, о которой вы говорили...и объ отвращеніи которой вы не думаете... По всему видно, что о Россіи настоящей вы имѣете ложное понятіе, помѣщики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкиваютъ васъ надеждами на прогрессивныя стремленія нашего правительства. Но не всѣ же въ Россіи обманываются призраками.... Дѣло вотъ въ чемъ: къ концу царствованія Николая всѣ люди искренно и глубоко любящіе Россію пришли къ убѣжденію, что только силою можно вырвать у царской власти человѣческія права для народа, что только тѣ права прочны, которыя завоеваны и что то, что дается, то легко и отнимается. Николай умеръ всѣ обрадовались и энергическія мысли замѣнились сладостными надеждами и поэтому теперь становится жаль Николая. Да я всегда думалъ, что онъ скорѣе довелъ бы дѣло до конца, машина давно бы лопнула. Но Николай самъ это понималъ и при помощи Мандта предупредилъ неизбежную и грозную катастрофу. Война шла дурно, ударъ за ударомъ, поражение за пораженіемъ—глухой ропотъ поднимался изъ подъ земли! Вы писали въ первой *Полярной Звѣздѣ*, что народъ въ эту войну шелъ вмѣстѣ съ царемъ и потому царь будетъ зависѣть отъ народа. Изъ этихъ словъ видно только, что вы въ вашемъ прекрасномъ далеко забыли, что такое русскія газеты и на слово повѣрили ихъ возгласамъ о народномъ одушевленіи за отечество. Правда, иногда случалось, что крѣпостные охотно шли въ ополченіе, но только потому, что они надѣялись за это получить свободу. Но чтобъ русскій народъ въ эту войну за одно шелъ съ царемъ, нѣтъ. Я жилъ во время войны въ глухой провинціи, жилъ и таскался среди народа и смѣло скажу вамъ вотъ что: когда Англо-Французы высадились въ Крымъ, то народъ ждалъ отъ нихъ освобожденія, крѣпостные отъ помѣщичьей неволи, раскольники ждали отъ нихъ свободы вѣроисповѣданія. Подумайте объ этомъ рас-

положеніи умовъ народа въ концѣ царствованія Николая, а вмѣстѣ съ тѣмъ о раздраженіи людей образованныхъ, нагло на каждомъ шагу оскорбляемыхъ николаевскимъ деспотизмомъ и мысль, что незабвенный могъ бы не такъ спокойно кончить жизнь не покажется вамъ мечтою. Да, какъ говорить какой то поэтъ, счастье было такъ близко, такъ возможно. Тогда люди прогресса, изъ такъ называемыхъ образованныхъ сословій не разошлись бы съ народомъ; а теперь это возможно и вотъ почему: сначала царствованія Александра II немного распустили ошейникъ, туго натянутый Николаемъ и мы чуть чуть не подумали, что мы уже свободны, а послѣ изданія рескриптовъ всѣ очутились въ чадѣ—какъ будто дѣло было кончено, крестьяне свободны и съ землей; всѣ заговорили объ умѣренности, обширномъ прогрессѣ, забывши, что дѣло крестьянъ вручено помѣщикамъ, которые охотки не положатъ на руку свою. Поднялся такой чадъ отъ либеральныхъ куреній Александру II что ничего нельзя было разглядѣть, но опустившись къ землѣ (что дѣлаютъ крестьяне во время топки въ курныхъ избахъ) можно еще было не отчаиваться. Вслушиваясь въ крестьянскіе толки можно было съ радостію видѣть, что народъ не увлечетъ 12-ть лѣтъ рабства, подъ гнетомъ переходнаго состоянія и что мысль надѣлать ли крестьянъ землю у народа была на первомъ планѣ. А либералы? Профессора, литераторы пустили тотъ часъ же въ ходъ эстляндскія, прусскія и всякія положенія, которыя отнимали у крестьянъ землю. Догадливы наши либералы! Да и теперь большая часть изъ нихъ еще не разрѣшила себѣ вопроса на счетъ крестьянской земли. А въ правительствѣ въ какомъ положеніи въ настоящее время крестьянскій вопросъ? Въ большой части губернскихъ комитетовъ положили страшныя цѣны за земли, центральный комитетъ дѣлаетъ чертъ знаетъ что, сего дня рѣшаетъ отпустить съ землею, завтра безъ земли, даже кажется несовсѣмъ брошена мысль о переходномъ состояніи. Среди этихъ бесполезныхъ толковъ желанія крестьянъ растутъ, при появленіи рескриптовъ можно было еще спокойно взять за землю дорогую цѣну, крестьяне охотно бы заплатили—лишь бы избавиться отъ переходнаго состоянія, теперь они спохватились уже, что нечего платить за вещь 50 цѣлковыхъ, которая стоитъ 7-мъ. Вмѣстѣ съ этимъ растутъ и заблужденія либераловъ, они все еще надѣются мирнаго и безобиднаго для крестьянъ рѣшенія вопроса, однимъ словомъ крестьяне и либералы идутъ въ разныя стороны. Крестьяне, которыхъ помѣщики тиранюютъ теперь съ какимъ то особеннымъ ожесточеніемъ, готовы съ отчаянія взяться за топоры, а либералы проповѣдуютъ въ эту пору умѣренность, историческій постепенный прогрессъ и кто ихъ знаетъ что еще. Что изъ этого выйдетъ? Выйдетъ ли изъ этого, въ случаѣ если народъ безъ руководителей возмется за топоръ—путаница, въ которой царь какъ въ мутной водѣ поймать рыбки или выйдетъ что нибудь и хорошее, но вмѣстѣ съ Собакевичами, Ноздревыми погибнетъ и наше всякое либеральное поколѣніе, не сумѣвши пристать къ народному движенію и руководить имъ? Если выйдетъ первое, то ужасно, если второе, то разумѣется жалѣть нечего. Что жалѣть объ этихъ франтахъ въ желтыхъ перчаткахъ, толкующихъ о *демокраси* въ Америкѣ и незнающихъ что дѣлать дома, объ этихъ франтахъ, проникнутыхъ презрѣніемъ къ народу, увѣренныхъ, что изъ русскаго народа ничего не выйдетъ, хотя въ сущности не выйдетъ изъ нихъ то—ничего... Но объ этихъ го-

сподахъ толковать нечего, есть другаго сорта люди, которые желаютъ дѣйствительно народу добра, но не видятъ передъ собою пропасти и съ пылкими надеждами увлеченные въ общій водоворотъ умѣренности—ждутъ всего отъ правительства и дождутся когда ихъ Александръ засадитъ въ крѣпость за пылія надежды, если они будутъ жаловаться, что послѣднія не исполнились или народъ подведетъ подъ одинъ уровень съ своими притѣснителями. Что же сдѣлано вами для отвращенія этой грядущей бѣды? Вы, смущенные головами либераловъ-баръ, вы послѣ первыхъ нумеровъ *Колокола* перемѣнили тонъ. Вы заговорили благосклонно объ августѣйшей фамиліи; объ августѣйшихъ путешественникахъ говорили уже иначе, чѣмъ объ августѣйшей путешественницѣ. За то съ особенною яростію напали на Орловыхъ, Паниныхъ, Закревскихъ. Въ нихъ бѣда, они мѣшаютъ Александру II! Бѣдный Александръ II! Миѣ жаль его, видите его принуждаютъ такъ окружать себя—бѣдное дитя, миѣ жаль его! Онъ желаетъ Россіи добра, но злодѣи окружающіе мѣшаютъ ему! И вотъ вы, вы авторъ "*Съ того берега и Писемъ изъ Италіи*" поете ту же цѣсню, которая сотни лѣтъ губитъ Россію. Вы не должны ни минуты забывать, что онъ самодержавный царь, что отъ его воли зависитъ прогнать всѣхъ этихъ господъ, какъ онъ прогналъ Клейнмихеля. Но Клейнмихеля пужно было ему прогнать, по извѣстному правилу Маккиавели, въ новое царствованіе жертвовать народной ненависти любимымъ министромъ прежняго царствованія и вотъ Клейнмихель очутился козломъ очищенія за царствованіе Николая. Согласитесь, вѣдь жертва ничтожна? Но какъ бы то ни было, либералы восторгались и этимъ фактомъ, забывъ, что Николай также прогналъ Аракчеева; что же изъ этого? Неужели на эту удочку всегда будутъ поддаваться? Или можетъ быть вы серьезно убѣждены, что Александръ слушается вашего *Колокола*? Полноте... Сколько разъ вы кричали долой Закревскаго, долой стараго холопа, а старый холопъ все правилъ Москвою, пока собственная дочь не уходила его. Да развѣ Москва за свою глупую любовь къ царямъ стоитъ лучшаго губернатора? Будетъ съ ней и такаго... Говорятъ даже Александръ II нарочно его держалъ губернаторомъ, что бы не показать, что онъ слушаетъ *Колокола*. Это можетъ быть. И это нисколько не противорѣчитъ слуху, что вы переносываетесь съ Императрицей.* Что же, она можетъ васъ увѣрить, что мужъ ея желаетъ Россіи счастья и даже свободы, но что теперь рано. Такъ обольстилъ, по разсказу Мицкевича, Николай I Пушкина. Помните ли этотъ разсказъ, когда Николай призвалъ къ себѣ Пушкина и сказалъ ему: "Ты меня ненавидишь за то, что я раздавилъ ту партію, къ которой ты принадлежалъ, но вѣрь миѣ я также люблю Россію, я не врагъ русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрѣпиться." И 30 лѣтъ укрѣплялъ онъ русскій народъ. Можетъ быть этотъ анекдотъ и выдумка, но онъ въ царскомъ духѣ, т. е. братъ обольщеніемъ, обманомъ тамъ, гдѣ неловко употребить силу. Но какъ бы то ни было, сближеніе съ дворомъ погубило Пушкина... Какъ ни чисты ваши побужденія, но я увѣренъ—придетъ время вы пожалѣете о своемъ снисхожденіи къ августѣйшему дому. Посмотрите Александръ II скоро покажетъ николаевскіе зубы.

* Неужели рѣчь идетъ о моемъ Писемѣ къ императрицѣ Маріи Александровнѣ о воспитаніи наследника?

Не увлекайтесь толками о нашем прогрессѣ, мы все еще стоимъ на одномъ мѣстѣ; во время великаго крестьянскаго вопроса намъ дали на потѣху, для развлеченія нашего вниманія, безымянную гласность; но чуть дѣло коснется дѣла, тутъ и прихлопнуть. Такъ и теперь господинъ Галилеянинъ запретилъ писать о духовенствѣ и объ откупахъ. Нѣтъ, не обманывайтесь надеждами и не вводите въ заблужденіе другихъ, не отнимайте энергіи, когда она многимъ пригодилась бы. Надежда въ дѣлѣ политики — золотая цѣпь, которую легко обратить въ кандалы подающей ее. Въ то время, какъ вы такъ снисходительны стали къ августѣйшему дому, само православіе въ лицѣ умнѣйшихъ своихъ представителей желало бы отлѣпиться отъ союза съ нимъ. Да, въ духовенствѣ являются люди, которые прямо говорятъ, что правительство своею опекою убьетъ православіе, но къ счастью ни Григорій, ни Филаретъ не понимаютъ этого! Такъ пусть они вмѣстѣ гибнутъ, но вамъ какое дѣло до этихъ догнивающихъ труповъ? Притомъ Галилеянинъ продолжаетъ такъ ревновать о вѣрѣ, что раскольники толпами бѣгутъ въ Австрію и Турцію, даже вѣшаютъ у себя на стѣнахъ портреты Франца-Иосифа вмѣсто Александра II. Вотъ подарокъ славянофиламъ! Что если Францъ-Иосифъ вздумаетъ дать австрійскимъ славянамъ свободную конституцію вѣдъ роли между Голштинцами и Габсбургами переменяется? Вотъ была бы потѣха! Нѣтъ, наше положеніе ужасно, невыносимо и только топоръ можетъ насъ избавить и ничто кромѣ топора не поможетъ! Эту мысль уже вамъ кажется высказывали и оно удивительно вѣрно, другого спасенія нѣтъ. Вы все сдѣлали, что могли, что бы содѣйствовать мирному рѣшенію дѣла, переменяйте же тонъ и пусть вашъ Колоколъ благовѣститъ не къ молебну, а звонитъ набатъ! Къ топору, зовите Русь — Прощайте и помните, что сотни лѣтъ уже губить Русь вѣра въ добрыя намѣренія царей, не вамъ ее поддерживать.

Съ глубокимъ къ вамъ уваженіемъ

Русскій Человѣкъ.

Я просилъ бы напечатать васъ это письмо, и если вы печатаете письма враговъ вашихъ, то отъ чего же бы не напечатать письмо одного изъ друзей вашихъ?

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Вопиющее дѣло Малкова, съ С. петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Игнатъевымъ et consortis было подробно изложено въ I-мъ номерѣ "Подъ Судъ". Въ немъ не достаетъ только мнѣнія о нравственномъ послѣдствіи сатрапскаго окончанія дѣла въ государственномъ совѣтѣ, помимо — государственнаго совѣта. Впрочемъ это окончаніе говорить само за себя. Игнатъевъ какъ именитый вельможа, въ угожденіе котораго князь Орловъ пренебрегъ рѣшеніемъ общаго собранія правительствующаго сената, государственнымъ совѣтомъ и законами, не будетъ конечно лишень, въ свое время, чести біографіи. Въ облегченіе этого будущаго труда, мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторые матеріалы для нея, достовѣрность которыхъ можетъ быть легко проверена педѣрующими.

1) Опекунскій совѣтъ продавать за долги Н. Всеволожскаго, его большой домъ на англійской набережной и по Галерной улицѣ. На эту покупку нашлось много охотниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Павелъ Николаевичъ Игнатъевъ. Объясненія цѣны на торгѣ не могли быть окончательными по закону: только на переторжкѣ онѣ рѣшаются. Когда же въ день переторжки съѣхались желающіе торговаться, то имъ было объявлено, — что переторжки не будетъ и что домъ за Павломъ Николаевичемъ въ 40,600 руб. — Р* — и многіе другіе предлагали за домъ 120,000 р., но это было поздно, разумѣется поздно не по закону, а по благоволенію къ Павлу Николаевичу, для чего, какъ видно, можно пренебречь даже и законами. Мы слышали, что Всеволожскій, жаловаясь государю, но что просьба его осталась безъ послѣдствій. На домъ его красуется имя Игнатъева. 2) Павелъ Николаевичъ основалъ въ 1858 году С. П. Б. страховое отъ огня общество. Какъ онъ роздалъ акціи, это знаетъ вся столица; но вотъ что курьозно: по статуту этого общества Игнатъевъ, какъ и прочіе основатели его, имѣли право на 480 акціи, каждый; *всѣ же прочія лица* не могли получить болѣе 100 акцій. Когда же С. П. Б. казенная палата получила на ревизію выданную Игнатъеву шнуровую книгу, для правильной, законной записки акцій, то оказалось, что Павелъ Николаевичъ, наградилъ и супругу свою и сына и дочь и всѣхъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ также по 480 акцій, на каждую душу!! Не смотря на то, что казеннымъ палатамъ, грѣхи человѣческіе ни почемъ, но присутствіе палаты ахнуло отъ такого геройскаго подвига, и стало въ тупикъ. Оно не посмѣло ни открыть, ни скрыть это *увлеченіе* генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта во Владимірской лентѣ; оно отправило книгу съ однимъ изъ своихъ членовъ къ министру финансовъ для конфиденціального объясненія дѣла и испрошенія приказанія, какъ ему поступить въ этой неслыханной оказіи. Княжевичъ посмотрѣлъ книгу, пожалъ плечами и махнулъ рукой! Тѣмъ дѣло и кончилось. А между тѣмъ публика обесчтана; виновный на лицо; доказательство, законное, въ рукахъ правительства и несмотря на это, оно молчитъ. 3) Когда правленіе общества желѣзныхъ дорогъ опубликовало открытіе выдачи инскрипцій Павелъ Николаевичъ узнавъ изъ подъ руки что въ правленіи есть нѣкто Дюбуа, который ихъ выдаетъ, явился туда, съ намѣреніемъ получить ихъ поболѣе по высокому званію своему, о чемъ хотѣлъ объяснить лично съ глазу на глазъ, съ Дюбуа; но судьба его попутала: вмѣсто Дюбуа онъ высказался г. Тальквисту. Когда же Тальквистъ его выслушалъ, то онъ указалъ на Дюбуа. Это не мало сконфузило его высокопревосходительство и онъ долженъ былъ повѣрить свою задушевную просьбу двумъ лицамъ, вмѣсто одного. Когда правленіе общества водопроводовъ назначило время подписи на акціи, то и тутъ его высокопревосходительство не хотѣлъ упустить своихъ выгодъ. Предвидя, что эта подписка будетъ ведена добросовѣстно и опасаясь разверстки, которая не можетъ его удовлетворить *по числу*, онъ обратился къ директору сего общества О† — и выканичилъ у него сто акцій, т. е. ровно половину того количества, на которое О — по званію своему имѣлъ право.

4) Когда всѣ органы генералъ-губернатора направлены, такимъ образомъ, то какъ же идутъ тѣ дѣла,

* Просимъ всегда писать фамилію; что за алгебра!

† Фамилію фамилію!

которыя входятъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей и которыя такъ тѣсно связаны съ интересами жителей столицы? Въмѣсто отвѣта приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ; изъ нихъ читатели увидятъ это весьма ясно. 1) Сверхъ дороговизны въ Петербургѣ на квартиры, жители его, въ особенности бѣдныя, страдаютъ отъ нея и также въ отношеніи разныхъ жизненныхъ потребностей. Главная причина этой послѣдней дороговизны состоитъ въ перекупѣ привозимыхъ въ столицу разныхъ провизій, на что полиція не обращаетъ никакого вниманія. Существующая такса на хлѣбъ опредѣляетъ вѣсъ хлѣба. Но въ цѣломъ Петербургѣ не найдете ни одного хлѣба въ законный вѣсъ. Продажа гнилаго мяса вызвала обличительную статью въ *Сверной Ичелъ*. Эта статья была напечатана весной; только въ Ноябрьѣ полицейская газета объявила, что гнилаго мяса не продавали. 2) Петербургъ не былъ никогда такимъ грязнымъ, какъ онъ теперь. Кучи грязи лежатъ вокругъ зимняго дворца, по набережнымъ рѣкъ и каналовъ и по улицамъ; по словамъ *Искры*, эти кучи грязи папоминали Шамилу горы Кавказа. Никогда не было такихъ частыхъ проваловъ посреди улицъ, гдѣ проходятъ городскія водосточныя трубы; эти провалы прикрываются безобразными ящиками и никогда не освѣщаются въ темное время, какъ это бывало прежде. На деревянные мосты не обращается никакого вниманія; ихъ чинятъ лѣтомъ, именно тогда, когда по нимъ самая большая ѣзда. Мостъ съ Елагина на Крестовскій островъ до того былъ ветхъ, что въ одномъ журналѣ совѣтовали любителямъ до русскихъ качель отправиться на него, ибо онъ вполне могъ удовлетворить этому удовольствію. Лѣтомъ прошлаго года обрушилась отъ ветхости деревянная приставъ противъ заведенія минеральныхъ водъ. Собравшаяся на ней публика упала въ воду. Хотя Полицейская Газета и объявила, что утонувшихъ при этомъ не было, но таже Газета, черезъ нѣсколько дней, стала извѣщать о всплывавшихъ тѣлахъ, недалеко отъ сказаннаго заведенія. 3) Безчеловѣчное обхожденіе ремесленныхъ мастеровъ съ мальчиками отданными имъ въ ученіе, извѣстно всѣмъ. Въ полицейскихъ вѣдомостяхъ 22 Ноября 1858, напечатано, что одинъ портной мастеръ, за жестокіе побои, нанесенные ученикамъ, угломи, палками, кулаками и розгами, *оштрафованъ 25 руб.* въ пользу ремесленной управы. Въ №. 26, Ноября того же года, подмастерье взялъ мальчика за ноги и держа головой въ низъ, билъ его сперва веревкой, а потомъ дубовымъ аршиномъ. За это подмастерье арестованъ на 3 недѣли, а съ мастера штрафъ *въ 15 р. въ пользу ремесленной управы*. Въ томъ же номерѣ: золотыхъ дѣлъ мастеръ при побояхъ, разбилъ руку мальчику за что наказанъ *5 р. въ пользу ремесленной управы*. Здѣсь нельзя не замѣтить, что противъ дѣйствій варварскихъ берутся мѣры комическія, что имена злодѣевъ не публикуются, что штрафы взыскиваются не въ пользу обиженныхъ, а въ обогащеніе кассы ремесленной управы и что подобныя вандальскія распоряженія нисколько не смущаютъ добрую душу Павла Николаевича. 4) Наемная прислуга въ Петербургѣ возбуждаетъ большія сѣтованія на нее изустныя и печатныя.* Одна изъ главныхъ причинъ испорченности ея кроется въ нашей паспортной системѣ, что было осозательно пояснено въ прекрасной запискѣ, представленной стряпчимъ г. Кельчевскимъ, который фактами

доказалъ, что эта система до того гибельна, что она честнѣйшаго слугу доводитъ до отъявленнаго мошенника. Если палились нѣкоторые дѣльные люди, которые съ перемѣной вымѣшней паспортной системы предлагали, для образованія хорошей прислуги, обратиться къ системѣ артелей, какъ къ чисто русскому учрежденію, то нашлись и другіе, которые видѣли въ этомъ начало демократическое; и этого было достаточно, чтобы не принять артелей. 5ое По отзывамъ, интимныхъ людей, имѣющихъ дѣла съ распорядительной думою, взяточничество практикуется въ ней въ такихъ размѣрахъ, по которымъ ему слѣдовало бы доходить до ушей Павла Николаевича. Ни одинъ подрядчикъ не получаетъ своихъ денегъ во время; всякая выдача ихъ начинается затяжками и оканчивается взяткой: не рѣдко чиновники акомпанируютъ получателя денегъ до тротуара улицы, протягивая ему руки и испрашивая подачки. Городской глава Алферовскій, въ ожиданіи царскихъ милостей отъ Игнатьева, разыгрываетъ роль его покорнаго слуги, а извѣстный членъ думы отъ короны Шевардинъ, молчитъ, зная что и изъ молчанія можно извлекать свою пользу. На первой разъ этого довольно. Въ слѣдующей статьѣ мы укажемъ на другое качество Павла Николаевича, его чрезмѣрное властолюбіе и на просторъ который онъ ему даетъ подвѣдомственной ему городской думѣ.

С М Ъ С Ъ.

— Въ Лейпцигѣ выпла замѣчательная и любопытная брошюра: *Депутаты и редакціонныя коммисіи по крестьянскому дѣлу*. Эту брошюру надо всякому прочесть. Изъ нея можно вывести нѣсколько заключеній:

1.) Правительство поступало очень не ловко; говорило одно, дѣлало другое. Созвало депутатовъ и запретило имъ официальные совѣщанія. Конечно свѣденія въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они требовались отъ депутатовъ, можно было гораздо дешевле добыть отъ тѣхъ же людей по почтѣ; дешевле было переслать по почтѣ тѣ же 2,000 листовъ бумаги ими исписанныхъ, чѣмъ привозить въ Петербургъ 40 человекъ, отъ которыхъ требовалось не общаго мнѣнія, а отъ каждаго отдѣльныхъ свѣденій. За чѣмъ правительство такъ бесплодно дразнило дворянство, которое преспокойно сидѣло бы дома,—это непонятно.

2.) Депутаты, вопреки мнѣнію автора, и при официальныхъ засѣданіяхъ, не столковались бы. При большинствѣ голосовъ и официальномъ характерѣ совѣщаній восторжествовало бы узко помѣщичье мнѣніе, и образованное меньшинство было бы оттерто въ сторону. Какъ же въ самомъ дѣлѣ редакціоннымъ коммисіямъ было поступить въ виду такихъ мнѣній, какія изложены въ другой брошюрѣ: *lettre d'un député de comité à Mr. le president de la commission de rédaction, aide de camp général Rostovtsoff, Paris 1859?* А Лейпцигская брошюра нисколько не доказываетъ, чтобы подобныя мнѣнія не были въ силѣ между депутатами.

3.) Депутаты судорожно заботясь о правѣ собственности боялись за уничтоженіе дворянства. Въ этомъ мы не можемъ согласиться съ ними. Наше дворянство не создастъ изъ себя аристократію, какія маіораты нивыдумывай въ то время, когда маіоратъ представляетъ *non sens*. Наше дворянство, оставаясь такимъ какъ оно теперь, никогда не осилитъ язвы бюрократизма, потому что бюрократизмъ только его дополне-

* А панимающіе господа возбуждаютъ сѣтованія или нѣтъ?

ніе; одна нога дворянства помѣщичья, другая чиновничья и обѣ равно давятъ народъ. Самостоятельная жизнь дворянства и замѣненіе бюрократизма выборнымъ началомъ, начнется тогда только, когда дворянство, пожертвовавъ призрачными привилегіями сословія, захочетъ возвыситься просто на степень образованныхъ гражданъ.

4.) Редакціонныя комиссіи въ самомъ дѣлѣ, принимаютъ неспособную форму бюрократическаго учрежденія; это тѣмъ болѣе очевидно, что, находя, въ большинствѣ депутатовъ, рѣшившихся на освобожденіе крестьянъ съ землею, мнѣніе въ пользу немедленнаго обязательнаго выкупа,—они во что бы ни стало, даже въ противность благу народа и спокойствію государства, хотятъ бюрократически отстоять свою фантазію переходнаго положенія, полюбовнаго выкупа и введенія въ народную жизнь формъ ей несвойственныхъ, иностранныхъ, но и въ чужихъ странахъ принесшихъ вредъ, а не пользу.

5.) Правительство окончательнo додразнило депутатовъ и дворянство выговоромъ за *прошеніе за общимъ подписомъ*. Времена: “не смѣй говорить” — уже прошли; ихъ никакой Тимашевъ не вернетъ безнаказанно. Выговоръ за оныя прошенія правительство сдѣлало депутатамъ черезъ мѣстныхъ губернаторовъ — въ то время, когда депутаты находились въ Петербургѣ, и если уже на то пошло—можно было выговоръ сдѣлать просто въ Петербургѣ. Это бросаетъ на правительство тѣнь смѣшнаго малодушія.

6.) Въ средѣ депутатовъ дѣйствительно граждански-мужественно поступили только пять человѣкъ, подавшихъ за общимъ подписомъ прошеніе 16го Октября 1859; но и тѣ не захотѣли признать за крестьянами существующаго падѣла!

— *Опять розги.*—Корреспондентъ Le Nord (No. 53) пишетъ изъ С. Петербурга отъ 30 Января (11 Февраля): “Съ вчерашняго дня носится слухъ, что въ послѣднемъ засѣданіи, комитетъ освобожденія крестьянъ, возвращаясь къ прежнему положенію, призналъ за помѣщикомъ право, по собственному усмотрѣнію (или черезъ сельскую расправу), наказывать свободаго крестьянина, поселеннаго на его землѣ, и даже *наказывать тѣлесно*... Я самъ не читалъ отчетъ засѣданія, и потому не знаю въ какихъ словахъ выражено это положеніе; но что касается до содержания, то, быстро распространенный слухъ отнюдь не лишенъ основанія.”

Такъ вотъ они спасители отечества! Россіи опять вгоняется въ татарско-нѣмецкую, помѣщичью-бюрократическую колею. Если это правда, пусть же первый топоръ, который они вызовутъ этимъ рѣшеніемъ, падетъ на ихъ преступныя головы!

— *Въ примѣръ и не въ примѣръ другимъ.*—Колоколъ не разъ выводилъ наружу явное и ничѣмъ не извиняемое нарушеніе самимъ царемъ законоположеній своего государства. То нарушаетъ онъ законы *не въ примѣръ* другимъ, какъ недавно при разрѣшеніи Бибикову и Арапову, вопреки буквѣ и смыслу нашего законодательства, распорядиться потомственной недвижимостью въ пользу женъ, помимо прямыхъ наследниковъ; то, *въ примѣръ* другимъ, произвольно избираетъ исключительное законодательство на мѣсто правильнаго и общаго. Развѣ не судятся сплошь да рядомъ не военные по *военно-суднымъ* законамъ? Или сами военные, посреди повсемѣстнаго мира, по *полевому* положенію?

Вотъ недавній случай, въ подтвержденіе сказанному: передъ рождествомъ, конногвардейскій солдатъ приходитъ пьяный въ казармы Измайловскаго полка и начинаетъ шумѣть. Дежурный офицеръ велитъ его арестовать, говоря, что представитъ о немъ рапортъ. Пьяный конногвардеецъ, въ ту минуту какъ офицеръ проходилъ мимо, бросился на него и ударилъ его.

Петербургъ не въ осадномъ положеніи; виѣшнихъ непріятелей подъ его стѣнами нѣтъ. Чего же проще, какъ предать виновнаго солдата военному суду? Такъ, говорятъ, хотѣлъ и царь. Но нашлись спасители отечества, которые увѣрили, что этого мало, что бунтовщикъ долженъ быть *примѣрно* наказанъ. Государь убѣдился, что въ самомъ дѣлѣ Россія на краю гибели, и велѣлъ судить *по полевому положенію*,—какъ-бы передъ лицомъ непріятели, въ рейонѣ военныхъ дѣйствій. Солдата приговорили: “архибузировать и весьма живота лишитъ.” Но государь смягчилъ наказаніе, опредѣливъ его прогнать сквозь строй, кажется черезъ 4,000 палокъ.

Большинство петербургскаго общества, не только военнаго но и статскаго, еще передъ царскимъ рѣшеніемъ кричало гдѣ и сколько могло, что съ солдатомъ слѣдуетъ поступить по всей строгости законовъ, ибо иначе духъ неповиновенія и крамолы распространится въ народѣ и въ войскѣ; а послѣ рѣшенія, многіе наши, что солдатъ не довольно строго наказанъ и что не слѣдовало смягчать,—какъ будто 4,000 шницрутеповъ, даже три, даже двѣ тысячи, не тяжеле, не жесточе, не безчеловѣчнѣе залпа изъ ружей!

— Съ новаго года Кіевское Губернское Управление начало дѣйствовать на новыхъ основаніяхъ, принятыхъ для преобразованія. Всѣ губернскія учрежденія вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ (губернское правленіе, врачебная управа, комитетъ здравія, комитетъ ослепшихъ, комиссія народнаго продовольствія, особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ, строительная и дорожная комиссія) соединяются подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи. Отъ этого ожидается упрощеніе формъ, упраздненіе внутренней переписки. Можетъ быть на первыхъ порахъ будетъ крошечку по проще, но какъ скоро губернскій бюрократическій міръ одумается,—все преспокойно пойдетъ по прежнему. Внутренняя переписка между отдѣльными частями нисколько не устраняется новымъ учрежденіемъ. Устраняются курьеры, которые носили бумаги изъ присутствія въ присутствіе, но переписка отъ стола къ столу за № со всей формалистикой сродной бюрократіи, со всей безнаказанностью произвола неизбѣжнаго при безгласности,—останутся въ прежней силѣ. Даже вице-губернаторъ, который прежде былъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, а при новомъ учрежденіи очевидно становится лишнимъ, все таки остается съ своимъ чиномъ, съ своимъ окладомъ, но уже совершеннымъ нулемъ передъ губернаторскимъ единодержавіемъ. Пѣтъ! Дѣлайте какія хотите преобразованія, но пока они не будутъ основаны на выборномъ началѣ, при полной публичной отчетности и при допущеніи полной гласности, — до тѣхъ поръ они останутся, противъ ядовитой болѣзни бюрократизма, лекарствами ничтожными, даже вредными, потому что все же будутъ считаться за лекарство.

— *Россия защищает линию Миньчио!*—Английскія зазеты говорятъ о новомъ будто бы союзѣ Россіи съ Австріей, сочиненномъ Балабинымъ и улаженнымъ Гессенскимъ принцемъ, солферинскимъ рейторомъ. Мы этому не вѣримъ. У Россіи столько антипатіи, даже ненависти къ Австріи, что подобнымъ союзомъ правительство только докажетъ, что оно не русское, а нѣмецкое и падетъ подъ общее презрѣніе. Союзъ съ Австріей, значитъ союзъ противъ славянъ. Это былъ бы смертный грѣхъ, несмыслаемое пятно. *Не вѣримъ* мы этому союзу; правительство не захочетъ лишиться всякаго сочувствія въ русскомъ народѣ такимъ пошлымъ сближеніемъ съ тѣмъ чего нѣтъ гаже въ Европѣ, и неужели такой союзъ *сведенный* гессенскимъ спадасиномъ, пойдетъ черезъ руки Горчакова?

— Мѣстечко Давидгородокъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи, съ деревнями, имѣющими до 7,000 жителей, досталось по наслѣдству князю Льву Радзивиллу и отдано имъ въ арендное содержаніе управляющему его имѣніями дворянину *Машевскому*. Удобное мѣстоположеніе надъ судоходною рѣкою Припетью, обиліе луговъ и пастбищъ способствовали благосостоянію поселянъ. Машевскій, извѣстный своими подвигами обогащенія на счетъ мужиковъ, не затруднился въ выборѣ средствъ воспользоваться для себя развитіемъ промысловъ крестьянъ Давидгородка, вывести ихъ изъ терпѣнія и представить на жертву полиціи, какъ ослушниковъ его грабежа. Сначала Машевскій обложилъ крестьянъ платою съ разводимыхъ ими куръ, гусей, свиней и рогатаго скота. Потомъ приказалъ имъ молоть хлѣбъ исключительно въ арендуемыхъ Машевскимъ мельницахъ, требуя за то четвертой части продуктовъ или соразмѣрной денежной платы. Такая тягостная монополія заставила притѣсняемыхъ крестьянъ объявить, что они будутъ молоть свой хлѣбъ въ жерновахъ, а не въ мельницахъ. Машевскаго и это не остановило: при содѣйствіи становаго пристава, онъ велѣлъ собрать всѣ жернова и бросить въ Припеть; а крестьяне, защищавшіе свою собственность, были арестованы и наказаны розгами. Народъ, выведенный изъ терпѣнія жестокостью, бросился спасать несчастныхъ жертвъ грабежа Машевскаго и за то навлекъ на себя обвиненіе въ бунтѣ.

Къ этимъ фактамъ остается прибавить, что о помѣщичьихъ доблѣстяхъ Машевскаго уже извѣстно Европѣ изъ Познаньской Газеты, что онъ возбудилъ негодованіе самыхъ крѣпостниковъ за подобные описаннымъ поступки съ жителями мѣстечка Греска; при слѣдствіи поступкамъ этимъ данъ былъ видъ бунта противъ законныхъ властей и распоряженій, крестьяне наказаны, а Машевскій остался правъ.

Минскій губернаторъ, графъ Келлеръ не отличается безкорыстіемъ.

— *Правда ли?* * что въ весьма не давнее время дежурный генералъ главнаго штаба е. и. в., генералъ-адъютантъ Герстенцвейгъ послалъ *по этапу* юнкера одного армейскаго полка, расположеннаго отъ Петербурга во 800 верстахъ, за то, что

* Миѣ это рассказывалъ очевидецъ, присутствовавшій при этой сценѣ, но онъ не могъ сообщить миѣ фамиліи юнкера и названія его полка.

юнкеръ явился въ инспекторскій департаментъ *не въ должной формѣ*. Нарушеніе формы состояло въ томъ, что мундиръ былъ сшитъ изъ тонкаго сукна, вмѣсто солдатскаго, и вмѣсто каски юнкеръ явился въ форменной фуражкѣ?

— *Шпицрутены и Сиверсъ*. — Когда въ Петербургѣ былъ полученъ №. 48 *Колокола*, то военное министерство переполошилось по поводу статьи о розгахъ и шпицрутенахъ.

Слѣдствіе объ отысканіи предателя канцелярской тайны было возложено на вице-директора инспекторскаго департамента в. м., флигель-адъютанта полковника графа Сиверса. Графъ Евгений Егоровичъ созвалъ писарей и предлагалъ 100 р. сер. награды и повышеніе въ слѣдующій классъ тому, кто выдастъ предателя.

Увы! До сего времени, благородныя старанія почтеннаго флигель-адъютанта остались безъ успѣха. Это тотъ самый Сиверсъ, который будучи еще правителемъ канцеляріи инсп. деп. сильно оскорблялся тѣмъ, что бывшій тогда вице-директоръ отнял у начальниковъ отдѣленія и правителя канцеляріи право тѣлесно наказывать писарей. Въ 1855 году онъ восклицалъ: “Я состою 20 лѣтъ на службѣ, я полковникъ, и не имѣю права высѣчь писаря. Это ни на что не похоже!”

Въ 1856 графъ Сиверсъ пожалованъ вице-директоромъ и съ того времени всѣмъ властямъ дано разрѣшеніе *слычь писарей*, — и не пользуются этой привилегіей только лѣнивые—да университетскіе.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Le Nord, отъ 28 Февраля, напечаталъ слѣдующую телеграфическую депешу, взятую изъ *Дрезденской Газеты*: *Министръ юстиціи, графъ Панинъ назначенъ предсѣдателемъ Редакціонной Коммиссіи на мѣсто Ростовцева.*

Какъ, Панинъ, Викторъ Панинъ, длинный, сумасшедшій, который лучше всѣхъ перевелъ на штатскій языкъ мертвящій деспотизмъ Николая, который формализмомъ убилъ остатокъ юридической жизни въ Россіи?—Ха, ха, ха!—Это мистификація! Развѣ Александръ II не уважаетъ ни себя, ни русскаго народа, развѣ онъ смѣется надъ нимъ..... Но хорошо смѣется тотъ—кто смѣется послѣдній!

Четвертый листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 15 Января, въ немъ заключается — *Дѣло плантатора Жадовскаго, въ Оренбургской губерніи.*

Въ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ, поступили въ продажу переплетенные въ одномъ томѣ экземпляры Колокола отъ 1 листа (Іюля 1857)—до 1860 года. Цѣна 30 шиллинговъ.

печатаются :

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи Искандера и Огарева.

ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ, книжка VIII.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ,
цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ
Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill
Place, Caledonian Road., N. W.

ЛИСТЪ 65 & 66.

15 МАРТА 1860.

У Трубиера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One Shilling.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—В. Панинъ—Россия и Польша—Тверской комитетъ и Унковскій—Коммиссаріатъ. Смѣсь: Дворянъ свкуть—Барановскій—
Лужинъ дере ся—Топильскій—Античый Архимандритъ—Унковскій и Европеусъ—Отъ Издателей—Майковъ.

РОССІЯ И ПОЛЬША.

Письмо къ автору статей* :

POSTĘPOWA MYŚL ROSSYJSKA W OBEC ZADAŃ POLSKICH.

“Если Польша хочетъ другого рѣшенія,
да будетъ на то воля ея—но пусть она
короче узнаетъ Русь...”

Колоколь 1 Марта 1859.

Милостивый Государь,

Спору собственно между нами нѣтъ, а есть огромная недо-
разумѣнія происходящія отъ разныхъ началъ, отъ которыхъ
мы идемъ. Спору же въ нашемъ возрѣннн потому нѣтъ, что
вы съ своей стороны теоретически и въ дальней перспективѣ
согласны съ возможностью славянской федерализаціи; а я
высказывалъ не одинъ, а десять разъ, мысль что Польша
имѣетъ неотъемлемое право—на государственное существованіе
независимое отъ Россіи. Я всегда считалъ насильственное
соединеніе Россіи съ Польшей, огромнѣйшимъ несчастіемъ
для обѣихъ сторонъ.

Быть вмѣстѣ скованными, не значитъ быть соединенными.
Нѣмецко-татарскій деспотизмъ петербургскій не снялъ пре-
дѣлы, а упрочилъ вражду между двумя народами. Обида
можетъ быть забыта въ прошедшемъ—но обида продолжаю-
щаяся должна развивать ненависть.

Тутъ мы совершенно согласны, и идемъ только дальше
вашего соотечественника писавшаго первыя статьи (въ 1858).
Принявъ однимъ изъ начальныхъ шаговъ къ будущему союзу
—*разторженіе насильственныхъ соединеній*—мы тотчасъ
признали полныя права на независимость и самоуправленіе
за *Украиной*. Мы первые высказали это, и вы могли видѣть
по письму изъ Украйны (Кол. л. 61) вѣрно ли мы попали въ
народное чувство.

По настоящему мы съ самаго начала могли бы для облегче-
нія вычестъ эквиваленты, и не возвращаться на тотъ вопросъ,
который не только мы съ вами рѣшаемъ одинаковымъ обра-
зомъ, но все сочувствующее намъ въ Россіи;—по несчастію
у васъ нѣтъ довѣрія, потому что вы все таки насъ считаете

* Помѣщенныя въ Декабрской и Январской книжкахъ “PRZEGLĄD RZESZY
POLSKICH.” Отвѣтъ мой можетъ быть принятъ за четвертое—въ тремъ
письмахъ о Россіи и Польшѣ (въ 32, 33 и 34 л. Кол.).

Невѣроятная новость о назначеніи *Панина* на мѣсто
Ростовцова, подтвердилась. Глава самой дикой, самой
тупой реакціи — поставленъ главою освобожденія кре-
стьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ.
Но горевать недостаточно, наше время слишкомъ бойко.
Это вызовъ, это дерзость, это обдуманное оскорбленіе
общественнаго мнѣнія и уступка плантаторской партіи.
Тонъ царствованія измѣнился, съ нимъ должны измѣ-
ниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ комис-
сій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память,
которую они оставляютъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобъ
имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣт-
скую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать
въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться
и взять въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ.
Ошибаться нечего, длинная фигура Панина можетъ
служить шестомъ съ шляпой, чтобъ пугать, но она
слишкомъ узка, чтобъ заститъ собою черты Николая
второго. Мы недавно совѣтовали государю сорвать маски
съ своихъ приближенныхъ; онъ ее снялъ съ себя... и это
не такъ дурно! *Истина прежде всего*, истина какая бы
она ни была!

Что касается до насъ, ваша дорога ясна, объ ней мы
поговоримъ въ другое время.

врагами, и въ каждомъ Русскомъ видите хоть немного Екатерины II и Николая I, иначе вамъ не пришло бы въ голову говорить о дипломатическихъ уверткахъ, даже о скрытомъ желаніи, *какихъ то русскихъ либераловъ*, чтобъ освобожденная Польша, испытавъ вновь неурядицу, была бы вынуждена прибѣгнуть подъ покровительство Россіи (стр. 13, 2ой статьи.) Я сказалъ *какихъ то либераловъ*, увѣренный по первой статьѣ вашей, что вы меня на столько уважаете, что не можете предположить такихъ дипломатическихъ способностей во мнѣ; къ тому же и самое слово *либералъ* какъ то мало идетъ ко мнѣ—особенно съ тѣхъ поръ какъ въ Россіи, доктринеры и бюрократы, цензоры и генералъ-адъютанты хвастаются своимъ либерализмомъ.

Но все это не прямо идетъ къ дѣлу, а потому перехожу прямо къ главному вопросу.

Въ послѣднее десятилѣтіе двѣ идеи всплыли на мѣстѣ потонувашаго корабля февральской революціи, какъ *блѣдная* замѣна остановленному развитію *политической* революціи въ *соціальную*. Эти двѣ идеи, близкія другъ къ другу, состоятъ въ признаніи народностей—какъ самоправныхъ личностей и въ стремленіи одноплеменныхъ народовъ къ политическому единству. Разобранныя по народностямъ, государства соединятся по племенно—шагъ впередъ противъ искусственныхъ военно-дипломатическихъ соединеній, и насильственныхъ раздробленій, шагъ впередъ къ снятію политическихъ и всякихъ внѣшнихъ границъ.

Потребность единства, въ Италиі и Германіи идетъ гораздо дальше федерализаціи. Въ Италиі оно понятно, ей надобно взять съ бою свою независимость, и вотъ почему есть что-то великое и трогательное въ самоотверженіи какой нибудь маститой Флоренціи, этой вѣси Данта и Бонаротти, Медичи и Маккиавели, склоняющей свою сѣдую голову, украшенную тройнымъ лавромъ, передъ какими то неизвѣстными жителями Альпійскихъ подошвъ, *al pie del monte*, ломающими итальянской языкъ на провенсальской манеръ.

Да и что Флоренція, самый Римъ, городъ бывшій вѣчнымъ до Р. Хр., Римъ, который всемірнымъ свѣтскимъ владыкой пошелъ въ монахи и монахомъ тяготилъ надъ всѣмъ міромъ, съ радостью хочетъ снять папскую тиару, и бросить ее въ архивъ вмѣстѣ съ перстнями цезарей и топорами ликторовъ, для того чтобъ принять владѣтельство Кариніанскаго дома, который не только не происходитъ отъ Енея, но даже и не отъ Августа, но который представляетъ *единство Италиі*.

Германія, этотъ несчастный Эдипъ между народами, преслѣдуемый какимъ то политическимъ проклятіемъ, и который ничѣмъ не можетъ дойти до политическаго значенія, послѣ тридцатилѣтняго самоубійства и Вестфальскихъ похоронъ; которому не помогаетъ ни народное образованіе, ни науки, ни искусства, Германія видитъ въ расторженіи свою слабость, и стремится всѣми силами къ прусскому казарменно-доктринерскому единству, только потому, что оно степенью выше австрійскаго, пропитаннаго ладомъ, гнѣющаго, порочнаго и живущаго комфортами.*

И эти слитія, отчасти обусловленныя внѣшнимъ гнетомъ, все жъ представляютъ очевидный прогрессъ. *C'est autant, de pris sur le diable*. Каждая граница, которая падаетъ,

* Я не могу согласиться съ вами, чтобъ современное состояніе Германіи представляло въ самомъ дѣлѣ федерализацію. Безсилная и безобразная Франкфуртская диета, какъ пустое блудо, только показываетъ, что тутъ могли бы быть яствы—но ихъ нѣтъ.

уменьшаетъ линію военной карты, т. е. ручей человеческой крови; каждая святая застава растворяетъ дверь междуна-родному обмѣну и сближенію.

Въ виду романскаго и германскаго міра, собирающихся во едино, естественно что неопредѣленная мысль славянской федерализаціи, родившаяся у западныхъ славянъ, окрѣпла и стала глубже входить въ сознаніе. Само собою разумѣется, что мы говорили о *вольномъ* союзѣ равныхъ, мы никогда не говорили ни о завоеваніи, ни о рабскомъ присоединеніи къ Россіи, мы вообще не говорили ни о какомъ соединеніи съ Россіей, пока въ ней будетъ *продолжаться* петербургское правленіе. Вы повторили мое выраженіе “вольный даръ соединенія” и прибавили къ этому, что какой же вольный выборъ западнымъ славянамъ, находящимся подъ чужеземнымъ игомъ. А между тѣмъ упрекаете меня за то, что во время войны 1859, я говорилъ: что еслибъ русское правительство, было на высотѣ своего призванія, то оно должно бы порвать гнилыя связи трикраты проклятаго “священнаго союза,”—признаніемъ независимой Польши, и потомъ соединившись съ нею раздавить Австрію т. е. освободить западныхъ Славянъ. Правительство съ *новой* неловкостью своей, отчасти понятной, потому что самодержавныя формы его гораздо больше приспособлены къ всякаго рода притѣсненіямъ, чѣмъ къ какому нибудь освобожденію, не сдѣлало ничего и это можно было ожидать; но я никакъ не ожидалъ, что вы меня упрекнете говоря, что Польша должна быть возстаповлена изъ чувства *справедливости и дома*, а не для того чтобъ Россія развязала руки. Такого ангельскаго самоотверженія я конечно не жду не только ни отъ одного правительства, но ни отъ одной революціонной партіи.

Французы пріучили насъ къ цивически-реторическимъ фразамъ, которыми они успѣли увѣрить всю Европу, что они сражаются только за свободу всѣхъ скорбящихъ и страждущихъ. У нихъ этотъ языкъ, какъ религіозныя фразы у Англичанъ, не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу, такъ какъ учтивости въ концѣ письма.

Мы Русскіе дѣйствительно до того еще не цивилизованы, что мы не можемъ употребить этого языка...

Говоря о будущей славянской федерализаціи, я совершенно согласенъ съ вами что этотъ вопросъ нельзя разрѣшить съ плеча и что въ его рѣшеніе входитъ весьма важнымъ элементомъ *время*. Я не думаю, чтобъ славянскіе народы сразу были готовы вступить въ тотъ союзъ, о которомъ я говорилъ. Но если до него надобно дойти рядомъ разныхъ независимыхъ формъ и отдѣльныхъ сочетаній, я все же не вижу отчего не имѣть будущій союзъ въ виду, какъ идеалъ, какъ широкую, покойную гавань?

Вы полагаете, что лучше и естественнѣе было бы славянскому міру раздѣлиться на двѣ отдѣльныя части, т. е. по одну сторону была бы Россія “Славяне смѣшанные съ Чудью и Туранскими племенами”, по другую Польша и “старые Славяне.” Призваніе и попріе дѣятельности однихъ, “огромныя плоскости Азіи до Тихаго Океана. Назначеніе другихъ, отпоръ германскому владычеству и *завоеваніе Турціи*.*”

Скажу вамъ откровенно, что я мало имѣю противъ этого съ субъективной точки зрѣнія. Россіи дѣйствительно главное дѣло дома и въ Азіи, и, какъ вы говорите, она для храненія

* Мы и въ этомъ съ вами согласны, но я васъ спрашиваю—что за шумъ поднялся бы, еслибъ это сказалъ Русскій?

своихъ границъ не нуждается ни въ какомъ союзѣ. Россіи скорѣе надобно распустить части, чѣмъ притягивать ихъ къ средоточію; что мы и высказали говоря объ Украинѣ. Но тѣмъ не меньше я полагаю, что вамъ легче будетъ доказать возможность совершеннаго государственнаго отчужденія Польши отъ *непольскаго* Славянства и ея самобытное значеніе, чѣмъ возможность того союза, о которомъ вы говорите.

Вы говорите, что мы мало знаемъ характеръ юной Польши и потому говоримъ о католицизмѣ и шляхетствѣ. Мы охотно вамъ вѣримъ, что молодое поколѣніе излечивается отъ этой застарѣлой подагры и отъ этой наследственной хирагры, и тѣмъ охотнѣе, что мы имѣемъ передъ глазами примѣры. Но неужели вы будете отрицать, что *католицизмъ и аристократизмъ* не составляютъ двухъ очень живыхъ элементовъ въ настоящей Польшѣ? Мелкое гоненіе русскаго правительства, сдѣлало чудо, оно превратило ретроградную религію въ революціонную оппозицію. Широко развѣтвленное дворянство польское составляло и составляетъ до сихъ поръ, съ своей стороны, всю дѣятельную прогрессивную часть народа. Масса, особенно сельская, осталась внѣ движенія.

У западныхъ славянъ, эти элементы расположились иначе, Чешская аристократія состоитъ изъ нѣмцевъ съ славянскими фамилиями и изъ славянъ съ нѣмецкими. Аристократія Кротская изъ Мадыаръ. Патриархальныя отношенія сербскихъ бояръ къ народу совсѣмъ иныя, *Сльчъ* Черногорская, вооруженное пограничное казачество — исключаетъ всякую тѣнь шляхетства.

Часть ихъ исповѣдуетъ греческую вѣру и тѣмъ упорнѣе, чѣмъ больше австрійское правительство тѣснитъ ихъ церковь, отнимаетъ книги печатанные славянскими буквами, и дѣлаетъ все то что дѣлалъ Николай съ католицизмомъ. Другой части католицизмъ выжгли огнемъ, врѣзали ножомъ, вбили палкой. Страна Таборитовъ, родина Гусса и Иеронима Пражскаго, врядъ имѣетъ ли большую нѣжность къ папѣ и его во Христѣ опричникамъ — иезуитамъ.

Я уже объяснялъ въ третьемъ письмѣ, что религіозный вопросъ меня вовсе не интересуетъ съ своей религіозной стороны. Для меня религія, экспонентъ, отличительный признакъ, физиологическое рлі народнаго духа, и потому нельзя ее забывать не впадая въ ошибку французской революціонной алгебры, формулы которой отъ того то и не шли ни къ одному народу — что равно годились Томбукту и Гренландіи.

Сверхъ того, Польша держала себя довольно далеко отъ Западныхъ Славянъ, она на нихъ смотрѣла свысока и равнодушно. Вотъ отъ чего, при развитіи идеи панславизма, Западные Славяне обратились съ своими симпатіями къ Россіи. Что русское правительство очень бесплодно и очень корыстно эксплуатировало эти симпатіи, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но что въ томъ обществѣ, которое ничего не имѣетъ общаго съ правительствомъ, они нашли самое горячее сочувствіе, въ этомъ еще меньше сомнѣнія — для очевидца...

Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ Западные Славяне *необходимо* соединились съ Россіей; но соединятся ли они въ противномъ случаѣ федерально съ одной Польшей, это нисколько не рѣшенный вопросъ. Впрочемъ у нихъ есть все что нужно, горы и моря, рѣки и границы, чтобъ составить свою Дунайскую и Карпатскую федерализацію; и если они этого хотятъ, пусть остаются независимыми.

Ближайшее будущее можетъ быть таково: по развѣ мы не имѣемъ права идти мыслью дальше завтрашняго дня — и тогда естественно представляется вопросъ, зачѣмъ эти три славянскіе федераціи или государства, вопреки стремленію другихъ народностей, остаются посторонними, неужели такъ мало сродства въ ихъ крови, что они не ищутъ союза? Е. Жирарденъ недавно въ своей брошюрѣ предлагалъ союзъ цѣлой Европы, основанный на уничтоженіи постоянныхъ войскъ и всѣхъ международныхъ стѣнненій. Союзъ этотъ не возможенъ только по невѣжеству массъ и по узкимъ цѣлямъ правительствъ. Народы идутъ къ этому какъ то ошупью, и потому по колѣно то въ Солферинской, то въ Севастопольской крови, и дѣлая два шага впередъ, да одинъ въ сторону.

Для меня важность будущаго союза славянскаго имѣетъ особое значеніе; мнѣ кажется, что оно ускользнуло отъ вашего вниманія. Вы считаете меня за *политическаго либерала*, а эти либералы преачные люди, они думаютъ что стяжательность — которая вообще называется порокомъ — въ *патріотъ* добродѣтель. Вы заставляете меня желать славянскую федерализацію съ русской гегемоніей, для блеска Россіи, для ея могущества, значенія въ Европѣ. Такъ какъ этого было бы достаточно для всякаго патріота, вы не пошли дальше, но вы совершенно ошиблись, *я еще меньше патріотъ, чѣмъ либералъ*.

Мнѣ всего больнѣе, что вы нѣсколько разъ въ вашей статьѣ, *касались*, какъ птица срѣзывающая воду, истиннаго взгляда; но, вы сами слишкомъ политической челоѣкъ и слишкомъ горячій патріотъ, чтобъ оставить отца и мать и слѣдовать за истиной, особенно когда отечество страдаетъ!

И такъ я скажу вамъ мою мысль не обинуясь. Я только для *нерусскаго* славянскаго міра, отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей, для того чтобъ когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, они не были бы взяты въ расплохъ.

Это темпо. Позвольте мнѣ объясниться.

Человѣческая мысль, человѣческое развитіе черезъ два тысячелѣтія коснулось до одного изъ тѣхъ рубежей, которые раздвигаютъ всемірную исторію на огромныя, закончанныя части, между ними ложатся какъ между материками океаны. Отъ одного до другаго все измѣняется — цвѣты и звѣри, небо и почва.

Судорожная реакція, господствующая теперь въ Европѣ, старыя власти пришедшія вновь въ силу, яснѣе всего показываютъ какъ страшно близка Европа къ этой катастрофѣ. Реакція эта, тоска передъ землетрясеніемъ, страхъ передъ неизвѣстнымъ, трепетъ передъ шагомъ, за которымъ нѣтъ возврата. Такъ боялись нѣкогда эмигранты, когда они бросались на песчаный берегъ и навзрыдъ плакали, прежде чѣмъ поставить ногу на колеблющуюся доску, которая должна была оторвать ихъ отъ всего прошедшаго и черезъ пропасти, черезъ бури перевести въ *новый свѣтъ*.

Съ тѣхъ поръ какъ языческій міръ, истощенный величіемъ, изжившій все что лежало въ его эллино-римской идеѣ, отрекся отъ всѣхъ благъ и просилъ крещенія въ другую жизнь, ничего подобнаго не бывало!

Голось, испугавшій тогда, опять слышится и опять говорить "брось все и иди за мной!" И снова стоитъ въ раздумьи богатый Никодимъ, и, противъ своего сердца, становится консерваторомъ.

Жертва, которую требовало христианство от античного міра, была мала въ сравненіи съ той, которая потребуется теперь; христианство за землю давало небо, за Олимпъ—Голгоу, за бессмысленный рокъ—сознательный промыселъ, за потерю временнаго богатства—вѣчную радость. У новаго свѣта, толкушагося въ двери, нѣтъ неба, нѣтъ рая, въ немъ можетъ выиграть только тотъ, кому нечего терять.

Еще полвѣка тому назадъ, въ двадцатыхъ и даже тридцатыхъ годахъ, столъ западной цивилизаціи ломился отъ богатства. Старикъ Гете предсѣдательствовалъ за нимъ, Гегель оканчивалъ свои лекціи, трехцвѣтная Франція, въ костюмѣ 1789 года, сажала на тронъ короля-гражданина и пѣла Беравжеровскія пѣсни. Политическая экономія, хартія *теперь правда*, абсолютная философія, развитіе промышленности, вѣра въ прогрессъ, любовь къ человѣчеству, надежда въ республику... казалось западный міръ поюнѣмъ было и рвался впередъ; политики и доктринеры радовались—до какихъ де просвѣщенныхъ вѣковъ мы дожили.

Но все измѣнилось съ удивительной быстротой. Старый гуляка "der alte Zecher" бросилъ свой кубокъ въ море, хартія оказалась ложью, философія не абсолютной, политическая экономія—экономической статистикой. Человѣчество, прогрессъ, республика а потомъ и демократія, всѣ эти послѣдніе цвѣты, изящные, прекрасные оканчивающагося лѣта, поблекли на старомъ стеблѣ, который подломился и не могъ имъ доставлять свѣжихъ соковъ.

Люди устроились такъ хорошо, знали такъ много и вдругъ оказывается, что они почти ничего не знаютъ, что устройство ихъ ни куда не годно. Что же всѣ эти усилія, открытія, труды, доктрины, борьба—все это было бредомъ? Нѣтъ—что есть прочнаго, то останется. Количество развалинъ не должно удивлять. Развѣ мы не видимъ какъ вѣковое, огромное готическое зданіе церкви и теологія, поглотившее трудъ лучшихъ умовъ, всю эрудицію въ продолженіи десяти вѣковъ и дошедшее до вѣчной прочности и до безусловныхъ истинъ, которыми вѣрила вся Европа—какъ оно рухнулось до самаго основанія... Такъ можетъ рухнуть новое зданіе политико-доктринерское западной *second hand* цивилизаціи.

Собственно въ этомъ бѣды нѣтъ, это общая судьба муравейниковъ, они съ трудомъ, съ усиліемъ *строются, строятся*, потомъ проваливаются и служатъ матеріаломъ чему нибудь другому. Это общій типъ всѣхъ возникновеній и смертей въ природѣ. Но образованному міру это странно, оно оскорбляетъ его самолюбіе. А самолюбіе Китайца оскорбляетъ сомнѣніе что небесная имперія не есть самая образованная въ мірѣ.

Но, тороплюсь я прибавить, въ самомъ въ западномъ мірѣ родилось святое сомнѣніе, и отъ того онъ не можетъ заживо сдѣлаться фарфоровой куклой какъ Китай, ему мѣшаетъ не недостатокъ сомнѣній, а привычка къ своему богатству, ему мѣшаетъ *удивленіе*—и это очень понятно. Вчера онъ зналъ незыблемыя основы свободнаго государства, сегодня ему говорятъ что онъ чрезвычайно зыбки; вчера онъ вѣрилъ въ уголовное, въ гражданское право, сегодня онъ видитъ, что то и другое нелѣпо; и это отрицаніе принятаго идетъ во всѣхъ сферахъ отъ самыхъ отвлеченныхъ теорій до очага и кухни; самый міръ событій какъ нарочно слуталъ всѣ понятія; гдѣ либеральная Франція, гдѣ прогрессивная Пруссія? Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ перехватываютъ

письма и журналы, сѣкутъ гражданъ на площадяхъ и продаютъ съ аукціона *вольныхъ* негровъ. А подъ всѣмъ подъ этимъ Медузинъ вопль "хлѣбъ или свинецъ!" Крикъ этотъ ужасенъ, это "начало конца" какъ говорятъ Французы. Міръ, основанный на римскомъ правѣ собственности и на германскомъ правѣ личности, можетъ бросить голодному хлѣба, но признать его *право на хлѣбъ* не можетъ; за то онъ ему даетъ гражданскую свободу, а за это голодный даритъ ее Наполеону.

Даниловское слово, въ которомъ заключается жизнь и смерть, вы вѣроятно назвали—это *соціализмъ* во всѣхъ его отбѣнкахъ, лежащій нынѣ подъ землей, но не въ могилѣ, а на вспаланномъ полѣ.

Подъ этимъ словомъ разумѣютъ тысячу вещей; какое дѣло изъ какихъ доскутковъ сшито знамя, лишь бы было извѣстно что и кто собирается около него. А потому, какъ бы ни понимали развитія и приложенія, подъ словомъ социализма всѣ разумѣютъ такое же отрицаніе современнаго государственнаго быта, какъ христианство было отрицаніемъ быта греко-римскаго.

Простите меня за это отступленіе, оно было необходимо и я сей часъ возвращусь къ моему предмету.

Россія не только плохой славянской міръ "съ примѣсью Чудскихъ и Туранскихъ элементовъ," но въ противоположность аристократическимъ, мѣщанскимъ, городскимъ государствамъ—бѣдное *мужицье* государство; у насъ ничего нѣтъ, мы *les gueux* міра сего, ничего кромѣ стремленій, кромѣ вѣры въ себя. Даже близость и родство "съ Чудскими и Туранскими племенами" послужила для насъ къ смиренному признанію за равныхъ—Жида и Чухонца, Татарина и Калмыка; развѣ мы не одинакимъ образомъ служимъ каріатидой поддерживающей Зимній Дворецъ, съ чего намъ на нихъ смотрѣть съ высоты западной цивилизаціи?

Какъ вы думаете, не легче ли такому народу оттолкнуть досщаникъ отъ стараго берега?

Вы можете сказать—оттолкнуться не трудно, но что онъ привезетъ на ту сторону? Это вопросъ первой важности.

Вы русскаго народа не знаете, я васъ въ этомъ не виню. Давно ли мы, горсть людей страдавшихъ за его рабство, давно ли мы стали узнавать его? Мы жили чужой жизнью, мы его понимали чужой мыслию, а по большей части совсѣмъ ничего не понимали дома, и не заботились объ этомъ, а усвоили себѣ кое что чужаго.

Мы стали приходить къ народному самопознанію въ мрачныя времена Николая. Подъ его желѣзнымъ кулакомъ наша мысль стала отрезвляться, онъ добилъ насъ, какъ кварталный непускающій впередъ, до мужиковъ; оскорбленные во всемъ человѣческомъ, иностранцы дома, мы, чувствуя присутствіе силы въ мышцахъ, должны были сосредоточить внутри мозга и груди всю работу—и мысль наша сдѣлалась дерзка и неустрашима. Мы уже ненавидѣли все петербургское, когда *fiasco* Европы, послѣ 1848, довершило воспитаніе; мы на нее взглянули съ той же безпощадностью. И тогда только поняли вполне что за безобразное государство Россійская Имперія, и что за счастье что оно такое безобразное государство!

Не думайте, чтобъ это была игра словъ.

Я сей часъ объясню вамъ мою мысль. Россія не дошла еще до такого гражданскаго русла, которое бы ей соответствовало, въ которомъ было бы достаточно простору для обнуаруживанія

всѣхъ или большаго числа внутреннихъ силъ своихъ, т. е. она не дошла до такой органической формы государственной какъ на примѣръ Англія или Швейцарія. У Россіи и въ прошедшемъ никогда не было такого быта, развѣ при кievскомъ прорѣзываніи зубовъ. Эта неспѣтость, уродливое кое-какъ учрежденій, вмѣстѣ съ праздною силою и дурнымъ употребленіемъ ихъ избытка, или лѣнивымъ усыпленіемъ ихъ, доказываетъ незрѣлость русскаго народа. Долгая незрѣлость не всегда право на зрѣлость, и потому надобно опредѣлить что такое русскій государственный бытъ, есть ли это смиренный домъ для юродиваго старика или воспитательный домъ для отроческаго возраста. Мы не вѣримъ ни призванію народовъ. ни ихъ предопредѣленію, мы думаемъ что судьбы народовъ и государствъ могутъ по дорогѣ мѣняться, какъ судьба всякаго человѣка, но мы вправѣ, основываясь на настоящихъ элементахъ, по теоріи вѣроятностей дѣлать заключенія о будущемъ.

Я сказалъ* что русская исторія до Петра представляетъ государственную эмбриогенію темнаго безсознательнаго пластицизма, осяданія, роста идущаго до встрѣчи съ Монголами. Естественный ростъ прерывается и вмѣстѣ съ тѣмъ идея государства становится сознательною въ Московскомъ единствѣ, стягивающимъ части для отпора. Но свергая его ордынцевъ, Москва многое переняла у нихъ. Царь московскій какой то византійскій ханъ. Тяжкое, неповоротливое московское правительство могло набить дубовый обручъ, сдерживающій части, пока сыщется желѣзный, но не больше; оно имѣло поползновенія выдти изъ оцѣпленія, но члены подгибались подъ тучнымъ тѣломъ. Такъ шло до петровскаго переворота. Отбрасывая. насколько возможно было, все славянское, все византійское, Петръ I сохранилъ татарскій кнѹтъ и нагайку; ими онъ загонялъ оторванный отъ народа слой къ западному образованію. Огромныя средства бюрократическаго и военнаго устройства, взятая изъ Германіи, соединенныя съ восточнымъ отрицаніемъ всѣхъ правъ человѣческой личности, дало въ руки правительству чудовищную, неслыханную силу на созданіе и разрушеніе. Петръ I — самый полный типъ эпохи имъ призванной къ жизни—геній-палачъ, для котораго государство было все, а человѣкъ ничего; онъ началъ нашу каторжную работу исторіи, продолжающуюся полтора вѣка и достигнувшую колоссальныхъ результатовъ.

Безобразнѣйшее правительство въ мірѣ, иностранное по духу, сплотило изъ дряблага московскаго государства кованую имперію отъ Балтики до Тихаго океана, имперію чисто русскую, гораздо больше русскую, чѣмъ правительство.

Императорская диктатура съ Екатерины II стремится сдѣлаться консервативнымъ самодержавіемъ и не можетъ. Ее постоянно преслѣдуетъ какое то безпокойство, какое то желаніе переменъ, оно чувствуетъ что у него подъ руками огромныя формы безъ содержанія, что оно не нашло истиннаго слова, на которомъ бы оно легло опочить, какъ нѣкогда Бурбоны и Габсбургскій домъ. И вотъ почему рядомъ за заплеснѣвшимъ отъ застоя австрійскимъ правительствомъ, Петербургъ постоянно ломаетъ, передвигаетъ и самъ мѣшаетъ покою. Покой въ Россіи только внизу, только въ крестьянской Руси.

Ни ея молчаливая страдательность, ни барабанный бой и скрыпъ перьевъ, трескъ и шумъ правительства не могли удовлетворять.

* Du Développement des Idées Révolutionnaires en Russie.

И вотъ мало по малу развивалась третья сила, которой у васъ совсѣмъ не знаютъ, наша оппозиціонная литература.

Русская литература была въ послѣднее время постоянно или пошлая или оппозиціонная, рабская лесть или безпощадная критика, ни на чемъ неостанавливающаяся.

Не ошибитесь, я слово *оппозиціонное* употребилъ не въ томъ смыслѣ, въ которомъ его употребляли во Франціи, когда тамъ еще была оппозиція. Совсѣмъ нѣтъ.

Французская оппозиція, во время реставраціи и Людовика Филиппа, стояла на пьедесталѣ, сильная сочувствіемъ всего образованнаго, еще больше сильная собственнымъ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства надъ правительствомъ; она себя считала послѣдникомъ и продолжителемъ великаго народа. великаго преданія 1789—94, великой арміи, Волтера, Республики и Аустерлица.

Оппозиціонная мысль, которая стала пробиваться въ русской литературѣ, скорѣе была похожа на угрызеніе совѣсти; недовольство собою было на первомъ планѣ. Ей въ сущности казалось что не вся вина на правительствѣ, а что доля его и притомъ большая лежитъ на нашей жизни, она бросилась на ея разборъ.

Здоровыя, лѣсныя зерна, попавшіяся не на родную почву, а на тощіе, наносные пески, прибитые волнами балтійскаго моря и засыпавшіе нашъ черноземъ, выросли горькіе и бѣдные плоды.

Мыслящіе люди, отошедшіе въ сторону, чтобъ скольконибудь прийти въ себя, понять хаотическій острогъ русской жизни, разобщенные съ народомъ, не нашли ни кого праваго и сказали это.

Никогда вы, связанные иначе съ вашимъ отечествомъ, никогда Французы не дойдутъ до того горькаго сомнѣнія въ себѣ, до того безжалостнаго суда надъ собой, до котораго дошла русская литература при Николаѣ.

Подумайте какъ росла русская мысль, чѣмъ ублаживалась, что помнила, что видѣла, и вы поймете откуда идетъ этотъ характеръ. Она складывалась въ виду Алексѣевскаго равелина, возлѣ котораго пировалъ съ своими клеветами пьяный отецъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того какъ задушилъ измученнаго пытками сына, и изъ котораго она не могла сдѣлать мученика, такъ онъ былъ слабъ и пошлъ; въ виду Ропши, въ которой развратная жена отравила мужа — и не могла не согласиться что отъ него надобно было отдѣлаться; въ виду Михайловскаго дворца, гдѣ сынъ велѣлъ казнить бѣшенаго отца — и не могла не благословить его рѣшенія.

Какое воспитаніе!

Но оно не оканчивается этимъ. Оно продолжается въ виду пяти висѣлицъ, на которыхъ бездарный актеръ сыгравшій “эпизодъ и нравоученіе” къ петровскому періоду, повѣсилъ пять благороднѣйшихъ представителей юной мужавшей мысли русской гражданственности, и въ виду троекъ мчавшихся на каторгу, мимо народа, которому до нихъ не было дѣла и который пахалъ да пахалъ на баршинѣ, подстегиваемый розгой, и наконецъ въ виду общества т. е. братій, сестеръ, отцевъ..... повѣшенныхъ и сосланныхъ, плясавшихъ до упаду на праздникахъ коронаціи—прежде чѣмъ тѣла однихъ испортились, а другихъ — довели до Сибири.

Возстала Варшава и цѣлая армія Поляковъ драглась одушевленная благороднымъ порывомъ и побѣжденная покрыла себя славою—въ то время какъ русская армія стыдилась мрач-

ныхъ побѣдъ своихъ. Потомъ все затихло; мы стали привыкать къ ненависти всей Европы, мы оправдывали ее, мы чувствовали что она заслужена. Врядъ понятны ли вамъ тѣ чувства, о которыхъ я говорю. Ваша родина вынесла страшныя несчастія, съ свѣтлой ореолой на мученическомъ челѣ; побѣжденные, вы гордо смотрѣли въ глаза всему свѣту и очень хорошо знали что кромѣ подлецовъ всѣ вамъ сочувствуютъ. Представьте себѣ то чувство, съ которымъ иногда въ аудиторіи московскаго университета мы слушали рассказы вашихъ соотечественниковъ и видѣли затаенный упрекъ, а иногда и хуже — снисходительное сожалѣніе, и мы молчали какъ дѣти какого нибудь злодѣя, стыдясь имени своего отца. Я былъ радъ, что въ Перми и въ Вяткѣ я могъ, встрѣчаясь съ Поляками, сказать что и я ссыльный, какъ будто ссылка разнимала круговую поруку съ тѣмъ, который насъ сослалъ. Но Поляковъ мы уважали, мы сознавали передъ ними свою вину, — бывало хуже: каждый Французъ-сидѣлецъ, каждый Нѣмецъ, “у котораго въ Швабіи свой король есть,”* и тотъ смотрѣлъ на насъ какъ на ненавистное орудіе рабства всей Европы, и намъ нечего было отвѣчать, мы сами такъ думали!

Оставалось сломиться, нравственно изнемогнуть и, какъ Чаадаевъ въ знаменитомъ своемъ письмѣ, проклясть прошедшее, настоящее и будущее Россіи и быть — спасая въ себѣ человѣка — человѣкомъ безъ родины.

Казалось бы такъ, а на дѣлѣ вышло иное. Въ этотъ двѣнадцатый часъ, середь тягости дошедшей до послѣдней степени тиранства, въ то время когда Печерины, Гагарны, Голицыны бѣжали въ католицизмъ чтобъ не задохнуться, мы еще разъ взглянули внутрь своей души, и перестали вѣрить, во что вы думаете?... въ прочность нашихъ цѣпей. Изъ глубины сердца нашего вырвался крикъ отрицанія существующаго порядка, крикъ протеста. Въ насъ, на этой послѣдней степени униженія, что то заговорило: это не правда, мы этого не заслужили, потому что мы нравственно свободны и крепки мыслями!

И такъ, вмѣсто того чтобъ сломиться, мы перешли *внутренно* кризисъ; это далеко не все, однакожъ многое просвѣчивается въ будущемъ.

Voleo vedere quomodo ædificabitur? Говорилъ одинъ мой знакомый докторъ Прудону, поставившему эпиграфомъ къ своему противурѣчію Destruam et ædificabo. Вы вправѣ мнѣ сдѣлать этотъ вопросъ.

Но позвольте мнѣ коснуться до него въ слѣдующемъ письмѣ.

Искандеръ.

10 Марта 1860.

ТВЕРСКОЙ КОМИТЕТЪ и УНКОВСКІЙ

(Письмо къ издателямъ.)

Милостивый Государь,

Обращаюсь къ посредству вашего журнала какъ единственнаго русскаго органа истинной гласности, чтобы представить въ истинномъ свѣтѣ все происшедшее на бывшемъ 8 Декабря, прошлаго 1859 года, собраніи дворянъ Тверской губерніи. Намъ это необходимо, чтобы показать обществу и государю, до какой степени самыя законныя дѣйствія могутъ подвергаться преслѣдованію со стороны министровъ-бюрократовъ, не знающихъ границъ своему произволу.

* Тоголь.

Хотя у насъ въ Россіи и существуетъ гласность, но гласность *благонамьренная*, изобрѣтенная г. Ковалевскимъ и Ко. собственно для обмороженія Европы. Правительственная — же опека распространена у насъ не на одинъ народъ, но и на государя, съ той только разницей, что на насъ опека наложена противъ нашей воли, а государь подчиняется ей совершенно добровольно. О томъ же кто имѣетъ болѣе права на свободную дѣятельность, народъ-ли желающій ея, потому что чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ для разумнаго пользованія свободой, или государь, добровольно подчиняющій себя опекѣ своихъ министровъ, конечно потому что не считаетъ себя способнымъ дѣйствовать самостоятельно — рѣшите сами.

Для того чтобы дать вамъ ясное понятіе обо всемъ ходѣ дѣла, я по необходимости долженъ коснуться дѣйствій редакціонныхъ комиссій главнаго комитета, депутатовъ отъ дворянства и поступковъ съ ними правительства. Въ Декабрѣ я сообщилъ вамъ главныя основанія, принятые большинствомъ членовъ Тверскаго комитета, для составленія проекта положенія объ освобожденіи крестьянъ. Надѣюсь что въ настоящее время вы уже имѣете и самый проектъ положенія.*

Надо вамъ сказать что во время занятій Тверскаго комитета, большинство дворянства было весьма недовольно его дѣйствіями, о которыхъ дворянство знало изъ металлографированныхъ журналовъ комитета, разсылавшихся во всѣ уѣзды и въ нѣкоторыя губерніи, съ которыми Тверской комитетъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Неудовольствіе дворянства было выражено многими протестами представленными и въ комитетъ и правительству, такъ что выбранный депутатомъ, отъ большинства комитета, для защиты положенія въ главномъ комитетѣ — Алексѣй Михайловичъ Унковскій никакъ не былъ представителемъ мнѣнія дворянства Тверской губерніи, а только весьма немногочисленной партіи. Въ такомъ же точно положеніи находилась большая часть депутатовъ отъ дворянства вызванныхъ въ главный комитетъ. Если правительство имѣло въ виду, созваніемъ губернскихъ комитетовъ, разъединить дворянство, то въ началѣ это ему было очень удалось; а что только въ этомъ заключалась цѣль созванія губ. комитетовъ, видно изъ того что правительство употребляло всякія мѣры для стѣсненія полезной дѣятельности комитетовъ. Доказательства: рескрипты съ 12 лѣтнимъ переходнымъ состояніемъ, программа, и запрещенія гласно обсуждать вопросъ. Такъ что сколько я знаю: одинъ только Тверской комитетъ успѣлъ нѣсколько полнѣе разработать вопросъ, потому что позволялъ себѣ просто не обращать вниманія ни на программу, ни на соображенія министра; запрещеніе же гласно обсуждать вопросъ, къ счастью комитета, пришло тогда, когда занятія комитета почти кончились. Но если правительство желало разъединить дворянство, то вы увидите далѣе, что къ счастью для насъ, рядомъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, доказывающихъ что наши правительственные лица не способны къ поддержанію никакой системы, ни дурной ни хорошей, — само правительство, быть можетъ совершенно для него неожиданно, соединило дворянъ въ оппозицію противъ себя. Приступаю къ изложенію фактовъ.

* Нѣтъ, не имѣемъ. И это именно повлекло насъ сначала въ недоброжелательство къ Тверскому комитету на основаніи ошибочныхъ свѣденій, въ чемъ мы искренно извиняемся передъ большинствомъ Тверскаго комитета.

При. Ред.

Въ началѣ 1859 года цензурными стѣсненіями довели періодическую литературу до того, что ей невозможно было разработывать крестьянскій вопросъ, такъ что всѣ сужденія о крестьянскомъ дѣлѣ въ періодическихъ изданіяхъ 1859 года, прекратились. Кстати, извѣстенъ-ли вамъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, отъ 3 Октября 1859, которымъ требуются *фактическія* доказательства, для статей обвинительной литературы? Какъ вы знаете, въ Мартѣ открыли свои дѣйствія редакціонныя комиссіи, учрежденныя при главномъ комитетѣ. Въ составъ ихъ вошло нѣсколько человекъ пользовавшихся нѣкоторымъ общественнымъ уваженіемъ, такъ что многіе стали ожидать отъ редакціонныхъ комиссій путнаго. Я былъ не изъ числа этихъ многихъ, и къ сожалѣнію мои предсказанія оправдались.

Іаковъ Ивановичъ, какъ поборникъ прогресса, еще съ 14 Декабря 1825 года, пожелалъ придать гласность занятіямъ редакціонныхъ комиссій, и для того сталъ печатать протоколы засѣданій, и свои мнѣнія. Но такъ какъ онъ слава Богу не революціонеръ какой нибудь, то и нашелъ полезнымъ вносить въ протоколы только свои мнѣнія или мнѣнія членовъ согласныхъ съ нимъ; противныя же мнѣнія въ протоколы не вносились и потому не печатались. Не знаю почему въ слѣдствіе-ли страха—или въ ожиданіи великихъ и богатыхъ милостей, люди не согласные съ убѣжденіями Ростовцова, остались въ редакціонныхъ комиссіяхъ; но конечно этимъ они окончательно скомпрометировали себя въ общественномъ мнѣніи. Комиссіи руководимыя Ростовцовымъ, работали много, исписали несмѣтное количество бумаги, занимаясь мелочами, напороли много дичи, стараясь затемнить сущность дѣла, противорѣчили себѣ на каждомъ шагѣ, и все таки не сумѣли достаточно замаскировать основную идею, проводимую г. Милютинымъ и Ко., идею положительно вредную для государства и прямо ведущую къ анархіи, потому что дѣйствительная административная централизація, основанная на бюрократіи, въ Россіи невозможна. Сила въ томъ, что Іаковъ Ивановичъ часто мнѣялъ свои убѣжденія; что же касается остальныхъ членовъ редакціонныхъ комиссій, то у однихъ нѣтъ никакихъ убѣжденій, другіе же не смѣютъ прямо заявить и твердо стоять за свои убѣжденія, а потому г. Милютину и легко было дѣйствовать. Что я не клевету на редакціонныя комиссіи, могутъ вамъ служить доказательствомъ самые журналы ихъ занятій, которые у васъ есть, не знаю только всѣ-ли; но если и не всѣ, то преслѣдите хоть тѣ, которые у васъ есть, и вы сами найдете, что единственная идея проглядывающая въ нихъ, есть идея Галиційскаго разрѣшенія вопроса; правда что она прикрыта противорѣчіями на каждомъ шагѣ. Къ 15 Августа были созваны въ Петербургъ депутаты отъ 19 губерній, въ томъ числѣ и отъ Тверской. Въ Тверской губерніи были депутатами, отъ большинства членовъ комитета А. М. Унковскій, и отъ меньшинства г. Кардо-Сысоевъ. Депутаты желали придти къ соглашенію въ мнѣніяхъ и нашли, что единственный къ этому путь представлялся открытіемъ правильныхъ совѣщательныхъ собраній, имѣющихъ официальный характеръ, такъ какъ въ частныхъ собраніяхъ людей весьма противоположныхъ мнѣній, нѣтъ никакой возможности придти къ соглашенію, потому что при всемъ добромъ желаніи, даже большинства членовъ къ установленію правильнаго обмѣна мыслей, нѣтъ никакой возможности противудѣйствовать злонамѣренному меньшинству, которое всегда можетъ нарушить

порядокъ и не допускать до соглашенія. Вслѣдствіе этого депутаты просили государя письмомъ о дозволеніи имъ имѣть совѣщанія имѣющія официальный характеръ. Вамъ конечно извѣстенъ отвѣтъ на это государя. Что побудило государя дать такой отвѣтъ—неизвѣстно; но трудно предполагать чтобы онъ боялся собранія 38 человекъ, почти никѣмъ не поддерживаемыхъ. Вслѣдствіе отвѣта государя собранія депутатовъ не состоялись, и потому, въ томъ что мнѣнія депутатовъ различны и противорѣчатъ одни другимъ, никакъ нельзя винить депутатовъ, пріѣхавшихъ изъ разныхъ концовъ Россіи и искусственно разъединенныхъ въ Петербургѣ. И при всемъ томъ, нѣкоторые депутаты сошлись въ мнѣніяхъ между собой, такъ что на примѣръ, мнѣніе защищаемое Унковскимъ, было раздѣляемо еще четырьмя депутатами. Депутатамъ давали каждому отдѣльно письменные вопросы, на которые они письменно же давали отвѣты. Г. Милютинъ, въ докладѣ своемъ государю, всю вину въ разъединеніи депутатовъ сваливаетъ на нихъ. Потомъ депутаты представили свои соображенія на заключенія редакціонныхъ комиссій. Это ли способъ защищать мнѣнія???

Вы знаете главныя основанія принятыя большинствомъ Тверскаго комитета. Унковскій, въ представленныхъ имъ соображеніяхъ, великолѣпно развилъ эти основанія; представилъ яркую и вѣрную картину настоящаго положенія Россіи, ясно доказавъ, что существующее вотчинное управление Россіей, при совершенномъ отсутствіи суда и уваженія къ законамъ, могло держаться только тѣмъ, что половина Россіи принадлежала на вотчинномъ правѣ частнымъ лицамъ, которыхъ личная выгода заключалась въ поддержаніи произвола въ государственномъ управленіи; что административная централизація въ Россіи невозможна, и что она существовала только на бумагѣ, на дѣлѣ же ея никогда не было и быть не можетъ; что съ уничтоженіемъ частнаго произвола, оставленіе произвола въ государственномъ управленіи, прямо приведетъ къ анархіи; что при существующемъ порядкѣ управленія законъ есть мертвая буква, никѣмъ неисполняющаяся и во многихъ случаяхъ неисполнимая; что единственный путь къ сохраненію спокойствія въ государствѣ, есть замѣненіе произвола въ государственномъ управленіи строгою законностію, которая не мыслима въ Россіи безъ административнаго самоуправления, и независимаго суда; что только при этихъ условіяхъ государь можетъ дѣйствительно быть неограниченнымъ монархомъ; тогда какъ въ настоящее время онъ неограниченный монархъ только по имени; что при административномъ самоуправленіи и независимомъ судѣ, власть исполнительная и законодательная, соединенныя въ лицѣ государя, получаютъ истинное значеніе, а не фиктивное, какъ въ настоящее время. Далѣе онъ доказываетъ, что административное отдѣленіе редакціонныхъ комиссій, по видимому, желая предоставить крестьянамъ право административнаго самоуправления, на дѣлѣ, подчиняетъ ихъ произволу и грабежу чиновниковъ, передавая такимъ образомъ крѣпостное право на крестьянъ, изъ рукъ помѣщиковъ, въ руки чиновниковъ. По хозяйственному отдѣленію онъ доказываетъ, что редакціонная комиссія, грабитъ и помѣщиковъ и крестьянъ, въ пользу чиновниковъ, которые будутъ поставлены для разбора взаимныхъ жалобъ. По юридическому, тоже что и по административному. По финансовому, весьма вѣрно и неопровержимо, доказываетъ несо-

собность и не знаніе гг. членовъ финансоваго отдѣленія, ихъ неумѣнье понять важность вопроса и рѣшить его; при чемъ, показывая возможность выкупа, доказываетъ обязательность его для правительства и помѣщиковъ, и что финансовое отдѣленіе, не возлагая обязательность выкупа на правительство, не понимаетъ значенія правительства, и называя выкупъ добровольнымъ для обѣихъ сторонъ, на дѣлѣ, дѣлаетъ его принудительнымъ и крайне не выгоднымъ, какъ для помѣщиковъ такъ и для крестьянъ. Изложеніе его соображеній весьма ясно и популярно, такъ что мнѣ приходилось читать ихъ людямъ весьма мало развитымъ, и съ самымъ ретрограднымъ образомъ мыслей, и тѣ признавали справедливость его доводовъ. Представилъ свои соображенія въ главный комитетъ, Унковскій и четыре другіе депутата, раздѣлявшіе его образъ мыслей, написали адресъ государю въ которомъ излагали насущную необходимость административной и судебной реформы, на высказанныхъ ими началахъ. Другіе депутаты тоже подавали адреса государю, въ которыхъ съ полною откровенностію высказывали свой образъ мыслей, что было ихъ обязанностію. Это не поправилось; депутатамъ объявили что ихъ требуютъ, когда будетъ нужно, а теперь они дескать могутъ ѣхать, и что имъ больше нечего въ Петербургѣ дѣлать. За адреса же депутатамъ, подававшимъ ихъ, сдѣланы замѣчанія болѣе или менѣе строгія. Унковскому и его товарищамъ сдѣланы замѣчанія черезъ начальниковъ губерній, “за неправильныя и неумѣстныя домогательства” и поставлено имъ въ вину что они подали адресъ названный, но высочайшему повѣленію, *прошеніемъ* за общимъ подписомъ. Такое обхожденіе съ депутатами, вызванными государемъ для защиты проектовъ губернскихъ комитетовъ, естественно не могло нравиться дворянству, ибо это показало, что государь не сдержалъ даннаго имъ слова, что *депутаты будутъ защищать проекты въ главномъ комитетѣ*. При томъ, обращеніе съ депутатами, показало неуваженіе къ дворянству, и доказало что призвавъ людей для выслушанія ихъ мнѣній, можно преслѣдовать ихъ за то, что они говорили *свои* мнѣнія, а не чужія.

Преслѣдованіе Унковскаго произвело сочувствіе къ нему, не только въ Тверской губерніи, но и во многихъ другихъ. Его соображенія переписывались и переписываются въ большомъ количествѣ экземпляровъ, такъ что, людей раздѣляющихъ мнѣніе Тверскаго комитета, ежели до отправленія Унковскаго въ Петербургъ, было нѣсколько десятковъ, то въ настоящее время, при стеченіи различныхъ обстоятельствъ, которыя изложены ниже, надо считать можетъ быть уже тысячами, но никакъ не сотнями; и вообще, какъ слышно, депутаты отъ губернскихъ комитетовъ нашли теперь сочувствіе въ дворянахъ, котораго прежде не имѣли. Вотъ къ чему ведутъ иногда несправедливыя преслѣдованія.

Въ Тверской губерніи, передъ сѣздомъ дворянства, либеральная партія была еще въ значительномъ меньшинствѣ, такъ что изъ 300 шаровъ бывшихъ на выборахъ, либераламъ нельзя было рассчитывать и на сто шаровъ.

8 Декабря, по открытіи собранія, приступили къ чтенію отчета губернскаго предводителя, относительно окончательной постройки дома Тверскаго благороднаго пансіона. Надо вамъ сказать, что этотъ домъ строился у насъ съ незапамятныхъ временъ; денегъ изведено было до 1853 года 195,000 рублей, и выстроено зданіе въ чернѣ такъ хорошо, что начинало уже рушиться. Много было истрачено денегъ попусту, а много

благопріобрѣтено бывшимъ Тверскимъ уѣзднымъ предводителемъ Арсеньемъ Николаевичемъ Хвостовымъ. Въ 1856 году, дворянство положило докончить постройку дома, для чего была составлена смѣта съ небольшимъ въ 106,000 рублей. (Въ смѣту не вошли расходы по поправкѣ рушившагося дома и многія мелочи). Унковскій, какъ губернский предводитель предсѣдатель комитета по построенію дома и слѣдственно главный распорядитель работъ, устроилъ дѣло такъ, что домъ оконченъ въ гораздо лучшемъ видѣ, то есть *роскошнѣе и прочнѣе*, и съ меньшими издержками въ послѣдствіи на ремонтъ, чѣмъ предполагалось по смѣтѣ,—и все это стоило только 86,000 рублей. Однимъ словомъ можно смѣло сказать что въ продолженіи послѣднихъ 50 лѣтъ, ни одно общественное зданіе въ Россіи, не было выстроено болѣе экономически, и не смотря на то, нашлись люди которые желали набросить тѣни подозрѣнія въ этомъ дѣлѣ на Унковскаго. Бывшій губ. предводитель Озеровъ, неправильно израсходовавшій во время своей службы часть дворянскихъ денегъ, на поѣздки въ Петербургъ и Москву, и даже на огорченіе своей квартиры, и вышеупомянутый Хвостовъ, тайно подбимъ, изъ числа 12 счетчиковъ избранныхъ дворянствомъ для повѣрки расходовъ, тайнаго совѣтника Долгалова, (служившаго по комиссаріату и вмѣстѣ съ тѣмъ по тайнымъ интереснымъ дѣламъ у бывшаго военнаго министра Чернышева и благопріобрѣтшаго на службѣ до трехъ миліоновъ), бывшаго депутата въ Тверскомъ комитетѣ князя Шахонскаго, который зомъ на Унковскаго еще по комитетскимъ дѣламъ, инженера путей сообщенія Гембача, г. Апыхтина и отставнаго жапдарма Тельнова, представилъ отчетъ повѣрки въ такомъ видѣ, что дѣйствія Унковскаго были якобы противузаконны и клонились къ ущербу дворянства, и что комитетъ входилъ въ сдѣлки съ подрядчикомъ, клонящіяся исключительно въ пользу подрядчика; но обманъ былъ такъ явенъ, что Унковскому не стоило большаго труда уличить ихъ въ клеветѣ, а дворянству легко было провѣрить всѣ дѣйствія Унковскаго, такъ какъ онъ озаботился роздать большей части дворянъ печатный отчетъ всѣхъ своихъ дѣйствій, а также и о всѣхъ дѣлахъ подлежащихъ разсмотрѣнію дворянства. По какъ гг. счетчики были уличены въ злонамѣренной клеветѣ на губ. предводителя и комитетъ состоящій изъ уѣздныхъ предводителей и депутатовъ, то масса дворянства пришла въ страшное негодованіе на такую наглость, и всѣ 5 человекъ были исключены изъ собранія; Долгаловъ же былъ буквально выгнанъ изъ собранія. И такъ враги либеральной партіи, желая повредить ей очернивъ Унковскаго, напротивъ того, исторією счетчиковъ произвели сочувствіе къ нему въ большинствѣ дворянства. За тѣмъ шелъ вопросъ о земскихъ повинностяхъ. Дворянство, два трехлѣтія сряду представляло правительству, что существующій порядокъ представленія отчетовъ въ расходѣ суммъ, собираемыхъ на земскія повинности, не соотвѣтствуетъ изданнымъ на этотъ предметъ узаконеніямъ, и потому не представляетъ никакой возможности къ правильной хозяйственной повѣркѣ; но министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ не удовлетворили законныхъ представленій дворянства, а потому, въ этомъ собраніи дворянство и положило,—не повѣрять отчета о земскихъ повинностяхъ, такъ какъ правильная повѣрка невозможна и бесполезна тамъ, гдѣ мошенничество снизу, покрывается бюрократическимъ гнетомъ сверху.

Далѣе предложенъ былъ вопросъ о капиталѣ, пожертвован-

номъ дворянствомъ на воспитаніе благородныхъ дѣвицъ въ Московскомъ училищѣ ордена св. Екатерины, и о захватѣ изъ него 18,995 рублей Тверскимъ приказомъ общественнаго призрабнѣя. Сила въ томъ, что капиталъ пожертвованный дворянствомъ, суммою въ 41 733 рублей, былъ положенъ въ Тверской приказъ изъ 5%, на основаніи 273 ст. пункта 2, XI Тома Свода Законовъ, но по распоряженію хозяйственнаго департамента мин. внут. дѣлъ, приказъ совершенно противно существующимъ узаконеніямъ отчислилъ изъ числа 41,733 — 18,395 рублей якобы за то, что дворянство неправильно пользовалось лишнимъ процентомъ съ 1830 года, когда послѣдовало уменьшеніе процентовъ. По 265 ст. XI тома, изданія 1842 года, и 273 ст. п. 2, XI тома Св. Зак. изданія 1857 года. полагается на капиталы положенные съ благотворительной цѣлью, выдавать 1% болѣе, чѣмъ на остальные капиталы, слѣдовательно по закону дворянство легально пользовалось процентомъ. По смыслу кредитныхъ учрежденій, пользующихся чужими капиталами не иначе какъ съ согласія ихъ владѣльцевъ, приказъ, если бы не имѣлъ права выдавать дворянству 5%, то долженъ бы былъ о томъ предупредить; но однажды выдавъ проценты, ясно что онъ не имѣлъ никакого права вычитать ихъ изъ капитала, потому что такое дѣйствіе, есть чистое нарушеніе права собственности, или по просту грабежъ. Дворянство по предложеніи и обсужденіи этого вопроса, положило: выбрать изъ среды своей повѣреннаго, для отыскиванія нарушеннаго приказомъ права собственности дворянъ на 18,395 рублей. При этомъ возникъ вопросъ, какимъ путемъ отыскивать нарушенное право. Нѣкоторые дворяне изъ либеральной партіи, желали чтобы нарушенное право было отыскиваемо не иначе какъ путемъ судебнымъ, имѣя въ виду главнымъ предметомъ возстановленіе въ публичѣ уваженія къ судебной власти; но попытка не удалась, и рѣшено отыскивать право путемъ административнымъ и судебнымъ, смотря по обстоятельствамъ. Послѣ того приступлено было на основаніи 112 ст. IX т. Св. Зак. къ разсужденію о нуждахъ и пользахъ дворянства. Кто-то изъ дворянъ предложилъ начать разсужденія о современномъ положеніи крестьянскаго вопроса и о возможности скорѣйшаго его разрѣшенія. Тогда губ. предводитель прочиталъ отношеніе къ нему Тверскаго гражданскаго губернатора графа Баранова, слѣдующаго содержанія:

“Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по случаю предстоющихъ въ Тверской губерніи дворянскихъ выборовъ, сообщилъ мнѣ, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, для объявленія вашему превосходительству, что дворянство на собраніяхъ его не должно входить ни въ какія сужденія по предметамъ до крестьянскаго вопроса касающимся, такъ какъ разсмотрѣніе сего вопроса, согласно ходатайству самаго дворянства, высочайше возможно было на губернской комитетъ, составленный изъ лицъ, самимъ дворянствомъ для того избранныхъ, а для представленія правительству нужныхъ свѣденій и объясненій, по состоявшимся въ комитетахъ положеніямъ, вызывались въ С. Петербургъ отъ каждаго комитета избранные имъ члены. О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить для исполненія вашему превосходительству”. Подписано свиты его величества генералъ-маіоръ г. Барановъ. Заголовокъ таковъ: м. в. д. военнаго губернатора города Твери и Тверскаго гражданскаго губернатора, канцелярія столъ особый. Ноября 13 дня 1859 года, No. 7,722.

За тѣмъ прочитана была 77 ст. I т. законовъ основныхъ, и нѣкоторые дворяне предлагали, ссылаясь на слова этой статьи “не чиня исполненія” начать говорить о крестьянскомъ вопросѣ. Тогда Бѣжецкій помѣщикъ Александръ Ивановичъ Европеусъ сказалъ слѣдующее: “Господа! По прочтеніи 77^и статьи I тома Законовъ основныхъ было высказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи г. министру настоящаго случая не чиня исполненія, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ не смотря на запрещеніе. По моему мнѣнію, то мѣсто 77^и статьи, гдѣ говорится “не чиня исполненія” не значитъ именпо, что можно намъ поступать прямо вопреки высочайшей волѣ, но что это означаетъ только, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до разрѣшенія недоумѣнья этого административнымъ порядкомъ узаконеннымъ 77^и статьею. Настало время господа понять, что пользованіе законнымъ правомъ нашимъ не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу. Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы, и служить единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества и воли государя императора. Изъ разсмотрѣнныхъ нами сегодня вопросовъ о земскихъ повинностяхъ и нашемъ капиталѣ, вы можете видѣть господа, до какой степени простирается ея произволъ и неисполненіе Законовъ. Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствіяхъ этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ Законы дѣйствуя придирками. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими и что мы можемъ со всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія, протестовать официально образомъ и на основаніи Закона. Это составляетъ нашъ долгъ передъ лицомъ общества и всей Россіи. Въ заключеніе прошу позволенія прочесть слѣдующее предложеніе: циркуляромъ г. министра вн. дѣлъ воспрещается губернскаму собранію входить въ какія бы то ни было сужденія относящіяся до крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, по установленной Закономъ очереди заплѣт нашихъ, мы должны теперь приступить къ сужденію о нуждахъ и пользахъ дворянства, о которыхъ мы не можемъ ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія, по причинѣ тѣсной и неразрывной его связи со всѣми интересами нашими. А потому принимая во вниманіе, что ограниченіе это нарушаетъ свободу пользованія нашими правами и прямо отмѣняетъ 112 и 135 статьи IX т. св. Зак. (изд. 1857 года) я, на основаніи 72^и 73^и и 77^и статьи I т. св. Зак. предлагаю просить г. губернскаго предводителя немедленно пріостановить собраніе и поступить по точному смыслу 77^и ст. I т. телеграфируя г. министру, а предложеніе это прошу балотировать.”

Во время этой рѣчи и по окончаніи ея дворянство почти единодушно два раза ему аплодировало. Затѣмъ приступлено было къ балотированью предложенія г. Европеуса, которое и принято большинствомъ 184 шаровъ, противъ 54; нѣкоторые же дворяне въ числѣ 43 человекъ не брали шаровъ находя балотировку этого вопроса незаконною, и за тѣмъ собраніе было пріостановлено до полученія отвѣта. 13го было воскре-

сеніе, а 14го собраніемъ полученъ на заключеніе его отвѣтъ отъ губернатора слѣдующаго содержания. Декабря 13 дня 1859 года No. 8,378. “ На отношеніе вашего превосходительства, отъ 12 Декабря за No. 1,294, имѣю честь увѣдомить: 1) что высочайшемъ повелѣніемъ, сообщеннымъ мною вашему превосходительству 13 Ноября за No. 7,722, по мнѣнію моему нисколько не отмѣняются права и преимущества, предоставленныя дворянству 112 и 115 ст. IX т. св. Зак. Дворянству три раза было представлено право выразить свои мнѣнія по крестьянскому дѣлу: на предварительныхъ уѣздныхъ совѣщаніяхъ, чрезъ избранный имъ же комитетъ и наконецъ посредствомъ тѣхъ членовъ онаго, которые были вызваны въ С. Петербургъ. Затѣмъ правительству принадлежитъ окончательное рѣшеніе дѣла, съ которымъ связаны обще-государственныя соображенія; и такимъ образомъ всякій вопросъ, касающійся крестьянскаго дѣла, въ настоящее время составляетъ предметъ нужды и пользы, не дворянства одного касающійся, но и всѣхъ сословій и государственныхъ учреждений, о чемъ 112 ст. IX т. не дано права разсуждать, дворянству. 2) по силѣ 115 ст. III т. св. Зак. дворянское собраніе обязано исполнять всѣ Законныя требованія начальника губерніи, а какъ въ отношеніи моемъ за No. 7,722, было сообщено мною вашему превосходительству къ исполненію высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, то и тѣмъ болѣе я не нахожу основаній входить самъ же къ г. министру внут. дѣлъ съ вопросомъ: слѣдуетъ-ли исполнять сообщенное мною вамъ высочайшее повелѣніе, которое я считаю совершенно обязательнымъ для каждаго вѣрнооданнаго. 3) если не смотря на вышеизложенное дворянское собраніе, ссылаясь на 77 ст. I т. св. Зак. находятъ въ объявленномъ мною высочайшемъ повелѣніи отмѣну какого либо Закона, или учрежденія, чего я съ своей стороны не нахожу, то оно можетъ дѣйствовать на основаніи 112 и 113 ст. IX т. св. Законовъ. 4) самымъ положеніемъ дворянства какъ видно изъ отношенія вашего превосходительства, поручено вамъ поступить на точномъ основаніи помянутой выше 77^й ст. I т. св. Зак.; а потому ваше превосходительство и можете, если считаете постановленіе дворянства законнымъ и находите себя вправѣ, представить о семъ г. министру внут. дѣлъ посредствомъ телеграфа; исполненіе чего я не могу принять на себя по причинамъ вышеизложеннымъ. Въ заключеніе, на основаніи 115 и 120 ст. III т. св. Зак. Уст. о службѣ по выб., имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство доставить мнѣ копию съ протокола, состоявшагося въ собраніи по прочтеніи отношенія моего за No. 7,722, и на основаніи 118 ст. того-же тома, предложить собранію приступить къ выборамъ, если всѣ предметы по 117 ст. уже обсуждены дворянствомъ”. — Еще 2ое отношеніе г. начальника губерніи, отъ того же числа за No. 8,380, которымъ увѣдомляетъ, что копии съ отношеній г. губернскаго предводителя дворянства, отъ 12 Декабря за No. 1,294, и съ отзыва его г. начальника губерніи, отъ 13 числа за No. 8,378, представлены имъ на благоусмотрѣніе г. министра внут. дѣлъ.

По прочтеніи обѣихъ бумагъ, дворяне приступили къ разсужденію какъ поступить въ данномъ случаѣ; многіе изъ помѣщиковъ говорили и разъясняли вопросъ такимъ образомъ, что дворянство дѣйствовало совершенно законно, что губернаторъ съ своей стороны, какъ лице административное,

не могъ и не долженъ былъ дать другаго отвѣта; но что собраніе дворянъ землевладѣльцевъ есть собраніе сословія консервативнаго по преимуществу, (принимая консерватизмъ въ разумномъ его видѣ) которое наиболѣе заинтересовано въ сохраненіи порядка въ государствѣ. А какъ единственное средство къ сохраненію порядка, при предстоящей основной реформѣ, есть не только охраненіе, но и возможное усиленіе уваженія къ законности и уже существующимъ правамъ, то обязанность дворянства, какъ высшаго и при томъ единственнаго сословія въ государствѣ имѣющаго возможность обращаться прямо къ государю, — воспользоваться своимъ правомъ, какъ единственнымъ средствомъ доказать государю незаконность дѣйствій его министровъ, которая въ настоящее время приведетъ государство прямо къ анархіи. Между прочимъ г. Европеусъ разъяснялъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: “ Г. начальникъ губерніи можетъ понимать Законы въ иномъ смыслѣ чѣмъ мы, и не находить противорѣчія 77^й статьи. Какъ административное лице онъ даже обязанъ такъ понимать, но онъ признаетъ и нашу свободу пониманій, указывая путь которымъ мы можемъ разрѣшить сомнѣнія, прямымъ обращеніемъ къ верховной власти; а что недоразумѣнія существуютъ подтверждается двойственностію взгляда, и слѣдовательно требуетъ настоятельно разрѣшенія. Что-же касается высказанной въ отношеніи губернатора мысли, что какъ вопросъ этотъ сдѣлавшись общественнымъ, не даетъ права дворянству входить въ его разсмотрѣніе, то это не вѣрно, ибо прямой смыслъ 135 ст. возлагаетъ обязанность на дворянство помогать правительству въ общественныхъ вопросахъ, чего мы не можемъ достигнуть молчаніемъ, которое ничему не способствуетъ и ничего не доказываетъ. Обѣщаніе, данное нами лично государю, способствовать ему въ разрѣшеніи возбужденныхъ имъ вопросовъ, можетъ быть исполнено только свободнымъ обсужденіемъ въ нашей средѣ. Безсмысленное, мертвое молчаніе, въ этомъ важномъ случаѣ, было бы нарушеніемъ нравственнаго нашего долга.” — Я привожу вамъ въ обѣихъ случаяхъ, слова сказанныя г. Европеусомъ, потому что, въ Петербургѣ обращено было главное вниманіе на его слова, и притомъ они представлены правительству, какъ кажется, въ искаженномъ видѣ. Намъ извѣстно, что въ комитетѣ министровъ, гг. Панинъ, Чевкинъ, Муравьевъ и Долгорукій обвиняли Европеуса въ анархическомъ образѣ мыслей, и г. Долгорукій даже желалъ его упрятать. Отстаивалъ Европеуса — Ковалевскій, но все таки Европеусъ отданъ подъ двойной присмотръ полиціи, (подъ ординарнымъ, онъ находился еще за дѣло Петрашевскаго) и потому я привожу вамъ подлинныя слова Европеуса у губернскаго стола, для того чтобы всякій могъ видѣть, что все сказанное имъ, было сказано въ чисто консервативномъ духѣ, и что онъ говорилъ именно противъ анархическихъ дѣйствій бюрократіи. Гг. же Панинъ, Чевкинъ, Муравьевъ, Долгорукій и прч. имъ подобныя, ежели и говорятъ какъ самые тупоумные консерваторы, за то дѣйствуютъ чисто въ видахъ устройства красной республики. Лучшее доказательство, что крайности сходятся.

NB. Болѣе г. Европеусъ ничего не говорилъ у губернскаго стола.

При этомъ всѣ говорили у губ. стола въ томъ смыслѣ, что надо послать прошеніе къ государю въ собственныя руки, Противъ предложенія никто не высказывался. Но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ находившееся въ собраніи, были довольны

его рѣшеніями ; напротивъ, какъ я вамъ сказалъ, съ самаго сѣзда дворянства, либеральная партія была въ значительномъ меньшинствѣ, но исторія съ счетчиками, съ земскими повинностями и похищеннымъ капиталомъ, а также прочитанные большею частію дворянства, съѣхавшагося на собраніе, соображенія Унковскаго, представленныя имъ въ главный комитетъ, показали большинству дворянства, что дѣйствія большинства членовъ комитета были направлены не противъ дворянства, а къ сохраненію дѣйствительныхъ интересовъ обоихъ сословій ; и потому всѣ дворяне беспристрастные къ партіямъ и одаренные нѣкоторою способностію къ разсужденію, пристали къ либеральной партіи. Противную же партію составили люди заинтересованные въ охраненіе бюрократическаго произвола, нѣсколько людей имѣвшихъ личности съ А. М. Унковскимъ и съ людьми составляющими либеральную партію, и небольшое количество людей привыкшихъ къ крѣпостному праву, желающихъ сохраненія его, и даже полагающихъ, что никакого освобожденія не будетъ, а что все останется по старому, лишь бы дворяне жили по смирнѣ, покорялись всему, что ни прикажутъ министры - помѣщики, да исправно сѣкли бы мужиковъ.

Трудно говорить, но дѣйствительно есть люди такъ думающіе и даже почерпающіе увѣренность въ своихъ мнѣніяхъ изъ разговоровъ съ сильными міра сего.

Всѣ эти люди и составили оппозицію, которая постоянно ни въ чемъ не была согласна съ желаніями и дѣйствіями либеральной партіи, получившей большинство ; но такъ какъ они не могли оправдать своихъ дѣйствій въ разумныхъ преніяхъ, то и дѣйствовали не убѣжденіями, а шарами или бездоказательными протестами. Когда балотировалось предложеніе—посылать ли просьбу государю, то оно было принято 231 голосомъ противъ 56, нѣсколько же дворянъ отказались отъ подачи голосовъ ; вотъ списокъ этихъ дворянъ : *Бѣжецкаго уѣзда*—Александръ Бырдинъ, Федоръ Бырдинъ, Глазатовъ, Шишковъ, Суворовъ, Обольяниновъ, Ранцевъ, Воробьевъ, Апыхтинъ (братъ счетчика), Чаплинъ и Бѣшенцовъ. *Кашинскаго Уѣзда* : Головинъ, Иванъ Ушаковъ, Вельяминовъ, Зерновъ, Орловъ, Кожинъ и Окуневъ ; и *Корчевскаго Уѣзда*, Кухлевскій. *Желательно бы чтобы имена ихъ были увѣковѣчены.* Дворянство, въ этотъ же день, составило прошеніе въ собственныя руки государя, которое и было послано съ экстреннымъ поѣздомъ 15 Декабря. Прошеніе было подписано какъ слѣдуетъ по узаконенной формѣ : во первыхъ губ. предводителемъ, (такъ какъ оно шло отъ собранія дворянства) и далѣе уѣздными предводителями и дворянами всѣхъ уѣздовъ, по порядку уѣздовъ. Прошеніе слѣдующаго содержания :

Ваше императорское величество,

Всемилоствѣйшій государь,

Дворянство Тверской губерніи глубоко проникнуто сознаниемъ о непоколебимости постановленій, исходящихъ отъ верховной власти. Эти постановленія опредѣляютъ положительно отношенія всѣхъ сословій и учрежденій къ лицамъ имѣющимъ счастье объявлять высочайшія вашего императорскаго величества повелѣнія. Сознывая, что право разсужденія о своихъ нуждахъ и пользахъ, дарованное дворянству прямымъ смысломъ 112 и 135 ст. IX т. св. Законовъ о состояніяхъ, по неразрывной связи своей съ крестьянскимъ вопросомъ ограничивается нынѣ высочайшимъ повелѣніемъ вашего

императорскаго величества, объявленнымъ циркулярнымъ предписаніемъ г. министра внут. дѣлъ, дворянство Тверской губерніи считаетъ святымъ долгомъ слѣдовать указаніямъ положительныхъ узаконеній (77 ст., I т., I части Свода Законовъ основныхъ и 112 и 113 ст. IX т. св. Зак. о состояніяхъ,) и повергнуть на всемилоствѣйшее возрѣніе вашего императорскаго величества всеподданѣйшую просьбу о дозволении губернскому собранію дворянства имѣть сужденіе о своихъ нуждахъ и пользахъ, не стѣняясь возможною соприкосновенностію ихъ съ крестьянскимъ вопросомъ.

Хотя дворянство и было призвано къ участию въ разрѣшеніи этого вопроса посредствомъ губернскаго комитета, но нынѣ находясь въ полномъ своемъ составѣ въ губернскомъ собраніи, при тѣхъ практическихъ свѣденіяхъ, которыя пріобрѣтены имъ въ сельско-хозяйственной жизни, и вынесены изъ соприкосновеній съ мѣстною администраціей, оно могло бы однимъ откровеннымъ обмѣномъ своихъ мыслей подготовить разрѣшеніе значительной части вопросовъ, которые представляютъ важныя затрудненія по крестьянскому дѣлу. Такимъ образомъ дворянство имѣло бы большую возможность выполнить обѣщанія, лично данныя имъ вашему императорскому величеству 11 Августа 1858 года въ г. Твери. Если дворянство принимаетъ смѣлость обратиться прямо къ вашему императорскому величеству, то это оно дѣлаетъ вслѣдствіе знаменательныхъ словъ, сказанныхъ вами, всемилоствѣйшій государь, Псковскому дворянству. Тверское губернское собраніе съ полною надеждою ожидаетъ всемилоствѣйшаго разрѣшенія вашего императорскаго величества на всеподданѣйшее свое прошеніе. Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣемъ счастье именоваться

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданными.

За тѣмъ по предложенію Унковскаго онъ со всѣми предводителями дѣлали оффиціальныя визиты губернатору графу Баранову, съ цѣлью засвидѣтельствовать отъ дворянства уваженіе къ личности графа Баранова, которую никакъ не смѣшиваютъ съ его оффиціальнымъ положеніемъ. Надо вамъ сказать, что дѣйствительно графъ Барановъ человекъ истинно благородный, желающій добра и сочувствующій всему хорошему, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ явнымъ доказательствомъ, что при настоящей обстановкѣ администраціи, человекъ съ самыми лучшими намѣреніями, и со всѣмъ желаніемъ дѣлать добро, можетъ сдѣлать хорошаго очень мало и не имѣетъ почти никакихъ средствъ бороться съ злоупотребленіями, такъ ловко устроенъ весь государственный механизмъ къ покрытію злоупотребленій и мошенничествъ. 19 Декабря, губернаторомъ сдѣлано отношеніе, на имя исправляющаго должность губернскаго предводителя, за No. 8,516, при которомъ препровождена копія съ предложенія г. министра внут. дѣлъ, г. начальнику Тверской губерніи, отъ 18 Декабря за No. 245, слѣдующаго содержания : "Государь императоръ, получивъ всеподданѣйшее прошеніе за подписаніемъ Тверскаго губ. предводителя дворянства, коллежскаго ассессора Унковскаго и 154 дворянъ Тверской губерніи о дозволении губернскому собранію Тверскаго дворянства имѣть сужденіе о своихъ нуждахъ и пользахъ, не стѣняясь соприкосновенностію ихъ съ крестьянскимъ вопросомъ, изволилъ найти, что высочайшимъ его величества повелѣніемъ, объявленнымъ мною вашему сіятельству 9 Ноября сего года, воспрещено

дворянству на его собраніяхъ по случаю выборовъ входить въ какия либо сужденія по предмѣтамъ, до крестьянскаго вопроса касающимся. Имѣя въ виду, что Тверской губ. предводитель и означенные выше дворяне не должны были ходатайствовать объ отъѣнѣ высочайшей воли, такъ положительно выраженной, его императорское величество соизволилъ повелѣть: всеподданнѣйшее прошеніе ихъ оставить безъ послѣдствій. Въстѣ съ тѣмъ государю императору благоугодно высочайше повелѣть: Тверскаго губ. пред. дворянства, коллежскаго ассессора Унковскаго, допустившаго составленіе положенія дворянства о подачѣ такого прошенія и даже перваго подписавшаго это прошеніе немедленно *удалить отъ должности* губ. предводителя. Сверхъ того, его величество, имѣя въ виду, что на основаніи 116 ст. Устава о службѣ по выборамъ (Св. Зак. т. III, изд. 1857 г.) для производства выборовъ и прочихъ дѣлъ въ обыкновенныхъ губернскихъ собраніяхъ дворянства назначается до 15 дней, соизволилъ повелѣть настоящему собранію Тверскаго дворянства непремѣнно кончать возложенныя на него занятія въ срокъ со дня его открытія, не протсая онаго. О таковой монаршей волѣ сообщая вашему сіятельству, для объявленія Тверскому дворянству, честь имѣю присовокупить, что объ удаленіи коллежскаго ассессора Унковскаго отъ должности Тверскаго губ. пред. дворянства сего числа объявлено уже въ высочайшемъ приказѣ по министерству внут. дѣлъ.”

[Подписалъ] Ланской.

Замѣтите до какой степени наглъ и налѣпъ отвѣтъ. Они даже не постарались какъ пибудь прикрыть беззаконность своихъ дѣйствій. Унковскій отрѣшенъ отъ должности за то, что дозволилъ составленіе прошенія государю; тогда какъ по существующимъ законамъ онъ не могъ не допустить составленіе этого прошенія, хотя бы и не раздѣлялъ мнѣнія большинства дворянства, и недопущеніе составленія прошенія въ собраніи было бы преступленіемъ со стороны губ. предводителя. Далѣе ему вѣнено въ вину то, что онъ *первымъ* подписался, тогда какъ по существующимъ узаконеннымъ формамъ онъ *обязанъ* былъ первый подписаться на прошеніи дворянства къ государю. И такъ Унковскій отрѣшенъ отъ должности за то, что дѣйствовалъ согласно съ закономъ. Конечно дворянство было глубоко оскорблено подобнымъ отвѣтомъ, который ясно доказалъ, что нѣтъ никакой надежды ждать отъ правительства какого нибудь разумнаго рѣшенія вопроса; потому что если безъ всякой разумной причины, по одному капризу государя или даже его министровъ, могутъ быть уничтожены основные права высшаго сословія въ государствѣ, и если правительство позволяетъ себѣ преслѣдовать людей, за точное исполненіе законовъ имъ самимъ изданныхъ, то не ясно ли, что это правительство не представляетъ никакихъ залоговъ къ прочности, и идя прямою дорогою къ падеденію, влечетъ за собой всѣхъ держащихъ его сторону и расчитывающихъ на его поддержку.

Большинство дворянъ, видя основные свои права нарушенными и притомъ, что личность представителей его ничѣмъ не ограждена отъ произвола бюрократовъ, рѣшилось не избирать болѣе своихъ представителей, для того чтобы не приносить ихъ въ жертву преслѣдованіямъ бюрократіи. Такое рѣшеніе представляло еще ту выгоду, что такимъ образомъ дворянство протествовало не только противъ настоящихъ, но и противъ

будущихъ дѣйствій правительства, и отстранило отъ себя всякую отвѣтственность во всѣхъ неминуемыхъ ошибкахъ правительства при предстоящей реформѣ; и тѣмъ самымъ не только спасаетъ свои головы, но и можетъ дѣйствовать совершенно свободно, смотря по обстоятельствамъ. Притомъ дворянство не желало потерять своего значенія, какъ главнаго консервативнаго элемента въ государствѣ, и потому рѣшило въ точности исполнить волю государя, какъ неограниченнаго монарха, и произвести выборы. Такимъ образомъ поддерживая принципъ законности, дворянство показывало государю, что оно сознавая свою правоту, не только не желаетъ противиться принципу неограниченной монархіи, но поддерживая законность, и исполняя притомъ волю государя, которая по принципу неограниченной монархіи, никакъ не можетъ противорѣчить утвержденнымъ имъ самимъ законамъ, притомъ противодѣйствуя стремленіямъ анархической бюрократіи,—дворянство тѣмъ самымъ поддерживаетъ единство неограниченной монархіи и династіи, то есть дворянство показываетъ государю, что оно ясно понимая свою выгоду, всегда готово опираясь на народъ служить твердою опорой престолу, и даже чувствуетъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы имѣя въ главѣ своей государя, противодѣйствовать всякимъ анархическимъ стремленіямъ. А что дворянство, сознавши истинные свои интересы, можетъ скорѣе бюрократіи найти сочувствіе и поддержку въ народѣ, ясно изъ того, что дворяне ближе всѣхъ къ народу, и можетъ быть народъ не такъ ненавидитъ дворянство какъ нѣкоторые думаютъ.

20 Декабря по открытіи собранія прочтено было дворянству рѣшеніе государя. По прочтеніи этого рѣшенія никто изъ дворянъ не сказалъ ни слова. Тверской уѣздный предводитель, по порядку замѣстившій отставленнаго губ. предводителя, объявилъ, что въ исполненіе высочайшей воли, въ слѣдующее собраніе дворянство должно приступить къ выборамъ, и за тѣмъ засѣданіе кончилось. Партія противная большинству надѣялась, что члены либеральной партіи станутъ высказывать протесты противъ воли государя, и думали обвинить либеральную партію въ бунтъ; этого также очень желали и надѣялись гг. Петербургскіе бюрократы, уже разглашавшіе по всему городу, что дворянство Тверской губерніи бунтуетъ, и выставившіе Тверскихъ дворянъ государю, какъ революціонеровъ.

Люди больше чиновные и растроившіе на службѣ разсудокъ, вѣрнѣе въ мистицизмъ и кабалистику, сильно повѣрили распространяемымъ бюрократами слухамъ, на томъ основаніи, что просьба Тверскихъ дворянъ послана была государю 14 Декабря, число по ихъ кабалистическимъ выкладкамъ, роковое. Но къ крайнему разочарованію Петербургскихъ бюрократовъ и Тверскихъ ретроградовъ большинство Тверскаго дворянства не вышло изъ законности.

21 происходили выборы уѣздные и въ 8 уѣздахъ не было выбрано ни предводителей, ни депутатовъ, т. е. большая часть изъ паличныхъ дворянъ отказывались отъ службы по выборамъ, желающихъ же балотироваться, или не представившихъ узаконенныхъ отзывовъ, забалотировывали. Но въ четырехъ уѣздахъ, Кашинскомъ, Бѣжецкомъ, Калязинскомъ и Зубцовскомъ, въ которыхъ либеральная партія была въ меньшинствѣ выбрали предводителей. Думаю что не надо вамъ описывать личности выбранныхъ въ должности; вы легко поймете, что человекъ позволившій себѣ, при настоя-

шихъ обстоятельствахъ, принять обязанность представителя дворянства, уже самъ произнесъ свой приговоръ. Въ губернскіе предводители балотировали только двоихъ, и конечно забалотировали. Всѣ остальные, которымъ предлагали, отказались. Дворянство признательное А. М. Унковскому за его полезную дѣятельность, пожелало учредить 12 стипендій въ Московскомъ университетѣ, подъ названіемъ стипендій А. М. Унковскаго, съ предоставленіемъ ему права назначенія лицъ на эти вакансіи.

22 числа, всѣ дворяне составляющіе либеральную партію, ѣздили къ Унковскому, благодарить его за его полезную дѣятельность, къ губернатору просить его объяснить правительству, что дворянство не находило своихъ дѣйствій незаконными; но если правительство находить дѣйствія Унковскаго не правильными, то вина Унковскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вина всего дворянства.

Министръ в. д. сообщилъ губернатору отъ 16 Декабря: "Что его императорское величество съ удовольствіемъ изволилъ прочесть постановленіе гг. дворянъ Тверскаго и Калязинскаго уѣздовъ, которые желая въ точности исполнить высочайшую волю и увѣренные въ заботливости его величества о справедливомъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, устранили себя отъ балотированія сдѣланнаго по сему вопросу предложенія и требовали предложенія занятій губернскаго собранія по предметамъ прямо губернскаго сѣзда касающимся".

Р. С. Вамъ хотѣлось знать имена членовъ Тверскаго комитета, которые желали сохраненія крѣпостнаго права вотъ они: Вережкинъ, Милуковъ, и Раковскій. Послѣдній представилъ прозекъ отличающійся нелѣпостью. Г. Раковскій теперь выбранъ уѣзднымъ предводителемъ Калязинскаго уѣзда. Въ Калязинскомъ уѣздѣ много людей подобныхъ ему.

Выбранный въ Зубцовскомъ уѣздѣ на второе трехлѣтіе предводитель Клокачевъ, исправляетъ теперь должность губ. предводителя и пишетъ доносы на Унковскаго и всѣхъ дворянъ либеральной партіи.

КОММИССАРИАТЪ ВЪ РОССІИ.

Александръ II, сдѣлавъ во время коронаціи Сухозапета своимъ военнымъ министромъ, вскорѣ переименовалъ бывшаго въ то время генераль-аудитора тайнаго совѣтника Яковсона въ генераль-кригсъ-коммиссары, имѣя въ виду назначеніе г. Яковсона по коммиссаріатской части, и дѣйствительно г. Яковсонъ одинъ изъ дѣльныхъ государственныхъ чиновниковъ. Первый поступокъ г. Яковсона съ вице-директоромъ коммиссаріатскаго департамента, генераль-маіоромъ Глушковымъ подѣйствовалъ на недоброжелательство къ нему военнаго министра и на приобрѣтеніе многихъ враговъ между высшимъ чиновничествомъ коммиссаріата; нѣкоторыя коммиссаріатскія коммиссіи представили коммиссаріатскому департаменту результаты по продажѣ ими негодныхъ вещей, перевезенныхъ изъ различныхъ коммиссаріатскихъ складовъ, въ мѣста нахождения самихъ коммиссій и проданныхъ тамъ съ аукціоннаго торга, по коимъ оказалось, что стоимость перевозки вещей изъ складовъ въ коммиссіи превышала сумму вырученную по продажѣ этихъ вещей. Г. Яковсонъ видя въ такомъ распоря-

женіи явный убытокъ казнѣ, написалъ на одномъ изъ донесеній слѣдующую резолюцію: "по какому умному заключенію; сдѣлано такое нелѣпое распоряженіе"—бумага съ этою вопросительною резолюціею, была представлена г. Глушкову, который написалъ на ней: "это распоряженіе сдѣлано по приказанію бывшаго г. ген. криг. ком. свиты его величества Г. М. Назимова, и потому довольно не благовидно называть его нелѣпымъ" отослалъ ее обратно къ г. Яковсону, который прочитавъ отзѣтъ на свою вопросительную резолюцію, попросилъ къ себѣ написавшаго ее.—"Это вы написали?" спросилъ г. Яковсонъ. "Я" отвѣчалъ генераль Глушковъ, "а вамъ если она не нравится, такъ покажите ее г. военному министру." "Да," возразилъ г. Яковсонъ, "я покажу, но прежде, я взыщу съ васъ, какъ начальникъ. Вонъ отсюда," закричалъ господинъ Яковсонъ, и вице-директоръ вышелъ изъ присутствія.

Послѣдствіемъ этого раздора двухъ начальниковъ коммиссаріата было, что дѣйствія къ улучшенію коммиссаріата остановились; г. Яковсонъ требовалъ настоятельно удаленія г. Глушкова или просилъ отставить его отъ должности генераль кригсъ-коммиссара. Послѣ долгихъ распръ исполнилось желаніе г. Яковсона, его вице-директоръ былъ переведенъ членомъ общаго присутствія департамента военныхъ поселеній. Военному министру не нравился поступокъ г. Яковсона, а Глушковъ своими родственниками, приближенными къ Сухозапету, растравлялъ еще больше недоброжелательство его къ Яковсону; началась явная война между министромъ и его г. кригсъ-коммиссаромъ; всякое предложеніе перваго отвергалось послѣднимъ. Желаніе министра удалить отъ службы всѣхъ прослужившихъ 25 лѣтъ съ выдачею имъ пенсіи по разрядамъ, было осмѣяно Яковсономъ, который представилъ къ удаленію всѣхъ членовъ общаго присутствія и въ главѣ самаго себя, присовокуивъ, что хотя есть и другія лица въ коммиссаріатѣ выслужившія опредѣленный срокъ, но они необходимы и пенсіею по разрядамъ существовать не могутъ.

Г. Яковсонъ долженъ былъ удалиться отъ коммиссаріата, не сдѣлавъ ничего полезнаго и вмѣсто его былъ назначенъ Глушковъ.

Глушковъ принялся раскрывать злоупотребленія по всѣмъ коммиссаріатскимъ коммиссіямъ; это было для него довольно легко, потому что онъ прошелъ всѣ степени коммиссаріатскаго чиновника и особенно изучилъ эту часть, съ цѣлью доказать, что Яковсонъ хотѣлъ скрыть злоупотребленія. Во всѣ коммиссіи рассылаются особыя коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіоровъ, для разсортирования вещей въ нихъ находящихся и онѣ называются: "Сортировочная коммиссія такой то коммиссаріатской коммиссіи." Глушковъ хорошо зналъ, что ни въ одной коммиссіи не имѣются вещи, значущія по книгамъ; онъ хорошо также зналъ, что вещи въ коммиссіяхъ далеко не слѣдуютъ съ утвержденными образцами, какъ это слѣдовало бы по законамъ и дѣйствія его были бы похвальны, еслибы онъ до того времени не служилъ въ коммиссаріатѣ и не участвовалъ бы прежде самъ во всѣхъ злоупотребленіяхъ; но во всякомъ случаѣ, хотя Глушковъ дѣйствовалъ противъ своего желанія и убѣжденія и лишь въ пику Яковсону, но онъ раскрылъ всевозможныя коммиссаріатскія злоупотребленія.

Пачалось съ е. петербургской коммиссаріатской коммиссіи, а потому мы ее и разберемъ; управлялъ ею въ то время гене-

* Редакція отъ всей души благодаритъ приславшаго эту превосходную статью.

радь-маіоръ Княжнинъ; члены общаго присутствія комиссіи были: статскій совѣтникъ Кормалѣвъ, полковникъ Мельниковъ, коллежскій совѣтникъ Дмитріевъ, полковникъ Петерсонъ, полковникъ Моршилевъ и полковникъ Лихаревъ (послѣдніе два безгласные).

Каждый изъ членовъ общаго присутствія имѣлъ подъ своимъ вѣденіемъ сорты, то есть магазины съ вещами; такъ напр. статскій совѣтникъ Кормалѣвъ имѣлъ холщевый, обвѣочный и мѣдный сорты; другіе члены завѣдывали другими сортами. При завозѣ вещей на комиссаріатскій дворъ, купецъ взявшій подрядъ на ихъ поставку, сдаетъ ихъ смотрителю сорта въ присутствіи смотрителя всѣхъ магазиновъ и члена подъ вѣденіемъ коего находится сортъ; эти лица отвѣчаютъ за доброту качества вещей и должны наблюдать, чтобы вещи были сходны съ имѣющимися высочайше утвержденными образцами; но не такъ поступаютъ комиссіи; чиновники, принимающіе вещи смотрятъ не на вещь, а на прилагательное къ вещи, а потому при приѣмѣ вещей находится лишь смотритель магазина, который требуетъ для приѣма вещей 15% со стоимости по контракту самыхъ вещей, и горе тому купцу, который при торгахъ не вѣдалъ обычай комиссаріатскіе—онъ навѣрно разоренъ, потому что для членовъ, принимающихъ вещи, рѣшительно все равно хорошія ли онѣ вещи ставить или дурныя; проценты должны быть заплачены, иначе и хорошая вещь дѣлается дурною. Отъ этого у солдатъ казенныя рубашки (надѣваемые только на смотражъ) изъ гнилаго холста, сапоги рвутся какъ бумага, сукно, мѣдныя вещи, ремни, все дрянно.

И такъ смотритель сорта получивъ 15^{ти} процентную порцію откладываетъ въ свою собственность 3^{хъ} процентную порцію и пишетъ квитанцію о приѣмѣ вещей отъ такого-то купца, совершенно сходныхъ съ высочайше утвержденными образцами; квитанцію эту долженъ подписать смотритель всѣхъ магазиновъ, а потому она подносится къ нему со вложеніемъ трехъ-процентной порціи, сей послѣдній, рассчитавъ сколько ему слѣдуетъ и провѣривъ наличныя деньги, при всѣхъ, присовокупляетъ ихъ къ своему толстому бумажнику, наполненному многими трехъ-процентными порціями, и наконецъ подписываетъ квитанцію; далѣе курсъ возвышается, въ квитанцію вкладывается четырехъ-процентная порція и подносится члену завѣдывающему сортомъ; тотъ совершивъ описанную нами операцію, также не видя вещей подписываетъ квитанцію, далѣе она идетъ къ самому управляющему съ пяти-процентною порціею, онъ не подписываетъ квитанцію, а ему лишь показываютъ выданную квитанцію о приѣмѣ такихъ-то вещей, должно быть, это дѣлается для свѣденія, по при этомъ свѣденіи онъ прячетъ, вложенныя въ свѣденіе деньги.

Таковъ приѣмъ вещей въ комиссаріатѣ; очень ясно, что вещи ставятся самыя дурныя и что хорошихъ вещей вовсе нѣтъ; тутъ какъ разъ нагрнула комиссія, обязанная рассортировать вещи и раскрыть злоупотребленія; комиссія эта была подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Дубенскаго, и состояла изъ членовъ: полковника Герсдорфа и маіора Коченовскаго.

Г. Коченовскій былъ дѣятельный сотрудникъ Дубенскаго, онъ мѣтилъ въ управляющіе С. Петербургской комиссіи и дѣйствительно по истеченіи не долгаго времени, былъ произведенъ за раскрытія многихъ злоупотребленій въ подполковники и наконецъ по представленію г. Дубенскаго въ

полковники и въ управляющіе с. петербургской комиссіи. По тутъ перемѣнилась декорация, онъ отстраняетъ Дубенскаго отъ всего и начинаетъ привнимать комиссію отъ генерала Княжнина, притѣняетъ его на каждомъ шагу, требуетъ хорошихъ вещей и наконецъ соглашается съ нимъ принять комиссію и выдать ему законную квитанцію, если онъ за недостающія вещи въ магазинахъ комиссіи и на поправленіе недоброкачественныхъ дастъ ему 100,000 руб. Начинается торгъ и кончается 76,000 руб., которые г. М. Княжнинъ выдаетъ г. Коченовскому, сей послѣдній выдаетъ ему квитанцію.

Подобная придача денегъ дозволена по закону, а потому она не должна считаться противузаконною; комиссія на основаніи 10 тома Свод. Воев. Посг. (статью мы не припомнимъ) сдается на томъ же основаніи какъ и полки, причемъ за недостающія вещи, сдающій приплачиваетъ принимающему по стоимости ихъ по штату.

Полученныя деньги г. Коченовскій кладетъ въ казначейство комиссіи въ особенный ящикъ, и о полученіи ихъ дѣлается извѣстнымъ и генералъ кригсъ-комиссару и г. военному министру; это не нравится генералу Дубенскому, онъ имѣлъ съ давнихъ временъ что то противъ Княжнина, хотѣлъ его уничтожить, сдѣлалъ приверженца своего управляющимъ и думалъ тутъ-то я тебѣ задамъ, но не тутъ-то было, какъ только Коченовскій сдѣланъ управляющимъ, онъ перестаетъ быть приверженцемъ Дубенскаго. Военный министр, привыкшій къ деспотизму даетъ ему право дѣлать съ комиссіею что онъ хочетъ, онъ мѣняетъ чиновниковъ, по его желанію, онъ расходуетъ денегъ сколько ему угодно, онъ царь въ петербургской комиссіи. Но противъ него начинаетъ по немногу дѣйствовать г. Дубенскій и наконецъ становится его первѣйшимъ врагомъ. Всѣ дѣйствія Коченовскаго онъ находитъ противузаконными и когда Коченовскій отправилъ транспортъ съ сапожнымъ товаромъ въ Динабургскую комиссію, транспортъ этотъ останавливаетъ у заставы Дубенскій, раскрываетъ его и находя, что товаръ не доброкачественный, приказываетъ транспорту возвратиться, накладываетъ свои печати и ставитъ подъ карауломъ на конно-гвардейскій дворъ, донося въ то же время военному министру.

Комиссія назначенная отъ Сухозанета рассматриваетъ транспортъ, находитъ сапожный товаръ дѣйствительно недоброкачественнымъ; назначается слѣдствіе производимое Дѣл. Стат. Совѣт. Крыловымъ; всѣ дѣйствія Коченовскаго находятъ незаконными, деньги полученныя имъ отъ Княжнина считаютъ за полученную взятку, онѣ на основаніи какихъ-то постановленій должны быть записаны по книгамъ комиссіи па приходъ, короче сказать Коченовскаго отдаютъ подъ военный судъ и конечно отстраняютъ отъ должности, и что же дѣлается съ Коченовскимъ? Умная военно-судная комиссія опредѣляетъ: за различныя злоупотребленія, за укрывательство казенныхъ, денегъ, за самовластные дѣйствія, превышающія власть управляющихъ комиссіи, лишить полковника Коченовскаго чиновъ и дворянства, разжаловать его въ солдаты и сослать въ Оренбургскіе линейные баталіоны.

За то, что Коченовскій отправилъ въ Динабургскую комиссію недоброкачественный товаръ, надобно было отдать подъ судъ не его, а смотрителя сапожнаго сорта, смотрителя мундирныхъ магазиновъ и члена комиссіи завѣдывающаго сортами, они не должны имѣть въ сорту не-хорошій товаръ и обязаны отправлять хорошаго качества вещи; а если нельзя

было отпралять имѣющіяся въ сорту, какъ еще заготовленные прежде, то исправить ихъ на деньги полученные отъ генерала Княжнина, купить наконецъ новыя; но всѣ эти гг. увѣривъ г. Коченовскаго, что товаръ отправляется отличный, остались безъ всякаго наказанія, а Коченовскаго разжаловали въ солдаты.

Или можетъ быть за то г. Коченовскаго слѣдуетъ сослать въ Оренбургскіе линейные баталіоны, что онъ утаилъ казенныя деньги, полученные имъ отъ г. Княжнина; какія же это казенныя? Это ремонтныя деньги, а всякія ремонтныя деньги составляютъ собственность командировъ, которыми они распоряжаются какъ имъ угодно, не давая о нихъ никакого отчета; притомъ о полученіи этихъ денегъ было всѣмъ и г. Сухозавету, очень хорошо извѣстно, что же онъ не приказалъ ихъ записать на приходъ, но объ этомъ всего лучше знаетъ г. Глушковъ, почему деньги 76,000 не были записаны на приходъ?

Впрочемъ, можетъ статься, слѣдуетъ г. Коченовскаго лишить чиновъ и дворянства за самовластные дѣйствія, превышающія власть управляющихъ комиссіи? А кто ему далъ эту власть? Не министръ ли формально предписалъ ему дѣйствовать во всемъ по его благоусмотрѣнію, чинами комиссаріатскими распоряжаться, какъ ему угодно, увольнять ихъ, оставлять ихъ за штатомъ, вновь опредѣлять и проч. и проч. и проч.—значитъ министръ не имѣлъ права дать ему подобнаго предписанія, онъ превышалъ власть, а потому не г. Коченовскій, а самъ военный министръ подлежитъ суду.

(Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.)

С М Ъ С Ъ.

ДВОРЯНЪ СЪКУТЬ!

Vive l'égalité!

Во время послѣдней войны почувствовали необходимость въ стрѣлковыхъ баталіонахъ, и по заключеніи мира ихъ было сформировано значительное количество.

Попастъ-офицеромъ въ стрѣлковый баталіонъ, считалось за особое отличіе, а командирами назначались, по выбору, *лучшіе штабъ-офицеры*.

Командиромъ стрѣлковаго баталіона N. 1 былъ назначенъ полковникъ Фроловъ. Баталіонъ былъ расположенъ въ одной изъ ближайшихъ къ С. Петербургу губерній.

Баталіонный командиръ, будучи хорошимъ хозяиномъ нарядилъ всѣхъ нижнихъ чиновъ въ огороды, на земляныя работы. Въ числѣ рядовыхъ оказались семь дворянъ, которые почли для себя унижительнымъ копать гряды по прихоти командира, въ мирное время.

Полковникъ Фроловъ собралъ всѣхъ нижнихъ чиновъ баталіона, приказалъ привести возъ розогъ, приобрѣтенныхъ хозяйственно и спросилъ означенныхъ дворянъ: готовы ли они идти на земляную работу? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ отодрать передъ фронтомъ всѣхъ семерыхъ дворянъ, не смотря на ихъ громкіе протесты и ссылки на законъ,—для назиданія рядовыхъ изъ прочихъ сословій.

Возвративъ такимъ образомъ *порядокъ*, съ быстротою и распорядительностію примѣрнаго штабъ-офицера, Фроловъ почувствовалъ однако, что онъ, въ военно хозяйственномъ усердіи своемъ, слишкомъ отважно перешагнулъ черезъ черту закона и, поразмысливъ, почелъ за лучшее предупредить

всякія жалобы, и донесъ тотчасъ высшему начальству о сдѣланномъ имъ *распоряженіи*, объясняя его требованіями дисциплины и подвергая участь свою на милостивое усмотрѣніе начальства.

Рапортъ его былъ переданъ въ оберъ-аудиторскую часть инспекторскаго департамента военного министерства.

Дежурный генералъ, свиты его величества генералъ-маіоръ, нынѣ генералъ-адютантъ, Герстенцвейгъ потребовалъ къ себѣ оберъ-аудитора и поручилъ ему составить по этому дѣлу всеподданнѣйшій докладъ, давъ ему *надлежащее* направленіе. При этомъ его превосходительству угодно было съ похвалою отозваться о предшествовавшей службѣ и личныхъ качествахъ Фролова.

Оберъ-аудиторъ, къ сожаленію, обратился прямо къ закону, и, по ясности и несложности дѣла, представилъ государю о преданіи пол. Фролова суду за превышеніе власти.

Г. Герстенцвейгъ объявилъ при чтеніи, что докладъ написанъ *совершенно не такъ*, за тѣмъ,—по его указанію былъ составленъ докладъ съ *надлежащимъ* направленіемъ, въ которомъ выходило, что *хотя запрещено закономъ* подвергать дворянъ тѣлесному наказанію, всѣхъ безразлично, состоящихъ на службѣ и не состоящихъ, и хоти по этому и представляется съ перваго взгляда полковникъ Фроловъ нарушителемъ закона, но что въ настоящемъ случаѣ вельзя не обратить вниманіе на слѣдующія два обстоятельства:

1) Что дворяне, состоящіе воспитанниками военно-учебныхъ заведеній, подвергаются тѣлесному наказанію,

2) Стрѣлковые баталіоны служатъ какъ бы *учебными* баталіонами для арміи, а потому состоящіе въ нихъ родовые изъ дворянъ могутъ быть сравнены *въ правахъ* (!) съ воспитанниками военно-учебныхъ заведеній.

Основываясь на этомъ официальномъ каламбурѣ Герстенцвейгъ испрашивалъ разрѣшенія:

1) Распоряженіе полк. Фролова одобрить, какъ законное.

2) Высѣченныхъ имъ дворянъ разослать *тотчасъ* по разнымъ полкамъ.

3) Самому полковнику Фролову дать, *черезъ нѣкоторое время*, другое *назначеніе*.

Къ сожалѣнію я долженъ сообщить, (за чѣмъ такая *чувствительность*?) что докладъ этотъ былъ представленъ во время управленія военнаго министерства кн. Васильчиковымъ и утвержденъ *именемъ* государя. Все это случилось въ 1858.

— *Палацъ Барановскій*.—Мы ждали цѣлый мѣсяць, чѣмъ кончится дѣло напечатанное въ *Сѣверной Пчелѣ* о помѣщикѣ Барановскомъ, истязавшемъ беременную женщину, которая въ слѣдствіе побоевъ родила въ свиномъ хлѣвѣ, а новорожденный былъ съѣденъ свиньями—и не дождалась еще. До тѣхъ поръ пока дворяне будутъ въ своей средѣ не только терпѣть такихъ злодѣевъ, но отстаивать ихъ, какъ *Орловскіе предводители отстояли* Гутцейта (за исключеніемъ одного Стаховича), насилуовавшаго малолѣтнихъ, до тѣхъ поръ судьба ихъ дѣтей и женъ тоже не очень обезпечена.

¿ *Правда ли*, что Харьковскій губернаторъ Лужинъ при допросѣ студента *Завадскаго*, его ударилъ? И если правда, какія мѣры взиты правительствомъ, студентами или университетскимъ начальствомъ? Теперь то намъ Зиновьевъ покажетъ, что онъ не только умѣетъ губить студентовъ, но и отстаивать!

ТОПЛЬСКИЙ ВЪ НЕУЖНОМЪ МѢСТѢ.

Ну прорвало плотину! вся грязь, мертвые кошки, выброшенные голенищи, арбузные корки — все повнеслось за Цанинымъ... Михайло Ивановичъ, поздравляемъ васъ въ редакціонномъ “мѣстѣ” (коммиссіей ее нельзя больше называть), ха, ха, ха,—признайтесь милый, услужливый, удобоуправляемый Топильскій, вы вѣрно расхохотались, когда прочли ваше назначеніе. Балагуры да и только!

“Прощка, Прощка”—сказалъ бы Суворовъ — “зачѣмъ дуракъ не дожилъ до 1860 года, вотъ ты Прощка сидѣлъ бы теперь въ редакціонномъ мѣстѣ!”

Михайло Ивановичъ, вы соберите новыхъ депутатовъ отъ дворянства—Гутцейта, помѣщицу Свирскую, казака Попова, Яковскаго, нѣмца Вреде, стрѣлка Кочубея и другихъ членовредителей, насилвателей, домо-крадцовъ à la Rapine, сѣкарей и иныхъ плантаторовъ!”

— *Еще объ ретроградномъ Архимандритѣ и не прогрессивномъ Озеровѣ посланникѣ Аѣнскомъ.*—Какой-то господинъ, (вѣроятно сумашедшій, судя по ругательствамъ обращеннымъ къ намъ) въ письмѣ полученномъ на дняхъ, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы, не помѣстивши въ *Колоколь* вопроса, объ античныхъ вкусахъ русскаго архимандрита въ Аѣнахъ (*хотя вопросъ и былъ помѣщенъ въ 63 листѣ*), и сверхъ того въ томъ, что какой-то будто бы шпионъ, писалъ (*кому?*) о полученіи нами письма, вслѣдствіе чего Озеровъ началъ гоненіе противъ діакона. На бравъ мы смотримъ съ всесовершеннѣйшимъ презрѣніемъ, замѣтимъ только наивному корреспонденту, что неужели, требуя *четыре раза напечатанія въ Колоколь* длинныхъ реляцій объ шалунѣ архимандритѣ, онъ хотѣлъ хранить дѣло въ тайнѣ?

Но не объ немъ дѣло. Мы помѣщаемъ эти строки съ иною цѣлью, и обращаемся прямо съ вопросомъ, къ человѣку извѣстному намъ, за одного изъ благороднѣйшихъ государственныхъ людей въ Россіи, къ князю Горчакову: предписывалъ онъ или нѣтъ посланникамъ, покровительствовать, изъ свѣтско-дипломатическихъ или церковно-православныхъ интересовъ, *ретроградныя нѣжности пастырей и архипастырей*, и неужели онъ думаетъ, что православіе много выиграетъ на пр. въ глазахъ Карпатскихъ и Австрійскихъ раскольниковъ, когда они узнаютъ что императорская мантия, служить заповѣской и прикрытіемъ такихъ *правонеславныхъ грѣшковъ*.

Не мѣшало бы, сверхъ того, на родину Перикла и Алкивиада (тоже не безъ слабости человѣка, но не архимандрита) назначить посла, у котораго было бы побольше аттической соли чѣмъ у Озерова. Его силу можетъ князь Горчаковъ очень легко оцѣнить въ этомъ дѣлѣ. Какой-то діаконъ упомянуть въ письмѣ корреспондента и въ *Колоколь*, хитрый Талейранъ-Невскій, догадался “такъ стало это онъ и писалъ?” т. е. это мы съдуру такъ своего корреспондента и выдали. За чѣмъ же онъ объ насъ судить по себѣ?

А вѣдь дѣло въ томъ, князь, что несчастный діаконъ пожалуй и пострадаетъ отъ похмѣлья въ чужомъ пиру.

Ни къ чему не ведутъ всѣ эти укрывательства, секреты, незаконныя дѣйствія... Да и Синоду стыдно давать свое благословеніе на такія слабости. Пусть они или оправдаютъ архимандрита (мы первые отъ души порадуемся) или пошлютъ его въ *женскій монастырь*, на покой.

— *Эпилогъ Тверскому Комитету.*—Сей часъ получили мы письмо, что УНКОВСКІЙ и ЕВРОПЕУСЪ сосланы, одинъ въ Вятку, другой въ Пермь.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Мы получили два письма по поводу помѣшеннаго нами (1 Января) возраженія г. *Анастасьева*; благодаримъ за участіе къ намъ и къ дѣлу безценсурной гласности, но просимъ позволенія, писемъ не помѣщать.

Г. Анастасьевъ, имѣлъ полное право вступить за своего отца; то, что онъ требовалъ чтобъ его имя было напечатано, дѣлаетъ ему величайшую честь. Еслибъ онъ не скрѣпилъ своего письма кой какими *крѣпкими* замѣчаніями, можетъ было бы лучше. Но Русскіе слышкомъ привыкли говорить на ценсурныхъ помочахъ, чтобъ имѣть *тактъ предъловъ*.

Большое несчастіе что мы не можемъ повѣрять всѣхъ фактовъ помѣщаемыхъ нами, во развѣ это можетъ какой нибудь журналъ? Конечно наше положеніе затруднительнѣе чѣмъ всякаго англійскаго журнала. Въ свободной странѣ издатель указываетъ на источникъ, у насъ источникъ *долженъ быть* скрытъ. Еслибъ въ Россіи была судебная отвѣтственность, это было бы дѣло другое; но опасность, которой бы подвергся корреспондентъ, написавшій безъ умысла ложную новость; невѣрно повторившій слухъ, такъ громадна и не соразмѣрна, что объ этомъ и думать нельзя. При всей нашей осторожности, мы поневолѣ компрометировали какого то русскаго діакона въ Аѣнахъ, который вѣроятно не имѣлъ понятія о томъ, что въ Лондонѣ есть русская типографія, и котораго русскій посланникъ Озеровъ заподозрилъ *въ неуваженіи* къ содоміи и въ корреспонденціи съ *Колоколомъ*.

Намъ остается дѣлать то, что мы дѣлаемъ—добросовѣстно открывать наши столбцы—для всякой дѣльной поправки Разумѣется, когда намъ пишутъ, *какъ на дняхъ*, въ защиту какого-нибудь генерала, о побѣдахъ котораго мы ничего не слышали, а о взяткахъ очень много, что и “Массена и Сультъ” были грабителями, то мы не считаемъ себя обязанными повторять такія шутки.

Ложныхъ новостей у насъ было очень не много, и часть ихъ взята изъ другихъ журналовъ. Мы не можемъ жаловаться на нашихъ корреспондентовъ. Что мы получали нѣсколько разъ ругательныя письма, *опровергавшія бранью* факты, высказанные нами, это служило только подтвержденіемъ ихъ истины.

Въ заключеніе возвращаемся на нашъ старый припѣвъ, повторяемый нами двадцать разъ. Мы просимъ, мы умоляемъ—не ради насъ, а ради дѣла, которое мы представляемъ—сообщать намъ только достовѣрно извѣстные факты, въ противномъ случаѣ по крайней мѣрѣ отмѣчать, что это слухъ.

ПОПРАВКА. Въ одномъ изъ прошлыхъ листовъ *Колокола* было сказано, что Майковъ (пр. московскаго университета), былъ въ комитетѣ объ освобожденіи крестьянъ, защитникомъ крѣпостнаго состоянія; намъ пишутъ что это совершенно ложно, и что г. Майковъ въ владимірскомъ комитетѣ, постоянно былъ со стороны крестьянъ. Мы спѣшимъ довести это до свѣдѣнія нашихъ читателей, съ тѣмъ вмѣстѣ мы не можемъ не попросить еще разъ нашихъ корреспондентовъ быть поосторожнѣе.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
5, Thornhill Place, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил. 6 п. съ пятымъ листомъ
—ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 67.

1 АПРѢЛЯ 1860.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard street),
Soho, London.—Price 1 SHIL. 6 PENCE
with Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Россия и Польша—Коммисіи о крестьянскомъ дѣлѣ. Смѣсь: Письмо о дѣлѣ Яковлева—Навѣгъ Татаръ
въ Тамбовской губерніи—Гоненія—Качановскій—Дуэль въ Иркутскѣ, (секундантъ Молчановъ).

РОССІЯ И ПОЛЬША

ВТОРОЕ ПИСЬМО КЪ АВТОРУ СТАТЕЙ * :

POSTĘPOWA MYŚL ROSSYJSKA W OBEC ZADAŃ POLSKICH.

“Если Польша хочетъ другаго рѣшенія,
да будетъ на то воля ея, но пусть она
короче узнаетъ Русь...”

КОЛОКОЛЬ 1 Марта, 1859.

Милостивый Государь,

Матеріалъ собранный Петровской эпохой огроменъ. Средства, которыми Петербургъ ихъ накопилъ и берегъ, не имѣютъ прямого вліянія на ихъ будущее употребленіе. Имѣнія, данныя Екатериной II Орлову Чесменскому за убійство Петра III, были отданы его дочерью монахамъ и монастырямъ.

Общую атмосферу, обстановку, въ которой мы развиваемся, вы превосходно характеризовали; вотъ ваши слова:

“Въ сущности Русскій не виноватъ что отъ пеленокъ привыкнувъ къ чрезвычайнымъ и обширнымъ размѣрамъ и цѣлямъ, онъ и въ мечтахъ своихъ невольно стремится за наружнымъ величіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, все вокругъ его гигантское—пространство, народонаселеніе, однообразіе даже въ языкѣ, неслыханный деспотизмъ и скрытое его безсиліе, жестокое невольничество и страшное упрямство, варварскій мракъ и дикая дерзость замысловъ, притязаній и надеждъ! Оттого вся мысль его обращена къ обширнымъ видамъ, къ наружной колоссальности, и онъ невольно въ полетахъ думы своей теряется въ этой колоссальности. Такъ на примѣръ его будущая Россія, должна быть демократической и соціальной, если же федеративной—то въ такихъ размѣрахъ, которыхъ свѣтъ не видалъ и передъ которыми онъ бы содрогнулся отъ страха. Воспитанный въ виду гигантскаго міра, при свѣжихъ силахъ соображенія, съ умомъ еще не возмужалымъ, онъ развиваетъ всякую мысль въ громадные размѣры, не предчувствуя другаго *внутренняго величія*. Это младенческій восторгъ, а не мужская обдуманность.”

Согласитесь, что родиться съ такимъ небосклономъ дѣло не шуточное; я не знаю что вы разумѣете подъ словомъ “внут-

* Напечатанныхъ въ Декабрской книжкѣ за 1859 и Январской за 1860: “Przegląd Rzeczy Polskich.”

Голь IV.

реннее величіе,” но замѣчу вамъ, что желаніе чтобъ “будущая Россія была демократической и соціальной” можетъ и подтверждаетъ “дикую дерзость замысловъ, притязаній и надеждъ” но конечно не можетъ быть названо “внѣшнимъ.” Что касается до самой “дерзости замысловъ, и надеждъ”—это своего рода огромная сила, нисколько не похожая на квіетическое себябоготвореніе восточныхъ народовъ, думающихъ что они достигли высшаго состоянія, а напротивъ источникъ движенія впередъ. Тѣ только достигаютъ великаго, которые имѣютъ въ виду еще большее и инстинктивно вѣрятъ въ возможность его. Вы знаете поговорку: man will was man kann, man kann was man will. Смѣлость замысловъ и обширность видовъ идетъ юному возрасту, а вѣдь онъ обыкновенно лежитъ между “младенческимъ восторгомъ и мужеской обдуманностью.”

Сверхъ колоссальнаго горизонта и неустановившейся атмосферы, вы забыли еще одинъ элементъ, дающій огромную свободу мысли, именно нашу привычку, тоже отъ “самыхъ пеленокъ,” вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности; мы не доказываемъ нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons pas valoir; она такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный фактъ, что мы забываемъ ее какъ дыханіе, какъ бѣненіе сердца.

У насъ эта государственная самоувѣренность развита, такъ какъ у Англичанъ и Французовъ, это необычайно помогаетъ въ внутренней работѣ, въ счастья и въ горѣ. Не имѣй Англичанинъ ея, онъ не достигъ бы своихъ свободныхъ учрежденій; не имѣй ея Французъ, онъ сломился бы подъ игомъ рабства.

Но я тороплюсь сказать, что тѣмъ и окончивается сходство. У старыхъ западныхъ народовъ преданіе также живо какъ современность, они владѣютъ маіоратами, данными съ условіемъ сохранной передачи. У нихъ столько же *отечества* въ прошедшемъ какъ въ настоящемъ, у Англичанъ можетъ больше. Совсѣмъ напротивъ мы также *независимы во времени*, какъ въ пространствѣ. У насъ вѣтъ связующихъ воспоминаній, обязывающихъ наслѣдствъ. Мы забыли наше давнопрошедшее и стараемся отпихнуться отъ вчерашняго; наша исторія впереди.

Мы всѣ родились на наносной почвѣ и только объ Петер-

бургской, полуиностранный эпохъ слышали отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Одна сельская Русь, продолжала—не Московскую исторію, а старую бытовую, общинную жизнь. До Московскаго управленія ей дѣла не было, она же еще до Петра распалась съ нимъ расколами. Связь съ Москвой, была исключительно основана на томъ чувствѣ государственнаго единства и независимости, о которомъ мы сказали. Эта связь отдѣльных частей съ земскою цѣлостью, осталась и въ петербургскую эпоху—1812 соотвѣтствуетъ 1612 году.

Московская Русь, казненная въ видѣ стрѣльцовъ, занергая въ монастырь съ Евдокіей, задушенная въ видѣ царевича Алексѣя, исключилась безслѣдно, и натянутый, старческой ропотъ кн. Щербатова (который мы передали гласности) замолкъ безъ всякаго отзыва.

Имѣй Москва такое живое, соотвѣтствующее духу народному значеніе какъ Рѣчь Посполитая—Польскому народу, неужели бы Петръ I—бритвой, топоромъ и переѣздомъ въ финское болото—снялъ ее какъ мозоль.

Какъ ни билась Кромвель и Конвентъ—но прошедшаго вросшаго въ сердце, кровно связаннаго съ настоящимъ, не одолѣли.

Новгородъ, Псковъ—надобно было подавить, сослать на поселеніе, испугать кровью и пожаромъ, чтобъ довести до народнаго забвенія. Въ Украинѣ—ни Польская шляхта, ни Петръ I, ни Екатерина II не зашибли памяти. А московскій періодъ разсѣялся какъ тѣнь и тихо перешелъ въ какое-то книжное воспоминаніе, и то не у народа, а у ученыхъ и духовенства.

Изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что народъ сочувствовалъ петровской реформѣ или принялъ ее потомъ; онъ въ ней видѣлъ какое-то чужое насиліе, правительство въ немъ видѣло государственную барщину. Петровская Русь съ самаго начала является съ своимъ дуализмомъ. Это двѣ Россіи, изъ которыхъ одна не народъ, а только правительство; а другая народъ, невытолкнутый внѣ закона и отданный въ работу. Государство оканчивалось на канцеляриствѣ, прапорщикѣ и недорослѣ изъ дворянъ; по другую сторону были уже не люди, а матеріалъ, ревизскія души, продажныя, купленные, всемилолюбивѣе пожалованныя, приписанныя къ фабрикамъ, экономическія, податныя—но не признанныя человѣческими.

И эта *табеля о рангахъ*, опираясь на несчастныя жертвы рекрутскихъ наборовъ, осужденныя на двадцатипятилѣтній голодъ и палки, и наполняя возы бумаги безграмотной канцелярской болтовней и ябедой—произвела чудеса, засѣлила цѣлыя страны, колонизировала Сибирь, просочилась до Тихаго Океана, до Персіи, до Швеціи. Она подходила къ Берлину, переходила Балканы, устроиваясь внутри въ какомъ-то хаосѣ серальныхъ переворотовъ крови и разврата, и притомъ безъ всякаго сочувствія въ отрѣзанномъ и подавленномъ народѣ. Не доказываетъ ли это, чрезвычайную пластическую силу?

Да за то какой цѣной все это куплено?

Это правда, безчеловѣчно тяжелъ былъ путь русскаго развитія, въ этомъ нѣтъ сомнѣній, дорого заплатилъ народъ за беспечный сонъ въ селахъ и деревняхъ! Татарское варварство и нѣмецкая цивилизація чудовищно наказали его. Татары съ тѣхъ поръ усмирились и тихо продаютъ красныя сапоги въ Казани; Нѣмцы сильны еще, тѣмъ больше что большая часть изъ нихъ Русскіе, но и ихъ иго идетъ быстро къ концу; а циклопическія работы и выведенные фундаменты остаются. Повѣрьте, что о жертвахъ падшихъ при этихъ

постройкахъ, о поколѣніяхъ безотрадно умершихъ на тяжелой работѣ, мы не меньше скорбимъ чѣмъ кто либо. Но желая выйти изъ этихъ мрачныхъ путей, мы стараемся понять ихъ смыслъ, для того чтобъ отыскать выходъ, для того чтобъ воспользоваться выработаннымъ кровавыми слезами, и благословеніемъ грядущихъ поколѣній загладить прошедшія страданія.

Осудивъ оптомъ звѣрскія пути Петровскаго періода, отрѣкаясь отъ нихъ, мы отказываемся отъ процесса этапныхъ офицеровъ, тѣмъ больше что они перемерли на дорогѣ и точно также отказываемся отъ ретроспективной филантропіи—она опоздала.

Можетъ Турнеръ и вѣрно представилъ, въ своей картинѣ Ватерлооской битвы, на первомъ планѣ какой то въ ужасѣ приводящій ворохъ труповъ, раненыхъ, плачущихъ женщинъ—но смысла битвы нѣтъ; и извѣстный Наполеонъ со слезою на глазахъ, и блѣдный, мраморный Веллингтонъ въ шинели, не спускающій глазъ съ отступающихъ Французовъ, объясняютъ во сто разъ больше чтò тутъ было. А что и то было чтò Турнеръ нарисовалъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣній; да это было во всякой рѣзницѣ отъ битвы Нимврода до Солферино. Податная Русь страдала много, конечно не меньше крѣпостной Польши; всего хуже что она и теперь страдаетъ, но одной чувствительностью не поможемъ. Врачъ призванный къ больному, смотритъ сколько силъ, чтò цѣло и чтò повреждено; и если онъ спрашиваетъ, какъ больной дошелъ до настоящаго положенія и чѣмъ были больны его отецъ и мать, то совсѣмъ не съ тѣмъ чтобъ читать ему мораль; болѣзнь такая краснорѣчивая мораль, что если и она не поможетъ, то что сдѣлаютъ фразы?

Тѣ народы пусть отвѣчаютъ за свое прошедшее, которыхъ пуповина съ исторіей не разрѣзана, которые горды своимъ прошедшимъ. Мы напротивъ только разрываясь съ нимъ идемъ впередъ. Мы скорѣе похожи на двуутробку бѣгущую съ обнищалаго поля, унося съ собой свое будущее поколѣніе—чѣмъ на верблюда несущаго черезъ степи кивотъ съ старымъ завѣтомъ.

То что было съ Московскимъ періодомъ, то будетъ неминуемо съ Петербургскимъ. И такъ какъ реформа Петра убила Московскій порядокъ, такъ предстоящая реформа убьетъ Петербургскій. Первая *органическая*, народная мысль которая пробилась въ этихъ снѣговыхъ вершинахъ, носить въ себѣ зародышъ *освобожденія отъ нѣмецкаго иа*.

До сихъ поръ все шло иначе.

Работа Петербургская была чисто внѣшняя, алчная, все захватывавшая, все жавшая. И если Петербургское правительство дивило дерзкой отвагой объемовъ, то всѣ его созданія представляли какія-то огромныя, пустыя формы безъ содержанія, чего-то ждущія и покамѣсть наполненныя всякой казарменной рухлядью и канцелярской дрянью, которыя такъ мало шли къ жизни, что онѣ постоянно уродовали ее; а она постоянно искажала ихъ, прорывала, расширяла трещины, ускользала.

Къ чему копилась сила, чтò выжималъ Петербургъ своимъ самодержавнымъ прессомъ изъ шестой части земнаго шара, за чѣмъ расширялъ онъ предѣлы, за чѣмъ ковалъ народъ въ цѣпи? На это онъ такъ мало могъ бы вамъ отвѣчать, какъ какойнибудь китъ, на что онъ поглощалъ тысячи рыбъ въ день, для того чтобъ вырастить свое тѣло—его голодъ и органическая пластика того требовали.

Наконецъ петербургскій періодъ дошелъ до своего предѣла, стукнулся объ Западъ и увидѣлъ что ему его не сломить; внутри онъ заправился до такой нелѣпости что сталъ, по нѣмецкому выраженію, какъ вошь у горы, ему некуда было больше идти въ его ботфортахъ. И очень хорошо—онъ все сдѣлалъ что могъ, оцѣпилъ огромную арену, приготовилъ эстраду учредивъ въ ней полицейскій порядокъ. Когда его зданіе было готово, не только стоять, но и рухнуть, ему пришлось сложить руки; тутъ уже дѣло актеровъ а не капельдинеровъ. Вышелъ Александръ II и объявилъ: “что російскими императорскими чиновниками, съ помощью благороднаго російскаго дворянства будетъ на Петровскомъ Театрѣ представлена новая пьеса: “*Освобожденіе крестьянъ съ землею.*”

Это requiem Петербургской эпохи, въ которомъ главное solo поетъ самъ царь.

Еще ничего не сдѣлано, только спектакль возвѣщенъ, а Россія вся переѣвилась... Вы вѣрно слышали гулъ внутренняго содроганія силы въ котлѣ парохода, когда колесо еще стоять, паръ вырывается, сжатый, опасный, бѣлый—въ небольшую трубку, и пароходъ, стоя на одномъ мѣстѣ, уже повинуется не одному качанью волнъ, а своему сдержанному пульсу.

Вотъ что мы слышимъ теперь, вотъ что можете слышать вы, только для этого надобно не только прислушаться и прекратить частные разговоры, но бросить западный стетоскопъ.

Слово “освобожденіе крестьянъ” раздалось какъ труба на зарѣ. Крестьянинъ, раскольникъ, чиновникъ-либераль и чиновникъ-чиновникъ, образованный дворянинъ и дворянинъ сѣкущій, все это проснулось отъ тяжелаго сна въ какомъ-то нервномъ раздраженіи и бросилось укладываться и собираться въ путь. Берутъ мѣры, боясь какой-то грозящей невзгоды; правительство чувствуетъ себя слабѣе... у всѣхъ сдѣлалось больше крови въ жилахъ, у него одного меньше, а между тѣмъ колодки не измѣнились.

Вдругъ всѣ открыли, точно какую нибудь новость, удивительную нелѣпость и чрезвычайный беспорядокъ петербургскаго государственнаго устройства. Ни законовъ, ни суда, ни охраняющихъ формъ, ни честности, ни въ самомъ дѣлѣ повиновенія, ничего; словомъ, открыли то, что давнымъ давно говорилъ статсъ-секретарь Лонгиновъ “истинное самодержавіе—само держится и чертъ знаетъ на чемъ!”

Ни одной ясной, послѣдовательно проведенной идеи юридической, административной, нѣтъ во всей Россіи отъ Зимняго Дворца до Сибирскихъ поселеній, отъ святѣйшаго синода до грѣховнѣйшаго земскаго суда. Нелѣпость въ одну сторону, приводится къ нѣкоторому равновѣсію нелѣпостью въ другую.

Крѣпостное право, напримѣръ, никогда не утвержденное закономъ въ той силѣ, въ которой оно существуетъ, вовсе не укрѣпило, а спутало понятіе о собственности. Какъ себя помѣщикъ ни увѣрялъ въ правомѣрности имѣть крѣпостныхъ, и какъ правительство ни усердно сѣкло съ нимъ мужиковъ въ доказательство что они собственность, на днѣ души оставалось сомнѣніе, почти угрызеніе совѣсти, которое мало по малу перенеслось и на понятіе поземельной собственности,—и въ то же время обратнымъ путемъ и крестьянинъ дошелъ до того, что онъ барскій, а земля его.

Иностранцы, пораженные этимъ неустройствомъ, и даже многіе изъ Русскихъ смотрятъ съ ужасомъ на него, не думая о томъ что еслибъ Петербургское управленіе могло быть возве-

дено въ порядокъ и принято народомъ, то мы бы погибли. Человѣкъ схваченный въ распахъ за горло, отдаетъ разбойнику свой кошелекъ, но нравственно онъ отъ него свободенъ; а несчастный который кошелекъ отдаетъ папѣ за индугенцію, рабъ въ душѣ, хотя папа и не держитъ его за горло.

Каждый Русскій долженъ благословить, что временныя смирительныя учрежденія Петербургскаго самовластья, вызвали только одни нелѣпѣйшія безобразія, а не стараться какъ нибудь привести его въ порядокъ на основаніяхъ нѣмецкой бюрократіи. Наше неустройство, это великій протестъ народный, это наша magna charta, нашъ вексель на будущее. Не надобно ошибаться въ его характеръ, это не распадѣніе на части вѣтхаго тѣла, а безпокойное ломанье живаго организма отдѣляющагося отъ постороннихъ путей; не гнилое броженіе, а броженіе около бьющагося зародыша.

Да гдѣ же онъ?

Конечно не въ правительствующемъ сенатѣ и не въ главномъ штабѣ, не въ министерствахъ и ихъ канцеляріяхъ... всѣ эти пустыя стойла петербургской конюшни развѣ только ему послужили яслями...

Говорить еще разъ о томъ что такое право на землю и общинное устройство русской деревни, я не стану; я такъ недавно сдѣлалъ опыты объяснить на сколько понимаю эти вопросы (58 и 59 л. Колокола), что не имѣю почти ничего прибавить къ сказанному.

Напомню вамъ только сказанное въ прошломъ письмѣ объ иномъ отношеніи нашемъ къ Западу; мы ближе, и дальше отъ него чѣмъ прежде. Утомленная долгой борьбой за личную свободу, Европа снова скованная, выбиваясь изъ силъ, сѣла на камень возлѣ границы, къ которой съ другой стороны и насъ пригнали съ цѣпами на рукахъ и ногахъ. Это нашъ первый этапъ; но ужъ по прежней западной дорогѣ, если насъ раскуютъ, мы не пойдемъ—примѣръ передъ глазами.

Не величайшее ли счастье, что мы такъ поздно сблизились? Весьма можетъ быть, что при иной встрѣчѣ съ западной цивилизаціей, когда она сама была полна вѣры въ себя, энергій и силъ—мы продолжали бы внутри Петровскую работу, и вѣроятно разбили бы неказистые крестьянскіе ларцы, единственное наслѣдіе наше, для того чтобъ сдѣлаться чѣмъ нибудь въ родѣ плохой Пруссіи.

Едва ли не придется намъ также благословить Чудскіе и Туранскіе элементы попризадержавшіе наше Старо-Славянское развитіе, какъ мы благословляемъ теперь Петербургское неустройство. Можетъ быть безъ нихъ мы имѣли бы въ исторіи нѣсколько страницъ болѣе блестящихъ, мы вспоминали бы, можетъ, вмѣсто дани платимой Золотой Ордѣ, какое нибудь спасеніе á la Jean Sobieski Вѣнской орды; вѣроятно католицизмъ и Римское право прикрѣпили бы и насъ къ кораблю, который теперь тонетъ, и все свое тащитъ съ собой въ пропасть; общинное владѣніе, міръ, все это было бы разрушено панями какъ въ Польшѣ и дикое право каждого на землю, замѣнилось бы образованнымъ, но невозможнымъ—правомъ на работу.

Случилось иначе—и теперь позвольте вамъ сдѣлать вопросъ: вѣрите вы или нѣтъ, что казненный социализмъ “умеръ и похороненъ?” Мнѣ все кажется что ему забыли перебить голени и что онъ также какъ нибудь “предваривши утро,” сброситъ съ себя саванъ и пойдетъ бродить по ученикамъ. Кажется мнѣ это отъ того, что социализмъ необходимое послѣд-

ствіе; пока существуют послышки, а они такъ глубоко вросли въ современную жизнь или выросли изъ такой глубины ея, что ихъ съ корнемъ вырвать нельзя,—соціализмъ будетъ ставиться ихъ живымъ силлогизмомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мозгъ будетъ дѣйствовать нормально.

Силлогизмъ этотъ, послѣдній логическій выводъ западнаго сознанія, является у насъ какъ естественная непосредственность. Мы, общинный бытъ, право на землю нашли какъ наши руки т. е. онѣ были тутъ когда мы пришли въ себя и въ первый разъ подумали объ нихъ. Такъ дикое, но рѣзкое начало личныхъ правъ лежало въ непосредственности доисторической природы Германскихъ племенъ.

Петръ I задержалъ своимъ хлороформомъ народную жизнь на время императорскихъ операций и перевязокъ, но онъ не разрушилъ ея элементовъ, не только въ податной Руси, но и въ неподатной. По мѣрѣ того, какъ геній русскій выходилъ изъ оцѣвненія и развивался наукой, онъ догналъ теоретическую мысль Запада; но догнавши онъ разошелся съ его практическимъ приложеніемъ, потому что былъ послѣдователенъ, онъ въ своей народной совѣсти не находилъ тѣхъ граней и препятствій, о которыя спотыкалась Европа. Безправный рабъ помѣщика, не мечталъ объ освобожденіи безъ земли, безправный рабъ царя, пересталъ восхищаться феодально-буржуазнымъ представительствомъ.* Дерзость замысловъ наша дошла, на примѣръ, до того что правительство, дворянство и народъ, споря о выкупѣ и переходномъ времени, толкуя о количествѣ земли и ея оцѣнкѣ, согласны въ одномъ, что безъ земли нельзя освободить русскаго мужика, признавая такимъ образомъ безусловно его *право на землю*.

Подумайте теперь о результатѣ, когда эта шестая доля земнаго шара, со всѣми своими Туранскими и Чудскими примѣсами, съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ - работникомъ и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ, и они поймутъ что собственно у нихъ дѣло одно.

Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и всѣ борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что онѣ будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Передъ борьбой намъ хотѣлось чтобъ Славяне подали другъ другу руку, на братскій союзъ,—не для помощи Россіи; ужъ она то *faga da se*, не для составленія съ ней чудовищной имперіи, мы ничего не знаемъ нелѣпѣ этихъ китообразныхъ государствъ, которымъ двигаться тяжело отъ роста, а для того чтобъ они не остались по ту сторону, по сторону *прошедшаго*, или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы.

Но можетъ Польша дѣйствительно больше принадлежать къ старо-западному міру и хочетъ рыцарски дѣлать его послѣднія судьбы, лить за него кровь, какъ герой Понятовскій и увидѣть какъ самъ Понятовскій—въ пѣсни Беранже, какъ

* Есть въ Россіи каста отупѣвшихъ отъ школьной политики педантовъ и доктринаровъ, которая съ комическимъ *suffisance*, репетруетъ идеи Пилевской реформы и либерализма времени Казимира Перье. Тяжелая ученость, схоластическія занятія, выѣли ихъ слабыя способности; а совершенное безучастіе къ живой жизни, не вызвало ихъ сойти съ кафедры на рынокъ. Испуганные дикими, неустроенными элементами русскаго развитія, они попадаютъ то во французскую болѣзнь—централизацию, то въ англійскую—буржуазнаго *selfgovernment*'а. Но это ничего не значитъ, люди эти и съ цѣлымъ мозгомъ не сдѣлали бы ничего; а скорѣе только доказываетъ крѣпость народнаго духа, который не переваривается "нѣмецкими, гладенькими" умками!

Западъ руки не подастъ тонущему за него? Да будетъ ея святая воля!

Мы требовали одного, и теперь требуемъ, чтобъ разрываясь съ Россіей, она глубже узнала что за всходы прозябаютъ прикрытые въ ней солдатской шинелью и императорской мантией...

Позвольте мнѣ этимъ заключить письмо мое.

И—ръ.

10 Марта 1860.

КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Изъ пятаго доклада хозяйственнаго отдѣленія (основанія и снособы опредѣленія повинностей), мы только выпишемъ заключенія:

"1. Принять за исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ предположеній нынѣ отбываемыя крестьянами повинности какъ существующій фактъ, отнюдь не придавая ему, при предстоящемъ опредѣленіи снхъ повинностей, значенія обязательной нормы.

"2. Основываясь на высочайше утвержденномъ журналѣ главнаго комитета 26 Октября прошлаго года, облегчить лежащія на крестьянахъ повинности въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для существеннаго улучшенія ихъ быта, съ наименьшимъ, по возможности, ущербомъ для помѣщичьяго хозяйства.

"3. Для сего, соображаясь съ проектами губернскихъ комитетовъ, установить высшій размѣръ повинностей, соответствующій высшему надѣлу, принятому для каждой мѣстности, и опредѣлить правила постепеннаго уменьшенія повинностей при уменьшеніи крестьянскихъ угодій до низшаго его предѣла."

Эти заключенія ничего не опредѣляютъ. Ихъ даже нельзя назвать заключеніями; это какія то предположенія. Ихъ основанія относятся исключительно къ переходному положенію, которое мы по глубокому убѣжденію считаемъ дѣломъ вреднымъ, опаснымъ и не основаннымъ на здоровомъ смыслѣ. При немедленномъ выкупѣ повинности крестьянъ передъ помѣщикомъ совершенно исчезли бы; уплата процентовъ и погашеній взималась бы установленнымъ путемъ помимо помѣщика. Въ переходномъ положеніи все ложно, потому что основаніе ложно.

Всѣ ошибки послѣдующихъ докладовъ, начиная съ шестаго, (объ отводѣ надѣла и обмѣнѣ земель) происходятъ отъ переходнаго положенія. Хозяйственное отдѣленіе, какъ и всѣ редакціонныя коммисіи вообще, не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить, что обоюдное согласіе возможно только между людьми другъ отъ друга независимыми, а переходное положеніе оставляетъ крестьянъ въ зависимости и между тѣмъ требуетъ отъ нихъ свободнаго, т. е. добровольнаго согласія; очевидно крестьяне должны будутъ или соглашаться изъ страха, т. е. подчиняться притѣсненію, или бунтовать. Нарипательное освобожденіе крестьянъ безъ земельной собственности, только при пользованіи землею за повинности, нисколько не сдѣлаетъ ихъ независимыми, нисколько не поставитъ ихъ въ возможность добровольнаго согласія. Это согласіе возможно только, когда выкупъ существующаго надѣла утвержденъ, крестьяне стали свободные землевладѣльцы; но помѣщикъ ли, или крестьяне, по черезполосію или инымъ причинамъ, находятъ мѣстное положеніе надѣла неудобнымъ и начинаютъ договариваться объ обмѣнѣ угодій, — тутъ добровольное согласіе возможно. И въ этомъ случаѣ обмѣнъ угодій, перемѣщеніе усадебъ, переселеніе крестьянъ нисколько не мѣшаютъ правильности выкупа. Разъ существующій надѣлъ признанъ, крестьянинъ свободенъ, выкупъ опредѣленъ,—

никто не мѣшаетъ свободнымъ крестьянамъ-собственникамъ съ свободнымъ помѣщикомъ обмѣняться своими угодьями: если уху на уху—цифра выкупа не мѣняется; если крестьяне возьмутъ больше, они добровольно на добровольныхъ условіяхъ приплатятъ помимо выкупа, или прибавка включится въ выкупной капиталъ, т. е. помѣщикъ получитъ придаточную выкупную облигацію; если крестьяне возьмутъ меньше, помѣщикъ возвращаетъ къ погашенію облигацій на соотвѣтственную сумму, или не мѣняя цифры выкупа, приплачиваетъ деньгами, или даетъ на себя обязательство, смотря по договору; если крестьяне захотятъ перемѣстить усадьбы, никто имъ не мѣшаетъ, будетъ ли это перемѣщение просто въ межѣ крестьянскаго надѣла, или съ обмѣномъ земли съ помѣщикомъ по добровольному соглашенію; если крестьяне хотятъ переселиться, никто имъ не мѣшаетъ продать свою землю и усадьбы, (т. е. признанный за ними существующій надѣлъ) или за наличныя деньги и погасить ими выкупныя облигаціи, или за обязательство узаконеннымъ порядкомъ унлачивать капиталъ и проценты по облигаціямъ, или возвратитъ землю помѣщику и тѣмъ погасить облигаціи. Все это можетъ совершаться послѣ признанія крестьянъ свободными собственниками за выкупъ учрежденный на извѣстныхъ финансовыхъ основаніяхъ, и для всякихъ подобныхъ сдѣлокъ и передвиженій никакого срока не нужно; они могутъ имѣть мѣсто во все время выкупа, потому что юридически нельзя мѣшать свободнымъ людямъ входить въ сдѣлки или переселяться. Словомъ—тѣ разграниченія, перемѣщенія, переселенія, которыя при переходномъ положеніи совершаются насильственно, и слѣдственно несправедливо и неудобно,—совершаются добровольно, слѣдственно справедливо и удобно по утвержденіи за освобожденными крестьянами существующаго надѣла въ собственность за немедленный, обязательный выкупъ. Переходное положеніе къ утвержденію существующаго надѣла относится какъ логическое прогнурѣчье, какъ рѣзкое уклоненіе отъ послѣдовательности, требуемой здравымъ смысломъ. Вопросъ Россіи, ея первая цѣль—освобожденіе крестьянъ съ землею; существующій надѣлъ призванъ; очевидное слѣдствие—выкупъ этого существующаго надѣла какъ онъ есть; только этимъ способомъ можетъ быть утвержденъ фактъ освобожденія крестьянъ съ землею; послѣ утвержденія факта—помѣщики, во всѣхъ вопросахъ мѣстныхъ неудобствъ, разберутся съ крестьянами полюбовно, мало по малу, спокойно. Уклоненіе отъ этой методы можетъ быть только губительно. Уклоненіе отъ нея введетъ, вмѣсто полюбовныхъ соглашеній административно-судебныя вмѣшательства бюрократизма въ народную жизнь и исказитъ самое живое народное начало русскаго гражданскаго судопроизводства — третейскій судъ, сдѣлавъ его мнимымъ посредствомъ бюрократической формальности, невольно всегда прикрывающей подкупъ. Уклоненіе отъ немедленнаго выкупа съ существующимъ надѣломъ какъ онъ есть—затянетъ вопросъ освобожденія на вѣки вѣчныя; народъ увидитъ въ этомъ уловку, посредствомъ которой его держать въ крѣпости, преднамѣренный обманъ; помѣщикъ увидитъ, что жизнь его идетъ въ бесплодныхъ распряхъ, въ требованіи невозможнаго исполненія повинностей, увидитъ что онъ раззоряется; чиновничество явится хуже еврейской проказы—терзать обѣ стороны. Гдѣ же исходъ изъ этого нелѣпо-тяжелаго положенія?

Хозяйственное отдѣленіе чувствуетъ безвыходность задачи,

поставленной на основаніяхъ переходнаго положенія и говорить въ шестомъ докладѣ (стр. 15, 16 и 17).

“Всего желательнѣе было бы конечно, какъ въ видахъ правительственныхъ, такъ и въ интересахъ обонхъ сословій, возможно скорое и возможно полное и окончательное разграниченіе угодій, остающихся за помѣщикомъ на правѣ полной собственности, отъ земель, отводимыхъ крестьянамъ въ безсрочное пользованіе за повинность. Цѣль эта такъ важна во всѣхъ отношеніяхъ и полное достиженіе ея составило бы такой существенный шагъ въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта, упраздненія прежнихъ крѣпостныхъ отношеній и обезпеченія вещественныхъ выгодъ дворянства въ будущемъ, что подобный результатъ не могъ бы, ни въ какомъ случаѣ, быть купленъ правительствомъ цѣною слишкомъ дорогихъ пожертвованій.

“Къ сожалѣнію, несообразность съ этою громадною задачею наличныхъ межевыхъ средствъ и явная невозможность, для какихъ бы то ни было мѣстныхъ учреждений, въ короткій срокъ сколько нибудь зрѣло обсудить и разрѣшить всѣ неизбежные споры, которые могутъ возникнуть между владѣльцами и крестьянами, оставляютъ мало надежды на то, чтобы такой результатъ могъ быть достигнутъ въ теченіи того непродолжительнаго періода, который долженъ быть назначенъ для введенія въ дѣйствіе новаго Положенія, и который, по самому существу дѣла, не долженъ, ни въ какомъ случаѣ, быть продолженъ за извѣстные, по возможности, краткіе предѣлы. Съ другой стороны, при такомъ убѣжденіи, не благоразумно было бы предъявлять несбыточные требованія касательно слишкомъ поспѣшнаго разрѣшенія всѣхъ подробностей по окончательному отводу крестьянамъ ихъ надѣла; ибо такія требованія лишь осложнили бы задачу, и безъ того трудную, сдѣлали бы невозможнымъ самое выполненіе ея въ законный срокъ, повели бы впоследствии къ ввсенію произвола въ исполненіе предписанныхъ мѣръ и чрезъ это самое, въ значительной степени, повредили бы успѣху предпринятаго преобразования.

“Рѣшеніе Общаго Присутствія Комиссій, о принятіи существующаго нынѣ надѣла за основаніе и исходную точку будущихъ отношеній, дозволяетъ избѣгнуть, на первый случай, значительнѣйшей части вышеуказанныхъ затрудненій.”

Чтожъ бы проще, послѣ этого разсужденія, какъ не придти къ мысли объ учрежденіи немедленнаго обязательнаго выкупа, основаннаго на утвержденіи существующаго надѣла, а дальнѣйшее разграниченіе угодій предоставить добровольнымъ соглашеніямъ обонхъ другъ отъ друга независимыхъ сторонъ? Но хозяйственное отдѣленіе не пришло къ этой простой мысли, и вовлеченное въ переходное положеніе, положило пунктомъ 1^{мъ} своихъ заключеній:

“Всѣ вообще дѣйствія по опредѣленію на мѣстѣ угодій, отводимыхъ въ безсрочное пользованіе крестьянъ, распадутся на первоначальное утвержденіе крестьянскаго надѣла, разграниченіе помѣщичьихъ и крестьянскихъ угодій и обмѣны угодій для вѣкоторыхъ особенныхъ цѣлей.”

Изъ этого пункта очевидно, что существенная часть трудовъ хозяйственнаго отдѣленія должна была заключаться въ первоначальномъ утвержденіи надѣла; а все остальное не могло быть что либо иное, какъ выводъ изъ ложнаго основанія. Замѣтимъ вдобавокъ, что хозяйственное отдѣленіе вездѣ употребляетъ выраженіе: “земли или угодья, отводятся въ безсрочное пользованіе крестьянъ”. Что бы это значило? Хотятъ ли комиссіи совершенно устранить выкупъ, признать юридически право вѣчной собственности помѣщиковъ надъ крестьянскими землями, и обратить громадное значеніе выкупа въ притѣснительные размѣры вѣчной ренты,—а если ученое слово *рента* перевести на общедоступный языкъ, то мы скажемъ: въ притѣснительные размѣры *вѣчнаго оброка* или *вѣчной повинности*, подъ которой можно равно разумѣть—оброкъ и барщину? Иначе: хотятъ ли комиссіи прикрыть подъ словами и кучей исписанной бумаги стремленіе, вмѣсто освобожденія крестьянъ съ землею, оставить все по прежнему, или много много свести все дѣло на инвентари? Это была бы измѣна русскому народу. Но мы и не думаемъ, чтобы въ трудахъ комиссій лежала такая предательская и опасная мысль. Предположенія финансоваго отдѣленія явво мѣтять на выкупъ. Но въ такомъ случаѣ хозяйственное отдѣленіе

и редакціонныя комиссіи вообще употребляютъ выраженія, не понимая ихъ значенія; трудъ ихъ великъ, но безсознательнъ.*

Юридическая и экономическая разница ренты, т. е. безсрочнаго пользованія землею, и выкупа — огромна. Общинный выкупъ земли съ круговой порукой (о чемъ мы подробнѣе будемъ говорить впослѣдствіи) ставитъ общину собственникомъ, а крестьянина членомъ общины и гражданиномъ въ государствѣ; общинный выкупъ даетъ каждому неотъемлемое право на землю, ставитъ прямо основаніе задачи русской общественности; круговая порука даетъ каждому право на участіе, на голосъ въ раскладкѣ налоговъ и полагаетъ начало новому общественному кредиту, основанному на взаимной отвѣтственности. По мѣрѣ погашенія выкупа станетъ уясняться значеніе налоговъ и система ихъ взиманія. Напротивъ того безсрочное пользованіе и рента дѣлаютъ человѣка наемщикомъ, значеніе общины сведется на ничто.... на передѣлы пашни и круговая порука, вмѣсто плодотворнаго общественнаго кредита, явится способомъ притѣсненія крестьянъ. Безсрочное пользованіе сохранить юридическое право земельной собственности за помѣщикомъ, или, если правительство приметъ на себя плату оброковъ и обратитъ крестьянскія земли въ вѣчную государственную ренту, то земельная собственность останется за правительствомъ. Нѣтъ понятія нелѣпнѣе — какъ правительство — собственникъ: оно немислимо; собственность можетъ быть только непосредственнымъ отношеніемъ лица, или совокупности лицъ къ вещамъ, а правительство, которое въ сущности не лицо, а только уравниватель общественнаго механизма, посредникъ народныхъ дѣятельностей, не можетъ быть разомъ посредникомъ и частнымъ дѣятелемъ. Если правительство становится на права частныхъ лицъ и компаній, — оно перестаетъ быть правительствомъ, и является не посредникомъ общественной дѣятельности, а враждебнымъ конкурентомъ, соперникомъ внутри ея, и тѣмъ болѣе губительнымъ для общества, что на его сторонѣ перевѣсъ власти. Для взиманія своихъ доходовъ правительство-собственникъ, вмѣсто выборныхъ и отвѣтственныхъ агентовъ, которыхъ общество всегда можетъ повѣрять, принуждено употреблять безотвѣтственное чиновничество, безотвѣтственное потому, что оно отдаетъ отчетъ только правительству, которое для провѣрки отчета употребляетъ тоже чиновничество, и слѣдственно чиновничество даетъ отчетъ только самому себѣ, т. е. никому. Такимъ образомъ власть правительства переходитъ въ руки чиновничества и, вмѣсто того чтобы быть посредникомъ общественныхъ дѣятельностей, правительство — собственникъ уступаетъ свою власть и значеніе кучѣ мелкихъ частныхъ дѣятелей, дѣйствующихъ мошеннически и составляющихъ въ государствѣ монополъ воровства. Неужели къ этому идеалу редакціонныя комиссіи

* Переводя ученое выраженіе рента на общедоступное оброкъ, мы не можемъ не замѣтить опасноти, въ которую вовлекаютъ ученые слова, заслоняя настоящее значеніе предмета призракомъ чего то иного, чего нѣтъ въ самомъ предметѣ. Такимъ образомъ, по вопросу отвода надѣла и обмѣна земель, нѣкоторые губернскіе комитеты указывали какъ на цѣль — на образованіе фермъ; эту мысль поддерживаютъ и нѣкоторые ученые профессора. Если перевести слово фермерство на болѣе доступное для насъ выраженіе: арендаторства, то легко можно увидѣть, какъ подъ этой системой изнываетъ Польша, и присматриваясь просто къ предмету, легко увидѣть какъ таже система въ Англии пускаетъ земледѣльческое рабочее населеніе на голодъ и холодъ, и тогда фермерство уже не покажется какимъ то общественнымъ идеаломъ, какъ оно кажется нашимъ доморощеннымъ англоманамъ и ученымъ доктринерамъ, для которыхъ иностранное слово важнѣе дѣла и школьный учебникъ важнѣе правды.

хотятъ вести Россію въ то время, когда вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ и помѣщичковъ отъ крѣпостнаго права, неминуемо подымается вопросъ объ освобожденіи государственныхъ крестьянъ отъ чиновничества и объ освобожденіи правительства отъ частной собственности, несомнѣнной ни съ какимъ здравымъ понятіемъ о значеніи правительства? Можетъ быть этотъ идеалъ и не лежитъ въ душѣ членовъ редакціонныхъ комиссій; но въ такомъ случаѣ они безсознательно ставятъ вопросъ сообразно бюрократическому идеалу. Отъ этого, что они дѣйствуютъ не преступно, а безсознательно — Россіи не легче.

Далѣе — второй пунктъ заключеній:

“На первоначальное утвержденіе крестьянскаго надѣла опредѣляется срокъ, обнимающій два лѣтнихъ періода, непосредственно слѣдующихъ за обнародованіемъ новаго Положенія, и зимнее время, въ промежуткѣ между сими двумя періодами протекающее.”*

За чѣмъ же это такъ долго? На утвержденіе надѣла требуется признаніе существующаго надѣла помѣщикомъ и крестьянами, при понятыхъ свидѣтеляхъ, передъ депутатомъ отъ правительства, помѣчающимъ границы надѣла на планѣ (если онъ имѣется) или простыми кольями въ натурѣ. Для опредѣленія надѣла и расчета выкупа больше ничего не нужно. Повѣрка всегда подъ рукою: сколько въ имѣннхъ тяголъ? по скольку десятинъ въ полѣ на тягло? — это тотчасъ опредѣлить количество пашни, остается узнать размѣръ усадебъ и иныхъ угодій; тутъ все на лицо. Окончательное размежеваніе можетъ совершиться послѣ опредѣленія надѣла и выкупа и не внесетъ значительной разницы; въ рѣдкихъ же случаяхъ значительной разницы не мудрено сдѣлать поправку въ цифрѣ выкупа. Легче послѣ поправить цифру выкупа, чѣмъ дѣлать распри и оброчныя и барщенины повинности на безконечное время, неутверждая, какъ фактъ, крестьянской свободы и земельной собственности. Утвержденіе надѣла можетъ быть безошибочно въ имѣннхъ гдѣ есть планы, и приблизительно, гдѣ ихъ нѣтъ. Для утвержденія выкупа этого достаточно. Если была ошибка крестьяне и помѣщики не замедлятъ хлопотать о поправкѣ, первые въ случаѣ недостатка, вторые въ случаѣ излишка. Тутъ требуется только опубликованіе количества надѣла и именъ подтвердившихъ свидѣтелей, чтобы гласность помѣшала кому бы то ни было намѣренно отступить отъ признаннаго количества надѣла, *sauf erreur et omission* какъ пишутъ банкиры.

Хозяйственное отдѣленіе, въ первомъ докладѣ, признавъ за крестьянами существующій надѣлъ, — въ шестомъ докладѣ написало столько правилъ о томъ какъ и что, что совершенно уничтожило собственную мысль, и вмѣсто существующаго надѣла, устраиваетъ пресложный отводъ крестьянскихъ земель. На примѣръ пунктъ 5й:

“При первоначальномъ утвержденіи крестьянскаго надѣла, допускаются слѣдующія измѣненія въ составѣ земель этого надѣла:

* За чѣмъ это редакціонныя комиссіи выучились писать казеннымъ языкомъ о которомъ спотыкается мысль и отъ котораго умъ страдаетъ? Взгляните на послѣднее примѣчаніе, заключающее шестой докладъ: “Можетъ ли быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущена, и по какимъ правиламъ должна быть производима, отрѣзка помѣщикомъ части земель изъ крестьянскаго надѣла, въ замѣнъ тягловыхъ участковъ, по какой либо причинѣ возвращаемыхъ изъ крестьянскаго пользованія въ непосредственное и полное распоряженіе помѣщика, объ этомъ ниѣютъ быть представлены соображенія въ одномъ изъ послѣдующихъ докладовъ Отдѣленія.” Тутъ всякій подумаетъ, что хозяйственное отдѣленіе ставитъ вопросъ: можетъ ли помѣщикъ взять часть земли изъ тягловыхъ участковъ, находящихся въ крестьянскомъ пользованіи, и въ замѣнъ этого отобрать еще отрѣзать часть земли изъ крестьянскаго надѣла. То ли хотѣло сказать хозяйственное отдѣленіе? Мы не понимаемъ.

“А) Всѣ тѣ измѣненія, на которыя, при самомъ утвержденіи надѣла, послѣдуетъ взаимное добровольное соглашеніе помѣщика и крестьянъ, подлежащимъ образомъ засвидѣтельствованное.

“В) Отрѣзка въ непосредственное распоряженіе помѣщика, изъ крестьянскаго надѣла, той части его, которая превышаетъ установленный для той мѣстности высшій размѣръ, и при томъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

“а) Самому помѣщику предоставляется, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ, указать тѣ части находящейся у крестьянъ въ пользованіи земли, которыя онъ желаетъ отъ нихъ отрѣзать.

“б) Воспрещается отрѣзать отъ крестьянъ, безъ особеннаго ихъ на то согласія, ихъ пашенныя пашни, а равно — ихъ огороды, хмѣльники, капустники, или конопляники, въѣ усадебной черты лежащія.

“с) Изъ поемныхъ луговъ дозволяется, во всякомъ случаѣ, отрѣзать лишь часть, пропорціональную той общей долѣ угодій, которая можетъ быть, на основаніи Положенія, отрѣзаема помѣщикомъ изъ общаго количества крестьянскаго надѣла.

“Примѣчаніе. Такъ напримѣръ: если въ извѣстномъ имѣніи крестьяне пользовались до сихъ поръ надѣломъ въ тысячу десятинъ, изъ конхъ помѣщикъ имѣлъ бы право, на основаніи Положенія, отрѣзать въ свое непосредственное распоряженіе сто десятинъ, то онъ, въ число этихъ ста десятинъ, можетъ, изъ всего количества находившихся въ крестьянскомъ пользованіи поемныхъ луговъ, отрѣзать не болѣе десяти десятинъ.

“д) Изъ крестьянскихъ покосовъ поемныхъ и изъ непазенныхъ пашень помѣщикъ отрѣзаетъ тѣ покосы и тѣ пашни, какія онъ самъ пожелаетъ, преимущественно же изъ покосовъ и пашень, отдаленныхъ отъ селенія или расположенныхъ среди помѣщичьихъ лѣсовъ, или наконецъ изъ числа тѣхъ покосовъ, которые доселѣ косились крестьянами изъ части. Но при томъ подобною отрѣзкою не должно быть произведено новой или еще большей чрезполосицы въ угодьяхъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ, и должно быть соблюдаемо изыятіе, указываемое въ слѣдующемъ пунктѣ.

“е) Въ одной только лѣсной полосѣ, а равно и во всѣхъ имѣніяхъ остальной части Россіи, гдѣ существуетъ лѣсное хозяйство и гдѣ вся крестьянская пашня или большая ея часть разбросана участками по лѣсамъ, тамъ, безъ согласія крестьянъ, не дозволяется отрѣзать отъ нихъ, немедленно, при первоначальномъ утвержденіи надѣла, такія лѣсныя пашни, но отрѣзка должна преимущественно происходить изъ дальнихъ покосовъ и лѣсныхъ дачъ. Дальнѣйшее правило по такого рода лѣснымъ пашнямъ указано въ ст. 14,

“f) Еслибы, вслѣдствіе подобной отрѣзки помѣщикомъ у крестьянъ части ихъ пашни, оказалось необходимымъ для послѣднихъ переводить хлѣбъ изъ поля въ поле, въ такомъ случаѣ крестьяне не могутъ быть вынуждаемы сѣять на отводимой имъ землѣ хлѣбъ по хлѣбу (съ отступленіемъ отъ принятаго въ той мѣстности сѣвооборота); но такъ какъ, вслѣдствіе этого, посѣвъ крестьянъ можетъ уменьшиться даже сравнительно съ количествомъ ежегоднаго нормальнаго ихъ посѣва при сокращенномъ надѣлѣ, то помѣщикъ обязанъ, въ теченіи первыхъ за сѣвъ двухъ годовъ, временно дать имъ, въ отрѣзанномъ отъ нихъ участкѣ или въ собственномъ своемъ господскомъ полѣ, подъ посѣвъ количество десятинъ, равное половинѣ недостающаго у нихъ по расчету въ тѣ года нормальнаго посѣва. (!)

“g) Само собою разумѣется, что по добровольному взаимному согласію помѣщика и крестьянъ, допускаются отступленія отъ всѣхъ этихъ правилъ.

“С) Къ надѣлу, предоставляемому крестьянамъ въ безсрочное пользованіе, въ случаѣ, когда пространство послѣдняго ниже установленнаго меньшаго размѣра, помѣщикъ добавляетъ недостающую землю, изъ какой онъ самъ пожелаетъ, удобной и смежной съ крестьянскимъ надѣломъ, земли. Но если онъ не имѣетъ вовсе смежной съ крестьянскимъ надѣломъ удобной земли, или если таковая заята его усадьбою, садомъ, лѣсомъ, или есть земля пашенная, или поемный лугъ, тогда онъ можетъ прирѣзать крестьянамъ и землю съ ними не смежную, но въ возможно близкомъ къ ихъ коренному надѣлу разстояніи, и съ тѣмъ, чтобы отводимая земля была удобная, и чтобы крестьянамъ былъ данъ свободный на нее прогонъ.

“D) Въ лѣсной полосѣ, когда совокупность прочихъ крестьянскихъ угодій не доходитъ до цѣфры установленнаго высшаго мѣстнаго размѣра надѣла, помѣщикъ прирѣзаетъ къ нимъ дополнительный лѣсной участокъ въ томъ мѣстѣ гдѣ самъ пожелаетъ, съ соблюденіемъ, кромѣ правилъ указанныхъ въ статьѣ 3-й общихъ правилъ о разстояніи лѣсныхъ отводовъ.

“E) Въ имѣніяхъ степной полосы, въ которыхъ существуетъ неправильное залежное хозяйство и крестьяне не пользуются постоянными участками полевой земли, помѣщикъ отводитъ крестьянамъ слѣдующій подъ пашню надѣлъ въ участкахъ, имъ самимъ называемыхъ. Этотъ надѣлъ приурочивается къ селенію.

“Примѣчаніе 1-е. Точное обозначеніе границъ этой степной полосы должно воспослѣдовать по окончательномъ рассмотрѣніи Положеній всѣхъ Губернскихъ Комитетовъ и по выслушаніи отзывовъ избранныхъ ими членовъ.

“Примѣчаніе 2-е. Въ этой полосѣ, для имѣній, гдѣ существуетъ залежное хозяйство, должно быть установлено нормальное соотношеніе подлежащаго отводу крестьянамъ количества залежей къ наличному ихъ хлѣбному посѣву.*

“F. Въ малолѣсной полосѣ помѣщикъ можетъ, при самомъ первоначальномъ утвержденіи надѣла, замѣнять крестьянскіе покосы и пашни, расположенные среди господскихъ лѣсовъ, равнымъ количествомъ удобной пашенной или сѣвокосной земли въ другомъ мѣстѣ, но въ смежности съ землями, крестьянскаго надѣла, или, по крайней мѣрѣ, не въ большемъ отъ селенія разстояніи, чѣмъ угодья, отъ крестьянъ отрѣзаемая. При этомъ помѣщикъ можетъ замѣнять пашни удобными покосами и покосы удобною пашенною землею.”

Что это такое? Гдѣ же тутъ существующій надѣлъ? Это просто неурядица; существующій надѣлъ остался на листахъ перваго доклада, а за тѣмъ въ натурѣ явится хаосъ, гдѣ споръ помѣщика съ крестьянами дойдетъ неизвѣстно до какихъ размѣровъ.

Если бы хозяйственное отдѣленіе, вѣрное своему основному положенію признанія существующаго надѣла, прямо пришло къ немедленному обязательному выкупу, не нужно было уродливо звучащихъ пунктовъ 6го и 7го. Вотъ они :

“6) За первымъ періодомъ, опредѣляемымъ на первоначальное утвержденіе крестьянскаго надѣла, слѣдуетъ шестилѣтній періодъ, предвѣщаемый на предъявленіе помѣщиками требованія принудительнаго разграниченія ихъ угодій отъ крестьянскихъ, съ цѣлю уничтоженія чрезполосности.

“7) Крестьяне не вправе требовать такого принудительнаго разграниченія; право это принадлежитъ исключительно помѣщику.”

Не нужно было бы никакихъ принудительныхъ разграниченій; разграниченія совершились бы дѣйствительно по добровольному согласію. Не лзя было бы придти къ мысли о насильственныхъ обмѣнахъ :

“Случай, въ которыхъ предъявляемое помѣщикомъ требованіе такого обмѣна можетъ быть принимаемо во вниманіе мѣстными учрежденіями, суть слѣдующія :

“а) Открытіе въ земляхъ крестьянскаго надѣла минераловъ и цѣнныхъ ископаемыхъ.

“Примѣчаніе. Цѣнными ископаемыми не признаются торфъ, простая глина, песокъ и простой камень.

“б) Открытіе въ тѣхъ же земляхъ источниковъ минеральныхъ водъ.

“в) Желаніе помѣщика устроить водяную мельницу, или иную какую либо фабрику, или промышленное заведеніе, дѣйствующее водою, когда одинъ или оба берега состоятъ въ пользованіи крестьянъ.

“г) Необходимость подтона крестьянскихъ угодій, вслѣдствіе учрежденія такого рода заведеній на землѣ, находящейся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика.

“д) Желаніе помѣщика устроить въ своихъ угодьяхъ дренажъ, требующій проведенія канавъ по землямъ крестьянскаго надѣла.

“е) Необходимость проведенія канавъ по крестьянской землѣ съ цѣлю какъ простаго осушенія господскихъ угодій, такъ и проведенія воды, какъ движущей силы или средства орошенія.

“ж) Необходимость проведенія по крестьянской землѣ дорогъ или прогоновъ.

“з) Желаніе помѣщика устроить на крестьянской землѣ пристань или перевозъ.

“Примѣчаніе. Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ указанныхъ въ ст. 22-й случаевъ не можетъ быть примѣняемъ къ усадебной землѣ, уже выкупленной крестьянами.”

* Оцѣнка выкупа по доходамъ въ степной полосѣ, гдѣ доходы огромны, а земля ни почемъ, — наиболѣе затруднительна. Но надо замѣтить, что тамъ, гдѣ существуетъ эксцентрическое отношеніе дохода къ цѣнности земли, — какъ бы крестьянскій надѣлъ ни былъ великъ, онъ не представляетъ достаточной платы за трудъ, и сравнивая вольнонаемную плату съ цѣнностью земельного надѣла, мы необходимо придемъ къ заключенію, что помѣщику, для приблизительной оцѣнки труда — надо или еще прибавить надѣла или соразмѣрно убавить цѣфру выкупа. Первое невозможно, слѣдственно остается только второе. На этомъ пути можно достигнуть оцѣнки надѣла безобидной для обонхъ сторонъ; но все же никакъ не лзя цѣнить особо усадьбу, которая въ степной полосѣ конечно не представляетъ цѣнности выше полевой земли. Уменьшать же надѣлъ противъ существующаго невозможно; крестьянамъ пришлось бы замѣнить залежное хозяйство, что при недостаткѣ рукъ и скота было бы совершеннымъ раззореніемъ.

Если бы хозяйственное отдѣленіе сохранило правило существующаго надѣла, обмѣны—послѣ выкупа—произошли бы съ добровольнаго согласія, хотя бы въ тундрахъ и черноземѣ отыскались не только минеральные живоносные источники, но даже золото и бриллыанты.

Шестымъ докладомъ хозяйственное отдѣленіе измѣнило своему принципу, измѣнило самому себѣ, измѣнило дѣйствительному понятію освобожденія крестьянъ съ землею.

Докладъ 7^й, (о перенесеніи усадебъ) послѣ всѣхъ разглагольствованій комиссіей о добровольномъ согласіи, какъ бы въ доказательство того, что не свободный землевладѣлецъ не можетъ добровольно соглашаться, высчитываетъ случаи, когда помѣщикъ можетъ *требовать принудительнаго перенесенія усадебъ*. Самые замѣчательные случаи слѣдующіе: 1) “Если крестьянское усадебное строеніе находится ближе 50 саж. отъ помѣщичьихъ усадебныхъ строеній.” — Это вѣроятно на основаніи того, что легче перенести сто дворовъ чѣмъ одинъ дворъ. 2) Если въ имѣньяхъ (оброчныхъ), гдѣ не было господской усадьбы, помѣщикъ, на *отрѣзанной въ свое владѣніе землѣ, не найдетъ удобнаго мѣста для своей усадьбы*, то “имѣетъ право избрать себѣ мѣсто *въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, хотя бы это было сопряжено съ перенесеніемъ крестьянскихъ усадебъ*, если только чрезъ это крестьяне сами не лишаются *необходимаго водопоя (!)*” — Хорошо еще, что перенесеніе усадебъ дѣлается на счетъ помѣщика, или онъ выдаетъ крестьянамъ денежное вспомошествованіе въ размѣрѣ опредѣленномъ по взаимному соглашенію; а если “взаимнаго соглашенія не *вослѣдуетъ*, то мѣра денежнаго вознагражденія опредѣляется третейскимъ судомъ.” Куда уже лутъ требовать третейскаго суда, когда спервоначала на перенесеніе усадебъ никакого соглашенія не *вослѣдовало*. Тутъ все принудительно; тутъ нѣтъ мѣста благородному суду, главная роль можетъ принадлежать только палкѣ. — 3) Пунктъ 14: сады и разнаго рода *древесныя насажденія*, и также крестьянскія каменныя строенія; находящіяся въ усадебѣ, остаются *при принудительномъ перенесеніи усадебъ, въ полную собственность помѣщику*, который обязанъ вознаграждать за нихъ крестьянъ по оцѣнкѣ. *Примѣчаніе*: Мѣра вознагражденія опредѣляется по правиламъ, изложеннымъ въ докладѣ Юридическаго отдѣленія № 3, ст. 3 п. а (т. е. по взаимному соглашенію или третейскимъ судомъ).

Какъ будто есть возможность соглашенія и суда, когда одинъ только человекъ и имѣетъ право купить достояніе крестьянъ, и этотъ человекъ, тотъ самый, который произвольно сгоняетъ ихъ съ мѣста!

Въ 8^{мъ} докладѣ о правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ имъ надѣломъ хозяйств. отдѣленіе признало крестьянское право пользованія надѣломъ *на девять лѣтъ безсрочнымъ*.

Этого злоупотребленія словъ мы не понимаемъ. Въ теченіи этого девятилѣтняго безсрочія признается (пункт. 9) право *каждаго двора въ нераздѣльномъ его составѣ*, безъ согласія помѣщика и общества требовать увольненія изъ общества, если казенныя подати и повинности очищены и нѣтъ недоимокъ и если внесена въ мірскій капиталъ сумма, равная одной четверти капитализаціи по 6 процентному разсчету, лежащихъ въ то время на томъ дворѣ повинностей къ помѣщику. Этотъ взносъ въ мірскій капиталъ обращается въ первоначальный фондъ для выкупа крестьянскихъ земель.

Также увольняется изъ общества безъ его согласія, по одному согласію помѣщика каждый крестьянскій дворъ, на которомъ нѣтъ долговъ обществу или членамъ его, если помѣщикъ сложитъ съ общества причитающіяся по тому двору повинности. По согласію общества увольняется каждый отдѣльный дворъ и каждый крестьянинъ, если общество принимаетъ за нихъ круговую поруку въ повинностяхъ передъ помѣщикомъ. Въ имѣньяхъ, гдѣ помѣщикъ *отрѣзалъ себѣ часть* крестьянскаго надѣла, *лишніе* (по уменьшенію надѣла) *могутъ выходить* изъ общества безъ всякаго взноса въ мірскій капиталъ. При предъявленіи большимъ числомъ лицъ противъ нормальнаго — выходъ опредѣляется жеребьемъ. Крестьяне, за которыми недоимокъ вовсе нѣтъ, увольняются безъ согласія помѣщика. Уволенные члены обязаны приписаться къ другому обществу, или переселиться на казенныя земли, или приобрести себѣ землю въ собственность—въ установленный срокъ. Изъ крестьянскаго общества, на которомъ недоимки, никто не увольняется безъ согласія помѣщика. Уволенный крестьянинъ обязанъ въ установленный срокъ приписаться къ другому обществу, или въ купцы, или приобрести земли въ собственность на правахъ государственныхъ крестьянъ живущихъ на собственныхъ земляхъ (пунктъ 10^й). Каждый дворъ можетъ, не выходя изъ общества, отказаться отъ надѣла и отъ круговой поруки, внесши вышепомянутую сумму въ мірскій капиталъ и напередъ приобрести въ собственность землю, *не дальше 12^{ти} верстнаго разстоянія отъ селенія, гдѣ находится волостная управа*. Послѣ девятилѣтняго безсрочія каждый срочно-обязанный крестьянинъ имѣетъ право отказаться отъ надѣла, не выходя изъ административнаго союза общества, безъ взноса капитала, и быть уволеннымъ безъ согласія общества, если на немъ нѣтъ недоимокъ,—но все же на условіяхъ приписки и приобретенія земли какъ въ пунктахъ 10^{мъ} и 11^{мъ} указано. Послѣ девятилѣтняго безсрочія каждому мірскому обществу дозволяется по приговору двухъ третей голосовъ переимѣнить общинное пользованіе земельнымъ надѣломъ на посемейное, наследственное.

Неужели хозяйств. отдѣленіе думаетъ, что искажая народный обычай по своей теоретической задней мысли, и стѣсня личную свободу необходимостью разныхъ полицейскихъ условій приписки къ инымъ сельскимъ и городскимъ обществамъ, или покупки земли подъ носомъ у волостнаго правленія, — оно больше сдѣлаетъ для свободы крестьянъ, чѣмъ еслибы оно утвердило выкупъ и оставило крестьянъ устраиваться какъ хотятъ, при условіи, что каждое лицо, не выписываясь изъ общины, — свободно идти куда хочетъ, и выписаться никуда не приписываясь?

Да полно же хозяйственному отдѣленію хозяйничать. Пусть утвердятъ выкупъ и предоставятъ крестьянамъ устраиваться по своему усмотрѣнію. Положимте, что положенія хозяйств. отдѣленія не разрознятъ общины тамъ, гдѣ народъ этого не захочетъ и не создадутъ ея тамъ гдѣ народъ ее не хочетъ; но къ чему же это посягательство на самостоятельность народа, еще прежде признанія его независимости? Страшный городъ Петербургъ! Въ его гнилой атмосферѣ лучшіе люди становятся бюрократами и полицейскими и способны лучшее дѣло, дѣло свободы народной и народнаго права на землю свести на полицейское учрежденіе

Докладъ 9^й (общія свойства повинностей; опредѣленіе хозяйственной единицы, служащей для исчисленія повинно-

стей и способъ ихъ разверстанія) признаетъ повинность безсрочную (разумѣется на 9 лѣтъ) и неизмѣнную, независимо отъ возвышенія и пониженія цѣнности земли и продуктовъ. Оно и хорошо бы (помимо того, что все переходное положеніе не хорошо) что повинность неизмѣнна, слѣдственно независима отъ дальнѣйшаго произвола помѣщика; но по рѣшенію хозяйств. отдѣленія она падаетъ не только на полевую землю, но и на усадьбы. Съ полевой земли первая десятина обойдется не ниже 3 р. 50 к. и не выше 4 р. или соотвѣтственнымъ этимъ суммамъ количествомъ рабочихъ двей (сохраненіе барщины!) Вторая десятина выше первой, но въ мѣстностяхъ, гдѣ навозятъ землю, выше остальныхъ, а гдѣ не навозятъ, начиная со второй, всѣ десятины облагаются поровну. А усадьбы — тамъ гдѣ они ничего не стоятъ, облагаются повинностью въ 1 р. 50; тамъ гдѣ немногаго стоятъ — въ 2 р. 50 к.; тамъ гдѣ выгодны, въ 3 р. За единицу принимается душевой надѣлъ. Отсюда можетъ произойти слѣдующій случай въ имѣніи, гдѣ по 4 десятины надѣла на душу и усадьба выгодна, тягло, у котораго по ревизіи 3 сына малолѣтнихъ, слѣдственно 4 ревизскихъ души, повинность выйдетъ: первая десят. 4 р. вторая 3, третья 2, четвертая 1 р. и того за надѣлъ съ души 10 р., съ четырехъ душъ 40 р., да за усадьбу 3 р., всего 43 р. серебр. на тягло!

Докладъ 10^й (различные роды повинностей, взаимное ихъ отношеніе и условія перехода съ одной на другую, пунктомъ первымъ опредѣляетъ: "Повинности, за предоставленныя крестьянамъ земли и угодья, могутъ быть трехъ родовъ: денежная (оброкъ), натуральная (работы) и смѣшанная (оброкъ и работы)."

Оброкъ и барщина! Барщина и оброкъ! По вотъ переходъ:

"11. По истеченіи двухъ первыхъ лѣтнихъ періодовъ, послѣ обнародованія Положенія (срока, опредѣленнаго на составленіе уставныхъ грамотъ), крестьянамъ предоставляется право переходить съ обязательнаго труда на оброкъ: 1-е, безъ согласія помѣщика — цѣлыми обществами; 2-е, безъ согласія помѣщика и общества — отдѣльными дворами и тяглами.

"Примѣчаніе 1-е. Отдѣльное тягло, изъ состава цѣлаго двора, можетъ выходить на оброкъ не иначе, какъ съ согласія домохозяина.

"Примѣчаніе 2-е. Выходящій на оброкъ, отдѣльный дворъ или крестьянинъ, не изымается черезъ то отъ общей круговой поруки по мірскому обществу.

"Примѣчаніе 3-е. Само собою разумѣется, что по распоряженію помѣщика, съ согласія общества, крестьяне могутъ переходить на оброкъ и до истеченія этого срока, но это не устраняетъ обязанности составленія, на общемъ основаніи, уставной грамоты, со всѣми ея послѣдствіями.

"12) Правомъ отдѣльнаго перехода на оброкъ пользуются крестьяне только тѣхъ дворовъ, на которыхъ нѣтъ ни казенныхъ, ни помѣщичьихъ недомокъ.

"13) Переходъ съ натуральной повинности на денежную совершается посредствомъ перечисленія нормы натуральной повинности на норму денежной, соотвѣтствующей тому же надѣлу.

"14) О желаніи своемъ перейти на оброкъ, крестьянское общество или отдѣльные домохозяева должны заявлять каждый разъ заблаговременно, а именно, не позже 1 Января того года, въ теченіи котораго долженъ совершиться такой переходъ.

"15) Общество или отдѣльные домохозяева вносятъ, на первый разъ, свой оброкъ, впередъ за первую треть года, при самомъ заявленіи своего желанія, а вторую треть — весною, не позже 1-го Апрѣля, и съ тѣхъ поръ окончательно освобождаются отъ всѣхъ обязательныхъ работъ. Сроки дальнѣйшихъ взносов опредѣляются въ уставной грамотѣ."

Хорошо еще, что пунктомъ 9^{мъ} запрещается съ оброка переводить на барщину. Не повѣримъ мы освобожденію, если утвердится переходное положеніе, и съ нимъ —

Докладъ 11^й — "обеспеченіе исправнаго поступленія повинностей въ пользу помѣщика".... Это уложеніе о наказаніяхъ, гдѣ розги допущены, хотя нигдѣ не названы. Всего этого лицемѣрія было бы не нужно при немедленномъ выкупѣ; но помѣщичья привычка къ крѣпостному праву и

бюрократическая страсть благодѣтельствовать полицейскими мѣрами — увлекли членовъ хозяйств. отдѣленія въ созданіе уголовного свода, гдѣ, при незнаніи народной жизни, мужикамъ, вмѣсто свободы и правъ, даются правительственные рецензы. Вотъ они:

Заключенія хозяйственнаго отдѣленія по 11^{му} докладу,

"1) При общинномъ пользованіи помѣщичьей землею, отведенною въ полное распоряженіе мірскаго общества, съ правомъ разверстки оной между членами общества, безъ всякаго вмѣшательства помѣщика, всѣ они обязаны принять на себя круговое другъ за друга ручательство за исправное отбываніе слѣдующихъ помѣщику повинностей.

"2) Отъ такового круговаго обязательнаго ручательства за повинности на помѣщика мірское общество можетъ быть освобождено, если оно раздѣлитъ отведенную въ его пользованіе землю на наследственные семейные участки, и помѣщикъ изъявитъ свое согласіе довольствоваться тѣми способами взысканія недомокъ, кои ниже сего уставовлены для тѣхъ имѣній, гдѣ земля отдана не въ общинное, а непосредственно въ личное (семейное наследственное) пользованіе отдѣльныхъ плательщиковъ.

"3) Безусловно освобождаются отъ круговаго ручательства за повинности на помѣщика тѣ крестьяне, коихъ право на участіе въ общинномъ пользованіи землею прекратилось пріобрѣтеніемъ въ ихъ собственность всѣхъ отведенныхъ имъ участковъ, или инымъ какимъ либо законнымъ образомъ.

"4) Если мірское общество внесетъ сверхъ слѣдующаго за годъ впередъ оброка капиталъ, съ котораго шесть процентовъ равняются десятой, по крайней мѣрѣ, части всего причитающагося годоваго оброка, то общество симъ самымъ освобождается отъ круговаго за своихъ членовъ ручательства, буде только согласится передать помѣщику право взыскивать недомки съ отдѣльныхъ плательщиковъ, на правилахъ, ниже сего для единичнаго владѣнія уставовленныхъ. Само собою разумѣется, что со взносомъ означеннаго капитала соразмѣрно уменьшается годовая повинность, а самый капиталъ включается въ счетъ выкупной суммы за усадьбы, или и за полевые угодья, если на выкупъ сихъ послѣднихъ согласится помѣщикъ. (1)

"5) При отправленіи натуральныхъ повинностей, мірское общество, во всякомъ случаѣ, отвѣчаетъ только за выставленіе на барщину положеннаго числа здоровыхъ работниковъ и работницъ, съ годными для работъ лошадьми и орудіями, но за надлежащее выполненіе уставовленныхъ уроковъ и вообще за качество работъ отвѣчаетъ только лично каждый работникъ, или работница, и подвергается взысканіямъ по тѣмъ правиламъ, кои для сего уставовлены будутъ. (2)

"6) Какъ круговое ручательство особенно можетъ быть тягостно въ малочисленныхъ мірскихъ обществахъ, то симъ обществамъ предоставляется право соединиться, для сей только цѣли, между собою, по общему ихъ о семъ мірскому приговору.

"Примѣчаніе. Здѣсь не предпріяется вопросъ о соединеніи земельного надѣла мелкопомѣстныхъ мірскихъ обществъ.

"7) При круговомъ за повинности ручательствѣ мірское общество вправѣ, не ожидая вмѣшательства помѣщика, или высшихъ властей, принимать, для пополненія недомокъ съ отдѣльныхъ неисправныхъ плательщиковъ, слѣдующія мѣры взысканія:

"а) продавать ту часть движимаго имущества и строеній недомщика, которая по ст. 617-й и 621-й Уст. о Под. Т. V Св. Зак. изд. 1857 года, не составляетъ необходимости въ крестьянскомъ хозяйствѣ;

(1). Мы не говоримъ уже о томъ, что непониманіе общины и круговой поруки, помѣшало хозяйственному отдѣленію развить плодотворныя начала въ нихъ лежащія; но какже оно не подумало, что признавъ 1-мъ пунктомъ вмѣшательство помѣщика, оно послѣдующими приглашаетъ его къ вмѣшательству? Что съ измѣненіемъ общиннаго права собственности на частное — выигрываетъ не община, а помѣщикъ, потому что, разъ пріобрѣвъ оную круговой поруки, онъ наляжетъ на личность и на личную собственность со всѣми притязаніями алчности, и этой алчности бюрократическое законодательство и бюрократическая администрація никогда не будутъ дѣйствительною преградой, потому что бюрократія вноситъ только формалистику, гдѣ ложь развивается на подобіе истины, приводя себя въ оправданіе регламенты, рескрипты, указы, статьи, всю рухлядь полицейскаго предназначенія, вѣмѣющаго ничего общаго съ народной жизнью? Какъ хозяйственное отдѣленіе не видало, что 4-мъ пунктомъ разрушая солидарность общины, оно вводитъ въ нее — кромѣ помѣщичьей власти — перевѣсъ преднамѣренно создаваемаго буржуазнаго начала, не менѣе чуждаго какъ и сама помѣщичья власть? А если хозяйственное отдѣленіе понимаетъ это и вводитъ постороннее начало преднамѣренно и насильственно, — то оно искажаетъ задачу русской жизни и мы видимъ спасеніе развѣ въ томъ, что его уголовный сводъ останется только въ книгѣ и сдастся въ архивъ.

(2). Какъ сильно неискаженному обонанію, изъ этой благовидной статьи, разить запахомъ розги.

“б) подвергать описи и продажѣ, на законномъ основаніи, принадлежащее, ему лично недвижимое имущество, кромѣ выкупленной усадьбы;

“в) опредѣлять къ нему опекуна, безъ разрѣшенія котораго не дозволять отчуждать что либо изъ его доходовъ до пополненія недоимки, или же передавать все хозяйство въ домѣ другому члену семейства;

“г) отдавать, примѣняясь къ ст. 619 и 620-й Т. V Св. Зак., изд. 1857 г., недоимщика и другихъ членовъ его семейства въ заработки, съ условіемъ выработанныя деньги обращать къ мірскую кассу;

“д) отбирать у него часть, или всѣ полученныя имъ въ надѣлѣ полевыя угоды;

“е) ставить его по особымъ, утвержденнымъ надлежащимъ присутственнымъ мѣстомъ, мірскимъ приговорамъ, безъ очереди, въ рекруты; рекрутскую же квитанцію продавать для пополненія недоимки, съ тѣмъ, чтобы остатокъ вырученной суммы вручался рекруту.

“ж) представлять его, по такимъ же приговорамъ, въ распоряженіе Правительства.

“Примѣчаніе. Къ означеннымъ въ послѣднихъ двухъ пунктахъ мѣрамъ взысканія мірское общество должно приступать только въ крайности, при уклоненіи отъ исправленія повинностей, не по какому либо несчастію, а по лѣности, беспорядочности, или другимъ порокамъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимать надлежащія мѣры для призрѣнія оставшихся въ семействѣ недоимщика малолѣтнихъ и престарѣлыхъ родственниковъ; если же онъ совершенно одинокъ, то все принадлежащее ему имущество безъ исключенія, даже строенія и выкупленная усадьба, должны быть подвергаемы продажѣ, для пополненія недоимки, остатокъ же отдается рекруту. (3)

“8) Мірскія общества обязаны, не дожидаясь пополненія недоимокъ вышеозначенными мѣрами взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ, разлагать недоимки эти уравнительно на всѣхъ остальныхъ членовъ общества, и непремѣнно вносить помѣщику всю слѣдующую съ общества сумму къ положенному сроку, какъ сіе предписано для казенныхъ селеній ст. 623-ю Уст. о Под. Т. V Св. Зак. изд. 1857 года.

“9) Если къ положенному сроку мірское общество не внесетъ всей слѣдующей помѣщику суммы, то надлежащее мѣстное учрежденіе, удостовѣрившись въ справедливости принесенной о семъ помѣщикомъ жалобы, немедленно обращается къ Уѣздной Полиціи съ требованіемъ о взысканіи съ неспособнаго общества, продажей крестьянскаго движимаго имущества, всѣхъ недоборовъ, съ тѣмъ же штрафомъ, который ст. 522 Уст. о Под. Т. V Св. Зак. изд. 1857 года устанавливаетъ при взысканіи казенныхъ недоимокъ. (4)

“10) Полиція обязана, подѣ надлежащею отвѣтственностью, произвести означенную продажу непременно въ мѣсячный срокъ со дня полученія о семъ требованія, соблюдая при томъ слѣдующія правила:

“а) производить продажу не иначе, какъ съ аукціоннаго торга, по описи, заблаговременно составленной, и въ день, заранѣе объявленный, какъ въ уѣздномъ городѣ, такъ и обывателямъ всѣхъ ближайшихъ деревень. (5)

“б) исключать изъ таковой продажи ту часть движимаго имущества, которая по закону считается необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ; (6)

“в) не подвергать продажѣ имущество тѣхъ крестьянъ, которые избавлены отъ круговой отвѣтственности;

“г) ни подѣ какимъ предлогомъ не входить въ разбирательство, принадлежать ли имущество исправнымъ или неисправнымъ плательщикамъ, но описывать и продавать, сначала тѣ предметы, на которые укажетъ сельское начальство, а потомъ, по ихъ недостаточности, тѣ, на которые укажетъ кредиторъ-помѣщикъ, или его повѣренный, предоставляя самому обществу сдѣлать впослѣдствіи всѣ необходимыя для уравниенія платежей расчеты, по своему усмотрѣнію. (!)

“11) Если продажей движимости крестьянъ накопленная на мірскомъ обществѣ недоимка не будетъ пополнена, то, по просьбѣ о семъ помѣщика, мѣстное учрежденіе дѣлаетъ подлежащее распоряженіе какъ о временномъ ограниченіи предоставленной обществу власти распредѣлять между крестьянами

(3) Показывая вообще въ своемъ направленіи желаніе разрушить мірское управленіе, хозяйственное отдѣленіе признаетъ его тамъ, гдѣ можетъ возложить на него исполненіе драконовыхъ законовъ, совершенно не спрашивая—какъ бы міръ, при круговой поруцѣ, самъ рѣшилъ способы взысканія недоимокъ. А можетъ быть міръ рѣшилъ бы этотъ вопросъ по меньше на манеръ квартальнаго надзирателя или окружнаго государственныхъ имуществъ, чѣмъ хозяйственное отдѣленіе?

(4) И вотъ вмѣсто развитія кредита, на основаніи круговой поруки, хозяйственное отдѣленіе прибѣгаетъ къ самымъ тяжелымъ статьямъ свода законовъ и къ вмѣшательству посторонней безъ сомнѣнія вредной власти!

(5) Введеніе карательныхъ аукціоновъ въ сельскую жизнь—чуждо духу народному и само по себѣ не представляетъ никакого ручательства въ уплатѣ повинностей, потому что послужитъ основаніемъ постепеннаго раззоренія народа.

(6) Слѣдствіемъ съ аукціона будетъ продаваться избытокъ; но при избыткѣ не будетъ просрочекъ; стало всякая продѣжа, будетъ продажа необходимаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

находящіяся въ ихъ пользованіи полевыя угоды, такъ и относительно увольненія крестьянъ на стороннія внѣ селенія работы. Вслѣдствіе сего, на все время, пока недоимка не будетъ уплачена

“а) предоставляется помѣщику право отбирать у неисправныхъ плательщиковъ полевые ихъ участки, на основаніи тѣхъ правилъ, кои ниже сего изложены для имѣній, въ которыхъ нѣтъ общиннаго владѣнія; (7)

“б) дозволяется ему, вмѣсто избранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ назначить другихъ, по своему усмотрѣнію, (8) и

“в) предписывается сельскому начальству неспособнаго общества никого не увольнять по паспортамъ изъ селенія, безъ формальнаго на то согласія, помѣщика; не возобновлять паспортовъ находящимся въ отлучкѣ крестьянамъ, если помѣщикъ сего требуетъ, (9) и ставить крестьянъ на заработки, по утвержденному мѣстнымъ учрежденіемъ распоряженію помѣщика, но съ тѣмъ однако же, чтобы на собственныя его работы употреблялись только тѣ крестьяне, кои сами сего пожелаютъ. (10)

“12) Въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда по совершенному разстройству имѣнія или по неповиновенію крестьянъ, помѣщикъ откажется отъ предоставляемой ему предъидущимъ пунктомъ власти, подлежащее мѣстное учрежденіе входитъ съ представленіемъ къ высшему въ губерніи начальству о принятіи чрезвычайныхъ мѣръ взысканія. Губернское начальство обязано войти въ разсмотрѣніе, не произошла ли неспособность мірскаго общества отъ какихъ либо особенно несчастныхъ обстоятельствъ, напримѣръ: пожаровъ, наводненія, повальной болѣзни, общаго неурожая, или падежа скота и т. п. и нельзя ли въ такомъ случаѣ оказать сему обществу какоелибо отъ Правительства пособіе, для уплаты помѣщику недоимки, и только вслѣдствіе признанной къ тому невозможности, по чрезмѣрной ли значительности недоимки, или потому, что она произошла не отъ несчастія, а по винѣ самихъ крестьянъ, отъ ихъ лѣности, буйства, или неповиновенія властямъ, разрѣшаетъ, смотря по обстоятельствамъ: или возвратитъ помѣщику, на основаніи изложенныхъ ниже въ ст. 17—21, отведенную имъ въ пользованіе крестьянъ землю, всю или только часть, съ выселеніемъ недоимщиковъ на казенныя земли, или же, примѣняясь къ ст. 625 Уст. о Под. Т. V Св. Зак. изд. 1857 года, поставитъ въ рекруты тѣхъ изъ нихъ, кои, по худому поведенію, особенно оказались не благонадежными, (11) съ тѣмъ, чтобы вырученныя за рекрутскія квитанціи деньги обращались на пополненіе недоимокъ.

“13) Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ на мірское общество не возложено круговаго ручательства за повинности на помѣщика, каждое нераздѣльное крестьянское семейство отвѣчаетъ за исправное выполненіе только тѣхъ помѣщичьихъ повинностей, которыя причитаются за отведенныя ему участки земли.

“14) Въ случаѣ неисправности семейства въ отбываніи означенныхъ повинностей, помѣщикъ предъявляетъ о семъ сельскому начальству, требуя его содѣйствія ко взысканію недоимки, съ положеннымъ въ 9-мъ пунктѣ штрафомъ.

“15) Для взысканія недоимки всѣми зависящими отъ сельскаго начальства средствами, (12) дается ему четырехмѣсячный срокъ.

“16) Если по истеченіи означеннаго срока недоимка со штрафомъ не будетъ взыскана, то помѣщикъ, съ разрѣшенія мѣснаго учрежденія, отбираетъ у неисправнаго семейства полевые его участки и передаетъ ихъ, въ полномъ составѣ, или по частямъ, другимъ членамъ того же мірскаго общества, желающимъ принять ихъ за отбываніе повинностей.

“17) Если никто въ имѣніи не пожелаетъ взять таковыхъ участковъ, то помѣщикъ получаетъ право, также съ разрѣшенія мѣснаго учрежденія, раздать ихъ постороннимъ лицамъ, или запахать въ свою пользу; но ежегодно, по святіи хлѣбовъ, какъ самъ помѣщикъ, такъ и мірскіе и волостные выборные, обязаны прилагать всевозможное стараніе объ отысканіи въ самомъ имѣніи желающихъ, изъ прежнихъ или прибылыхъ тяголъ, принять снѣ участки въ постоянное пользованіе, за установленныя повинности, и каждый изъ членовъ мірскаго общества имѣетъ право требовать передачи себѣ таковой свободной земли, если только на немъ самомъ не числится недоимки. (13)

“18) Вышеизложенный порядокъ отобранія невыкупленной земли у неисправныхъ плательщиковъ соблюдается и по окончаніи девятилѣтняго періода (14) срочно-обязаннаго состоянія крестьянъ, съ тѣмъ только разни-

(7) Какъ искусно хозяйственное отдѣленіе пользуется выгодами личнаго землевладѣнія!

(8) Для упроченія общиннаго самоуправленія.

(9) Чтобы уже совершенно лишпть крестьянъ возможности заработать что нибудь на уплату недоимки.

(10) И хозяйственное отдѣленіе думаетъ, что принудительная работа по распоряженію двухъ властей, хотя и не на помѣщичьей землѣ, не есть таже дикая кабала?

(11) Намъ кажется, что здѣсь хозяйственное отдѣленіе само оказывается не благонадежнымъ.

(12) “Сѣку сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, будь мои пятнадцать всѣ сполна” (дѣтская игра).

(13) А до оборотнаго мужика уже и дѣла нѣтъ.

(14) Вотъ оно гдѣ настоящее то безсрочное пользованіе.

чемъ, что вмѣстѣ съ полевыми участками могутъ быть передавы другимъ членамъ общества и усадебные участки недомщика, вполнѣ, или по частямъ. Въ такихъ случаяхъ отъ воли помѣщика будетъ зависѣть дозволить несправнымъ плательщикамъ оставаться въ селеніи и пользоваться частью усадьбы, или только дворомъ за особо условленную плату, или же потребовать высылки ихъ изъ селенія съ предоставленіемъ права перейти въ другія общества. (15) Для продажи принадлежащихъ имъ строеній и оставшейся у нихъ движимости назначается шестимѣсячный срокъ, и изъ вырученныхъ денегъ удерживается числившаяся за ними недомка.

“19) Отобранные на вышеозначенномъ основаніи усадебные участки, точно также какъ и тѣ, кои упразднены по выбитіи крестьянъ изъ мірскаго общества по мірскимъ онаго приговорамъ, не поступаютъ въ полное распоряженіе помѣщика, а передаются, какъ выше сказано, въ постоянное пользованіе другимъ членамъ общества за повинности, съ правомъ выкупа; но пока не отыщется желающихъ принять сіи участки, помѣщикъ можетъ временно распоряжаться ими, на установленныхъ для полевой земли правилахъ.

“20) Только тѣ изъ числа отобранныхъ у недомщиковъ по окончаніи девятилѣтняго періода усадебныхъ и полевыхъ участковъ, кои въ продолженіи двухъ сѣвооборотовъ, или шести лѣтъ, не будутъ разобраны другими членами мірскаго общества въ постоянное за повинности пользованіе, и ни кѣмъ изъ нихъ не выкуплены, могутъ быть, съ разрѣшенія мѣстнаго учрежденія, окончательно возвращены въ полное распоряженіе помѣщика.

“Для избѣжанія неудобства окончательно принимать въ полное свое распоряженіе разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ полосы, помѣщикъ можетъ требовать отрѣзки, вмѣсто нихъ, равнаго количества земли въ одномъ мѣстѣ, на правилахъ о разграниченіи угодій, въ докладахъ Хозяйственнаго Отдѣленія за NN. 6 и 8-мъ установленныхъ. (16)

“Примѣчаніе. Рѣшенія о томъ, могутъ ли заключающіяся съ 13-го по 21-й пунктъ правила вполнѣ быть примѣнены къ чисто участковому хозяйству, существующему въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ, должно быть отложено до рассмотрѣнія всѣхъ проектовъ сихъ губерній.

“22) За несвоевременный взносъ оброка помѣщикъ не можетъ отыскивать никакихъ съ крестьянъ убытковъ, кромѣ положеннаго штрафа.

“23) При отправленіи повинностей натурою, въ случаѣ несвоевременной высылки крестьянъ на работу, помѣщикъ имѣетъ право навѣять другихъ рабочихъ, по вольной цѣнѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ обратиться къ подлежащему мѣстному учрежденію съ просьбою, какъ о взыскаіи съ общества всѣхъ издержекъ и убытковъ, такъ и острогомъ наказаніи ослушниковъ и, въ особенности, выборныхъ, за допущеніе крестьянъ до ослушанія. Означенное учрежденіе обязано, изслѣдовавъ немедленно дѣло, опредѣлить взыскаіе въ той мѣрѣ, какую оно найдетъ справедливою, и при содѣйствіи. Уѣздной Полиціи вполнѣ удовлетворить помѣщика (17)

“Примѣчаніе. За всѣ понесенные убытки отъ небрежности или злоупотребленія должностныхъ лицъ, состоящихъ при помѣщицкомъ хозяйствѣ, также и караульщиковъ, помѣщику предоставляется право искать вознагражденіе непосредственно съ нихъ самихъ, и въ особенности преслѣдовать ихъ за кражу, какъ и за всякія другія уголовныя преступленія. (18)

“24) Отведенная за повинности въ пользованіе крестьянъ земля помѣщика, съ пахотными на ней усадебными ихъ строеніями, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть обременяема долгами, пока она не выкуплена; и потому крестьянская на помѣщика повинности, также какъ и всѣ государственныя податныя сборы, взыскиваются преимущественно, и прежде всѣхъ другихъ платежей, слѣдующихъ съ крестьянъ по какимъ бы то ни было подрядамъ, договорамъ и обязательствамъ, съ казною, или частными лицами и мѣстами.

“25) Для предупрежденія несправности при отправленіи натуральныхъ повинностей, вмѣняется сельскому начальству въ обязанность строго наблюдать, чтобы при принятіи издѣльными крестьянами какихъ либо работъ на сторонѣ, и вообще при увольненіи ихъ по паспортамъ, всегда оставалось въ каждомъ семействѣ достаточное число домашнихъ, или наемныхъ работниковъ или работницъ, для отбыванія повинностей на помѣщика, которому и предоставляется право, за неисполненіе сего, приносить, кому слѣдуетъ, жалобы.” (19)

(Продолженіе въ слѣдующемъ лѣтѣ.)

(15) Остракизмъ за гражданскій проступокъ, и не по волѣ общества, а по волѣ помѣщика... глубокое юридическое соображеніе!

(16) Мало того, что вмѣсто развитія кредита—вводится конфискація, но еще за то что одинокіе платили, можно въ обмѣнъ у другаго взять насильно его участокъ.

(17) Это уже просто—розги на голо. Хороша роль и уѣздной полиціи, и помѣщика и хозяйственнаго отдѣленія.

(18) Какое же дѣло общинѣ или крестьянамъ, до людей, находящихся въ услуженіи помѣщика? Это вопросъ совѣшено другаго разряда.

(19) А если крестьянинъ переѣхалъ съ семьей въ иное мѣсто для промысла, а свой участокъ отдалъ въ наймы общинѣ или частному лицу—какое до этого дѣло хозяйственному отдѣленію?

С М Ъ С Ъ .

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ КОЛОКОЛА.

Милостивые Государи,

Въ № 57 и 58 Колокола спрашивали: Правда ли, что Яковлевское дѣло, рѣшенное въ пользу кредиторовъ, было перерѣшено противъ нихъ за миллионъ, взятый казною на пополненіе денегъ украденныхъ Политковскимъ и за 500,000 р. даныхъ Яковлевымъ Буткову, Лаубе и Погуляеву? Вотъ что намъ извѣстно объ этомъ дѣлѣ: 1) Претензіи кредиторовъ Яковлева не простирались на 1½ миллиона; онѣ немного превышали миллионъ. 2) Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта мнѣнія по этому дѣлу раздѣлились, и оно рѣшено въ пользу Яковлева непосредственно самимъ государемъ. 3) Лаубе и Погуляевъ были люди высокой честности. Лучшимъ доказательствомъ этого служить, что черезъ ихъ руки постоянно проходили *интересныя* дѣла многія, гораздо значительнѣе Яковлевскаго (вѣскольکو дѣлъ о золотыхъ прискахъ); а между тѣмъ по смерти ихъ, семейства остались въ стѣсненномъ положеніи; жили оба они весьма скромно. Кромѣ того о Погуляевѣ замѣтимъ, что онъ принадлежалъ къ числу немногихъ у насъ чистыхъ и благородныхъ дѣятелей. Всякій знавшій его лично, или даже по слухамъ, сознаетъ несправедливость и гнусность обвиненія его во взяточничествѣ. 4) О Бутковѣ не знаемъ положительно взялъ ли онъ по этому дѣлу или вѣтъ—вѣрнѣе что нѣтъ. Онъ принадлежитъ къ числу болѣе тонкихъ дипломатовъ, именно тѣхъ, которые интригуютъ цѣлую жизнь, не прорываясь и сохраняя репутацію честныхъ людей.

Теперь, позвольте высказать по этому поводу нѣскольکو словъ, не относящихся собственно къ Яковлевскому дѣлу.

Въ Колоколѣ часто сообщаются случаи, не вполнѣ или даже вовсе не вѣрные. Весьма многіе съ радостію указываютъ на эти ошибки, приводя ихъ *противъ* васъ. Это была бы еще не большая бѣда. Но что больно, обидно, грустно—эти ошибки часто остаются не исправленными, и кромѣ того количество обличеній ничтожно, сравнительно съ массою ежедневно совершаемыхъ преступленій. Это поразительное доказательство того, какъ мало у насъ еще людей, которымъ подѣ силу помогать Колоколу.

Мы твердимъ о гласности, утверждаемъ что въ ней спасеніе Россіи—а между тѣмъ не умѣемъ протянуть руки, чтобы достать ее.

Дѣло въ томъ, что мы хотимъ гласности, но не иначе какъ подачи правительства.

Мудрено ли послѣ этого, что мы обижаемся когда говорятъ что мы не дозрѣли? Боже мой, какое несчастіе (хоромъ твердятъ наши передовые люди); это новое оружіе Панину и Муравьеву!—Дѣти—мы во всемъ остаемся дѣтьми.

Неужели всего, что у насъ совершается, не достаточно, чтобы уничтожить эти пошлыя надежды и упованія на правительственную инициативу? Парусъ запрещаютъ, Огришко садятъ въ крѣпость, Крузе выгоняютъ изъ службы, Аксакову, Безобразову, Синкевичу запрещаютъ писать, Тимашевъ начальствуетъ надъ ценсурой, политическихъ газетъ не позволяютъ имѣть—неужели всего этого мало?

Нѣтъ, пока не бросимъ этихъ надеждъ, мы не пойдѣмъ впередъ, хотя бы, развязали пеленки, хотя бы Панинъ и Муравьевъ сдѣлались отчаянными прогрессистами. Послу-

шаемся Александра Николаевича, когда онъ говоритъ—*pas de révéties*; можетъ быть тогда выйдетъ прокъ.

Намъ нужна гласность, а что такое *Колоколъ*? А чѣмъ бы онъ былъ, если бы мы не *боллись или не льнулись* сообщать ему все чего требуетъ гласность, если бы добросовѣстно отвѣчали на всякое *правда ли?*

Средства пересылать статьи и доставать *Колоколъ* всегда подь рукою. Вѣдь находятъ же ихъ тѣ, которые хотятъ.

Апатія, доктринаризмъ, бюрократство—вотъ чѣмъ зараженъ почти каждый изъ насъ. Мы привыкли ходить на помочахъ и любимъ эти помочи. Намъ жаль разстаться съ ними, хотя мы не даемъ себѣ въ этомъ отчета. Мы любимъ говорить: у насъ нѣтъ элементовъ, нѣтъ силы. Это чистый вздоръ. Силы есть, и онѣ громадны—но конечно не въ растленномъ поколѣннн русскихъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ русскихъ надо искать ихъ.

Вспомните только великій, безпримѣрный фактъ, такъ недавно еще совершившійся у насъ подь глазами. Необразованный, полудикій, заморенный, забитый народъ составляетъ общества трезвости отъ Ковенской до Варшавской губернии. Какіе же еще нужны элементы?

Нужно только чтобы мы, отложивъ родовое или научное, подали руку крестьянину и были бы въ состояннн отложивъ въ сторону всякія надежды на правительство и на свое богатство, родовое или научное, твердо убѣдились, что наше спасеніе въ одномъ—если мы будемъ въ состояннн протянуть руку крестьянину и считать его дѣло своимъ.

Вотъ цѣль—достиженіе ея не такъ трудно, какъ съ перваго взгляда кажется. Пусть только нарабатается побольше личностей, которыя будутъ понимать народъ, знать и любить Россію.

— *Набѣгъ Нѣмецкихъ Татаръ въ Тамбовскую губернію.*— Пятый листъ *Подъ Судъ* напечатанъ. Въ немъ разсказана возмутительная исторія безмысленнаго и безнаказаннаго дранья розгами *больше ста* крестьянъ, генераль-адъютантомъ Толстымъ, Тамбовскимъ губернаторомъ Данзасомъ и разными подьячими гражданскаго вѣдомства и палачами военнаго. Дѣло изложено подробно, безъ фразъ, простымъ дѣловымъ слогомъ. Оно требуетъ изученія и вполне заслуживаетъ его; въ этой службѣ правительства кабакамъ, выразилась вся безнравственность петербургскаго періода, отсутствіе всѣхъ юридическихъ понятій и человѣческихъ чувствъ. Такъ какъ при Петрѣ I, Меньшиковъ пристрѣливалъ стрѣльцовъ на Кремлевскихъ зубцахъ, не думая вовсе о томъ, что это работа палачева подмастерья,—такъ и теперь, ни одному генераль-адъютанту, флигель адъютанту, плацъ-адъютанту и просто адъютанту, въ голову не приходитъ, что *слѣдь*, даже и по высочайшему повелѣнію, *не совмѣстно* съ достоинствомъ порядочнаго человѣка. Они все еще представляютъ себя Татарами, пожалованными въ Нѣмцы, за завоеваніе Россіи.*

Замѣчательно, что въ исторіи, напечатанной въ 5 листѣ *Подъ Судъ*, все незаконно, начиная съ *беззаконной откупной системы*. Откупъ произвольно, въ явное противорѣчіе условіямъ, *надбавляетъ* цѣны; плутующее съ нимъ правительство,

* При всемъ разглагольствованнн о прогрессѣ въ Россіи, до тѣлесныхъ наказаній не касаются. Попытки и мученія людей, такъ глубоко вошли въ нравы, возвращенные помѣщичьей властью и петербургской бездушннй военной, что радикальные члены редакціонной Коммиссіи, отогрѣваютъ розги на груди своей; а морскіе и сухопутные офицеры, отогрѣваютъ ихъ по прежнему на солдатской спинѣ.

Что за удивительная страна, въ которой каждый человѣкъ, въ свою очередь, охотно можетъ сдѣлаться звѣремъ—нѣтъ, хуже—котомъ, палачемъ, заплечнымъ члестеромъ!

подь сурдинкой, шепчетъ министромъ финансовъ, что оно разрѣшило грабить народъ. Народъ который не знаетъ ни высочайшаго банкротства, ни высочайшаго разрѣшенія на продажу, требуетъ, въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, вина по законной цѣнѣ; ему отказываютъ, грубятъ; вѣсколько горячихъ головъ, разбиваютъ питейные дома, забывая, что отъ *безденежья* правительства—кабакъ поднялся въ рангъ церкви и дворца, что оскорбленіе кабака, становится оскорбленіемъ величества. Кража вина—не просто кража, а *винотатство!*

Послѣ совершеннаго успокоенія и *послѣ* произведеннаго слѣдствія, при которомъ, разумѣется, сѣкли сколько душъ угодно, является изъ Невской орды, баскакъ Толстой и говоря что *'судъ затянеть дѣло,' безъ всякаго суда,* деретъ *нѣскольکو десятковъ* человѣкъ; потомъ деретъ Данзасъ—послѣ Данзаса дерутъ подьячнн. Окружный *Кидошенковъ*, одинъ исполнившій долгъ, кажется какимъ-то Римскимъ героемъ, въ звѣриной пещерѣ.

Добавимъ интересный разсказъ, небольшой подробностью, кладущей александровскій вѣнокъ на это происшествіе.

На другой день сѣченія крестьянъ, въ Спасскѣ офицеры Казанскаго полка давали Толстому завтракъ, на которомъ былъ Данзасъ, чиновники и разные дворяне. На этомъ завтракѣ, полковой командиръ *Минковичъ-Петровскій* говорилъ рѣчь о предавности полка престолу, которую они *такъ ясно доказали на канунѣ*. Толстой ему отвѣчалъ.

При Николаѣ, драли, ссылали, пытали,—но всебыло покрыто молчаніемъ рабства, молчаніемъ повиновенія; а это царствованіе деретъ съ *репетиціей*, со спичами! Гласность, прогрессъ!

— **НАЧАЛО НОВЫХЪ ГОНЕНІЙ ВЪ РОССІИ.**— Въ Петропавловской крѣпости велѣно приготовить казематы. На дняхъ ждуть *двѣнадцать* студентовъ Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ, обвиненныхъ въ революціонномъ образѣ мыслей и въ революціонныхъ замыслахъ!

— "Times" отъ 24 Марта подтверждаетъ страшную вѣсть объ арестаціяхъ въ Кіевѣ и Харьковѣ, прибавляя: что такія же арестаціи были въ Казани. Между арестованными находится профессоръ КАЧАНОВСКІЙ. Корреспондентъ *Теймса* замѣчаетъ, что вѣроятно, по обычному усердію русской полиціи, какое-нибудь *литературное* общество принято за заговоръ.

За работу г. Тимашевъ! За работу III отдѣленіе!... Батракъ вашъ Лужинъ доставилъ вамъ грубую матерію, прославьте царствованіе—гласности и мягкодушнаго прекраснудшія! А *l'oeuvre* господа!

— Мы получили письмо, въ которомъ говорятъ, что обстоятельства дуэля, бывшаго въ Иркутскѣ между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, описаны въ 2 листѣ *Подъ Судъ*—въ преувеличенномъ видѣ; сверхъ того, что г. Молчановъ, секундантъ Неклюдова, совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ. Мы получили объ этомъ дуэль небольшую записочку, и два довольно длинныхъ письма (безъ подписи, но писанныя разными лицами), обстоятельства съ небольшими вариантами были сходны. Мы помѣстили цѣликомъ одно письмо; наша обязанность помѣстить и отвѣтъ, мы первые будемъ очень рады, если такимъ образомъ дадимъ случай оправдаться обвиненнымъ. Самъ новый корреспондентъ соглашается, что въ Иркутской губерніи, ходили такіе же слухи.

— Письмо Аѳинскаго профессора Ромботи будетъ напечатано въ слѣдующемъ листѣ.

Пятый листъ **ПОДЪ СУДЪ!** вышелъ 1 Апрѣля, въ немъ заключаются — *Беззаконныя дѣйствія генерала Толстаго, губернатора Данзаса и его сообщниковъ по дѣлу: Разбитіи питейныхъ домовъ въ г. Спасскѣ, (Тамбовской губерніи.)*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian Road, N. W., London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOVO!

ЛИСТЪ 68 & 69

15 АПРѢЛЯ 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, пѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian Road., N. W.

У Триюнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Гхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price one Shilling.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Слово Панина—Письма изъ Россіи—Коммиссія о крестьянскомъ дѣлѣ—Петербургскій комиссаріатъ—Дараганъ и Окуловъ—Циркуляры въ пресѣченіе и предупрежденіе гласности. Смѣсь: Мадамъ Полянская—Почта—Аѳинскій Архимандритъ—Русскій сводъ въ Яссахъ—О Головачевѣ.

СЛОВО ГРАФА ВИКТОРА ПАНИНА

КЪ ДЕПУТАТАМЪ.

“Господа,

“Вы помните слова государя императора, я ихъ глубоко запечатлѣлъ въ моей памяти и буду дѣйствовать сообразно имъ. Вы знаете, что предположенія редакціонной комиссіи еще не утверждены, а потому не могу сказать ничего, *ни успокоительнаго, ни благопріятнаго* для васъ и, надѣюсь, что вы воздержитесь отъ всего, что можетъ возбудить *большія надежды или опасенія* въ дворянствѣ. Хотя самъ *богатый помѣщикъ*, я не забуду интересы *помѣщиковъ не богатыхъ* и помня, что крестьяне не имѣютъ здѣсь своихъ представителей, я буду имѣть въ виду выгоды ихъ, тѣмъ болѣе, что вполне убѣжденъ, что дѣло не можетъ обойтись безъ жертвъ со стороны дворянъ. Это дѣло гг. наше *частное, семейное*, оно не должно выходить отсюда, а потому не надо *распространять его, а тѣмъ болѣе писать объ немъ ЗА ГРАНИЦУ*. Теперь я имѣю къ вамъ еще просьбу, господа. Я слышалъ, что многіе изъ васъ собираются у графа Шувалова, гдѣ дворянство готовится къ выборамъ, а потому и прошу васъ *прекратить ваше посѣщеніе, потому что тамъ будутъ стараться завлечь васъ*.

“Дверь моя вамъ всегда открыта, для всѣхъ и каждаго, но я прошу васъ не посѣщать меня, чтобы не подать поводъ къ толкамъ, что я нахожусь подъ вліяніемъ того или другаго. И такъ господа, совѣтую вамъ заниматься. Гг. въ этомъ отношеніи я имѣю навыкъ; нѣтъ такого важнаго государственнаго дѣла, котораго нельзя было бы окончить въ *четыре-надцать дней*.”

Безсмысленныя слова этого графа-чиновника — почти примирили насъ съ нимъ, намъ стало жаль эту длинную фигуру больнаго, у котораго на такой высотѣ размягчился мозгъ (и прежде не очень твердаго состава по правдѣ). Онъ подлежить исключительно медицинскому суду; суду общественнаго мнѣнія подлежить тотъ, кто его посадилъ вмѣсто сумашедшаго дома въ *освободительный!*

Замѣтьте, каждая фраза *плюсъ-минусъ* — равна нулю.Что значить, что Панинъ не имѣетъ ничего *ни успокои-*

Годъ IV.

тельнаго, ни благопріятнаго? Что онъ называетъ успокоительнымъ? — Оставить все по прежнему? Права на домокрадство, на постельную барщину, на шесть дней... розги, поборы?... Почему освобожденіе крестьянъ дѣло *частное и семейное*, почему его слѣдуетъ беречь подъ сурдинкой? Это дѣло земское, историческое, всероссійское, а вовсе не семейное *богатыхъ помѣщиковъ, сердобольствующихъ бѣдныхъ*. А хорошо и это хвастовство своимъ состояніемъ. Представьте себѣ судью, который бы сказалъ просителю: “Не смотря на то, что я богатъ, а ты бѣденъ, я тебя буду защищать.” За такую грубую пошлость министр юстиціи (еслибъ онъ былъ не Панинъ), долженъ былъ бы сдѣлать ему черезъ Топильскаго выговоръ.

Страхъ передъ *Колоколомъ*, намъ слишкомъ лестенъ, мы становимся на стулъ и цалуемъ его за это въ лобъ.

Донось на Шувалова и страхъ передъ нимъ — гадокъ, мелокъ. Впрочемъ хороши и мы, забыли нашего старика Крупова, — какого-же мы смысла доискиваемся въ словахъ больнаго, который все забылъ, даже Альфреда де Мюссе; иначе бы онъ зналъ: “Что дверь должна быть заперта, или открыта!”

О Круповъ, прими его, возьми его, облей его холодной водой..... еще..... еще и еще немного!

ПИСЬМА ИЗЪ РОССІИ.

.....“Грустно, грустно и грустно! Не пришлось бы Россіи сказать Александру Николаевичу, какъ сказала Татьяна Онѣгину: *А счастье было такъ возможно, такъ близко!*”

Этими поэтическими, но безконечно печальными строками оканчивается одно изъ множества писемъ, полученныхъ нами въ послѣдніе десять дней.

Письма эти сами по себѣ замѣчательны: у испуганныхъ, удивленныхъ людей, явилась потребность заявить свое негодованіе, свой крикъ боли, вслѣдъ за неожиданнымъ воскресеніемъ Николаевского времени.

Твердо перейдемъ время этого тяжелаго испытанія, станемъ добре, и не утратимъ вѣры въ Русское развитіе, оттого что слабый государь, спотыкнувшись объ Панина, упалъ въ слякоть и грязь—Лужинскихъ доновосовъ. Его жалчѣе насъ,

“Послѣ пятилѣтняго царствованія, наполнившаго надеждами сердца Римлянъ—Цезарь измѣнился!” Рѣчь шла о Неронѣ; отъ души желаемъ, чтобъ эти слова Римскаго лѣтописца, не повторились будущимъ Карамзинымъ.

Насъ упрекнуть нельзя. Мы держались до послѣдней крайности, до открытой измѣны, до преступнаго назначенія Панина, до самоуправства въ дѣлѣ *Уиковскаго и Европеуса*, до *полицейскаго* заговора, вслѣдствіе котораго нахватили студентовъ, профессора *Качановскаго*, и мы не знаемъ кого еще.* Мы могли подаваться и уступать, когда главный потокъ шелъ своимъ русломъ, теперь другое дѣло!

Прощайте, Александръ Николаевичъ, счастливаго пути! Bon voyage!... Намъ сюда.

—“Какъ? Закричать снова рыбокровные мудрецы наши Метернихи en herbe, наши Оксенштирны въ прозябеніи. —“Давно ли вы говорили...?”—Пожалуйста, гг. Сперанскіе in sere, обратитесь съ этимъ вопросомъ къ Александру Николаевичу. Изъ насъ двухъ—честь “шапке черезъ половину манежа”—принадлежитъ не намъ.

Люди умственной выправки и доктринерной шагистики, негодуютъ на наши увлеченія событіями, на то что плыви рѣкой, мы вмѣсто прямой линіи слѣдуемъ ее извилинами. Певскіе стойки—стоящіе на неизмѣнной нравственной сѣтвовой линіи, не могутъ намъ просить ни смѣла нашего, ни нашихъ слезъ, и гордо издѣваются надъ слабымъ характеромъ, которому холодно въ Декабрѣ и жарко Лѣтомъ.

Но вѣдь это происходитъ отъ того, что наши положенія розны. Они ведутъ народъ, *виушаютъ* ему, для его собственной пользы, какъ слѣдуетъ идти на Англійскій манеръ, какъ на Французскій. Мы, матеріально оторванные песчинки проснувшейся толпы, массы въ Россіи—мы только сильны инстинктомъ, по которому угадываемъ, какъ у ней бьется сердце, когда оно обливается кровью, и что она хочетъ сказать, да не можетъ.

На это мы воротимся. Теперь обращаемся къ письмамъ. Мы передадимъ только фактическую часть и слухи.

Миѣи и легенды, ходящія о назначеніи Панина, очень замѣчательны. Одинъ корреспондентъ пишетъ, что: “Муравьеву и Панину поручено было опечатать кабинетъ Ростовцева. Государь самъ явился туда и засталъ Панина одного; ждегъ часть, другой, Муравьева нѣтъ—“ну такъ я тебя назначаю предсѣдателемъ комиссіи.” Ven trovato! Нелѣпости должны быть основаны на глупой случайности. Когда люди играютъ въ жмурки, въ томъ-то и забава что они не знаютъ впередъ *кого именно* поймутъ за полу. А вѣдь еслибъ государь поймалъ и Муравьева—тѣже бы не бобра убилъ. Досадно что на эти *petit jeux*, приглашаются только свои дворовые, а то, пожалуй, случай бы палъ на Парижскаго Кислева, появившаго общину еще при Николаѣ, или на старѣйшаго бойца за освобожденіе крестьянъ съ землею П. П. Тургенева. Они повели бы дѣло лучше прежняго. А то какъ весь *embarras du choix*, между Адлербергомъ старымъ, да Адлербергомъ молодымъ, Панинымъ долгимъ, да Долгорукимъ недалкимъ—тутъ выбора нѣтъ. Тутъ и Диогенъ съ своимъ фонаремъ, кромѣ Буткова ничего бы не сыскалъ.

Не хуже и другая легенда. Назначенію Панина (и это пишутъ двое корреспондентовъ) *содѣйствовала* императрица

* Тѣмъ же отъ 9 Апрѣля опять говорить объ обыскахъ, арестаціяхъ, и между прочимъ о томъ, что у профессора ПАВЛОВА захвачены бумаги.

“вслѣдствіе экономическихъ и религіозныхъ идей своихъ, которыя не сходятся съ мыслию *освобожденія крестьянъ съ землею!*”

Дѣйствительно ни пѣтизмъ, ни политическая экономія не доведутъ до надѣла землею. Это миѣи чисто нѣмецкое, т. е. вредное, по *logisch consequent*. Христіанство требуетъ чтобъ все мы были нищими и не много бродягами; сверхъ того, оно поучаетъ чтобъ мы заботились о ближнемъ, больше чѣмъ о самомъ себѣ, потому и не мудрено, что оставаясь еще въ мірскомъ довольствѣ, государыня возжелала *прежде* освободить крестьянъ отъ *временной* земли, облегчая имъ тѣмъ самымъ надѣлъ вѣчный—панни райскія, десятинами безкопечными, отъ вѣка засѣянными, и притомъ семенами не отъ житницы, не отъ зерна!

Мы не обвиняемъ императрицу въ томъ, что она думаетъ разомъ по ученію апостоловъ Христа и апостоловъ Мальтуса, и что она не знаетъ Русскаго вопроса. Но за чѣмъ же ей мѣшаться въ такія иностранныя дѣла, какъ освобожденіе *нашихъ* Русскихъ крестьянъ, какъ надѣлъ ихъ *нашей* Русской землей?

По третьему сказанію повѣствуется что Панина назначилъ государю Ростовцевъ, умирая. Этому трудно повѣрить; неужели онъ хотѣлъ заключить свою карьеру какъ началъ, или развѣ онъ умреть въ бреду?

Что касается до героя романа, то есть до Виктора Шкитича, онъ тогчасъ началъ дѣйствовать какъ стрихнина, наводя столбнякъ и окочененіе на все живое, мертвымъ формализмомъ и убійственной буквой. Вотъ чѣмъ занялась эта голова на шесть, призванная опозлать великое дѣло освобожденія: она велѣла “членамъ комиссіи являгся въ виц-мундирахъ или фракахъ, велѣла составить *въдомость* дѣламъ рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ, имѣющимъ быть обсуживаемыми и не имѣющимъ быть обсуживаемыми.”

Но и сами комиссіи, по какому-то ясновидѣнію, иногда посѣщающему людей, передъ смертью или бѣдой, ошалѣли, предупреждая стрихнинное дѣйствіе Ивана Великаго юстиціи. “Въ административномъ отдѣленіи князь Черкасскій снова возбудилъ вопросъ о розгахъ и числѣ ударовъ, (это просто мономанія у этого человѣка!) ему возражали, что онъ уже отказался отъ розогъ печатно, на это онъ отвѣчалъ, что ‘одно въ печати, а другое на дѣлѣ;’ прибавляя Карамзино-Анцильоновскимъ стилемъ: “Кто хочетъ популярности, тотъ можетъ говорить противъ розогъ (кто противъ бога и великаго Новгородца!) а кто *серьезно мыслить*, тотъ не можетъ не признагъ ихъ необходимости.” (Непремѣнно спрошу у Стюарта Мила, у Прудона, и за неимѣніемъ Гегеля—у Фейербаха, вотъ и узнаю, *серьезно* ли они думаютъ или пѣтъ). Говорятъ, что ему сильно возражалъ Соловьевъ, и когда болотировали Черкасское предложеніе, оказалось что голоса раздѣлились пополамъ. Гамлетовскій вопросъ переложенный на русскіе нравы—*бить или не бить и если бить, то сколькои ударами?* перешелъ въ общее собраніе; тамъ произошло тоже равенство. Голосъ предсѣдателя Булгакова (коего упражненія въ риторическомъ стилѣ мы имѣемъ) долженъ былъ дать перевѣсъ. Жаль сдѣлалось веле рѣчивому предсѣдателю—сѣколкобываго князя, и онъ склонился на сторону розогъ; они то послужатъ торжественными ваіями, которыми члены умилоствивать у вратъ града Іакова, когда изъ Кафернауна юстиціи будетъ вѣзжать въ нихъ Панинъ, снѣя на скромномъ Топильскомъ.

Говорятъ, что либеральныя защитники *розги* извиняются тѣмъ, что разрѣшены только *двадцать ударовъ* (экіе дикіе Татары, пусть прикинутъ на счетахъ $20 + 20 + 20 + 20 =$ сколькобудетъ?) Впрочемъ пусть останутся розги въ самомъ дѣлѣ, во все продолженіе неглаго переходнаго состоянія — какъ памятникъ, гнусной, позорной, не аристократической касты, а касты палачей и плантаторовъ. Честь и слава гражданамъ *не щущимъ популярности* и поддерживающимъ свирѣбые и кровавые аппетиты сословія, которому можетъ безъ этого *народъ простить бы прошедшее!**

КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Докладъ 12^й (виды натуральной повинности и способы ея отпращиванія) составляетъ дѣйствительный инвентарь, которому будетъ подчинена большая часть крѣпостныхъ крестьянъ, потому что большая часть крестьянъ на барщинѣ, а не на оброкѣ, и не трудно отгадать, что почти всѣ барщинныя имѣнья перейдутъ на натуральную повинность, а не на денежную.

Этотъ инвентарь продлится два года, а можетъ быть и во все время переходнаго положенія, тамъ гдѣ крестьяне, изнуренные барщиной, не будутъ въ возможности перейти на оброкъ; а барщина будетъ хуже чѣмъ когда нибудь; помѣщики, не смотря на инвентарь, поторопятся выжать послѣдній сокъ изъ мужиковъ. Инвентарь 12го доклада — при двухлѣтней, а можетъ и безсрочной барщинѣ — кое гдѣ облегчаетъ, а иной разъ ухудшаетъ бытъ крестьянъ. Такимъ образомъ облегченіемъ служить сведеніе трехдневной барщины на двухдневную; явнымъ ухудшеніемъ служить то, что хозяйств. отдѣленіе, смотрящее съ искоса на круговую поруку въ дѣлѣ денежныхъ повинностей, вполне воспользовалась ею тамъ, гдѣ она теперь на дѣлѣ не существуетъ. Теперь нигдѣ община не отвѣчаетъ за неявку по болѣзни или иной причинѣ работника или работницы на барщину, а по новому инвентарю въ случаѣ такой неявки, община должна выставить ихъ отъ себя. Впрочемъ — лучше выписать текстъ заключеній хозяйств. отдѣленія:

1) Различныя виды рабочихъ дней, допускаемые при отбываніи барщинной повинности, суть:

- По временамъ года: лѣтніе и зимніе. Первые полагаются съ Апрѣля по 1 Октября, а зимніе въ остальное время года.
- По свойству работъ: мужскіе и женскіе.

* Въ двухъ письмахъ, полученныхъ нами, есть противурѣчіе въ одномъ имени. Шутить этимъ нечего, Люди подавшіе въ 1860 году голосъ за розгу, должны знать что ихъ имена останутся у позорнаго столба, какіе бы они ни были бюрократы, администраторы или товарищи. Вотъ почему мы искренно просимъ сообщить намъ вѣренъ ли этотъ списокъ именъ:

Противъ стѣненія.

Гирсъ,
Соловьевъ,
Дометовичъ,
Бунге,
Арапетовъ,
Кн. Голицынъ,
Любошинскій,
Заблоцкий,
Кульчичъ,
Калачовъ,
Будыгивъ,

За стѣненіе.

Кв. Черкасскій,
Самаринъ (?),
Милютинъ,
Галаганъ,
Семеновъ,
Семеновъ 2,
Булгаковъ,
Татариновъ,
Гродяноко,
Загѣскій,
Желѣзновъ.

Въ другомъ письмѣ совсѣмъ напротивъ, именно сказано, что Самаринъ былъ совершенно противъ Черкасскихъ бичеваній

в) Мужскіе дни раздѣляются на конные или воловые (тяглые) и пѣшіе.

2) Замятъ дней мужскихъ желскими и на оборотъ, безъ добровольнаго на то согласія крестьянъ, не допускается.

“3) Въ счетъ определенныхъ Положеніемъ рабочихъ дней помѣщикъ имѣетъ полное право требовать одноковные или пѣшіе мужскіе дни, по своему усмотрѣнію.

“Примѣчаніе. Для тѣхъ губерній, гдѣ земля обрабатывается пароконными и трехконными плугами, будутъ составлены особыя правила, по разсмотрѣніи Положенія Комитетовъ сихъ губерній.

4) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля вообще обрабатывается волами и плугомъ, помѣщикъ имѣетъ право, при наибольшемъ надѣлѣ земли, требовать тяглыхъ дней $\frac{1}{5}$ часть изъ всего опредѣленнаго въ повинности количества дней. При замятѣ тяглыхъ дней пѣшими, въ случаѣ недостатка рабочаго скота у крестьянъ, (1) за каждый тяглый день отбывается два пѣшихъ.

“5) Въ всего количества рабочихъ дней, слѣдующихъ помѣщику отъ крестьянъ, каждое тягло обязано отработать, въ теченіе одной недѣли, отнюдь не болѣе двухъ дней мужскихъ и столько же женскихъ, и не менѣе одного дня мужскаго.

“6) Если при раскладѣ по недѣлямъ общаго годоваго количества рабочихъ дней причитающихся въ пользу помѣщика, придется менѣе двухъ дней въ каждую недѣлю, то сперва отчисляется по одному рабочему дню на всѣ недѣли, а потомъ излишекъ дней распределяется между недѣлями, по усмотрѣнію помѣщика, съ соблюденіемъ лишь того непремѣннаго правила, которое опредѣлено въ 5-мъ пунктѣ. Означенное распределеніе должно быть заявлено крестьянамъ заблаговременно, не позже 1 Марта, на цѣлый годъ впередъ.

“7) Рабочіе дни не могутъ быть принудительно перепосимы изъ одной недѣли на другую.

“8) Въ предѣлахъ каждой недѣли помѣщикъ имѣетъ право, не превышая установленнаго числа дней съ каждого тягла, располагать дни по своему усмотрѣнію, объявляя о томъ на каждую недѣлю впередъ, и съ тѣмъ, чтобы въ одинъ и тотъ же день было требуемо на работу не болѣе всѣхъ наличныхъ работниковъ, и не менѣе половины оныхъ. (2)

“9) Помѣщику принадлежитъ право требовать рабочихъ отъ общества и распределять ихъ на работы по своему усмотрѣнію. Нарядъ же работниковъ производится самимъ обществомъ.

“Примѣчаніе. Для того и другаго будутъ опредѣлены нѣкоторыя правила въ одномъ изъ слѣдующихъ докладовъ.

“10) Возрастъ для рабочихъ людей опредѣляется: для мужскихъ — отъ 18 до 55 лѣтъ, а для женскихъ — отъ 17 до 50 лѣтъ. Людей же моложе или старѣе ни помѣщикъ не имѣетъ права требовать, ни общество высылать на работу.

“11) Крестьяне должны являться на работу въ исправномъ видѣ и съ исправными орудіями. Каждаго работника, явившагося въ неисправномъ видѣ, или съ неисправными орудіями, помѣщикъ имѣетъ право не принять на работу и считать рабочій день въ недоимкѣ на обществѣ. (3)

“12) Крестьяне имѣютъ право выставять за себя другихъ работниковъ, могущихъ выполнять то, что на нихъ по наряду назначено.

“13) Въ дни праздничные, закономъ опредѣленные, никакія работы не должны быть производимы, но праздничные дни отработываются крестьянами въ слѣдующіе за праздниками дни, или имъ предшествующіе, въ предѣлахъ той же недѣли.

“14) Крестьяне больные, а также женщины въ послѣдній періодъ беременности и въ продолженіи шести недѣль послѣ родовъ, не могутъ быть высылемы на работу, но общество обязано высылать за нихъ здоровыхъ и способныхъ работниковъ и работницъ. (4)

“15) Если работа прервана по причинѣ неастья и помѣщикъ отсылаетъ людей обратно, то эти дни считаются отработанными. Впрочемъ помѣщику предоставляется право обратитъ крестьянъ на другую работу, не терпящую отъ неастья, если къ тому представляется возможность.

“16) Помѣщикъ не имѣетъ права, ни подъ какимъ видомъ, требовать рабочихъ дней сверхъ опредѣленнаго Положеніемъ размѣра, хотя бы и за плату, развѣ послѣдуетъ на это добровольное соглашеніе съ крестьянами.

(1) Что обыкловенно происходитъ отъ того что крестьяне раззорены помѣщикомъ.

(2) Это уже притѣсненіе самаго помѣщика: хочешь не хочешь, а бери половину рабочихъ.

(3) и (4) Обращеніе круговой поруки въ притѣсненіе. Да оно такъ и должно быть: круговая порука въ денежной уплатѣ есть результатъ союза членовъ свободнаго общества и ихъ взаимнаго кредита; а въ рабскомъ устройствѣ барщины можетъ явиться только насильственная отвѣтственность, рабовъ одного за другаго во имя власти рабовладѣльца. Надо замѣтить, что даже и теперь этой круговой поруки нигдѣ не существуетъ.

“17) Конная или воловая повинность должна отбываться вообще въ предѣлахъ имѣнія. Правила же для подводъ внѣ границъ имѣнія, опредѣляются урочнымъ положеніемъ.”(5)

“18) Въ опредѣленномъ Положеніемъ размѣрѣ барщинная повинность отбывается, безъ различія, и на всѣхъ существующихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ фабрикахъ и заводахъ, съ слѣдующими ограниченіями :

“а) Крестьяне не должны быть употребляемы на работы, явво вредныя для здоровья.”(6)

“б) На тѣхъ фабричныхъ и заводскихъ работахъ, которыя производятся по ночамъ, каждая ночь, проведенная въ работѣ, зачисляется за полтора рабочихъ дня.

“в) Фабрики и заводы, которые будутъ устроены послѣ обнародованія Положенія, не могутъ пользоваться обязательнымъ трудомъ крестьянъ, а должны довольствоваться трудомъ вольнонаемнымъ.

“19) По способу исполненія, всѣ повинностныя работы раздѣляются на урочныя и неурочныя. Для урочныхъ работъ должно быть составлено урочное положеніе, по правиламъ, которыя будутъ изложены въ одномъ изъ слѣдующихъ докладовъ, а для работъ неурочныхъ будетъ опредѣлено число рабочихъ часовъ въ сутки.”

Докладъ 13^й (право пользованія усадьбою до выкупа и право собственности на выкупленныя земли) основанный на ложномъ, не родномъ началѣ выкупа усадебъ отдѣльно отъ полевой земли, разумѣется хромаетъ на ту же ногу какъ и всѣ заключенія хозяйств. отдѣленія, кромѣ перваго. Обычное общинное право землевладѣнія нарушено.... Для чего? Подумаемъ для утвержденія личной собственности? Ни чуть! Для утвержденія личнаго, безсрочнаго права пользованія за повинности. Вотъ пунктъ 1^й.

“Каждому крестьянскому семейству предоставляется въ безсрочное, по мѣстному пользованію вышняя его усадебная осѣдность, за опредѣленными повинности.”

Постараемся еще ближе уяснить разницу нѣкоторыхъ экономическихъ понятій. Вѣчная рента, платимая помѣщику за безсрочное право пользованія, не ограждаетъ собственности крестьянина такъ, какъ ее ограждаетъ выкупъ съ погашеніемъ въ срочное время. Иначе: вѣчный наемъ не есть собственность. Наемъ можетъ быть нарушенъ при малѣйшей просрочкѣ въ исполненіи условій найма, а просрочка гораздо вѣроятнѣе, потому что наемщикъ лишень того кредита, который имѣетъ собственникъ; община которая будетъ ванимать, а не владѣть — не будетъ независима и не разовьетъ того новаго живаго кредита, котораго начала лежать въ общинномъ владѣніи и круговой отвѣтственности. При выкупѣ съ погашеніемъ государство необходимо дастъ, на время выкупа, льготы крестьянамъ относительно государственныхъ податей; при вѣчной рентѣ этого не будетъ; къ рентѣ прибавятся тѣ налоги, которые падаютъ на все общество. Земельная рента ложное понятіе, которое имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ право на землю признано за нѣкоторыми, а остальное населеніе можетъ быть только наемщикомъ; но тогда уже существованіе земельной ренты предполагаетъ свободу найма, свободу каждаго нанимать или не нанимать. Существованіе же ренты обязательной для цѣлаго сословія, которое ни по положенію, ни по праву не можетъ не нанимать земли — еще безобразнѣе. Понятіе ренты до такой степени чуждо русскому понятію — права каждаго на землю, что въ нашей общинѣ право пользованія каждаго участкомъ нисколько не влечетъ за собою никакой ренты въ пользу общины. Каждый членъ общины пользуется своимъ участкомъ вслѣдствіи дароваго

права на землю, не какъ наемщикъ, а какъ участникъ въ общинной собственности. Конечно съ правомъ на землю; съ участіемъ въ общинной собственности соединяется обязанность участвовать въ платежѣ податей; но вѣроятно никто не смѣшаетъ понятія подати или налога съ понятіемъ ренты: рента—процентъ съ найма земли, а налогъ—та доля дохода, которую частный человекъ жертвуетъ на общественныя нужды, все равно — будь эти нужды обсуживаемы келейно правительствомъ, какъ у насъ,—или всенародно, какъ въ свободныхъ государствахъ; сущность понятія не мѣняется. Ни въ какомъ случаѣ налогъ не представляетъ ренты; даже подать, платимая государственными крестьянами, не представляетъ процентъ съ найма земли, хотя правительство и объявило себя фантастическимъ собственникомъ государственныхъ имуществъ; подать государственныхъ крестьянъ таже доля частнаго дохода, уступаемая на общественныя нужды. Понятіе ренты также не смѣшивается съ понятіемъ дохода, потому что рента платимая самому себѣ, т. е. доходъ, производимый собственнымъ трудомъ, — нисколько не есть рента, платимая съ найма не трудящемуся, т. е. оброкъ. Оброкъ, обращаемый въ вѣчный оброкъ, совершенно равняется понятію ренты; свести крестьянъ на вѣчный оброкъ значить лишить ихъ значенія самостоятельныхъ собственниковъ—общинныхъ ли какъ въ коренной Россіи, или отдѣльныхъ какъ въ западныхъ губерніяхъ: значить — юридически признать собственность за помѣщикомъ. Между тѣмъ выкупъ, даже не есть юридическое признаніе теперичней собственности помѣщиковъ; выкупъ есть со стороны крестьянъ согласіе заплатить за свое обычное, de facto существующее право на земельную собственность, лишь бы мирно распутать узелъ, ставящій государство въ трудное положеніе, согласіе, которое крестьяне дадутъ тѣмъ охотнѣе, что выкупъ все же станетъ имъ дешевле, чѣмъ распутываніе узла посредствомъ возстанія и кровопролитій. Выкупъ основанъ не на юридическомъ вопросѣ о собственности, а на вопросѣ государственнаго спасенія.

Отсюда мы смѣло заключимъ, что введеніе вѣчной ренты, вмѣсто опредѣеннаго выкупа, уже вообще есть введеніе ложнаго и невужнаго начала въ русскую жизнь, начала, отъ котораго народъ впоследствии необходимо захочетъ отдѣлаться такъ или иначе, подобно тому какъ теперь хочетъ отдѣлаться отъ крѣпостнаго права; но еще безобразнѣе вводить вѣчную ренту за право отдѣльнаго пользованія усадьбами, которое кромѣ надбавки за усадьбы сверхъ полевой земли, еще вносить въ общинное землевладѣніе постороннее, непрошенное начало, искажающее общинное обычное право и нисколько необеспечивающее право личное. Хозяйств. отдѣленіе, нарушая общинное право владѣнія, само приходитъ къ тому, что его нарушить не лзя, и вотъ пунктъ 2^й:

“Переуступка отдѣльнымъ домохозяиномъ права пользованія своей усадьбой другому члену, принадлежащему къ обществу, допускается только съ согласія общества.”

Спрашиваемъ: Что за личная собственность съ лишеніемъ свободы располагать ею? Это явное противурѣчіе, смыслу личной собственности; это хаосъ понятій. Стоило-ли нарушать крестьянское пониманіе права владѣнія для того, чтобы придти къ логической невозможности, къ формулѣ $+ - = 0$?

Пунктъ 9: “По выкупѣ усадебной земли цѣлымъ обществомъ, оно не вправе, во все продолженіе девятилѣтняго обязательнаго пользованія надѣломъ, имъ отчуждать, какимъ бы то ни было образомъ, ни закладывать усадебную

(5) Въ докладѣ 16-мъ.

(6) Только на тайно вредныя.

землю въ полномъ ея составѣ; отдѣльные же участки изъ принадлежащей обществу усадьбы она можетъ, въ означенный періодъ, продавать въ частную собственность членамъ общества, а равно лицамъ, принятымъ въ составъ его, съ возложеніемъ на нихъ обязанности нести всѣ установленныя повинности. По истеченіи же означенныхъ девяти лѣтъ выкупленные усадьбы составляютъ уже полную собственность крестьянскихъ обществъ.”

До сихъ поръ домохозяева владѣли усадьбами даромъ и платили повинности обычнымъ порядкомъ. Неужто хозяйств. отдѣленіе думаетъ, что по его рецепту, кто нибудь станетъ покупать то, чѣмъ безъ покупки пользуется даромъ? И покупать для того, чтобъ получить вещь въ личную потомственную собственность безъ права располагать ею по усмотрѣнію, не спрашиваясь у постороннихъ? Ошибается хозяйств. отдѣленіе,—если думаетъ, что пересоздаетъ Россію; оно ее переискажаетъ вслѣдствіи непониманія народной жизни и неясности собственныхъ убѣжденій.

Докладъ 14ой раздѣленъ на два отдѣла: 1) О способѣ взиманія денежныхъ повинностей; 2) О службѣ крестьянъ, получившихъ техническое образованіе попеченіемъ помѣщика и занимающихъ въ его хозяйствѣ различныя должности.

1ой Отдѣлъ, пунктъ 1ой: “Крестьянское общество уплачиваетъ, чрезъ сельскихъ старостъ или особыхъ сборщиковъ, слѣдующія съ него денежные повинности, за надѣлъ землею и за другія предоставленныя крестьянамъ выгоды, непосредственно помѣщику.

“Примѣчаніе. Впрочемъ каждому крестьянину не воспрещается вносить оброкъ прямо помѣщику, если на это послѣдуетъ согласіе помѣщика и общества.”

Передъ глазами хозяйств. отдѣленія были мнѣнія Тверскаго большинства и Владимірскаго меньшинства, которыя и при переходномъ положеніи предоставляли взносы оброковъ въ казначейство, по мимо помѣщика, что равно устраняло и произволь и вмѣшательство помѣщика въ дѣла общины, и опасность, грозящую помѣщику за это уже несовременное вмѣшательство. Но хозяйственное отдѣленіе привало отъ губернскихъ комитетовъ именно то рѣшеніе, которое равно несправедливо и опасно, потому что при освобожденіи поддерживаетъ крѣпостную зависимость. Это рѣшеніе въ хозяйственномъ отдѣленіи было вѣроятно со стороны благонамѣренныхъ членовъ уступкой узко-помѣщичьей сторонѣ. Тонкіе дипломаты пошли на уступки, думая этимъ путемъ достигнуть до цѣли освобожденія; но этимъ путемъ хорошія цѣли не достигаются. Порядочные люди, при подобной разногласицѣ, выходятъ въ отставку, не жертвуя правдой и благомъ общимъ, и выходятъ ихъ имѣть огромное вліяніе благороднаго поступка. А уступки..... уступки ведутъ только къ утратѣ уваженія въ общественномъ мнѣніи и внутренняго уваженія къ самому себѣ.

Пунктъ 3^{ій}: “Сроки платежа оброка помѣщику устанавливаются по существующему въ каждой мѣстности обыкновению или по новому взаимному соглашенію и вписываются въ уставную грамоту. При недостаткѣ же соглашенія помѣщикъ имѣетъ право требовать уплаты оброка по полугоду впередъ.”

Это намъ напоминаетъ помѣщицу Коробочку, которая говорила дѣвкѣ: “Аксютка—выходи за мужъ за Андрюшку по собственному согласію; а вѣдь если ты, дура, собственного согласія не дашь, то тебя обвѣчаютъ насильно.”

10ой Отдѣлъ, пункты 8, 6: “Крестьяне, обученные ремесламъ или приготовленные къ занятію хозяйственныхъ должностей попеченіемъ помѣщика, освобождаются отъ платежа какого бы то ни было вознагражденія за ученіе и отбываютъ, за отведенную имъ въ пользованіе землю, слѣдующія съ нихъ повинности, на равнѣ съ прочими крестьянами.

“Примѣчаніе. Правила относящіяся до тѣхъ изъ крестьянъ, которые не кончили ученія ко времени обнародованія новаго Положенія, должны быть согласованы съ докладомъ о дворовыхъ людяхъ.

“Крестьяне и крестьянки, занимающіе изъ имѣнія помѣщика хозяйственные должности, исполняютъ настоящія ихъ обязанности во все продолженіе времени, опредѣленнаго для приведенія въ дѣйствіе новаго Положенія. По выдачѣ же обществу уставной грамоты они поступаютъ, на общемъ основаніи, на оброкъ, или остаются при должностяхъ по особому съ помѣщикомъ условію.”

Тутъ есть тѣнь облегченія, но объ этомъ при докладѣ о дворовыхъ людяхъ.

Докладъ 15ой—вышіе и низшіе размѣры крестьянскихъ надѣловъ. Мы не станемъ входить въ разборъ произвольныхъ цифръ хозяйственнаго отдѣленія; подобный регламентъ центральной комиссіи не можетъ не быть произвольнымъ; предрѣшеніе мѣстныхъ подробностей—невозможная задача. Принятіе существующаго надѣла избавляло хозяйственное отдѣленіе отъ лишняго труда. Низшій размѣръ могъ быть опредѣленъ только тамъ, гдѣ у крестьянъ надѣлъ недостаточенъ, не по мѣстному недостатку земли, а по произволу помѣщика; высшій размѣръ совершенно лишнее опредѣленіе: при выкупѣ крестьяне имѣли бы право продать то, что имъ показалось бы за лишнее; у помѣщика не можетъ быть интереса всучить крестьянамъ лишнюю землю, развѣ выкупъ былъ бы основанъ на сверхобычныхъ цѣнахъ на землю, но такой выкупъ невообразимъ.

Къ этому докладу приложены вѣдомости: 1) о количествѣ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по 21ой губерніи, и 2) раздѣленіе уѣздовъ на мѣстности по величинѣ наибольшаго и наименьшаго надѣла крестьянъ угодыми. Эти приложенія безъ сомнѣнія составляютъ драгоценныя статистическія данныя.

Докладъ 16ый—способъ исполненія натуральныхъ повинностей. Это подробный инвентарь барщины. Самое допущеніе барщины хозяйственнымъ отдѣленіемъ есть уже государственное преступленіе, по этому мы и не станемъ входить въ разборъ инвентаря, который опять родъ свода законовъ и опять вносить предрѣшеніе мѣстныхъ подробностей невозможное для центральной комиссіи. Работы раздѣлены на урочныя и безурочныя (часовыя), допущены барщинныя подводы за сто верстъ, и—при неправильномъ нарядѣ на работу—крестьянамъ приказано непрекословно повиноваться, а потомъ дозволено неизвѣстно кому жаловаться.

Докладъ 17ый—нормальный размѣръ повинностей. Россія раздѣлена на черноземную, нечерноземную и степную. Нечерноземная подраздѣляется на оброчную и издѣльную, т. е. земледѣльскую; послѣдняя состоитъ изъ губерній Псковской, Витебской и Минской. Оброкъ назначенъ высшій въ 9 р. съ души, а въ промышленныхъ мѣстностяхъ 10 р.; въ черноземной полосѣ и Псковской губерніи 8 р. съ души. Оброкъ разверстанъ подесятинно; на пр. девятирублевый оброкъ при 3½ дес. на душу: 1ая десят. 4 р.; 2ая десят. 2 р. 50 к.—1 р. 66½ к.—83½ к.; а при 8 дес. на душу 4 р.—1 р. 60 к., а остальные по 56½ к. Или, для черноземныхъ при 3 дес. надѣла. 3 р. 50 к.—2 р. 25 к.—2 р. 25 к. А въ степныхъ, сказано какъ въ черноземныхъ и вотъ расчетъ при 6½ дес.: первая 3 р. 50 к., а остальные по 81 1/7 к., а за 1/2 десят. 40 1/7 к.; а при 12½ дес.: первая 3 р. 50 к.; остальные по 39 3/7 к., а за послѣднія 1/2 дес. 19 1/7 к. Къ этому примѣчаніе: “При окончательномъ составленіи Положенія, всѣ цифры, представляющія различныя градации, должны быть пересмотрѣны, съ цѣлю, между прочимъ, устранить всѣ дроби, хотя бы даже, черезъ это, должна была подпиться или опуститься на нѣсколько

копѣекъ нормальная цифра повинности, возложенной на первую десятину.” — Какъ будто кто толкалъ хозяйственное отдѣленіе, при совершенно произвольныхъ цифрахъ, брать именно такія, которыя даютъ дробь вовсе не соизмѣримая ни съ существующими деньгами, ни съ десятиричнымъ счисленіемъ вообще.

Къ этому докладу приложена составленная въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ вѣдомость о числѣ оброчныхъ и издѣльныхъ крестьянъ и о повинностяхъ ихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по 21 губерніи, что конечно служить важнымъ статистическимъ матеріаломъ.

За симъ слѣдуетъ любопытный докладъ юридическаго и хозяйственнаго отдѣленій совокупно—объ устройствѣ дворовыхъ людей. Куча дикихъ понятій, представленныхъ въ редакціонныя комиссіи большею частію губернскихъ комитетовъ, поставила оба отдѣленія въ самое трудное положеніе по этому вопросу. Вѣроятно имъ приходилось много спорить; во многомъ они вышли побѣдителями надъ плантаторскими требованіями, во многомъ они уступили съ обычной шаткостью, и—главное не вышли побѣдителями надъ собственнымъ призракомъ переходнаго положенія, и сколько ни сократили его для дворовыхъ, но все же оставили, а съ нимъ вмѣстѣ ввели въ свои заключенія всю запутанность невозможной задачи.

Первое что бросается въ глаза—это грязная уловка, употребленная помѣщиками при подачѣ сказокъ по 10ой ревизіи. Помѣщики желая, при освобожденіи крестьянъ съ землею, утаить въ свою пользу часть крестьянскаго надѣла, и полагая, что дворовымъ не слѣдуетъ дать никакого надѣла, показали огромное число крестьянъ—дворовыми. Къ чести дворянства надо замѣтить, что это облыжное показаніе случилось не во всѣхъ губерніяхъ, а только въ нѣкоторыхъ, а именно :

Въ губерніяхъ	Крестьянъ			Дворовыхъ		
	по 9 рев.	по 10 рев.		по 9 рев.	по 10 рев.	
Воронежской	222,556	225,297	+ 2,741	20,691	33,737	+ 12,046
Екатеринославской	151,092	134,590	—16,502	7,762	28,349	+20,587
Костромской	278,704	277,771	— 933	108	14,766	+14,658
Курской	309,080	280,649	—28,431	43,017	69,055	+26,038
Минской	287,966	265,305	—22,661	388	7,442	+ 7,059
Орловской	334,388	327,675	—26,713	33,202	43,095	+ 9,893
Пензенской	249,080	248,472	— 608	13,717	19,203	+ 5,486
Полтавской	312,689	285,617	—27,072	12,743	40,787	+28,044
Харьковской	210,491	185,894	—24,597	13,388	44,124	+30,736
Херсонской	150,113	129,597	—20,516	7,251	31,075	+23,824
Черниговской	271,221	239,860	—31,361	6,140	25,156	+19,016

Эти губерніи особо помѣчены въ докладѣ (стр. 127); но мы сверхъ того имѣемъ сильное подозрѣніе въ ложномъ показаніи крестьянъ дворовыми по губерніямъ: Рязанской, гдѣ изъ 357,984 душъ крестьянъ убыло 594, а на 30,861 дворовыхъ прибыло 3,818; Симбирской, гдѣ на 201,594 душъ крестьянъ прибыло 414, а на 10,609 дворовыхъ 2,303; Ставропольской, гдѣ изъ 7,582 крестьянъ убыло 970, а на 660 дворовыхъ прибыло 195; Таврической, гдѣ изъ 12,297 крестьянъ убыло 1,419, а на 1,882 дворовыхъ прибыло 841; Тамбовской, гдѣ на 330,043 крестьянъ прибыло 1,142, а на 29,490 дворовыхъ 9992. Какъ бы дворовое населеніе ни умножалось быстрѣе сравнительно съ крестьянскимъ, но такое отношеніе все же невѣроятно. Особенно замѣчательно также, что въ Саратовской губерніи изъ 307,728 крестьянъ убыло 6,900, а на 15,528 дворовыхъ прибыло 6,100, т. е. близко къ тому, что сколько убыло крестьянъ, столько прибыло дворовыхъ. Тутъ ложь очевидна. Въ Бессарабской области

крѣпостныхъ цыганъ-крестьянъ по 9ой ревизіи было 2,736, а по 10ой убыло 2,763; за то дворовыхъ не было вовсе, а по 10ой ревизіи прибыло 3,214. Честь и слава администраціи новороссійскаго края, что такая ревизская сказка никому изъ великихъ мужей, которымъ оный край высочайше вѣренъ въ управленіе, даже самому эксъ-министру Строганову—не бросилась въ глаза и не была возвращена съ надписью для исправленія.

Всего по цифрамъ доклада :

По 9-й переписи было крестьянъ . . 10,031,215; дворовыхъ 522,626
По 10-й переписи значится — . . 9,728,207; — 724,314.

Убыль въ крестьянахъ составляетъ 2,33%; прибыль дворовыхъ 38,5%.

Много хлопотъ стоило отдѣленіямъ вывернуться изъ этой лжи. Сказать просто, что это ложь—значило бы съ-изнова начинать народную перепись. Отдѣленія рѣшили такъ :

1ый пунктъ заключеній: “Къ числу дворовыхъ людей принадлежать только тѣ, которые по 10-й ревизіи показаны дворовыми при населенныхъ имѣніяхъ, домахъ и при денежномъ обезпеченіи податей.”

Это было бы совершенно въ пользу облыжныхъ показаній по 10й переписи; но дѣло поправляютъ пункты 22 и 23.

“22) Изъ числа дворовыхъ людей, значущихся таковыми по 10-й ревизіи, получаютъ право обязательнаго поземельнаго надѣла наравнѣ съ крестьянами тѣ: а) которые или сами пользуются тягловымъ надѣломъ или пользовались усадебною осядлостію на деревнѣ наравнѣ съ крестьянами, до обнародованія указа 2 Марта 1858 года, или имѣютъ на деревнѣ отца или роднаго брата, вмѣстѣ съ прочими крестьянами владѣющаго тягловымъ надѣломъ, или по крайней мѣрѣ крестьянскою усадьбою; б) дворовые въ западныхъ губерніяхъ, которые, въ нарушеніе инвентарныхъ правилъ, перечислены во дворъ изъ крестьянъ безъ собственнаго на то согласія.

“23) Исчисленные въ 22 ст. дворовые люди, которые подлежатъ вписанію, въ уставныя грамоты, въ число крестьянъ, входятъ въ составъ мірскихъ обществъ и принимаются въ расчетъ при исчисленіи высшаго и низшаго размѣра поземельнаго надѣла общества. Но помѣщикъ, при водвореніи ихъ въ крестьянство, не обязанъ обзаводить ихъ домами или хозяйствомъ.*

За тѣмъ всѣ заключенія отдѣленій относятся къ переходному положенію, безпрестанно встрѣчается—“обязательная служба въ продолженіи періода, назначаемая для приведенія Положенія въ исполненіе,” и только разъ, какъ будто мимоходомъ, говоря объ увольненіи дворовыхъ внесшихъ оброкъ впередъ за два года, “т. е. за все время продолженія,”—докладъ намекаетъ на то, что срокъ обязательной службы дворовыхъ два года (пунктъ 12). Нѣтъ статьи, которая бы ясно и ярко говорила: срокъ обязательной службы два года, какъ будто отдѣленія сами не увѣрены—два ли года или больше. Кромѣ 12го пункта, гдѣ о двухъ годахъ упомянуто мимоходомъ, вездѣ говорится о срокѣ вообще, и къ этому сроку вообще, по примѣчанію къ пункту 24му, прикинуть еще одинъ годъ, въ продолженіи котораго помѣщикъ “сохраняетъ право тѣхъ изъ дворовыхъ людей, которые воспользуются безвозмезднымъ у него помѣщеніемъ, въ случаѣ ихъ буйства или худаго поведенія, подвергать исправительному наказанію черезъ Городскую и Земскую Полицію, на основаніи ст. 16-й, и удаленію изъ своего дома, на основаніи ст. 17-й и примѣчанія къ оной.”

Пунктъ 16й: “Во все время обязательной своей службы дворовые люди, проживающіе въ имѣніи или въ домѣ владѣльца, за буйство, нерадѣніе или худое поведеніе, подвергаются исправительному черезъ Городскую или Земскую Полицію взыскацію, по письменному требованію владѣльца, съ объясненіемъ вины двороваго челоуѣка. Полиція подвергаетъ послѣдняго, соразмѣрно винѣ, взыскацію не иначе, какъ по истребованію отъ него объясненія. Собственною же властію владѣлецъ, или повѣренный его, можетъ подвергать дворовыхъ людей наказанію только арестомъ не болѣе трехъ дней, вычетомъ изъ жалованья, или переводомъ съ одной работы на другую.”

* Очень хорошо—если онъ не отнималъ у нихъ усадьбы при перечисленіи о дворъ, а если отъялъ? . . .

Пунктъ 17й : “Кромѣ того, предоставляется владѣльцу, во все время обязательной службы дворовыхъ людей, право обращаться къ указанному Положеніемъ мѣстному учрежденію или лицу, съ просьбою, въ которой владѣлецъ, отказываясь отъ обязательной службы двороваго челоѣка, можетъ просить объ удаленіи его изъ имѣнія или дома. Въ этомъ случаѣ мѣстное учрежденіе или лицо, если не найдетъ къ тому препятствія въ дряхлости или болѣзненномъ состояніи удаляемаго, выдаетъ дворовому увольнительное свидѣтельство, независимо отъ его согласія. Но если дворовый обвиняется владѣльцемъ, ходатайствующимъ объ его удаленіи, въ преступленіи или проступкѣ, то мѣстное учрежденіе или лицо дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія, для наказанія двороваго челоѣка по суду или по полицейскому приговору, если обвиненіе окажется справедливымъ.”

И за тѣмъ уже прекращаются всякаго рода обязательныя отношенія, замѣняясь свободнымъ договоромъ (пунктъ 25).

Заключенія доклада предоставляютъ разныя льготы дворовымъ :

Пунктъ 20й : “По обнародованіи Положенія о крестьянахъ, дворовые люди приобретаютъ права семейныя и по имуществу, предоставленныя срочно-обязаннымъ крестьянамъ, и право жалобы.”

Жалобу эту они (по пункту 6му) приносятъ *лицу или учрежденію*, и по пункту 7му — если жалоба слѣдствіемъ подтвердится освобождаются отъ обязательной службы, если иѣтъ подвергаются *взысканію, по опредѣленію подлежащаго мѣстнаго учрежденія* (объ *лицѣ* тутъ не упомянуто).

По пункту 3му дворовые обоого пола могутъ вступать въ бракъ безъ согласія владѣльца, по “жена и дѣти двороваго, вступившаго, безъ разрѣшенія владѣльца, въ бракъ съ постороннею дѣвицею или вдовою, могутъ жить въ домѣ владѣльца и пользоваться его содержаніемъ не иначе, какъ съ его разрѣшенія.”

Этотъ одинъ пунктъ, ставящій двороваго въ ложное положеніе, гдѣ воля жепиться дана, по средства къ содержанію семейства отняты, — не разъ будетъ причиною убоженія помѣщиковъ.

Дворовые сохраняютъ *приобрѣтенное или движимое имущество* (пунктъ 4й). Вопросъ: предметы, *данные* дворовымъ отъ помѣщика — платье, обувь, инструменты, корова лошадь и пр. считаются ли *приобрѣтенными*, или помѣщикъ можетъ ихъ взять назадъ?

А какое это мѣстное учрежденіе или лицо — объ этомъ никто не знаетъ. Мѣстное лицо!.. Ужъ не отпосится ли это къ мѣстнымъ образамъ?.....

Дворовые не могутъ быть отдаваемы въ услуженіе постороннимъ лицамъ (пунктъ 10). Получаютъ отъ владѣльца *тоже* содержаніе; конимъ доселѣ пользовались, и жалованье — по “*ближайшему* усмотрѣнію самаго владѣльца (пунктъ 15й).” По вѣдъ владѣлецъ можетъ на счетъ жалованья руководствоваться *дальнѣйшимъ* усмотрѣніемъ...

Пунктъ 11й : “Дворовые люди, во время обнародованія Положенія, уже состоящіе на оброкѣ и проживающіе по паспортамъ, не могутъ быть требуемы обратно помѣщикомъ для исправленія въ его пользу обязательной работы; а равно и оброкъ, ими платимый, не можетъ быть увеличенъ помѣщикомъ выше того, который платился ими 1-го Сентября 1859 года. Вместе съ тѣмъ, такіе дворовые люди лишаются права отказаться отъ платежа оброка и возвратиться къ помѣщику, противъ его желанія, съ требованіемъ отъ него какого либо вспомошествованія, или содержанія.”

Пунктъ 18й : “въ теченіи срока, назначеннаго для приведенія Положенія въ исполненіе, дворовые люди освобождаются отъ срочно-обязательной службы и получаютъ увольнительное свидѣтельство: а) по взаимному добровольному соглашенію съ владѣльцемъ; при этомъ малолѣтніи круглыя сироты могутъ быть увольняемы помѣщикомъ не иначе, какъ если кто либо изъ ихъ родственниковъ изъявитъ засвидѣствованное надлежащимъ образомъ желаніе принять ихъ на свое попеченіе; б) по закону, въ случаѣ отчужденія владѣльцемъ, иначе какъ на основаніи ст. 14, того недвижимаго имѣнія, къ которому дворовые люди по ревизіи приписаны, и въ случаѣ одновременнаго взноса дворовымъ челоѣкомъ, имѣющимъ паспортъ, двухго-

личнаго оброка, на основаніи ст. 12; в) по приговору учрежденія или лица, указаннаго Положеніемъ, на основаніи ст. 7-й, 10-й, и 17-й, въ случаѣ: или противузаконной отдачи дворовыхъ людей въ услуженіе постороннимъ лицамъ, или справедливой жалобы дворовыхъ людей на свое содержаніе и худое съ ними обращеніе владѣльца, или наконецъ, заявленія самимъ владѣльцемъ желанія удалить отъ себя и изъ своего имѣнія двороваго челоѣка. Въ послѣднемъ случаѣ указанное учрежденіе или лицо обязано наслѣдовать, иѣтъ ли препятствія къ немедленному увольненію двороваго челоѣка по его дряхлости, болѣзненному состоянію, или по обремененію его престарѣлыми родителями, малолѣтними дѣтьми и проч.”

Пунктъ 21й : “Въ случаѣ, если увольняемый дворовый челоѣкъ не укажетъ того общества, къ которому онъ желаетъ приписаться, то мѣстное учрежденіе само избираетъ для него мѣсто приписки и производитъ о томъ надлежащее распоряженіе, на основаніи особыхъ на сей предметъ правилъ.”

Пунктъ 24й : “По истеченіи срока, назначеннаго для введенія въ дѣйствіе Положенія, всѣ дворовые люди, къ тому времени еще не уволенные или незачисленные въ мірское общество, на основаніи ст. 22-й, увольняются отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцу и вступаютъ съ ними, буде пожелаютъ продолжать у нихъ службу, въ добровольныя соглашенія. За симъ, для облегченія имъ возможности прискаты себѣ мѣсто служенія, владѣлецъ въ теченіи еще одного года, даетъ тѣмъ изъ нихъ, которые къ тому времени останутся въ его имѣніи, необходимое помѣщеніе съ отопленіемъ, не обязываясь производить имъ никакого содержанія или жалованья, и не требуя отъ нихъ работы или услугъ иначе, какъ по взаимному добровольному съ ними соглашенію.”

Пунктъ 27й : “Съ истеченіемъ срока, назначеннаго для введенія въ дѣйствіе Положенія, всѣ дворовые люди, до того времени не уволенные, считаются приписанными, въ административномъ отношеніи, къ тѣмъ волостямъ, къ коимъ принадлежатъ селенія, при которыхъ они значутся по ревизскимъ сказкамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшаются всякаго рода добровольныя взаимныя соглашенія между владѣльцемъ и уволенными дворовыми людьми, на счетъ надѣленія ихъ усадьбою осѣдлостію и землею.

А если владѣлецъ имъ никакой земли не дастъ, они остаются приписанными къ общинѣ на какомъ основаніи? Ни кола, ни двора, да и съ мѣста не лзя двинуться. 28й пунктъ, дающій два года на избраніе рода жизни мало поможетъ этому бѣдственному положенію; для избранія рода жизни, надо имѣть хотя клочекъ земли, на которомъ можно бы помѣстить семью, или который бы можно продать или отдать въ наймы, чтобъ было на что и когда прискивать родъ жизни.

Дворовые могутъ приписываться къ городскимъ обществамъ, къ государственнымъ крестьянамъ и къ срочно-обязаннымъ крестьянамъ (пункты 29, 30 и 31)

Пунктъ 32й : “Всѣ вообще дворовые люди, приписанные какъ къ городамъ и сельскимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, такъ и къ волостямъ или мірскимъ обществамъ крестьянъ срочно-обязанныхъ, избавляются, со дня выдачи имъ увольнительныхъ свидѣтельствъ: во 1-хъ, отъ рекрутской повинности (т. IV уст. Рек. ст. 13 и 19) до новой ревизіи; если же ревизія послѣдуетъ прежде истеченія 10-ти лѣтняго срока со дня ихъ увольненія, то на 10-ть лѣтъ; во 2-хъ, отъ платежа всякаго рода казенныхъ податей и повинностей и общественныхъ сборовъ, примѣняясь къ ст. 478 и 1176 Г. IX Зак. о Сост., до новой ревизіи; а если ревизія послѣдуетъ прежде 6-ти лѣтъ, то на 6-ть лѣтъ. Они обязуются лишь ежегоднымъ на 10 лѣтъ личнымъ сборомъ въ 1 руб. сереб. со всѣхъ неувѣчныхъ и неслабоумныхъ лицъ мужскаго пола отъ 18 до 45 лѣтъ, для выдачи пособія, указаннаго ст. 38-ю, престарѣлымъ, дряхлымъ, страждущимъ душевными и тѣлесными недугами, и круглыми малолѣтнимъ сиротамъ изъ числа уволенныхъ дворовыхъ людей.

Примѣчаніе. Способъ взысканія этого сбора и мѣры распределенія этихъ пособій между нуждающимися должны быть опредѣлены особою инструкціею.”

И не смотря на всѣ эти льготы дворовые люди не могутъ быть довольны новымъ положеніемъ. Оно ихъ оставляетъ небезопасными въ будущемъ, и въ смутныхъ отношеніяхъ къ помѣщику въ настоящемъ. Въ самомъ докладѣ сказано (стр. 131): “Получивъ права свободнаго лица наравнѣ съ крестьянствомъ, но оставаясь при обязанностяхъ прежняго своего крѣпостнаго состоянія, онъ не можетъ воспользоваться первыми, безъ нарушенія послѣднихъ. При совмѣ-

шенія двухъ совершенно противоположныхъ началъ : гражданской свободы и крѣпостнаго права, одно изъ нихъ необходимо должно сдѣлаться преобладающимъ и парализировать другое.”

И не смотря на это разсужденіе, заключенія доклада парализируютъ гражданскую свободу въ пользу крѣпостнаго права. Что такое право жалобы, данное крѣпостному лицу? Помѣщикъ всегда имѣетъ способъ къ предупрежденію жалобы посредствомъ назидательнаго наказанія черезъ земскую или городскую полицію, или—такъ какъ уже не секретъ, что редакціонныя комиссіи, въ позоръ себѣ признали за помѣщикомъ право сѣчь,—то черезъ собственное высокоблагородное употребленіе розги. Да и само *мѣстное лицо* не слишкомъ доброжелательно взглянетъ на жалобу *крѣпостнаго лица*, которое въ сущности не лицо, а безлиціе. Чтоже это безлиціе можетъ сдѣлать противъ лица? Что значитъ раздражительное право жалобы при безсудіи? Гдѣ тутъ гражданской свободѣ парализировать крѣпостное право! Какъ бы ни былъ коротокъ срокъ переходнаго положенія — дворовому человѣку не лзя парализировать крѣпостное право во имя гражданской свободы — иначе, какъ убіеніемъ помѣщика. Если этой цѣли домогались два совокупныя отдѣленія, — опытъ имъ покажетъ, что они ее вполне достигнутъ. Но этого не хотѣлось отдѣленіямъ ; они чувствовали что выходъ одинъ — немедленное освобожденіе безъ всякихъ обязательныхъ сроковъ и, вмѣсто того чтобы прямо это высказать, они въ продолженіе всего доклада стараются только сократить сроки. Они, говорятъ, сдѣлали уступку..... кому? чему? за чѣмъ? Помѣщикуему мнѣнію?..... Но у нихъ передъ глазами было не одно помѣщичье же мнѣніе и большинство и меньшинство разныхъ губернскихъ комитетовъ, которые требовали немедленнаго освобожденія дворовыхъ — кто безвозмездно, (Саратовскій и Харьковскій комитеты), кто при пособіи правительства. (Тверской, Новгородской, Рязанской, Владимірской).

Дворовые люди еще меньше вынесутъ срочно-обязательное положеніе, чѣмъ крестьяне. Крестьянинъ подальше отъ помѣщика ; а дворовый, который всегда тутъ, возмѣ, подлежитъ ежеминутному шпынянію, брани, толчку, униженію... да тутъ силъ человѣческихъ не хватитъ вынести срочно-обязательное положеніе, когда жажда воли возбуждена до нельзя.

Ни дворовые, ни помѣщики не могутъ быть довольны новымъ положеніемъ, потому что оно безпрестанно вводитъ вмѣшательство *мѣстнаго лица*, т. е. бюрократія, равно для обоихъ сторонъ ненавистной и которая, сама по себѣ, составляетъ самый тлетворный элементъ въ государствѣ.

Дворовые не могутъ быть довольны, потому что ихъ будущность ничѣмъ не обезпечена. Имъ дозволено, по добровольному соглашенію, и то—и то.....но если добровольнаго соглашенія не воспослѣдуетъ (а ему воспослѣдовать нѣтъ никакой достаточной причины) — то дворовые останутся голыми бобылями, кромѣ не многихъ исключеній. Приписаться къ общинѣ — безъ земли, приписаться къ городу — безъ капитала..... Да это бюрократико-помѣщичья шутка!

Погружаясь въ предрѣшеніе подробностей, отдѣленія мало обратили вниманія, что передъ ними, въ проектахъ губернскихъ комитетовъ, лежало два широкія начала : освобожденіе дворовыхъ при пособіи правительства и освобожденіе съ надѣломъ земли. “Всѣ комитеты представляютъ дворовымъ людямъ возможность переходить на поземельное положеніе.”*

* Докладъ, стр. 162.

Въ соединеніи этихъ началъ заключалось живое рѣшеніе задачи. Положивъ немедленное освобожденіе, отдѣленія должны были постановить обязательнымъ для помѣщика земельный надѣлъ дворовымъ на равнѣ съ крестьянами, за одинакій выкупъ. Никто не мѣшалъ бы тѣмъ изъ дворовыхъ, которые не хотятъ перейти на земледѣліе, предоставить свой надѣлъ въ пользу общины за уплату процентовъ по выкупу и отправиться куда хотятъ промыслять ремесломъ или торговлей. Бюрократическое требованіе непремѣнной приписки къ мѣсту жительства мѣшаетъ разумной развязки личной свободы въ общинѣ. Дайте каждому члену общины право, не выписываясь изъ нея, работать и торговать гдѣ хочетъ, такъ какъ вы даете помѣщику право жить въ Петербургѣ, не смотря на то, что онъ числится по Херсонской губерніи — и земельный надѣлъ никого не отяготитъ, но каждаго обезпечитъ. Массы дворовыхъ перейдутъ на крестьянское положеніе, если съ правомъ выкупа двороваго соединится обязанность со стороны помѣщика дать надѣлъ на равнѣ съ крестьянами. Въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ вообще наименѣе приписано дворовыхъ, а у помѣщика, при выкупѣ, вовсе земли не останется,—общинамъ не будетъ обременительно разверстать надѣлъ и на дворовыхъ ; по ихъ малочислію это выйдетъ едва замѣтная доля земли ; но въ этомъ случаѣ помѣщики не вправѣ требовать никакого особаго вознагражденія ; вознагражденіе уже состояло бы въ томъ, что на дворовыхъ, включенныхъ въ составъ общины, падала бы и доля выкупа наравнѣ съ крестьянами. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, на столько малоземельныхъ, что надѣла взять неоткуда, — пособіе правительства необходимо. Дворовымъ такихъ мѣстностей, равно какъ и дворовымъ, приписаннымъ къ домамъ и капиталамъ,—правительство обязано дать незаселенныя земли, при многоземельныхъ ли общинахъ государственныхъ имуществъ, или особю, съ правомъ дворовыхъ селиться, получая на то пособіе, или, до переселенія, отдавать земли въ наймы и тѣмъ уплачивать повинности. Но за то что надѣлъ дается государствомъ — помѣщикъ уже не можетъ требовать выкупа съ двороваго, неполучившаго отъ него никакого надѣла. Эту жертву для спокойствія и для сохраненія собственной жизни и безопасности — помѣщики должны привести. Хуже же будетъ если ихъ перерѣжутъ. За тѣмъ, получивъ наравнѣ съ крестьянами, право на земельный надѣлъ и право на повсюдную работу и торговлю, не переставая быть членами общины, — дворовые не должны болѣе, въ гражданскомъ отношеніи, отличаться отъ крестьянъ и составлять особое сословіе, ни въ какомъ смыслѣ не нужное и болѣе отягощенное чѣмъ остальные сословія. Слитіе крестьянъ освобожденныхъ, государственныхъ, дворовыхъ людей, мѣщанъ и пр. въ единое сословіе, которыхъ основаніе право каждаго на землю и общинное самоуправленіе, — это задача русской жизни. Уклоняться отъ ея развитія безнаказанно не лзя.

Немедленное освобожденіе крестьянъ съ существующимъ земельнымъ надѣломъ, на основаніи обязательнаго выкупа, и немедленное освобожденіе дворовыхъ съ такимъ же надѣломъ и на одинакихъ правахъ—этого требуетъ спокойствіе и спасеніе Россіи, и развитіе русской задачи. Какъ бы трудно ни было составленіе плана выкупа, — на него надо обратить всѣ силы редакціонныхъ комиссій, или лучше — всѣхъ мыслящихъ людей русскихъ. Какъ бы трудна ни была

оцѣнка помѣщичьихъ имѣній—она должна быть совершена быстро, немедленно. Если бы нашъ способъ оцѣнки по доходамъ и разверстки ихъ по десятинно—показался затруднительнымъ, пусть раздѣляютъ Россію на географическія отдѣлы и въ каждомъ отдѣлѣ положить цѣну — по десятинно ли, или за душу при существующемъ надѣлѣ, лишь бы оцѣнка была утверждена немедленно и послужила основаниемъ немедленному выкупу,—все равно. Въдѣ какой бы способъ оцѣнки ни взяли, онъ все же будетъ только приближительной. Подробности только помѣшаютъ дѣлу, абсолютно-справедливая оцѣнка невозможна. Да и не въ абсолютной справедливости задача; задача въ немедленномъ освобожденіи крестьянъ съ существующемъ земельнымъ надѣломъ, за немедленно на основаніи общей финансовой мѣры утвержденный выкупъ, потому что немедленное освобожденіе крестьянъ съ землею неминуемо и что выкупъ для нихъ дешевле, а для помѣщиковъ и для государства безопаснѣе — чѣмъ возстаніе и кровопролитіе.

За докладомъ о дворовыхъ слѣдуютъ заключенія по докладамъ хозяйств. отдѣленія, “предлагаемыя на обсужденіе гг. членовъ отъ губернскихъ комитетовъ для сообщенія по онимъ мѣстныхъ данныхъ и практическихъ указаній, способствующихъ удобнѣйшему примѣненію общихъ началъ къ особенностямъ каждой губерніи.”

Мы не станемъ выписывать всѣхъ вопросовъ, заданныхъ депутатамъ хозяйственнымъ отдѣленіемъ. Мы не остановимся на такихъ праздныхъ вопросахъ, какъ вопросъ 7й :

“Какими правилами при залежномъ хозяйствѣ можетъ быть ограничено право крестьянъ въ пользованіи отведенною имъ землею для предупрежденія ея истощенія и не слѣдуетъ ли предоставить имъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, право требовать цѣмбевія введеннаго сѣвооборога, вапримѣръ, если бы сами крестьяне изъявили желаніе удобривать часть своихъ полей?”

Мы выпишемъ послѣднюю половину вопросовъ :

10) “На основаніи принятыхъ Коммиссіею правилъ, каждое общество, состоящее на барщинѣ, отвѣчаетъ, за круговою порукою всѣхъ своихъ членовъ, за нарядъ полного числа способныхъ къ работѣ мужчинъ и женщинъ съ потребною упряжью и орудіями и за исполненіемъ уроковъ; но круговая порука не распространяется на качество работъ. Затѣмъ представляется надобность обезпечить исправное отбываніе работъ и оградить помѣщика противъ небрежности или злонамѣренности крестьянъ, особенно въ работахъ, не подлежащихъ урочному опредѣленію. При этомъ, возникаютъ слѣдующіе вопросы: а) кѣмъ и какимъ порядкомъ должно быть производимо удостовѣреніе въ негодности работы; б) какимъ мѣрамъ взысканія могутъ быть подвергаемы крестьяне за дурное выполненіе заданныхъ имъ работъ; в) кѣмъ должны быть примѣняемы умышленныя мѣры и съ соблюденіемъ какихъ правилъ; г) кѣмъ и какимъ порядкомъ долженъ производиться разборъ жалобъ со стороны крестьянъ на взиманія, превышающія установленную мѣру, неправильныя или незаслуженныя ими; е) по всѣмъ симъ предметамъ могутъ ли быть постановлены одинаковыя правила для крестьянъ и для дворовыхъ людей, пока послѣдніе состоятъ на обязанной службѣ у помѣщиковъ, или слѣдуетъ, относительно дворовыхъ людей, постановить какія-либо особыя правила?”

11) Въ имѣніяхъ, состоящихъ на издѣльномъ положеніи, помѣщику, или его повѣренному, предоставляется требовать отъ сельскаго начальства опредѣленнаго числа рабочихъ, на основаніи уставныхъ грамотъ, и распредѣлять между ними работы; но самый нарядъ рабочихъ, по установленной между ними очереди, долженъ зависѣть отъ мірскаго начальства и оставаться на его отвѣтственности. Для возможнаго въ этомъ дѣлѣ предупрежденія столкновенія между помѣщикомъ и крестьянами и чтобы дать средства мѣстнымъ властямъ разбирать неминуемые споры, желательнѣе бы было опредѣлить, съ возможною точностью, порядокъ учета рабочихъ дней, отработанныхъ и прогульныхъ, ограничить соблюденіемъ извѣстныхъ условій (какъ-то: сроками и предъявленіемъ извѣстнаго рода доказательствъ), подачу жалобъ отъ помѣщика на общество за неотработку положеннаго числа дней и отъ общества на помѣщика за неправильныя требованія, пачеты, или произвольный огнать въ выдачу гвнтанцій за отбытыя дни?

12) Какимъ порядкомъ въ каждой мѣстности обыкновенно отбывается барщина, одною половиною тяглы ежедневно, или всѣми тяглами въ теченіи 3-хъ дней?

13) Часто ли и въ какихъ именно мѣстностяхъ встрѣчается смѣшанная повинность, разумѣя подъ этимъ названіемъ обязательное отбываніе нѣкоторыхъ работъ (опредѣленныхъ числомъ дней, или уроками) при платежѣ оброка? Которая изъ этихъ двухъ повинностей, по значительности своей, перевѣшиваетъ другую; иными словами: денежная ли повинность встрѣчается обыкновенно какъ дополненіе къ коренной натуральной повинности, или наоборотъ? На какія работы употребляется преимущественно дополнительная натуральная повинность, какъ-то: на домашнія (вапр. рубку и поставку дровъ, на отопленіе господскихъ строеній, содержаніе при нихъ караула и т. п.), или полевая, или на поставку подводъ и т. д. Не получаютъ ли обыкновенно крестьяне за эту повинность какое-либо особое вознагражденіе, на прим. дополнительною нарѣзкою земли, или уплатою за нихъ отъ помѣщика части податей и т. д.?

14) Кѣмъ, по господствующему въ каждой мѣстности обычаю, уплачивается оброкъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: миромъ и за круговою порукою всѣхъ крестьянъ (изъ коробки), или каждымъ домохозяиномъ за себя?

15) Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ часть крестьянъ состоитъ на оброкѣ, а часть на барщинѣ, должны ли тѣ и другіе нераздѣльно нести передъ помѣщикомъ круговую отвѣтственность въ исправленіи той и другой повинности; иными словами: могутъ ли оброчные крестьяне отвѣчать за издѣльныхъ, а издѣльные за оброчниковъ?

16) При постепенномъ переходѣ издѣльныхъ крестьянъ на денежный оброкъ, отдѣльными домами или тяглами, можно ли предоставить помѣщику право требовать, чтобы перешедшіе порознь на оброкъ, по истеченіи извѣстнаго срока, сложились въ одну хозяйственную общину и обязались круговою порукою въ исправности платежей?

17) Такъ какъ платежъ оброка за круговою порукою представляетъ для помѣщика обезпеченіе, а для крестьянъ составляетъ тягость, то не слѣдуетъ ли установить порму оброка въ двоякомъ размѣрѣ—низшемъ—при круговой поруцѣ, и высшемъ—при личной отвѣтственности наждаго домохозяина или тягла за себя? Если это предположеніе будетъ принято, то на сколько процентовъ можетъ быть возвышена норма оброка въ замѣнъ круговой поруки?

18) При составленіи уставныхъ грамотъ, не признается ли нужнымъ ограничить какими-либо обязательными правилами свободу полюбовныхъ соглашеній между помѣщикомъ и крестьянами въ опредѣленіи видовъ и способа отбыванія повинностей?”

Изъ этихъ вопросовъ ясно, что дѣло идетъ не объ освобожденіи крестьянъ, а объ учрежденіи переходнаго положенія, которое — не смотря на девятилѣтній срокъ—дѣйствительно кажется безсрочнымъ и отнимаетъ у народа вѣру въ желаніе правительства освободить его. Для дѣйствительнаго освобожденія не нужно было ни столько подробностей, ни такихъ праздныхъ вопросовъ, ни столько исписанной бумаги.

Дальнѣйшихъ трудовъ хозяйств. отдѣленія мы не имѣемъ. Въ слѣдующей статьѣ мы займемся соображеніями финансоваго отдѣленія. Но прощаясь съ хозяйств. отдѣленіемъ, мы не можемъ не сказать еще нѣсколько словъ.

Его гражданскій подвигъ былъ въ признаніи за крестьянами существующаго надѣла. За тѣмъ оно шло, колеблясь между мнѣніемъ людей, дѣйствительно желающихъ экономической и гражданской реформы государства на основаніи права каждаго на землю и общиннаго самоуправленія,—и между мнѣніями бюрократическаго управленія съ непогрѣшительной точки зрѣнія маленькихъ Петровъ великихъ и татарскими мнѣніями законнѣлыхъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ оно пришло къ ненужному, опасному и невозможному переходному положенію и затерялось въ предрѣшеніи мелочей и подробностей. Мы не могли не возстать противъ заключеній хозяйств. отдѣленія. Скорбь заставляла насъ говорить съ негодованіемъ, скорбь при видѣ шаткости и уступокъ со стороны хорошихъ людей, уступокъ которыя съ ложной дипломатической точки зрѣнія кажутся чѣмъ-то, а на

дѣлѣ приносятъ вредъ и роняютъ людей въ общественномъ мнѣніи. Глядя назадъ мы готовы многое извинить ложнымъ положеніемъ, въ которое правительство ставило редакціонныя комиссіи собственной нерѣшительностью.

Мы глубоко сожалѣемъ объ ошибкахъ и уступкахъ тѣхъ членовъ комиссій, которые работали безъ своекорыстныхъ видовъ и добросовѣстно думали принести пользу. Тѣмъ болѣе жалѣемъ мы объ этихъ людяхъ, что теперь они сами увидятъ тщету своихъ уступокъ. Съ воцареніемъ Панина намъ вѣроятно придется пѣть панихиду по редакціоннымъ комиссіямъ и сказать паше *de mortuis aut nihil aut bene*. Замолкнутъ комиссіи; наступитъ тишь передъ грозю, будетъ только слышенъ безсмысленный лепетъ Топильскаго, ухватившагося за свой сіятельный шестъ.... А туча подступаетъ.... Какъ бы намъ не пришлось пѣть панихиды по разнымъ Панинымъ и младенцамъ—кормчимъ государственнаго корабля... Ну! да эта панихида будетъ молебень!

Н. Огаревъ.

КОММИССАРИАТЪ ВЪ РОССІИ.

(Окончаніе)

Царствованіе Глушкова началось энергическимъ уничтоженіемъ и раскрытіемъ злоупотребленій видимо съ полнымъ желаніемъ въ возможно скоромъ времени обогатиться. Сортированные комиссіи, назначенныя имъ, бракуютъ по всѣмъ комиссіямъ вещи, а потому оказывается, что въ комиссаріатѣ нѣтъ вещей, для довольствія войска по сроку 1858 года. Что же тутъ дѣлать? Глушковъ самъ ѣдитъ въ разныя комиссіи, дѣлаетъ торги, утверждаетъ ихъ тутъ же за купцами и возвращается въ Петербургъ, *успокоенный и довольный*. Въ Москвѣ онъ столкнулся съ купцомъ Саврасовымъ, и пригласилъ его торговаться въ Петербургъ на поставку около 4,000,000 сапоговъ, ручаясь что торгъ останется за нимъ.

Въ комиссіяхъ С. Петербургской, Московской, Динабургской и Брестъ-Литовской забракованы всѣ сапоги, войско безъ сапоговъ, поспѣшность заготовленія не допускаетъ производить торги и переторжки; представляется военному Совѣту, разсмотрѣнное, въ общемъ присутствіи комиссаріатскаго департамента, предложеніе купца Саврасова объ обязательной и срочной поставкѣ 4,000,000 паръ сапоговъ въ Московскую комиссію, съ тѣмъ однакоже, чтобы ему выдали впередъ 600,000 руб. которые впоследствии удержать изъ слѣдующихъ ему денегъ. Военный Совѣтъ при содѣйствіи г. военнаго министра утверждаетъ эту *экстренную* поставку за купцомъ Саврасовымъ. Ему выдаютъ 600,000 руб., купецъ благодаритъ Глушкова, благодаритъ вдвое военнаго министра. Мышамъ ничего не осталось отъ крысъ — вотъ что плохо; мыши недовольны.

Купецъ Саврасовъ къ опредѣленному сроку привозитъ на Московскій комиссаріатскій дворъ 1½ милліона паръ сапоговъ; Московская комиссія находитъ ихъ негодными, бракуетъ ихъ и не принимаетъ, доносятъ объ этомъ Ком. Департаменту. — Ком. Департаментъ предписываетъ принимать. — Комиссія не слушаетъ и не принимаетъ. Доносятъ военному министру. Военный министръ предписываетъ принимать; комиссія не слушаетъ и не принимаетъ; смѣняется управляющій московской комиссіею, но и новый управляющій также не принимаетъ; назначается отъ военнаго министра отдѣльная комиссія для приѣма сапоговъ отъ Саврасова, но и та не принимаетъ. Тутъ

дѣло получило слишкомъ ясный видъ, стали удивляться что Глушковъ и военный министръ принимаютъ столь живое участіе въ приѣмѣ сапоговъ. Военный министръ боится; чтобы остаться въ сторонѣ обвиняетъ и смѣняетъ Глушкова, назначивъ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ графа Канкринна; но чтобы не потерять хорошее расположеніе купца, онъ посылаетъ отъ себя въ Москву капитана Новикова, для новаго заготовленія хозяйственнымъ образомъ, потребнаго количества сапожнаго товара, приказывая Московской комиссіи отъ Саврасова товаръ не принимать. Выдаются капитану Новикову 150,000 руб. для заготовленія, съ правомъ требовать по мѣрѣ поставки сапоговъ суммы изъ комиссаріата, пока не заготовитъ 4 мил. паръ сапоговъ. Всѣ полагаютъ, что Саврасовъ обанкрутился, но пѣтъ, не даромъ онъ 150,000 отдалъ. Новиковъ пріѣзжаетъ въ Москву заготавливаетъ товаръ и скупаетъ весь готовый товаръ у Саврасова. Начинается сдача въ комиссію, но комиссія видя тотъ же товаръ, вновь его бракуетъ; Новиковъ доноситъ воен. министру. Воен. министръ предписываетъ Новикову потребовать отъ комиссіи свидѣніе какимъ войскамъ сколько слѣдуетъ сапожнаго товара и сдать оный, по мимо комиссіи, прямо въ войска; назначаются со всѣхъ странъ Россіи приѣмщики отъ войска въ Москву для приѣма сапоговъ отъ Новикова; прибыли казначей полковъ, но и они, видя передъ собою гниль, а не сапожный товаръ, бракуютъ его. Газсерженный военный министръ смѣняетъ нѣкоторыхъ казначеевъ съ должностей, назначаются новые казначей, которые также бракуютъ, но имѣя примѣръ предшественниковъ — принимаютъ товаръ отъ Новикова. Въ полкахъ—привезенный товаръ свидѣтельствуется, какъ и всѣ вещи привозимыя отъ комиссаріата, а потому составляется актъ, что товаръ привезенъ негодный и безъ клейма какой либо комиссіи, какъ это по закону слѣдуетъ; представляютъ актъ начальнику дивизіи, который въ свою очередь представляетъ объ этомъ корпусному начальнику, а тотъ г. военному министру; но Сухозанетъ проситъ гг. корпусныхъ начальниковъ, на этотъ разъ приказать принять товаръ, такъ какъ по случаю забраковки сортированными комиссіями всего имѣвшагося въ комиссаріатѣ наличнаго сапожнаго товара, невозможно было въ скоромъ времени заготовить столь громадное количество совершенно сходно съ высочайше утвержденными образцами, но во всякомъ случаѣ товаръ этотъ гораздо лучшаго достоинства, чѣмъ забракованный въ комиссіяхъ. А въ самомъ дѣлѣ товаръ въ комиссіяхъ былъ гораздо лучше, заготовленнаго Новиковымъ, т. е. скупленнаго у Саврасова; но корпусные начальники, не желая противиться *просьбѣ* Сухозанета, предписываютъ полкамъ принять—и вотъ Сухозанетъ наконецъ сбылъ свой товаръ.

Глушковъ опредѣлил на мѣсто Кочановскаго, извѣстнаго злоупотребленіями и жестокостями брандъ-маіора Эртеля въ комиссаріатское вѣдомство и далъ ему мѣсто управляющаго с. петербургской комиссіей. Это случилось такъ. Когда графъ Шуваловъ былъ опредѣленъ на мѣсто оберъ-полицеймейстера, то зная тирански-зверское обхожденіе Эртеля съ пожарною командою, и его богатства, странно благопріобрѣтенныя, онъ сказалъ ему, что не желаетъ служить съ нимъ и просилъ его оставить службу полу-полицейскую и найти себѣ другую, *обѣщая ему содѣйствовать* къ перемѣнѣ службы. И дѣйствительно: Шуваловъ, встрѣтивъ Глушкова, наскзалъ ему много хорошаго про Эртеля, расхвалилъ его и даже сказалъ

что Эртель очень дѣятельный человѣкъ, но силы ему отказываютъ, и что ему слѣдовало бы дать болѣе покойное мѣсто и хотя пожарная команда много потеряетъ въ Эртель, но онъ желалъ бы въ вознагражденіе за безпорочно-многолѣтнюю службу Эртеля, чтобы ему дали мѣсто Управляющаго С. Петербургской Коммисаріатской Коммиссіей; на этомъ мѣстѣ, прибавилъ Шуваловъ, онъ по крайней мѣрѣ можетъ получить генераль-маіора, что за его труды ему давно слѣдуетъ.

Графъ Шуваловъ *исходатайствовалъ* Эртелю право всегда, *когда онъ пожелаетъ, присутствовать* при пожарахъ. Вотъ замѣчательныя слова приказа: “переводится с. петербургскій брендъ-маіоръ полковникъ Эртель въ Коммисаріатскій штатъ съ назначеніемъ Управляющаго с. петербургской Коммисаріатской Коммиссіей съ правомъ однакоже носить *пожарную каску* и присутствовать при всѣхъ пожарахъ.”

И такъ Шуваловъ — человѣку въ чистотѣ котораго онъ сомнѣвался, съ которымъ не хотѣлъ служить, доставилъ мѣстогдѣ направо, налѣво, сверху и внизу расхищаются казенныя деньги.

Можно себѣ представить съ какимъ удовольствіемъ Эртель взошелъ въ эту пещеру, о которой сложилась народная пословица: “*Иисусъ Христосъ стоитъ на Араратѣ и смотритъ какъ воруютъ въ Коммисаріатъ.*”

Съ грустью прочли всѣ чины с. петербургской комиссіи новый приказъ, что Эртель назначенъ ихъ префектомъ, но дѣлать нечего, надо подчиняться волѣ начальства. Назначенъ день вступленія Эртеля, выходитъ приказъ по комиссіи, что въ такой-то день Эртель вступаетъ, а потому гг. гражданскимъ штабъ и оберъ офицерамъ быть въ полной формѣ при шпагѣ, каскѣ и въ шпорахъ, а гг. военнымъ въ шарфахъ, и всѣмъ собраться въ залахъ комиссіи къ 10 часамъ для представленія его высокоблагородію г. новому управляющему.

Въ 10 часовъ утра въ опредѣленный день собралось все комиссаріатское чиновничество въ залахъ с. Петербургской комиссіи. Полковникъ Князевъ, исправлявшій должность управляющаго, во время междоусобія, желая угодить Эртелю, поставилъ всѣхъ во фронтъ, съ лѣвой стороны гражданскихъ чиновниковъ, а съ правой военныхъ. Эртель проморилъ ихъ до часа по полудни и тутъ раздался шумъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шиканіе “тсъ тсъ, пріѣхалъ, идетъ.”

Входитъ Эртель, надутый, нахмуренный. “Здравствуйте ребят...” заикнулся было онъ, но видя что все блеститъ, онъ поправился, поздоровавшись какъ слѣдуетъ. “Статскій совѣтникъ такой-то” говорилъ Князевъ, представляя Эртелю лице, несущее этотъ чинъ и т. д.

— “А отчего у васъ сертукъ застегнутъ на лѣвую сторону,” спросилъ Эртель у небогатаго чиновника, не имѣвшаго другаго сюртука, и дабы казаться по чище, застегнувшася на лѣвую сторону. “Вы, сударь, службу не знаете.” Чиновникъ хотѣлъ что-то возразить и поднялъ руку, но грозный крикъ Эртеля: “Молчать, руки по швамъ, когда начальникъ говоритъ,” такъ напугалъ чиновника, что онъ дѣйствительно замолчалъ и опустилъ невольно руки по швамъ.

“У васъ волосы длинные,” замѣтилъ онъ одному чиновнику, “это не по формѣ, другой разъ я найду вамъ казеннаго пирульника, но конечно съ казенною же квартирою.”

“Это что за бакенбарды,” спросилъ Эртель, взявъ одного чиновника за бакенбарды, “петербургскій левъ, остричь!”

“Вы военный, а не знаете какъ шарфъ надѣваютъ,” замѣ-

тилъ онъ одному маіору, схвативъ его за шарфъ, “эхъ вы военно-штатскіе; двѣ послѣднія пуговицы подъ шарфомъ,” скомандовалъ Эртель маіору. “Вы бы лучше надѣли эдакую одноглазку, чѣмъ очки, это болѣе франтовски,” предложилъ Эртель одному чину, носящему очки. “Я не вижу” возразилъ чинъ.—“А давно вы не видите.”—“Съ самаго малолѣтства” былъ отвѣтъ чина. “На это надобно испросить дозволеніе начальства. Да вздоръ! пройдите-ка, не спотыкнетесь.”—Но чинъ не прошелся, не снялъ очки, и не испрашивалъ разрѣшенія начальства.

“Господа,” началъ Эртель, осмотрѣвъ всѣхъ съ головы до ногъ и дѣлая почти каждому, грубыя и дерзкія замѣчанія, “я надѣюсь, что вы будете мнѣ служить, какъ долгъ велитъ: честно, акуратно и благородно и вы найдете во мнѣ начальника хорошаго; не желающіе служить такъ, пусть лучше сей часъ оставятъ службу, потому что я терпѣть не могу негодьявъ. Я знаю, что всѣ дѣла запущены, я даю вамъ мѣсяцъ времени для исправленія вашихъ старыхъ грѣшковъ, но послѣ этого прошу не прогнѣваться, если я вынужденъ буду принять мѣры строгости къ скорому ходу всѣхъ дѣлъ; теперь можете идти всѣ на мѣста и заниматься своими дѣлами.”

Какъ это Эртелю не пришло въ голову сказать, что сегодняшній день освобождаю всѣхъ отъ занятій; оно было бы согласно съ его отеческимъ обхожденіемъ, такъ послѣ смотра отпускаютъ кадетъ.

..... Осмотрѣвъ магазины комиссаріата и гошпиталя, онъ увидѣлъ себя обладателемъ несмѣтнаго богатства; и для хорошаго начала предписываетъ смотрителю мягкаго госпитальнаго сорта, маіору Витвинскому, донести, сколько у него имѣется негодной вѣтоши; тотъ доноситъ, что у него нѣсколько тысячи пудовъ; Эртель предлагаетъ общему присутствію продать негодную вѣтошь, занимающую лишь напрасно мѣсто въ магазинѣ. Общее присутствіе рѣшаетъ продать, но прежде испросить разрѣшеніе ком. департамента. Испрашивается разрѣшеніе, которое въ скоромъ времени и послѣдовало; назначаются торги на продажу вѣтоши; является пропасть покупателей, между прочими и извѣстный Эртелю и Витвинскому купецъ, который возвышаетъ цѣны до того, что остальные торговавшіеся отступаютъ, торгъ остается за нимъ; купцу дается дозволеніе вывозить купленную вѣтошь; ошибкой въ нее вкладываютъ нѣсколько тысячъ пудовъ новыхъ вещей, какъ то: госпитальныхъ халатовъ, простынь, одѣялъ, рубашекъ, подштанниковъ, наволочекъ и т. п., такъ что снаружи воза видны лишь старыя негодныя тряпки, а внутри все новыя вещи. Какъ нарочно при свалкѣ вещей, на толкучемъ рынкѣ, подвертывается неумѣстно дѣятельная полиція, которая замѣтивъ между старыми тряпками новыя вещи, заподозрила купца; осматриваются новыя вещи, и находятъ на нихъ комиссаріатскія клейма. Полиція тотчасъ принимаетъ *россійскія* полицейскія мѣры, запечатываетъ лавку купца, а самаго сажаетъ въ часть до изслѣдованія этого дѣла, между тѣмъ объ этомъ доносится по начальству и доводится до свѣденія военнаго министра. Назначается строгое изслѣдованіе, при коемъ депутатъ со стороны комиссаріата подполковникъ Макаровъ. Эртель, негодуя, просится по болѣзни въ отпускъ на четыре мѣсяца за границу; но тутъ уже оказалось по нѣкорымъ распросамъ, что Эртель замѣшанъ въ продажи вѣтоши съ новыми вещами и его не пускаютъ за границу, а даютъ ему отпускъ для излеченія болѣзни внутри Россіи; онъ ѣдитъ

въ свое *благопріобрѣтенное* имѣніе въ Новгородскую губернію и ожидаетъ тамъ свою судьбу, чѣмъ кончится слѣдствіе объ вѣтоши.

По всѣму оказывается, что Эртель зналъ о вывозѣ новыхъ вещей съ вѣтошью, но подполковникъ Макаровъ, которому поручено было отъ комиссаріата произвести слѣдствіе скромно выпустилъ всѣ показанія обвиняющія Эртеля и почтенный эскъ-брадтъ-маіоръ вышелъ сухъ изъ воды. Общее присутствіе Ком. Департамента, рассмотрѣвъ произведенное слѣдствіе, положило: маіора Витвинскаго, какъ виновнаго въ вывозѣ новыхъ вещей, предать военному суду вмѣстѣ съ вахтеромъ сорта и нѣсколькими нижними чинами. Этому рѣшенію въ особенности содѣйствовалъ графъ Канкринъ, нынѣшній генералъ крѣгсъ-комиссаръ другъ и пріятель Эртеля. Намъ извѣстно, что и купецъ, показывалъ при слѣдствіи, что онъ Эртелю заплатилъ за новыя вещи, намъ также извѣстно, что и Витвинскій и вахтеръ и нижніе чины всѣ дѣлали показанія, что Эртель зналъ о вывозѣ новыхъ вещей; но Эртель цѣлъ, потому что такъ хотѣлось Макарову, а Макарову такъ хотѣлось по приказанію Канкринна. Судъ надъ Витвинскимъ и другими по вѣтоши еще не оконченъ и мы надѣемся что будутъ очныя ставки и что еще потребуютъ г. Эртеля на сцену и гг. судьи не оставятъ безъ вниманія показанія Витвинскаго, купца и нижнихъ чиновъ.

Эртель узнавъ о такомъ рѣшеніи общаго присутствія Ком. Департамента, тотчасъ выздоровѣлъ, и вернулся изъ своего благопріобрѣтеннаго имѣнія и *оступаетъ вновь* въ управленіе комиссіи.

Нижнихъ чиновъ Эртель страшно притѣсняетъ; нѣтъ дня, чтобы нѣсколько сотъ розогъ не было выдѣляемо. Мы имѣли несчастіе быть въ присутствіи, когда Эртель призвалъ вахтера Иванова и показалъ ему невычищенную мѣдную плиту при печкѣ, схватилъ его за усь, нагнулъ его къ полу и началъ лицомъ его чистить плиту, пришпоривъ его при этомъ съ боку. Когда вахтеръ послѣ такой трепки, осмѣлился сказать, что плиту чистятъ каждый день, но что она такъ согнута и стара, что она блестятъ не можетъ; то великодушный Эртель приказалъ вахтера Иванова за противорѣчіе и дерзость лишить вахтерскаго званія и снявъ съ него нашивки, наказать 500 ударами розогъ. Такъ и сдѣлали, в это безъ всякаго суда!—

Примѣчанія. Въ нумерахъ 65 и 66 *Колокола* вкрались нѣкоторыя ошибки въ статьѣ Комиссаріатъ стр. 551, въ самомъ началѣ этой статьи, на 4 строкѣ напеч. “имѣя въ виду назначеніе г. Яковсона” вмѣсто этого слѣдуетъ: “имѣя въ виду познанія г. Яковсона”.

На 552 стр. въ первомъ столбцѣ на 4ой строкѣ сверху, напечатано: *Полковникъ Моршелевъ*, а слѣдуетъ: полковникъ *Мармылевъ*; тутъ же на 8ой строкѣ сверху, напечатано; “обвьочный” вмѣсто: “обвязочный”

— Ошибокъ этихъ не было бы, еслибъ рукописи писались четко. — Ред.

ДАРАГАНЪ, ОКУЛОВЪ И ВОЕННО-СУДНАЯ КОМИССІЯ.

ПРИКАЗЪ

№. 6-й.

по отдѣльному гвардейскому корпусу.

“Г. Военный Министръ уведомилъ меня 31-го минувшаго Декабря, за №. 6,470, что генераль-аудиторіатъ, рассмотрѣвъ военно-судное дѣло о штабъ-капитанѣ Л. Г.

Волынскаго полка *Окуловъ*, преданномъ суду по обвиненію въ поднятіи руки на Полковаго своего Командира,—не нашелъ законныхъ основаній къ обвиненію въ этомъ преступленіи подсудимаго *Окулова*, но призналъ виновными:

“1) Подсудимаго штабъ-капитана *Окулова* — въ нарушеніи противъ Полковаго своего командира долга подчиненности дерзкимъ объясненіемъ съ нимъ.

“2) Бывшаго командира Л. Г. Волынскаго полка, состоящаго нынѣ по запаснымъ войскамъ и по армейской пѣхотѣ, генералъ-маіора *Дарагана*, — въ употребленіи во время командованія означеннымъ полкомъ, а въ особенности при выборѣ въ 1858 году новаго квартирмистра и вообще въ отношеніяхъ своихъ съ подчиненными ему офицерами, неумѣстныхъ и несоотвѣтствующихъ достоинству ихъ выраженій, и въ оставленіи казенной квартиры за такимъ офицеромъ, который, какъ уволенный въ 4-хъ мѣсячный отпускъ и не семейный, на основаніи 1235 ст. 3 й кн. IV ч. Св. Воен. Пост., не имѣлъ на это никакого права.

“и 3) Учрежденную по настоящему дѣлу военно-судную комиссію, въ томъ, что она, ограничась рассмотрѣніемъ вопроса по обвиненію штабъ-капитана *Окулова* въ поднятіи руки на генералъ-маіора *Дарагана* и освободивъ его по этому предмету отъ всякой отвѣтственности, за недостаткомъ доказательствъ,—упустила изъ вида, что независимо отъ этого преступленія, штабъ-капитанъ *Окуловъ* оказывается виновнымъ въ дерзкомъ объясненіи съ своимъ Начальникомъ, тогда какъ всякое нарушеніе военной дисциплины должно быть строго наказываемо по закону и опредѣленіе въ семъ случаѣ мѣры взысканія съ *Окулова*, лежало въ особенности на обязанности военно-судной Комиссіи.

“По сему Генераль-аудиторіатъ полагалъ:

“1) Подсудимаго штабъ-капитана *Окулова*, по обвиненію въ поднятіи руки на Полковаго своего командира, отъ всякой отвѣтственности освободить, а за нарушеніе противъ него долга подчиненности, на основаніи 229 ст. I кн. Военно-Уголовнаго Устава, выдержать два мѣсяца въ казематѣ крѣпости и перевести въ армию тѣмъ же чиномъ, по назначенію Инспекторскаго Департамента.

“2) Генералъ-маіору *Дарагану*, подлежавшему, за вышеизложенное, удаленію отъ командованія полкомъ, какъ уже уволенному отъ сего по собственному прошенію, сдѣлать строгій выговоръ, съ тѣмъ, чтобы оштрафованіе это не лишало его правъ и преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ.

“и 3) Презусу военно-судной Комиссіи, членамъ оной, и аудиторю, за вышеизложенное упущеніе ихъ, объявить выговоръ, съ тѣмъ, чтобы взысканіе это также не лишало ихъ правъ и преимуществъ по службѣ.

“На всеподданнѣйшемъ докладѣ генераль-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала, въ 30-й день минувшаго Декабря, Собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: исполнить.”

“Высочайше утвержденное заключеніе генераль-аудиторіата объявляю по войскамъ.

“Подписалъ: Генераль-адъютантъ *Плаутинъ*.

“С. Петербургъ, 5 Января 1860.”

Этотъ неясный приказъ надобно пояснить. Вотъ въ чемъ дѣло.

Когда Крымскій разгромъ пробудилъ правительство отъ

милаго заблужденія, что мы до такой степени страшны и грозны, что “*Языцамъ остается только разумѣть и покоряться,*” принялись за преобразованія по военной части и, между прочимъ, рѣшили снять съ полковыхъ командировъ заботу о хозяйствѣ, поручивъ ее полковымъ комитетамъ. Опытъ положено сдѣлать въ пѣхотныхъ полкахъ гвардіи. Это направленіе, тотчасъ же отразилось и на офицерскихъ обществахъ; въ нихъ нашлись люди, вспомнившіе, что существуютъ законы и что соблюденіе ихъ не будетъ, какъ казалось, считаться болѣе нарушеніемъ дисциплины. По закону—казначей и квартирмейстера выбираютъ офицеры; полковой командиръ устраняется отъ всякаго вліянія на этотъ выборъ. При Николаѣ этотъ законъ соблюдался такъ, что полковой командиръ назначалъ кого хотѣлъ, а офицеры подписывались на выборномъ листѣ; все дѣло, какъ вы видите, сводилось на соблюденіе формы.

Пришелъ выборъ квартирмейстера въ лейбъ-гвардіи Волинскомъ полку.* Полковой командиръ его Дараганъ явился въ офицерское собраніе и объявилъ, что нужно выбрать квартирмейстера, и что онъ выбираетъ *такого-то*. Ему на это отвѣтили, что выборъ составляетъ *право офицеровъ*, тѣмъ болѣе неотъемлемое, что они ручаются всѣмъ обществомъ за выбраннаго; что вслѣдствіе этого, имъ закономъ даннаго права, они находятъ предпочтительнымъ выбрать такого-то, а не кандидата, предложеннаго г. Дараганомъ.

Послѣдній былъ возмущенъ подобной дерзостью и посягательствомъ на право *экономическаго* управленія и сдѣлалъ попытку обратить возраженіе это въ нарушеніе дисциплины, въ скандалъ, въ бунтъ. По счастью, ему эта попытка не удалась, а повела къ тому, что и въ Волинскомъ полку былъ также введенъ комитетъ, противъ воли Дарагана.† Дараганъ разумѣется не преминулъ собрать свѣдѣнія объ офицерахъ, нанесшихъ ему такой жестокой ударъ въ самый карманъ, и началъ маленькое преслѣдованіе, которому открывается такое обширное поле при нелѣпомъ понятіи, укоренившемся у насъ о дисциплинѣ. Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и Т. К. Окуловъ. Г. Дараганъ придирался къ нему на ученияхъ, “мѣшалъ съ грязью” (по краснорѣчивому выраженію, бывшему въ большой модѣ при поврежденномъ Николаѣ) по мѣрѣ силъ и возможности, однимъ словомъ употреблялъ тѣ пошлыя, мелкія преслѣдованія, которыя не расходуютъ силъ человѣка, а ненужно измаливаютъ ихъ постепенно, такъ что остается къ концу только образъ человѣческой и ничего другаго, что бы напомнило человѣка. По счастью случилось не такъ. Дараганъ не совсѣмъ рассчиталъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Въ полкъ прибылъ новый капитанъ. Дараганъ отдаетъ въ приказѣ по полку, что этотъ капитанъ займетъ квартиру Окулова. Окуловъ только что отдѣлалъ квартиру; состоянія не имѣетъ, чтобы бросить ее по капризу Дарагана, и сверхъ того у него жила старуха мать. Онъ рѣшается идти къ его

* Прежде въ гвардіи квартирмейстерами были чиновники (считали унизительнымъ назначать на эти мѣста офицеровъ); однако для уменьшенія воровства признали выбирать и квартирмейстеровъ изъ офицеровъ.

† Нужно сказать, что сначала комитеты были введены только въ двухъ полкахъ, при всѣхъ возможныхъ подъяческихъ каверзахъ со стороны военнаго министерства вообще, и отупѣшаго Сухозанета и интриганта Герштенцвейга въ особенности. За тѣмъ нѣсколько командировъ сами попросили себѣ комитетовъ. Г. Дарагану предложено ввести комитетъ, когда увидѣли слишкомъ ужъ нѣжную любовь къ экономіи.

превосходительству съ просьбою отмѣнить нелѣпый приказъ по полку, тѣмъ болѣе, что онъ противенъ существующимъ законамъ.* Послѣднее обстоятельство было выражено самымъ необходимымъ для командирскаго уха тономъ: было сказано, что есть офицеръ въ отпуску и между тѣмъ занимающій казенную квартиру; притомъ онъ моложе его по службѣ и оставить ему казармы легче, нежели Окулову, потому что у Окулова старуха мать живетъ съ нимъ вмѣстѣ. Дараганъ, услышавъ о матери, возразилъ: “откуда у васъ съ вѣтру взялась матушка?” Далѣе историки повѣствуютъ различно: думать надобно, что съ Дараганомъ распорядились по заслугамъ, потому что онъ, выскочилъ въ переднюю съ сумасшедшими криками: “люди, вѣстовые, меня бьютъ! держите, держите, арестуйте, пошлите за адъютантомъ!... Ударить генерала...”

Г. Дараганъ донесъ рапортомъ, что Окуловъ пришелъ къ нему съ объясненіемъ на счетъ квартиры. Получивъ отказъ, внезапно приблизился и сдѣлалъ *движеніе* рукою, вслѣдствіе котораго Дараганъ долженъ былъ заслониться рукою и позвать людей.

По изслѣдованію оказалось то, что уже выше рассказано, за исключеніемъ того, что Дараганъ отрѣкается отъ словъ объ матушкѣ и отъ полученныхъ побоевъ, а Окуловъ отъ угрожающаго жеста, приведшаго г. Дарагана въ такую агитацію, говоря, что онъ только попросилъ Дарагана не оскорблять его мать и можетъ быть сдѣлалъ при этомъ жестъ, но не угрожающій.

Коммиссія военнаго суда, руководствуясь сводомъ Военныхъ Постановленій, который гласитъ: 1) Чѣмъ важнѣе обвиненіе, тѣмъ очевиднѣе должны быть доказательства; 2) для обвиненія подсудимаго необходимо или личное признаніе его, или показаніе по крайней мѣрѣ двухъ свидѣтелей;

Принимая въ соображеніе разнорѣчіе нѣкоторыхъ показаній самаго г. Дарагана, положила: Т. К. Окулова отъ подозрѣнія въ намѣреніи нанести личное оскорбленіе г. Дарагану освободить и признать полную его невинность.

Тутъ бы кажись и дѣлу конецъ; ни чуть не бывало; за чѣмъ же и генераль-аудиторіатъ, какъ не за тѣмъ, чтобы криво толковать и подло примѣнять законы.

Случай, не смотря на то, что въ немъ не шло дѣло о лишеніи правъ состоянія, перенесли на разсмотрѣніе этого верховнаго Шемякина судилища. Результатомъ его обсужденій былъ прилагаемый при семъ приказъ.

Окулова назначили въ *Ново-Петровское укрѣпленіе* на Мангышлакъ (*В. берегъ Каспійскаго моря!*)

Коммиссію, имѣвшую дерзость сообразоваться съ законамъ, наказали одинаково съ Дараганомъ, который недавно получилъ..... *мѣсто предсѣдателя, нарочно для него составленнаго комитетъ для повѣрки дѣйствій полковыхъ комитетовъ* (вѣроятно потому что они ему такъ нравятся). Назначеніемъ онъ обязанъ высоко-нравственнымъ, радѣющимъ о пользахъ родины столпамъ оной — Сухозанету и Герштенцвейгу.

И какъ ловко обдѣляли: кажись бы и ничего—тѣмъ же чиномъ въ армію; оно конечно, строго, особенно когда

* Была одна квартира, считавшаяся за офицеромъ, бывшемъ въ 4-хъ мѣсячномъ отпускѣ. По закону, квартира можетъ остаться за отпусковымъ (если отпускъ превышаетъ 28 дней) только тогда, если все общество офицеровъ на это согласно.

человѣкъ правъ; но вѣдь нравственный Русскій кодексъ гласитъ, что за всякимъ тычкомъ не угопяешься. Потомъ, такъ какъ армія и линейные баталіоны одно и то же, то его осудили— на Мангышлакъ.

А благодушный монархъ, знай себѣ подписываетъ: “исполнить” да “исполнить.” Видно Крымскіе синяки подживать стали.

Документы къ будущей Исторіи Александровской гласности въ Россіи.

I.

М. В. Д.
ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦИИ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ.
ОТДѢЛЕНІЕ II
СТОЛЪ I

ЦИРКУЛЯРНО.

4 Января 1860.
No. 3.

ГОСПОДИНУ НАЧАЛЬНИКУ ГУБЕРНІИ

По высочайшему повелѣнію.
Ф. путешественникахъ, отпра-
вляющихся по Россіи для со-
брания разныхъ свѣдѣній.

По случаю дошедшихъ свѣдѣній о разныхъ неблагонамѣренныхъ толкованіяхъ, разсѣваемыхъ между народомъ, относительно измѣненія существующаго порядка во владѣніи помѣщичьими имѣніями, циркулярнымъ предложеніемъ моимъ отъ 3 Декабря 1857 г. за No. 42 поручено начальникамъ Губерній бдительно слѣдить за распространителями ложныхъ извѣстій, которыя могутъ нарушать общественное спокойствіе, и въ нужныхъ случаяхъ, принимать самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія зла въ началѣ.

Между тѣмъ сдѣлалось извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ являютя разнаго званія лица, даже безъ узаконенныхъ видовъ, подъ предлогомъ собиранія свѣдѣній о бытѣ крестьянъ, и разговорами возбуждаютъ между сими людьми ложные и вредные толки.

Обращая на сіе обстоятельство бдительное вниманіе вашего превосходительства, я съ высочайшаго, государя императора соизволенія, имѣю честь сообщить вамъ, для надлежащаго руководства и исполненія,—

Что только ученые общества, утвержденныя правительствомъ, могутъ посылать отъ себя лицъ для собиранія нужныхъ имъ свѣдѣній.

Что и ученые общества, отправляя путешественниковъ, должны снабжать ихъ надлежащими видами и о каждомъ изъ нихъ поставлять въ извѣстность министерство внутреннихъ дѣлъ, дабы начальники губерній могли быть предварены объ упомянутыхъ собирателяхъ прежде прибытія ихъ на мѣсто, а равно и сами собиратели обязаны заявлять о себѣ мѣстной полиціи.

Что издатели журналовъ и газетъ отправлять подобныхъ путешественниковъ права не имѣютъ, и

Что съ лицами путешествующими безъ узаконенныхъ видовъ, слѣдуетъ поступать по законамъ.

Къ сему присовокуплю, что о такомъ монаршемъ соизволеніи сообщено министру народнаго просвѣщенія, для зависящаго отъ него распоряженія.

Я остаюсь въ полной увѣренности, что въ настоящемъ случаѣ вы, милостивый государь, направите дѣйствія подвѣдомственныхъ вамъ градскихъ и земскихъ полицій къ разум-

ной дѣятельности и окажете всевозможную заботливость, чтобы со стороны ихъ отнюдь не было допускаемо никакаго послабленія и либанихъ притязаній или неосновательныхъ рапортовъ.

[Подписалъ] М. В. Д. С. Ланской,

[Скрѣпилъ] Директоръ С. Ждановъ,

[Вѣрно] Начальникъ Отд. М. Страховскій.

II.

Не совѣсть ясное, но Ковалевское понятіе о “фактическомъ” и “юридическомъ.”

М. Н. П.

КАНЦЕЛЯРІЯ МИНИСТРА

Октября 1859.

Г. ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

О статьяхъ, описывающихъ
разныя злоупотребленія и
происшествія.

Главное управленіе цензуры, слѣдя за ходомъ Русской литературы, не могло не обратить вниманія на то, что въ послѣднее время въ нашей журналистикѣ, сверхъ сатирическихъ произведеній беллетристики, изображающихъ вообще слабости и недостатки людей, въ томъ числѣ и лицъ, занимающихъ должности въ государственной и общественной службѣ, стали появляться статьи чуждыя всякаго литературнаго вымысла, но посвященныя преимущественно указанію на злоупотребленія лицъ существующихъ и разсказамъ дѣйствительныхъ будто бы происшествій, съ означеніемъ иногда даже подлинныхъ именъ лицъ и мѣстъ, а большею частію съ такою обстановкою и прозрачнымъ замаскированіемъ ихъ, что очень не трудно догадаться о комъ и о чемъ идетъ дѣло. Статьи подобнаго рода, нерѣдко изображающія самымъ рѣзкимъ образомъ злоупотребленія и даже уголовныя проступки, побуждали правительство къ неоднократнымъ изслѣдованіямъ указанныхъ дѣйствій и происшествій. Произведенныя такимъ образомъ слѣдствія показали, что нѣкоторые изъ напечатанныхъ разсказовъ выдають за дѣйствительно случившіяся такія событія, какихъ никогда не было, чему между прочимъ служить можетъ примѣромъ помѣщенное въ No. 65 *С. Петербургскихъ Вѣдомостей* извѣстіе о заживо погребенной женщинѣ, какаго происшествія по оффиціальномъ, самомъ тщательномъ изслѣдованіи, рѣшительно не было, а между тѣмъ оно едва не нарушило общественнаго спокойствія. Другія же статьи сего рода хотя и заключали въ себѣ до нѣкоторой степени истину, но описанныя въ нихъ происшествія оказались чрезмѣрно преувеличенными и легковѣрно или недобросовѣстно записанными со словъ лицъ вовсе незаслуживающихъ довѣрія, какъ на пр. напечатанный въ No. 175 *Московскихъ Вѣдомостей* разсказъ инженернаго офицера, подъ названіемъ: “нѣсколько словъ объ одномъ тюремномъ замкѣ.” Къ этой категоріи принадлежитъ большинство такъ называемыхъ обличительныхъ статей.

Распространеніе такого направленія журналистики можетъ повести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ злоупотребленія печати; а потому главное управленіе цензуры, при обсужденіи сего предмета, не могло не остановиться: во 1) на допускаемыхъ вопреки Уст. о ценсурѣ, въ печати *личностяхъ*, называя поименно описываемыя лица или обозначая ихъ *ослзательно*; во 2), на необходимости установленія такого

порядка при допущеніи къ печати разсказовъ о такъ называемыхъ истинныхъ происшествіяхъ, который обезпечивалъ бы правительство и публику отъ ложныхъ извѣстій, вводящихъ ихъ въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что опровергать всѣ печатаемые въ повременныхъ изданіяхъ несправедливые и ложные разсказы было бы невозможно и *недостойно* правительства.

Въ слѣдствіе сего, Глав. Управ. цензуры постановило :

1. Подтвердить по ценсурному вѣдомству, что дальнѣйшее допущеніе къ печати, вопреки 3 пункта (?) Устава ценсурнаго, статей оскорбляющихъ честь какого либо лица, непременно повлечетъ за собою удаленіе отъ должностей виновныхъ въ семь упущеніи ценсоровъ.

2. Принять за правило, чтобы отъ редакцій періодическихъ изданій, при представленіи ими для одобренія къ печати статей, заключающихъ въ себѣ описаніе какихъ либо злоупотребленій или происшествій, выдаваемыхъ за дѣйствительно случившіяся, требовать *фактическаго* удостовѣренія въ ихъ дѣйствительности, и чтобы притомъ, въ случаѣ допущенія къ печати статьи, непременно было извѣстно ценсурѣ, какъ имя и мѣстопробываніе автора, такъ время и мѣсто описываемаго происшествія, съ тѣми фактическими подробностями, которыя всякой благоразумный ценсоръ найдетъ необходимымъ для удостовѣренія и которыя перечислить впередъ невозможно. Само собою разумѣется, что ценсоръ при этомъ не въ правѣ требовать *юридическихъ* доказательствъ въ подкрѣпленіи описываемыхъ происшествій, а долженъ ограничиваться вышесказаннымъ руководствомъ. За симъ всякое ложное извѣстіе вышесказаннаго рода, допущенное ценсоромъ въ печать, будетъ отнесено къ неизбѣжной его отвѣтственности.

Мин. Народ. Прос. *Е. Ковалевскій*

С М Ъ С Ъ.

— *Мадамъ Полянская—Саратовскій Отелю.* — Въ Саратовской губерніи, Камышинскаго уѣзда, издавна проживаетъ помѣщица Авдотья Григорьевна *Полянская*, извѣстная всему околадку варварскимъ обращеніемъ съ своими крѣпостными людьми. Мѣстное начальство, давно знало о жестокомъ обращеніи Г^н Полянской, но по своей снисходительности къ прекрасному полу смотрѣло на это сквозь пальцы.

Однажды Полянская отлучалась изъ своего хутора въ городъ; по возвращеніи узнаетъ она, что во время ея отсутствія ея мужъ, Петръ Пиканоровъ Полянскій, ѣздивъ въ село Рыбинку (что отъ хутора не болѣе 2½ версты) къ солдаткѣ Лукерьи Сумцовой для любовнаго свиданія. Полянская желая отмстить несчастной любовницѣ своего мужа — склопляетъ своихъ слугъ, подкупомъ и виномъ, чтобы они обманомъ заманили Сумцову на хуторъ. Когда помѣщица узнала, что жертва въ ея власти она велѣла посадить ее въ баню, и сама туда отправилась *вмѣстѣ съ своимъ мужемъ*. Лишь только помѣщица увидала Сумцову, начала цѣпать ея лицо, рвать поздри, и поваливъ ея на полъ, растянувъ и обнаживъ, велѣла принести кнутови; люди тотчасъ явились, и по приказанію госпожи, въ присутствіи ея супруга, начали ее жестоко наказывать; по показанію самихъ крестьянъ дано ей до 300 ударовъ! Не довольствуясь этимъ истязаніемъ, помѣщица приказала Сумцову положить на спину, съ распаленными погамп на вѣсу, и взявши кнутъ дала ей 10. ударовъ

по — *двѣтороднымъ* частямъ; потомъ, передавши кнутъ людямъ, велѣла продолжать наказаніе. Сдѣлавши маленькую паузу, она стала требовать у Сумцовой признанія: и когда несчастная созналась, то помѣщица обратилась къ супругу и начала его бить по щекамъ, а г. Полянскій за обнаруженіе грѣха самъ началъ бить Сумцову пиньками. Послѣ всего этого, госпожа снова хотѣла приступить къ пыткѣ, но тутъ уже собственный ея дворовый человекъ Анфимъ Медвѣдевъ, ставъ передъ помѣщицей на колѣни — умоляя прекратить пытку, говоря, что солдатка можетъ умереть. Полянская, опомнившись, велѣла обливать несчастную холодной водой, чтобы привести ее въ чувство, и потомъ обратно ночью приказала отвести ее въ ея деревню и бросить на улицѣ.

Сотскій села Рыбинки тотчасъ донесъ объ этомъ происшествіи мѣстному приставу I стана Соколовскому, который прибывъ на мѣсто, пригласилъ для медицинскаго осмотра уѣзнаго врача. Медицинское свидѣтельство сдѣлано было совершенно добросовѣстно; я вамъ выпиываю изъ него одно только заключеніе: “1, Что солдатка Лукерья Сумцова дѣйствительно претерпѣла жестокое тѣлесное наказаніе съ разпыми истязаніями и поруганіемъ надъ ея тѣломъ; 2, что она отъ сего истязанія находится въ опасномъ положеніи; 3, вѣрность ея выздоровленія въ настоящее время опредѣлить нельзя, а если при условіи крѣпкаго тѣлословенія и молодости лѣтъ по счастію больная выздоровѣетъ, то должна потерпѣть ущербъ въ здоровьи, и даже сдѣлаться не способною къ дѣторожденію.

“ Въ чемъ по сущей правдѣ, и согласно съ врачебною наукою, подписью моею съ приложеніемъ печати утверждаю. Поября 5 дня Камышинскій уѣздный врачъ *Инатовичъ*.”

Становой приставъ, приступивъ къ слѣдствію, донесъ объ этомъ дѣлѣ въ мѣстный земскій судъ, проси по важности происшествія назначить временное отдѣленіе. Камышинскій Исправникъ Валеріанъ Поповъ (двоюродный братъ тому самому казаку Попову, который уже нѣсколько извѣстенъ вамъ) отклонилъ отъ себя предсѣдательствовать въ временномъ отдѣленіи, и поручилъ это дѣло непременному засѣдателю Николеву, который только что наканунѣ вступилъ въ эту должность. Къ чести временнаго отдѣленія надобно сказать, что оно на первыхъ порахъ дѣйствовало довольно энергичеки и добросовѣстно, но потомъ переѣнились обстоятельства, начались разные снисхожденія, рассчитывая навѣрно что чѣмъ тише вести дѣло, тѣмъ *лучше*. Крестьяне сидятъ въ острогѣ, а помѣщица даже и не арестована; говорятъ что нѣтъ достаточныхъ уликъ къ ея обвиненію, ибо *обвиняемые въ дѣлѣ не могутъ быть свидѣтелями—они крѣпостные*.

По окончаніи слѣдствія дѣло должно перейти въ мѣстный Уѣздный Судъ, и поидеть, какъ должно, путемъ долгаго русскаго суда.

Что за скоты, что за дикіе звѣри живутъ въ захоластьяхъ святой Руси! Впрочемъ что мы обижаемъ звѣрей? Такихъ звѣрей нѣтъ—такіе есть только русскіе помѣщики—которымъ редакторы-освободители оставили черкасскую розгу въ рукахъ.

— *Почта въ Россіи.*—Насъ спрашиваетъ одинъ торговый домъ въ Манчестерѣ: “отъ чего письмо отправленное изъ Одессы въ Англію и не франкированное, платится здѣсь 11½ пенсовъ, а письмо отправленное также не франкированное въ Одессу, платится тамъ 72 к. (2 шил.); если же

письмо здѣсь франкировано 11½ пенсами, тамъ заставляютъ приплачивать 25 коп.”

Отъ чего?... Побужденные патриотизмомъ, мы объясняли, что причина происходитъ отъ того, что разстояніе отъ Англій до Одессы гораздо больше чѣмъ отъ Одессы до Англій. Ну — а келейно то можно сказать *entre nous*, — оттого что почтовое вѣдомство *крадетъ*.

Ну ужъ крали бы у своихъ, все было бы шито и крыто; Русскій знаетъ свой *habeas corpus*, — что всякій имѣетъ право быть обворованнымъ казною и воровать казну. За чѣмъ же Англичанъ-то мѣшать въ семейныя удовольствія?

Въ свою очередь и мы теперь спросимъ всѣхъ почтенныхъ особъ, умѣющихъ отгадывать *ребусы*, въ Манчестерѣ, Бирмингемѣ и Ливерпулѣ, нельзя ли узнать отъ чего “какихъ ни вымыслий пружинъ” и какъ дорого ни плати, нѣтъ никакой возможности получать во время Русскія періодическія изданія. Они иногда опаздываютъ *три, четыре* мѣсяца, иногда приходятъ разомъ отъ двухъ мѣсяцевъ. Въ послѣднее время въ Лондонѣ были получены Январскіе и Февральскіе книжки за 1860, а Декабрскіе за 1859 до сихъ поръ нѣтъ!

Кто тутъ виноватый, редакторы, книгопродавцы, Пришибниковскіе почталіоны, или Тимашевскіе слушаліоны?

Къ тому же *portis* совершенно произвольные; развѣ нельзя въ каждомъ журналѣ печатать цѣну, съ доставкой въ пять или шесть главныхъ городовъ Европы?

Хоть бы редакторы, къ празднованію тысячелѣтія Россіи, постарались чѣмъ ихъ изданія разсылались сколько нибудь лучше, чѣмъ въ тѣ времена когда Рюрикъ пришелъ съ своими сотрудниками изъ Жмуди.

— *Аѳинскій Архимандритъ*,* (письмо изъ Аѳинъ). — М. Г. Одинъ изъ немногихъ въ Аѳинахъ Грековъ, знающихъ по русски, я имѣлъ горькую случайность прочесть въ №. 63 *Колокола* отъ 15 Февраля клевету на нашего здѣсь архимандрита, изумившую всѣхъ, столько лѣтъ знающихъ его безукоризненную во всѣхъ отношеніяхъ жизнь. Надобно думать, что писавшій вамъ о немъ потерялъ рассудокъ. Удивительно же, какъ могли вы дать малѣйшую вѣру словамъ его. Мы хвалимся здѣсь свободою печати не меньшею, чѣмъ въ Англій, могло ли бы, скажите, укрыться отъ взора ея поведение челоука, всѣмъ извѣстнаго здѣсь отъ мала до велика? Нѣтъ! Сообщенное вамъ есть *неправда*, вопіющая предъ Богомъ и людьми. Утѣшаюсь тѣмъ, что она не вышла изъ устъ Греческихъ.....†

Осмѣливаюсь увѣрить васъ, что мое убѣжденіе въ непорочной жизни архимандрита раздѣляетъ все Аѳинское общество. Я былъ свидѣтелемъ того глубокаго негодованія, которое произвела въ городѣ и прежняя попытка опозорить не позоримое, и того не менѣе глубокаго сочувствія, которое спѣшили выказать узнавшіе о томъ архимандриту. Желаю отечеству вашему какъ можно болѣе такихъ честныхъ,

* Мы получили два письма въ его защиту. Одно помѣщаемъ. Въ другомъ нѣтъ никакихъ фактовъ. Мы вовсе неамѣтены разбирать монашескіе романы и знаемъ мы хорошо послѣдствія неестественныхъ воздержаній. Но зачѣмъ же въ эти частныя дѣла вмѣшался Озеровъ? Это имѣетъ характеръ дѣла, мы въ особенности преслѣдуемъ всякаго рода николаевскія поповизованія, всѣхъ этихъ микроскопическихъ тиражиковъ, консульковъ, посланцевъ и другихъ агентовъ, воображающихъ, что для нихъ законы не писаны.

† Мы пропускаемъ нѣсколько строкъ намековъ, не идущихъ къ оправданію архимандрита.

благородныхъ и солидно образованныхъ іереевъ, и радуюсь за Грецію, имѣющую посреди себя такого представителя духовенства Русскаго.

Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что я не рѣшился бы никогда мѣшаться въ чужое дѣло и опровергать напечатанное вами, если бы не былъ увѣренъ *совершенно* въ томъ, что говорю.

Прошу напечатать письмо мое въ *Колоколъ*, и остаюсь....

И. РОМБОТИ. Профессоръ Аѳинскаго Университета.

— *Космическое значеніе Русскаго Свода*. — Въ концѣ прошлаго года и именно 27 Ноября Г. Н. Делимарковъ послалъ изъ Яссъ прошеніе къ государю на незаконное опредѣленіе Русскаго Сената, по исковому дѣлу его, съ умершей Бессарабской помѣщицей Маріей Пошлоговой. Прошеніе это, не достигая до высочайшаго воззрѣнія, осталось опять (какъ и два предъидущія) въ комиссіи принятія прошеній, которая, отказала просителю не на основаніи какого либо закона, а только по собственному произволу и именно, что будто бы рѣшеніе Сената, по сему дѣлу найдено ею правильнымъ, причемъ упущено было изъ виду даже и то, что проситель не Русскій а Молдавскій подданный. Комиссія предписала чрезъ Азіатскій департаментъ Русскому въ Яссахъ консулу — *обязать* г. Делимаркова подпискою въ томъ, что онъ по сему дѣлу больше жаловаться не будетъ *подъ опасеніемъ* поступленія съ нимъ по силѣ 323 ст. тома 15 издан. 1857 года. И такъ сводъ распространяетъ нынѣ свои милыя распоряженія не только на Русскихъ — но и на людей всего земнаго шара. — А между тѣмъ проситель только на основаніи того же *вселенскаго* свода и просилъ государя обратить вниманіе на то, что рѣшеніе Сорокско-Яскаго окружнаго Суда, отъ 3го Декабря 1843 года, по иску просителя къ Потлоговой поступило въ законную силу, а что по силѣ 634 статьи свода законовъ тома 10го части 2^а изданія 1857 года, подобныя тяжбы, по коимъ окончательное рѣшеніе вступило въ законную силу, вновь вчиняемы и перевершаемы быть не могутъ, ни въ существѣ ихъ, ни же въ послѣдствіяхъ на семъ рѣшеніи основанныхъ.

Кто же это въ Петербургѣ положилъ такое рѣшеніе, — ужъ не Цанинъ-ли?

— Въ слѣдующемъ листѣ *Колокола* мы помѣстимъ исторію третьяго Тверскаго помѣщика, пострадавшаго отъ безмысленнаго Петербургскаго деспотизма. Мы говоримъ о г. ГОЛОВАЧЕВѢ.

Пятый листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 1 Апрѣля, въ немъ заключаются — *Беззаконныя дѣйствія генерала Толстаго, губернатора Данзаса и его сообщниковъ по дѣлу: Разбитія питейныхъ домовъ въ г. Спасскѣ, (Тамбовской губерніи.)*

Въ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ, поступили въ продажу переплетенные въ одномъ томѣ экземпляры *Колокола* отъ 1 листа (Юля 1857) до 1860 года. Цѣна 30 шиллинговъ.

печатается :

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи *Искандера* и *Огарева*.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian Road, N. W., London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 70.

1 Мая 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian Road., N.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Головачевъ—Катакази, Местмакерь, Казакевичъ, Машевскій, Старицкій и пр.—Возраженіе на 63 No. Колокола.

Смѣсь: LA VERITÉ SUR LA RUSSIE—Торговля молитвами—Тайное-явно—Свистуновъ и Кашинъ.

ТВЕРСКОЙ ПОМѢЩИКЪ ГОЛОВАЧЕВЪ.

(Письмо къ Редактору).

Пяколаевскій произволъ не только продолжается, но принимаетъ еще большіе размѣры. Всѣ благія предначертанія благодушнѣйшаго монарха—или остаются предначертаніями, или осуществляются въ весьма неблагообразной дѣйствительности. Доказательство—ходъ крестьянскаго вопроса, который приходитъ къ рѣшенію такого рода, что крестьянъ не только лишаютъ той ничтожной доли свободы, которою до сихъ поръ пользовались нѣкоторые изъ нихъ находившіеся на оброкѣ у не злыхъ помѣщиковъ—подчиненіемъ ихъ окончательно грабежу не однихъ помѣщиковъ, но въ добавокъ и чиновниковъ—ихъ заставляютъ выкупать строенія и скотъ, которые до сихъ поръ составляли ихъ безспорную собственность. Таковы результаты трудовъ редакціонныхъ комиссій, не смѣющихъ до сихъ поръ отступить отъ рескриптовъ. Либерализмъ же выразился только въ томъ, что не однихъ крестьянъ отдають въ крѣпость чиновниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣщиковъ окончательно дѣлають крѣпостными, предоставляя имъ право грабить крестьянъ, съ обязанностію платить исправно оброкъ чиновникамъ. Гласность суда отложена за неразвитостію народа, о существующей же литературной гласности вы имѣете достаточное понятіе.

Для болѣе полнаго разубѣжденія всѣхъ вѣрующихъ еще въ либерализмъ Русскаго правительства, доказательство на лицо. Если бы правительство хотѣло хоть отчасти тѣхъ улучшеній, которыя оно обѣщало, стало ли бы оно преслѣдовать людей, дѣятельность которыхъ заключалась именно въ облегченіи для него обѣщанныхъ имъ реформъ, и при томъ людей, никогда не позволявшихъ себѣ, ни на шагъ отступать отъ законовъ самимъ правительствомъ изданныхъ, и тѣмъ самымъ стремившихся къ распространенію въ обществѣ уваженія къ законамъ.

Я говорю о преслѣдованіи, которому уже подверглись Уиковскій, Европеусъ и Головачевъ, а можетъ быть подвергнутся и еще многіе изъ Тверскихъ дворянъ. Я думаю что вамъ извѣстно уже, что Уиковскій посланъ въ Вятку, Европеусъ въ Пермь, а Головачевъ отданъ подѣ Шемакинъ судъ съ обязанностію осудить его.

Годъ IV.

Я хочу описать вамъ послѣдовательно все дѣло какъ было, для того чтобы ясно доказать всѣмъ еще вѣрующимъ въ либерализмъ Русскаго царя, что всѣ его благія предначертанія, не болѣе какъ жалкій и глупый обманъ, который приведетъ его самаго къ гибели, а Россію къ революціи.

По закрытіи губернскаго собранія, всѣ дѣйствія котораго вамъ извѣстны, исправляющимъ должность губ. предводителя, назначенъ Клокачевъ. Клокачевъ этотъ между прочимъ извѣстенъ тѣмъ, что въ Тверскомъ губ. правленіи, находится дѣло о фальшивомъ его доносѣ на Уиковскаго и Головачева, что они будто бы были *въ перепискѣ съ вами*;* и въ Зубцовской дворянской опекѣ находится дѣло о фальшиво-составленномъ отчетѣ Клокачева, по имѣнію находившемуся въ его опекуномъ управленіи. Общее мнѣніе давно знаетъ, что за человекъ г. Клокачевъ.

Этотъ господинъ, будучи лично золъ на Уиковскаго и Головачева за то, что они старались всѣми средствами препятствовать ему и ему подобнымъ *въ разныхъ дѣлахъ*, слѣмалъ запросы всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ или исправляющимъ ихъ должность въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ предводители не были выбраны, дѣйствительно ли дворяне положили, 12 стипендій въ Московскомъ Университетѣ назвать стипендіями А. М. Уиковскаго—на томъ основаніи, что протоколъ объ этомъ, подписанный 11 уѣздными предводителями, не былъ подписанъ Колязинскимъ предводителемъ, Ушаковымъ, который въ послѣдніе дни выборовъ, оказался больнымъ. Вы на столько знаете законы, что прямо видите незаконность дѣйствій г. Клокачева, который не имѣя никакого права усомниться въ правильности протокола подписаннаго 11 предводителями, позволилъ себѣ производить слѣдствіе надъ этими предводителями. Этотъ поступокъ его, вызвалъ письмо къ нему Головачева, слѣдующаго содержанія:

“ Милостивый государь, Петръ Павловичъ,

“ Дошло до свѣденія моего, что вы, вступя въ должность губернскаго предводителя дворянства, по случаю несостоятельности выборовъ въ Тверской губерніи, остановились исполненіемъ одного изъ протоколовъ губернскаго собранія, которымъ было опредѣлено назначеніе дворянскимъ собра-

* Къ сожалѣнію мы не имѣемъ чести знать ни того, ни другаго.—Ред.

ніемъ двѣнадцать стипендій въ Московскомъ Университетѣ именованъ стипендіями г. Унковскаго, съ предоставленіемъ ему права выбора воспитанниковъ и отнесли къ гг. уѣзднымъ предводителямъ съ просьбою увѣдомить васъ, всѣ-ли г. дворяне, бывшіе на губернскомъ съѣздѣ, согласны на это распоряженіе на томъ только основаніи, что г. исправляющій должность Колязинскаго предводителя, не подписалъ означеннаго протокола.

“Какъ бывшій предводитель дворянства Корчевскаго уѣзда и какъ дворянинъ Тверской губерніи, я долженъ вамъ сказать, что вы не имѣли никакого права, останавливаться исполненіемъ протокола, который подписанъ 11 предводителями дворянства, и въ томъ числѣ исправлявшимъ должность губернскаго предводителя. Подписи этихъ лицъ вамъ служили достаточной порукой, что это было постановленіе единогласное. Вы не имѣли никакого права заподозрѣть 11^{ть} предводителей въ фальшивомъ составленіи протокола.

“Если же г. исправляющій должность Колязинскаго предводителя не подписалъ протоколъ, то это могло быть только потому, что онъ случайно пропустилъ его. Я не смѣю подозрѣвать его въ томъ, чтобы онъ былъ несогласенъ съ нимъ. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ прямо въ губернскомъ собраніи объявить о своемъ несогласіи и о причинахъ онаго. Но г. исправляющій должность Колязинскаго предводителя, этого не сдѣлалъ, и я въ томъ сошлюсь на цѣлое собраніе гг. дворянъ. Быть не согласнымъ съ протоколомъ собранія и не объявить своего мнѣнія публично и гласно—значитъ устыдиться его; но въ такомъ гнусномъ и позорномъ поступкѣ могутъ подозрѣвать людей облеченныхъ довѣренностью дворянства лишь тѣ, кои сами способны къ подобнымъ вещамъ; я же съ своей стороны не могу думать этого и полагаю, что протоколъ не былъ подписанъ имъ совершенно случайно.

“Но обращаюсь теперь къ вашимъ дѣйствіямъ. На какомъ основаніи вы, милостивый государь, позволили себѣ наглою дерзостью противъ 11^{ти} гг. Уѣздныхъ предводителей, дерзостью, состоящую въ томъ, чтобы усомниться въ правильности составленнаго протокола.

“Возраженія, сдѣланныя внѣ собранія, гдѣнибудь за угломъ, или подъ прикрытіемъ канцелярской тайны, не могли ослабить или уничтожить силу и дѣйствіе протокола, публично и гласно составленнаго въ залѣ губернскаго собранія. Протоколъ этотъ могъ потерять свою силу только въ томъ случаѣ, еслибы вы имѣли возможность доказать, что онъ составленъ фальшивымъ образомъ. Стало бытъ вы имѣли серьезное подозрѣніе въ этомъ, если рѣшились производить слѣдствіе надъ 11^ю гг. Уѣздными предводителями; а потому я имѣю полное право назвать подобный поступокъ вашъ наглою дерзостью. И кто вамъ далъ право распоряжаться подобнымъ образомъ? Если бы вы даже получили доносъ въ совершеніи такого преступленія, то и тогда вы не имѣли бы права собственною властью распорядиться о производствѣ слѣдствія надъ лицами, подчиненными правительствующему сенату; но отношеніе ваше къ гг. уѣзднымъ предводителямъ, вовсе не упоминаетъ о доносѣ, что заставляетъ меня думать, что вы Богъ знаетъ изъ какихъ побужденій приняли на себя гнусную роль ложнаго обвинителя и присвоили себѣ незаконное право, быть слѣдователемъ по этому обвиненію.

“Какія же побужденія заставили васъ такъ дѣйствовать?

Позвольте мнѣ самому отвѣчать на этотъ вопросъ. Я думаю, что поводомъ къ этому была одна жалкая, низкая и гнусная зависть—зависть противъ человѣка, заслужившаго всеобщее уваженіе не только въ нашей губерніи, но и въ цѣлой Россіи. Эта зависть заставила васъ искать какой нибудь придирки, чтобъ помѣшать Тверскому дворянству увѣковѣчить воспоминаніе о полезной дѣятельности человѣка имъ уважаемаго. Вы искали ее и думали, что нашли. Нѣтъ! Вы нашли только средство обнаружить ясно и положительно что вы такое! Вы нашли средство покрыть себя позоромъ въ глазахъ всякаго порядочнаго человѣка—и больше ничего.

“Зная васъ очень хорошо, я не ожидалъ отъ васъ ничего лучшаго; но теперь узнаютъ всѣ до какой степени низости вы способны дойти. Поступокъ вашъ не можетъ остаться безнаказаннымъ. Правда, онъ будетъ наказанъ не ограниченіемъ правъ и преимуществъ и не занесеніемъ въ вашъ формуляръ, но всеобщее презрѣніе порядочныхъ людей, будетъ ему должнымъ возмездіемъ. Что касается до моихъ выраженій въ настоящемъ письмѣ, то они не должны показаться оскорбительными такому человѣку какъ вы. Человѣкъ, способный поступить такъ, какъ вы поступили, не имѣетъ права оскорбляться какимъ бы то ни было выраженіемъ. Впрочемъ я готовъ отвѣчать за мои выраженія передъ всякимъ судебнымъ мѣстомъ, къ которому вамъ угодно будетъ обратиться съ жалобою.”

“А. Головачевъ.”

Копіи съ этого письма разосланы всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ. Очень можетъ быть, что Головачевъ писалъ такъ рѣзко, для того чтобы вызвать Клокачева къ суду, для открытія подробностей не только теперешней но и прежней его дѣятельности; но г. Клокачевъ нашелъ себѣ защитника въ министрѣ вн. дѣлъ, который по его жалобѣ, предписалъ губернскому правленію отдать подъ судъ жителя Корчевскаго уѣзда Головачева, Тверскому уѣздному суду. Вы не вѣрите? право такъ! каковъ прогрессъ! Такой путаницы не бывало и при незабвенномъ: Министръ в. д.,—судебная инстанція, губернское правленіе—судебное учрежденіе предписывающее уѣздному суду, и уѣздный судъ исполняющій эти предписанія и судящій дѣла по должности предводителя, подлежащія единственно суду сената. Головачеву въ судѣ не предъявили даже исковаго на него прошенія, безъ котораго какое судное дѣло, по существующимъ законамъ начато быть не можетъ! и такъ какъ онъ конечно не могъ признать правильность подобнаго суда, то это сочтено за упорство и онъ приговоренъ къ 3^{хъ} мѣсячному тюремному заключенію, вопреки всѣмъ существующимъ даже въ Россіи законамъ. Очень можетъ быть, что отъ него не примутъ даже апелляціи, такъ какъ ничего теперь невозможнаго нѣтъ.

Конечно это хорошій урокъ Головачеву и всѣмъ людямъ вѣрившимъ въ благопамѣренность правительства, и мечтавшимъ о возможности произвести реформу путемъ мирныхъ законодательныхъ мѣръ,—при чемъ они хотѣли играть роль посредниковъ между правительствомъ и народомъ, для того чтобы передавая первому желаніе народа и умѣряя нетерпѣніе массы, сдѣлать всѣ революціонныя попытки невозможными. Дѣйствительно я теперь совершенно согласенъ, что Унковскій, Головачевъ, всѣ члены большинства Тверскаго комитета и люди имъ сочувствующіе—мечтатели, и даже

вредные мечтатели въ государствѣ, которое должно непремѣнно идти путемъ революціоннымъ, — такъ какъ они препятствіе для революцій.

Унковскій получилъ черезъ губернатора запросъ отъ м. в. д. почему допущенъ былъ на выборы въ противность 91 ст. III Т. Св. Зак. Бѣжецкій помѣщикъ Европеусъ, который въ 1849 году, за участіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ Буташевича - Петрашевскаго, лишенъ былъ чиновъ съ разжалованьемъ въ рядовые.

На это Унковскій отвѣчалъ, что какъ онъ зналъ, что наказаніе Европеуса не было сопряжено съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и какъ Европеусъ по узаконенному ценсу имѣлъ право участвовать въ выборахъ, то онъ и не полагалъ возможнымъ не допускать его до выборовъ. Получивъ же запросъ отъ м. в. д. онъ нашелъ необходимымъ справиться съ 91 ст. III Т., которая говоритъ о недопущеніи къ выборамъ дворянъ подвергшихся наказаніямъ по ст. 24, 47 и 54 No. 9 о нак. но эти статьи ни какъ не относятся къ г. Европеусу; при томъ въ высочайшей копфирмаціи о г. Европеусѣ именно сказано, что онъ лишается чиновъ *безъ лишенія дворянства*; и вслѣдствіе этого онъ находится въ совершенномъ недоумѣніи, на какомъ основаніи г. министръ в. д. считаетъ г. Европеуса, не лишеннаго дворянства, и вновь *произведеннаго* въ офицерскій чинъ на дѣйствительной службѣ а *даже не прощеннаго*, — лишеннымъ права участвовать въ выборахъ, тогда какъ это право составляетъ принадлежность дворянскаго достоинства и не можетъ быть отнято иначе какъ рѣшеніемъ суда, высочайше конфирмованнымъ. Вотъ смыслъ отвѣта Унковскаго представленнаго губернаторомъ въ министерство в. д., полвой же копіи я не могъ достать; но и по этому вы достаточно видите, что министръ в. д. уличенный опять въ незнаніи законовъ, не могъ не злиться страшно на Унковскаго; въ родѣ этого же онъ получилъ отвѣтъ и по вопросу о томъ, на какомъ основаніи нѣкоторыя постановленія, а между прочимъ копія съ всеподданнѣйшаго прошенія дворянъ Тверской губерніи, были литографированы.

Эти уличенія въ явномъ незнаніи законовъ, конечно должны были еще болѣе раздражить противъ Унковскаго, лица власть имѣющія которыя конечно не могли ему простить и соображеній представленныхъ имъ въ главный комитетъ и неудачи отрѣшенія его отъ должности губ. предводителя, такъ какъ это отрѣшеніе популяризировало имя Унковскаго въ Россіи.

Стали искать предлога къ сильнѣйшему преслѣдованію Унковскаго. Клокачевъ могъ служить для этого орудіемъ. Онъ и его товарищи, извѣстные вамъ Веревкинъ и Хвостовъ, предсѣдатель уголовной палаты Машковъ (изъ правовѣдовъ), — готовы на всѣ средства для того чтобъ вредить не только Унковскому и Головачеву, но и всѣмъ, которыхъ они знаютъ за людей раздѣляющихъ мнѣнія Унковскаго.

И такъ, Клокачевъ и Ко. написали нѣсколько тайныхъ доносовъ, въ которыхъ выставили Унковскаго, Европеуса, Головачева и еще нѣсколько дворянъ, какъ за руководителей тѣхъ будто бы беспорядковъ, которые произошли во время выборовъ. Дворянъ они выставили тѣхъ, на которыхъ были въ особенности злы по частнымъ дѣламъ; для доказательства можно было бы привести имена такихъ дворянъ, попавшихъ въ списокъ представленный Клокачевымъ, которые ужъ не могутъ приносить вреда, хотя бы потому, что и пользы отъ

нихъ мало (Ушаковъ, бывшій Калязинскій предводитель, хвастаетъ будто и онъ въ этомъ спискѣ). Въ доносахъ они писали о какихъ то тайныхъ собраніяхъ, происходившихъ гдѣ то, не знаю въ Твери или въ другой мѣстности. Однимъ словомъ, доносы были составлены даже такъ неловко, что человѣку мало-мальски съ логическимъ смысломъ, не трудно увидѣть что это вымыселъ, и вымыселъ даже не удачный.

Дѣйствительно надо быть очень разозлену на Унковскаго, чтобы воспользоваться доносомъ, въ которомъ онъ выставляется заговорщикомъ, и человѣкомъ тайно волнующимъ умы. Человѣкъ мало-мальски одаренный здравымъ смысломъ, ясно пойметъ, что люди подобные Унковскому не бываютъ никогда членами тайныхъ обществъ, хотя бы потому, что не вѣрятъ въ состоятельность ихъ въ настоящее время. Тайно же волновать умы нечего, когда они уже явно взволнованы мистромъ в. д. И при томъ министру в. д. очень хорошо извѣстно, что Унковскій, на послѣднемъ собраніи дворянства, не только не волновалъ а напротивъ сдерживалъ порывы многихъ дворянъ (я говорю должно быть извѣстно м. в. д., потому что всѣ знали что въ залѣ, дво. соб. во время послѣдняго сѣзда, были агенты м. в. д. и не только въ залѣ, но и въ гостинницахъ).

Еuropeуса уже пристроили въ м. в. д. какъ одно изъ главныхъ лицъ волновавшихъ умы; для того чтобы дать вѣроятіе распространенному слуху—будто въ Твери было тайное общество, такъ какъ Европеусъ былъ преждѣ замѣшанъ по мнимому заговору Петрашевскаго. Но увы! никто не вѣритъ этому слуху; тѣмъ болѣе что очень многіе знаютъ истинную причину гоненія на Унковскаго.

10 Февраля пріѣзжалъ въ Тверь генералъ - адъютантъ Ефимовичъ, производилъ о чемъ то тайное слѣдствіе, спрашивалъ Клокачева и его клеветовъ; *но ни Унковскій и ни одинъ изъ дворянъ, о которыхъ правительству извѣстно, что они раздѣляютъ мнѣнія Унковскаго, не были спрошены; даже и не знали о пріѣздѣ Ефимовича.*

Въ ночи съ 23 на 24 Февраля, Унковскаго отправили съ жандармомъ въ Вятку, не давъ ему даже времени собраться. Европеусъ отправленъ изъ его деревни, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, жена его поѣхала съ нимъ и вела себя очень твердо.

Отправка ихъ была неожиданностью, какъ для нихъ, такъ и для всѣхъ. Вѣрно было ихъ удалить изъ губерніи на жительство перваго въ Вятку а 2го въ Пермь; губернаторъ же изъ ревности ли или изъ трусости, чтобъ и его не подозрѣвали въ заговорѣ, (такъ какъ онъ хотъ и хорошій человѣкъ но все же воспитаніе получилъ въ передней и лакейство вошло въ его плоть и кровь) отправилъ ихъ, какъ ссыльныхъ, съ жандармомъ безъ остановки.

Вотъ вамъ изложеніе всего дѣла; вы видите изъ этого, что благодушнѣйшій монархъ распоряжается почище батюшки; тотъ былъ деспотъ явный, не скрывалъ этого и всякій зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Этотъ же прикинулся либераломъ, обманывалъ и старается продолжать обманывать всѣхъ; вызвалъ людей истинно любящихъ свое отечество и желающихъ ему блага—къ открытой дѣятельности, для того чтобы удобнѣе ихъ преслѣдовать. Въ 1859 году въ Маѣ, онъ жалъ руку Унковскому, благодарилъ его за составленный Тверскимъ комитетомъ проектъ, и говорилъ что большая часть предположеній Тверскаго комитета войдетъ въ положеніе объ освобожденіи крестьянъ; а въ Февралѣ 1860 года, Унковскій отправленъ въ Вятку. Вѣрите послѣ этого словамъ Русскаго царя!

ПОПРАВКИ, ВОЗРАЖЕНІЯ, ОПРАВДАНІЯ.

(Катакази, Местмахеръ, Казакевичъ, Машевскій, Старицкій и пр.)

У насъ набралось нѣсколько писемъ съ разными поправками и возраженіями. Мы будемъ мало по малу помѣщать ихъ сущность. Намъ нѣтъ ни малѣйшаго интереса, поддерживать несправедливыя обвиненія. Возраженія столько-же служатъ гласности—какъ обвиненія. Но если мы готовы помѣщать отвѣты—то просимъ дозволенія напомнить о нѣкоторыхъ предѣлахъ и условіяхъ.

Мы не считаемъ полезнымъ печатать возраженія не фактами—а краснорѣчіемъ. Приятный, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдко воздержный даръ витійства ставитъ прозу дѣла на второй планъ и теряетъ ее за цвѣтами риторики—въ томъ родѣ какъ fond въ дамскихъ платьяхъ пропадаетъ за кружевами.

Далѣе мы считаемъ положительно неприличнымъ передавать ругательныя выраженія оправдывающихся—не противъ насъ (мы обдержались)—а противъ *подозрѣваемыхъ ими* корреспондентовъ. Равнымъ образомъ мы отказываемся отъ помѣщенія обвиненій и фактовъ противъ корреспондентовъ, не идущихъ къ оправданію и явнымъ образомъ писанныхъ подъ вліяніемъ личнаго негодованія.* Мы непонимаемъ пользы этихъ обратныхъ обвиненій. А. несправедливо обвиняетъ В. въ томъ что онъ звѣрски сѣчетъ крестьянъ, что же за оправданіе для В. если онъ докажетъ что А. дурно живетъ съ своей женой? Это нисколько не мѣшаетъ А. не сѣчь крестьянъ, а В. сѣчь ихъ и очень звѣрски. Получая письмо отъ неизвѣстнаго, мы можемъ думать, что онъ пишетъ желая обличить какое нибудь пресупленіе покойно цвѣтущее подъ сѣнью нелѣпыхъ законовъ и нѣмой гласности. Но когда человекъ пишетъ оправданіе и ругаетъ своего *противника*, то явнымъ образомъ его цѣль насолить ему; мы не можемъ ссужать Колоколъ для этого рода *солений*. Въдъ Колоколъ не амфитеатръ за Рогожской заставой, гдѣ, то медвѣдя безъ ногтей травятъ старыми собаками, то старыхъ собакъ беззубыми медвѣдями, для потѣхи купцовъ средней руки, мещанъ занимающихся хмѣлемъ и вольноопущенныхъ дворовыхъ людей еще не нашедшихъ мѣста.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ писемъ и отрывки изъ другихъ.

1. Г. Катакази (дѣло Кандыбы — 45 Но. Колокола). Корреспондентъ нашъ говоря объ ежедневномъ истязаніи Кандыбою своихъ людей, упоминаетъ, что въ это время въ одномъ домѣ съ Кандыбой, жилъ г. Катакази юрисконсультъ при графѣ Строгоновѣ. Въ Одессѣ, говоритъ его противникъ, юрисконсультовъ нѣтъ, а состоящій при графѣ чиновникомъ особыхъ порученій Катакази, въ описываемое время, не могъ жить въ одномъ домѣ съ Кандыбою, по весьма естественной причинѣ, именно потому, что онъ тогда еще не жилъ въ Одессѣ; а переѣхавши на жительство въ Одессу, уже послѣ происшествія съ Кандыбою, и даже произведеннаго о томъ слѣдствія, поселился въ домѣ г. Илькевича и только во время выѣзда Кандыбы, въ Октябрѣ 1855 г. въ Москву, занялъ въ домѣ его квартиру.

“Также совершенно ложно показаніе,—продолжаетъ анти-корреспондентъ, что дворовая прислуга гг. Ипсиланти и Катакази, была замѣняема прислугою г. Кандыбы, у княгини

* Въ длинной защитѣ г. Старицкаго на пр. горячій адвокатъ его напомнилъ намъ личностями просьбу Ивана Ивановича на злокачественнаго дворянина Ивана Никифоровича Довгочухна.

Ипсиланти вольная прислуга, какъ мы лично знаемъ, живетъ безъ перемѣны многіе годы, а г. Катакази, какъ мы выше сказали вовсе не жилъ въ это время въ Одессѣ, и въ имѣніи Кандыбы, никогда до покупки не былъ.

“На г. Катакази взводится обвиненіе, что онъ способствуя освобожденію Кандыбы отъ отвѣтственности за жестокое его обращеніе съ людьми, купилъ у него имѣніе за безцѣнокъ. На это отвѣтимъ: слѣдствіе надъ Кандыбою производилось не г. Катакази, который повторяемъ еще и не жилъ тогда въ Одессѣ, а губернскимъ предводителемъ, совмѣстно съ жандармскимъ полковникомъ, слѣдовательно трудно и понять, въ чемъ могъ быть полезенъ Кандыбѣ г. Катакази, пріѣхавшій въ Одессу уже по окончаніи слѣдствія, бывшаго потомъ въ разсмотрѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

“Кандыба имѣя право на продажу, два раза запродавалъ свое имѣніе, еще до покупки его г. Катакази, который купилъ его не за безцѣнокъ, а за 100,000 р. с.

“Помнится многіе находили, что цѣна эта превышала настоящую стоимость имѣнія, въ особенности по тогдашнимъ цѣнамъ, но г. Катакази нужно было купить имѣніе такъ, какъ по формальному договору, онъ обязанъ былъ купить, на приданое жены имѣніе; и наконецъ 3ое послѣднее обвиненіе. “Г. Катакази уже и по смерти Кандыбы, не ослабѣваетъ въ своемъ преслѣдованіи виновниковъ происшествія, подъ его вліяніемъ уѣздный судъ прискиваетъ для нихъ высшую мѣру наказанія. Дѣло перевесется въ окончательную для него инстанцію уголовную Палату и тогда что.....каторга, плети! “Дѣло о нанесеніи побоевъ крестьянами г. Кандыбѣ своему владѣльцу, еще за долго до полученія здѣсь Но. 45 Колокола, рѣшено палатою и виновные крестьяне приговорены, безъ лишенія правъ за самовольную расправу и нанесенные побои, къ наказанію розгами, и потомъ должны быть водворены на прежнемъ мѣстѣ жительства.

“И Колоколъ спѣшитъ передавать во всеуслышаніе клевету, переданную ему по собственному его выраженію, *неизвѣстнымъ* корреспондентомъ?”

Спѣшитъ какъ видите передать и отвѣтъ анти-корреспондента.

2. Г. Местмахеръ (Одесскій градоначальникъ). — Письмо написанное противъ жизнеописанія Местмахера, котораго часть мы помѣстили, оправдываетъ г. Местмахера тѣмъ, что не онъ дѣлаетъ злоупотребленія, а чиновники его окружающіе. Этого мы не можемъ принять, довольно того, что Александру II, до сихъ поръ все спускали говоря, что онъ то хорошъ, но шайка людодѣловъ, воровъ и невѣждъ его окружающихъ, никуда не годится. Такія высочайшія привилегіи нельзя распространять на всякаго городничаго.

3. Губернаторъ Казакевичъ. Письмо пришедшее къ намъ черезъ Панаму, доказываетъ, и намъ кажется довольно убѣдительно, что г. Казакевичъ дѣльной и благородный человекъ, очень полезный краю вѣренному ему (приморская область Восточной Сибири). Мы не имѣемъ причины не вѣрить корреспонденту, намъ кажется, что онъ даже слишкомъ защищаетъ г. Казакевича. Въ письмѣ изъ Иркутска было только воззваніе къ нему, въ родѣ “проснись Брутъ!”—Въ самомъ этомъ воззваніи видно, что писавшій только жалѣетъ, что г. Казакевичъ не на столько дѣятеленъ, на сколько можетъ быть. Какъ счастливы были бы девять десятыхъ всѣхъ губернаторовъ, еслибъ ихъ только въ этомъ обвиняли.

4. *Г. Машевскій.* Помѣщикъ *Адамъ Солтанъ* пишетъ намъ, что обвиненіе его сосѣда Машевскаго въ 64 листѣ *Колокола* въ злоупотребленіи власти надъ крестьянами князя Льва Радзивила, находящимися у него въ арендѣ, не справедливо и что дѣло въ Гресну, описанное въ Познанской газетѣ *увеличено*. Исполняя желаніе г. Солтана, мы печатаемъ содержаніе письма и его имя. Справедливость обязываетъ насъ сказать, что и обвиненіе и оправданіе, не основаны на ясныхъ фактахъ. Что же касается до негодованія г. Солтана за то, что первое письмо не имѣетъ подписи, мы просимъ его вспомнить, что отвѣтственность за всякаго рода сношеніе съ нами, кромѣ оправданія (и то до нѣкоторой степени), подвергло бы писавшаго такимъ дикимъ преслѣдованіямъ Варшавской и Петербургской полиціи, которые вовсе не послужили бы къ оправданію обвиненнаго. Наша готовность помѣщать отвѣты, единственное средство, которое мы имѣемъ.

5. *Г. Старицкій*, (листъ 56.)—Защитникъ г. Старицкаго, послѣ изложенія разныхъ выгодъ и невыгодъ гласности и печати за границей, приступаетъ къ дѣлу такъ :

“.....Я столь же хорошо знаю этого человѣка, какъ и *его дѣло* въ вашей газетѣ напечатанное и считаю долгомъ разъяснить вамъ истину для изобличенія клеветника, который сообщилъ вамъ : ‘ что Старицкій, неизвѣстно какъ разбогатѣвшій, купилъ сначала значительное имѣніе въ Полтавской губерніи, потомъ другое въ Херсонскомъ уѣздѣ и въ пять лѣтъ раззорилъ богатое Херсонское имѣніе въ конецъ ; злоупотребленія его власти доходили до свѣдѣнія начальства ; по начальство, какъ разумѣется, ничего не дѣлало и Старицкій неистовствовалъ больше и больше ; наконецъ въ слѣдствіе доноса какого-то филантропа, губернаторъ Панкратевъ поручилъ предводителю дворянства Вертельяку съ жандармскимъ полковникомъ Рындинымъ произвести слѣдствіе,’ по которому открылись поименованные въ 10^{ти} пунктахъ корреспондентомъ вашимъ чудовищныя злоупотребленія помѣщичьей власти Старицкаго. Далѣе корреспондентъ говоритъ : ‘ что по окончаніи слѣдствія обнаружившаго преступленія Старицкаго и его прикащиковъ, дѣйствовавшихъ, какъ они объявили слѣдователямъ, по его секретнымъ словеснымъ приказаніямъ. Старицкій, задобрившій губернскія власти, приобрѣлъ благорасположеніе правителя канцеляріи Гирса и начальника отдѣленія Котовича, вслѣдствіе чего графъ Строгоновъ взялъ его сторону, и такимъ образомъ довелъ чрезъ Херсонскаго гражданскаго губернатора Канатова дѣло до III Отдѣленія ; изъ донесенія же Канатова въ это Отдѣленіе между прочимъ значится, что къ обвиненію Старицкаго въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами и вообще въ злоупотребленіи помѣщичьей власти не имѣется никакихъ доказательствъ, напротивъ изъ собственныхъ писемъ его къ прикащику, имѣющихся при дѣлѣ, видна его заботливость, чтобы съ крестьянами его экономія обходилась кротко и дѣйствовала бы болѣе *увѣщаніемъ, чѣмъ строгостію.*’

“Прописавъ отъ слова до слова выше означенное донесеніе, корреспондентъ вашъ помѣстилъ два примѣчанія, изъ которыхъ въ I^{мъ} сказано : ‘ что письменныя приказанія противурѣчили словеснымъ и хранились, какъ говорилъ Старицкій крестьянину своему прикащику Григорію Шклярю, на случай, если привяжется *беззаконникъ* предводитель, который и своихъ крестьянъ избаловалъ до такой степени, что они похожи болѣе на мѣщанъ.’ Въ другомъ примѣчаніи зна-

чится : ‘ что главный прикащикъ Дудчинской экономіи Григорій Шклярю, исполнявшій всѣ приказанія Старицкаго, былъ собственный крестьянинъ его. Кто же повѣритъ, чтобы Шклярю безъ настоятельныхъ приказаній барина истязалъ крестьянъ, между которыми очень многіе были съ нимъ въ родствѣ.(!)’

“Въ дополненіе корреспондентъ вашъ пишетъ : ‘ что Старицкій навялъ себѣ управляющаго никоего Легензевича, изгнаннаго Вертельякомъ за жестокое обращеніе съ крестьянами другаго помѣщика. Легензевичъ же, чтобы оправдать довѣріе своего патрона, возводитъ на крестьянъ небывалые воровства, неповиновенія, буйства, приготовленіе къ бунту, нѣкоторыхъ сажалъ въ острогъ при помощи засѣдателя Затурскаго, другихъ же наказывалъ розгами, даже въ первый день Свѣтлаго Праздника.

“Наконецъ корреспондентъ вашъ заключилъ свою статью слѣдующими словами : ‘ Что то сдѣлаетъ новый губернаторъ Башмаковъ, о которомъ мы слышали какъ о честномъ и благородномъ человѣкѣ. Дѣло въ уѣздномъ судѣ.’

“Чтобы въ самомъ началѣ этого отвѣта обнажить недобросовѣстность сочинителя сказанной статьи, достаточно указать на то, что онъ отзывается о Старицкомъ, какъ о человѣкѣ неизвѣстно какъ разбогатѣвшемъ, значитъ очевидно набрасываетъ тѣнь подозрѣнія, что пріобрѣтеніе его подлежитъ осужденію—между тѣмъ какъ въ Полтавской губерніи всѣмъ и каждому извѣстно, что Старицкій принадлежитъ къ древней дворянской фамиліи, что, въ 1819 году, вступивъ въ управленіе доставшимся ему родовымъ имѣніемъ, въ которомъ считались до *ста ревизскихъ* мужескаго пола душъ, онъ постояннымъ трудомъ достигъ того, что на имѣніе его указывали, какъ на одно изъ благоустроенныхъ, и этимъ то путемъ онъ получилъ возможность, по прошествіи однако же 23^{хъ} лѣтъ, и именно : въ 1842 году, пріобрѣсти имѣніе, находящееся вблизи Полтавы, купленное съ публичнаго торга въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ 415 *мужескаго* пола душъ и болѣе 3,000 десятинъ земли за 38,000 рублей ; а спустя 11 лѣтъ, то есть : въ 1853 году, Старицкій пріобрѣлъ и деревню Дудчино, то богатое имѣніе по словамъ вашего корреспондента, въ которомъ 173 души и которѣе онъ въ пять лѣтъ раззорилъ въ конецъ. Такимъ образомъ очевидно, что для сочинителя присланной вамъ статьи о Старицкомъ и подобнаго рода пріобрѣтеніе можетъ казаться предосудительнымъ. Послѣ этого перейду къ возраженію и на всѣ прочія обвиненія, которое для большей ясности изложу по пунктамъ :

“1) Старицкій съ покупкою д. Дудчины пріобрѣлъ и сосѣда Вертельяка, того самаго, о которомъ упоминается въ статьѣ вашей газеты и котораго Старицкій именовалъ беззаконнымъ предводителемъ, какъ бы въ предвидѣніи, что на него будетъ сдѣланъ *отъ неизвѣстнаго лица доносъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти*, что Вертельяку поручать производство слѣдствія и что онъ раскроетъ эти злоупотребленія.

2) Мнѣ предлежитъ отдать на судъ общій, можно ли допустить хотя тѣнь сомнѣнія въ томъ, чтобы Старицкій былъ способенъ неистовствовать и раззорять, по словамъ вашего корреспондента, своихъ крестьянъ въ Херсонскомъ имѣніи, если онъ, владея населенными имѣніями въ Полтавской губерніи 40 лѣтъ, не подавъ никогда и никакого повода къ принесенію на него отъ кого либо изъ крестьянъ не только письменныхъ,

но даже и словесныхъ жалобъ (!) напротивъ того, по общему отзыву въ Полтавской губерніи, имѣнія Старицкаго признаются благоустроенными во всѣхъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, нельзя отвергать, да и самые факты ниже сего приведенные ясно подтверждаютъ, что если Старицкій всегда былъ владѣльцемъ добросовѣстнымъ въ Полтавскомъ имѣніи, *то не могъ* быть инымъ въ Херсонскомъ. Старицкаго можно упрекнуть развѣ за одну непредусмотрительность состоящую въ томъ, что онъ отправилъ изъ своего Полтавскаго имѣнія въ Дудчино такого прикащика, который не сообразилъ, что въ Херсонѣ существуетъ предводитель Вертелякъ. Вертелякъ, присвоивъ себѣ власть распоряжаться назначеніемъ въ владѣльческихъ имѣніяхъ воинскихъ постоевъ и взиманіемъ подводъ во время бывшей Крымской войны, до такой степени обременялъ этими повинностями имѣніе Старицкаго, находящееся на почтовой дорогѣ и вблизи г. Береслава, гдѣ сосредоточивались всѣ передвиженія, что ни экономія, ни даже крестьяне не имѣли времени сдѣлать ни малѣйшаго посѣва хлѣба, а всѣ избы ихъ были заняты солдатами по 30 человѣкъ и болѣе въ каждой, кромѣ того, по его же назначенію, были назначены ночлеги и дневки для транспортовъ съ больными и ранеными, вслѣдствіе чего обнаружилась между крестьянами тифозная горячка, отъ которой въ продолженіи пяти мѣсяцевъ умерло 114 душъ. Послѣ чего Старицкій былъ вынужденъ на эти злоупотребленія Вертеляка обратиться съ жалобами сперва къ начальнику губерніи Панкратьеву, а за тѣмъ къ министру и главнокомандующему; но война кончилась и по жалобамъ Старицкаго ограничились однимъ истребованнымъ отъ Вертеляка объясненіемъ, въ которомъ онъ, само собою разумѣется, оправдывался тѣмъ, что и всѣ прочія имѣнія одинаково пострадали. Легко однако же понять, сколь были огромны потери Старицкаго причиненныя Вертелякомъ; но этого было для него мало и онъ рѣшился во что бы ни стало *известить* на Старицкаго злоупотребленіе помѣщичьей власти и взять имѣніе въ опеку. Онъ воспользовался для сего донесеніемъ приходскаго священника, о томъ, что въ имѣніи Старицкаго крестьяне *подвергаются стѣсненію* и работаютъ барщину въ воскресные и праздничные дни. Старицкій, живши за 400 верстъ, конечно, не могъ знать объ этомъ доносѣ, который Вертелякъ лично вручилъ покойному Панкратьеву и настаивалъ о немедленномъ порученіи ему произвести слѣдствіе; но у Панкратьева еще въ свѣжей памяти были жалобы Старицкаго и потому всѣ настоянія Вертеляка остались тщетными. Панкратьевъ поручилъ это дѣло Одесскому предводителю Свѣчину, который внезапно прибылъ въ имѣніе Старицкаго, собралъ крестьянъ, взялъ отъ нихъ показанія, осмотрѣлъ домашнее ихъ хозяйство и донесъ губернатору, что нашель всѣхъ безъ исключенія крестьянъ Старицкаго весьма зажиточными, которые отозвались при томъ, что во время войны владѣлецъ ихъ выдавалъ имъ безвозвратно хлѣбъ, и заплатилъ за весь годъ казенныя подати. Въ Мартѣ 1858 г. представилъ Панкратьеву доносъ полученный будто бы отъ неизвѣстнаго, подписавшагося филантропомъ, и содержащій въ себѣ тѣ злоупотребленія Старицкаго помѣщичьей власти, которыя вами названы “чудовищными.” Панкратьевъ первоначально не согласился даже принять доноса, какъ доноса безымяннаго, притомъ же Панкратьевъ *зналъ лично* Старицкаго и не считалъ его способнымъ на подобные поступки; но по не самостоятельному характеру—Панкратьевъ, *имѣлъ не-*

осторожность согласиться на повторенныя убѣжденія Вертеляка и поручить ему произвести *одно лишь дознаніе* и въ такомъ только случаѣ приступить къ формальному слѣдствію совместно съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, когда злоупотребленія Старицкаго окажутся несомнѣнными. Этого распоряженія Вертелякъ только и добивался. Кончивъ дознаніе въ Херсонѣ онъ, пригласивъ съ собою полковника Рындина, отправился въ имѣніе Старицкаго, гдѣ пробылъ двѣ недѣли.

(Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ).

ВОЗРАЖЕНІЕ НА 63 №. КОЛОКОЛА.

(Письмо къ издателю Колокола*).

Въ N. 63 (15 Февраля) *Колокола*, въ статьѣ о крестьянскомъ вопросѣ, я читаю между прочимъ слѣдующее:

“..... Мы не хотимъ ни Англійской, ни Французской болѣзни, ни даже Прусской гегеймратъ-казарменной.

“Народъ и дворянство—оба хотятъ немедленнаго обязательнаго выкупа.....”

Я оставляю въ сторонѣ всѣ заимствованія, кои Россія, съ выгодою или со вредомъ, сдѣлала у Европы на поприщѣ образованности гражданской, всѣ подражанія иностранному, счастливыя или пагубныя, кои ознаменовываютъ дѣйствія какъ правительства такъ и высшихъ классовъ Русскаго народа въ ихъ гражданской жизни. Но согласитесь, почтенный г. Редакторъ, что, при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ, выходка ваша противъ Пруссіи неудачна.

Пруссія, первая между всѣми государствами Европейскими, освободила крестьянъ съ землею. Дотошъ, даже въ самой Франціи, во время разгара революціи 1789 года, когда все въ землѣ сей было такъ рѣзко и радикально измѣняемо, освобожденіе ограничивалось личною свободою крестьянъ. Пруссія, первая, признала и провозгласила право крестьянъ на землю ими занимаемую и освободила ихъ съ этою землею. Если не что иное, то, по крайней мѣрѣ, успѣхъ увѣнчавшій это законоположеніе, долженъ бы, кажется, внушить уваженіе и признательность въ сердцахъ всѣхъ друзей человѣчества къ тѣмъ лицамъ, кои совершили великое и святое дѣло.

Правда—это дѣло было сдѣлано безъ выкупа, котораго такъ сильно желаетъ не только дворянство, но, по убѣжденію вашему, и самый народъ. Но отсутствіе сего способа освобожденія конечно не уменьшаетъ достоинства Прусскаго законоположенія, тѣмъ болѣе, что и помѣщики, не получившіе никакого вознагражденія, остались довольными—такъ свобода крестьянъ-собственниковъ содѣлалась выгодною и для сихъ помѣщиковъ!

Какъ бы то ни было, я увѣренъ, почтенный г. Редакторъ, что и вы сами были бы весьма счастливы, если бы въ Россіи нашлись такіе гегеймраты, какихъ нашла Пруссія въ годину испытанія, посреди коего были положены рѣшительныя мѣры къ окончательному освобожденію земледѣльческаго сословія.

Позвольте, при семъ случаѣ, сказать нѣсколько словъ о склонности существующей въ Россіи, тревить и шутить

* Помѣщая это письмо съ искреннимъ уваженіемъ къ автору, мы считаемъ долгомъ увѣрить его, что у насъ въ мысли не было бросить малѣйшую тѣнь сомнѣнія на великія заслуги Штейна и его сверстниковъ. Но если авторъ взглянетъ на постепенное вырожденіе въ Германіи людей подобныхъ Штейну, на измѣнчивое и гражданственности, и личности, и даже литературы—и на незыблемость бюрократическаго и казарменнаго склада Пруссіи, склада къ несчастію цѣлкомъ перенесеннаго въ правительственную Россію, и глубоко отвращающаго отъ настоящей Россіи,—то вѣроятно намъ будетъ прощено наше отвращеніе отъ Прусской болѣзни, которое нисколько не мѣшаетъ намъ уважать великихъ Германскихъ дѣтелей.—Ред.

надъ Нѣмцами вообще. Конечно въ этихъ шуткахъ нѣтъ ничего злаго, ненавистнаго, походяго на ту международную вражду, которая высказывается въ чувствѣ и въ рѣчахъ нѣкоторыхъ другихъ народовъ, когда они говорятъ одинъ о другомъ. Русскій человѣкъ никого не ненавидитъ. Онъ добродушенъ, иногда остеръ и забавенъ. Но при всемъ томъ, и именно въ слѣдствіе сего самаго отсутствія злобы, желательнo было бы имѣть болѣе разборчивости, болѣе безпристрастія и справедливости, даже и въ шуткахъ и насмѣшкахъ. Нѣмцы великій народъ. Они служили и служатъ человѣчеству въ своей сферѣ, согласно своему призванію, и заслуги ихъ, неоспоримо велики.

Конечно я содрогаюсь при мысли, что какой-нибудь Нѣмецкій полковникъ или генералъ забиваетъ въ гробъ Русскаго солдата, что какой-нибудь Нѣмецкій помѣщикъ засѣкаетъ Русскаго крестьянина, и мысль, что Русскіе полковники и помѣщики дѣлаютъ тоже, меня ни мало не успокоиваетъ. Но кто въ этомъ болѣе виноватъ? Нѣмцы или сами Русскіе? Дайте палку или плеть въ руку Нѣмца, Русскаго, Англичанина, Француза, Американца, Татарина или Китайца, и позвольте бить этою палкою и этою плетью другихъ людей безнаказанно и по произволу—и вы найдете, что всѣ они будутъ дѣлать одно и тоже, т. е. будутъ бить и сѣчь. Таковъ человѣкъ! Для того-то и нуженъ законъ для всѣхъ и для каждаго. “Для однихъ дураковъ, какъ говоритъ Русская пословица, законъ не писанъ.”

Къ тому же можно замѣтить, что нападая на Нѣмцевъ, у насъ обыкновенно не различаютъ настоящихъ Нѣмцевъ, отъ Нѣмцевъ Остѣ-Зейскихъ провинцій. Сии послѣдніе суть такіе же подданные Россіи, какъ и жители Москвы, Казани, Сибири и пр., и слѣдственно имѣютъ равное со всѣми Русскими подданными право на всѣ выгоды, и по службѣ и во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Я желалъ бы здѣсь поставить въ заслугу Остѣ-Зейскимъ Нѣмцамъ освобожденіе ихъ крестьянъ, коимъ они опередили другія губерніи; но, къ несчастію, это освобожденіе было такое скредное, что вмѣсто похвалы, мнѣ должно было бы упрекнуть ихъ въ измѣнѣ просвѣщенному Нѣмецкому элементу. И потому я обращаюсь въ другую сторону и спрошу васъ, почтенный г. Редакторъ: читали-ли вы “Жизнеописаніе графа Сиверса,” напечатанное въ Германіи въ 1858 году?*

Въ этой замѣчательной книгѣ, которая должна бы быть въ рукахъ всѣхъ государственныхъ и правительственныхъ людей Россіи, вы увидите: что можетъ произвести, даже и въ Россіи, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ съ большимъ умомъ, съ высокою образованностію и съ честною, благородною душою. И этотъ человѣкъ былъ Нѣмецъ, Остѣ-Зейскій Нѣмецъ. Я стараюсь найти о какомъ Русскомъ государственномъ человѣкѣ можно было бы написать подобную біографію и признаюсь, не нахожу. Въ Россіи бывали конечно великіе дѣятели, которые принесли, въ нравственномъ отношеніи, еще болѣе пользы нежели Сиверсъ въ отношеніи экономическомъ и гражданскомъ. Но Новиковъ и друзья его были не на службѣ—они были въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ! Правда, что и благотѣльная дѣятельность Сиверса ограничивается первыми годами царствованія Екатерины II, когда она издавала “Учрежденіе о Губерніяхъ,” дѣло, въ коемъ Сиверсъ былъ ея единственнымъ совѣтникомъ; когда Сиверсъ

открывалъ губерніи, созывалъ дворянъ, приводилъ ихъ къ основанію училищъ, кадетскихъ корпусовъ; когда онъ устраивалъ водяныя сообщенія въ сѣверной Россіи, и пр. Въ то время, когда Екатерина преслѣдовала такъ называемыхъ Мартинистовъ, т. е. въ концѣ нѣкогда славнаго царствованія, и Сиверсъ былъ въ немилости. Этотъ же графъ Сиверсъ призванный на службу въ послѣдовавшія царствованія, ознаменовалъ свое служеніе различными полезными учрежденіями по судоходству, равно какъ и по устройству опекунскихъ совѣтовъ въ финансовомъ отношеніи, такъ, что даже по сію пору, что есть путнаго и здраваго въ сихъ кредитныхъ установленіяхъ было сдѣлано симъ великимъ администраторомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Екатерина продолжала слѣдовать совѣтамъ и принимать предложенія графа Сиверса, какъ она это дѣлала въ первые 10 лѣтъ ея царствованія, то Россія увидѣла бы много полезнаго и добраго, вмѣсто этихъ безконечныхъ войнъ, кои, со вступленіемъ Потемкина въ силу, останавливали и изнуряли государство еще болѣе нежели прославляли.

Еще одно слово. Вы должны знать тѣ ужасныя бѣдствія, кои нанесли Русскому народу Аракчеевскія военныя поселенія. Неслыханныя злодѣйства совершались при учрежденіи сихъ чудовищныхъ установленій. Невозможно было встрѣтить ни одного человѣка въ Россіи, который одобрилъ бы заведеніе военныхъ поселеній. Самъ Аракчеевъ, видя всеобщее отвращеніе оказываемое и къ цѣли и къ средствамъ принятымъ въ семъ случаѣ, какъ бы въ оправданіе свое, говорилъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ не что иное какъ исполнитель воли императора. Вотъ они, эти преданные слуги престола, всегда готовые, во всемъ нечистомъ, несправедномъ, ужасномъ огораживать себя “высочайшею волею” и ссылаться на “безусловное, вѣрноподданническое повиновеніе!” Между тѣмъ какъ это было на самомъ дѣлѣ? Какъ Аракчеевъ свой собственный смертный грѣхъ искалъ перенести на своего государя? Вотъ что мнѣ о семъ извѣстно. Императоръ Александръ I, присутствуя однажды на какомъ-то смотрѣ Русской арміи во Франціи, проникнутый сердечнымъ участіемъ къ Русскому солдату, покрывшему себя и его и Россію безсмертною славою, обратился къ Аракчееву, и сказалъ ему: “Вотъ эти добрые, славные войны—что ожидаетъ ихъ на старости лѣтъ, послѣ огромныхъ и продолжительныхъ трудовъ на службѣ? Участь ихъ ни мало не обеспечена. Подумайте объ этомъ и представте мнѣ какъ бы можно было это устроить къ выгодѣ и арміи, и солдатъ.” Аракчеевъ придумалъ—устройство военныхъ поселеній. Все учреждалось, все исполнялось по его указаніямъ, его Клейнмихелями, Юзефовичами, Виттами, и пр.

Но между тѣмъ какъ всѣ осуждали военныя поселенія, признавая, между прочимъ, что онѣ не достигаютъ даже и цѣли сокращенія издержекъ для содержанія огромной арміи,—никто, ни министры, ни совѣтъ, ни сенатъ, никто не осмѣлился представить императору настоящее положеніе дѣла. Нашелся только одинъ человѣкъ, который изъяснилъ императору весь вредъ отъ военныхъ поселеній и для государства, и особенно для самой арміи. И этотъ человѣкъ былъ Остѣ-Зейскій Нѣмецъ—Барклай де Толли.

Но довольно. Я вижу, что я увлекся далеко отъ моего предмета, который состоитъ въ томъ, чтобы напомнить о достопамятномъ и благотѣльномъ способѣ освобожденія

* “Ein Russischer Staatsman,” von K. L. Blum.

крестьянъ въ Пруссіи. Все что хотя издалика касается до разрѣшенія вопроса освобожденія крестьянъ, имѣетъ свою важность въ сію роковую минуту для Россіи, когда участь 25 милліоновъ крестьянъ, когда судьба всей имперіи зависитъ отъ здраваго или плохаго окончанія предпринятаго дѣла.

Примите, почтенный г. Редакторъ, искреннее увѣреніе въ моемъ полномъ уваженіи. ***

СМѢСЬ.

LA VERITE SUR LA RUSSIE.

(par le prince Pierre Dolgoroukoff, Paris, 1860.)

“Еслибъ наши Европейскіе читатели насъ спросили, какая партія, какое мнѣніе управляетъ теперь Россіей—мы были бы очень затруднены, современный ходъ дѣлъ у насъ представляетъ постоянную, ежедневную борьбу, бюрократіи опертой на камариллу (на дворню) и на тайную полицію, противъ общественнаго мнѣнія и истинныхъ выгодъ страны, представляемыхъ образованной частью дворянства, всѣми серьезными и честными людьми въ Россіи, русской литературой, которая своимъ высокимъ пониманьемъ и добросовѣстностью, принесла огромную пользу странѣ въ продолженіи пяти лѣтъ, прошедшихъ послѣ дикаго царствованія Николая. Это жалкое положеніе, непрерывной борьбы, исполнено опасности въ будущемъ. Петербургъ—театръ интригъ съ самаго основанія своего, наполненъ ими больше чѣмъ когда нибудь. Въ рѣшительную великую минуту начатыхъ реформъ, вопросы о лицахъ самолюбивыхъ соперничества и всего болѣе страсть стяжанья, мѣшаютъ всему и сбиваютъ съ дороги. Правительство въ Россіи, походя всего больше на корабль, носимый по океану, безъ всякаго направленія. Капитанъ исполненъ прекрасныхъ намѣреній по мичману, рулевые и кормчіе, тупости невѣроятной. Между ими и пассажирами, глубокое отвращеніе и постоянная борьба. Капитанъ не рѣшается ихъ замѣнить болѣе способными, онъ ждетъ пока старые перемрутъ, т. е. пока и тѣ состарятся и будутъ желать одного покоя. Въ ожиданіи, корабль можетъ удариться о скалы!..”

Лишь бы пассажиры спаслись, а что касается до моряковъ и корабля, туда имъ и дорога...

Авторъ полагаетъ, что мы какъ социалисты не будемъ согласны съ его конституціонными стремленіями. Мы думаемъ, напротивъ, что есть обстоятельства при которыхъ нельзя избѣгнуть этихъ переходныхъ формъ, онѣ столько же необходимы бѣснующемуся самодержавію, сколько камзолъ бѣснующемуся вообще. Мы думали что петербургское императорство могло еще сослужить одну службу, разрубая, и мѣ самимъ скрученный узелъ крѣпостнаго состоянія. Таіе перевороты, должны разражаться какъ громовой ударъ, являться какъ Минерва—съ копьемъ въ рукѣ, въ латахъ и шлемѣ. Не тутъ то было, наше самодержавіе оказалось недоросшимъ до энергическаго рѣшенія—и не мудро, оно не знало чего хочетъ, и спрашивало то тѣхъ, то другихъ, чтобъ узнать свое желаніе. Такую власть надобно взять въ опеку, пока она не надѣлала больше бѣдъ. А чего нельзя ждать отъ власти, которая изъ карбункула Ростовцева развила Цапина?

Давно ли было дѣло Огрызки, оно всѣхъ удивило и всего больше государя, онъ былъ пораженъ своей жестокостью, рѣшительностью, и побрасывъ до ушей велѣлъ выпустить Огрызку. “По счастливые дни въ Аранхуецѣ прошли!” Теперь государь не краснѣя ссылаетъ безъ суда Унковскаго и Европеуса, и судить не судебнымъ мѣстомъ Головачева.

Снова поднимаются въ пудретное заведеніе Тимашева и К-ни мѣфическіе доносы, берутъ студентовъ, берутъ бумаги, берутъ профессоровъ, безсловесный Иванъ Лужинъ, становится какъ Шервудъ—*Лужинъ-отърый*. Разумѣется что въ такомъ положеніи всякаго рода перилы, плотины, *gardes des foux* со стороны общества противъ Зимняго дворца, очень хороши.

Князь Долгоруковъ хорошо дѣлаетъ что печатаетъ по французски, наши бюрократы боятся огласки, особенно на французскомъ языкѣ—дамы прочтутъ, и французскіе тайные совѣтники... Какъ то все передъ французомъ стыдно. И Потемкинъ (изъ котораго у насъ умѣли сдѣлать интереснаго героя) ударивши въ лице (само собою разумѣется) Русскаго полковника, сконфузился увидѣвши Сегюра и сталъ извиняться передъ нимъ и пороть какую то дичь. Но за чѣмъ же, авторъ лишилъ своихъ героевъ имени, мы любимъ ихъ во всей ихъ конкретности, съ ихъ именемъ и отчествомъ, съ ихъ воломъ и осломъ, съ ихъ чиномъ, ростомъ, кавалеріями, фамиліей и Топильскимъ. Помилуйте, чего ихъ жалѣть!

Въ заключеніе попросили бы мы почтеннаго автора, сообщить намъ подробности о томъ какія средства хотѣли употребить бюрократы и другіе казнокрады чтобъ остановить *Колоколъ* (ст. 336—337) мы дѣйствительно не знаемъ, а должно быть хорошо. И—рѣ.

*Торговля молитвами, заведенная первой гильдіи
Архимандритомъ, на Соловецкомъ рынкѣ.*

Ставропигіальнаго первокласснаго

Соловецкаго монастыря.

Іюля 30 іня 1859 года.

№. 444

въ ОДЕССКІЙ КОММЕРЧЕСКІЙ СУДЪ

По духовному завѣщанію купцовъ Николая и Ксеніи Кушкеревыхъ, опредѣлено по продажѣ дома Кушкеревыхъ, изъ вырученныхъ денегъ часть на Соловецкій монастырь на вѣчное поминовеніе душъ ихъ. По денегъ этихъ монастырю не выслано, по сему я, имѣя обязанность пещись объ охраненіи монастырскаго интереса яко казеннаго, который по духовному завѣщанію благотворительницы Ксеніи Кушкеревой, долженъ поступить непременно въполнѣ, симъ покорнѣйше прошу, если домъ уже проданъ, то изтребовать отъ душеприкащицы принадлежащую часть Соловецкому монастырю и переслать сюда, по полученіи копій, — а не прежде, начнется спасительное поминовеніе о душѣ рабовъ Божіихъ Ксеніи и супруга ея Николая, которое и будетъ продолжаться на всегда; о послѣдующемъ не оставите почтить монастырь увѣдомленіемъ. Но если не принадлежитъ суду такое выполненіе просьбы моей, то покорнѣйше прошу принять трудъ, для пользы святой обители отнестись отъ себя въ то присутственное мѣсто, отъ котораго это зависитъ, за что угодики Божіи Зосима и Савватій, не оставятъ безъ награды.

“Архимандритъ Мельхиседекъ.”

— *Тайное Явно.* — На диспутѣ Погодина и Костомарова, явился Тимашевъ и сѣлъ подлѣ кафедры Костомарова. Говорять крики “прочъ отъ кафедры, прочъ отъ кафедры!” раздались со всѣхъ сторонъ. Въ силу этого III Отдѣленіе велѣло сдѣлать большой виноградный листъ, который будутъ держать передъ Тимашевымъ два жандармскихъ штабъ-офицера одѣтыхъ нимфами.

¿ *Правда-ли* что изъ Казуги не дозволили пріѣхать депутатамъ ни г. *Свистунову* (Декабристу) ни г. *Кашкину* (замѣшпанному въ дѣло Петрашевскаго)? Хорошо понимаетъ правительство амнистію!

— *Письмо* къ Государю присланное намъ съ просьбою напечатать въ *Колоколъ* — и съ страннымъ предложеніемъ заплатить за печать—мы не можемъ напечатать, потому что оно совершенно не согласно съ нашими убѣжденіями.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS · VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, въна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian Road., N.

ЛИСТЪ 71.

15 Мая 1860.

У Триопера & Co., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Горжевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Владимірскій и Петербургскій Адрессы—Библиотека дочь Сенковскаго—Брилевичъ и развращенный еврей—Арендаторъ

Л. Путятинскій—Старицкій (окончаніе). Смѣсь: Новости изъ Россіи—Переходное состояніе—С. Лессеръ—Тверской вице-губернаторъ—

Тайный совѣтникъ въ квадратѣ—Стихотвореніе Лермонтова—Аонисскій Геродіаконъ—Revue Прудонъ

ПРОВИНЦІЯ И РЕЗИДЕНЦІЯ.

I.

АДРЕССЪ ВЛАДИМІРСКАГО ДВОРЯНСТВА, ВЪ ЯНВАРѢ 1860 ГОДА.

Августѣйшій Монархъ,

Дворянство Владимірской губерніи, вполне сочувствуя благотворнымъ видамъ Вашего Императорскаго Величества и сознавая всю важность настоящаго времени, въ которое готовятся столь великія преобразованія и Отечество наше возрождается къ новой жизни, не можетъ утаить своихъ задушевныхъ убѣжденій, и осмѣливается изложить ихъ съ прямымъ чистосердечіемъ и съ полнымъ довѣріемъ къ Вашимъ благотѣльнымъ заботамъ о счастіи Вашего народа.

Всемилоствѣйшій Государь! Благоволите выслушать Вашихъ вѣрноподанныхъ.

Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ, при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ государствѣ сословія, отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ; всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безответственности должностныхъ лицъ, — не только не могутъ содѣйствовать правительству къ достиженію его цѣлей, но даже не имѣетъ возможности пещись, и о собственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ. Правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши, обязанные производить дѣло въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изслѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственныхъ убѣжденій, совершенно зависятъ отъ произвола слѣдователей и ихъ начальствъ, и не представляютъ никакихъ гарантій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Наконецъ, всѣ должностныя лица, въ случаѣ нарушенія своихъ законныхъ обязанностей, подлежатъ суду только тогда, когда это угодно ихъ административному начальству.

Годъ IV.

Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что исполненіе законовъ нашихъ зависитъ большею частью отъ личнаго произвола.

До сихъ поръ подобный порядокъ могъ существовать; ибо страна, въ которой допускалось крѣпостное право на людей, не могла имѣть правильнаго понятія о законности; но съ уничтоженіемъ этого права, разумныя и единодушныя содѣйствія мѣстныхъ обществъ правительственнымъ цѣлямъ и строгое исполненіе законовъ — необходимы не только для успѣшнаго хода самой реформы, но и для осуществленія собственныхъ благотворныхъ цѣлей Вашего Императорскаго Величества, безъ чего освобожденные крестьяне, лишеныя защиты помѣщиковъ, при отсутствіи правосудія и ответственности должностныхъ лицъ, — подвергнутся еще большей невыносимой зависимости, и произволу чиновниковъ, отъ чего могутъ потерять всякое уваженіе къ дѣйствительной законности.

Всемилоствѣйшій государь! Дворянство считаетъ своею священною обязанностью повергнуть на всемилоствѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, что для мирнаго и благополучнаго исхода предстоящей реформы и осуществленія Вашихъ благотѣльныхъ преднамѣреній, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, необходимо слѣдующее:

1.) Строгое раздѣленіе властей, административной, судебной и полицейской.

2.) Управленіе *общее* для всѣхъ сословій.

3.) Хозяйственно-распорядительное управленіе выборное отъ *всѣхъ* сословій, и ответственное *только предъ судомъ и обществомъ*, — при чемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

4.) Полицейское управленіе правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

5.) Гражданское судопроизводство гласное съ судовопреніемъ; уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону т. е. судъ присяжныхъ.

6.) Непосредственная ответственность *всѣхъ* и *каждаго* предъ судомъ.

7.) Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненія ими своихъ обязанностей,—безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8.) Учрежденіе новыхъ, прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и Государственнаго кредита.

На тѣхъ основаніяхъ Владимірское дворянство осмѣливается всеподданнѣйше испросить предполагаемыя измѣненія, для всѣхъ сословіи необходимыя при новой жизни Русскаго народа.

Всемиловѣйшій государь! Вы первые пробудили въ Русскомъ народѣ эту жизнь! При величїи души Вашей, Вы поймете чувства Вашихъ вѣрноподданныхъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣемъ счастье и пр.

отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Государь императоръ изволилъ получить и съ крайнимъ неудовольствіемъ прочесть подписанное, бывшими предводителями Владимірскаго дворянства, какъ губернскимъ, такъ и уѣздными и многими дворянами Владимірской губерніи — *прошеніе*, въ которомъ они ходатайствуютъ о коренномъ преобразованіи разныхъ частей государственнаго управленія. Прошеніе сіе наполнено *неприличнымъ порицаніемъ* существующаго нынѣ порядка и устройства управленій, *неосновательными укоризнами* * будто бы всѣ общества управляются людьми; чуждыми ихъ интересамъ и безотвѣтственными предъ закономъ и обвиненіями высшаго начальства въ совершенномъ произволѣ; оно заключаетъ въ себѣ такія требованія, которыя переходятъ за предѣлы преимуществъ, дарованныхъ дворянству нашими законоположеніями.

Никакимъ закономъ не дозволяется на дворянскихъ съѣздахъ разсуждать о вопросахъ, касающихся общаго государственнаго устройства, а тѣмъ менѣе оказывать въ нихъ вмѣшательство. Допущеніе такого рода вмѣшательства дворянства, значило бы подчянить взгляду и обсужденію его интересы и потребности не только дворянства другихъ областей Россіи, но даже всѣхъ другихъ сословіи. Въ сихъ видахъ домогательство Владимірскихъ дворянъ, изложенное въ его прошеніи, совершенно противно духу нашего государственнаго устройства и терпимо быть не можетъ. Участвовавшіе въ подписи дворяне не должны были позволять себѣ входить съ такого рода прошеніемъ. Отклонить ихъ отъ сего недозволеннаго дѣйствія составляло прямую обязанность бывшего губернскаго предводителя *Д. С. С. Богданова*, чего онъ однакожъ не только не исполнилъ, но напротивъ первый подписью своею далъ примѣръ и поводъ другимъ къ подписанію прошенія.

За таковой противузаконный поступокъ Государь Императоръ высочайше повелѣтъ изволилъ: объявить чрезъ начальника губерніи бывшему губернскому предводителю дворянства Богданову *строжайшій выговоръ*, а всѣмъ бывшимъ уѣзднымъ предводителямъ, подписавшимъ означенное прошеніе, сдѣлать *строгое внушеніе*.

II

АДРЕССЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ДВОРЯНСТВА.

Августѣйшій Монархъ,

С. Петербургское дворянство съ благоговѣйною радостію

* Зачѣмъ правительство такъ безстыдно лжетъ? Гдѣ неприличныя порицанія, гдѣ неосновательныя укоризны?... Адрессъ называетъ оно «прошеніемъ.» Нѣтъ не стерѣть имъ съ себя ни Чингисъ-Хана, ни Бирона!

узнало многозначительныя слова, еще недавно сказанныя В. И. В., представителямъ дворянства 24 губерній.

В. И. В. словами: «ложь и клевета» произнесли державный приговоръ надъ слухами объ ослабленіи высочайшаго довѣрія къ сословію нашему и повелѣтъ соизволили вѣрить только Вамъ, государь всеавгустѣйшій!

Глубоко запечатлены въ сердцахъ нашихъ слова сіи: они составляютъ оплотъ нашъ противъ всякаго нарушенія правъ и благосостоянія дворянства, обусловленнаго разумомъ и силою дворянской грамоты; такова была, есть и будетъ для всѣхъ сила словъ царя Русскаго.

Слѣдуя сему великому слову, С. п. б. дворянство передаетъ въ десницу Вашу охраненіе священнѣйшаго своего достоянія, съ вѣрноподданнѣйшимъ довѣріемъ къ Вамъ, великій государь! Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дворянство сознаетъ и возлагаемую на него сею милостію обязанность откровенно указывать всѣ препятствія могущія возникнуть къ осуществленію благихъ намѣреній державнаго своего покровителя. Потому оно дерзаетъ обратить всемиловѣйшее вниманіе В. И. В. на обстоятельство, получившее, по своей официальнойности, особое значеніе.

Въ силу существующихъ коренныхъ законовъ, замѣщеніе большей части губернскихъ и уѣздныхъ должностей представлено сословному избранію. Въ послѣднее же время, особому комитету, при м. в. д. поручено составленіе предварительныхъ предположеній о преобразованіи сихъ мѣстныхъ учреждений.*

Сознавая вполне всю своевременность нѣкоторыхъ измѣненій, С. п. б. дворянство считаетъ священнымъ долгомъ торжественно заявить предъ престоломъ и отечествомъ, что правомъ сословнаго избранія оно не столько гордилось какъ почетнымъ преимуществомъ, сколько дорожило имъ, какъ вѣрнѣйшимъ способомъ для огражденія общественной и частной пользы. Этому убѣжденію, основанному на глубокомъ сознаніи требованій нашего общественнаго быта, С. п. б. дворянство и нынѣ остается вѣрнымъ, а потому дерзаетъ всеподданнѣйше повергнуть на всемиловѣйшее воззрѣніе В. И. В., что залогъ будущаго благосостоянія всѣхъ сословіи государства оно видитъ въ сохраненіи и правильномъ, (*пропускъ: вѣроятно-ходъ?*), подъ кровомъ самодержавной власти, издревле существующаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправления.

Намъ кажется что прибавлять къ этимъ двумъ адрессамъ принадлежащимъ двумъ разнымъ столѣтіямъ, двумъ разнымъ образованіямъ нечего. Кто ждалъ что Тверь, Владиміръ, Харьковъ, Нижній, Калуга, Ярославль, Кострома..... окажутся умнѣе, современнѣе чѣмъ Петербургскіе бюрократы и Московскіе тузы.

Время *резиденціи*, видно также миновало, какъ и время *столицы!*

Говорятъ въ Петербургѣ—царь, а не Россія. Въ Москвѣ ни народа, ни царя. Народъ въ полѣ; будущее на здоровомъ провинціальномъ воздухѣ!

* Въ какомъ духѣ и смыслѣ намѣрены преобразовать ихъ—взнаемъ, можно только догадываться.

БИБЛИОТЕКА ДОЧЬ СЕНКОВСКАГО.

Сенковскій также принадлежит Николаевскому времени как шеф корпуса жандармовъ, подслушивавшій Дуббельтомъ — какъ Клейнмихель исправлявшій высочайшія *пути сообщенія*, какъ не прихотливая “Пчела” находившая *даже* въ Николаевскомъ царствованіи медъ, какъ комиссаріатъ постоянно побѣдоносный надъ русской арміей, какъ камелеопардаль безъ заднихъ ногъ — Панинъ, какъ Муравьевъ *что вѣшаетъ*, Мухановъ *что на Висль* и пр. и пр.

Положеніе Сенковскаго было поэтичнѣе и независимѣе этихъ государственныхъ кварталныхъ, онъ не былъ въ самомъ дѣлѣ на службѣ, а съ горя и по влеченію создалъ себѣ мѣсто въ родѣ императорскаго и царскаго Мефистофеля. Именно въ этомъ качествѣ онъ и затѣялъ журналъ, который было вредно читать и — *Geist des Widerspruchs* — назвалъ его “Библиотекой для чтенія.” Основная программа его была проста — она была цѣликомъ взята изъ разговора Мефистофеля съ студентомъ.

Николай умеръ.

Сенковскій умеръ.

Россія и “Библиотека для чтенія” остались въ разстроенномъ состояніи — но живы.

Объ наслѣдникѣ Николая и объ Россіи мы довольно говорили, о “Библиотека для чтенія” и о Мефистофелидахъ очень мало. Это было вовсе не отъ невниманія, а оттого, что мы минуемъ говорить о Русской литературѣ, изъ разныхъ гигиеническихъ соображеній.

Великіе *злые души*, точно также какъ великіе люди, рѣдко оставляютъ достойныхъ наслѣдниковъ. Сынъ Кромвеля, сынъ Богдана Хмѣльницкаго и Библиотека, *урожденная* Сенковская, показываютъ, что это случается не только въ Великобританіи и Малороссіи, но и въ Петербургѣ.

Главное намѣреніе быть *злымъ духомъ* осталось у новой редакціи — но безъ остроты въ крови, а съ одной золотушной хилостью, съ дурными привычками эстетическаго жеманства, старонѣмецкаго бѣгства отъ общественныхъ вопросовъ, выражавшагося неприличной радостью при встрѣчѣ разсказа — гдѣ они обойдены, стиховъ — въ которыхъ бесплодно испаряется млѣніе души чуждой суэтѣ мірскихъ.

Хотя и досадно было, однако мы молчали, предупредивши разъ, что это *дѣло опасное*.*

Но на дняхъ мы прочли, и то не въ “Библиотека для чтенія,” а въ “Отечественныхъ Запискахъ” за Декабрь, которыя благодаря компаніи du roulage Adlerberg-Prjanischnikoff, пришли въ Лондонъ въ половинѣ Апрѣля — отвѣтъ, (слабый и бѣдный) на статью противъ *Марка Вовчка*, помѣщенную въ *Ноябрьской* Библиотека для Чтенія, вовсе не приходившей.

По опилкамъ можно судить о достоинствѣ металла. Это чистое желѣзо съ крестьянскихъ колодокъ..... *Halte la, господа!* — Есть предѣлы, далѣе которыхъ Колоколъ не выдерживаетъ, и долженъ треснуть — или звонить. Мы не на откупъ у Панина и Муравьева съ Ко., мы звонимъ не по чинамъ.

Задача Мефистофеля совсѣмъ не въ томъ, чтобъ говорить безправственныя вещи съ серьезнымъ доктринаризмомъ, да и принимать это *tout de bon* за истину. Сбивающія съ

сердца сентенціи и бездушныя остроты Гетевскіе Мефистофеля не покрываютъ своимъ мерпаніемъ внутренн. сознанія ихъ пустоты и призрачности, — и *инде* воззрѣніе, и *вѣчи* вааетъ во всей поэмѣ, примиря съ преднамѣренными *дѣ* сонансами.

Желчевая, закусившая удила, насмѣшка Сенковскаго, была месть, была досада, отраженіе обстоятельствъ, отрицательное раскаяніе въ своей слабости, была маской — но никогда не была убѣжденіемъ; почтительная дочь его, принимая за *въ самомъ дѣлѣ* — эту лихорадку мысли и словъ, начала проповѣдывать воздержаніе отъ сердца, дѣйствительное статское равнодушіе къ людскимъ дѣламъ и легкой эстетической эпикуризмъ. Это уже не иронія, а доктрина.

Много смѣшнаго, нелѣпаго, уродливаго является въ нашемъ литературно-ученомъ мірѣ, мы никогда не затрогиваемъ этихъ сторонъ.

Что за бѣда, если люди не смѣвшіе громко сказать слово при трехъ свидѣтеляхъ, теперь рѣшаютъ публичными спорами — ариѳметическіе и этнографическіе вопросы. Что за бѣда, если они даютъ обѣды со спичами какому нибудь “знаменитому иностранцу,” удивленному своею знаменитостью, о которой онъ не подозрѣвалъ. Что за бѣда, если и онъ оправившись начинаетъ чувствовать свое величіе и какъ графъ Нулинъ, радоваться что у насъ “умы уже развиваются начинаютъ” и желать чтобъ мы просвѣтились наконецъ. Да и въ томъ нѣтъ бѣды если на показъ передъ “знаменитымъ путешественникомъ” двое или трое учениковъ выйдутъ на диспутъ, и одинъ какъ Утѣшительный говоритъ, что человекъ весь принадлежитъ обществу, а другой какъ практической Швахневъ увѣряетъ, что человекъ принадлежитъ обществу — но не весь.

Все это смѣшно, но все же лучше публично рѣшать ученые вопросы и дѣлать знаменитыхъ людей *для обѣдовъ*, чѣмъ бояться произнести слово при постороннихъ и дѣлать обѣды для “ихъ высокопревосходительства глубокоуважаемаго и сердечно-чтимаго начальника, начальника и отца.”

Но когда редакція журнала беретъ перо для того, чтобъ въ торжественную минуту государственнаго покаянія, въ минуту борьбы между отстаиваніемъ неправого стяжанія и отрѣченіемъ отъ застарѣлаго преступленія, своими софизмами — ослабить тотъ ужасъ, который овладѣваетъ нами по той мѣрѣ, по которой мы вглядываемся въ домашнюю контору, въ застѣнокъ передней и сераль дѣвичей — когда она разглагольствуетъ для того, чтобъ прикрыть изсѣченныя спины, изнасилованныхъ женщинъ — высокомерной улыбкой, отводя глаза нищихъ умомъ къ другой сторонѣ вопроса, тогда мы зовемъ ее на лобное мѣсто!

Извольте видѣть — слабые нервы петербургскіе не выносятъ такихъ ужасей, такихъ отвратительныхъ картинъ... Да вѣдь и распятіе, когда на него смотрѣтъ безъ вѣры и безъ любви, возмутительная картина — и этотъ мясникъ Рубенсъ, и этотъ палачъ Рембрандтъ чему обрадовались, представляя всякихъ смердящихъ Лазарей, да карячащихся въ агоніи разбойниковъ на крестѣ?.. Имъ бы нарисовать всѣ части Гибоновой книги о паденіи Рима, тогда было бы понятво, что и Римлянинъ могъ иной разъ повѣсить невиннаго, но что это рѣдкій исключительный случай, не сообразный съ “благодушіемъ” Римскихъ начальниковъ когорть и департаментовъ!

* Very dangerous! Колоколъ лжетъ 44

Пожалуй можно указать на Гуда подслушавшаго, “не выходя из кабинета” страшное рыданіе бѣдной needle woman, вмѣсто того чтобъ положить на кунлеты теорію уничтоженія пауперизма, или на Дикинса съ его Оливеромъ Твистомъ и героями сорвавшимися съ висѣлицы, о которыхъ онъ рассказываетъ подробности shocking... И что тутъ рассказывать—стоитъ “усилить” полицію, а главное веревки и палачей, ихъ какъ рукой снять.... Но вѣдь и Гудъ и Дикинсъ для своихъ героевъ не унижались до русскихъ “цсарей” и “крѣпостныхъ нимфъ” отдаваемыхъ насильно за мужъ, а брали хотъ и плебеевъ, но все Англійскихъ.

Для полной бережи нервъ, редакция успокоиваетъ насъ и себя тѣмъ что въ повѣстяхъ “писакъ” противъ помѣщичьяго права, все преувеличено, что жестокости рѣдкость, что наши помѣщики точно пеликаны, готовы своихъ мужиковъ кормить грудью.

Такъ-съ!

Да развѣ, Библиотека, не читаетъ “Колокола”? Листа вѣдь нѣтъ, гдѣ бы не было какой нибудь канибальской исторіи, или Гутцейта насилующаго дѣтей, или усмиренія въ родѣ Эльстона-Сумарокова? Генераль Кандыба, штабсъ-капитанша Баранова, помѣщица Клопотовская, и сотни другихъ, это не мнѣи.—“Но много ли они засѣкли въ сравненіи со всѣми рождающимися въ Россіи?” Это правда, и за чѣмъ это вся Европа хлопотала, когда Папа укралъ мальчика Мортару? Вѣдь не всякой же день св. отецъ крадетъ по нѣскольку дѣтей.

Насъ вотъ что удивляетъ, когда эти рассказанные стоны нашихъ крестьянъ и дворовыхъ успѣли до того раздражить опустившіяся нервы Библиотеки, — что она называетъ ихъ “мерзостно-отвратительными картинками”, какъ будто это извѣстныя ободрительныя изображенія, тоже сильно дѣйствующія на нервы?..... Помилуйте, пять лѣтъ тому назадъ людей ссылали въ Сибирь, если они не раздѣляли мнѣнія “Библиотеки” о благодущіи помѣщиковъ.

“Мнѣ тебя то матушка стало жаль, говоритъ Недоросль, что ты очень устанешь (колотивши отца).”

Въ самомъ дѣлѣ что вы такъ разстонались, барыню обезпокоите, барыня антологию въ книжкѣ изволить читать.

...И такъ, горемычные пропадайте безъ вѣсти. За ваши предсмертныя муки на конюшнѣ, за ваши слезы дѣвичьи, слезы матери о поруганномъ ребенкѣ, за ваши мученическія существованія отъ колыбели до могилы—васъ ждетъ свирѣпое забвеніе. Вопль вашъ исключится изъ пѣсни, изнуренный образъ вашъ вытолкаютъ въ зашеи изъ сказки. Кто поминаетъ о прошлогодней травѣ, о разоренномъ муравейникѣ?

... Жизнь ваша, заѣденная хищнымъ помѣщичествомъ, не отзовется ни угрызениемъ совѣсти, ни примиряющей слезой; даже въ книгѣ, въ этой общей родительской субботѣ всего скороненнаго не помянется она. Отъ вашихъ грусть наводящихъ тѣней, отвернется пасоконосный потомокъ вашихъ господъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за бѣда, что такого то “царя” отодрали, а такую то “дѣвчонку” выдали за мужъ по неволѣ. Изъ за этого еслибъ освободить крестьянъ “игра не стоила бы свѣчи”. Дѣло не въ томъ, а въ глубокихъ экономическихъ соображеніяхъ.*

* Само собою разумѣется, что мы согласны въ мнѣніи о великомъ экономическомъ устройствѣ оброка, но какъ же это выходитъ, что знаменитая школа “l'art pour l'art”, переходитъ въ “comptabilité en partie double pour l'art?...”

Но этого не будетъ!

И лучшее доказательство что не будетъ, это появленіе такихъ изящныхъ въ своей сельской свѣжести, рассказовъ какъ тѣ, которые навели “Библиотеку”, на ея безобразную выходку.

Рассказы эти, попавшіеся намъ въ руки съ другими книгами, вовсе намъ неизвѣстными, остановили насъ именемъ переводчика. Прочитавши, мы поняли почему, величайшій современный русской художникъ — И. Тургеневъ перевелъ ихъ.

Въ Петербургскихъ болотахъ, въ Московской пыли, не растутъ такіе дубравныя цвѣты; тутъ все чисто и здорово, неистощенная земля, непочатое сердце, тутъ вѣтъ полемя послѣ весенняго дождя, вѣтъ и проклятьемъ русскаго поля—господскимъ домомъ; шумъ листьевъ, лепеть, жужжанье не заглушаютъ ни плачь “дѣвчонки” оторванной на вѣки вѣковъ грубымъ насильемъ у матери, ни вопль “царя”, стеганого изъ unesthätisch... Украинецъ расказчикъ не брезгливъ,—вѣдь и природа не брезглива,—онъ не прячетъ своего кровнаго родства съ “дѣвчонкой”, и не стыдится, что слезы его льются на грязный посконный холстъ, а не на мягкое “пате” (непремѣнно Гамбсовой работы)!

А сказать вамъ, отчего онъ не стыдится? Отъ того что въ этихъ дѣвчонкахъ, въ этихъ царяхъ, онъ почувалъ — именно сердцемъ, которое вытраиваютъ столичные доктринеры—заморенную силу близкую, понятную, кровную намъ. Отъ того то и слезы его не наполняютъ душу однимъ безвыходнымъ дождающимъ горемъ — а дрожать какъ утрення роса, на сломанныхъ и истоптанныхъ цвѣтахъ; иль не воскресятъ онѣ—но другимъ возвѣщаютъ зорю!

И—ръ

БРИЛЕВИЧЪ, И РАЗРУБЛЕННЫЙ ЕВРЕЙ.

5/17 Февраля 1860, Брилевичъ, Вергиболовскій начальникъ пограничной стражи, отправилъ въ г. Остроленку прапорщика князя *Вадбольскаго* 2го, съ 8 чел. солдатъ пограничной стражи, предписавъ взять выемку у еврея *Хацкаго*. Къ отряду прикомандировалъ брата князя *Вадбольскаго*, *Вадбольскаго* 1го, только что вступившаго въ пограничную стражу и совершенно незнакомаго съ таможенными постановленіями. Послѣднему Брилевичъ приказалъ при малѣйшемъ сопротивленіи *рубить*. Отрядъ съ обнаженными шашками съ шумомъ вѣхалъ въ городъ; *Вадбольскій* 1 окружилъ вооруженными солдатами домъ и лавку *Хацкаго* и исполняя буквально приказанія Брилевича, *разрубилъ шашкою носъ и щеку Хацкому и изтупилъ ему руку*, все это за одинъ протестъ *Хацкаго*, не позволявшаго *Вадбольскому* дѣлать обыскъ безъ полиціи, на что *Хацкій* имѣлъ полное право на основаніи таможеннаго устава.

Потомъ *Вадбольскій* вломился въ домъ, отбивалъ сундуки и забиралъ безъ разбору все что попадало подъ руки; при этомъ изъ одного сундука пропало 600 р., а изъ другаго 800 р., какъ показано подъ присягою при слѣдствіи.

Все это происходило среди бѣлаго дня, на площади, при многочисленной толпѣ народа. Старожилы утверждали, что подобнаго ничего не было и въ 1831 году.

Вотъ двѣ единственныя статьи объ употребленіи оружія погр. стражею.

“Уставъ таможенный, Отдѣленіе V, объ употребленіи оружія пограничною стражею, ст. 254. Какъ чины пограничной стражи, находясь на постахъ своихъ, или въ разъѣздахъ по должности исполняютъ обязанности карауловъ, то всякій долженствуетъ ихъ почитать таковыми и по требованію ихъ останавливаться; если же кто намѣренъ уйти за границу или пройти въ ц. Польское незаконными путями и способами, бывъ дважды окликанъ съ угроженіемъ, сего не исполнить: то чины пограничной стражи, догнавъ его, задерживаютъ силою и въ случаѣ сопротивленія могутъ при необходимости, употреблять оружіе, ст. 255, если во время службы, кто изъ чиновъ пограничной стражи примѣтитъ скопище вооруженное, или имѣющее съ собою хотя не оружіе, но вещи, могущія причинить увѣче, также если люди приготовляются переправиться изъ за границы: то онъ долженъ ихъ окликать и буде не удалятся, то не ожидая, пока нападутъ на него превосходною силою, можетъ по нимъ сдѣлать выстрѣлъ; въ случаѣ же дѣйствительнаго нападенія, для отбитія товаровъ, или лично на чиновъ пограничной стражи, хотя бы съ однимъ намѣреніемъ причинить имъ побой, чины пограничной стражи могутъ употреблять, какъ холодное, такъ и огнестрѣльное оружіе, съ возможною однако умѣренностію, и если во всѣхъ сихъ случаяхъ кого убьютъ или ранятъ, свободны отъ всякаго наказанія, а сопротивлявшіеся или нападавшіе, наказываются по всей строгости законовъ”.

Ясно, что дѣйствія Вадбольскаго не подходятъ ни подъ одну изъ нихъ и онъ долженъ идти подъ судъ на основаніи 259 ст. тамож. Устава. Но Вадбольскій при своихъ дѣйствіяхъ руководствовался слѣдующими документами.

При слѣдствіи к. Вадбольскій не ссылался ни на циркуляръ, ни на предписанія, ни на словесныя приказанія Брилевича единственно по тому, что Брилевичъ обѣщаль защитить Вадбольскаго и увѣрялъ его, что Пашковъ все прикроетъ. Всѣ распоряженія Брилевича самовольны и произвольны; отдавая неправильныя приказанія, онъ предписываетъ всегда почти увѣдомлять его на томъ же предписаніи и не заносить нумеръ въ журналъ; вотъ на примѣръ:

СЕКРЕТНО.

Начальникъ Вергиболовскаго Округа.

Завѣдывающему Щучинскою
Командою Капитану ЖУКОВУ.

2/14 Декабря 1857 г.

№ 318.

Предписываю вашему благородію донести мнѣ по совѣсти и долгу присяги дѣйствительно ли боленъ рапортующійся таковымъ капитанъ Кругликъ или не выходитъ ли онъ изъ своей квартиры къ вамъ, или къ другимъ лицамъ въ гости, а также гдѣ видѣлся въ послѣдній проѣздъ полковника Рейса чрезъ м. Щуцинъ съ симъ штабъ-офицеромъ у себя или на квартирѣ, или приходилъ къ нему. Въстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ стараться узнать и мнѣ довести на семъ же (не заносить этой бумаги ни въ какой журналъ и выставивъ на отвѣтъ вашему летучій какой нибудь номеръ), принялъ ли Кругликъ мѣры къ переходу согласно прежнему намѣренію въ Скулянскую бригаду или же намѣренъ продолжать службу въ Вергиболовской бригадѣ.

Брилевичъ.*

* Объ этомъ герое Брилевичѣ намъ приходится не въ первый разъ слышать,

Выписка изъ слѣдствія о притѣсненіяхъ и грабительствѣхъ поселянъ казеннаго имѣнія Куково и Павловска Августовской губерніи арендаторомъ Люціаномъ Путятицкимъ.

Л. Путятицкій вступивъ въ арендное управленіе казеннаго имѣнія Куково и Павловска въ 1848 году и сдѣлавшись вмѣстѣ войтомъ гмины, началъ притѣснять и грабить поселянъ, его примѣру послѣдовали официалисты и экономическіе вахмистры. Въ 1851 году поселяне начали приносить жалобы на Путятицкаго и его официалистовъ; но мѣстное начальство по приказанію губернатора Тыкелля не производило никакихъ разслѣдованій или рѣшало дѣла въ пользу Путятицкаго. Такимъ образомъ поселяне страдая болѣе 10 лѣтъ рѣшились прибѣгнуть подъ покровительство военнаго начальника Август. губерніи генералъ-маіора Севастьянова, который переслалъ ихъ жалобы губернатору Тыкеллю, но получивъ ихъ обратно безъ официального отвѣта представилъ обо всемъ князю намѣстнику. Съ того времени т. е. съ 1848 года назначаемы были комиссіи одна за другою для производства слѣдствій. Первое было произведено экономическимъ ассесоромъ Августовскаго уѣзда Вилькошевскимъ и начальникомъ Сейнской жандармской команды штабъ-капитаномъ Гиро; второе экономическимъ комиссаромъ Недзведзинскимъ; 3^е чиновникомъ канцеляріи намѣстника графомъ Тышкевичемъ; 4^о полковникомъ для особыхъ порученій при намѣстникѣ графомъ Ожаровскимъ. Когда всѣ эти слѣдствія произведены были въ пользу Путятицкаго и графъ Ожаровскій сдѣлалъ заключеніе перевести депутата, колониста Семена Алексьева вмѣстѣ съ другими по имѣнію Ожаровскаго безпокойными и не послушными въ другія губерніи, тогда поселяне въ бытность государя въ Варшавѣ 1858 года рѣшились при посредствѣ Орлова подать просьбу государю. По повелѣнію князя намѣстника отъ 12/24 Декабря 1858 г. за №. 12,613 была составлена комиссія изъ экономическаго комиссара Карповича, и экономическаго ассесора Вилькошевскаго въ присутствіи начал. жандармской команды штабъ-капитана Енакьева и депутата со стороны поселянъ Семена Алексьева. Эта комиссія повѣривъ прежнія слѣдствія нашла слѣдующее:

1) Когда поселяне вознамѣривались жаловаться на Путятицкаго или успѣвали въ этомъ, заключаемы были въ погреба въ селѣ или арестуемы въ городѣ и наказываемы розгами, а официалисты Путятицкаго по одному подозрѣнію, какого бы рода оно не было, заключали ихъ также въ погреба и били въ ночное время.

2) Въ управленіи войта гмины безъ всякой вины наказывали стариковъ отъ 65 до 80 лѣтъ по 70 ударовъ въ одинъ разъ, въ слѣдствіе чего многіе по году болѣли. Путятицкій же собственноручно безъ разбирательства билъ хлыстомъ, палкою или чѣмъ попало, а официалисты его нагайками.

до насъ доходили слухи о томъ, какъ онъ образуетъ, какое-то таможенное монашество или сѣчу, запрещаетъ солдатамъ жениться, не дозволяетъ имъ имѣть частной собственности, и самъ не считаетъ чьей нибудь собственности артельные деньги. Какъ такой таможенный коммунистъ долженъ быть полезенъ — для торговли.

3) Въ 1855 Путятицкій уволил 3 деревни отъ работы за деньги, а между тѣмъ принуждалъ ихъ работать. Когда же поселяне отговаривались, ссылаясь на заплаченную сумму, то Путятицкій представилъ ихъ начальству ослушниками, за что и были они 1858 г. жестоко сѣчены розгами.

4) Когда въ 1856 г. правительство разрѣшило выдавать провіантъ изъ магазиновъ для бѣдныхъ поселянъ, Путятицкій взялъ въ экономію *Куково* и *Сувалокъ* 300 четвер. муки и 50 четв. крупъ, а поселянамъ роздалъ только 20 четв. муки за уплатою по 9 руб. 45 коп. при чемъ вымогалъ одинъ день работы за каждый рубль.

5) Правительство давало бесплатно лѣсъ для бѣднѣйшихъ поселянъ на постройку и починку домовъ и мостовъ въ районахъ, но Путятицкій забралъ таковой въ свою пользу и по сіе время не возвратилъ. Въ теченіи 11 лѣтъ поселяне непрерывно возили въ *Куново* лѣсъ изнуря лошадей, ломая повозки по принужденію, безъ всякаго вознагражденія, когда же поселяне просили квитанціи, то всегда были наказываемы розгами.

6) За залежную барщину по самымъ уважительнымъ причинамъ—офиціалы и экономическіе вахмистры.

а) Вынимали въ зимнее время окна ихъ домовъ, держа оныя у себя по 2 недѣли.

б) Запрещали собирать въ свое время хлѣбъ съ полей и сѣно съ луговъ.

с) Забирали въ рабочее время сельскія снаряды, одежду и домашнюю по суду; хлѣбъ въ зернѣ и сѣстные припасы.

7) Когда за неплатежъ чинша посылаемы были козаки на экзекуцію къ Путятицкому, то онъ отсылалъ ихъ къ поселянамъ; при этомъ секвестраторы по его просьбамъ забирали у поселянъ скотъ, хлѣбъ, сѣно, солому и съ публичнаго торга продавали безъ разрѣшенія начальства въ удовлетвореніе долга Путятицкаго.

8) Во время голодавесноу 1856 г. въ Августовской губерніи правительство назначило 10,000 руб. что бы раздать нуждающимся за казенныя работы, но Путятицкій присутствуя въ комитетѣ для этаго составленномъ, назначалъ отъ гмины *Куково* подводы не платя за оныя деньги, которыя оставлялъ для себя. Распоряжалъ и пользовался лошадьми поселянъ какъ своею собственностію употребляя ихъ на работы, отправки лѣса и разныхъ тяжестей и нанимая ихъ для контрабандистовъ.

9) Съ вѣдома Путятицкаго вахмистръ Микелѣвичъ ежегодно требовалъ отъ поселянъ коленды (kolenda), отказывающихся жестоко наказывалъ кнутомъ. Поселяне подали претензій на сумму 3,714 р. 70 коп. Во время производства слѣдствій прежними слѣдователями Путятицкій всегда устранялъ тѣхъ лицъ, которыхъ не могъ склонить на свою сторону то деньгами, то другими подарками и употреблялъ всѣ средства чтобы поселяне отказались отъ своихъ претензій, то устрашалъ ихъ, то поилъ водкою, то сѣкъ розгами.

Нельзя выписать всѣхъ насилій, какимъ подвергались несчастные поселяне въ продолженіи 11 лѣтъ. Далѣе коммиссія заключаетъ, что согласно постановленію совѣта управленія ц. Польскаго отъ 31 Декабря [12 Января] 1846/7 г. за No. 9,568 слѣдуетъ Путятицкаго удалить отъ аренды и отдать подъ судъ.*

* Подлинное подписали: экономическій комиссаръ Карповичъ, экономическій ассесоръ Вилькошевскій, начальникъ Ломжинской жандармской команды штабсъ-капитанъ Енакѣвъ, депутатъ со стороны поселянъ Семенъ Алексѣвъ.

Вмѣстѣ съ нимъ слѣдовало бы отдать подъ судъ и прежнихъ слѣдователей: Вилькошевскаго, Гиро, Недзведзинскаго, графа Тышкевича, и графа Ожеровскаго, какъ дѣйствовавшихъ въ пользу Путятицкаго, скрывая его дѣйствія.

Послѣднее слѣдствіе по этому дѣлу началось 29 Января [10 Феврала] 1859, окончило 4/16 Сентаб. 1859.

Нынѣ представлено въ комиссію внутреннихъ дѣлъ, которая вѣроятно будетъ защищать Путятицкаго чтобы оправдать графовъ Тышкевича и Ожеровскаго.

ПОПРАВКИ, ВОЗРАЖЕНІЯ, ОПРАВДАНІЯ.

(Катакази, Местмахеръ, Казакевичъ, Машевскій. Старицкій и пр.)

(Окончаніе).

3) Доносъ сдѣланъ, какъ объяснено выше, на Старицкаго, значить онъ и есть главное обвиняемое лицо, надъ которымъ Вертельяку предлежало произвести слѣдствіе; въ законѣ же статья 144^а тома 15го сказано такъ: "что обвиняемый во все время производства слѣдствія имѣетъ неотъемлемое право представлять все, что можетъ служить къ его оправданію." Но Старицкій отъ начала слѣдствія до окончанія его не былъ даже извѣщенъ объ этомъ слѣдствіи; когда же онъ, находясь тогда въ Петербургѣ, узналъ изъ письма своего повѣреннаго, что Дудчинскій прикащикъ Шкляръ посаженъ въ острогъ и что *въ имѣніи водворился хаосъ*, произшедшій отъ распоряженій Вертельяка, разстроившихъ совершенно всѣ части хозяйства, тогда Старицкій прямо изъ Петербурга пріѣхалъ въ Херсонъ и не зная ровно ничего—ни о томъ, съ какого повода возникло слѣдствіе, ни того, что по немъ обнаружено,—просилъ офиціально губернатора Панкратьева увѣдомить его, не подлежитъ ли и онъ Старицкій въ чемъ либо обвиненію, вызвавшему вмѣшательство предводителя Вертельяка въ управленіе его имѣніемъ. По этой просьбѣ Панкратьевъ потребовалъ отъ слѣдственной комиссіи свѣденій и по доставленіи ихъ полковникомъ Рындиномъ, въ рукахъ котораго находилось дѣло, Старицкому дано знать отъ 3го мая 1858 года за N. 4739^{мъ}: "что по разсмотрѣніи обстоятельствъ произведеннаго слѣдственной комиссіею (то есть Вертельякомъ при бытности Рындина) дѣла о безпорядкахъ въ имѣніи его д: Дудчинъ, онъ лично не обвиняется въ злоупотребленіяхъ по управленію этимъ имѣніемъ". Послѣ этого:

4) Если сама комиссія болѣе чѣмъ за годъ до того, какъ дѣло разсмотрѣно было графомъ Строгоновымъ, увѣдомила начальника губерніи, что Старицкій по слѣдствію не обвиняется и если корресподентъ вашъ написалъ вамъ, что Старицкій оправданъ графомъ Строгоновымъ потому только, что задобрилъ губернскаго начальства и пріобрѣлъ благорасположеніе правителя канцеляріи Гирса и начальника отдѣленія Котовича, въ такомъ случаѣ кому же, какъ не вамъ, слѣдуетъ выставить корресподента вашего упозорнаго столба. Все же имѣетъ свой предѣлъ, неужели же клевета не должна имѣть границъ и неужели можно по произволу безнаказанно позорить всякаго, *даже и такихъ людей* какъ Гирсъ, котораго и прежняя и еще болѣе настоящая служба вполне указываетъ, что для него чуждо лицепріятіе и который достойно пользуется общимъ уваженіемъ.

5) Для вѣщаго доказательства, нельзя не упомянуть и о томъ, что по его словамъ преступленія Старицкаго совершались чрезъ прикащиковъ, дѣйствовавшихъ, какъ они сами объявили слѣдователямъ, по его словеснымъ секретнымъ приказаніямъ, между тѣмъ, что же на самомъ дѣлѣ оказывается? Прикащикъ Шкляръ, на котораго, какъ на главнаго исполнителя приказаній Старицкаго, указываетъ корреспондентъ вашъ и который по словамъ его имѣетъ родственниковъ въ д. Дудчинѣ,—этотъ Шкляръ не только не объявлялъ слѣдователямъ о мнимыхъ секретныхъ, словесныхъ приказаніяхъ Старицкаго противурѣчившихъ письменнымъ, но въ посланной графу Строгонову жалобѣ, объясняя всѣ пристрастныя дѣйствія Вертедьака, поименовалъ даже тѣхъ людей, которые были свидѣтелями разнаго рода истязаній употребленныхъ Вертедьакомъ для того, чтобы вынудить у должностныхъ лицъ экономіи обвинительныя противъ Старицкаго показанія; Шкляръ кромѣ того просилъ спросить окольныхъ жителей и вольныхъ мастеровыхъ, постоянно находящихся въ Дудчинѣ, которые весьма хорошо знаютъ, что крестьяне со стороны экономіи не подвергались никакимъ притѣсненіямъ, а и того болѣе жестокимъ наказаніямъ; къ этому необходимо добавить, что Шкляръ уроженецъ Полтавской губерніи и что у него столько же родственниковъ въ Дудчинѣ, какъ и у самаго корреспондента вашего.

6) Прошу васъ въ особенности обратить вниманіе на тѣ именно слова корреспондента вашего, что Старицкій въ пять лѣтъ раззорилъ имѣніе въ концѣ, что злоупотребленія его доходили до свѣденія начальства, которое ничего не дѣлало и что Старицкій неистовствовалъ больше и больше; но имѣніе Старицкаго находится, такъ сказать предъ глазами предводителя Вертедьака, а вамъ извѣстно содержаніе высочайшаго рескрипта въ Іюнь 1826 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовавшаго, по точнымъ словамъ котораго возложено на непосредственную обязанность предводителей блюсти за обращеніемъ владѣльцевъ съ ихъ крестьянами. Слѣдовательно если бы сотая доля дѣйствительно совершилась тѣхъ злодѣяній, которыя помѣщены въ статьѣ вашего корреспондента, то первый долженъ идти на казнь Вертедьакъ и за нимъ уже Старицкій. (Да и всѣ остальные предводители съ нимъ!! Ред.)

7) У насъ вообще принято подраздѣлять ложь на невинную и злую; но корреспондентъ вашъ дозволилъ себѣ ложь преступную, сообщивъ вамъ, что Старицкій нанялъ себѣ управляющимъ нѣкоего Легензевича, изгнаннаго Вертедьакомъ за жестокое обращеніе съ крестьянами другаго помѣщика и что тотъ же Легензевичъ, желая оправдать довѣріе своего патрона возводитъ не бывалыя преступленія на крестьянъ, сажаетъ ихъ въ острогъ и пр., тогда какъ *во-первыхъ*; изъ дѣлъ Полтавской гражданской палаты можно удостовѣриться, что Старицкій далъ довѣренность Легензевичу на ходатайство по дѣламъ его, но не на управленіе имѣніемъ, и что со дня пріобрѣтенія Старицкимъ д. Дудчины всего только одинъ крестьянинъ а именно: Александръ Торчанскій отправленъ былъ въ острогъ какъ изблеченный произведеннымъ станомъ приставомъ слѣдствіемъ въ воровствѣ сѣна и другихъ преступленіяхъ и то по объявленію не Легензевича, а управляющаго имѣніемъ майора Вирскаго; но чрезъ нѣсколько дней Вертедьакъ приказалъ исправнику освободить Торчанскаго и приказаніе исполнено. *И воторыхъ*: въ Херсонскомъ губернскомъ правленіи всякій желающій можетъ прочесть дѣло,

возбужденное Вертедьакомъ о томъ, что Легензевичъ тиранилъ крестьянъ Дорожинскаго, наказывая ихъ по 1500 розогъ; по этому представленію Вертедьака поручено было слѣдствіе чиновнику особыхъ порученій Головченкѣ при бытности однако же самаго Вертедьака, но когда слѣдователи прибыли въ имѣніе и когда собранные крестьяне узнали *въ чемъ дѣло, то всѣ безъ изъятія стали на колѣни и просили Вертедьака оставить Легензевича при управленіи ими, называя его своимъ отцемъ и благодѣтелемъ*. Вертедьакъ, никогда не ожидавшій отъ крестьянъ такой смѣлости, сперва разразился бранью и приказывалъ имъ идти вонъ, однако же, видѣвши, что крестьяне продолжаютъ твердить одно и то же, Вертедьакъ своею предводительскою рукою началъ колотить ихъ по зубамъ; эта мѣра возимѣла свое дѣйствіе и крестьяне разошлись по домамъ, но все таки ни одинъ изъ нихъ не подтвердилъ довѣренія Вертедьака. Дѣло это разсмотрѣно въ губернскомъ правленіи и по опредѣленію его Легензевичъ оправданъ совершенно.

СМѢСЬ.

новости изъ россіи.

Начнемъ съ слѣдующей пріятно успокоивающей вѣсти, помѣщенной въ 74 No. С. П. Вѣдомостей, подъ рубрикой, *Россія* :

“ Въ четвергъ, 31-го марта, въ Малой Церкви Зимняго Дворца, сподобились пріобщиться Святыхъ Христовыхъ Таинъ: Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Марія Александровна, Ихъ Императорскія Высочества: Великіе Князья Алексій и Сергій Александровичи, Великая Княжна Марія Александровна и Великіе Князья: Константинъ Николаевичъ, Николай и Константинъ Константиновичи, Николай Николаевичъ “младшій,” Великія Княгини Александра Іосифовна и Александра Петровна и Великія Княжны Ольга и Вѣра Константиновны.”

За тѣмъ сообщимъ читателямъ что исполненіе священныя обязанности, не имѣло никакого вліянія на теченіе дѣлъ, а только собственно на русскій языкъ, который принялъ церковно мистическій оттѣнокъ. Мы читаемъ въ той же газетѣ.

“ На докладѣ святѣйшаго синода о трехъ избранныхъ кандидатахъ на вакансію викарія санктпетербургской епархіи, епископа ревельскаго, въ числѣ которыхъ первымъ назначенъ былъ ректоръ санктпетербургской духовной семинаріи архимандритъ Леонтій, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе удостоенному епископскаго сана произвести въ санктпетербургѣ—5-го марта, собственною Его Императорскаго величества рукою написано: “Быть первому, а въ прочемъ быть по сему.”

Вы поняли? Мы рѣшительно ничего!

— Но если царскій языкъ не ясепъ, въ такомъ смутномъ государственно-церковномъ дѣлѣ, то царская воля на подавленіе *языка вообще*, несомнѣнна и ясна какъ день. Устряловъ напугалъ, царевичемъ Алексѣемъ. Пожалуй эдакъ и богъ знаетъ что расскажутъ, о всѣхъ псевдо-Романовыхъ. А посему цензура получила строжайшее приказаніе ничего не пропускать о лицахъ принадлежавшихъ къ царской фамиліи, и жившихъ *послѣ* Петра, кромѣ разумѣется о ихъ высочайшей добродѣтели и августѣйшемъ милосердіи, на пр. говоря о Петрѣ III, надобно непременно упомянуть о его умѣ, говоря объ Екаторинѣ II, удивляться ея цѣломудренности, говоря о Павлѣ, съ восторгомъ отозваться о его сходствѣ съ Аполлономъ Бельведерскимъ, говоря о Николаѣ, упрекнуть его въ мягкой кротости, и излишней любви къ наукѣ, которую онъ неумытно пересаживалъ тридцать лѣтъ въ дальнѣйшія провинціи Сибири и пр. Обобщая эту систему предупрежденія и пресѣченія гласности, Горчаковъ, испросилъ высочайшее разрѣшеніе

распространить вуаль дарованный Послѣ - петровскимъ Романовымъ на а) Людвига Наполеона, в) Австрійскаго императора...

Въ Москвѣ *Щербининъ* (Сенаторъ по департаменту Кирилла и Мефодія, вѣснѣвшій католикамъ православіе, юл. л. 63), съ своимъ зятемъ, съ "Прибылью" и съ успѣхомъ занимается отрѣзываніемъ и урѣзываніемъ языка, и не только съ Прибылью, но съ Росковшенкомъ, и Безсомыкинымъ, (что за имена, какъ это въ цензурѣ ихъ пропустили?)

— *Москва.* — На основаніи 1,446 ст. Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (1857 года), воспрещается курить табакъ на улицахъ.

Но какъ замѣчено мною, что нѣкоторые лица дозволяютъ себѣ курить сигары и папирсы на улицахъ, бульварахъ и общественныхъ гуляньяхъ въ городѣ, то я прошу гг. обывателей столицы не ставить полицію въ необходимость приводить въ исполненіе сказанную статью Уложенія о наказаніяхъ; причѣмъ предвѣряю, что мною отданъ приказъ по полиціи о наблюденіи, чтобы не курили на улицахъ, бульварахъ и вообще въ мѣстахъ, гдѣ это воспрещено по закону, и что нарушители сказанной 1,446 ст. Уложенія о наказаніяхъ, подвергаемы будутъ законному взысканію.

Московскій оберъ - полиціймейстеръ, свиты его императорскаго величества генералъ-майоръ князь Крапоткинъ.

(Москов. Вѣдом.)

— *Переходное состояніе.* — Каждая эпоха имѣетъ свое помѣшательство, каждая страна свое, Русское помѣшательство. На сію минуту — *переходное состояніе*. Переходнымъ состояніемъ плантаторы и бюрократы отдали освобожденіе крестьянъ, переходнымъ состояніемъ начинается робко, едва замѣтно уничтоженіе розогъ, палокъ, плетей. Однодворцевъ не будутъ больше сѣчь; разумѣется это очень хорошо, но отчего же однихъ однодворцевъ исключили?... Такъ это никого и не сѣчь? Какъ можно — надобно *переходное состояніе*, — за однодворцами не позволять сѣчь кучеровъ, потомъ поваровъ и т. д. Методъ всего важнѣе! Тѣмъ не менѣе это благое начало. Скажите въ прочность чего вѣрить смертному, когда даже будущность розогъ въ Россіи, сомнительна.

— Какъ случилось, что *Синисмундъ Лессеръ*, которому безъ всякой достаточной причины отказывали визировать паспортъ въ Русскую Польшу и который лично подавалъ просьбу государю въ его бытность въ Бреславлѣ, и лично получилъ отъ него благосклонный отвѣтъ — до сихъ поръ не имѣетъ паспорта?

— Говорятъ, что Тверской вице-губернаторъ Ивановъ переводится въ Рязань, будто бы за неосновательное донесеніе о *митингахъ* дворянства, по поводу которыхъ Унковскій сосланъ въ Вятку.

— *Тайный совѣтникъ въ квадратъ.* — Служащій въ тайной полиціи и извѣстный читателямъ *Колокола* какъ ученый путешественникъ — *Гедерштернъ*, пожалованъ въ тайные совѣтники, съ оставленіемъ при тайной полиціи... Хранить бы это все въ тайнѣ, за чѣмъ намъ знать какъ правительство любезничаетъ съ Тимашевскимъ застѣнкомъ.

НЕ НАПЕЧАТАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ЛЕРМОНТОВА.

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь — красный воротъ
Какъ шишъ торчитъ передъ тобой.

Нѣтъ милыхъ сплетень, все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей,
Все удивительно и ново,
А нѣтъ и пошлыхъ новостей.

Доволенъ каждый самъ собою,
Не беспокоясь о другихъ;
И что у насъ зовутъ душою
То безъ названія у нихъ.

— *Аѳинскій Архимандритъ, Ромботи и Геродиаконъ.* — Мы получили возраженіе на письмо г. Ромботи, подписанное Геродиакономъ Аѳинской посольской церкви — Агапіемъ, о которомъ мы уже упоминали.

О самомъ дѣлѣ мы рѣшительно *отказываемся* чтобы то ни было печатать. Но подробности Озеровскаго суда въ Элладѣ, очень замѣчательны. По *одному подозрѣнію*, что іеродиаконъ сообщилъ въ Колоколъ вѣсть объ архимандритѣ, основанному на ихъ враждѣ, Озеровъ предписываетъ ему (30 Января) отправиться съ отходящимъ 2 Февраля Русскимъ пароходомъ "Русалка", въ Константинополь и тамъ явиться къ князю Лобанову Ростовскому.*

Іеродиаконъ поѣхалъ. Лобановъ Ростовскій объявилъ ему: "что онъ съ первымъ пароходомъ отправитъ его въ Одессу къ графу Строгонову, для передачи его въ духовное вѣдомство".

Іеродиаконъ, чувствуя "что вреденъ Сѣверъ для него", сталъ проситься на всегдашнее жительство на Аѳонскую гору. Лобановъ Ростовскій отказалъ ему.

Что ему было дѣлать? Бѣжать подъ страшный, неумолимый судъ монашескій, было нелѣпо; "броситься въ Босфоръ, говорить онъ самъ, было лучше". Отецъ Іеродиаконъ Агапіи избралъ благую часть, онъ исполнилъ волю Озерова и Лобанова Ростовскаго, и *стѣлъ* на пароходъ; но исполняя собою собственную, на тотъ который его здраво и не вредимо доставилъ въ Лондонъ.

— *Прудонъ* издаетъ вновь свою книгу: "О справедливости въ Революціи и Церкви", ливрезонами. Къ каждому ливрезону прибавляетъ онъ главу "Опыта популярной философіи". Обращаемъ вниманіе почитателей великаго діалекта социализма на его новый трудъ. Вотъ заглавіе: "Essais d'une Philosophie Populaire... De la Justice", par P. J. Proudhon. Bruxelles, office de Publicité, Montagne de la Cour 39.

Поступили въ продажу: *ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ* (1855—1860) *Политическія и Соціалныя статьи* Искандера и Н. Огарева — *Часть первая* Искандера.

Печатается: *ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ* *Вторая часть* Н. Огарева и *Записки* Ивана Владиміровича Лопухина, написанныя имъ самимъ.

* Предписаніе подписанное Озеровымъ, вмѣстѣ съ другими документами о выборѣ лицъ, которымъ раздадутъ въ Аѳонахъ деньги собираемые для раздачі бѣднымъ, приложены въ подлинникъ къ письму.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, N., London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOXO!

ЛИСТЪ 72.

1 Іюня 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian Road., N.

У Трубера & Co., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Горжескаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—За пять лѣтъ—Великокняжеское Освобожденіе—Мухановъ что не на Вислѣ—Souvenirs Modestes—Розги и Шпицрутены—Къ характеристикѣ Сибири. Слѣсь : Николай Николаевичъ—С. Петербургскія Вѣдомости—Омское Краснорѣчіе—Гвоздевская гласность—Помѣщикъ Автуровъ—Тимашевъ и Дубельтъ.

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ.*

Прощайте, Александръ Николаевичъ, счастливаго пути! Bon voyage!.. нанъ сюда!

Колоколъ, 15 Апрѣля 1860.

Случайно предпринятое изданіе политическихъ статей нашихъ, разбросанныхъ въ *Полярной Звѣздѣ* и *Колоколѣ*, за послѣднее *Пятилѣтіе*, получаетъ особенный смыслъ по угрюмымъ событіямъ, при которыхъ является нашъ сборникъ. Обстоятельства дѣлаютъ изъ него пограничный столбъ. Мы опять входимъ въ какую то новую область хаоса и сумерекъ, и снова должны переменить нашу одежду и нашъ языкъ—именно потому, что мы неизмѣнно остаемся вѣрными своимъ убѣжденіямъ. Извѣстная глубина необходима для плаванія, и выборъ фарватера зависитъ не отъ насъ, а отъ потока; мы пойдемъ по всѣмъ его изгибамъ—лишь бы идти впередъ къ нашей цѣли и не стать на мель... воображая что двигаемся. *Пять лѣтъ* тому назадъ, мы въ первый разъ послѣ семи страшныхъ годовъ, проведенныхъ въ похоровахъ лицъ, народовъ, надеждъ, вѣрованій, взглянули нѣсколько свѣтлѣе на будущее. вздохнули какъ выздоравливающіе послѣ тяжелаго недуга.

Невѣрная полоса блѣднаго свѣта занялась на Русскомъ небосклонѣ. Мы ее предчувствовали, предсказывали среди темной ночи, но не ждали ее такъ скоро—на ней то сосредоточили мы всѣ наши остальные упованія и осколки всѣхъ надеждъ. Западу мы были уже на столько чужды, что его судьба не составляла больше для насъ жизненнаго вопроса. Съ глубокимъ интересомъ, съ сочувствующей печалью, слѣдили мы за мрачно развивавшейся трагедіей его, но укрѣпленные свѣданнымъ, благословляя великое прошедшее—собирались, какъ Фортинбрасъ послѣ повѣсти Горацио, продолжать свой путь.

На немъ мы не далеко ушли—насъ остановило какое то болото безъ конца, котораго мы не ждали, и которое грозитъ безъ шума и грома, не казисто утунуть мало по малу послѣднія силы—топкой, скучной грязью, размягчая отчаяніе надеждами и разводя ненависть—сожалѣніемъ.

Неужели мы опять ошиблись? Можетъ, но только не въ самодѣль, оно пойдетъ; мы снова ошиблись во времени,

* Съ этимъ предисловіемъ, вышла первая часть нашего сборника.

обрадованные блѣднымъ разсвѣтомъ; мы не ввели тѣхъ стихійныхъ, темныхъ, непреодолимыхъ тумановъ, надъ которыми свѣтъ не имѣетъ власти, или долженъ бороться съ ними цѣлыя поколѣнія.

Роковая сила современной реакціи въ Россіи,—реакціи *безмысленной, ненужной*, оттого такъ трудно сокрушима, что опирается на двухъ твердыхъ гранитной крѣпости—на *тупоуміи правительства и на неразвитости народа*.

Тупость пониманія—власть, сила, величайшая иронія надъ разумомъ и логикой. Неразвитіе не такъ упрямо, но оно уступаетъ только одному времени, долгому времени. Это то насъ и повергаетъ въ отчаяніе, мы скорѣе готовы поступиться всѣмъ—достоинствомъ, свободой, чѣмъ временемъ. Time is money, говорятъ Англичане—какъ можно, гораздо дороже, гораздо больше: *Время мы!*

Но какъ бы ни была естественна досада свѣдающая человѣка, когда онъ видитъ “что счастье было такъ возможно, такъ близко”* и ускользаетъ отъ неловкости пальцевъ; какъ ни естествененъ тотъ ужасъ овладѣвающей нами, когда мы кричимъ путнику не замѣчающему пропасти подъ ногами, и чувствуемъ, что голосъ нашъ не достигаешь,—все же надобно смириться передъ истиной и вмѣсто упорства и траты силъ въ отстаиваніи своихъ путей, занесенныхъ реакціей—идти той тропинкой, по которой можно дойти. Въ этой измѣняемости при постоянномъ стремленіи—состоитъ все творчество природы, все богатое многообразіе ея формъ, при единствѣ и простотѣ началъ и цѣлей.

Надобно найтись въ новомъ положеніи. Правда что мы выходимъ блѣднѣе изъ пятилѣтія *добрыхъ надеждъ*, но за то и грузу съ нами меньше на болотистой путь.

Мы думали, что самодержавіе можетъ еще въ Россіи совершить подвигъ *освобожденія крестьянъ съ землею*. Такого рода спутанные узлы, около которыхъ накинута старая неправда, гдѣ интересы перекрещиваются съ справедливостью и нравственные понятія расходятся съ положительнымъ законодательствомъ,—громовой ударъ рѣшаетъ часто лучше, всѣхъ контроверзъ и словопрѣвій. Такъ мы и думали. Что же вышло? Самодержавіе, никогда не задумывавшееся ни надъ чѣмъ, проливавшее кровь и слезы съ бездушіемъ

(*) “Колоколъ” листъ 68 & 69.

локомотива встрѣчающаго препятствія, застѣнчиво остановилось, произнеся слово *освобожденіе съ землею* и стало совѣтываться съ генералами и бюрократами, съ молодыми учеными и “вѣтхими” невѣжествомъ стариками. Этого было мало, оно создало какихъ то нотаблей, и велѣло имъ *молчать* свой совѣтъ. Все это вмѣстѣ невольное сознаніе, что у императорства нѣтъ больше вѣры въ свою нравственную силу, въ ту кровную связь съ народомъ, по которой правительство и революціонеръ чуютъ, что имѣютъ право *дерзнуть!*

Статья наша 1 Января 1860, была послѣднимъ усиленіемъ, которымъ мы *себѣ* еще доказывали возможность “улучшенія быта” императорскаго—освобожденіемъ его отъ грубой и невѣжественной дворни, отъ тлѣтворной, мертвящей бюрократіи.

Но уже Александръ II, испуганный какими то призраками, держался за безконечные фалды Панина и говорилъ ему: “Ты меня не обманешь!”

Это своего рода отрѣченіе.

Александръ II пустилъ пращу, и въ этомъ его историческое значеніе, куда она долетитъ—внѣ его власти, это даже независимо отъ того обманетъ его Панинъ или нѣтъ. Не есть ли это царское колебаніе, своего рода *vivos voco!* Не есть ли это колоколь напоминающій меньшинству совершеннолѣтнихъ, что пора свои дѣла дѣлать самимъ, что полно надѣяться всего отъ правительства. Оставимъ его при его административныхъ занятіяхъ и дипломатическихъ снѣтняхъ. Отойдѣте отъ его плацпараднаго мѣста, и займемъ своими дѣлами, пусть оно стоитъ, какъ Невская пирамида, храминой, въ которой живетъ умершій.

Убѣдимтесь, что отъ правительства ждать нечего. Безъ Ахиловой пяты для разума, занятое храненіемъ стараго ритуала и канцелярскихъ формъ, довольное пышнымъ облаченіемъ и матеріальной властью, оно будетъ иной разъ, подъ влияніемъ современнаго тока идей, судорожно протягивать руку къ прогрессу, всякой разъ пугаясь на подорогѣ.... Все это, можетъ, продолжится долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь посмѣлѣе заглянетъ подъ занавѣсъ и увидитъ—не то что императоръ умеръ, а что правительство приказало “долго жить народу!”

Кому не случалось видѣть старыя цитадели, мрачно стоящія цѣлые вѣка? Съ тѣхъ поръ какъ онѣ разсылали смерть врагамъ, новая жизнь обросила ихъ вѣтхомъ улицъ, садовъ, дворцевъ, раздаваясь шире и шире въ полѣ и примыкая тѣснѣе и тѣснѣе къ бойницамъ, съ своими ржавыми пушками, возлѣ которыхъ ходитъ въ дѣловомъ бездѣльи часовая, а внутри воробьи вьютъ гнѣзда. Смѣняются поколѣнья и вдругъ всѣмъ представляется вопросъ: за чѣмъ эти стѣны, ни отъ кого не защищающія, за чѣмъ содержится гарнизонъ, о чемъ ходитъ рапортовать коменданту всякій вечеръ, праздный шалунъ съ сѣдыми усами? Городу становится смѣшно; и вѣковая крѣпость идетъ на мусоръ, а жизнь быстро покрываетъ рубецъ своими полипниками и ячейками.

Такой грозный кремль, представляетъ наше правительство. Все взято въ реквизицію комендантомъ, все, какъ и слѣдуетъ въ осадномъ положеніи, *polens volens служитъ*. Россія представляетъ небывалое зрѣлище государства, въ которомъ все признанное человѣкомъ, состоитъ сплошь изъ *чиновниковъ*, военныхъ или гражданскихъ.

Литература, университеты и крестьянская изба, одни не участвовали положительно въ утвержденіи и поддержаніи

самодержавнаго канцелярскаго порядка, принятаго за цѣль государства. На подавленную избу не обращали вниманія; одни расколы гналь по временамъ экзекуторъ, какъ нарушеніе церковной *формы*. Литературу и университеты, дѣйствительно и ненавидѣль знатокъ своего дѣла—Пиколай.

Цѣлый народъ былъ подъ опекой, какъ какой нибудь педоросль. Покойный опекунъ, дошелъ до того геркулесова столба, что частнымъ людямъ не позволялъ на свои *собственные деньги* строить желѣзныя дороги!

За этимъ оставалось народу окончательно убѣдиться, что онъ недоросль, сдѣлаться зоологическимъ видомъ, и спокойно остановиться въ сосѣдствѣ съ Хивинцами, бобрами, Киргизами, лемурами. Но именно тутъ то и оказывается *гдѣ* жизнь въ самомъ дѣлѣ. Рабъ скованный по рукамъ и по ногамъ, прошнурованный и привязанный къ “дѣлу,” безъ рѣчи, запутанный сѣтями бюрократіи, отданный въ солдаты и высѣченный, вздрогнулъ отъ нашествія иноплеменнаго врага, натянулъ свои мышцы, и на краю позора почувствовалъ свою силу и подозрительную крѣпость казенныхъ веревокъ—какъ будто и эти заготавливаются въ комиссаріатѣ.

Вздрогнулъ и царь, открылъ и онъ глаза..... молчаніе степи,—воровство возлѣ, воровство вдаль, ни теплаго взгляда, ни человѣческаго лица, ни преданности, все застегнутые воротники, все по формѣ сшитые и хорошо пригнанные мундиры..... внизу стопъ, арміи гибнуть, раскаты пушекъ, зарево, корабли тонуть, кровь течетъ..... депеша изъ Евпаторіи вывалилась изъ рукъ, и онъ умеръ.

Россія дала *пять лѣтъ ожиданія*, за нѣсколько добрыхъ словъ, за желаніе добра. И что же вышло? Такое же доказательство неспособности, несостоятельности въ добрѣ, какое оказалось за пять лѣтъ,—*въ зль!*

Что же слѣдуетъ изъ этого? Пора перестать играть въ гарнизоны. Оставимъ *правительство—правительствовать* и будемте заниматься своимъ дѣломъ. Для этого пойдѣте въ отставку, хозяйство разстроено, дѣтей надобно воспитывать, дѣлать ихъ ручными изъ баричей.

Ослабимъ правительство нашимъ неучастіемъ. Дѣла и съ нимъ стоять, а *дѣлопроизводство* не оставовится. У него и безъ насъ довольно помощниковъ, оно развело во всѣхъ канцелярскихъ щеляхъ—писарей, бюрократовъ-нѣмцевъ, бюрократовъ-доктринеровъ. Они для него возвели чиновничество въ науку, оно для нихъ низвело правительство на степень управы благочинія. Изъ благодарности они должны остаться съ правительствомъ, какъ мыши съ тонущимъ кораблемъ.....

А мы будемте *сами собой!*

И—ръ.

25 Апрѣля, 1860.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ

(письмо къ Издателямъ).

Въ журналѣ “Le Nord” (6 Мая) мы находимъ изложеніе устройства, предпринятаго и уже совершеннаго, въ одномъ изъ обширнѣйшихъ недвижимыхъ имѣній русской имперіи, принадлежащемъ е. и. высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Это устройство можно назвать весьма важнымъ событіемъ для Россіи въ теперешнихъ обстоятельствахъ, когда тамъ завимаются освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ; тѣмъ болѣе, что здѣсь мы встрѣчаемъ первый опытъ устройства

сего рода, совершеннаго и обнародованнаго въ печати. Такое устройство можетъ заключать въ себѣ примѣры для подражанія и особенно дать поводъ къ обсужденію различныхъ сторонъ важнаго вопроса освобожденія. Вообще здравое изслѣдованіе сего вопроса въ сильной степени облегчается тогда, когда мы, сверхъ теорій и общихъ воззрѣній на предметъ сей, имѣемъ предъ глазами практическое приложеніе сихъ теорій и сихъ воззрѣній. Въ семъ отношеніи ея и. высочество, начертавъ свое устройство, приведя оное въ исполненіе и сдѣлавъ извѣстнымъ всенародно, приобрѣло неоспоримое право на признательность Россіи.

Но независимо отъ сего или, лучше сказать, по сему самому, мы имѣемъ право и обязанность оцѣнить достоинство сего замѣчательнаго устройства и указать на сущность онаго.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, въ чемъ состоитъ сіе устройство.

1) Имѣніе (Karlov) заключаетъ въ себѣ болѣе 90,000 десятинъ земли, 4 села и 10 деревень и болѣе 7,000 крестьянъ мужескаго пола.

2) Господской земли 54,000 десятинъ, крестьянской болѣе 32,000.

3) Въ прежнемъ положеніи имѣнія, каждый земледѣлецъ имѣлъ 11½ дес. земли.

4) Каждый крестьянинъ былъ обязанъ работою на господина, 3 дня въ недѣлю; каждая женщина 2 дня.

5) По новому устройству пространство усадьбы было опредѣлено одинаково для всѣхъ въ ¾ дес. Крестьянинъ можетъ приобрести усадьбу въ собственность заплативъ 18 руб. серб.

6) 2,500 десятинъ для пастбищъ, отдано въ общее пользованіе.

7) Крестьянскій надѣлъ землею остался прежній.

8) Платежъ за сію землю опредѣленъ въ 1½ руб. сер. за каждую десятину.

9) Крестьянамъ предоставляется право откупаться, заплативъ 25 р. сер. за каждую десятину. Въ сихъ случаяхъ сумма платежа разсрочивается и съ крестьянами заключаются особые договоры. До того времени все остается въ общинномъ порядкѣ (*tout reste en commun*).

10) Каждое селеніе или община отвѣчаетъ круговою порукою за платежъ слѣдующій съ крестьянъ.

За симъ мы находимъ въ журналѣ нѣсколько пунктовъ, весьма неясно изложенныхъ, относительно сей круговой отвѣтственности, изъ коихъ однакоже можно заключить, что личная работа крестьянъ не исключается изъ средствъ платежа слѣдующихъ съ крестьянъ денегъ.

11) Селенія или общины желающія освободиться отъ платежа оброка за землю, могутъ вовсе откупиться на выше изложенномъ основаніи, т. е. заплативъ 25 р. сер. за каждую десятину.

12) Каждое селеніе имѣетъ свои мірскіе сходы, избираетъ своего старосту, десятниковъ и сборщиковъ.

13) Каждое селеніе съ своими сходами и избранными лицами опредѣляетъ повинности каждаго въ отношеніи къ помѣщику и правительству, однимъ словомъ управляетъ само собою, подъ властію и надзоромъ помѣщичьяго начальства (*autorité patrimoniale*).

Изложивъ эти правила корреспондентъ журнала "Le Nord" заключаетъ, что по онымъ барщина, т. е. трудъ принудительный, былъ съ большимъ успѣхомъ замѣненъ *трудою вольнымъ*.

Очевидныя, неоспоримыя и конечно значительныя выгоды симъ устройствомъ крестьянамъ предоставляемыя, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въмѣсто барщины крестьяне платятъ оброкъ,—что вездѣ и всегда было весьма высоко цѣнимо русскимъ крестьяниномъ. Въ настоящемъ случаѣ облегченіе тѣмъ важнѣе, что оброкъ, какъ намъ кажется, весьма умѣренный, т. е. 17 р. 25 к. сер. съ тягла, пользующагося надѣломъ 11½ десятинъ.

2) Какъ крестьянамъ въ отдѣльности, такъ и самимъ общинамъ предоставляется право или возможность откупаться совершенно и съ землею, платя за оную по 25 р. сер. за десятину. Цѣна сія конечно не высока, хотя мы и не знаемъ по какимъ цѣнамъ продаются земли въ томъ краю.

Такимъ образомъ сіе "устройство" можетъ соотвѣтствовать первоначальнымъ циркулярамъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ коихъ говорилось "объ улучшеніи быта" крестьянъ. Но съ того времени вопросъ разъяснился и во всѣхъ протоколахъ редакціонныхъ комиссій говорится просто о *выходѣ крестьянъ изъ крепостной зависимости*, т. е. объ освобожденіи.

Сего освобожденія въ разсматриваемомъ нами устройствѣ нѣтъ ни въ какомъ отношеніи. Даже принятый редакціонными комиссіями принципъ *самоуправленія крестьянскаго*, безъ коего тщетно было бы надѣяться сдѣлать что нибудь путнаго въ Россіи, даже сей принципъ вовсе отстраняется симъ устройствомъ, ибо мірское управленіе можетъ быть дѣйствительно тогда только когда оно самостоятельно. Всякая зависимость общины отъ помѣщика и отъ его управителей разрушаетъ сію первую, необходимую, живую, родную основу русскаго крестьянскаго быта.

Мы могли бы сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на счетъ уступки крестьянамъ ихъ усадьбы за плату; но это было бы бесполезно, потому что мы не находимъ въ семъ устройствѣ никакихъ побудительныхъ причинъ для крестьянъ платить за усадьбы деньги, когда они могутъ пользоваться ими по прежнему. Не говоря уже о томъ, что крестьяне почитаютъ вообще усадьбы ихъ собственностію, онѣ могутъ быть для нихъ истинно дороги тогда только, когда они будутъ имѣть личную, полную свободу. Въ томъ же положеніи "приписныхъ къ землѣ", въ какомъ оставляетъ ихъ "устройство", крестьяне, повторяю, не найдутъ никакой выгоды платить, по пустому, 18 р. с. за то чѣмъ они теперь пользуются и впредь будутъ пользоваться даромъ.*

Чтожь касается до замѣны барщины трудомъ вольнымъ, то корреспондентъ журнала "Le Nord" былъ конечно, неприимѣтно для него самого, увлеченъ неоспоримымъ облегченіемъ участи крестьянъ въ сравненіи съ прежнимъ ихъ положеніемъ и смѣшалъ вольный трудъ оброчнаго крестьянина съ вольнымъ трудомъ вольнаго челоука. Въ трудѣ оброчнаго крестьянина есть конечно болѣе воли, нежели въ трудѣ крестьянина барщиннаго, въ которомъ воли вовсе нѣтъ. Пемѣе того въ семъ первомъ нѣтъ даже и тѣни того, что обыкновенно разумѣютъ подъ выраженіемъ *вольный трудъ*.

* Мы ставимъ еще иной вопросъ: "Съ какого юридическаго права Великая Княгиня отпускаетъ удѣльныхъ крестьянъ? Удѣльные крестьяне такъ неоспоримо государственные, что пора бы прекратить шалость Павла I и считать заграбленіе крестьянъ въ рабы царской фамиліей—дѣломъ несуществовавшимъ, пора вычеркнуть этотъ позоръ въ исторіи парскаго дома, и объявить удѣльныхъ крестьянъ государственными.—Прим. Ред.

Сказавъ мое мнѣніе о сущности разсматриваемаго нами "устройства", мы повторимъ, что оно даетъ, даже и въ настоящемъ его значеніи, право на признательность Россіи, какъ первый опытъ разрѣшенія важнаго вопроса освобожденія. Намъ остается только желать, чтобы русскіе помѣщики, во взаимныхъ своихъ сдѣлкахъ съ крестьянами, не слишкомъ сильно придерживались всѣхъ правилъ, въ семь "устройствъ" содержащихся.

Мухановъ что не на Вислѣ.

Невскій Фалстафъ не только рѣжетъ фазановъ, а и защищаетъ Альфонскаго. Въ журналѣ *Развлеченіе* помѣщена была статья подъ заглавіемъ *Галоповъ*, — а на дочери Альфонскаго Аркадія, женатъ Хлоповъ... Мухановъ за родню горой, давай Драшусова, уничтожить Драшусова, стережь съ лица земли Драшусова... и пишетъ Мухановъ къ Щербинину о томъ, что бы тотъ, призвавши Драшусова къ себѣ, *попросилъ бы* его самого подать просьбу объ отставкѣ. Письмо Муханова было *секретно*. Понятно отъ чего — указать прямо на статью *Галоповъ* было нельзя; приведенныя же причины для отставки Драшусова такъ ничтожны и мизерны, что огласить ихъ было совѣстно.

Вотъ копія съ письма Муханова къ Щербинину:

Секретно.

"М. Г.

Михаилъ Павловичъ,

"Въ No. 11 за сей годъ Журнала *Развлеченіе* напечатано нѣсколько статей не заслуживавшихъ ценсурнаго одобренія. На 1ой страницѣ помѣщена неприличная карриатура, *оскорбляющая военный мундиръ*. (!!) На страницѣ 124 находится стихотвореніе: *Петербургскій телеграфъ*, наполненная личностями противъ разныхъ писателей, журналистовъ, противъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и сверхъ того содержащая въ себѣ неприличную и неосторожную выходку, на которую цензоръ не могъ не обратить своего вниманія: авторъ, говоря о недостаткѣ въ Россіи звонкой монеты, приводитъ слухи о причинѣ такого явленія, а между прочимъ замѣчаетъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ металлъ уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья, — въ Баденъ, въ *Ниццу*. (!!!)

"Въ городской хроникѣ, на стран. 131, есть *язвительная* выходка противъ Московскаго почтамта: "И такъ стоитъ чиновнику умереть, чтобы ходъ дѣла ему порученнаго, покрылся мракомъ неизвѣстности. Поучительно!" Въ стихотвореніи изъ Гейнѣ, стран. 132, цвѣтъ воротника квартальнаго надзирателя и комиссаріатскаго чиновника названъ *дурацкимъ*.

"Этотъ No. *Развлеченія* одобренъ къ печати ценсоромъ Драшусовымъ. Имъ же допущена въ No. 10 *Московскаго Вѣстника*, въ отдѣлѣ: *внутреннія извѣстія*, на стр. 150, неумѣстная выходка противъ школъ дѣтей канцелярскихъ служителей, которыхъ и учрежденіе и устройство представляется въ самомъ не выгодномъ свѣтѣ, и на стр. 161, той же газеты, въ *замѣткахъ кое о чемъ* употреблено странное въ печати слово: *языкоблудіе*, въ примѣненіи къ ложнымъ толкамъ о литературныхъ произведеніяхъ.

Главное управленіе ценсуры обративъ вниманіе на непрерывно дѣлаемая ценсоромъ Драшусовымъ упущенія, за кото-

рыя онъ неоднократно подвергался замѣчаніямъ, находить невозможнымъ оставлять его долѣе ценсоромъ; а потому предоставило мнѣ покорнѣйше *просить* ваше превосходительство, *просить* къ себѣ статскаго совѣтника Драшусова, и отъ имени главнаго управленія ценсуры *предложить ему* подать просьбу объ увольненіи его отъ службы. Редактору же журнала *Развлеченіе*, главное управленіе ценсуры просить васъ, м. г. за помѣщеніе въ семь журналѣ столь большаго числа неодобрительныхъ статей сдѣлать *предвареніе* что если сіе изданіе останется при нынѣшнемъ направленіи, то подвергнется запрещенію.

"Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга
Н. Мухановъ."

No. 429.

2 Апрѣля 1860 года.

SOUVENIRS MODESTES

МЕРТВОРОЖДЕННОЙ ЦЕНСУРЪ КОРФА.

Она жила, какъ живутъ розы — одно утро!..

Въ минувшемъ Ноябрьѣ мѣсяцѣ императоръ Александръ, утомленный непрерывными ценсурными дразгами, рѣшился учредить одну ценсуру, огражденную отъ вмѣшательства всякихъ стороннихъ властей. Для приведенія въ исполненіе этой мысли государь избралъ Корфа. Въ нѣсколько дней былъ изготовленъ уставъ, на основаніи котораго учреждалось новое отдѣльное вѣдомство, независящее отъ министерства народнаго просвѣщенія,* съ своимъ главноначальствующимъ — для помѣщенія котораго приобрѣтался немедленно великолѣпный домъ, Hôtel de la Censure. Не извѣстно какъ именно былъ сдѣланъ объ этомъ докладъ и въ какой мѣрѣ государь изъявилъ согласіе свое, но достоверно то, что Корфъ принскалъ себѣ по вкусу, шегольской домъ М. В. Шишмарева возлѣ Аничкова моста и написалъ Шишмареву слѣдующее письмо:

"Михаилъ Васильевичъ,

"По всеподданнѣйшему моему докладу государю императору о вчерашнемъ нашемъ соглашеніи, е. и. в. повелѣтъ соизволилъ: 1) Домъ вашъ, состоящій на Фонтанкѣ у Аничкова моста подъ No 48/2 купить въ казну съ находящеюся въ немъ движимостію за выпрошенною вами цѣну 200,000 р. 2) Сумму эту выдать вамъ нынѣ же золотою монетою по установленному курсу. 3) Издержки по совершенію купчей принять на счетъ казны. 4) За тѣмъ, по неотложномъ совершеніи купчей, предоставить мнѣ распорядиться о принятіи этого дома въ казенное вѣдомство, согласно вашему на то вызову не позже 15го числа настоящаго Декабря. — О такой выс. волѣ, уже переданной мною къ исполненію г. министру финансовъ имѣю честь сообщить вамъ, м. г., въ полной увѣренности, что, при *извѣстныхъ патриотическихъ и отличающихъ васъ бла-*

* А дѣйствительно ценсура, учрежденіе по превосходству невѣжественное — и министерство просвѣщенія совершенно несомнѣстны. Намъ это напоминаетъ какъ А. Гумбольтъ разъ обѣдая у прусскаго короля, сказалъ что министръ просвѣщенія — сдѣлалъ то-то, Король громко и безъ всякой нужды поправилъ его — "Вы ошибаетесь, это не министръ просвѣщенія, а министръ духовныхъ дѣлъ." Гумбольтъ не хотѣлъ остаться въ долгу и отвѣчалъ: "что это со мной, не министръ просвѣщенія, а министръ совершенно противуположнаго, хотѣлъ я сказать."

(Изъ переписки съ Варенгагецомъ).

городныхъ чувствъ, вы не оставите домъ вашъ со всѣмъ къ нему принадлежащимъ, очистить и сдать къ опредѣленному сроку въ полной исправности и въ соотвѣтствующемъ высочайшему ожиданію видѣ.

“Примите свидѣтельство совершеннаго моего уваженія и преданности.

“Баронъ Модестъ Корфъ.

№. 694.

5 Декабря 1859.

“Его высокоблаг. М. В. Шишмареву.”

Въ слѣдующій понедѣльникъ въ государственномъ совѣтѣ, по окончаніи засѣданія, князь Горчаковъ подошелъ къ нашему цензору, но не Катону, и сказалъ ему: “Vous faites à ce qu'on dit payer cherement l'interdiction de la parole, deux cent mille roubles?”—Завязался разговоръ, въ который вступили Княжевичъ и Ковалевскій, изъявившій удивленіе, что Корфъ не испросилъ согласія государя на его, Ковалевскаго, предложеніе помѣстить цензуру въ той части университетскаго зданія, гдѣ находился упраздненный педагогическій институтъ. Изъ совѣта Горчаковъ отправился съ докладомъ къ государю и извиняясь въ томъ, что замѣшкалъ нѣсколько минутъ, сказалъ, что причиною этого былъ удивительный споръ. Государь пожелалъ звать его и Горчаковъ передалъ все какъ было. Государь потребовалъ къ себѣ Корфа, приказалъ ему немедленно осмотрѣть бывший педагогическій институтъ, а покупку дома Шишмарева отмѣнилъ. Само собою разумѣется, что Корфъ нашелъ институтское зданіе для себя негоднымъ. Докладъ объ этомъ онъ заключилъ просьбою объ увольненіи его отъ новой должности, къ которой признаетъ себя не способнымъ, потому что на первыхъ порахъ имѣлъ несчастье навлечь на себя гнѣвъ монарха. Государь согласился. Цензура осталась по прежнему при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Корфъ—въ положеніи кв. Долгорукой лишившейся Петра II на канунѣ свадьбы—не могъ вынести, своего *двѣдцѣтиго вдовства* и слегъ въ постель. Государь узналъ о несчастномъ его положеніи, и 29го Декабря поѣхалъ съ императрицею осматривать публичную библіотеку, которой директоромъ Корфъ, разцѣловалъ его, а императрица благосклонно приняла подвешенный ей альбомъ. Французскіе короли лечили прежде прикосновеніемъ золотуху, Русскіе цари поцѣлуями всѣ прочія болѣзни. Корфъ разцѣлѣлъ. Пострадалъ въ этомъ дѣлѣ, и то временно, Шишмаревъ. Въ теченіи тѣхъ дней въ которые онъ думалъ, что домъ его купленъ по высочайшему повелѣнію, онъ успѣлъ по указанію *будущей цензуры*, сдѣлать разныя траты. Когда вслѣдъ за симъ баронъ сообщилъ ему, что покупка болѣе не состоится, тогда Шишмаревъ обратился къ министру Финансовъ, требуя исполненія высочайшаго повелѣнія или по крайней мѣрѣ вознагражденія понесенныхъ имъ убытковъ. Княжевичъ отвѣчалъ, что это дѣло Корфа; Корфъ не раздѣлялъ этого мнѣнія и отнесся къ министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбою заплатить изъ суммъ министерства произведенныя въ домъ Шишмарева работы. Деньги были выданы изъ остаточныхъ денегъ департамента, раздающихся *въ пособіе бѣднымъ чиновникамъ!*

Впрочемъ быть цензоромъ Корфу, не въ первый разъ, онъ участвовалъ въ знаменитой, въ великой, въ террористической ценсурѣ, въ комитетѣ общественной гибели, учрежденномъ Пиколаемъ, 2го Апрѣля 1848 года.

Читатели не забыли вѣроятно достославной исторіи ея. По предложенію Д. П. Бутурлина была учреждена цензура надъ цензурою; уставы, правила, законы, все сколько нибудь ограждавшее сочинителя, издателя и самаго цензора были уничтожены. Комитету было предоставлено придираться ко всему, преслѣдовать и карать всякаго въ комъ комитетъ признавалъ вредное направленіе. Давно забытыя книги и журналы были перечитаны. Инквизиторами были: А. О. Голицынъ,* Модестъ Корфъ, генераль адъютантъ Анненковъ извѣстный только своей безграмотностію,† нынѣ государственный контролеръ и В. А. Шереметьевъ. Правителемъ былъ, Гвоздевъ, могущественный директоръ департамента м. в. д. Помощники или такъ называемые *чтецы* были выбраны изъ разныхъ вѣдомствъ. Трое изъ нихъ *Феофиль Толстой (Ростиславъ)*, камергеръ *Михайловъ* и камеръюнкеръ *Ростовскій*, ничего не дѣлали, но даже не рѣдко выражали свое омерзѣніе къ дѣйствіямъ своихъ товарищей, (*а за чѣмъ оставались?* ред:) которые въ запуски старались отличиться. Болѣе усердные всѣ осыпаны въ послѣдствіи царскими милостіями. Камергеръ и патриотъ *Горлиновъ*, изъявлявшій недавно печатно сожалѣніе, что съ Шамилемъ обходятся слишкомъ великодушно, получилъ *станиславскую звѣзду*. *Федоровъ (Борисъ)*, Анну съ короной. Камергеръ *Лявскій*, находившій даже въ полицейскихъ вѣдомостяхъ предосудительныя статьи, *Владимира на шею* потомъ на грудь *Коллежскій совѣтъ*. *Ленцъ* чинъ и орденъ, а *юный Девицъ*, удаленный нынѣ изъ министерства внут. дѣлъ за *излишній ценсурный яръ*, доведенъ за отличіе до *статскихъ совѣтниковъ* и назначенъ кандидатомъ въ губернаторы. Онъ былъ нѣкоторое время правителемъ дѣлъ комитета. Анненковъ въ особенности любилъ его за нѣжное чувство, съ какимъ онъ открывалъ сокровенныя мысли.

Нѣтъ, служба не пропадетъ за царемъ!

розги и шпицрутены.‡

Въ одномъ изъ листовъ *Колокола* я прочелъ донесеніе какого-то военнаго командира, требующаго отъ высшаго начальства обеспеченія средствъ для снабженія военныхъ командъ—розгами и шпицрутенами. Донесеніе упоминаетъ даже объ отводѣ *дачъ* (!) для собиранія сѣхъ орудій русской дисциплины. Изложеніе всего дѣла, въ семь донесеніи, совершенно безсознательно: Г. военный командиръ говоритъ о снабженіи войска розгами, точно также, какъ онъ говорилъ бы о снабженіи его какимъ либо провіантомъ. Въ отвѣтѣ генерала Васильчикова, который слыветъ добрымъ и образованнымъ человѣкомъ замѣтно, что дѣло показалось ему весьма гадкимъ. Не менѣе того, не считая нужнымъ отводить особыхъ дачъ для собиранія розогъ, онъ “распорядился” инымъ образомъ, но такъ, что *продовольствіе розгами* будетъ достаточно обеспечено.

Спрашивается: въ какой странѣ свѣта найдется что-либо подобнаго такимъ перепискамъ военныхъ командъ съ военными начальниками? Не говоря уже о христіанской Европѣ, конечно ни въ одной магометанской землѣ, не найдется въ архивахъ военнаго вѣдомства такихъ документовъ.

* Нашъ другъ и покровитель въ 1834 г. См. Тюръма и Ссылка.

† Нѣтъ, еще своимъ поступкомъ съ родственникомъ сосланнымъ по 14 Дек., которому онъ забылъ возвратити имѣніе.

‡ Это письмо залежалось у насъ съ прошлаго года, въ чемъ усердно просимъ автора насъ извинить.

Спустя нѣсколько времени по прочтеніи сей печальной переписки, я ѣхалъ по большой дорогѣ. Съ одной стороны я видѣлъ женщинъ занимавшихся жатвою хлѣба. Съ другой представились глазамъ моимъ толпы солдатъ разсѣянныхъ въ пространномъ кустарникѣ и занимавшихся рѣзаніемъ прутьевъ. Въ другое время я проѣхалъ бы не обращая на это никакого вниманія. Но прочтенное мною въ *Колоколь* не позволило мнѣ остаться равнодушнымъ: я понялъ, что солдаты вырѣзывали прутья для *розогъ* и *шпицрутеновъ*!

Переѣхавъ за границу, я скоро очутился на Рейнѣ. Тутъ толпы народа хлопотали около виноградниковъ. Это было время собиранія винограда. Сердце облилось кровью, когда я вспомнилъ о собираніи розогъ нашими бѣдными солдатами и сравнилъ участь однихъ съ участію другихъ!

Въ царствованіе императора Александра I^{го}, бывший тогда въ Россіи французскій посолъ Коленкуръ, прогуливаясь однажды въ лѣтнемъ саду или на марсовомъ полѣ замѣтилъ, что за маршировавшими по полю баталіонами, отдѣльные солдаты носили пучки палокъ и что отъ времени до времени, когда баталіоны останавливались, нѣкоторые изъ солдатъ выходили изъ фрунта и получали извѣстное количество палочныхъ ударовъ. Возмущенный такимъ зрѣищемъ, онъ немедленно пошелъ въ зимній дворецъ и рассказалъ императору то что онъ видѣлъ. На другой же день вышелъ приказъ запрещающій бить солдатъ во время ученья.

Авось найдется и теперь какой нибудь другой Коленкуръ (на нашихъ господъ надежда плоха!) который доведетъ до свѣденія императора это постыдное собираніе розогъ. Александръ II, который нашелъ въ благой душѣ своей довольно твердости, чтобы, вопреки своимъ министрамъ, поставить и разрѣшить или по крайней мѣрѣ указать на разрѣшеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ, Александръ II найдетъ, конечно, въ той же благой душѣ своей, довольно твердости и для разрѣшенія, вопреки своимъ генераламъ, вопроса, несравненно менѣе труднаго, о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ арміи и сниметъ позорное пятно съ храбраго русскаго войска.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ СИБИРИ.

Десять лѣтъ управлялъ Западной Сибирью генералъ Горчаковъ, человекъ злой, надменный, самолюбивый. Онъ окружилъ себя бездѣльниками, которые бичевали страну доносами и шпионствомъ. Бесчисленное множество чиновниковъ было разжаловано или раззорено за взятки и казнокрадство, а ни то, ни другое не уничтожилось. Донощики и шпионы были первыми взяточниками и казнокрадами. Горчаковъ надѣлся посредствомъ ихъ звать всѣ злоупотребленія въ странѣ, и создалъ сильнѣйшее зло, котораго не могъ видѣть. Неспособный къ управленію, онъ смотрѣлъ на свою должность только, какъ на аксессуаръ къ княжескому достоинству. Онъ не понималъ своего поста; о странѣ отзывался нехѣло. Когда изъ одного, кажется Кузнецкаго, острога бѣжалъ какой то преступникъ, Горчаковъ отвѣчалъ на запросы изъ Петербурга, что дѣло весьма не важное, если преступникъ бѣжалъ изъ маленькой тюрьмы въ большую.* Въ Омскѣ онъ держалъ себя одиноко, вообще старался быть Русскимъ аристократомъ; любилъ блескъ парадовъ и безнаказанность дерзкаго обращенія съ подчиненными. Онъ

* Отвѣтъ этотъ намъ кажется очень уменъ.

воображалъ что управленіе краемъ состоитъ въ томъ только, чтобъ усилить свой авторитетъ; онъ выхлопоталъ себѣ право разжаловывать по своему суду казачьихъ офицеровъ въ рядовые, и всѣми мѣрами старался добиться вліянія надъ таможеннымъ и горнымъ округами, находящимися въ Западной Сибири. Все чиновничество было приведено въ смятеніе, и въ продолженіи десяти лѣтъ лихорадочно наживалось и банкротилось.

Наконецъ въ Петербургѣ какъ-то вспомнили о Западной Сибири; Горчаковъ былъ задержанъ въ столицѣ, а въ Сибирь былъ отправленъ для ревизіи генералъ Анненковъ; край былъ обрадованъ этой мѣрой, онъ думалъ, что всѣ нарушенныя права будутъ возстановлены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ожиданіе суда было такъ возбуждено, что произошли комическія приключенія: какіе то два солдата пріѣхали въ городъ Нарымъ, объявили себя адъютантами генерала Анненкова произвели ревизію дѣлъ въ тамошнихъ судебныхъ учрежденіяхъ и заковали въ кандалы чиновниковъ. Но ревизія Анненкова вышла нисколько не лучше той, которую производили когда-то сенаторы Куракинъ и Безродный. Первый былъ такой чистокровный аристократъ, что слуга надѣвалъ ему шляпу на голову. Сначала сенаторамъ было предоставлено множество жалобъ; но когда исправники сошлись съ лакеями, это дорожное неудобство было отстранено. Куракинъ не любилъ запахъ дегтя; когда крестьянинъ входилъ въ прихожую, лакей говорилъ ему: "что же ты въ такихъ сапогахъ пришелъ; хотъ бы смазалъ ихъ дегтемъ." Крестьянинъ возвращался домой и намазывалъ сапоги; прихожая набиралась полная, выходилъ Куракинъ и въ бѣшенствѣ отъ вони выгонялъ крестьянъ.

Въ ревизіи Анненкова было только больше идилии; ревизоръ разсматривалъ произведенія страны, лорничировалъ дамъ, волочился, а просителямъ объявлялось, что если они и лишены разныхъ правъ невинно, то могутъ успокоиться, что впередъ такихъ несправедливостей не будетъ, что же касается до нихъ самихъ, то для нихъ ничего нельзя уже сдѣлать, потому что нельзя же требовать отъ правительства, чтобъ оно признало свои рѣшенія несправедливыми.

Послѣ всего этого въ Омскѣ пріѣхалъ генералъ Гасфордъ. Это наружно доброе существо было послѣ Горчакова то же, что Федоръ послѣ Ив. Грознаго. Десять лѣтъ уже царствуетъ этотъ почтенный Нѣмецъ. Вообще въ Сибири власть императора не чувствительна, и узнается только по перемѣнѣ одного паши другимъ. Въ этотъ промежутокъ времени хотъ бы одна разумная мѣра; человекъ, запятанный остракизмомъ Иркутскаго Муравьева, за взяточничество, Почекунинъ, управляетъ чиновниками (страной ни кто еще не управлялъ), составляетъ проекты и давитъ всѣхъ. Каждый разъ Гасфордъ привозитъ въ Петербургъ бездну проектовъ, и правительство думаетъ, что онъ занимается.

Гасфордъ очень бываетъ занятъ; по крайней мѣрѣ, онъ самъ увѣренъ, что онъ неусыпно трудится. Но въ чемъ заключаются его занятія? По цѣлымъ часамъ онъ споритъ, какое имя дать улицѣ въ Омскѣ или вновь учрежденному городу. Всѣ его проекты, привозимые въ Петербургъ, ограничиваются прибавленіемъ новаго запаснаго хлѣбнаго магазина или учрежденіемъ какой нибудь новой должности тамъ, гдѣ много старыхъ.

Кромѣ этаго трудолюбія, Гасфордъ старается показаться передъ публикой честнымъ до рыцарства и нравственнымъ гражданиномъ. Чтобъ не развращались нравы въ Россіи, онъ приказалъ на картахъ Западной Сибири въ названіи города *Алуза* выкинуть букву *г*. Осмотрѣвши Бурлинскія соловья озера, онъ нашелъ тамъ старую лѣстницу, выдалъ изъ своихъ денегъ 25 коп. сер. на ея исправленія и написалъ въ Томское губ. правленіе; чтобъ оно возвратило ему издержанныя имъ 25 коп. Это по его мнѣнію должно было послужить поучительнымъ примѣромъ, до какой степени можно быть честнымъ.

Этого, кажется генералу Гасфорду, достаточно для того, чтобъ заслужить уваженіе потомства и онъ воображаетъ, что его заслуги отечеству неопѣненны. Онъ любитъ похвалить самого себя публично; возвратившись изъ Петербурга, онъ всегда считаетъ своимъ долгомъ прочесть передъ собранными чиновниками нѣчто въ родѣ “тронной рѣчи” въ которой больше всего говорить о томъ, что онъ трудился за всѣхъ, какъ батракъ. Въ Томскѣ онъ поправилъ какому-то чиновнику грамматическую ошибку и прибавилъ: “вотъ что значитъ умѣть владѣть и перомъ, и мечемъ!” Генералъ до сей поры не вѣритъ, что Бэмъ разбилъ его подъ Германштатомъ. Его мучатъ успѣхи Муравьева; когда въ Омскѣ пришло извѣстіе о графскомъ достоинствѣ, данномъ Муравьеву, Гасфордъ отказался отъ участія собственно для него устроенной травли зайцевъ, три дня не выходилъ изъ дому и весь первый день проходилъ изъ угла въ уголь, повторяя въ полголоса слова: “графъ Амурскій.” Гасфорду страшно, какъ хочется, сдѣлаться графомъ *Заллійскимъ*. Съ этою цѣлью онъ самъ привезъ въ Петербургъ въ маѣ статью, въ которой проводится самая близкая параллель между Амурскимъ и Заллійскимъ краемъ. Статья напечатана въ 110 номерѣ Русскаго Инвалида и наполнена лестью Сибирскому комитету и похвалами самому автору этой статьи. Впрочемъ если онъ не писалъ ее самъ, то на вѣрно редактировалъ.

Намъ всегда было бы весело слушать этаго самодовольнаго старичка, такъ наивно себя любящаго, еслибъ онъ пріѣхалъ въ Сибирь въ качествѣ простаго смертнаго. Но какъ генералъ губернаторъ онъ не имѣетъ права на эту снисходительность. Западная Сибирь цѣпенѣетъ подъ его безплоднымъ управленіемъ. Былъ слухъ, что правительство хотѣло Западную Сибирь раздѣлить; Киргизскую степь присоединить къ Оренбургскому генералъ-губернаторству, Томскую губернію поручить Муравьеву, Тобольскую губернію поставить въ условія Великороссійскихъ губерній. И было бы превосходно. А Гасфорду можно дать званіе какого нибудь графа, хоть Джунгарскаго, пожалуй назвать намѣстникомъ Азіи.

Заботливо отгородившись отъ печатныхъ и изустныхъ непріятностей, пристращавши на первыхъ же порахъ редакціи Тобольскихъ и Томскихъ вѣдомостей, онъ думаетъ что край благодѣнствуетъ подъ его управленіемъ, и чего добраго можетъ быть думаетъ, что въ Россіи не найдется человѣка, который бы могъ замѣнить его. А между тѣмъ Западная Сибирь сдѣлалась прибѣжищемъ, спокойнымъ уголкомъ, въ который убѣгаютъ изъ Восточной Сибири и Оренбургскаго края, всѣ баскаки батальонные командиры, дураки и негодяи.

Окруженъ Гасфордъ также очень дурно. Въ Тобольскѣ правда былъ губернаторомъ Арцымовичъ, который нѣсколько старался пробудить жизнь въ своей губерніи, но встрѣченный

обскурантизмомъ Омска, долженъ былъ перенести свою дѣятельность на болѣе независимую почву. Его мѣсто занялъ нѣкто Веноградскій.

Въ Томскѣ былъ прежде Бэкманъ. Опять нѣмецъ, и опять тотъ же ребяческій типъ. Онъ ѣздилъ по губерніи, разсматривалъ съ любопытствомъ странныя явленія природы, интересовался правами жителей, и улыбался пріятно, когда жаловались мужики и рассказывали возмутительныя исторіи; вообще былъ губернаторомъ болѣе для собственнаго удовольствія. Этотъ типъ нѣмца преслѣдуетъ Западную Сибирь. Въ числѣ депутатовъ отъ разныхъ націй при коронаціи Александра II, былъ Киргизъ изъ Западной Сибири — Муса Чермановъ, человѣкъ умный и наблюдательный. Въ Москвѣ онъ встрѣтилъ молодаго нѣмца, увлекавшаго общество своимъ разговоромъ; Чермановъ сказалъ ему такой комплиментъ: “въ первый разъ вижу умнаго нѣмца.” Эта невольная фраза лучше всего доказываетъ, какъ трудно встрѣтить въ Сибири дѣльнаго нѣмца. Послѣ Бэкмана прислали въ Томскъ Озерскаго, бывшаго дотолѣ инспекторомъ въ горномъ институтѣ. Говорятъ, онъ круто принялся за дѣла; въ видахъ народнаго здравія въ первое же лѣто прорывъ лишній вѣздъ на гору, усыпалъ его голешникомъ и обсадилъ деревьями; расхлопотался объ женской гимназій, о городскихъ доходахъ, строгостяхъ таксы, а главныя болѣзни края — крѣпостное состояніе 180,000 крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, недоступность лѣсовъ и минеральныхъ богатствъ для частной промышленности — не затронуты. Специалистъ, можетъ быть, по горной части, онъ совершенно чуждъ познаній, необходимыхъ губернатору; ни юристъ, ни политико-экономъ, онъ держится самихъ отсталыхъ идей русскаго законодательства и питаетъ скромное желаніе — держать губернію въ страхѣ передъ собою, а себя передъ Гасфордомъ, и блестятъ основаніемъ разныхъ учрежденій, лоттерей въ пользу бѣдныхъ и прч., устроиваемыхъ на счетъ глупаго купечества. Подъ начальствомъ Муравьева это, можетъ быть, былъ бы хорошій губернаторъ.

Неужели двадцати лѣтнее иго генералъ-губернаторовъ Западной Сибири и ихъ главныхъ правленій не кончилось; въ этомъ отдаленномъ краѣ гласность еще нужнѣе, чѣмъ въ ближайшихъ губерніяхъ. Сибирскій комитетъ запретилъ редакціямъ мѣстныхъ газетъ описывать “тяжкія времена Сибири” и не пропускаетъ подобныхъ статей о Сибири, въ столичныхъ журналахъ.

Муравьевъ колонизируетъ Амуръ; а колонистовъ нѣтъ. Онъ обратился въ Петербургъ съ просьбой; вмѣсто того, чтобъ открыть свободную колонизацію, поощрить ее привилегіями, правительство назначило на Амуръ штрафныхъ солдатъ изъ арестантскихъ ротъ; когда Муравьевъ не хотѣлъ соглашаться на эту насильственную колонизацію подъ тѣмъ предлогомъ, что арестанты не семейны, что для нихъ придется только, держать на Амурѣ усиленный гарнизонъ, пока они будутъ живы, а потомъ, когда вымрутъ, искать новыхъ колонистовъ, геніальное петербургское правительство сумѣло устранить доводы Муравьева съ свойственною находчивостью; *оно распорядилось набрать нужное число женщинъ изъ публичныхъ заведеній провинціальныхъ городовъ.*

Недавно Муравьевъ предложилъ устроить въ Красноярскѣ другую золотоплавленную печь; во всей Сибири одна такая печь въ Барнаулѣ; отсутствіе конкуренціи обезпечи-

вааетъ полный произволъ начальниковъ этой печи; золотопромышленникъ за выплавку двухъ пудовъ долженъ заплатить до 300 руб. сер. Золотопромышленникъ Зотовъ не хотѣлъ однажды платить этой пошлины, и всѣ пятьдесятъ горшковъ, въ которыхъ топилося золото, лопнули въ печи. Было очень разумно учредить другую печь въ Красноярскѣ, тѣмъ болѣе, что золотопромышленникамъ Вост. Сибири далеко возить свое золото въ Барнаулъ. Это навело ужасъ на Барнаулъ, но кабинетъ его величества облегчилъ его положеніе; онъ нашелъ, что въ Красноярскѣ опасно устроить печь, такъ какъ золото послѣ выплавки должно лежать нѣсколько мѣсяцевъ до отправления въ Петербургъ въ казенномъ анбарѣ, а въ Восточной Сибири болѣе, чѣмъ въ Барнаулѣ ссыльныхъ и другихъ опасныхъ людей. Такимъ образомъ кабинетъ нашелъ, что правительству труднѣе охранить золото, чѣмъ золотопромышленникамъ—такъ какъ то же время золоту придется пролежать на рукахъ золотопромышленниковъ. Или можетъ правительство, коварно слагаетъ свою обязанность на частныхъ людей.

Въ кабинетѣ возбужденъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ въ Западной Сибири. Публика объ этомъ ничего не слышала, и потому кабинетъ не торопится рѣшеніемъ его. Говорили объ отдачѣ въ частныя руки двухъ желѣзныхъ заводовъ на Алтаѣ; а потомъ стали говорить, что кабинетъ не хочетъ отдавать ихъ, потому что жалъ оставить механическаго заведенія недавно основаннаго при заводахъ, къ которому оно питаетъ материнскую нѣжность!

С М Ъ С Ъ.

— *Николай Николаевичъ.*—На государственномъ Хрѣновскомъ заводѣ производится ежегодно публичная продажа производителей, къ участию въ которой допускаются исключительно коннозаводчики изъ частныхъ лицъ.

В. к. Николай Николаевичъ не приравненъ къ частнымъ лицамъ даже въ отношеніи разведенія лошадей, хотя въ его пользу не созданы закономъ никакіе преимущества относительно приобрѣтенія съ казенныхъ заводовъ жеребцовъ.

Въ 1858 году произошло вотъ что: лошади, назначенныя въ продажу были подвергнуты управленіемъ завода оцѣнкѣ. Между ними находился сѣрый въ яблокахъ жеребецъ “Выгодный”, пяти лѣтъ. Къ опредѣленному сроку (концу Іюня) собрались въ Хрѣновое изъ далекихъ и близкихъ мѣстъ покупатели, съ тѣмъ, чтобы полюбовно разобрать, между собою лошадей, по оцѣнкѣ (публичнаго торга въ собственномъ смыслѣ, т. е. наддаци противъ оцѣнки не допускается), а въ случаѣ столкновенія желаній нѣсколькихъ лицъ къ приобрѣтенію одной и той же лошади, прибѣгнуть согласно правиламъ къ жребію. “Выгодный”, какъ лучшая лошадь изъ всего ремонта, непременно вызвалъ бы многихъ претендентовъ; но управленіе завода, для упрощенія дѣла, совершенно устранило соискателей отъ этой лошади и она досталась безъ жребія в. князю за 800 рублей, тогда какъ оцѣнка другихъ лошадей того же ремонта, низшихъ по достоинству, достигала до 1250 рублей, какъ напримѣръ вороной жеребецъ “Вулканъ”.

— *С. Петербургскія Вѣдомости* и на этотъ разъ приносятъ, хотя и не столько постыныя, но пріятныя и успокоительныя новости:

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія имѣютъ быть въ нынѣшнемъ году, народныя гулянья:

1-го мая и въ Троицынъ день—въ Екатеринбургѣ.

Въ Дуловъ день—въ Лѣтнемъ Саду.

1, 22 и 27-го Іюля и 26-го августа на Островахъ Благиномъ и Каменномъ, съ сожженіемъ, 1 и 22-го чиселъ Іюля, фейерверковъ.

30-го августа—въ Александровскомъ Паркѣ

— *Омское краснорѣчіе.*— Намъ (то есть не намъ, — а редакціи Спб. Вѣдомостей) пишутъ изъ Омска. 28-го Февраля, въ церкви здѣшняго кадетскаго корпуса, была отслужена панихида по усопшемъ Я. И. Ростовцовѣ. Горестное сознаніе великой утраты, понесенной этою кончиною всѣми военно-учебными заведеніями, выражалось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви воспитанниковъ и наставниковъ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ молились они объ успокоеніи труженической души вновь-преставившагося — души, горячо любившей добро и дѣтей, Царя и Россію, и славившейся неразрывно съ знаніемъ военно-учебныхъ заведеній въ послѣднія 28 лѣтъ.

Въ этой скорби семья корпусной принялъ живое участіе и присутствовалъ также при панихидѣ, попечитель здѣшняго кадетскаго корпуса, командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса и генерал-губернаторъ Западной Сибири генералъ отъ инфантеріи Г. Х. Гасфордъ съ супругою.

По окончаніи панихиды, г. попечитель обратился къ воспитанникамъ и въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ высказалъ имъ, съ какою глубокою признательностью должны они всегда чтить память Я. И. Ростовцева, и пр.

Въ-заключеніе, г. попечитель, для утѣшенія опечаленныхъ воспитанниковъ, объявилъ о полученной радостной для нихъ вѣсти, что Государь Императоръ, желая показать новое всемілостивѣйшее вниманіе къ военно-учебнымъ заведеніямъ, соизволилъ назначить Его Императорское Высочество Генерал-Фельдцейхмейстера Михаила Николаевича главнымъ начальникомъ этихъ заведеній. Высочайшая милость эта оживила грустныя сердца воспитанниковъ и исполнила ихъ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Царственному Благодѣтелю, пожелавшему еще тѣснѣе, какъ-бы родственнѣе, привязать ихъ къ себѣ.

Да полноте же, господа, вздоръ писать! стыдно,—ни мертвому, ни живому спуску нѣтъ. Уймите чиновническое краснорѣчіе, и евушью лесть!

— *Гвоздевская гласность.* “Здѣсь, — пишутъ въ письмѣ изъ Петербурга, которое мы видѣли въ оригиналѣ—дѣлаются чудеса: либералы бюрократы М. внутреннихъ дѣлъ приготовили въ тиши проэктъ объ уничтоженіи дворянскихъ выборовъ, тайкомъ читали его государю, государь дѣлалъ въ тихомолку отмѣтки, — никто ничего не зналъ; но во “внутреннихъ дѣлахъ” роется не одинъ административный либерализмъ, не одна бумага-образующая бюрократію—а вмѣстѣ съ ней чисто русской подъяческой элементъ, воплощенный въ Гвоздевѣ, (о его качествахъ, достоинствахъ и недостаткахъ, читатели *Колокола* знаютъ довольно). Гвоздевъ досталъ бумажку, и—отчаянный гласникъ, какъ былъ отчаянный цензоръ, пустилъ ее по бѣлу свѣту. Доплыветъ вѣроятно бумажка и до Лондона.”

— *По части “мерзостно-отвратительныхъ картинъ” Библиотеки для Чтенія.* ; Правда — ли, что въ канцеляріи Саратовскаго губернатора пропало курьезное дѣло о 70 лѣтнемъ помѣщикѣ Абутковѣ и о десяти лѣтней дѣвчкѣ, ему принадлежащей. Дѣло было въ Хвалымскомъ уѣздномъ судѣ? Мы слышали, что подробности этаго дѣла, еще хуже чѣмъ de Садовскія похождения другаго почтеннаго старца и Саратовскаго помѣщика Н. А. Шахматова.

— Что же Тимашева не дѣлаютъ графомъ? Поскорѣй бы... ему смертельно хочется, у него *бѣшенство карьеры* открылось, дать ему графа, онъ года на два уймется, и не будетъ изъ кожи лезть, открывая лужинскіе заговоры и не будетъ съ озабоченнымъ видомъ говорить “Je tiens dans mes mains les fils d’une conspiration immense”! Дуббельтъ обидится,—ну его княземъ. Свѣтлѣйшій Леонтій Васильевичъ, князь Дуббельтъ - Бенкендорфскій! Нѣтъ не Бенкендорфскій, а князь Дуббельтъ-*филантропскій*. Онъ въ Апрель мѣсяцъ нынѣшняго года, даже императрицу тронулъ своимъ попечательствомъ о какихъ то бѣдныхъ дѣвушкахъ (зри Моск. Вѣдом.).—Онъ и прежде былъ страшный филантропъ, и тоже по части бѣдныхъ дѣвушекъ, воспитывавшихся въ театральной школѣ, Гедеоновымъ и имъ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS. VOCO!

ЛИСТЪ 73 & 74.

15 Іюня 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, пѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian Road., N.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Горжескаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price one shilling (2 sheets).

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Августѣйшая благодарность.—Комиссія по освобожденію крестьянъ.—Переписка .к П. В. Долгорукова съ русскимъ правительствомъ.—По дѣлу Иркутской думы.—Оберъ-форъ-шнейдеръ.—Еврейскіе выборы въ Вильнѣ.—Князь Сергѣй Гагаринъ.—Г. Извольскій. Смѣсь : Тайная Полиція.—Старицкій.—Князь А. О. Голицынъ.—Псомювивый варинъ.—Помѣщичье благодущіе и губернаторское вкдущіе.—Помѣщикъ Протоповъ и Масленниціи.—Теорія свѣченія петербургской полиціи.—Сверхштатный членъ Шереметевъ.—Русскіе матросы въ Виллафранкѣ.—Отъ издателей.

АВГУСТѢЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАЗБОЙ.

“Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ доставленныхъ отъ министра финансовъ свѣдѣній о податяхъ за вторую половину 1859 года, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ государственныхъ крестьянъ поступили подати въ количествѣ превышающемъ годовой окладъ, высочайше повелѣть соизволилъ, за успѣшныя дѣйствія по взисканію съ означенныхъ крестьянъ податей въ 1859 году, объявить Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе палатамъ государственныхъ имуществъ : Виленской, Калужской, Кіевской, Тверской, Ярославской, Воронежской, Владимірской, Вятской, Костромской, Курской, Нижегородской, Псковской, Подольской, Тульской, и Харьковской.”

(С. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ 23 АПРѢЛЯ 1860.)

“Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ доставленныхъ отъ министра финансовъ свѣдѣній о податяхъ за вторую половину 1859 года, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ государственныхъ крестьянъ поступили подати болѣе годового оклада, высочайше повелѣть соизволилъ : за успѣшныя дѣйствія по взисканію съ означенныхъ крестьянъ податей въ 1859 году объявить Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе палатамъ государственныхъ имуществъ : Пензенской, Саратовской, Смоленской и Пермской.”

(С. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ 15 МАЯ 1860.)

Послѣ этого такая же благодарность палатамъ государственныхъ имуществъ—Астраханской, Минской, Орловской и Курляндской.* Очевидно, что вскорѣ со всей Россіи соберутъ податей больше годового оклада, государственнымъ бюджетомъ непредвидѣнныхъ и законнымъ образомъ не утвержденныхъ.

Что все это значитъ? Былъ ли это сборъ недоимки?—Тогда за чѣмъ же вещь не названа по имени? Но по смыслу рескрипта нельзя заключить иначе, какъ что съ крестьянъ

* По Памятной книжкѣ 1860 года мы можемъ сообщить имена атамановъ, получившихъ благоволеніе за этотъ разбой. Предсѣдатели палатъ : Виленской—Антонъ Глушановскій, Владимірской—Владиміръ Калачевъ, Воронежской—Владиміръ Черешнинъ, Вятской—Николай Гартингъ, Калужской—Викторъ Юзюковичъ, Кіевской—Семенъ Шійко, Курской—Петръ Зиновьевъ (братъ Зиновьева спасающаго наследника русскаго престола отъ образования и Зиновьева, знаменитаго набѣгомъ на Харьковскій Университетъ), Нижегородской—Павелъ Бетлингъ, Подольской—Николай Ключаревъ, Псковской—Алексѣй Капачевъ, Тверской—Владиміръ Коробьинъ, Тульской—Николай Памовичъ Воронцовъ-Вельяминовъ Харьковской—Михаилъ Мартыновъ, Ярославской—Евгеній Якушкинъ, Пензенской—Измаилъ Сумароковъ, Пермской—Константии Антоповъ, Саратовской—Николай Смиль, Смоленской—Деръ Сильванской, Астраханской—генералъ-майоръ Струвовъ, Минской—Дмитрій Готовцевъ, Орловской—Сергѣй Моисеевъ, Курляндской—Константии Китеръ. Дѣйствовали ли эти господа по приказу министерства или по собственному усердію—не знаемъ. Но если и былъ подобный приказъ—то долгъ получившаго его скорѣе оставить службу, гдѣ такой приказъ возможенъ.

Годъ IV.

были собраны подати, которыхъ имъ платить не слѣдовало излишнія, незаконныя подати, т. е. государственныя крестьяне подверглись чиновничьему разбою, да не тайному какъ взятки, а явному, съ разрѣшенія правительства, по его желанію; но признанному имъ государственному разбою. Гдѣ это слыхано? Благодарность за разграбленіе крестьянъ! И это государь объявляетъ во всеуслышаніе, не краснѣя, не подумавши, какими страшными средствами вообще собираются у насъ подати. Или государь не читаетъ того, что подписываетъ... за чѣмъ же онъ не читаетъ? Или онъ читаетъ да не понимаетъ... За чѣмъ же онъ не понимаетъ? Или онъ хотѣлъ разбой, потому что деньги понадобились?... Нельзя же однако царствовать какъ *Утѣшительный* изъ Гоголевскихъ игроковъ.

КОМИССІИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Продолженіе).

Предварительныя соображенія финансовой комиссіи редакціонныхъ комиссій и труды комиссіи для устройства земскихъ банковъ.

Едва-ли покажется страннымъ, что мы соединяемъ подъ одинъ разборъ труды двухъ разныхъ комиссій; это соединеніе естественно: оба... какъ бы ихъ назвать?... оба эти учрежденія выражаютъ мнѣніе правительства о предметахъ другъ ко другу близкихъ; оба, при полномъ довереніи на пониманіе свободы, не выходятъ изъ подъ уровня бюрократическихъ регламентацій; оба избѣгаютъ окончательныхъ заключеній, а между тѣмъ все предрѣшаютъ, приписываютъ рецепты для самыхъ мелкихъ подробностей, въ которыхъ затеривается основная мысль; оба, принимая за точку отправленія что то похожее на невмѣшательство правительства въ частныя предпріятія и сдѣлки, предлагаютъ цѣлый сводъ уложеній, не только насильственно предрѣшающихъ вопросы, но накладывающихъ на все колодки напередъ заготовленныхъ формъ; въ обонхъ непріятно осязается смѣшеніе осторожной шаткости мнѣній, смиренной робости передъ выводами—съ духомъ министерскихъ предписаній, насильственно обязательныхъ для всѣхъ слабыхъ смертныхъ, не чиновныхъ и слѣдственно

подчиненныхъ, хотя въ сущности и составляющихъ государство, но разумѣется государство безгласное, созданное для того, чтобы бюрократія могла упражняться. Оба учрежденія не выходятъ изъ переходныхъ положеній; переходныя положенія—это правительственный копекъ, безногой конекъ, но упрямый. Разница между трудами обоихъ учрежденій только въ томъ, что труды комиссій земскихъ банковъ имѣютъ полезную сторону; они составляютъ дѣльный отчетъ о всѣхъ подобныхъ учрежденіяхъ въ Европѣ, ихъ первая часть—хорошая журнальная статья; а труды финансоваго отдѣленія редакціонныхъ комиссій не имѣютъ никакой полезной стороны; они только доказываютъ шаткость правительства въ крестьянскомъ вопросѣ и смутность понятій. Виновать: обнародованіе правительственной немогуты очень полезно для воспитанія общественнаго мнѣнія.

Финансовое отдѣленіе начинаетъ съ обзора предположеній о выкупѣ; изъ этого обзора видно, что въ редакціонныя комиссіи, кромѣ проектовъ губернскихъ комитетовъ, поступило 61 частныхъ проектовъ и, что изъ 37 губернскихъ комитетовъ только 6 не упоминали о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ (Витебской, Вятской, Екатеринославской, Костромской, Черниговской и Таврической* и что двѣнадцать губерній составили болѣе подробные проекты выкупа (Гродненская, Владимірская, Минская, Московская, Могилевская, Калужская, Новгородская, Оренбургская, Рязанская, Саратовская, Тверская и Харьковская). Изъ этого обзора видно также, что высочайшее повелѣніе 27 Октября 1858 года постановило не стѣснять Тверскаго дворянскаго комитета въ изысканіи средствъ къ предоставленію крестьянамъ, по желанію помѣщиковъ, и полевой земли въ собственность; но что министерство присовокупило, что “*облегченіе сдѣлокъ* между крестьянами и помѣщиками, будетъ зависѣть не отъ мнѣній отдѣльнаго комитета, а отъ видовъ и финансовыхъ соображеній правительства.” Тутъ на первомъ шагу бросается въ глаза бездна раздѣляющая Тверское дворянство отъ правительства; и эта бездна, какъ мы впослѣдствіи укажемъ, пролегла всюду даже и въ точкѣ зрѣнія на вемскіе банки. Тверской комитетъ говорилъ о серьезномъ устройствѣ крестьянства на собственныхъ крестьянскихъ земляхъ; а правительство говоритъ только объ облегченіи сдѣлокъ. Тверской комитетъ выражаетъ серьезную государственную мысль, а правительство играетъ въ неопредѣленные слова. Тверской комитетъ выступилъ не во имя какого нибудь отдѣльнаго помѣщичьяго интереса; онъ поставилъ общую государственную задачу и свои мѣстныя, кантональныя, волостныя средства разрѣшить ее, а правительство ему отвѣчаетъ, что государство не станетъ смотрѣть на кантональныя требованія и средства, что оно имѣетъ глубокомысленные виды и соображенія на счесть облегченія сдѣлокъ и слѣдственно имѣетъ ипую задачу. Какъ же было не сослать Унковскаго? Пока правительство не пойметъ, что цѣлое не должно быть враждебно частямъ, что волостной интересъ (разумѣется общій, а не сословный) имѣетъ право на самостоятельную жизнь и на голосъ въ общемъ конфедеративномъ государственномъ дѣлѣ, — до тѣхъ поръ между кантонами (губерніями) и правительствомъ останется бездна непримиримая.

* Таврическій комитетъ вѣроятно предчувствовалъ, что Татары уйдутъ въ Турцію и оставятъ пустопорожнія земли. Le Nord силится доказать, что это переселеніе Татаръ совершается изъ религіозныхъ причинъ, а намъ сдается что они просто бѣгутъ отъ администраціи, которая имъ кажется черезъ чуръ татарской.

Шесть комитетовъ принимаютъ выкупъ обязательный (Владимірскій, Новгородскій, Могилевскій, Оренбургскій, Калужской и Тверской).

Изъ этого обзора можно видѣть положеніе Русскаго дворянства относительно выкупа, Шесть губерній, не упомянувшихъ о немъ, стоятъ отдѣльно и слѣдственно представляютъ исключеніе изъ общаго мнѣнія. Двѣнадцать губерній невольно взяли формулировать общее требованіе выкупа; половина изъ нихъ принимаетъ выкупъ обязательный. Вообще въ мысли о выкупѣ дворянство не расходится съ народомъ; и такъ общая потребность Россіи — выкупъ; обязательный или по добровольнымъ соглашеніямъ — голоса раздѣлились по ровну. Куда же примкнетъ правительство и его органъ — редакціонныя комиссіи? Есть ли у правительства живое слово?... Нѣтъ! Редакціонныя комиссіи, нагородивъ тьмы подробностей по крестьянскому вопросу, представляютъ о выкупѣ самыя тощенькія и нерѣшительныя соображенія, и дѣлая исключительно переходное положеніе, какъ и слѣдовало ожидать — примыкаютъ къ сторонѣ добровольныхъ соглашеній, т. е. къ сторонѣ наименѣе живой, не замѣчая, что пока они соображаютъ, — въ общественномъ мнѣніи необходимость обязательнаго выкупа растетъ и большинство голосовъ очутится не на сторонѣ правительства. Что же дѣлать провинціямъ съ мнѣніями редакціонныхъ комиссій, т. е. съ правительственными мнѣніями? Да что?... Оставить мертвымъ хоронить мертвыхъ — и дѣлать свое дѣло по мимо ихъ. Проектъ и адреса изъ губерній показываютъ только, что дѣйствительная жизнь Россіи въ провинціяхъ, а не въ столицахъ, въ стремленіяхъ къ провинціальному самоуправленію, а не въ петербургской централизаціи.

Большая часть губернскихъ комитетовъ, для оцѣнки выкупаемыхъ надѣловъ, принимаютъ капитализацію повинностей, иные капитализацію ренты, другіе капитализацію дохода, встрѣчается и предположеніе нормальныхъ цѣнъ по величинѣ надѣла, встрѣчается наконецъ и оцѣнка особыми учрежденіями по ихъ усмотрѣнію.

Мы даже нашли, въ журналѣ землевладѣльцевъ, предложеніе Желтухина основать выкупъ на оцѣнкѣ барщинской повинности, потому что трехъ-дневная барщина всѣмъ извѣстна и слѣдственно мѣра выкупа была бы общая для всей Россіи, а по удобству сравненія съ цѣнами на вольнонаемную работу, этотъ способъ оцѣнки гораздо легче оцѣнки доходовъ или опредѣленія нормальныхъ цѣнъ.

Но не входя въ особое обсужденіе этого предположенія, мы изъ всѣхъ данныхъ можемъ заключить только одно, что затруднительность оцѣнки совершенно призрачна, и что всѣ способы въ сущности сводятся на одно и то же. Что такое капитализація повинностей? Принятіе того, что крестьяне платятъ помѣщику оброкомъ или работой за процентъ съ капитала, который состоитъ въ земельномъ надѣлѣ. Что такое капитализація ренты? Сведеніе всѣхъ повинностей на оброкъ и капитализація obroka, т. е. капитализація тѣхъ же повинностей. Что такое капитализація дохода? Приведеніе въ ясность, сколько помѣщикъ получаетъ дохода отъ крестьянскаго труда, т. е. сведеніе труда на ренту, т. е. капитализація тѣхъ же повинностей. Капитализація барщинскихъ повинностей также ничто иное какъ сведеніе труда на ренту и капитализація тѣхъ же повинностей; только ошибка въ томъ, что вольнонаемная плата, если она высока,

то для наименее выгодна; но если на оборот оцѣнить по этой платѣ крѣпостной трудъ въ пользу помѣщика, то оцѣнка будетъ дорога и вся невыгода падеть на крестьянъ. Нормальная цѣна надѣла — обратная постановка того же вопроса: требуется сперва опредѣлить капиталы потомъ проценты. Но для опредѣленія капитала надо повторить прежній процессъ, т. е. опредѣлить ренту и капитализировать ее, иначе цифры будутъ ни на чемъ не основаны и если Смоленскій комитетъ положилъ цѣну надѣла въ 80, 40, 20 и 10 рублей за 1^ю 2^ю 3^ю и 4^ю десятины, то онъ напередъ въ своемъ умѣ долженъ былъ совершить капитализацію ренты, иначе — цифры совсѣмъ произвольны и необдуманны, т. е. никуда не годятся. Оцѣнки черезъ особые учреждения — это только снятіе съ себя труда оцѣнки и передача ея въ руки посредника, который опять прибѣгнетъ къ капитализаціи ренты. Изъ этого мы не выходимъ, потому что способъ одинъ и тотъ же; результатъ во всякомъ случаѣ будетъ только приблизительный, и если, оградивъ существующій надѣлъ,* мы положили бы выкупъ по столько то за душу, что можетъ всего короче, то и тутъ дѣло не измѣнится — и въ результатѣ мы придемъ къ одинакой, приблизительной цифрѣ.

Что результатъ цифры приблизительно одинаковъ, это можно вывести изъ слѣдующихъ данныхъ. По обзору финансовою отдѣленія, разные губернскіе комитеты, принявшіе такой или иной способъ капитализаціи, капитализируютъ изъ различныхъ процентовъ, изъ 5, 6, 7, 8 и даже 10%. Возьмемте капитализацію изъ 10%. Первое бросается въ глаза то, что ея не существуетъ и что финансовое отдѣленіе взвело эту капитализацію на Харьковскій комитетъ *впрямую по небрежности*. Харьковскій комитетъ полагаетъ: “для опредѣленія цѣны принять въ основаніе самый меньшій чистый, по 10^{ти} лѣтней сложности, годовой доходъ отъ десятины земли, составляющій въ болѣе населенныхъ уѣздахъ 6 р. 32 коп. Капитализируя эту цифру, по смыслу 1977 ст. Т. X св. зак. къ 10%, — обнаружится стоимость десятины земли 63 р. сер.” Но..... Вотъ на это то: *но*, финансовое отдѣленіе и не обратило вниманія, но, вслѣдствіе разпыхъ соображеній, Харьковскій комитетъ уменьшаетъ эту цѣну до 48 р. въ болѣе населенныхъ уѣздахъ и до 40 р. въ менѣе населенныхъ уѣздахъ, или (по отношенію уѣздовъ = 8 : 3) среднимъ числомъ до 45 р. 81 коп. за десятину, что составитъ дѣйствительную капитализацію изъ менѣе 8%.† Мы не споримъ, что Харьковскій комитетъ оцѣнилъ и тутъ землю слишкомъ дорого; средняя продажная цѣна населенныхъ имѣній въ Харьковской губерніи 25 р. 12 коп. за десятину,‡ и какъ ни натягивай пониженіе цѣны на неудобную и повышение на удобную землю, — все не дойдешь до 45 р. за десятину; но тѣмъ не менѣе это обвиненіе Харьковскаго комитета въ капитализаціи изъ 10% — сильно заставляеть

* Безъ всякаго сомнѣнія наименьшій размѣръ долженъ быть опредѣленъ, потому что найдутся и такіе помѣщики, которые давали крестьянамъ земли слишкомъ мало, и тогда надо добавить до опредѣленнаго наименьшаго размѣра; но тамъ гдѣ надѣлъ больше — его необходимо признать за крестьянами какъ онъ есть. Спросить: что же сдѣлаютъ крестьяне съ лишней землею? Во первыхъ лишней земли нѣтъ, а если есть — они ее продадутъ, или примутъ переселенцевъ.

† Харьк. Ком. полагаетъ годовой взносъ за выкупъ 315,824 десятины 1,091,484 р. т. е. 3 р. 45 к. съ десятины; капитализація 3 р. 45 к. изъ 8% дастъ 43 р. 12 к. за десятину.

‡ Свѣденія о продажныхъ цѣнахъ на земли. Выпускъ 1. Изд. земскаго отдѣла М. В. Д. 1859.

насъ сомнѣваться въ *непогрѣзительности* цифръ и выводовъ редакціонныхъ комиссій и приводитъ насъ къ заключенію, что капитализація доходовъ изъ 8% высшій предѣлъ капитализаціи. Эта капитализація принята и Калужскимъ комитетомъ,* только съ болѣе опредѣленнымъ учетомъ чистаго дохода чѣмъ бездоказательное опредѣленіе чистаго дохода Харьковскимъ комитетомъ. Но что же выходитъ въ результатѣ?

Харьковскій комитетъ даетъ на душу 1½ десятины полевой и 400 сажень усадебной земли, рассчитывая за полевую 72 р. за усадебную 24 р. и того за весь надѣлъ 96 р. — Калужскій комитетъ даетъ 2 десятины земли (84 р. за полевую и 36 р. за усадебную землю) и цѣнить весь надѣлъ на душу въ 120 р. — И тотъ и другой комитеты полагаютъ выкупной платежъ съ погашеніемъ въ 6% (5% помѣщику, 1% погашенія). По расчету Харьковскаго комитета выходитъ 5 р. 76 к. съ души, по расчету Калужскаго 7 р. 20 к. — Прибавивъ ½ десятины надѣла въ Харьковской губерніи, — расчетъ выходитъ одинаковъ. Конечно въ комитетахъ другихъ губерній цифра годоваго выкупнаго платежа не можетъ превышать этой цифры, потому что они принимаютъ выкупной платежъ или тѣже 5% и погашеніе, или 4½ и даже 4% и погашеніе. Не имѣя ихъ подъ рукою, мы обращаемся къ расчету V книжки голосовъ изъ Россіи, гдѣ при 4% расчетѣ и ½% погашенія, при капиталѣ въ 130 р. на душу выходитъ годоваго выкупнаго платежа по 5 р. 50 к. съ души, т. е. почти таже сумма, какъ и при капитализаціи изъ 8%, и выкупнаго платежа въ 5% и 1% погашенія.

Чтоже это доказываетъ? Это доказываетъ, что настоящій доходъ помѣщика, который всѣ инстинктивно имѣли въ виду при оцѣнкѣ, т. е. доходъ съ крестьянскаго труда около 5 р. съ души, и что принявъ это за основаніе — вы можете капитализировать какъ угодно; но такъ какъ этотъ доходъ получался при существующемъ надѣлѣ, то необходимо оставить крестьяномъ существующій надѣлъ вообще какъ онъ есть, только въ тѣхъ случаяхъ прилагая опредѣленіе меньшаго размѣра, когда надѣлъ найдется до невозможности уменьшеннымъ по жадности помѣщика, увы! не совсѣмъ несродной благородному російскому дворянству. Отсюда выйдеть, что нормальная цѣна, изъ которой мы не выпутаемся, приблизительно, сто рублей за душу при существующемъ надѣлѣ, и 5%, т. е. приблизительно 5 рублей съ души ежегодной ренты и 1% погашенія, т. е. годовая выкупная уплата 6% или 6 р. съ души въ теченіи 33 лѣтъ. Это выйдеть въ 33 года по пяти тысячъ рублей сер. оброку въ годъ съ 1,000 душъ и капиталъ въ сто тысячъ рублей. Надо признаться, что, *за скидкой недоимки*, едва ли гдѣ 1,000 душъ платятъ оброка больше, кромѣ рѣдкихъ случаевъ.

Это значитъ, что во всей Россіи крѣпостное населеніе, около одиннадцати милліоновъ душъ, платя ежегодно 66 милліоновъ, заплатятъ въ 33 года выкупа тысячу сто милліоновъ рублей серебромъ. Всѣ расчеты вертятся около этой цифры.

Разумѣется чѣмъ дешевле земля, тѣмъ больше надѣлъ. Крестьяне охотно станутъ платить по 6 руб. съ души 33 года за свободу и достаточный надѣлъ. Мы не можемъ теперь обращать вниманія на повсемѣстное равенство надѣловъ; это

* Ксожалѣвію мы кромѣ проектовъ Харьковскаго и Калужскаго комитетовъ, никакихъ не имѣемъ, и потому ничего не можемъ сказать о капитализаціи изъ 5% Владимирскаго меньшинства.

задача грядущих поколѣній и договоровъ на иныхъ условіяхъ, основанныхъ на томъ уравнительномъ географическомъ распредѣленіи человѣческаго рода, къ которому онъ безъ сомнѣнія стремится, но котораго въ наше время онъ достигъ не въ силахъ.

Какъ же рѣшило финансовое отдѣленіе задачу оцѣнки?... Пикакъ. Оно предоставило рѣшеніе полюбовнымъ соглашеніямъ, что и значить вовсе не рѣшить задачи. Оно искренно или не искренно пристегнулось къ мнѣнію Ростовцева; вотъ оно:

“Выкупъ и продажа земель обязательны и несправедливы и неполезны.

“Несправедливы они и для помѣщика, и для крестьянина: для помѣщика потому, что онъ былъ бы обязанъ продать свою землю по нормальной оцѣнкѣ, определенной правительственными учрежденіями; для крестьянина потому, что онъ былъ бы поставленъ въ обязательную необходимость купить именно такую собственность, приобретаемую которую онъ, по своимъ расчетамъ, считалъ бы, можетъ быть, невыгоднымъ.

“Не полезны потому, что обязательные выкупъ и продажа земель несколько не были бы и дѣйствительны для предотвращения срочно-обязаннаго періода, такъ какъ для оцѣнки всѣхъ имѣній въ Россіи, посредствомъ какихъ бы то ни было комиссій, потребовалось бы, конечно, нѣсколько лѣтъ, слѣдственно срочно-обязанный періодъ сдѣлался бы все-таки неизбеженъ.”

Выписавъ это мнѣніе, финансовое отдѣленіе продолжаетъ:

“Такимъ образомъ, если бы Правительство приняло начало обязательнаго выкупа, то не только цѣль защитниковъ онаго не была бы достигнута, но и возродились бы новыя непреодолимые затрудненія. Одна общая оцѣнка для всѣхъ имѣній была бы очевидно невозможна. Надлежало бы открыть кадастръ одновременно во всей Россіи, для чего не достало бы ни вещественныхъ средствъ, ни надежныхъ исполнителей. Такая многосложная операція, при обширности прострѣяствъ и разнообразіи мѣстныхъ обстоятельствъ, не ускорила бы, а значительно замедлила правильный исходъ крестьянскаго дѣла. Наконецъ принужденіе и помѣщиковъ и крестьянъ къ непремѣнному выкупу (не говоря о нравственномъ насиліи подобнаго способа, несовмѣстнаго съ условіями правильнаго государственнаго развитія), лишило бы са заинтересованныя стороны возможности устроиться, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, инымъ образомъ, болѣе согласнымъ съ ихъ нуждами и сообразнымъ видамъ правительства относительно устройства земледѣльческаго населенія.

“Финансовая Коммиссія не можетъ также умолчать, что примѣненіе насильственныхъ мѣръ ко всякой кредитной операціи уничтожаетъ главное условіе ея успѣха, ибо подрываетъ въ самомъ корнѣ нравственное довѣріе, — эту первую основу государственнаго кредита. При такихъ обстоятельствахъ, внезапный выпускъ огромнаго количества кредитныхъ бумагъ не могъ бы считаться безопаснымъ. Новыя бумаги выпускаемыя въ обращеніе не по добровольному требованію приобретателей, а лишь по мѣрѣ окончанія выкупныхъ оцѣнокъ, подвергались бы не мнимо значительнымъ колебаніямъ и упадку курса. Устранить это было бы не во власти Правительства, еслибъ оно, возложивъ на землевладѣльцевъ обязательный выкупъ, вмѣстѣ съ тѣмъ связало и себя подобнымъ обязательствомъ.

“Напротивъ того, принявъ за коренное условіе выкупа добровольныя соглашенія, Правительство получитъ возможность найти прочное основаніе къ исполненію выкупной операціи, съ полнымъ огражденіемъ своего кредита отъ всѣхъ случайностей, а землевладѣльцевъ отъ напрасныхъ потерь.

“Защитники обязательнаго выкупа выставляютъ обыкновенно сомнѣніе въ возможности добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. Это опасеніе едва ли оправдывается на дѣлѣ.”

Это “такимъ образомъ” финансовой комиссіи сказано, какъ будто уже и сомнѣваться нечего: Ростовцевское мнѣніе свято и непреложно и лучше всякихъ логическихъ и фактическихъ доказательствъ. Финансовая комиссія ни мало не задумалась—да точно ли обязательный выкупъ земли не будетъ дѣйствителенъ для предотвращения срочно-обязаннаго періода? Она даже не замѣтила, что выкупъ и срочно-обязанное положеніе—два понятія, которыя другъ друга исключаютъ, и тотчасъ начинаетъ пугать трудностью повсемѣстнаго кадастра. Во-первыхъ мы не видимъ почему по-

всемѣстный кадастръ труднѣе повсемѣстныхъ инвентарей, необходимыхъ для срочно-обязаннаго положенія,—а вторыхъ для выкупа вовсе не нужно этого предварительнаго кадастра. Достаточно принять границы существующаго надѣла и извѣстный *minimum* въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики давали крестьянамъ слишкомъ мало земли, чтобы опредѣлить приблизительно цифру выкупа—или разверстывая общій доходъ на число десятинъ и капитализируя доходъ съ десятины, или просто положивъ опредѣленный выкупъ, который ошутительно вездѣ вертится около ста рублей съ души. Финансовая комиссія даже не видитъ, что срочно-обязанное положеніе гораздо болѣе насиліе, чѣмъ обязательный выкупъ потому что на выкупъ обѣ стороны согласны, а на срочно-обязанное положеніе никто. Она смотритъ на обязательный выкупъ какъ на грѣхъ передъ абсолютной справедливостью и несообразность съ *видами правительства относительно устройства земледѣльческаго населенія*. Мы не знаемъ почему именно срочно-обязанное положеніе съ его мелко-подробными, но все же произвольными оцѣнками каждаго рабочаго шага и охранительной системой розогъ—болѣе удовлетворяетъ абсолютную справедливость чѣмъ обязательный выкупъ; а виды правительства на такое устройство земледѣльческаго населенія, какого это населеніе не хочетъ—мы не можемъ признать; такіе виды не только далеки отъ всякаго понятія справедливости, но даже отъ всякаго здраваго понятія государственной жизни. Правительство обязано сообразоваться съ общественными потребностями, а виды его на переکورъ общему желанію, не нужны и вредны, даже для него самаго опасны; разумѣется мы здѣсь не говоримъ о какихъ нибудь сословныхъ, на примѣръ дворянскихъ интересахъ, съ которыми бы исключительно сообразовалось правительство, а о томъ, что срочно-обязаннымъ положеніемъ оно идетъ на переکورъ цѣлому народу..... да еще вдобавокъ здравому смыслу, который не можетъ питать ни малѣйшей нѣжности къ переходнымъ положеніямъ, и допуская ихъ только въ случаяхъ очевидной неизбежности, конечно никогда не захочетъ создавать ихъ насильно.

Финансовая комиссія боится, что “примѣненіе насильственныхъ мѣръ ко всякой кредитной операціи уничтожаетъ главное условіе ея успѣха, ибо подрываетъ въ самомъ корнѣ нравственное довѣріе—эту первую основу государственнаго кредита.” Краснорѣчиво—но фраза. Подъ этой фразой кроется непониманіе того—какая мѣра насильственна, какая нѣтъ, непониманіе нравственнаго довѣрія, и боязнь мнимо-государственныхъ людей за то, какъ бы правительству не пришлось поручиться за выкупъ, а оно ручаться не въ силахъ, потому что несостоятельно.

Когда государство въ натянутомъ положеніи, интересы одного сословія и интересы народа дошли до той крайней противоположности, гдѣ надо или принять общую мѣру для спасенія кредита и жизни, или рухнуть,—принятіе такой общей мѣры есть ли насиліе и подрывъ кредита, или наоборотъ—общая необходимость и поддержаніе кредита? Мы думаемъ—и надѣмся на согласіе всѣхъ людей, неизвращенныхъ сословнымъ невѣжествомъ и бюрократической наукой, изъ которыхъ мы не знаемъ что хуже—мы думаемъ, что мѣшать принятію общей мѣры дѣйствительно насиліе, а сама общая мѣра такая же необходимость государственной жизни, какъ въ растительной жизни необходимъ плодъ послѣ цвѣтенія;

мѣшать этому жизненному процессу, вотъ что составляетъ насильственную мѣру. Обязательный выкупъ въ данную минуту единственное средство для мирнаго исхода крестьянскаго вопроса и для основанія той экономической жизни государства, къ которой оно, по существующимъ даннымъ, естественно способно. Мѣшать этому дѣлу—чистое насиліе.

Почему обязательный выкупъ подорветъ нравственное довѣріе, а срочно-обязанный періодъ и добровольныя соглашенія не подорвутъ? Сказать это утвердительно очень легко, а доказать не лѣзя. Все доказательство финансовой комиссіи въ пользу нравственнаго довѣрія, внушаемаго добровольными соглашеніями, состоитъ въ возраженіи людямъ сомнѣвающимся въ ихъ возможности: “Это опасеніе едва-ли оправдывается на дѣлѣ.” На этомъ шаткомъ *едва-ли* не лѣзя строить никакого соображенія. Надо замѣтить, что добровольное соглашеніе обязательно. Еслибъ оно было не обязательно—о немъ и говорить нечего: все останется какъ есть. Чтоже такое обязательное добровольное соглашеніе? Это учрежденіе войны, гдѣ возможенъ не договоръ, а примиреніе послѣ побѣды съ чьей нибудь стороны, т. е. съ одной стороны совершенная уступка. Если крестьяне уступятъ естественно-корыстнымъ требованіямъ большинства помѣщиковъ,—они будутъ не въ состояніи платить выкупъ. Гдѣ-же тутъ малѣйшая тѣнь нравственнаго довѣрія? Или помѣщики уступятъ, имѣя въ виду возможность не уступить? Нѣтъ—не уступятъ. Но тогда вмѣшается правительство..... куда-же мы придемъ? Опять къ обязательному выкупу? Легче же съ него и начать.

Но финансовая комиссія имѣетъ свои заднія мысли. Она говоритъ на стр. 10ой, боясь за правительственную поруку: “Быть можетъ съ устройствомъ земскихъ банковъ, представится также возможность оказывать крестьянамъ пособія ссудами или *другими мѣрами* при покупкѣ ими поземельной собственности. Во всякомъ случаѣ не лѣзя не замѣтить, что услуги кредита могли бы имѣть самое существенное вліяніе на улучшеніе крестьянскаго сельскаго хозяйства и на постепенное образованіе *семейныхъ наследственныхъ* участковъ.” Увы! въ послѣдствіи и комиссія для устройства земскихъ банковъ, это нѣжное дитя редакціонныхъ комиссій, не пошла далѣе такой же надежды на возможность пособія выкупу земскими банками и не связала жизненно своей задачи съ задачей выкупа. Но объ этомъ послѣ. Любимая, задняя мысль финансовой комиссіи—образованіе семейныхъ, наследственныхъ участковъ. Конечно слѣдовало бы прежде спросить чего хотятъ селы; хотятъ ли они разрушенія общиннаго землевладѣнія или нѣтъ; но эта задняя мысль по крайней мѣрѣ логично вяжется съ любовью къ добровольнымъ соглашеніямъ. На этомъ пути помѣщики по частнымъ сдѣлкамъ отпускаютъ въ тридорого богатыхъ крестьянъ, даже можетъ вовсе безъ земли или съ наследственной усадьбой, а потомъ войдутъ въ обязательныя добровольныя соглашенія съ остальными, и не согласясь придутъ къ обязательному выкупу, такъ что помѣщикъ получитъ часть выкупа въ тридорого и на первый случай подумаетъ, что сдѣлалъ богатую афферу; богатый крестьянинъ заплатитъ втрое чѣмъ бы заплатилъ по общему выкупу; община пошатнется и на небогатыхъ крестьянъ и на самихъ помѣщиковъ ляжетъ гора премудрости бюрократическихъ предписаній. Но во всемъ этомъ нравственнаго довѣрія—корня государственнаго кредита—нѣтъ.

Впрочемъ финансовая комиссія и боится обязательнаго выкупа—не столько отъ подрыванія корня нравственнаго довѣрія, сколько отъ внезапнаго выкупа огромнаго количества кредитныхъ бумагъ. Но кредитныя бумаги бываютъ разнаго значенія. Иные представляютъ совокупную производительность цѣлаго края. Сюда относятся всякія облигаціи или билеты поземельныхъ кредитныхъ учрежденій; капиталъ ихъ представляетъ часть цѣнности—не земли, а цѣлаго имѣнья, всего богатства трудомъ выращеннаго изъ земли; процентъ ихъ представляетъ часть дохода съ этого имѣнья. Уплата по нимъ обезпечена совокупной производительностью имѣнья; курсъ ихъ также мало шатокъ какъ самая эта производительность. Другія кредитныя бумаги представляютъ только звонкую монету; эти бумаги по мѣрѣ сплыва и наплыва звонкой монеты мѣняются въ курсѣ. Если наплывъ монеты слишкомъ великъ, они ничего не выигрываютъ, потому что монета дешевѣетъ, а въ нихъ нѣтъ надобности; если сплывъ слишкомъ великъ, они все проигрываютъ, потому что ничего не представляютъ. Сюда относятся и правительственныя векселя, т. е. бумажныя деньги всякаго рода. Ихъ упадокъ у насъ тѣмъ вѣроятнѣе, что у насъ сплывъ монеты становится дѣломъ постояннымъ и правительственныя кредитныя знаки все меньше и меньше представляютъ какую-либо цѣнность. Гдѣ же тутъ правительству ручаться за другихъ! Мы совершенно раздѣляемъ опасенія финансовой комиссіи.

Не смотря на эти опасенія финансовая комиссія полагаетъ въ числѣ трехъ коренныхъ началъ, которые имѣетъ въ виду, слѣдующее: “Предложить помѣщикамъ вѣрное обезпеченіе въ полученіи выкупной суммы.”

Почему же не предложить? Примутъ. Только кто же предложитъ это обезпеченіе? Дома—правительственныя бумаги въ упадкѣ; за границей—денегъ въ займы не даютъ. Чѣмъ же правительство обезпечитъ? Договоримтесь: дворянство, въ большей части проэктовъ, требуетъ гарантіи правительства совсѣмъ не по финансовому инстинкту, а по полицейскому. Оно требуетъ полицейской гарантіи правительства, т. е. мужикъ не платитъ, ну! правительство посѣчетъ—онъ и заплатитъ. Въ экономическомъ смыслѣ полицейская гарантія не представляетъ дѣйствительной поруки: высѣчь мужика можно, но высѣчь изъ неимущаго денегъ—не лѣзя; слѣдственно полицейская порука правительства была бы только бесполезнымъ вмѣшателствомъ бюрократіи; а другой поруки, оно взять на себя не въ силахъ. Корень нравственнаго довѣрія къ нему давно высохъ. Да и гдѣ тутъ быть нравственному довѣрію къ правительству, которое Панину поручаетъ освобожденіе народа, Муравьева благодаритъ за незаконный поборъ съ крестьянъ, ищетъ спасенія отъ неизбѣжной несостоятельности въ винныхъ откупахъ и наказываетъ за трезвость какъ за преступленіе. Оно видимо бѣдно и въ умственномъ и въ финансовомъ отношеніи, хотя баринъ еще и даетъ сотни тысячъ на водку разнымъ дворцкимамъ.* Но въпрочемъ финансовая порука правительства сама по себѣ *non sens*, если не представляетъ общественной поруки; а общественная порука нисколько не нуждается въ этомъ представительствѣ; она можетъ выразиться и по мимо

* Недавно Адлербергъ перъ получилъ ни за что ни про что 200 т. р. с., а Адлербергъ вѣсь 50 т. Мина Ивановна ничего не получила; ну—да старика самъ дастъ.

правительства, и общественное обезпеченіе вѣрнѣ всякаго правительственнаго обезпеченія. Отъ полицейскаго же обезпеченія боже избави; это значитъ позволить чиновникамъ сѣсть всѣмъ и каждому на шею.

Но мы успокоимъ финансовую комиссію: правительственная порука не нужна; ненужность эта съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе уяснится и дворянству и народу, и они будутъ искать взаимнаго обезпеченія, по мимо всѣхъ переходныхъ положеній, сколько бы ихъ правительство ни учредило, и вообще—по мимо правительства. Общественная самостоятельность въ дѣлѣ выкупа тѣмъ удобнѣе, что не стремясь къ общей мѣрѣ отъ Торнео до Тифлиса и отъ Одессы до Камчатки, каждая губернія создастъ свой общественный банкъ, основанный на общей круговой порукѣ всѣхъ сословій и свое выборное управленіе, котораго зародышь равно лежитъ и въ дворянской грамотѣ, и въ уставѣ государственныхъ крестьянъ, что уже признано сводомъ законовъ, и въ народной жизни, сводомъ законовъ еще не признанной. Когда дворянство и народъ поймутъ, что выкупъ гораздо легче учредится по мимо правительства общей мѣрой для каждой мѣстности, способной составить одну цѣлую провинцію,—тогда начнется спасеніе и развитіе Россіи, а правительство, какъ мохровый пустоцвѣтъ изъ нѣмецкой оранжереи, пусть себѣ живетъ на дворцовой набережной и наслаждается благами жизни, пока отъ старости и немогуты, колѣна подогнутся, руки повиснутъ какъ тряпки, голова опустится и глаза закроются.....

Н. ОГАРЕВЪ.

(Продолженіе впрѣдъ).

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ П. В. ДОЛГОРУКОВА

съ

РУССКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.*

(Переводъ съ французскаго).

I.

ПИСЬМО КЪ РУССКОМУ ПОСЛУ ВЪ ПАРИЖЬ,

ГРАФУ П. Д. КИСЕЛЕВУ.

Парижъ, 3/15 Апрѣля 1860.

Господинъ Посоль,

Вы меня пригласили захватить въ посольство, и предложили мнѣ три вопроса, прося дать вамъ отвѣтъ письменный, для доставленія правительству.

1) Согласенъ-ли я взять изъ продажи книгу мою: *Правда о Россіи*?

2) Согласенъ-ли я оставить Парижъ?

3) Считаю-ли я себя русскимъ подданнымъ?

На первые два вопроса я отвѣчаю рѣшительно: *нѣтъ*; на третій вопросъ: *да*.

Я выселился въ чужіе края по истинному, глубокому убѣжденію въ пользѣ и непремѣнной необходимости гласности для Россіи. Не повторяя здѣсь того, что уже высказано въ моей книгѣ, прибавлю только, что безъ гласности, намѣренія самыя честныя, самыя благія безсильны направить какую-бы то ни было страну на путь преуспѣванія. Эмиграція моя не есть послѣдствіе минутнаго увлеченія — въ мои лѣта уже такъ не увлекаются—она есть развязка плана, издавна задуманнаго, въ теченіи многихъ лѣтъ меня занимавшаго и съ

* Князь П. В. Долгоруковъ передалъ намъ лично, эту характеристическую переписку: спѣшимъ подѣлиться ею съ читателями Колокола. Под.

величайшею осторожностью приведеннаго въ исполненіе. Плапъ этотъ принялъ начало свое въ чувствѣ искренней, пламенной и безграничной привязанности моей къ родному краю, къ народу русскому, среди коего я имѣлъ счастье родиться. Поселясь нынѣ въ чужихъ краяхъ, въ положеніи матеріально-обезпеченномъ, я считаю долгомъ честнаго гражданина, долгомъ истиннаго Русскаго писать о Россіи и говорить истину отечеству моему, безпредѣльно мною любимому.

Книга моя *Правда о Россіи*, вовсе не направлена противъ личностей, но противъ злоупотребленій и противъ существующаго у насъ плачевнаго порядка вещей. Въ книгѣ этой имя Е. В. Государя Александра Николаевича пронесено не только съ чувствомъ почтенія, но еще и съ чувствомъ признательности, столь понятной относительно Государя, исполненнаго благихъ намѣреній. Въ положеніи *совершенно-независимомъ*, въ которое я себя нынѣ поставилъ, слова мои не могутъ быть конечно приняты за голосъ лести; я могу говорить все, что думаю, и выраженія почтенія и признательности—отголосокъ чувствъ чловѣка свободнаго, истиннаго патріота.

Отказаться отъ жительства въ Парижѣ я не вижу никакой причины: напротивъ, на будущее время я буду ежегодно проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ городѣ.

Перемѣнить свою національность можно только изъ причинъ самыхъ важныхъ, особенно чловѣку, любящему свое отечество какъ я люблю его. Я считаю себя Русскимъ подданнымъ, но, если-бы русскому правительству пришла мысль меня преслѣдовать, то я принужденъ буду поставить себя подъ покровительство другой державы.

На будущее время я предполагаю издать слѣдующія книги:

1) Россія съ 1847 по 1859 годъ;

2) Исторія заговора 14 Декабря 1825 года;

3) Исторія Россіи;

4) Записки о Россіи, съ 1682 по 1834 годъ;

5) Біографическій и родословный словарь русскихъ фамилій;

6) Мои собственныя Записки, начатыя съ 1834 года (они ускользнули отъ осмотра бумагъ моихъ, произведеннаго III отдѣленіемъ въ 1843 году).

Примите, господинъ Посоль, пзъявленіе моего почтенія.

Князь Петръ Долгоруковъ.

II.

Россійское Генеральное
Консульство въ
Велико-Британіи,
No. 497.

No. 32, Great-Winchester-Street,
10/22 Мая 1860 года.

Нижеподписавшійся, Управляющій Генеральнымъ Консульствомъ, имѣя сообщить Князю Долгорукову официальную бумагу, проситъ сдѣлать ему честь пожаловать въ Консульство послѣ-завтра въ Четвергъ, во второмъ или въ третьемъ часу по-полудни.

Ф. Гротъ.

III.

Лондонъ, Claridges-hôtel, Brook-Street,
10/22 Мая 1860 года.

Если господинъ Управляющій Генеральнымъ Консульствомъ имѣетъ сообщить мнѣ бумагу, то прошу его сдѣлать мнѣ честь пожаловать ко мнѣ въ Claridges-hôtel, въ Пятницу 13/25 Мая, во второмъ часу по-полудни.

Петръ Долгоруковъ.

IV.

Россійское Генеральное
Консульство въ
Велико-Британіи,
No. 498.

No. 32, Great-Winchester-Street,
12/24 Мая 1860 года.

Нижеподписавшійся, Управляющій Генеральнымъ Консульствомъ, имѣетъ порученіе пригласить Князя Долгорукова немедленно возвратиться въ Россію, въ слѣдствіе Высочайшаго о томъ повелѣнія. Нижеподписавшійся проситъ Князя Долгорукова почтить его увѣдомленіемъ о полученіи сего сообщенія.

Ф. Гротъ.

V.

Записка Кн. П. В. Долгорукова, въ отвѣтъ на объявленное ему Управляющимъ Россійскимъ Генеральнымъ Консульствомъ Высочайшее повелѣніе немедленно возвратиться въ Россію.

Лондонъ, Claridges-hôtel,
Brook-Street, 13/25 Мая 1860 года.

Издавая книгу мою: *Правда о Россіи*, и объявляя о будущемъ изданіи мною другихъ книгъ, я дѣйствовалъ по внушенію искренней любви къ отечеству, но ни одной минуты не сомнѣвался, что моя откровенность и мой либеральный образъ мыслей навлекутъ на меня ненависть всѣхъ стародуровъ, равно и всѣхъ бюрократовъ носящихъ либеральную маску, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые живутъ злоупотребленіями или извлекаютъ изъ нихъ пользу. Ненависть подобныхъ людей приписитъ честь тѣмъ, которые ея удостоиваются. Но самые злѣйшіе враги мои никогда не отрицали во мнѣ нѣкоторой степени ума, и потому ясно, что человѣкъ, въ мои лѣта, не могъ сдѣлать такой глупости, чтобы не принять, высялаясь за границу, необходимыхъ мѣръ къ обезпеченію своего существованія. Такъ я и сдѣлалъ.

Теперь, спрашиваю: какую-же *логическую* цѣль русское правительство можетъ имѣть въ виду, *предписывая мнѣ возвратиться въ Россію*, и еще *немедленно*? Предполагать, что я повинуюсь этому приказанію, значитъ считать меня дуракомъ; отвѣтомъ на это можетъ быть только громкій смѣхъ! А такъ какъ я не возвращусь, то отдадутъ-ли меня подъ судъ, подъ русскій судъ, который ни что иное, какъ гнусная карриатура на правосудіе? Приговорятъ-ли меня къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь? Здѣсь, вопреки моей воли, не могу больше удержаться отъ смѣха! Пусть посмотрятъ въ моей книгѣ мнѣніе людей благоразумныхъ о правахъ состояній въ Россіи, о правахъ русскаго дворянства? Что же касается до приговора къ ссылкѣ въ Сибирь, то это для меня совершенно все равно, что если-бы меня приговорили къ ссылкѣ на луну! Полагаю, что русское правительство не предастся тому не понятному заблужденію, чтобы воображать себѣ, что приговоръ русскихъ судовъ можетъ, хотя-бы мало-мальски, измѣнить мое общественное положеніе въ тѣхъ странахъ Европы, въ коихъ я буду имѣть пребываніе?

Мнѣ 43 года; родился и жилъ я, подобно всѣмъ русскимъ дворянамъ, въ званіи привилегированнаго холопа, въ странѣ холопства всеобщаго; это положеніе мнѣ опротивѣло, стало мнѣ тошно, и я рѣшился окончить дни свои въ странахъ свободныхъ, гдѣ-бы на людей не взирали какъ на барановъ, принадлежащихъ такому или такому-то семейству. Желая быть полезнымъ отечеству, я буду въ чужихъ краяхъ

писать истину о Россіи и заниматься русскою исторіей. Я возвращусь въ отечество, но только тогда, когда порядокъ правленія, на законахъ основанный, заступитъ у насъ мѣсто самовласти и незаконности. Если Государь постигнетъ истинныя выгоды своей династіи, если онъ захочетъ избѣгнуть опасностей и ужасовъ революціи, то онъ вплететъ разумнымъ желаніямъ и законнымъ требованіямъ своихъ подданныхъ, и даруетъ намъ конституцію. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, неотразимый потокъ событій увлечетъ и съ корнемъ вырветъ, въ Россіи, нынѣшній порядокъ вещей. Получитъ-ли мое отечество конституцію отъ Государя, или революція, своимъ насильственнымъ путемъ, учинитъ у насъ реформы, которыя въ настоящее время еще зависятъ отъ правительства совершить мирно и спокойно, въ обѣихъ случаяхъ я возвращусь въ Россію.

Въ нашемъ вѣкѣ, неоднократно видѣли, какъ политическіе эмигранты возвращались на родину, а члены правительства, ихъ дотолѣ преслѣдовавшіе, обрекались на изгнаніе. Искренно желаю, чтобы домъ Принцевъ Голштейнъ-Готторпскихъ, нынѣ возсѣдающій на престолѣ Всероссійскомъ, понялъ наконецъ, гдѣ пахотятся его истинныя выгоды; желаю, чтобы онъ снялъ наконецъ съ себя опеку царедворцевъ жадныхъ и неспособныхъ (мнимая къ нему преданность коихъ не переживетъ годовъ его могущества); желаю, чтобы онъ учредилъ въ Россіи порядокъ правленія дѣльный и прочный, даровалъ-бы конституцію, и, черезъ то, отклонилъ отъ себя, въ будущемъ, неприятную, но весьма возможную случайность промѣна Всероссійскаго престола на вѣчное изгнаніе.....

Князь Петръ Долгоруковъ.

VI.

ПИСЬМО КЪ НАЧАЛЬНИКУ III ОТДѢЛЕНІЯ,
КНЯЗЮ В. А. ДОЛГОРУКОВУ.

Лондонъ, 17/29 Мая 1860.

Почтеннѣйшій Князь Василій Андреевичъ, вы требуете меня въ Россію, но мнѣ кажется, что зная меня съ дѣтства, вы могли-бы догадаться, что я не такъ глупъ, чтобы явиться на это востребованіе? Впрочемъ, желая доставить вамъ удовольствіе видѣть меня, посылаю вамъ при семъ мою фотографію, весьма похожую. Можете фотографію эту сослать въ Вятку или въ Нерчинскъ, по вашему выбору, а самъ я—ужь извините—въ руки вашей полиціи не попадусь, и ей меня не поймать!

Князь Петръ Долгоруковъ.

Въ заключеніе, повторимъ то, что сказано нами въ книгѣ: *Правда о Россіи*: “Десять вѣковъ тому назадъ, въ 862 году, сѣверные Славяне отправили къ Рюрику и братьямъ его пословъ, которые сказали: земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ!” Нынѣ, по истеченіи цѣлаго тысячилѣтія, Россія, переиспытавъ деспотизмъ во всѣхъ его видахъ и свойствахъ, снова находится на краю бездны, и мы, обращаясь къ Императору Александру Николаевичу, говоримъ ему: “Государь земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; она терзаема самовластьемъ и взяточничествомъ: даруйте намъ порядокъ правленія, основанный на законахъ и сообразный съ потребностями современными!”

РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАЧЕНІЕ СПБ. ВѢДОМОСТЕЙ.

Журналъ не можетъ существовать безъ мнѣнія, безъ партіи — только мнѣніе и дѣлаетъ изъ него живую личность, только оно и даетъ ему нравственную силу. Кто не зналъ *кто такое была С. Пчела* въ блаженные времена Николая Павловича, Николая Ивановича и Ѳаддея Венедиктовича.

Нюансы журналовъ можно было различать даже въ тѣ времена когда черная тѣнь Николая, широко отбрасывалась на Россію, тѣмъ паче въ наше время *прогресса*.

Какое же мнѣніе, какую тѣнь, какой нюансъ представляютъ Спб. вѣдомости? Долго отыскивая, мы пришли было въ отчаяніе, не за что хватиться, въ нихъ нѣтъ ни свирѣпо-православнаго характера Маяка, ни англобѣсія, ни галломаніи, ни основательно-тупаго доктринаризма другихъ московскихъ и петербургскихъ журналовъ и газетъ.

Но вдругъ мы поняли что Спб. вѣдомости—органъ католической пропаганды въ схизматической Россіи, органъ іезуитовъ и папы. Только съ этой точки зрѣнія можно объяснить отвагу съ которой Спб. вѣдомости помѣстили похвальное слово Ламорисьеру—отступнику всѣхъ знаменъ, легитимисту, орлеанисту, республиканцу, палачу Іюньскихъ дней, тройному измѣннику—называя его Баярдомъ, героемъ, не знаю чѣмъ! Іезуиты такъ іезуиты, оно скверно, но все же лучше быть чѣмъ нибудь, нежели ничѣмъ. По крайней мѣрѣ по старой шуткѣ цитированной Гегелемъ “что дурная погода, все же лучше чѣмъ еслибъ совсѣмъ погоды не было.”

Но мы не долго оставались въ заблужденіи.

Какой іезуитскій органъ. Ламорисьеръ—Баярдъ. Но Гладстонъ—“безспорно первый ораторъ нашего вѣка” и “вѣдомости” съ протестантскимъ восторгомъ и англоманскимъ умиленіемъ выписываютъ двѣ колоны, риторическаго fatras (въ родѣ Буццена и К - нии) сказаннаго Гладстономъ въ Единбургскомъ университетѣ. По этому поводу преподаваемые вѣдомости подхваляютъ англійское благочестіе, состоящее изъ лицемѣрства, отвратительнаго для всякой здоровой натуры.

“Ученые, кто бы они ни были—диссенденты, или низкіе, высокіе, широкіе церковники (low, high, churchmen), со всевозможными подраздѣленіями—остаются вѣрными этому направленію. Христіанскій духъ проникаетъ всѣ ихъ произведенія, всѣ ихъ изслѣдованія; германскій раціонализмъ имъ чуждъ; никогда не заподозрять они дѣйствительности и истинности откровенія; и свѣтлая, критическая, но никакъ не скептическая наука доставляетъ имъ только новые, богатые матеріалы для возведенія великолѣпнаго зданія Божественной истины.”

Но потомъ мы усомнились точно также въ кальвинизмъ и пуританизмъ схи-вѣдомостей.

Взявъ книгу какого-то поврежденнаго француза, въ доказательство какъ англичане религіозны, онъ соглашается съ нимъ что *разумомъ до понятія о Богѣ не дойдешь*, (это то и называется атеизмомъ!) что познаніе Бога *единого*—“есть *исключительный* результатъ откровенія Аврааму. И если мы съ дѣтства привыкли смотрѣть на Авраама какъ на *друга* Божія съ любовью и уваженіемъ, то намъ не мудрено понять что этой *почтенной* личности — *Богъ доверился*.” Это дружеское доверіе пришлось ему не даромъ

Мнуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ и барская любовь.

“Подобно всѣмъ друзьямъ Божиимъ, онъ долженъ былъ выслушивать, какъ называли его безвѣрнымъ и атеистомъ; а въ наше время его сочли бы *безумцемъ*, за одно намѣреніе убить своего сына. Вѣрою своею приведенъ былъ Авраамъ къ этому особенному откровенію, а не инстинктомъ, не отвлеченнымъ размышленіемъ, не восторженными видѣніями.”

Выписавши эту нелѣпость о *почтенной* личности Авраама, о его короткихъ сношеніяхъ съ Богомъ, и о томъ что Богъ ему *доверился*—вѣдомости даже и не замѣтили что сломилъ шею Авраамъ до пріязни съ Богомъ, мы бы и понятія не имѣли о его другѣ.

Развѣ издатель Спб. Вѣдомостей не знаетъ что если онъ сидитъ дворникомъ при современности съ метлой въ рукахъ, то это для того чтобъ отгонять грязь и соръ, а не загонять ихъ въ “*редактуру*” яму.

Пора подумать и о томъ, что при дикой нетерпимости въ дѣлахъ религіи, защищаемой синодомъ, сенатомъ, ценсурой, квартальными и попами, въ свѣтскомъ журналѣ не слѣдуетъ помѣщать богословскихъ статей. Не только эти безответныя статьи не деликатны, но они не нужны, ихъ никто не проситъ, и еще больше, ихъ никто не читаетъ.

Мы хотя и увѣрены что большая часть читателей Спб. Вѣдомостей не повѣритъ что во *всѣхъ* отрасляхъ знанія, въ Англии преобладаетъ изувѣрство, но какъ противудіе, противъ ужаливанія англійскихъ фарисеевъ и ихъ гезелей, мы рекомендуемъ съ своей стороны History of Civilisation in England by Н. Т. Buckle—трудъ добросовѣстный, ясный, глубокозадуманный, и въ которомъ искры нѣтъ піэтизма.

Его нѣтъ ни у Грова написавшаго свою превосходную книгу “О соотношеніи физическихъ силъ.” Ни у Дарвинса, въ его “Объ образованіи видовъ въ животномъ и растительномъ царствахъ. (On Species), ни у Д. Стюарта Милля, ни у Фарадея.

Отче-издателю, будьте отъ міра сего. Вамъ то не за что злословить на него!

И—рѣ.

— по дѣлу иркутской дуэли.

Г. Редакторъ,

Въ *Подъ Судъ!* No. 2, отъ 15 Ноября 1859 года, напечатаны два письма о дуэли, или убійствѣ Неклюдова. Искренно жаль, что вы напечатали эти письма,—это выраженіе, этотъ крикъ ненависти и злобы партіи, со всѣмъ не подходящей ко знамени, которое вы держите такъ гордо и такъ высоко. Вы конечно не можете отвѣчать за справедливость сообщаемыхъ вамъ фактовъ, но письма эти, кромѣ одного, очень сомнительнаго пункта, заключаютъ такія нелѣпости, несообразности, такія, наконецъ, понятія и взгляды, которые слѣдовало бы подвергнуть строгой критикѣ прежде, чѣмъ печатать. Еще болѣе жаль, что такая благородная, до самоотверженія, до риска своимъ высокимъ положеніемъ (при неимѣніи средствъ къ жизни, внѣ службы) и увы! одиноко-стоящая, между париками и сѣдыми главами нашими, личность, какъ графъ Муравьевъ-Амурскій—нашла порицаніе на страницахъ вашего журнала. Дерзость автора письма не простерлась до обвиненія во взяточничествѣ самаго Муравьева, но онъ набрасываетъ недостойную тѣнь на все его управленіе, но заговоривъ о 12 лѣтнемъ

управленія его, онъ не нашелъ ничего болѣе сказать о немъ, какъ только то, что Муравьевъ *навезъ* съ собою какихъ-то аристократическихъ туеядцевъ и мерзавцевъ и обвѣшалъ ихъ орденами; во всемъ письмѣ только слухи, намеки, недомолвки; оно дышетъ затаенной злобой и ненавистью чиновника туземца. Меня уже не было въ В. Сибири, когда произошла дуэль Неклюдова, но я знаю В. Сибирь вдоль и поперекъ, прожилъ въ ней почти 10 лѣтъ, и теперь еще имѣю тамъ дѣла; хорошо знаю Муравьева, знаю Беклемишева, Куколя, Анненкова, Гурьева и почти всѣхъ, упомянутыхъ въ письмѣ, и хочу, вынужденъ сказать, съ своей стороны, нѣсколько словъ обо всемъ этомъ. Я слишкомъ вѣрю въ ваше безпристрастіе и добросовѣстность, чтобы сомнѣваться, что вы напечатаете это письмо.

Управленіе В. Сибирью, до Муравьева, было помойною ямой, гдѣ все и все было покупное; конечно были почетныя исключенія, но исключенія—не болѣе; гдѣ начиная съ послѣдняго писца Земскаго Суда и до генераль-губернатора съ генераль-губернаторшей, всѣ были отъявленные взяточники, даже купцы, ибо переродившись и перекумившись съ чиновниками, составивъ сильную нѣкогда, теперь стертую съ земли, называемую Сибирскую партію, которой противустоять ничто не могло, грабили казну и давили народъ. Взятки вошли въ плоть и кровь, онѣ не считались не только преступленіемъ, но дѣломъ сколько нибудь зазорнымъ; понятія о доходномъ мѣстечкѣ, для себя и домочадцевъ, срослись съ чиновникомъ туземцемъ, даже съ лучшими изъ нихъ; исправники, засѣдатели, заплативъ оброкъ, дѣлались истинными помѣщиками волостей, находившихся подъ ихъ начальствомъ; примѣръ шелъ сверху, а до Царя изъ Сибири далеко, ужасно далеко; всякая тѣнь правосудія исчезла. Муравьевъ, рыцарски благородный, искренно ненавидящій всякую неправду, преслѣдующій ее съ неутомимостію непримиримаго врага,—щитъ слабого и бѣднаго, и притомъ чловѣкъ нрава пылкаго, неукротимаго, впечатлительнаго, часто прибѣгалъ къ деспотизму, *презиралъ законъ*, особенно въ началѣ своего управленія, когда опытъ еще не научилъ его хладнокровнѣе смотрѣть на людскія подлости; *иногда доходилъ до бѣшенства, до неистовства. Когда бѣшенный, съ чертами искаженными инъвомъ, съ дрожащими губами, съ пльною у рта, выбѣгалъ онъ изъ своего кабинета, все падало ницъ и трепетало....* но все низкое и гнусное. Крюкова не испугалъ этотъ видъ грознаго генераль-губернатора. Расскажу этотъ случай, какъ отлично характеризующій Муравьева, и, подобно ему, одиноко стоящій въ лѣтописяхъ нашего чиновничества. Крюковъ былъ мелкій и притомъ пьяненькій чиновникъ, по честности неподкупной; Муравьеву что то сплели на него и онъ сгоряча, не разобравъ дѣла затопавъ ногами (къ чему приучили его туземцы, въ большихъ чинахъ и орденахъ, не *навозные* чиновники) закричалъ: “я тебя въ каторжную работу!...”

—Меня, в. п.? спокойно возразилъ Крюковъ; “Крюковыхъ не было въ каторжной работѣ, а Муравьевыхъ очень много.”

Присутствовавшіе затрепетали, замерли, прониклись ужасомъ до мозга костей; ждали что громъ и молнія разразятся, что мало будетъ для Крюкова цѣпей и мѣста въ Нерчинскихъ заводахъ; только Крюковъ былъ спокоенъ среди этого, объявшаго всѣхъ ужаса. Муравьевъ взглянулъ на него, сдержалъ

свой гнѣвъ, и не сказавъ ни слова, ушелъ въ кабинетъ. Чиповные туземцы говорили убѣжалъ и объяснили это трусостью: Крюковъ, выйдя на улицу, снялъ мундиръ и, передъ окнами Муравьева, бросилъ его въ Ангару, какъ опозоренный. *Между тѣмъ Муравьевъ укроцалъ свой инъвъ*; самъ чловѣкъ смѣлый и благородный, онъ оцѣнилъ поведеніе Крюкова. Придя въ себя, онъ подробно изслѣдовалъ дѣло, и *убѣдился въ невинности Крюкова, далъ ему высшее мѣсто совѣтника*;* а когда тотъ, находя, что спиртъ и водка напитки слишкомъ слабые, принялся за опиумъ, Муравьевъ няпъчился съ нимъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы поддержать падающаго. Ну ка, г. *ненавозный*, отыщите ка мнѣ другой такой примѣръ, да еще при покойномъ императорѣ, вѣровавшемъ въ Муравьева! а вѣдь не скажете же вы, что Крюковъ принадлежалъ къ *навознымъ*, имѣющимъ *сановитыхъ папенекъ*. Когда маркизь де Траверсе покусился на богатый приискъ Григорова, дающій по 60 пудовъ золота ежегодно, и хотѣлъ устроить это дѣльце *административнымъ* порядкомъ, помню я, когда одинъ изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ, сказалъ: “въ Красноярскѣ полагали, что ваше сіятельство такъ и распорядитесь;” кровь бросилась въ лице Муравьева и онъ сказалъ: “Да развѣ, въ 10 лѣтъ моего управленія, я сдѣлалъ что нибудь, что давало бы право дѣлать обо мнѣ подобныя заключенія?” Но полагали, что вашему сіятельству предпишутъ изъ Петербурга. “Пусть, сказалъ Муравьевъ,—если предпишетъ министр—не исполню; если сенатъ дастъ указъ, долженъ буду исполнить, но никогда сенатъ такого указа не дастъ.” И дѣйствительно исполнилъ, какъ сказалъ. Желалъ бы я знать, кто другой станетъ наживать себѣ сильныхъ враговъ, чтобы отстоять какого то Григорова, который Муравьеву *ни сватъ ни братъ и котораго онъ никогда не видалъ*. Когда въ Читѣ, въ Забайкальскомъ областномъ правленіи, состоялось рѣшеніе “потребовать отъ Нерчинскаго казначея объясненія—почему онъ, вопреки закону, исполнилъ распоряженіе Муравьева, адресованное ему мимо правленія?...” бунтъ!... страшный шумъ, просто волненіе, поднялось въ чиновномъ классѣ Читы и Иркутска; военный губернаторъ Запольскій сначала угрожалъ, потомъ упрашивалъ чловѣвъ перемѣнить дерзкое рѣшеніе, но нѣкоторые объявили, что не подпишутъ новаго журнала и потребуютъ формальнаго слѣдствія, если со старымъ будетъ что нибудь *сотворено*; благоразумные старцы помавали сѣдыми главами, и чинно разсуждали о буйствѣ молодыхъ неопытныхъ людей, и несчастной участи ихъ ожидающей; одинъ членъ поспѣшилъ привести Запольскому чистосердечное покаяніе; другой протестовалъ. Оппозиція генераль-губернатору!... да еще Муравьеву, который чуть не разстрѣливаетъ чиновниковъ (взяточниковъ!) да еще въ в. Сибири, на краю свѣта!?!..нетерпѣливо ждали казни, какая постигнетъ *горлченькихъ В...а и С...а*. Правда, они лишились мѣсть, но не далѣе какъ черезъ тѣ и мѣсяца послѣ того С...ъ, считавшійся коноводомъ оппозиціи, исправлялъ въ Красноярскѣ должности высшія, нежели въ Читѣ. Повторяю, Муравьевъ прибѣгалъ иногда къ мѣрамъ деспотическимъ, не законнымъ, но всегда дѣйствовалъ честно. Часто бывалъ онъ тяжелъ для В. Сибири, какъ тяжела всякая революція, какъ бы ни были благодѣтельны ея послѣдствія, и потомъ Амурь!.... Съ своей стороны, какъ это ни покажется стран-

* И это ставится въ достоинство! Каково же положеніе служащихъ въ Россіи.—Пр. Ред.

нымъ, но самымъ капитальнымъ недостаткомъ управления Муравьева въ отношеніи В. Сибири, я считаю Амурь; всѣ помыслы свои, всѣ чувства сосредоточилъ онъ, на этомъ дѣтищѣ своемъ и обстоятельство это часто вовлекало его въ промахи и несправедливости; заготовленіе хлѣба, по дешевымъ цѣнамъ, устройство дорогъ, перевозка орудій, но вѣдь все это—не взятки, а налоги; правда не правильно распределенные и не внесенные въ государственный бюджетъ. Но вѣдь только съ пріѣзда Муравьева сибирякъ-крестьянинъ, ссыльно-поселенецъ и безправный-каторжный получили понятіе о правосудіи, доступности власти и существованіи чиновника, который не беретъ съ нихъ ничего; вѣдь только Муравьевъ прекратилъ грабежи Сибирской не навозной партіи.

Ужели достанетъ у когонибудь наглаго безстыдства утверждать противное? Я вызываю всѣхъ и cadaго уличить меня въ томъ, что это неправда; но уличить фактами; фактами, а не бездоказательною бранью, не каламбурами, въ родѣ *навозныхъ*; не слухами и намеками,—на все подобное я отвѣчать не стану; давайте фактъ мы разберемъ его, я приму вызовъ, безъ страха, за управление Муравьева; я не побоюсь *абординировать* недостатки его управленія, которые блѣднѣютъ передъ его достоинствами. Понятное дѣло, что навозные, чрезъ посредство которыхъ Муравьевъ, отчаявшись въ не навозныхъ, проводить свои прогрессивныя, великодушныя идеи, составляютъ предметъ затаенной, безсильной злобы туземцевъ, лишившихся теплыхъ мѣстъ. “Безъ способностей и опытности!” да скоро ли перестанемъ мы вѣрять въ мудрость и дѣльность сѣдыхъ головъ, съ посѣдыми сердцами, потому только что они умѣютъ отлично выводить крючки? Стадлеръ, Куколь, Молчановъ, Беклемишевъ.....что ли, не дѣльные и не способные люди? Правда Муравьевъ ошибался—Запольскій, Молчановъ—не секундантъ, а Дмитрій, женатый на дочери Декабриста Волковскаго—*надули его*, но кто же не ошибался? Примѣръ Молчанова доказываетъ ни чѣмъ не сокращимую энергію Муравьева, его вѣру въ добро; всякій другой, при горячемъ нравѣ Муравьева, послѣ такого жестокаго пораженія прямо въ сердце, видя вокругъ себя лишь воровство, мошенничество, взятки, видя безплодными всѣ свои усилія,—обманутыми свои лучшія надежды, видя себя продажнымъ человѣкомъ самымъ близкимъ, имъ лелеяннымъ, всякій другой впалъ бы въ уныніе, отчаялся бы въ человѣчествѣ и, махнувъ рукой, сталъ бы дѣлать то, что многіе честные люди дѣлали до Муравьева и многіе будутъ дѣлать послѣ него, т. е. сложилъ бы руки; но не такова эта честная, твердая личность! съ мужествомъ, съ несокрушимою энергіей продолжалъ онъ борьбу и достигъ результатовъ въ Россіи не слыханныхъ: члены Иркутскаго Земскаго суда т. е. *исправники* и *засѣдатели* или *становые* не берутъ взятковъ не только съ волостей но и съ *откупа*; въ Иркутскихъ вѣдомостяхъ печатается обо всякихъ злоупотребленіяхъ и это навело такой спасительный страхъ на чиновниковъ В. Сибири, что злоупотребленія, не законности конечно существуютъ, но дѣло *вопіющее* въ В. Сибири не возможно. Муравьевъ первый въ Россіи доказалъ практически пользу и силу гласности. Какъ достигъ Муравьевъ подобныхъ результатовъ?...орденовъ, чиновъ было тутъ мало; видимъ мы какъ расточаютъ ихъ щедрою рукою, но тщетно, и въ другихъ мѣстахъ; нѣтъ нужна была кипучая дѣятельность этого человѣка, живая, одушевленная, полная теплаго чувства рѣчь, которую обра-

щаетъ онъ ко всякому становому, если онъ дѣйствительно порядочный человѣкъ; нуженъ энтузіазмъ (да, энтузіазмъ!), который внушаетъ молодымъ людямъ эта необыкновенная, высокая личность!... какъ иначе заставить людей, которые,—служи они въ Петербургѣ,—мечтали бы только о дипломатическомъ корпусѣ и придворныхъ балахъ, идти въ исправники и становые и таскаться по грязнымъ деревнямъ? Виданое ли дѣло чтобы исправникъ и становой были на ровной, пріятельской ногѣ съ совѣтникомъ главнаго управленія; а это было въ домѣ Беклемишева. Никитина, названнаго въ письмѣ не знаю и не слыхалъ объ немъ; Висковатовъ?...неужели будутъ утверждать, что Муравьевъ даетъ ходъ ему? Далѣ Беклемишевъ—*намековъ, слуховъ много*, но не только ни одного факта, ни даже одного положительнаго обвиненія; а я приведу факты, доказывающіе его безкорыстіе—борьбу съ Верхнеудинскимъ откупомъ, и то что крестьяне этого округа, отученные Беклемишевымъ отъ взятокъ, сказали его преемникамъ: “нѣтъ, баринъ, шалишь!... будетъ!” а вѣдь въ этомъ самомъ округѣ, предмѣстникъ Беклемишева нажилъ, мирно и безмятежно безъ бунтовъ и розогъ болѣе ста тысячъ. Не правда? Неужели не понимаютъ великаго значенія этого *шалишь*? вѣдь это сознаніе своего права и умѣнье отстаивать его; если бы да весь Русскій народъ сумѣлъ сказать это *шалишь*! Что касается до крестьянскихъ дѣвушекъ, то ужъ не умѣю и придумать для чего авторъ заговорилъ объ этомъ; развѣ для красоты слога, или для того, чтобы доставивъ *вамъ* *и редакторъ случай рунуть мимоходомъ помѣщиковъ мерзавцами**, заслужить право на почетное мѣсто въ вашемъ изданіи(?), *ибо извѣстно, что до пріѣзда Муравьева дѣвушки эти поставлялись* пьянымъ исправникамъ и губернаторскимъ *совѣтникамъ* вмѣстѣ съ квартирою, отопленіемъ и прочею натуральною повинностію и что *повинность* эта теперь не существуетъ. Можно ли, зная Муравьева, поговоривъ съ нимъ одинъ, только одинъ разъ, взводить на него столь гнусную клевету? да будь тутъ сынъ, единственный и нѣжно любимый, самаго предсѣдателя государственнаго совѣта, Муравьевъ зарядилъ бы имъ пушку и выстрѣлилъ бы. Что дѣвушки ходятъ къ навознымъ и даже охотнѣе, чѣмъ къ туземцамъ, этого я отрицать не стану, но во все не потому, что они навозные, а потому, что наружность имѣютъ поприличнѣе, и платятъ по щедрѣе. Вотъ нѣсколько словъ, объ управленіи Муравьева; вы видите я не скрылъ его недостатковъ, но нельзя же отрицать достоинствъ и великихъ результатовъ управленія этого замѣчательнаго человѣка; я можетъ быть и не заговорилъ бы о немъ, если бы перчатка не была брошена съ такою дерзостію и намѣреніемъ исказить истину, подъ щитомъ намековъ, слуховъ и недомолвокъ.

Теперь о дуэли. Не зная ея подробностей, не стану утверждать ничего; но обращусь къ письму: не ужели редація, положила руку на сердце, скажетъ, что есть что нибудь позорнаго въ поведеніи Беклемишева, Гурьева и другихъ, не хотѣвшихъ, послѣ оскорбленія, нанесеннаго Беклемишеву, упустить Неклюдова, если онъ дѣйствительно хотѣлъ бѣжать?... стрѣляйся или проси публично прощенія и тогда бѣги куда угодно, ибо лежачаго не бьютъ, но не прежде. Не ужели Извольскій составлялъ заговоръ на убійство, или участвовалъ въ немъ, потому только, что далъ пистолеты своимъ пріа-

* Мы имѣемъ довольно случаевъ заявлять гнусное и безобразное поведеніе помѣщиковъ, и потому не нуждаемся въ Сибирскомъ а прогроз.—Пр. Ред.

телямъ, для честнаго боя? а зная Извольскаго, я убѣжденъ что иначе быть не могло. Неужели редакция не понимаетъ сколько смѣшнаго и нелѣпаго въ обвиненіи всѣхъ властей въ заговорѣ *убить* Неклюдова, а вѣдь дѣлу стараются придать такой видъ. Предположите же, г. редакторъ, что все это отъявленные подлецы, мерзавцы и убійцы, но вѣдь, наконецъ, не ослы же всѣ они и притомъ знаютъ Муравьева! вѣдь это равносильно обвиненію самого Муравьева, если не въ заговорѣ на убійство, то въ способности покрыть его; такъ ужъ такъ и говори! и нечего, въ такомъ случаѣ, возводить къ нему очи, какъ къ послѣдней надеждѣ правосудія. Вѣдь все это можетъ быть заговоромъ на убійство, лишь въ глазахъ туземца Сибири, гдѣ послѣ единоборства Ермака съ Мехметомъ Кулой, дуэли не было; Сибиряка, который на всякую дуэль, кромѣ дуэли на кулакахъ и дубинахъ, будетъ смотрѣть, какъ на убійство. Посмотрите ка, какъ невольно проскакиваетъ одобреніе автора кулаку, и дубинѣ, въ выраженіи, "Неклюдовъ *сребъ* подѣ себя щедушнаго Беклемишева и помялъ его порядочно." Гдѣ доказательства измѣны, убійства? только слухи, да намеки, да "говорятъ..." ни разу авторъ не утверждаетъ самъ. Обстоятельство о Бичѣ не разъяснено, почему?... не могло же оно быть тайной. Почему Неклюдовъ согласился на устраненіе Бича?... все приведенное въ письмѣ не объясняетъ этого удовлетворительно; Неклюдовъ долженъ былъ настаивать. Но они хотѣли бить его всей шайкой; Господи! гдѣ мы?... вѣдь этимъ разбойникамъ Муравьевъ ежедневно пожимаетъ руку!... Есть одно обстоятельство—эти двѣ дыры на рубашкѣ Неклюдова; но отъ пули ли другая дыра и такъ ли это?... не револьверами же они стрѣлялись, а заряжать пистолеть двумя пулями что за дѣль?... сомнительно, очень сомнительно; покрайней мѣрѣ на столько, чтобы не торопиться, чтобы повременить печатать столь капитальное обвиненіе на все управленіе и на всѣхъ сподвижниковъ Муравьева; *особенно вамъ, г. редакторъ, который (какъ утверждаете) хорошо знаетъ все, что дѣлается въ Иркутскомъ округѣ, ибо въ такомъ случаѣ, вы должны знать, что ни одинъ уѣздъ нашей обширной Россіи не управляется съ большею добросовѣстностію. Вы говорите, что въ Лондонѣ знаютъ то, что дѣлается въ Иркутскѣ; а знаете ли вы, что горные отводчики Западной Сибири вымогаютъ деньги при отводахъ площадей къ золотымъ приискамъ, да такъ, что пользуясь нелѣпымъ закономъ, который даетъ возможность отводчику не отвести, на законномъ основаніи, площади золотопромышленнику, если этотъ послѣдній плюнулъ не въ ту сторону, требуютъ, (бывали примѣры и я знаю ихъ), по 15,000 руб. и болѣе за отводъ, и были примѣры, что золотопромышленники лишались площадей, если не были въ состояніи удовлетворить подобнымъ требованіямъ, и что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ у Муравьева. Знаете ли вы, что золотопромышленники молятъ всѣхъ боговъ, чтобы отдали подѣ команду Муравьева Барнаулъ, гдѣ теперь золотопромышленникъ, пріѣхавъ сдавать золото, долженъ одѣлать *всѣхъ* начиная отъ сторожа, до генерала; что тамъ возможно отнять приискъ у одного и отдать другому, что бывали тамъ вотъ какіе разговоры:*

25000 р., такъ извольте.

Дорогонько будетъ съ...

Нѣтъ, не дорого; рассчитайте: положимъ, что я вамъ

пагажу и вы побѣдете въ Петербургъ; тамъ съ васъ все таки меньше 25000 р. не возьмутъ, да расходъ на проѣздъ.

Знаете ли вы, г. редакторъ, что такой губернаторъ, какъ на примѣръ Тамбовскій Данзасъ, у Муравьева не мыслимъ: а если знаете все это, то должны знать, что Муравьевъ раздавить собственною рукою всякаго фаворита, если онъ окажется мерзавцемъ или убійцей; такъ объ немъ думаютъ и всѣ Иркутскія власти и слѣдовательно не могли они участвовать въ заговорѣ на убійство, или помогать ему. *Вамъ право не подѣ стать* служить органомъ партіи уничтожить, искоренить, которую стоило Муравьеву такихъ невѣроятныхъ усилій, ибо долго вколачивала она свая своего основанія, столбтія, и усѣлась плотно. *Можно бы быть поосмотрительнѣе* и не торопиться отдавать Муравьева "подѣ судъ"* ибо ужъ ежели его подѣ судъ, то всѣхъ насъ до единаго подѣ судъ и *Васъ прежде всѣхъ и въ особенности и во всякомъ случаѣ* за напечатаніе Иркутскихъ писемъ. Не знаю секунданта Молчанова, но хорошо знаю Анненкова и Гурьева и не вѣрю, чтобы они допустили какую нибудь подлость. Что участники дуэли не арестованы это доказываетъ лишь то, что у насъ стали наконецъ, слава Богу, исполняться законы. Если иначе, то почему же Окружный судъ не арестовалъ ихъ? или у него тоже аневризмъ? *Что наконецъ Беклемишевъ съ друзьями пировали въ день дуэли, это доказываетъ только крѣпость ихъ нервъ, но ничего позорнаго, достойнаго "Подѣ Судъ!"*

Самое то, что Окружный судъ осмѣлился найти слѣдствіе не полнымъ, не показываетъ-ли громадности разстоянія, отдѣляющаго Сибирь Муравьевскую, отъ Сибири до Муравьевской?

Въ заключеніе скажу, что если паче чаянія, Неклюдовъ убитъ дѣйствительно измѣннически, то Муравьевъ,—въ этомъ сомнѣваться и смѣшно и нелѣпо,—дознается истины и жестоко покараетъ измѣнниковъ; если же нѣтъ, то съумѣетъ отстоять честныхъ людей, противъ ненависти и злобы враговъ.

Право г. редакторъ, мы уже.... выросли и насъ не разутѣшишь рѣзкимъ словомъ *про начальство или рунуецъ, ни къ селу ни къ городу, помѣщиковъ мерзавцами; оно было усладительно въ свое время прежде, когда было строжайше и высочайше запрещено.*†

Прочтите.....

ОБЕРЪ - ФОРЪ - ШНЕЙДЕРЪ.

Сообщаемъ нашимъ читателямъ дикой, глупой, нелѣпый текстъ оберъ - форъ - шнейдерскаго предложенія Главному Управленію Цензуры отъ 10 Марта 1860 года — о которомъ мы упоминали въ прошломъ листѣ.

"Государь Императоръ по выслушаніи въ Совѣтѣ Министровъ соображеній о развитіи законовъ, ограждающихъ честь частныхъ и должностныхъ лицъ противъ оскорбленій посредствомъ печати, между прочимъ Высочайше повелѣть соизволилъ строго подтвердить по цензурному вѣдомству, чтобы не были допускаемы въ печать сочиненія и журнальныя статьи, а равно изображенія и карикатуры: а) въ которыхъ возбуждается неприязнь и ненависть одного сословія въ государствѣ къ

* Гдѣ же это выражено было?

† Послѣ этого письма нами получены еще два, одно въ защиту Г. Извольскаго, другое въ поясненіе дѣла, о дуэли въ Иркутскѣ. Объемъ втораго такъ великъ, что мы не можемъ его помѣстить. Въ слѣдующемъ листѣ, мы сдѣлаемъ выписку изъ него, пропуская по принятому нами правилу брань противъ противниковъ и оставляя брань противъ насъ.—Изд.

другому; б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями и должностями гражданской и военной службы, *надъ военнымъ мундиромъ и занятіями по фронтовой части въ мирное время* и т. п.—в) въ которыхъ вопреки § 3, пункт. 4го Уст. Ценз., хотя не прямо съ названіемъ фамиліи, а большею частію подъ такимъ прозрачнымъ замаскированіемъ, что легко узнать можно о комъ и о чемъ идетъ дѣло, оглашаются обстоятельства, относящіяся до нравственности и частной жизни разнаго званія лицъ, до преступленій ихъ родителей, до происхожденія или дурнаго поведенія членовъ семействъ и т. д. А какъ въ цензурномъ уставѣ нѣтъ особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни и правительственныхъ дѣйствіяхъ августѣйшихъ особъ царствующаго дома уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи, то съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой, дабы не стѣснить отечественную исторію въ ея развитіи, — періодомъ до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять *копецъ царствованія Петра Великаго*. Послѣ сего времени воспрещать оглашеніе свѣдѣній, могущихъ быть поводомъ къ распространенію неблагопріятныхъ мнѣній о скончавшихся августѣйшихъ лицахъ царствующаго дома, какъ въ журнальныхъ статьяхъ, такъ въ отдѣльныхъ мемуарахъ и книгахъ.

“О сей высочайшей волѣ Главное Управление Цензуры имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, для предложенія къ надлежащему исполненію, какъ цензурному комитету, такъ и цензирующимъ не официальную часть губернскихъ вѣдомостей.”

“Членъ Главнаго Управленія Цензуры *П. Мухановъ*.

“Правитель дѣлъ *Пр. Якевичъ*.”

ЕВРЕЙСКІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ВИЛЬНѢ.

“Теймсъ,” отъ 31 Мая, рассказываетъ, что австрійская “Пресса” по поводу требуемой въ защиту христіанъ въ Турціи международной слѣдственной комиссіи — замѣчаетъ, что не худо бы было учредить такую же комиссію въ Россіи, ‘особенно, продолжаетъ черно-желтый органъ, если все что печатается въ *Колоколъ* справедливо.” Эта мысль очень хороша, и тѣмъ больше радуется насъ, что явилась съ такой стороны, съ которой мы не избалованы обиліемъ мыслей, проницательными догадками и вообще пониманьемъ. Мысль эта намъ нравится по тремъ причинамъ. Какъ первая не рабская и не тупая мысль въ австрійской журналистикѣ. Во-вторыхъ сама по себѣ. А въ-третьихъ, потому что она доказываетъ всего лучше что ненависть между Россіей и Австріей, не только существуетъ, но *дозволена* к. к. ценсурой — а на этой то ненависти и зиждется надежда Славянскаго міра.

Впрочемъ петербургское правительство и тутъ имѣетъ большое преимущество передъ турецкимъ. Турки давятъ однихъ христіанъ, Петербургъ давитъ христіанъ *не меньше* Порты (напр. раскольниковъ), но за то давитъ и всѣхъ прочихъ.

Вотъ не большой образчикъ взятый изъ “*Wiadomosci Polskich*.”

“До сихъ поръ правительство равнодушно смотрѣло на выборы раввиновъ, которые совершались въ Вильнѣ каждые три года, и каждый изъ Евреевъ имѣлъ право голоса. Въ прошедшемъ году по окончаніи трехлѣтія бывшаго раввина, который прослужилъ почти 20 лѣтъ, назначенъ новый выборъ. Собралось до 500 избирателей; по приведеніи къ форменной присягѣ въ Синагогѣ, ихъ отвели подъ стражей въ огромное зданіе, называемое экзерциргаузъ, гдѣ обыкновенно въ зимнее время производится ученіе.

“Когда приступили къ собиранію голосовъ, подаваемыхъ тайно, оказалось что ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ даже $\frac{1}{8}$ голосовъ. Это разсердило виленскаго вице-губернатора, онъ видѣлъ въ этомъ *оскорбленіе для кандидатовъ отъ правительства* и непочтеніе къ царской волѣ. Поэтому онъ приказалъ окружить стражей зданіе, запереть двери и представилъ избирателямъ 11 другихъ кандидатовъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ старѣе 24 лѣтъ. Все это время избирателей не выпускали, не давали имъ ни ѣсть, ни даже соломы отдохнуть. Что происходило въ это время въ собраніи, трудно рассказать; многіе попадали въ обморокъ отъ давки и духоты; одинъ старикъ котораго, не смотря на усильныя просьбы, не хотѣли выпустить, сильно заболѣлъ и на другой день умеръ. Не смотря на крики, плачь и обмороки, полицмейстеръ не дозволилъ прервать болотировки. Когда призывали вотирующаго къ урнѣ, то полицмейстеръ съ фонаремъ долженъ былъ отыскивать его, пинками будилъ уснувшихъ, и тащилъ за воротникъ къ столу *свободныхъ совѣщаній*. Смѣлыхъ спорщиковъ онъ отправлялъ въ полицію.

“Однакожь это насиліе и варварство не устрашило Евреевъ. Твердые въ своемъ рѣшеніи, они, безъ колебанія, хотя сквозь сонъ, клали *negatywy* и никто изъ этихъ новыхъ кандидатовъ не получилъ даже столько, сколько имѣли прежніе.”

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГАГАРИНЪ

И ЕГО ПАТРОНЪ — СЕНАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВЕЙМАРНЪ.

(Письмо въ Редакцію.)

Въ началѣ 1859 года возникло въ Пензѣ, а теперь развивается въ Петербургскомъ Сенатѣ дѣло, которое, судя по начальнымъ приемамъ, обѣщаетъ нѣчто подобное дѣлу Кочубея. Считаемо нужнымъ заблаговременно извѣстить о немъ лондонскій трибуналъ, для принятія надлежащихъ мѣръ къ предупрежденію той развязки, къ которой, намъ кажется, хотять повести это дѣло.

Въ Январѣ 1859 года посланъ былъ сенаторъ Сафоновъ произвести ревизію Пензенской губерніи. Въ этой губерніи вице-губернаторомъ былъ князь Сергѣй Павловичъ Гагаринъ, сынъ члена государственнаго совѣта. При ревизіи открыта была утрата казенныхъ денегъ въ губернскомъ правленіи, и Сафоновъ поручилъ состоявшимъ при немъ чиновникамъ произвести объ этомъ слѣдствіе. Слодствіе открыло, что въ теченіе 10 лѣтъ пропало 16 тысячъ рублей серебромъ, — что въ послѣднія пять лѣтъ завѣдывалъ эгою частію князь Гагаринъ, и что, для прикрытія беспорядковъ, приняты имъ разныя мѣры. По требованію сенатора Сафонова, Гагаринъ былъ немедленно удаленъ отъ должности, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а произведенное слѣдствіе, по окончаніи, представлено на разсмотрѣніе I^{го} Депар-

тамент Сената. Кн. Гагаринъ поспѣшилъ въ Петербургъ и развезъ сенаторамъ записки, въ которыхъ изложилъ дѣло съ своей точки зрѣнія, представляя себя человѣкомъ, пострадавшимъ за правду. Сенатъ разсмотрѣлъ дѣло. Кажется—о чемъ бы тутъ спорить?—человѣкъ обвиняется въ утратѣ казенныхъ денегъ доказательствами несомнѣнными;—какая другая дорога, кромѣ уголовного суда, можетъ предстоять подобному дѣлу? Такое и было подано мнѣніе всѣми сенаторами 1го Департамента, исключая одного. Дѣло уже переходитъ въ общее собраніе. Замѣчательное veto было произнесено секретаромъ Веймарномъ, Александромъ Федоровичемъ. Какъ слышно, всѣ прочіе сенаторы жергически возстали противъ этого, но онъ не уступилъ. По его мнѣнію, Гагарина нельзя отдавать подъ судъ, потому, что 16 тысячъ взяты не изъ казенныхъ денегъ, а изъ типографскихъ суммъ губернскаго правленія; а какъ отчетность объ этихъ суммахъ подлежитъ ревизіи министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то и слѣдуетъ предоставить дѣло административному разсмотрѣнію этого министерства; что же касается до обнаруженныхъ слѣдствіемъ подлоговъ, то онъ, Веймарнъ, не вѣритъ имъ, тѣмъ болѣе, что слѣдователи выказали незнаніе дѣла и приличій до такой степени, что дозволили себѣ поставить Гагарина, князя и вице-губернатора, на очныя ставки съ мелкими чиновниками и купцами, уличавшими его “эдакъ, говорить, на всякаго можно взвести обвиненіе въ какомъ угодно преступленіи.” Каковы доводы? А между тѣмъ, вслѣдствіе ихъ, дѣло перешло въ общее собраніе только для разрѣшенія вопроса, должно, или не должно судить вора Гагарина,—и подвергается тамъ слишкомъ возможнымъ шансамъ быть выиграну Гагаринымъ, ибо онъ вѣроятно уже употребитъ, и самъ, и черезъ своего отца, всевозможныя средства къ склоненію на свою сторону большинства сенаторовъ; настойкость-же этихъ старцевъ трудно положить въ дѣлѣ, въ которомъ идетъ рѣчь о князя, сынѣ члена государственнаго совѣта, — особенно послѣ даннаго имъ въ Малковскомъ дѣлѣ примѣра. какъ управляется графъ Панинъ съ ихъ независимыми мнѣніями. Посмотримъ, что будетъ, а, en attendant, не признаете-ли вы за благо выставить подъ колокола имя Веймарна. Это—тотъ самый, который состоялъ уже въ Лондонѣ подъ судомъ по прикосновенности къ дѣлу купца Малкова, но, по недостаточности доказательствъ, оставленъ въ сильномъ подозрѣніи.

Г. ИЗВОЛЬСКІЙ УПРАВЛЯЮЩІЙ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІЕЙ.

(Поправка.)

Въ прибавленіи къ *Колоколу* подъ заглавіемъ *Подъ Судъ*, листъ 2, 15го Ноября 1859 года, въ примѣчаніи къ статьѣ *Убийство Неклюдова*, сказано:

“Извольскій,—лицо съ именемъ въ исторіи Крымской войны; онъ былъ тотъ штабъ-офицеръ генеральнаго штаба, которому было поручено изслѣдовать одну сторону мѣстности, предназначенной къ сраженію; онъ нашелъ эту сторону недоступной для непріятели и, согласно его донесенію, Русскія войска были поставлены тыломъ къ этой непроходимой мѣстности, и между тѣмъ непріятель, во время боя, пробравшись по непроходимому мѣсту, ударилъ совершенно неожиданно сзади на Русскихъ и выигралъ сраженіе. Какъ

близкій родственникъ Сухозанета, Извольскій не былъ судимъ, а переведенъ на службу въ Сибирь съ переименованіемъ въ чинъ гражданскаго вѣдомства; изъ дурнаго полководца вышелъ, какъ слѣдовало ожидать, плохой администраторъ.”

Мы получили письмо, въ которомъ опровергается истина сказаннаго корреспондентомъ о г. Извольскомъ. Вотъ главные доказательства. Мы ихъ выписываемъ изъ письма—оставляя въ сторонѣ брань относящуюся не къ намъ:

“Для опроверженія вымысла вашего Иркутскаго корреспондента о виновности Извольскаго въ проигранномъ сраженіи, мы хотѣли вамъ послать послужной его списокъ, изъ котораго вы могли бы убѣдиться, что аргументъ, приведенный для доказательства неспособности Извольскаго, чистѣйшая выдумка самаго корреспондента. Но это было бы для насъ сопряжено съ большими затрудненіями, а для самаго дѣла совершенно излишне; потому, что лица, участвовавшія своимъ вліяніемъ въ Крымской войнѣ, слишкомъ извѣстны, и, слѣдовательно, повѣрить справедливость нашихъ словъ относительно службы Извольскаго въ бывшую кампанію всякому очень легко. Мы даже совершенно убѣждены, что и возраженій на наше опроверженіе сочиненія объ этомъ предметѣ Иркутскаго исторіографа никакихъ не можетъ быть.

“Штабъ-офицеръ генеральнаго штаба (подполковникъ) Извольскій никакого имени въ Крымской войнѣ пріобрѣсти не могъ; потому, что онъ лѣтомъ 1854 года, еще до высадки непріятельскихъ войскъ у Евпаторіи, сильно заболѣвъ на пути слѣдованія изъ Молдавіи къ Севастополю 16ой пѣхотной дивизіи, при которой онъ состоялъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ, остался въ Херсонѣ, пролежалъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и оттуда за болѣзней уволенъ въ отпускъ, а вслѣдъ за тѣмъ, въ отставку. Въ Крыму же онъ вовсе не былъ. Слѣдовательно, никакой тамъ мѣстности не изслѣдовалъ, участія ни въ одномъ сраженіи въ Крыму не принималъ и никакимъ протекціямъ военныхъ министровъ, для избѣжанія суда за дурное исполненіе его обязанностей, не было мѣста.

“И такъ съ заключеніемъ Иркутскаго исторіографа, почему Извольскій *вышелъ*, по его мнѣнію, *плохой администраторъ*, до полученія другихъ, болѣе разумныхъ доказательствъ, позволете не согласиться.

“Ради истины считаемъ нужнымъ прибавить еще нѣсколько словъ объ управляющемъ Иркутскою губерніею.

“Извольскій, въ продолженіе всей его военной службы, по уму, по отличнымъ способностямъ и образованію, по неукоризненной честности, по прямотѣ и самостоятельности характера, пріобрѣлъ между бывшими его начальниками и товарищами въ генеральномъ штабѣ весьма почтенное имя. Мы ссылаемся на всѣхъ его сослуживцевъ. На службу гражданскую онъ поступилъ уже изъ отставки, въ 1857 году, не по протекціи Сухозанета, а познакомаясь случайно от

Сибирскимъ Муравьевымъ, который самъ предложилъ Извольскому службу и мѣсто въ Иркутскѣ. Вы, надѣмся, знаете, что надо отдать справедливость нынѣшнему графу Амурскому въ томъ, что онъ ищетъ себѣ честныхъ и способныхъ помощниковъ и что при назначеніи на важнѣйшія мѣста управленій въ Восточной Сибири онъ руководствуется, хотя можетъ быть иногда и ошибочно, но все таки собственными убѣжденіями о достоинствахъ избираемыхъ имъ для этого лицъ, а не протекціей того или другаго министра. Еслибъ Извольскій рассчитывалъ на протекцію Сухозанета, то могъ бы гораздо прежде поступить изъ отставки опять на службу,

“Все это могло быть такъ или иначе, съ тѣмъ или другимъ лицомъ, съ протекціей или безъ протекціи; въ журналѣ вашемъ могло быть помѣщено обо всемъ этомъ извѣстіе для нашего назиданія. Но какъ не подивиться вамъ, когда по поводу Извольскаго, вы печатаете, безъ всякаго разбора, рядъ нечестностей!

“Не знаемъ какъ у васъ въ Лондонѣ пишутся для Англичанъ разныя извѣстія. У насъ же въ Россіи, для Русскихъ, ни одинъ журналистъ не помѣститъ какой-либо доставленной ему статьи (въ особенности безъ подписи автора*), не отмѣтивъ въ ней разборомъ, примѣчаніемъ, или хоть просто какимъ-либо значкомъ въ скобкахъ, гѣхъ мѣсть, мыслей и доводовъ, съ которыми онъ не согласенъ; а если статья помѣщается безъ отмѣтокъ редактора, то всѣми принимается, что онъ вполне одобряетъ печатаемое и раздѣляетъ положенія, доказательства и мнѣнія автора статьи. Вы это очень хорошо знаете и въ другихъ случаяхъ даже спрашиваете, по поводу какого-либо извѣстія: *такъ-ли это, правда-ли?* а примѣчаніе, касательно службы Извольскаго, къ статьѣ о дуэли въ Иркутскѣ, вы помѣстили въ первобытной его чистотѣ, не найдя даже нужнымъ поставить вопросительный крючекъ на невѣжественные и пошлые аргументы, набранные для доказательства, что Извольскій вышелъ дурной администраторъ!”

Далѣе разсужденіе объ Альмскомъ сраженіи, не идущее къ дѣлу о г. Извольскомъ, а потомъ слѣдующее поученіе:

“Если можно извинить какого нибудь невѣжественнаго Иркутскаго чиновника, который, можетъ быть, въ досадѣ на управляющаго губерніею, — бездоказательно сочиняетъ на него небылицу и подкрѣпляетъ ее нечестнѣйшими разсужденіями; *то Александру Герцену непростительно безъ разбора печатать весь этотъ бессмысленный вздоръ. Объявляя во всеобщее, безъ всякаго просмотра, подобныя новости, вѣдь вы дѣлаетесь похожи на даму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ, повторяющую разсказъ протопопши, со всеми ея комментаріями о nocturno посѣщеніи Коробочки Чичиковымъ.*

* И это письмо не подписано.

“Нападайте на всѣ злоупотребленія лицъ и управленій въ Россіи; клеймите позоромъ ихъ взяточничество, невѣжество и деспотизмъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывайте фактами сообщаемыя вами свѣдѣнія; не искажайте по Иркутски нашей исторіи и здраваго Европейскаго смысла. Вѣдь послѣднее вредитъ пользѣ, которую приносятъ вашъ голосъ въ общемъ нашемъ отечествѣ.

“Вы обѣщали печатать въ *Колоколь* все, что вамъ будетъ доставлено въ защиту истины; а потому имѣю честь покорнѣйше просить и мое письмо помѣстить въ вашемъ журналѣ.

“Примите увѣреніе въ истинномъ къ вамъ почтеніи:

“*Русскій Офицеръ Генеральнаго Штаба.*”

Отъ издателя. Принимая на себя тяжелое бремя, обличенія злоупотребленій въ странѣ совершенно непривыкнувшей къ гласности, мы очень знали, что двѣ вещи неизбѣжны—ошибки въ доставленныхъ свѣдѣніяхъ, грубой тонъ поправокъ. Легко говорить о фактахъ и доказательствахъ! Возможны ли они не только намъ, но редакціи *Теймса*? Есть нравственное убѣжденіе, правдоподобіе въ изложеніи, въ обстоятельствахъ описываемыхъ происшествій, словомъ есть вѣроятность, что фактъ справедливый—но какъ бы сильна ни была вѣроятность, все она не полная юридическая достовѣрность. Въ этомъ случаѣ у насъ одно оружіе, искренняя готовность помѣщать отвѣтъ; почему же пользуясь ею защитники, считаютъ нужнымъ такъ безцеремонно обращаться? Не знаемъ... принимаемъ этотъ тонъ, за одно изъ горькихъ послѣдствій нашей чистой, изъятой всякаго лицепріятія службы истинѣ въ Россіи,—и передаемъ его на судъ нашихъ читателей...

С М Ъ С Ъ .

— *Еще тайная полиція.*—Занимаясь высочайшими награжденіями, повышеніями, благоволеніями, которыя струятся на *Гедерштерна* (не надобно смѣшивать его съ *Пордштремомъ, это другой*) и на вдовствующаго начальника III Отдѣленія *Леонтія Дуббельта*, мы проглядѣли было пожалованіе въ тайные совѣтники *Ульрихса*.

Что же такое Ульрихсъ? Эта фамилія напоминаетъ намъ молодые годы, университетъ, всеобщую исторію Шрека и добраго гелертера Юлія Ульрихса читавшаго намъ о Юліѣ Цезарѣ. Но это не онъ, а его сынъ Федоръ Юльевичъ. Онъ не любитъ древнюю исторію, а самую новѣйшую и изучаетъ ее по источникамъ—по письмамъ *еще не дошедшимъ по адресу*. Почтовое вѣдомство, надобно ему отдать полную справедливость, дало всевозможныя пособія ученому предиріятію подпечатыванія писемъ и даже приставило при Ульрихсѣ

разныхъ адъютантовъ *des lettres decachetées*, подъ приличнымъ, хотя и безсмысленнымъ названіемъ *ценсоровъ знающихъ иностранные языки*. Не видя имъ никакой награды, мы рѣшаемся представить ихъ къ повышенію: 1) д. ст. сов. Ивана Федоровича *Вейрауха*, занимающагося *хирургіей* этого дѣла и дѣлающаго операціи, безъ поврежденія и слѣдовъ, 2) ст. сов. Петра *Витте*, 3) Алекс. Мартыновича *Домбровскаго* (изъ лиценстовъ!) 4) Вл. Федор. *Шора* (кандидата московскаго университета!). Сверхъ того не надобно забывать и болѣе скромныя услуги ихъ ювѣйшихъ помощниковъ: Ивана *Прокофьева*, Франца *Гольмблата*, Павла *Мазнера* и Дмитрія *Штера*. Да помянетъ ихъ государь императоръ, въ Царскомъ Селѣ своемъ, и нынѣ и присно и въ будущее трехлѣтіе! Аминь!

— *Еще разъ о Старицкомъ*. — Мы получили письмо отъ Полтавскаго помѣщика, не совершенно согласнаго съ горячимъ защитникомъ Старицкаго. Мы просимъ извиненія, что не помѣщаемъ его письма, полемика эта намъ кажется утомительною. Скажемъ только что Полтавскій помѣщикъ упоминаетъ о замѣчательной подсудимости Старицкаго, о прощеніи въ 1825 году съ оставленіемъ въ подозрѣніи; но что подозрительнѣе этого, это претензія Гвоздева и Жданова, которая впрочемъ не спасла его отъ очень непріятныхъ послѣдствій (по словамъ корреспондента,) на дворянскихъ выборахъ Полтавской губерніи. Онъ болотировался въ дворянскіе предводители Полтавскаго уѣзда, а вмѣсто того онъ былъ, при помощи князя П. Цергелева и г. Тарновскаго, *освобожденъ* дворянствомъ отъ права присутствовать въ Полтавскомъ дворянскомъ собраніи.

— *Князь А. О. Голицынъ*. — Съ какимъ невыразимымъ и искреннимъ удовольствіемъ прочли мы, что *нашъ* Голицынъ junior, членъ инквизиторъ слѣдственной комиссіи, судившей насъ въ 1834 — сдѣланъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, судящей въ 1860 — Харьковскихъ студентовъ — черезъ 26 лѣтъ!..... Это постоянство занятій, направленія, въ высшей степени почтенно — и должно быть сверхъ того очень здорово. Салвотти, пытавшій въ двадцатыхъ годахъ друзей Гонфалоньери и Сильвіо Целлико, пыталъ ихъ сыновей въ 1849, и вѣроятно пытается теперь внучатъ ихъ. Всѣ политическіе хирурги (не говоря о Пеликанѣ) два вѣка живутъ; даже у Шиллера въ Донъ Карлосѣ инквизиторъ представлялъ столѣтнимъ старцемъ — слѣпымъ и сѣдымъ.

— *По части помѣщичьяго псолюбія*. — Саратовской губерніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ, помѣщикъ *Федоровъ*, возвратился съ охоты, собаки были спущены со сворь; одна изъ

нихъ бросается на 9 лѣтнюю дѣвочку и начинаетъ ее кусать; на крикъ ребенка прибѣгаетъ отецъ; увидя окровавленную, искусанную свою дочь, — онъ хватаетъ ребенка на руки и желая защититься отъ ярости собаки, ударилъ собаку, коромысломъ. Псолюбивый баринъ, услыша визгъ собаки вышелъ на дворъ и въ свою очередь, справедливо разсвирѣпѣвъ за обиду собаки, принялся за дерзкаго раба. Бѣднякъ забылся до того, что въ порывѣ отчаянія оттолкнулъ псолюба; разумѣется, за такую продерзость раба, его сковали и нынѣ ссылаютъ въ Сибирь на поселеніе!

— *По части помѣщичьяго благодущія*. — Филантропы помѣщики заставляютъ своихъ крестьянъ работать по 4 дня въ недѣлю — кто *посмѣлье* гоняетъ на барщину по 5 дней, но есть не мало, у которыхъ работаютъ и по 6 дней.* Такъ въ Сердобскомъ уѣздѣ взбунтовались мужички Ветчинина за то, что ихъ гоняли на работу по 6 дней въ недѣлю. Исправникъ Гриневичъ налетѣлъ съ командой и перепоролъ болѣе 40 человекъ безъ всякихъ распросовъ. “Помѣщикъ де—правъ, кто смѣетъ нарушать его священное право”, а *либеральный* предводитель Ознобишинъ нашель, что все дѣлается по закону. Къ нему же Ознобишину пришла жаловаться мужички г. Бернова на страшныя притѣсненія управителя. Когда они вернулись, имъ дали по 500 розогъ, чтобы не беспокоили начальство — и дѣло улажено.

— *По части помѣщичьяго благодущія и губернаторскаго бездущія*. — Къ исправлявшему должность Симбирскаго губерн. предводителя привели старика, которому помѣщикъ его Сумароковъ, далъ 700 розогъ и такъ избилъ его, что бѣдняка вынуждены были послать въ больницу. Когда его вылечили, предводитель отправилъ его обратно пригношеніи къ уѣздному предводителю (Хвалынскаго уѣзда) Пятницкому и просилъ его унять “благодущнаго” отца-помѣщика. На это Пятницкій отвѣчалъ оффиціально, что баринъ за грубость далъ ему *только 100 розогъ* (закономъ дозволяется только 30) и что помѣщикъ былъ въ своемъ правѣ. Все это сообщено было губернатору Игнатьеву—тѣмъ дѣло и кончилось.

— *Помѣщикъ Протопоповъ* владѣетъ имѣніемъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ, а въ Симбирской губерніи у него суконная фабрика. Сукно свое онъ продаетъ очень выгодно, на примѣръ онъ продаетъ его на мѣстѣ съ условіемъ доставить въ Ставрополь Кавказскій, а мужички должны даромъ отвезти его туда.

* Управляющій К. Кочубея, Витвицкій на примѣръ, заставляетъ работать крестьянъ по 6 дней въ недѣлю; — да сверхъ того съчетъ ихъ страшно и беретъ по наряду женщину.

Кузнецкіе же платятъ оброкъ и, въ случаѣ спѣшной работы, ихъ тащутъ на фабрику работать сверхъ оброка. Намъ довелось на постояломъ дворѣ слышать разсказъ Протопоповскихъ мужиковъ возвращавшихся съ Кавказа.

— *Помѣщичьи злодѣйства.* — ; Правда-ли, что Крестецкаго уѣзда Новгородской губерніи помѣщикъ *Масленицкій* убилъ своего мальчика въ банѣ шайкою, велѣлъ человѣку, которому онъ довѣряетъ, бросить трупъ въ прудъ, и объявилъ въ судѣ, что найденъ утопленникъ, а когда довѣренное лице измѣнило ему, тогда онъ откупился отъ продажнаго правосудія?

— *Теорія стѣненія Петербургской полиціи.* — На Невскомъ проспектѣ обокрали Француженку; дворника взяли въ часть, жестоко высѣкли и отправили въ больницу. Вступившемуся за это безсудное дѣло домовладѣльцу, оберъ-полицеймейстеръ объявилъ, что дворниковъ *всегда будутъ слыть безъ слѣдствія и суда.* Вотъ какая привилегія!

— Можетъ ли быть *исправляющій должность сверхштатнаго члена?* И очень, особенно въ такомъ присутственномъ мѣстѣ, которое само по себѣ сверхштатно и ненужно. Шереметевъ (женившійся на дочери М. Н. Муравьева) считается *исправляющимъ должность сверхштатнаго члена присутствія строительной конторы министерства императорскаго двора!* Много бо можетъ молитва родителей!

— ; *Правда-ли* что Русскихъ матросовъ въ Виллафранкѣ истязаютъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, не стыдятся даже близости Сардинскихъ и Французскихъ офицеровъ? Правда-ли что одинъ *Русскій Нѣмецъ*, не только наказываетъ линьками и собственнымъ *фамильнымъ перстнемъ*, но открыто говорить, что съ этой bestіей русскимъ солдатомъ, нельзя иначе обходиться? Константинъ Николаевичъ, Бога ради—*правда-ли это?*

; Правда ли, что доносчикъ Лужинъ отданъ *подъ судъ*, за превышеніе власти, и за нанесеніе побоевъ арестанту? Не можетъ быть, до этого смыслъ справедливости не можетъ идти въ правительствѣ, коего часть (и очень длинная) — *Панинъ.*

Издатели объявляютъ, что полученные ими отъ “Русскихъ путешественниковъ”, 4 фунта, и отъ “Русскаго чиновника”, 3 фунта ст. для Гарибальдѣвскаго фонда, переданы Лондонскому Комитету.

ПРОДАЮТСЯ

У ТРЮБЦЕРА и Ко. 60, PATERNOSTER ROW :

- ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА ЗА 1855, 1856, 1857, 1858, 1859.
(Оглавленіе V книжки ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ : Стихотворенія Рылѣва, Рылѣва и Бестужева, Кюхельбекера, Пушкина, Языкова, Разныхъ Авторовъ ; Разборъ донесенія Слѣдственной Комиссіи, Н. Муравьева; Былое и Думы, Искандера; Взглядъ на тайное общество въ Россіи, Лунина; Памяти Художника, Н. Огарева; Разговоръ съ Дѣтми, Искандера; Стихотворенія Н. Огарева). Цѣна одной Книжки 8s. 0
- ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ, Искандера (съ портретомъ автора) ... 5s. 0
- ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ, Искандера (1847-1852).
съ портретомъ автора. 8s. 0
- СЪ ТОГО БЕРЕГА, Искандера. 6s. 0
- ТЮРЬМА И ССЫЛКА, Искандера (съ портретомъ автора)... .. 7s. 6
- КРЕЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, Искандера. Третье изданіе ... 2s. 0
- ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ Книжка I — VII каждая 2s. 0
- СТАРЫЙ МІРЪ И РОССІЯ, Письма А. Герцена къ В. Линтону,
(переводъ съ французскаго.) 2s. 0
- РУССКОЙ НАРОДЪ И СОЦІАЛИЗМЪ. Письмо къ Н. Мишле
Искандера, (Переводъ съ Французскаго)... .. 2s. 0
- 14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ. Издапо редак-
ціей Полярной Звѣзды, по поводу книги Барона Корфа... .. 7s. 6
- КОЛОКОЛЬ на 1857, 1858 1859 и 1860 (прибавочные листы
къ Полярной Звѣздѣ.) Каждый листъ 0 6
- ПОДЪ СУДЪ (прибавочные листы къ Колоколу) отдѣльно 0 6
- КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЦЕВЪ (съ предисловіемъ
Искандера) 340 стр. 10s. 6
- СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ОГАРЕВА (съ портретомъ автора) 492 стр. ... 10s. 6
- ЮМОРЪ (de l'Humour) Н. Огарева... .. 2s. 0
- ФРАНЦІЯ или АНГЛІЯ? Переводъ съ Французскаго, Искандера... 1s. 6
- ЗАПИСКИ КНЯГИНИ В. Р. ДАШКОВОЙ (Переводъ съ Англійскаго)
505 стр. 12s. 0
- ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, (Переводъ съ Фран-
цузскаго.) 277 стр. 8s. 0
- ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ Вольной Русской Типографіи въ
Лондонѣ. Книжка первая. Съ приложеніемъ портрета Павла I
публикованнаго въ Лондонѣ въ 1799. 4s. 0
- КТО ВИНОВАТЪ? Романъ въ двухъ частяхъ. — Искандера.—
2ое изданіе 6s. 0
- ДУМЫ К. РЫЛѢВА съ Предисловіемъ Н. Огарева (изданіе
Искандера.) 2s. 6
- ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855 — 1860) Соціальныя и политическія
статьи ИСКАНДЕРА и Н. ОГАРЕВА. Часть I Искандера. .. 6s. 0
- (Оглавленіе I части : Введеніе, Письмо къ императору
Александру II, Еще варіація на старую тему, Революція въ
Россіи, Письмо къ Императору Александру II, Черезъ три
года и черезъ три года съ половиной, Письмо къ императрицѣ
Маріи Александровнѣ, Америка и Сибирь, Россія и Польша
Отвѣтъ Русской Дамѣ, Война и миръ, Русскіе Нѣмцы и
Нѣмецкіе Русскіе, 1860 годъ).

печатаются

- ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855 — 1860) Соціальныя и политическія статьи
ИСКАНДЕРА и Н. ОГАРЕВА. Часть II, Н. Огарева.
ЗАПИСКИ ИЗЪ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы ИВАНА
ВЛАДИМИРОВИЧА ЛОПУХИНА, составленныя имъ самимъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill Place, Caledonian
Road, N., London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи —5, Thornhill Place, Caledonian Road, N. Цѣна 1 шил. съ шестымъ листомъ— ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 75.

1 Іюля 1860.

У Трубнера & Co., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price One shilling, with Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Розги долой—Коммисіи по освобожденію крестьянъ—Мухановъ что на Вислѣ.

РОЗГИ ДОЛОЙ!

Мы хотимъ сдѣлать очень простое и очень возможное предложеніе—образованному меньшинству дворянства, предложеніе не влекущее за собой ни отвѣтственности, ни опасности. Мы предлагаемъ ему составить:

СОЮЗЪ ВОЗДЕРЖАНІЯ ОТЪ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНИЙ.

Степень образованія этого меньшинства, его поведеніе въ губернскихъ комитетахъ, его совершеннѣе выразившееся въ желаніи самоуправленія,—все это несовмѣстно съ дикимъ битьемъ и сѣченіемъ крѣпостныхъ. Во времена неразвитости и патріархальнаго звѣрства, совѣсть наказывающаго была, до нѣкоторой степени, чиста, онъ вѣрилъ, что это не только его право, но думалъ, что это его долгъ. Теперь этому никто не вѣритъ, всякій знаетъ теперь, что наказаніе безъ суда, изъ личныхъ видовъ, есть своекорыстное употребленіе права сильнаго,—такая же пытка какъ стяганье лошади. Крестьянъ и дворовыхъ бьютъ исключительно и единственно изъ денежныхъ выгодъ и мѣлкихъ удобствъ.

Правительство не можетъ препятствовать, и не будетъ такому отрицательному союзу... Правительство не вмѣняетъ дворянству въ обязанность *сечь крѣпостныхъ*. Оно только позволяетъ и отечески помогаетъ, когда помѣщикъ самъ выбивается изъ силъ, или когда *вбиваетъ* въ силу мужика.

Пусть помѣщики подумаютъ, что сѣчь и такъ остается не долго, въ слѣдъ за нелѣпностью переходнаго состоянія придется по неволѣ растаться съ розгой... не лучше-ли же добровольно отказаться отъ нея? Бросить розгу, такъ какъ французское дворянство 4 Августа бросило въ огонь свои феодальныя грамоты.

Отказаться отъ права сѣчь въ виду Черкасской партіи, въ виду Самарина и Милютина, воссоединенныхъ съ Черкасскимъ—благородно. За кого въ самомъ дѣлѣ васъ принимаетъ правительство, думая что вы требуете для себя правъ человѣческихъ и хотите сѣчь безъ суда,—и это въ то время, когда само правительство начинаетъ ограничивать въ военной службѣ побой?

Пусть въ каждой губерніи три-четыре помѣщика дадутъ между собою *честное слово никогда не прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ*, никогда не допускать себя до побоевъ,—этого довольно для начала. Само собою разумѣется, что дѣло

Годъ IV.

надобно дѣлать не въ половину, мало не бить людей изъ собственныхъ рукъ, и не посылать ихъ сѣчь... надобно запретить управляющимъ, старостамъ, дворецкимъ и запретить такъ чтобъ крестьяне знали, чтобъ дворовые знали!

Не первый разъ приходится намъ стыдиться бѣдности нашихъ требованій... Да, многое надобно укротить въ себѣ, многое заставить молчать, чтобъ протянуть руку, прося какъ милостыню..... чего?... признанія въ себѣ и ближнемъ человѣческаго достоинства!

Но лишь бы голосъ нашъ не остался тщетнымъ, лишь бы напомнить однимъ, надоумить другихъ, что пришло время оставить палачество; лишь бы удалось на первый случай избавить нѣсколько мужиковъ отъ истязаній и нѣсколько помѣщиковъ отъ пятна.

Что помѣщики дѣлали прежде, мы знать не хотимъ. На прошедшее мы закрываемъ глаза, многое дѣлалось по невѣдѣнію, по привычкѣ, по скверному воспитанію, по безобразному примѣру родительскаго дома... Амнистія, забвеніе и тутъ необходимы. Но три года тому назадъ положеніе измѣнилось; и съ тѣхъ поръ какъ вопросъ объ освобожденіи былъ поднятъ правительствомъ, обсуживался въ журналахъ, въ гостинныхъ и переднихъ, въ столицѣ и провинціяхъ, *съ тѣхъ поръ нельзя быть честнымъ и образованнымъ человѣкомъ и бить своихъ людей*. (Разумѣется, мы исключаемъ теоретическихъ фанатиковъ розги, это поврежденные, они могутъ врать вздоръ и быть честнѣйшими людьми, какъ всякій сумасшедшій).

Давайте же другъ другу честное слово не сѣчь вашихъ мужиковъ, составляйте не одинъ союзъ, а сотни, въ разныхъ губерніяхъ, въ разныхъ уѣздахъ. Не бойтесь пуще всего вашей малочисленности, два дѣятельныхъ человѣка, твердо идущихъ къ своей цѣли, сильнѣе цѣлой толпы никакой цѣли неимѣющей. Развѣ Уилберфорсъ, развѣ Кобденъ не начинали съ трехъ-четырехъ человѣкъ столковавшихся въ клубѣ, или въ тавернѣ?... Вѣдь это одно самодержавіе изъ своихъ видовъ лишаетъ людей довѣрія къ себѣ, на этой мнимой безпомощности покоится опека рабства; человѣкъ—и слабъ какъ искра и силенъ какъ искра, если вѣрить въ свою силу, и во время попадетъ въ приготовленную среду.

Бросайте же подлюю розгу и давайте другъ другу ваши руки на *Союзъ противъ тѣлесныхъ наказаній!* И—ръ.

КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Продолженіе).

Предварительныя соображенія финансовой комиссіи редакціонныхъ комиссій и труды комиссіи для устройства земскихъ банковъ.

Свое углубленіе въ предметъ финансовая комиссія начинаетъ съ “порядка добровольныхъ соглашеній помѣщиковъ съ крестьянами.” Лучшей критики на добровольныя соглашенія, какъ эти двѣ страницы съ половиной, посвященныя имъ комиссіей, трудно представить. Начинается съ выписки изъ мѣстнаго Ростовцева :

“1) По полюбовномъ заявленіи соглашенія обѣихъ сторонъ на выкупъ, самыя условія выкупа должны быть также не обязательныя, а полюбовныя ;

“2) Если однакоже по заявленіи помѣщиками согласія продать, а крестьянами купить полевую землю, обѣ стороны не сходились бы въ оцѣнкѣ, то къ соглашенію ихъ долженъ привести избранный ими самими Третьейскаго суда по совѣсти, оцѣнка котораго для обѣихъ сторонъ обязательна.”

За симъ, вовсе не замѣчая смѣшного этой выписки, гдѣ съ государственной важностью объявляется, что при полюбовномъ соглашеніи условія должны быть полюбовныя, но что, если условливающимся стороны до полюбовности не договорятся, то впоследствии рѣшеніе суда обязательное, т. е. что во всякомъ случаѣ постановляется немислимая нелѣпость *обязательной полюбовности*,—финансовая комиссія, съ такой же государственной важностью, сама соображаетъ :

“Нѣтъ сомнѣнія, что въ большей части случаевъ обѣ стороны будутъ согласны на выкупъ ; главные же затрудненія будутъ состоять въ соглашеніи относительно условій выкупа, т. е. въ опредѣленіи, какіе именно участки земли выкупаются и за какую сумму ?”

Да въ этомъ то весь и вопросъ ; согласіе на выкупъ не составляетъ вопроса, оно предпоставлено. Чтожъ это все толковать—и не двигаться съ мѣста ! И куда же приходитъ финансовая комиссія для рѣшенія затрудненій ? Къ посредничеству на основаніи 1128 ст. Св. Зак. Гражд. Т. X., Ч. II. Выпишемъ ее для ясности :

“Въ тѣхъ особенныхъ случаяхъ и мѣстахъ, гдѣ разборъ чрезъ посредниковъ безъ записи, независимо отъ произвола сторонъ, установленъ закономъ, онъ именуется мировымъ разборомъ особеннымъ. Сей разборъ предшествуетъ тяжбному производству въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, и по связи его съ симъ не входитъ въ составъ сего раздѣла, а опредѣляется въ особенности по каждому роду дѣлъ, по коему онъ установленъ.”—Св. Зак. Т. X., Кн. II, Разд. VI, Гл. I.

Не говоря уже о томъ какъ трудно идти по кочковатому пути этой статьи,—спрашивается : почему именно на нее оперлась финансовая комиссія ? Эта статья относится исключительно къ мировому разбору *до начатія тяжбы*. Основываясь на ней, комиссія должна допустить тяжбу судомъ обыкновеннымъ между помѣщикомъ и крестьянами въ случаѣ неудовлетворенія одной изъ сторонъ рѣшеніемъ мирового разбора *особеннаго*. И почему мировой разборъ особенный, очевидно производимый лицами назначенными отъ правительства, и сверхъ того разборъ безъ записи, разборъ только предварительный,—комиссія предпочитаетъ разбору Третьейскаго суда съ формальной записью (Т. X., Ч. II, ст. 1129),* т. е. разбору окончательному, о которомъ говоритъ Ростовцевъ и который основанъ на довѣршіи, а не на внѣшнемъ подчиненіи тяжущихся посредствующему суду ? Не находя логически достаточной причины такому предпочтенію, мы не-

* Мы не можемъ удержаться, чтобы не замѣтить и ст. 1130, которая въ числѣ обязанностей всякаго мирового разбора, признаетъ обязанность : “облегчить судебныя мѣста !”

вольно приписываемъ его внѣшнему влеченію финансовой комиссіи къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Она говоритъ : “По неопредѣлительности нашего законодательства относительно такого посредничества (т. е. мирового разбора по ст. 1128), нынѣ составляются въ *особой комиссіи* (при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) подробныя по сему предмету правила, въ примѣненіи къ крестьянскому дѣлу.” (стр. 17). Въ самомъ дѣлѣ какъ не порадовать этой особой комиссіей, новорожденной дочери министерства внутреннихъ дѣлъ ! Принять прямо Третьейскаго суда—значило бы все дѣло представить выбору тяжущихся и совѣсти и здравому смыслу судей ; на что-жъ бы это было похоже ? Эдакъ, пожалуй, не нужно ни особыхъ комиссій, ни особыхъ регламентацій. А какъ подумаешь, что когда добровольныя соглашенія хватаютъ дальше чѣмъ какая-нибудь случайная частная сдѣлка, да притомъ и обязательны, стало бы дѣло выходить изъ за предѣловъ суда и прямо просится на рѣшеніе совѣщаній всѣхъ сословій и принятіе общей мѣры для известной мѣстности, для цѣлаго отдѣльнаго края, который по условіямъ жизни составляетъ естественную группу, самобитное цѣлое... ну ! такъ ужъ лучше сослаться на такую статью свода, на которую, при небольшомъ здоровомъ смыслѣ, и въ маленькомъ частномъ дѣлѣ не захочешь сослаться,—да изъ нея и вывести не то предположеніе, не то рѣшеніе задачи, а такъ нѣчто похожее на глубокое соображеніе...

Но вдругъ финансовая комиссія, очнувшись отъ глубокихъ соображеній, вдохновенно пришла къ заключенію, что достаточно согласія одной стороны на выкупъ..... для чего?.... Подумаешь для того, чтобы другая сторона не имѣла права отказать ?... Нѣтъ ! а вотъ для чего :

“Заявленное одною стороною согласіе надлежало бы считать для нея окончательнымъ, и по поступленіи такого заявленія отъ другой стороны, не требовать уже новаго удостовѣренія въ согласіи первой.”

Что это—до какого идиотизма могутъ дойти даже умные люди, когда начинаютъ сознавать, что и въ нихъ засѣла доля величія петербургскаго правительства !

Но тутъ еще не кончено. Изъ положенія, что достаточно согласія одной стороны на выкупъ, всякой немудреный человекъ заключитъ, что согласіе освобождающихся крестьянъ платить выкупъ обязываетъ помѣщика принять его ; но финансовая комиссія выводитъ заключеніе на оборотъ,—что если помѣщикъ согласенъ взять выкупъ, то крестьяне не имѣютъ права отказать, что “въ такомъ случаѣ выкупъ земли не можетъ уже быть поставленъ исключительно въ зависимость отъ *произвола крестьянъ*,” а потому комиссія и предлагаетъ, “для ускоренія выкупной операціи, дозволяться предъявленіемъ согласія на выкупъ *со стороны одного помѣщика*.” (стр. 18.) Куда же дѣвались всѣ розказни редакціонныхъ комиссій о томъ, что обязательнаго выкупа не лзя принять, потому что не лзя заставить крестьянъ насильно покупать землю ! Но комиссія спѣшитъ поправиться и говорить :

“Для этого необходимо однакоже обставить дѣло такъ, чтобы ни личныя, ни имущественныя права крестьянъ, предоставляемыя имъ по новому Положенію, не были нисколько нарушены обращеніемъ ихъ денежныхъ оброковъ въ ежегодныя платежи по выкупу.”

“*Необходимо обставить дѣло такъ.....*” Да какъ же ? Въ этомъ-то и вопросъ. Ужъ если соображать—его-то и надо было соображать. Но комиссія не до него ; она обращаетъ свое глубокомысленное вниманіе на то, что

“Нужно будетъ, въ свое время, опредѣлить, въ какой формѣ и куда заявленія о согласіи на выкупъ должны быть представляемы и съ какого срока откроется ихъ приемъ.”

Послѣ чего она заключаетъ :

“Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительство объявитъ, какое участіе приметъ оно въ этомъ дѣлѣ и на какихъ условіяхъ обезпечитъ помѣщику одновременное получение выкупной суммы, а крестьянамъ облегчитъ уплату этой суммы.

“Обезпечивая такимъ образомъ (какимъ?...) выкупъ крестьянскихъ угодій, Правительству необходимо обезпечить и себя отъ потерь несправедливыхъ, и для того условія полюбовнаго выкупа должны быть утверждены правительственнымъ учрежденіемъ, которое будетъ на то уполномочено и получить особую инструкцію.”

Все дѣло кончается туманнымъ положеніемъ о непремѣнномъ вмѣшателствѣ бюрократіи, не имѣющей никакихъ разумныхъ основаній для своихъ дѣйствій. Да отыдетъ же наконецъ царствіе ея!

Изъ соображеній финансовой комиссіи о “порядкѣ добровольныхъ соглашеній помѣщиковъ съ крестьянами по выкупу” — очевидно, что задача *обязательныхъ добровольныхъ соглашеній* неразрѣшима, потому что содержитъ *логическое противурѣчіе*, и трудящійся надъ нею необходимо рѣшить въ пользу одного изъ двухъ прилагательныхъ. По обстоятельствамъ русской жизни рѣшеніе невольно остается на сторонѣ *обязательнаго* выкупа, къ чему *безсознательно* пришла и сама финансовая комиссія, *подчинивъ полюбовный выкупъ подъ управленіе* неизвѣстнаго правительственнаго учрежденія, уполномоченнаго особой неизвѣстной инструкціей. Мы любимъ особыхъ правительственныхъ учрежденій и особыхъ инструкцій, потому что мы въ нихъ не вѣримъ; а не вѣримъ мы въ нихъ потому, что не только не видимъ въ правительствѣ силу, но видимъ совершенное безсиліе создать ихъ. Изъ самихъ соображеній финансовой комиссіи и вообще изъ трудовъ редакціонныхъ комиссій въ глаза бросается — какъ даже и свѣдущіе и умные люди впадаютъ въ пустоту формализма и тяжелое умственное безсиліе, потому только, что становятся органами правительства. Не въ нихъ спасеніе. Способъ обязательнаго выкупа можетъ быть рѣшенъ только на губернскихъ, или — по русски — *областныхъ совѣщаніяхъ всѣхъ сословій*.

Здѣсь мы должны сдѣлать невольное отступленіе отъ соображеній финансовой комиссіи къ современному ходу дѣла. Говорятъ — и кажется навѣрно — что государь согласился на предложеніе депутатовъ губернскихъ комитетовъ, чтобы дворянство само, по соглашеніямъ съ крестьянами, учреждало выкупъ два года; а если въ два года не покончить, то уже правительство учредить выкупъ общей финансовой мѣрой.* Что дворянство въ два года ничего не сдѣлаетъ частными сдѣлками, это ясно по очень простой причинѣ: крестьяне на частныя сдѣлки не пойдутъ, подозрѣвая въ нихъ надувательство, и тѣмъ болѣе не пойдутъ, что имѣютъ въ виду черезъ два года общую мѣру. Но что черезъ два года правительство не приметъ общей финансовой мѣры, и это также не подлежитъ сомнѣнію. Достаточно взглянуть на жалко-подробный трудъ редакціонныхъ комиссій и вспомнить, что это трудъ

* Наконецъ “Le Nord,” отъ 26 Іюня, N. 172, разрѣшаетъ недоумѣніе и объявляетъ, что крестьянскій вопросъ дѣйствительно подвинулся — изъ зданія перваго кадетскаго корпуса, гдѣ умеръ Ростовцевъ — въ домъ Министерства Юстиціи, гдѣ живетъ Панинъ. Оттуда туда перемишуютъ редакціонныя комиссіи удобства ради, находя, что легче передвинуть комиссіи съ ихъ трудами, чѣмъ Панина съ его Топильскимъ. Такая неподвижность министра истинно умилительна и напоминаетъ намъ сколько было сдѣлано усилій при перевозкѣ Александровской колонны, которую все же перевезли, между тѣмъ какъ этотъ столбъ Имперіи не перевезимъ.

людей, по уму и образованію стоящихъ неизменно выше тѣхъ казенныхъ государственныхъ сановниковъ, изъ которыхъ слѣплено правительственное гнѣздо, — чтобы убѣдиться въ отсутствіи у правительства всякой живой способности къ какой-либо общей мѣрѣ, къ какому-либо дѣйствительно живому дѣлу. Что-же?... Стало надо впасть въ отчаяніе? все потеряно?... Ни чуть! Все выиграно. Время выиграно. Его не надо терять. Что бы то ни было — дать ли правительству право дворянству на двухъ годовыя соглашенія, или признаетъ длинное переходное положеніе, — все равно, и то и другое перейдетъ въ общую мѣру выкупа *по губерціямъ*, или — по русски — *по областямъ*, учреждаемую на областныхъ совѣщаніяхъ. Образованное меньшинство губернскихъ дворянъ, дѣйствуя дружно, и немедленно войди въ переговоры съ крестьянами, — возвыситъ частныя переговоры до необходимости обратить ихъ въ общую областную мѣру. Большинство дворянъ должно будетъ подчиниться этому вліянію, потому что иначе крестьяне ихъ задуютъ. Соединеніе дворянства съ народомъ стало единымъ условіемъ жизни для дворянства, единымъ способомъ самосохраненія. Отсюда естественное стремленіе учредить выкупъ собственными областными средствами, областными общественными банками, за круговой порукой всѣхъ сословій, а слѣдственно и стремленіе къ областнымъ совѣщаніямъ всѣхъ сословій. Правительство не можетъ мѣшать этому движенію, не налагая на себя руки. Еслибы ему и вздумалось принять это движеніе за бунтъ — кого оно пошлетъ усмирять его? Офицеры, которые водили солдатъ на запорожіе мужиковъ, не пойдутъ противъ дворянъ; они сами изъ дворянъ и подчинятся движенію дворянства. Солдаты — изъ мужиковъ; они не пойдутъ противъ своихъ — тѣмъ болѣе, что ближайшее начальство не поведетъ ихъ, да и большая часть благородныхъ офицеровъ сами волею и неволею примутъ участіе въ томъ же движеніи. Слѣдственно это движеніе не избѣжно. А по дорогѣ достигнется цѣль областного выборнаго самоуправленія, связаннаго въ одно федеративное государство. Къ этому пруть всѣ давшія силы въ Россіи; это ея естественное тяготѣніе, а такъ какъ оно сильнѣе мѣшающихъ препятствій, то препятствія устанутъ и уступятъ. Вотъ цѣль, вотъ будущность. Пойдемъ къ ней твердымъ и спокойнымъ шагомъ. Давныя силы въ государственной жизни развиваются по тѣмъ же законамъ механики, какъ и всѣ движенія тѣлъ земныхъ и небесныхъ: вычислить ихъ вѣроятность и вести къ достовѣрности — задача гражданскихъ дѣятелей — также, какъ при мѣнить естественныя силы къ машинѣ задача механика.

Но теперь вернемся къ финансовой комиссіи.

Соображая “размѣръ выкупной суммы и выкупныхъ платежей” она рассуждаетъ, что по отмѣнѣ крѣпостной зависимости и по отмѣнѣ барщины за девятилѣтнее безсрочное пользованіе крестьянами землей —

“Постоянный доходъ помѣщиковъ съ земель, поступившихъ въ надѣлъ крестьянамъ, будетъ заключаться въ денежномъ оброкѣ. При уступкѣ земель крестьянамъ за выкупъ помѣщикъ лишится этого дохода, а потому и долженъ получить соразмѣрное вознагражденіе. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить высшій размѣръ выкупной суммы не отъ числа угодій, а суммой постояннаго дохода или оброка.”

Почему же *высшій размѣръ*? Вопросъ не въ высшемъ размѣрѣ, а въ приблизительно справедливомъ, въ которомъ бы оброкъ возможно близко соотвѣтствовалъ стоимости угодій.

“Не подлежит сомнѣнію, говорить комиссія, что доходъ этотъ въ многихъ случаяхъ будетъ превышать дѣйствительную стоимость поземельныхъ угодій, такъ какъ для опредѣленія размѣра крестьянскихъ оброковъ, редакціонныя комиссіи приняли за исходную точку не поземельную ренту, а нынѣшнія повинности, установившіяся подъ вліяніемъ крѣпостнаго права.”

Но если этотъ доходъ ярко превышаетъ стоимость угодій—стало тутъ есть ошибка; или доходъ признанъ ложно, или угодій дано слишкомъ мало. Тамъ гдѣ земли дороги, т. е. дошли до приблизительно постоянной продажной цѣны, средній доходъ не можетъ не соответствовать стоимости угодій; тамъ гдѣ доходъ огроменъ, на пр. въ Заволжьи, а земли дешевы—земли больше, и надѣлъ долженъ быть больше, да сверхъ того долженъ быть приведенъ въ ясность доходъ именно отъ крѣпостнаго труда, за исключеніемъ дохода съ земли, обрабатываемой помѣщиками наймомъ, такъ что Заволжскій помѣщикъ, обрабатывающій 1000 десятинъ при 100 душахъ, можетъ брать въ расчетъ для выкупа надѣла, только тотъ доходъ, который ему давалъ трудъ 50 тяголъ, а не весь доходъ съ 1000 десятинъ; но если бы и при этомъ оказалось, что доходъ несравненно больше чѣмъ польза отъ надѣла, то помѣщикъ долженъ прибавить надѣлъ не возвышая выкупной суммы, чтобъ возможно было приблизительное соответствіе дохода къ его капитализаціи. Для отдѣльной области выкупъ можетъ быть основанъ на капитализаціи средняго, а не высшаго дохода, слѣдственно только средній размѣръ выкупной суммы можетъ быть принятъ за высшій? Мы не понимаемъ ясно, что разумѣть финансовая комиссія подъ *высшимъ размѣромъ*; это выраженіе можетъ завлечь къ уродливой мысли капитализаціи высшаго дохода. Также мы не понимаемъ какую абстрактную поземельную ренту хотѣлось бы финансовой комиссіи принять за исходную точку, вмѣсто нынѣшнихъ повинностей, принятыхъ редакціонными комиссіями? Въ Россіи въ настоящую минуту не лзя и выдумать иной поземельной ренты, какъ тѣ повинности, которыя равнялись найму, платѣ помѣщикамъ крестьянами за пользованіе землею. Свободный наемъ земли у насъ существуетъ въ такихъ маленькихъ размѣрахъ, что по немъ, т. е. на основаніяхъ конкуренціи отдачиковъ или наемщиковъ, мы ни какъ не можемъ опредѣлить поземельной ренты, съ той наглядностью, съ какой опредѣляемъ процентъ съ займа, т. е. съ платы за пользованіе денежнымъ капиталомъ; для насъ другой исходной точки нѣтъ какъ повинности, т. е. доходъ, получаемый съ крѣпостнаго труда. Мы еще менѣе понимаемъ, почему—

“Это обстоятельство (т. е. что поземельная рента и нынѣшнія повинности у насъ одно и то же) даетъ особенное значеніе гарантіи правительства при выкупѣ крестьянами ихъ надѣла, ибо всякое другое содѣйствіе, въ условіяхъ обыкновеннаго (?) поземельнаго кредита, было при этомъ очевидно не полно и недостаточно.”

Для насъ это вовсе не очевидно. Положимте, что поземельная рента опредѣлилась конкуренціей найма и ее капитализировали для выкупа—почему же тутъ значеніе правительственной гарантіи имѣло бы *меньшее* значеніе? И почему это значеніе *больше* когда рента равна повинностямъ? Развѣ потому, что вмѣшательство правительства не дозволитъ возвысить цифру повинностей и ихъ капитализацію до высшаго размѣра, т. е. до того для крестьянъ неоплатнаго размѣра, гдѣ гарантія становится невозможною? Но этого не допустить и условія *обыкновеннаго* поземельнаго кредита, котораго содѣйствіе безъ сомнѣнія гораздо жизненнѣе чѣмъ полицейское содѣйствіе правительства; для того чтобъ обыкновенный

поземельный кредитъ могъ гарантировать, надо чтобъ повинности были опредѣлены въ среднемъ, т. е. въ возможно низшемъ размѣрѣ, и тогда его гарантія и *полна и достаточна*; въ противномъ случаѣ ни его гарантія, ни гарантія правительства—невозможны. Правительство, начавъ дѣло, должно было узаконить обязательный выкупъ и развязать руки общественному кредиту, тогда еще можетъ быть понадобилось бы мистическое священнодѣйствіе его мнимой гарантіи; теперь оно не нужно, общественный кредитъ докажетъ, что онъ и полонъ и достаточенъ, не смотря на то, что рента равна повинности; съ его развитіемъ еще менѣе будетъ понятно колѣнопреклоненіе финансовой комиссіи передъ особеннымъ значеніемъ правительственной гарантіи.

Комиссія опредѣляетъ высшій размѣръ выкупной суммы капитализаціей оброка изъ 6%, согласуясь съ большинствомъ комитетовъ и съ общимъ присутствіемъ комиссій; для практической ясности она даже упомянула, что капитализація изъ 6% равна умноженію суммы годоваго оброка на 16 $\frac{2}{3}$.* То ли думала комиссія, что сказала? Мы сомнѣваемся. Намъ кажется, что ей хотѣлось утвердить, что годовой взносъ съ капитала (annuité) не долженъ превышать 6%, т. е. 5% за пользованіе и 1% погашенія. Это дѣйствительно обычное мнѣніе не только комитетовъ, но мнѣніе очень распространенное въ обществѣ. Что же касается до капитализаціи, уже изъ проэкттовъ Харьковскаго и Калужскаго комитетовъ видно, что капитализація можетъ быть дѣлана по одному расчету, а годовой взносъ опредѣленъ по другому. Калужскій комитетъ на примѣръ капитализируетъ изъ 8%, а годовой взносъ опредѣленъ въ 6%. Это уступка въ пользу крестьянъ, которую мы не видимъ причины отрицать, если сами помѣщики готовы ее сдѣлать. Если бы въ основаніе расчетовъ была принята оцѣнка угодій, то повышение процентовъ было бы обременительно для крестьянъ; но когда за непремѣнное принимается доходъ, т. е. сумма процентовъ, то чѣмъ выше капитализація, тѣмъ выгоднѣе для крестьянъ. Такимъ образомъ 1000 р. дохода, капитализированные изъ 6%—даютъ капитала въ 16,666 р. 66 $\frac{2}{3}$ коп., а капитализированные изъ 8% даютъ капитала въ 12,500, и полагая по 6% взноса, въ первомъ случаѣ крестьяне платили бы 1,000, а во второмъ только 750 р. Долженъ ли годовой взносъ по выкупу совершенно равняться доходу, или быть пониженъ противу процента капитализаціи—намъ кажется, что это дѣло разумнѣе можетъ рѣшиться на областныхъ совѣщаніяхъ всѣхъ сословіи, чѣмъ по предписанію центрального правительства, и разныя области могутъ рѣшить вопросъ различно, писколько не мѣшая дѣлу и не колебля довѣрія къ поручительству областныхъ бапковъ.

Слѣдующій же вопросъ финансовой комиссіи намъ кажется не только страненъ, но даже иностраненъ:

“Если же крестьяне согласятся выкупить только часть своего надѣла, то возникаетъ вопросъ: какая часть оброка причитается на выкупаемый угодья? Случаи эти могутъ встрѣтяться довольно часто, къ обоюдной выгодѣ обѣихъ сторонъ. При этомъ необходимо однако же опредѣлить, во-первыхъ, до какого размѣра можетъ быть уменьшаемъ при выкупѣ надѣла, утвержденный за крестьянами въ безсрочное пользованіе за повинность, и во-вторыхъ, въ какой соразмѣрности надлежитъ понижать установленный оброкъ при уменьшеніи надѣла?”

Требованіе крестьянъ на уменьшеніе надѣла, при выкупѣ основанномъ на *безобидномъ для нихъ расчетѣ*, можетъ

* Въ прошлой статьѣ у насъ вкралась важная ошибка; расчетъ выкупа изъ 6%, гдѣ 1% погашенія названъ 33-хъ лѣтнимъ, между тѣмъ какъ онъ 37-ми лѣтній. Слѣшимъ поправить ее, извѣщаясь передъ читателями.

явиться только как такое случайное исключение, что ставить его законодательнымъ вопросомъ—значитъ только запутывать введение общей областной и государственной финансовой мѣры, тѣмъ болѣе, что еслибъ и случилась лишняя земля у крестьянъ, то отдача ея въ наемъ или продажа легко покроетъ годовые за нее взносы, и тутъ нѣтъ никакой нужды возводить исключенія въ общее правило и ломать себѣ голову надъ ненужной статьей устава.

За тѣмъ финансовая коммиссія заботится о средствахъ къ постепенному совершенію выкупной операціи. Постепенность, какъ одно изъ любимыхъ глубокомыслий правительства, и здѣсь составляетъ основную задачу коммиссіи. Мы очень хорошо понимаемъ, что когда постепенность можно опредѣлить съ точностью прогрессіи по извѣстному указателю отношенія,—эта постепенность легко приметъ обществомъ; съ ней не лзя не согласиться, она—метода; но тамъ, гдѣ постепенность не имѣетъ положительнаго отношенія прогрессіи, тамъ она представляетъ только *неопредѣленность и сбивчивость*, перестаетъ быть методомъ и не составляетъ прогрессіи, т. е. совершенно утрачиваетъ свое значеніе. Постепенность въ дѣлѣ выкупа только одна: геометрическая прогрессія уплаты годовыми взносами. Слѣдственно нужна только постановка выкупа, постановка этой прогрессіи, т. е. опредѣленіе номинальнаго капитала стоимости надѣловъ и годоваго взноса. А постепенность самой постановки такъ же мало возможна какъ и принятіе различнаго процента, различнаго размѣра годовыхъ взносов въ одной и той же области, или различныхъ порядковъ кредитныхъ знаковъ, представляющихъ выкупъ, что смѣшало бы кредитныя знаки выкупа съ правительственными бумагами.

Финансовая коммиссія, для опредѣленія номинальнаго капитала надѣловъ принимаетъ постепенность частныхъ сдѣлокъ, а не общую областную или государственную мѣру.

“Можно предположить, съ нѣкоторою вѣроятностью,” говоритъ она, “что въ случаѣ выкупа, хотя и предоставленнаго исполнѣ доброй воли самихъ владѣльцевъ, (замѣтите—не крестьянъ, а только владѣльцевъ) будутъ довольно многочисленны. Можетъ даже случиться (а если не случится?) что заботливость правительства объ охраненіи внутренняго кредита отъ всякихъ, хотя бы и временныхъ, колебаній, и даже отъ малѣйшаго риска, вызоветъ нѣкоторыя мѣры къ удержанію выкупныхъ сдѣлокъ въ предѣлахъ строгой постепенности. Въ такомъ случаѣ, для обезпеченія правильнаго хода всей операціи, можно будетъ, по крайней мѣрѣ на первое время, установить очередь въ утвержденіи предъявляемыхъ сдѣлокъ.”

Спрашиваемъ возможна ли эта постепенность въ постановкѣ выкупа? Во-первыхъ частныя сдѣлки могутъ на двадцати верстахъ дать нѣсколько разныхъ оцѣнокъ и правительству пришлось бы равно ручаться за уплату взносовъ по капиталу въ 20, 50, 100 и т. д. р. за десятину земли одинаковаго качества, что уже для поручителя совѣмъ не одно и то же, хотя бы капиталы и были подведены подъ одно отношеніе взносовъ. Во-вторыхъ *удержаніе* выкупныхъ сдѣлокъ значитъ *задержаніе* выкупа и жертва гражданскаго вопроса очень сомнительному финансовому соображенію. Въ-третьихъ очередь въ сдѣлкахъ скорѣе отниметъ вѣру въ выкупъ и уронитъ довѣріе къ выкупнымъ кредитнымъ знакамъ, чѣмъ на оборотъ; да и по какой мѣрѣ учредить эти очереди? Положимъ первый годъ дозволено сдѣлокъ на сто тысячъ душъ въ такой то губерніи и выданы по этимъ сдѣлкамъ кредитныя знаки,—кто поручится, чтобы эти кредитныя знаки пошли въ ходъ рубль въ рубль? А если нѣтъ—то на слѣдующій годъ не лзя разрѣшать никакого выпуска кредитныхъ знаковъ, т. е.

никакихъ новыхъ сдѣлокъ и выкупъ остановится? Но положимте, что кредитныя знаки пошли рубль за рубль, или даже дороже и можно разрѣшить сдѣлки еще на двѣсти тысячъ душъ и т. д. Кто поручится за правильность возрастанія числа сдѣлокъ? А если это возрастаніе только неопредѣленная и даже сомнительная прогрессія, то выкупъ въ Россіи не кончится въ двѣсти лѣтъ. Да одна эта мысль убьетъ всю выкупную операцію. Не лзя жертвовать самимъ выкупомъ какой то религіи банковыхъ операцій. Цѣль выкупа гражданская—образованіе новаго общественнаго устройства и потому, прежде всякихъ банковыхъ расчетовъ, надо помнить, что дѣло идетъ о живомъ народѣ съ его потребностями, нетерпѣливомъ, страстями, и что это не всегда подчиняется заученымъ биржевымъ приемамъ. Не лзя думать, что обычная банкирская рутинная—непреложная истина, и ставить на первый планъ процессъ банковыхъ операцій, наслаждаясь имъ какъ очень занятной игрой въ шахматы. Банковая операція средство выкупа, а не цѣль; банковая операція ради банковской операціи была бы такимъ искусствомъ ради искусства, о какомъ не грезилъ самые рьяные нѣмецкіе эстетика. Если же цѣль выкупа гражданская, и выкупъ обуславливается неотлагаемой народной потребностью,—то единственная возможность довѣрія къ выкупу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и единственная возможность успѣха финансовой операціи,—это немедленная постановка выкупа и его составныхъ данныхъ, т. е. общей цифры номинальнаго капитала надѣловъ и процентнаго отношенія взносовъ, что опредѣлитъ вмѣстѣ и срокъ выкупа, такъ важный для общественнаго довѣрія и общественной ревности къ дѣлу. Если эти цифры будутъ подходящи, т. е. своевременный платежъ взносовъ будетъ близокъ къ достовѣрности, и если, для каждой области отдѣльно и для всѣхъ разомъ, постановка выкупа будетъ немедленная,—то общественное довѣріе къ кредитнымъ знакамъ областныхъ банковъ не можетъ подвергнуться ихъ рискованному колебанію; между тѣмъ какъ очереди выкупныхъ сдѣлокъ, вызывая недоувѣріе къ самой уплатѣ годовыхъ взносовъ, не обезпечатъ, а убьютъ правильный ходъ операціи, сколько бы правительство ни обезпечивало ее своими собственными, весьма шаткими, кредитными знаками и золотомъ, состоящимъ въ отлучкѣ. А что разсрочка сдѣлокъ вызоветъ недоувѣріе къ уплатѣ годовыхъ взносовъ—это ясно, потому что сами крестьяне, не довѣряя всему дѣлу, не охотно станутъ платить, а тѣ, до которыхъ сдѣлки не скоро дойдутъ, станутъ роптать и вовлекутъ государство совѣмъ въ иное движеніе. Еслибъ финансовая коммиссія, изъ за банковыхъ операцій, не теряла изъ виду гражданской цѣли,—она бы сразу должна увидать, что задача ея не въ постепенности постановки выкупа, а въ изысканіи способа безопасно постановить выкупъ общій и немедленный.

Самый процессъ выкупа посредствомъ кредитныхъ знаковъ финансовая коммиссія располагаетъ на три различные порядка. Выписываемъ ея соображенія:

“Долги кредитнымъ установленіямъ, лежащіе на помѣщичьихъ имѣніяхъ, представляютъ значительную сумму, до 450 мил. руб. сереб.* Это обстоятельство существенно облегчаетъ(?) операцію выкупа. По

* Въ журналѣ общаго присутствія редакціонныхъ коммиссій No. 11 банковые долги помѣщиковъ показаны за 1856 годъ въ 400 мил. Къ концу прошлаго года, вслѣдствіе выдачи новыхъ ссудъ, сумма эта увеличилась, приблизительно, на 50 мил. руб. Всего, по 1 Января 1859 года, было заложено въ банкахъ до 47,000 населенныхъ имѣній, при комъ числилось 7,183,626 ревизскихъ душъ; слѣдовательно болѣе $\frac{1}{2}$ всего крѣпостнаго населенія. (Примѣчаніе въ текстѣ).

всѣмъ заложенымъ имѣніемъ, она могла бы совершиться, между прочимъ, посредствомъ перевода банкового долга на крестьянъ; что представляетъ особыя удобства, такъ какъ при этомъ потребовалась бы отъ правительства одна лишь гарантія долга Банковымъ установленіямъ безъ выпуска новыхъ кредитныхъ бумагъ, представляющихъ наиболѣе затрудненій въ настоящемъ дѣлѣ.

“Этотъ способъ выкупа, по мнѣнію финансовой комиссіи, имѣетъ важныя преимущества предъ всѣми прочими. Съ него надлежало бы начать выкупную операцію, и за тѣмъ уже перейти постепенно къ другимъ способамъ, изъ которыхъ наиболѣе надежны слѣдующіе два: а) выдача именнаго свидѣтельства на выкупную сумму, съ правомъ полученія по оному процентовъ, а впоследствии и самаго капитала, изъ мѣстныхъ казначействъ, и б) выпускъ срочныхъ процентныхъ облигацій, выдаваемыхъ отъ правительства, или только съ его гарантіею.

“Передача именныхъ свидѣтельствъ изъ рукъ въ руки можетъ быть облегчена или затруднена тѣми правилами, какія будутъ для сего установлены; во всякомъ случаѣ, этотъ родъ бумагъ не столь подвиженъ, какъ обыкновенныя процентныя облигаціи. Въ этомъ собственно заключается главная выгода (?) первыхъ, для прочности внутренняго кредита, ибо одновременный выпускъ новыхъ облигацій на огромную сумму могъ бы имѣть неблагоприятное вліяніе на ихъ курсъ, а слѣдовательно обратился бы къ невыгодѣ самихъ владельцевъ и помѣшалъ бы успѣшному развитію всей операціи. При пособіи же именныхъ свидѣтельствъ, правительство, не останавливая выкупныхъ дѣлъ, получило бы возможность выпускать ежегодно облигаціи на такую только сумму, при которой не будетъ опасности уронить ихъ цѣнность.

“Для установленія однообразія въ этомъ отношеніи и для равномернаго распредѣленія тѣхъ и другихъ бумагъ, можно бы, напримѣръ, по каждому выкупному имѣнію, $\frac{1}{3}$ выкупной суммы выдавать облигаціями, а $\frac{2}{3}$ свидѣтельствомъ, и за тѣмъ постепенно обмѣнивать свидѣтельства на процентныя облигаціи въ теченіе 10 или мѣсяцевъ лѣтъ.

“Для избѣжанія неудобства выдачи свидѣтельствъ на мелкія суммы, можно бы допустить уплату выкупа одними облигаціями, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не превышаетъ известнаго предѣла, напримѣръ 3,000 р.

“Какъ свидѣтельства, такъ и облигаціи, впредъ до уплаты капитала, должны приносить ихъ владельцамъ вѣрный доходъ, въ видѣ постоянныхъ процентовъ съ выкупной суммы. Размѣръ этихъ процентовъ (независимо отъ погашенія) долженъ соответствовать нормальному курсу нашихъ государственныхъ бумагъ, и на семъ основаніи можетъ быть опредѣленъ въ $4\frac{1}{2}$ и отнюдь не болѣе 5-ти процентовъ.*

“Не рѣшая преждевременно этого важнаго вопроса, финансовая комиссія считаетъ обязанностію заявить, что при дальнѣйшей разработкѣ порученнаго ей дѣла, быть можетъ, признано будетъ полезнымъ предоставить въ этомъ отношеніи нѣкоторое преимущество именнымъ свидѣтельствамъ предъ облигаціями, на примѣръ, выдавать на первые по 5%, а на вторые по $4\frac{1}{2}$ процента въ годъ.

“Засимъ, процентъ, собираемый съ крестьянъ на погашеніе капитала, будетъ употребляемъ на выкупъ самихъ процентныхъ бумагъ. Порядокъ погашенія сихъ бумагъ, посредствомъ тиража или инымъ способомъ, а равно сроки окончательнаго извѣщенія свидѣтельствъ и облигацій изъ пароднаго обращенія, будутъ опредѣлены въ свое время, по разъясненіи всѣхъ сторонъ настоящаго вопроса.

“Съ выдачею помѣщикамъ отъ правительства свидѣтельствъ или облигацій, крестьяне сдѣлаются должниками правительства, которое и будетъ взыскивать съ нихъ разсроченныя платежи. Должно полагать, что при этомъ будутъ совершенно достаточны мѣры взысканія, какія употребляются для сбора податей.”

Съ перваго шага эти соображенія приводятъ насъ къ сомнѣнію: какимъ образомъ правительство можетъ гарантировать долгъ кредитнымъ установленіямъ безъ выпуска новыхъ кредитныхъ бумагъ? Ни чѣмъ не выраженная, безмолвная гарантія правительства—способна-ли поддержать кредитъ банковыхъ учрежденій? Вкладчики до сихъ поръ рассчитывали, что имѣніе просрочившаго помѣщика продается съ публичнаго торга и слѣдовательно банковое учрежденіе входитъ въ свои фойды, или, при переходѣ имѣнія въ другія руки, получаетъ надлежащіе взносы и просрочки; стало вкладчику опасаться нечего, онъ получитъ свой капиталъ, когда захочетъ. Но когда долгъ лежитъ на крестьянахъ, когда общинная земля не продается за неуплату взноса, а вмѣсто общины платитъ правительство, которое, можетъ быть, крестьянскія уплаты уже и собрало и истратило на другія правительственныя надоб-

* Биржевой курсъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ составляетъ: для 6-ти процентныхъ отъ 130 до 135, для 5-ти процентныхъ отъ 110 до 118, и для 4-хъ процентныхъ не менѣе 98. (Примѣчаніе въ текстѣ).

бности, а у самого нѣтъ денегъ заплатить, а спорить съ нимъ нельзя, потому что у него сила въ рукахъ;—какое же довѣріе могутъ имѣть вкладчики? Не потребуютъ-ли они возвращенія вкладовъ, а такъ какъ правительству не чѣмъ будетъ платить, (что оно уже и доказало обмѣномъ вкладныхъ билетовъ на облигаціи), то оно и выпуститъ на крестьянскій долгъ выкупные кредитные знаки для уплаты вкладчикамъ. Слѣдственно не прощали оставить кредитныя учрежденія въ сторонѣ и предоставить помѣщикамъ уплатить имъ свой долгъ выкупными кредитными билетами, если они хотятъ? Но тутъ еще вопросъ: что выгоды для помѣщика, перевести-ли долгъ на крестьянъ и разомъ лишиться полкапитала, или получить весь выкупной капиталъ, принять на себя долгъ кредитныхъ учрежденій и выплачивать его въ долгій срокъ годовыми взносами, да еще съ капитала получить 5% кредитными знаками, а взносы платить по 3% расчету? Положимъ, что въ оброчныхъ и малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ за помѣщикомъ вовсе земли не останется, долгъ въ кредитныя учрежденія по неволѣ вычтется изъ капитала и отдача выкупныхъ кредитныхъ знаковъ за банковый долгъ будетъ для помѣщика обязательна, но въ средне и многоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ у помѣщиковъ останется земли, достаточно для обезпеченія кредитныхъ учрежденій—и болѣе, особенно при неминусомъ повышеніи цѣнъ на земли,—какая имъ выгода разомъ уплатить банковый долгъ переводомъ его на крестьянъ? Явный убытокъ. Между тѣмъ, по вѣдомости, напечатанной при докладахъ хозяйственнаго отдѣленія ред. ком. о числѣ издѣльныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ 19 губерніяхъ, видно что число издѣльныхъ вдвое больше (=10:5, 4); для цѣлой Россіи оно выйдетъ и болѣе чѣмъ вдвое, слѣдовательно слишкомъ вдвое болѣе число помѣщиковъ сохранять часть земли и не захотятъ разомъ уплатить банковаго долга. Отсюда мы никакъ не можемъ согласиться съ финансовой комиссіею, чтобы способъ выкупа переводомъ долга на крестьянъ (который и намъ самимъ нѣкогда казался возможнымъ) имѣлъ *какія либо преимущества предъ всѣми прочими*; онъ только можетъ поколебать довѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ и совершенно стѣснителенъ для помѣщиковъ. Но, кажется финансовая комиссіа, разрѣшившись отъ бремени комиссіею для устройства земскихъ банковъ, сама уже отстала отъ своего первоначальнаго предположенія.

За тѣмъ остаются два остальныхъ способа—выпускъ именныхъ свидѣтельствъ съ правомъ полученія процентовъ и выпускъ срочныхъ процентныхъ облигацій. И то и другое представляетъ одно: обезпеченіе полученія выкупнаго капитала съ процентами въ извѣстное число лѣтъ. И то и другое должно быть выдано въ руки помѣщикамъ; сверхъ того свидѣтельства посягъ 5%, а облигаціи $4\frac{1}{2}$ %, слѣдовательно чтобы придти въ уровень съ годовыми взносами—и то и другое должно быть выпущено, не только на капиталную сумму, но и на количество недостающихъ процентовъ. Что же помѣщикъ сдѣлаетъ съ облигаціями? размѣняетъ ихъ на другія деньги, или на товаръ, или на трудъ. Что же онъ сдѣлаетъ съ свидѣтельствами? Также размѣняетъ ихъ на другія деньги. Задержать выдачу свидѣтельствъ не лзя, а удержать помѣщиковъ отъ продажи выданныхъ имъ свидѣтельствъ тоже не лзя. Результатъ выйдетъ такой же, какъ еслибъ помѣщикамъ выдали одни облигаціи синенькія, а другія красенькія, — продадутъ и тѣ и другія, если имъ это нужно. Слѣд-

ственно это различіе нисколько не поможет не уронить курса и тѣхъ и другихъ, если потребность помѣщиковъ къ размѣну больше чѣмъ потребность капиталистовъ принять размѣнъ. Задержать передачу свидѣтельствъ изъ рукъ въ руки, все равно что мѣшать владѣльцамъ оныхъ жить и вести свои дѣла по своему усмотрѣнію; такое финансовое насиліе не избыточно и ставить человека въ нелѣпное положеніе получить капиталъ, котораго онъ никуда не смѣетъ употребить, что для него все равно что не получать его; такого капитала никому не нужно. Вопросъ объ упадкѣ курса свидѣтельствъ нисколько не устраняется тѣмъ что они именныя; именныя кредитныя знаки больше служатъ для обезпеченія отъ воровства, чѣмъ для какого нибудь особеннаго финансоваго значенія. Также никакого вліянія на курсъ и этихъ свидѣтельствъ и самихъ государственныхъ бумагъ не произведетъ то обстоятельство, что выкупныя бумаги будутъ носить проценты въ размѣрѣ соотвѣтственномъ нормальному курсу государственныхъ бумагъ, т. е. 4½ и отнюдь не больше 5%. Курсъ биржевыхъ 5ти процентныхъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ, во время изданія соображеній финансовой комиссіи, т. е. 12 Августа 1859 года, былъ 110, а 25 Мая 1860 года онъ былъ отъ 102½ до 102½ (С. Петерб. вѣдом. No. 112); слѣдственно безъ всякихъ новыхъ кредитныхъ знаковъ онъ въ 9 мѣсяцевъ упалъ на 8%. Между тѣмъ государственныя бумаги будутъ служить для размѣна свидѣтельствъ, и еще вопросъ что удержится въ курсѣ: свидѣтельства или государственныя бумаги? Столь быстро падающія государственныя бумаги можетъ быть, по общему закону постепеннаго ускоренія всякаго паденія, упадутъ до такой степени, что будутъ негодны къ размѣну, а свидѣтельства еще продержатся, хотя конечно не потому, что имъ дастся на полпроцента преимущества передъ облигаціями; ½% преимуществъ могутъ — и то сомнительно — заставить помѣщиковъ желать большаго полученія свидѣтельствъ и меньшаго облигацій, во нисколько не возбуждая довѣрія въ капиталистахъ принимать ихъ къ размѣну, если самый выкупъ не будетъ достаточно обезпеченъ, или обезпеченъ правительствомъ, котораго бумаги понижаются по законамъ паденія, а *мѣры для взысканія платежей по выкупу остаются тѣже, что для взысканія податей, т. е. разграбленіе крестьянъ администраціей.*

Если на вопросъ смотрѣть просто, безъ особой любви къ тонкостямъ банковыхъ пріемовъ, то его можно поставить только слѣдующимъ образомъ:

Что такое выкупъ? Вознагражденіе помѣщиковъ за землю, уступаемую ими въ собственность крестьянъ, вознагражденіе, которое крестьяне соглашаются выплатить, не потому чтобы считали эту землю не своею, или признавали за помѣщиками существенное право земельной собственности, идущей отъ неразумной и не полноправной раздачи въ частныя руки государственныхъ земель царями и императорами, но потому что это вознагражденіе обойдется крестьянамъ *дешевле* насильственнаго отобранія своихъ земель отъ помѣщиковъ путемъ возстанія и кровопролитія. Слѣдственно такое вознагражденіе должно быть сведено на меньшую мѣру, на *минимумъ*, на мѣру, которая была бы только что не обидна для помѣщиковъ, а помѣщики не могутъ не принять ее, потому что они, при всякомъ иномъ способѣ освобожденія крестьянъ съ землею, потеряли бы все; удержать же крестьянъ въ крѣпости, или освободить безъ земли, по складу русскихъ обстоятельствъ, сдѣлалось невозможностью.

Какъ могутъ крестьяне уплатить выкупъ? Только въ долгій срокъ, т. е. по геометрической прогрессіи годовыхъ взносовъ, въ которыхъ проценты представляютъ помѣшничій доходъ, а процентъ погашенія самую стоимость выкупаемыхъ земельныхъ надѣловъ.

Слѣдственно какіе же кредитныя знаки могутъ быть выданы помѣщикамъ въ обезпеченіе или въ представительство выкупа? Такіе же земскіе листы, какіе вообще употребляются при ссудахъ поземельнаго кредита, но раздѣленные на такое число купоновъ, чтобы помѣщикъ могъ продать ихъ на сумму какая ему понадобится, при чемъ вовсе не нужно избѣгать мелкости купоновъ, потому что мелкіе купоны будутъ доступны для мелкихъ капиталистовъ и дозволить имъ покупку выкупныхъ купоновъ считать на равнѣ съ вкладами въ сберегательныя кассы, а это увеличитъ потребность въ покупкѣ купоновъ и поддержитъ курсъ земскихъ листовъ; по крайней мѣрѣ мелкіе купоны акціонерныхъ компаній до сихъ поръ вездѣ помогали курсу акцій, а не роняли его.

Гдѣ же обезпеченіе правильности взносовъ? Въ ручательствѣ ли правительства, министерскомъ завѣдываніи выкупа и административномъ надзорѣ за платежами? Или въ устройствѣ частныхъ банковъ съ *спеціальной* (по выраженію финансовой комиссіи на стр. 29) гарантіей правительства? Или въ устройствѣ банковъ безъ этой спеціальной гарантіи? Сама финансовая комиссія сомнѣвается которому изъ первыхъ двухъ случаевъ (третьяго она и не подозреваетъ) отдать предпочтеніе, и, судя по направленію трудовъ “комиссіи для устройства земскихъ банковъ,” внутренняя мысль финансовой комиссіи — передача выкупной операціи частнымъ банкамъ съ спеціальной гарантіей правительства. Конечно капиталъ, выручаемый изъ суммъ министерства государственныхъ имуществъ (стр. 25) и отъ распродажи земель государственнымъ крестьянамъ ничего не обезпечитъ; онъ или слишкомъ малъ, или помѣшаетъ правильному сбору податей съ государственныхъ крестьянъ. Всякое экономизированіе суммъ министерствомъ государственныхъ имуществъ есть лишній сборъ, отнятіе у государственныхъ крестьянъ способовъ употребить свою копейку на дѣло или сберечь на черный день; продажа земель государственнымъ крестьянамъ, если это земли на которыхъ они поселены — чистый грабѣжъ, потому что заставитъ ихъ платить за то что они уже имѣютъ, — если же это пустопорожнія земли, то государству принадлежитъ право не продавать ихъ, а отдавать въ извѣстномъ размѣрѣ крестьянамъ подъ поселеніе даромъ, взимая только обычныя подати. Во всякомъ случаѣ это насильное (а не посылное и добровольное) участіе государственныхъ крестьянъ въ спеціальной гарантіи правительства — уронить довѣріе къ этой гарантіи, потому что оно дастъ правительству или вздорный сборъ ни къ чему не служащій, или отяготитъ государственныхъ крестьянъ такъ, что довѣріе къ правительству пошатнется *больше*, чѣмъ на сколько упадетъ надежда на правильный сборъ обычныхъ податей, т. е. къ сомнѣнію въ правильности сбора прибавится боязнь бунтовъ у государственныхъ крестьянъ. А такъ какъ и по инымъ данымъ гарантія правительства тоже не возбуждаетъ особеннаго довѣрія, то сколько бы она ни была спеціальна, она не придастъ частнымъ банкамъ и не отниметъ у нихъ никакого значенія, такъ что ее можно исключить, какъ мнимую функцію, нисколько не мѣняя дѣла.

Сама финансовая комиссія, можно сказать само правительство, ищетъ обезпеченія правильности выкупныхъ взносовъ въ круговомъ ручательствѣ міра, “на точно основаніи 6 ст. высочайше утвержденного 4 Декабря 1858 года журнала главнаго комитета.” Подумаешь что главный комитетъ объ-

яснилъ что такое ручательство міра, иначе съ чегоже бы ссылаться на "точное основаніе"? Но главный комитетъ ничего не объяснилъ, онъ только назвалъ. Шестая статья журнала говорить :

"Міръ отвѣчаетъ круговою порукою за каждого изъ своихъ членовъ по отпращиванію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ."

Разъясненіе круговой поруки можетъ же однако привести къ какимъ нибудь болѣе яснымъ выводамъ. Мы не станемъ говорить объ обычныхъ нападеніяхъ на круговую поруку, что въ ней прилежный ручается за лѣниваго и что всякій захочетъ сложить свой платежъ на мірской; еслибъ всякій захотѣлъ этого, то никто бы не сталъ платить и взвалилъ бы свой платежъ на міръ, что опять привело бы къ тому, что платить стали бы всѣ, т. е. всякій. Платежъ прилежнаго за лѣниваго не совсѣмъ такъ опасенъ; міръ очень разсчитываетъ кто не платитъ — лѣнивый или несчастный, и охотно платитъ за несчастнаго, а съ лѣниваго беретъ штрафы и взыскиваетъ уплаченное за него какъ долгъ; даже продаетъ его имущество для покрытія мірскаго расхода; на это послѣднее мы замѣтимъ, что продажа съ торгу за долгъ только признакъ неразвитаго кредита вообще и круговой поруки, и всюду, даже и безъ круговой поруки, гораздо больше служитъ къ разоренію должника, чѣмъ къ обезпеченію кредитора. Мы станемъ говорить о двухъ существующихъ родахъ круговой поруки: 1) о той гдѣ общество одновременно уплачиваетъ недоимку лица, и 2) о круговой поруки взаимнаго застрахованія. Круговая порука одновременной уплаты обществомъ за лицо — дѣйство круговой поруки. Круговая порука взаимнаго застрахованія составляетъ дѣйствительное развитіе всякаго кредитнаго учрежденія — частнаго-ли общества, или цѣлаго сословія, или цѣлой области. Земскіе банки такъ же мало могутъ обойтись безъ нея, какъ и члены общества пожизненныхъ застрахованій. Нѣтъ товарищества безъ круговой поруки вообще, а высшее развитіе товарищества круговая порука взаимнаго застрахованія. Основанная на теоріи вѣроятностей и на расчетѣ такого отвѣта обществомъ за несчастный случай, гдѣ общество не только не теряетъ, но даже выигрываетъ, круговая порука взаимнаго застрахованія не требуетъ одновременной большой траты за несчастный случай, покрывая ее долгосрочной уплатой, основанной на постепенности геометрической прогрессіи годовыхъ взносовъ. Что этотъ способъ можетъ бытъ примѣнимъ къ круговой поруки міра не только по взаимному застрахованію отъ пожаровъ, но и къ застрахованію міра отъ вѣроятныхъ недоимокъ и сверхъ того можетъ составить мірской капиталъ, гарантирующей не только пополненіе недоимки, но и самые годовые взносы, и весь выкупъ, — это задача, надъ которою потрудиться мы приглашаемъ всѣхъ и каждого. Финансовая коммиссія ее не затронула; ее затронула особая (безыменная) коммиссія редакціонныхъ коммиссій, которой "предварительныя соображенія о нѣкоторыхъ дополнительныхъ вопросахъ" напечатаны въ одной тетради съ соображеніями финансовой коммиссій. Но, выписавъ изъ свода законовъ статьи о взаимномъ застрахованіи отъ пожаровъ у государственныхъ крестьянъ, эта особая коммиссія пришла только къ вопросу: "не полезно-ли учредить таковыя и отъ градобитія и другихъ неожиданныхъ несчастій." Живая жила и тутъ ускользнула изъ правительственныхъ рукъ.

Такъ какъ выкупъ не можетъ быть основанъ иначе какъ на соглашеніи (по областямъ) крестьянъ и помѣщиковъ — не на частныя сдѣлки — а на общую областную мѣру, и такъ какъ устройство областныхъ банковъ взаимнаго застрахованія можетъ касаться и не одного выкупа, то мы невольно приходимъ къ необходимости областныхъ совѣщаній всѣхъ сословій, и учрежденію — не сословныхъ (какими ограничилась коммиссія земскихъ банковъ), — а общихъ областныхъ банковъ, гдѣ всѣ сословія могли бы быть и акціонерами, и кредиторами и должниками, обезпечивая порядокъ какъ выборностью и отвѣтственностью управляющихъ банками,

такъ и выборностью сборщиковъ податей, (т. е. процентовъ и взносовъ,) и полной гласностью банковыхъ дѣйствій.

Достаточно-ли ручательство областныхъ банковъ для поддержанія курса земскихъ выкупныхъ листовъ? Вѣроятность въ пользу ручательства, потому что круговая порука всѣхъ и каждого не можетъ не внушить довѣрія, а мелкость купоновъ привлечетъ совершенно невѣдомые капиталы.

Мы не станемъ разбирать маленькой главы соображеній финансовой коммиссій: "о послѣдствіяхъ выкупа для крестьянъ." Съ тѣхъ поръ какъ мы отвыкли отъ поэмъ о пользѣ стекла и отъ разсужденій о пользѣ исторіи, — мы охотно пропускаемъ подобныя вещи безъ вниманія.

Съ прискорбіемъ поминемъ мы, что финансовая коммиссія признала возможность положенія редакціонныхъ коммиссій, что "продажа усадебъ остается обязательна для тѣхъ помѣщиковъ, которые не изъявляютъ согласія на продажу полевыхъ угодій," — и вошла въ разсужденіе о томъ: можетъ-ли и когда можетъ правительство гарантировать выкупъ однихъ усадебъ? Принявъ оцѣнку изъ доходовъ, не лѣзя класть усадебъ и усадебныя земли въ особый расчетъ; дозволивъ помѣщикамъ не соглашаться на выкупъ угодій, которые въ 9/10 случаевъ для крестьянъ необходимы, и заставить крестьянъ платить за усадебъ, которыя въ 9/10 случаевъ ничего не стоятъ, и все это въ мнимую пользу 1/10 случаевъ, гдѣ крестьянинъ можетъ отказаться отъ надѣла, хотя отъ этого ничего не выиграетъ, дозволивъ это — редакціонныя и финансовыя коммиссіи безсознательно подрываютъ все дѣло выкупа. Задняя мысль въ этомъ та, что земельный надѣлъ стѣснить богатыхъ крестьянъ въ ихъ фабричной и торговой промышленности; но онъ ихъ стѣснитъ бы, еслибъ надѣлъ мѣшалъ ихъ свободному передвиженію; слѣдственно вопросъ не въ надѣлѣ, а въ свободѣ лица, т. е. въ границахъ зависимости лица отъ міра и въ неограниченности права торговли кого бы то ни было гильдіями, вопросъ, который также просится на рѣшеніе общинъ и областныхъ совѣщаній. Если же ни община, ни сводъ законовъ не станутъ мѣшать крестьянину промышленяты на сторонѣ, гдѣ же его выгода заплатить за одну усадьбу больше, чѣмъ бы онъ заплатилъ за усадьбу и надѣлъ?

Но къ вопросу объ областныхъ банкахъ мы вернемся только послѣ разбора трудовъ коммиссій для устройства земскихъ банковъ.

(Продолженіе впрод.)

Н. Огаревъ.

— *Побѣда одержанная храбрымъ генераломъ Мухановымъ что на Вислѣ.* — Мухановъ (не оберъ-форъ шнейдеръ) дошелъ до своей цѣли и *нильфа Эхо* зимняго дворца отозвалась какъ всегда, бессмысленно подтверждая все, чего требуетъ самая тупая, самая трусливая, самая гадкая реакція, *Польское земледѣльческое общество закрыто!* Это уже не только *pas de rêveries, а pas d'agriculture!*

Однако Мухановъ человекъ извѣстный, какъ Абрамовичъ, какъ двадцать другихъ мелкихъ витриганговъ, сыщиковъ, но справедливо ли его обвиняютъ? Да видно императорское эхо оттого и вторитъ такъ хорошо *что хочетъ этого.* Кто же обвиняетъ кучера за то куда ѣдетъ баринъ? Стыдно въ самомъ дѣлѣ прятаться то за помѣшаннаго дядьку Панина, то за совсѣмъ сумашедшаго Горчакова *Таврическаго.* Посмотрите свѣжіе подѣды, напр. на *будущаго графа Тимашева* — вотъ какіе грибы тянетъ изъ русской земли солныи зимняго дворца.... а Лужинъ во время прогресса какъ воспитался — прежде былъ только неспособный полицмейстеръ, а теперь — бьетъ и доноситъ....

Но какъ бы то ни было, уничтоженіе *земледѣльческаго общества въ Польшѣ* одно изъ самыхъ циническихъ и черныхъ дѣлъ петербургскаго самовластья. Поляки дѣлаютъ превосходно что не вѣрятъ въ чудеса Александра Невскаго.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 5, Thornhill Place, Caledonian Road, N., London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
—5, Thornhill Place, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил. съ седьмымъ листомъ—
ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 76.

15 Іюля 1860.

У Триюпера & Co., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Узаконеніе государственнаго разбоя—Мѣры правительства относительно трезвости—Гость Пугачеву—

Изъ мѣстности губернии. Смѣсь : Русская музыка въ Лондонѣ—Самодержавный либерализмъ—Поправка—

Графъ Бергъ—А. С. Хомяковъ и Австрія—Капитанъ-лейтенантъ Костенко—Увѣдомленіе.

УЗАКОНЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗБОЯ.

Наконецъ мы можемъ обнародовать проектъ, или правила Муравьева-вѣшателя о выкупѣ государственными крестьянами ихъ земель. Тутъ не знаешь чему больше дивиться—извращенію ли всѣхъ государственныхъ и юридическихъ понятій, или тупому злодѣйству, съ которымъ министръ государственныхъ имуществъ добивается своей цѣли. А цѣль очень ясна; бѣлыя плитки видны по всѣмъ швамъ. Министръ *управитель* понялъ, что государю-барину угодно освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, слѣдственно на этомъ пути надо подслужиться, и тогда можно безнаказанно дарить своимъ сыновьямъ государственныя земли, и наслаждаться безотчетной властью и тѣмъ почетомъ, который низкопоклонство приноситъ временщикамъ. Но какъ же подслужиться? Очень просто : признать государственныхъ крестьянъ крѣпостными, ограбить ихъ и награбленными деньгами выкупить помѣщичьихъ крестьянъ. Что мысль эта несбыточна, тупоумна и безнравственна, и что тутъ по дорогѣ русскій народъ или погибнетъ или взбунтуется—Муравьевымъ-вѣшателямъ какое до этого дѣло! У нихъ любви къ Россіи столько же сколько у разбойника на большей дорогѣ любви къ проѣзжему купцу. Ну! а если государь-баринъ замѣтитъ, что проектъ министра *управителя* только разбой?... “Гдѣ ему замѣтить!” думаетъ лакей, никогда не уважая барина, и дѣло идетъ въ ходъ. Мы не знаемъ утвердилъ ли Александръ II Муравьевскія правила; если утвердилъ—то безъ сомнѣнія они составятъ преступленіе его царствованія передъ Россіей, и стыдъ передъ Европой. Вотъ они :

“*Правила о выкупѣ государственными крестьянами казенныхъ земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи.*”

1) Государственнымъ крестьянамъ предоставляется выкупать въ полную собственность усадьбы и состоящія въ пользованіи ихъ, изъ платежа *оброка*, (1) казенныя земли на условіяхъ, опредѣленныхъ въ нижеслѣдующихъ правилахъ:

(1) Предназначенное или званое названіе податей—оброкомъ извращаетъ понятія, но не измѣняетъ дѣла. Подать—доля дохода, которую частный человекъ даетъ на общественныя нужды; оброкъ—рента, плата за наемъ чужой земли. До сихъ поръ съ крестьянъ собирали подати, а не оброкъ. Земли считались государственными, а не правительственными. Государство состоитъ изъ народа; правительство—одна изъ функций народной

2) Выкупъ сей дозволяется какъ цѣлымъ селеніямъ, такъ и въ каждомъ селеніи отдѣльными домохозяевамъ порознь и нѣсколькимъ домохозяевамъ вмѣстѣ, если они пожелаютъ приобрести земли въ общее ихъ владѣніе.(2)

3) Цѣлому селенію предоставляется выкупать или всю землю, состоящую въ пользованіи селенія, или часть ея, но *не меньше* того размѣра(3), какой будетъ опредѣленъ для каждой мѣстности министерствомъ государственныхъ имуществъ.

4) Каждому домохозяину въ отдѣльности предоставляется выкупать не менѣе одного душеваго пая и не болѣе числа паевъ, которыми онъ пользуется въ селеніи.(4)

5) Казенныя земли, состоящія въ наследственномъ владѣніи государственныхъ крестьянъ (четвертные земли, и семейные участки) не могутъ быть выкупаемы владѣльцами сихъ земель по частямъ; каждый такой владѣлецъ можетъ выкупать въ селеніи всю числящуюся за нимъ землю лишь нераздѣльно.

6) Нераздѣльно съ тягловою землею должна быть выкуплена и усадьба.(5)

жизни и мѣняетъ свой образъ дѣйствій сообразно съ потребностями государства, т. е. народа, или падаетъ. Правительство такъ же мало можно призвать помѣщикомъ, какъ подать—оброкомъ. Народъ селится на государственныхъ, т. е. на своихъ земляхъ и, если правительство унижаетъ себя до роли помѣщика, барина и хочетъ заставить народъ платить за земли, на которыхъ онъ поселился, то такое дѣйствіе правительства—для понятія бессмысленно, а на дѣлѣ—разбой. Но сколько министръ ни называй подати оброкомъ, все же этой нелицности никто не повѣритъ и никто не признаетъ государственныхъ земель за барскія. Если министерство думаетъ, что кадастръ, измѣнивъ подушную подать на поземельную, придавъ подати значенія оброка, то это совершенное непониманіе. Земельная подать, точно также какъ и подушная, не выходитъ изъ смысла налога, т. е. взиманія съ частныхъ лицъ жертвъ на общественныя нужды, и нисколько не имѣетъ смысла оброка, т. е. ренты платимой за пользованіе чужой собственностью. Хотя земельная подать и названа, безъ смысла, въ сводѣ законовъ (Т. V ст. 13) податью оброчною, но все же это подать, а не оброкъ, въ выкупъ посредствомъ капиталпаціи былъ бы не выкупомъ земли, и безъ того крестьянской, а выкупомъ податей, дѣло вездѣ трудное, а въ безотчетной монархіи несбыточное.

(2) Это разрушеніе земледѣльской общины. Если бы крестьяне сами захотѣли раздѣлиться на наследственные участки—ихъ дѣло; но разрушать общину насильно равно безумно и преступно; безумно—потому что несбыточно, преступно—потому что это насиліе.

(3) Министерство боится, что по малости грабить—не изъ чего руки марать.

(4) То есть—вынь да положь, заплати или за усадьбу, или за надѣлъ, которымъ ты до сихъ поръ владѣлъ даромъ.

(5) Стало усадьба будетъ оцѣнена сверхъ полевой земли. Не дури!—Положить бы ужъ выкупъ и за лапти : грабятъ такъ грабятъ!

7) Выкупъ однихъ усадебныхъ участковъ цѣлымъ селеніемъ, имѣющимъ кромѣ усадебъ и другія угодья, не дозволяется, но домохозяева могутъ выкупать свои усадебныя и отдѣльно отъ полевой земли, если они представляютъ сами по себѣ значительную цѣнность, вслѣдствіе устройства въ оныхъ торговыхъ, фабричныхъ или другихъ промышленныхъ заведеній.(6)

8) Если въ селеніи часть крестьянъ изъявитъ желаніе выкупить земли нераздѣльно въ общую собственность, нѣкоторые домохозяева пожелаютъ выкупить свои душевые пай каждый въ отдѣльную собственность, а часть крестьянъ все откажется отъ выкупа и предпочтетъ остаться при *пользованіи казенною* землею изъ платежа *оброка*, то такое разногласіе не должно служить препятствіемъ къ совершенію выкупа, согласно желанію крестьянъ, такъ какъ различіе правъ владѣльцевъ въ одномъ общемъ владѣніи не составляетъ *существеннаго неудобства*.(7)

9) Относительно разграниченія владѣній, выкупленныхъ въ селеніи разными домохозяевами, а также отдѣленія сихъ владѣній отъ земель, оставшихся за казною, соблюдаются слѣдующія правила:

а) Крестьянамъ, которые изъявятъ желаніе выкупить земли, предлагается, не хотѣть-ли они выдѣлить выкупаемые участки къ краю дачи, съ правомъ остаться на жительство въ селеніи въ своихъ усадьбахъ или переселиться на свои участки.

б) Если крестьяне изъявятъ на это согласіе и укажутъ, въ какомъ именно мѣстѣ желаютъ они получить свои участки, и если отводъ сихъ участковъ не будетъ стѣснителенъ для прочихъ владѣльцевъ въ селеніи или не выгоденъ для казны то отводъ непременно приводится въ исполненіе.

в) Если указанные крестьянами участки не удобнѣе было бы по изясненнымъ выше причинамъ вырѣзать изъ общей дачи, то имъ указываются мѣста, въ которыхъ можетъ быть сдѣланъ отводъ земли.

г) Если же крестьяне не согласятся получить выкупаемыхъ участковъ въ указанныхъ мѣстахъ, то имъ предоставляется, впредь до обязательнаго размежеванія, остаться въ общемъ владѣніи съ прочими крестьянами селенія и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ объявляется, въ какомъ именно мѣстѣ дачи (въ какихъ урочищахъ) казна предоставляетъ себѣ право выдѣлить земли, оставшіяся невыкупленными, когда таковой выдѣлъ будетъ признанъ по соображеніямъ правительства необходимымъ.(8)

д) Въ тѣхъ случаяхъ, когда выкупленные земли не будутъ отведены особо отъ невыкупленныхъ, а останутся въ составѣ общаго владѣнія, крестьяне селенія обязываются, для изобѣжанія неудобства и недоразумѣній при передѣлахъ душевыхъ земель, отвести по взаимному соглашенію крестьянамъ, выкупившимъ земли, причитающіяся имъ по выкупу пашни къ одному мѣсту въ каждомъ полѣ, съ тѣмъ чтобы уже не

(6) А полевой выдѣлъ можно бы отдать сыну Муравьева; за чѣмъ же его оставлять общинѣ въ даровое пользованіе?

(7) Въ самомъ дѣлѣ гдѣ тутъ существенное неудобство? Крестьяне, которые не выкупаютъ земли, будутъ платить оброкъ, а тѣ, которые выкупаютъ, будутъ платить подать; оно все сводится на одно; тутъ не только нѣтъ существеннаго неудобства, но даже нѣтъ существеннаго различія.

(8) На простомъ языкѣ это значитъ: "Ты землю выкупи и деньги подай, а мы тебѣ эту землю выдѣлимъ, если намъ удобно, а не удобно, такъ и не выдѣлимъ; а ты деньги все таки подай."

касаться сихъ участковъ при передѣлѣ душевыхъ паявъ на невыкупленныхъ земляхъ. На такое соглашеніе дастся опредѣленный срокъ. Если-же оно до истеченія сего срока не состоится, то отводъ производится *административнымъ порядкомъ*.(9) По мѣрѣ возможности, отдѣляются выкупленные земли особыми участками и въ сѣнокосахъ, но такой выдѣлъ не обязателенъ, *выгоны-же и пастбища* остаются въ общее владѣніе, *впредь до размежеванія*.(10)

е) Отдѣльные пустоши, не смежныя съ селеніемъ, не могутъ быть выкупаемы душевыми паями; такія пустоши предлагаются къ выкупу или нераздѣльно всему селенію или же, если оно на это не согласится, то отдѣльнымъ домохозяевамъ, особыми округленными участками *не меньше* душеваго пая(11) каждый съ предоставленіемъ остаться на жительство въ селеніи въ своей выкупленной усадьбѣ, или-же переселится на участокъ, купленный въ пустоши.

ж) Невыкупленная земля, остающаяся въ селеніи безъ назначенія, отводится вся къ одному мѣсту и обращается въ оброчную статью.

10) Выкупная сумма за земли опредѣляется по оброчной платѣ, какая будетъ установлена по оцѣнкѣ за казенныя земли, состоящія въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, именно посредствомъ умноженія сей платы на 20.

11) Если выкупаемыя земли отводятся особыми участками, и притомъ явится нѣсколько крестьянъ, желающихъ получить одни и тѣже участки, то на такіе участки производится между ними крестьянами торги въ Волостномъ Правленіи.(12)

12) Сумма, которая будетъ назначена въ каждой мѣстности за выкупаемую землю, можетъ быть или вносима разомъ, или погашаема по банковымъ правиламъ, въ теченіе 28 лѣтъ по извѣстному расчету.(13)

13) Для доставленія возможности выкупать земли преимущественно состоятельнымъ крестьянамъ, (т. е. принимается, что оброчная плата составляетъ 5% капитальной цѣнности земли), при оставленіи за пріобрѣтателями выкупленныхъ ими участковъ или паявъ, требуется взносъ, кромѣ ежегоднаго платежа процентовъ и погашенія, за одинъ годъ единовременно по крайнѣй мѣрѣ 15% выкупной суммы въ счетъ

(9) Ну! тогда можетъ кой кто изъ богатыхъ крестьянъ и купить земли; вѣдь они будутъ имѣть право не согласиться съ отводомъ земли по мірскому приговору, а административнымъ порядкомъ имъ отведутъ, за взятку, и лучшія земли, да еще и въ большемъ количествѣ чѣмъ написано.

(10) Выгоны то какому же подлежатъ размежеванію? Мало того, что общественную землю крадутъ у общины и отдаютъ нѣкоторымъ, но еще въ пользу этихъ нѣкоторыхъ надѣются лишить общину удобнаго выгона и пастбища!

(11) Слѣдственно болѣе душеваго пая сколько душѣ угодно. Какое страшное стремленіе у министерства насильно образовать въ крестьянствѣ иѣщанство и задушить массу народа, пользуясь жадностью нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Мы бы назвали это махиавеллизмомъ, если бы не уважали въ Махиавелѣ умнаго челоуѣка, и потому назовемъ это просто лицемѣрнымъ мошенничествомъ, цѣль котораго порастрелять карманы богатыхъ мужиковъ.

(12) Какъ-же это? То оцѣнка изъ капитализаціи 5%, то аукціонъ и жажда надбавки противъ прежняго положенія.

(13) То есть 5½% и 1½% погашенія, или по 7% въ годъ. Въ помѣщичьихъ выкупныхъ проэктахъ мы встрѣчали капитализацію изъ большихъ процентовъ, а для взносовъ уступку, напримѣръ капитализацію изъ 8%, а взносы шестипроцентныя; это уменьшало и капиталъ и годовые платежи, т. е. облегчало выкупъ. А тутъ капитализаціи изъ меньшихъ процентовъ (т. е. увеличеніе капитала), а годовые взносы изъ большихъ; это увеличиваетъ и капиталъ и взносы. Отцы родные! За что-же свободныхъ то людей больше грабить чѣмъ крѣпостныхъ? Съ чего-же правительство, пизводя себя въ санъ помѣщика, хочетъ еще быть худшимъ изъ всѣхъ помѣщиковъ? Ужъ не на этомъ-ли основаніи Александръ II сказалъ, что онъ первый дворянинъ въ государствѣ?

оной.(14) Къ этой частной наличной уплатѣ надбавляется сверхъ того столько, сколько нужно для округленія, до полныхъ въ каждый платежный срокъ рублей, тѣхъ дальнѣйшихъ выкупныхъ платежей, которыми долженъ быть погашенъ составленный на вышеупомянутыхъ земляхъ долгъ.

14) Сборъ разсроченной выкупной платы производится за каждые полгода *впередъ*(15) тѣмъ-же порядкомъ, какъ и сборъ податей.

15) Въ случаѣ несправности въ платежѣ сей платы, недоимка взыскивается тѣмъ-же порядкомъ, какъ и податная недоимка. Но если въ теченіе одного года недоимка окажется не взысканною, то управленіе государственныхъ имуществъ распоряжается продажей съ торговъ подлежащихъ участковъ, въ Волостныхъ Правленіяхъ, съ удовлетвореніемъ казны по день передачи участка новому пріобрѣтателю всѣми платежами, недопоставившими съ прежняго. Участки могутъ быть отчуждаемы по усмотрѣнію управленія государственныхъ имуществъ. Къ торгамъ симъ допускаются лица всѣхъ состояній.(16) Если торги не состоятся, то участокъ обращается въ число казенныхъ земель.

16) Выкупленные земли поступаютъ въ полную собственность ихъ пріобрѣтателей, съ освобожденіемъ отъ оброчной за нихъ платы, современно взноса слѣдующей за первый годъ платы, но продажа выкупленныхъ участковъ самими пріобрѣтателями другимъ лицамъ дозволяется лишь по прошествіи 5 лѣтъ, со дня пріобрѣтенія, и притомъ какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и по частямъ; съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что земли оставшіяся въ составъ общаго владѣнія могутъ быть передаваемы въ размѣрѣ *не меньшемъ* душеваго пая.(17)

17) Исчисленіе выкупной суммы, предъявленіе крестьянамъ условій выкупа и отобраніе отъ нихъ отзывовъ по сему предъявленію, въ теченіе опредѣленнаго срока дѣлается кадастровыми чиновниками,(18) производящими оцѣнку земель для опредѣленія оброчной платы.

18) Отводъ выкупленныхъ участковъ и постановка межевыхъ столбовъ производятся межевыми чинами министерства государственныхъ имуществъ, подъ наблюденіемъ кадастровыхъ чиновниковъ, и окончательно утверждаются Палатою государственныхъ имуществъ.

19) Крестьянамъ, выкупившимъ земли, выдается изъ Палаты государственныхъ имуществъ свидѣтельство на право

(14) Надо говорить по душѣ: "Мы сперва хотимъ ограбить богатыхъ крестьянъ разомъ, и за это жертвуемъ имъ небогатыми, а потомъ станемъ грабить и тѣхъ и другихъ исподволь." Пожалуй на эту удочку кой кто изъ богатыхъ, кто пожадище, и поймается, но въдь въ самомъ то дѣлѣ это—безсовѣстно.

(15) Дѣйствительно на этомъ пути не надо терять изъ виду ни малѣйшей выгоды. Это правило всѣхъ торгашей. Какъ пріятно будетъ видѣть русскаго царя, стаповящагося на благородную погу рыночныхъ срывщиковъ.

(16) Что за изобрѣтательность у Муравьева: заставить мужика заплатить за землю, которою онъ владѣлъ даромъ, и въ случаѣ его неосторожности, или несчастія, не то что возратить участокъ въ общину,—а продать первому встрѣчному. Какое глубокое пониманіе общинной собственности, какое доброжелательство русскому народу, какое благородство! О! Муравьевъ - вѣшатель великій человѣкъ; ему даже не бываетъ стыдно, вотъ какъ онъ развить и просвѣщенъ!

(17) Стало въ большемъ. Отдѣльный крестьянинъ получаетъ право продать на сторону изъ мірскаго земли больше, чѣмъ сколько было у него въ пользованіи. Ты, братецъ, только грабь, а ужъ правительство будетъ тебѣ помогать; оно на то богомъ и поставлено.

(18) Между ними есть и порядочные люди. Неужели они не выйдутъ въ отставку?

принадлежности участка, плавъ (если выкупленная земля отведена особымъ участкомъ) и расчетъ для платежа выкупной суммы."

Мы очень сомнѣваемся, чтобы нашлось много крестьянъ, которые повѣрили бы призраку, что имъ выгодно заплатить деньги за земли, которыми они пользуются даромъ. Для того, чтобы такъ нагло обмануть народъ надо притѣснить къ притѣсненію, на примѣръ еще стѣснить крестьянскую торговлю, такъ что мало мальски богатымъ крестьянамъ неминуемо выписаться изъ крестьянства, а это имъ дозволить только при покупке земель, и тому подобное; притѣсненія выдумывать не мудрено; на это у Муравьева - вѣшателя хватить и ума и сердца.

Не надуетъ еще крестьянъ и потому, что всякій догадается, что когда онъ и землю купить и будто перестанетъ платить *оброкъ*, то послѣ на него все же наложатъ *подать*; не даромъ онъ принадлежитъ къ *податному сословію*. Стало покупка только шутка, а въ самомъ дѣлѣ крестьянинъ и богатый и бѣдный очутятся кругомъ ограбленными.

Эти правила продолженіе, или лучше расширеніе, узаконеніе того же разбоя сбора податей *сверхъ оклада*, за который палатамъ государственныхъ имуществъ пришла высочайшая благодарность.* Этотъ сборъ произошелъ, какъ мы слышали, отъ особаго распоряженія Муравьева, которому, безъ вызова со стороны Министерства Финансовъ, по мимо государственнаго бюджета, вздумалось повысить подати на 10%. Чиновники, которые собрали этотъ лишній поборъ, только исполнили министерское предписаніе. Мы знаемъ, что между ними есть люди высокаго благородства, но мы все же выписали ихъ имена; пусть догадаются, что съ этимъ министромъ и въ этомъ министерствѣ честнымъ людямъ служить не лезя. Пусть оно остается окруженное только себѣ подобными чиновниками; честнымъ людямъ погибать на ихъ сторонѣ не приходится.

Какой - же результатъ этихъ Муравьевскихъ правилъ? Въмѣсто того, чтобы выкупить крѣпостныхъ крестьянъ, они взбунтуютъ государственныхъ. Результатъ страшный, гибельный, но естественный, и если министръ изъ *вѣшателя* *сдѣлается повѣшеннымъ*, то не лезя сказать, чтобы висѣлица была не заслуженная.

МЪРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ТРЕЗВОСТИ.

Мы извлекаемъ изъ составленнаго при государственной канцеляріи по отдѣленію государственной экономіи труда, напечатаннаго въ небольшомъ числѣ экземпляровъ подъ заглавіемъ: "*Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи*" (три тома). Книги эти разсланы членамъ государственнаго совѣта и другимъ лицамъ *весьма секретно*.

Первый и второй томъ содержатъ въ себѣ историческія свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Великороссійскихъ и привилегированныхъ губерніяхъ; въ третьемъ томѣ заключаются статистическія свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ вообще, о внутреннемъ устройствѣ откуповъ, о предположеніяхъ част-

* Повторенная еще разъ палатамъ Гродненской и Оренбургской, (С. Петерб. вѣдомости 10 Юня, No. 126) за то, "что годовой окладъ податей поступилъ сполна, даже съ излишкомъ."

ныхъ лицъ къ устройству питейныхъ сборовъ на будущее время о питейныхъ сборахъ въ Польшѣ, Финляндіи, и въ иностранныхъ государствахъ.

1) *Великороссійскія губерніи.*

(Томъ I стр. 202—207).

По окончаніи торговъ на откупа съ 1859 по 1863 г., откупщики стали возвышать произвольно цѣны на вино и тѣмъ возбудили общее неудовольствіе, такъ что Тульское дворянство, составивъ постановленіе о произвольныхъ дѣйствіяхъ откупщиковъ, официально довело объ этомъ до свѣдѣнія правительства (1). За тѣмъ въ Ковенской и другихъ привилегированныхъ губерніяхъ римско-католическое духовенство проповѣдями и убѣжденіями побудило народъ образовать общества трезвости, а въ Великороссійскихъ губерніяхъ по многимъ мѣстностямъ сельскія общества стали составлять мірскіе приговоры не пить вина и за употребленіе его устанавливать даже наказанія тѣлесныя и денежныя (2).

Вслѣдствіе сего министръ финансовъ далъ циркуляръ, 5 Марта 1859 г. No. 525, предсѣдателямъ казенныхъ палатъ, въ которомъ объясняетъ, что подобныя мѣры вызваны главнѣйше возвышеніемъ цѣны на вино до такой степени, что пріобрѣтеніе онаго сдѣлалось недоступнымъ для нисшаго класса людей; что въ дѣйствіяхъ своихъ откупщики хотя и ссылаются на наддачи откупной суммы, сдѣланныя на торгахъ, и распредѣляя ихъ на пропорціональное вино, хотятъ этимъ выручить всю наддачу, не касаясь прибылей, полученныхъ ими въ минувшее двухлѣтіе; но какъ выгоды ихъ извлекаются не изъ продажи одного вина, но также изъ разныхъ другихъ статей, то онъ, министръ финансовъ, предлагаетъ казеннымъ палатамъ внушить содержателямъ, чтобъ они продавали вино, для собственной ихъ пользы, по установленной цѣнѣ и въ надлежащей добротѣ.

Доводя объ этихъ событіяхъ до свѣдѣнія государя императора, министръ финансовъ, 12 Марта, изъяснялъ, что причиною самовольныхъ дѣйствій откупщиковъ служатъ самыя правила, по коимъ хотя они и должны продавать улучшенный полугаръ повсемѣстно, а обыкновенный и пѣнное вино въ уѣздахъ, но въ то-же время въ городахъ обязаны продавать полугаръ лишь изъ ведерныхъ, а не изъ распивочныхъ мѣстъ. Для водокъ, настоекъ и наливокъ, подъ названіемъ коихъ у нихъ продается обыкновенное вино, какими нибудь спеціями нѣсколько подкрашенное, не опредѣлено ни цѣны, ни крѣпости; самая цѣна полугарнаго вина въ обыкновенномъ видѣ назначена въ 3 р. какъ для отпуска онаго изъ казны въ откупъ, такъ и для продажи потребителямъ безъ вычета какого-либо процента въ пользу содержателя для покрытія расходовъ. Справедливо ли послѣ сего требовать отъ откупщика, чтобъ онъ продавалъ полугарное вино всѣмъ потребителямъ по этой явно убыточной для него цѣнѣ? Кромѣ того, при самомъ отпускѣ изъ магазиновъ откупщику вина пазначается къ выбору пропорція для продажи улучшеннаго полугара, по разнымъ высшимъ цѣнамъ; при чемъ для облегченія счетоводства назначается одна средняя сложная цѣна, по которой вино ему отпускается. Такъ, въ столицахъ откупъ долженъ платить въ казну по 3 р. 75 к. за ведро, а за

(1) Дѣло департамента разныхъ податей и сборовъ 1859 г. о возвышеніи цѣны на вино и о разграбленіи кабаковъ. Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ 7 Февраля 1859 года.

(2) Въ томъ же дѣлѣ.

тѣмъ можетъ-ли онъ продавать его по 3 р.? Сверхъ того, содержатель платитъ акцизной въ казну суммы гораздо болѣе того, что получаетъ самъ: въ Москвѣ излишекъ акцизной суммы, будучи разложенъ на вино, составляетъ на ведро по 3 р. Откуда откупщикъ взялъ бы всю эту доплату, если бы продавалъ по установленной цѣнѣ полугаръ, который простой народъ обыкновенно употребляетъ и требуетъ, если не отъ возвышенія цѣны на такъ называемыя имъ спеціальныя водки, затрудняя всячески покупку полугара? Если принять въ разсужденіе, что условія эти существовали до сихъ поръ безъ особаго преслѣдованія содержателей откуповъ за нарушеніе оныхъ, то, при новыхъ торгахъ, они въ правѣ были полагать, что дѣло пойдетъ такимъ-же образомъ и на будущее время; если-же теперь ихъ преслѣдовать за отступленіе отъ правилъ, то нѣтъ сомнѣнія, что большая часть откуповъ сдѣлается неисправною, а государственное казначейство понесетъ убытокъ, лишившись съ тѣмъ вмѣстѣ возможности удовлетворять вполнѣ возложенные на него расходы. При имѣющемся въ виду предположенію о преобразованіи питейной системы, въ настоящее время необходимость вынуждаетъ терпѣливо перенести зло, представляющее для правительства и свою хорошую сторону. Для отвращенія потерь казны, министръ финансовъ полагалъ, между прочимъ, распоряженіе римско-католическаго духовенства, самовольно составленнаго общества трезвости, равно какъ приговоры городскихъ или сельскихъ обществъ о воспрещеніи употребленія вина, *уничтожить*, и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ для сей цѣли *нигдѣ не допускать*.

Вслѣдствіе этого отъ министра внутреннихъ дѣлъ данъ былъ начальникамъ губерній циркуляръ 1859 г. 22 Марта No. 57, сущность коего состояла въ томъ, чтобы, не препятствуя добровольно изъявленнымъ частными лицами желаніямъ сохранять трезвость и воздержаніе, принять мѣры, чтобы ни съ чьей стороны не было употребляемо побудительныхъ къ тому средствъ, какъ-то: формальныхъ приговоровъ съ штрафами, наказаніями и проч. За тѣмъ поручить полицейскимъ начальствамъ наблюдать, чтобы и откупщики исполняли принятыя на себя обязанности.

Со стороны министра государственныхъ имуществъ данъ былъ также циркуляръ палатамъ государственныхъ имущ., въ которомъ было пояснено:

1) Что стремленіе крестьянъ къ воздержанію отъ пьянства нельзя не признать заслуживающимъ поощренія; но что къ искорененію пьянства надлежитъ стремиться наблюденіемъ и внушеніями, подвергая наказанію, указаннымъ въ законѣ порядкомъ, за неумѣренное пьянство, а не преслѣдовать тѣхъ, которые употребляютъ вино умѣренно и нерѣдко даже нуждаются въ томъ, для поддержанія силъ и здоровья, и отнюдь не постановлять обязательныхъ по сему предмету приговоровъ, какъ совершенно противныхъ законамъ.

2) Что палатѣ слѣдуетъ наблюдать, дабы произвольные сходки не были допускаемы, и отнюдь не дозволять имъ дѣлать постановленій, выходящихъ изъ круга ихъ вѣдѣнія и правъ, неупустительно взыскивая съ виновныхъ не надлежаще дозволившихъ себѣ распоряжаться и въ особенности съ ближайшихъ сельскихъ начальниковъ, которые не предупредятъ подобныхъ дѣйствій; при чемъ разъяснить однакожь крестьянамъ, что начальство, строго воспрещая составленіе объясненныхъ выше обязательныхъ мірскихъ приговоровъ и

вообще дѣйствія противныя постановленному въ законахъ порядку, признаетъ весьма похвальнымъ благонамѣренное стремленіе къ воздержанію отъ пьянства, лишь бы не сопровождалось оно мѣроположеніями, не разрѣшенными правительствомъ.

3) Что со стороны министровъ—внутреннихъ дѣлъ и финансовъ сдѣланы распоряженія о должномъ наблюденіи, чтобы откупщики въ точности исполняли принятыя на себя обязанности, не возвышали продажныхъ цѣнъ питей, обыкновенное-же и улучшенное полугарное вино продавали по цѣнамъ, установленнымъ въ откупныхъ условіяхъ и въ надлежащей добротѣ.

Но когда распоряженія эти были объявлены, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по селеніямъ послѣдовали со стороны народа требованія объ отпускѣ вина изъ питейныхъ домовъ по законнымъ цѣнамъ, а по неуступчивости этимъ требованіямъ, народъ прибѣгъ къ насилію, расхищая и разбивая кабаки, такъ что къ обузданію такого своеволия со стороны начальства необходимо было принять мѣры строгости.

Трезвость въ привилегированныхъ губерніяхъ.

(Тоже II стр. 231 до 242.)

Въ Сентябрѣ 1858 г. Римско-католическое духовенство въ Ковенской губерніи, сперва въ приходахъ, сопредѣльныхъ съ царствомъ Польскимъ, начало проповѣдывать о трезвости по примѣру царства Польскаго, потомъ проповѣдываніе это постепенно распространилось по сосѣднимъ приходамъ и наконецъ по всей губерніи. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что духовенство по сему предмету не имѣетъ никакихъ предписаній или наставленій отъ высшаго духовнаго начальства, но дѣйствуетъ по своей обязанности; однако же полиція доносила, что съ цѣлю распространенія трезвости была переведена на самогитскій языкъ и издана книжка “о братствѣ трезвости,” и что были слухи будто епископъ Тельшевскій объявлялъ, что о распространеніи трезвости онъ имѣлъ счастье лично доводить до свѣдѣнія государя императора въ г. Вильно (1). Изданная же на самогитскомъ языкѣ книжка “о братствѣ трезвости,” учрежденномъ папою Пиемъ IX, содержала правила вступленія въ братство, обрядъ принятія, обѣты вступающихъ, молитвы, обязанности, порядокъ отпущенія грѣховъ вступившимъ въ братство, тексты св. писанія противъ пьянства, а также разсужденія о немъ. Брошюра сія была напечатана въ числѣ 10,000 экземпляровъ. За тѣмъ братства трезвости въ Декабрѣ мѣсяцѣ проникли въ Виленскую, а потомъ въ Гродненскую губерніи (2). Вслѣдствіе принятыхъ духовенствомъ мѣръ къ искорененію пьянства, акцизные сборы упали, и отъ откупщиковъ послѣдовали жалобы, что духовенство употребляетъ насильственные мѣры къ распространенію братства трезвости, воспрещая народу совершенное употребленіе горячихъ напитковъ и угрожая неисполнителямъ ихъ наставленій лишеніемъ блаженства въ будущей жизни, недопущеніемъ къ исповѣди, причастію, лишеніемъ погребенія и затрудненіемъ вѣнчаній; что ксендза понуждаютъ крестьянъ насильно къ принесенію клятвы на поступленіе въ братство, бьютъ крестьянъ палками, гоняя ихъ въ костелъ присягать, при чемъ всѣхъ вступающихъ въ братство записываютъ въ особія

(1) Отношеніе Ковенскаго губернатора къ министру финансовъ отъ 10 Ноября 1858 года.

(2) Представленіе предсѣдателя Виленской Казенной палаты, 13 Декабря 1858 года.

заведенныя для того книги, а преступившихъ обѣты наказываютъ: заключеніемъ при церквахъ и выставленіемъ на позоръ при входѣ въ церковь. (3)

Учрежденіе братства трезвости безъ разрѣшенія правительства было признано незаконнымъ; брошюра о братствѣ трезвости была отобрана изъ типографіи въ количествѣ 7,500 экземпляровъ и духовенству было объявлено, чтобы оно ограничивалось только проповѣдями, не прибѣгая къ мѣрамъ, не свойственнымъ христіанскому ученію и противнымъ гражданскому порядку, ибо правительство *само имѣетъ попеченіе*, дабы пьянство не распространялось (4). Тельшевскому епископу, по высочайшему повелѣнію, поставлено на видъ, что онъ не имѣлъ права разрѣшать печатаніе книжки, содержащей уставъ общества *трезвости*, а цензору за то былъ сдѣланъ по высочайшей волѣ выговоръ (5). Но взведенныя откупщиками на римско-католическое духовенство обвиненія въ принятіи будто бы насильственныхъ мѣръ противъ потребителей горячаго вина, по произведенному дознанію, не представились въ томъ видѣ, какъ объ этомъ голословно донесли откупные служители, заинтересованные въ удержаніи вкоренившагося между простымъ народомъ пьянства и потому единственно охуджающіе дѣйствія духовенства, назидающаго своихъ прихожанъ въ правственности. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ковенской губерніи въ началѣ ксендзы по лишнему усердію прибѣгали къ не свойственнымъ мѣрамъ, что и было прекращено (6). Проповѣдываніе-же продолжалось дѣятельно и ксендзы, кромѣ нравственныхъ поученій, ссылались въ своихъ проповѣдяхъ на указъ о введеніи акциза, который, какъ объявлено правительствомъ, учрежденъ съ единственною цѣлю искорененія въ народѣ непомерно усилившагося пьянства, и потому увѣщевали народъ именемъ государя императора Николая Павловича, учредившаго акцизъ, оставить употребленіе горячихъ напитковъ (7). Самое проповѣдываніе имѣло видъ системы, такъ въ Вильнѣ 1 Марта 1859 г. во всѣхъ костелахъ были произнесены проповѣди о трезвости, при чемъ ксендзы ссылались на указъ о введеніи акциза съ вина, а за тѣмъ были предлагаемы особо приготовленные книги для записыванія именъ приступившихъ къ братству трезвости (8). Министръ финансовъ, озабочиваясь поддержаніемъ упадающаго акцизнаго сбора, относился къ Виленскому военному, Ковенскому и Гродненскому генералъ-губернатору, и къ министру внутреннихъ дѣлъ, просилъ отобрать книги, въ которыя записывались вступающіе въ братство (9), такъ

(3) Представленіе предсѣдателя Ковенской казенной палаты 4 и 20 Ноября 1858 г.; представленіе Виленской казенной палаты 29 Января 1859 г.; просьба откупщика Райха 2 Марта 1859 г.

(4) Отношеніе Виленскаго военнаго губернатора 15 Февраля и 9 Марта 1859.

(5) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ министру финансовъ 24 Іюля 1859 года.

(6) Отношеніе Ковенскаго губернатора отъ 1 Декабря 1858., отношеніе Виленскаго военнаго губернатора 11 Апрѣля 1859 г. и Виленскаго губернатора 19 Іюня 1859 къ министру финансовъ.

(7) Представленіе Виленской казенной палаты 20 Февраля 1859 г.

(8) Представленіе предсѣдателя Виленской казенной палаты 3 Марта 1859 г. въ дѣлѣ департамента податей и сборовъ 1858 №. 143 о братствѣ трезвости.

(9) Учрежденіе братствъ (конфратерній) въ римской церкви существуетъ съ древнихъ временъ. Братства эти учреждались съ какою либо религиозною или нравственною цѣлю и каждое изъ нихъ имѣетъ свой уставъ и особую книгу, въ которую записываются члены; начальникомъ братства бываетъ всегда настоятель церкви, при которой оно учреждено; желающій вступить въ братство объявляетъ о томъ настоятелю, даетъ обѣтъ исполнять установленныя правила и записывается въ заведенную книгу. Почти при каждомъ при каждомъ костелѣ существуетъ какое либо братство, а при нѣкоторыхъ даже по нѣскольку. Въ

какъ распоряженіе это показало бы ясно народу, что означенное братство учреждено самовольно безъ разрѣшенія правительства и слѣдовательно существуетъ противузаконно; причемъ министръ финансовъ увѣдомлялъ также министра внутреннихъ дѣлъ о просьбѣ Виленскаго акцизнаго откупщика, чтобы высшее духовенство приказало въ костелахъ публично объявить народу, что данные имъ обѣты и присяги относятся единственно къ воздержанію отъ излишняго употребленія напитковъ, а не къ умѣренному употребленію хлѣбнаго вина, которое не только не вредно, но даже необходимо (10). На это министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтствовалъ, что онъ находитъ противозаконнымъ учрежденія какихъ либо обществъ безъ разрѣшенія правительства, но признаетъ за духовенствомъ неотъемлемое право отвращать народъ отъ всякаго порока пастырскими поученіями. Отобраніе книгъ, въ которыя записывались лица, вступившія въ братство трезвости, едва ли имѣло бы какой либо практической результатъ, а напротивъ могло бы лишь подать поводъ къ разнымъ неблагонамѣреннымъ толкамъ, не принеся впрочемъ никакой существенной пользы; подобная мѣра, какъ и вообще сильное противодействие обнаружившемуся въ народѣ стремленію ко трезвости, можетъ только ожесточить оный противъ откупщиковъ, влиянію которыхъ, конечно, народъ будетъ приписывать такія мѣры. Что же касается до ходатайства Виленскаго акцизнаго откупщика, чтобы обязать ксендзовъ объявить публично, что данные народомъ обѣты не пить водки относятся только къ пьянству, а умѣренное употребленіе вина необходимо, то онъ министръ, находитъ такое требованіе совершенно неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что при склонности простолюдиновъ къ невоздержности, приглашать ихъ пить водку умѣренно, почти тоже что открыто разрѣшать имъ пьянствовать, каковое внушеніе со стороны духовныхъ ихъ пастырей не можетъ быть допущено въ видахъ общественной нравственности и даже приличія; а тѣмъ менѣе правительство можетъ требовать сего отъ духовенства. (11).

(Продолженіе впрѣдъ.)

ТОСТЬ ПУГАЧЕВУ

и

ПОСЛѢДНЯЯ КАМПАНИЯ (БУДУЩАГО ГРАФА) ТИМАШЕВА.*

Въ Іюньской книжкѣ *Современника*, помѣщено описаніе обѣда, бывшаго у депутата Херсонской губерніи, Херсонскаго губернскаго предводителя дворянства, Е. А. Касинова, 14го Мая 1860 года. Большая часть депутатовъ, (членовъ губернскихъ комитетовъ втораго призыва), разѣхались уже, г. вильно братства при нѣкоторыхъ церквахъ весьма древни, при костелѣ св. Іоанна книга членовъ братства начинается съ 1573 г., а при кафедральномъ соборѣ съ 1671, и въ ней записаны, какъ члены братства, король Михайло Вишневецкій, Іоанъ III Собѣскій, и супруги ихъ. Совершенно подобнымъ образомъ при каждомъ костелѣ учреждалось и новое братство трезвости (представленіе предсѣдателя Виленской казенной Палаты 12 Марта 1859 г.)

(10) Отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ 4 Апрѣля 1859 г.

(11) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ министру финансовъ 24 Іюня 1859 г.

* "Daily Telegraph" на дняхъ помѣщая разсказъ о знаменитомъ тостѣ Пугачеву, прибавляетъ что государь узналъ объ этомъ изъ Колокола. Колоколъ переходитъ въ мнѣ, у насъ строки не было ни о Касиновскомъ праздникѣ, ни о самомъ Касиновѣ (котораго переписка съ Строгоновымъ у насъ есть). Или въ самомъ дѣлѣ перепечатаютъ Колоколъ для высочайшаго употребленія, или аристократъ Тимашевъ, графъ in spe, выдумалъ новую уловку и сваливаетъ на насъ бѣдныхъ свои доносы—какое лестное братство.

Ред.

послѣ подачи отзывовъ, когда остальные предположили дать обѣдъ гг. членамъ редакціонныхъ комиссій. Предположеніе, вслѣдствіе неизбѣжной оппозиціи, не осуществилось, и г. Касиновъ далъ обѣдъ собственно отъ своего имени. Обѣдъ этотъ, какъ сказано въ статьѣ, выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ. Постараемся пополнить пробѣлы автора. Обѣдъ дѣйствительно замѣчателенъ, и по содержанію и по послѣдствіямъ. Въ немъ, изъ депутатовъ-дворянъ, участвовали только выразившіе рѣшительное мнѣніе въ пользу скорѣйшей развязки вопроса, посредствомъ приобрѣтенія участковъ земли для крестьянъ, примѣняясь къ ст. 578 X. Т. Зак. гражд. (изд. 1857 г.). Защитники крѣпостнаго права, подъ разными его видоизмѣненіями, считали участие въ обѣдѣ, вмѣстѣ съ членами редакціонныхъ комиссій, измѣною интересамъ дворянства. Членъ губернскаго комитета Курскій губернский предводитель дворянства Скарятинъ, ѣздилъ даже къ нѣкоторымъ депутатамъ и просилъ ихъ уклониться отъ обѣда. За тѣмъ въ обѣдѣ участвовали: Самарской депутатъ Б. П. Обуховъ, Калужской кн. А. В. Оболенскій, Орловской П. М. Хлюстинъ, Херсонской Г. В. Соколовъ-Бородкинъ, Оренбургскіе Я. Г. Карташевскій и Н. А. Блудоревъ, Вологодской Н. Н. Эндауровъ, и Пензенской И. Н. Горсткинъ и М. А. Литвиновъ. Депутаты Западныхъ губерній, еще не выѣхавшіе изъ Петербурга: князь Любомирскій, графъ Плятеръ - Зиберъ, Тизенгаузенъ, Домейко и т. д., единогласно, подъ разными предлогами, отказались присутствовать на обѣдѣ. Считая себя принадлежащими къ аристократической партіи, они въ каждомъ членѣ редакціонныхъ комиссій, видѣли личнаго врага своего. Въ отзывахъ, поданныхъ въ редакціонную комиссію этими господами, они защищали свои шляхетскія привилегіи, не допуская возможности поземельнаго выкупа. Эти начала сблизили ихъ съ Русскою аристократіею. Польскіе вельможи-депутаты, вели постоянно тайные переговоры съ нашими аристократами. Примѣръ освобожденія крестьянъ, изобрѣтенный *сливками* нашего Петербургскаго общества, заключается въ такъ называемомъ *Флигель-Адъютантскомъ* проэктѣ освобожденія крестьянъ безъ земли, съ подчиненіемъ ихъ высшему дворянству. Онъ ходитъ по рукамъ, распространяемый дворянами, *лакеями лакеевъ* Зимняго дворца. Проэктъ подписанъ: графомъ Бобринскимъ, графомъ Паскевичемъ и Шуваловымъ. Депутаты Западныхъ губерній, этотъ родственнѣйшій проэктъ, приняли съ радостью, для большаго успѣха перевели его на нѣмецкій языкъ и назвали *Bauerland'омъ*. Изъ членовъ редакціонныхъ комиссій въ обѣдѣ участвовали: Булгаковъ, Мплютинъ, Грабянка, Гирсъ, Жуковскій, Желтухинъ, кн. Черкасскій, Соловьевъ и князь Голицынъ. Тостъ предложенный кн. Оболенскимъ, переданъ не вполнѣ. Оболенскій заключилъ тостъ свой слѣдующими словами: "Не имѣя возможности наименовать всѣхъ полезныхъ дѣятелей предстоящей реформы, позволяю себѣ напомнить вамъ, господа, имена Кавелина и Унковскаго." Громкое ура! сопровождало тостъ этотъ. Г. П. А. Булгаковъ, исправлявшій должность предсѣдателя редакціонныхъ комиссій во время болѣзни г. Ростовцева, считалъ себя обязаннымъ парализировать этотъ тостъ. Не вставая съ кресла, онъ обратился къ Оболенскому и сказалъ: "почему же, послѣ этого, не предложить тостъ за здоровье Пугачева?" Общій смѣхъ покрылъ эту вѣрноподданническую демон-

страцію. Одни наши возможнымъ предложить тостъ за Стеньку Разина, другіе за Ваньку Каина; иные же за здоровье самого Петра Алексѣевича Булгакова.

На другой день весь Петербургъ зналъ объ обѣдѣ. Это случилось слѣдующимъ образомъ: въ разговорѣ съ Тимашевымъ, одинъ изъ присутствующихъ рассказалъ о выходкѣ Булгакова, Тимашевъ донесъ князю Долгорукову, Долгорукій немедленно отправился въ царское село къ государю, и донесъ ему о не благополучномъ состояніи умовъ въ Петербургѣ. Съ обычнымъ князю краснорѣчіемъ онъ объяснилъ, что отъ подобныхъ обѣдовъ одинъ только шагъ къ революціи; чему могутъ служить доказательствомъ Парижскіе банкеты 1848 года. Что необходимо принять рѣшительныя мѣры для общественнаго спокойствія—и полицію и войско приготовить на всякій случай, что по его соображенію революціонное foyer—это собранія редакціонныхъ комиссій и депутатовъ; что начало зла въ гласности крестьянскаго вопроса, въ призывѣ членовъ изъ губерній и въ неосторожномъ наименованіи ихъ покойнымъ Ростовцевымъ, депутатами.* Что вслѣдствіе этого одинъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, не предваривъ ни его, ни Тимашева, позволилъ себѣ, даже дать почти официальный обѣдъ, въ нѣсколькихъ стахъ саженой отъ Зимняго Дворца и Петропавловской крѣпости. Что на этомъ обѣдѣ, или лучше банкетѣ, Булгаковъ, въ качествѣ Робеспьера, провозгласилъ слѣдующій тостъ:

“Господа! За здоровье перваго эмансипатора Эмельяна Пугачева, и послѣдняго Александра IIго.” Что тостъ этотъ былъ принятъ самымъ торжественнымъ образомъ,—и что за тѣмъ, онъ Долгорукій, полагаетъ, что отечество въ опасности и необходимо III отдѣленію его императорскаго величества принять энергическія мѣры...” Неизвѣстно, въ какой степени государь повѣрилъ этому нелѣпому доносу, но, достовѣрно то, что вѣрноподанный Петръ Булгаковъ, нынѣ переименованный аристократами въ Робеспьера, находится въ опалѣ. Графъ Панинъ, при сей вѣрной оказіи, удалилъ Булгакова изъ редакціонной комиссій, какъ опаснаго пропагандиста освобожденія крестьянъ съ землею.

ИЗЪ МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

1) Жители мѣстечка *Греска*, принадлежащаго князю Льву Радзивиллу, издавна занимаются выжиганіемъ извести, добываемой на ихъ собственныхъ земляхъ. Арендный владѣтель *Машевскій* остался долженъ крестьянамъ за ихъ работы, но не хотѣлъ платить имъ денегъ, и для этого прибѣгнувъ къ слѣдующему средству: кромѣ общей условленной платы за землю, Машевскій сталъ взимать особыя деньги за известь. Крестьяне жаловались и уѣздный предводитель дворянства нашель ихъ жалобу правильною. Но по проискамъ Машевскаго жалоба крестьянъ признана была *возмущеніемъ* противъ законныхъ властей, и для усмиренія его отправленъ былъ эскадронъ уланъ, не смотря на неоднократное ходатайство за крестьянъ Слуцкаго уѣзднаго судьи Околова. Солдаты, прибывъ на мѣсто и видя явную несправедливость начальства, *долго отказывались* отъ насильственныхъ дѣйствій, просили, убѣждали крестьянъ покориться, и подчиняясь неумолимой свирѣпости дисциплины, вели себя такъ въ отношеніи къ крестьянамъ, что жены послѣднихъ отбивали отъ

* Смотри первые журналы редакціонныхъ комиссій. Въ послѣдствіи назвали депутаты, замѣнено выраженіемъ члены

солдатъ своихъ мужей, которыхъ приказано было брать подъ арестъ. При всемъ томъ было пересѣчено много крестьянъ. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что Машевскій заплатилъ властямъ до 12 т. руб. и крестьянамъ за убытки 2 т. рублей.

2) Жители мѣстечка *Клеука*, принадлежащаго тому же Радзивиллу, по конкрактамъ съ администраціей его, обязались платить за землю извѣстный оброкъ; Машевскій возвысилъ арендную плату вчетверо болѣе контрактной.

Крестьяне отказались отъ добавочной платы. Для наказанія ихъ за такую смѣлость, посланъ былъ отрядъ охотниковъ отъ Радзивилла, съ заряженными ружьями, для грабежа хлѣба на поляхъ (это было въ іюль 1859 г. уже), сжатаго крестьянами. Видя вооруженную силу, крестьяне ударили въ церковный колоколъ, и на зовъ его собрались не только христіане, но и евреи для общей защиты. Тогда по приказанію начальника охотниковъ дано было нѣсколько *выстрѣловъ*; но народъ бросился на охотниковъ съ ожесточеніемъ, и прогналъ съ полей; при этомъ начальникъ охотниковъ едва не былъ убитъ. Слѣдственная комиссія скрыла главнаго виновника, а крестьяне признаны бунтовщиками.

3) Въ мѣстечкѣ *Давидгородкѣ* (объ этомъ происшествіи было упомянуто въ первомъ письмѣ о дворянскихъ и полицейскихъ походахъ на крестьянъ Минской губерніи) 600 ограбленныхъ крестьянъ, вынуждены были оставить свои усадьбы, и гробы своихъ праотцевъ, къ которымъ они питаютъ страстную привязанность, ради того же Машевскаго. Какихъ нужно было усилій, какихъ неистовыхъ притѣсеній потребовалось для того, чтобы согнать несчастныхъ жертвъ разбоя съ роднаго пепелища!

4) Въ городѣ *Песвижѣ*, принадлежащемъ Радзивилловымъ Прусскимъ, управляющимъ ихъ имѣніями *Малиновскій*, исключенный изъ правительственной службы за подлоги, возвысилъ втрое арендную плату за землю, опредѣленную контрактомъ, подписаннымъ самими князьями, и когда жители не согласились платить больше, чѣмъ обязались, *Малиновскій* подкупилъ Минское губернское правленіе и получилъ предписаніе потребовать съ жителей деньги, по указанію *Малиновскаго*. Вооруживъ 300 крестьянъ и 40 безсрочныхъ солдатъ колыями, *Малиновскій* въ сопровожденіи становаго пристава *Здроевскаго*, началъ осаду застѣнка *Качаповичъ*; но долженъ былъ отступить предъ отчаянною защитою крестьянъ застѣнка: старцы, жены, дѣти — всѣ вышли изъ своихъ избъ, чтобъ отстоять ихъ, и кровныя поля. За тѣмъ привели три эскадрона уланъ, не для усмиренія бунта, котораго уже не было, а для того чтобы въ двѣ недѣли поправить лошадей, и карманы эскадронныхъ командировъ: жители должны давать по 4 гарна овса, и 20 фунтовъ сѣна въ сутки на лошадь. Лошади-то будутъ хороши къ царскому смотру, назначенному въ іюль, да крестьяне обнищаютъ въ конецъ.

С М Ъ С Ъ.

РУССКАЯ МУЗЫКА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Концерты кн. Ю. Н. Голицына имѣютъ рѣшительный, огромный успѣхъ,—со втораго концерта обширная зала *St. James Hall* была полна. Англичане были удивлены, увлечены, и провожали трескомъ и громомъ почти всѣ пьесы. Эстетическое шашествіе русскихъ звуковъ идетъ отъ побѣды

къ побѣдѣ. Концерты кн. Голицына чисто *русскіе*, и въ этомъ то ихъ серьезное значеніе. Богатая натура наша, высказываеся тутъ съ своей мощной стороны. Паша музыка не является скромно просить вниманія своей оригинальности и какого нибудь гражданства—она врывается разомъ вооруженная *Бортнянскимъ и Глинкой*, заявляетъ себя энергически и самоувѣренно, подъ партизанскимъ начальствомъ искуснаго вождя!

По всему этому мы отъ всей души желаемъ успѣха и успѣха русскимъ концертамъ кн. Голицына. И тѣмъ больше, что кн. Голицынъ ими начинаетъ новую жизнь—изъ камергеровъ онъ дѣлается художникомъ. До сихъ поръ онъ жилъ, какъ все русское барство—чужимъ трудомъ, значеніемъ по службѣ и царской милостью; теперь онъ начинаетъ, какъ всякій независимый артистъ, жить своимъ трудомъ, значеніемъ своего таланта; высочайшее благоволеніе замѣнится рукоплесканіями свободной аудиторіи, а крестьянскій оброкъ—платой за билеты.

Мы привѣтствуемъ князя на этомъ *человѣческомъ* поприщѣ, путь этотъ можетъ и не такъ легокъ, но воздухъ который вѣетъ на немъ необыкновенно чистъ.

Примѣръ кн. Голицына, очень ко времени. Это своего рода *memento mori*, для невскихъ “князей, бояръ и воеводъ.” По несчастію примѣръ его труденъ. Тутъ недостаточно имѣть *хорошее ухо*—но выработанный талантъ. А то у *будущаго* графа Тимашева ухо есть и превосходное, но концерта съ князь Васильемъ Долгорукимъ, онъ не дастъ. Для концерта надобно въ себѣ *доносить* искусство до совершенства, а не дѣлать несовершенные доносы, изъ западни III Отдѣленія. Правда Тимашевъ прежде хорошо рисовалъ карикатуры, ну да это *tempri passati*.

II—ръ.

— *Самодержавный либерализмъ.*—Sono nato libero—e voglio morire libero! говорилъ—кто выдумаете?... Маццини? Орсини?... нѣтъ, покойный король Неаполитанскій, когда его убѣждалъ одинъ изъ конституціонныхъ министровъ, подписать какой-то законъ. У вѣнчаныхъ главъ бываетъ иногда такой самодержавный якобинизмъ. Говорятъ *Княжевичъ*, спросивъ предварительно у Шувалова сколько тратится на дворъ, поднесъ тахітисъ государю, прося его утвердить эту смѣту, чтобъ министерство знало не болѣе какой суммы требуется. Государь разобидѣлся этимъ и сказалъ Княжевичу: “Какъ? Меня ограничивать, ну а если я все потребую сразу?”—E nato libero, e voglio morire libero!

— *Поправка по дѣлу генералъ-маіора Дарагана.*—Командиръ гвардейскаго корпуса, Г. А. Плаутинъ, узнавъ о назначеніи Г. М. Дарагана председателемъ комисіи для повѣрки полковыхъ комитетовъ, доложилъ объ этомъ Государю; Государь нашель подобное назначеніе “не совсѣмъ ловкимъ” и отгнѣнилъ его; тогда Сухозанетъ, Герстенцвейгъ и Лихачевъ*, нашли ему другое мѣсто,—члена кодификаціонной

* Герстенцвейгъ къ Сухозанету находится въ такихъ отношеніяхъ, какъ Мухомовъ къ Горчакову по опредѣленію 60 Но. Колокола. Вся же тройца употребляетъ всѣ мѣры чтобы развратить въ конецъ русскую армию, удержавъ въ ней, помѣщичій способъ управленія частями. Прикрываютъ они свои благонамѣренныя стремленія разными благовидными предлогами, въ родѣ дисциплины и т. под., не понимая того, что они сами первые ее подрываютъ, боясь какъ огня, законнаго хода.

комисіи, въ томъ же военномъ министерствѣ. А въ председатели первой комисіи нашли дѣятеля по себѣ, г. генерала Доломанова, извѣстнаго тѣмъ что когда онъ командовалъ батареей, то въ наказаніе закапывалъ людей въ навозъ по шею, заставлялъ нести ихъ на себѣ конскую сбрую въ теченіе перехода (версть 18-22) и т. под.

— *Правда ли*, что генералъ-губернаторъ Финляндіи графъ Бергъ, пользуясь незнаніемъ Государя правъ Финляндіи, вводитъ его въ противозаконныя дѣйствія. Такъ на пр., недавно выдали по высочайшему повелѣнію 1,000,000 руб. для постройки желѣзной дороги, тогда какъ асигнованныя суммы подлежатъ разсмотрѣнію финляндскаго сената?

— *А. С. Хомяковъ и Австрія.*—Московское императорское общество любителей словесности, окончивъ любопытную и длинную междоусобную войну Селиванова и Лонгинова, занялось внѣшней политикой. Оно послало одному ученому Чеху дипломъ на званіе члена. Въ Австріи еще продолжаютъ николаевскія времена и Чехъ долженъ былъ спросить позволеніе у К. К. Polizey о дозволеніи принять, это невинное какъ агнецъ званіе. К. К. Polizey спрашивала такую жъ въ Вѣнѣ, и объявила, что диплома der sogenannten Gesellschaft, принимать не дозволяется. Всякій знаетъ, что значить слово der sogenannte, употребленное въ этомъ смыслѣ. Прочитавъ это, въ нѣмецкихъ газетахъ, мы такъ и ждали примѣрной мести творца Дмитрія Самозванца и Ермака, за оскорбленіе бѣлаго царя, святой Руси, первопрестольной Москвы—и не ошиблись. Досталось за безчестіе и вражьи наветы цесарцамъ, называющимся *императорское*, да еще московское общество—die sogenannte.... Лонгиновъ напечаталъ объ этомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*! Съ нами богъ! Богъ то съ нами—да языцы то не разумѣютъ по русски!

— *Капитанъ-лейтенантъ Костенко.*—Правда-ли что не такъ давно *Константинъ Николаевичъ* зная Костенку за отличнаго офицера, призвалъ его къ себѣ для того, чтобъ объявить ему о немедленномъ назначеніи его отправиться на Аральское море. Костенко просилъ немного времени подождать отправленіемъ, потому что онъ съ каждымъ днемъ ожидаетъ разрѣшенія отъ бремени своей жены. “Не разговаривать, когда приказываютъ, замѣтилъ ему князь, ступай сегодня же.” Придя домой, Костенко написалъ рапортъ о болѣзни и послалъ его князю. Прочитавъ его, в. князь предписываетъ немедленно взять его и представить медицинскому совѣту для освидѣтельствованія. Наѣхали, схватили бѣднаго Костенко и повезли въ совѣтъ. Жена его, перепугавшись внезапнаго исчезновенія мужа и при такой грозной обстановкѣ, выкинула, а черезъ два дня умерла. Совѣтъ нашель его дѣйствительно не совсѣмъ здоровымъ. Константинъ совѣту сдѣлалъ строгій выговоръ за слабое освидѣтельствованіе, а Костенко исключилъ изъ службы. Повторяемъ, правда-ли это?

— Полученные нами изъ Россіи 18 фунтовъ (450 фр.) и изъ Германіи отъ русскихъ 3 фунта—переданы намъ черезъ здѣшній Гарибальдивской комитетъ А. Бертани въ Геную. Росписки у насъ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 77 & 78.

1 АВГУСТА 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ
Вольной Русской Типографіи — 5, Thornhill
Place, Caledonian Road., N.

У Грюбера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, (2 sheets).

ОГЛАВЛЕНІЕ. — Письма къ соотечественнику — Мѣры правительства относительно трезвости — Замѣчанія о находящихся въ отпуску — Грязь и
Лужинъ — Цыцуринъ. Смѣсь: Замѣчательная ошибка морскаго министерства — Музыка Олафа — Законоучитель Палисадовъ — Бергъ и телеграфы
— Гибкій человекъ (Стихотвореніе) — О торговыхъ установленияхъ — Львиный падежъ Орлова — Католическая пропаганда Назимова —
Монаршее благоволеніе — Письмо къ Зиновьеву — Офицерское ерничество на Тверскомъ бульварѣ — Отъ издателей.

ПИСЬМА КЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКУ.

I.

Когда люди одинаково благонамѣренны, съ одинакой задачей въ головѣ, съ одинаково-жаркимъ стремленіемъ въ сердцѣ, высказываютъ разный взглядъ на одинъ и тотъ же предметъ, — споръ не можетъ, не долженъ остаться недокончаннымъ; онъ основанъ даже не на разномысліи, а на исканіи истины; надо договориться до нея.

Ваша исходная точка зрѣнія — отчаяніе; моя — упованіе. Вы не вѣрите въ силы русскаго народа, потому что вы ихъ не видите; я въ нихъ вѣрю, потому что вижу ихъ. Вы ли не видите того что есть, я ли вижу то, чего нѣтъ — вотъ въ чемъ вопросъ. Странное противурѣчіе, да еще въ то самое время, когда я чувствую, какъ мнѣ ваше страданіе близко и дорого, потому что оно скорбь всей моей жизни, — и когда я знаю, какъ вамъ близко и дорого мое упованіе, потому что оно живетъ въ васъ, потому что — отними его у васъ, вы бы умерли. Стало мы не такъ далеко разходимся, какъ кажется.

Вы видите въ русскомъ народѣ массу рабовъ, до того при-тупленныхъ рабствомъ, до того усталыхъ, что они не въ силахъ проявить своей жизни, заявить своихъ требованій. Да и полно есть-ли у нихъ требованія? Есть-ли пониманіе какихъ нибудь требованій? Отсутствие чувства собственного достоинства, чувства чести и правды, маленькія личныя цѣли, достигаемыя всѣми путями неправды и клеветы другъ на друга; довольство тѣмъ малымъ, что составляетъ только неумираніе съ голоду, грязный образъ жизни, тупое равнодушіе, не только къ общему благу, а даже и къ личному; ни малѣйшей потребности правосудія..... вотъ и все. Если какой-нибудь пустой запѣвала заявитъ на міру, передъ помѣщикомъ, или передъ начальствомъ, общественныя неудовольствія, общественныя нужды, общественныя требованія, — міръ день-другой отзывается на его голось, покоряется его власти, — пока другая власть не высѣчетъ этого запѣвалу, и міръ стихаетъ, голось общественной нужды замолкаетъ, или переходитъ въ дребедень личныхъ завистей, частныхъ жалобъ и наговоровъ; за тѣмъ міръ расходится и начальство — помѣщичье или казенное — торжествуютъ во всю ширь своего анархическаго правосудія и военно-барачнаго чиновничьяго разхлестанія. На что — же надѣяться? На

среднее сословіе, т. е. на подобіе средняго сословія, называемаго купечествомъ и мѣщанствомъ? Но купечество какъ и вездѣ среднее сословіе, только преслѣдуетъ корыстныя цѣли, — а по образованію не выше, или почти не выше крестьянства; мѣщане это даже не среднее сословіе, это городскіе крестьяне, крестьяне безземельные, крестьяне бобыли; у купцовъ и мѣщанъ мы опять находимъ то же, что и у народа — неразвитіе понятій, отсутствіе нравственныхъ началъ и человѣческаго достоинства. Всѣ они равно съ благодарностью позволяютъ себя бить старшему, т. е. начальству. Надѣяться ли на меньшинство дворянства и образованныхъ людей? Но ихъ такая незамѣтная горсть, что ихъ вліяніе ничтожно и не выходитъ изъ за предѣловъ маленькой литературы, т. е. полепетавъ кой о чемъ, смолкаетъ на страницахъ не прочтенныхъ журналовъ. А большинство дворянства — это опять та же необразованная, вычесанная и невычесанная, умытая и неумытая масса, свѣжущая, грабящая, обманывающая, съ полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ началъ и достоинства. Правительство? Но правительство не болѣе какъ представитель чиновничества, слѣдственно естественный покровитель всего бьющаго, грабящаго, всякой неправды, всякаго насилія. Напрасно государь думаетъ, что онъ самодержецъ, — онъ только слуга чиновничества и, посредствомъ его, грабитъ и государство и самого себя. Да впрочемъ еслибъ правительство и хотѣло развитія и образованія, — оно не въ силахъ ничего сдѣлать; для великихъ начинаній оно бездарно, а чувство самосохраненія, какъ главы чиновничества, подстрекаетъ его преслѣдовать малѣйшую тѣнь пробужденія самобытнаго достоинства въ народѣ. Чего-же ждать отъ страны, гдѣ народъ, въ какомъ-то омертвѣніи, молчитъ и позволяетъ себя бить и грабить, остальные сословія тоже позволяютъ себя бить и грабить; но съ условіемъ чтобы и имъ въ свою очередь было позволено и побить и пограбить тѣхъ кто по смиренію, а правительство роковой силой вовлечено выпускать изъ себя, какъ паукъ паутину, хитросплетенныя нити грабящаго и задушающаго чиновничества? Чего ждать отъ этой страны постоянно вялой дремоты? Попробуйте не освобождать крестьянъ — и они преспокойно останутся крѣпостными. Попробуйте освободить ихъ безъ земли — они почешутъ себѣ затылки и пойдутъ платить не-

слыханные оброки изъ боязни чиновничей розги, такъ какъ платили изъ боязни розги помѣщичей. Попробуйте распространить тѣлесное наказаніе и на дворянство—и дворянство преспокойно позволитъ себя сѣчь, лишь бы сохранить право сѣчь другихъ; европейское образованіе привилось къ нему какъ нѣчто внѣшнее, нисколько не возбуждивъ личной самостоятельности, или уваженія къ личности другихъ и къ закону. Правительство, изъ татарскаго сдѣлавшись нѣмецкимъ, нисколько не внесло въ свою администрацію ни безкорыстія нѣмецкаго чиновничества, ни сколько нибудь ясныхъ понятій о судѣ и правосудіи; если ему суждено погибнуть, то оно погибнетъ не отъ противудѣйствія народа, по привычкѣ безгласнаго,—оно погибнетъ просто ограбивъ самого себя до несостоятельности, и Россія—эта огромная и разтлѣнная, нежившая и отжившая Европейская Азія—разпадется на маленькія Азійки, которые будутъ продолжать тоже вялое прозябаніе, безъ личнаго достоинства, безъ всякаго понятія чести, безъ азбуки суда и правосудія, довольствуясь неумираниемъ съ голода и разсеяныя по грязнымъ избамъ, похожимъ на прикрѣпленные къ землѣ кочевья кибитки смирно-дикаго племени. Какъ-же, отвернувшись отъ этой страшной картины, не остановиться съ завистью и умиленіемъ передъ чистенькимъ домикомъ хотя бы германскаго земледѣльца, котораго никто не бьетъ, потому что онъ себя бить и не дастъ? Сердце отдыхаетъ при видѣ этой уютной и закономъ огражденной отъ насилія жизни. Но вы, на минуту забывшись середь нѣмецкой идилліи, съ ужасомъ, на который способна только глубокая любовь, вспоминаете о своей бѣдной родинѣ и торопитесь домой, на службу, чтобы сколько нибудь, по мѣрѣ силъ, какъ честный чиновникъ, помочь угнетенному народу, на какой—нибудь точкѣ безконечной Имперіи, въ отдѣльномъ случаѣ, въ отдѣльномъ селеніи поступить правосудно, и сколько нибудь, хоть на аршинъ вокругъ, распространить просвѣщеніе, съ отчаяніемъ въ сердцѣ смиряя себя до этой микроскопической дѣятельности.

Я слѣдилъ за вашей страшной картиной, и съ тѣмъ же ужасомъ глубокой любви узнавалъ черты знакомыя, при видѣ которыхъ не разъ холодная дрожь проникала до костей и кровь стыла въ жилахъ. Но вы становитесь слишкомъ близко къ предмету и рассматриваете въ микроскопъ отдѣльныя явленія, дѣля ихъ другъ къ другу въ одну безсвязную массу, которая сливается въ огромное тусклое пятно; въ этой близости для васъ исчезла общая перспектива. Для васъ ясно только то, что въ предѣлахъ микроскопическаго фокуса, по этому вы и рѣшаетесь на микроскопическую дѣятельность безъ вѣры въ ея пользу.

Но вамъ кажется—я, напротивъ того, стою такъ далеко, что смотрю въ подозрительную трубу и вижу одну большую массу, которая все растетъ, растетъ, но опять смутно, потому что дѣйствительный размѣръ отъ меня ускользаетъ.

Попробуйте же стать на то отдаленіе, на ту точку, откуда здоровый глазъ можетъ видѣть предметъ какъ онъ есть.

То зло, которое вы видите, дѣйствительно существуетъ,—но вы изъ него выводите ложный выводъ. Это зло, до котораго, при микроскопическомъ анализѣ, вы докопаетесь во всякомъ человѣческомъ обществѣ—отъ калмыцкой кибитки до уютнаго домика зажиточнаго фермера, и пожалуй поставите себѣ мрачный, но для практической дѣятельности праздный вопросъ: “да можетъ ли родъ человѣческой жить иначе?” На міру

сельскомъ и на міру столичномъ, въ Мордасахъ и въ Лондонѣ, кишать мелкія зависти и сплетни, важные вопросы общины приходятъ къ вздорнымъ личностямъ, и важные государственные вопросы въ парламентѣ кончаются Пальмерстонскими, не слишкомъ нравственными шутками; запѣвало Оедька и запѣвало Рѣбукъ сходятъ съ мірскаго трибуны, покоряясь власти скверной, но сильнѣйшей. Не только *страйки* работниковъ кончаются ни чѣмъ, но огромныя революціи, поставившія на ноги вопросы о правахъ человѣка, разрѣшаются въ военно-полицейское укатываніе человѣческихъ правъ. Если Германія, отъ конюха до профессора зачиталась до утраты гражданскаго смысла, то отъ этого неутѣшительнѣй, что массы земледѣльческаго класса въ остальной Европѣ не выучились ни читать, ни писать. Если Бугурусланскій чиновникъ и Петербургскій начальникъ отдѣленія берутъ взятки, отъ этого не утѣшительнѣй, что адвокатура, за деньги превышающія всѣ размѣры взяточничества, равно безнравственно защищаетъ и правое и неправое дѣло; если Китай застылъ въ тупоумной дремотѣ, отъ этого не утѣшительнѣй, что Америка освободилась до признанія законности рабства. Стало, не смотря на всѣ впрочемъ страшно важныя разницы—что въ одномъ мѣстѣ и бьютъ и грабятъ, въ другомъ не бьютъ, но грабятъ, вездѣ узкій династическій или сословный интересъ тончетъ въ грязь и массу и право, стало выхода нѣтъ, и надо или сложить руки съ отчаянія, или пробиваться раздачей кой кому мелкой бесплодной мпlostыни,—и все съ тѣмъ же отчаяніемъ?

Но вы замѣтите, что вы такъ близко наклонились къ муравейнику, что васъ поражаетъ только одинъ удушливый запахъ и вы вовсе не видите дѣятельной работы, которая въ нихъ производится. Станьте въ надлежащее отдаленіе, и вы увидите, что человѣчество все же живо и что—хочешь не хочешь,—а оно необходимо должно устраивать свой человѣчійникъ. При этомъ простомъ наблюденіи, вы невольно отъ жгучаго, но неопредѣленнаго страданія, перейдете къ очень положительному вопросу: “Что же дѣлать изъ давняго матеріала? На что онъ годенъ и на что именно способенъ въ давнюю минуту?” Задавъ себѣ этотъ вопросъ вы отъ удушливой стороны навоза, нечувствительно перейдете къ органическимъ веществамъ, которыя въ немъ содержатся и къ ихъ способности жить и расти, и свернете невольно съ пути отчаянія на путь движенія и слѣдовательно на путь упованія.

Въ этой огромной людской кучѣ, называемой Россіей, васъ поразитъ во-первыхъ то, что она все же выросла въ одну крѣпкую массу; стало органическія зародыши были. Выросла она какъ то молча, нѣкогда безвѣстная всему образованному латино-германскому міру, кочуя по степямъ и лѣсамъ въ безсмысленной междоусобицѣ, только для того чтобы поселиться. Потомъ она становится извѣстною, потому что ее побили Татары. Латино-германскій міръ узналъ Россію потому что испугался Татаръ, и обрадовался, увидя что они завоевались до того, что не пошли дальше. Но русское поселеніе, (сетлерство) было совершенно; почва осталась за побѣжденными. Побѣдители заглохли, побѣжденные пошли въ ростъ. Надо было окрѣпить корнями, и пародъ съ той безсознательностью, которая точно также присутствуетъ въ развитіи историческихъ данныхъ какъ и въ развитіи всякаго организма, сосредоточивался и укрѣплялся подъ кнутомъ Московскаго самодержавія. Латино-германскій міръ подоз-

рительно взглянул на новое государство и выставил против него одноплеменную Польшу. Столкновение Россіи и Польши — одно из самых бессмысленных явленій въ исторіи. Внутреннее междоусобіе племенное—могло окончиться мировой и союзомъ противъ турецкаго и германскаго нашествія; но Латино-германскій міръ видѣлъ въ Польшѣ оплотъ противъ Россіи и, сильнѣйшій вліяніемъ католичества и феодализма, разжогъ вражду. Россія отстоялась потому, что она была далеко, на краю Европы; ее некуда было сдвинуть и не лзя было окружить. Польша ослабла не столько отъ столкновенія съ Россіей, сколько отъ участія въ дѣлахъ западной Европы, отъ того, что она служила западному міру пограничнымъ кордономъ. Россія послѣ польскихъ войнъ почувствовала себя совершенно утвержденною на своей почвѣ; пришла пора подумать о заявленіи своего положенія передъ Европой. Въ теченіи этого времени народъ, живя въ сторонѣ, по мимо политическаго движенія удѣльных распрей и татарскаго гнета, представлялъ кочующую земледѣльческую артель; московское царство стало прикрѣплять ее къ землѣ. Петръ великій завершилъ работу московскаго царства и окончательно прикрѣпилъ народъ къ землѣ. Народъ потому такъ легко вынесъ свое новое крѣпостное положеніе, что кочующая земледѣльческая артель не могла долѣе держаться; она сама чувствовала необходимость постояннаго землевладѣнія; прикрѣпленіе къ землѣ было послѣднимъ дѣйствіемъ селлерства Европейской Россіи; тутъ народъ окончательно завладѣлъ землею; кочующая артель стала постоянной общиною и народъ пошелъ выносить помѣщичье и государственное крѣпостное право, сохраняя втихомолку и безсознательно упрочивая свое артельное землевладѣніе. Политическая задача заявить свое существованіе, заявить себя силой передъ Европой—пала на долю правительства. Этого не лзя было сдѣлать иначе какъ выучиться также воевать какъ западная Европа, и начать торговать съ ней; этого не лзя было не сдѣлать, потому что иначе Европа завоевала бы Россію; не лзя было не начать торговать, потому что, разъ прочно укоренившись на собственной почвѣ, внутреннія силы искали выхода во внѣшность, стремились къ сообщенію съ чужими краями, къ внѣшней торговлѣ. Отсюда главной задачей императорства стало преобразование войска, устройство флота и сближеніе съ Европой. Преобразовать войско такъ, чтобъ оно могла противостоятъ Европѣ, можно было только на иностранной манерѣ; сблизиться съ Европой можно было только говоря по европейски, одѣваясь по европейски; торговать съ Европой — надо было производить подобно Европѣ; говорить съ Европой—надо было выучиться разсуждать такъ какъ Европа и о тѣхъ же предметахъ, стало надо было и во внутреннее устройство перенести европейскія формы суда и управленія, европейскую науку и издѣліе. Отсюда необходимость перенимать у Европы и стать съ нею въ одинъ уровень. Все это перениманіе не могло сплотить Россію съ Европою въ одно безразличіе; форма прививалась къ другому содержанию. Результатъ могъ быть тройкой — или содержаніе подчинится формѣ, или форма не привьется и отвалится, или европейская форма съ русскимъ содержаніемъ дастъ явленіе особаго рода; во всякомъ случаѣ тутъ два начала, встрѣчаясь, обрѣкались на борьбу.

Такимъ образомъ съ европейскимъ устройствомъ войска и флота была перенесена въ Россію и европейская администра-

ція; администрація перенесла европейское понятіе права наслѣдства; съ этимъ вмѣстѣ внеслось европейское понятіе права собственности и подобіе европейскаго судопроизводства; въ законодательство вошли римско-германскія начала. По это привилось къ правительству и къ управительству, къ кастѣ дворяно-чиновничьей, которая, хотя и впускала въ свою среду людей изъ низшихъ сословій, но уже не выпускала ихъ изъ своей среды ни въ мѣщанство, ни въ мужичество, ни въ городское, ни въ сельское крестьянство; управляющее сословіе составило одну касту чиновничества, подраздѣлившись на крупное чиновничество, владѣющее рабами-крестьянами, и низшее чиновничество мелкопомѣстное или вовсе безпомѣстное. Народъ, безсознательно участвуя въ образованіи сильной державы, подчинился управительству, но не подчинился ни внѣшней формѣ образа жизни, ни европейскому содержанію, т. е. европейскому пониманію права собственности. Прикрѣпленный къ землѣ онъ счелъ землю своею, свое артельное селлерство принялъ за юридическій фактъ и сталъ молча отстаивать свое общинное право землевладѣнія и право каждаго на пользованіе участкомъ въ артельной землѣ. Правительственныя понятія о правѣ наслѣдства не перешли въ народъ; онъ и тутъ остался при правѣ обычномъ. Правительственное гражданское судопроизводство засѣло въ городахъ и стало судопроизводствомъ для высшихъ сословій; въ селахъ оно неизвѣстно; селы сохранили свои двѣ обычныхъ инстанціи для тяжбныхъ разбирательствъ—первая инстанція вольный третейскій судъ, вторая высшая апелляціонная инстанція судъ на міру, и хотя, впоследствии насильное вмѣшательство помѣщичьихъ и чиновничьихъ келейныхъ разбирательствъ и стало пробуждать въ отдѣльных мѣстностяхъ между крестьянами охоту къ тяжбамъ, которая при гласности мірскаго суда не могла развиваться, но вообще и до сихъ поръ крестьянинъ избѣгаетъ правительственныхъ разбирательствъ и живетъ отъ правительства особо. До сихъ поръ народъ только помогаль державѣ усилиться и безмолвно удерживалъ свое понятіе права артельной собственности, сельскаго выборнаго управленія, мірскаго разпредѣленія общественной тяги и мірскаго суда. Народъ сохранилъ свой взглядъ вопреки всѣмъ вторженіямъ управительсвеннаго начала и свиду подчиняясь ему. Въ этомъ безмолвномъ, но упорномъ сохраненіи своего пониманія заключалась вся внутренняя народная жизнь отъ реформы Петра I, т. е. со времени послѣдняго прикрѣпленія къ землѣ.

Правительство, какъ я сказалъ, заботилось о сближеніи съ Европой. Это сближеніе такъ было необходимо и для заявленія силы и для торговыхъ путей, что Россія едва замѣтила и почти обрадовалась, когда на царскомъ престолѣ очутилась нѣмецкая династія. Лучше ничего не лзя было выдумать для сближенія съ Европой. Увидавши своихъ двоюродныхъ во главѣ, Европа сочла Россію своею; даже кордонная линія Европы — Польша была больше не нужна, и Европа, въ лицѣ Фридриха II, предложила уничтожить Польшу; нѣмецкая династія въ Россіи съ радостью приняла предложеніе; у ней одноплеменность была не съ Польшей, а съ нѣмецкими принцами. Дѣлежъ Польши произошелъ между нѣмцами; половина досталась русскимъ нѣмцамъ; половина нѣмецкимъ нѣмцамъ. Остальные Славяне, служившіе для Германіи кордонной линіей исключительно противъ Турціи — подѣлились между Пѣмцами и Турками. Россія осталась цѣла,

не только потому что она была съ краю и ее некуда было сдвинуть, но потому что и самый народъ остался съ краю отъ нѣмецкаго правительства и оно его сдвинуть не могло. Форма латино-германскаго пониманія права собственности и всѣхъ его послѣдствій не навязалась народу.

Высшее развитіе сближенія съ Европой и заявленія Россіи какъ силы были 1812 и 1815 года. Это вмѣстѣ было и высшее развитіе народнаго участія въ образованіи сильной державы. Все что нѣмецкая династія могла сдѣлать для политическаго значенія Россіи было истощено въ нѣмецкомъ священномъ союзѣ. Россія заколебалась на одномъ мѣстѣ; дальше дѣлать было нечего на этой дорогѣ, надо было повернуть въ другую сторону и начать выработывать свою внутреннюю жизнь. Вспыхнуло и мелькнуло 14 Декабря 1825 года. Нѣмецкое начало отпрыгнулось преступнымъ порабощеніемъ Польши; латино-германскій міръ принялъ это какъ баба, причитающая надъ покойникомъ для нея не только равнодушнымъ, но котораго смерть для нея выгодна, поплакала, повопилъ и призналъ законность порабощенія. Колебаніе на одномъ мѣстѣ продолжалось во все тридцатилѣтнее царствованіе Николая, пока наконецъ дальнѣйшая ненужность нѣмецкаго начала и заявленія силы передъ Европой доказались проигрышемъ крымской войны. Въ этой войнѣ солдаты, отданные на убой нѣмецкими генералами (съ нѣмецкими и русскими именами) умирали дружно; но участія народнаго въ образованіи сильной державы уже не было; народъ съ скорбью о своихъ потеряхъ смотрѣлъ на эту послѣднюю войну нѣмецкой династіи. Николай не выдержалъ и умеръ, и Россія почувствовала, что—полно расти, пора начать говорить.

Въ этихъ страницахъ мнѣ хотѣлось представить вамъ тысячелѣтіе. Вы видите какъ медленно слагалась Россія, и это очень естественно: органическія вещества на огромномъ пространствѣ, безъ рамокъ, не могутъ слагаться быстро; броженіе въ опредѣленныхъ рамкахъ совершается скорѣе, точекъ сопркосновенія больше; въ степи составныя части въ разбродѣ. Горы и моря служатъ предѣлами, посудой для органическаго броженія людскихъ обществъ. У насъ этихъ предѣловъ не было, и въ тысячу лѣтъ, въ которыя Европа достигла до полноты своего развитія, мы только достигли того возраста, когда пора начать говорить. Европейское развитіе шло отъ юридическаго начала; оно приняло фактъ завоеванія за право земельной собственности и на немъ основало свой экономическій бытъ, унаслѣдя для него юридическія формы изъ римскаго кодекса; отстаивая свое феодальное юридическое начало противъ центральныхъ властей и расширивъ право собственности до признанія юридической самостоятельности и для собственности движимой, оно дошло до права участія собственниковъ въ общественныхъ дѣлахъ и слѣдственно до представительнаго правленія. Высшее развитіе Европы—Англія, и замѣйте—это островъ; въ его границахъ составныя части организма совершили броженіе самое ясное, самое опредѣленное; между тѣмъ какъ Германія едва доросла, или лучше вовсе не доросла до представительнаго правленія, а Франція утратила его. Русское начало совершенно не юридическое, русское начало—экономическое, начало земельной собственности общественной и права каждаго на пользованіе землею. Отъ этого Россія была равнодушна къ формѣ правленія, и въ то время когда Европа выработала себѣ выборное начало для представительства въ законодательныхъ

собраніяхъ, оставивъ центральному правительству администрацію и назначеніе судей, тоже ограниченныхъ учрежденіемъ присяжныхъ,—русской народъ, въ своемъ обычаѣ, сохранилъ выборную администрацію и мірской судъ, не подумавъ объ остальномъ отношеніи къ центральной власти. Различіе очень важное по смыслу и по послѣдствіямъ. Въ Европѣ юридическая точка отправленія подчинила себѣ экономическое устройство общества; ценсъ представительства законодательныхъ собраній можетъ мѣняться, правительства могутъ мѣняться,—а экономическое устройство все не выходитъ изъ юридическихъ рамокъ; даже self-government Англій не можетъ выступить изъ нихъ. Въ Россіи экономическое начало все; на немъ основано сельское выборное самоуправленіе; отнимите правительственное управленіе—и организація сельскаго, волостнаго, областнаго самоуправления готова; правительственное управленіе должно отвалиться какъ латино-германская форма не привившаяся къ общественному экономическому началу русской народной жизни; юридическія формы должны создаваться изъ экономическаго начала, но себѣ подчинить его не въ силахъ. Западныя юридическія понятія собственности до такой степени не привились къ намъ, что само дворянство внутренне не вѣритъ своему праву на землю, сколько бы ему ни хотѣлось сохранить его; когда оно начинаетъ доказывать это право, основанное не на самобытномъ правѣ завладѣнія, а на несостоятельномъ правѣ пожалованій подачекъ на водку,—то доказательства являются въ такихъ уродливыхъ формахъ—въ родѣ мнѣній Бланка, Безобразова и флигельадъютантскихъ—что самое большинство дворянства отстаетъ отъ нихъ. Эти понятія собственности для насъ просто чужды. Сближеніе съ Европой не ихъ привило намъ. Сближеніе съ Европой привило намъ науку. Мы сразу обогатились умственнымъ трудомъ всей исторіи. Наше меньшинство на столько же образовалось и на столько же способно къ самостоятельной мысли, какъ и европейское. Мысль и наука получили между нами право гражданства. Это начало мы легко усвоили, потому что это начало общечеловѣческое, и мы не можемъ не развивать его и въ теоріи и въ приложеніяхъ къ общественной жизни. Но та же наука не можетъ не указать намъ на роковое противурѣчіе экономическаго и юридическаго начала, которое лежитъ въ основѣ общественнаго устройства; западная наука, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, такъ поняла невозможность дальнѣйшаго экономическаго развитія Европы, невозможность выйти изъ заколдованнаго круга юридическихъ понятій о собственности, что съ ужасомъ бросила камень въ собственную цивилизацію; и это до такой степени справедливо, что на этомъ самоотрицаніи сошлись люди совершенно разныхъ школъ—Стюартъ Милль и Прудонъ. Мы встрѣчаемся въ Россіи съ экономическимъ началомъ, ставшимъ основою народной жизни и слѣдственно точкой отправленія общественной науки; къ развитію этого начала невольно стремится вся наша дѣятельность. Для основанія этого начала и на сохраненіе его народъ безмолвно посвятилъ вѣка; я не вижу ни малѣйшей причины, чтобъ онъ былъ неспособенъ на его развитіе; я не вижу въ немъ той слабости, которая бы сказала—не могу идти дальше; не вижу той усталости органическихъ зародышей, которая вела бы ихъ не на жизнь, а на увяданіе. На этомъ основано мое упованіе.

Что въ эту минуту русской жизни, когда она только что

доросла до слова, много сквернаго, отврагительнаго, прискорбнаго, — объ этомъ я не спорю; да еслибъ все было хорошо — изъ чего же бы намъ было хлопотать? Дѣло не въ этомъ — дѣло въ принципѣ: существуетъ ли въ Россіи свой фактъ экономического начала общественной земельной собственности? Да, существуетъ. Довольно ли силенъ народъ, чтобъ развить этотъ принципъ? Да, довольно силенъ, по крайнѣйшій мѣрѣ такое упорное сохраненіе своего принципа не свидѣтельствуетъ о слабости.

Изъ чего же произошелъ нашъ споръ, любезный соотечественникъ? Изъ того, что вы за точку отправления взяли то дурное, которое существуетъ; а я взялъ — принципъ, составляющій основу народной жизни. Но я не отрицаю существованія дурнаго, а вы не отрицаете существованія народнаго принципа. Итакъ перестанемте спорить — и просто перейдемте къ вопросу: что намъ дѣлать? Не лзя же намъ съ отчаянія о дурномъ сложить руки, или съ вѣрой въ будущее неподвижно ждать его прихода; во-первыхъ такого положенія ни вы не вынесете, ни я; а во-вторыхъ отдѣльный человекъ не долженъ считать себя за ничто и оставаться въ бездѣйствіи, потому что личная дѣятельность ваша или моя... такъ — пылинка. Нѣтъ! отдѣльное лицо въ общественной машинѣ представляетъ силу; одна маленькая шестерня передаетъ движеніе огромнымъ колесамъ.

И такъ — что намъ теперь дѣлать?

II.

Общая задача наша поставлена: сохраняя все то общечеловѣческое образованіе, взятое съ Запада, которое дѣйствительно привилось къ намъ и слѣдственно должно идти съ нами въ ростъ, — удалить все то, что не привилось, что составило наростъ ложныхъ учрежденій и ложныхъ юридическихъ понятій, и слѣдственно освободить народное начало общественнаго права собственности и самоуправленія такъ, чтобъ оно могло развиваться безъ препятствій, на свободѣ. Но изъ этого общаго опредѣленія придти къ ясному плану дѣйствій дѣло не легкое. Наше настоящее положеніе такъ полно вопросами, эти вопросы такъ стремительно идутъ одинъ изъ другаго, что поставить ихъ въ опредѣленный строй требуетъ большаго вниманія. А между тѣмъ ихъ надо поставить. Наше время идетъ быстро; какъ ни велико наше нетерпѣніе видѣть вопросы рѣшенными, внутреннія требованія осуществленными и какъ ни кажется, отъ этого нетерпѣнія, что все идетъ вяло и скверно; а между тѣмъ не лзя не сознаться, что въ пять лѣтъ совершилось не мало, что пять лѣтъ тому назадъ мы бы и не грезили о такой быстрой постановкѣ вопросовъ. Да и не можетъ быть не быстро наше движеніе; органическія данныя выяснились и пришли въ соприкосновеніе, и на сколько прежде Россія слагалась медленно въ своемъ разбродѣ, на столько при тяготѣніи составныхъ частей другъ къ другу — движеніе должно ускориться; вдобавокъ электрическая искра, при словѣ: освобожденіе крестьянъ — пробѣжала сквозь всѣ бродящія силы.

Во-первыхъ я слышу: “Что вы какъ? Съ правительствомъ, или не съ правительствомъ?..... Кажется надо идти съ правительствомъ? Кажется не лзя идти съ правительствомъ?.....” Позвольте — вопросъ поставленъ не такъ. Я спрашиваю: съ нами правительство, или не съ нами. Говоря съ нами, я не говорю о себѣ и о васъ, а о томъ живомъ

словѣ, которому народное движеніе вошло въ кровь. Если правительство съ нами — почему же намъ нейти вмѣстѣ; если не съ нами — пойдемте помимо. Какіе-то близорукіе думаютъ, что мы личные враги Александра II. Съ чего это? Для насъ естественнѣй желать, чтобы именно тотъ государь, который первый поставилъ во всеуслышаніе крестьянскій вопросъ, чтобы именно онъ и участвовалъ въ развитіи русскаго движенія; по мы не можемъ быть ни враги, ни друзья его, — мы исключительно работники русскаго народа. Тутъ нѣтъ мѣста ни для личной вражды, ни для личной дружбы; мы съ тѣмъ — кто съ народомъ. Если государь пойдетъ къ цѣли честно и прямо, вытолкаетъ Паниныхъ и Муравьевыхъ — вѣшателей, броситъ въ печь табель о рангахъ и вызоветъ дѣтелей преданныхъ не чинамъ и даже не ему, а Россіи; если онъ освободитъ крестьянъ съ землею немедленно; если онъ освободитъ Россію отъ казенной администраціи, отъ казеннаго управленія, дастъ развитіе выборному началу и сельскому и городскому самоуправленію; дастъ гласность суду и освободитъ народный обычный судъ отъ казеннаго формализма; если онъ дастъ въ историческій архивъ IIIe Отдѣленіе и позволить мнѣнію — изустно и печатно — высказываться искренно; если онъ сниметъ стѣснительныя законы о торговлѣ и дастъ всѣмъ и каждому право торговать вездѣ, чѣмъ и на сколько кто захочетъ и сможетъ, безъ различія сословій; если онъ позволитъ общественному кредиту развиваться на основаніяхъ общественной собственности и каждой области въ Имперіи учреждать свои — не сословные, не казенные и не частные, а общественные банки; если онъ отдѣльнымъ мѣстностямъ дозволитъ соединяться въ области, какъ они сочтутъ для себя болѣе естественнымъ и выгоднымъ, и устраивать свой областной кредитъ, свое право собственности и наследства по обычаю народному, свое областное выборное управленіе и свои областные выборные суды; если онъ избавитъ Россію отъ безнравственной, растлѣвающей должности палача и слѣдственно освободитъ Польшу, и протянетъ ей руку на союзъ свободный, а не насильственный; если онъ перестанетъ быть первымъ дворяниномъ въ Имперіи и собственнымъ нѣмецкимъ флигель-адъютантомъ на русскомъ престолѣ, а захочетъ быть главою вольныхъ областей Русскихъ; если онъ станетъ дѣлать все это, — то конечно онъ съ нами, и мы съ нимъ. Но!...

Мы можемъ этого желать, потому что тогда “счастье было бы такъ возможно, такъ близко,” развитіе пошло бы такъ просто и мирно, такъ согласно и торжественно... Но полагаться на это не лзя. Когда мы видимъ, что только одно министерство финансовъ идетъ съ кое какимъ смысломъ, по при безотчетности и безгласности остальныхъ распоряженій оно едва-ли спасетъ наши финансы; а что между тѣмъ Панины тянутъ вспять; что въ самихъ редакціонныхъ комиссіяхъ отстаивается розга и срочная барщина и создается какое-то особое будущее управленіе надъ мнимо-освобожденнымъ народомъ; когда Муравьевымъ-вѣшателямъ приносится высочайшая благодарность за излишніе поборы съ крестьянъ, и дозволяется признавать вольныхъ крестьянъ крѣпостными и сочинять правила о разничной продажѣ народу его народной, общественной земли; когда — вмѣсто утвержденія гласности и отвѣтственности выборной администраціи — приглашаютъ губернаторовъ замѣщать коронными исправниками исправниковъ выборныхъ (какъ будто корон-

ные, при безгласности и безответственности передъ обществомъ, будутъ лучше?),* слѣдственно когда въ одно время посягается на укрѣпленіе вольныхъ крестьянъ и на уничтоженіе выборнаго вачала у самого дворянства, что разомъ лишаетъ правительство довѣрія и у дворянства и у народа; когда въ правительствѣ все поворачивается противъ русскаго смысла, противъ русскаго освобожденія и внутренняго развитія:—тогда нѣтъ никакой причины надѣяться, что наше желаніе можетъ осуществиться, и по неволѣ смотришь на него какъ на пустую мечту, утопію. А время не останавливается и не терпитъ, и приходится задать себѣ вопросъ: Что намъ дѣлать помимо правительства? Примкнетъ оно къ намъ—тѣмъ лучше, тѣмъ легче; не примкнетъ—мы свое дѣло сдѣлаемъ и безъ него; оно труднѣе, но все же дѣло сдѣлано будетъ, потому что въ нашемъ стремленіи больше жизни и слѣдственно больше силы.

Начнемъ съ начала, съ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Это ячейка изъ котораго развивается весь организмъ. Намъ надо сдѣлать выкупъ по мимо правительства. Образованное меньшинство должно наконецъ выступить на гражданское поприще, не на служебное, а на гражданское, на дѣйствительно гражданское. Оно малочисленно,—но оно сила. Его мнѣнія были забракованы правительствомъ, его адреса были названы *просьбами*, и отринуты съ выговоромъ. А оно все же заявило свое существованіе, и по всѣмъ губерніямъ; а если оно заявило его—слѣдовательно оно сила. Не говорите мнѣ, что дворянскіе съѣзды запретятъ; въ гости никому не запретятъ ѣздить. Образованное меньшинство должно договориться съ крестьянами о выкупѣ земель, не на томъ основаніи, чтобы было какое нибудь дѣйствительное помѣщичье право на землю, а на томъ основаніи, что выкупъ обойдется обоимъ сторонамъ дешевле чѣмъ распря и настоящій бой. Крестьяне очень хорошо поймутъ это. Вы скажете, что правительство не утвердитъ такого договора; пусть образованное меньшинство утвердитъ его между собою и крестьянами честнымъ словомъ, пожалуй присягой и взаимнымъ ручательствомъ другъ за друга. Крестьяне повѣрятъ. Съ перваго дня договора о выкупѣ, хотя бы только въ нѣсколькихъ имѣніяхъ уѣзда или губерніи,—власть помѣщика совершенно отстраняется и работы производятся вольнымъ наймомъ. Устройте между собой и крестьянами, и между всѣми добродетельными дателями другихъ сословій—подписку на образованіе выкупнаго банка. Постараемтесь общими силами составить проэктъ такого банка; вы между собой, а мы свой проэктъ въ скоромъ времени напечатаемъ въ *Колоколѣ*.†

Вы скажете, что правительство не признаетъ такого банка; пусть не признаетъ; никто не можетъ мѣшать вашимъ вексе-

* Въ указѣ 8 Іюня 1860 г. (о судебныхъ слѣдователяхъ) сказано: “За симъ, не измѣняя существующаго нынѣ порядка управленія земскою полиціей и назначенія чиновъ оной вообще, предоставить начальникамъ губерній, гдѣ земскіе исправники избираются дворянствомъ, увольнять, если признаютъ необходимымъ, отъ сей должности тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся не вполне благонадежными, донося каждый разъ о причинахъ такого увольненія подробно министру внутреннихъ дѣлъ. Предоставить губернаторамъ къ исправленію должности исправниковъ назначить, отъ правительства, лица совершенно благонадежныя, подъ личною губернаторовъ за выборъ ихъ ответственностью, съ утвержденія, каждый разъ министра внутреннихъ дѣлъ, представляя о томъ чрезъ генералъ-губернаторовъ, гдѣ они есть.”—И такъ выборныя лица отставляются безъ суда (Вопреки ст. 266, Т. III, Кн. II, Разд. I: О Службѣ по Выборамъ Дворянскимъ) и безъ согласія предводителя (вопреки ст. 282).

† Развитіе основаній губернскаго или областного банка требуетъ безъ сомнѣнія отдѣльнаго труда. Здѣсь я только мимоходомъ упомяну вамъ, что

ляемъ за поручительствомъ служить законнымъ документомъ и пользоваться кредитомъ, по мѣрѣ того довѣрія, которое вы вызовете вашей круговой порукой, вашимъ умѣньемъ, вашей дѣятельностію и личнымъ благородствомъ. Да можетъ быть простая росписка общественнаго банка будетъ вѣрнѣ всякихъ казенныхъ облигацій и кредитныхъ билетовъ. Вы скажете, что большинство дворянства не пристанетъ къ вамъ. А я думаю, пристанетъ, потому что при общей круговой порукѣ выкупъ будетъ ему огражденъ; наконецъ оно пристанетъ со страху, потому что иначе народъ его перевѣшаетъ. Спасеніе дворянства въ союзѣ съ народомъ; иначе оно будетъ задушено или народомъ или управительствомъ. А прочный союзъ,—союзъ экономическій. Наконецъ придетъ время, а оно—по неотразимости обстоятельствъ близко—когда станетъ ясно, что союзъ съ народомъ, слѣдственно въ пользу народа, не есть упадокъ для дворянства, а составляетъ основаніе его силы.

Выкупные годовые взносы (*annuities*) съ крестьянъ конечно долженъ получать вами устроенный банкъ, черезъ крестьянскихъ сборщиковъ, а не сами помѣщики лично. Крестьяне станутъ платить. Они повѣрятъ вашему честному слову; вы повѣрьте ихъ слову. Обмана не будетъ, и характеръ народный очистится.

Банкъ долженъ производить поземельный кредитъ равно помѣщикамъ и крестьянамъ и распространять кругъ своего дѣйствія на всякаго рода кредитъ, и на всѣ обмѣны товара и труда, упрочивая свою дѣятельность и общее спокойствіе системою взаимнаго застрахованія всѣхъ отъ всякаго рода недовзносозъ и потерь.

Крестьянамъ останется въ тяжёбныхъ дѣлахъ ихъ обычный судъ, и третейскій и мірской, разкладка повинностей на міру и выборное управленіе. Дворянство можетъ помогать имъ совѣтомъ, но властью отнюдь не вмѣшиваться.

Казенное управительство этихъ крестьянъ не тронетъ, потому что, пока мѣсть, передъ нимъ дворянинъ все же вредъ недостатокъ капиталовъ для общественнаго кредита, дѣло совершенно мнимое. Возьмите для примѣра какую нибудь губернію. Мы найдемъ слѣдующія приблизительныя цифры:

Число жителей муж. пола	Взносъ съ души для составл. основнаго капитала банка	Сумма капитала
	руб. к.	
Крестьянъ помѣщичьихъ 280,000	” 50 275,000 р.
— государствен. 240,000		
Мѣщанъ 30,000		
Купцовъ 1-й гильдіи 70	100 7,000
2-й — 270	50 13,500
3-й — 6,000	25 150,000
Разныхъ званій 1,000	1 2,000
Духовенства 1,000		
Дворянства 4,800 (въ слож-ности)	100 480,000
	563,140	927,500

Кажется что подобныя вклады никого не обременяютъ—тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ вкладчиковъ не теряетъ, помѣщая свой вкладъ въ основный капиталъ банка, потому что капиталъ долженъ приносить проценты, хотя и сведенные на minimum. Приблизительное отношеніе числа душъ къ капиталу (въ сложности 1 р. 64 к. на душу, между тѣмъ никто не мѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ вносить больше) дало бы для всѣхъ областныхъ банковъ въ Россіи, считая около 30,000,000 мужскаго населенія (а женщины намъ не воспрещается вносить вклады по желанію) основной капиталъ по крайней мѣрѣ въ 49,200,000 р. сер. (слишкомъ втрое болѣе основнаго капитала государственнаго банка.) Мы же, начиная съ маленькаго числа имѣній можемъ только рассчитывать на соответственный капиталъ и трудиться, чтобы число имѣній и участниковъ, а слѣдственно и операций нашего сначала микроскопическаго банка, постоянно росло, по мѣрѣ того какъ общественное мнѣніе станетъ убѣждаться въ огромной важности областныхъ общественныхъ банковъ для благосостоянія всѣхъ и каждаго.

ставляетъ помѣщика, и вмѣшиваться въ хозяйство помѣщика, оно не имѣетъ права, когда нѣтъ уголовнаго преступленія.

Но вы скажете, что все это невозможно..... Да *попробуйте* же — прежде чѣмъ говорить, что невозможно!

Вы скажете, что васъ сошлютъ дальше Унковскаго и Европеуса..... Пускай ссылаютъ; свято мѣсто пусто не бываетъ. Другіе пойдутъ на то же дѣло; есть жизнь — будутъ и всходы. А если васъ не сошлютъ?..... Вы спросите: “почему?” — Да потому что вы стали не одиноко, а заявили общественную силу? Эй — дерзайте! Это главное.

Если между вами есть ссоры, или тяжбы—судитесь своимъ третейскимъ судомъ; если у васъ тяжбы съ крестьянами, зовите ихъ на третейскій судъ, выбирая судей безъ различія сословій; подчинитесь въ этомъ случаѣ крестьянскому суду; это не стыдно, это благородно, и вы отъ этого не проиграете, но станете честнѣе и крестьяне станутъ честнѣе. А въ присутственныхъ мѣстахъ судиться не ходите, пока они суды закрытые, негласные. Вы скажете, что не многіе къ вамъ пристанутъ; ну да! сперва не многіе, а потомъ и многіе; а за многими невольно вовлечутся и всѣ, лишь бы нравственная, двигающая сила была на вашей сторонѣ.

Законныя требованія администраціи исполняйте; предупреждайте если можно—и взносы податей и земскія повинности, чтобы имѣть какъ можно меньше столкновеній; а незаконныя требованія просто не исполняйте, протестуйте сколько силъ есть, и за себя, и за крестьянъ. Станьте такъ дружно, чтобы администрація васъ не могла затронуть, а пожалуй и побавалась бы васъ. Не думайте, чтобы въ этомъ случаѣ большинство дворянства не помогло вамъ; то дворянство, которое не на службѣ всегда будетъ на вашей сторонѣ, а его противъ служащаго дворянства вчетверо больше.* Народъ безъ сомнѣнія будетъ съ вами; предположеніе, чтобы народъ сталъ со стороны казеннаго управленія — не сбыточно. Вамъ придется только успокоивать его, чтобы не портить дѣла пустымъ волненіемъ, и идти на пути преобразованія шагомъ твердымъ и спокойнымъ. Начало дѣйствія образованнаго меньшинства съ его банковымъ учрежденіемъ, веденіемъ своихъ обязательствъ на чрезвычайно нравственномъ началѣ честнаго слова и круговой поруки, и съ его освобожденіемъ себя и народа посредствомъ устраненія отъ внѣшняго казеннаго управленія и стремленія къ внутреннему самоустройству — должно расти. Когда оно сколько нибудь выростетъ и окрѣпнетъ, правительство не можетъ не согласиться съ тѣмъ общественнымъ устройствомъ, которое нечувствительно,—такъ сказать втихомолку—выросло, какъ живое тѣло, подъ наростомъ казеннаго управленія. Правительству останется только отбросить струны и утвердить готовое устройство. Преобразование совершится достойно и спокойно. Вы видите, что основная метода дѣйствія очень проста: мы должны сами, на обязательствахъ честнаго слова и круговой поруки, учреждать между собою все то, что мы требуемъ отъ правительства для того, чтобы идти съ нимъ вмѣстѣ. Что правительство будетъ противъ насъ, я въ этомъ увѣренъ: безсмыслие людское велико. Немного великодушнаго сознанія съ его стороны—и оно было бы съ нами, а не противъ насъ. Но это сомнительно. А потому образованное меньшинство должно оставлять гражданскую службу; польза которую оно приноситъ на этомъ поприщѣ — вредъ.

* Всего дворянства (мужскаго пола) 375,253, а служащаго 84,946 человекъ.

Самый честный и благонамѣренный окружной государственныхъ имуществъ и самый безкорыстный начальникъ департамента приноситъ уже тотъ вредъ, что распоряжается тамъ гдѣ его не просятъ, и мѣшаетъ развитію крестьянскаго самоуправленія. Самый честный судья и примѣрный губернаторъ не въ состояніи искоренить взятокъ. Мы все нападаемъ на лица берущіе взятки; это не дурно, обличенія поддерживаютъ нравственное чувство въ обществѣ; но это не достигаетъ цѣли. Взятки лежатъ въ устройствѣ казеннаго управленія, которое даетъ отчетъ не обществу, а своему начальству, т. е. самому себѣ, т. е. никому; и это при безгласности, дѣйствуя совершенно какъ тайное общество воровъ. Пока человекъ можетъ безнаказанно брать взятки, онъ будетъ брать; надо поставить его въ невозможность брать взятки и слѣдственно дѣло не въ личностяхъ, а въ общественномъ устройствѣ. За чѣмъ намъ поддерживать казенное управленіе, придавая ему мнимый видъ честности? Честному меньшинству надо оставлять гражданскую службу; надо тѣхъ изъ образованныхъ людей, для которыхъ служба единственное пропитаніе, поддерживать внѣ службы, давая имъ ходъ въ дѣлахъ промышленныхъ, въ литературѣ, въ искусствѣ—гдѣ угодно—лишь бы отвлечь ихъ отъ участія въ казенномъ управленіи. Пусть правительство увидитъ наконецъ, что ему съ гнилымъ чиновничествомъ далѣе идти не лзя, не губя самого себя. Ужъ если нужда служить, лучше служить въ военной службѣ; по крайнѣй мѣрѣ въ войско прибавится масса образованныхъ офицеровъ, которые не допустятъ солдатъ ни стрѣлять по народу,—ни мѣшать Польшѣ устраиваться какъ знаетъ; а въ случаяхъ дѣйствительной защиты отечества, правительство всегда найдетъ въ нихъ и годныхъ офицеровъ, (не такихъ которые оскорбляютъ женщинъ на улицахъ и убиваютъ людей въ борделяхъ), да и генераловъ по лучше тѣхъ русскихъ и нѣмецкихъ нѣмцевъ, которыхъ побили въ Крыму. Но и тѣ изъ образованнаго меньшинства, которые въ военной службѣ, и тѣ, которые внѣ службы, должны начать: 1) освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ съ землею по мимо правительства, учреждая и распространяя общественный кредитъ и 2) учреждая de facto на дѣлѣ, по мимо правительства, то общественное устройство, которое со временемъ замѣнитъ настоящее положеніе. Еслибъ правительство и теперь дало свое согласіе на это устройство—тѣмъ легче; если нѣтъ, оно труднѣе, но не лзя же намъ вѣчно бояться труда и призрачныхъ опасностей, или маленькихъ неприяностей въ жизни, черезъ которыя пора намъ выучиться шагать. Я надѣюсь, что вы далеки отъ подозрѣнія, что я такъ говорю, потому что *мы* внѣ опасности. Повѣрьте, что еслибъ было полезнѣе уничтожить или сдать нашъ станокъ и подвергнуться неприяностямъ и опасностямъ отъ Таурогена до Камчатки, то мы подвергнемся имъ, даже не считая что это такъ важно.

И такъ вотъ мой планъ дѣйствій. Вы можете съ нимъ не согласиться—тѣмъ хуже. Вы скажете, что это мечта, утопія. Не больше же это мечта, чѣмъ противоположная мечта, т. е. очень дурно освободить крѣпостныхъ, признать ихъ крестьянами государственными, потому что правительство гарантируетъ выкупъ, а потомъ и ихъ и настоящихъ государственныхъ крестьянъ, и всю Россію признать за крѣпостную казеннаго управленія. Согласитесь, что эта административная утопія—болѣе несбыточна чѣмъ моя. Да извольте: положимте я мечтатель; но попробуйте стремиться къ моей мечтѣ какъ къ

цѣли; по дорогѣ вы достигнете существенныхъ преобразованій. Вся исторія идетъ эгидъ путемъ: челоуѣчество живетъ утопией, стремится къ мечтательному общественному устройству, а по дорогѣ достигаетъ существенныхъ преобразованій.

Кажется тутъ пора бы кончить мое письмо; а между тѣмъ я чувствую, что еще такъ много недосказаннаго. Много вопросовъ не рѣшенныхъ. На примѣръ—отношеніе лица къ міру, т. е. предѣлы мірской власти и личной свободы, равно при общинномъ землевладѣніи, или тамъ гдѣ землевладѣніе наследственное, а общинное самоуправленіе, а міръ все же существуетъ. Эти предѣлы должны быть уяснены; съ расширеніемъ личной свободы должна упасть система паспортовъ, да и желѣзныя дороги помогутъ этому. Должно быть поставлено, какъ одна изъ самыхъ существенныхъ задачъ,—сліяніе сословій при назначеніи выборнаго управленія; при назначеніи суда понятыхъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Кстати объ уголовныхъ дѣлахъ. Я не поминалъ о нихъ, потому что уголовное право, все же право исключительныхъ положеній и случаевъ, и гражданское устройство не можетъ смотрѣть на него иначе какъ на горькую необходимость; оставимъ его до другого раза; теперь о немъ только одно: при ссорахъ, обидахъ, даже въ случаяхъ кражи, между крестьянами и не крестьянами, давайте судиться судомъ выборныхъ понятыхъ, своихъ честныхъ людей (*juges d'honneur*) и удалимъ отъ суда казеннаго. Пусть онъ имѣетъ мѣсто только въ случаяхъ, гдѣ иначе невозможно, на пр. когда найдено мертвое тѣло на большой дорогѣ и т. п. —Еще страшно важный вопросъ: правительство (если не государь, то по крайней мѣрѣ министры) стремится вводить дробную, наследственную собственность; это видно изъ стремленія обратить селы въ посады, т. е. города, продать казеннымъ крестьянамъ отдѣльно ихъ общественную землю. Наши города не имѣютъ значенія безъ присутственныхъ мѣстъ, они созданы для управительства. Наши села равно могутъ служить торговыми рынками какъ и города, наши рынки—ярмарки и базары; для этого, особенно при помощи желѣзныхъ дорогъ сближающихъ рынки, нѣтъ причины мѣнять право собственности въ противность народному велико-русскому смыслу; о предположенномъ насиліи министерства государственныхъ имуществъ ввести наследственное земельное право посредствомъ грабежа—и говорить нечего; это явный заговоръ противъ народа. Тутъ намъ безъ сомнѣнія приходится вступить въ жаркія состязанія съ управительственнымъ мнѣніемъ. Мы должны твердо отстаивать право сельскаго обычая и собственности. Съ присутственными мѣстами наши города должны исчезнуть, оставя мѣсто селамъ и рынкамъ. Но этотъ вопросъ ведетъ насъ къ различію западныхъ и велико-русскихъ губерній. Безъ сомнѣнія области во первыхъ устроятся по различію права собственности наследственной и общинной, но въ обоихъ случаяхъ при общинномъ самоуправленіи. Конечно не мы захотимъ вводить насильственно общинное право тамъ, гдѣ оно не обычай. Но и не насиліе рѣшить дѣло; рѣшеніе задачи опять принадлежитъ общественному кредиту и вопросъ ставится такъ: перейдетъ ли земледѣльческая община въ земледѣльческую артель, т. е. на общинный трудъ, что при пособіи общественнаго кредита возможно, вѣроятно, — и увлечетъ ли въ свое движеніе и тѣ мѣстности, гдѣ право земель-

ной собственности наследственное, или на оборотъ? Обо всемъ этомъ мы можемъ толковать и писать томы. Но вы скажете, что цензура помѣшаетъ. Э!... не переставая добиваться уничтоженія превентивной цензуры, пускайте въ ходъ рукописную литературу такъ, чтобъ правительство наконецъ увидѣло безпомощность, ненужность и невозможность цензуры, и давайте писать томы; но оставимъ что нибудь и на рѣшеніе времени и исторіи.

Да! еще забылъ одинъ вопросъ: Народное образованіе.... Надо готовить учителей, проповѣдниковъ науки для крестьянъ, для народа, странствующихъ учителей, которые изъ конца въ конецъ Россіи могли бы разносить полезныя и прилагаемыя знанія. Общественный кредитъ можетъ подготовить ихъ и пустить въ ходъ.

Чтожь бы еще? По лучше поговоримъ въ другой разъ; какъ ни трудны наши пути сообщенія,—черезъ *Колоколь* мы еще не разъ перекликнемся во имя нашей родины.

Прощайте! вамъ пора въ дорогу и за работу. Кланяйтесь дома; скажите кому хотите, что мы станемъ, на сколько умѣемъ, служить русскому народу до послѣдняго дыханія.

Н. Огаревъ.

МѢРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ТРЕЗВОСТИ.

(Окончаніе).

Въ Іюнѣ 1859 г. министръ финансовъ сообщилъ оберъ-прокурору св. синода о жалобахъ откупщиковъ на нѣкоторыхъ православныхъ священниковъ, принуждающихъ прихожанъ давать подъ присягою обѣщанія не употреблять горячихъ напитковъ, съ условіемъ подвергаться, за нарушеніе сего, не только денежному въ пользу церкви штрафу, но тѣлесному наказанію. А какъ циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ⁽¹⁾ принудительныя мѣры противъ употребленія вина запрещаются, то министръ финансовъ просилъ для предупрежденія подобныхъ дѣйствій духовенства сдѣлать по сему предмету общее распоряженіе.⁽²⁾

На это исправляющій должность оберъ-прокурора отъ 19 августа отвѣчалъ, что св. синодъ, по обсужденіи доведенныхъ до свѣденія его случаевъ торжественнаго освященія городскими и сельскими обществами обѣта трезвости, находить, что содѣйствіе православнаго духовенства къ поддержанію въ нѣкоторыхъ городахъ и селеніяхъ рѣшимости прихожанъ воздерживаться отъ употребленія вина, вполне приличествуетъ долгу пастырскаго служенія и что въ слѣдствіе этой обязанности пастыри церкви должны имѣть неослабное и дѣятельное попеченіе о возбужденіи въ своихъ прихожанахъ любви къ воздержанію и объ искорененіи въ нихъ пристрастія къ хмѣльнымъ напиткамъ, которое будучи само по себѣ порочно и недостойно христіанина, порождаетъ кромѣ того множество другихъ важныхъ пороковъ. По симъ уваженіямъ св. синодъ благословляетъ священнослужителей живымъ примѣромъ собственной жизни и частымъ проповѣданіемъ въ церкви Божіей о пользѣ воздержанія, ревностно содѣйствовать возникшей въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздерживаться отъ употребленія вина; но при семъ признаетъ нужнымъ внушить духовенству чрезъ епархіальное начальство, чтобы

(1) См. часть I, стр. 205.

(2) Дѣл. Деп. Под. и Сб. 1859 г. N. 116.

дѣйствія свои въ семь случаев оно ограничивало одними только духовными пастырскими средствами, отнюдь не прибѣгая къ такимъ мѣрамъ, которыя не истекаютъ прямо изъ пастырскихъ обязанностей и не основаны на положительныхъ узаконеніяхъ; о чемъ для зависящихъ распоряжений и посланы отъ св. синода циркулярные указы ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ.(3)

Но послѣ такого распоряженія акцизные и чарочные откупщики въ просьбахъ своихъ объясняли, что священники внушаютъ трезвость подъ страхомъ лишенія требъ, и что они исполняютъ эти требы только тамъ, гдѣ отказались отъ употребленія водки; посему откупщики просили отмѣнить указъ св. синода, ибо, при дѣйствіи его, общества трезвости разведутся повсемѣстно. Вслѣдствіе сего, министръ финансовъ сообщилъ Оберъ-Прокурору св. синода, что совершенное запрещеніе употребленія горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простаго народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе. Если подобныя запрещенія духовенства о совершенномъ прекращеніи употребленія вина не будутъ воспрещены и еще болѣе распространятся, то держатели откуповъ объявятъ себя несостоятельными и тогда важнѣйшая статья государственныхъ доходовъ понесетъ величайшій ущербъ и можетъ остановиться производство важныхъ государственныхъ расходовъ.(4)

Трезвость имѣла многихъ послѣдователей въ губерніяхъ Ковенской и Виленской: такъ въ послѣдней, куда трезвость проникла изъ Ковенской губерніи въ Декабрѣ 1858 г., шесть мѣсяцевъ спустя число отказавшихся отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ простиралось до 300,000 человекъ, т. е. до половины всего католическаго населенія въ губерніи. Съ тѣхъ поръ успѣхи трезвости нѣсколько приостановились, но давшіе обѣтъ воздержанія сохраняютъ его. Гражданскія власти нисколько не противодѣйствовали распространенію трезвости. Противниками ея заявили себя Евреи и особенно тѣ изъ нихъ, которые непосредственно заинтересованы въ процвѣтаніи откупа (5).

Трезвость въ сихъ губерніяхъ имѣла для питейныхъ доходовъ весьма неблагопріятныя послѣдствія: и тотъ и другой откупъ сдѣлались неисправными. Ковенскій акцизный откупъ взятъ былъ въ казенное управленіе съ 25 Іюня 1859 года, а Виленскій съ 2 Іюня въ казенный надзоръ, и съ 1 Іюля въ казенное управленіе.

По Ковенскому акцизному откупу выручено съ 1 Января 1859 года по день учрежденія казеннаго управленія, акциза (по 25 Іюля) 166,492 руб.; (6) изъ нихъ внесено въ казну только 7,974 руб. При казенномъ управленіи по 1 Января

(3) Дѣло Д. Под. Сб. 1859 г. N. 116.

(4) Отн. Мин. Фин. 29. Января в 10 Февраля 1860 г.

5 Всепод. отчетъ Виленск. Гражд. губерн. за 1859 г.

6 Впрочемъ изъ доносовъ на сей откупъ видно, что откупщиками содержали казенныя корчмы на имя своего родственника и учреждали на его же имя подвалы, особенно по границѣ Курляндіи, откуда привозили корчменное вино и получали также оное съ мѣстныхъ винокуренныхъ заводовъ, провозя его по одному ярлыку нѣсколько разъ; вино это продавали изъ складовъ мелкими боченками, особенно въ корчмы, неснабженныя патентами. Кромѣ того, будто бы выслали къ своимъ роднымъ изъ откупныхъ выручекъ 25,000 р. сер. (Дѣло Деп. Под. и Сбор. 1859 N. 14).

1860 года выручено акциза 184,631 руб.; изъ нихъ внесено въ казну 48,994 р. Сверхъ акциза поступило въ пользу откупщика патентнаго сбора 9,780 руб. Вообще-же въ теченіе года было оплачено акцизомъ вина 304,970 ведр.; менѣе чѣмъ въ 1858 году, на 629,505 ведр.

По Виленскому акцизному откупу выручено съ 1 Января 1859 года, по день учрежденія казеннаго надзора (2 Іюня) 263,549 р., изъ которыхъ внесено въ казну 78,617 руб.; а съ сего времени до конца года, при казенномъ надзорѣ и управленіи, выручено 235,426 руб., изъ коихъ поступило въ доходъ казны 178,000 руб. Вообще-же, въ теченіе года, было оплачено акцизомъ вина 662,841 ведръ; менѣе чѣмъ въ 1858 г. на 409,892 ведра. Впрочемъ цифра потребленія вина въ 1859 г., при распространившейся трезвости, не можетъ быть названа малою, потому что въ 1855 и 1856 г. потребленіе вина было тоже самое, даже нѣсколько менѣе, что и показываетъ, что въ настоящее время только уменьшилось нѣсколько непомѣрно усилившееся во вредъ нравственности, въ теченіе двухъ лѣтъ 1857-1858 г., пьянство.

Лица участвующія въ откупахъ.

Лицъ, участвующихъ въ питейныхъ откупахъ на четыре-лѣтіе съ 1859—1863 г. числится: 1) По Великорос. губер. 147, съ обязательнымъ платежемъ въ 91,686,264 р. 32 к.; 2) по привилегированнымъ губ.: акцизныхъ откупщиковъ 29, на сумму 21,243,889 руб.; чарочныхъ 37, на сумму 7,579,635 р.; 3) по Сибири 3, съ обязательнымъ платежемъ въ 7,259,750 рублей—всего 216 лицъ, обязанныхъ платить въ годъ 127,769,488 р. 32 к.; но какъ нѣкоторые изъ сихъ лицъ участвуютъ въ то-же время въ откупахъ губ. Великорос. Привилегир. и Сибирскихъ, то собственно число откупщиковъ менѣе.

Имена главныхъ откупщиковъ были помѣшены въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, разумѣется съ исключеніемъ лицъ имѣющихъ пай или дѣйствующихъ черезъ подставныхъ, слѣдственно скрыты всѣ высокія особы, напр. Суковкинъ и Гвоздевъ.

Отношеніе питейныхъ сборовъ къ обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ (Т. III, стр. 26—28).

Сравненіе цифръ доходовъ казны отъ питейныхъ сборовъ съ цифрами обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ съ 1819 по 1859 годъ показываетъ, что первые, т. е. питейные доходы, возрастали въ большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенные государственные доходы:

Годы	Сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ*	Въ томъ числѣ питейныхъ сборовъ	На 100 р. обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ приходится питейныхъ сборовъ
1819	138,194,839	22,307,492 16 р.
1823	132,407,367	23,916,455 18
1826	113,218,083	23,504,195 21
1830	114,260,414	23,903,839 23
1834	132,878,126	28,012,678 21
1838	155,189,905	36,317,370 23
1842	172,012,184	41,817,825 24
1846	191,642,468	53,589,283 28
1850	201,341,864	52,433,337 26
1854	270,472,436	68,980,637 29
1858	247,443,388	82,193,358 33
1852	280,736,835	106,101,131 38

* Съ 1819 по 1858 годъ показаны обыкновенные государственные доходы по дѣйствительному ихъ поступленію, а за 1859 годъ по смѣтному назначенію.

Изъ суммы обыкновенныхъ доходовъ, показанныхъ въ этой таблицѣ, не исключены расходы правительства на заготовленіе вина; въ графѣ же питейныхъ сборовъ расходы сіи не показаны (? должно быть какъ видно ниже "показаны.")

Вся воловая сумма, составшаяся на торгахъ по питейнымъ откупамъ на 4-хъ лѣтіе съ 1859 по 1863 года, вмѣстѣ съ выручкою за вино равняется 177,769,488 р., что составляетъ 46% обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

Откупныя наддачи (Т. III, стр. 22).

Доходъ правительства отъ питейныхъ сборовъ за каждый откупной періодъ опредѣлялся суммою состоящею на торгахъ по питейнымъ откупамъ.

На четырехлѣтіе съ 1827 по 1831 годъ откупная сумма составляла :

По Великоросійскимъ и Сибирскимъ губерніямъ	21,327,371 р. 41½ к.
По привилегированнымъ губерніямъ	2,398,775 р. 71½ к.
	<hr/>
	23,726,147 р. 13 к.

При послѣдующихъ торгахъ :*

Прибавлено :

Годы	По Великоросс. и Сибир. губерніямъ	По Привилегир. губ.	Итого
1831—1835	896,542	956,877	1,852,420 руб.
1835—1839	5,407,142	799,976	6,157,119
1839—1843	6,630,657	819,212	7,449,869
1843—1847	7,764,369	1,152,331	8,916,701
1847—1849 } 1849—1851 }	14,754,682	1,292,195	15,976,877
1851—1855	7,718,516	11,239,883	18,958,399
1857—1859	5,632,903	2,249,612	7,882,515
1859—1863	29,883,677	10,384,451	30,273,129
			<hr/>
			107,467,032 руб.

Уменьшено :

1847—1849	—	68,216	68,216
1855—1857	1,073,818	2,281,626	3,355,474
			<hr/>
			3,923,681 руб.

За исключеніемъ уменьшенія, наддачи съ 1831 г. составляютъ 104,043,341 р. 19 к.
Вся же откупная сумма (вмѣстѣ съ бывшею на 4-хъ лѣтіе съ 1827—1831) составляетъ на 4-хъ лѣтіе съ 1859 г.... 127,769,488 р. 32 к.

Потребленіе вина (Т. III, стр. 35—41).

По Великоросійскимъ и Сибирскимъ губерніямъ.

Количество выбраннаго изъ казны вина (полугара) въ 1859 г. :
21,211,083 ведр.
На каждого жителя об. п. приходится : 0,53 ведр.

По Привилегированнымъ губерніямъ.

Количество вина, оплаченнаго акцизомъ (считая на полугаръ) :
30,052,763
На каждого жителя об. п. приходится : 1,60

По тѣмъ и другимъ губерніямъ.

51,263,846
0,87

Отношеніе питейнаго дохода къ числу жителей (Т. III, стр. 41—45).

По Великоросійскимъ губерніямъ.

Въ 1859 году поступило прибыли отъ вина, за исключеніемъ заготовительной цѣны :
73,967,963 руб.
На каждого жителя муж. пола приходится : 4 руб. 31 к.

По Сибирскимъ губерніямъ (въ 1858 г.)
4,147,585 р. 3 р. 45 к.

* Копѣйки откидываются.

По привилегированнымъ губерніямъ.

Въ 1859 г. поступило питейнаго дохода :
24,235,222 р.
На каждого жителя муж. пола приходится : 2 р. 61 к.

Для исчисленія - же сколько расходуется народомъ денегъ на вино въ каждой губерніи нужно къ приведеннымъ выше цифрамъ прибавить заготовительную цѣну вина и прибыли откупщика; положительныя свѣдѣнія имѣются только о первой, о доходахъ же откупщиковъ нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ.

Число питейныхъ заведеній (Т. III, стр. 48—51).

	Въ Великоросс.	Сибири	Прив. губ.
Питейныхъ домовъ	10,443	802	52,755
Ведерныхъ и штофныхъ лавочекъ	2,171	399	1,230
Выставокъ	5,512	351	2,637
Водочныхъ магазиновъ	858	38	192
Откупныхъ подваловъ	452	—	—

Всего питейныхъ заведеній 77,838.

Въ Великоросійскихъ губерніяхъ на одно питейное заведеніе приходилось 1,945 жителей.
Въ Сибири на одно заведеніе 1,835
Въ Привилегированныхъ губерніяхъ 329

Число подсудимыхъ* по нарушенію Устава о питейномъ сборѣ и акцизѣ (Т. III, стр. 66—70).

Годъ	Общее число подсудимыхъ	Число подсуд. по наруш. устава о питейныхъ сборахъ и акцизахъ	На 1,000 всѣхъ подсуд. приходится послѣднихъ.
1858	110,976	5,421	49

По Смоленской губерніи :

1848	1,086	335	309
1858	1,989	269	135

По Вятской губерніи :

1850	2,517	173	69
1858	7,712	2,080	270

По Курской губерніи :

1848	2,838	957	337
1858	4,775	311	65

Экстраординарные расходы откупщиковъ (Т. III, стр. 114).

	По губернскому откупу.		По уѣздному.	
	число людей	сумма	число людей	сумма
Губернатору на улучшеніе города или дѣтскихъ приютовъ	—	3,000	—	—
На канцелярію его	—	1,200	—	—
Полицеймейстеру	1	1,200	—	—
Городничему	—	—	1	420
Секретарю полиціи	1	300	1	200
Частнымъ приставамъ	3	720	1	240
Квартальнымъ надзирателямъ	6	360	2	120
Исправнику	1	600	1	420
Окружному	1	500	1	420
Становымъ	3	720	3	540
Непремѣнному засѣдателю	1	300	1	240
Секретарю Земскаго Суда	1	300	1	240
Предсѣдателю Казенной Палаты	1	2,000	}	500
Совѣтнику питейнаго отдѣленія	1	600		
Столоначальнику и на канцелярію стола	—	500	}	420
Винному приставу	1	600		
И того†		13,000		13,700

* Всѣ сіи свѣдѣнія доставлены частнымъ образомъ, а потому могутъ быть и не вѣрны; впрочемъ по другимъ, частнымъ же образомъ доставленнымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что всѣ подобныя расходы бывають гораздо значительнѣе.

† Здѣсь показано число подсудимыхъ только по дѣламъ, бывшимъ на разсмотрѣніи Уголовныхъ Палатъ и равныхъ имъ мѣстъ.

‡ Надо помножить на число уѣздовъ кромѣ одного.

ЗАМѢЧАНІЯ.

По поводу представленнаго военнымъ министерствомъ въ комитетъ и. министровъ предположенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ свода военныхъ постановленій, опредѣляющихъ степень вліянія гражданскаго полицейскаго начальства на нижнихъ чиновъ военно-сухопутнаго вѣдомства, находящихся въ отпуску.

По военно-сухопутному вѣдомству числится въ настоящее время около 450,000 нижнихъ чиновъ, находящихся частію въ безсрочномъ, частію во временномъ отпуску и проживающихъ въ разныхъ губерніяхъ, по городамъ и селеніямъ.

Степень вліянія мѣстнаго полицейскаго начальства на сихъ нижнихъ чиновъ по нынѣ дѣйствующему закону опредѣляется статьями свода Военныхъ Постановленій, изложенными въ приложеніи за №. I^{мъ}.

По соображеніи этихъ статей оказывается :

По статьямъ 1314 и 1315 дѣла объ отпускныхъ нижнихъ чинахъ обвиняемыхъ въ совершеніи преступленія, или прикосновенныхъ къ слѣдственнымъ и суднымъ дѣламъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, подлежатъ изслѣдованію гражданскаго начальства, при депутатѣ отъ военнаго вѣдомства.

Если нижній чинъ по слѣдствію окажется подлежащимъ сужденію, то онъ передается военному суду, для сужденія по законамъ; если окажется невиннымъ, то возвращается на мѣсто прежняго жительства.

По статьѣ 1313 и многочисленнымъ дополненіямъ къ оной, послѣдовавшимъ въ разные годы, нижніе воинскіе чины, находящіеся въ отпуску и замѣченные въ *маловажныхъ проступкахъ*, подлежатъ административнымъ распоряженіямъ гражданскаго полицейскаго начальства, безъ участія депутата отъ военнаго вѣдомства.

Полицейское начальство можетъ оштрафовать ихъ безъ предварительнаго обслѣдованія :

За первый проступокъ арестомъ трехсуточнымъ.

За второй тѣмъ же, съ посаженіемъ на хлѣбъ и воду.

За третій проступокъ, а равно вообще за дурное поведеніе, нижній чинъ можетъ быть обращенъ на дѣйствительную службу, но это распоряженіе требуетъ предварительнаго обслѣдованія мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ поведенія нижняго чина.

Исполнивъ формальность обслѣдованія, полицейское начальство имѣетъ право, безъ суда, обратитъ нижняго чина на дѣйствительную службу.

Подобное административное обращеніе на дѣйствительную службу влечетъ за собою для нижнихъ чиновъ :

1) Лишеніе навсегда права на отставку.

2) Лишеніе нашивокъ, установленныхъ за безпорочную службу.

3) Нижній чинъ унтеръ-офицерскаго званія, не лишенный сего званія, но обращенный административнымъ порядкомъ изъ отпуску на дѣйствительную службу, употребляется за рядоваго, впредь до отличной выслуги.

Такова сущность нынѣ дѣйствующихъ законоположеній, которыми опредѣляется степень вліянія гражданскаго полицейскаго начальства на воинскихъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ отпуску и проживающихъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ.

Нельзя не остановиться на замѣчательномъ противурѣчій этихъ законоположеній относительно двухъ категорій нижнихъ чиновъ, а именно : обвиняемыхъ въ преступленіи, и замѣченныхъ въ *маловажныхъ проступкахъ*.

Нижніе чины, обвиняемые въ преступленіи, имѣютъ право на защиту военнаго депутата, на судъ по законамъ, и въ случаѣ оправданія, возвращаются въ мѣсто прежняго жительства.

Нижніе чины, замѣченные только въ *маловажныхъ проступкахъ*, не имѣютъ права требовать суда, не могутъ и ждать оправданія, но по обслѣдованіи дурнаго поведенія, удаляются административнымъ распоряженіемъ гражданскаго полицейскаго начальства изъ мѣста жительства и обращаются безпрекословно на дѣйствительную службу, при чемъ лишаются, безъ суда, нашивокъ за безпорочную службу, права на отставку, а унтеръ-офицеры употребляются на службу рядовыми.

По основнымъ юридическимъ началамъ никто не долженъ быть лишенъ сословныхъ правъ или заслуженныхъ безпорочною службою преимуществъ, иначе какъ по суду, и потому предоставленіе мѣстной полиціи подобной власти чрезмѣрно и требуетъ ограниченія.

Между тѣмъ военное министерство, въ видахъ обезпеченія общественнаго спокойствія, полагаетъ напротивъ, не только не ограничить, но значительно расширить произволъ полицейскаго начальства надъ воинскими нижними чинами, находящимися въ отпуску, и сдѣлать его въ дѣйствительности безусловнымъ.

Сущность предположеній военнаго министерства заключается въ слѣдующемъ :

1) Отменить для гражданскаго полицейскаго начальства установленную ст. 1313 и 1314 обязанность предварительнаго обслѣдованія поведенія нижнихъ чиновъ ;

2) Разрѣшить мѣстному полицейскому начальству разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ, не соблюдая никакой постепенности въ наказаніяхъ,—при первомъ же оглашеніи о дурномъ поведеніи воинскихъ нижнихъ чиновъ,—удалять сихъ чиновъ не только безъ суда, но и безъ обслѣдованія изъ мѣста жительства, и обращать на дѣйствительную службу,—при чемъ нижніе чины лишаются :

а) Нашивокъ,

б) Права на отставку,

в) Унтеръ-офицеры употребляются рядовыми.

Столь важная мѣра, отнимающая сословныя права, должна была бы взойти на высочайшее утвержденіе законодательнымъ порядкомъ черезъ государственный совѣтъ; но военное министерство, по предварительномъ сношеніи съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и предсѣдателемъ департамента удѣловъ, внесло ее, въ началѣ Декабря 1859, какъ *мѣру временную*, на разсмотрѣніе въ комитетъ гг. министровъ.

Если эти предположенія военнаго министерства будутъ утверждены* и войдутъ въ законную силу, то вся категорія нижнихъ чиновъ военно-сухопутнаго вѣдомства, находящихся въ отпуску (нынѣ болѣе 450,000), будетъ поставлена въ дѣйствіе общихъ законовъ и передана безусловному произволу органовъ мѣстной полиціи.

* Къ сожалѣнію высочайше утверждены по положенію комитета министровъ, состоявшемуся въ Январѣ 1860, о семъ 24 Февраля военнымъ министромъ донесено сенату, для обнародованія.

Въ послѣдствіи эта мѣра, силою вещей, безъ сомнѣнія будетъ распространена и на отпускныхъ нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства, въ числѣ коихъ находятся бывшіе защитники Севастополя.

При пересмотрѣ законоположеній объ отпускныхъ нижнихъ чинахъ нужно бы установить не *временныя* мѣры, противныя духу законности, но мѣры *постоянныя*, согласныя съ общими началами законнаго быта.

Если нынѣ возникаютъ часто жалобы на своеволие и дурное поведеніе нижнихъ чиновъ, находящихся въ отпуску и проживающихъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ, то это происходитъ преимущественно отъ того, что чины эти, числясь въ военномъ вѣдомствѣ, и находясь въ отдаленіи отъ военного начальства,—считаютъ себя внѣ вліянія населенія, посреди коего живутъ и внѣ вліянія мѣстнаго гражданскаго начальства.

Это неудобство нужно устранить подведеніемъ нижнихъ чиновъ подъ общій уровень съ окружающимъ ихъ населеніемъ, а не лишеніемъ ихъ всякихъ гражданскихъ правъ.

Цѣль эту можно было бы достигнуть слѣдующими мѣрами:

1) Подчинить нижнихъ воинскихъ чиновъ, во время пребыванія ихъ въ отпуску, ближайшему мѣстному гражданскому начальству, совершенно *наравнѣ съ тѣми обывателями, посреди коихъ они пребываютъ.*

(Въ Остзейскихъ губерніяхъ уже и теперь отпускные нижніе чины подчинены мірскимъ судамъ и волостной полиціи, наравнѣ съ обывателями.)

2) Право удаленія изъ мѣста жительства нижнихъ чиновъ за дурное поведеніе, съ обращеніемъ на дѣйствительную службу, предоставить въ городахъ мѣстной полиціи, т. е. полицмейстерамъ и городничимъ, а въ селеніяхъ обществамъ по мірскимъ приговорамъ, законнымъ порядкомъ утвержденнымъ, подобно тому, какъ предоставлено по 603 ст. тома XII Св. Зак. Гр. изд. 1857 г. сельскимъ обществамъ удалять изъ своей среды односельчанъ своихъ за проступки или дурное поведеніе.

3) Удаленіе нижнихъ чиновъ изъ мѣста жительства и обращеніе ихъ на дѣйствительную службу по распоряженію городской полиціи, или по мірскимъ приговорамъ сельскихъ обществъ, допускать въ видѣ мѣры исключительно полицейской, не придавая ей никакого судебнаго характера, и по этому нижнихъ чиновъ обращаемыхъ на дѣйствительную службу по распоряженію городской полиціи или по мірскимъ приговорамъ сельскихъ обществъ, не лишать ни нашивокъ, ни права на отставку, а унтеръ-офицеровъ не употреблять какъ рядовыхъ.

4) Установить правиломъ, что лишеніе нашивки, унтеръ-офицерскаго званія и права на отставку не иначе можетъ состояться какъ по суду.

Поводомъ къ составленію новаго законоположенія послужило слѣдующее обстоятельство:

Одинъ изъ губернаторовъ, сообщая о какомъ то частномъ случаѣ, въ которомъ нѣсколько безсрочно-отпускныхъ солдатъ совершили маловажный проступокъ, изложилъ свое мнѣніе, что для легчайшаго обеспеченія общественнаго порядка было бы желательно, чтобы правительство разрѣшило: нижнихъ чиновъ, находящихся въ отпуску, которые будутъ себя дурно вести, возвращать на дѣйствительную службу, поряд-

комъ административнымъ и не стѣсняясь *излишними(!)* формальностями.*

Отношеніе губернатора, адресованное къ военному министру, поступило въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства.

Управляющій департаментомъ дежурный генералъ главнаго штаба его и. в., генералъ-адъютантъ Александръ Даниловичъ Герштейнцвейгъ передалъ бумагу эту начальнику V отдѣленія департамента кол. сов. и кавал. Радзаевскому и приказалъ составить по ней докладъ.

Радзаевскій, выслушавъ подобострастно приказаніе начальства, спросилъ вкрадчивымъ тономъ: не прикажетъ ли его превосходительство сдѣлать въ докладѣ *поясненіе*: что подобное обращеніе нижнихъ чиновъ на дѣйствительную службу, влечетъ за собою лишеніе нашивокъ, лишеніе права на отставку въ узаконенный срокъ, лишеніе вообще преимуществъ, пріобрѣтенныхъ предшествовавшею *безпорочною* службою.

Генералъ - адъютантъ Герштейнцвейгъ произнесъ: — “*разумѣется!*”

Написали докладъ, получили предварительное согласіе министровъ Ланскаго, Муравьева и гр. Адлерберга, внесли въ комитетъ, комитетъ одобрилъ, Государь утвердилъ,—и полмилліона заслуженныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ объявлены внѣ закона.

ГРЯЗЬ и ЛУЖИНЪ.

“Я самъ выдалъ свою дочь за *Лужина!*” говорилъ Николай Васильчикову, желая сказать что выдалъ ее плохо. На этотъ разъ бригадный императоръ не ошибся. Передъ нами лежатъ подробности гнуснаго Харьковскаго дѣла. Читаешь и не вѣришь глазамъ. Письмо явнымъ образомъ опоздало, но это не лишаетъ интереса рассказанныхъ злодѣйствъ.

У какого то Старобѣльскаго помѣщика Гаршина ушла жена, отъ его притѣсненій. Такъ какъ у насъ за всѣмъ обращаются къ начальству, то и безутѣшный мужъ отправился къ губернатору Лужину.

Le vieux coursier a senti l'aiguillon!

Лужинъ, бывши когда-то полицмейстеромъ въ Москвѣ, обрадовался этому случаю и предложилъ свое губернаторское содѣйствіе—отыскать жену и отдать ее въ руки супруга. Гаршинъ, видя такое отеческое вниманіе его превосходительства, сказалъ ему что онъ подозрѣваетъ студента *Заварскаго участникомъ* въ бѣгствѣ его жены. Лужинъ ту же ночь наряжаетъ полицейскихъ и жандармовъ—обыскать студента *Заварскаго* и представить его къ нему. Харьковскій полицмейстеръ Хаптинскій, получа приказаніе губернатора, является въ домъ, гдѣ квартировалъ Заварскій, окружаетъ его солдатами и жандармами, выламываетъ дверь, зажигаетъ самъ свѣчу, схватываетъ студента съ постели, собираетъ его книги и бумаги, и возвращается въ полицію. Между бумагами Заварскаго была найдена тетрадь, его журналъ, писанный въ 1856 году. Въ то время студенты Харьковскаго университета требовали правосудія и слѣдствія по поводу грубаго поступка зятя Лужина Самтыкова. Эта исторія кончилась тѣмъ, что пять студентовъ были исключены изъ университета,

* Требуется имя этого почтеннаго начальника губерніи, для котораго законъ не писанъ. Прим. ред.

изъ числа которыхъ былъ и Заварскій. Нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ мѣста въ Кіевскомъ университетѣ, а Заварскій, сынъ Полтавскаго священника, опять поступилъ въ Харьковскій университетъ. Въ тетрадкѣ этого Заварскаго была помѣщена общая мысль, что Россія будетъ находится въ угнѣтении и невѣжествѣ до тѣхъ поръ, пока существуетъ самодержавное правленіе, а какъ самодержавіе само себя не уничтожить, то надо употребить силу, чтобъ замѣнить самодержавіе представительнымъ правленіемъ. Далѣе написано, что многіе студенты сочувствуютъ этой идеи, но находятъ не своевременнымъ приступить къ составленію общества для этой цѣли. Открытіе тетради такъ встревожило полицмейстера, что онъ рано утромъ прискакалъ къ Лужину и объявилъ ему, что онъ открылъ заговоръ. Лужинъ требуетъ къ себѣ Заварскаго; его приводятъ въ кабинетъ. Лужинъ бросается на него, ругаетъ его и кричитъ, чтобъ онъ объявилъ соумышленниковъ его заговора. Заварскій отвѣчалъ ему, что общества подобнаго не составлялось и что все это фантазія наброшенная на бумагу назадъ тому три года. Лужинъ кликнулъ жандармовъ, приказалъ имъ *держатъ руки Заварскаго, а самъ бросился бить его своими руками по лицу, по голову какъ попало*, и этою пыткой хотѣлъ вынудить у него, чтобъ онъ сказалъ то, что ему желалось. Заварскій, окровавленный, отвѣчалъ одно: “общества не было никакого, написанное мною была фантазія моей юности и заблужденія.” Не видѣвши успѣха отъ своеручной пытки, Лужинъ приказалъ отвести его въ тюрьму и бросить его въ яму.

Отправивши Заварскаго въ тюрьму, Лужинъ того же дня 26 Января донесъ въ Петербургъ, что онъ открылъ тайный заговоръ противъ государя. Въ ожиданіи отвѣта, онъ приказалъ снять допросъ у Заварскаго, а для этого назначилъ профессора Плумбецкаго, жандармскаго генерала Богдановича и другихъ какъ депутатовъ. При первомъ появленіи къ допросу Заварскій объявилъ присутствующимъ, что губернаторъ такъ его избилъ своеручно, что онъ не можетъ отвѣчать на сдѣланные ему вопросы. Допросъ отложенъ до другаго дня, во время котораго Заварскій отвѣчалъ, что честь и совѣсть не допустятъ его, чтобъ онъ вмѣшалъ въ это дѣло невинныхъ, что не было никакого общества, что онъ объявилъ это губернатору не устрасаясь его пытки, и теперь, видя благородное и кроткое увѣщаніе присутствующихъ, объявляетъ по совѣсти что никогда не было общества противъ государя и что написанное имъ въ 1856 есть минувшее заблужденіе. Наконецъ изъ Петербурга получено повелѣніе—составить комиссію для изслѣдованія этого дѣла. Въ эту комиссію губернаторъ назначилъ *Помпея Пассекъ*, который служилъ при полиціи въ Москвѣ. Въ эту комиссію ожидаютъ еще чиновника отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но вся надежда на справедливое раскрытіе этого дѣла основана на безкорыстномъ и благородномъ характерѣ генерала Богдановича, который пріобрѣлъ уваженіе и доброе сочувствіе всѣхъ сословій Харьковскаго общества. Комиссіа еще не начинала своего разслѣдованія, но весь городъ приведенъ въ волнующее состояніе. Каждую ночь солдаты и жандармы окружаютъ дома, гдѣ живутъ студенты, вламываются въ ворота, дѣлаютъ обыскъ и берутъ студентовъ въ полицію для допроса. Многіе студенты живутъ вмѣстѣ съ своими родителями. Легко себѣ представить состояніе матери, когда она видитъ, какъ вдругъ въ полночь ввалится въ ея комнаты ватага полицейскихъ, которая какъ

воры бросается на шкафы, сундуки, забирая книги и бумаги.

Подобные обыски дѣлали и у профессоровъ, но какъ у нихъ такъ и у студентовъ не нашли ни одной бумаги, которая показала бы, что въ Харьковскомъ университетѣ существуетъ тайное общество противъ правительства. Этотъ нахальный обыскъ не имѣющій никакого основанія и бранныя слова губернатора, сказанныя имъ въ университетѣ въ присутствіи профессоровъ и студентовъ, произвели такое оскорбленіе для всего ученаго сословія, что профессора требовали отъ ректора Рославскаго открыть совѣтъ и представить министру все дѣло какъ оно есть. Честь и защита отъ нахальства безумнаго губернатора требовала этого протеста, но ректоръ *отказался*.

Не смотря на отказъ ректора собрать совѣтъ, 22 профессора составили протестъ противъ ругательствъ и несправедливыхъ обвиненій, которыя взвалилъ Лужинъ на университетъ какъ на сборище людей тайнаго общества.

— *Президентъ Варшавской Академіи Цыцурина.* — Мы получили письмо въ оправданіе г. Цыцурина, передаемъ его почти цѣликомъ:

“Въ №. 48 *Колокола* 1859 года, вы напечатали: *по Муханову и Цыцурина*, взявъ факты изъ польскаго журнала. Я не обвиняю редакцію газеты “Przegląd”; при всей осмотрительности редакторовъ невозможно повѣрять достоверность присылаемыхъ имъ извѣстій, но протестую противъ лица, доставившаго ложныя извѣстія. Польскій журналъ передаетъ главные пункты какого-то вымышленнаго устава, сочиненнаго корреспондентомъ съ явнымъ намѣреніемъ унижить Цыцурина въ общественномъ мнѣніи, иначе что за причина такъ несправедливо писать. Вотъ эти пункты, напечатанные въ *Колоколь*.

1) “Всѣ въ настоящее время находящіеся въ Академіи студенты *хотя они поступили въ Академію и на прежнихъ условіяхъ и на таковыя подписались*, обязаны теперь подчиниться *новому порядку дѣлъ*.”

Всѣ студенты при открытіи Академіи поступили безъ всякихъ условій и подписокъ. Въ уставѣ Академіи и слова не говорится ни объ условіяхъ, ни о новомъ порядкѣ.

2) “Всякій студентъ желающій держать экзаменъ и получающій два средніе бала, *хотя бы даже изъ менѣе важныхъ предметовъ* долженъ быть исключенъ изъ Академіи.”

Анатомія, Ботаника, Зоологія, Минералогія и Физика — вотъ всѣ предметы первыхъ двухъ курсовъ, всѣ они одиноково важны. По уставу Академіи студентъ можетъ быть исключенъ изъ Академіи только за дурное поведеніе попечителемъ округа.

3) “Каждый студентъ на основаніи мнѣнія президента Академіи можетъ быть исключенъ изъ нея во всякое время, потому, что *мнѣніе это равняется силѣ суда* и должно составлять законъ.”

Это чистая ложь сообщенная въ польскій журналъ; о такой власти президента и помину нѣтъ въ уставѣ.

4) “Ежели студентъ даже удовлетворительно отвѣчаетъ по всякому билету, все таки президенту разрѣшается предлагать экзаменуемому произвольное число вопросовъ и въ слѣдствіе этого мнѣніе президента рѣшаетъ участь студента.”

Это также не правда. Президентъ имѣетъ право предложить вопросы независимо отъ билета, какъ въ университетахъ

деканы факультетовъ, какъ каждый ассистентъ — это правда, но голосъ президента совѣщательный. Отъ мнѣнія преподавателя зависитъ болѣе участь студента, а не отъ президента.

Для подтвержденія сказаннаго мною я буду имѣть удовольствіе при первомъ случаѣ переслать вамъ текстъ устава Академіи и составленныя на основаніи устава правила объ экзаменахъ, а до того времени сообщаю, что могу припомнить.

По уставу Академіи, академическій курсъ раздѣляется на 2 курса, подготовительный двухлѣтній и окончательный трехлѣтній. Въ подготовительномъ курсѣ читаются: Анатомія, Ботаника, Физика, Минералогія и Зоологія — всѣ одинаково важны. Въ окончательномъ курсѣ прочіе медицинскіе предметы.

Порядокъ и распредѣленіе экзаменовъ опредѣлены особенными правилами, составленными уже послѣ на основаніи устава.

Вотъ главное ихъ содержаніе: подготовительный курсъ раздѣляется на 2 курса переводные. Студентъ, оказавшій не удовлетворительные успѣхи въ 2^х предметахъ (изъ числа выше поименованныхъ) оставляется на 2^й годъ, если же и на другой годъ не окажетъ удовлетворительныхъ успѣховъ, увольняется изъ Академіи съ правомъ вступленія въ другое высшее заведеніе (а не исключается; по исключеніи на основаніи училищнаго устава не можетъ быть нигдѣ принятъ). Черезъ 2 года студенты обязаны держать экзаменъ изъ полного двухлѣтняго курса и если кто не окажетъ удовлетворительныхъ успѣховъ въ 2^х предметахъ, остается на 2^й годъ во 2^м курсѣ. Въ окончательномъ или 3^х лѣтнемъ курсѣ студенты держатъ экзаменъ чрезъ 3 года прямо на ученую степень. Вотъ, все сколько припоминаю сказанное объ экзаменахъ.

Теперь позвольте вамъ объяснить въ чемъ заключался протестъ студентовъ. Правила экзаменовъ были утверждены министромъ мѣсяца за 2 предъ вакаціей, — вѣдено было тотчасъ привести ихъ въ исполненіе. Студенты, увѣдомленные объ экзаменахъ неожиданно Цыцуринымъ, просили его отложить экзамены на послѣ вакаціонное время, потому что они (студенты) не приготовились и не могутъ такъ скоро быть готовыми къ экзамену. Цыцуринъ, какъ объявляли сами студенты, обѣщалъ имъ сдѣлать всѣ возможные снисхожденія на экзаменахъ, но отложить ихъ не имѣлъ права. Между тѣмъ нашлись люди желавшіе подорвать хорошее мнѣніе о Цыцуринѣ, пріобрѣтенное имъ въ Варшавѣ въ короткое время; они подговаривали студентовъ подавать прошенія объ увольненіи. Въ дальнѣйшія послѣдствія, независяція отъ Цыцурина, я не вхожу.

С М Ъ С Ъ.

— *Замѣчательная ошибка морскаго министерства.* — Просматривая въ Морскомъ Сборникѣ официальные отчеты морскаго вѣдомства, мы наткнулись на слѣдующій любопытный случай. Послѣдняя поставка въ 1859 г. 30,000 пуд. чугуна, осталась за чиновникомъ особыхъ порученій Шумовымъ по 53 коп. Онъ поставилъ его черезъ Молво 31,634 п. за которыя и получилъ 16,766 р. 42 к. Теперь буквально изъ Морскаго Сборника (№. 5, Апрель, официальные извѣстія стр. 147). “Впослѣдствіи оказалось, что сверхъ 31,634 п. чугуна, выписаннаго г. Шумовымъ изъ Англій,

черезъ купца Молво, по недоразумѣнію конторы Молво, доставлено въ Кронштадскіе экипажные магазины еще 31,013 п. 29. ф. 46 з.”

И департаментъ сдѣлалъ представленіе и получилъ разрѣшеніе заплатить Молво и за этотъ чугунъ 16,437 р. 27 к., съ тѣмъ, чтобы *не расходовать этого количества до 1861 года!* Хороша ошибка Молво! Безъ приказа въ Кронштадтѣ приняты двойное количество. А еще лучше соблюденіе департаментомъ казеннаго интереса. Теперь чугунъ можно имѣть по 48 коп., а если снимутъ остальную пошлину, то и по 43 к.! И что такое за снисхожденіе къ ошибкѣ частнаго лица, что берутъ у него товаръ *не нужный казны раньше двухъ лѣтъ?* Любопытно было бы знать поставленъ ли чугунъ дѣйствительно въ двойномъ количествѣ или это только двойная бухгалтерія морскаго департамента и не объясняетъ ли это дешевыя поставки?

— *Музыка Олафа.* — Намъ пишутъ изъ Ниццы: “Вы спрашиваете въ 73 и 74 л. Колокола правда ли, что въ Виллафранкѣ безчеловѣчно истязаютъ русскихъ матросовъ?”* Не знаю что дѣлалось и дѣлается въ разныхъ экипажахъ бывшихъ въ Виллафранкѣ, но имѣлъ случай видѣть что дѣлается на пароходѣ Олафъ, стоявшемъ здѣсь всю зиму. Меня удивила изорванная обувь матросовъ (и при томъ башмаки, а не сапоги). Я спрашивалъ матросовъ и узналъ отъ нихъ, что они *другой годъ* по выходѣ изъ Кронштадта ничего не получаютъ — ни жалованья, ни сапогъ, ни прочихъ слѣдующихъ имъ вещей. Самъ командиръ фрегата Олафъ имѣетъ 40 человѣкъ музыкантовъ; музыканты нынѣшней зимой и весной неоднократно играли у вдовствующей императрицы, и в. к. Николая Николаевича, за каждую игру получали по 200 франковъ, и также играли у постороннихъ лицъ гдѣ имъ тоже платили, такъ что въ цѣлую зиму они собрали франковъ по 40 на человѣка, выдали имъ *только* по 4 р. 50 к. на человѣка. Особенныхъ жалобъ на пищу и на побой я не слыжалъ.”

— *Законоучитель Полисадовъ и его мѣры распространенія Колокола.* — 21 Іюня (1 Іюля) въ 1 кадетскомъ корпусѣ происходила присяга нововыпущенныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ офицеровъ. При присягѣ, рассказываютъ петербургскіе журналы, законоучитель сиб. университета Полисадовъ произнесъ слово. Богокраснорѣчивый проповѣдникъ совѣтовалъ ревностное занятіе *чтеніемъ*. “Что же читать?” вопрошалъ онъ. “На это трудно отвѣтить” — благоотвѣтствовалъ овъ — “во легко сказать, чего читать не слѣдуетъ. Не слѣдуетъ читать тѣхъ запрещенныхъ сочиненій, которыя ходятъ тайкомъ и, какъ волки хищные, губятъ религію и государство.”

Послѣ этого мы обезпечены, каждый молодой офицеръ примется за хищныхъ волковъ.

— *Бергъ, магистры и телеграфъ.* — Въ Гельсингфорсѣ магистры кончившіе курсъ хотѣли дать балъ, какъ даютъ его всякій годъ. Бергъ, котораго тамъ не любятъ, не былъ приглашенъ. Онъ тотчасъ за телеграфъ и къ государю. Государь оставилъ Друзовъ и Маронитовъ, и тотчасъ за телеграфъ. Балъ былъ запрещенъ по высочайшему повелѣнію. Бергъ торжествуетъ и магистры тоже, потому, что городское общество дало имъ балъ. So stehen wir wie die Ochsen an Berge.

* Мы узнали даже имя почтеннаго офицера безпощадно съжущаго матросовъ. Имя его Кармъ Крузенштерпъ, имя корабля Гагудъ.

ГИБКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Посв. Михайль Ивановичу).

Я составилъ себѣ положеніе—
 Безъ связей, безъ протекцій, одинъ.
 У меня славный домъ и имѣніе,
 Ордена и почетнѣйшій чинъ.
 Оттого, что сгибаться почтительно
 Было дѣломъ святымъ для меня;
 Говорятъ: шею гнуть унижительно!
 Это все пустяки, болтовня;
 Это мелятъ философы новые,
 (Упаси и избави насъ Богъ!)
 Это все либералы суровые,
 Безъ чиповъ, кошелька и сапогъ.
 Я такимъ убѣжденьямъ не слѣдую,
 Не такая патура моя.
 Сыновьямъ я своимъ проповѣдую:
 Дѣти, гнитесь какъ гнулся и я.
 У меня былъ заступникъ сіятельный,
 Оттого онъ и силу мнѣ далъ,
 Что чиновникъ я смиренный, искательный,
 И ему какъ никто угождалъ.
 Разъ—помню—пришелъ я съ докладами;
 Передъ нимъ его младшая дочь
 На нее онъ сердитыми взглядами
 Смотритъ сумраченъ, грозенъ какъ ночь;
 Обернулся ко мнѣ и съ суровою
 Миною мнѣ онъ изволилъ сказать:
 “Что мнѣ дѣлать съ дѣвчонкой бѣдовою?
 Мнѣ не хочетъ руки цѣловать!
 Покажи ей примѣръ послушанія,
 Одолжи ты меня старика;
 Поцѣлуй для ея пазиданія.”
 Тутъ его протянулась рука.
 Въ тужь минуту, смиренно почтительно
 Побѣжалъ я, согнувшись дугой
 И губами своими чувствительно
 Приложился къ рукѣ дорогой.
 Помню также другой замѣчательный,
 Славный случай изъ жизни моей:
 Было лѣто: начальникъ сіятельный
 Жилъ въ то время на дачѣ своей.
 Въ виц-мундирѣ, навѣсивъ оглничя,
 Я являюсь къ нему, только вдругъ
 Говоритъ онъ: “Такія приличія
 Безполезны на дачѣ, мой другъ.
 Здѣсь не городъ, тебѣ позволительно
 Въ сюртукѣ здѣсь стоять предо мной.”
 Я ни слова; согнулся почтительно
 И изъ комнаты мигомъ домой;
 Спалъ тотчасъ я свои украшения,
 Взялъ сюртукъ у лакея его
 И исполненъ святаго смиренія,
 Передъ шефа предсталъ своего.
 Много, много услугъ я оказывалъ,
 Чтобы быть у него на виду:
 Для него я обѣды заказывалъ,
 Разчищалъ я дорожки въ саду,
 На лошаdkѣ сыночка прокачивалъ,
 У супруги болонокъ чесалъ,
 Въ магазны по счетамъ уплачивалъ
 И провизию въ домъ припасалъ.
 Но его одному мановенію,
 Голось сердца въ себѣ загая,
 Правыхъ я подвергалъ осужденію
 И виновныхъ оправдывалъ я.
 Чуть кого ваграждалъ онъ любовію,

Я того принимался любить;
 Никакому ни въ чемъ прекословію
 Не давалъ изъ себя выходить.
 Оттого я вознесся значительно,
 Оттого сила есть у меня;
 Говорятъ шею гнуть унижительно!
 Это все пустяки, болтовня.

— *О торговыхъ установленіяхъ.* Въ 11 Т. Свода Законовъ изд. 1857, предписывается руководствоваться по правиламъ изображеннымъ въ сочиненіи *Е. Мерина* подъ заглавіемъ: *Traité des assurances et Contrats à la Grosse* вышедшемъ въ Парижѣ въ двухъ частяхъ при Лудовикѣ XIV. Согласно съ предписанными въ той книгѣ правилами, русскій консулъ обязанъ разбирать и повѣрять расчеты и споры судовладельцевъ, шкиперовъ и экипажа въ торговомъ мореходствѣ; а также долженъ руководствоваться соображаясь съ правилами изложенными въ уставѣ мореходства изданномъ Лудовикомъ XIV въ 1681 году “*впредь до изданія устава Россійскаго мореходства*”?!!!

Вѣроятно за недосугомъ, уставъ русскійскаго мореходства съ 1681 года еще не успѣли составить по сіе время?

— *Львиный надѣлъ Орлова и освобожденіе земли отъ податей.*—Въ Самарскомъ удѣльномъ имѣніи отдано въ арендное содержаніе князю Орлову, по секретному высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 1835 году—52045 десятинъ земли, срокомъ на 48 лѣтъ, то есть по 1883 годъ, съ ежегодной платой по 470 руб. 84 коп. (!) Это меньше копѣйки за десятину.

Въ 1859 году была произведена переоцѣнка всѣхъ земельныхъ арендныхъ участковъ Самарскаго удѣльнаго имѣнія, но къ переоцѣнкѣ означенныхъ 52 т. десятинъ никто не смѣлъ приступить, потому что правильная оцѣнка могла бы показать ежегодные непомерные барыши его сіятельства и оскорбила бы его деликатность.

Да неужели все это не изъ тысячи и одной ночи!

— *Католическая пропаганда Назимова.*—Св. Митрофаній Воронежскій не даетъ спать генераль-губернатору Назимову, и это не гипербола. Онъ начинаетъ канонизировать святыхъ—только католическихъ. Онъ до того тѣснитъ полицейскими и всякими мерзкими средствами—униатъ, что доводитъ ихъ до геронзма, до мученичества, до того что католики ихъ должны считать святыми. Протопопъ Сухановъ и прочая духовная полиція помогаетъ ему.

Не хотите ли чтобъ мы рассказали исторію бывшую въ Ковенской губерніи *мѣсяцъ тому назадъ*?

— Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№. 137, Іюня 23) напечатано: “Государь императоръ объявляетъ монаршее благоволеніе начальникамъ губерній Рязанской и Самарской, за успѣшное поступленіе податей въ 1859 г. по вѣренными имъ губерніямъ.” Спрашивается: эти подати сверхъ оклада или въ границахъ оклада? Лишки тутъ спрятаны отъ публики (уже не въ слѣдствіе ли навѣтовъ *Колокола*?...), или ихъ на этотъ разъ нѣтъ. Можетъ быть лишки приказано брать исключительно съ базенныхъ крестьянъ, отъ этого и благодарность палатамъ государственныхъ имуществъ; а подати съ остальныхъ безъ лишковъ и за собраніе ихъ благодарятъ губернаторовъ? Какъ это доказываетъ, что правительство не надѣется на своихъ чиновниковъ; мало мальски кто исполнилъ свое дѣло—скорѣй его благодарить, потому что большей частію никто своего дѣла не дѣлаетъ; какъ-же не поблагодарить тѣхъ добродушныхъ, которые могутъ безнаказанно ничего не дѣлать, а дѣлаютъ! Но всего лучше—если слухи справедливы—что за сборъ податей сверхъ оклада досталась благодарность и такимъ палатамъ, гдѣ вмѣсто лишковъ есть огромная недоимка; такъ что на повѣрку лишки только въ министерскихъ докладахъ государю, а не на дѣлѣ, и правительство грабежемъ только хвастается, полагая что излишній поборъ съ народа составляетъ правительственную доблесть.

письмо

КЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТУ ЗИНОВЬЕВУ.

Милостивый Государь,

Николай Васильевичъ,

У васъ въ Тверскомъ имѣннѣ военная экзекуція, жандармскій штабъ-офицеръ Сименовскій уродуетъ стариковъ, вырываетъ бороды — а вы не допускаете къ себѣ мужиковъ жалующихся на мерзавца бурмистра Михайлова. Въ слѣдующемъ листѣ *Колокола* мы помѣстимъ всѣ подробности дѣла. Теперь обращаемся прямо къ вамъ, чтобы вы имѣли время спасти отъ окончательнаго раззоренія вашихъ крестьянъ.

Вспомните, что не слушая просьбу и не допуская до себя просящихъ, вы даете дурной урокъ наслѣднику. Призывая солдатъ и жандармовъ въ деревню совершенно ненужно, вы даете дурной примѣръ помѣщикамъ.

Авось вашъ дворецкій не перехватитъ *Колокола*.

Примите увѣреніе въ нашемъ искреннемъ желаніи помочь вашимъ крестьянамъ.

Издатели *Колокола*.

Лондонъ, 27 Іюля 1860.

— *Офицерское ерничество на Тверскомъ бульварѣ.* — “*Русскій Инвалидъ*” рассказываетъ, (разумѣется скрывая фамилию) рядъ грязныхъ, кабацкихъ, ухарски-ѣрническихъ продѣлокъ какихъ-то офицеровъ и другихъ молодцевъ, оставившихъ женщинъ и дѣвушекъ на Тверскомъ бульварѣ, цаловавшихъ незнакомыхъ изъ за пари и пр. Все это очень мило. По развѣ въ Москвѣ нѣтъ военнаго генералъ-губернатора, ни коменданта, ни оберъ-полицмейстера наконецъ. Неужели по бульвару идущему мимо оберъ-полицмейстерскаго дома—нельзя безопасно ходить? Прежде чѣмъ христіанъ отъ Друзовъ защищать, падо своихъ христіанокъ взять подъ защиту отъ опричины.

Такъ мы еще не дальше ушли—такъ еще теперь ваша жена, сестра, дочь можетъ быть оскорблена безнаказанно, если вы не принадлежите къ аристократіи, а ѣрникъ защищенъ эполетами, аксельбантами, дядями и тетками.

Почему нѣтъ имянъ милыхъ любезниковъ, почему правительство считаетъ себя обязаннымъ прикрывать собою всѣ нечистоты, прятать у себя за пазухой всѣ гадости. Скрывать значить принимать на себя долю вины, сочувствовать, — ни гѣни здраваго смысла!

Эти строки были у насъ написаны, когда мы получили письмо отъ неизвѣстнаго господина, сомнѣвающагося въ истинѣ происшествій, рассказанныхъ въ *Инвалидѣ*. Но сомнѣвается онъ на странномъ основаніи: “Неужели, говорить онъ, *возможно* предполагать, чтобы кто либо изъ гг. офицеровъ, когда либо могъ забыться до подобнаго бесчинства?”

Отчегоже это невозможно? Гдѣ, въ какомъ уголкѣ царства небеснаго или Россіи живетъ авторъ письма, что считаетъ это невозможнымъ. Ну а какже возможно или нѣтъ себѣ представить офицера, который въ публичномъ домѣ въ Москвѣ во время коронаціи зарѣзалъ кунца и *не былъ наказанъ за это*? Если мы не ошибаемся его фамилья князь Долгоруковъ. Или онъ никогда не слыхалъ о продѣлкахъ *de la bande joyeuse* конногвардѣйцевъ и другихъ офицеровъ у Борея? А какъ полицмейстеръ Огаревъ, сѣкъ кунца за то, что онъ написалъ любовную пидулку танцовщицѣ, за которой ухаживалъ? Вы мало знаете Россію и мало знаете

офицеровъ. Въ числѣ офицеровъ есть благороднѣйшая, прекраснѣйшая молодежь, на которую мы смотримъ какъ на одну изъ самыхъ лучшихъ надеждъ Россіи, это люди испытавшие себя въ Крыму и на Кавказѣ, развившіе въ себѣ человѣческія понятія вопреки николаевскихъ учебныхъ заведеній, люди энергіи и дѣятельности, люди правственнаго здоровья, спасшіеся отъ статской сломанности и безумныхъ нервъ—эти не пойдутъ на бульваръ ѣрничать.

Но есть и другаго рода офицеры, продолжающіе традицію безумнаго цесаревича, стрѣлявшаго для потѣхи дробью изъ окпа въ прачекъ; отдавшаго на поруганье французенку модистку, поклонившуюся на его предложенія, какимъ-то одичалымъ разбойникамъ своей свиты *убившимъ* ее.

Отправляясь отъ такой ложной мысли, что нѣтъ возможности чтобы были такіе офицеры,—корреспондентъ говоритъ: “неужели правительство не заступится,” за кого вы думаете? За несчастныхъ женщинъ, нѣтъ—“за обиженное званіе?” Помилуйте, да вы молитесь Богу, что правительство хоть во что пибудь не мѣшается. Требуйте отъ автора фамилій, нападайте на цензуру, что она не пропускаетъ именъ, но не зовите на помощь правительство. Своей помощью, оно самое чистое дѣло сдѣлаетъ подозрительнымъ. На статьи надобно отвѣчать не на гербовой, а на простой бумагѣ.

Въ заключеніе мы сами обращаемся только не къ правительству, а именно къ тѣмъ благороднымъ представителямъ военнаго званія, о которыхъ говорили. Это ихъ дѣло начать изгнавіе грубаго паглаго ухорства, всѣхъ этихъ казарменныхъ Алкивіадовъ и Дон-Жуановъ изъ экзерцир-гауза. И то ли время теперь, чтобы вообще дурачиться,—туча надъ головой, духота!

— *Отъ издателей.*—Господь приславшихъ намъ письмо о злоупотребленіяхъ дѣлавшихся во время ополченія, и другое письмо о управляющемъ Вержоловской таможеней, мы просимъ насъ извинить за то, что мы не напечатаемъ ихъ корреспонденцій. Время дружинъ и ополченій давно прошло, и теперь нѣтъ никакого интереса рассказывать мелочи,—вкусъ притупился, особенно послѣ того какъ публика знаетъ, что дѣлалъ оптомъ Лидерсъ, и что дѣлалъ гуртомъ Затлеръ, и какъ съ ними поступилъ Александръ Николаевичъ. Еще менѣе интересны для публики подробности таможенныхъ шашень, все это вѣдомство основано на нечѣпости и правительственномъ лихоимствѣ; ни въ таможеню, ни въ откупъ не поидеть челоуѣкъ служить изъ полнаго самоотверженія и таковой же преданности.*

Кстати, у насъ еще есть пять, шесть записокъ по дѣламъ *чисто гражданскимъ*. Общаго интереса въ нихъ нѣтъ. Мы вообще отказываемся печатать спорныя гражданскія дѣла, когда въ нихъ нѣтъ какихъ нибудь чудовищныхъ нечѣпостей или незаконій.

* Съ послѣднимъ письмомъ присланъ талеръ, для пересылки листа *Колокола*. Что намъ съ нимъ дѣлать? Мы всегда готовы послать на свой счетъ, это насъ меньше затрудняетъ, чѣмъ подобная присылка.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА вышли. Въ слѣдующемъ листѣ *Колокола* мы помѣстимъ Введеніе къ нимъ.

печатаются:

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II, Н. ОГАРЕВА.
ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ, кн. VIII.
ГРИБУЛЬ Ж. САНДА. Переводъ съ французскаго.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, N., London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

П Р И Б А В О Ч Н Ы Е Л И С Т Ы К Ъ П О Л Я Р Н О Й З В Ъ З Д Ъ

VIVOS VOCO!

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road., N.

ЛИСТЪ 79.

15 АВГУСТА 1860.

У Трюбнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ. — Записки П. В. Лопухина — Дѣло Зинovieвскихъ крестьянъ — По поводу долой розги — Становой приставъ Орловскій
и Ефрейторъ Добропасъ — PANINIANA — Распространеніе антропофагии въ Россіи — Покорнѣйше благодаримъ....

ЗАПИСКИ П. В. ЛОПУХИНА.

Всякое правдивое сказаніе, всякое живое слово, всякое современное свидѣтельство, относящееся къ нашей исторіи за послѣдніе сто лѣтъ, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинаетъ быть извѣстнымъ. Времена Татарскаго яга и Московскихъ царей, намъ несравненно знакомѣе царствованій Екатерины, Павла. Исторія императоровъ — канцелярская тайна, она была сведена на двоирамбъ побѣдъ и на риторику подобострастія.

Не думаемъ, чтобъ въ самой Австріи употреблялись когда либо такія многостороннія мѣры какъ у насъ, чтобъ скрывать и искажать историческія событія. Съ одной стороны правительство запрещаетъ печатать о такихъ пропешествіяхъ, о которыхъ зсѣ знаютъ, о которыхъ всѣ говорятъ — въ гостиницѣхъ и переднихъ, во дворцѣ и на рынкѣ.* Съ другой оно открыто лжетъ въ официальныхъ разсказахъ, и потомъ заставляетъ повторять свою ложь въ учебникахъ. Сначала ей никто не вѣритъ, но боясь преслѣдованій никто въ этомъ не признается; потомъ событія забываются, современники умираютъ и остается какое то смутное преданіе о томъ что правительство искажило фактъ.

Отсюда общая увѣренность, что правительство всегда говоритъ неправду и сомнѣніе въ возможности знать истину. Развѣ цѣлая Россія не была свидѣтельницей, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1812 года, правительство проклинали Французовъ за сожженіе Москвы, а потомъ тоже сожженіе стало ставить героизмомъ Русскихъ. Народъ само собою разумѣется не вѣритъ не только ни одной побѣдѣ, ни одной реляціи, но опъ не вѣритъ въ естественную смерть императора Александра, его жены, десаревича Константина, Дибича; о томъ какъ ограбился Николай составила цѣлая легенда.

Казалось что въ нашу эпоху ожиданій и упованій, можно было уповать и на то, что мы наконецъ узнаемъ исторію послѣдняго времени не по канцелярскимъ Тить-Лпвіямъ, а по документамъ, и дѣйствительно показались превосходныя монографіи, чрезвычайно интересныя письма, записки. Половина матеріаловъ присланныхъ намъ для нашего историческаго Сборника — явилась на свѣтъ въ Россіи. Словомъ

* Бенкендорфъ разсказывалъ Кюстину въ Петербургѣ подробности о революціи 1762 и о смерти Петра III.

сказать, дѣла и люди на столько усовершенлись, что Устряловъ, писавшій свою исторію Россіи по трафаретамъ министра Уварова и по мотивамъ Николая Павловича, сталъ издавать исторію Петра — по источникамъ. VI томъ его исторіи искугалъ; и былъ поводомъ къ одному изъ замѣчательно нелѣпыхъ циркуляровъ. Ценсорамъ не велѣли ничего пропускать *непохвальною* о лицахъ родственныхъ къ императорской фамилии и умершихъ послѣ кончины Петра I. Мы имѣемъ передъ собой выпущенныя мѣста изъ записокъ Енгельгардта, свидѣтельствующія, что оберъ-форъ-швейдеръ Мухановъ ловко внушилъ своимъ нидеръ-нахъ-швейдерамъ, какъ исполнять кастрированіе книгъ.

Чтобъ не отстать отъ внутренней, иностранная цензура запретила *Записки Сиверса*, книгу чрезвычайно полезную, и писанную въ совершенно умѣренномъ смыслѣ; таже участь постигла *Записки Толя*. Мы знаемъ что отъ этого не меньше экземпляровъ разойдутся въ Россіи, но тѣмъ хуже, зачѣмъ же они срамятъ себя, не думая что ихъ срамъ невольно отвѣчивается на всю Россію.

Нѣчего дѣлать, мы снова должны припяться за печатаніе въ Лондонѣ историческаго сборника. Документовъ, записокъ, писемъ, у насъ набралось довольно.

На первый случай мы издаемъ записки Лопухина.

Лопухинъ представляетъ явленіе рѣдкое. Тихій, честный, чистый, твердый и спокойный, онъ съ своимъ мистицизмомъ и мартинизмомъ, идетъ такъ непохоже, такъ противоположно, окружающему морю интригъ, исканій, раболѣпія, что это бросается въ глаза не только генераль-губернатору Брюсу, но даже самой Екатерины, которая велитъ сослать его покающагося товарища, а его не велитъ; Павлу, который вынесъ отъ него два раза возраженіе; Александру, благодарившему его за превосходную записку о Духоборцахъ. Совѣтникомъ московской уголовной палаты Лопухинъ начинаетъ свою карьеру тѣмъ, что склоняетъ суроваго генераль-губернатора по мѣрѣ возможности уменьшать число ударовъ кнутомъ, а черезъ двадцать лѣтъ съ энергіей отстаиваетъ сперва Духоборцевъ — сенаторомъ ревизующимъ Слободско-украинскую губернію, и убѣждаетъ государя остановить разбойничьи набѣги на нихъ хищной полиціи и хищныхъ поповъ; потомъ, возвратившись изъ Крыма, съ такой же ревностью

защищает Джаптемира-Мурзу и его товарищей татарь, которыхъ невинно хотѣли отодрать кнутомъ и послать въ каторжную работу. Своей горячностью въ этомъ дѣлѣ Лопухинъ заслужилъ *посмѣшки* сенаторовъ. “Еще вотъ что странно, говорятъ онъ, оправданіе мертваго Каласа читаютъ съ восторгами, а что свои безпокровные бѣдняки, живые сидѣли въ тюрьмахъ безвинно и пытаны, это дѣло кажется очепь не важнымъ; и дѣлается по немъ что нибудь развѣ, потому, что уже пельзя иначе, или когда вѣтъ никакой поддержки тѣмъ, которые тѣснили и пытали! Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Франція—а здѣсь Джантемиръ-Мурза, поселяне Мухинъ съ Гласовымъ и Русская Таврида?” (Стр. 163).

Во всей жизни И. В. Лопухина удивительное единство, онъ нигдѣ не измѣняетъ своего нравственнаго склада. Молодымъ совѣтникомъ, онъ возстаетъ противъ дикаго гоненія нищихъ Прозоровскимъ и говоритъ по этому поводу:

“Кстати о милостынѣ. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствують. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

“Правительству конечно нужно и должно стараться чтобы нищія не шатались по улицамъ и по дорогамъ, однако такими средствами устройства, чтобъ, во первыхъ, не было ихъ, если то можно, и наковецъ, чтобъ ихъ переводя, не дѣлать въ двое несчастныхъ, т. е. чтобъ лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и при томъ еще съ притѣсненіемъ.

“Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи, какая можетъ быть въ томъ ошибка? Что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной проплетъ? А ежели отъ дѣланнаго по сему отказа, иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки, или больше терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе, или замараешь душу свою ропотомъ на судьбу; то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія.

“И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкоторою досадою потому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему, и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря себѣ въ мысляхъ: Что! Развѣ ты самъ не проступалъ никогда предѣловъ трезвости, и развѣ бѣдному, и подлинно крайнюю нужду имѣющему, не можетъ случиться лишнее выпить.

“Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостынѣ никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ, всегда была страсть моя. Будучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались, и любовался его о томъ радостью.”

Старикомъ сенаторомъ онъ отвѣчаетъ своимъ товарищамъ, говорившимъ ему *часто* по поводу голосовъ которые онъ подавалъ: “Вѣдь не будетъ же по твоему.”—“Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того что многіе грабятъ и рѣжутъ?”

Странно встрѣтить, при столько хорошемъ развитіи и гуманномъ, закосиѣое упорство Лопухина въ поддержаніи

помѣщичьей власти. Онъ не имѣлъ права на этотъ предразсудокъ въ началѣ царствованія Александра и тутъ онъ невольно противурѣчить самъ себѣ, и отъ этого впадаетъ въ фразы. Онъ пишетъ на пр. къ императору, что стыдится слова холопъ, что желалъ бы, чтобъ всѣ Русскіе были свободны, и съ тѣмъ вмѣстѣ говоритъ, что вторженіе непріятеля было бы менѣе гибельно, чѣмъ ограниченіе помѣщичьей власти.*

Распространяться о запискахъ Лопухина нечего, книга у читателя въ рукахъ; но въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на одинъ вопросъ: откуда у Лопухина—это единство, этотъ сознательный, вѣрный себѣ шагъ по дорогѣ однажды имъ избранной? Его странно видѣть среди хаоса случайныхъ, безцѣльныхъ существованій его окружавшихъ; *онъ идетъ куда-то*—а возлѣ, рядомъ цѣлыя поколѣнія живутъ ошунью, въ просонкахъ, составленная изъ согласныхъ буквъ ждущихъ звука, который опредѣлитъ ихъ смыслъ; изъ людей слабыхъ, безъ отпора, людей азартныхъ, въ томъ смыслѣ въ которомъ такъ называютъ безкозырныя игры, въ ихъ жизни есть внѣшняя необходимость, связь оглавленія, табель о рангахъ и послужной списокъ, но единства высшаго порядка, связующей мысли, общаго стремленія—никакого.

Изъ пѣнящагося броженія *столбовыхъ* атомовъ, тянущихся разными кривыми линиями и завитками къ трону и власти, Лопухинъ былъ выхваченъ своею встрѣчей съ Новиковымъ, своимъ вступленіемъ въ Мартинисты. Ими, пустое броженіе, покорное стихійнымъ силамъ, старалось вынырнуть, схватить въ свои руки свою судьбу. Удачно - ли или нѣтъ—все равно. Присутствіе стремленія и силы было неотразимо. Между Мартинистами была человѣческая связь, опора, круговая порука, обмѣнъ силъ, и какъ бы они мистически ни понимали и какими бы іероглифами ни замѣняли ее, они стояли гораздо выше шаткой и безцѣльной толпы *образованныхъ* Русскихъ. Они жили задней мыслью, у нихъ было сознаніе совокупнаго труда. Членъ союза, членъ тайнаго общества, чувствуетъ себя не одинокимъ сиротой, а живую часть живаго организма.

И вотъ откуда нравственная сила Лопухина.

И—рѣ.

ДѢЛО ЗИНОВЬЕВСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Села Никольское и Мохнецы, деревни Ильинское-Денисово, Погорѣлица и др. всего болѣе полуторы тысячи душъ, верстахъ въ 40-50 отъ Твери, между Тверью и Бѣжецкимъ, помѣсть генераль-адъютанта Зиновьева. Все имѣніе оброчное и до настоящаго времени управлялось бурмистрами избравшимися отъ міра съ согласія барина, какъ ужъ заведено споконъ вѣка; говорятъ крестьяне не бѣдны, все корелы, главное занятіе земледѣліе, извѣстны въ околдкѣ какъ народъ работающій и трезвый.

Вотъ что намъ рассказывалъ народъ 27 Мая, на канунѣ прихода войска.

Что это у васъ дѣлается? “Да вотъ бурмистръ нашъ Михайло Михайловъ захопоталъ, міръ не хочетъ его бурмистромъ имѣть, а онъ нейдетъ! Весь судъ навезъ до полсотни сотскихъ, десятскихъ нагналъ, хлопочетъ себѣ да и хлопочетъ;

* Какъ въ немъ боролся помѣщикъ—съ человѣкомъ и мистикомъ—ясно видно въ случаѣ, который онъ рассказываетъ въ первой части записокъ. Во время говѣнія онъ разобралъ и разобидѣлъ своего камердинера, и вдругъ опомнившись бросился къ нему въ ноги и сталъ просить прощенія.

въ конецъ говорить раззорю, баринъ мнѣ полную волю далъ, одинъ навозъ останется. И все за что осерчалъ—за чѣмъ барину на него жаловались, мірскіе деньги усчитать хотѣли и другаго бурмистра утвердить просили.”

За что же вы недовольны на него? “За что—такъ сразу сказать трудно, за все недовольны; вѣдь какъ міромъ то его выбирали седьмой годъ тому пошелъ, честію обѣщался служить міру, и сначала дѣйствительно дѣла по добру велъ и міръ почиталъ, а тутъ какъ нѣскольکو разовъ съ ѣздилъ въ Питеръ, тамъ съ дворецкимъ что у барина—въ большую дружбу вошелъ, ну и зазнался крѣпко, міръ ни во что сталъ ставить, вишь у барина то у него сила большая чрезъ дворецкаго то, барина и опуталъ; случалось и наказывалъ крѣпко, безъ разбору и безъ дѣла, все больше изъ гордости, надлежащей вишь учтивости ему не оказываютъ, и міръ давно на него крѣпко недоволенъ, а вотъ тутъ послѣ Святой, у него исторія съ Земскимъ приключилась, поссорились за какую то квитанцію рекрутскую, Земскій то и сталъ доказывать, что вотъ такіе то и такіе то деньги мірскіе бурмистръ замоталъ; мы усчитать хотѣли и послали отъ себя къ барину четверыхъ довѣренныхъ отъ міра и Земскаго съ ними, суда просить и другаго бурмистра утвердить. Наши въ Питеръ, и Михайловъ въ Питеръ. Что ужъ тамъ бурмистръ съ дворецкимъ барину наговорили—не знаемъ, только баринъ нашихъ и слушать не хотѣлъ, и двухъ изъ нашихъ посланныхъ, что помоложе были, и Земскаго тожъ, въ казенные работы отдалъ, а остальныхъ двухъ старичковъ домой вернулъ ни съ чѣмъ. Вернулся и Михайловъ изъ Питера, круче прежняго сталъ. Теперь я, говоритъ, на всей моей волѣ; прежде выбраннымъ отъ міра былъ, а теперь на барской волѣ; кто противъ меня—всѣхъ въ работу отдамъ. Намъ и не въ терпежъ стало, да и молодцевъ то жалъ, что на работу баринъ напрасно отдалъ; оно разумѣется воля барская, какъ прикажетъ, такъ и будетъ, всѣхъ велить въ работу и всѣ пойдемъ,—а все таки молодцевъ то больно жалъ, вѣдь они не отъ себя ходили, а отъ міра; міръ ихъ посылалъ, нельзя же имъ было міра послушаться, и если ужъ есть чья вина, такъ мірская, а не ихъ. Вотъ и послали мы семнадцать человекъ выборныхъ, самыхъ лучшихъ людей, просить барина молодцевъ тѣхъ освободить, что они молъ ни въ чемъ не виноваты, а только волю мірскую исполняли, да наказали имъ просить барина—бурмистра намъ другаго утвердить, что молъ міръ не хочетъ Михайлова бурмистромъ имѣть, что онъ и тѣмъ и другимъ міръ обижаетъ, и если его превосходительству угодно, міръ готовъ простить Михайлову деньги мірскіе, что замоталъ, и его болѣе не учитывать, только была бы его барская воля—на прежнемъ насъ оставить своего бурмистра отъ міра имѣть, а съ Михайловымъ намъ не житье.”

“Наши въ Питеръ, за ними и Михайловъ въ Питеръ. Какъ ни бились ваши, а до барина не добились, такъ и пріѣхали назадъ ни съ чѣмъ и барина не видали; дворецкій то вишь друзья съ Михайловымъ, ну и не допустилъ до барина. Что тутъ дѣлать! Думали, думали, да и придумали—собрали барину оброку, хоть срокъ то и не подошелъ еще, денегъ не ставало, такъ и попризанили у сосѣднихъ мужичковъ, что за Голицынымъ стоятъ и отправили оброкъ къ барину мимо Михайлова съ пятью выборными отъ міра, и наказали имъ слезно просить барина развязать насъ съ Михайловымъ, что мы де ничего не хотимъ за всѣ его дѣла, а только просимъ не быть ему

бурмистромъ и утвердить намъ бурмистра отъ міра. Баринъ самъ принялъ оброкъ, благодарилъ, квитанцію выдалъ, насъ съ Михайловымъ развязать обѣщавъ, въ обиду молъ васъ никому не дамъ. Мы и ждали какое будетъ барское рѣшеніе, а тутъ вдругъ вотъ что приключилось: наѣхалъ исправникъ, нагнали сотскихъ, собрали насъ на сходку: такіе вы молъ да сякіе, какъ вы смѣете бурмистра не слушаться, барской воли не исполнять! Такъ то да и такъ то васъ надо, туда то да и туда то васъ надо посылать. Міръ отвѣчалъ, что напрасно на него такая обида; разсуди насъ, мы отъ барина и барской его воли никогда непрочъ, барскую волю исполняемъ и противъ его бурмистра ни въ чемъ не виновны, а просимъ только барина и просимъ жить, какъ отцы наши жили, утвердить намъ бурмистра отъ міра, а Михайлова имѣть бурмистромъ міръ не желаетъ и намъ съ нимъ не житье, и баринъ намъ обѣщавъ развязать насъ съ Михайловымъ и въ обиду не дать. Одного изъ нашихъ, что отъ міра отвѣчалъ исправнику, велѣлъ было исправникъ въ судъ взять, такъ міръ сказалъ ему—за что хочешь его въ судъ брать? Если есть вина въ томъ, что бурмистра переимѣнить желаемъ, такъ въ этомъ не онъ, а весь міръ виноватъ, и міръ готовъ хоть къ самому царю въ отвѣтъ идти. На томъ и кончилось и въ судъ никого не взяли, царя видно испужались. Дѣло то, между собой думаемъ не ладно; за что бы барину на насъ судъ посылать? все это Михайловъ мутитъ, земскіе то ему съ руки, вотъ и порѣшили тутъ же опять просить барина другаго намъ бурмистра утвердить отъ міра, хоть Константинова, что 20 лѣтъ церковнымъ старостой былъ и ждатель его барскаго рѣшенія.”

За чѣмъ же исправникъ здѣсь, вѣрно вы не слушались, буянили?

“Какъ передъ Богомъ ничего такого не было, ни буйства, ни пьянства не было, всѣхъ окольныхъ спросите, ни предъ начальствомъ, ни противъ Михайлова ни въ чемъ не повинны, а только другаго бурмистра отъ міра имѣть пожелали.”

Что же здѣсь исправникъ дѣлаетъ? Сотскій? “Да что дѣлаютъ, ничего не дѣлаютъ, наказывать или обижать, такъ никого не наказывали и не обижали, а такъ себѣ вотъ другую недѣлю объѣдаютъ да опиваютъ, кормящій* не заплачется, надо будетъ ему отъ міра помочь. Земскіе то вѣдь ради раде-хоньки, что такой имъ случай выпалъ, ихъ не скоро теперь выживешь; а бурмистру то это и съ руки—ужъ какъ отъ міру то отсталъ, такъ что ему до міру, хоть въ конецъ раззоряй. Мы бы и отъ себя не прочъ земскихъ то, ублаготворить, только бы оставили насъ въ покоѣ; да какъ уладить это? съ міру то имъ взять огласно больно, высшаго начальства боятся, наровятъ все какъ бы въ тихомолку, вотъ съ бурмистромъ то имъ и ладно дѣло имѣть, живутъ себѣ, да и живутъ, вотъ ужъ другая недѣля, что однихъ куръ да барановъ переѣли! то и знаютъ что въ Бѣжецкѣ за винами да разными сластями посылаютъ, а до города то не близко болѣе 80^{ти} верстъ будетъ; хоть бы въ Тверь посылали, тутъ ближе верстъ 40 всего, да вишь тамъ уѣздъ другой, тамъ свои земскіе есть. Пора рабочая, другую очередь ужъ подводъ обходятъ съ вотчины то, а вотчина вѣдь не малая.... Въ конецъ насъ раззоритъ Михайло Михайловъ! А честію служить обѣщавъ, когда міромъ его выбирали, да вотъ и наслужилъ! Слышно за солдатами

* Кормящій крестьянинъ села Никольскаго, обязавшійся, за плату отъ міра, кормить и поить всевозможные чины, приѣзжающіе въ помѣстье по какому бы то ни было дѣлу.

послали, а сегодня за ночь жандармской полковникъ изъ Твери пріѣхалъ. Что то будетъ, что то будетъ! Кабы баринъ надѣхалъ—одна надѣжа. Что то будетъ, что то будетъ?”

Ну а какъ баринъ вашъ?

“Грѣхъ жаловаться житье не дурное было; оброкъ не великъ по сравненію какъ у прочихъ бываетъ, и земли противъ прочихъ не меньше. Всѣ повинности и оброкъ барину отправляемъ исправно. Недоимокъ нѣтъ и не помнимъ бывали ли когда, долгъ свой всегда исполняли аккуратно. Начальство насъ не обидало, свое было, бурмистровъ и земскихъ завсегда сами ставили. А отъ господъ нашихъ, надо правду говорить, обидъ никакихъ не имѣли никогда, какъ себя помнимъ; соберемъ оброкъ да и отправимъ съ бурмистромъ въ Питеръ, да и все тутъ. Господъ то считай что и не видывали никогда, теперешній то нашъ законный содержатель Николай Васильевичъ Зиновьевъ, что—слыхали чай—изъ первыхъ генераловъ въ Питерѣ, у царя завсегда свой домашній, только разъ пріѣзжалъ какъ то, дня не побылъ.... давно уже тому, лѣтъ шесть будетъ, когда имѣніе это изволили получить въ наслѣдство отъ своего дяди; съ тѣхъ поръ ихъ и не видывали, и отъ нихъ обидъ никакихъ не имѣли, баринъ добрый кажись, грѣхъ жаловаться, откуда бы кажись и злу взяться, да вотъ чортъ съ Михайловымъ попуталъ, не знаемъ что и будетъ!”

Мы объѣхали всѣ селенія, въ каждомъ останавливались, спрашивали и передаемъ слышанное съ буквальною точностію. Хотя большая часть жителей была дома, не смотря на рабочую пору, насъ поразила необыкновенная тишина и мертвенность во всѣхъ селеніяхъ, даже обыкновеннаго сельскаго движенія не было замѣтно, малыя дѣти и тѣ смирно сидѣли по угламъ. Народъ былъ въ тревожномъ ожиданіи. Что то будетъ! что то будетъ! Говорятъ за войскомъ послали! Чѣмъ провинились мы! Кабы баринъ подѣхалъ! Многіе не вѣрили, что войско къ нимъ идетъ, утверждали, что оно идетъ мимо въ Тверь.

Негодование противъ бурмистра общее, три или четыре семьи состоящіе съ нимъ въ родствѣ, держатъ его сторону, остальные всѣ жители противъ него.

Посторонніе люди и окольные крестьяне единогласно подтверждали, что какъ до пріѣзда исправника такъ и послѣ, ни буйства, ни пьянства, никакого малѣйшаго беспорядка, или безчинства какого не было; всѣ горячо сочувствуютъ крестьянамъ, за что на нихъ такая напасть! Михайловъ ихъ заѣсть совсѣмъ! Грѣхъ барину такъ въ обиду своихъ мужиковъ давать.

Исправникъ пріѣхалъ въ село Никольское; по предписанію губернатора, привести крестьянъ въ повинование бурмистру Михайлову, а губернаторъ графъ Барановъ далъ это предписание вслѣдствіе телеграфической депеши отъ генералъ-адъютанта Зиновьева: “Прошу привести моихъ крестьянъ въ повинование бурмистру Михайлову и принять къ себѣ бурмистра для объясненія”. Это частный слухъ, сами же жители, какъ мы удостовѣрились, рѣшительно не знаютъ, по какому случаю и по чьему приглашенію пріѣхалъ исправникъ; они говорятъ Михайловъ нагналъ, земскіе то ему съ руки.

Что именно подало поводъ къ депешѣ г. Зиновьева къ губернатору—неизвѣстно.

Въ другой разъ мы объѣхали всѣ селенія 4 Іюня, по прежнему вездѣ тишина мертвая; три эскадрона уланскаго полка

стояло по квартирамъ въ селахъ Никольскомъ и Мохнецахъ, въ другихъ селеніяхъ солдатъ не было. Ни одинъ изъ жителей не жаловался ни на солдатъ, ни на офицеровъ,—стоятъ смирно благодаря Бога, обидъ пока никакихъ не видѣли. Солдаты расставлены на довольствіе не болѣе трехъ на избу.

“Какую вѣдь обиду то батюшка, на насъ взвели, солдаты то пришли да и рассказываютъ: а намъ сказали, что вы ужъ топоры, на новыя топорща понасажали. Вотъ какъ Михайловъ съ земскими то мутятъ! Сами служивые не надивятся: да за чѣмъ же насъ привели? За что на васъ напасть такая?”

“Пріѣзжалъ сказываютъ, изъ Питера племянникъ что ли то барина, Богъ ихъ знаетъ; говорятъ тутъ нашимъ—будьте покойны, васъ не обидятъ, слушайте начальство, общалъ барину отъ насъ за мѣръ говорить,—часа два побылъ, какъ прилетѣлъ такъ и улетѣлъ ни съ чѣмъ; видно не ему не хорошо, а на чужое горе не наплачешся.

“Жандармскій подписку собираетъ. Сначала священниковъ уговаривать народъ посылалъ, чтобы повиновались. Все вѣдь обиды на насъ, видитъ Богъ обиды! Въ чемъ же наше не повиновеніе то было! Нѣтъ чтобы разсудить, а то все бурмистра руку держатъ. Сталъ жандармскій собирать на подписку человекъ по пяти, по десяти. Сперва съ деревни Ильинской человекъ до десяти потребовали, подписывайте говорить, вотъ бумага, что Михайлова бурмистромъ держать будете и ему будете повиноваться и къ первому обратился къ Трофиму, что съ Ильинскаго, старикъ уже старый за 60 годовъ будетъ; тотъ ему въ отвѣтъ: Мы завсегда кажись повиновались и начальство почитали, а держать ли Михайлова бурмистромъ, это какъ мѣръ порѣшить. Я отъ міра не прочь. Съ этимъ словомъ жандармскій какъ осерчаетъ, и кулаками то билъ и ногами то топталъ, и солдатами потомъ сѣкъ. Замертво вынесли Трофима. Священникъ причащалъ, того и гляди что на тотъ свѣтъ пойдетъ. Потомъ другому Алексѣю Гордѣеву говорить подписывай, а тотъ въ отвѣтъ: изволь ваше высокоблагородіе подпишемъ, какъ твоя воля будетъ, мы надѣмся на тебя, не введешь ты насъ въ обиду, только дай намъ грамоту, что подписывать надо; у насъ есть грамотные люди, а самъ то я не грамотный. Мы вотъ прочтемъ да и подпишемъ, если намъ обидно не будетъ. Тутъ жандармскій ну Гордѣева бить, а Гордѣевъ на колѣни, батюшка помилуй, за что истязуешь? А онъ его коленкой то въ лицо, да все въ лицо наровить, а потомъ за бороду таскать зачалъ, такъ вся борода и осталась у него въ рукахъ; крѣпко взвылъ Гордѣевъ, больно онъ билъ его. Многихъ онъ истязалъ такъ. Что же думаемъ, если ужъ такое истязаніе пошло, подпишемъ, что тамъ ни есть—ну и подписали”.

— Что же вы подписали?

“А почему мы знаемъ? Грамоту земскіе писали, а они добра не напишутъ, а изъ нашихъ то никто не читалъ; сказываютъ будто, чтобы Михайлова бурмистромъ держали. Видно уже теперь дѣло не барское, не Зиновское, а Михайловское пошло; начальство его руку держитъ, кабы баринъ былъ, не быть бы такой неправдѣ, баринъ разсудилъ бы насъ, не промѣнялъ бы весь мѣръ на Михайлова; бурмистръ намъ нуженъ, а не барину, и барину не за что быть недоволену на насъ; мы и ему и отцамъ его всегда хорошо служили, и долгъ нашъ по чести исполняли. За что же онъ насъ покинулъ! Человекъ то кажись добрый и къ царю

близкій, а дѣло то не ладное сдѣлалъ, грѣхъ ему такъ насъ покидать! И мы и отцы и дѣды наши трудами нашими кормили и его и отцевъ его, а онъ насъ волкамъ отдалъ. Да простить его Богъ! Того и гляди, что народъ до грѣха какого доведутъ. Прости Господи!”

Молодые, рассказывая, блѣднѣли и дрожали отъ негодованія, старики плакали. Вотъ путь, подумали мы, какимъ бездушная и ничего не понимающая бюрократія, можетъ самыхъ лучшихъ людей земли русской довести до преступленія.

Мы лично видѣли старика Трофима. Это было уже на третій день послѣ потерпѣнныхъ имъ побоевъ отъ жандармскаго штабъ-офицера; онъ лежалъ на постели, на лицѣ синія пятна, вся голова избита, вся поясница темномалиновая съ черными рубцами; онъ говоритъ съ трудомъ, могли только разобрать: Охъ! батюшки, животъ перерѣзали. Священникъ причащалъ его. Нѣтъ словъ выразить, какіе чувства волнуютъ его семью.

Одна женщина принесла намъ бороду своего мужа, вырванную по ея словамъ собственноручно жандармскимъ штабъ-офицеромъ. Борода эта у насъ—не послать ли ея г. Зиновьеву?

Фамилія жандармскаго штабъ-офицера Симоновскій. Въ третій разъ проѣзжали мы по селеніямъ третьяго дня, 7 Іюня, и жандармскій и земскіе и эскадроны всѣ на мѣстѣ. Заѣзжали къ Трофиму, ему нѣсколько лучше.

Во всѣхъ селеніяхъ тишина по прежнему.

Въ селѣ Никольскомъ въ трехъ избахъ заколочены окна наглухо. На улицѣ часовые, тамъ сидятъ, какъ сказывалъ народъ, наши выборные, что въ Питеръ ходили, человѣкъ двадцать.

“Подписались всѣ, сдѣлали все что хотѣли отъ насъ, чего же еще хотятъ? Чего они живутъ тутъ? За что нашихъ выбранныхъ, что въ Питеръ ходили, подъ арестомъ держать? Что дѣлать съ ними будутъ? Они ни въ чемъ невинны, ихъ вина мірская вина, они мірскую волю исполняли. Когда міръ посылалъ ихъ, нѣкоторые говорили: не осерчалъ бы баринъ на насъ? Міръ обнадеживалъ ихъ: за что барину на васъ? вы волю мірскую исполняете; а если что—то міръ въ отвѣтъ за васъ пойдетъ. Грѣхъ намъ нашихъ выборныхъ оставить! Не оставимъ мы ихъ! Къ царю пойдемъ, царя просить будемъ: обижаютъ насъ, міръ обижаютъ, житья нѣтъ,—невиноваты выборные, не житье намъ съ Михайловымъ, баринъ бросилъ насъ. Такъ и царю скажемъ: что барское, то барское, что мірское то мірское; оброкъ барину нуженъ, мы и платимъ оброкъ; а бурмистръ міру нуженъ, мы посадили, мы и ссадили, не хотимъ мы Михайлова!”

Насъ поразила бесплодность всѣхъ усилій бюрократіи, всѣ ея возмутительныя насилія ничего не сдѣлали и только раздражали народъ, и смотря на этихъ честныхъ и трудолюбивыхъ людей, мы невольно спрашивали самихъ себя: да что же наконецъ изъ всего этого будетъ?

Мы передаемъ съ буквальною точностію, что видѣли, что слышали на мѣстѣ; удерживаемся отъ сужденій; трудно, вѣроятно очевидно, подъ вліяніемъ столь потрясающихъ впечатлѣній, сохранить хладнокровное беспристрастіе.

Но какъ же не бросить слово похвалы, великому администратору графу Баранову? какъ не подивиться распорядительности жандармскаго штабъ-офицера Симоновскаго? Какъ не воздать должной чести помѣщику-бюрократу Зиновьеву?

ПО ПОВОДУ РОЗГИ ДОЛОЙ!

(Письмо къ издателямъ).

Прочиталъ я въ 75 Но. *Колокола*, статью подъ заглавіемъ “розги долой!” и предложеніе составить: “союзъ воздержанія отъ тѣлесныхъ наказаній.” Прочиталъ, и меня взяло раздумье, все прошлое представилось мнѣ въ живой картинѣ и стало грустно. Я подумалъ, можетъ ли быть что либо умѣреннѣе вашихъ желаній; вы просите своихъ соотечественниковъ, повоздержаться отъ битья себѣ подобныхъ существъ. И что же—я увѣренъ, что это предложеніе, за исключеніемъ незамѣтнаго меньшинства людей избранныхъ, будетъ встрѣчено съ улыбкою, если не съ насмѣшкой; да, я увѣренъ въ этомъ, даже вижу этому доказательства вокругъ себя.

Какъ! не сѣчь человѣка!—да это невозможно въ Россіи, тамъ всякій проникнуть желаніемъ добраться съ розгою до спины своего ближняго, это сдѣлалось одинацатой заповѣдью, строже всѣхъ соблюдаемой. Въ государствѣ, гдѣ всѣ отъ мала до велика проникнуты страстію быть отцемъ кого либо и печься о ближнихъ своихъ, такая отеческая вещь какъ розга не можетъ быть скоро уничтожена. Помѣщикъ хочетъ быть отцемъ своихъ крестьянъ, послѣдніе такъ и звали его когда то; исправникъ желаетъ быть отцемъ уѣзда; городничій—отцемъ города; губернаторъ—отцемъ благодѣтелемъ губерніи и наконецъ царь—отцемъ всѣхъ любезныхъ подданныхъ, и вы думаете серьезно, что легко при такихъ отеческихъ наклонностяхъ цѣлой страны, разстаться съ орудіемъ, которое олицетворяетъ, идеалъ отеческой попечительности? Я не думаю такъ, и примѣры прошлаго и настоящаго, тѣснятся въ памяти моей и удостовѣряютъ меня, что страсть бить человѣка, вошла въ русскую кровь.

Не будемъ ходить далеко въ прошлое столѣтіе и дѣлать перечень всѣмъ звѣрствамъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ событій; я постараюсь только вспомнить нѣкоторыя событія, которыя удостовѣряютъ, что бить человѣка, для Русскаго, также необходимо, какъ ѣсть, пить и прочее. Вотъ вамъ одинъ примѣръ изъ тысячи, который какъ бы просится на бумагу и достовѣрность котораго, какъ и всѣхъ остальныхъ несомнѣнна и передана устами очевидцевъ. Императоръ Александръ I, мягкосердый, воспитанный философами XVIII столѣтія, какъ-то ѣхалъ съ княземъ Волконскимъ на катерѣ, помнится въ Стрѣльну. Катеръ подходитъ къ берегу, но не можетъ пристать вплотъ, а воды остается еще по колѣно. Александръ садится на плечи двухъ матросовъ, заслуженныхъ ветерановъ, выслужившихъ почти срокъ службы своей и черезъ это удостоенныхъ чести, быть гребцами его величества. Императоръ перенесенъ на берегъ; наступаетъ очередь кн. Волконскаго, который садится въ свою очередь, на плечи матросовъ; е. в. хочетъ пошутить съ своимъ другомъ, онъ кричитъ: “бросайте его въ воду,” матросы колеблются бросить генерала въ звѣздахъ, а тотъ еще шепчетъ имъ на ухо: “государь шутитъ, не слушайте, я дамъ 25 рублей.” Царь повторяетъ приказаніе, а матросы не зная кого слушать,

* Мы прочли это письмо съ чувствомъ глубокой горести и стыда за прошлыя поколѣнія. Взглядъ автора слишкомъ черенъ, мы не разделяемъ его. Не одни “мертвые быстро ходятъ”—а и народы проснувшіеся. Мы можетъ совѣмъ не помѣстили бы этой статьи, по ярости съ которой защитники розогъ, смѣло и открыто проповѣдуютъ теперь тѣлесныя наказанія безъ суда, заставляютъ насъ впечатать страшныя подробности, рассказанныя авторомъ. Мы посвящаемъ ихъ ревнителямъ и споспѣшествователямъ розогъ, палокъ, колодокъ и пр.—ред.

выносить кн. Волконскаго на берегъ; царь разсерженъ и велитъ дать имъ по 100 линьковъ (500 розогъ), бѣдныхъ матросовъ сѣкутъ, спарываютъ нашивки долой и эти несчастные, должны опять начинать службу вновь, а скряга кн. Волконскій даже и обѣщанныхъ 25 рублей не далъ. Какъ вамъ нравится этотъ случай? Вѣдь Александръ не былъ злой человѣкъ; но бить людей въ Россіи, ни почему, вотъ и онъ, не смотря на все то, что слышалъ въ юности отъ философовъ, идетъ тою же колеей, какъ и все окружающее его.

Не будемъ вспоминать, о проказахъ въ этомъ родѣ, покойнаго Николая; кому не извѣстно, какъ бывши еще великимъ княземъ, ѣздилъ онъ ночью по казармамъ и ловилъ солдатъ пьяныхъ, или съ женщинами и горе было провинившимся; многимъ изъ насъ стариковъ, случалось видѣть солдатъ, съ надорванными собственною его рукой ушами, кажется въ утрированное подражаніе Наполеону I, котораго память, покойный всегда чтить.

На дняхъ, я имѣлъ разговоръ, съ однимъ старымъ, отставнымъ лейбъ-гусаромъ. “Ну что! какъ теперь у васъ, строго обращаются въ полку?” спрашиваю я. “Какое строго, сѣкутъ да не то, что бывало прежде; вотъ хотъ бы взять прежняго полковаго командира Левашева, ну тотъ бывало вздуеть, такъ только, ай люли!”—“Что, не бось штукъ сто влѣпнуть,” спрашивалъ я, чтобъ раззадорить старика.

“Сто! что вы в. б.? бывало всякій день послѣ ученія господа офицеры бывають у Левашева, играетъ музыка и идетъ попойка, а потомъ какъ подопьютъ, полковой то командиръ Левашевъ и кричитъ: “а пошлите-ка вахмистра!” приходитъ вахмистръ. “Ну любезный, велика послать ко мнѣ Семенова, Петрова, Федотова и такъ даѣе, человѣкъ 10, или 15, да розогъ поболѣе, нужно ихъ поучить.” Вотъ и ведутъ нѣсколько солдатъ, кладутъ и сѣкутъ разомъ, а музыка играетъ, а господа пьютъ, а ихъ все сѣкутъ да сѣкутъ, да такъ, что отъ затылка до пятокъ и одѣнуть въ живую *красную рубашечку* (солдатская поговорка); влѣпять штукъ 1000, 1500 иногда и болѣе, однимъ словомъ сколько Богъ на душу положить. А солдаты горемыки, уже и не пикнуть, наконецъ такъ всѣхъ безъ памяти и снесутъ въ казармы, а господа все пьютъ, да поютъ, а музыка знай себѣ все играетъ. Вотъ, черезъ какихъ нибудь полчаса приходитъ вахмистръ и говоритъ Левашеву: “в. всб., Федотъ то Семеновъ плохъ, все безъ памяти лежитъ.” “Въ самомъ дѣлѣ? ну, дайте ка мнѣ его сюда, я его воскрешу.” Приносятъ несчастнаго, тотъ и не шелохнется, Левашевъ приказываетъ лить на него холодную воду и тереть соленой водой; отъ этого новаго истязанія дѣйствительно солдатъ оживаетъ, даютъ еще нѣсколько ударовъ розгами и относятъ окончательно въ госпиталь и въ случаѣ если природа солдата не вынесетъ истязаній, то солдатъ умираетъ и выводится въ расходъ, какъ гнилая, отжившая свой срокъ вещь.” Страшно и отвратительно вспоминать о подобныхъ происшествіяхъ, но необходимо,—чтобы приучать свои нервы въ Россіи къ подобнымъ происшествіямъ, которыя продолжаются еще и теперь, въ какихъ нибудь захолустяхъ, а можетъ быть и въ самомъ Петербургѣ, но благодаря соучастію правительства, остаются шиты и крыты; оно такъ нѣжно заботится о всѣхъ мошенникахъ, что закрываетъ всѣ пути, по которымъ подлость, могла бы сдѣлаться гласной и выйти наружу.

Кто напримѣръ, не жалѣлъ о гибели Черноморскаго флота во время осады Севастопольской? И дѣйствительно,

много пропало людей достойныхъ, въ особенности жалъ бѣдныхъ матросовъ, которые были мучениками въ мирное время и мучениками умерли въ Севастопольскихъ укрѣпленіяхъ.

Съ трудомъ вѣришь рассказамъ очевидцевъ, достойныхъ довѣрія, о всѣхъ тѣхъ утонченныхъ истязаніяхъ, какимъ подвергали офицеры матросовъ Черноморскаго флота. Многие изъ этихъ палачей были, во всемъ остальномъ, люди довольно порядочные; но спина матроса, по ихъ мнѣнію, была создана для того, чтобы ее бить безпрестанно. Лазаревъ, бывшій волонтеръ Англійскаго флота, довель эту систему битія, до чудовищныхъ размѣровъ; его конекъ былъ,—довести флотъ до равенства съ Англійскимъ; не знаю на сколько онъ успѣлъ въ этомъ, но можно смѣло сказать, что въ варварствѣ обращенія съ бѣдными матросами, онъ превзошелъ все, что когда либо дѣлалось въ Англійскомъ флотѣ. Послѣдователи этой системы были: Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ, Метлинъ (бывшій министръ) и почти всѣ безъ исключенія именитости Черноморскаго флота; въ битіи матросовъ, всякій какъ будто старался, перещеголять одинъ другаго. Можно бы было составить толстый томъ, всѣмъ утонченностямъ въ варварствѣ, бывшемъ въ Черноморскомъ флотѣ и списокъ погибшихъ отъ нихъ жертвъ, составилъ бы цѣлый томъ. Нравы подъ конецъ до того загрубѣли въ этомъ флотѣ, что даже люди добрые по натурѣ и не прибѣгавшіе къ звѣрству; были согласны и одобряли мѣры варварства, употребляемыя другими,—считая что они суть единственное средство къ достиженію, какого то идеала, въ уборкѣ парусовъ и прочихъ маневрахъ. Однимъ словомъ Черноморскій флотъ, былъ похожъ на флотъ Алжирскихъ пиратовъ, тѣже нравы, таже мораль, была въ его жизни. Еще и теперь приходится слышать отъ людей порядочныхъ: “ну что же, однако оборона Севастополя доказала, что матросы были молодцы и что битіе послужило къ чему нибудь.” И случалось имъ отвѣчать: а Французы тоже не дурно вели себя при осадѣ, хотя ихъ и не колотятъ, да и Алжирскіе пираты тоже были нетруссы въ свое время.

Метлинъ особенно отличался хладнокровіемъ въ наказаніяхъ. Какъ то приходятъ къ нему и говорятъ, что поймали 3 бѣжавшихъ изъ его экипажа матросовъ, которые однакоже хвалятся, что опять убѣгутъ. “Скажите имъ, что въ другой разъ не убѣгутъ, могутъ быть покойны. И точно на другой день Метлинъ ихъ застыкъ на смерть. Рассказываютъ про него чудеса; брали какъ-то одинъ разъ, какіе-то *риффы* и долго закопались, Метлинъ нарочно дѣлаетъ такой маневръ, что сбрасываетъ матросовъ съ реи; человѣкъ 15 падаютъ, кто убитъ на смерть, кто изкалѣченъ, и онъ тутъ же объявляетъ всѣмъ матросамъ, что если будутъ медленно работать, то всегда будетъ такъ дѣлать—и все это для того, чтобы полу-минутою окончить скорѣе другихъ какой нибудь маневръ... это было какое то омыаненъе въ варварствѣ. Въ оправданіе Метлина говорятъ, что матросы любили его по крайней мѣрѣ за то, что онъ ихъ не обкрадывалъ и помогалъ въ ихъ нуждахъ; тоже было и съ Нахимовымъ, который варварствовалъ, но матросовъ не обкрадывалъ и помогалъ имъ; матросы точно цѣнили это, ибо большинство, соединяло злодѣйство съ кражею у своихъ жертвъ. Въ Балтійскомъ флотѣ, всегда нравы были мягче и имена такихъ людей, какъ Трескинъ, Бубновъ и Лавровъ (Таганрогскій градон.) указывались съ негодованіемъ порядочными людьми.

Нужно ли обращаться теперь къ помѣщикамъ, которые варварствовали и продолжаютъ варварствовать до сихъ поръ? Постараюсь со временемъ собрать въ одну книгу страшную исторію страданій, вынесенныхъ крестьянами и несчастными солдатами, чтобы этотъ перечень, могъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ—тому что, я предвижу, по тупости помѣщиковъ должно случиться съ ними.

... Я не могу представить себѣ Россію ипаче, какъ состоящую изъ двухъ классовъ людей, одни сѣкущіе, а другіе сѣкомые, и эти послѣдніе имѣютъ своимъ идеаломъ достигнуть наконецъ того состоянія, въ которомъ могли бы сами въ свою очередь сдѣлаться сѣкущими.

Грустно! но нужно сознаться, что это истина.

Всѣ порядочные люди въ Россіи вмѣстѣ съ вами кричатъ: “долой розги! долой насиліе всѣхъ родовъ, тѣлесное и умственное!” Но когда перейдетъ это желаніе наше въ нравы страны, покрыто неизвѣстностью. Вѣрно людямъ суждено только вѣрить въ глупости, а все истинное и доброе отвергать съ насмѣшкою. Какому нибудь чуду св. Митрофанія сей часъ же всѣ повѣрятъ, именно потому что это глупо,—но истина долго должна ждать своей очереди, чтобы войти въ свѣтъ и волучить право гражданства. Но довольно на этотъ разъ, чувствую какъ кровь свертывается въ сукровицу отъ тяжелыхъ воспоминаній и потому продолженіе впредь, а теперь прошу принять увѣреніе и пр.

становой приставъ орловскій и ефрейторъ Добропасъ.

Въ Январѣ мѣсяцѣ, 1858 года, по тракту отъ Полтавы до города Хороля три человѣка конвойныхъ солдатъ Полтавской инвалидной команды, подъ вѣдѣніемъ одного изъ нихъ, бывшаго за ефрейтора, Василя Добропаса, препровождали партію, состоящую изъ одного арестанта и 3 выпущенныхъ въ отставку солдатъ, слѣдовавшихъ, чрезъ посредство внутренней стражи, къ мѣсту своего жительства. Во время слѣдованія, 15 числа, между м. Бѣлоцерковкою и с. Радіоновкою, они застигнуты были мятею, которая съ часа на часъ увеличиваясь, обратилась въ совершенную бурю. Вѣтеръ, при 20 градусахъ мороза, взрывая глыбы сухаго снѣга, прямо билъ въ лицо; дорога подъ снѣгомъ исчезла, и команда принуждена была ломиться на-угадъ. Находясь въ такомъ положеніи, одинъ изъ команды, отставной рядовой Вѣтровъ, слѣдовавшій, послѣ 20 лѣтней своей службы въ Кавказскихъ войскахъ, на родину въ Золотоношскій уѣздъ, занемогъ, а потому и помѣщенъ былъ на подводу, находившуюся при командѣ.

Вооружась послѣдними силами наконецъ солдаты добились на ночлегъ въ с. Радіоновку, гдѣ предполагали отогрѣть свои оледѣнѣвшіе члены и отдохнуть отъ изнеможенія,—но здѣсь они были горько разочарованы. Экономія этого селенія (мѣсто историческаго сѣченія камергера Базилевскаго), на ночлегъ ихъ не приняла по той причинѣ, что будто бы очередь принятія постоя на этотъ разъ была въ деревнѣ Галещинѣ, разстояніемъ отсюда верстахъ въ семи; куда команда и вынуждена была отправиться съ больнымъ Вѣтровымъ.

По прибытіи въ Галещину, ефрейторъ Добропасъ обратился къ управляющему имѣніемъ съ требованіемъ отвода квартиры. Въ это время, въ домѣ управляющаго, гостилъ становой приставъ Орловскій, который, услыша требованіе

ефрейтора, и, желая хозяйну дома сдѣлать пріятное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повеличаться властью надъ несчастными, не слушая просьбъ и убѣжденій ефрейтора, велѣлъ ему съ командою возвратиться обратно въ с. Радіоновку, гдѣ, по его словамъ, была очередь постоя. Получивъ возраженіе ефрейтора, что онъ, по случаю ночи и мятели, дальше идти не можетъ и не смѣетъ, потому что изнеможенные люди могутъ обморозиться или же и совсѣмъ замерзнуть, и что онъ самъ, подъ свою отвѣтственность, разставитъ людей по квартирамъ,—становой, черезъ сотскаго, приказалъ крестьянамъ не впускать солдатъ въ избы и выгнать команду изъ деревни... Впрочемъ это грозное велѣніе не исполнено; отставные солдаты, принявъ на себя всю отвѣтственность, разошлись по деревнѣ и одни изъ нихъ были приняты крестьянами изъ состраданія, другіе же, встрѣтивъ сопротивленіе, послѣ жаркой схватки, вломившись въ избы насильно. Но конвойныхъ солдатъ съ арестантомъ никто не хотѣлъ впускать, насильно же вломиться ефрейторъ побоялся чтобы въ темнотѣ и суматохѣ не упустилъ арестанта. Такимъ образомъ команда съ арестантомъ, простоявъ на улицѣ болѣе трехъ часовъ, принуждена была возвратиться въ с. Радіоновку, куда и прибыла почти оледѣнѣлая далеко послѣ полуночи.

Слѣдствіемъ этой продѣлки становаго пристава было то, что заболѣвшій Вѣтровъ обморозилъ себѣ руки и ноги, а на другой день представленный въ Хорольскую городскую больницу, онъ проболѣлъ три мѣсяца, лишился пальцевъ на рукахъ и ногахъ, которые ему отрѣзали по вторые составы и наконецъ отправленъ на родину, въ Золотожешу, лишеныи средствъ къ труду.

Между тѣмъ, вскорѣ, военное начальство сдѣлало донесеніе объ этомъ происшествіи, и по высочайшему повелѣнію назначено было произвести строжайшее слѣдствіе.

Видя неизбежную гибель, становой приставъ Орловскій послалъ въ Полтаву хлопотать за него, свою жену... вслѣдствіе чего губернаторъ немедленно вызвалъ Хорольского исправника Андрузскаго и далъ ему приказаніе непременно оправдать Орловскаго и обвинить Добропаса; почему, Андрузскій, на возвратномъ пути изъ Полтавы, заѣзжалъ въ с. Радіоновку и въ деревню Галещину и страхомъ наказанія и угрозами гнѣва губернаторскаго, заставилъ крестьянъ этихъ имѣній, показать на слѣдствіи такъ, какъ угодно было начальству, съ условіемъ только, выговоренномъ крестьянами, что они дадутъ это показаніе *передъ присягою, а не послѣ нее*, что и исполнено было при слѣдствіи, на которое вскорѣ и были назначены: исправникъ, губернский чиновникъ и депутатъ съ военной стороны—Волынскаго пѣхотнаго полка майоръ Морковниковъ.

По произведенному слѣдствію, какъ и надо было ожидать, становой приставъ Орловскій оправданъ, а ефрейторъ Добропасъ обвиненъ, и послѣдовавшимъ рѣшеніемъ опредѣлено наказать Добропаса ста ударами палокъ, снять съ него три имѣвшіяся нашивки за безпорочную 20 лѣтнюю службу, съ занесеніемъ всего этого въ формулярный о службѣ его списокъ и перевести въ Кіевскій гарнизонный баталіонъ.

Исполненіе экзекуціи предписано было Полтавскаго гарнизоннаго баталіона капитану Забѣлѣ, который, зная лично Добропаса какъ усерднаго, радиваго по службѣ солдата, и какъ человѣка никогда не пившаго водки, притомъ убѣдился

въ пристрастномъ его осужденіи,—стыдился принять на себя такое омерзительное исполненіе, почему и отказался отъ него. Раздѣляя образъ мыслей капитана Забѣлы и прочіе офицеры баталіона отказались принять участіе въ экзекуціи, и такимъ образомъ, Добропасъ, единственно протестомъ благородныхъ людей, былъ избавленъ отъ истязанія за свое человѣколюбіе и ревностную службу отечеству.

— Честь и слава благороднымъ офицерамъ. Съ глубокимъ умилениемъ прочли мы этотъ подвигъ, тутъ больше геройства чѣмъ во взятіи батареи. А вѣдь правительство такъ и оставитъ несчастнаго Добропаса—мы держимъ пари. Ред.

PANINIANA

Издавъ въ свѣтъ жизнеописаніе графа Виктора Никитича Панина, (*Голоса изъ Россіи* кн. VII) и видя что онъ также длиненъ во времени, какъ и въ пространствѣ, мы рѣшились въ видѣ дополненія печатать время отъ времени наиболѣе любопытныя черты его жизни (со включеніемъ въ нихъ и таковыхъ же изъ жизни М. И. Топильскаго). Заглавіе нами избранное въ родѣ *Scaroniana*, *Jocrisiana*, очень идетъ къ нашему серьезному комику и предсѣдателю редакціонныхъ комиссій.

I.

Печатавъ лебединныя пѣсни редакціонныхъ комиссій, въ разныхъ типографіяхъ, Панинъ задолжалъ типографу *Деноткину* 1,500 руб. Панинъ на платежъ казенныхъ денегъ тугъ. Онъ поставилъ себѣ за правило не брать въ казначействѣ болѣе 10,000 рублей, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно платить 100,000. Типографъ просилъ, просилъ своего долга и наконецъ написалъ Панину письмо съ надписью *весьма нужное*. Краснорѣчивый министръ юстиціи вообще не любитъ употреблять по пустому рѣчь человѣческую и переписывается, съ другомъ своимъ Топильскимъ и иными смертными, сидя съ ними въ той же комнатѣ. Получивъ письмо Деноткина, Панинъ написалъ на немъ слѣдующую резолюцію: “Выдать 1,500 руб. г. Домантовичу”. Домантовичъ, членъ редакціонныхъ комиссій. Секретарь, видя ошибку въ имени, написалъ снова Панину, что деньги слѣдуетъ заплатить не Домантовичу, а Деноткину. Непогрѣшимый графъ Викторъ, снова пишетъ: “Выдать Домантовичу 1,500 р.” Г. Домантовичъ, не раздѣляя мнѣнія Адлерберговъ на счетъ денежныхъ *дусеровъ*, написалъ Панину, что онъ не можетъ принять этихъ денегъ, потому что онъ ничего не сдѣлалъ особеннаго, а занимался какъ и всѣ прочіе члены. По министра юстиціи не своротишь съ дороги. Онъ снова написалъ: “*Выдать 1,500 р. Домантовичу, чтобъ онъ заплатилъ Деноткину.*” Зачѣмъ г. Домантовичъ не отказался?

— *Разпространеніе антропофагій въ Россіи.*—Давно-ли газеты рассказывали о пощѣ, изгрызшемъ *подъ волка* (*) убитаго имъ солдата, а теперь намъ пишутъ, что городничій въ какомъ то городѣ Московской губерніи искусалъ купца. Мы сильно сомнѣваемся въ этомъ развитіи готентотскихъ вкусовъ. Неужели оттого, что скоро помѣщикамъ нельзя будетъ высасывать кровь мужиковъ—духовенство и полиція примутся кусать прочія сословія? Если этотъ фактъ справедливъ, просимъ имя городничаго и купца.

(*) Не даромъ бого-витѣйствующій законоучитель Палладовъ, поминалъ о “хищныхъ волкахъ”.

ПОКОРНѢЙШЕ БЛАГОДАРИМЪ...

За то, что *Колоколъ* не остался безъ отвѣта. Наконецъ правительство объяснило что значатъ подати сверхъ оклада:

“Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ доставленныхъ отъ министра финансовъ свѣдѣній о податяхъ, что въ Самарской губерніи за вторую половину 1859 года поступили съ государственныхъ крестьянъ не только одни текущія подати, но внесена и часть оклада на слѣдующій годъ, высочайше повелѣть соизволилъ: за успешныя дѣйствія по взысканію съ означенныхъ крестьянъ податей въ 1859 году объявить Самарской палатѣ государственныхъ имуществъ его императорскаго величества благоволеніе.” (С. Петерб. вѣдом. 3 Іюля, N. 154).

Заключеніе просто: у правительства расходъ превышаетъ доходы. Такъ какъ Англійскій заемъ изъ 12 милійоновъ фунтовъ едва натянулъ 4 миліона, то пришлось затрогивать будущіе доходы. Это можно было сдѣлать посредствомъ займа; но для добровольнаго займа нужно довѣріе займодавца,—а оно сомнительно. Слѣдственно—чего же легче—сдѣлать заемъ посредствомъ насилія, т. е. собрать подати въ счетъ будущихъ годовъ; заемъ тѣмъ болѣе выгодный, что онъ безпроцентный... Но каково же капиталистамъ-мужикамъ помѣщать безпроцентно свои обильныя капиталы, лишеніе которыхъ подѣ часть равняется лишенію насущнаго хлѣба,—объ этомъ нечего спрашивать, когда государство въ нуждѣ. *Raison d'état!*

Однако что же такое сборъ изъ податей на слѣдующій годъ? Положимъ — какъ говорятъ — что этотъ сборъ 10% годоваго оклада. Стало на слѣдующій годъ правительство имѣетъ право собрать только 90% податей. Но расходы не уменьшатся, а правительству надо собрать 110 для того, чтобъ справиться съ расходами; стало на будущій годъ надо въ счетъ слѣдующихъ сборовъ собрать 20%. Это ведетъ къ разности двухъ равныхъ ариѳметическихъ прогрессій, изъ которыхъ одна (дѣйствительная подать) уменьшается ежегодно на 10%, а другая (подать въ счетъ будущихъ годовъ) увеличивается на 10%. Позвольте для ясности произвести вычитаніе:

Настоящій окладъ	+ 100. 90. 80. 70. 60. 50. 40. 30. 20. 10.
Минусъ подать въ счетъ будущихъ годовъ	— 10. 20. 30. 40. 50. 60. 70. 80. 90. 100.

	+ 90. 70. 50. 30. 10. — 10. 30. 50. 70. 90.

Слѣдственно, собирая по 10% въ счетъ будущихъ сборовъ, у правительства черезъ 5 лѣтъ прекратится всякое право на подать, и послѣ 5 лѣтъ оно будетъ — относительно государственныхъ крестьянъ — жить въ долгъ.

Или можетъ быть иное распоряженіе?.. Правительство настоящій окладъ сохранить, прибавивъ къ нему 10% ежегодно. Тогда это просто увеличеніе подати, въ чемъ бы ужъ лучше признаться по просту.

Или оно всякій годъ будетъ прибавлять по 10% на нынѣшній окладъ; тогда черезъ 10 лѣтъ оно дойдетъ до двойнаго оклада.

А если оно на будущій годъ сочтетъ окладъ въ 110 и, въ счетъ будущихъ сборовъ, займетъ, или лучше — возьметъ 10% не со 100, а со 110, т. е. будетъ прибавлять процентъ на процентъ и ариѳметическую прогрессию налога обратить въ геометрическую?

У!.....

Плохо дѣло, Ваше Превосходительство!

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place; Caledonian Road, N., London.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOVO!

ЛИСТЪ 80.

1 СЕНТЯБРЯ 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
5, Thornhill Place, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил. съ восьмью листомъ—
ПОДЪ СУДЪ!

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.—По поводу правилъ Муравьева-вѣшателя—Прошеніе восемнадцати дворянъ тверской губерніи въ сенатъ. Смѣсь: Витвицкій—
Генераль-кулачный воецъ—Пальто Мещикова и рубаха Муравьева-вѣшателя—Пугачевъ и Сухозанетъ—Великокняжескій камердинеръ—
Шалунъ Мухановъ—Лужинъ вѣрный—И. И. Глушковъ—Дополненіе биографіи г. Шевченко—Просьба—Отъ редакціи—Запросъ—Отчетъ.

по поводу

ПРАВИЛЬ МУРАВЬЕВА-ВѢШАТЕЛЯ.

Мы получили возраженіе на наши примѣчанія къ Муравьевскимъ правиламъ (см. Колоколь No. 76) и съ радостію помѣщаемъ его и отвѣчаемъ, потому что разъясненіе спорнаго пункта государственнаго права считаемъ чрезвычайно важнымъ; всякая попытка опредѣлить отношеніе крестьянъ (народа) къ государству необходимо даетъ свѣтъ и прочность постановкѣ русскихъ вопросовъ.

Вотъ полученное нами возраженіе:

“Вы говорите, что до сихъ поръ государственные крестьяне платили *подати*, а не *оброкъ*. Они платили и то и другое. *Подати* (подушныя) обходятся около 2^х р. сер. съ души, наравнѣ съ крестьянами прочихъ наименованій, а *оброкъ* съ государственныхъ крестьянъ, за занимаемую ими землю, составляетъ—если не ошибаемся—смотря по мѣстности и кадастру около 4 р. с. Правда, что государственные крестьяне привыкли вносить эти 6 р. с. подъ общимъ названіемъ *податей*, по тѣмъ не менѣе, и въ государственномъ бюджетѣ, и даже въ книгахъ каждаго окружнаго правленія, эти два дохода составляютъ особыя статьи. Откупившись отъ этого *оброка* государственные крестьяне станутъ наравнѣ съ вольными хлѣбопашцами (нынѣшними государственными крестьянами водворенными на собственныхъ земляхъ), съ которыми они до сихъ поръ никогда не смѣшивались. Есть ли тутъ юридическая и политическая справедливость—это другой вопросъ, который впрочемъ равно можно обратить и къ крѣпостному состоянію помѣщичьихъ крестьянъ. Но что государственные крестьяне не были *собственниками* и платили *оброкъ* за занимаемую ими землю, это также *фактъ*, какъ и крѣпостное состояніе помѣщичьихъ крестьянъ. И мы не видимъ почему, допуская выкупъ для однихъ, не допустить его для другихъ. Но вы говорите: земли государственныя, государство же состоитъ изъ народа, слѣдственно... и проч.— Но вѣдь въ этомъ смыслѣ и помѣщичьи крестьяне составляютъ часть государства, т. е. народа; за что же они должны выкупать землю, которой они владѣютъ на условіяхъ еще болѣе тягостныхъ чѣмъ государственныя?...”

Мы начнемъ съ отвѣта на послѣднее замѣчаніе. Мы дѣйствительно и не видимъ никакого юридическаго основанія для

выкупа земель помѣщичьими крестьянами; мы полагаемъ что эти земли точно также принадлежатъ крестьянамъ на государственномъ правѣ пользованія, какъ и земли государственныхъ крестьянъ. Для выкупа помѣщичьихъ крестьянъ мы видимъ не юридическое основаніе, а основаніе необходимости; при борьбѣ двухъ сословій, дать помѣщикамъ выкупъ за землю, обойдется крестьянамъ *дешевле* чѣмъ бунтовать; для помѣщиковъ отдати—ложно считаемыя ими своими—крестьянскія земли за самый ничтожный выкупъ—*выгоднѣе*, чѣмъ гибнуть во время крестьянскаго возстанія. Въ дѣлѣ помѣщичьихъ крестьянъ мы принимаемъ за основаніе необходимость мирной развязки партій, а не юридическое предположеніе. Но тамъ, гдѣ борьбы сословій нѣтъ, и нѣтъ никакого повода къ выкупу одного сословія изъ подъ владычества другого, гдѣ сословіе только одно и слѣдственно выкупъ не мыслимъ, вводить ложное юридическое основаніе для того, чтобъ грабежъ назвать выкупомъ,—было бы непростительно.

Теперь—въ чемъ же неясность? Она происходитъ отъ сбивчивости понятій—права пользованія, найма и собственности, государства и правительства, подати, ренты и оброка. Постараемся опредѣлить ихъ.

Чѣмъ дальше мы идемъ назадъ въ Исторію, тѣмъ смутнѣй и слитѣе являются понятія государства и правительства, подати и оброка, права пользованія, найма, и собственности. Въ неустановившемся государствѣ люди размѣщаются по пространству какъ будто играя въ жмурки,—гдѣ что кто захватить; а между тѣмъ общественныя нужды все сильнѣй и сильнѣе, и денежныя и натуральныя поборы на государственныя потребности производятся торопливо, безпорядочно, то приближаясь къ постоянному налогу и стремясь къ равномерности, то являясь въ видѣ случайныхъ, временныхъ поборовъ то съ того, то съ другого—лишь бы захватить какіе нибудь доходы въ казну и поддержать возникновеніе государства. Произволь въ жизни выражается въ неопредѣленности понятій и произвольномъ употребленіи словъ: подать, пошлина, оброкъ, повинность. Въ XVII вѣкѣ государь, государство и правительство безразличны въ сознаніи народномъ. Всѣ земли государственныя, слѣдственно всѣ земли государевы, не смотря на то, что раздѣляются на земли бѣлыя, принадлежащія вотчинникамъ, служилымъ людямъ, духовенству, монасты-

рямъ, гостямъ и иностраннымъ купцамъ; земли черныя, считавшіяся собственностію государя и составлявшія потомственное владѣніе посадскихъ людей и крестьянъ, которые несли съ нихъ подати и повинности, и земли дворцовыя, также собственность государя, но приписанныя къ дворцу и управлявшіяся то хозяйственнымъ образомъ какъ вотчина, то самостоятельно вслѣдствіе жалованныхъ грамотъ.* Между тѣмъ бѣлыя земли были перемѣшаны съ черными; черныя мало по малу сливались съ дворцовыми; названіе оброчныхъ волостей соотвѣтствовало чернымъ, т. е. платившимъ подати и повинности, а не управлявшимся хозяйственнымъ образомъ, какъ дворцовыя земли. Слитіе черныхъ и дворцовыхъ земель отнюдь не означало переходъ съ податнаго положенія на хозяйственное управленіе, а только подведеніе и тѣхъ и другихъ подъ одинъ уровень государственныхъ земель, или государевыхъ, что понималось безразлично. Названіе оброка, приняло два значенія, которыя постоянно сопровождаютъ его и впослѣдствіи: одно значеніе—наемъ, а другое—подать. Такимъ образомъ посадскія земли дѣлятся на тяглыя и оброчныя; оброчныя тѣ изъ тяглыхъ земель, которыя отдавались на оброкъ бѣломѣстцамъ; тутъ оброкъ очевидно имѣетъ значеніе платы по найму. Съ другой стороны оброкомъ называлась опредѣленная подать съ извѣстнаго промысла, которая не обязывала платящаго участвовать во всѣхъ общинныхъ раскладкахъ,† чѣмъ она и отличалась отъ тяглой подати, которая зависѣла отъ общинной раскладки, сколько бы лица, владѣвшія участками, ни мѣнялись покупкою ихъ въ пользованіе отъ тяглыхъ людей. Эти два значенія оброка-найма и оброка-подати иногда являются раздѣльно, иногда смѣшанно; иногда ясно видно, что оброкъ есть заемъ, или что оброкъ есть подать; иногда трудно различить къ найму или къ подати отнести слово: оброкъ; на пр. куда отнести оброкъ съ лавокъ? Отдана ли лавка на оброкъ, т. е. по найму отъ казны, какъ оброчная статья, или это была подать, какъ въ наше время гильдейская повинность? Изъ всего этого очевидно какую ширь и тягучесть, т. е. неопредѣленность имѣло слово оброкъ въ XVII столѣтіи, подводя подъ одно—значеніе найма и подати. Пустыя земли отдавались на оброкъ тяглымъ людямъ то земскими (выборными) властями, то воеводами, а потомъ слились вообще подъ одно съ казенными землями. Власть общинъ и власть правительства безпрестанно перемѣшивались, безъ яснаго разграниченія, безъ опредѣленности. Служилые люди и дворянство платили подать службою, за право ли пользованія помѣстьемъ, вотчиною, или какъ подать съ собственности;—этого опредѣлить нельзя. Изъ общаго склада скорѣе можно заключить, что и вотчинное право было только право пользованія; на этомъ основаніи правительство безпрестанно мѣняло земли, отдавая вотчинныя тягламъ, тяглыя вотчинникамъ, смотря потому гдѣ какой способъ владѣнія наиболѣе обезпечивалъ взносъ государственныхъ податей, или удовлетворялъ государственной потребности въ служилыхъ людяхъ. Вотчинныя и черныя земли отличались раскладкой подати; въ черныхъ раскладка была общинная; но вѣтъ примѣра, чтобы земскія власти раскладывали подати на вотчинныхъ и помѣстныхъ крестьянъ.‡ Наше современное отношеніе числа государственныхъ и помѣстныхъ крестьянъ, составляющее около половины, доказываетъ, что госу-

* Областные учрежденія въ XVII вѣкѣ, соч. Чичерина.

† Idem, стр. 527.

‡ Idem, стр. 532.

дарственная потребность въ служилыхъ людяхъ и тяглыхъ общинахъ отъ начала Московской централизаціи до послѣдней раздачи крестьянъ въ крѣпость, шла на половину; эта огромная потребность въ служилыхъ людяхъ оправдывается необходимостью государства заявить себя какъ силу передъ другими народами, передъ внѣшнимъ міромъ, и устроиться внутри по какой нибудь методѣ управленія, чтобъ выйти изъ хаоса бродяжнаго сетлерства. Но въ обоихъ случаяхъ—и тяглымъ людямъ и вотчинникамъ—въ XVII вѣкѣ государство давало, только неравномѣрно, право земельного пользованія, оставляя въ своемъ понятіи собственность исключительно правомъ государственнымъ, національнымъ. А такъ какъ изъ понятія государства не выдѣлялось понятіе государя, то значеніе правительства и государства оставалось безразлично; всѣ земли считались государевыми, т. е. государственными, казенными, и понятіе казны (fiscus) равно означало царское или общественное, національное, государственное сосредоточеніе финансовыхъ средствъ. Замѣтимъ, что и тяглыя, и оброчныя, и вотчинныя земли равно были и наследственны—если ничто не мѣшало потомкамъ оставаться на землѣ отцовъ, и не наследственны—если правительство ихъ мѣняло, или отдавало другимъ; во всякомъ случаѣ выморочныя земли, что и понынѣ сохранилось, возвращались государству и снова отдавались въ пользованіе—равно вотчинное, оброчное или тяглое, по усмотрѣнію правительства. Изъ этого опредѣленія земельной собственности, какъ собственности государственной—вправѣ ли мы заключить, что въ XVII вѣкѣ оброкъ былъ заемъ чужой собственности, или подать, т. е. уступка со стороны владѣльца части своихъ доходовъ на государственныя нужды? Былъ ли оброкъ заемъ у чужого, или подать съ права пользованія изъ общей собственности? Заемъ и право пользованія изъ общей собственности два понятія совершенно различныя. Заемъ предполагаетъ право пользованія купленное у другого, съ торгу, на извѣстный срокъ; право пользованія изъ общей собственности—есть право не купленное, право присущее каждому отъ рожденія, какъ члену извѣстной семьи, извѣстнаго племени, народа, общества, государства; право безсрочное, пожизненное и переходящее въ наследство, только въ тѣхъ случаяхъ, когда это не противурѣчить и не мѣшаетъ общественнымъ потребностямъ. Вслѣдствіе пользованія изъ общественной собственности, на которое каждый человѣкъ имѣетъ неотъемлемое право, потому что существуетъ,—онъ и несетъ общественную тягу, т. е. часть своего дохода отдастъ на общественныя нужды; эта тяга и есть подать. Что земли въ XVII вѣкѣ были раздаваемы въ пользованіе неравномѣрно, смотря по казенной нуждѣ въ деньгахъ, хлѣбѣ, служилыхъ людяхъ и пр.—это другой вопросъ. Равномѣрность составляетъ идеалъ, къ которому можно стремиться, но который въ XVII вѣкѣ едва ли могъ существовать даже какъ смутное представленіе чего-то; но тѣмъ не менѣе основное понятіе земельной собственности было, что это собственность государственная, а не личная, и что частнымъ людямъ она раздается на правѣ пользованія; и слѣдственно мы безошибочно можемъ заключить, что—какъ ни перемѣшано было употребленіе слова: оброкъ—въ смыслѣ найма и подати; общій характеръ оброка въ XVII вѣкѣ имѣетъ значеніе подати.*

* Кромѣ казенныхъ оброчныхъ статей, возникшихъ отъ казенной нужды въ деньгахъ при изселеніи края, и сохранившихъ до нашего времени значеніе продажи права пользованія съ торга, т. е. значеніе найма.

Царствованіе Петра I не вноситъ никакой бѣльшей опредѣленности въ значеніе слова : оброкъ. Оно продолжаетъ употребляться произвольно и въ смыслѣ найма, и въ смыслѣ подати. Въ 1669 году указомъ Генваря 9, Петръ велитъ стрѣлецкіе земли разныхъ полковъ “отдать изъ *оброку* по большимъ проѣзжимъ улицамъ по обѣимъ сторонамъ — посадскимъ людямъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ у многихъ стрѣльцовъ построены лавки, и оброчныя деньги имать съ поперечнику, и въ тѣхъ оброчныхъ деньгахъ дать имъ торгъ, и кто изъ нихъ дастъ больше, тому тѣ мѣста изъ оброка и отдавать.” Тутъ очевидно оброкъ значить *наемъ* съ торговъ. Изъ наказа, 1701 года Юля 20, Сибирскимъ воеводамъ кн. Михайлу и стольнику кн. Петру Черкасскому—видно, что Петръ велитъ замѣнить *накладной оброкъ* съ земель, населенныхъ въ Тобольскѣ Бухарцами, сборомъ съ хлѣба; этотъ накладной оброкъ былъ наложенъ на людей, которые, по выраженію указа, “кормятся пашенными *купленными* и *закладными* и *данными* землями и сѣвными покосами.” Тутъ очевидно оброкъ значить подать. Въ 1703 году Августа 10 воеводѣ Римскому-Корсакову указывается—съ Копорскаго уѣзда и съ Дуровской волости собрать подать противъ прежнихъ сборовъ, “со ржаного и ярого хлѣба пятый шопъ, да *денежныхъ оброковъ* съ двора по 4 алтына, да съ души, которые могутъ работу работать по 4 алтына, также со всякихъ огородныхъ овощей собрать потомужъ противъ прежнихъ сборовъ.” Тутъ не только *подушный* сборъ, но и самая *пошлина* съ овощей названы *оброкомъ*. Это смѣшанное понятіе слова оброкъ не мѣняется во все царствованіе Петра. Въ Сенатскомъ указѣ, 10 Мая 1723 года, о табели всѣмъ окладнымъ и неокладнымъ доходамъ, подъ общимъ заглавіемъ *оброчныхъ и откупныхъ* статей, вмѣстѣ помѣщены сборы : “Со пчель и бортныхъ угожьевъ, съ мельницъ, съ бань дворовыхъ, съ бань торговыхъ, съ рыбныхъ ловель, съ найма извозчиковъ, и съ мастеровыхъ и промышленныхъ людей, съ плавныхъ судовъ, съ ледоколу и водопою, съ *пашенныхъ земель* и *спынныхъ покосовъ* и съ *другихъ угодій оброчныхъ*, съ лавокъ, съ кузницъ, съ *постоялыхъ дворовъ оброчныхъ*, съ поземельныхъ, примѣрныхъ и вѣсовъ вѣсчихъ, съ *откупныхъ статей* наддаточныхъ и прикладныхъ *пошлинъ*, отъ пятнанья хомутовъ, и съ клейменя шапокъ и сапоговъ, за виноградъ и съ арбузовъ и огурцевъ и съ орѣшной продажи и другихъ мелочныхъ, неросписныхъ всякихъ сборовъ;” а въ табели 1724 года 12 Августа, кромѣ того къ *оброчнымъ* и *откупнымъ* статьямъ отнесены сборы : “съ воскобоинъ, съ дегтю, съ стекляннаго заводу, съ соленыхъ промысловъ и съ вареницъ, съ винокуренныхъ поварень *оброчныхъ*, съ желѣзной руды и плавки.” Очевидно при Петрѣ I слова : оброкъ, откупъ, подать, пошлина—употреблялись совершенно равнодушно, для означенія государственныхъ доходовъ, и выраженіе: оброкъ—рѣдко и случайно попадало на опредѣленный смыслъ или найма, или подати. Понятія съ 1669 года, когда (30 Генваря) были учреждены Бурмистрная палата и земскія избы (на выборномъ началѣ) которыя завѣдывали сборомъ *всякихъ окладныхъ доходовъ*,* не измѣнялись во все Петровское время.

Довершая Московское царство, Петръ не заботился о казуистическомъ употребленіи выраженій, и имѣлъ въ виду главное—усадить на мѣста бродячее населеніе. Будетъ ли

оно приписано къ заводамъ, отдастся ли во власть вотчинниковъ, или просто прикрѣпится къ мѣсту—все равно. Петру даже нѣкогда узнавать кто откуда; онъ прихлопываетъ людей гдѣ застаегъ. Такимъ образомъ 13 Апрѣля 1723 года мы встрѣчаемъ Сенатскій указъ : “О писаніи въ чернососныхъ волостяхъ *пришлыхъ* изъ другихъ городовъ чернососныхъ же крестьянъ на мѣстѣ ихъ жительства и о невозвращеніи ихъ въ прежнія мѣста.” Петръ даже оставляетъ дворцовыхъ крестьянъ проживающихъ въ помѣщичьихъ имѣньяхъ, быть приписанными за помѣщикомъ,* лишь бы прикрѣпить ихъ къ мѣсту. Людей же, не имѣющихъ постоянного жительства, онъ спѣшитъ поселить, какія бы затрудненія ни встрѣчались; 25 Апрѣля 1723 года Сенатъ предписываетъ : “Объ отсыланіи приводомъ въ С. Петербургъ изъ губерній бѣглыхъ крестьянъ въ дворцовую канцелярію для поселенія на дворцовыхъ его величества земляхъ.” И это не потому, чтобы Петръ дворцовыя земли считалъ особенно лично своими, а потому что такъ случайно пришлось, а для него земли дворцовыя или недворцовыя, фабричныя, или вотчинныя—все равно, все земли государственныя. Взглядъ его на помѣщичьи земли видѣнъ изъ указа 1699 года 15 Марта : “О явкѣ Новгородскихъ помѣщиковъ на службу, за которыми въ помѣстьяхъ и вотчинахъ по 10 дворовъ крестьянскихъ, и взятія съ прочихъ, у кого 9 дворовъ и меньше по 1 р. 50 к. съ самихъ и по 25 к. съ двора, а не заплатятъ—то взыскать вполтора раза больше.” Очевидно—для Петра, раздающаго помѣстья, помѣщики точно также какъ и весь остальной людъ состоятъ на правѣ пользованія, а земельная собственность—собственность національная, государева, государственная. Названія : правительство, государь и государство также равнодушно употребляются въ смыслѣ *общей народной цѣлости*, какъ слова : оброкъ, подать, пошлина—въ смыслѣ *всякаго окладнаго дохода*. Когда Лудовикъ XIV сказалъ знаменитое : *l'état c'est moi* (государство—я) онъ чувствовалъ между собою и государствомъ бездну, онъ противопоставилъ себя государству, и Франція поняла, что король самъ по себѣ, а Франція сама по себѣ. Еслибъ Лудовикъ XIV не чувствовалъ этого распадненія правительства и общества, ему не пришло бы въ голову сказать, что онъ—государство; онъ безсознательно употреблялъ бы слова : *государство* хочеть, или : *я* хочу, какъ попало, что первое съ языка сорвалось. При Петрѣ I понятіе правительства еще не выдѣлилось изъ понятія государства. Петръ подвелъ подъ топоръ палача самую наследственность престола; задача была *государственная цѣлость*, а не *династическое единодержавіе*.

Но въ исторіи, какъ въ природѣ, какъ во всемъ постоянно возникающемъ, нѣтъ рѣзкихъ границъ; рубежи захватываютъ другъ за друга и нѣтъ ничего подвижнѣе понятія *предѣла*, этого нуля, черезъ который одно переходитъ въ другое. Равно трудно опредѣлить гдѣ кончается растительность и начинается міръ животный, или гдѣ кончается одна историческая эпоха и начинается новая. Такимъ образомъ прикрѣпленіе къ землѣ было уже совершенно, а земли и крестьяне все еще раздавались въ помѣстья безъ нужды и безъ цѣли; такимъ образомъ народъ давно уже усѣлся на мѣстахъ, а бродяжное сетлерство еще въ иныхъ мѣстностяхъ живо и въ наше время, и мы теперь видимъ какихъ нибудь вятскихъ жителей, не смотря на многоземеліе, идущихъ артелями

* Полное собраніе законовъ.

* Полное собраніе законовъ No. 4201.

селиться на Амуръ. Такимъ образомъ и Петръ I, довершая задачу Московскаго царства, задачу государственной цѣлости, безсознательно переходилъ въ эпоху нѣмецкаго единодержавія и понятіе правительства стало выдѣляться изъ понятія государства. Въ тоже время изъ земельной собственности государственной, выдѣлялось право земельной собственности частной; къ этому, безъ сомнѣнія, вело право помѣстное, потому что для помѣщика сохранить помѣстье въ родѣ, или имѣть право полной продажи другому въ потомственную собственность, сдѣлалось жизненнымъ вопросомъ. Такъ какъ изъ собственности государственной и права пользованія, мудро было вывести законы помѣстной наследственности, то они—вмѣстѣ съ европейской цивилизаціей—и были взяты, съ необходимыми измѣненіями, изъ римскаго права, и образовалась особая потомственная земельная собственность и особое право наследственное для помѣщиковъ и, постепенно опредѣляясь, вошло въ сводъ законовъ; между тѣмъ какъ народъ, т. е. прикрѣпленное къ землѣ бродячее населеніе, артель установившаяся въ общину—остался при понятіи собственности государственной и права пользованія, и внѣ свода законовъ. Прикрѣпленіе пол-крестьянства къ вотчинамъ дало оброку еще новое значеніе: права помѣщика брать дань съ жизни крѣпостнаго человѣка. Отъ этого понятіе оброка нисколько не опредѣлилось, а усложнилось. Государство уступило помѣщику право взиманія подати съ землевладѣнія натурой или деньгами; первое названо было барщиной, второе оброкомъ; кромѣ того помѣщикъ бралъ подать съ жизни, т. е. человѣкъ, совершенно не получившій земли отъ помѣщика, но ходившій на заработокъ, платилъ помѣщику оброкъ; это напоминало подать, которую государственное право называло оброкомъ съ промысловъ, такъ, что можно сказать, что государство, уступивъ въ пользованіе служилымъ людямъ за службу земли и крестьянъ, уступило и право подати съ земель и промысловъ, а потомъ и то и другое вошло въ законодательство подъ видомъ права помѣщичьей потомственной собственности, которое, утративъ первоначальный смыслъ, сохранилось и укрѣпилось безчисленными перепродажами помѣстій и наследственнымъ дѣломъ. Третье значеніе слова: оброкъ—въ смыслѣ найма, осталось за казенными оброчными статьями, отдаваемыми въ срочное пользованіе съ торговъ; и послѣ Петра мы видимъ, что слово оброкъ для казны все болѣе и болѣе съживается въ предѣлы оброчныхъ статей, а смыслъ оброка какъ подать съ земли и съ промысловъ, все болѣе и болѣе переходитъ въ отдѣлъ власти и управленія помѣщичьяго. Между тѣмъ стремленіе къ государственной цѣлости замѣняется исключительнымъ стремленіемъ къ самодержавію; интересъ общественный переходитъ въ интересъ династическій; понятіе правительства выдѣляется изъ понятія государства; правительство ищетъ не распредѣленія бродячаго населенія по мѣстамъ, ради сохраненія государственной цѣлости,—цѣлость эта уже упрощена: оно ищетъ власти на манеръ помѣщичьей. 3 Мая 1783 г. Екатерина II такъ начинаетъ указъ: “Государственные, дворцовые и экономическіе (отъ вѣдомства Экономіи-Коллегіи) крестьяне, сверхъ общаго семигривеннаго сбора, *всегда обложены были помѣщичьимъ оброкомъ, сообразно съ таковымъ въ имѣньяхъ частныхъ людей: въ семъ точно видѣ, при царствованіи Нашемъ, возвышенъ былъ тотъ оброкъ до двухъ рублей съ каждой души.*” Употребляя выраженіе:

всегда, великая государыня очевидно жетъ; вѣкогда до тѣхъ поръ оброки съ крестьянъ не были разсматриваемы правительствомъ съ точки зрѣнія *права помѣстнаго*, а только съ точки зрѣнія *права государственнаго*. Разширяя значеніе имперіи въ внѣшнемъ политическомъ мірѣ, Екатерина въ тоже время безсознательно переходитъ, изъ безразличія правительства и государства, къ противопоставленію правительства государству, изъ интереса общественной цѣлости къ интересу династическому, изъ деспотизма невзначайнаго въ деспотизмъ преднамѣренный. Она хочетъ быть помѣщицей всѣхъ русскихъ людей, живущихъ на основаніи природнаго права пользованія государственной землею, и приравнять ихъ съ крѣпостными. Выводъ ясенъ: помѣщичьи крестьяне—это государевы крѣпостные люди, уступленные помѣщикамъ за службу; а остальные крестьяне—государевы крѣпостные люди, оставшіеся за государемъ. Правительство становится помѣщикомъ; а государство, мало по малу опомниваясь, все больше и больше станетъ смотрѣть на него какъ на учрежденіе, захватившее общественную власть, какъ на нѣчто чужое, часть отъ часу менѣе выносимое. Правительство, сосредоточивая власть, постепенно такъ сосредоточится, что начнетъ выдѣляться, уединяться, такъ, что придетъ минута, когда станетъ ясно, что правительство и государство—непримиримые враги.

Но сдѣлавшись помѣщицей, Екатерина такъ же мало уяснила себѣ понятіе оброка какъ и самые помѣщики. Затаенное стремленіе приравнять оброкъ къ поземельной рентѣ еще не выяснилось, и Екатерина, подводя подъ одно—налогъ съ землевладѣнія и налогъ съ жизни, учреждаетъ *оброкъ съ каждой души*, въ тоже время отличая его отъ семигривеннаго подушнаго оклада. Въ сущности это значило брать съ души не 70 коп. а 2 р. 70 коп. Не смотря на это Екатерина, сдѣлавшись помѣщицей, хвалится, что она *лучшая помѣщица* въ государствѣ. “Мы не имѣемъ нужды,” говоритъ она въ томъ же указѣ, “разпространять здѣсь до какой степени помощью божіей возросло народное изобиліе въ государствѣ нашемъ, умножилось денежное обращеніе и *возвысились вообще цѣны на всякія вещи: каждому* ощутительна сія истина, и *каждый* вѣдаетъ, что *собственные помѣщичьи съ крестьянъ ихъ поборы въ двое или болѣе превосходятъ тѣ, кои настояли при наложеніи на государственныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ нынѣшняго двухрублеваго оклада.*” Подъ *каждымъ* она здѣсь разумѣетъ только помѣщиковъ; крестьянинъ для нея даже и *не каждый*. Правительство прямо стремится государственное право перевести на право помѣстное и признаетъ за лицо только помѣщика. Далѣе указъ продолжаетъ: “По уваженію на сіе находя справедливымъ, чтобъ помянутый *оброкъ* возвышаемъ былъ въ приращеніи государственныхъ доходовъ, на нужду и пользы общія употребляемыхъ, повелѣваемъ: *Первое*: Со всѣхъ государственныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ собирать, впредь до указа нашего, вмѣсто прежняго двухрублеваго оклада, по *три* рубля съ *каждой души* мужскаго пола. *Второе*: Съ однопорцевъ и прочихъ поселянъ въ вѣдомствѣ директора домоводства и подъ судами нижнихъ и верхнихъ расправъ состоящихъ въ 335 ст. учрежденій нашихъ о губерніяхъ именованныхъ, собирать впредь до указа такой же трехрублевой окладъ. *Третье*: Накладный по 2 коп. съ рубля собирать съ сего оброка на такомъ основаніи, какъ онѣя

получаются съ прочихъ *подушныхъ сборовъ*.” Такимъ образомъ Екатерина уравниваетъ всѣхъ крестьянъ разныхъ наименованій подъ одинъ *оброкъ*, который ничто иное какъ *подушная подать*. Указъ не ставитъ оброкъ, какъ государственное право за пользование землею, даже не ставитъ его въ смыслъ оброка съ промысловъ; онъ дышетъ мыслью права помѣстнаго — права произвольнаго налога съ жизни, и въ оправданіе себѣ беретъ уподобленіе правительственнаго права праву помѣстному. Казенные крестьяне, если не соединяются подъ одно названіе, то соединяются подъ одинъ уровень подати. Все крестьянство вообще, по историческому смыслу, раздѣляется на два разряда: на казенныхъ крестьянъ просто платящихъ подати въ казну, и на казенныхъ крестьянъ, платящихъ служилымъ людямъ подати, изъ которыхъ казна удержала въ свою пользу премію специально-подушнаго сбора, т. е. того семигривеннаго оклада, о которомъ говорится въ помянутомъ указѣ. Но въ дѣйствительности характеръ отношеній иной: правительство и служилые люди составляютъ помѣщиковъ, а крестьяне крѣпостное населеніе; государственное право перешло въ право помѣстное. Между тѣмъ правительство, сосредоточивъ такимъ образомъ свою власть, т. е. сѣзвивъ свое значеніе, поставило невозможную задачу: помѣстное право правительства въ государственной жизни представлять такую нелѣпость, противъ которой невольно должны возстать — и въ дѣйствительности вырабатывающіяся общественныя нужды, и человѣческій разумъ. Государству нѣтъ другаго выхода, какъ — или счесть помѣстное право правительства за перехватъ власти и оградить себя путемъ конституціоннымъ, или совершенно преобразовать правительство, поставивъ его на высоту представителя государственнаго права, т. е. регуляторомъ общественнаго механизма, конторой общественной экономіи. Мы не думаемъ, чтобъ для мыслящаго человѣка такое значеніе правительства показалось унижительнымъ.

Но какъ бы глубоко ни вкрадывались въ совершившіеся факты, логическія, необходимыя данныя для будущаго, — исторія идетъ длительно, медленно; по крайней мѣрѣ оно для насъ должно такъ казаться, потому что отдѣльное лицо жить не долго. И вотъ крестьянской вопросъ остается на Екатерининской точкѣ зрѣнія во все продолженіе царствованія Павла и Александра I. Мѣняются названія административныхъ присутственныхъ мѣстъ, Экономіи-Коллегія исчезаетъ, а дѣло не мѣняется. Войны мѣшаютъ; странная Аракчеевская мысль улучшить систему рекрутства отдачею всѣхъ крестьянъ въ вѣчную солдатчину и сдѣлать изъ Россіи казарму — и она мѣшаетъ. Темное желаніе Александра I уничтожить помѣщичье крѣпостное право умираетъ съ нимъ въ Таганрогѣ, не дойдя до слова. Но нелѣпое положеніе правительства на помѣстномъ правѣ не можетъ оставаться безконечно. Крестьянской вопросъ непременно возникнетъ при Николаѣ и возникнетъ безсознательно, вслѣдствіе силы обстоятельствъ. Разъ испугавшись 14 Декабря, Николай всю жизнь не могъ очнуться отъ испуга, и самодержавіе сдѣлалось его единою мыслью. Онъ принялся упорчивать его со всѣмъ тупоуміемъ страха и невѣжества. Безъ сомнѣнія онъ не могъ повясть самодержавія иначе какъ въ смыслѣ правительственнаго помѣстнаго права. Управлять, управлять и управлять — это стало его пунктомъ помѣшательства. Беспорядокъ въ сборѣ податей и въ исправленіи рекрутства у казенныхъ крестьянъ,

прижимки, которыя они терпѣли отъ земской полиціи, — все это, казалось ему, происходитъ отъ того, что они слишкомъ мало управляемы. Отсюда возникло, 26 Декабря 1837 года, министерство государственныхъ имуществъ. Названіе странно противурѣчило задушевной мысли Николая. Онъ его принялъ — потому что не понялъ. Онъ до такой степени былъ увѣренъ, что государство его собственность, что не замѣтилъ на сколько названіе: *государственныя имущества* — выталкиваетъ понятіе помѣстнаго права правительства. Учрежденіе особаго министерства для управленія хозяйственнаго (какъ было въ царскихъ дворцовыхъ селеніяхъ) надъ всѣми казенными крестьянами, было дѣломъ права помѣстнаго; названіе имуществовъ государственными — было указаніемъ на то, что помѣстное право къ нимъ неприложимо. Новое министерство спервоначала носило въ себѣ логическое противурѣчіе. Мысль помѣщичьяго управленія государственными имуществами возникла совсѣмъ не внезапно, какъ говорили во время оно, чтобы дать мѣсто Киселеву; эта мысль шла издавна. Подстрѣкаемая финансовыми недоборами, она не исчезала со времени стремленія Екатерины II объявить себя правительствомъ на правѣ помѣстномъ. Николай взялся за нее съ перваго года своего царствованія. Первый опытъ *мѣстнаго* государственныхъ крестьянъ управленія въ Петербургской и Псковской губерніяхъ былъ сдѣланъ въ 1826 году. Потомъ было учреждено особое отдѣленіе въ собственной канцеляріи, котораго цѣль была составить общій проектъ управленія. Министерство, на основаніи помѣстнаго права, становилось необходимымъ результатомъ Николаевского направленія. Въ главѣ его могъ явиться какойнибудь господинъ въ родѣ Муравьева - вѣшателя; явленіе Киселева было счастливой случайностью. Изъ окружающихъ царедворцевъ онъ одинъ былъ образованный человѣкъ. Онъ не сталъ ломать народную жизнь по преднамѣренной программѣ, но утвердилъ ее на ея обычномъ правѣ землевладѣнія и выборнаго самоуправленія, испортивъ — разумѣется — послѣднее подчиненіемъ подъ власть казеннаго управленія, представлявшаго государю помѣстное право. Но какъ бы ни были испорчены основанія народной жизни этимъ помѣстнымъ правомъ, все же они были *признаны законными* и вошли въ сводъ. Сознательно или безсознательно поступилъ Киселевъ — мы рѣшить не можемъ; но признаніе законнымъ народнаго землевладѣнія и выборнаго самоуправленія необходимо вело и ведетъ къ тому, чтобы поставить вопросъ: кому оставаться — праву ли народнаго землевладѣнія и самоуправления, или правительственному помѣстному праву?

Цѣль министерства была: “Высшее и общее по всему государству вѣдомство дѣлъ относящихся къ *управленію* государственныхъ имуществъ, къ *попечительству* надъ государственными крестьянами всѣхъ наименованій, свободными хлѣбопашцами, иностранными поселенцами и кочующими народами, а также и дѣлъ принадлежащихъ вообще къ усовершенію и распространенію сельскаго хозяйства.”* Тутъ вошло новое раздѣленіе, которое должно было привести къ новому опредѣленію слова оброкъ. Министерству препоручались два дѣйствія: *управленіе* и *попечительство*. Къ управленію принадлежали: “казенныя заселенныя, незаселенныя и пустопорожнія земли, казенныя оброчныя статьи и лѣса казеннаго вѣдомства.” — Къ попечительству

* Учрежденіе М. Г. И. 26 Дек. 1837 г. Пол. собр. зак. № 10834.

“надъ свободными сельскими обывателями” относились : “государственные крестьяне всѣхъ наименованій, *кроме приписныхъ къ особымъ вѣдомствамъ* * ; свободные хлѣбопашцы, иностранные поселенцы, водворенные : а) на земляхъ казенныхъ, б) земляхъ приобретенныхъ въ собственность, и в) на частныхъ земляхъ по договорамъ съ владѣльцами ; и кочующіе народы : а) Калмыки въ Астраханской губерніи и Кавказской области, б) Сибирскіе инородцы — осѣдые, кочевые и *бродячие*, и в) Самоѣды.” — Очевидно народъ признавался свободнымъ, а земли государственными. Николай въ этомъ видѣлъ свое помѣстное право, а законъ выражалъ только право государственное. Съ точки зрѣнія права помѣстнаго оброкъ съ земельной собственности долженъ былъ выражать наемъ ; съ точки зрѣнія государственнаго права и слѣдственно права пользования каждаго участкомъ изъ общей собственности, оброкъ долженъ былъ выражать подать. Законъ трудился опредѣлить его въ первомъ смыслѣ ; народъ понялъ его въ послѣднемъ. Народъ подъ именемъ *оброка* привыкъ понимать поборъ, получаемый помѣщиками съ крѣпостныхъ людей, ходящихъ по паспорту, или съ крѣпостныхъ крестьянъ, которые не справляютъ барщины ; и то и другое, въ его понятіи, равнялось насилію болѣе или менѣе сносному, смотря потому каковъ баринъ. Слово *подать* онъ прилагалъ ко всему платимому въ казну, полагая, что этотъ сборъ идетъ на общественныя нужды. Соображая отъ частнаго къ общему, мужикъ смекалъ, что такъ какъ онъ несетъ тягу по общинѣ, въ которой онъ имѣетъ природное право пользоваться участкомъ земли ; такъ точно и община въ государствѣ, имѣя природное право на пользованіе необходимымъ пространствомъ изъ общей государственной земли, должна нести государственную тягу, и эту тягу онъ называлъ *податью*, какой бы ни былъ образъ взиманія ея — съ души, съ тягла, или съ десятины. Слово *подать* — отъ глагола *даю*, даю въ общество, логичнѣе вытекало изъ смысла русскаго государственнаго права, чѣмъ слово *оброкъ*, въ которомъ чувствуется условіе между двумя сторонами, изъ которыхъ одна можетъ и не согласиться ; изъ русскаго государственнаго права вытекало понятіе — *не условія*, а *общественной обязанности*, отношенія лица къ міру ; община составляла малый міръ, государство — большой міръ. Народъ понималъ *подать* помимо помѣстнаго права ; но министерство государственныхъ имуществъ все же не могло не быть представителемъ государева права помѣстнаго и естественно стремилось употребить слово *оброкъ* въ смыслѣ найма, въ смыслѣ ренты, понятіе, которое оно приняло изъ европейскаго помѣстнаго же права. Рента всегда имѣетъ значеніе платы съ найма или со ссуды. Государственныя ренты (*rentes sur l'état*) представляютъ платежъ, по безсрочнымъ государственнымъ займамъ, постоянныхъ взно-

совъ, гдѣ процентъ погашенія приравненъ нулю. Тутъ являются два лица : займодавецъ — частный человекъ, и должникъ — государство ; нанимаетъ государство, отдаютъ деньги въ наемъ частныя лица. Пожалуй эту ренту можно назвать *оброкомъ*, взимаемымъ частными людьми съ государства за отдачу въ наймы денегъ. Поземельная рента — явленіе изъ права помѣстнаго. Нигдѣ она не такъ ясна какъ въ Англіи, и нигдѣ слово : *рента* — не приобрѣла такого общепринятаго употребленія для всякаго найма. Лордъ, собственникъ земли, отдаетъ ее въ наймы фермеру, или, въ городахъ, домостроителю, и получаетъ съ нихъ *ренту*. Домостроитель, выстроивъ домъ на этой землѣ, отдаетъ пустой домъ въ наймы срывщику и получаетъ съ него *ренту*. Срывщикъ меблируетъ домъ и отдаетъ въ наймы — цѣликомъ или отдѣльными комнатами — жильцамъ и получаетъ съ нихъ *ренту*. Обыкновенно лордъ отдаетъ землю на 99 лѣтъ, что почти равняется безсрочному найму, и поземельная рента получаетъ характеръ сходный съ ежегодной уплатою процентовъ по безсрочнымъ государственнымъ долгамъ ; домостроители и срывщики отдаютъ въ наймы на болѣе короткіе сроки ; но во всякомъ случаѣ поземельная рента выражаетъ уплату процентовъ по найму съ недвижимаго капитала. Слѣдственно слово *оброкъ*, употребленное въ смыслѣ поземельной ренты, выражало бы долгосрочный или кратко срочный платежъ по найму чужой земли, вслѣдствіе условія, на которое впрочемъ собственникъ можетъ и не согласиться, и по истеченіи срока больше не отдавать своей земли въ наймы прежнему наемщику, а отдать другому на иномъ условіи, или вовсе не отдавать.

Въ томъ ли отношеніи государственныя земли къ государственнымъ крестьянамъ ? Мы этого вовсе не думаемъ. Различіе оброчной и подушной подати, заимствованное министерствомъ государственныхъ имуществъ у Екатерины II и внесенное въ сводъ законовъ,* совершенно произвольно ; у Екатерины оно является лицомъ, чтобъ какъ нибудь оправдать надбавку податей и заявить свое помѣстное право ; у министерства къ точкѣ зрѣнія государева помѣстнаго права прибавляется желаніе, очень разумное, перевести подушную подать на кадастровую. При этомъ переводѣ министерство вообразило, что если крестьяне станутъ платить съ земли, — это будетъ имѣть значеніе *оброка-найма*, а не подати ; между тѣмъ какъ перечисленіе сбора съ душъ на землю составляетъ только различный способъ взиманія податей. Требуется извѣстная сумма на государственныя нужды ; она раскладывается на жителей и составляетъ *подать*. Какимъ образомъ произойдетъ эта раскладка у сельскихъ обывателей ? Тамъ гдѣ земля не межевана, неизвѣстно ни ея количество, ни качество, ни цѣнность, — душевая единица представляется самымъ удобнымъ, хотя неправильнымъ способомъ раскладки ; тамъ, гдѣ земля приведена въ извѣстность, гораздо правильнѣе раскладка податей произойдетъ по количеству земли на тягло, т. е. на работника, т. е. платить больше кто больше имѣетъ. Но ни то, ни другое не составляетъ найма и *подать* можетъ увеличиваться и уменьшаться *не вслѣдствіе колебанія цѣны на землю, а по мѣрѣ государственныхъ потребностей въ деньгахъ*. Раскладка податей въ XVII вѣкѣ была двоякая : 1) по данному окладу, гдѣ всѣ жители извѣстнаго округа облагались въ свалъ безъ различія и дѣлали раскладку сами по животамъ и промысламъ, и 2) по сошной

* Подъ приписными къ особымъ вѣдомствамъ разумѣлись крестьяне заводскіе и удѣльные. Почему Николай отдѣлилъ и тѣхъ и другихъ отъ государственныхъ крестьянъ — трудно понять. Вѣроятно заводскихъ онъ оставилъ въ заводской крѣпости, потому что это составляло, хотя въ сущности мнимую, но въ его глазахъ дѣйствительную выгоду казны ; а удѣльныхъ онъ сохранилъ — изъ какого то темнаго чувства, гнѣздившагося въ немъ съ 14 Декабря : “что бы ни случилось — пожалуй династія рухнетъ, а все же члены семейства останутся съ удѣлами, какъ частныя люди — но все же помѣщики, не хуже Бобринскихъ.” Иначе не лезя объяснять почему человекъ, который не стѣсняясь бралъ деньги не только изъ банковыхъ учрежденій, но даже изъ акционерныхъ обществъ, почему этотъ человекъ не слилъ всѣхъ крестьянъ подъ одно управленіе, считая себя всюду на помѣстномъ правѣ.

* Томъ V, Разд. 6 ст. 13, изд. 1857 г

развиткѣ, гдѣ подать бралась съ сохи.* Ни то, ни другое не могло имѣть смысла оброка-найма; и кадастръ также мало можетъ придать подати смыслъ найма какъ и сошная развитка. Подать все же будетъ имѣть смыслъ уступки доли частнаго дохода на общую пользу, и въ сущности подушная подать различается отъ поземельной не по значенію, а по способу раскладки, такъ что та подушная подать, которую Екатерина называла семигривенною и которая теперь двухрублевая, часть тойже поземельной подати, которую Екатерина называетъ оброкомъ на манеръ оброка въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которая теперь 4^х рублевая и которой кадастрація хочетъ придать смыслъ ренты, т. е. оброка-найма. Подушная подать потому неправильна, что тягло, пользующееся однимъ участкомъ, но имѣющее на пр. четверыхъ по ревизіи записанныхъ малолѣтнихъ дѣтей, платитъ вдесятеро противъ тягла бездѣтнаго пользующагося одинакимъ участкомъ; кадастровая подать правильнѣе, потому что ближе соразмѣритъ налогъ съ имуществомъ платящихъ. Но сохраненіе подушной и кадастровой подати есть просто общее увеличеніе крестьянскихъ податей, какой бы смыслъ имъ ни придавали. Придавать подати смыслъ ренты значить признать за правительствомъ помѣстное право. Правительство скажетъ: "я собственникъ земли; земля вздорожала, я хочу чтобъ мнѣ за наемъ платили дороже; кто не хочетъ,—ступай съ земли долой." Очевидно эта точка зрѣнія составляетъ невозможную задачу; заключить съ народомъ условіе найма не лзя, потому что народа не лзя согнать; условіе не имѣетъ мѣста. Если же собственникъ не правительство, а государство, обязанное каждой общинѣ, а община каждому изъ своихъ членовъ, дать въ пользованіе земельной участокъ, за что въ свою очередь каждый обязанъ нести общественную тягу, то оброкъ имѣетъ смыслъ подати и подать должна располагаться не по мѣрѣ земельной цѣнности и жадности собственника, а по мѣрѣ общественныхъ потребностей, и общество имѣетъ неотъемлемое право на повѣрку этихъ потребностей и на раскладку податей—поземельныхъ и непоземельныхъ—по общественному усмотрѣнію. При распространеніи кадастровой подати на всѣ земли, равно крестьянскія и помѣщичьи, что неизбежно, подать увеличиваясь въ массѣ, должна уменьшаться по десятинно; тутъ какъ не лзя болѣе очевидно, что она имѣетъ значеніе не ренты, а общественного сбора. Если Екатерина, министерство и сводъ законовъ, употребили слово оброкъ въ смыслъ найма и ренты, то они ошиблись—безсознательно или преднамѣренно, и мы ни чуть не обязаны буквѣ жертвовать здравымъ смысломъ. Муравьевскія правила, задуманныя съ точки зрѣнія правительственнаго права помѣстнаго, не будутъ приведены въ исполненіе, потому что они взбунтовали бы государственныхъ крестьянъ, что ясно должно доказать самому правительству, что его помѣстное право есть *non sens* (по русски безсмыслица) и что существуетъ только право государственное; а по праву государственному—государство также мало имѣетъ права продавать земли, находящіяся въ пользованіи общинъ, какъ общины имѣютъ право продавать въ особія руки—земельныя участки, находящіяся въ пользованіи членовъ общины. Отношеніе: государство къ общинѣ, какъ община къ отдѣльному лицу—неизмѣнно. Выкупъ оброковъ не можетъ произойти распродажей земель по произволу министерства; выкупъ оброковъ

не есть выкупъ земель, а выкупъ податей; еслибы крестьяне къ обычной подати присовокупляли процентъ погашенія,—черезъ извѣстное число лѣтъ, это составило бы общественный капиталъ, проценты съ котораго могли бы замѣнить подать, и служить на всѣ государственные расходы. Дѣло очень трудное, по многосложности и непредвидѣнности государственныхъ нуждъ, хотя и не невозможное. Но вѣроятно не эта мысль руководила Муравьевскими правилами. Да и какая бы мысль ни руководила ими—они составляютъ въ смыслѣ государственнаго права—нелѣпость, а въ смыслѣ правительственнаго права помѣстнаго—грабежъ.

Сосредоточимъ же все сказанное:

Изъ безразличія государства и правительства, изъ безразличія оброка и подати, равно употребляемыхъ для означенія общественныхъ доходовъ, Россія—въ смыслѣ государственнаго права—должна была придти къ тому, чтобъ правительство опредѣлилось какъ уравнитель общественнаго механизма, и оброкъ, или какое угодно слово—означало бы подать, т. е. уступку доли частныхъ доходовъ на общественные нужды. Но правительство противопоставило себя государству на основаніи права помѣстнаго, сочло себя помѣщикомъ и приняло оброкъ за ренту, получаемую имъ по найму съ земель составляющихъ правительственную, государеву собственность. Это основаніе въ государственной жизни есть нелѣпость и потому несостоятельно. Хотя намъ и могутъ сказать, что все равно, если я владѣя извѣстнымъ количествомъ земли, плачу 10 рублей—назовите ихъ оброкомъ, рентой или податью, оно все же поземельная плата; но различіе въ смыслѣ этой платы чрезвычайно важно. Еслибы она была оброкомъ или рентой по найму земли, она *повышалась бы съ повышеніемъ цѣны на землю*, или по произволу собственника; но какъ основаніе ея не условный наемъ, а природное право каждаго на пользованіе землей и потому обязанность каждаго нести общественную тягу,—то плата, т. е. подать съ земли *можетъ измѣняться только по мѣрѣ общественныхъ* нуждъ; на пр. уменьшеніе войска, вообще—сокращеніе государственныхъ расходовъ, должно произвести пониженіе земельной подати, сколько бы цѣны на землю ни повышались. На этомъ основаніи, общество, т. е. государство имѣетъ обязанность требовать отъ правительства отчета и производить повѣрку государственныхъ потребностей, опредѣлять объемъ подати и разпредѣлять ея раскладку. Мы не сомнѣваемся, что Россія скоро придетъ къ этому требованію, потому что помѣстное право правительства и правила, подобные Муравьевскимъ, слишкомъ накладны и затрогиваютъ общество за самую чувствительную струну—за карманъ и хлѣбъ насущный; мы также не сомнѣваемся, что правительство не откажетъ въ отчетѣ о государственныхъ потребностяхъ и въ ихъ общественной провѣркѣ, потому что иначе оно лишится всякаго довѣрія и быстро обанкрутится.

Наше дѣло, т. е. дѣло русскаго общества—поставить вѣпи на надлежащія мѣста, слѣдственно невозможное помѣстное право правительства замѣнить правомъ государственнымъ, которое, по смыслу историческаго развитія Россіи, заключается въ томъ же отношеніи государства къ общинѣ, какъ община относится къ лицу, и потому требуетъ, чтобы раскладка общественныхъ повинностей происходила на міру и чтобы правительство не присвоивало себѣ собственность государственную. Какимъ образомъ русское общество достигнетъ до своей цѣли—

* Област. учред. Чичерина.

путемъ ли конституціоннымъ, или совершеннымъ преобразованиемъ правительства, изъ существующаго на правѣ помѣстномъ, въ представители общественной экономіи — это дѣло исторіи. Въ настоящее время, начавъ преобразования по разнымъ вопросамъ, правительство все же само еще не ясно высказывается, и обществу, нечувствительно вступающему съ нимъ въ переговоры, остается еще ждать съ запросомъ на устахъ, воспитывать собственное мнѣніе — и подобно Рыльевскому Мазенѣ — “собрать полки.”*

Н. Огаревъ.

ПРОШЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТИ ДВОРЯНЪ

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ СЕНАТЪ.

1.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, на бывшемъ губернскомъ сѣздѣ, нѣкоторые дворяне Тверской губерніи положили учредить Тверское общество сельскаго хозяйства и садоводства и составили для этого подписной листъ за подписью 52 дворянъ. Цѣлью общества было развитіе земледѣлія распространеніемъ полезныхъ открытій и результатовъ опытовъ, недоступныхъ для большинства отдѣльныхъ хозяйствъ. При близкомъ измѣненіи отношеній между помѣщиками и крестьянами и замѣнѣ барщинной работы наемною, подобное общество не только благотѣльно, но и необходимо потому, что всѣ средства жизни земледѣльцевъ и государственное богатство зависятъ отъ земледѣлія. Видѣвъ, въ недавнее время, учрежденіе подобныхъ обществъ въ другихъ губерніяхъ и ожидая встрѣтить поощреніе въ такомъ полезномъ дѣлѣ, мы положили собраться 7 Февраля въ г. Тверь для составленія устава общества. Прибывшіе въ это время дворяне въ числѣ 21, довѣрили тремъ изъ среды себя, гг. Кудрявцеву, Бакунину и Мячкову, представить составленный уставъ военному губернатору г. Твери и Тверскому гражданскому губернатору, прося его ходатайства. Начальникъ Тверской губерніи представилъ уставъ общества г. министру внутреннихъ дѣлъ и получивъ отъ него отвѣтъ, увѣдомилъ письмомъ, отъ 4 Марта 1860 г. за No. 1463, одного изъ трехъ уполномоченныхъ нами дворянъ, г. Кудрявцева, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ невозможность дать ходатайству его по этому дѣлу дальнѣйшій ходъ, на томъ основаніи, что въ числѣ учредителей означеннаго общества находятся лица, сдѣлавшія уже извѣстными своими неблагонамѣренными дѣйствіями и несогласнымъ съ видами правительства направленіемъ, не обозначая именъ этихъ лицъ. По полученіи увѣдомленія г. Кудрявцевъ счелъ необходимымъ извѣститъ насъ объ отказѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ и обратиться съ письмомъ отъ 31 Марта къ начальнику Тверской губерніи; въ этомъ письмѣ, изложивъ ходъ всего дѣла, онъ объяснилъ несомнѣнную пользу и необходимость, въ настоящее время, подобнаго общества и просилъ, разъясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ, устранить препятствія къ осуществленію полезнаго желанія Тверскихъ дворянъ. На письмо г. Кудрявцева г. начальникъ губерніи отвѣчалъ ему, отъ 11 Апрѣля за No. 2212, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ не поименовалъ лицъ, служащихъ препятствіемъ къ утвержденію общества, но онъ полагаетъ, что выше приведенными

* Мы приняли въ нашей статьѣ цифры, предположенныя въ сдѣланномъ намъ возраженіи; по отчету же за 1856 г. подушныя съ государственныхъ крестьянъ 95 коп. сер., а оброчныя около 2 р. 60 коп. съ души.

словами г. министра указывались бывшій губернский предводитель дворянства Унковскій и Бѣжицкій помѣщикъ прапорщикъ Европеусъ; изъ коихъ первый по высочайшему повелѣнію отправленъ въ Вятку, а второй въ г. Пермь.

2.

Такой отвѣтъ г. начальника губерніи, какъ одно его предположеніе, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, тѣмъ болѣе, что означенныя лица, хотя удалены по высочайшему повелѣнію въ гг. Вятку и Пермь, но не лишены правъ состоянія и не ограничены въ выборѣ занятій, въ особенности такихъ, которыя имѣютъ *благонамѣренную цѣль* и могли бы быть полезны обществу и содѣйствовать развитію земледѣлія въ государствѣ. Не зная, такимъ образомъ, между дворянами, имена которыхъ видны изъ дѣла, т. е. восемнадцатью подписавшими письмо на имя троицъ, которымъ довѣрялось представить уставъ, ни одного лица, лишеннаго судебнымъ приговоромъ чести или добраго имени; не зная также, чтобы кто-либо изъ нихъ подвергался ограниченію правъ состоянія и имѣя въ виду Т. IX С. 3. о сост. ст. 9, мы находимъ:

- 1) Распоряженіе г. министра не основано на законахъ.
- 2) Обвиненіе въ неблагонамѣренности, приведенное въ официальной бумагѣ, которое можетъ простираться на всѣхъ, или на каждаго изъ насъ, оскорбительно, въ высшей степени, для всего дворянскаго общества.
- 3) Отказъ г. министра въ утвержденіи Тверскаго общества сельскаго хозяйства и садоводства наноситъ существенный вредъ интересамъ государственнымъ и частнымъ потому, что препятствуя намъ содѣйствовать развитіемъ земледѣлія пользамъ государственнымъ, лишаетъ вмѣстѣ возможности улучшеніемъ нашихъ хозяйствъ вознаградить жертвы, принесенныя отечеству готовностію уничтожить крѣпостное состояніе и стѣсняетъ наше право выбора занятій. Считая честь и доброе имя священнымъ и неприкосновеннымъ достояніемъ каждаго дворянина и сознавая, что строгое исполненіе законовъ и крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, составляетъ основу государственнаго спокойствія и благоденствія, мы вынуждены представить подобное дѣйствіе министра внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе судебной власти, охраняющей святость законовъ въ имперіи и увѣрены, что эта власть, такъ высоко стоящая въ мнѣніи всѣхъ, не допуститъ нарушеніемъ правъ и оскорбленіемъ чести высшаго сословія въ государствѣ — поколебать въ сердцахъ всѣхъ и каждаго вѣру въ справедливость и ненарушимость законовъ. На основаніи всего выше изложеннаго, представляя въ подлинникахъ и копіяхъ переписку по нашему дѣлу, всеподданнѣйше просимъ:

3.

Дабы повелѣно было: 1) истребовать отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ составленный нами уставъ Тверскаго общества сельскаго хозяйства и садоводства и утвердивъ его, учредить столь полезное и дозволенное закономъ общество. 2) Нарядить надъ дѣйствіями и поведеніемъ всѣхъ поименованныхъ въ дѣлѣ лицъ — слѣдствіе и судъ, чтобы доставить имъ возможность законнымъ путемъ возстановить честь и доброе имя. 3) Если законъ не дозволяетъ кому либо изъ лицъ, поименованныхъ въ дѣлѣ, участвовать въ нашемъ обществѣ, то исключивъ ихъ, не лишая остальныхъ возможности, на основаніи законныхъ правъ, быть полезными дѣятелями для блага общаго и частнаго. Къ подацію подлежить въ I департаментъ правительствующаго сената, 18 подписей.

С М Ъ С Ъ.

— *Еще разъ о Витвицкомъ.* — Саратовской губерніи Аткарскаго уѣзда въ имѣніи кн. Кочубея, с. Широкомъ Карамышѣ есть управляющій Витвицкій. Прошлаго (1859) года, великимъ постомъ, онъ наказалъ крестьянина, бывшаго при овчарнѣ, чрезъ солдатъ 4 роты 17 стрѣлковаго батальона, (*что это значитъ — развѣ 17 стрѣлковый батальонъ назначенъ въ палачи? — Ред.*) такъ сильно, что несчастный больше двухъ недѣль былъ при смерти. По веснѣ подломились въ овчарнѣ стропилы, и когда Витвицкій пріѣхалъ туда, поврежденіе это не было еще исправлено: наказанный уже прежде крестьянинъ получилъ опять приказаніе явиться въ контору для расправы, но предпочелъ ей собственную расправу, — заѣхалъ въ лѣсъ и удавился. Слѣдствіе произведено кругло и нашимъ пресловутымъ судьямъ не ухватиться за Витвицкаго даже и для того, чтобы потянуть съ него. Тотъ же Витвицкій развращаетъ крестьянокъ, и всѣ, красивыя собой, волей, неволей побывали въ его рукахъ, и тѣ, которыя протестовали противъ насилія, или имѣютъ какія-нибудь улики, отправляются для прислуги приставу 1 стана Леопольдову. Витвицкій уже разъ заподозренъ въ убійствѣ розгами одного крестьянина и находится подъ особымъ надзоромъ полиціи. — Правда ли это князь Кочубей?

— *Генералъ - кулачный боецъ и дѣтскій кисель.* — Разсказываютъ удивительное дѣло будто бы бывшее въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Кадеты не хотѣли ходить къ какому-то плохому преподавателю. Явился генералъ угрожать и, такъ какъ кадеты не шли, онъ схватилъ перваго попавшагося и хотѣлъ его протолкать въ залу; кадетъ его оттолкнулъ отъ себя. Тогда, рукопашный генералъ, началъ кулаками бить кадетъ въ первой шеренгѣ. Кадеты было бросились на него, но большинство старшихъ остановило ихъ и твердо высказало генералу, что они ему не дозволяютъ драться, что онъ можетъ ихъ судить, на нихъ доносить, но расправляются кулаками права не имѣетъ. Генералъ, которому дали дорогу, какъ-то сконфузился и выходя уронилъ фуражку. Тогда маленькіе кадеты, не могли удержаться, бросились на него въ то время, когда онъ поднималъ фуражку, и надавали ему пиньковъ, называемыхъ у нихъ *киселемъ*.

Но большіе кадеты, не хотѣли окончить дѣло этимъ дѣтскимъ десертомъ, они выбрали депутатовъ, чтобъ довести дѣло до губернатора и до жандарма. Директоръ, чтобъ затушить дѣло, и запугать кадетъ, хотѣлъ и не сумѣлъ арестовать тѣхъ, которыхъ считалъ самыми рѣшительными. На это онъ употребилъ педагога по фамилиі *Котельникова* (фамиліи кулачнаго бойца и генерала въ письмѣ нѣтъ, равно нѣтъ и числа). Юноши привыкнувшіе уважать педагоговъ не носящихъ военнаго мундира, сдались на краснорѣчивыя фразы учителя и пошли подъ арестъ. Говорятъ, что изъ Петербурга пріѣзжалъ какой-то слѣдователь нѣмецъ, и будто 13 человекъ кадетъ приговорены къ отдачѣ въ солдаты.

Если это преувеличено, то мы очень желали бы знать, чтожъ было и что сдѣлали съ генераломъ? Въ Англіи и не такія бойцы водятся: давно ли Бенишія-Бой отличался съ Томъ Сейерсомъ? Только королева ихъ не дѣлаетъ директорами ни въ Сандгорскомъ военномъ училищѣ, ни въ Гриничѣ.

До тѣхъ поръ пока у насъ всѣ будутъ драться съ подчиненными, грубить съ высшими, до тѣхъ поръ, пока розгу будутъ отстаивать съ фанатизмомъ, пока ерыги будутъ останавливать женщинъ на Тверскомъ бульварѣ, а другіе говорить непристойности въ вагонахъ желѣзной дороги, до тѣхъ поръ у насъ *многого не будетъ*... Кстати:

— *Пальто Менщикова и рубашка Муравьева-вѣшателя.* — Мѣсяць тому назадъ мы говорили объ офицерскомъ ѣрничествѣ на Тверскомъ бульварѣ; недавно полученное нами письмо навело насъ, во-первыхъ на *генеральское* ѣрничество, и вообще на всероссійское, чиновничье-помѣщичье.

Намъ пишетъ знакомый изъ Висбадена: “Здѣсь Муравьевъ, министръ, представте себѣ что онъ сидитъ у себя на квартирѣ въ одной рубашкѣ передъ окномъ на главную улицу.” Кажется бѣды въ этомъ нѣтъ, и мы не имѣемъ вовсе *pruderie*, но бѣда въ томъ, что это дѣлается не просто отъ жара, а изъ ѣрничества—а по этому и не слѣдуетъ имъ спускать. Меншиковъ подъ солнцемъ Византіи, прѣтеть въ пальто, чтобъ показать форсъ. Муравьевъ-вѣшатель дрогнетъ въ рубахѣ, нынѣшнимъ *зимнимъ* лѣтомъ, чтобъ пофордыбачится передъ нѣмками.

Выучитесь прежде у себя дома ходить безъ ливреи, курить на улицахъ сигары, а уже потомъ показывайте вашу развязность другимъ странамъ. А то вѣдь мы знаемъ, что “у васъ въ Швабіи свой король есть!”

Русскій чиновникъ въ Берлинской камерѣ (писали въ журналахъ) не хотѣлъ встать во время присяги что ли... “Хвала тебѣ, свободы чадо!” Ха, ха, ха! а въ Петербургѣ... а въ департаментѣ, передъ начальникомъ отдѣленія... да что передъ начальникомъ отдѣленія?... передъ крикомъ пьянаго квартальнаго—что сдѣлаетъ ‘свободы чадо!’

— *Пугачевъ и Сухозанетъ.* — Мы узнали новыя подробности объ обѣдѣ, на которомъ Булгаковъ, предложилъ тостъ Пугачева. Одну дѣлающую величайшую честь Александру Николаевичу и другую не дѣлающую никакой чести Сухозанету. Булгаковъ объяснилъ въ *Тимашевскѣ* (мы думаемъ что III Отдѣленіе можно такъ назвать) что онъ тостъ свой предложилъ, найдя неприличнымъ тостъ за Унковскаго и пр. Когда это было доведено до государя, онъ сказалъ: “Я думалъ, что это только глупая исторія, а теперь вижу, что она и очень подлая исторія.” Эта сентенція вырвалась у государя, мы увѣрены, безъ совѣта Панина, безъ контроля Адлерберга *filiusque*, безъ вѣдома Орлова. Далѣе хроника говорить, что Булгаковъ (котораго *голосъ* арифметически упрочилъ розгу въ рукахъ помѣщиковъ, ихъ женъ и дочерей) чуть чуть было не слѣтѣлъ за это изъ статсъ-секретарей, но рука старца вѣтхаго деньми и слабago достоинствами—Сухозанета, поддержала его; а жаль что не Булгаковъ стащилъ съ собой старичка. Это была бы новая заслуга Пугачева.

— *Неприкосновенность великокняжескихъ камердинеровъ.* — Мы совѣтуемъ всей Россіи проситься въ камердинеры къ кому нибудь изъ огромнаго и невѣроятно увеличивающагося числа великихъ и малыхъ князей и княженъ, отъ цесаревича и наслѣдника престола.... до королевы Нидерландской и супруги ея. Что можетъ быть на примѣръ лучше какъ быть камердинеромъ Николая Николаевича и супруги его?

Вотъ что случилось 30 Іюня (12 Іюля) на пароходѣ *Нева*, шедшемъ изъ Петергофа въ Петербургъ. Какой-то мерзавецъ буянилъ до того, что пассажиры просили шкипера унять его; но мерзавецъ объявилъ, что онъ камердинеръ въ свитѣ Николая Николаевича и въ силу того *приколотилъ шкипера*. На пристани, свиты его высочества камердинеръ, былъ отданъ полиціи и *приколотилъ* городского. Патронъ его узнавъ объ его арестѣ, попросилъ запиской выпустить камердинера; ну! его и выпустили. Каково уваженіе къ закону у членовъ августѣйшей фамиліи? Или добродушный *Nicolas l'Oiseleur* не знаетъ, что ударить шкипера во время плаванья, преступленіе первой важности, да и что городовыхъ бить только позволяется частнымъ приставамъ и развѣ камергерамъ, а не камердинерамъ.

— *Шалуиъ Мухановъ*.—Едва Ковалевскій изъ Петербурга, какъ Мухановъ *что не на Висль*, запрещаетъ писать противъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Въ циркулярѣ своемъ *нарѣзчикъ дичи* особенно велитъ строго смотрѣть за статьями *Петербургскихъ Вѣдомостей* и въ особенности Воскобойникова. Ахъ, князь Горчаковъ! какъ васъ совѣсть должна мучить, что вы подняли Муханова не на Висль, вотъ его и пустили въ огородъ народнаго просвѣщенія, онъ и пошелъ топтать литературу, журналы, гласность.

— *Лужинъ-вѣрный*.—Лужинъ сошелъ съ ума на доносахъ, ему такъ понравилась безнаказанность его гнуснаго поведенія, съ несчастнымъ Завадскимъ, что онъ теперь доноситъ на право и на лѣво, сдѣлался Майборода и Шервуда вмѣстѣ. Графъ Тимашевъ имъ не нахвалится, князь Долгоруковъ имъ только и печалится. Въ уѣздномъ городѣ *Богородуховъ*, окружной начальникъ *Ивановъ* осмѣлился не тотчасъ явиться къ Лужину. Лужинъ послалъ за нимъ. Ивановъ велѣлъ сказать, что онъ только что воротился изъ уѣзда, и какъ разберетъ свои дѣла, явится къ нему. Лужинъ за это обругалъ его, посадилъ подъ арестъ и велѣлъ помощнику принять должность, а самъ донесъ государю, что онъ такъ распорядился потому, что *Ивановъ волнуетъ народъ, пуская въ оборотъ вольныя мысли*. Ивановъ подалъ прошеніе въ палату—что то выйдетъ изъ этого?

Послѣ этого, господа, извольте служить въ гражданской службѣ!

Бѣдный Дуббельтъ! за чѣмъ при немъ не было такого Ивана, каковъ Иванъ Лужинъ.

— *И. И. Глушковъ*.—Намъ пишутъ слѣдующее: “Недавно напечатано было, что Иванъ Ив. Глушковъ взялъ 50,000, для закрытія казенной суконной фабрики. Глушковъ въ высшей степени человекъ честный, онъ былъ начальникомъ провіантскаго департамента и остался бѣднымъ. Врагъ всякой роскоши, живя тихо, Глушковъ точно закрылъ двѣ фабрики, но не для Алексѣева, а для того что ежегодно приносили казнѣ 200,000 чистаго убытку. Это извѣстно всѣмъ, кто этимъ интересуется. *Не всякому обвиненію можно вѣрить, слѣдовало бы узнать дѣло прежде чѣмъ огорчатъ хорошаго человека*.” Конечно слѣдовало бы,—впрочемъ оно не до такой степени легко, какъ думаетъ почтенный защитникъ г. Глушкова. Объ этомъ мы говорили сто разъ.

— *Въ дополненіе къ біографіи Г. Шевченко, напечатанной во 2 кн. Народнаго чтенія*.—Въ прошломъ году извѣстный

поэтъ Шевченко, послѣ многолѣтней ссылки на берегахъ Каспійскаго моря, получилъ наконецъ позволеніе съѣздить на родину, о чемъ тогда дано было знать губернаторамъ Малороссійскихъ губерній, *для свѣдѣнія*.

Минувя города и села, Шевченко спѣшилъ въ свою родную, давно невидѣнную Кирилловку. Въ м. Межиричи, Черкаскаго уѣзда, онъ натолкнулся на тамошняго исправника *Кабашникова*, который, какъ и другіе его собраты, имѣлъ отъ Гессе предписаніе, неукоснительно наблюдать за такимъ-то и за такимъ-то Шевченкомъ. Встрѣтившись съ послѣднимъ, Кабашникову, прежде всего пришло на умъ, *содрать* съ него, въ силу чего онъ и потребовалъ отъ Шевченка—снять съ него портретъ *во весь ростъ и безошибочно*. Тотъ, отказался. Кабашниковъ сейчасъ же арестовалъ его, донесъ Гессе, что имъ задержанъ отставной рядовой Тарасъ Григорьевъ сынъ Шевченко, уличенный въ кощунствѣ и богоотступничествѣ. Гессе приказалъ, не медля, препроводить Шевченка за конвоемъ въ Кіевъ. И если бы не добрые люди, межъ которыми нельзя не назвать жандармскаго генерала *Куцинскаго*, то Шевченко долго бы прогостилъ въ Кіевской полиціи.

— *Просьба отъ Издателей*.—Издатели *Колокола* просятъ покорнѣйше Орловскихъ жителей прислать имъ подробности дѣла милаго шалуна князя *Кейкуатова*, недававшего спуска своимъ дочерямъ и принимавшаго всѣхъ крестьянокъ за своихъ дочерей. Мы слышали, что его разстригли изъ князей и послали въ крѣпость, но товарищи по ремеслу хотятъ его какъ-то взять на поруки. Не можетъ-ли г. *Гутцейтъ*, (тоже Орловскій помѣщикъ, насилувавшій дѣтей и слѣдственно оправданный русскимъ судомъ)—сообщить намъ о своемъ эротическомъ состязателѣ князь *Кейкуатовъ*,—мы будемъ ему очень благодарны.

— *Отъ редакціи*.—Господина приславшаго намъ филиппику противъ *Волкова* Полтавскаго губернатора, мы извѣщаемъ, что его письма не можемъ печатать, намъ *надобны факты, а не намеки, и факты съ именами и числами*.

— *Запросъ*.—Лондонскіе журналы отъ 21 Августа напечатали телеграфическое извѣстіе, будто въ Россіи войску не выдается жалованье, что даже гвардія уже пять мѣсяцевъ не получаетъ его, и что вездѣ въ Россіи идутъ глухіе толки о томъ, что правительство на канунѣ банкротства. Убѣдительно просимъ нашихъ соотечественниковъ сообщить намъ правду ли это и насколько правда, или это только слухи, преднамѣренно распускаемые биржевой спекуляціей?

— *Отчетъ*.—Издатели *Колокола* извѣщаютъ, что собранныя ими отъ соотечественниковъ *двадцать фунтовъ*, для отправленія Польскаго офицера въ войско Гарибальди ими вручены, (росписка хранится въ редакціи). Желаютіе жертвовать для подобной цѣли, могутъ присылать деньги въ Русскую Типографію.

ПЕЧАТАЮТСЯ :

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II, Н. ОГАРЕВА.

ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ, кн. VIII.

СБОРНИКЪ правительственныхъ документовъ о Раскольникахъ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOXO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
5, Thornhill Place, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил. съ девятымъ листомъ—
ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 81.

15 СЕНТЯБРЯ 1860.

У Труопера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Труды комиссіи для устройства земскихъ банковъ—Die edlen Ritter von Liefeland—Мальчикъ на каторгѣ.

Смѣсь: Подвиги Муравьева-вѣшателя въ Архангельской губерніи—Анархія проповѣдуемая Александромъ II—Отвѣтъ.

ТРУДЫ КОММИССІИ

ДЛЯ УСТРОЙСТВА ЗЕМСКИХЪ БАНКОВЪ.

(Окончаніе къ статьямъ о редакціонныхъ комиссіяхъ.)

“При окончаніи своихъ занятій,” говоритъ Комиссія для устройства земскихъ банковъ въ предисловіи къ своимъ трудамъ, “имѣя въ виду, съ одной стороны, что для успѣха учрежденія у насъ земскихъ банковъ, на началахъ частнаго кредита, необходимо возможно-большее и повсемѣстное распространеніе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, совершенно у насъ новомъ, и съ другой стороны, что степень примѣнимости многихъ предложеній комиссіи можетъ быть уяснена лишь обсужденіемъ ихъ въ ученой литературѣ,—комиссія признала ближайшимъ средствомъ къ достиженію этихъ цѣлей распубликованіе ея работъ до окончательнаго утвержденія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Министръ финансовъ раздѣляя вполне такое мнѣніе комиссіи, всеподданнѣйше испрашивалъ на приведеніе онаго въ исполненіе высочайшее разрѣшеніе, которое и послѣдовало 11 Декабря 1859 года.”

Воздадимъ комиссіи комиссіевн. Желаніе гласности прежде всего показываетъ ея добросовѣстность. Мы убѣждены, что не только въ дѣлѣ земскихъ банковъ, но—прежде другихъ вопросовъ—во всѣхъ вопросахъ финансовыхъ, само правительство придетъ къ необходимости гласнаго отчета и общественнаго обсужденія, потому что этимъ путемъ оно не такъ скоро обанкрѣтится. Откровенность еще можетъ быть вызоветъ общественную помощь, столь необходимую при уродливомъ финансовомъ положеніи правительства; но путь скриваній и тайныхъ изворотовъ навѣрно разрушитъ всякое довѣріе, не вызоветъ никакой помощи и съ необычайной быстротой поведетъ правительство къ банкротству безвыходному.

Но требованіе гласности со стороны комиссіи было только отрицательной добросовѣстностью; дѣятельной добросовѣстности у нея не хватило; у нея не достало гражданскаго мужества сказать правительству, что при срочно-обязанномъ положеніи крестьянъ никакой поземельный кредитъ и никакой земскій банкъ невозможенъ.

Сознавала ли комиссія земскихъ банковъ всю ложь, въ которую ставило её срочно-обязанное положеніе, или она приняла это наслѣдіе редакціонныхъ комиссій съ полнымъ уваженіемъ къ завѣщанной святинѣ,—мы не знаемъ; по только видимъ, что это наслѣдіе вовлекло комиссію земскихъ банковъ въ постоянныя противурѣчія. Изъ этихъ противурѣчій не исторгло ее и изученіе поземельнаго кредита заграничнаго, потому что привело ее къ задачѣ примѣнять непримѣнимое. Вдобавокъ, унаслѣдованная отъ редакціонныхъ

комиссій, метода переходныхъ мѣръ и вѣчныхъ уступокъ истиннаго ложному—будто-бы для спасенія истиннаго, между тѣмъ какъ на дѣлѣ выходитъ только утрата истиннаго, эта метода окончательно запутала все и сдѣлала изъ проэкта комиссіи нѣчто невозможное, а потому и ненужное.

Если цѣлью комиссіи былъ собственно не проэктъ, а журнальная статья о земскомъ кредитѣ за границей, въ такомъ случаѣ цѣль достигнута, и то была бы полнѣе достигнута, еслибы къ ней не примѣшивалось поползновеніе пересадить чужеземный, дома очень хорошо растущій, цвѣтокъ на русскую почву, для него неудобную. Если же цѣлью комиссіи былъ самый проэктъ, то труды ея дѣйствительно приводятъ въ изумленіе. Постоянно говоря о—доходящихъ почти до невозможности—затрудненіяхъ для устройства земскихъ банковъ изъ товарищества заемщиковъ, комиссія составляетъ проэктъ на основаніяхъ этого товарищества. Говоря о вредѣ акціонерныхъ компаній, комиссія признаетъ ихъ наиболѣе возможными въ Россіи и между тѣмъ не ставитъ себѣ задачу: могутъ-ли, при извѣстныхъ условіяхъ, акціонерныя компаніи быть безвредными? Говоря о вредѣ земскаго кредита сословнаго, комиссія создаетъ проэктъ сословнаго земскаго банка. Говоря о вредѣ казеннаго кредита и упоминая, и то только мимоходомъ, о новой формѣ земскихъ банковъ, смѣшанной изъ двухъ элементовъ—землевладѣльческаго и акціонернаго, комиссія создаетъ новую форму, смѣшанную изъ инныхъ элементовъ—землевладѣльческаго и казеннаго, но признаетъ эту форму переходною къ чисто землевладѣльческой; комиссія не подумала, что переходная форма банка доказываетъ, что основанія его не прочны и что примѣсь того, что надо будетъ отбросить, не обезпечитъ, а подорветъ кредитъ банка. Находя одной изъ главныхъ потребностей, чтобы земскіе банки не мѣшали, а напротивъ помогали выкупу, комиссія ничего не сдѣлала для этой цѣли, и крестьяне, по ея проэкту, остаются внѣ пособій кредита. Это значило упустить изъ виду основной вопросъ, который привелъ къ необходимости преобразованія кредитной системы.

Всѣ эти противурѣчія произошли очень просто; нить, по которой они развивались, вездѣ видна. Вмѣсто того, чтобы поставить себѣ главной задачей: какимъ образомъ примѣнить поземельный кредитъ къ освобожденію крестьянъ съ землею?

— комиссія поставила задачу : откуда помѣщику взять денегъ для вольнонаемнаго труда? Кажется обѣ задачи тѣсно связаны, а между тѣмъ выводы становятся безконечно различны, смотря потому, которую изъ нихъ примешь за основаніе и которую за послѣдствіе. Если въ основаніе взять задачу : откуда помѣщику достать денегъ для вольнонаемнаго труда, — необходимо придешь къ мысли, что если помѣщикъ заложитъ всю землю, и свою и крестьянскую, то получить бѣольшую ссуду и слѣдственно больше средствъ для вольнонаемнаго труда ; а вмѣстѣ съ тѣмъ придешь и къ сомнѣнію — какъ же закладывать земли, находящіяся въ безрочномъ пользованіи у крестьянъ? Вѣдь помѣщикъ съ нихъ не получаетъ дохода земледѣльческаго, а только доходъ повинностей ; подъ барщинскую повинность банкъ не можетъ дать ссуды, — она невѣрна и неопѣнима ; стало подъ оброчную, подъ денежную повинность банкъ можетъ дать ссуду. И прекрасно ! Это побудитъ помѣщиковъ поскорѣе переводить барщинскія повинности на денежныя и приблизитъ дѣло къ выкупу крестьянами ихъ угодій... Да полно приблизитъ ли ? Сомнѣніе заставляетъ комиссію утѣшать себя :

“Выдача ссудъ подъ имѣнія населенныя срочно-обязанными крестьянами, говоритъ она (стр. LIV), не можетъ, при такихъ условіяхъ преградить также путь выкупнымъ операціямъ, если за помѣщиками заложенныхъ имѣній будетъ сохранено * право на заключеніе выкупныхъ сдѣлокъ съ крестьянами ; ибо ссуды подъ имѣнія съ оброчными крестьянами не могутъ, при сбавкѣ съ цѣнности повинностей, быть вообще выгоднѣе для заемщиковъ, чѣмъ выкупная операція, и вмѣстѣ съ нею ссуда изъ Банка, по крайней мѣрѣ не на столько выгоднѣе, чтобы имѣть опасное вліяніе на развитіе выкупа ; въ то же время свободный доступъ къ кредиту и для такихъ помѣщиковъ, которые, по какимъ либо причинамъ, не сошлись еще въ выкупныхъ условіяхъ съ крестьянами, содѣйствуетъ къ обезпеченію за выкупными сдѣлками полюбовнаго характера, согласно видамъ на это дѣло со стороны правительства.”

Но это самоутѣшеніе комиссіи не совсѣмъ ясно. Положимъ — я помѣщикъ имѣнія съ оброчными крестьянами ; я беру изъ банка ссуду въ полкапитала, съ котораго оброкъ составляетъ проценты, и въ полкапитала стоимости земли исключительно мнѣ принадлежащей ; пол-оброкомъ я выплачиваю ссуду полкапитала повинностей, а другимъ пол-оброкомъ ссуду полкапитала земельного ; стало оброкъ весь уходитъ на уплату всего долга, а доходъ съ земледѣлія остается у меня въ чистой прибыли и сверхъ того я располагаю денежнымъ капиталомъ. Къ чему же еще мнѣ хлопотать о выкупѣ ? Мнѣ и безъ того хорошо. Въ видахъ же правительства только *полюбовный* характеръ выкупа ; стало и мое несогласіе на выкупъ въ видахъ правительства.

Дѣйствительно — счастье для народа, что, по другимъ причинамъ, проэктъ комиссіи несостоятеленъ !

Совсѣмъ къ другому результату придешь, если поставишь основною задачею : какимъ образомъ примѣнить поземельный кредитъ къ освобожденію крестьянъ съ землею ? Тогда очевидно ссуда должна быть дана крестьянамъ для удовлетворенія помѣщиковъ, т. е. банкъ долженъ принять выкупъ на себя и уплачивать по облигаціямъ выданнымъ помѣщикамъ за крестьянъ, получая съ крестьянъ, въ счетъ процентовъ и погашенія облигацій, годовые взносы. Выпускъ этихъ банковыхъ облигацій, или листовъ (назовите какъ хотите) — и дастъ помѣщикамъ средство для вольнонаемнаго труда ;

* Стало и это сомнительно — будетъ ли сохранено право на заключеніе даже и выкупныхъ сдѣлокъ ? Надѣется ли комиссія на выкупъ обязательный, или надѣется, что выкупа вовсе не будетъ ?

банкъ явится кредиторомъ относительно крестьянъ и должникомъ относительно помѣщиковъ, что составитъ дѣйствительное освобожденіе крестьянъ съ землею и вислолько не помѣшаетъ банку производить особыя ссуды подъ залогъ — отдѣльно отъ крестьянскихъ — помѣщичьихъ и всякихъ иныхъ земель. Изъ этой задачи вышелъ проэктъ Тверскаго земскаго банка и пришелъ къ той формѣ, смѣшанной изъ землевладѣльческаго и акціонернаго элементовъ, о которой комиссія, въ подстрочномъ примѣчаніи, упомянула какъ о чемъ то только еще мечтаемомъ, находящемся на степени теоретическихъ соображеній, въ Германіи.

Изъ двухъ различныхъ точекъ отправленія очевидно, что Тверской проэктъ не могъ придти, а комиссія должна была придти къ учрежденію *сословнаго* банка. Мы не думаемъ, чтобы сама комиссія ошибалась на этотъ счетъ и предполагала, что ея банкъ *не сословный* : дозволеніе помѣщикамъ закладывать крестьянскія земли, въ видѣ залога денежныхъ повинностей, и незамѣтность числа владѣльцевъ незаселенныхъ земель въ Россіи, явно указываетъ, что проэктъ комиссіи — проэктъ банка *сословнаго*. Онъ на сословной задачѣ поставленъ и съ сословной цѣлью построенъ. Земскій банкъ, на основаніяхъ компаніи землевладѣльцевъ-заемщиковъ, въ Россіи, при устраненіи изъ числа ихъ — крестьянъ (что и сдѣлано дозволеніемъ помѣщикамъ и казнѣ закладывать *населенныя имѣнія*) — чисто банкъ помѣщичій, потому что кромѣ дворянства иныхъ землевладѣльцевъ нѣтъ. Ссуды банка подъ залогъ городскихъ домовъ не могли имѣть инаго значенія въ глазахъ комиссіи, какъ значенія второстепеннаго, побочнаго. Выборъ между акціонерной формой банка и формой землевладѣльческой, для Россіи, равнялся выбору между формой несословной и формой сословной. Уже одно это, въ виду крестьянскаго вопроса, должно было привести комиссію къ предпочтенію формы акціонерной, и къ изысканію условій, при которыхъ бы ея попользованіе на биржевую спекуляцію и недобросовѣстный барышъ устранилось.

Но помимо сословности землевладѣльческой формы банка, противъ нея въ глаза бросается ея несостоятельность и невозможность въ Россіи, при настоящемъ положеніи. Положимъ, что землевладѣльческая компанія составила, и выдала заемщикамъ закладные листы. Но вѣдь ихъ надо размѣнять. Капиталистъ спроситъ : кто за ихъ прочность ручается ? Скажутъ : круговая порука землевладѣльцевъ-помѣщиковъ. На этой круговой поруцѣ, даже и до возбужденія вопроса освобожденія крестьянъ, закладные листы не поступили бы къ размѣну. Жизнь помѣщиковъ на крѣпостномъ правѣ шла спустя рукава ; процентовъ въ казенныя кредитныя учрежденія они никогда аккуратно не платили и, если имѣніе не продавалось съ торговъ, то навѣрно перезакладывалось. Деньги по замѣчанію самой комиссіи, всего нужнѣе будутъ для тѣхъ, у кого имѣнія уже заложены ; а заложены двѣ трети имѣній ; стало незаложенныя, которыя для капиталистовъ представляли бы дѣйствительныя ручательства въ своей состоятельности, такъ разсыпаны по пространству Россіи, что не принесутъ никакого ручательства къ группѣ должниковъ сомнительныхъ, да и едва ли захотятъ принять участіе въ этомъ ручательствѣ. Капиталистъ, и при не затронутіи крѣпостнаго права, взглянулъ бы на закладной листъ какъ на вексель несостоятельнаго должника за поручительствомъ

нѣсколькихъ несостоятельныхъ должниковъ; выходъ для капиталиста былъ бы одинъ — продажа имѣнія должника. Это всегда сопряжено съ хлопотами. Могъ ли бы онъ дать что нибудь, или многое за закладной листъ, взысканіе по которому подвергнетъ его безчисленнымъ неприятностямъ? Да и цѣль его совсѣмъ не опись и продажа имѣнія, а помѣщеніе капитала за вѣрные, въ срокъ платимые проценты. Чтожъ дѣлать капиталисту съ помѣщичьимъ закладнымъ листомъ за помѣщичьей круговою порукою? Или вовсе не покупать, или купить очень дешево. Стало банкъ не могъ бы состояться и при крѣпостномъ правѣ. При срочно-обязанномъ положеніи онъ меньше возможенъ, чѣмъ когда нибудь. Неясность отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, не смотря на усложняющую ихъ подробность инвентарей, споръ изъ за оброковъ, жалобы другъ на друга въ такомъ количествѣ, что мировымъ судьямъ покажется будто они середь Бородинской битвы, вмѣшательства начальства, возбужденность народа, которому по губамъ помазали волей, а по спинѣ доказываютъ что это неправда, страхъ передъ бунтомъ, — весь этотъ хаосъ, называемый срочно-обязаннымъ положеніемъ, приведетъ къ тому, что за закладные листы землевладѣльческаго банка никто не дастъ ни копѣйки, и онъ просто невозможенъ. А къ положительной, ясной развязкѣ вопроса, къ выкупу крестьянскихъ угодій, — на основаніяхъ землевладѣльческой компаніи приступить не лзя: у ней вовсе нѣтъ размѣннаго капитала.

Коммиссія сама могла замѣтить, что успѣхи землевладѣльческихъ банковъ въ Германіи не могли служить примѣромъ для Франціи; что не только такого рода банки отсутствуютъ, но что даже акціонерная форма земскаго банка во Франціи не можетъ держаться иначе, какъ выходя изъ за рамки поземельнаго кредита. Стало страна на страну не приходится; истина до того простая, что даже странно почему она ускользнула отъ наблюдательности коммиссіи. Успѣхъ землевладѣльческой формы банковъ въ Германіи имѣетъ свою достаточную причину: поземельная собственность не дошла до такой мелкой дробности какъ во Франціи; и отличительный нѣмецкій характеръ кухонной разсчетливости дѣлаетъ то, что если нѣмецъ и не разбогатѣетъ, то навѣрно не проживетъ; стало доходы, при отсутствіи большихъ колебаній цѣнъ на земледѣльческія произведенія, держатся постоянно въ одномъ уровнѣ, и потому бумаги, обеспеченныя поземельной собственностью, не подвержены никакимъ колебаніямъ курса — и охотно принимаются капиталистами какъ очень вѣрное помѣщеніе капиталовъ, очень рѣдко сопряженное съ продажей закладываемыхъ имуществъ. Совсѣмъ иное во Франціи: дробность собственности служитъ постояннымъ препятствіемъ къ составленію землевладѣльческой банковской компаніи; да если бы и составила такая компанія, ея бумаги не поступили бы къ размѣну, потому что не представили бы для капиталистовъ иного ручательства, какъ продажу имуществъ съ торговъ, слѣдственно обезпеченіе сопряженное съ безчисленными хлопотами и, при безпретанномъ повтореніи, угрожающее упадкомъ цѣнъ на земли, которыхъ земледѣльцы купить не въ состояніи, а неземледѣльцы не захотятъ иначе какъ въ тридешево. Обремененіе долгами дробной поземельной собственности дѣлаетъ то, что и акціонерная форма земскаго кредита не можетъ держаться во Франціи иначе, какъ прибѣгая къ посторонней выгодѣ иныхъ биржевыхъ спекуляцій. Вся мелкая поземельная

собственность заложена и перезаложена въ частныя руки за разнообразныя проценты и не представляетъ поля ни для биржевой наживы, ни для правильного хода банковской дѣятельности; она отдана въ жертву мелкимъ ростовщикамъ и не имѣетъ силы освободиться изъ ихъ рукъ.

Желаніе успѣшное германское учрежденіе пересадить на русскую почву, вовлекло коммиссію въ не совсѣмъ вѣрное опредѣленіе поземельнаго кредита и въ противурѣчіе. Коммиссія говоритъ:* “только ипотечная система превращаетъ личный кредитъ въ кредитъ вещественный, переноситъ долговую претензію съ лица на имущество, что и составляетъ первую основу поземельнаго кредита.” Далѣе коммиссія говоритъ:† “Земскіе банки выдаютъ ссуду лишь подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, имѣющихъ какую либо постоянную цѣнность и *моущихъ приносить доходъ.*” Въ этихъ двухъ положеніяхъ заключается глубоко скрытое противурѣчіе, которое, если не бросается въ глаза съ разу, то на дѣлѣ становится очень чувствительно. Вещественный залогъ, т. е. земля, еще не составляетъ основу поземельнаго кредита, если не приноситъ дохода. Пустопорожняя земля въ пустынѣ не есть предметъ кредита. Слѣдственно чтобъ служить обезпеченіемъ кредиту вещественный залогъ долженъ приносить доходъ; доходъ получается трудомъ. Если земля и не въ пустынѣ, но къ ней не прилагается или плохо прилагается трудъ, то она нисколько не вызоветъ кредита, и можетъ служить обезпеченіемъ развѣ разсчетамъ какого нибудь ростовщика, а не правильному разсчету банка. Слѣдственно въ основу поземельнаго кредита входятъ двѣ составныя части: земля, какъ юридическое обезпеченіе въ крайнемъ случаѣ, и трудъ, какъ необходимое условіе довѣрія, т. е. собственно кредита. Принять за исключительную экономическую, а не юридическую, основу поземельнаго кредита вещественное обезпеченіе — ошибка, а принять необходимымъ условіемъ кредита доходность — противурѣчіе первому положенію. Но на дѣлѣ ошибка и противурѣчіе виднѣе. Землевладѣльческая форма банка у насъ потому невозможна, что хотя юридическое обезпеченіе залога и существуетъ, но трудъ помѣщичій дѣло сомнительное. При отсутствіи одной изъ составныхъ частей и кредитъ невозможенъ. Въ Германіи помѣщикъ хорошій земледѣлецъ, или отдаетъ свою землю въ наймы хорошему земледѣльцу, слѣдственно трудъ приложенъ и доходъ обезпеченъ. У насъ помѣщикъ или вовсе не земледѣлецъ, или мнимый земледѣлецъ. При крѣпостномъ правѣ сторону труда кое-какъ представляли крестьяне, — и кредитъ былъ кое-какъ возможенъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, — до тѣхъ поръ пока помѣщики дѣйствительно образуютъ изъ себя дѣятельную промышленную силу — пройдетъ время, и въ этотъ промежутокъ они неспособны получить кредитъ за собственнымъ ручательствомъ, т. е. не могутъ составить банковъ на основаніяхъ товарищества заемщиковъ. Кредитъ дается сторонѣ труда, т. е. кредитъ будутъ имѣть крестьяне. Но крестьяне не могутъ между собою составить землевладѣльческаго банка отъ того, что не могутъ дать вещественнаго юридическаго обезпеченія. Продать за неплатежъ землю у общины съ аукціономъ также мудрено, какъ продать землю у государства. Слѣдственно при уничтоженіи крѣпостнаго права, первая форма поземельнаго кредита возможная

* Объяснительная записка, стр. 70.

† Проектъ положенія, глава II, § 20.

только та, которая основана на доверіи къ труду, и не на юридическомъ обезпеченіи аукціонной продажи залога, а на несомнѣнномъ правѣ трудящагося владѣть землею. Отсюда при уничтоженіи крѣпостнаго права, первая форма поземельнаго кредита возможная,—естъ акціонерная форма банка, котораго первое дѣйствіе было бы выкупъ крестьянскихъ земель, что общество Тверскаго земскаго банка совершенно и поняло. Студа крестьянамъ, основанная на доверіи къ труду и на несомнѣнности землевладѣнія, т. е. выкупъ крестьянскихъ земель, даетъ помѣщикамъ пособіе начать самимъ трудиться, и тогда, можетъ въ публикѣ возбудиться доверіе и къ ихъ труду; для помѣщиковъ—уничтоженіе крѣпостнаго права есть освобожденіе ихъ самихъ отъ тунеядства и начало новой жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ выкупъ, отмежевавъ помѣщичьи земли, представить ясно какіе залоги имѣютъ помѣщики для юридическаго обезпеченія, кредита, — и это обезпеченіе, и возрастающее доверіе къ ихъ труду—можетъ быть со временемъ и сдѣлаетъ для нихъ возможнымъ учрежденіе банковъ въ формѣ землевладѣльческой, если это окажется нужнымъ. А теперь—такого рода банки, со стороны комиссіи, только правительственно-помѣщичья фантазія, — мечта.

При крѣпостомъ правѣ, гдѣ сторону труда представляли крестьяне, поземельный кредитъ для помѣщиковъ былъ возможенъ, и то исключительно казенный. Монополь казеннаго кредита не былъ правительственнымъ захватомъ, а былъ вызванъ силою обстоятельствъ. Юридическая неурядица частныхъ обязательствъ давала только казнѣ возможность пользоваться вещественнымъ обезпеченіемъ безъ особыхъ хлопотъ и потерь; акціонерныя компаніи не существовали; кредитъ частныхъ лицъ былъ безконечно дорогъ. Монополь казеннаго кредита не былъ монополемъ, а существовалъ за отсутствіемъ частнаго кредита, который и теперь едва возникаетъ. Упрекъ въ дешевизнѣ, который комиссія дѣлаетъ казенному кредиту,* падаетъ на комиссію, потому что дешевизна кредита полнѣйшее его оправданіе. Зло монополизациі казеннаго кредита произошло не отъ доступности его заемщикамъ, а отъ его доступности вкладчикамъ, которые безъ всякаго труда могли не только жить на проценты, но и копить капиталы, получая процентъ на процентъ. Это сдѣлало изъ казенныхъ банковъ средоточіе самаго тупаго и скупаго ростовства. Эта доступность вкладчикамъ наконецъ такъ обременила банки, что они должны были понижать проценты, чтобъ остановить стремленіе къ беззаботной наживѣ ростовщиковъ-вкладчиковъ, иначе сами могли бы отъ утучненія вкладами лопнуть. Зло поземельнаго казеннаго кредита происходило еще не отъ доступности, а отъ недоступности массѣ населенія; онъ былъ монополемъ помѣщичьимъ; трудъ крестьянина не имѣлъ къ нему доступа, доступъ имѣлъ только помѣщикъ, и не встрѣчая при запросѣ ссуды—конкурента въ трудѣ, тратилъ занятые капиталы куда попало, всего менѣе на увеличеніе производительныхъ силъ въ государствѣ, такъ, что вклады давали незаслуженный и слѣдственно неестественный, искусственный ростъ, а обращаясь въ ссуды—разтрачивались на вздоръ. Надо замѣтить, что проектъ комиссіи, сохранивъ въ сущности за помѣщикомъ монополь кредита, при переводѣ казеннаго кредита на частный, сохранилъ бы въ Россіи не только огромную долю прежняго зла, а пожалуй и все зло

цѣликомъ; частный кредитъ былъ бы вреднѣе казеннаго; сословный банкъ въ Россіи въ тысячу разъ опаснѣе чѣмъ въ Германіи; въ Германіи онъ представляетъ одинъ изъ отдѣловъ общаго кредита; у насъ онъ представилъ бы помѣщичій монополь поземельнаго кредита. — еслибъ былъ возможенъ. Наконецъ третье зло казеннаго кредита не въ дешевизнѣ его, а въ томъ, что казна, что правительство имѣетъ право всегда запускать въ него жадную лапу, что доказываетъ постоянное ограбленіе кредитныхъ учреждений покойнымъ императоромъ; а потому кредитъ на этихъ основаніяхъ держаться не можетъ, а образованію инаго кредита мѣшаетъ, что и приводитъ къ отсутствію кредита вообще.

Упреку въ легкости и дешевизнѣ казеннаго кредита—сама комиссія такъ мало вѣритъ, что отвергаетъ акціонерную форму банка, по связанной съ нею дороговизнѣ кредита. Противурѣчіе смѣшное, но хорошо и то, что комиссія испугалась логическаго слѣдствія своего упрека. Отвергая акціонерную форму банка, комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ и допускаетъ ее. Можно это двойство принять и за уваженіе къ общественной свободѣ, и за неувѣренность въ собственныхъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ; но чтобы то ни было—это вопросъ равнодушный. Форма банка устроится по силѣ обстоятельствъ, а не по правительственному предначертанію. Можетъ быть, кромѣ сословнаго интереса, боязнъ дороговизны кредита акціонерныхъ компаній и ихъ стремленія къ безконечной наживѣ и биржевой спекуляціи, или по просту—къ недобросовѣстному стяжанію, побудила комиссію съ любовью прилѣпиться къ невозможной у насъ землевладѣльческой формѣ кредита. А между тѣмъ сомнѣніе въ возможности этой формы, привело комиссію къ формѣ переходной, къ смѣшанной казенно-сословной формѣ банковъ, посредствомъ ихъ связи съ приказами общественнаго призрѣнія. Комиссія признаетъ, что круговое ручательство заложенныхъ имуществъ по закладнымъ листамъ—совершенно достаточно, а между тѣмъ думаетъ, что оно и недостаточно, и что нужно обезпеченіе со стороны правительства; а это обезпеченіе

“будетъ имѣть цѣлю: устройство операцій по ссудамъ и выпуску закладныхъ листовъ на правильныхъ основаніяхъ; ближайшее наблюденіе за точностію выполненія всѣхъ условій, необходимыхъ для обезпеченія владѣльцевъ закладныхъ листовъ, и наконецъ въ случаѣ явнаго со стороны непосредственныхъ распорядителей, послабленія, обращенія взысканій на подлежащіе залоги и лица.”

Да это цѣлое казенное управленіе банкомъ! Если оно предположено для того, что правительству, которое станетъ принимать закладные листы въ уплату по старымъ банковымъ долгамъ и въ залоги по казеннымъ контрактамъ, нужно имѣть контроль,—то этотъ контроль имѣетъ цѣлю обезпеченіе не банка, а самаго правительства. Но и въ этомъ случаѣ онъ не нуженъ; отчеты банка по предположенію комиссіи подчинены совершенной гласности; слѣдственно если дѣла банка дурны—правительству глупо принимать въ уплату или залоги его закладные листы; если дѣла банка хороши—правительству глупо не принимать ихъ. А кромѣ вмѣшательства въ управленіе банка, правительство, по проекту комиссіи, никакого обезпеченія не представляетъ. Для публики это вмѣшательство не обезпеченіе, а напротивъ того—усугубленіе недоверія къ банку, который соединитъ помѣщичью непривычку къ труду съ недобросовѣстностью правительственнаго управленія. Комиссія не разочла этого, потому что

* Объяснительная записка, стр. 24.

так испугалась несостоятельности своего землевладельческаго банка, что рѣшилась ухватиться за безпомощную помощь правительства. Страхъ передъ несостоятельностью банка пробудилъ въ комиссіи “любовь какую то и страсть” — къ *непремѣннымъ членамъ Приказовъ*, которые, если не съ сословной, то съ бюрократической точки зрѣнія, представляютъ хоть ничтожную пуговку, но съ правительственнаго мундира. “Должность эту” (непремѣннаго члена приказа), говоритъ комиссія, “занимаютъ обыкновенно лица, знакомыя съ кредитной частью.” Очевидно это думалъ какой нибудь Гогенцоллернъ-Гильдбурггаузенской бюрократъ, никогда не видавшій Россіи. И такъ непремѣнный членъ приказа, въ банкѣ, будетъ представлять правительственное обезпеченіе и контроль, или управление! Какое утѣшеніе для обладателей закладныхъ листовъ!

Казенный кредитъ вреденъ; землевладельческій невозможенъ, акціонерный дѣрогъ, или, при исключеніи невозможнаго, надо сказать: казенный кредитъ вреденъ, частный кредитъ дорогъ. Гдѣ же выходъ? Выходъ въ кредитъ общественномъ. Проектъ Тверскаго банка приближается къ значенію общественнаго кредита, предлагая смѣшанную форму акціонернаго и землевладельческаго банка, участіе отвѣтственнаго капитала денежнаго и отвѣтственнаго капитала земельного, т. е. вводя въ основаніе банка участіе бѣльшаго числа членовъ общества; а начиная ссуду съ освобождающихся крестьянъ, онъ вводитъ въ кругъ дѣятельности банка массу народонаселенія. На этихъ основаніяхъ едва ли банкъ можетъ дать мѣсто попользованію на биржевую спекуляцію и дороговизну кредита. Мы не можемъ не остановиться на одномъ замѣчаніи, встрѣченномъ нами въ изложеніи проекта Тверскаго банка редакціей *Русскаго Вѣстника*. Кому принадлежитъ оно — составителямъ ли проекта, или редакціи журнала — мы не знаемъ. Вотъ оно: “Нечего говорить о невозможности кредита подъ залогъ земель государственныхъ крестьянъ; она очевидна.” Относится ли это замѣчаніе къ современному положенію государственныхъ крестьянъ, — и тогда оно совершенно справедливо, — или оно предполагаетъ вообще невозможность кредита при государственномъ правѣ безсрочнаго пользованія землею общинно. Въ послѣднемъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ замѣчаніемъ *Русскаго Вѣстника*. Государственное право безсрочнаго пользованія землею равняется праву собственности съ исключеніемъ права отчужденія продажей съ аукціоннаго торга. Ссуда, которую Тверской земскій банкъ предлагаетъ помѣщичьимъ крестьянамъ точно также составляетъ кредитъ подъ обезпеченіе собственности, неотчуждаемой продажей съ торга. Хотя проектъ Тверскаго банка и установилъ драконовскіе законы о продажѣ общинной земли съ торговъ за неплатежъ банку, но эти драконовскіе законы фантазія; они непримѣнимы и невозможны. Вообразите населеніе въ пять тысячъ душъ, у котораго землю продаютъ, а его сгоняютъ! Кромѣ того, что эта преступная жестокость, — она невозможна; для этого надо содержать особое войско и банкъ сдѣлается банкомъ жандармскимъ. По предполагалъ ли Тверской проектъ возможность такихъ продажъ, когда предполагалъ возможность ссуды! Конечно не предполагалъ; онъ былъ увѣренъ въ возможности составленія банка для ссуды крестьянамъ помимо всякихъ описей и продажъ. Стало общинный кредитъ имѣетъ въ общемъ мнѣніи основаніе, которое существуетъ по мимо ипотечной системы. Трудъ помѣщика, который доселѣ былъ

больше *трудоу прихоти*, или скорѣе *прихотью чѣмъ трудоу*, не возбуждаетъ довѣрія, не смотря на ипотеку; прихоть своенравна, — придетъ, пройдетъ, съ чего ей вѣрить?.. Между тѣмъ трудъ, совершаемый цѣлымъ населеніемъ по *необходимости и роду жизни*, лишь бы его постоянное право владѣнія было признано, возбуждаетъ довѣріе по своему постоянству, при которомъ не лѣзя ждать огромныхъ колебаній доходовъ, слѣдственно и платежей, а слѣдственно и огромныхъ колебаній въ курсѣ общественныхъ обязательствъ. Размѣръ недоимокъ будетъ вертѣться около одной цифры, а потому и задача не въ ипотеку, основанной на отчужденіи земли продажей, а въ круговой порукѣ за правильность взносов, иначе: задача — въ застрахованіи отъ недоимокъ, что возможно при участіи всѣхъ сословій въ составленіи банка, потому что выгоды, получаемыя общественнымъ банкомъ, опять поступаютъ въ общество, во всѣ сословія, и составляютъ приращеніе богатства общественнаго. Ажіотажъ и мошенническія биржевыя спекуляціи при общественномъ кредитѣ немыслимы. Не желая ничего предрѣшать и предначертывать, мы только, съ глубокимъ уваженіемъ къ дѣлу, указываемъ на переводъ ипотечной системы въ систему круговой поруки взаимныхъ застрахованій, какъ на задачу, надъ которой стоитъ мозгу поработать. При этой системѣ ипотека сводится только на обезпеченіе въ несомнѣнности права владѣнія, а довѣріе, кредитъ — дѣлается труду. Этотъ кредитъ возможенъ и для государственныхъ крестьянъ, какъ скоро правительство, или сами крестьяне, сознаютъ, что они существуютъ на *государственномъ правѣ владѣнія*, а не на *правительственномъ правѣ помѣстномъ*. Необходимость кредита крестьянскаго, необходимость участія всѣхъ мелкихъ капиталовъ — болѣе и болѣе приводитъ насъ къ убѣжденію, что лучшая и единственно возможная форма поземельнаго и иного кредита въ Россіи — форма областныхъ общественныхъ банковъ, въ основаніи которыхъ приняли бы участіе всѣ сословія.

Комиссія въ § 21^{мъ} проекта признала за казною право закладывать населенныя имущества, т. е., иными словами, земли, которыми крестьяне владѣютъ на государственномъ правѣ пользованія. Это значитъ, что комиссія признала за *правительствомъ право помѣстное*. Сословный банкъ помѣщичій увеличился новой огромной помѣщицею — казною, новымъ огромнымъ заемщикомъ — правительствомъ. Конечно казенный кредитъ не носилъ въ себѣ столько вреда, сколько заключено въ этомъ положеніи. Весь кредитъ въ Россіи, по проекту комиссіи, существуетъ на помѣщичьемъ и на правительственномъ правѣ помѣстномъ, т. е. на крѣпостномъ правѣ. А говорятъ объ освобожденіи съ землею!... Тутъ ошибка доходитъ до размѣровъ преступления.

Мы не станемъ входить въ разборъ подробностей проекта комиссіи. Указавъ на невозможность землевладельческой формы банка, мы думаемъ, что разборъ подробностей — дѣло лишнее, тѣмъ болѣе, что о проектѣ много прекрасныхъ статей въ русской литературѣ.* Дитя редакціонныхъ комиссій — комиссія земскихъ банковъ любитъ предначертаніе подробностей, которыя возможны только при примѣненіи основныхъ положеній къ дѣлу. Это предначертаніе подробностей побудило и редакціонныя комиссіи и комиссію земскихъ банковъ собрать чрезвычайно много, чрезвычайно, для будущаго, важныхъ статистическихъ матеріаловъ. Эти

* На пр. замѣчательная статья въ Юльскій книжкѣ Современника.

материалы составляют огромную заслугу комиссій; а предначертанія исчезнуть, какъ бюрократическія призраки.

Теперь мы оставимъ и комиссію земскихъ банковъ и самыя редакціонныя комиссіи—до того дня, въ которой ихъ положенія будутъ объявлены и крестьяне назовутся свободными. Этого дня всѣ ждуть нетерпѣливо—и помѣшники, которые теперь лишены кредита казеннаго и не могутъ до дня освобожденія добыть внаго кредита, и крестьяне, которые ждуть—*что изъ нихъ сдѣлаютъ?* чтобы знать, *что имъ останется дѣлать.* Мы не можемъ много прибавить къ тому что сказано о комиссіяхъ въ другихъ изданіяхъ, и просимъ читателей обратить вниманіе на присланныя намъ труды Русскихъ живущихъ въ Россіи, т. е. на двѣ слѣдующія книжки *Голосовъ изъ Россіи*, изъ которыхъ VIII содержитъ: *Проектъ дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ*, представляющей рациональную сторону дѣла, и *Докладъ или завѣщаніе Ростовцева*, представляющей въ сжатой формѣ труды редакціонныхъ комиссій; а IX книжка состоитъ изъ “соображеній по поводу трудовъ редакціонныхъ комиссій,” и представляетъ ихъ полный разборъ. Обѣ выйдутъ немедленно одна вслѣдъ за другой.

Н. Огаревъ.

DIE EDLEN RITTER VON LIEFLAND!

Копія съ прошенія коллежскаго секретаря Карла Соколовскаго къ министру юстиціи отъ 25 Іюня 1859 года.

Изъ выданныхъ мнѣ въ разное время похвальныхъ аттестаций, у сего прилагаемыхъ, в. с. изволите усмотрѣть, что я проходилъ безпорочно службу съ 1828 года по сіе время въ Лифляндскомъ гофгерихтѣ* и что всѣ начальники онаго постоянно были мною довольны. Тѣмъ же глубже должно было поразить меня дѣйствіе вышшняго предсѣдателя гофгерихта барона Унгернъ-Штернберга, который вынуждаетъ меня прибѣгнуть къ высокой защитѣ вашего сіятельства.

22 Сентября минувшаго 1858 года я взялъ билетъ въ ложу I яруса (Rangloge) на спектакль въ здѣшнемъ городскомъ театрѣ. Не успѣлъ я занять свое мѣсто, какъ чей то голосъ нѣсколько разъ сразу произнесъ мое имя; обернувшись я въ сосѣдней ложѣ увидѣлъ засѣдателя гофгерихта фонъ Засса, который во весь слухъ спросилъ меня: *Wie kommen Sie in den Rang? Machen Sie, dass Sie sofort hinauskommen.* (Какъ вы попали въ I ярусъ—убирайтесь отсюда.) Вся публика обратила на насъ вниманіе и это заставило меня просить фонъ Засса, не подвергать меня столь явному униженію. Но не выслушавъ моей просьбы, настойчиво онъ повторилъ свое требованіе. Со всевозможною скромностью, приличной званію канцелярскаго чиновника, отвѣтилъ я, что не могу понять причины такого требованія, что у меня есть соотвѣствующій мѣсту билетъ, что наконецъ если я оставлю спектакль, то въ публикѣ подумаютъ не совершилъ ли я какого беззаконнаго дѣла, что по этому я не могу выйти, не могу компромитировать себя. *Dann, возразилъ, удаляясь, фонъ Зассъ, werde ich Sie durch die Polizei hinausführen lassen, und der Präsident wird Ihnen schon zeigen, was das heisst in dem Rang sitzen.* (Въ такомъ случаѣ я васъ велю вывести полицей-

* Въ Лифляндской губерніи гофгерихтъ высшая судебная инстанція. Въ оный поступаютъ дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія. Въ прочихъ губерніяхъ для дѣлъ сего рода учреждены двѣ палаты, т. е. уголовная и палата гражданскаго суда.

скимъ и предсѣдатель покажетъ вамъ, что значить сидѣть въ I ярусѣ.) Однако меня не потревожили ни полиція, ни кто либо изъ официальныхъ лицъ; не смотря на то, я черезъ нѣкоторое время удалился изъ театра.

На слѣдующій день въ 10 часовъ утра, я былъ потребованъ на квартиру предсѣдателя гофгерихта, барона Унгернъ-Штернберга, который сказалъ мнѣ: *Herr Sokolowski! Sie sind im Rang gewesen—das passt sich nicht für Sie! Sie haben neben Herrn von Sass gesessen—das passt sich noch weniger! Sie haben schon über 30 Jahre gedient und wissen noch nicht, was sich passt: daher sind Sie des Dienstes entlassen.* (Г. Соколовскій, вы были въ I ярусѣ—это неприлично, вы сидѣли возлѣ г. Засса—это еще неприлично. Вы служите больше тридцати лѣтъ и не знаете приличій—а потому вы исключаетесь изъ службы).

Вслѣдъ за тѣмъ я прочелъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, что я журналомъ гофгерихта отъ 23 Сентября дѣйствительно уволенъ отъ службы. Въ выданномъ мнѣ 16 Февраля сего года свидѣтельствѣ не означено никакой къ моей отставкѣ причины; за все же время службы моей я аттестовался способнымъ и къ повышенію достойнымъ, какъ видно изъ прилагаемыхъ при семъ свидѣтельствѣ.

И вотъ послѣ 30-лѣтней ревностной службы, которой постоянно довольны были мои начальники, лишень я нынѣ мѣста и способовъ пропитанія, оскорбленъ въ глазахъ жителей города, въ которомъ провелъ жизнь свою, наконецъ теряю право на пенсію, до которой прослужить оставалось мнѣ только нѣсколько лѣтъ, а по сему прошу в. с. приказать принять меня на службу по Лифляндскому гофгерихту, отъ которой я устраненъ оттого лишь, что занялъ въ театрѣ мѣсто, какое нигдѣ, никому и никакимъ закономъ не возбраняется, возвратитъ мнѣ прежнюю должность и дозволитъ мнѣ исправлять ее, пока не окажется законной причины къ лишенію меня пенсіи и добраго имени.

На запросъ Лифляндскаго гражданскаго губернатора—гофгерихтъ отвѣчалъ 31 Августа 1859, за No. 3,304—и за подписью *Унгернъ-Штернберга*, президента, и *Ернеста фонъ Сиверса*, секретаря, выпиской статьи 301 св. узаконеній Остзейскихъ губерній, по которой канцелярскіе чиновники опредѣляются и ст. 254 по которой они увольняются президентомъ.

Вотъ эти статьи:

Ст. 301 св. узак. Остзейскихъ губ.

“Секретарь, протоляріусъ, актуаріусъ, архиваріусъ и протоколистъ опредѣляются гофгерихтомъ; канцелярскіе служители и судебныя приставы опредѣляются президентомъ гофгерихта.

Ст. 254 св. установ. Остзейскихъ губ. прод. 4 постановлено:

“в) Чиновниковъ, кои, по убѣжденію начальства, неспособны къ исполненію возложенныхъ на нихъ должностей, или почему либо неблагонадежны, или сдѣлали вину, извѣстную начальству, но такую, которая не можетъ быть доказана фактами, начальники, отъ коихъ въ общемъ порядкѣ зависитъ увольненіе отъ должностей, сими чиновниками занимаемыхъ, увольняютъ по своему усмотрѣнію и безъ просьбы ихъ во всякое время года, сообщая о такомъ распоряженіи инспекторскому департаменту гражданскаго вѣдомства, но безъ объясненія причинъ, бывшихъ поводомъ къ увольненію.

“Однакоже начальства обязаны приступать къ подобному увольнению чиновниковъ безъ просьбы ихъ съ достаточною осмотрительностію, при полномъ убѣжденіи въ неспособности и неблагонадежности чиновника, не допуская ни пристрастія, ни личности. Подобные чиновники, кои, по усмотрѣнію начальства, будутъ уволены отъ службы безъ означенія причинъ сего увольнения, на такое распоряженіе не могутъ жаловаться и всѣ ихъ жалобы, а также просьбы о возвращеніи къ прежнимъ должностямъ или преданіи суду, не только должны быть оставлены безъ всякаго дѣйствія, но ни въ инспекторскомъ департаментѣ, ни въ правительствующемъ сенатѣ, ни въ комиссіи прошеній не должны быть вовсе принимаемы къ разсмотрѣнію.”

Лифляндскій гражданскій губернаторъ фонъ Эссенъ довелъ объ этомъ съ своей стороны до свѣдѣнія генераль-губернатора Лиф-Эст-Лифляндскаго, прибавляя, что мѣра, употребленная Уигерномъ, слишкомъ строга.

Министръ юстиціи, разсмотрѣвъ жалобу коллежскаго секретаря Соколовскаго на президента Лифляндскаго гофгерихта за неправильное увольненіе его отъ службы, нашель, что увольненіе Соколовскаго послѣдовало въ предѣлахъ предоставленной ст. 301 св. мѣстн. узак. Остзейскихъ губ. президенту гофгерихта власти, и какъ Соколовскій уволенъ, на основаніи 254 ст. тѣхъ же узак., то самая жалоба его на неправильность увольнения не подлежитъ разсмотрѣнію, а потому жалоба Соколовскаго оставлена безъ послѣдствій.

Но принимая въ уваженіе продолжительность службы коллежскаго секретаря Соколовскаго и предоставленное (прим. къ 86 ст. учрежд. губ. вл.) губернскому начальству право назначенія чиновниковъ въ губерніи на мѣста до 7 класса включительно, графъ Панинъ, конфиденціоальнымъ письмомъ отъ 10 Декабря 1859 года, проситъ генераль-губернатора прибалтійскихъ губерній, опредѣлить Соколовскаго въ канцелярію какого либо присутственнаго мѣста ввѣреннаго ему края.

По означенному отношенію графа Панина, генераль-губернаторъ Кур-Эст-Лифской князь Суворовъ просилъ 22 Декабря 1859, начальника Лифляндской губерніи фонъ Эссена о вѣдѣтельствѣ по предмету опредѣленія Соколовскаго, во вниманіе къ усиленному конфиденціоальнымъ письмомъ ходатайству о немъ графа Панина.

Вотъ какъ фонъ Эссенъ отвѣчалъ генераль-губернатору Лиф-Кур-Эстскому отъ 18 Марта 1860:

“На предложеніе вашей свѣтлости отъ 22 Декабря прошедшаго года, имѣю честь донести, что при всемъ моемъ желаніи сдѣлать вашей свѣтлости угодное, я не могъ опредѣлить коллежскаго секретаря Соколовскаго на какую либо должность потому, что въ ввѣренной мнѣ губерніи до настоящее время не открылась вакансія, которая могла быть имъ занимаема.”

Отвратительнѣе, ограниченнѣе, глупѣе, дерзче, несвоевременнѣе этаго образчика Кур-Эст-Лифскихъ рыцарскихъ правовъ, мы ничего не печатали. Да хороши и законы!

Ну! господа защитники *русскихъ нѣмцевъ*, сознайтесь—*est ist famos—aber fatal!*

МАЛЬЧИКЪ НА КАТОРГѢ.

Въ 1849 году крестьяне бывшаго Аракчеевскаго имѣнія въ Новгородской губерніи косили сѣно невдалекѣ отъ желѣзной дороги. При работникахъ былъ пятнадцатилѣтній мальчикъ *Василій Сѣрковъ*, сынъ Николая Семенова Сѣркова

изъ деревни Хотитлова. Онъ гуляя, подошелъ къ самой дорогѣ и видѣлъ какъ передъ нимъ промчался поѣздъ. “Сѣмъ ка,” подумалъ онъ: “что-то будетъ какъ наложить камней на чугунную колею? опрокинутся-ли эти большіе тѣлеги, али нѣтъ?” Съ глупа подумалъ, да сейчасъ же и за дѣло: носить камни и класть ихъ на рельсы. Солдатъ придорожный засталъ его на эгомъ; камни сбросилъ, а мальчика повелъ къ начальству. Василья Сѣркова, какъ несовершеннолѣтняго, судили въ совѣстномъ судѣ и приговорили его тамъ: за глупую блажь посѣчь, какъ ребенка, при полиціи и отдать отцу. Но были люди, которымъ хотѣлось оградить новую тогда желѣзную дорогу страхомъ и ужасомъ; они хотѣли воспользоваться случаемъ и—во острастку другимъ—погубить Сѣркова; для этого они твердили, что то было не вросто шалость, а что конечно Сѣрковъ—сынъ ямщика—былъ подосланъ другими ямщиками, которые надѣялись—такимъ образомъ повредить чугунокъ. Дѣло доведено было до правительствующаго сената; тамъ въ общемъ собраніи рѣшительное большинство было того же мнѣнія какъ и совѣстный судъ; но министр юстиціи *графъ Панинъ* (вездѣ узнаю тебя моя роза!) и еще *двое* сенаторовъ смотрѣли на дѣло очами Клейнмихеля и аггловъ его. На этомъ приговорѣ меньшинства основано рѣшеніе, объявленное указомъ отъ 9 Іюля 1850 года: “изъ правительствующаго сената Новгородскому совѣстному суду, по именному его императорскаго величества высочайшему указу, на подлинномъ мнѣніи государственнаго совѣта” за то-то и то-то (какъ выше описано), на основаніи такихъ-то статей свода законовъ, “государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: подсудимаго Сѣркова, согласно съ заключеніемъ министра юстиціи и двухъ сенаторовъ, на основаніи, 1442 ст. уложенія о наказаніяхъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать чрезъ полицейскихъ служителей розгами семьдесятю ударами и сослать въ каторжные работы въ крѣпостяхъ *на восемь лѣтъ*.” Такимъ образомъ Сѣрковъ попалъ на каторгу въ Кронштатъ. Началась война. Арестантовъ изъ Кронштата перевели по другимъ мѣстамъ, и отецъ Сѣркова долго не зналъ—куда дѣвался его несчастный сынъ. Наконецъ недавно онъ узналъ: что въ 1854 году Василій Сѣрковъ, въ числѣ 87 человекъ каторжнаго всегдашняго разряда арестантовъ, высланъ въ Восточную Сибирь въ распоряженіе генераль-губернатора. Послѣ разныхъ переписокъ, Нерчинское горное правленіе, по сообщенію отъ Иркутскаго губернскаго правленія, увѣдомило Новгородскую удѣльную контору, а контора дала знать приказу, что “ссыльно-каторжный Василій Сѣрковъ находится при Корійскихъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго горнаго округа Забайкальской области.” Это увѣдомленіе объявлено въ конторѣ отцу Сѣркова и послѣ того участь несчастнаго Сѣркова перестала быть тайной. Но пропадать ему тамъ на Нерчинскихъ заводахъ, если не блеснетъ на него лучъ царской милости! Только государевымъ указомъ можетъ быть ему дозволено возвратиться на родину къ его плачущимъ роднымъ и приписаться къ прежнему сословію крестьянъ; и такой указъ государь можетъ дать только прямо отъ себя, потому что всеподданнѣйшія прошенія о такихъ несчастныхъ до него не допускаются; а надлежащія власти могли бы о дозволеніи ему возвратиться—представить только въ томъ случаѣ, если бы имъ вообще было предписано представлять о всѣхъ, выстрадавшихъ свои сроки и искупившихъ себѣ право возврата на родину.

С М Ъ С Ъ.

— *Подвиги Муравьева-вѣшателя въ Архангельской губерніи.* — Въ Архангельской губерніи въ 1856 г. былъ рѣшительный неурожай хлѣба, при весьма скудномъ хлѣбопашствѣ. Зимы казенные крестьяне провели голодно и бѣдственно потому, что цѣна на хлѣбъ стояла высокая, для нихъ не доступная. Общественные магазины у этихъ крестьянъ на бумагѣ—полны, а на дѣлѣ — пусты.

Здѣшніе крестьяне сѣютъ преимущественно зерновой хлѣбъ, ячмень, и этимъ питаются. Предвидя что въ 1857 г. имъ предстоитъ еще горше бѣдствіе голода, такъ какъ по неимѣнію своихъ сѣменъ лѣто пройдетъ безъ посѣва, они просили министра Муравьева, чтобъ имъ далъ изъ казны ячменя на сѣмена, за деньги. Министръ велѣлъ дать сѣменной ячмень изъ общественныхъ магазиновъ Вологодской губерніи. Потребовали туда изъ Архангельской подводы для перевозки ячменя. Отпустили ячмень со всѣми неизбѣжными проволочками, прижимками. Тяжко пришлось этотъ хлѣбъ крестьянамъ. Иной ѣхалъ за нимъ за 400 верстъ, иной за 1,000. Сначала по глубокимъ снѣгамъ, послѣ дотянули отпускомъ до весенней распутицы, бѣднякъ тащился по волѣ и проваливался въ сугробахъ.

Послѣ многихъ трудовъ, а иной и послѣ слезъ посѣяли хлѣбъ, ожидаютъ всходовъ; ячмень не взшелъ, а гдѣ и ззошелъ, то весьма дурно. Новая туга народу. Прибѣгаютъ къ начальству съ жалобой что сѣмена отпустили дурные. Губернаторъ пробуетъ оставшіяся сѣмена на пробномъ посѣвѣ. Оказывается что сѣмена дурны, негодны для посѣва. Наряжаютъ слѣдствіе отчего такіа сѣмена? Такія ли отпущены изъ магазиновъ, или приняты перемѣнены, приѣмщиками, либо перевозчиками? Чиновникъ отъ губернатора ведетъ слѣдствіе честно. Открываетъ что сѣмена отпущены изъ магазиновъ негодныя и что ихъ никто не перемѣнялъ, что у тѣхъ крестьянъ которые посѣяли свои сѣмена или купленныя у торговцовъ, ячмень родился хорошо. Доводится о семъ до свѣдѣнія министра. Тогда онъ посылаетъ отъ себя слѣдователя Антонова, служившаго нѣкогда при Клейнмихелѣ, потомъ при Киселевѣ управляющимъ палатой Г. И. и то же худо отошедшаго отъ палаты. Этотъ господинъ такъ повернулъ слѣдствіе, что вышли сѣмена годными, а оказались безпорядки при перевозкѣ и злоупотребленія при раздачѣ. Послѣ 4 мѣсячной суматохи и стоновъ на допросы бѣдныхъ крестьянъ, да разѣздовъ Антонова со свитой на крестьянскихъ лошадяхъ безъ прогоновъ, да заѣзжихъ квартиръ съ живымъ уощеніемъ для постели его высокородія, отвезъ онъ громадное слѣдствіе въ Петербургъ. Оттуда Муравьевъ - вѣшатель предписалъ отрѣшить 52 человекъ чиновниковъ и урядниковъ отъ должностей и предать уголовному суду. Нѣкоторые изъ нихъ не зная за что отрѣшены, прибѣгли къ покровительству гражданскаго губернатора. Губернаторъ справясь въ уголовной палатѣ о ихъ невинности, такъ какъ иные не участвовали ни въ перевозкѣ, ни въ раздачѣ, и одинъ волостной голова Щипохинъ даже не былъ въ то время на должности—исходотайствовало у Муравьева этимъ помилованіемъ; другія же судятся съ 1858 года. А управляющій Вологодскою палатой Гос. Имщ. г. Леонтьевъ, *отпустившій* на посѣвъ негодныя для посѣва сѣмена, награжденъ по представленію Муравьева 3,000 руб. сер., орденомъ на шею и доблестно

уволился въ отставку, сытый и довольный, хотя крестьяне отъ его сѣменъ цѣлый годъ голодали. За гнилыя же сѣмена съ крестьянъ взыскиваются деньги въ три дорого, а Антоновъ, за слѣдственный подвигъ, опредѣленъ управляющимъ Пермскою палатой государственныхъ имуществъ.

Когда же крестьяне Архангельской губерніи въ 1857 году, послѣ попечительнаго посѣва, стали голодать, то по просьбѣ ихъ губернаторъ просилъ Министра, управляющаго и департаментомъ удѣльнымъ, чтобы при продажѣ зерноваго хлѣба, ржи и ячменя, отъ запашки удѣльнаго имѣнія въ той же губерніи, покупку сего хлѣба предоставить бѣдствующимъ отъ голода казеннымъ крестьянамъ; то Муравьевъ въ этомъ отказалъ, и хлѣбъ продалъ купцамъ, у которыхъ бѣдные казенные крестьяне покупали для себя, платя имъ барыши. Вотъ примѣръ благонамѣренности министра и его попеченія о крестьянахъ. Благоволеніе же его къ Леонтьеву, возбуждено родственными связями Леонтьева, которые понадобились Михайлу Николаевичу для его укрѣпленія на тепломъ мѣстѣ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ УНИЧТОЖЕНІЕ ВСѢХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СВЯЗЕЙ И АНАРХІЯ ПРОПОВЪДУЕМАЯ АЛЕКСАНДРОМЪ II.

1) Уничтоженіе права собственности.

Въ присутственныхъ мѣстахъ Тверской губерніи и во 2-мъ департаментѣ правительствующаго Сената производится дѣло о взысканіи дѣвицами Егорьевыми съ матери ихъ, вдовы полковника Аничковой, денегъ по заемнымъ обязательствамъ.

Е. и. в. благоудно было признать *справедливымъ*, дабы при удовлетвореніи дѣвицъ Егорьевыхъ по упомянутымъ обязательствамъ, поступлено было *безъ отягощенности* для Аничковой *мѣръ*, употребляемыхъ въ общемъ порядкѣ *гражданскихъ взысканій по денежнымъ документамъ*. На этомъ основаніи послѣдовало высочайшее повелѣніе, назначенную въ Тверскомъ губернскомъ правленіи на 26 ч. Мая продажу имѣнія Аничковой *пріостановить* впредь до особаго распоряженія. Таковую высочайшую волю, сообщенную мнѣ генераль-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ, имѣю честь предложить правительствующему Сенату для надлежащаго исполненія, присовокупляя что о *пріостановленіи* продажи имѣнія Аничковой *Шефъ Жандармовъ* сообщилъ нынѣ же начальнику Тверской губерніи.

Это высочайшее повелѣніе предложено Мин. Юстиціи Сенату въ концѣ Мая,—и кажется достаточно говорить за себя. Какъ согласить его съ мнѣніемъ министра же юстиціи Трошинскаго (отъ 1816 г.) напечатаннымъ въ IV кн. *Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей* за 1859 г., въ которой Трошинскій совѣтовалъ императору Александру I не вмѣшиваться никогда въ дѣла частныхъ лицъ, предоставлять ихъ обыкновенному судебному теченію?

Не мѣшало бы племяннику прочитывать хотя бы иногда совѣты, которые давались дяденькѣ.

При этомъ министр юстиціи Трошинскій говорилъ, что отъ того, что это правило не соблюдается, происходятъ разныя беззаконія и несообразности; какъ онъ выразился, “всѣ такого рода доклады (о частныхъ дѣлахъ) приводятъ къ разстройству существующаго на законахъ порядка,” и “приводятъ дѣла въ запутанность.”

— *Отвѣтъ.* — У насъ есть *Записки Толя* изданныя на нѣмецкомъ языкѣ — но журнала нѣтъ, и мы готовы напечатать его въ *Историческомъ Сборникѣ*—рукопись всего лучше послать auf Buchbändlerischem wege на имя N. Trübner 60 Paternoster row, London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

П Р И Б А В О Ч Н Ы Е Л И С Т Ы К Ъ П О Л Я Р Н О Й З В Ъ З Д Ъ

VIVOS VOVO!

ЛИСТЪ 82.

1 Октября 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенса. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road., N.

У Трубнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Послѣдній ударъ—Башуцкій, Бурачекъ и Аскочинскій—Флигель-адъютантъ Бобринскій—Бутковъ. Смѣсь: Голодная
смерть Лопарей—Краббе—Ей ты фельетонистъ!—Тихоцкій—Войтъ—Замятинъ—Петрашевскій—Ковенскіе порядки.

ПОСЛѢДНІЙ УДАРЪ!

Неужели это правда что кейзеръ петербургскій, сближается съ кейзеромъ австрійскимъ?.....? Неужели мы доживаемъ съ нашими пятилѣтними надеждами до этого предѣла, и до этой безконечности позора?

Это уже не ошибка, не слабость, не Панинъ, — это была бы измѣна, преступленіе... чѣмъ мы заслужили это? Несчастливая Россія! И такъ ей не отпустится ни одно униженіе, ни одно поруганіе, ни даже *дружба* съ Австріей?

Князь Горчаковъ выйдете въ отставку, если это такъ. Стачку Нѣмцевъ противъ Россіи не долженъ скрѣпить своимъ именемъ Русскій; у насъ есть довольно Адлерберговъ, Бенкендорфовъ, Гедерштремовъ и другихъ Герштенцвейговъ.

Министръ для преданія Россіи на позоръ у нихъ готовъ въ семьѣ, макро* - министръ великій герцогъ гессенскій, ему надобно же что нибудь за куртажъ.

Ха, ха, ха, два банкрота соединяются для составленія такого капитала, чтобъ подорвать кредитъ Европы... ха, ха, ха... не принять ли въ пай неаполитанскаго короля, онъ стащилъ что то изъ дворца, когда ѣхалъ въ Гаету. Купончикъ ему!

Въ мірѣ нѣтъ, не было положенія, проще, яснѣе, какъ современное положеніе Россіи, относительно Европы. Ей дѣла нѣтъ до ихъ внутренняго устройства. Ну что съ тѣхъ поръ какъ въ Неаполѣ перестали пытатъ арестантовъ, меньше продаютъ отравленной сивухи откупщики? Или меньше будутъ ее продавать, съ помощью губернаторовъ, генералъ-адъютантовъ, и прочаго откупнаго начальства, оттого что Папу отошлютъ на срацинское пшено къ Абдель-Кадеру или на португальскіе апельсинны къ испанской королевѣ?

— “Да, это все такъ, но, но Венгрія!”

— Что же Венгрія?

— “Да, это уже близко къ Польшѣ.”

Вотъ оно что. Кровь четвертованной ими Польшы подымается въ ихъ глазахъ всякой разъ, когда въ Европѣ освобождается народъ!

Да неужели Польша жива? Какіе оберъ-форъ-шнейдеры рѣзали ее, не Муханову чета, Екатерина, Фридрихъ, Юсифъ,

* Отъ греческаго, — большой; а не отъ рыбы этого имени.—Пр. Ред.

все вторые и все великіе. *А гдѣ жива!* Что Леди Макбетъ, вы не думали что у этого стараго народа, такъ много крови?

И назначить мѣстомъ союза Нѣмцевъ противъ Славянъ—Варшаву! Нѣтъ, у нихъ нѣтъ ни смысла, ни сердца, ни совѣсти!

П—ръ.

БОГО-МОКРИЦЫ и БОГО-САРАНЧА.

Разборъ основанаертательницы сребромудрія преподобныхъ отецъ нашихъ Башуцкаго, Бурачка и Аскочинскаго.

Какой-то белгійскій докторъ хвастался недавно, что изобрѣлъ средство готовить въ прокъ живыхъ людей, т. е. останавливать на пять, на пятнадцать, на пятьдесятъ лѣтъ жизнь; а потомъ когда случится надобность спустить машину и все пойдетъ по старому... сердце биться, глаза моргать, пятки чесаться. Прочитавши это, первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, была благодарность небеснымъ силамъ за то, что белгійскій докторъ открылъ этотъ секретъ послѣ смерти Николая Павловича, а то пожалуй онъ бы его изъ въ Бозѣ почивающихъ, сдѣлалъ бы въ Бозѣ *проснувшимся*. Въ такомъ случаѣ, я тотчасъ побѣжалъ бы къ доктору, чтобы онъ меня завинтилъ лѣтъ на тридцать и повѣсилъ на крючекъ у себя въ подвалѣ, (разумѣется если нѣтъ въ немъ крысь.)

Впрочемъ новаго тутъ ничего нѣтъ. Въ Лондонѣ гдѣ все дѣлается на обширную скалу есть цѣлыя общества филантропическія и религіозныя въ родѣ: *Общества духовныхъ особъ распространенія христіанско-нравственнаго по воскресеніямъ чтенія между недостаточными и недостигнувшими совершеннолѣтія працками и швейами преимущественно шотландскаго происхожденія*. Эти общества мало по малу вянутъ, сохнутъ, —исчезаютъ съ лица земли... И вдругъ, когда меньше всего думаютъ объ нихъ, лѣтъ черезъ десять, двадцать, —встаетъ цѣлое кладбище; пожелтѣвшій президентъ садится на свое мѣсто, плѣшивые, сѣдые члены, и все тѣже члены, собираются, около него, и тоже говорятъ, и пьютъ тотъ же гостъ за распространеніе христіанскаго чтенія между несовершеннолѣтними працками, особенно шотландскаго происхожденія, и дряхлый секретарь дрожащимъ голосомъ

читаетъ имена несовершеннолѣтнихъ прачекъ, которымъ ежегодно посылаютъ съ 1819 года Путь Пилигрима Буньяна, и “капли росы изъ священнаго писанія—dew drops!”

Теймсъ очень удачно сравнилъ эти общества съ мокрицами, которыя остаются живыми подъ извѣстью и щекатуркой, и которыя опять начинаютъ шевелиться когда щекатурка отпадаетъ.

Чего въ Лондонѣ не дѣлается,—намъ пріятно что въ Петербургѣ всякія мокрицы начали смертію смерть попираеть, и являться даже въ трещинахъ зимняго дворца и именно на половинѣ ея величества. А еще и того пріятнѣе поражаетъ насъ то, что ни могильная сырость, ни гниль монастырскихъ склеповъ не лишаетъ нашихъ мокриць ни народности, ни родныхъ привычекъ.

Въ Англіи, всѣ эти піэтическія, филантропическія и просто тропическія крустаецъ, оживаютъ не только безкорыстно, но еще приплачиваютъ свои деньги, для перевода пророчествъ Исаи на сандвичской языкъ для тамошнихъ швей (не смотря на то, что тамъ дамы ничего не носятъ, а мужчины одинъ шнурочекъ), для посылки Reverend so-and-so, съ женой и дѣтьми, для виѣдренія истиннаго библейскаго образованія гон-лу-лускимъ прачкамъ. А наши то родные, только что изъ могилы, пошли бить по карманамъ. Это вмѣстѣ *Мокрицы* и *Саранча*.

А надобно признаться, славное изобрѣтеніе воскресать, а если удастся воскресать *по русски* то и очень прибыльное.

Я напримѣръ былъ увѣренъ, что умру спокойно, никогда не услышавши объ А. Башуцкомъ (сынъ, объ отцѣ я всегда готовъ былъ слушать анекдоты,) а еще меньше о Бурачкѣ, о морскомъ, православномъ, маячномъ Бурачкѣ. И вдругъ А. Башуцкій, краснобай и чуть не статсъ-секретарь, издатель *Нашихъ*, пекшійся о дѣтскихъ пріютахъ какъ о своихъ, желавшій поступить въ ангельскій чинъ, но принятый тамъ за чужаго, и Бурачекъ, подводный камень вѣры и ея маякъ, другъ Зеленаго “по прозванью *Бурачекъ*,”—живы; да и Аскочинскій, о которомъ я прежде ничего не слыхалъ, тоже опять живъ*, и не только живы, но засѣли на большой дорогѣ въ рай господень, да кто не идетъ, будь онъ жидъ или нѣмецъ: “*Шесть копѣекъ или крестъ въ зубы!*”

Мы увѣрены что у читателей сейчасъ въ головѣ Башуцкій Ринальдо Ринальдини, Карлъ Мооръ “по прозванью” Бурачекъ и Стенька Разинъ-Аскочинскій съ толпой кievскихъ пноковъ убившихъ въ вертоградѣ плотскихъ сестеръ, нѣкоего любострастнаго мытаря (см. *Кол.* 47) и отказавшаго въ неводѣ для спасенія тонувшаго офицера (см. *Кол.* 57 & 58). Успокойтесь, нашъ вѣкъ, совсѣмъ не такой вѣкъ—вѣкъ гласности и акцій. Они просто видя, что дѣла идутъ плохо, предлагаютъ императрицѣ завести *торговый домъ благочестія*, учредить вѣчто въ родѣ *ставропигиальнаго* откупа, для распространенія, укрѣпленія и поддержанія православія; при центральномъ оптовомъ подвалѣ въ Петербургѣ, гдѣ будетъ духовный Бернардаки, заведутся и въ другихъ городахъ питейные дома слова Божія и выставки неподслащенныхъ и очищенныхъ даровъ св. Духа, и вся эта благодать устроится за бездѣльное

право *обложить всю Россію шести-копѣчнымъ поборомъ съ души*, сверхъ добровольныхъ дателей, которые по службѣ должны быть увлечены примѣромъ императрицы и наследника!

Св. Игнатій Лойіола моли бога о насъ!

Чужестранче, Шпанскія земли угоднику, моли богу о насъ бѣдныхъ!

А. Башуцкій, въ толстой промеморіи представленной имъ императрицѣ и малолѣтнему сыну ея, говоритъ что видя приближеніе “празденства тысячелѣтія государства російскаго,” и онъ вздумалъ съ своей стороны поставить *памятникъ* “самый приличнѣйшій и Богу пріятнѣйшій, Россіи полезнѣйшій.”

Дѣйствительно памятникъ недурень. Представте вы себѣ сѣтъ духовной полиціи, свѣтскаго званія, которой генераль будетъ въ Петербургѣ, подъ особеннымъ покровительствомъ императрицы, а агенты будутъ вездѣ. И какіе агенты—не жандармы, которыхъ всѣ боятся, не полицейскіе, отъ которыхъ всѣ прячутся; а таскающіеся по міру богомольцы, праздношатающіеся изувѣры, шныряющіе по деревнямъ, толкующіе со старухами и бабами!

Это уже не тимашевская полиція съ сыщиками въ родѣ Лужина и всѣми этими баронами, и отставными штабъ-ротмистрами съ усами и съ бриліантовыми булавками—отъ которыхъ пахнетъ на пистолетный выстрѣлъ III отдѣленіемъ; нѣтъ, это истинное оскверненіе избы и церкви, надзоръ за совѣстію каждаго крестьянина, разрушеніе послѣдняго убогаго уголка жизни независимой—куда не заглядывалъ ни становой, ни окружной, которыхъ оставяла неприкосновенными самая церковь наша, неимѣющая раздражительной римской нетерпимости.

Замѣтьте, что уже промеморія толкуетъ “Объ униженіи религіи *литературой*, о презрѣніи *науки* къ ея авторитетамъ, о *наученіи* всѣхъ классовъ и даже народа (уже читающаго въ множествѣ періодическія изданія), что все что касается вѣры и благочестія, чуждо интересамъ современнаго движенія” и что это есть “опасность великая, неотстраняемая никакими въ мірѣ научными и матеріальными успѣхами.”

На дикое и глупое вмѣшательство выжившаго изъ ума митрополита Григорія, указано въ запискѣ какъ на необходимое послѣдствіе научнаго растлѣнія.

Что, господа, запахло Соловецкимъ монастыремъ, покаяніемъ, эпитимьей?....

Но не унывайте и тутъ.

Тинистая топь церковно-іезуитской риторики не скрываетъ главной цѣли, да и авторъ не настолько усвоилъ себѣ надмогильный покой, чтобъ съ равнодушіемъ говорить о молью точимой части проэкта. Совсѣмъ напротивъ, авторъ становится какъ-то взволнованъ и одушевленъ приступая къ лептѣ вдовицы и динаріямъ вдовцевъ.

Цѣль проэкта состоитъ въ ежегодномъ сборѣ 4,183,813 р., кромѣ частныхъ пожертвованій. Какъ только авторъ доходитъ до этого щекотливаго предмета, онъ боговзываетъ:

“Но какъ, откуда имѣть средства? А онѣ должны быть *весьма обширны и постоянны*. Создавать—стоитъ, не имѣя матеріала, идти въ отпоръ *десяти тысячамъ* съ десятию не въ разумѣ мудрости *Евангельской*.”

* Сромный, но благоуханный цвѣтокъ выросенный при Кіевской духовной Академіи, и расцвѣтшій стараніями благочестиваго Дмитрія Гавриловича Бибікова

“И такъ средства денежные, — вотъ *первый* вопросъ. Средства денежные — продолжаетъ онъ — по обширности и требованію постоянно неоскудѣвающаго притока ихъ, очевидно не могутъ быть доставлены никакимъ вѣдомствомъ, ни всѣми вѣдомствами правительства совокупно, ни частными пожертвованіями тѣхъ богатыхъ лицъ, которыя сохранили бы въ себѣ весьма рѣдкое нынѣ желаніе постоянно и много жертвовать на дѣло вѣры и благочестія. Такія средства могутъ быть доставлены только *цѣлымъ государствомъ*, т. е. *всѣмъ народомъ русскимъ*; такъ какъ и дѣло это есть дѣло для *всего народа, для цѣлаго государства*, въ высшей степени необходимое.

“Въ виду пользы всеобъемлющей, всеохраняющей и всѣхъ пользъ превышей, стѣсняющейся, *устыжательнѣе* нѣкоторыхъ сужденій, мнѣній нѣкоторыхъ ученыхъ, партій или лицъ, понятій утилитарнаго и *прогрессистскаго* стана, — было бы прямо сказанное самимъ Спасителемъ: ‘постыдиться Его предъ родомъ прелюбодѣйнымъ и лукавымъ.’

“Народъ, справедливо призываемый къ денежному содѣйствованію на содержаніе предметовъ жизни внѣшней, конечно необходимыхъ, какъ. на. пр. дорогъ, каналовъ, построевъ, почтъ и пр. — закономъ неотложно къ сему *обязанный*, строгому, неуклонному взысканію подвергаемый, — по какимъ убѣжденіямъ, на основаніи какихъ умозрѣній или научныхъ началъ, не можетъ быть не обязанъ, а *спрошенъ и вызванъ*, къ невынужденному, но къ прямо-свободному, добровольному, и только при большинствѣ добровольнѣй, (т. е. только по согласительному рѣшенію *всѣмъ міромъ Русскимъ*), — къ *обязательному* уже для меньшинства пожертвованію, на дѣло важнѣйшее жизни внутренней, которымъ и все другое въ государствѣ должно необходимо двинуться къ здравію и процвѣтанію? (*Что за словъ!*)

“Дѣло это должно быть *добровольнымъ дѣломъ всего народа*. Слѣдовательно народъ долженъ быть спрошенъ, приглашенъ къ нему; оно должно быть объяснено ему такъ просто, кратко, чисто, какъ есть въ существѣ своемъ, когда не затемняется мудрованіями живой философіи. *Приглашеніе, возваніе*, должно истекать отъ высокаго, ничѣмъ въ мірѣ *неподкупнаго, несовратимаго, искренняго хотѣнія* народу блага, отъ лица, которое всевѣдомо народу, ничего инаго желать ему не можетъ; отъ сердца истинно-материнскаго; отъ мысли истинно-православной; отъ воли сильной въ добрѣ и отъ сильной въ дѣлѣ руки; — отъ разума христіанскаго, а потому не лживаго.

“Мы желаемъ выразить симъ, какъ дерзаемъ думать то, что ея императорскому величеству, истинно благочестивѣйшей и народомъ *благовѣрнымъ во истину любимой* супругѣ императора православнаго, подобаешь быть началомъ, главою, душою и двигателемъ дѣла сего, присоединивъ себѣ въ содѣйствователи, непосредственнаго, ближайшаго и главнаго распорядителя, его императорское высочество, государя наследника цесаревича.

“О формѣ возванія, объ изложеніи его, объявленіи распространеніи, заявленіи народу, о благословеніи его, не только сведомъ, но хотя бы и соборомъ всѣхъ патріарховъ восточныхъ (*къмъ ни попало, лишь бы до 6 копѣчнаго сбора дойти!*) о мірскомъ собраніи согласій и пр. и пр. здѣсь излагать и неумѣстно и преждевременно; дѣло истины вну-

шится, управится, обработается удобнымъ пособіемъ самою истины сей.

“*Возваніе*, изложивъ кратко и внятно великія убѣжденія эти, съ благословенія перкви, только *предложитъ* народу русскому заявить, *всемирнымъ судомъ своимъ*: желаетъ ли, или не желаетъ онъ, въ вѣчное, истинное благодареніе тому *Богу*, котораго мы преискренно и необманчиво всегда считаемъ *съ нами*, — въ всемирное благодареніе за все благое уже пріятное нами, за все благое къ пріятію уготовляемое, и въ всенародное, вѣчное же, молитвенное прошеніе о благословеніи Богомъ на усѣихъ, для пользы истинной, всего начинаемаго; пожелаетъ-ли народъ, во свидѣтельство сихъ чувствъ, создать не роскошный и дивный памятникъ искусства, не на тщеславіе наше и на удивленіе свѣта, но сознательно, *добровольно и на всѣ времена существованія Россіи*, принести и постоянно приносить, отъ *каждаго изъ сыновъ и гражданъ ея*, какъ лепту вдовицы, ничтожное пожертвованіе, господу угодное, а потому для Россіи всенесомнѣнно истинно-славное, во истину честное, великое, и необманчивою пользою навсегда и во всемъ полезное. Вотъ что спросится у народа.

“Сомнѣнія настоять немогутъ; за исключеніемъ мудрователей лживыхъ, не изъ народа, малѣйшей развѣ частицы его, недостойной ни имени Русскаго, ни великаго званія.

“Весь міръ Русскій (мы, *не обинуясь*, не исключаемъ и раскольниковъ), — громко и радостно откликнется, какъ одинъ человекъ, согласіемъ и крестнымъ знаменіемъ, на призывъ этотъ, благословляя имя благочестивой начинательницы дѣла *вѣликаго, по сердцу Божию!* — Свободно равные, въ свободно-обязательной жертвѣ сей отъ царя до послѣдняго подданнаго, кто откажется ввергать *ежегодно* только *шесть копѣекъ* въ сокровищницу, изъ которой имѣетъ истекать для страны истинное благо?

“Пожертвованія, особенныя, усиленные добровольнымъ желаніемъ, по состоянію, положенію, участію, живѣйшему сочувствію и призванію, отвергаемы конечно быть не могутъ. Но здѣсь говорится лишь объ этомъ общемъ, *всемирномъ русскомъ приношеніи*.

“По официальнымъ свѣденіямъ за 1856 годъ общее число народонаселенія имперіи составляло: 69,730,231 чел., — а за исключеніемъ царства Польскаго (4,790,379), и княжества Финляндскаго (1,639,977), — 63,306,975 человекъ. Означенное ежегодное *приношеніе*, одному лишь народу православному сродное, возможное и вполне достойное его, составитъ въ послѣднемъ случаѣ: 3,798,418 р., — а въ первомъ, т. е. считая всѣхъ, какъ и слѣдуетъ, ибо всѣ суть граждане одной имперіи и братія одной семьи, 4,183,813 р. ежегодно.

“Научное мудрованіе конечно назоветъ это *налогомъ прямымъ*, и въ настоящее время неудобнымъ. Но при изложенной выше формѣ *возванія*, при согласіи и желаніи народа, знающаго на что именно онъ свободно *жертвуетъ*, а не *вноситъ* по непремѣнному требованію; никакая научность не можетъ измѣнить сущности христіанскаго *приношенія* въ податной налогъ.

“И такъ *отъ трехъ съ двумя третями, до четырехъ* слишкомъ милліоновъ рублей ежегоднаго, неизсякаемаго вѣкогда дохода, — вотъ возможное *денежное средство* для осуществленія предпріятія великаго.”

Достаточно! Отвернемтесь отъ этой печальной попытки—сдѣлать новый поборъ для новыхъ цѣпей бѣдному русскому народу. Мы убѣждены, что при всѣхъ піэтистическихъ наклонностяхъ императрицы, Она не станетъ во главѣ шести-копѣчнаго сбора на постройку духовнаго Цвингъ-Ури!

И—ръ.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ БОБРИНСКІЙ

ВЪ ИМѢНІИ С. В. ШЕРЕМЕТЕВА.

(Письмо къ Редактору Колокола)

Въ Но. 79 *Колокола* рассказано, какъ жандармскій штабъ-офицеръ Симоновскій, билъ крестьянъ въ имѣніи Зиновьева. Позвольте рассказать въ pendant къ этому о такомъ же случаѣ, бывшемъ въ Нижегородской губерніи. Хотя онъ, къ сожалѣнію, не столько свѣжъ, потому что былъ еще въ прошломъ году, но за то, я думаю, оно поучительнѣе уже тѣмъ, что его дѣйствующее лице, не жандармскій офицеръ, какой нибудь выслужившійся вахмистръ, если это офицеръ жандармской команды, или не доучившійся кадетъ дворянскаго полка, если это послушникъ тайной полиціи. Нѣтъ, дѣйствующее лице здѣсь, русскій либераль, съ громкимъ аристократическимъ именемъ, съ большимъ состояніемъ и съ высшимъ образованіемъ лица. По моему, этотъ случай гораздо болѣе заставитъ призадуматься, потому что касается и нашей образованности, и нашего либерализма и мало ли еще чего?

Нижегородской губерніи, въ селѣ Богородскомъ, крестьяне генерала С. В. Шереметева, *обремененные* чрезъ мѣру его управленіемъ и поборами, въ особенности его крутыми мѣрами и произволомъ, *принесли на него* жалобу. Началось дѣло. Мною разныхъ переходовъ и оборотовъ этого дѣла можно бы рассказать, но это было бы длинно, а теперь довольно вамъ объяснить, что наконецъ оно чрезъ министра внутрен. дѣлъ доложено государю, какъ дѣло, въ настоящемъ положеніи вещей и умовъ, представляющее опасность для спокойствія губерніи. Государь велѣлъ послать, для разбора его, своего флигель-адъютанта, графа Бобринскаго. Вы, конечно, знаете что гр. Бобринскій воспитывался въ лицей, имѣетъ нѣсколько тысячъ душъ и тотчасъ, по выходѣ изъ лица, пріѣхалъ жить въ своихъ имѣніяхъ, Тульской губерніи, выказывая себя при всякомъ случаѣ человѣкомъ либеральнымъ. Очень скоро онъ занялъ мѣсто Богородскаго уѣзднаго предводителя, отличался на выборахъ и сдѣлался до того извѣстнымъ своими *idées avancées*, что монаршая милость взыскала и возвеличила его, назначеніемъ въ флигель-адъютанты.

Отправленіе гр. Бобринскаго на разборъ дѣла рассказываетъ такъ: Министръ внутр. дѣлъ передалъ ему порученіе государя, но между прочимъ въ немъ значилось выслать немедленно Шереметева изъ имѣній его, въ предупрежденіе зла. Бобринскій торжественно возразилъ на это Министру, что онъ считаетъ противнымъ справедливости стѣснять лично Шереметева, прежде чѣмъ онъ дознаетъ, въ чемъ тотъ виноватъ. Министръ внутр. дѣлъ, къ сожалѣнію, не могъ ничего измѣнить въ высочайшемъ повелѣніи, и Бобринскому пришлось самому объясниться по этому предмету съ императоромъ. Онъ доложилъ государю также какъ говорилъ

министру, что прежде дознанія было бы несправедливо принимать мѣры противъ Шереметева. Государь, подумавъ немного, будто бы, ему отвѣчалъ: “mais après, ou avant l'enquête, n'est-ce pas la même chose; впрочемъ дѣлай, какъ знаешь.”

Гр. Бобринскій пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, чтобы отправиться въ имѣніе Шереметева. Въ нѣкоторыхъ его разговорахъ слушавшіе его, замѣтили, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ, для котораго пріѣхалъ. Кто то спросилъ его: Вы, конечно, графъ, имѣете съ собою всѣ бумаги по дѣлу, и знаете ихъ содержаніе. Бобринскій отвѣчалъ: будьте увѣрены, что я за нихъ не принимался и не читалъ изъ нихъ ни строчки. У меня правило не читать дѣла заранѣе, чтобъ не получить фальшиваго объ немъ понятія. Бумаги мнѣ не нужны; я узнаю дѣло на мѣстѣ. И поѣхалъ узнавать дѣло на мѣстѣ.

Но на мѣстѣ оно представилось въ видѣ массы конторскихъ книгъ, счетовъ и бумагъ, за которыя надобно было приняты для повѣрки жалобъ крестьянъ и возраженій Шереметева. Вѣроятно свѣденія графа по конторской части были не довольно прочны, а потому, пересматривая книги онъ приходилъ часто въ затрудненіе. Одинъ старикъ крестьянинъ, бывший при этой повѣркѣ, зная дѣло, потому что онъ былъ кажется сборщикомъ, желая въ простотѣ сердца, помочь сіятельному счетчику, подошелъ къ нему и взявши у него изъ рукъ книгу, хотѣлъ было объяснить ему въ чемъ дѣло, но Бобринскій не далъ ему времени, и звонкая *пощечина* наградила слишкомъ усерднаго старика. Мужикъ былъ изъ почтенныхъ и хорошихъ, и не привычный къ такому приему, онъ обратился къ графу: спасибо, вашему сіятельству, на старости лѣтъ заслужилъ я это не отъ своихъ господъ, а отъ тебя, чужаго. Бобринскій смѣшался, понялъ какъ онъ дурно зарекомендовалъ себя крестьянамъ и немного погодя рѣшился извиниться предъ старикомъ. По окончаніи всѣхъ повѣрокъ гр. Бобринскій нашелъ, что самое лучшее, помирить крестьянъ съ Шереметевымъ. (Послѣдствія показали, что эта мѣра была не только не лучшею, но едва ли не худшею, и уже конечно, бесполезною.) Шереметевъ согласился на уступки крестьянамъ въ поборахъ, на нѣкоторыя ограниченія своего произвола съ ними; Бобринскій отобралъ отъ него въ этомъ подписку, объявилъ крестьянамъ, что ихъ баринъ дѣлаетъ имъ милость и что они должны его благодарить за благодѣяніе. За тѣмъ онъ счелъ, что кончилъ дѣло. Но при объявленіи крестьянамъ опять встрѣтилась *оказія*. Бобринскій велѣлъ собрать сходку и взойдя въ средину крестьянскаго кружка, сталъ имъ толковать о существѣ и силѣ сдѣланныхъ имъ бариномъ милостей. Чувствуя ли самъ, что онъ не довольно толково объяснялъ дѣло крестьянамъ, или просто по привычкѣ, онъ, говоря, послѣ каждаго трехъ словъ прибавлялъ: “понимаете, или понимаешь,” обращаясь къ ближайшему, изъ стоявшихъ къ нему крестьянъ. Въ пылу краснорѣчія, онъ, такимъ образомъ, расхаживая въ кружкѣ крестьянъ вдругъ остановился передъ однимъ изъ нихъ, съ завѣтнымъ словомъ “понимаешь?” Крестьянинъ, ошибочно думая, что всякій вопросъ дѣлается для того, чтобы на него отвѣчали, сталъ искать отвѣта, переминался, почесалъ голову и сказалъ графу: понимать то понимаю, да міра бы спроситься нужно. Бобринскій, чтобы показать что такое міръ передъ нимъ, *ударилъ мужика въ зубы и оттрепалъ его.*

Вдругъ въ толпѣ крестьянъ раздаются голоса: что же это такое, братцы! Флигель-адъютантъ разсвирѣпѣлъ. Онъ бросился на голоса, чесать во все стороны, по примѣру богатырей, искать кто осмѣлился произнести возмутительныя слова, и ничего не найдя, въ бѣшенствѣ убожалъ къ себѣ и тотчасъ рѣшилъ на другой же день *требовать войскъ* для усмиренія крестьянъ, хотя бы изъ Симбирской губерніи. Но до другого дня онъ, по счастію, немного успокоился, и хотя на этотъ разъ не счелъ нужнымъ извиняться предъ побитыми, по экзекуціи и войска оставлены въ сторонѣ по усиленнымъ настояніямъ и убѣжденіямъ уѣзднаго предводителя Стремоухова и даже самого Шереметева, который, въ этомъ случаѣ, показалъ, что какъ онъ ни тяжелъ былъ для своихъ крестьянъ, какъ ни мало либераленъ въ требованіяхъ своихъ къ нимъ, но все таки взялъ ихъ дѣло ближе къ сердцу и лучше его понялъ, чѣмъ либеральный флигель-адъютантъ, образованный воспитаникъ лицея, аристократъ и передовой человѣкъ.

Въ заключеніе надобно добавить, что онъ такъ плохо окончилъ дѣло, что оно тотчасъ послѣ его отъѣзда возобновилось, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ имѣнія Шереметева взяты въ опекуновское управленіе.

ВЗГЛЯДЪ СНИЗУ

НА НАЧАЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.

Я сказалъ снизу потому, что сверху иногда не увидишь того, что можно видѣть съ противоположной стороны; да притомъ я стоялъ на такой ступеньки, что нельзя было смотрѣть на предметъ сверху.

Государственною канцеляріею заправляетъ государственный секретарь, какъ это гласитъ и I Томъ Св. Зак. о учрежденіи государственнаго совѣта, и исторія образованія госуд. сов., составленная по закону, на юбилей 50^{ти} лѣтій совѣта, помощникомъ статсъ-секретаремъ Далевскимъ,* изд. 1860 г. Нынѣ государственнымъ секретаремъ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь его величества и кавалеръ разныхъ орденовъ, Владиміръ Петровичъ Бутковъ. Человѣкъ онъ ума быстрого, характера остраго, живаго, съ юными движеніями, привлекающими къ себѣ всякаго, кто имѣетъ счастье видѣть Буткова. Послѣднее качество приобрѣло Буткову репутацію молодого денди, и въ настоящее время поддерживаемую имъ тѣмъ, что онъ не упускаетъ случая побывать въ теченіи сутокъ на нѣсколькихъ публичныхъ гуляньяхъ, вечерахъ, маскарадахъ, поиграть стекломъ на Цевскомъ проспектѣ, повертѣться гамъ же около знаменитой камелии, побѣгать въ театрѣ около бенуара и между рядами кресель, и сдѣлать нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ разнымъ маскарь. Кромѣ того Бутковъ носитъ названіе добродушнаго, которое онъ прибрѣлъ отчасти щедрыми наградами подчиненнымъ, а большею частію тѣмъ, что онъ никогда не отказывалъ ни одной особенно миловидной женщинѣ въ участіи, принимаемомъ ею въ молодомъ человѣкѣ далеко или близкомъ родственникѣ, нуждающемся въ протекціи на служебномъ поприщѣ.

По я удаленъ отъ прямой цѣли своего обозрѣнія, распро- странившись слишкомъ о частныхъ достоинствахъ Буткова,

* Заказъ этотъ доставилъ Далевскому чистаго барыша 6,000 р. сер., брильянтовую табакерку въ 1,000 р. и должность помощника статсъ секретаря.

не касающихся его служебныхъ превосходствъ. Въ этомъ отно- шеніи онъ представляетъ слѣдующее:

I) Бутковъ, какъ и всякій смертный его покроя, любитъ пустить пыль въ глаза громкими фамиліями, аристократи- ческаго происхожденія, своихъ подчиненныхъ. А такъ какъ отъ предшественника своего Бахтина, уважавшаго трудъ въ человѣкѣ, а не кличку его, онъ не нашелъ въ канцеляріи ни одного аристократа, который служилъ бы изъ чести, сверхъ штата, безъ жалованья; то для пополненія этого, нетерпимаго имъ недостатка, онъ сталъ приглашать къ себѣ на службу сверхъ штата, кончающихъ курсъ въ лицей и иногда универ- ситантовъ, но непременно извѣстныхъ фамилій, сынковъ генеральскихъ, сенаторскихъ, графчиковъ, князьковъ и т. п. Молодежи это на руку: начать службу въ госуд. канцеляріи при государственномъ совѣтѣ, первомъ мѣстѣ въ имперіи, и подъ веселою рукою Буткова—великолѣпно!... И летятъ они сюда, какъ молодая пчела на гречу; имъ тутъ и недурно: дѣла никакого нѣтъ, ходятъ на службу одинъ разъ въ недѣлю, и то затѣмъ только, чтобы посмотрѣть на членовъ совѣта, когда они будутъ выходить изъ собранія въ столовую залу закусывать, а потомъ и самимъ попользоваться остаточками отъ нихъ. Да! Въ физическомъ отношеніи этимъ господамъ дѣйствительно не дурно и они считаютъ за это Буткова прекраснѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но все эти господа-аристократы, люди избалованные, которымъ достается все легко, даже и ученье, преподаваемое имъ на казенный счетъ, (хоть бы, на примѣръ, въ лицей, гдѣ ихъ и содержать на счетъ казны) люди наконецъ не заботящіеся о будущемъ и мало мыслящіе. Имъ и на умъ. кажется, не приходитъ, должны ли они когда нибудь приносить хоть какую нибудь пользу своею службою. А между тѣмъ, поступая въ госуд. канцелярію, сверхштатные молодые люди лишаютъ себя возможности приносить пользу не только службѣ, но даже самимъ себѣ; папротивъ, причиняютъ вредъ: себѣ тѣмъ, что научныя познанія ихъ, не примѣняются на практикѣ въ госуд. канцеляріи, гдѣ разсматриваются дѣла серьезной важности и требуютъ опытнаго взгляда и мало по малу забываются; сами же, не имѣя побужденія къ дѣятельности, облѣниваются и съ теченіемъ времени, начинаютъ сознаваться вслухъ, что они ни къ какой уже службѣ не способны, а учиться вновь въ ихъ чинѣ и званіи стыдно; госуд. канцеляріи они вредятъ тѣмъ, что безъ пользы увеличивая собою комплектъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваютъ форменную канцелярскую переписку, и потому обременяютъ не большое чело штатныхъ чиновниковъ- труженниковъ, для которыхъ, сверхъ этого, они вредны и потому, что не рѣдко заѣдаютъ ихъ трудъ, получая даромъ награды.*

II) Въ отношеніи наградъ, Бутковъ, какъ главный началь- никъ, ужасно кривитъ и передъ подчиненными и даже предъ государемъ. Передъ государемъ тѣмъ, что представляетъ ему къ награжденію чиновника, часто совершенно недостойнаго.

* Перечень сверхштатной аристократіи: помощники статсъ секретарей— статскій совѣтникъ, камергеръ графъ Орловъ - Денисовъ; камергеръ-юнкеръ Ковальковъ. Причисленные просто: статскіе совѣтники камеръ-юнкеръ Марквичъ, Пелikanъ. Помощники экспедиторы: коллежскій совѣтникъ Лермонтовъ, надворный совѣтникъ, Митковъ; коллежскій ассесоръ Семеновъ графъ Коскуль. Титулярные совѣтники камеръ-юнкеръ графъ Чапскій; князь Трубецкой; графъ Палепъ; Шевичъ (внукъ графа Блудова); графъ Оппермонъ Шереметевъ (сынъ члена госуд. сов.); Висковатовъ. Коллежскіе секретари князь Голицынъ; Хитрово.

а между тѣмъ съ такою аттестаціею : гр. N. или князь N. окончивъ курсъ и пр.... служить въ госуд. канцеляріи съ такого то года, занимается составленіемъ докладовъ и вообще текущимъ дѣлопроизводствомъ (тогда какъ они и пера въ руки не брали), съ примѣрнымъ знаніемъ дѣла неутомимою ревностію и усердіемъ; при его прекрасной нравственности и высокихъ познанихъ, чиновникъ этотъ вполне заслуживаетъ особаго вознагражденія за свои труды.* Такимъ образомъ представляя къ наградамъ людей не трудящихся, а слѣдовательно недостойныхъ, тѣмъ самымъ унижаетъ нравственное достоинство истинно трудящихся, которыхъ часто обходятъ въ наградахъ.

Представлю вѣсколько примѣровъ, изъ наградъ въ Декабрѣ 1859 года, которые сами за себя скажутъ каковъ Бутковъ.

1) Есть въ госуд. канцеляріи исправляющій должность статсъ секретаря Черноглазовъ, человекъ любящій деньги. Удовлетворенію этой страсти Бутковъ, по какимъ то не исповѣдимымъ судьбамъ покровительствуетъ. Еще въ 1858 г. Бутковъ представлялъ Черноглазова къ наградѣ, съ слѣдующею между прочемъ аттестаціею.... “занимался, сверхъ того, дѣлопроизводствомъ по разсмотрѣнію обширнаго и важнаго проекта Устава Гражданскаго Судопроизводства, (который сказать къ слову разсматриваетъ теперь исключительно Зарудный); а въ графѣ—къ какой представляется наградѣ? рукою Буткова написано : “къ арендѣ по чину на 12 лѣтъ.” Государь, подчеркнулъ слова *Устава Судопроизводства*, и противъ нихъ написалъ : “тогда когда дѣло будетъ кончено.”

Ясно, государь не желалъ удостоить Черноглазова наградой, которою онъ воспользовался въ предшедшемъ году, получивъ тайнаго совѣтника. Но Бутковъ, мимо разрѣшенія государя, вообще назначивъ въ награду старшимъ чиновникамъ 8,000 р. далъ Черноглазову 3500 р., чего государь конечно и не знаетъ. Въ 1859 г. при представленіи государю списка удостоиваемымъ къ наградамъ чиновникамъ, опять Бутковъ представилъ Черноглазова, съ слѣдующею отмѣткою : въ службѣ съ 1826, въ чинѣ съ 1857, имѣетъ ордена, жалованья получаетъ 5,111 р. (тогда какъ въ сущности получаетъ 6,000) р.,) а вмѣсто аттестаціи, написано : въ воздаяніе неутомимыхъ трудовъ и во вниманіе къ крайне недостаточному состоянію Черноглазова (а онъ недавно продалъ домъ за 40,000 р.), обремененнаго огромнымъ семействомъ (состоящемъ только изъ жены и 2хъ маленькихъ дочерей, да малолѣтняго ребенка), ему испрашивается награда, которая бы дала ему средства къ приличному воспитанію дѣтей ; въ графѣ къ какой представляетъ наградѣ? уже съ большей точностью написано : “къ арендѣ по чину въ 2,000 р. на 12 лѣтъ. Государь зачеркнулъ эту стипендію и написалъ ниже карандашемъ :

‘ Влад. 2 Ст.’

Государю, конечно, жаль стало денегъ и онъ хотѣлъ отдѣлаться какою нибудь пацкой, которую многіе генералы за огромное счастье почли бы получить; но Черноглазовъ, сколько

Здѣсь кстати можно разсказать фарсъ одного изъ подобно награжденныхъ Бутковымъ господъ, который видимо пренебрегъ незаслуженною наградой. Нѣкто Шидловскій, поступилъ изъ лицея въ канцелярію и черезъ нѣсколько времени получаетъ награду 300 р. сер., имѣя съ имѣнія своего дохода тысячу 100 въ годъ, онъ конечно счелъ для себя обиднымъ, что ему не занимавшемуся службою, дали денежную награду. Онъ отправился въ кафе-ресторанъ Доминика велѣлъ приготовить обѣдъ въ 300 р. сер. и сказалъ, что кто бы ни пришелъ въ то время, въ кафе-ресторанъ, приглашать на обѣдъ, даваемый чиновникомъ госуд. канцеляріи на счетъ полученной имъ награды.

извѣстно, остался ею недоволенъ, хотя онъ и просилъ у государя позволенія представиться его величеству для принесенія своей благодарности за эту награду. Бутковъ же между тѣмъ, назначилъ Черноглазову 2,500 отъ своихъ щедротъ, опять изъ 8,000 р., испрошенныхъ у государя для старшихъ членовъ, чего опять государь не знаетъ.

2) Помощнику статсъ секретаря сверхъ штата, Ковалькову, зятю графа Адлерберга, назначено 1,000 р., тогда какъ онъ не прослужилъ еще и года въ госуд. канцеляріи и занимался, какъ всѣ сверхштатные, болѣе ничего недѣланіемъ.

3) Дано 300 р. князю Долгорукову, секретарю при предсѣдателѣ департамента, который каждый почти день является на службу и читаетъ усердно *Съверную Пчелу*, но не болѣе, потому, что по своему аристократическому воспитанію канцелярскій трудъ для него долженъ казаться низкимъ.

4) Двумъ сверхштатнымъ, слѣдовательно имѣющимъ состояніе, назначено : Неваховичу 500 р. и Висковатову 300 р.; — не знаю, однако, за что? Если бы занимались такъ какъ тѣ, которые по штату получаютъ 300 р. то можно положительно сказать, что не только имъ не дали бы награды, но навѣрное попросили бы деликатно искать другой службы.

5) Сверхштатнаго графа Коскуля, пожелавшаго за 2 года получить слѣдующій чинъ кол. ассесора хотѣли было представить къ наградѣ (за даромъ) чрезъ комитетъ министровъ въ обыкновенномъ порядкѣ; но видя изъ формуляра, что онъ въ отпуску числился мѣсяцевъ 7, и чрезъ это представленъ обыкновеннымъ порядкомъ быть не можетъ, — вклеили и его въ такъ называемый списокъ геніевъ, представляемый прямо государю и попросили еще старшинства, ну и дано. Вотъ аттестація объ немъ Буткова, написанная на этотъ случай; “состоитъ сверхъ штата и безъ жалованья, но не смотря на то несетъ всѣ служебныя обязанности штатныхъ чиновниковъ и по примѣрному усердію своему, отличнымъ способностямъ, основательному образованію и прекрасной нравственности заслуживаетъ особой награды.

6) Д. с. с. Веселовскому дали звѣзду. А онъ занимается заготовленіемъ канцелярскихъ матеріаловъ для такого обширнаго вѣдомства какъ госуд. канцелярія (которая можетъ сравниться по объему развѣ съ палатою государственныхъ имуществъ,) и присутствуетъ при выдачѣ казначеимъ жалованья.

7) Д. с. с. Зубовъ получилъ звѣзду Станиславскую, будучи еще очень молодъ по службѣ. А Бутковъ кромѣ того велѣлъ выдать ему изъ остатковъ 1,000 р. на леченіе жены его.

Постигшее Зубова несчастіе, чрезъ которое онъ лишился своей жены смертію, принесло ему 2,000 изъ госуд. казначейства и 1,500 р. изъ остатковъ госуд. канцеляріи; а самъ онъ вѣдъ существуетъ однимъ только содержаніемъ на службѣ, состоящимъ изъ 6,000 р. по должности ст. секр. г. с., да еще профессора въ училищѣ правовѣденія—не знаю сколько.

Это все милостивые образцы. Теперь коснемся немилостивыхъ.

Въ прошломъ году (1858), было младшихъ чиновниковъ меньше, а въ награду имъ испрошено у государя, по крестьянскому комитету 5,000 р. Въ 1859 году штатъ канцеляріи увеличенъ, для занятія по крестьянскому комитету 8^ю чело-вѣками. Бутковъ испрашивая у государя, по прошлогоднему

примѣру, для старшихъ чиновниковъ 8,000 р., по тому же примѣру для младшихъ испросилъ только 3,000 р.* Что же это значитъ и какія изъ этого послѣдствія? Послѣдствія тѣ, что несчастные труженики получили почти на половину меньше пособія, нежели въ прошедшемъ году. А это значитъ, что при нынѣшней дороговизнѣ, ихъ стѣснили въ средствахъ насущнаго существованія значительно.

III) Бутковъ немилосердо также обращается съ остатками отъ суммъ, отпускаемыхъ на государственную канцелярію. Остатки эти прежде употреблялись преимущественно на пособіе нуждающимся чиновникамъ, получающимъ отъ 300 до 1,000 р. содержанія. Теперь они употребляются большею частию на пособіе статсъ-секретарямъ, помощникамъ ихъ, и вообще, получающимъ содержанія отъ 3,000 до 8,000, и идутъ на уплату за пожалованіе чинами и орденами.

Вотъ краткій перечень израсходованныхъ остатковъ : въ 1859 году :

3го Марта выдано супругѣ испр. дол. ст. секр. Погуляева 1,000 р. въ вознагражденіе издержекъ на леченіе мужа ея. (У этого г. Погуляева свое отличное состояніе.) Черезъ статью же послѣ этого, записано : о выдачѣ кол. рег. Агафонову 75 р. на погребеніе его дочери ; между тѣмъ какъ Агафоновъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ другихъ средствъ кромѣ жалованья въ 300 р. сер.

2го Мая выдано помощ. ст. секр. Ренненкампу (получающему по 2^{мъ} официальнымъ должностямъ содержанія съ наградами до 7,000 р. въ годъ) 250 р. въ вознагражденіе издержекъ на разъѣзды по службѣ.

10го Мая выдано тоже на разъѣзды по службѣ испр. дол. ст. секр. Черноглазову 300 р. сер.

24 Октября дано опять Ренненкампу, на леченіе, 300 руб. Сверхъ этого помощ. ст. секр. Даневскому, экспедитору Лохтину, выдано въ теченіи года изъ остатковъ около 2,000 рублей.

Самый блестящій примѣръ деликатности Буткова въ справедливомъ употребленіи остатковъ.

Въ послѣднюю награду Бутковъ и самъ получилъ звѣзду Александра Невскаго, за которую нужно заплатить капитулу 180 р. Полагая, вѣрно, что содержаніе государственнаго секретаря и управляющаго дѣлами Кавказскаго и Сибирскаго комитета слишкомъ ничтожно для того, чтобы изъ него отдѣлать 180 р. на уплату за звѣзду, Бутковъ пожелалъ испытать, не будетъ ли удобнѣе эти 180 р. подвести подъ изобрѣтенное имъ для чиновниковъ правило, — вычитать за пожалованія изъ остатковъ. Для этого онъ велѣлъ написать казначею ордеръ ; выдать изъ остатковъ д. с. с. Веселовскому на леченіе будто бы его болѣзни 480 р. ; и вмѣстѣ съ тѣмъ напсалъ отношеніе въ капитулу орденовъ съ препровожденіемъ слѣдующихъ за пожалованные ордена : ему, Буткову—Александра Невскаго, т. с. Черноглазову—Владимира 2^й степени, д. с. с. Лучану—св. Анны 1^й степени и д. с. с. Зубову и Веселовскому св. Станислава 1^й степени, всего 480 р.

22го Января 1860 г. велѣно выдать изъ остатковъ пожалованному звѣздой Зубову 1,000 на леченіе его жены.

4) Въ 1857 г. испрошено было у государя на усиленіе штата госуд. канцеляріи для занятій по крестьянскому дѣлу, 6,000 р.

* Надо объяснить при этомъ, что и младшіе чиновники не были оставлены безъ пособія, и они получили отъ 150 до 200 р. прошлый годъ.

Опредѣлили на сіе усиленіе : 2^{хъ} помощниковъ экспедитора съ жалованьемъ 1^{му} 578 р., 2^{му} 500 р., одного помощника журналиста 340 р., 4^{хъ} актуаріусовъ по 280 р. каждому, всего 2,540 р., а изъ остальныхъ Бутковъ назначилъ выдавать прибавочныхъ, статсъ-секретарю Жуковскому 2,000, и экспедитору Лохтину, по 900 р. въ годъ. Развѣ это справедливо? Если назначено Жуковскому и Лохтину прибавка изъ 6,000. какъ занимавшимся по крестьянскому комитету, сверхъ канцелярской работы, то почему же не назначено хотя по 100 р. добавки тѣмъ 6 чиновникамъ, которые занимались вмѣстѣ съ Жуковскимъ, тоже сверхъ канцелярской работы по крестьянскому комитету, и занимались часто день и ночь сряду? Кромѣ того Жуковскій и Лохтинъ получаютъ по редакціоннымъ коммиссіямъ : первый 5,000 въ годъ, послѣдній 2,000 р. с., тогда какъ и младшіе чиновники нерѣдко занимаютъ по этимъ же коммиссіямъ, и за труды никакого вознагражденія не получаютъ.

Т. с. Черноглазовъ, исправляетъ должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ, человекъ онъ умный, въ обращеніи съ старшими льстивъ и вкрадчивъ, съ низшими же грубъ и дерзокъ.

Въ Январѣ 1856 г. Черноглазовъ будучи вдовъ, около 60 лѣтъ отъ роду, вздумалъ жениться на молодой дѣвушкѣ. По случаю этого событія испросили ему у государя пособіе годовой въ то время окладъ 4,288 р. 74 к. изъ госуд. казначейства. Въ Маѣ того же года Бутковъ велѣлъ выдать ему 500 р. изъ остатковъ—на леченіе молодой. Въ 1857 г. 2го Іюня испрошено у государя 1,430 р. на поѣздку молодой четы къ заграничнымъ водамъ погулять и полечиться ; 4го того же Іюня выдано изъ остатковъ, на леченіе болѣзни 500 р. Въ томъ же году въ Декабрѣ Бутковъ назначилъ ему награду 5,000 р. Въ 1858 году, вслѣдъ за этою наградой выдано ему 300 р., изъ остатковъ на леченіе жены ; въ Апрѣлѣ ѣдетъ молодая чета опять за границу для повторенія курса леченія, опять государь разрѣшилъ выдать изъ казначейства 3,000 р. Пріѣзжаетъ изъ за границы, говоритъ разорился, денегъ нѣтъ, и ему выдаютъ изъ остатковъ 500 рублей.

Нечего сказать—красива вся эта игра въ государственные доходы и расходы, противъ которой мы однако еще не слышали протеста со стороны Княжевича ! Хорошо все это сокращеніе штатовъ, замѣняемыхъ безчисленными коммиссіями и сверхштатными чиновниками, которымъ жалованье замѣняется наградами ! Это ужасно напоминаетъ пенсіи 1780^{хъ} годовъ во Франціи. И каково мужикамъ, съ которыхъ дерутъ подати впередъ въ счетъ будущихъ годовъ, отдавать послѣднія копѣйки на пополненіе туго набитыхъ кармановъ тайныхъ и иныхъ совѣтниковъ, занимающихся вздоромъ подъ щедрымъ на народныя деньги покровительствомъ милаго вертопраха Буткова !

С М Ъ С Ъ .

— *Колодная смерть Лопарей.* Вотъ уже пять лѣтъ, что разомъ морятъ Лопарей и русскихъ рыбаковъ, близъ Вардо въ Норвегіи. Въ 1857 году Шведскіе Лопари не только умирали съ голоду, но нѣкоторые даже ѣли дѣтей своихъ, какъ при осадѣ Іерусалима Титомъ, по словамъ Флавія.

Вотъ въ чемъ дѣло. Когда Норвегія не принадлежала Швеціи, Шведы чтобы мало по малу грабить ея земли придумали строить для Лопарей деревянныя церкви на землѣ Норвежской, и потомъ подъ этимъ глупымъ предлогомъ занимать землю какъ свою. Когда Румянцевъ подписалъ третій договоръ, ознаменовавшій третье поколѣнье его имени, пустыня Русская, раздѣляющая теперь Швецію отъ Норвегіи въ 69 градусѣ сѣв. шир. досталась Россіи, уступленная ей Швеціею, хотя она не принадлежала ей, а Норвегіи. Пустыня эта сама по себѣ ничего не значить, но такъ какъ Лопари живутъ въ горахъ единственно отъ оленей, а олени отъ моха, то само собою разумѣется, что пресѣчь сообщенія между пастбищами, все равно что уменьшить или прекратить ихъ возможность существованія.* До 1855 года Лопари ходили согласно съ временами года, то въ Норвежской, то въ Русской, то въ Шведской Лапландіи, а русскіе рыбаки близъ береговъ Норвегіи ловили рыбу. Генераль Канроберъ во время посылки въ Швецію, съ разными дипломатами рѣшили подъ предлогомъ сравненія правъ русскихъ и норвежскихъ Лопарей, 1) что русскіе не имѣютъ права ловить рыбу въ Норвегіи, 2) что норвежскіе Лопари не имѣютъ права переходить на пастбища русскія и шведскія. Тѣ и другіе мрутъ съ голоду!

— Crab and Lobster.—Что такое *Краббе* поступившій на мѣсто Метлина? Правда *Краббовъ* изъ моря достаютъ, но за чѣмъ же ихъ дѣлать министрами. Говорятъ что даже грѣшный старичекъ Меншиковъ разсердился на Константина Николаевича, что онъ посадилъ Краббе на его мѣсто. Меншиковъ самъ употреблялъ его...по по большей части какъ фельдъегеря и адъютанта,—роли перемѣнились!

— *Ей ты фельетонистъ!* Мы читали въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что ты въ какой то русской газетѣ упрекалъ учителей воскресныхъ школъ, что они говорятъ ученикамъ Вы. Сообщи братецъ намъ твою статью, название газеты и твое прозвище, ты насъ этимъ одолжишь.

— Имъ кулачнаго бойца и генерала тузящаго полтавскій Кадетскій Корпусъ (см. Кол. N. 80) *Сергій Егоровичъ Тихоцкій*. Поди! и не ждешь отъ такой скромной фамиліи столько прыти!

— *¿* Что за мѣсто *сверхштатнаго члена упраздненнаго комитета при театральной дирекціи*, которое съ успѣхомъ занимаетъ дѣйствит. статскій совѣтникъ *Войтъ*?

— *¿* Очень нужно, и въ скоромъ времени, узнать, за что государыня хотѣла выслать *Замятнина* изъ какого то женскаго института, и за что государь его оставилъ въ немъ? Правда ли что этотъ господинъ *entre Ranin et Topilski*, думаетъ что нельзя быть намѣстникомъ мин. юстиціи, не подражая въ нравственности министру юстиціи, при *Людвикѣ Филиппѣ, Мартинъ-дю-Нопѣ*?

* Олени и съ ними Лопари всегда номады и оставляютъ мѣсто едва кончивъ бѣть его мохъ. Удивителенъ ихъ инстинктъ находить подъ льдомъ и снѣгомъ мохъ и бросать на верхъ ягоды, которыхъ они не ѣдятъ, но которыя составляютъ главную пищу лопарскихъ куропадокъ, а они людей.

— *Тиранство Сибирскаго Муравьева.*—Дѣло Беклемишева и Неклюдова, открыло намъ такое обиліе поклонниковъ Сибирскаго Муравьева, что мы даемъ имъ новый случай показать свою преданность и если можно объяснить *человѣчески*—почему по отъѣздѣ Муравьева *Петрашевскій* былъ схваченъ и сосланъ на поселеніе за Красноярскъ, верстъ 40 отъ Минусинска?

Неужели у графа *Амурскаго* столько *ненависти*? Неужели, прогрессивный генераль-губернаторъ не понимаетъ, что вообще тѣснить сосланныхъ гнусно, но тѣснить политическихъ сосланныхъ временъ Николая т. е. невинныхъ — преступно? Если же онъ не можетъ съ нимъ ужиться, то благороднѣе было бы, кажется намъ, просить объ переводѣ *Петрашевскаго* въ западную Сибирь, на Кавказъ, или куда нибудь.

— *Становой приставъ Гриневицъ и Ковенскіе порядки.*— Въ началѣ Іюля мѣсяца, вышшаго года, Гриневицъ, приставъ 3 стана, получилъ предписаніе о немедленномъ взысканіи недоимокъ. Порученія эти обыкновенно выгодны. Пристава высѣкаютъ при этомъ деньги изъ старшинъ для себя, запечатываютъ синагоги, пока народъ не соберетъ недоимки и не откупится. Гриневицъ былъ очень доволенъ и мирно собралъ уже выкупъ съ разныхъ селеній, какъ вдругъ случилось удивительное происшествіе въ мѣстечкѣ *Салантахъ*. Жители услышавши о приближеніи Становаго, внесли всю недоимку въ казначейство. Огорченный Приставъ все-таки запечаталъ синагогу. Евреи зная, что на это онъ права никакого не имѣлъ, сломали печать. Тогда Приставъ велѣлъ схватить главнаго члена общества *Натана Дейчера*, сковать и посадить *безъ всякихъ объясненій* на съѣзжую. Откуда онъ его отправилъ пѣшкомъ въ городъ *Тельши* при рапортѣ, что *Дейчеръ вредный чловѣкъ для государственнаго спокойствія*. Родственники Дейчера просили, чтобы его расковали и позволили бы нанять ему лошадь. Строгий приставъ велѣлъ ихъ разогнать *палками*, при чемъ досталось и женщинамъ. Въ *Тельшахъ* Дейчера представили исправнику *Милодовскому*, но не удалось и ему взять окупъ съ невиннаго арестанта. Дворянскій предводитель, къ которому Евреи бросились просить защиты, вступился за Дейчера, и его отпустили. Губернаторъ *Хоминскій*, по просьбѣ предводителя хотѣлъ перемѣстить Гриневица (что за наказаніе! вдругъ бы разбойниковъ стали переводить въ наказаніе съ Тульскаго тракта на Рязанскій?) Но и на это не хватило характера у начальника губерніи. Гриневицъ съѣздилъ въ Ковно и обработалъ дѣло. Мы совѣтуемъ *Натану Дейчеру* переселиться, а то его полиція заключетъ теперь.

Что же это Назимовъ-то, генераль-губернаторъ, не удивляется какъ его становые *иперболы* много ѣдятъ и шутки шутать не хорошія?

печатаются:

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II, Н. ОГАРЕВА.

ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ, кн. IX.

СБОРНИКЪ правительственныхъ документовъ о Раскольникахъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 83.

15 Октября 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Лишніи люди и желчевики—Разграбленіи ерестьянъ архангельскою палатою государственныхъ имуществъ—Вольное
русское книгопечатаніе за границей—Новое стѣсненіе слова—Александръ второй Наполеону третьему—четыре лошади.

ЛИШНІЕ ЛЮДИ И ЖЕЛЧЕВИКИ.

... Онѣгивы и Печорины были совершенно истинны, выражали дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный типъ лишняго, потеряннаго человѣка—только потому, что онъ развился въ человѣка, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостинныхъ, въ деревняхъ и городахъ...

... Но время Онѣгивныхъ и Печоринныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ лишнихъ людей, теперь напротивъ, къ нашимъ огромнымъ запашкамъ не достаетъ рукъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пѣнять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ пустой человѣкъ, свѣщъ или лѣнтяй...

КОЛОКОЛЪ 1859, л. 44.

Эти два разряда лишнихъ людей, между которыми сама природа воздвигла Обломовскій хребетъ, а генеральное меженаніе исторіи вырыло пограничную яму, именно ту, въ которой схороненъ Николай—постоянно смѣшиваются. А потому мы хотимъ съ Катановскимъ пристрастіемъ къ дѣлу побѣжденныхъ, вступить за стариковъ. Лишніе люди были тогда столько же *необходимы*, какъ *необходимо* теперь чтобъ ихъ не было.

Ничего нѣтъ плачевнѣе, какъ середь возникающей дѣятельности, неустроенной еще и угловатой, но полной стремленій и начинаній—встрѣчать этихъ оторопѣлыхъ, нервпо-разслабленныхъ юношей, теряющихся передъ упругостью практической работы и чающихъ дароваго разрѣшенія трудностей и отвѣтовъ на вопросы, которые они никогда ясно не могли поставить.

Мы этихъ вольноопределяющихся въ лишніе люди отводимъ, и такъ какъ французы признаютъ истинными гренадерами только les vieux de la vieille, такъ мы признаемъ почетными и *дѣйствительно* лишними людьми только *николаевскихъ*. Мы сами принадлежали къ этому несчастному поколѣнію и догадавшись, очень давно, что мы лишніе на берегахъ Невы, препрактически пошли вонъ какъ только отвязали веревку,

Себя намъ стало нечего защищать, но бывшихъ товарищей жаль, и мы хотимъ оборонить ихъ отъ слѣдующаго за ними выпуска больныхъ изъ Николаевского лазарета.

Нельзя не раздѣлять здоровый, реалистическій взглядъ, который въ послѣднее время, въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ Обозрѣній сталъ выбивать тощую, моральную точку

Годъ IV.

зрѣнія на французскій манеръ, ищущую личной отвѣтственности въ общихъ явленіяхъ. Историческіе слои, также худо какъ геологическіе, обсуживаются уголовной палатою. И люди говорящіе, что не на взяточниковъ и казнокрадовъ слѣдуетъ обрушивать громаы и стрѣлы, а на среду дѣлающую взятки зоологическимъ признакомъ цѣлаго племени, на примѣръ *безбородыхъ Русскихъ*—совершенно правы.

Мы только и желаемъ, чтобъ николаевскіе лишніе люди состояли на правахъ взяточниковъ и пользовались бы привилегіями дарованными казнокрадамъ. Они это тѣмъ больше заслужили, что они не только лишніе люди, но почти всѣ люди умершіе; а взяточники и казнокрады живутъ и не только въ довольствѣ, но и въ историческомъ оправданіи:

Съ кѣмъ тутъ сражаться, надъ кѣмъ смѣяться,—съ одной стороны упавшіе отъ утомленія, съ другой помятые машиной; винить ихъ за это также не великодушно какъ винить золотушныхъ и лимфатическихъ дѣтей за худосочіе ихъ родителей.

Серьезный вопросъ можетъ быть одинъ—точно-ли эти болѣзненные явленія были обусловлены средой, обстоятельствами?....

Кажется въ этомъ сомнѣваться трудно.

Нечего повторять о томъ какъ туго, тяжело развивалась Русь. Кнутаомъ и Татарами насъ держали въ невѣжествѣ, топоромъ и Нѣмцами насъ просвѣщали, и въ обоихъ случаяхъ рвали намъ ноздри и клеймили желѣзомъ. Петръ I такимъ клиномъ вбилъ намъ просвѣщеніе, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. Едва теперь, черезъ полтора ста лѣтъ, мы начинаемъ понимать какъ раздвинулась эта трещина. Ничего общаго между ними; съ одной стороны—грабежъ и презрѣніе, съ другой—страданіе и недовѣріе. Съ одной стороны ливрейный лакей, гордый своимъ общественнымъ положеніемъ, и надменно показывающій это—съ другой обобранный мужикъ, ненавидящій его и скрывающій это. Никогда Турокъ рѣзавшій, уводившій женщинъ въ гаремы, не тѣснилъ такъ систематически и не презиралъ такъ нагло Франка и Грека, какъ шляхетская Русь—Русь крестьянскую. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы единоплеменная каста взявшая верхъ, сдѣлалась бы до такой степени чужестранной, какъ наше служилое дворянство. Ренегатъ всегда доходитъ до крайности, до нелѣпаго и отвратительнаго; до того наконецъ, чтобъ

сажать чело́вѣка въ тюрьму, потому что онъ будучи литераторомъ *одѣвается по русски*, не пускать его въ трактиръ, потому что онъ въ кафтанѣ и подпоясанъ кушакомъ. Это колоссально и напоминаетъ индѣйскую Азію!

На закрайнахъ этихъ дико противопоставленныхъ другъ другу міровъ, развились странныя явленія, указывавшія въ самой сломанности своей на потаенныя силы, которымъ неловко, которыя ищутъ другого. Сюда принадлежатъ на первомъ планѣ Раскольники и Декабристы, а потомъ всѣ Западники и Восточники, Онѣгины и Ленскіе, лишніе и желчевые люди—всѣ они, какъ вѣтхозавѣтные пророки, были вмѣстѣ протестомъ и надеждой; ими Россія усиливалась отдѣлаться отъ петровскаго періода, или переработать его въ свое настоящее тѣло и въ свою здоровую плоть. Эти патологическія образованія (формаціи), вызванныя условіями имъ современной жизни, непременно пройдутъ съ перемѣной условій, такъ какъ теперь уже прошли *лишніе люди*; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы они заслуживали судъ и осужденіе, развѣ только отъ своихъ младшихъ товарищей по службѣ? И это на томъ основаніи на которомъ одинъ изъ жителей Бедлама съ негодованіемъ показывалъ на больнаго называвшаго себя апостоломъ Павломъ, въ то время какъ онъ, самъ Христоръ, навѣрное зналъ, что это не Павелъ апостоль, а просто лавочникъ изъ Флитъ-стрита.

Вспомнимъ какъ развились лишніе люди.

Казнь на Кронверской куртнѣ 13 Іюля 1826 года не могла разомъ остановить или измѣнить потокъ тогдашнихъ идей, и дѣйствительно въ первую половину Николаевского тридцатилѣтія, продолжалась, исчезая и входя внутрь, традиція Александровскаго времени и Декабристовъ. Дѣти захваченныя въ школахъ, осмѣливались держать прямо свою голову—они не знали еще, что они арестанты воспитанія.

Такъ они и вышли изъ школъ.

Это уже далеко не тѣ свѣтлые самонадѣянныя, восторженные, раскрытые всему юноши, какими намъ являются при выходѣ изъ лица Пушкинъ и Пущинъ. Въ нихъ уже нѣтъ ни гордой, непреклонной, подавляющей отваги Лунина, ни распушеннаго разгула Полежаева, ни даже свѣтлой грусти Веневитинова. Но еще въ нихъ хранилась вѣра, унаследованная отъ отцевъ и старшихъ братьевъ, вѣра въ то что "*она взойдетъ—заря плѣнительнаго счастья*," вѣра въ западный либерализмъ, которому вѣрили тогда всѣ — Лафайетъ и Годафруа Каваньякъ, Берне и Гейне. Испуганные и унылые они чаяли выйти изъ ложнаго и несчастнаго положенія. Это та послѣдняя надежда, которую каждый изъ насъ ощущалъ передъ кончиной близкаго чело́вѣка. Одни доктринеры, красные и пестрые все равно, легко принимаютъ самые страшные выводы, потому что они ихъ собственно принимаютъ *in effigie*, на бумагѣ.

Между тѣмъ каждое событіе, каждый годъ подтверждалъ имъ страшную истину, что не только правительство противъ нихъ, съ висѣлицей и шпіонами, съ обручемъ, которымъ палачъ сжималъ голову Песгелю, и съ Николаемъ надѣвавшимъ этотъ обручъ на всю Россію,—но что *и народъ не съ ними*, или покрайней мѣрѣ что онъ совершенно чужой; если онъ и не доволенъ, то совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они недовольны. Рядомъ съ этимъ подавляющимъ сознаніемъ, съ другой стороны, развивалось больше и больше сомнѣніе въ самыхъ основныяхъ незыблемыхъ основаніяхъ западнаго воззрѣнія.

Почва пропала подъ ногами; по неволѣ въ такомъ недоумѣніи приходилось въ самомъ дѣлѣ идти на службу, или сложить руки и сдѣлаться *лишнимъ, празднымъ*. Мы смѣло говоримъ что это одно изъ самыхъ трагическихъ положеній въ мірѣ. Теперь лишніе люди анахронизмъ; но вѣдь Ройе Колларъ или Бенжаменъ Констанъ были бы теперь тоже анахронизмомъ, однако нельзя же за это пустить въ нихъ камень.

Пока умы оставались въ тоскѣ и тяжеломъ раздумьи, не зная какъ выйти, куда идти, Николай шелъ себѣ съ тупымъ, стихійнымъ упорствомъ, затапливая всѣ нивы и всѣ всходы. Знатокъ своего дѣла, онъ съ 1831 г. началъ воевать съ дѣтьми; онъ понялъ что въ ребяческомъ возрастѣ надобно вытравлять все чело́вѣческое, чтобы сдѣлать вѣрнопоподанныхъ по образу и по подобію своему.

Воспитаніе, о которомъ онъ мечталъ, сложилось. Простая рѣчь, простое движеніе считалось такою же дерзостью, преступленіемъ, какъ раскрытая шея, какъ растегнутый воротникъ. И это избіеніе душъ младенческихъ продолжалось тридцать лѣтъ!

Отраженный въ каждомъ инспекторѣ, директорѣ, ректорѣ, дядкѣ—стоялъ Николай передъ мальчикомъ въ школѣ, на улицѣ, въ церквѣ, даже до нѣкоторой степени въ родительскомъ домѣ, стоялъ и смотрѣлъ на него оловянными глазами безъ любви, и душа ребенка ныла, сохла и боялась не замѣтять ли *глаза* какой нибудь ростокъ свободной мысли, какое нибудь чело́вѣческое чувство.

А кто знаетъ что за химическое измѣненіе въ составѣ ребячей крови и нервной пульпы, дѣлаетъ застрашенное чувство, остановленное слово, слово скрывшееся, чувство подавленное?

Испуганные родители помогали Николаю; они скрывали отъ дѣтей единственное благородное воспоминаніе, чтобы спасти ихъ невѣденіемъ. Молодежь росла безъ традицій, безъ будущаго — кромѣ карьеры. Канцелярія и казарма мало по малу побѣдили гостинную и общество, аристократы шли въ жандармы, Клейнмихели—въ аристократы; ограниченная личность Николая мало по малу отпечатлѣлась на всемъ, всему придавая какой-то казенный, правильный видъ, — все опошляя.

Разумѣется середь этого несчастія не все погибло. Ни одна чума, ни даже тридцатилѣтняя война не избила всего. Чело́вѣкъ живущъ. Потребность чело́вѣческаго развитія, стремленіе къ независимой самобытности уцѣлѣло, и притомъ всего больше въ двухъ македонскихъ фалангахъ нашего образованія, въ московскомъ университетѣ и царско-сельскомъ лицѣ; онѣ пронесли черезъ все царство мертвыхъ душъ, на молодыхъ плечахъ своихъ, кивотъ, въ которомъ лежала будущая Россія, ея живую мысль, ея живую вѣру въ грядущее.

Исторія не забудетъ ихъ.

Но въ этой борьбѣ и они по большей части утратили *молодость* своей юности, они затаивались и преждевременно перезрѣли. Старость ихъ коснулась прежде гражданскаго совершеннотѣтія. Это не *лишніе*, не праздные люди, это люди *озлобленные*, больные душой и тѣломъ, люди зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе изъ подлобыя и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы набранной ими, больше чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они

представляют явный шаг вперед, но все же болѣзненный шагъ; это уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны.

Лишніе люди сошли со сцены, за ними сойдутъ и *желчевики*, наиболѣе сердящіеся на лишнихъ людей. Они даже сойдутъ очень скоро, они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь не смотря на XVIII вѣковъ христіанскихъ сокрушеній, очень изысканно образомъ предана эпикуреизму, и *à la longue* не можетъ выносить наводящія унынія лица Невскихъ Даниловъ, мрачно упрекающихъ людей, за чѣмъ они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего.

Смѣна имъ идетъ; мы уже видимъ какъ изъ дальнихъ университетовъ, изъ здоровой Украйны, съ здороваго сѣверо-востока, являются совсѣмъ иные люди съ непочатыми силами и крѣпкими мышцами, и можетъ намъ старикамъ еще придется черезъ болѣзненное поколѣніе протянуть руку кряжу свѣжому, который кротко простится съ нами и пойдетъ своей широкой дорогой.

Типъ желчныхъ людей мы изучили не на мѣстѣ, и не по книгамъ, мы его изучили по экземплярамъ выѣзжавшимъ за Нѣманъ, а иногда и за Рейнъ съ 1850 г.

Первое, что насъ поразило въ нихъ, это легость съ которой они отчаявались во всемъ, злая радость ихъ отрицанія и страшная беспощадность. Послѣ событій 1848 г., они были разомъ поставлены на высоту, съ которой видѣли поражение республики и революціи, вспять идущую цивилизацію, поруганная знамена—и не могли жалѣть незнакомыхъ бойцовъ. Тамъ гдѣ нашъ братъ останавливался, оттиралъ, смотрѣлъ нѣтъ ли искры жизни, они шли дальше пустыремъ логической дедукціи, и легко доходили до тѣхъ рѣзкихъ, послѣднихъ выводовъ, которые пугаютъ своей радикальной бойкостью, но которые какъ духи умершихъ представляютъ сущность уже вышедшую изъ жизни—а не жизнь. Въ этихъ выводахъ, Русскій вообще пользуется передъ Европейцемъ страшнымъ преимуществомъ, у него тутъ нѣтъ ни традиціи, ни роднаго, ни привычки. Всего безопаснѣе по опаснымъ дорогамъ проходитъ человѣкъ, не имѣющій ни чужаго добра, ни своего.

Это освобожденіе отъ всего традиціоннаго доставалось не здоровымъ, юнымъ натурамъ,—а людямъ которыхъ душа и сердце были поломаны по всѣмъ составамъ. Послѣ 1848 г. въ Петербургѣ нельзя было жить. Самодержавіе дошло до геркулесовыхъ столбовъ неслѣпости, до инструкціи преподавателямъ военно-учебныхъ заведеній, до Бутурлинскаго проекта закрыть университеты, до подписи цензора Елагина на трафаретахъ. Чему же дивиться что юноши, вырвавшіеся изъ этой пещеры, были юродивые и больные?

Потомъ они завали безъ лѣта, не зная ни свободнаго размаха, ни вольно сказаннаго слова. Они носили на лицѣ глубокой слѣдъ души помятой и раненой. У каждаго былъ какой нибудь тикъ, и сверхъ этого личнаго тика, у всѣхъ одинъ общій—какое то снѣдающее ихъ, раздражительное и свернувшееся самолюбіе. Отъ обидъ, отъ униженій, отъ отрицанія всѣхъ правъ личности, у нихъ развилось затаенное притязаніе на удивленіе; эти неразвившіеся таланты, неудавшіеся геніи скрывались подъ личиною униженія и скромности. Всѣ они были ипохондрики и физически больные, не пили вина и боялись открытыхъ оконъ, всѣ съ изучен-

нымъ отчаяніемъ смотрѣли на настоящее, и напоминали монаховъ, которые изъ любви къ ближнимъ, доходили до ненависти ко всему человѣческому, и проклинали все на свѣтѣ изъ желанія что нибудь благословить.

Половина ихъ постоянно каялась, другая постоянно карала. Да, у нихъ остались глубокіе рубцы на душѣ. Петербургскій міръ, въ которомъ они жили, отразился въ нихъ самихъ; вотъ откуда ихъ беспокойный тонъ, языкъ *saccadé*, и вдругъ расплывающійся въ бюрократическое празднословіе, уклончивое смиреніе и надменные выговоры, намѣренная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами, оскорбительное принятіе впередъ всѣхъ обвиненій и беспокойная нетерпимость директора департамента.

Этотъ фюп директорскаго распекательнаго слога, презрительный и съ прищуренными глазами, для насъ противнѣе генеральскаго сигнала крика, напоминающаго густой лай остепенившейся собаки, ворчащей больше по общественному положенію.

Тонъ не бездѣлица.

Das was innen— das ist draussen!

Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т. е. желчные люди наши, тономъ своимъ, могутъ довести ангела до драки и святаго до проклятія. Къ тому же, они съ такимъ *aplomb* преувеличиваютъ все на свѣтѣ—и не для шутки, а для огорченія, что просто терпѣнія нѣтъ. На всякое “бутылками и пребольшими,” у нихъ готово мрачное “нѣтъ-съ бочками сороковыми!”

— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ, (говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ *sehr ausgezeichnet in seinem Fache*.) дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунедцевъ *à la Oneghine*?... Извольте видѣть они образовались иначе, имъ міръ ихъ окружающій слишкомъ грязенъ, не довольно натерть воскомъ, замараютъ руки, замараютъ ноги. То-ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи и притомъ спокойно ѣсть да пить.

Мы было ввернули слово въ пользу нашего раздѣленія лишнихъ людей на вѣтхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. Но Даниэль и слушать не хотѣлъ о раздѣлѣ, ему не было дѣла ни до Обломовскаго хребта, ни до того, что въ мѣди отлитой Николай покоится въ бозѣ, и именно потому и отлить въ мѣди. Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту, и пожимая плечами говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру инаго солнца и другихъ деревьевъ.

— Позвольте же мнѣ хоть на этомъ основаніи, и въ качествѣ homo Benkendorffii testes, защитить нашихъ сопластниковъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали, или дѣлали вздоръ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, они были романтики и аристократы, они ненавидѣли работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило, да и того правда они не умѣли.

— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена—напримѣръ Чаадаевъ, онъ не умѣлъ взяться за топоръ, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете. Нѣмецъ Вигель обидѣлся за Россію, протестантъ и будущій католикъ Бенкендорфъ, обидѣлся за православіе и Чаадаева *высочайшей ложью* объявили сумасшедшимъ и взяли съ него подписку

не писать. Надеждина, напечатывавшаго статью въ *Телескопъ*, сослалъ въ Усть-Сысольскъ, ректора старика Болдырева отставили, Чаадаевъ сдѣлался празднымъ человѣкомъ. Иванъ Кирѣевскій положимъ не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать журналъ; издалъ двѣ книжки—запретили журналъ; онъ помѣстилъ статью въ *Денницѣ*, цензора Глинку посадили на гауптвахту,—Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человѣкомъ. Н. Полеваго конечно нельзя обвинить въ лѣни; человѣкъ онъ былъ изворотливый, а все таки крылья *Телеграфа* подвязали, и признаюсь въ моей слабости, когда я читалъ какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ женатый человѣкъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

— А Бѣлинскій умѣлъ писать, и Грановскій умѣлъ читать лекціи, они не сложили рукъ.

— Если явились люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи въ виду тройки и каземата, то не ясно ли что множество людей съ меньшими силами были парализованы и глубоко страдали этимъ.

— За чѣмъ же они въ самомъ дѣлѣ не пошли въ сапожники, въ дровосѣки, все лучше бы?

— За тѣмъ вѣроятно, что у нихъ было на столько денегъ, чтобъ не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слыхалъ чтобъ кто нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти. Впрочемъ не вы первые замѣтили этотъ недостатокъ въ практическомъ трудѣ у лишннихъ людей; бдительное правительство наше, для пополненія этого недостатка, посылало ихъ въ каторжную работу.

— Ископаемый другъ мой, я вижу что и вы еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

— Какъ на вовсе не веселую необходимость.

— Почему же имъ не дѣлать общей необходимости?

— Безъ сомнѣнія. Да во-первыхъ родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и по несчастію не такъ были воспитаны.

— За чѣмъ не такъ воспитаны?

— За тѣмъ что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской; можетъ это и въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но находясь тогда въ неопытномъ положеніи церкаріевъ, они по малолѣтству за свои поступки отвѣчать не могутъ. А уже разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да кстати, на какомъ это правѣ вы требуете отъ людей чтобъ они дѣлали то или другое. Это какая-то новая принудительная организція работъ, что-то въ родѣ социализма переложенаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ.

— Я не заставляю никого работать, я констатирую фактъ, это были праздные, пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины почему мнѣ сочувствовать имъ.

— Заслуживаютъ ли они симпатіи или нѣтъ, это пусть себѣ рѣшаетъ каждый какъ хочетъ. Всякое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе, и нѣтъ ни одного страданія, которому бы нельзя было не отказать въ немъ. Мученики первыхъ вѣковъ вѣрили въ искупленіе, вѣрили въ будущую жизнь. Римскіе Мухановы, Тимашевы, Лужины, заставляли христіанъ склоняться въ прахъ предъ августѣйшимъ изображеніемъ цезаря, христіане не хотѣли сдѣлать этой пустой уступки, ихъ травляли

звѣрями. Они были сумашедшіе, Римляне полоумные, тутъ нѣтъ мѣста ни сочувствію, ни удивленію... но тогда прощай не только Термопилы съ Голговою, но и Софокль съ Шекспиромъ, да кстати и вся длинная, бесконечная эпопея, которая беспрестанно оканчивается сумасбродными трагедіями и беспрестанно идетъ далѣе подъ названіемъ Исторія.

Даніилъ нашъ, какъ и слѣдуетъ въ спорѣ, не сдавался. Мнѣ стало все это надоѣдать и я пользуясь моимъ палеонтологическимъ значеніемъ, сказалъ ему: "Воля ваша, а вѣдь это пустое дѣло гнать людей или умершихъ или приготовляющихся къ смерти, и гнать въ такомъ обществѣ, гдѣ почти всѣ живые хуже ихъ—военные и штатскіе, помѣщики и попы; знаете ли что, если васъ особенно прельщаетъ *sensu gratia togam* и суровая должность моралиста вамъ такъ нравится, возьмите что нибудь оригинальное. Я вамъ пожалуй укажу типы, вреднѣе не только мертвыхъ, но и живыхъ лишннихъ людей."

— Какіе же типы?

— Ну да хоть бы литературнаго *ruffiano*.

— Не понимаю.

— Въ блѣдной и обиженной ценсурой литературѣ нашей, до послѣдняго времени, было множество всякихъ чудаковъ, по большей частію это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ векселей и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они или были со стороны правительства, или шныряли гдѣ-то по подваламъ и никогда не лезли на видныя мѣста, точно лондонскіе тараканы, держащіеся въ кухнѣ и не являющіеся въ салонѣ. Такимъ образомъ сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ, такъ какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту, мы не привыкли къ барышникамъ отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію оброчную статью. И въ этомъ довѣрїи давно не существующемъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятїе на современный срамъ и запустѣніе и въ то же время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованные у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи всѣхъ повятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности—вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишннихъ людей, желчевыхъ и слезливыхъ!

— Не знаю согласился ли мой Даніилъ...

И—ръ.

РАЗГРАБЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

АРХАНГЕЛЬСКОЮ ПАЛАТОЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ

ПОСРЕДСТВОМЪ ВВЕДЕНІЯ НЕЗАКОННАГО НАЛОГА.

Палата постановила:

1) Обложеніе государственныхъ крестьянъ обязанностью покупать изъ казны ненужную для нихъ препорцію лѣса, котораго они ни срубить, ни вывести не въ состояніи.

2) Взысканіе за эту лѣсную препорцію денегъ, не взирая на то получили-ли и могли-ли крестьяне получить оную, и

3) Наложеніе такимъ образомъ новой подушной и подымной подати, безъ всякаго на то высочайшаго узаконенія.

Такая подать напоминаетъ намъ подать на соль во Франціи

до революціи 1789 года;* каждый французъ долженъ былъ купить изъ казны известное количество соли въ годъ, за опредѣленную цѣну, не смотря на то, что онъ этого количества не могъ съѣсть и могъ добыть себѣ соли удобнѣе помимо казны. Этотъ налогъ на соль былъ одною изъ побудительныхъ причинъ къ революціи 1789 года.

У насъ подобный налогъ на лѣсъ тѣмъ отвратительнѣе, что, по смыслу государственнаго права владѣнія общинами землею, государственные крестьяне, въ лѣсныхъ губерніяхъ, имѣютъ право на лѣсное продовольствіе топлива и обстройки, безъ всякаго за то повышенія обычныхъ податей.

Хотя крестьяне, по добродушію, и не жаловались на замѣну безденежнаго отпуска лѣса на ихъ домашнія надобности, отпускомъ за деньги, съ уменьшеніемъ цѣны противъ таксы; но, въ Мартѣ 1860, приносили жалобы начальнику губерніи на слѣдующее:

Для нихъ непонятно, почему ихъ обязываютъ, такъ сказать, насильственно брать отъ казны лѣсъ и рубить на корню, не по вызову собственно ихъ потребности, но по произвольному назначенію Палаты, въ расчетъ поголовнаго и подымнаго обложенія, и почему у каждаго изъ нихъ отнимается свобода пріобрѣтать за собственные свои деньги лѣсъ въ такомъ количествѣ сколько ему нужно и тамъ гдѣ онъ заблагоразсудитъ.

Въ прошедшемъ году они получили лѣсной матеріалъ покупкою у казны, срубленный на корнѣ за $\frac{1}{4}$ цѣны, а валежникъ за $\frac{1}{8}$ противъ таксы и въ такой пропорціи, какая кому надобилась, по собственному ихъ расчету. На это крестьяне не роптали и нынѣ не только не ропщутъ, но съ этою мѣрой соглашаются. Употребленіе валежнаго лѣса, крестьяне признаютъ для себя весьма удобнымъ, какъ по дешевизнѣ, такъ и по сподручности вывозки.

Для крестьянина непонятно, по какому праву заставляютъ его въ настоящее время брать лѣсъ и дрова у казны, когда онъ, либо не имѣетъ въ этомъ надобности, или же можетъ и желаетъ купить у купца, для котораго рубить въ казенныхъ дачахъ лѣсъ, купленный для торговаго дѣла, и гдѣ онъ пріобрѣтетъ для себя гораздо выгоднѣе и удобнѣе вершины и вѣтви. Наконецъ ихъ понятіе не сознаетъ основаній, по которымъ Палатою опредѣлено: 1) отпускать, какъ она назвала, въ годовую пропорцію съ 1 Сентября 1859 по 1 Сентября 1860 г., крестьянамъ лѣсъ оптомъ на каждое общество не въ той именно пропорціи, какую крестьяне, по затребованію въ Августѣ 1859 г. отъ нихъ желанія, въ отъѣздахъ своихъ предъявили, а ту, какую Палата сама отъ себя назначила и притомъ въ огромномъ количествѣ?

2) Почему Палата объявляетъ не тѣ цѣны, какія ея объявлены и опубликованы въ таксѣ, съ уступкою для крестьянъ, и притомъ на разные размѣры и на разную породу деревьевъ; а общую цѣну, къ таксѣ неподходящую, и опредѣлила продажу крестьянину дерева не толще 6 вершк., да и цѣна для этой мѣры одна: $10\frac{1}{2}$ коп. за дерево, безъ известности, на какія именно породы?

3) Почему Палата обязала государственныхъ крестьянъ пріобрѣтать для своей домашней надобности дерева не толще 6 вер., тогда какъ хозяину бываетъ нужно дерево въ 10 вер. и болѣе, и притомъ не одной и той же породы; или же почему онъ платитъ за срубленное имъ дерево въ 4 вер. тѣже $10\frac{1}{2}$ коп., какъ другой за 6 вершковъ?

* Impot de la gabelle.

Лѣсничіе, при обходѣ участковъ для вырубки положенной Палатою на крестьянъ пропорціи, не сообразуются, есть-ли въ томъ участкѣ то именно число 6 вершковыхъ деревьевъ, какое назначено къ отпуску и за которое начтена на общество цѣна; да сего и сдѣлать невозможно, потому, что назначается по нѣскольку тысячъ деревьевъ и потому, что деревья въ лѣсу не стоятъ по ранжиру (какъ выразились крестьяне), а смѣшанно разной толщины. Въ Мартѣ мѣсяцѣ отводили для нихъ участки — когда снѣга было въ лѣсу на 4 аршина; по этому трудно каждое дерево отрыть отъ снѣга до комля, придется рубить въ 4 аршина вышины, а комель для другаго дороже всего дерева, да и въ лѣсу будутъ ни въ 4 аршина.

4) Для чего отводятъ имъ на вырубку растущій лѣсъ, когда валежника и бурелома множество? Шести-вершковые деревья другому придется отыскивать за нѣсколько верствъ, а валежникъ подъ рукой? При этомъ нѣкоторые хвалились, какъ они въ прошедшемъ году купили за $\frac{1}{8}$ часть таксы валежникъ, удобно его вывезли и обошлись всю зиму.

5) Почему Палата сама сочла, прежде отпуска лѣса, сумму за матеріалъ и дрова по печамъ, велѣла сдѣлать душевую раскладку, принуждаетъ составленіемъ на это мірскихъ приговоровъ; для этого ѣздить по обществамъ окружные чиновники и урядники и требуютъ, чтобы приговоры были; а приговоры эти составляетъ не все общество, но либо плохіе люди, либо мірошды, которые себѣ возьмутъ и лѣсъ. Раскладка на душу по 60 и болѣе копѣекъ. Въ одномъ обществѣ (Паленгскомъ Пинженскаго уѣзда) кромѣ сего взыскали съ нихъ по 10 к. съ печи. Деньги за назначенный Палатою лѣсъ взыскиваются по душамъ сборщиками неотступно, прежде подушной подати, и велѣно было непремѣнно всѣ взыскать до 15 числа сего Марта. Такъ, берутъ и съ того, кто желаетъ и можетъ вырубить лѣсъ, и съ того, кому лѣсъ ненуженъ и кто не можетъ ни вырубить, ни вывезть. Здѣсь платитъ и бѣдная вдова за то, что у нея есть дѣти мальчишки, а сама живетъ въ бѣднѣйшей избѣ. Потомъ сборщикъ придетъ къ этой же вдовѣ за подушнымъ.

6) По какому порядку собираютъ съ нихъ деньги за лѣсъ, котораго они не получаютъ, да и получить не могутъ? На крестьянъ сдѣланъ налогъ лѣснаго матеріала по расчету самой Палаты съ 1 Сентября 1859 до 1 Сентября 1860 г. и за эту пропорцію взыскиваютъ съ нихъ деньги; но до Марта мѣсяца крестьяне лѣсъ не рубили, и даже отводъ участковъ на вырубку еще не вездѣ былъ сдѣланъ; инымъ указали въ исходѣ Февраля, другимъ въ началѣ Марта (1, 2 и 3 числѣ), а многимъ еще вовсе не указали. 11 Марта обществамъ, между Архангельскомъ и Онежскимъ уѣздомъ, на вырубку дровъ и деревьевъ участковъ не было еще отведено. Съ 15 же Апрѣля воспрещается рубить. За глубиною снѣговъ и страшными бурями, въ эту пору здѣсь обыкновенными, трудно производить и рубку и вывозку. Многие крестьяне лѣса не получаютъ, а деньги съ нихъ взыскали. Да и лѣсъ, особенно дрова въ Мартѣ нужны не въ томъ количествѣ, какъ считала Палата въ Сентябрѣ, а въ гораздо меньшемъ, либо вовсе ненужны. Къ Марту зимы съ осенью прошло 6 мѣсяцевъ.

7) Палата велѣла счесть у каждаго крестьянина печи. Сочли всѣ печи: въ избахъ, въ свѣтелкахъ, овинахъ и баняхъ. Палата сочла на каждую печь по 2 куб. сажени дровъ, и за это ихъ обложила деньгами. Взыскиваютъ и большую часть этихъ денегъ уже взыскали, хотя крестьяне дровъ не получали

и всей пропорціи не могутъ получить и хотя въ этой пропорціи не имѣютъ надобности. Крестьяне не доразумѣваютъ, почему Палата взяла раскладку потребленія топлива на себя и почему сочтена равномернo потребность на всѣ печи, когда въ крестьянскомъ быту ведется такъ : иная печь топится круглый годъ, другая изрѣдка, а иная вовсе не топится ; для струющей печи нужны дрова на весь годъ, для чистой комнаты на одну зиму, для той избы, либо комнаты, гдѣ прежде жили, а теперь не живутъ и держать для лѣтняго гостя, или которая просто пустая, вовсе не нужны. Для свѣтелокъ нужны дрова недѣли на двѣ весной, да съ половины Августа до 1 Сентября ; для бани зимою разъ въ недѣлю, а лѣтомъ разъ въ мѣсяць, а либо вовсе не нужно ; для овина по ихъ скудному хлѣбопашеству, нужны дрова раза на три въ годъ. А съ нихъ берутъ деньги за дрова, какъ будто бы весь круглый годъ всѣ печи топятся. И на каждое общество, на примѣръ : вмѣсто общественнаго запроса 974 саж., Палата сочла 3,352 саж. а есть и такія, что вовсе не просили, но имъ назначила по 700 и болѣе саженой. Въ иныхъ мѣстахъ есть прежней заготовки дрова, либо старое строеніе, которымъ крестьянинъ отопится, по этому ему не нужно топливо ; но съ него берутъ деньги.

Отъ глубины сѣтованія крестьянъ были и такіе отзывы : “ придется, бросить и бани и овины, да свѣтелки — каждый годъ прибавка налога. Долговъ за хлѣбъ не оплатили, промыслы плохіе : а тутъ до чего дошло, что и домъ содержи не такъ какъ самъ знаешь, а какъ велитъ начальство. Чтожь я за свободный обыватель? Я тотъ же рабъ! Какъ намъ жить? сами не знаемъ ! Вотъ уже Мартъ мѣсяць, а лѣсосѣкъ еще намъ не указали ; деньги же за лѣсъ взяли съ насъ. Какъ рубить и вывозить лѣсъ въ эту пору, когда и половины работниковъ дома нѣтъ ! Вотъ уже три недѣли, какъ вышли на промыслы ; дома остались одни бабы, да ребятишки.”

Начальникъ губерніи, разсмотрѣвъ въ Волостныхъ и Сельскихъ правленіяхъ распоряженія палаты государственныхъ имуществъ, возбудившія въ народѣ ропотъ и негодованіе и обратившись къ истолкованію этихъ распоряженій мѣстными властями, дозналъ :

1) Что Палата государственныхъ имуществъ въ 1859 году въ Мартѣ мѣсяцѣ, потребовала отъ сельскихъ правленій свѣденіе къ 15 Юня о томъ : “ сколько нужно матеріаловъ каждому домохозяину на періодъ 1859 — 1860 г., т. е. съ Сентября по Сентябрь мѣсяць.” Сельскія общества подали отъ себя отзывы о томъ, сколько для нихъ нужно къ отпуску матеріаловъ.

2) Палата нашла, что желаніе крестьянъ получать лѣсъ недостаточно сочтено, что для нихъ нужно лѣсу болѣе количество ; а потому велѣла начальству счесть число печей и сама, по своему расчету, сдѣлала назначеніе для каждаго общества. По этому назначенію, или какъ Палата назвала смѣтъ, опредѣлена потребность матеріала въ такой пропорціи, которую крестьяне считаютъ для себя несоразмѣрною и которая съ перваго взгляда покажется таковою.

Въ этой смѣтѣ показано число дворовъ, душъ, число печей, количество требуемаго обществомъ матеріала, количество назначеннаго Палатой и оцѣнка этого назначенія ; смѣты разосланы для каждаго общества за подписью исправляющаго должность губернскаго лѣсничаго *Перемежко* и столоначальника *Смирнова* Эти смѣты разосланы при циркулярѣ

Палаты, 3 Октября 1859 г. подписанномъ. Въ этихъ смѣтахъ рѣзко преувеличено собственное назначеніе Палаты дровъ противъ дѣйствительнаго требованія обществъ. Такое преувеличеніе сдѣлано почти для всѣхъ обществъ и по нѣкоторымъ оно учетверено.

Исчисленіе печей обращаетъ на себя вниманіе съ перваго взгляда. Въ нѣкоторыхъ обществахъ исчислено печей болѣе ревизскаго числа душъ, составляющихъ общества.

Цѣна по исчисленію положена за бревно вообще, безъ означенія размѣровъ и породы ; а въ журналѣ Палаты назначена за бревно до 6 вершковъ.

Въ исчисленіи сумма, выставлена по обществамъ общей цифрой за назначенный Палатой матеріалъ безъ различія породы, сухоподстоя, валежника и растущаго, такъ на примѣръ : Архангельскаго уѣзда, для Красногорскаго сельскаго общества показано : “ 342 двора, 1083 души, 1281 печь, количество матеріала, требуемаго обществомъ : деревъ 3,355, дровъ 680, куб. саж., жердей 10,595, кольевъ 23,870. Назначено Палатой : деревъ 3,355, дровъ 2,562 куб. саж., жердей 10,260, кольевъ 17,100 ; оцѣнено въ 636 р. 79½ коп.,” то-есть : по 66½ коп. съ ревизской души.

3) Палата въ циркулярѣ своемъ 3 Октября 1859 г. въ 10 пунктѣ обязала сельскія управленія наблюдать, чтобы при раздѣлѣ между хозяевами назначеннаго строеваго лѣса, была опредѣлена необходимая часть для тѣхъ, которымъ необходимо построить новый домъ, остальное же количество дѣлить по дворамъ.

4) Въ семь году 28 Января отъ управляющаго Палатой послѣдовалъ циркуляръ, такого содержанія : “ что ея циркуляромъ отъ 3 Октября сдѣлано назначеніе для отпуска лѣсныхъ матеріаловъ сельскимъ обществамъ и показана оцѣнка этимъ матеріаламъ, указанъ порядокъ взысканія въ казну этой суммы — половины тотчасъ по взятіи билетовъ, а другой не позже 15 Марта. Что не смотря на благовременность сего распоряженія, оно не исполнено отъ безпечности сельскаго начальства. Требуется подъ строгимъ наказаніемъ, чтобы взысканіе сего налога производить мѣрами, постановленными для взысканія податей ; послѣ просрочки, велѣно неослабно наблюдать, чтобы крестьяне не отговаривались, что *имъ этого количества не нужно*. Что назначенное Палатой количество основано на дѣйствительной нуждѣ всякаго хозяина и потому хозяева должны знать, что назначеніе это на нынѣшній годъ неотмѣнимо. Окружнымъ начальникамъ, ихъ помощникамъ и волостнымъ головамъ велѣно имѣть строжайшее наблюденіе за поступленіемъ лѣснаго налога и повуждать какъ сельскихъ начальниковъ, такъ и самихъ неплательщиковъ законными мѣрами. Окончить сборъ этого налога велѣно непременно по 15 Марта.

5) Въ исполненіе сего распоряженія мѣстное начальство настоятельно потребовало отъ обществъ составленія приговоровъ на душевую раскладку лѣснаго налога, назначеннаго Палатой на общества оптомъ, по произвольной таксѣ и по произвольному опредѣленію количества лѣсныхъ матеріаловъ.

Лѣсничіе въ началѣ Февраля сего года — приступили къ указанію лѣсосѣкъ. 10 Марта еще сельскимъ обществамъ это указано не было.

Съ 1 Сентября по Мартъ прошло 6 мѣсяцевъ, на которые исчислена потребность дровъ и за которые требуютъ деньги, но этихъ дровъ никто не получалъ и многіе, за протеченіемъ

зимы, получать не могут, многие не желают потому, что обошлись покупкой топлива у других, либо обошлись отопкой старыми негодными, обрушенными в развалины строениями и оставшимися от прежних лѣтъ. По этому общества упорствуютъ въ раскладкѣ. Чиновники и урядники при- нуждаютъ. Собираютъ мироѣдовъ и людей безгласныхъ для составленія приговоровъ о душевой раскладкѣ. Сборщики требуютъ денегъ неотступно. Въ это время большая часть хозяевъ и работниковъ вышли на тюлений промыселъ въ море. Остались дома старики, женщины, дѣти, да больные и не- мощные. Получать насильно навязываемый имъ лѣсъ, рубить его и вывозить не кому, да и во многихъ мѣстахъ и невоз- можно, за глубиною снѣговъ и за сильнѣйшими мятелями, которыя здѣсь обыкновенно въ это время года свирѣпствуютъ. Время сближалось къ прекращенію вырубки и потому во всѣхъ отношеніяхъ терялась надежда приобрѣсть матеріалъ, а деньги за него настоятельно взыскивались.

Палата, по своему исчисленію, отпускаетъ насильственно изъ казенныхъ лѣсовъ на годъ 181,710 строевыхъ деревь 96,717 куб. саж. дровъ, что составитъ приблизительно до 1,800,000 деревь, 452,039 жердей, 654,706 кольевъ. Къ этому при вырубкѣ такой пропорціи неизбѣжно похищеніе. Таковой годовой отходъ лѣса и при громадности здѣшнихъ лѣсовъ ощутителенъ, тѣмъ болѣе что большая половина этого матеріала могла быть замѣнена валежникомъ и что самая пропорція отпуска, безъ надобности увеличена.

Прилагаемъ три курьозные документа :

I.

Выписка изъ раскладки лѣсныхъ матеріаловъ для государственнхъ крестьянъ на годъ съ 1 Сентября 1859 по 1 Сентября 1860 года, сдѣланной Палатою Государственныхъ Имуществъ.

По обществамъ	Требуемое обществами		Назначен. палатою		Число обществъ.		
	Дровъ кубичес. сажень	Дровъ кубичес. сажень	Дровъ	Душъ	Целей	Дворовъ	Душъ
Архангельскаго Уѣзда :							
Трепузовскому ..	974	3,352	475	1,696	1,676		
Красногорскому ..	681	2,562	342	1,083	1,281		
Верхнеладинскому ..	2,269	2,800	608	2,733	1,400		
Чевакинскому ..	710	1,390	450	1,332	695		
Сѣземскому ..	332	916	270	833	408		
Патраковскому ..	256	392	109	711	196		
Золотнукскому ..	418	514	103	397	257		
Майденскому ..	230	452	74	313	226		
Холмогорскаго Уѣзда :							
Блецкому ..	1,541	2,966	523	1,728	1,483		
Иваческому ..	1,041	1,698	294	1,056	849		
Селецкому ..	464	1,486	315	947	743		
Харламовскому ..	1,804	2,085	544	1,601	1,402		
Чернявскогорскому ..	770	1,770	324	1,168	885		
Богоявл. - Ухтостровскому ..	573	1,686	448	1,352	843		
Великодворскому ..	1,577	2,562	314	1,163	1,281		
Кушевскому ..	624	1,168	344	1,345	384		
Строительскому ..	1,359	3,346	576	1,648	1,673		
Властьевскому ..	798	1,262	459	1,689	631		
Шенкурскаго Уѣзда :							
Глубововскому ..	25	54	15	69	27		
Киселевскому ..	186	372	71	312	186		
Апповскому ..	65	264	115	405	132		
Потацевскому ..	59	132	47	201	66		
Смотрововскому ..	66	734	143	462	307		
Шахановскому ..	35	120	39	221	60		

Пинежскаго Уѣзда :

Верхнепаленскому ..	172	318	84	285	159
Кузоменскому ..	253	698	122	419	349
Подборскому ..	576	986	299	1,063	493
Юрельскому ..	438	1,699	307	1,113	846
Айногорскому ..	297	1,570	411	1,196	785
Почперскому ..	181	434	184	717	217
Шеймогорскому ..	747	2,312	352	1,310	1,156
Никитинскому ..	227	454	142	528	227
Юркинскому ..	317	646	200	690	323
Ярушевскому ..	357	714	204	821	357

Мезенскаго Уѣзда :

Ижемскому ..	1,102	1,346	513	2,398	673
Моженскому ..	1,027	1,620	352	1,825	810
Красноборскому ..	300	508	242	1,274	254
Пустозерскому ..	764	1,592	382	1,032	696
Долгоцельскому ..	202	416	127	366	208
Быченскому ..	174	378	88	290	189
Лампоженскому ..	669	1,200	320	996	600
Рещельскому ..	314	574	149	447	287
Лешуконскому ..	297	588	261	898	294
Лебскому ..	369	732	170	586	366
Палацельскому ..	446	728	209	673	364
Пысскому ..	227	386	117	376	193
Бугаевскому ..	483	1,186	299	867	593

Онежскаго Уѣзда :

Золотницкому ..	109	344	108	358	172
Пурнемскому ..	182	388	151	455	194
Кандскому ..	189	418	126	508	209
Тамницкому ..	134	350	127	441	175
Кушерѣцкому ..	624	808	337	1,124	404
Кирилловскому ..	182	384	62	263	192
Савинскому ..	292	318	129	351	159
Наволоцкому ..	607	634	241	1,014	317

Кемскаго Уѣзда :

Нѣхченскому ..	—	440	208	636	220
Колежемскому ..	170	394	104	316	167
Лапинскому ..	154	226	113	403	133
Сѣвероконскому ..	175	340	155	527	170
Шуерѣцкому ..	493	736	138	316	368
Юшкозерскому ..	460	678	117	499	339
Погосскому ..	267	292	114	555	146
Воннаволоцкому ..	861	876	219	1,127	438
Калгалакшскому ..	173	350	92	635	175
Кестенскому ..	471	660	135	818	330
Керетскому ..	207	276	69	461	138
Кундозерскому ..	—	460	162	486	230
Дюстровскому ..	—	210	105	315	105
Воронежскому ..	—	220	110	329	110
Печенскому ..	—	112	56	168	56
Умбскому ..	—	430	140	420	215
Варзугскому ..	—	760	199	597	380
Тетринскому ..	—	460	138	415	230
Цонойскому ..	—*	230	115	317	115

II.

Кузоменскому сельскому обществу, Пинежскаго Уѣзда,

Дворовъ	Душъ	Целей	Требовалось				Назначено				Оцѣнка по уменьшен- ной таксѣ.	
			Деревъ	Дровъ	Жердей	Кольевъ	Деревъ	Дровъ	Жердей	Кольевъ	руб.	коп.
122	419	319	1,766	253	3,240	3,915	8,220	698	3,240	6,100	205	46

Подлинное [подписалъ] исправляющій должность губернскаго лѣсничаго :

ПЕРЕМЕЖКО.

[Скрѣпилъ] Столовачальникъ :

СМРНОВЪ.

(Вѣрно).

* Свѣдѣній не получено.

III.

Приговоръ.

“1860 года Февраля 27 дня, мы нижеподписавшіеся Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда, Вешкомаесиповской волости, Подборскаго сельскаго общества, выборные сельскаго схода, въ числѣ 96 человекъ, были созваны на сельскій сходъ старшиною нашего общества Драчевымъ, гдѣ и выслушали предъявленное намъ циркулярное предписаніе Архангельской Палаты Государственныхъ Имуществъ отъ 3 Октября 1859 года за No. 18,913, о распредѣленіи лѣсныхъ матеріаловъ съ 1 Сентября 1859 по 1 Сентября 1860 годъ. Вслѣдствіе чего и учинили сей мірской приговоръ въ томъ, что по распредѣленію Палаты Государственныхъ Имуществъ, какъ-то : строевыхъ деревъ, дровъ, жердей и колья на каждый дворъ, печь и душу въ каждую деревню. (Слѣдуетъ исчисленіе количества раскладки по деревнямъ). Всей же суммы причитается собрать съ общества 580 руб. 12 коп. сер. Каковыя деньги расположили мы и поручаемъ собрать сборщику податей Мохнашкину и по сборѣ таковыхъ имѣешь ты, Мохнашкинъ, своевременно взойти въ Пинежское Уѣздное Казначейство, а однопроцентный капиталъ постоянной лѣсной стражѣ представить въ сельское управленіе, въ чемъ и подписуемся.”

Подписались 96 человекъ.

А въ Подборжскомъ сельскомъ обществѣ 1,063 ревизскихъ душъ, мужскаго пола !

Вѣроятно, вслѣдствіе донесенія губернатора, министръ Г. И. въ Іюль утвердилъ *опредѣленную по соображенію съ дѣйствительными нуждами крестьянъ и мѣстными обиліемъ лѣсовъ* норму ежегодныхъ отпусковъ, выше которой уже не будутъ отпускать лѣсные матеріалы крестьянамъ, именно : въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Костромской, Олонеккой и Пермской приказано отпускать на *каждый дворъ* по 7 деревъ, 20 жердей, 30 кольевъ, 4 сажени дровъ и 1 сажень хворосту ; въ малолѣсныхъ губерніяхъ по меньше, а въ безлѣсныхъ его высокопревосходительство вмѣнило въ обязанность палатамъ стараться распространить употребленіе, вмѣсто дровъ, кизяка, потому что его высокопревосходительство хозяинъ и знаетъ, что такая задача совершенно не затруднительна для палатъ въ губерніяхъ, гдѣ крестьяне и безъ того кромѣ кизяка ничѣмъ не топятъ.

Но спрашивается :

1) Отдана ли Архангельская палата подъ судъ, или чиновники, состоящіе подъ покровительствомъ министра-вѣшателя, не боятся суда ?

2) На какомъ разумномъ основаніи сдѣлано послѣдующее опредѣленіе по стольку-то на дворъ въ лѣсныхъ губерніяхъ ? Кто на этотъ разъ соображалъ крестьянскія нужды—крестьяне или опять начальство ?

3) Хозяйственное отдѣленіе Редакціонныхъ комиссій, въ докладѣ No. 3, положило, при освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, чтобы имъ въ лѣсистой полосѣ топливо отпускалось за повинности, по обычаю, а въ лѣсныхъ—лѣсной участокъ входилъ въ надѣлъ. Кажется государственные крестьяне повинности справляютъ, отъ чего же съ нихъ не только въ лѣсистой (какъ Архангельская губернія), но и въ самой лѣсной полосѣ (какъ Пермская губернія) хотятъ за лѣсное продовольствіе сдирать деньги, сверхъ повинностей ?

Если, управленіе не измѣнится, то весьма легко, что помѣстное право правительства взбунтуетъ крестьянъ не хуже вотчиннаго права помѣщичьяго.

Сердиться на это правительство не въ правѣ : по дѣломъ вору мука.

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНІЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Русская литература за границей растетъ не по днямъ, а по часамъ—какъ ясное доказательство, что намъ *есть что сказать* и что намъ *нельзя говорить дома*. Въ 1853 году мы основали первую русскую типографію за границей, съ цѣлью пропаганды. Теперь ихъ существуетъ три, четыре, даже одна въ Наумбургѣ. Три года тому назадъ былъ напечатанъ первый листъ *Колокола*, теперь выходитъ въ Лейпцигѣ подъ редакторствомъ Густава Бера новый русскій журналъ *Будущность*, который мы отъ души приветствуемъ, но о которомъ будемъ говорить когда выйдетъ нѣсколько листовъ.

Мы намѣрены отнынѣ давать отчетъ нашимъ читателямъ о всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ русскихъ книгахъ, печатаемыхъ за границей, не исключая даже *любопытныхъ свидѣтельствъ о непорочномъ зачатіи Богородицы*, издан. священникомъ общества *Исусова И. Гагаринымъ*

Вновь вышедшія въ Германіи книги имѣютъ особенный интересъ, и тутъ на первомъ планѣ :

1) *О судѣ присяжныхъ и о судахъ полицейскихъ въ Россіи*, Н. Тургенева.

2) *Статскій Армейцу Н. Павлова*, (Печ. въ типографіи Петпа въ Наумбургѣ).

3) *Шервудъ*, изъ записокъ генерала Б. П.

Мы всякій разъ съ чувствомъ глубокаго уваженія встрѣчаемъ имя Николая Ивановича Тургенева, въ числѣ передовыхъ бойцовъ за свободу крестьянъ, за свободу суда, за свободу русскаго народа вообще. Черезъ тридцать лѣтъ государственный человекъ, оттертый Николаемъ отъ родины и отъ дѣятельности, онъ является съ тою же вѣрой, энергія его не утратилась, любовь его къ Россіи не остыла. Это тотъ же исполненный силъ молодой статсъ-секретарь, совѣщавшійся нѣкогда съ великимъ министромъ Штейномъ... Что это было за удивительное поколѣніе, изъ котораго вышли Пестели, Якушкины, Фонъ Визины, Муравьевы, Пуцины и пр.—поколѣніе, къ которому принадлежитъ по праву Н. И. Тургеневъ. Якушкинъ пріѣхалъ изъ Сибири съ молодымъ сердцемъ, Тургеневъ съ молодой вѣрой двадцатыхъ годовъ пишетъ въ 1860 въ Парижѣ. Намъ не трудно уважать нашихъ предшественниковъ. Намъ легко—это высказывать !

О книгѣ *Н. И. Тургенева*, о брошюрѣ *Н. Павлова* и о прелестнѣйшемъ силуэтѣ щіона *Шервуда*, мы поговоримъ впослѣдствіи. Теперь ограничимся извѣщеніемъ, что *Шервудъ* переведенъ на англійскій языкъ. Гг. Трюбнеръ и Ко. намѣрены его издать. А вотъ кстати—

— *Еще цѣль и еще стѣсненіе слова*.—“Главное управленіе цензуры, имѣя въ виду высочайшія повелѣнія, коими запрещены, на какомъ бы языкѣ ни было, критики, какъ бы благонамѣренны онѣ ни были, на книги и сочиненія запрещенныя, и потому не должны быть извѣстными, 9го сего Іюля опредѣлило : пояснить Московскому ценсурному комитету, что, руководствуясь сими высочайшими повелѣніями, статьи, разбирающія вновь вышедшія за границею сочиненія, книги и брошюры, могутъ быть допускаемы къ печати не прежде, какъ по удостовѣренію, что эти книги и брошюры дозволены для публки комитетомъ цензуры иностранной.”!!

— *Александръ второй Наполеону третьему—четыре лошади!*—Четыре лошади эти посланныя Александромъ вторымъ Наполеону третьему, были приведены въ Парижъ двумя Шуваловыми. “The animals, говоритъ *Теймсъ*, were attended during their journey from Russia by general count Schouvaloff, who it appears is grand master of police at St. Petersburg and his brother count Paul &.” Который же изъ нихъ тотъ грозный, тотъ мощный аристократъ, къ которому Викторъ Панинъ не пускалъ депутатовъ, боясь что они избалуется ?

А Англія думаетъ что у насъ есть аристократы !

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
5, Thornhill Place, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил. съ десятизмъ листомъ—
ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 84.

1 Ноября 1860.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.—СЕРБЫ И ЧЕРНОГОРЦЫ—Второе письмо по поводу "Розги домоу"—Лужинъ вѣрный. Смѣсь: Помещійскіе маскарады Пгнатъева—
День ангела директора—Домъ причавшійся къ Минѣ Ивановѣ на почтовыхъ—Вызвѣдъ татаро-австрійскаго посольства изъ Туринна—Кончина А. С. Хомякова.

СЕРБЫ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

Мало знакомые съ внутренними дѣлами Западныхъ Славянъ и исключительно занятые нашими Русскими вопросами, мы ни разу не обращали къ нимъ рѣчи, и ни разу не передавали ничего объ нихъ нашимъ читателямъ.

Революціонная декламація намъ ненавистна; дутыя фразы сочувствія, казенно-либеральныя возгласы намъ противны, со временъ всемірно-риторическихъ упражненій, которыми занималась вся Европа послѣ похоронъ февральской республики. Театральныя постановки въ серьезномъ дѣлѣ не въ нашемъ характерѣ. Русская воля, если она разовьется когда нибудь, то разовьется—здоровой, простой крестьянкой, которой равно не нужно будетъ ни румянъ, ни бѣлилъ чтобъ нравиться—ни римскихъ тогъ и цивическихъ причитываній чтобъ полюбить.

Мы не говорили о Западныхъ Славянахъ потому, что намъ нечего было высказывать, кромѣ нашей искренней братской любви, говорить объ одной любви мы не хотѣли.

Но въ виду сближенія *Невскихъ нѣмцевъ съ Вѣнскими*, но наканунѣ воскрешенія смердящаго въ гробѣ *Священнаго Союза*, этого источника смерти для всего стремящагося къ независимости, этого источника жизни для гнилой, расплывающейся Австріи—въ виду такой измѣны Славянскому міру со стороны Петербурга, мы не должны молчать; тѣмъ больше, что именно теперь Сербы и Черногорцы вступаютъ въ новую фазу.

Старый Милошъ, со своими старыми понятіями сошелъ въ могилу. Его преемникъ возвѣстилъ о своемъ воцареніи народу Сербскому языкомъ благороднымъ, твердымъ, современнымъ. Онъ не обѣщалъ продолжать царствованія *незабвеннаго* отца и благодѣтеля, онъ обѣщалъ царствовать лучше, царствовать "покоряясь законамъ"—свободнаго представительства народа.

Въ Черногоріи преемникомъ несчастнаго князя Данилы является юноша. Мы мало объ немъ знаемъ, но вѣтъ причины думать, чтобъ онъ бросился въ объятія истасканой, исхудалой старухи Австріи, давно грозящей своей клюкой его родинѣ и тѣмъ больше теперь, когда сѣдая колдунья снова ластится къ медвѣдю, съ которымъ прежде жила, и который готовъ опять защищать беззубую дульцинею. Если молодой князь

Черногоріи будетъ поменьше благодаренъ за свое воспитаніе (за которое онъ вѣроятно заплатилъ изъ своихъ денегъ), онъ можетъ сдѣлать многое для славныхъ горцевъ своихъ.

Сказавъ это, мы прямо обращаемся къ нашему дѣлу и обращаемъ вниманіе Сербовъ и Черногорцевъ на одинъ фактъ первой важности. Въ наше время нельзя безнаказанно смѣшивать Россію съ ея правительствомъ. Пусть они будутъ увѣрены, что недостаточно продолжать ненавидѣть Турковъ и нетерпѣть Австріи, а что надобно *окончательно не надѣяться на Русское правительство*. Петербургская дружба стоитъ Турецкой вражды и Австрійскаго коварства, только гораздо опаснѣе, потому что въ нее вѣрятъ.

Пора Западнымъ братьямъ нашимъ убѣдиться въ томъ, что въ Россіи нѣтъ ничего меньше Русскаго, меньше Славянскаго какъ правительство. Зимній Дворецъ это какая-то *нѣмецкая слобода на Невѣ*.

И это вовсе не зависитъ отъ царствующаго лица, а отъ царствующей мысли, отъ всей системы; тутъ больше чѣмъ завѣщаніе Петра I, котораго никогда не было; тутъ преемственно наслоившаяся почва, изъ которой Зимній Дворецъ получаетъ исключительно свой государственный умъ и свою государственную глупость. Въ ней гниютъ, заражая ее, страшныя трупы, и сохраняются страшныя традиціи—отъ Бироновскихъ и Остермановскихъ до Аракчеевскихъ, и отъ нихъ до Николаевскихъ безыменниковъ.

Мы считаемъ Александра II, даже послѣ всѣхъ его ошибокъ, послѣ того какъ онъ упалъ до пояса въ Австрію—лучшимъ изъ всѣхъ Романовскихъ Мервинговъ.

Но гдѣ же у него сила Самсона, чтобъ своими мышцами порвать эти тысячи веревокъ и путь, вязанныхъ по пятидесяти лѣтъ сряду какими нибудь Несельродами на дипломатическихъ спичкахъ, и какими нибудь Паниными съ компаніей прошнурованныхъ, спутанныхъ и закрѣпленныхъ канцелярскими витками. Къ тому же онъ привыкъ къ сѣтямъ съ самаго рожденія, онъ въ нихъ выросъ, въ нихъ воспитанъ; они ему мѣшаютъ видѣть и понимать. Какъ барабанъ 21 Января 1793 года мѣшалъ слышать слова короля, такъ Александру II барабанъ мѣшаетъ слышать слова народа. Онъ думаетъ, что онъ воленъ дѣлать *добро*; а въ сущности ему только не мѣшаютъ дѣлать *зло*.

Одинъ разъ поступилъ онъ свободно—въ крестьянскомъ вопросѣ—и сдѣлалъ великій шагъ, который ему исторія зачтетъ... но на этотъ шагъ чуть ли не потратилась вся его сила!

Теперь, онъ соединяется съ Австріей, испуганный Итальянскимъ освобожденіемъ. Что ему за дѣло до него? Пусть Славяне подумаютъ, чего можно ждать отъ правительства, готоваго соединиться съ худшимъ, съ презрѣннѣйшимъ врагомъ—съ врагомъ ненавистнымъ всей Россіи, только для того, чтобъ поддерживать рабство народовъ и священный принципъ самовластія. Развѣ это не та же политика, по которой православный Александръ I не хотѣлъ помочь Грекамъ, по которой Николай I сдѣлалъ первую венгерскую кампанію—а Александръ II можетъ сдѣлать вторую? Зимній Дворецъ съ вами поступить не лучше; не считайте на его родство, его славянская кровь подозрительной чистоты. Какъ онъ чувствуетъ свою соплеменность и помогаетъ Славянамъ—на это пусть вамъ отвѣтитъ Польша...

Когда Саломонъ велѣлъ разрубить ребенка, материнское сердце сказало; ну—а какъ сказало сердце матушки императрицы, когда она четвертовала Польшу съ союзными Нѣмцами? Или можетъ оно иначе сказало, когда Николай бросилъ на водку Австріи, одну изъ древнѣйшихъ столицъ Польши—Краковъ, а мѣщанская Европа, съ своей широкой совѣстію, позволила ей принять краденое добро?

Да будутъ вамъ судьбы Польши вѣчнымъ урокомъ. Прометея прикованнаго къ Кавказу, ежедневно прилеталъ терзать одинъ коршунъ, однимъ клювомъ. Дальше воображеніе Грековъ не шло. А Польшу прикованную къ Россіи клюютъ день и ночь три орла, три урода—съ пятью клювами.

Чтоже сдѣлалъ для Польши Александръ II? Сыну шло, было прилично покрыть чѣмъ нибудь черную память страшнаго отца, испросить ему, кротостью и льготами, прощеніе, заставить забыть его. Историческій декорумъ, человѣческое сердце требовали этого. Далъ онъ какую-то амнистію, нехотя, съ ограниченіями, да и та отравлена дерзкими посольскими писариками. Намѣстникомъ остается раболѣпный старикъ, уложившій тысячи Русскихъ подъ Черной, изъ подобострастнаго повиновенія нелѣпому царскому приказу, и до того выжившій изъ ума, что не узнаетъ дѣтей своихъ. Новый царь даже не умѣлъ (а впрочемъ можетъ и не хотѣлъ) прогнать въ зашеи субалтерновъ въ родѣ отвратительнаго Муханова, гнуснаго Абрамовича.

Обратитесь отъ Польши къ собственнымъ воспоминаніямъ.

Всякой разъ, когда Петербургскому правительству нужно, для того чтобъ оторвать какой нибудь кусочикъ Турціи или пугнуть Австрію, оно наводняетъ ваши страны агентами; это дѣлалось со временъ Миниха и Анны Ивановны, при Потемкинѣ и Екатеринѣ, при Александрѣ I и Николаѣ. Агенты толковали о православіи и привозили *кресты*, о свободѣ (къ которой вѣроятно особенно приучились въ Петербургѣ); надежды были возбуждены, наболѣвшія сердца бились сильнѣе, обѣщана помощь, вы готовитесь, вы вѣрите,—между тѣмъ, тамъ гдѣ нибудь подъ Кучукъ-Кайнарджи или въ Адрианополѣ заключается миръ—агенты исчезаютъ, повѣрившіе народы проданы и Петербургское правительство, въ очкахъ и крошечнаго роста, объявляетъ по нѣмецки: dass es niemals solche scandalöse Hoffnungen gegeben habe—и

Нѣмцы вѣрятъ Нессельроду или Мейендорфу, Алопеусу или Убри, Шредеру или Штакельбергу; а Австрія и Турція являются, съ своими гофратами и башибузуками, наказывать за вѣру въ Петербургъ.

Это повторялось двадцать разъ, а у васъ все покупали портреты Александра I, да Николая I. Пора же снять повязку.

По счастью Зимній Дворецъ не вся Россія, даже не весь Петербургъ, его золотое время, то время, когда онъ какъ фениксъ, по манію Клейнмихеля, возникалъ изъ огня на трупахъ работниковъ—прошло.

Другая Россія, внѣ дворца, внѣ табели о рангахъ—ростетъ; она слаба, но и Зимній дворецъ не такъ крѣпокъ, онъ безъ гроша, (развѣ Австрія дастъ въ займы?) Другая Россія привѣтствуетъ васъ своими братьями, протягиваетъ вамъ руку; не смѣшивайте же ее съ руками всѣхъ этихъ кварталныхъ пропагандистовъ, агитаторовъ съ Анной на шеѣ, дѣйствительныхъ статскихъ пилигримовъ, заѣзжающихъ къ вамъ по дорогѣ въ Иерусалимъ или на Аѳонскую гору; мужей консульскихъ, визирующихъ уродливой птицей ненужные паспорта и пишущихъ всякій вздоръ въ Петербургъ.

— Да гдѣ она, эта другая Россія?

— Это трудно сказать—много постороннихъ насъ слушаютъ—но ищите, и обращайтесь. На первый случай мы предлагаемъ вамъ нашъ вольный заграничный органъ, чтобъ переключнуться съ Россіей. Онъ слишкомъ слабъ чтобъ служить мостомъ для легионовъ; но онъ можетъ служить доской, брошенной черезъ оврагъ, на которой могутъ встрѣтиться два брата, потолковать о своихъ дѣлахъ—и пожать другъ другу руки!

Искандеръ.

20 Октября 1860.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ПО ПОВОДУ “РОЗГИ ДОЛОЙ.”

Не одни мертвые быстро ходятъ,
но и народы проснувшіеся.

КОЛОКОЛЪ л. 79.

Эпиграфомъ этаго письма я взялъ замѣчаніе ваше, на первое письмо мое по поводу: “Розги долой!” Я вполне раздѣляю съ вами, то чувство горести и стыда за прошлыя поколѣнія, которое произвело на васъ чтеніе письма моего. Также какъ вы, я краснѣю, когда вспомню, что былъ свидѣтелемъ сценъ, подобныхъ описаннымъ мною, и еще болѣе грустно становится, когда вспомнишь, что подобныя сцены, повторяются еще и теперь въ Россіи, и нѣтъ утѣшенія, что все это одно прошлое.

Правда: “быстро ходятъ и народы проснувшіеся”, но все таки, чтобы идти—нужно проснуться. Что Россія просыпается, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но проснулась ли она вполне? Разумѣется нѣтъ. Не намъ же убаюкивать ее, когда и безъ того дядьки Россіи, лишь о томъ и хлопчатъ, чтобы она спала по долѣ. Мы вмѣстѣ съ вами желали бы задернуть плотной завѣсой все прошлое и сказать ему, прости! позабыть, все тяжелое, пережитое нами время, какъ тяжелый сонъ и идти той новой, свѣтлой дорогой, которая такъ ясно и радостно лежитъ впереди и указана Россіи самой природой вещей; но настало ли это обѣтованное время? Согласны

и мы, что есть вопросы поважнѣе чѣмъ перечень всѣмъ мерзостямъ существующаго порядка вещей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно не забывать, что все истинно доброе и благородное можетъ дѣлаться лишь руками чистыми, незапятнанными, а потому вы дѣлайте свое дѣло, борьба за правду ваше призваніе. Но вамъ нужны рядовые, которые могли бы понимать васъ; а прежде чѣмъ дойти до этой степени, нужно имъ сбросить съ себя всю ту грязь, которая искусственно поддерживалась правительствами и которая сдѣлала многихъ, многихъ порядочныхъ людей, участниками въ всевозможныхъ преступленіяхъ. Покаяніе всегда возможно и оно начинается съ того, что человѣкъ, желающій покаяться, получаетъ отвращеніе и презрѣніе къ собственнымъ порокамъ, или къ порокамъ другихъ; а потому и нѣтъ другого пути обращенія, какъ показывать имъ безпрестанно въ зеркало, какъ они уродливы.

Люди, на которыхъ лежитъ кровь ближнихъ и всѣ возможные преступленія, еще живы и даже пользуются почетомъ; нужно чтобы ихъ знало новое поколѣніе, нужно чтобы они были клеймены общимъ презрѣніемъ и лишь тогда, когда Русская публика, сдѣлается на столько чувствительна, что одно имя извѣстнаго негодяя, будетъ вездѣ встрѣчаемо съ омерзѣніемъ и всякій поступокъ, напоминающій скольконибудь насиліе, хотя бы онъ былъ облеченъ и въ законъ, будетъ встрѣчаемъ общимъ проклятіемъ, тогда лишь пора сказать: довольно вспоминать о томъ, что прошло и что съ трудомъ лишь можетъ повториться; Русская публика имѣетъ сама въ себѣ достаточно жизни, чтобы порокъ былъ немедленно наказанъ всеобщимъ презрѣніемъ.

Правда, что всѣ описанныя мною гадости и проявленія ихъ въ настоящее время, лежатъ глубоко въ самой системѣ правленія; измѣнится система, уничтожатся и слѣдствія ея. Но отъ кого ждать измѣненія этой системы? Свѣтъ, весьма рѣдко проливается на массы изъ верхнихъ правительственныхъ сферъ; какъ бы лица вверху находящіяся ни были сами образованы, они въ наружныхъ даже проявленіяхъ власти, не уходятъ далѣе чѣмъ низшіе классы народа. Мы видѣли у себя и царей и князей въ XIX столѣтіи, имѣющихъ всю наружную оболочку людей образованныхъ, ругающихся публично при дамахъ, хуже чѣмъ кучера, и бьющихъ людей такъ, какъ будто бы и не существовало тридцатилѣтнихъ трудовъ философовъ, доказавшихъ какъ дважды два четыре, что бить человѣка — значить дѣлать изъ него звѣря. Слѣдовательно, смягченія нравовъ нечего ждать сверху; правительства до сихъ поръ заботились, лишь о томъ, чтобы имѣть въ подвластныхъ имъ послушныя и неразсуждающія орудія, которыя одни только даютъ возможность распоряжаться безконтрольно достояніемъ страны и кровью народа для увѣковѣченія ихъ рабства. Вотъ почему когда наступаетъ рѣшительная минута въ жизни народа сдѣлать шагъ впередъ, то всегда случается, что какъ бы ни было образовано правительство, а всегда оно очутится назади народнаго движенія и требованій его, а потому и въ законы записывается большею частію лишь то, что уже давно вошло въ нравы страны. Слѣдовательно, намъ необходимо перевоспитать себя самимъ и это трудъ не легкій, при всѣхъ препятствіяхъ положенныхъ для этого правительствомъ; но не смотря на все, оно хотя и медленно, но дѣлается. Нужно поневолю быть терпѣливымъ и снисходительнымъ къ людямъ, которые

систематически воспитывались въ любви къ насилію. Изъ кого состоитъ большинство нашихъ образованныхъ классовъ? Изъ дворянъ, воспитанныхъ въ школахъ, корпусахъ и немногихъ кончившихъ курсъ въ университетахъ. Въ большей части этихъ заведеній, насиліе моральное и тѣлесное были основаніемъ воспитанія дѣтей; чего же мудренаго, что цѣлыя поколѣнія подобныхъ воспитанниковъ, вносили съ собою въ дѣятельность жизни заразу всосанную въ этихъ разсадникахъ. Розга и насиліе были основаніемъ воспитанія, розгу и насилію перенесли они и въ жизнь и на ту почву, которая такъ давно подготавливалась. Со временемъ, интересно будетъ прослѣдить исторически, на сколько нравы страны загрубѣли въ послѣднее 30^{ти} лѣтіе, не смотря на болѣе благообразную и цивилизованную, наружную оболочку дворянства.

Страхъ вспомнить, что дѣлалось въ этихъ разсадникахъ воспитанія, въ послѣднее 30^{ти} лѣтіе! Сѣчь и сѣчь за все — былъ лозунгъ воспитанія; и дѣтей, сѣкли чуть ли не хуже чѣмъ солдатъ. На всякую шалость смотрѣли какъ на бунтъ противъ правительства; разжаловать въ солдаты, сослать въ гарнизоны отдаленные, въ прибавку къ самому звѣрскому тѣлесному наказанію, было ни по чемъ. Всѣмъ извѣстно, какъ злодѣй Клейнмихель варварствовалъ въ корпусѣ Путей Сообщеній. Онъ цѣликомъ перенесъ туда пріобрѣтенную имъ отъ Аракчеева методу обращенія и многихъ кадетъ засѣкъ на смерть.

Эта метода сѣченія, въ особенности была усовершенствована въ дворянскомъ полку, для чего именно и назначенъ былъ директоромъ Пушинъ. Онъ довелъ сѣченіе до уродливыхъ размѣровъ и наконецъ укрѣпилъ тѣла кадетъ до того, что 600 розогъ переносили многіе съ геройствомъ, достойнымъ лучшей участи. Хотите ли знать, какъ учили справедливости кадетъ? Вотъ вамъ одинъ образчикъ изъ директорства Пушина. Случилась какая то шалость въ корпусѣ, и виновнаго не открыли. Пушинъ беретъ самъ открыть виновнаго, и для этого не придумалъ ничего лучшаго, какъ явиться въ залу во время обѣда. Тутъ начинается онъ ругаться и требуетъ, чтобы виновный сознался самъ, или чтобы открыли его товарищи. Всѣ молчатъ, ибо это единственная благородная черта, которую никакъ не могли задушить и розги, именно: не выдавать своего товарища. Когда Пушинъ увидѣлъ, что угрозы не дѣйствуютъ, то велѣлъ внести скамьи и возы розогъ, заранѣе заготовленныхъ — и объявилъ, что начнетъ сѣчь всѣхъ, съ перваго до послѣдняго. И эта угроза не подѣйствовала. Тогда онъ вызываетъ перваго по корпусу — фельдфебеля Моллера и сѣчетъ; послѣ него втораго, третьяго и такъ далѣе; но видя что никто изъ нихъ не объявляетъ имени виновнаго, останавливается на седьмомъ и объявляетъ въ бѣшенствѣ, что онъ былъ слишкомъ слабъ въ наказаніи, а потому начнетъ опять снова (наказаніе), т. е. опять съ перваго, а потому обращаясь къ Моллеру, велитъ ему опять ложиться на скамью. Моллеръ* долженъ былъ вскорѣ, быть произведенъ въ офицеры, а потому объявилъ ему, что сѣчь два раза и для того, чтобы выдать товарища, котораго и имени онъ не знаетъ, а если бы и зналъ, то не объявилъ бы, было бы дѣло недостойное директора — а потому онъ не позволить себя сѣчь, а скорѣе бросится на улицу въ окно, и

* Что то подобное было помнится намъ съ сыномъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго. — РЕД.

вслѣдъ за этимъ становится на подьоконнику. Пушинъ взбѣшенъ, велитъ солдатамъ взять его. Моллеръ бросается изъ окна и черезъ нѣсколько часовъ умираетъ. Какъ вамъ нравится подобный урокъ дѣтямъ?

Отецъ Моллера, заслуженный генералъ, потерялъ единственнаго сына своего и черезъ годъ только узналъ причину его смерти; первое впечатлѣніе его было очень хорошее, онъ хотѣлъ убить Пушина, но тутъ вмѣшался в. к. Михаилъ и... и успокоилъ старика обещаніями; тѣмъ дѣло и кончилось, а Пушинъ по прежнему продолжалъ сѣчь бѣдныхъ кадетъ, увѣренный въ безнаказанности и одобреніи свыше. Страшно и отвратительно описывать подобныя сцены, но онѣ повторялись почти ежедневно, въ продолженіи 30ти лѣтъ. Ростовцевъ покровительствовалъ этой методѣ воспитанія и самъ часто сѣкалъ дѣтей въ корпусахъ, какъ солдатъ!

Чего же мудренаго, что подобныя жестокости, изъ корпусовъ, перееслись въ полки и въ помѣщичьи имѣнія и наконецъ обратились въ какія то вакханаліи варварства. Но все таки чистые дворяне отстали не много, въ искусствѣ истязать людей, отъ того класса дворянъ, который получилъ названіе *бурбоновъ* при покойномъ. Извѣстно, что это имя — кличка того дворянства, которое получило титулъ за выслугу лѣтъ. Въ этихъ господахъ оформулировался тотъ идеалъ Русскаго челоѣка, о которомъ всегда мечтали покойныя. Это былъ идеалъ грубости, невѣжества, пассивнаго послушанія старшимъ и угнетенія подчиненныхъ; именно такія орудія, которыя были необходимы, для утонченнаго деспотизма прошлаго царствованія. У этихъ людей сѣченіе розгами было доведено до поэзіи. По этому случаю, нельзя не вспомнить о нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые и до сихъ поръ живы. Первый кто по этому случаю приходитъ мнѣ на память, это бывший въ то время ротмистръ уланскаго полка Кондратенко. Онъ выслужился изъ солдатъ и получилъ въ команду эскадронъ (кажется Оренбургскаго ул. полка). Пріѣхавши въ эскадронъ, велитъ позвать вахмистра. Является вахмистръ, (собой красавецъ) и ждетъ приказаній. Кондратенко осматриваетъ его съ ногъ до головы и обращается къ окружающимъ его офицерамъ: “неужели это вахмистръ? Нѣтъ! не можетъ быть, чтобы это былъ вахмистръ.” Ему говорятъ, что это дѣйствительно вахмистръ и челоѣкъ знающій свое дѣло отлично. “Что вы мнѣ говорите, какой онъ вахмистръ? А музыка гдѣ?” — “Какая музыка?” — “Развѣ вы не знаете, что вахмистръ долженъ передъ эскадроннымъ командиромъ стоять какъ вкопанный, такъ какъ онъ теперь стоитъ, а между тѣмъ въ шпорахъ должна быть музыка, т. е. чтобы шпоры звенѣли, отъ внутренняго страха; вотъ черезъ двѣ недѣли вы увидите, что онъ дѣйствительно будетъ вахмистръ и музыка будетъ, а теперь для начала дайте ка фухтелей.” И дѣйствительно, прежде положеннаго двухъ недѣльнаго срока, явилась у бѣднаго вахмистра и у всѣхъ солдатъ его эскадрона, музыка въ шпорахъ, отъ страха.

Не есть ли это—сѣченіе розгами и фухтелями, доведенное до поэзіи? И все это было не такъ давно, какъ вы думаете; подобныя случаи часто бывали до самой Крымской кампаніи и я увѣренъ, что хоть въ уменьшенномъ немногомъ видѣ, повторяются и теперь. Подобныхъ описанныхъ мною я знаю тысячу изъ вѣрныхъ источниковъ, а нѣкоторыхъ и самъ былъ свидѣтель, но пока довольно и этого.

Для тѣхъ, которые сѣкутъ людей лишь изъ одного убѣжденія, что это необходимо, а не изъ совершеннаго зачерственія сердца, я не могу удержаться, чтобы не рассказать имъ одинъ назидательный случай изъ моихъ прошлыхъ воспоминаній. Случай былъ кажется около 1835 года. Одинъ офицеръ Прусскій перешелъ въ Русскую службу (фамилію не пишу, потому что боюсь ошибиться, а памятной книжки моей не имѣю подъ рукой въ настоящую минуту) и назначенъ былъ въ одинъ гуссарскій полкъ. Съ самаго вступленія своего онъ отличался своимъ особымъ хладнокровіемъ и жестокостію въ наказаніяхъ; 200, 300 и болѣе фухтелей (ударъ саблею плашмя) влѣпить въ спину бѣднаго солдата было ни по чемъ. Видно, что эта жестокость была основана у него на какой то обдуманной системѣ, или какъ онъ говаривалъ, на знаніи природы челоѣческой. По счастью, нашлись въ полку порядочные Русскіе офицеры, которые на пирушкѣ начали попрекать ему и оуждать его жестокость. Тотъ въ оправданіе свое говорилъ, что Русскому челоѣку палка ни почемъ. Тогда одинъ изъ офицеровъ предложилъ ему пари на дюжину бутылокъ шампанскаго, что самъ онъ не выдержитъ и 10ти ударовъ фухтелей. Тотъ подгулявши принялъ вызовъ и одинъ изъ офицеровъ взялся быть экзекуторомъ; офицеръ этотъ былъ дѣтина плотный и потому заранѣе честно объявилъ Нѣмцу, что онъ не будетъ бить его по спинѣ и поясницѣ, какъ онъ дѣлаетъ съ солдатами, ибо увѣренъ что съ двухъ ударовъ вгонитъ его въ чахотку, а будетъ бить лишь по болѣе мягкой части тѣла. Экзекуція началась; офицеръ охулки на руку не положилъ; но не смотря на всѣ наружныя знаки сильнаго страданія, Пруссакъ выдержалъ опытъ и пари выигралъ. Но этотъ челоѣкъ былъ честенъ, а потому и сказалъ товарищамъ: “господа, хотя я и выдержалъ удары, но долженъ сознаться, что это лишь потому, что хотѣлъ до конца видѣть, какъ я былъ жестокъ съ бѣдными солдатами и потому къ вашей дюжинѣ вина я прибавляю свою, а чтобы доказать вамъ мое раскаяніе, даю слово что въ жизнь мою не трону солдата.” И дѣйствительно онъ сдержалъ свое слово.

Хоть бы этотъ примѣръ, подѣйствовалъ на тѣхъ кто изъ убѣжденія наказываетъ тѣлесно челоѣка; пусть попробуютъ они на себѣ, какъ подобныя наказанія унижаютъ челоѣка и ставятъ его въ уровень съ животными.

Ваше замѣчаніе на послѣднее письмо мое чуть было не приостановило меня въ продолженіи моихъ воспоминаній, но случайно я встрѣтился съ однимъ Русскимъ капитаномъ парохода, челоѣкомъ весьма почтеннымъ и добрымъ. Между прочимъ онъ въ разговорѣ со мной, сказалъ мнѣ: “а вѣдь грѣшный челоѣкъ и я, до сихъ поръ хоть и изрѣдка, а случалось, что наказывалъ матросовъ, все по старой привычкѣ; насъ вѣдь учили, что безъ этого нельзя обойтись съ Русскимъ челоѣкомъ; ну! однакоже теперь *Колоколъ* заклеилъ розги и я далъ себѣ слово не употреблять этого орудія.” Я чуть было не бросился на шею этого прекраснаго челоѣка, въ которомъ заговорила неиспорченная натура и сейчасъ же принялся за продолженіе моихъ воспоминаній, въ надеждѣ, что можетъ быть еще встрѣтятся натуры подобныя этой, которымъ достаточно только взглянуть на моральную уродливость другихъ, чтобы самимъ сдѣлаться чище.*

* Съ искреннѣйшей благодарностью помѣщаемъ мы этотъ *carmen horrendum*; безъ сомнѣнія всѣ эти оффиціальныя злодѣи должны видѣть свои имена въ печати; а главнѣе—всѣ Русскіе должны знать ихъ.—Ред.

ЛУЖИНЪ ВЪРНЫЙ.

(Изъ письма)

“Извѣстенъ ли вамъ гражданскій и вмѣстѣ уголовный процессъ бывшей графини Орловой, нынѣ Лужиной, съ Шидловскими, процессъ, тянущійся лѣтъ 20, если не больше? Дѣло идетъ объ имѣннѣ “Мерчакъ,”* доставшемся гр. Орловой по подложному завѣщанію, какъ доказываютъ Шидловскіе, тоже наслѣдники. Нѣсколько разъ дѣло это восходило въ Сенатъ. Много потрачено денегъ съ той и другой стороны, ибо обѣ богаты. Но съ того времени какъ Лужинъ, дождавшись смерти Орлова, сдѣлался законнымъ мужемъ графини, и тотчасъ же добылъ въ кормленіе Харьковскую губернію, дѣло стало совершеннымъ табу(?). Теперь, какъ Начальникъ губерніи, онъ имѣлъ всѣхъ судебныхъ полицейскихъ чиновниковъ въ своемъ распоряженіи: у однихъ крестилъ, другихъ приласкалъ, а бояться было некого, и не смотря на всѣ аресты Шидловскихъ, дѣло не передается въ судебное мѣсто другой губерніи, и Лужинъ *остается самъ высшимъ судьей и распорядителемъ своего процесса*, вопреки здравому смыслу и буквальному тексту гражданскихъ законовъ.

Сколько разъ предложено было взять имѣніе въ опеку, вѣтъ охотниковъ опекать; все вывезено изъ имѣнія; берите его—оно разорено. Говорятъ будто бы Лужинъ, наконецъ выигралъ процессъ. Пожалуй, этому можно и не удивляться. Нѣтъ ни одного лица изъ харьковскихъ властей, разбиравшихъ дѣло, которое бы было добросовѣстно. Вице-губернаторъ Ждановъ, утверждающій журналы губер. правленія, явно виляетъ; гражданская палата хвалится тѣмъ, что беретъ отъ Лужина взятки. Это пока еще тянется гражданскій процессъ; а уголовный начнется послѣ. Конченъ ли онъ, или вѣтъ, повторяю не знаю; я хочу только дать гласность этому факту. Шидловскіе вѣроятно не протестуютъ посредствомъ вашего изданія, боясь повредить своей служебной карьерѣ. Это достойно уваженія. Но если вы согласитесь дать гласность этому письму, то вину всю беретъ на себя вашъ непрошенный корреспондентъ. Вѣроятно все это извѣстно государю, но не слѣдуетъ упускать случая обличить лишній разъ такого господина, какъ Иванъ Лужинъ.”

опять Лужинъ—и все Лужинъ.

Стоитъ заговорить о Бурачкѣ—увидишь Зеленаго. Читатели ваши не забыли шестикопѣечную основачертательницу Башупкаго и Бурачка, — только мы ее напечатали, читаемъ:†

1) *Отношеніе Харьковскаго губернатора ген. лейт. Лужина къ управляющему министерствомъ Зеленому отъ 16 Юля 1860, No. 4835.*

Отъ Изюмскаго городничаго получено было мною донесеніе слѣдующаго содержанія: “26 прошедшаго Апрѣля выѣхавъ вмѣстѣ съ гласнымъ тамошней градской думы на городскія сѣнокосныя луга для указанія арендаторамъ, взявшимъ оныя съ торговъ въ оброчное содержаніе, границъ отданныхъ имъ участковъ, онъ усмотрѣлъ, что на означенныхъ лугахъ паслось до 150 штукъ рогатаго скота, лошадей и овецъ, въ

* Харьковской губерніи, не знаю какого уѣзда.

† О дѣлѣ г. Иванова было уже говорено въ Колоколѣ.

слѣдствіе чего имъ посланъ былъ впередъ находившійся при немъ рядовой полицейской команды, съ приказаніемъ арестовать пасшійся на лугахъ скотъ, или покрайней мѣрѣ штукъ 5, для того чтобы узнать, кому оныя принадлежатъ; по бывшіе тамъ государственные крестьяне, въ числѣ 7 или 8 душъ, въ числѣ коихъ были и женщины, какъ послѣ оказалось, изъ подгородней слободы Гнидовки, вмѣсто того чтобы остановиться, какъ объявилъ имъ рядовой, исполнявшій его приказаніе, начали бить его имѣвшимися въ рукахъ ихъ палками. Видя это, онъ самъ тотчасъ-же поѣхалъ на мѣсто и приказалъ рядовому оставить скотъ и арестовать одного изъ крестьянъ; но сіи послѣдніе, при немъ, бросились съ дубинами бить рядоваго, угрожая этимъ и ему, городничему, говоря: “у насъ одинъ царь.” Не имѣя по сему возможности арестовать ни одного изъ крестьянъ и видя такое понятіе ихъ о чужой собственности и незнаніе законовъ повиновенія мѣстной полиціи, онъ, городничій, приказалъ рядовому оставить преслѣдованіе, и возвратясь въ городъ, просилъ Изюмскаго окружнаго начальника Иванова наказать виновныхъ мѣрами сельской расправы; но окружной, вмѣсто того чтобы разобрать поступокъ крестьянъ и внушить имъ законное повиновеніе мѣстной полиціи, явно и открыто внушая имъ, что они имѣютъ право пасти свой скотъ до 23 Апрѣля, не только на водопоемныхъ сѣнокосныхъ лугахъ, имъ не принадлежащихъ, съ которыхъ вода только что сошла, но и на мѣстахъ засѣянныхъ хлѣбомъ, на томъ основаніи, что имъ негдѣ пасти свой скотъ, и что посему онъ, городничій, не имѣлъ права арестовать скота, каковымъ дѣйствіемъ своимъ внушилъ крестьянамъ не только превратныя понятія о чужой собственности, но и явное неповиновеніе законной власти мѣстной полиціи.”

За тѣмъ окружной начальникъ Ивановъ представилъ объ этомъ случаѣ палатѣ государственныхъ имуществъ, съ просьбою распорядиться, чтобы на будущее время г. городничій, безъ вѣдома его или волостнаго и сельскаго начальства, не дозволялъ бы себѣ никакихъ распоряженій и взысканій съ государственныхъ крестьянъ, такъ какъ, по мнѣнію его, подобныя вмѣшательства вселяютъ въ крестьянахъ недовѣріе къ своему начальству и къ законнымъ правамъ своимъ, о чемъ палата и представила на мое усмотрѣніе.

Крайне удивившись такому вредному направленію, окружнымъ начальникомъ Ивановымъ духа государственныхъ крестьянъ противу законной власти мѣстной полиціи, могущему имѣть пагубное вліяніе на прочихъ, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ измѣненія отношеній владѣльцевъ къ своимъ крестьянамъ, и желая съ одной стороны положить конецъ злу въ самомъ началѣ, а съ другой разобратъ о случившемся происшествіи лично на мѣстѣ въ г. Изюмѣ, я оставилъ донесеніе городничаго и представленіе палаты до личнаго моего разбирательства, и за тѣмъ расположивъ прибыть для сего въ г. Изюмъ 14 сего мѣсяца, отдалъ приказаніе, чтобы къ пріѣзду моему собрано было общество и мѣстныя власти. По прибытіи моемъ того числа въ 7 часовъ вечера въ г. Изюмъ, ко мнѣ явилось общество и должностныя лица, исключая окружнаго. Распросивъ о вышеозначенномъ случаѣ городского голову и общество, которыми подтверждено изложенное въ донесеніи мнѣ Изюмскаго городничаго, и узнавъ, что окружной начальникъ

Ивановъ въ городѣ, я поручилъ полицейскому офицеру объявить ему, чтобы онъ тотчасъ явился ко мнѣ; но посланный, возвратясь, доложилъ при всемъ собравшемся обществѣ и должностныхъ лицахъ объ отъѣздѣ Иванова, что онъ не давно возвратился изъ округа въ городъ и явиться ко мнѣ не можетъ.

Видя такое дерзкое преслушаніе Ивановымъ приказанія начальника губерніи, высказанное въ глазахъ всѣхъ мѣстныхъ служащихъ и всего городского общества, я приказалъ городничему непременно представить ко мнѣ Иванова, который, явившись, осмѣлился мнѣ объявить, что возвратясь изъ округа и намѣреваясь опять выѣхать по дѣламъ службы, занялся почтой и потому не могъ ко мнѣ явиться по моему требованію. Подобный духъ неповиновенія къ лицу начальника губерніи, явно обнаруживающій незнаніе долга подчиненности, вынудилъ меня приказать ему тотчасъ же сдать должность своему помощнику, впредь до увольненія его отъ службы, о чемъ мною дано знать и палатѣ государственныхъ имуществъ.

Поставляя обязанностію донести вашему высокопревосходительству о вышеизложенномъ, а также о распоряженіи моемъ въ отношеніи Иванова, я имѣю честь покорнѣйше испрашивать зависящаго отъ васъ распоряженія о немедленномъ увольненіи его вовсе отъ службы, въ примѣръ другимъ, и въ видахъ пресѣченія того зла, которое при службѣ въ губерніи подобныхъ лицъ неминуемо можетъ развиться ко вреду для правительства. О послѣдующемъ же посему покорнѣйше прошу не оставить меня своимъ отзывомъ. При семъ долгомъ поставляю присовокупить, что о строжайшемъ изслѣдованіи обстоятельствъ настоящаго случая, изложенныхъ въ донесеніи мнѣ Изюмскаго городничаго и представленія палаты госуд. имуществъ, мною предписано состоящему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и откомандированному съ высочайшаго разрѣшенія въ мое распоряженіе коллежскому совѣтнику Пассеку.

Первая резолюція товарища министра Зеленаго.

“Внести въ приказъ сего-же числа объ увольненіи Иванова отъ службы безъ прошенія и увѣдомить начальника губерніи, прося его о поступкѣ Иванова произвести слѣдствіе для преданія его суду.”

2) Телеграфическая депеша отъ Харьковского предводителя дворянства Бахметева къ директору канцеляріи министра юсударственныхъ имуществъ Иславину 23 Іюня 1860 г.

Дѣло вопіющей несправедливости совершенно мѣстнымъ начальникомъ,—увольненіемъ Изюмскаго окружнаго Иванова отъ должности, по личной мести къ нему и скрытой злобѣ на управляющаго, который имѣлъ Иванова на лучшемъ счету. При письмѣ, вчера вашему превосходительству посланномъ, приложены документы, объясняющіе побудительныя причины увольненія окружнаго. Вы справедливы; защитите честнаго чиновника отъ мѣстнаго произвола.*

* Эти побудительныя причины состоятъ въ томъ, что жена губернатора Лужица незаконно владѣла крестьянскими землями въ Изюмскомъ уѣздѣ въ дачахъ слободъ Царевоборисовой и Савинецъ. Окружной начальникъ Ивановъ возбудилъ объ этомъ вопросъ и добился отъ Палаты разрѣшенія начать объ этихъ земляхъ искъ со стороны крестьянъ противъ Лужиной.

3) Письмо Алекся Мартынова къ директору канцеляріи министра г. и. Иславину отъ 22 Іюня 1860 г.*

М. г. Владиміръ Александровичъ! Ничто не можетъ служить болѣе доказательствомъ извѣстности вашихъ благороднѣйшихъ свойствъ и характера, какъ поступокъ, на который рѣшился человекъ удаленный уже отъ свѣта и не принимающій участія въ дѣлахъ сего міра. Не смотря на это, чрезвычайное событіе, совершившееся съ окружнымъ Изюмскаго уѣзда, дошло и до меня. Всѣ изумлены подобно-безпримѣрному рѣшенію г. губернатора; меня же еще болѣе тронуло, потому что я, какъ отецъ управляющаго здѣшнею палатою, знаю все уваженіе, которое онъ имѣетъ къ г. Иванову.

Хотя я не имѣю чести быть съ вами знакомымъ, но рѣшаюсь прибѣгнуть и объяснить вамъ положеніе г. окружнаго. Г. губернаторъ, не произведя ревизіи, не могъ имѣть достаточныхъ причинъ удалить отъ должности чиновника, министромъ утвержденаго; но въ подкрѣпленіе своего рѣшенія можетъ отнестись, кромѣ представленія г. управляющему министерствомъ, и въ 3 отдѣленіе, гдѣ начальство не знаетъ г. Иванова и послѣдствія могутъ быть неприятыя для него. Прилагаемыя копии съ его письма и рапорта къ исправляющему должность управляющаго палатою обрисуютъ вамъ его характеръ и самое происшествіе, а двѣ копии съ бумагъ, изъ коихъ первая послужила предлогомъ, а другая настоящею причиной его удаленія, — покажутъ вамъ, въ какихъ направленіяхъ окружной дѣйствовалъ и какихъ высокихъ достоинствъ этотъ человекъ.

Позвольте просить васъ, м. г., принять христіанское участіе въ положеніи сего заслуженнаго чиновника и пр.

4) Рапортъ Изюмскаго окружнаго Иванова исправляющему должность управляющаго Харьковскою Палатою юсударственныхъ имуществъ отъ 1 Мая 1860 года.

Государственные крестьяне Изюмскаго общества, слободы Гнидовки, Николай Пономаренко и Михайль Бойко, явсь въ окружное управленіе, принесли жалобу, что 26 Апрѣля на общихъ пастбищахъ Изюмской городской выгонной земли, десятскій города Изюма Федоръ Степанченко загонялъ крестьянскихъ овецъ ихъ общества на городскіе выгонные сѣнокосныя участки, чтобы имѣть претензію въ пастбищѣ крестьянами скота; но они этого не допустили, чрезъ что десятскій ударилъ Пономаренка кнутомъ нѣсколько разъ, а когда Пономаренко вырвалъ у десятскаго кнутъ, то послѣдній всталъ съ лошади, съ тѣмъ чтобы отнять кнутъ; но Пономаренко кнута не отдалъ, боясь новыхъ побоевъ кнутомъ, и тотъ по приказанію г. городничаго, ударилъ Пономаренка палкой и разбилъ ему щеку, за то что они, Пономаренко и Байко, не отдали овецъ десятскому, который хотѣлъ прогнать ихъ черезъ воду; чрезъ такую прогонку овцы должны бы были непременно погибнуть; съ другой стороны луга арестованъ былъ рогатый скотъ въ числѣ 21 штуки, принадлежащій государственными крестьянамъ Василю Живолупу, Гаврилу Руденкѣ и другимъ; каковой скотъ былъ въ полиціи безъ корма и воды съ 3 часовъ по полудни 26 Апрѣля до 12 часовъ утра 27 Апрѣля; — въ чемъ представляются при семъ отобранныя письмоводителемъ окружнаго управленія отъ крестьянъ сказки.

* Отца управляющаго Харьковскою палатою г. и.

На отношеніе же г. городничаго, прилагаемое при семъ, честь имѣю донести вашему высокородію : 1) что скотъ и овцы государственныхъ крестьянъ паслись не на выгонныхъ сѣнокосныхъ лугахъ, а на общемъ выгонномъ пастбищѣ, за какое пастбище крестьяне уплачиваютъ въ пользу города отъ 1 р. 50 к. сер. въ лѣто съ штуки ; и при осмотрѣ мною, вмѣстѣ съ городничимъ, при понятихъ, тѣхъ луговъ, было видно мѣсто, — не на сѣнокосныхъ лугахъ, а на общемъ выгонѣ, гдѣ крестьяне оставили слѣды, загоня овецъ въ слободу Гнидовку ; 2) государственные крестьяне вовсе не били рядоваго полицейской команды ; это доказывается тѣмъ, что на немъ не оказалось ни малѣйшаго знака ; а что онъ билъ государств. крестьян. Пономаренка, то это доказываетъ медицинское свидѣтельство, выданное Изюмскимъ городовымъ медикомъ, и, какъ я находился въ это время въ слободѣ Долгинькой, куда прислано было, для подписа моего, отношеніе объ освидѣтельствованіи крестьянина Пономаренка, и я въ то же время не могъ прибыть въ гор. Изюмъ, а помощникъ мой, по предписанію Палаты выѣхалъ въ гор. Харьковъ для повѣрки призывныхъ списковъ, то освидѣтельствованіе производилось безъ депутата со стороны государственныхъ крестьянъ. 3) Выраженіе-же “мы тебя арестуемъ” потому не заслуживаетъ вѣроятія, что государственные крестьяне не осмѣлились даже ударить десятскаго при нападеніи его одного на восемь человекъ крестьянъ. 4) Крестьяне выразились : “у кого намъ спрашивать позволенія, — у насъ одинъ царь,” не о чужой собственности, а потому что имъ разрѣшено пасти скотъ на общей городской выгонной землѣ. 5) При осмотрѣ мною сѣнокосныхъ луговъ съ г. городничимъ при понятихъ оказалось, что они вовсе не избиты скотомъ, и трава, только что показавшаяся на лугу, освободившемся отъ полой воды не болѣе двухъ недѣль, не смѣшана съ грязью ; а только есть слѣды рагатаго скота, но не въ значительномъ количествѣ, и чрезъ это арендаторы тѣхъ луговъ не могутъ понести никакого ущерба, какъ въ показаніи понятихъ, отобраанномъ въ Изюмской градской полиціи значитъ ; почему и показаніе это мною не подписано. При чемъ имѣю честь почтительнѣйше донести вашему высокородію, что государственные крестьяне такъ стѣснены выгонною землею, что имъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности продовольствовать свой скотъ, и подобными стѣсненіями, какъ видно, городъ желаетъ поправить свои доходы на чужой счетъ ; подобное стѣсненіе окончательно раззорить крестьянъ ; о прекращеніи-же самовольства г. городничаго честь имѣю почтительнѣйше просить ваше высокоблагородіе сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время, безъ моего вѣдома или безъ вѣдома волостнаго и сельскаго начальства, въ мое отсутствіе, г. городничій не позволялъ себѣ ни какихъ распоряженій и взысканій съ государственныхъ крестьянъ, ибо подобныя неумѣстныя вмѣшательства г. городничаго вселяютъ крестьянамъ недовѣріе къ своему начальству, недовѣріе къ законнымъ правамъ своимъ, и крестьяне, не находя нигдѣ и ни въ комъ законной защиты, будутъ каждый пзъ нихъ, искать ее въ самомъ себѣ.

5) *Письмо Изюмскаго окружнаго начальника Иванова къ исправляющему должность управляющаго Харьковскою палатою : и. отъ 18 Іюня 1860 г.*

М. г., многоуважаемый Павелъ Егоровичъ ! Вѣроятно, вами получено мое донесеніе объ отрѣшеніи меня отъ долж-

ности г. начальникомъ губерніи ; къ донесенію моему присовокупляю, что я, за часъ до пріѣзда губернатора въ г. Изюмъ, самъ возвратился изъ округа, въ коемъ пробылъ 10 дней, и сѣлъ за почту и срочныя донесенія, чтобы приготовить на 15 число, т. е. на другой день, и собирався въ ночь эту выѣхать въ Савинскую волость на торги и ревизію. Когда губернаторъ прислалъ за мной, то я послалъ къ помощнику чтобы онъ онъ явился къ нему ; но губернаторъ прислалъ за мной другой разъ, и я началъ одѣваться, какъ пріѣхалъ за мной самъ городничій, которому приказано было меня привезти. Я уже былъ готовъ и смекнулъ въ чемъ дѣло. Губернаторъ, по явкѣ моей къ нему, разразился неистовымъ бѣшенствомъ, при всей толпѣ, которая окружала станцію и его экипажъ ; я отвѣчалъ ему вѣжливо о причинѣ неявки, но видя его большое раздраженіе, замолчалъ и долженъ былъ выслушать всѣ дерзкія угрозы его и въ заключеніе — отрѣшеніе меня отъ должности и сдать помощнику. Еслибы я былъ *возмутитель* крестьянъ, то я на дерзости отвѣчалъ бы ему тѣмъ же, что явно послужило бы къ моему обвиненію ; но я молчалъ, сообразивъ всѣ послѣдствія. А потому я полагаю, что безъ суда никто не наказывается, и — отрѣшеніе отъ должности за огражденіе крестьянъ отъ сумасбродныхъ дѣйствій городничаго невозможно !..... Теперь родится вопросъ : въ чемъ же заключается моя обязанность ? Если въ томъ, чтобы отдавать крестьянъ на жертву грабежа и обмана, тогда бы я не достоинъ былъ того вниманія и довѣрія, какимъ я имѣю честь пользоваться отъ Михаила Алексѣевича ;* да и наконецъ не дѣло дворянина торговать своею обязанностію. Да и наконецъ, многоуважаемый Павелъ Егоровичъ, я откровенно говорю, что если я не пошелъ по первому зову губернатора, то единственно потому, что не желалъ слышать тѣхъ неистовыхъ дерзостей, которыя я выслушалъ ; отъ меня же не принято никакого слова къ оправданію моихъ дѣйствій, и если мы въ такой ужасной зависимости отъ губернатора, то, значитъ, нѣтъ возможности исполнять всѣхъ требованій министра по циркуляру прошлаго 1859 г. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Какія же могу я дѣлать настоянія для огражденія крестьянъ, если мы такъ много и опасно подчинены губернатору ? а служить туда и сюда, чтобы сѣно было цѣло и овцы сыты — это невозможно, да и неблагородно, дѣло недостойное дворянина и честнаго человека.

Значить, надо пожертвовать всему злу, которое до сихъ поръ жило ; значить — получать только отъ правительства жалованье и торговать совѣстью ? Я не способенъ къ этому ; лучше я буду на хлѣбѣ и водѣ и носить рогожу, нежели дозволю себѣ сдѣлать что либо въ ущербъ закону и совѣсти своей. Вѣрно, по предложенію губернатора палатѣ, я получу запросъ ; я напишу все, что и теперь пишу вамъ ; лгать не умѣю, да уже и вышелъ изъ лѣтъ школьника, который боптается розогъ.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и пр.

Получивъ депешу Бахметева и другіе приведенныя здѣсь документы, канцелярія министра остановилась исполненіемъ резолюціи Зеленаго, написанной на отношеніи Лужина, и нѣсколько разъ пыталась уговорить его измѣнить эту резолюцію. Послѣ нѣсколькихъ докладовъ, онъ согласился наконецъ, вмѣсто словъ : “внести въ приказъ объ вольщеніи

* Управляющій палатою М. А. Мартыновъ

Иванова отъ службы безъ прошенія,» написать: «внести въ приказъ о причисленіи Иванова къ министерству;»—что и исполнено.

—; *Правда ли* что государь подарилъ Лужина австрійскому императору для Венеціи, и что его поведутъ туда два Тимашева и одинъ ветеринарный врачъ?

СМѢСЬ.

ПОЛИЦЕЙСКІЕ МАСКАРАДЫ ИГНАТЬЕВА.

Нынѣшній годъ нашу «Сѣверную Пальмиру» ожидаетъ рядъ новыхъ пикантныхъ увеселеній. Игнатъевъ съ Потаповымъ, будутъ давать уличные маскарады, на которые приглашены уже *бродячія женщины* и водимые мужчины; венеціанскія маски будутъ раздаваться брантъ-майоромъ, вѣроятно въ это время костюмеръ Александрійскаго театра будетъ тушить пожары.

Вотъ афишка антрепренеровъ:

Приказъ С. Петербургской Полиціи.

19 Сентября 1860 года No. 169.

«По открытіи проступка, полиція задерживаетъ совершившаго оный, или подозреваемого въ немъ и при пересылкѣ такихъ людей, изъ одного мѣста въ другое, полицейскіе служители водятъ ихъ по городу, такимъ образомъ, лица эти, прежде обвиненія, подвергаются позору и осужденію. Господинъ С. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, въ видахъ уменьшенія преступленій для береженія чувства стыда отъ всякаго преждевременнаго оскорбленія, при пересылкѣ арестантовъ въ здѣшней столицѣ изъ временныхъ мѣстъ заключенія изволилъ признать полезнымъ—надѣвать на арестантовъ особенныя шапки, которыя закрываютъ верхнюю часть лица и голову пересылаемаго. Предписываю гг. приставамъ исполнителямъ дѣлъ принять отъ г. брантъ-майора означенныя шапки, и постоянно употреблять ихъ при пересылкѣ арестантовъ изъ одного мѣста заключенія въ другое, а также при сборѣ бродячихъ женщинъ.»

«Подписалъ исправляющій должность С. Петербургскаго оберъ-полицейстера, святы его величества генералъ-майоръ Потаповъ.»

Ей Богу Бедламъ!

Неужели послѣ этого Игнатъевъ не купитъ т. е. не возьметъ у брантъ-майора, себѣ такую шапку «для береженія чувства стыда,» и не надѣнетъ ее? Потаповъ можетъ узнавать его по нижней части... лица.

А государь?—Тому давно падѣли шапку, только не для того чтобъ его не видѣлъ народъ, а чтобъ онъ не видѣлъ что дѣлается въ государствѣ.

Откуда эта неперемонная неѣпость, эта смѣлая тупость не останавливающаяся ни передъ чѣмъ—вотъ откуда:

Замѣчаніе «Русскому Инвалиду»

Отъ с. петербургскаго генералъ-губернатора.

«Въ фельетонѣ No. 200 газеты «Русскій Инвалидъ,» отъ 18 Сентября, въ статьѣ о похоронахъ артиста императорскихъ театровъ Мартынова, между прочимъ напечатано: съ величайшимъ удовольствіемъ исполняю я желаніе многихъ лицъ, просившихъ меня выразить печатно благодарность нашей полиціи, которая дѣйствовала въ день похоронъ съ величайшимъ тактомъ и умѣренностью.»

Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ долгомъ поставилъ объявить снѣ редакціи означенной газеты, для руководства, что разсмотрѣніе служебныхъ дѣйствій здѣшней полиціи, не подлежитъ вовсе контролю редакціи «русскаго Инвалида,» не имѣющей права порицать полицію столицы, а слѣдовательно и права объявлять ей благодарность, за ея тактъ.»(Вид. Спб. Гор. Пол.)

Эта выходка генерала заставила насъ вспомнить одно мѣсто изъ второй части Мертвыхъ душъ:

— «Стало вашъ дядюшка дуракъ?»

— «Дуракъ ваше превосходительство!»

А вотъ и другой:

ДЕНЬ АНГЕЛА ДИРЕКТОРА!

«Инспекторъ классовъ генералъ-майоръ Павловскій, имѣетъ честь покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе пожаловать завтра т. е. въ Пятницу 21 Марта въ 10 часовъ утра, въ квартиру его превосходительства г. директора корпуса, для принесенія поздравленія по случаю дня его ангела.»

(съ литографированнаго циркуляра).

— *Домъ примчавшійся къ Минѣ Ивановѣ на почтовыхъ.* Знаменитая *Мина Ивановна* имѣетъ въ Гороховой улицѣ домъ. Чиновники почтоваго вѣдомства обыкновенно называютъ его своимъ домомъ, и вотъ какъ это объясняютъ: когда былъ купленъ домъ, чиновники не получили награжденія, выдаваемого имъ изъ экономическихъ суммъ, потому что вся экономическая сумма пошла на покупку дома, поднесеннаго въ даръ Минѣ Ивановѣ Прянишниковымъ и Антопскимъ. Всѣ жившіе въ домѣ видѣли что Прянишниковъ пріѣзжалъ осматривать домъ, а Антопскій и не разъ—онъ велъ всю покупку сначала до конца и купчая крѣпость совершалась подъ его надзоромъ; поднесена же была Минѣ Ивановѣ вѣроятно самимъ Прянишниковымъ, *comme auant le raz* надъ Антопскимъ.

Говорятъ, что Мина Ивановна хлопочетъ теперь чтобъ ее тоже произвели въ *графы* вмѣстѣ съ Тимашевымъ, но мы еще не вѣримъ чтобъ такъ *явно* можно было награждать за *тайныя* услуги.

— *Самодержавная демонстрація.*— Невско-австрійскій посолъ упрекнулъ Кавура, что онъ не слушался Петербургскихъ совѣтовъ, отресь прахъ съ ногъ своихъ и отправился восвояси. Съ этимъ успѣхомъ мы поздравимъ и Кавура и Горчакова. Надѣмся, что Викторъ Емануэль приметъ съ равнодушнѣйшимъ презрѣніемъ—самодержавную дерзость Татаро-австрійской дипломатіи.

А. С. ХОМЯКОВЪ.

Еще одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ мірѣ Русской мысли и Русскаго сознанія кончилъ свою жизнь. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ умеръ отъ холеры 4 Октября въ своемъ Рязанскомъ имѣніи. Не во всемъ согласны съ нимъ, мы высоко цѣнили и огромныя дарованія А. С. Хомякова и благородную жизнь его, проведенную вдали отъ всего оффиціальнаго, служебнаго, и его вліяніе на Московское общество. Ему было только 55 лѣтъ... скоро изнашиваетъ нашъ Сѣверъ лучшихъ людей своихъ!

— Статья о *Березѣ*, присланная намъ, непременно будетъ напечатана.

— Поступила въ продажу IX кн. *Голосовъ изъ Россіи.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

LA PRESSE RUSSE A LONDRES

AUX

SERBES ET MONTÉNÉGRINS.

Connaissant peu les affaires des Slaves du sud et entièrement absorbés par nos questions intérieures, nous ne nous sommes jamais adressés à eux et nous n'avons rien communiqué sur eux à nos lecteurs russes.

Mais à la vue du rapprochement qui s'opère entre les *allemands* de Pétersbourg, avec les allemands de Vienne, mais à la veille de voir la résurrection de la maudite *Sainte Alliance*—cette source empoisonnée pour tout ce qui aspire à l'indépendance, cette source vitale pour l'Autriche putréfiée et qui s'en va en lambeaux—en vue de cette trahison envers le monde slave, se perpétrant par le gouvernement russe, nous ne pouvons pas nous taire.

Nous le pouvons d'autant moins que la Serbie et le Monténégro entrent aussi dans de nouvelles phases de développement.

Le vieux Prince Milosch, avec ses vieux préjugés est descendu dans la tombe. Son successeur annonça son avènement au peuple serbe par une proclamation noble, ferme, contemporaine. Loin de s'engager à continuer le règne de son "*inoubliable* père et bienfaiteur," il promet un règne meilleur, un règne soumis aux loix, certainement votées par l'assemblée nationale.

A la place du malheureux Prince Danila, paraît un tout jeune homme. Nous ne le connaissons pas, mais nous n'avons pas de raison pour soupçonner qu'il ira de joie de cœur se jeter dans les bras ridés de la vieille sorcière l'Autriche, qui de tout temps menaçait de son bâton la patrie du jeune Prince, et d'autant plus que la vieille retombe de rechef dans ses hideuses liaisons avec l'ours, prêt à prendre parti pour sa belle édentée. Nous sommes convaincus qu'il peut beaucoup faire pour ses splendides montagnards, *surtout s'il se pique un peu moins de reconnaissance au sujet de son éducation* (qu'il a payée, au bout du compte, de ses propres deniers).

Ceci entendu venons au fait.

Nous voulons tourner l'attention de nos frères serbes et monténégrins à un sujet très grave, c'est que de notre temps on ne peut plus impunément confondre la Russie avec son gouvernement. Ils doivent se pénétrer de l'idée que ce n'est pas tout de haïr la Turquie, de détester l'Autriche, il faut une fois pour toute ne plus *espérer en Pétersbourg*. L'amitié de Pétersbourg vaut bien l'animosité de Constantinople et l'astuce de Vienne, et elle est beaucoup plus dangereuse—car on y croit.

Il est temps pour tous les Slaves de se convaincre définitivement, qu'il n'y a rien de moins russe, de moins slave en Russie que le Palais d'Hiver, c'est un faubourg allemand aux bords de la Néva.

Et cela ne dépend pas du tout de la personne du tzar régnant, mais bien de la pensée régnante, du système entier. Il y a là quelque chose de plus grave que le testament de Pierre I, qui n'a jamais existé, il y a là un sol, formé couche par couche, tradition par tradition, et ce n'est que de ce sol que le Palais d'Hiver puise sa sagesse et sa folie gouvernementale. Dans ce sol malsain, il y a des cadavres funestes qui se décomposent, il y a des réminiscences à faire dresser les cheveux sur la tête, depuis les Biron et les Osterman jusqu'aux Araktchéeff et aux *sans-noms* du règne de Nicolas.

Jusqu'à cette heure, nous sommes convaincus qu'Alexandre II, avec toute ses fautes et défauts, avec sa chute jusqu'à la ceinture dans l'Autriche, est le meilleur de tous les Mérovingiens de la famille Romanoff.

Mais d'où prendra-t-il la force de Samson, pour rompre de ses muscles tendus les mille et mille fillets et nœuds tricotés pendant une cinquantaine d'années consécutives par des diplomates tels que les Nesselrode et des buralistes tels que les Panine? Sans compter qu'il est habitué à ce régime depuis sa naissance, il ne sait ni voir, ni ouïr. De même qu'au 21 Janvier 1793, le tambour empêcha à un peuple d'entendre les paroles de son roi, de même aujourd'hui il empêche le tzar d'entendre les plaintes du peuple; et il reste convaincu qu'il peut faire *le bien*, parce qu'on ne l'empêche pas de faire le mal.

LETTRE DU REDACTEUR DU KOLOKOL

A SON EXCELLENCE L'AMBASSADEUR RUSSE A LONDRES.

MONSIEUR LE BARON,

Vous ne Vous attendez pas, j'en suis sûr, à recevoir une lettre de ma part; cela m'étonne moi même. C'est uniquement dans les intérêts du gouvernement, qui a l'avantage d'être représenté par Votre Excellence, que je sollicite quelques moments de Votre temps précieux.

Je serai extrêmement bref et sobre de paroles.

Et d'abord, je suppose que vous n'ignorez pas que moi et Ogareff nous sommes les rédacteurs d'un journal russe qui s'appelle le "Kolokol". En cette qualité de rédacteurs, nous avons dernièrement reçu une série de lettres, remplies de termes obscènes et de menaces : on y parle d'assassiner N. Ogareff, le prince Dolgorouki (je me hâte de dire que ce n'est pas le prince Basile, chef de la gendarmerie, qui est menacé, mais bien le prince Pierre, qui demeure à Paris) et moi.

Cela ne m'aurait pas encore déterminé à Vous écrire. Mais avant hier j'ai reçu deux lettres (par devant beaucoup de témoins auxquels je les ai montrées); un ami inconnu me communique l'intention de la police secrète de Pétersbourg d'en finir avec nos publications, "en m'enlevant ou en me tuant".

Le première de ces suppositions, Monsieur le Baron, n'est pas tenable; elle est par trop ridicule : moi, Proserpine à barbe, et Schouvaloff, Pluton et aide-de-camp de S. M.—cela sort du possible par le grotesque.

Reste l'assassinat.

Qui donc veut m'assassiner? Qui a ordonné cette tentative de meurtre? Evidemment tout le soupçon doit tomber sur la tête auguste de Sa Majesté l'Empereur. Or, je suis pleinement convaincu qu'il en est incapable. Vous savez, probablement, que dans beaucoup de points nous différons cathégoriquement dans nos opinions, l'Empereur Alexandre et moi; mais il y a bien loin de là à l'envoi de spadassins pour m'assassiner... moi, je n'en ferais pas autant. Au reste cela n'entre ni dans le caractère chevaleresque et doux d'Alexandre II, ni même dans sa tradition de famille : il n'est ni Corse, ni Borgia, pour jouer du stilet. On peut m'objecter, je le sais fort bien, Monsieur le Baron, qu'il y a eu des cas où l'on a un peu anticipé sur la nature, un peu accéléré le cours des choses... mais cela n'a jamais eu lieu que dans la plus grande intimité, entre mari et femme, entre père et fils. Moi, je n'ai pas la prétention d'être sur un pied semblable avec Sa Majesté, pour avoir des droits à tant d'attention et de familiarité de sa part.

J'écarte donc tout soupçon de la personne d'Alexandre II.

Serait-ce le comte Shouvaloff? Je ne le connais pas, mais c'est nomément de la IIIme Section que parlent les lettres. Il y a deux mois, le comte Shouvaloff est parvenu à faire emprisonner à Paris un certain M. Saltzmann, coupable d'un attentât d'assassinat commis sur sa propre personne par un Prince Kotschoubey, (c'est un peu compliqué, j'en conviens)—cette chance lui a peut être donné des idées extravagantes sur l'omni-potence de la IIIme Section. Mais voilà l'impasse : Que ce soit Schouvaloff ou un autre—la responsabilité retombera néanmoins sur Alexandre l'Innocent!

Je suis donc de l'avis que nous ne pouvons laisser planer sur le gouvernement, qui a l'insigne avantage d'être représenté par Vous, le soupçon de préparer des guets-à-pens, et d'avoir des Brutus de police, qui s'en aillent au delà des mers—

den Dolch im Gewande!

Il faut donc, Monsieur le Baron, que l'Ambassade Impériale me donne un coup d'épaule pour confondre les calomnieurs; et ce n'est pas tout : Vous devez maintenant me garder comme la prune de vos yeux, car chaque cheveu qui tombera de ma tête, on dira que c'est le gouvernement russe qui me l'a arraché. C'est tellement dans vos intérêts, qu'après avoir déposé entre des mains sûres une copie notariée des dites lettres—je ne prendrai plus aucune mesure, sachant bien que nolens-volens, c'est Vous qui devrez les prendre.

Me confiant ainsi à la sollicitude maternelle de l'ambassade russe, je prie Monsieur l'Ambassadeur de recevoir l'expression de ma haute considération.

ALEXANDRE HERZEN
RÉDACTEUR DU KOLOKOL.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 85.

15 НОЯБРЯ 1860.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенса. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N

У Триюнера & Co., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Гхоржемкаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Es reiten drei Reiter—Положеніе Евреевъ въ Россіи—Отрывокъ изъ “Былаго и Думы”. Смѣсь : Еще глубже—Кіевскій
Губернаторъ Гессе—Потоцкій, Закревскій, Ильинскій—Полтава и Стокгольмъ—Радъ стараться—Дѣло крестьянъ Зиновьева—Зажигательныя
спички и тушащія министры—Герштейнцвейгъ, Сиверсъ и Гутцейтъ—Унковскій и Европеусъ—Паспорты—Матеріалы для исторіи
упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи—Просьба Колокола.

Es reiten drei Reiter
Nach Warschau hinein!
Juhhe!
Aus Warschau drei Reiter
Sie reiten hinaus!
Juhhe!

И это самое лучшее что они могли сдѣлать—*три всадника*—то есть, уѣхать изъ Варшавы. Приѣзжать то не за - чѣмъ было.

“Варшава опустѣла!” Говоритъ Nord, все видящій при сѣверномъ сіяніи—и на душѣ стало какъ то легче. Слава богу разѣхались!

Чѣмъ же это кончилось? Что вышло изъ этого?

Развѣ тѣмъ, что unter den Linden, какой нибудь прусскій офицеръ бывшій въ Варшавѣ, встрѣчая другаго прусскаго офицера, небывшаго въ Варшавѣ, раздавленнымъ голосомъ скажетъ : Die Manefren auf dem Puvonskischen Felde—allerehrenwerth, Prince Prusse sehr zufrieden, russische Majestät auch—Magniperbe, Bruder, Magniperbe!

А сверхъ того? Ну уже больше ничего.

Варшавскій съѣздъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, онъ сдѣлаетъ эпоху въ международномъ правѣ. Люди явились безъ ясной мысли, безъ плана, заявили передъ всѣмъ свѣтомъ свое поползновеніе преступнаго вмѣшательства въ чужіе дѣла и разѣхались ничего не сдѣлавши, но каждый *оловою ниже*.

Прусскій регентъ, der Iperale, показалъ своимъ участіемъ, что онъ другъ конституціи, другъ гражданскихъ правъ, но еще болѣе другъ правъ самодержавія.

Александръ II обидѣлъ Россію возможностью австрійскаго союза, обидѣлъ Польшу—созавши въ домъ повѣшеннаго толковать о веревкѣ, обидѣлъ Италію, забывшую, что онъ сынъ Николая; и это не все,—букетъ въ томъ, что пуще ихъ всѣхъ онъ обидѣлъ австрійскаго императора. Призвалъ молодаго человѣка словно за тѣмъ чтобъ ему показать, что его и въ Польшѣ также ненавидятъ какъ въ Италіи; что въ Варшавѣ, какъ нѣкогда въ Миланѣ, всѣ бѣгутъ отъ него какъ отъ появленія смертоносной заразы, дамы отказываются отъ бала, мушкетеры отказываются отъ *передней*—и за все за это ни Суворова на выручку, ни Паскевича на выкупку. “Да вѣдь это прекрасно!”—Нисколько. Мы не знаемъ что просилъ

государь у Австріи за братскую помощь. Мы знаемъ, что торгъ не сладился; но онъ могъ сладиться, а тогда что? Наши бѣдные солдаты, наши бѣдные офицеры, опять пошли бы душиить Венгрію, или Познань, или Венецію, или вообще кого нибудь душиить, приготавливая мягкое stofato человѣческое для Австріи. За неудачу, мы не отпустимъ грѣха, такъ, какъ и намъ, во время оно, онъ не былъ отпущенъ—мы пять лѣтъ прожили въ ссылкѣ за *намырненіе составить общество съ безнравственной цѣлью*.

Объ австрійскомъ императорѣ и говорить нечего, жалче роли послѣ Святополка окаяннаго въ Червоиной Руси не видали и не было; я нисколько не удивляюсь, что Киселевъ тронутый его судьбой, приласкалъ его у Горчакова на *мужскомъ балѣ*. Такъ бѣдный и проѣхалъ въ Шёнбрунъ, не заѣзжая въ Вѣну.

Ужъ не нарочно ли *пряжка* провидѣнія спасла его отъ ножа Лебени, чтобъ въ немъ съ библейской злобой казнить габсбургскій домъ?

А вѣдь это по японски : чтобъ отмстить освобождающейся Италіи, наши самодержцы взяли да и нанесли сами себѣ раны, въ свой тройной животъ. Какой Джузеппе, называйся онъ Гарибальди или Маццини, могъ бы имъ сдѣлать такую операцію! Помазанники божіи пришли съ Сѣвера, съ Юга, съ Запада, посмотрѣли другъ на друга, сглазили другъ друга и разошлись ничего не сдѣлавъ!

Не значить ли и это свиданье *блага* царя съ *бллымъ* императоромъ, какъ сонъ Сквозника - Дмухановскаго, что ревизоръ скоро будетъ? Чего добраго!

Хлестаковъ-то у насъ въ Европѣ давно готовъ и беретъ себѣ въ лавочкѣ на пробу вмѣсто балыка—то кусочикъ Италіи, то кусочикъ Швейцаріи, но вѣдь за Хлестаковымъ приѣхалъ же и *настоящій* ревизоръ.

Вотъ потому-то и не надобно шалить въ конгрессы, того и смотри накличешь бѣду. Теперь какія времена—все газъ да телеграфъ—видно, слышно. Какихъ ни вымышляй пружинъ, даже допотопныхъ буйволовъ для представителей допотопныхъ идей—всѣ эти величественныя съѣзды, съ ихъ пародіальными *mise en scène*, секретными пунктами и явной ложью, не дѣйствуютъ на грубые нервы современнаго человѣка, или хуже, возбуждаютъ его смѣхъ. Время дипломатическихъ перешептываній, международныхъ плясокъ, попоекъ съ государ-

ственною цѣлью, переодѣваній изъ мундира въ мундиръ прошло вмѣстѣ съ вѣрой въ дипломатическія тайны, въ гаданье по кофею, въ “жизненный эликсиръ” и слабительное Леруа. Люди догадались что исторія вовсе не такая аристократка, и что она дѣлается и не на балѣ и не въ канцеляріи и что пиши какой хочешь важный вздоръ, а Гарибальди придетъ и исторія пойдетъ съ нимъ подъ руку.

А всё гласность, проклятая гласность все загубила, все разболтала. Бывало народы, ничего не зная, смотрятъ съ ужасомъ на какую нибудь конференцію какъ на таинственную лабораторію народныхъ судебъ, гдѣ какіе то золотомъ шитые старцы, покрытые звѣздами, какъ и слѣдуетъ астрологамъ, кашляя диктуютъ будущее, все цифрами да шифрами, и всемірная исторія нарождается подъ крышъ канцелярскихъ перьевъ—а теперь—теперь никого не падуешь.

Всякая сволочь, часа черезъ два, по проволокѣ знаетъ всю подноготную. Вотъ отъ этого, когда случится опростоволоситься какъ въ Варшавѣ, fiasco то скрыть и нельзя; а народы съ дуру, не понимая что это все таки помазанники божіи, и поднимаютъ грубый, гомерическій смѣхъ, смѣхъ проклято-здоровыхъ легкихъ. Выйдите на англійскую набережную, я увѣренъ, что изъ за Балтійскаго моря къ вамъ донесется Британскій хохотъ, old merry England удержаться не можетъ на старости лѣтъ, такъ и катается со смѣху, какъ вспомнить о Варшавскомъ свиданіи.

О Немезида, Немезида! ты одна осталась отъ всего Олимпа, потому что ты умѣешь свои жертвы не только колоть кинжаломъ, и покрывать саваномъ, но и колоть ироніей и покрывать смѣхомъ. Развѣ это не Немезида-иронія устроила, что всё собственники и обладатели *благопріобрѣтеной* Польши, всё ее вотчимы, въ кои то вѣки собрались вмѣстѣ въ Варшавѣ для того, чтобъ съ какимъ то аристофановскимъ комизмомъ, показать свои дурпыя намѣренія и безграничную неспособность исполнить ихъ.

Они явились и исчезли какими то наводящими уныніе тѣнями давно прошедшаго, печально покачали головой видя что дѣлается въ Италіи, и не умѣвши сговориться между собой—какъ трупами цѣлыхъ армій запрудить новое русло, которое пробило себѣ народное освобожденіе—отшествовали въ свои мавзолеи.

Читаешь подробности объ этихъ казенныхъ праздникахъ и обязательныхъ иллюминаціяхъ, объ охотахъ и театрахъ, о смотрахъ и балахъ, и еще больше и больше не вѣришь, чтобъ въ ихъ рукахъ въ самомъ дѣлѣ были судьбы міра. Нравы народовъ стали серьезнѣе, понятія, обычаи все измѣнилось; а они все еще въ тѣхъ временахъ, когда конгрессы *плясали*, и вахтпарады были нѣчто въ родѣ военной литургіи. Нѣтъ, уже если непременно надобно вредить какому нибудь народу, то легче это дѣлать въ тихомолку да въ тѣни, чѣмъ при освѣщеніи площадками и скаликами, со всеми старинными агрементами и орнаментами, которые теперь только смѣшны и каррикатурны.

Представьте себѣ трехъ ученыхъ, трехъ докторовъ желающихъ совѣщаться о какомъ нибудь важномъ дѣлѣ, о трудно-большомъ. Люди занятые, они бросаютъ практику и ѣдутъ два на два въ какой нибудь городъ. Чтобы вы объ нихъ сказали, еслибъ вы слышали что они только—что приѣхали—ли загуляли? Сначала, въ доказательство задушевной дружбы, докторъ А. явился бы въ пальто доктора В. и оба въ

штанахъ С., на другой день С. въ пальто В., и по известной математической формулѣ переложений и сочетаній, такъ и ридились бы три раза въ день. Одѣвшись въ чужое платье—на кутежъ, съ кутежа въ театръ, изъ театра на балъ, съ бала въ постель,—хорошо день потерянь, за то на другой день если голова не болитъ можно и дѣломъ заняться. Ничуть не бывало, докторъ А. будить ранехонько товарищей, скорѣй одѣваться въ чужое платье. Что случилось? “Поѣдьте за городъ, я покажу какія у меня цѣнные собаки; дружба моя дружбой, а коли когда не поладимъ, посмотрите молъ, что за зубы!”... и опять кутежъ.

Что за пустота, или что за угрызеніе совѣсти должно быть у людей, которые такъ бѣгутъ сосредоточенія и всякой серьезной мысли!

Но довольно о неудачномъ конгрессѣ. Еще одно слово, и это слово въ утѣшеніе.

Варшавское свиданіе будетъ внесено и въ другую лѣтопись, и въ ней скажется—что царское самовластье, не знавшее никакихъ предѣловъ, наконецъ натолкнулось на свою границу, и вызвало то страдательное противудѣйствіе молчанія и затаеннаго отвращенія, отъ которыхъ монархи блѣднѣютъ. Передъ позоромъ Австрійскаго союза, передъ глупостью союза противъ Италіи—*Россія и Польша* соединились въ одно чувство порицанья и осужденья!

И если вѣнценосцы уѣхали изъ Варшавы головою ниже—*Россія и Польша* выросли на голову!

И—рѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ.

“Евреямъ надо оставить свои мечты о будущемъ самостоятельномъ отечествѣ—Иерусалимѣ и проч.; имъ надо наконецъ понять, что они должны сдѣлаться полными гражданами страны, въ которой они живутъ и пр. и пр.” Вотъ что услышите у насъ теперь очень часто отъ *великихъ сановниковъ*, которые вѣроятнo хотятъ этимъ нѣкоторымъ образомъ оправдать настоящее положеніе Евреевъ въ Россіи; дѣйствительно это положеніе падаетъ тяжкою виною на всѣхъ участвующихъ въ управленіи нашимъ государствомъ. Понятно, что при настоящемъ печальномъ положеніи евреевъ въ Россіи требовать отъ нихъ, чтобы они отказались отъ своихъ завѣтныхъ мечтаній и вѣрованій, поддерживавшихъ существованіе этого народа впродолженіи двухъ тысячъ лѣтъ, среди самыхъ ужаснѣйшихъ несчастій—повторяю: безъ этихъ *мечтаній и надеждъ*—жизнь ихъ, при такихъ *дѣйствительныхъ* бѣдствіяхъ не имѣла бы никакого смысла, и имъ бы пришлось развѣ всѣмъ разомъ повѣситься. Нельзя также требовать отъ народа, чтобы онъ полюбилъ и сблизился съ тѣмъ, кого онъ считаетъ виною своихъ страданій и горя; точно также какъ нельзя винить евреевъ за ихъ нелюбовь къ христіанамъ: исторія мученій этого народа впродолженіи 18 столѣтій служить полнымъ оправданіемъ этой нелюбви. Нѣтъ, эта нелюбовь евреевъ къ христіанамъ можетъ исчезнуть только съ дарованіемъ имъ человѣческихъ правъ наравнѣ со всеми гражданами страны, а не постояннымъ отчужденіемъ ихъ отъ общественныхъ интересовъ. Примѣромъ тому служитъ Франція и Англія, гдѣ еще лѣтъ за шестьдесятъ, семьдесятъ, евреи стояли не выше нашихъ евреевъ. Посмотримъ, что сдѣлало наше правительство для улучшенія судьбы евреевъ. Николай, заботившійся болѣе о солдатской выправкѣ своихъ *подданныхъ* и о слѣпомъ пови-

повеніи пхъ своимъ полицейскимъ мѣрамъ, и которому вовсе не было дѣла до истиннаго счастія народнаго, не могъ, конечно, ничего сдѣлать и для евреевъ. Онъ только приказывалъ имъ брить бороды, не носить длинныхъ платьевъ и проч., да и кромѣ того собралъ съ нихъ много денегъ и устроилъ для нихъ училища; но, ксожалѣнію, главное начальство надъ этими училищами поручено было въ его время братьямъ Бибиковымъ (Дмитрію и Ильѣ) и слѣдовательно они не могли принести много пользы евреямъ. Надо еще замѣтить, что на всѣ дѣйствія Николая для *облагодѣтельствованія* евреевъ, послѣдніе смотрѣли весьма подозрительно: они все боялись, что главною цѣлію всѣхъ этихъ дѣйствій было обратить ихъ въ христіанство. Основательно-ли было на этотъ разъ ихъ подозрѣніе или нѣтъ—сказать не можемъ; скажемъ только, что главною причиною всѣхъ этихъ опасеній была судьба еврейскихъ кантонистовъ, которыхъ дѣйствительно всѣми насиліями старались массаами обращать въ христіанство. У насъ еще слишкомъ живы въ памяти безчеловѣчные поступки отечески заботливаго правительства съ несчастными еврейскими кантонистами, чтобы можно было сказать здѣсь объ нихъ нѣсколько словъ съ должнымъ хладнокровіемъ рассказчика; скажемъ только что судьба этихъ несчастныхъ дѣтей достойна болѣе искуснаго пера: она едва ли не превзойдетъ своими ужасами судьбу жертвъ инквизиціи. Почти уже съ 8 лѣтняго возраста отрывали этихъ несчастныхъ дѣтей отъ матерей и отвозили преимущественно въ Казанскую и Саратовскую губерніи, послѣ чего судьба ихъ дѣлалась уже болѣею частію неизвѣстною родителямъ. Нельзя безъ содроганія вспомнить о тѣхъ ужасныхъ крикахъ, которыми провожали этихъ дѣтей несчастныя матери (онѣ знали въ какія вѣрныя руки отдають ихъ) и о томъ впечатлѣніи, которое производили эти кантонисты при своемъ шествіи черезъ мѣста населенныя евреями.* Эти ужасные образы еще долго можетъ быть, будутъ пугать еврейскихъ матерей и онѣ съ ужасомъ отвернутся отъ слова “образование”, — которое по ихъ понятіямъ равносильно “царской службѣ”, особенно въ странѣ, гдѣ образование дѣйствительно облечено въ такія военныя формы. Но оставимъ эти мрачныя воспоминанія и обратимся лучше ко времени царствованія Александра: посмотримъ, что сдѣлало новое правительство для улучшенія судьбы евреевъ. Вы думаете, что тутъ уже исторія ихъ вообще утѣшительнѣе? Ни чуть не бывало.† А вотъ посмотримъ. Но для того, чтобы не вводить читателей нашихъ въ недоразумѣнія, мы должны здѣсь немного отступить отъ нашего предмета и сказать хоть нѣсколько словъ о настоящемъ состояніи русскихъ евреевъ вообще. Самый многочисленный классъ русскихъ евреевъ безспорно составляютъ купцы; но надъ ними останавливаться нечего: кто знаетъ купеческую буржуазію вообще, тотъ можетъ имѣть понятіе и о еврейскихъ купцахъ. Правда они раздѣляются еще на, такъ называемыхъ, *старовѣровъ* и *реформированныхъ* (приверженцевъ стараго и новаго образа жизни), но это отличіе существуетъ болѣе въ внѣшнемъ образѣ жизни; что же касается убѣжденій, то у *старовѣровъ* они, разумѣется, старовѣрческія, у *реформированныхъ* же, болѣею частію ихъ вовсе нѣтъ. Вообще же нужно сказать, что интересы народа у нихъ, болѣею частію, на второмъ планѣ.

* Почти большая половина этихъ дѣтей вымирала обыкновенно, не достигнувъ мѣста назначенія.

† Къ чести царствованія Александра II надо однако замѣтить, что со вступленіемъ его на престолъ перестали брать еврейскихъ малолѣтнихъ дѣтей въ рекруты.

Есть правда между ними и благородныя исключенія, но мы говоримъ здѣсь о классѣ. Другой классъ русскихъ евреевъ составляютъ — ученые талмудисты. Число этого класса время отъ времени сильно уменьшается, но во всякомъ случаѣ люди эти заслуживаютъ известной доли уваженія. Нельзя говорить съ презрѣніемъ, какъ это ксожалѣнію дѣлають многіе, о людяхъ *искренно* отказавшихся отъ всѣхъ земныхъ благъ и посвятившихъ всю свою жизнь занятіямъ наукой, какова бы даже ни была эта наука. Люди эти дѣйствительно болѣею частію мало или вовсе не заботятся о своихъ матеріальныхъ потребностяхъ, а всѣ ихъ надежды—на будущее блаженство.

Но во всякомъ случаѣ эти люди полны самопожертвованія для своего народа, если этого требуютъ только ихъ убѣжденія.

Что касается образа жизни этихъ двухъ классовъ евреевъ, то первый болѣе или менѣе пользуется удобствами жизни, второму же они не нужны: онъ живетъ болѣе въ будущемъ.

Есть еще два класса между русскими евреями; эти два, класса, правда, самые малочисленные, но за то вообще и самые несчастные. Эти классы составляютъ: еврейскіе солдаты и еврей, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Судьба еврейскаго солдата коротка и ясна. Съ малолѣтняго возраста оторвали его отъ родителей и единовѣрцевъ, 25 лѣтъ онъ долженъ былъ служить безъ всякой надежды на выслугу, вдали отъ всего роднаго, и вотъ по окончаніи длиннаго срока службы, когда отъ всего роднаго у него уже дѣйствительно потеряна всякая вѣсть, когда онъ успѣлъ уже болѣе или менѣе сродниться съ окружавшими его людьми, та страна,* на служеніе которой прошла лучшая часть или лучше почти вся его жизнь, выгоняетъ его изъ большей части своихъ земель, не позволяеть ему даже остаться дожить свой вѣкъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ служилъ, а указываетъ ему на тѣ мѣста, гдѣ еврей имѣють право жить, гдѣ онъ болѣею частію чувствуетъ себя уже чужимъ.

Каково напр. еврейскому солдату, прослужившему лѣтъ 20 въ Архангельскѣ (гдѣ число ихъ дѣйствительно довольно велико), гдѣ онъ уже успѣлъ, можетъ быть, обзавестись разными потребностями жизни,—переселиться вдругъ на Волынь; съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ проклятіемъ на устахъ оставляетъ онъ свое прѣжнее мѣсто жительства, болѣею частію увѣренный, что не пойдетъ на родинѣ уже ничего изъ всего того, что ему было дорого и мило. Однако, такъ сказать, полнаго анализа страданій все таки между этими людьми быть не можетъ; они, можетъ быть, не въ состояніи вполне измѣрить всей безчеловѣчности виновниковъ ихъ страданій: постоянныя преслѣдованія, отверженіе отъ участія въ интересахъ общества и необразованность производятъ какую то муть въ его головѣ и онъ съ отчаяніемъ сознаетъ только, что вся его жизнь не имѣла никакого смысла, кромѣ того, что онъ могъ служить предметомъ для преслѣдованій своихъ гонителей!

Можетъ быть еще гораздо безотраднѣе судьба еврея, окончившаго курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: все его ученіе какъ будто служило только для того, чтобъ онъ могъ лучше понять и анализировать свое незавидное положеніе. Воспитываясь среди товарищей—христіанъ, гдѣ, благодаря образованности большей части русскаго студенчества, всѣ племенные различія исчезаютъ и гдѣ онъ весьма часто находить себѣ преданныхъ друзей — онъ нерѣдко забываетъ на время различіе

* Да не забудутъ читатели наши, что говоря “страна” мы думаемъ Петербургское правительство, а не “народъ русскій”. Расположеніе послѣдняго къ евреямъ выразилось въ послѣднее время въ его литературѣ.

между своимъ положеніемъ и положеніемъ своихъ товарищей; но вотъ онъ кончаетъ университетъ и всѣ ужасы его положенія ему опять представляются во всей своей силѣ. Городъ и общество,* среди котораго онъ жилъ во время своего университетскаго курса, не позволяютъ ему болѣе оставаться въ своей средѣ и онъ опять можетъ жить только въ чертѣ постоянной осѣдлости евреевъ, гдѣ онъ, разумѣется, чувствуетъ себя также чуждымъ. Нечего долго распространяться о горечи такого положенія: всякій легко можетъ представить себѣ, съ какимъ чувствомъ еврей оставляетъ своихъ университетскихъ товарищей, видя какъ различны дороги, по которымъ имъ приходится идти.

Готовить мнѣ одно мученье
Для всѣхъ благое просвѣщеніе;
Яснѣ вижу лишь тогда,
Несчастна какъ моя звѣзда.

.

Къ чему жъ еврею просвѣщеніе?
И пылъ страстей ему на что?
Къ тому-ль, чтобъ понялъ онъ скорѣе
Какъ ненавидятъ всѣ его?

Изгнанникъ общества бѣсправный и т. д.

—вотъ что сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (еще во время царствованія Пезабвеннаго) одинъ еврейскій студентъ на прощаніи съ товарищами. Эти строки, можетъ быть не слишкомъ звучны, но они показываютъ всю боль, накипѣвшую на сердцѣ молодаго человѣка. Конечно, настоящее время, не смотря на то, что судьба евреевъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія, еще до сихъ поръ не улучшилась, внушило бы, можетъ быть, другія строки взволнованному студенту; онъ бы, безъ сомнѣнія, не забылъ упомянуть о томъ великомъ сочувствіи, выраженномъ теперь евреямъ русскимъ народомъ, въ лицѣ лучшихъ представителей его литературы; онъ бы, разумѣется, могъ излить теперь свою злобу только на Петербургское правительство... но это было уже давно; тогда литература какъ будто дѣйствовала за одно съ правительствомъ, а объ евреяхъ писали тогда Булгаринъ и нѣкій Григорьевъ (первый беллетристически, второй въ ученomъ отношеніи). Мы считали нужнымъ коснуться здѣсь вкратцѣ настоящаго состоянія различныхъ классовъ еврейскаго населенія Россіи, для того чтобы читатели сами могли судить, что слѣдовало бы предпринять для улучшенія этого состоянія, и для того, чтобы они въ тоже время лучше могли обсудить дѣйствія правительства по этому предмету. Здравый смыслъ и человѣколюбіе, кажется, требовали бы обратитъ при улучшеніи судьбы евреевъ преимущественно вниманіе на послѣднія два класса (разумѣется, что вполне просвѣщенному правительству слѣдовало бы избавить всѣхъ евреевъ отъ нелѣпыхъ ограниченій, но мы говоримъ это, примѣняясь къ нашему правительству); дѣйствія нашего правительства покажутъ, что у него нѣтъ ни того, ни другаго (ни смысла, ни человѣколюбія). Теперь можемъ опять возвратиться къ нашему дѣлу. Въ 1856 году высочайшимъ указомъ разрѣшено было принимать еврейскихъ медиковъ въ государственную службу; двумъ, тремъ изъ нихъ дѣйствительно удалось воспользоваться этимъ постановленіемъ; но вотъ чрезъ два года послѣ этого государственнѣйшій Совѣтъ, вопреки высочайшему повелѣнію, сообщилъ секретно-конфиденціально военно-медицинскому департаменту, чтобъ по особымъ извѣстнымъ ему, государственному

* Онитъ таки разумѣется, что ни городъ, ни общество въ этомъ не виноваты, а виновато Петербургское правительство.

совѣту, соображеніямъ не принимать впередъ на службу еврейскихъ врачей (не правда-ли нѣсколько еврейскихъ медиковъ въ воепой службѣ опасны престолу?) Что же касается до службы по медицинскому департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ, то тутъ для уничтоженія силы высочайшаго повелѣнія и не нужно было секретно-конфиденціального сообщенія государственнаго совѣта: еще при первомъ появленіи этого указа, директоръ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, Оцолыхъ сказалъ: ничего, пусть себѣ тамъ приказываютъ; можете быть увѣрены, что пока я здѣсь—ни одинъ еврейскій медикъ не будетъ служить по моему департаменту. “Ни одинъ”—это г. Оцолыхъ совралъ: два, три еврейскихъ медика, пользовавшіеся особенною протекціею сильныхъ міра сего, получили мѣста по департаменту г. Оцолыха, но за то ужъ будьте увѣрены, что относительно другихъ, Оцолыхъ старается быть тѣмъ вѣрнѣе своему правилу. Такимъ образомъ означенный высочайшій указъ фактически не приноситъ никакого добра евреямъ. Но однимъ эгимъ указомъ не кончается милость правительства къ евреямъ. Еще въ началѣ царствованія Александра положено было составить временный комитетъ* изъ нѣкоторыхъ представителей еврейскаго населенія въ Россіи, чтобы обсудить главные вопросы касательно предполагаемыхъ улучшеній состоянія этого народа. Но тутъ то и видна вся бессмысленность дѣйствій нашего правительства. Представьте себѣ, еслибы для улучшенія состоянія (не забудьте *матеріальнаго*) какого нибудь народа собрали вдругъ нѣсколько человѣкъ изъ среды его и стали бы ихъ занимать церковными вопросами, въ родѣ: разумѣе ли причащеніе подъ однимъ или подъ обоими видами, или хотъ положимъ объ immacулатномъ пріятіи,—ну, какая же связь между этими вопросами и народнымъ благосостояніемъ, и зачѣмъ правительству принимать такъ близко къ сердцу религіозныя убѣжденія народа? Но нашему—правительству до этого нѣтъ дѣла. Какъ только дѣло касается евреевъ, оно сейчасъ начинаетъ съ религіи (оно видиге хочетъ обдѣлать все фундаментально),—и вотъ оно собрало въ Петербургѣ нѣсколькихъ еврейскихъ купцовъ и уже три года занимается ихъ вопросами, въ родѣ: дѣйствительно ли, по существу еврейской религіи, евреи должны читать особенную молитву при полнолуніи, или дѣйствительно ли нельзя выпустить изъ еврейскаго молитвенника такую-то или такую-то молитву и пр.? Разумѣется, что еврейскіе купцы, занятые между тѣмъ каждый своимъ дѣломъ въ Петербургѣ, никогда такихъ вопросовъ не рѣшатъ и судьба русскихъ евреевъ такими комитетами никогда не устроится. Рѣдкій еврей въ провинціи знаетъ даже объ этихъ комитетахъ. Притомъ къ чему эти предлоги? Развѣ безъ рѣшенія означенныхъ вопросовъ нельзя дать евреямъ человѣческихъ правъ? Развѣ во Франціи и Англіи тоже начинали подобными дразгами? Нѣтъ, тамъ прежде всего дали имъ гражданскія права и будьте увѣрены, что тамъ теперь уже никакой еврей не пойдетъ читать молитвы при полнолуніи и пр. Да и къ чему обманывать? ну положимъ, что эти комитеты рѣшатъ вдругъ, что надо дать евреямъ всѣ

* Еще одинъ, такъ называемый, комитетъ по дѣламъ евреевъ существуетъ уже давно при министерствѣ народнаго просвѣщенія, но этотъ комитетъ приличнѣе было бы назвать комитетомъ для доставленія приличнаго содержанія нѣкоторымъ людямъ, безъ всякой работы. Кромѣ изданія нѣкоторыхъ ненужныхъ книгъ, (на что комитетъ этотъ теряетъ огромныя деньги, собирая съ евреевъ), которыя потомъ навязываются имъ же, комитетъ этотъ ничего не сдѣлалъ.

гражданскія права,—неужели правительство наше поспѣшитъ исполнить это рѣшеніе? Судя по его дѣйствіямъ — сомнѣваемся. А между тѣмъ подобныя дрызги стоятъ много, очень много денегъ бѣднымъ евреямъ, потому что все это дѣлается на ихъ же счетъ.

Понятно, что первый шагъ на пути дарованія евреямъ гражданскихъ правъ и сближенія ихъ съ господствующимъ христіанскимъ поселеніемъ—это уничтоженіе исключительной черты жительства для нихъ. Но относительно этой мѣры правительство наше такъ поступило, что самъ не знаешь, чему больше удивляться, безстыдству ли или тупоумію его и пр. *La bourse ou la vie*—вотъ что явно выразило евреямъ правительство наше въ одномъ своемъ дѣйствіи по этому предмету. Въ началѣ 1859 года разрѣшено было жить вездѣ въ Россіи еврейскимъ купцамъ первой гильдіи, пробывшимъ уже въ этой гильдіи не менѣе 10 лѣтъ, и кромѣ того еврейскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ изъ за границы. Спрашивается, отчего забыты при этомъ евреи, окончившіе курсъ въ университетахъ и отставные еврейскіе солдаты? Отчего въ христіанскомъ населеніи люди, окончившіе курсъ въ университетахъ пользуются даже бѣльшими правами, чѣмъ купцы? И какимъ образомъ правительство наше можетъ теперь рассчитывать, что евреи будутъ образоваться, когда не образование открываетъ имъ двери въ Россію, когда не образование даетъ имъ права, а извѣстное количество денегъ? О такихъ поступкахъ правительствъ съ евреями повѣствуетъ намъ исторія ихъ въ 14, 15, 16 и 17 столѣтіяхъ, но въ 19 столѣтіи такого дѣйствія можно было ожидать только отъ мудрости и благородства Панина, Сухозанета, Блудова и компаніи.* И это “одно только образование ровняетъ сословія!” А что дорого заплатили еврейскіе купцы за право жить въ Россіи? Въ концѣ 1859 года отставные еврейскіе солдаты собрались въ Петербургъ въ числѣ 200 человекъ и подали лично государю прошеніе о дозволеніи имъ жить во всей Россіи. Государь велѣлъ отдать это прошеніе дежурному генералу, дѣло затянулось,—и черезъ четыре мѣсяца имъ наконецъ было отказано! Что касается евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то о дарованіи имъ права жить во всей Россіи трактуется уже полтора года въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но еще до сихъ поръ дѣло это не окончено. Недавно еврейскіе кандидаты и медики подали прошеніе министру народнаго просвѣщенія слѣдующаго содержанія: “Ваше превосходительство! Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ поднять у насъ вопросъ объ улучшеніи быта евреевъ и дарованіи имъ гражданскихъ правъ. Человѣколюбіе правительства (это гг. для смѣху) и всеобщее сочувствіе, какое встрѣтило этотъ вопросъ въ общественномъ мнѣніи, выразившемся во всѣхъ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ, вполне ручались намъ за скорое рѣшеніе этого вопроса, вполне удовлетворительное и сообразное духу времени. Не увлекаясь благосклонными отзывами нѣкоторыхъ лучшихъ представителей общественнаго мнѣнія, высказавшихся въ пользу совершеннаго уравненія правъ евреевъ съ соотвѣстственными имъ сословіями господствующаго населенія, мы оставались въ полной увѣренности, что если правительство найдетъ, что еврейское народонаселеніе, по степени образования, еще не подготовлено къ принятію гражданскихъ правъ,—и послѣднія

* Блудовъ—предсѣдатель еще одного комитета для улучшенія состоянія евреевъ. Дѣйствія этого комитета уже вовсе неизвѣстны. За то сколько комитетовъ!

пока могутъ быть удѣломъ только немногихъ избранныхъ изъ этого народа, то во всякомъ случаѣ оно прежде всего будетъ имѣть въ виду евреевъ получившихъ европейское воспитаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, университетѣ, лицей или академіи наравнѣ съ нѣмъ русскаго образованнаго общества. Въ прошедшемъ 1859 г. обнародованъ высочайшій указъ, даровавшій еврейскимъ купцамъ I гильдіи, право осѣдлости во всей Россіи. Этотъ первый и отчасти весьма важный шагъ въ вопросѣ объ евреяхъ, естественно весьма обрадовалъ насъ и еще болѣе укрѣпилъ наши надежды на скорую лучшую будущность. Ограниченіе черты осѣдлости дѣйствительно есть самое тягостное и по свсімъ послѣдствіямъ самое гибельное стѣсненіе для евреевъ. Оно составляетъ главный источникъ религіозной и общественной замкнутости большинства этого народа,—и только уничтоженіе этой черты, хотя бы на первый разъ для извѣстнаго класса людей, болѣе полезныхъ обществу, какъ для получившихъ образованіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и для лучшихъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцовъ, могло бы содѣйствовать къ распространенію между остальными евреями европейскаго образованія и сліянію ихъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи. Во Франціи и Англии, гдѣ евреи еще съ начала 19 вѣка пользуются всѣми гражданскими правами, давно уже исчезло всякое различіе между Французомъ или Англичаниномъ христіаниномъ—и Французомъ или Англичаниномъ евреемъ, хотя и тамъ евреи, какъ извѣстно, до дарованія имъ гражданскихъ правъ находились по степени образованія не выше нашихъ русскихъ евреевъ. Такимъ образомъ образованные молодые люди изъ евреевъ, еще болѣе укрѣпленные въ своей надеждѣ на скорую лучшую будущность, терпѣливо ждутъ благополучнаго рѣшенія своей участи. Теперь мы узнали, что рѣшеніе этого вопроса въ комитетѣ для устройства евреевъ,* клонится къ тому, чтобы даровать гражданскія права однимъ только докторамъ медицины и хирургамъ и магистрамъ другихъ факультетовъ. Но вашему высоко-превосходительству извѣстно, какъ мало у насъ докторовъ и магистровъ въ Россіи вообще, что достиженіе степени доктора или магистра сопряжено съ трудностями не для всѣхъ преодолѣмыми, а еще менѣе для учащихся евреевъ, болѣею частію бѣдныхъ, не пользующихся никакими пособіями со стороны правительства и съ трудомъ перебивающихся въ продолженіи университетскаго курса. Такимъ образомъ, дарованіе правъ однимъ только докторамъ и магистрамъ можетъ быть удѣломъ едва ли какого либо десятка людей, что конечно нисколько не облегчитъ печальной участи цѣлаго класса образованныхъ евреевъ. Къ тому же степень доктора или магистра предполагаетъ только усовершенствованіе въ одной какой либо отрасли наукъ, но въ отношеніи общаго образованія, которое главнымъ образомъ должно быть принято во вниманіе когда рѣчь идетъ о гражданскихъ правахъ, степень доктора или магистра не имѣетъ никакихъ преимуществъ предъ степенью кандидата или лекаря. Кандидатъ или лекарь можетъ быть такимъ же хорошимъ гражданиномъ, такимъ же образованнымъ человекомъ, какъ и докторъ или магистръ. Обращаемся поэтому къ вашему высоко-превосходительству, какъ представителю нашего просвѣщеннаго міра, съ покорнѣйшею просьбою, выплывъ въ наше положеніе и, принявъ въ соображеніе все изложенное нами, быть защитникомъ нашего дѣла въ госу-

* Предсѣдатель этого комитета—Блудовъ.

дарственномъ совѣтѣ и представлять за насъ предъ лицомъ нашего монарха. Смѣемъ надѣяться, что найдемъ въ васъ усерднаго и справедливаго защитника. Просвѣщеніе равняетъ людей, и въ глазахъ вашихъ—мы убѣждены—исчезаетъ всякое племенное различіе. Если же въ государственномъ совѣтѣ рѣшеніе вопроса относительно гражданскихъ правъ вообще будетъ клониться въ пользу однихъ только докторовъ и магистровъ, то въ такомъ случаѣ мы рѣшаемся просить в. в. п. исходатайствовать намъ лекарямъ и кандидатамъ, по крайней мѣрѣ право повсемѣстнаго жительства въ Россіи, во первыхъ, чтобы снять съ насъ тяжелое клеймо изгнанія, во вторыхъ, чтобы обезпечить нѣсколько наше положеніе въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, въ западныхъ губерніяхъ, при большой конкуренціи, нѣтъ почти никакихъ средствъ для существованія молодому врачу или кандидату другаго факультета, между тѣмъ, какъ въ восточной и сѣверной Россіи во многихъ мѣстахъ чувствуется еще сильный недостатокъ въ медикахъ или другихъ ученыхъ специалистахъ, наконецъ въ третьихъ, чтобы не ставить насъ ниже купцовъ I гильдіи и ихъ служителей, что унизило бы насъ въ глазахъ народа и неминуемо произвело бы самое вредное вліяніе на распространеніе образованія между евреями.” Любопытно, какое дѣйствіе будетъ имѣть это прошеніе. Этимъ мы на этотъ разъ можемъ окончить нашу хронику.

Помѣстивъ эту чрезвычайно дѣльную статью, я прошу позволеніе въ дополненіе къ ней присовокупить небольшой отрывокъ изъ прибавленной главы къ *Тюрль и Ссылка* :*

..... “На другой день послѣ отъѣзда изъ Перми, съ разсвѣта полилъ дождь сильный, непрерывный, какъ бываетъ въ лѣсныхъ мѣстахъ и продолжался весь день; часа въ два мы пріѣхали въ бѣднѣйшую Вятскую деревню. Станціоннаго дома не было; Вотяки (безграмотные) справляли должность смотрителей, развертывали подорожную, справлялись двѣ ли печати или одна кричали “айда, айда!” и запрягали лошадей, разумѣется, вдвое скорѣе чѣмъ бы это сдѣлалось при смотрителѣ. Мнѣ хотѣлось обсушиться, обогрѣться, съѣсть что нибудь. Пермской жандармъ былъ гораздо гуманнѣе Московскаго; я предложилъ ему часа два отдохнуть, онъ согласился. Все это было сдѣлано подѣзжая къ деревнѣ. Когда же я взошелъ въ избу душную, черную и узналъ что рѣшительно ничего достать нельзя, что даже и кабака нѣту верста пять, я было раскаялся и хотѣлъ спросить лошадей.

Пока я думалъ ѣхать или неѣхать, взошелъ солдатъ и отпортовалъ мнѣ, что этапный офицеръ прислалъ меня звать на чашку чая.

— Съ большимъ удовольствіемъ, гдѣ твой офицеръ?

— Возлѣ въ избѣ ваше благородіе! и солдатъ выдѣлалъ извѣстное *па налѣво кру*—омъ.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Пожилыхъ лѣтъ, небольшой ростомъ офицеръ, съ лицомъ выражавшимъ много перенесенныхъ заботъ, мелкихъ нуждъ, страха передъ начальствомъ—встрѣтилъ меня со всѣмъ радушіемъ мертвающей скуки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ недалекихъ, добродушныхъ служаекъ, тянувшій лѣтъ двадцать-пять свою лямку и затапувшійся, безъ разсужденій, безъ повышеній—въ

* Гг. Трибнеръ и Ко. намѣрены скоро издать первые томы (1812—1846) “Былое и Думы,” съ дополненіями.

томъ родѣ какъ служатъ старые лошади, полагая вѣроятно, что такъ и надобно на разсвѣтѣ надѣть хомутъ и что нибудь тащить.

— Кого и куда вы ведете?

— И не спрашивайте, нѣдо сердце надрывается, ну да про то знаютъ першіе, наше дѣло исполнять приказанія, не мы въ отвѣтъ; а по человѣческому некрасиво.

— Да въ чемъ дѣло то?

— Видите, набрали араву проклятыхъ жиденятъ съ восьми, девятилѣтняго возраста. Во флотъ чтоли набираютъ—незнаю. Сначала было нѣхъ *велли татъ въ Пермь, да вышла перемляна, юнимъ въ Казань*. Я ихъ принялъ верста за сто; офицеръ, что сдавалъ, говорилъ бѣда да и только, треть осталась на дорогѣ—(и офицеръ показалъ пальцемъ въ землю). Половина не дойдетъ до назначенія, прибавилъ онъ.

— Повальные болѣзни что ли?—спросилъ я потрясенный до внутренности.

— Нѣтъ не то чтобы повальные, а такъ мрутъ какъ мухи; жиденокъ, знаете, эдакой чахлой, тщедушный, словно кошка ободранная, не привыкъ часовъ десять мѣсить грязь, да ѣсть сухари—опять чужіе люди, ни отца ни матери, ни баловства, ну покашляетъ, покашляетъ да и въ Могилевъ. И скажите сдѣлайте милость, что это имъ далось, что можно съ ребятишками дѣлать?

Я молчалъ.

— Вы когда выступаете?

— Да пора бы давно, дождь былъ уже больно силенъ... Эй ты, служба! вели ка мелюзгу собрать.

Привели малютокъ и построили въ правильный фронтъ; это было одно изъ самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ которыя я видалъ—бѣдные, бѣдные дѣти! Мальчики двѣнадцати, тринадцати лѣтъ еще кой какъ держались, по малютки восьми, десяти лѣтъ.... Ни одна черная кисть не вызоветъ такого ужаса на холстѣ.

Бѣдные, изнуренные съ испуганнымъ видомъ, стояли они въ неловкихъ, толстыхъ солдатскихъ шинеляхъ съ стоячимъ воротникомъ, обращая какой-то безпомощный, жалостный взглядъ на гарнизонныхъ солдатъ, грубо ровнявшихъ ихъ; бѣлые губы, синіе круги подъ глазами—показывали лихорадку или знобъ. И эти больные дѣти безъ ухода, безъ ласки, обдуваемые вѣтромъ, который безпрепятственно дуетъ съ Ледовитаго моря, шли въ могилу.

И притомъ замѣтите, что ихъ велъ добрякъ офицеръ, которому явно было жалъ дѣтей. Ну! а еслибъ попался военнополитическій экономъ?

Я взялъ офицера за руку и сказавъ “поберегите ихъ” бросился въ коляску, мнѣ хотѣлось рыдать, я чувствовалъ что не удержусь....

Какія чудовищныя преступленія безвѣстно скоронены въ архивахъ злодѣйскаго, безяростнаго царствованія Николая! Мы къ нимъ привыкли, они дѣлались обыденно, дѣлались какъ ни въ чемъ не бывало, никѣмъ не замѣченныя, потерянные за страшной далью, беззвучно заморенныя въ нѣмыхъ канцелярскихъ омутахъ, или задержанныя полицейской ценсурой....

Развѣ мы не видали своими глазами семьи голодныхъ Псковскихъ мужиковъ, переселенныхъ насильственно въ Тобольскую губернію и кочевавшихъ, безъ корма и ночлеговъ по Тверской площади въ Москвѣ, до тѣхъ поръ пока князь Д. В. Голицынъ на свои деньги велѣлъ ихъ призрѣть?”

СМѢСЬ.

— **ЕЩЕ ГЛУПѢ!**—Директоръ училища правовѣденія *Языковъ*, узнавъ что правовѣды “занимаются обученіемъ народа грамотѣ въ воскресныхъ школахъ” — запретилъ правовѣдамъ учить въ воскресныхъ школахъ, говоря что это “мараетъ мундиръ ихъ.” Каковъ фледовый директоръ *Языкосауръ* или *Языкодонтъ*! Да когда же вся эта дѣйствительно тайная и не дѣйствительно вонючая трава пересохнетъ? Николай 10,—вотъ воспитатель то былъ, какое далъ прочное направленіе.

— *Кіевскій губернаторъ Гессе и мнимо-отравленный имъ.* Намъ пишутъ изъ Кіева: Въ статьѣ, напечатанной въ №. 60 *Колокола* подъ заглавіемъ: “Огравители въ Кіевѣ,” намекается что будто бы губернаторъ Гессе отравилъ двухъ особъ, умершихъ скоропостижно. Подобные слухи дѣйствительно существовали, но какъ намъ кажется, безъ всякаго основанія. Напротивъ того мы убѣждены, что подобный поступокъ въ высшей степени не правдоподобенъ, потому что губернаторъ *можетъ еще быть терпимъ какъ взяточникъ*, не знающій своего дѣла, покрывающій разныя злоупотребленія и пр.,* но чтобы правительство терпѣло человѣка, совершившаго явное смертоубійство, этому я не вѣрю.† Конечно доказать, что такой или другой умершій не былъ отравленъ гражданскимъ губернаторомъ Гессе, равно также трудно, какъ доказать, что онъ не былъ отравленъ кѣмъ либо другимъ, или самымъ корреспондентомъ этой статьи. Но мнѣ кажется, что прежде всего слѣдовало бы доказать, что эти люди вообще умерли отъ яда.

Впрочемъ въ этой статьѣ находятся и другія неточности, доказывающія недобросовѣстность корреспондента.

1) Сказано, что депутатами при вскрытіи трупа *Ярошевицкаго*, были назначены со стороны университета профессора *Гюббенетъ* и *Эргартъ*, которые однакожь отказались отъ открытія истины.

Это нужно исправить такъ, что со стороны университета вообще никакіе депутаты не были назначены, но что эти профессора только заѣхали во время вскрытія изъ собственной любознательности—совершенно какъ неофициальные лица.

2) Сказано, что лекаря *Ходзевичъ* и *Миллютъ*, которымъ было поручено вскрытіе трупа, отправили въ университетъ вмѣсто внутренностей *Ярошевицкаго* — внутренности умершаго въ тотъ день арестанта.

И это ложь. *Миллютъ* тоже участвовалъ при вскрытіи единственно по собственному желанію. Обвинять безъ всякаго доказательства этихъ людей, извѣстныхъ какъ молодые ученые безъ всякаго пятна и какъ люди весьма добросовѣстные, въ совершеніи такого преступленія и въ подмогѣ для прикрытія смертоубійства, въ высшей степени — безправственно.

* Что же еще?—Ред.

† *А Мухановъ убившій въ Варшавѣ швейцара?*

— *Потоцкій, Закревскій, Ильинскій.* Въ 1856 году графъ *Михаилъ Потоцкій*, торговался съ особами близкими графу *Закревскому* о покупке высочайшаго прощенія. Въ цѣнѣ сошлись,—но дѣло не сладилось, *Потоцкаго* выслали изъ Москвы, а вслѣдъ за тѣмъ графа *Ильинскаго*. *Закревскій* обвинилъ *Ильинскаго* въ утаиваніи суммы *Потоцкаго* — *Ильинскій* протестовалъ, *Закревскій* донесъ на него, *Петербургъ*—выслалъ *Ильинскаго* изъ Москвы. *Ильинскій* просилъ произвести слѣдствіе, слѣдствіе произвелъ секретное, и *Кіевскій генералъ* - губернаторъ объявилъ ему тоже секретно, что онъ оправданъ. Но *Ильинскій* просилъ копіи или официалаго сообщенія,—ему отказали; онъ еще разъ адресовался къ жандармскому *Долгорукову*, тотъ велѣлъ ему сказать, “что надзоръ съ него снять, чего же онъ еще хочетъ!” *Если это правда*, какое тонкое понятіе о чести и добромъ имени у голубаго князя!

— *Полтава и Стокгольмъ.*—Въ Швеции уничтожены паспорта. За то при вѣздѣ въ *Полтаву* устроена отъ полиціи разбойничья станица, останавливающая путешественниковъ подъ предлогомъ осмотра паспортовъ. Какъ же не пожалѣть что не *Карлъ XII* побилъ *Петра*, и что верхъ взялъ не *Мазепа*!

— Въ министерствѣ финансовъ найдена бумага, изъ которой можно догадаться, что *Вронченко* завезъ *Николаю* финансовый отчетъ за прошедшій годъ и бюджетъ на будущій, но не впопадъ. *Николаю* нужно было ѣхать играть солдатиками. —“Оставь у меня, я пришлю тебѣ,” сказалъ *Николай* и прислалъ черезъ полчаса; на отчетѣ написано было “читалъ съ удовольствіемъ,” на бюджетѣ: “быть по сему.” *Вронченко*, боясь чтобы потомъ чего нибудь не вышло,—можетъ быть упрековъ зачѣмъ не сказалъ въ чемъ дѣло, написалъ *Николаю* докладную записку, въ которой между прочимъ удивился высочайшей мудрости объявившей такое громадное дѣло мигомъ. *Николай* противу этой похвалы изобразилъ: “радъ стараться!” —Впрочемъ это было извѣстно и прежде.

— Дѣло крестьянъ *Зиновьева* приняло новый оборотъ. Изъ книгъ, захваченныхъ чиновникомъ особыхъ порученій у бурмистра, увидали взятки розданныя имъ губернскимъ властямъ. Книги за цынѣшній годъ успѣли уничтожить. *Зиновьевъ*, раздаватель взятокъ—не дурно!

— *Зажигательныя спички и тушація министры.*—Въ 1853 г. бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ *Бибиковъ* сообщилъ министру финансовъ высочайшее повелѣніе объ отдачѣ на откупъ выдѣлки и продажи зажигательныхъ спичекъ. *Брокъ* составилъ проэктъ новаго откупа и внесъ его въ 1857 г. въ государственный совѣтъ. Въ 1858 г. перемѣнили министра финансовъ и государственный совѣтъ послалъ *Княжевичу* пересмотрѣть проэктъ *Брока*. *Княжевичъ* сдѣлалъ въ проэктѣ слѣдующія три измѣненія: а) измѣнилъ срокъ откупа съ 6 лѣтъ на 8 лѣтъ; б) обложилъ пошлиной фосфоръ, выписываемый откупщиками и в) выраженіе тайная выдѣлка

спичекъ замѣнилъ выраженіемъ *незаконная*. Между тѣмъ еще въ 1857 году министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской писалъ въ министерство финансовъ о невозможности откупа на спички и даже необходимости отмены всякаго акциза. Въ 1858 г. Ланской и вмѣстѣ съ тѣмъ польскій Горчаковъ, которымъ тоже было сообщено высочайшее повелѣніе объ откупѣ на спички, опять писали о невозможности откупа. Государственный совѣтъ разсмотрѣвъ мнѣнія Ланского, Горчакова и Княжевича нашелъ невозможнымъ ввести откупъ. Одно изъ соображеній государственнаго совѣта очень любопытно, оно говоритъ,—если доводы князя Горчакова противу откупа принять въ уваженіе (это было рѣшено прежде), то отчего же не принять доводовъ Ланского (стр. 15 оф. дѣла).

Государ. совѣтъ нашелъ нужнымъ послать свое заключеніе на разсмотрѣніе министра финансовъ. Княжевичъ пишетъ, что съ своей стороны онъ убѣжденъ во вредѣ откупа (стр. 16), но что пересоставленіе проекта сдѣлано единственно въ виду высочайшаго повелѣнія!

(Изъ дѣлъ департамента законовъ государствен. совѣта No. 366, 31 Августа [13 Сентября] 1859 г.)

— Русскіе генералы Герштенцевейгъ и Сиверсъ, и русскій помѣщикъ Гутцейтъ. — Добрые нѣмцы эти попадаютъ очень часто въ Колоколъ. Они доставляютъ намъ почти столько же матеріалу какъ Панинъ и нѣкогда мужественный Закревскій.

“Трудно себѣ представить, въ какой азартъ привелъ дежурнаго генерала Герштенцевейга и вицедиректора инспекторскаго департамента, флигель - адъютанта Сиверса — 48ой листъ Колокола, гдѣ былъ напечатанъ рапортъ Лауница и отвѣтъ на этотъ рапортъ. Сиверсъ прежде всего обратился къ чиновникамъ, прося выдать виновника передачи рапорта, *негодяя, наносящаго бвзчестіе всему департаменту*. Чиновники отозвались невѣденіемъ, не смотря на убѣдительнонѣйшія рѣчи Сиверса, въ родѣ слѣдующихъ: *Что государь будетъ думать объ инспекторскомъ департаментѣ, и сколько нужно усилій чтобъ заслужить его прежнее мнѣніе!* Испытавъ здѣсь неудачу, Сиверсъ обратился къ писарямъ. Онъ допрашивалъ каждаго изъ нихъ порознь, обѣщая по 100 р. каждому, кто укажетъ хоть на слѣдъ виноватаго. “Не бралъ ли у васъ кто нибудь этого дѣла?” — спрашивалъ Сиверсъ. Одинъ изъ писарей указалъ на помощника столоначальника Степанова, бывшаго въ то время въ отпуску. Когда Степановъ воротился, Герштенцевейгъ лично допрашивалъ его, и только свокоиствіе и твердость спасли невиннаго отъ бѣды. Спустя нѣкоторое время, къ утѣшенію Сиверса, одинъ столоначальникъ объяснилъ — что передачу сдѣлали изъ штаба внутренней стражи, такъ какъ Штанге и не думалъ давать этому дѣлу законодательнаго хода; на томъ дѣло и остановилось.”

— О томъ какъ Орловскій Гутцейтъ отъ малолѣтныхъ дѣвочекъ перешелъ къ старушкамъ и сѣчетъ ихъ—въ слѣдующемъ листѣ.

— УНКОВСКІЙ и ЕВРОПЕУСЪ — возвратились въ свои Тверскія имѣнія, безъ права выѣзжать изъ Тверской губерніи (!?).

— Говорятъ, что Княжевичъ хочетъ снова обложить заграничные паспорта. А мы его считали умнымъ министромъ. Знаетъ ли онъ, что нельзя остаться честнымъ человѣкомъ, сдѣлавши такое предложеніе. Финансы этимъ не поправишь. Нельзя же сверхъ того, оттого что у правительства нѣтъ денегъ, наложить подать на рыжіе волосы, на людей у которыхъ не была скарлатина—гораздо проще отобрать у всѣхъ часы, серебряныя ложки и пр. Это уже пробовали въ прошломъ столѣтіи во Франціи, не за долго до революціи.

— Матеріалы для исторіи упраздненія крепостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіи Им. Александра II. Berlin. F. Schneider.

Первая часть этого въ высшей степени замѣчательнаго, дѣльнаго и превосходно изложеннаго труда—вышла. Спѣшимъ рекомендовать ее нашимъ читателямъ, предоставляя себѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ Колокола, дать полный отчетъ объ ней.

— Колоколъ проситъ побольше подробностей о помѣщицтвѣ и отеческомъ управленіи Андрея Ѳедорова Кислинскаго, Корчевскаго помѣщика; доставленное хорошо, но слишкомъ коротко. Кстати что за исторія у Николая Козлянинова съ крестьянкой Гжи Жадовской, Авдотьей Лукьяновой, которую подполковникъ куда то зазвалъ и исколотилъ? Объ этомъ должно быть есть дѣло Ярославской губ. въ Любинскомъ земскомъ судѣ.

— Поступилъ въ продажу Сборникъ правительственныхъ свидѣній о РАСКОЛЬНИКАХЪ, выпускъ первый, составленный В. Кельсиевымъ, заключающій: Предисловіе его—Исторію Преображенскаго кладбища—О Заграничныхъ Раскольникахъ, Надеждина—Приложенія къ его запискѣ—Записку о Русскомъ расколѣ, Мельникова—Записку игумена Силуана, поданую въ 1840 году единовѣрческимъ архимандритамъ Платону и Зосимѣ—Отрывки изъ рукописи: “Зеркало для духовнаго внутренняго человѣка”—Показаніе Ѳеодосѣвца.

ПЕЧАТАЮТСЯ :

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II, Н. Огарева.
ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ Вольной Русской
Типографіи въ Лондонѣ, кн. II
СБОРНИКЪ правительственныхъ свидѣній о
РАСКОЛЬНИКАХЪ. Выпускъ II.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 86.

1 ДЕКАБРЯ 1860.

У Труопера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цена 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.ОГЛАВЛЕНІЕ.—Помѣщичьи злодѣйства—Свѣтское и духовное образованіе—Монастырское крѣпостное право—Продовскія попомзновенія
вологодской полиціи. Смѣсь : Police galoppante—Кружештерпъ, Нолькинъ и пр.—Пгнатъевскія маски.

ПОМѢЩИЧЬИ ЗЛОДѢЙСТВА

въ

Орловской губерніи.

Акатовъ—Мацневъ—Безобразова—Хлебниковы, мужъ и жена—

Гутцейтъ MEDICINÆ DOCTOR.

На этотъ разъ вмѣсто всякаго leading article мы помѣщаемъ перечень гнуснѣйшихъ злодѣйствъ. Трудно найти больше яснаго доказательства безнравственности и законснѣлаго упорства русскаго правительства; обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на одинъ фактъ, что уголовныя преступленія обличаемыя нами, непремѣнно читаются въ разныхъ министерствахъ, не говоря о Тимашевыхъ и всякаго рода лазутчибахъ. Чтоже за польза? Пусть они насъ ненавидятъ—и мы не страдаемъ отъ особенно страстной любви къ нимъ—но какъ-же у нихъ у всѣхъ нѣтъ на столько совѣсти, чести, благодарности наконецъ за чины и ленты, аренды и мѣста, чтобъ обратить вниманіе на такого рода невѣроятно наглыя преступленія.

Придется, краснѣя и скрѣпивъ сердце, печатать эти каппальскія исторіи на французскомъ языкѣ, авось ли сдѣлается стыдно.

“Орловскій помѣщикъ Акатовъ, благополучно неистовствовалъ много лѣтъ въ имѣніи своемъ *Грязномъ*; наконецъ, года три тому назадъ, онъ до смерти засѣкъ беременную женщину. Бѣдный, деревенскій священникъ не согласился хоронить ее и громогласно называлъ убійцу. Произвели слѣдствіе и потомъ по порядку передали его на заключеніе депутатскаго собранія, которое постановило: ‘хотя по слѣдствію Акатовъ виновнымъ не оказался, но мы предводители и депутаты, по нашему убѣжденію, признаемъ его недостойнымъ дворяниномъ, и полагаемъ возбранить ему въѣздъ въ имѣнія.’ Только? а что сдѣлать семейству засѣченной имъ женщины? А другимъ его мученикамъ? Определеніе депутатскаго собранія утверждено сенатомъ, но Акатовъ никогда не переставалъ пріѣзжать въ свое имѣніе.

Орловская губернія богата событіями, грустно свидѣтельствующими какъ понимаютъ дворяне желаніе государя освободить крестьянъ и улучшить ихъ положеніе, и какъ они содѣйствуютъ исполненію его намѣреній. Въ особенности Мало-архангельскій уѣздъ не перестаетъ отличаться *насилъ-*

ствениыми отпусками, переселеніями на безводныя и безплодныя мѣста, отдачами въ рекруты и тѣсными истразаніями. Здѣсь имя Мацневыхъ до того прославилось, что даже государь не можетъ слышать его безъ негодованія. Михаилъ Михайловичъ Мацневъ, быстро раззорившій богатое имѣніе свое *Столбецкое*, добился наконецъ до острога; три года содержался онъ, пока рѣшился вопросъ, какимъ судомъ слѣдуетъ судить его. Потомъ три года военно-судная коммиссія, подкупленная подсудимымъ, всячески волочила дѣло, чтобъ какъ нибудь смягчить виновность. Теперь болѣе года дѣло разсматривается въ аудиторіатѣ. Правда Мацневъ въ тюрьмѣ, но развѣ отъ этого легче людямъ, которыхъ онъ раззорилъ и сослалъ на поселенія. Онъ между прочимъ въ 1851 году отдалъ въ рекруты не въ зачетъ до 40 человекъ музыкантовъ, старшему изъ нихъ не было 25 лѣтъ. Бывшій Орловскій предводитель Яковлевъ въ полномъ присутствіи ругалъ его, а рекруты все таки поставили и Мацневъ еще два года безнаказанно неистовствовалъ. Это родной братъ Ивана Мацнева, который въ 1853 г. леталъ въ Парижъ за облака, а въ 1856 сосланъ въ Вологду (*за что?* Ред.). Владмиръ Николаевичъ Мацневъ, владѣющій нѣкоторою долею села Успенскаго въ Мало-архангельскомъ уѣздѣ, едва слышалъ призывъ государя къ улучшенію быта крестьянъ, какъ освободилъ отъ земли 26 семействъ. Они не брали вольныхъ, пошли къ губернатору просить защиты; но тогда не былъ еще изданъ законъ, воспреещающій насильно давать вольныя и къ нимъ вмѣсто защиты прислали исправника Путатникова и становаго Умѣренкова для приведенія ихъ къ покорности. Всѣхъ пересѣкли. Жена Мацнева сидѣла у окна и просила становаго нѣкоторыхъ наказывать сильнѣе. Вопли женъ и дѣтей раздавались по окрестности. Между тѣмъ Мацневъ своими руками, съ помощію дворовыхъ людей, ломалъ избы. Скотъ, домашняя утварь, все было отобрано и люди выгнаны въ чистое поле. Мацневъ восторжествовалъ, смѣялся надъ сосѣдями, которые прозѣвали удобное время отпустить людей безъ земли и кричалъ во всеуслышаніе, что онъ теперь не боится *манципаціи*, что у него остались только дворовые люди, которымъ земли не дадутъ. Онъ до того не боялся *манципаціи*, что вскорѣ осмѣлился *торговать* у помѣщика Хитрово трехъ дворовыхъ братьевъ съ семействами: печника, портнаго и

кузнеца. При торгѣ люди умоляли его не совершать покупки, предупреждая, что они не будутъ служить ему. ‘Я васъ возьму въ руки—такъ выучу,’ говорилъ Мацневъ и купчая была совершена. Людей привели къ нему, но они съ твердостью повторили, что служить ему не будутъ, что государь желаетъ воли, а ихъ продали какъ скотовъ! Явился становой, уже не Умѣренковъ, а Рыковъ (теперь удаленный за то, что онъ пыталъ однодворцевъ, сжиманіемъ головы желѣзными обручами). Братьевъ сѣкли въ три перемѣны. Они все вытерпѣли, ихъ бросили въ тѣлеги и отправили въ Мало-архангельскій острогъ, они и теперь тамъ ожидаютъ приговора за неповиновеніе. А жены ихъ, а дѣти! Девятилѣтняя дочь портнаго бѣжала нѣсколько верстъ за отцемъ. Мацневъ догналъ ее и собственноручно отодралъ при *свидѣтеляхъ*.

Помѣщица Безобразова, также урожденная Мацнева, съ своей стороны, по женски, жарить дѣвокъ на солнцѣ и гладить ихъ утюгами. Губернаторъ прислалъ молодаго чиновника Миропенкова сдѣлать изслѣдованіе. При повальномъ обыскѣ ближайшіе сосѣди показали, что Безобразова поведенія *религознаго*, только два храбреца Чиркинъ и Мухортовъ, сказали правду. Спасибо имъ! Однако слѣдствіе ничѣмъ не кончилось, Безобразова изволила благополучно отбыть въ имѣніе отца своего!

Теперь происходитъ въ томъ же уѣздѣ замѣчательное слѣдствіе: дворянскій предводитель Скарятинъ донесъ губернатору, что молодой помѣщикъ Леопидъ Хлѣбниковъ и молодая жена его, урожденная Козакова, ведутъ себя какъ настоящіе паятаторы. Онъ даже представилъ при рапортѣ своемъ косу, отрѣзанную Хлѣбниковымъ *собственноручно* у дворовой дѣвушки Анисьи Парфоновой. Защитникомъ Хлѣбникова явился старый сѣкаръ Бурнашевъ, исправляющій должность губернскаго предводителя, онъ представилъ губернатору записку, въ которой доказывалъ, что произвести надъ Хлѣбниковыми слѣдствіе значитъ оскорбить дворянъ, *еще не лишеныхъ* права сѣчь и могущихъ употреблять *отеческія* наказанія. Со стороны Скарятина стали всѣ сколько нибудь благомыслящіе люди. Слѣдствіе назначено. Какъ-то кончится?

“Гутцейтъ продолжаетъ практиковать въ Орлѣ. Онъ недавно жестоко высѣкъ пожилую женщину, которой въ деревнѣ его поручень птичій дворъ, за то, что она, вынужденная голодомъ, ѣла крупу предназначенную для птицъ. Этотъ поступокъ возмутилъ многихъ; просили губернатора произвести слѣдствіе. Можетъ быть и произведутъ его, да что же изъ этого выйдетъ? всей губерніи извѣстна исторія о дѣвчкѣ спрятавшейся въ церкви, вообще обращеніе Гутцейта и жены его съ людьми; а между тѣмъ поступки его, отданные на обсужденіе депутатскаго собранія, оправданы.”

СВѢТСКОЕ И ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

I.

СИРОТСКІЕ ИНСТИТУТЫ.

“Въ Александровскомъ Сиротскомъ Институтѣ, въ Петербургѣ, воспитываются дѣти простого званія, *неблагородныя*.

Ихъ плохо обучаютъ грамотѣ, закону божію и церковному пѣнію; главное же ихъ занятіе—женскія рукодѣлья, за которыми онѣ проводятъ цѣлый день. Всѣ работы должны производиться за деньги, которыя поступаютъ въ сохранную кассу и, при выпускѣ раздаются воспитанницамъ. Пробывъ въ

заведеніи не менѣе шести лѣтъ, а тѣ, которыя поступаютъ очень молоды, то и болѣе, онѣ получаютъ при этомъ дѣлакъ не свыше 10 р. с.; всѣмъ же извѣстно, что каждая воспитанница легко можетъ заработать 3 р. с. въ теченіи двухъ недѣль, и это безъ принужденія, а принудительныхъ мѣръ не мало, и за дѣвками строго смотрятъ чтобъ дошивали уроки. Дѣло объясняется просто. Начиная съ начальницы Замятниной, получившей это мѣсто для поправленія промотаннаго состоянія, имѣющей на своемъ содержаніи супруга, товарища министра юстиціи, и пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ четыре дочери старшія приняты ко двору, при нихъ гувернеры, гувернантки, всѣ обшиваются и крахмалятся сиротами Александровскаго института. Этого мало; у начальницы есть сестра и другое обширное родство, а также пріятельницы; и тѣмъ и другимъ вышивается тѣма тѣмущая воротничковъ, пенуаровъ, *bandes* и т. п.—разумѣется тоже безплатно. За пачальницей слѣдуетъ инспекторша Дудина, у которой три дочери шеголхи, а пріятельницъ нѣсть числа. За Дудиной ея помощница Цвиленева, но эта уже питается крохами; въ Россіи все по чипамъ! Ни которой изъ этихъ дамъ, про которыхъ Гоголь сказалъ бы, что всѣ онѣ *дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ*, не пришло до сихъ поръ въ голову, что заставляя вышивать себѣ и пріятельницамъ пенуары, онѣ грабятъ несчастныхъ сиротъ.”

Слѣдуетъ очеркъ нѣкоторыхъ личностей и въ ихъ главѣ *Леонтьева*, начальница Смольнаго монастыря. “Цѣлый день снуетъ въ придворной каретѣ, съ красными лакеями, по всему городу, *пользуется* на счетъ заведенія и цѣломудренна до того; что на время великаго поста велитъ выводить пѣтуховъ изъ подыастныхъ ей курятниковъ—фактъ! *Замятнина*, начальница Николаевского института, тоже *пользуется* но не такъ цѣломудренна. *Безобразова*, начальница Патриотическаго института, которой исторія извѣстна всему Петербургу, *пользуется* и лежа въ постелѣ управляетъ институтомъ; но не смотря на это считается перломъ начальницъ до такой степени. что когда три года тому назадъ, она сыграла комедію, просила себѣ отставку, и для этого лично была у императрицы, то еще при появленіи ея въ дверяхъ, императрица, знавшая причину ея визита и наученная ея пріятельницами, замахала руками и закричала: *non, non* Люба tu resteras, tu resteras—и Безобразова осталась, заперлась въ своихъ комнатахъ, еще долѣе лежитъ въ кровати, что впрочемъ не мѣшаетъ ей давать балы и принимать каждый день гостей; нервы ея слабы только на институтскія дѣла. *Фридериксъ*, начальница Павловскаго института, *пользуется* и сумашествуетъ; увидитъ что нибудь во снѣ, ей покажется что-то было на яву, подыметъ страшны гвалтъ, наковецъ опомнится и утихаетъ. *Родзенко*, начальница Екатерининскаго института, *сильно пользуется*, даже уѣкъ номливаетъ тѣ деньги, которыя назначены пепиньеркамъ въ башмаки; занята управленіемъ своихъ огромныхъ помѣстьевъ ставитъ гнилой холстъ на институтъ и прочіе продукты своихъ деревень того же достоинства, по этому не смѣетъ слова сказать эконому, который въ свою очередь нагрѣваетъ лапу всѣмъ средствами, и 3 года тому назадъ подалъ такой колбасы и ужину, что въ ту же ночь 6 дѣвицъ и два служителя, находившіеся при столовой и подѣвшіе колбасу, которую починикто изъ дѣвицъ не ѣлъ, исключая этихъ несчастныхъ шести, отправились на тотъ свѣтъ. Слѣдствіе показало что якобы холера (не имѣвшая въ тотъ годъ ни малѣ

наго эпидемическаго характера), слѣдую теченію Фонтанки, разразилась надъ институтомъ и выхватила тамъ въ одну ночь столько жертвъ; такимъ образомъ волки остались сыты, но съ пожертвованіемъ нѣсколькихъ овецъ. И послѣ этого, все таки, модныя матери, имѣющія всѣ средства воспитывать дочерей дома, помѣщаютъ ихъ въ институтъ на отраву телесную и душевную; да и какже иначе! вѣдь государь пріѣзжаетъ и пощекочетъ султаномъ каски подъ носомъ у двиць, или государыня потреплетъ по щекамъ—противъ такой нести устоять нѣтъ силъ, хоть бы даже съ опасностію отравы. Управляйте же гг. экономы—по дѣломъ имъ!”

— Мы имѣемъ еще письмо объ Александровскомъ и Николаевскомъ институтахъ, написанное намъ въ отвѣтъ на вопросъ: за что хотѣли прогнать товарища министра юстиціи Замятнина изъ института?” (*Кол. л. 82*); письмо подробное и очень умно написанное. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что не Замятнина, а Замятнину хотѣли удалить; говорится же о ея *услугахъ государю императору*, и какъ ее оставили портить права института, давать ужины на счетъ дѣтскаго орму, зажигать свои 30 лампъ на казенномъ маслѣ и пр.

Довольно грязи въ этомъ листѣ, мы письма этого не помѣтимъ, (сохраняя впрочемъ его на всякой случай). Развратъ, воровство, барщипная работа воспитанницъ на начальницу и товаровъ далеко превосходятъ то, что можно было предполагать. Да, такъ оно и будетъ до тѣхъ поръ, пока государственная тайна будетъ, какъ извѣстная крышка, покрывать всё на свѣтѣ.

— Изъ Москвы пишутъ точно тоже о *патріархально-миллициемъ* управленіи Воспитательнаго дома. Онъ находится въ общинномъ владѣніи нѣсколькихъ нѣмецкихъ семей (въ этомъ случаѣ они ничего не имѣютъ противъ комунны). Протскій институтъ обрабатывается теперь на основаніи барщины семействомъ *Мецовъ*. Воспитанницы входятъ въ институтъ, выходятъ изъ института, исчезаютъ, и никто не знаетъ какъ и куда — богъ далъ, богъ взялъ — о чемъ тутъ говорить. Въ недавнее время вдругъ не достало *трехъ двиць* по спискамъ. Спрашиваютъ у г-жи *Полевой* (урожд. Мепъ), она говоритъ, что до этого никому дѣла нѣтъ, и что она сама переговорить съ кѣмъ надобно.

Пыльшій годъ Полевой (урожд. Мепъ) не посчастливилось, она какъ - то неосторожно подралась съ кандидаткой *Кантемировой*, объ этомъ дошло до Петербурга, да и исторія Вульфа не кончена. Кончина Александры Феодоровны не предсказываетъ ничего хорошаго Елисаветѣ Феодоровнѣ: да и Гофмана то какъ не бывало!

II.

ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

Не помнится въ какомъ именно номерѣ *Колокола* за 1859, было заявлено: “*Колоколъ*, пока, не вмѣшивается въ дѣла русскихъ духовныхъ, ему не до нихъ теперь дѣло.” Согласно съ этимъ, опуская частныя подробности одной грустной исторіи, вышедшей въ Кіевской духовной академіи, между дѣлымъ курсомъ студентовъ, съ одной стороны, и начальствомъ академіи съ другой,—просимъ гг. издателей *Колокола* помѣстить, буде возможно, въ своемъ журналѣ слѣдующіе факты:

Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ извѣстно, хозяйственная и учебная части не отдѣлены одна отъ другой: тѣже

люди, которые смотрять за нравственностію воспитанниковъ и занимаютъ ученые должности въ заведеніи, вмѣстѣ съ этимъ управляютъ и хозяйствомъ заведенія. Въ 1858 студенты XX курса Кіевской духовной академіи, выведенные изъ терпѣнія безпорядочными и своекорыстными дѣйствіями инспектора и ректора заведенія, подали объ этомъ въ правленіе академіи жалобу на высочайшее имя*. Въ жалобѣ, студенты писали: не разъ они говорили инспектору и ректору, что ихъ содержатъ здѣсь очень дурно. Ректоръ Израиль имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ справедливости и основательности ихъ словъ. Мало того, ректоръ Израиль обѣщалъ сдѣлать, въ самомъ скоромъ времени, значительныя улучшенія. А между тѣмъ, когда общее неудовольствіе студентовъ дошло до крайности, когда студенты просили себѣ дозволенія обратиться, на безпорядки въ академіи, вниманіе духовно-учебнаго правленія, всѣ ихъ жалобы поставлены имъ же въ вину; ихъ обвинили въ бунтѣ противъ начальства, ректоръ публично наговорилъ студентамъ грубостей и имъ предложено, на выборъ, два рѣшенія: молчать и быть довольными всѣмъ, или подавать прошеніе объ увольненіи.

Особенно сильно было негодованіе студентовъ противъ инспектора, архимандрита Іоанникія. Инспекторъ завѣдывалъ экономіею заведенія и очень искусно обманывалъ, обчитывалъ, обкрадывалъ студентовъ. Выгадывая кофѣчку въ собственный карманъ, Іоанникій, тутъ-же, увѣрялъ, что нѣтъ возможности справиться съ мошенникомъ экономомъ. Студенты, сначала, такъ и думали; дѣло однакожь скоро открылось въ своемъ настоящемъ видѣ. Послѣ разочарованія, общее убѣжденіе признало Аникія виною всей неурядицы.

Поданное въ правленіе академіи прошеніе лежало тамъ почти цѣлую недѣлю и, неизвѣстно, какъ, почему, было взято студентами назадъ. Правда, начальство прибѣгло тогда ко всевозможнымъ уловкамъ: и грозило отдать студентовъ подъ надзоръ полиціи, и составило записку, что жизнь инспектора была, въ ту пору, въ опасности; то увѣряли разные посредники, что синодъ отдастъ главныхъ зачинщиковъ дѣла въ солдаты. Исчислить невозможно разныхъ внушеній, со всѣхъ сторонъ они такъ и сыпались на студентовъ; что удивительнаго, могло и повліять какое нибудь изъ внушеній на молодыхъ людей. Къ сожалѣнію, силы студентовъ были, въ то время, раздѣлены. Младшій XX курсъ, 39 человекъ студентовъ, воевалъ съ начальствомъ, старшій XIX пребывалъ спокоенъ и, какъ птенецъ, тихонько сидѣлъ подъ крылышкомъ отцевъ-начальниковъ. Такая сердечность очень, очень бываетъ иногда соблазнительна.

Какъ бы то ни было, объ стороны кладутъ оружіе, и въ академіи вопаряется вождѣленный миръ. Студентамъ обѣщана полная амнистія. Епископъ Антоній, прежній ректоръ академіи, тогдашній викарій Кіевскій, далъ студентамъ свое архіерейское слово, что никого не тронутъ, все будетъ забыто начальниками.

Прошеніе было взято, кажется, въ первыхъ числахъ Ноября 1858 г.; съ той поры, студенты не имѣли ни дня покойнаго. Тѣже нужды, тотъ же обманъ, таже безобразная система управленія остались, на прежнихъ условіяхъ въ заведеніи. Въ послѣднее время, въ Декабрѣ 1859 г., какъ на грѣхъ, Аникій поставленъ въ ректора академіи.

Обращаемся къ архимандриту Іоанникію,—что онъ вамъ-
* Мы помѣстимъ ее въ слѣдующемъ листѣ.—Ред.

ренъ сдѣлать съ ввѣреннымъ ему заведеніемъ, какъ онъ захочетъ повести себя въ отношеніяхъ къ тѣмъ людямъ, которые официально уличали его высокопреподобіе въ обманѣ и воровствѣ? Въ прошеніи высказано было ясно, что, за всѣхъ безпорядки и злоупотребленія въ заведеніи, больше всѣхъ виноватъ инспекторъ Іоанникій. Между тѣмъ, Іоанникій не позаботился хоть сколько нибудь отклонить отъ себя такіа обвиненія. Онъ не требовалъ формальнаго разслѣдованія дѣла, поспѣшилъ всучить студентамъ обратно прошеніе, — такъ мало надѣялся онъ, даже официальнымъ путемъ, оправдать себя. Прошеніе лежало недѣлю цѣлую въ правленіи, студенты, долго настаивали, чтобы дѣло пуцено было въ ходъ, слѣдовательно, не студенты спѣшили, а ихъ успѣли склонить взять назадъ жалобу. Что значитъ такая уклончивость? Прошеніе, можно сказать, все было направлено противъ злоупотребленій инспектора, отъ чего же отецъ Іоанникій, какъ членъ правленія, затронутый такъ больно, жалобой студентовъ, отъ чего спрашиваемъ, Іоанникій не потребовалъ полнаго раскрытія дѣла? Не ясно ли, послѣ такой уступки инспектора, что у его высокопреподобія духу не хватило оправдываться? Какова же совѣсть должна быть, поэтому, у отца Іоанникія! Монашеская, истинно монашеская. Вотъ 39 человекъ говорятъ ему въ лицо, что ты воръ негодный, чрезъ твою жадность на насъ рубашки нѣтъ порядочной; а его высокопреподобіе, со смиреніемъ истинно иноческимъ, терпитъ нападенія мірскихъ человекъ; молитва у него только о томъ, чтобы міряне ужаснулись соблазна и потянули назадъ къ себѣ жалобу. Такъ и припоминается тема, на которую расписываются въ семинаріяхъ всевозможныя хриі, что покаяніе очищаетъ человека отъ грѣховъ. Это очищаетъ человека, а инока тѣмъ болѣе. Да, послѣ подобной размолвки, какая была у студентовъ XX курса съ Аникою, отъ него, какъ ректора, студенты могутъ ожидать для себя всевозможныхъ пакостей. Присоедините къ этому, что Іоанникій сдѣлался фаворитомъ Кіевского владыки, Исидора. И кажется, что Аникій уже началъ свое дѣло. На экзаменахъ XX курсу, въ Іюнѣ прошлаго года, Исидоръ дарилъ студентовъ, отличившихся при подачѣ прошенія, такими взглядами, что ну, ну!.. Соображая, что Исидоръ и не знаетъ вовсе студентовъ, рѣдко и видитъ ихъ, мы такъ и подумали, а, у Іоанникія удачно идутъ дѣла. Ну, да оно и слѣдуетъ, по дѣломъ XX курсу, за чѣмъ сердилъ монаха, да еще архимандрита. Охъ, горе горькое съ иноческимъ смиреніемъ. И независимо отъ личности Іоанникія, и его связей, сколько простора для личныхъ чувствъ, (которыя такъ обильна душа инока), въ такомъ закрытомъ заведеніи какъ духовная академія, да еще, вдобавокъ, Кіевская академія. Не въ добрый часъ видно спѣшились студенты съ начальствомъ.

Напоминаемъ духовно-учебному правленію, что и оно не безъ вины въ этомъ дѣлѣ. Развѣ ему неизвѣстна была личность Іоанникія и его отношенія къ нынѣшнему старшему курсу студентовъ? Когда г. Саломонъ ревизовалъ академію, ему врученъ былъ пакетъ, гдѣ лучше всякой ревизіи было видно истинное состояніе заведенія. У него были всѣ средства повѣрить написанное, и все таки, Саломонъ ничего не сдѣлалъ по письму. Нѣсколько равьше этой ревизіи, во время каникулъ 1858 г., когда Іоанникій только еще исправлялъ должность ректора академіи, и при его управленіи,

голодъ въ заведеніи дошелъ до послѣднихъ границъ, студенты частнымъ письмомъ увѣдомляли графа Толстаго о своемъ положеніи, и опять все дѣло кончилось ничѣмъ. Хотя бы теперь духовно-учебное правленіе согласилось принять какія нибудь мѣры въ пользу нынѣшняго старшаго курса Кіевской академіи, хоть бы не принимало на вѣру тѣхъ официальныхъ документовъ, гдѣ будутъ обвиняемы студенты. Мы спрашиваемъ, чѣмъ можетъ быть виноватъ студентъ духовнаго заведенія? За нимъ и его дѣйствіями, за всѣмъ существомъ его смотреть каждую минуту. Что то въ будущемъ дастъ Богъ, посмотримъ, посмотримъ чѣмъ кончится такая исторія.

МОНАСТЫРСКОЕ КРѢПОСТНОЕ ПРАВО.

Въ Россіи всѣ лавры и многіе монастыри имѣютъ своихъ крѣпостныхъ. На этотъ разъ поговоримъ о крѣпостныхъ Кіево-печерской лавры.

Объ отношеніи крестьянъ къ монахамъ, о управленіи ими, съ анекдотами можно составить цѣлыя томы, — по наша цѣль только показать въ какомъ состояніи находятся эти крестьяне. Кіево-печерская лавра имѣетъ крестьянъ до 1,000 ревизскихъ душъ. Лавра находится въ цитадели крѣпости, — къ ней приписаны двѣ пустыни Китаевская и Голосѣвская, отстоящія отъ лавры, по направленію треугольника, на странствѣ 10 верстъ отъ города. По этому пути, на коемъ первый пунктъ есть Лыбедь, дача лаврская, поселены крестьяне разбросанно, до пустынь, около коихъ ихъ поселеніе гуще. Домъ съ небольшимъ огородомъ, доставляющимъ едва скудное прокормленіе только лѣтомъ — все владѣніе ихъ. Очень немногіе изъ нихъ имѣютъ корову или свинью, — но ни одинъ не имѣетъ вола. Мужчины составляютъ употребительную непрестанно вещь монастырскую, — женщины только монашескую лично — иногда.... Вообще они находятся подъ властію духовнаго собора, но главный, непосредственный ихъ начальникъ есть отецъ экономъ лавры, отъ котораго зависитъ все ихъ благоденствіе. По своему усмотрѣнію, онъ приставляетъ ихъ къ работамъ. При всѣхъ пунктахъ работъ, есть смотрители или отцы-начальники, въ санѣ священническомъ, большею частію поступившіе въ монашество изъ ремесленниковъ того ремесла, надъ которымъ начальствуютъ. Они зависятъ отъ о. эконома. Работы сии суть: малярство, кузнечество, столярство, дѣланіе восковыхъ свѣчей, конюшня, пивоварня, рыболовля, скотоводство. При каждомъ заведеніи и живутъ, священно-маляры, священно-ковали, священно-коновалы и т. д. На всѣхъ сихъ работахъ, они обязаны работать шесть дней непрестанно. Конюхи же, бодрствуя день и ночь шесть дней, не имѣютъ покоя и въ недѣлю, ибо въ недѣлю еще больше развѣзды. Работы выполняются со стороны крестьянъ съ нехотѣніемъ, а со стороны приставниковъ съ насиліемъ жестокимъ, отъ 6 ч. утра до 7 вечера. За лѣность, пьянство, или вовсе опущеніе работы, наказывается прежде отъ смотрителя своего пощечиною, жезломъ; а потомъ отиравленіемъ къ о. эконому на канонъ. Въ корридорѣ о. эконома есть площадка, на которой лежитъ негодный старый амвонъ церковный, сдѣлавшійся теперь эшафотомъ; по налитіи или паитіи духа святаго, spirit's, — о. экономъ соблаговоляетъ на пять четокъ, т. е. о. экономъ узрѣвши въ своей преторіи преступника изрекаетъ: "бить его пока я просчитаю пять четокъ, — скажу пятьсотъ разъ

господи Иисусе Христе помилуй мя грѣшнаго;” а если иногда о. экономъ въ бахусовдохновенномъ состояніи, такъ что отъ умиленія засыпаетъ въ креслѣ, то бывали случаи, что и засѣкали.

Столяры, маляры, кузнецы, работаютъ въ самой лаврѣ, и получаютъ пищу отъ остатковъ трапезы братіи святой, ... на ночь могутъ ходить домой, а если котораго домъ около Китаева и непогода, то можетъ оставаться на ночь въ монастырѣ. Состоящіе же при другихъ работахъ внѣ монастыря, получаютъ наекъ самый скудный, муку, крупу, соль. И еще 3 руб. сер. жалованья въ треть, которое иногда вовсе не выдается, иногда съ вычетомъ, какъ угодно святой волѣ смотрителя, если онъ найдетъ въ работникѣ или лѣность, или пьянство, или что нибудь подобное.

Между этими крестьянами, еще такъ называемые штатные монастырскіе; они зачисляются въ штатъ на 25 лѣтъ. Зачисленіе производится такъ. Мальчиковъ отъ 8 лѣтъ, назначаетъ о. экономъ изъ семействъ по своему благоволенію, въ извѣстное заведеніе, для наученія работѣ; состояніе учениковъ самое бѣдственное. Когда ученику минетъ 16 лѣтъ, о. экономъ пишетъ въ духовный соборъ: “сынъ такого-то штатнаго монастырскаго, находившійся столько-то лѣтъ при такой-то работѣ, оказалъ способность, и прошу духовный соборъ о разрѣшеніи выдачи ему пайка и жалованья.” Духовный соборъ разрѣшаетъ о. эконому предписаніемъ, и въ тоже время пишетъ отношеніе въ палату государственныхъ имуществъ: “что такой-то поступаетъ въ штатъ монастырскихъ крестьянъ.” Палата государственныхъ имуществъ, уведомляетъ духовный соборъ отношеніемъ, что такой-то представленный, записанъ по деревнѣ хоть напр. Хотову; а Хотово селеніе, отстоитъ отъ жительства этого крестьянина въ 30 или 40 верстахъ, да онъ впрочемъ этого не знаетъ, этимъ и рѣшается судьба штатнаго—работать, работать на монастырь до могилы. Всѣ штатные приписаны къ разнымъ селеніямъ государственныхъ имуществъ, по усмотрѣнію палаты.

Потерявшихъ здоровье или окалѣченныхъ, духовный соборъ выключаетъ изъ штата уведомленіемъ палаты, что такой-то выключенъ изъ штата, а палата уведомляетъ духовный соборъ, что такой-то выписанъ изъ деревни Хотова, и бѣдный изгнанникъ безъ записи вписывается въ нищіе—прошаки. Сумасшедшіе вовсе не вписываются.

Освободиться отъ монастыря крѣпостному невозможно; ихъ освобождаетъ только могила, разстройство здоровья, и безуміе. Кто умѣетъ работать и дорогую работу, все же не можетъ получить больше 3 руб. въ треть и пайка, развѣ по усиленной просьбѣ—маленькую прибавку, 1 руб. въ треть.

Въ 1855 г., творилось иконописаніе въ лаврѣ, и понадобилось большее количество иконописцевъ. О. экономъ лавры, какъ-то былъ въ гостяхъ у о. эконома Михайловскаго монастыря, высказалъ ему свою погребу въ иконописцахъ... “Да у меня есть малый, говоритъ экономъ Михайловскаго монастыря, когда росписывали нашъ монастырь онъ довольно свѣдущъ оказался, а теперь работа у насъ умалилась и онъ теперь при волахъ, если хотите дайте намъ малаго для воловъ, а себѣ возьмите Николая.” Помѣнялись монастыри крѣпостными, какъ вещами, не смотря на дальность разстояній и нравовъ, не смотря на то, что работника такимъ образомъ отрывали отъ семейства. Николай началъ работать не какъ маляръ, а какъ живописецъ; ему было тогда 22 года отъ

роду,—въ 1857 г. онъ по окончаніи работы, сталъ проситься на выкупъ, чтобы самому свободно работать въ городѣ, но ему прибавили 1 р. с. въ треть и только. Если мальчика засѣчетъ смотритель, или окалѣчитъ,—дѣло какъ въ воду и канетъ. Суда—нѣтъ.

1856 г. въ первыхъ числахъ Февраля, въ типографіи Кіевопечерской лавры, варили чернила для печатанія. Какъ заведеніе типографіи находится въ цитадели крѣпости, то по правиламъ крѣпости такая опасная работа не можетъ быть дѣлана. Рассказываютъ старожилы монастырскіе, что вазадъ тому 30 лѣтъ, варили чернила въ этомъ мѣстѣ и былъ пожаръ, и есть посему указъ сенатскій въ духовномъ соборѣ, чтобы подобныхъ работъ не дѣлалъ впредъ въ монастырѣ, а внѣ города. Что и было исполняемо до сего времени. Иеромонахъ Тимошей, новый начальникъ типографіи, вздумалъ сварить чернила тайкомъ на большемъ очагѣ. Поставили котелъ съ масломъ въ 15 ведеръ для варенія, дрова заставили подкладывать Пвана штатнаго, масло варилось сутки, на другіе сутки въ 2 часа по полудни, бросили въ котелъ сурокъ, онъ взялъ силу и взорвало крышку котла; масло полилось и загорѣлось, облило Пвана, и онъ съ масломъ сгорѣлъ. Остались только кишки и обгорѣлыя кости, надъ которыми на другой день тайкомъ заплѣли со святымъ упокой. На густой дымъ, хотя и прибѣжала пожарная команда и народъ сбѣжался, но команды не пустили, а народу солгали, что по неосторожности немного масла загорѣлось; дымъ потухъ, тѣмъ дѣло и кончилось; да еще роднымъ Пвана дали отчинаго по рублю, и въ палату государственныхъ имуществъ написали что умеръ.

Въ случаѣ же наглой обиды, напр. побой отъ смотрителя, неправильное удержаніе жалованья, или поощреніе къ сверхъпосильной работѣ,—некому жаловаться, не у кого просить суда, все своя братія, другъ друга поддержать.

Иеромонахъ Ирнархъ, бывшій смотритель малярнп, вносимый даже въ городѣ за дикость нрава, по окончаніи дневной работы, посылаетъ вечеромъ въ сумерки мальчиковъ на крышу колокольни, церкви, и келій ловить голубей, которыхъ живыхъ самъ бросаетъ филину, находящемуся у него, и восхищается, какъ филинъ разрываетъ живыхъ голубей. Какъ самый наглый грабитель въ отношеніи къ подчиненнымъ ему малярамъ, онъ къ концу трети придумываетъ предлоги къ неполной выдачѣ жалованья, или совершенному удержанію. Работа малярская самая трудная въ монастырѣ, а маляры и въ праздничные дни ходятъ омасляные, не имѣютъ чистой одежды. О. Ирнархъ же имѣетъ въ банкѣ 30,000 р. с., хотя пришелъ въ монастырь въ заняхъ и съ одной котомкой. Хитростію и низкопоклонствомъ, взмогъ въ милость Филарета, бывшаго митрополита Кіевскаго, и грабилъ монастырь увеличеніемъ цѣны на матеріалы, а бѣдныхъ рабочихъ вычетомъ жалованья. Крестьяне жаловались на него духовному собору, но ихъ жалобы или оставались безъ вниманія, или жалующихся отсылали къ о. эконому на канонъ.

Духовному собору мало горя что монахъ крадетъ и кладетъ деньги въ банкъ: помретъ и деньги; по закону монастырскому, опять поступаютъ въ казну церковную; а кровные деньги рабочихъ пусть гибнуть. По смерти Филарета 1857 г. 21 Декабря, Ирнархъ былъ смѣненъ и остался только иеромонахомъ для священнослуженія. По окончаніи росписки.

въ великой церкви, онъ подмости, бочки и прочія принадлежности обширной работы, стоящія 7,000 р. с., продалъ воровски за 3,000 р. с., и положилъ деньги въ банкъ. Духовному собору донесъ что вещи и лѣса, сожегъ. Духовный соборъ будто бы повѣрилъ, но за то, “что сожегъ въ печахъ вещи, которые будучи сложены въ амбарѣ, могли бы служить и въ другой разъ,” отрѣшилъ его отъ должности.

Въ отношеніи образованія штатнослужатели всѣ совершенно неграмотные, безъ всякихъ понятій религіозныхъ. Нравственность состоитъ въ лицемѣрїи и дерзости. Если штатнослужатель не добьетъ копѣйки лестию, то старается поймать въ чемъ нибудь преступномъ *батюшку*, и тогда сдереть съ него что можетъ.

Семейная ихъ жизнь, самая ужасная; отлученные отъ семей постоянной работой, они узами семейной жизни съ ними совершенно не связаны. Мужъ живетъ изъ пайка и жалованья, а жена должна зарабатывать себѣ и для дѣтокъ, а эти заработки до чего доходятъ!.....

Иногда о. экономъ по особенному моленію даетъ, для пощва ярыны на кашу дѣтямъ, гдѣ нибудь кусочекъ земли, которой лавра имѣетъ очень много порожней.

По пути отъ лавры до Китаева и Голосѣева есть нѣсколько участковъ принадлежащихъ лаврѣ, засаженныхъ плодовыми деревьями; эти участки или сады ежегодно продаются о. экономомъ, для снятія фруктовъ, кievскимъ купцамъ. Отъ Китаева—до Голосѣева—и до Жуковки, по одной линіи тянется имѣніе лаврское въ длину 17 верстъ, а въ ширину 6 верстъ если не больше. Кромѣ пустынь Китаева и Голосѣева, по этой незаселенной, лѣсистой линіи, въ пяти гаяхъ есть пасѣки монастырскія, въ каждой по 1,500 зимнихъ колодокъ, съ садами. Въ пасѣкахъ живутъ: одинъ монахъ и два послушника; они главные только распорядители, а работаютъ штатные и въ садахъ и въ пасѣкахъ; прибыль изъ садовъ и изъ пасѣкъ собственность лаврская. О. экономъ распорядитель до снятія плодовъ; а убиратель и хранитель на годовое содержаніе братіи—о. келарь. Кромѣ этихъ пяти обработанныхъ гаевъ съ названіями,—много невоздѣланныхъ пустырей - гаевъ безъ названій. Такъ какъ для содержанія братіи все покупается за деньги, мука, крупа, масло, картофель, лукъ, и проч., даже иногда и фрукты, за церковныя деньги т. е. за деньги собираемыя за продажу частицъ мошей, мура, ризъ господнихъ и другихъ спекуляцій, а это не всегда очень надежно; то 1841 года, туземецъ* келарь іеромонахъ Іеремія, получившій образованіе въ древней кievской академіи, и хорошій хозяинъ, составилъ планъ чтобы не покупать для монастыря хотя приварку т. е. картофеля, луку, и проч., и привелъ его въ исполненіе. Пустыри начали воздѣлывать, дѣлать ихъ огородами; онъ первый въ Россіи хотѣлъ учредить, что должно трудиться и монахамъ; дѣйствительно съ радостію пошли многіе послушники на работу свою, а нѣкоторые изъ благороднаго званія т. е. которые, какъ говорится въ монастырѣ, *пришли не для Іисуса, а для хлѣба куса*, начали роптать, что они пришли на славословіе Богу въ монастырь, а ихъ гонять на работу, поочередно, понеждѣльно. Ропотъ сихъ послѣднихъ, дошелъ до священно - архимандрита лавры Филарета, бывшаго въ

то время при синодѣ, на чреду въ митрополиты въ С. Петербургѣ. Филаретъ, словами евангелія, написалъ духовному собору лавры: “никтоже взявся за рало, и зря вспять управленъ есть въ царствіе Божіе,” т. е. поступившимъ въ монастырь нужно только молиться, а Богъ все пошлетъ, не нужно осматриваться въ первую суетную жизнь. По прїездѣ митрополита Филарета изъ С. Петербурга, о. келарь представилъ ему проэктъ, гдѣ показалъ изъ писаній евангелія и св. отцевъ, что монахъ долженъ трудиться своими руками для жизни, что это свято, и что это полезно для монастыря въ отношеніи экономическомъ. Филаретъ зѣло озлобился, лишилъ о. Іеремію должности, занимаемой имъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, (ему было лѣтъ 60 отъ роду, а въ лавру поступилъ по окончаніи курса академіи,) и сослалъ его на эпитимію на дальнія пещеры, “за самоволіе.” Несчастный о. Іеремія, былъ тѣлосложенія тучнаго, очень взволновался, и отслуживши литургію въ одинъ день, взялъ коніе, которымъ вынималъ частицы изъ просфоръ, и поѣхалъ на наемныхъ дрожжахъ, въ новую пасѣку, имъ заведенную, и тамъ зарѣзался копіемъ.

Кіево-печерская лавра имѣетъ до 1,500 братіи, монаховъ съ послушниками. Всѣ занимаются славословіемъ Богу. Слѣдственно земли имъ не нужны, и при освобожденіи крестьянъ, могутъ быть отданы имъ въ собственность. Они съумѣютъ обратить пустыри въ воздѣланную и полезную почву.

I. A.

ИРОДОВСКІЯ ПОПОЛЗНОВЕНІЯ ВОЛОГОДСКОЙ ПОЛИЦІИ
къ

ИЗБІЕНІЮ МЛАДЕНЦЕВЪ ЗА ОЧЕНЬ СКРОМНУЮ ПЛАТУ.

М. В. Д.

начальника

Вологодской губерніи

по

ГОСПОДСТВУ МИНИСТРУ

ГУБЕРНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ.

20 Іюля 1860 года.

ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

№. 5514.

По высочайшему повелѣнію. На предписаніе вашего высочайшаго
О мѣщанкѣ Крючихѣ и копревосходительства отъ 17 Мая
солдаткѣ Батаргиной. за №. 202, честь имѣю донести:
Деп. Пол. Испол. Въ Февралѣ 1859 года до
Отд. II ст. 2. свѣденія бывшаго начальника
губерніи дошло, что въ г. Устюгѣ нѣкоторыя женщины,
принимая на воспитаніе дѣтей, умерщвляютъ ихъ. Справед-
ливость свѣденій этихъ подтвердилась предварительнымъ
дознаніемъ, а при формальномъ слѣдствіи открыты 15 чело-
вѣкъ, занимавшихся воспитаніемъ незаконнорожденныхъ
дѣтей; изъ нихъ двое: Устюгская мѣщанка Марина Григорьева,
по прозванію Крючиха 51 г. и солдатка Анна Батаргина
70 лѣтъ, по собственному ихъ сознанію, подтвержденному
слѣдствіемъ, оказались виновными въ умерщвленіи дѣтей,
посредствомъ опаяванія отварами вредныхъ травъ. За то по
рѣшенію уголовной палаты, первая, по наказанію, сослана
въ каторжную работу, а послѣдняя, безъ наказанія, въ отда-
ленные мѣста Сибири; кромѣ сего солдатка Аграфена Нелаева
60 лѣтъ, по обстоятельствамъ дѣла навлекла на себя сильное
подозрѣніе въ этомъ преступленіи. По собственному сознанію
Крючихи, она принимала на воспитаніе дѣтей около 10 лѣтъ

* Въ Кіево-печерской лаврѣ пятая часть Малороссіявъ, а то все пришельцы изъ Великороссіи.

съ платою за вскормленіе ребенка отъ 3 до 5 р. с. Число бывшихъ у нея на воспитаніи дѣтей она не опредѣлила, но показала, что принимала отъ 10 до 3 младенцевъ въ мѣсяцъ, хотя впрочемъ были и такіе мѣсяцы когда дѣтей къ ней вовсе не приносили. Изъ бывшихъ у нея на воспитаніи дѣтей въ живыхъ осталась одна дѣвочка въ настоящее время 4 лѣтъ; трое жили болѣе года, а всѣ прочія умерли гораздо ранѣе и ни одинъ ребенокъ не жилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Причиною такой смертности было то, что она, не желая входить въ расходъ по воспитанію дѣтей, спаивала ихъ отваромъ маку и черной травы, съ частію сахара и рѣпы, чтобы отваръ былъ пріятенъ на вкусъ, отъ усыпляющаго дѣйствія коего ребенокъ умиралъ отъ двухъ пріемовъ его. Для отклоненія подозрѣнія въ умерщвленіи дѣтей, Крючиха опаивала ихъ по очередно, и похоронивши одного, начинала готовить къ смерти другаго, не ранѣе какъ черезъ недѣлю. Впрочемъ предосторожность эта, не могла отъ всѣхъ скрыть преступныхъ слѣдовъ Крючихи: нѣсколько человекъ показали при слѣдствіи, что они слышали, что Крючиха морить дѣтей, но боялись довести о томъ до свѣденія начальства, изъ опасенія отвѣтственности, если доносъ ихъ не подтвердится; 13-лѣтній, незаконно-рожденный сынъ Крючихи, жившій вмѣстѣ съ нею, показалъ, что мальчишки не давали ему прохода, называя его душегубцемъ и спрашивали: "отъ чего у васъ умираетъ много дѣтей, развѣ вы опаиваете ихъ?" Родственники Крючихи, сынъ ея, жена его, зять и жена сего послѣдняго отозвались, что она распутнаго поведенія, почему они навѣщали ее очень рѣдко. Солдатская жена Анна Батаргина показала, что принимала на воспитаніе младенцевъ, тоже около 10 лѣтъ, за плату 1 р. 50 к. до 3 р. одновременно, а иногда по 1 р. въ мѣсяцъ; числа бывшихъ у нея на воспитаніи не помнитъ; виновна въ смерти одного только послѣдняго младенца, котораго умышленно двое сутокъ не кормила хлѣбомъ и поила крѣпкимъ отваромъ маку въ водѣ, отчего младенецъ умеръ; въ смерти другихъ бывшихъ у нея на воспитаніи дѣтей, она не призналась, объяснивъ, что хотя она поила ихъ тѣмъ же отваромъ, но въ небольшомъ количествѣ и собственно для того, чтобы они болѣе спали. Всѣ вообще воспитательницы незаконнорожденныхъ дѣтей, находятся въ совершенной бѣдности: все имущество Крючихи и домъ, въ которомъ она проживала, оцѣненъ менѣе 4 р.

При производствѣ слѣдствія о преступныхъ женщинахъ, оказались прикосновенными къ дѣлу чины мѣстной полиціи, почему дѣйствія ихъ были обслѣдованы и слѣдствіе представлено въ губернское правленіе.

По дѣлу этому оговорены:

1) Бывшіе квартальные надзиратели губернскіе секретари Поповъ и Цивилевъ въ знаніи, что означенныя выше женщины берутъ на воспитаніе дѣтей и въ требованіи и полученіи за это съ нихъ денегъ отъ 30 до 50 к.

2) Бывшій квартальный надзиратель губернской секретарь Пулокинъ, въ знаніи о распутномъ поведеніи Крючихи и принятіи нѣкоторыми женщинами дѣтей на воспитаніе.

3) Бывшій квартальный надзиратель Веретьевъ въ знаніи о смертности приносимыхъ Крючихѣ младенцевъ.

4) Письмоводитель 1 части, коллежскій регистраторъ Поповъ въ требованіи съ квартальнымъ надзирателемъ Цивилевымъ съ Крючихи 1 р. 50 к.; сверхъ того оба они обвиняются

слѣдствіемъ въ найденныхъ ими у солдатки Пеласовой двухъ мертвыхъ младенцахъ, о коихъ дѣла въ производствѣ полиціи не оказалось.

5) Бывшій частный приставъ, коллежскій секретарь Гвоздевъ въ двукратномъ требованіи Крючихи въ полицію, для спроса о принятіи ею дѣтей на воспитаніе, объ отобраніи отъ нея въ этомъ показаніи, которыхъ впрочемъ въ полиціи не оказалось.

6) Унтеръ-офицеръ полицейской команды Дмитріевъ въ требованіи Крючихи въ полицію и взятіи съ нея 1 р. 30 к. въ знаніи о слухахъ, что Крючиха морить будто бы дѣтей и во взятіи съ солдатки Полицейской 1 р. 20 к.

7) Рядовой пожарной команды Мартыновъ въ запрещеніи солдаткѣ Полицейской хоронить умершаго младенца и разрѣшеніи этого за полученіемъ отъ Полицейской 20 к. для себя и 1 р. на имя квартальнаго надзирателя Попова; во взятіи денегъ Мартыновъ сознался.

8) Рядовой полицейской команды Сусоринъ въ требованіи съ Крючихи 5 р. ас. съ угрозою въ противномъ случаѣ взять ее въ полицію.

Губернское правленіе разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла нашло:

Что хотя ни одинъ изъ поименованныхъ чиновниковъ не участвуетъ ни въ принятіи отъ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ женщинъ денегъ, ни въ томъ, чтобы имъ извѣстны были преступныя дѣйствія Крючихи и Батаргиной, кромѣ полицейскихъ нижнихъ чиновъ, унтеръ-офицера Дмитріева (впослѣдствіи умершаго) и рядоваго Мартынова, обращеннаго въ военное вѣдомство, которые сознались въ принятіи денегъ отъ нѣкоторыхъ изъ женщинъ, и сдѣланные на нихъ оговоры остались положительно недоказанными; но тѣмъ не менѣе можно положительно заключить, что если бы полицейскіе чиновники имѣли бдительное наблюденіе за женщинами прививавшими незаконнорожденныхъ дѣтей на воспитаніе и обращали вниманіе на необычайную ихъ смертность, то преступныя дѣйствія осужденныхъ Крючихи, Батаргиной и другихъ подобныхъ имъ женщинъ, могли бы быть въ свое время обнаружены. Бывшіе же квартальный надзиратель Цивилевъ и письменоводитель 1 части Поповъ, участвуютъ въ сокрытіи дѣла о найденныхъ ими назадъ тому около 7 лѣтъ, двухъ мертвыхъ младенцахъ въ нежилой избѣ солдатки Пеласовой, а потому на основаніи 742 Ст. I Ч., II Т. и по силѣ 491 Ст. I Ч., XV Т. Св. Зак. (изд. 1857 г.) опредѣленіе по настоящему дѣлу мѣры взысканія съ бывшихъ Устюжскихъ полицейскихъ чиновниковъ, квартальныхъ надзирателей Попова, Цивилева, Кукокина, Веретьевского и письменоводителя 1 части Попова и частнаго пристава Гвоздева, за непринятіе мѣръ къ обнаруженію существующаго въ г. Устюгѣ зла, предоставило Вологодской палатѣ уголовного суда, въ которой дѣло это, по увѣдомленію ея, остается неоконченнымъ за невозвращеніемъ правительствующимъ сенатомъ, для совокупнаго разсмотрѣнія, дѣла о квартальномъ надзирателѣ Веретьевскомъ, преданномъ прежде сего суду за разстрату денегъ, о чемъ палатою представлено правительствующему сенату 20 Января за № 21. Разсмотрѣніе поступка бывшаго рядоваго пожарной команды, Мартынова, обращеннаго въ военное вѣдомство, передано 31 Декабря командиру Вологодскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона.

По собраннымъ свѣденіямъ о новорожденныхъ и умершихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, оказалось, что съ закрытія въ г. Устюгѣ существовавшего до 1842 г. воспитательнаго дома, по Мартъ мѣсяць 1859 г. написано въ метрическихъ книгахъ тамошнихъ городскихъ церквей, незаконнорожденныхъ дѣтей 1,083 а умершихъ 1229. Несообразность этого, была объяснена такъ, что нѣкоторыя рожденные въ городѣ дѣти, могли оставаться до смерти некрещенными, а другія кои обваружены по дѣлу привозимы были изъ другихъ мѣсть. Поэтому, независимо отъ слѣдствія, по коему осуждены и наказаны Крючиха и солдатка Батаргина, губервскимъ начальствомъ поручено, вновь опредѣленнымъ въ г. Устюгѣ городничему и стряпчему, привести въ положительную извѣстность значущихся по метрическимъ книгамъ Устюгскихъ церквей незаконнорожденныхъ дѣтей и тѣхъ умершихъ, которыхъ по метрикамъ въ числѣ рожденныхъ непоказано. Сверхъ того предписано:

а) Отъ матерей этихъ дѣтей отобрать показанія, у нихъ ли они оставались на воспитаніи, или отданы были занимавшимся этимъ промысломъ постороннимъ женщинамъ и какимъ именно.

б) Истребовать свѣденіе отъ городской думы о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ и подкидышахъ, отданныхъ по ея распоряженію на воспитаніе.

в) Обнаружить число находящихся еще въ живыхъ и умершихъ, съ показаніемъ времени смерти послѣднихъ.

г) О всѣхъ женщинахъ занимавшихся принятіемъ на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей и подкидышей, произвести формальное слѣдствіе въ томъ, не употребляли они этого промысла во зло и это начиная съ 1850 г. т. е. до истеченія 10-лѣтней давности.

При этомъ обяываюсь доложить вашему высокопревосходительству, что за скорѣйшимъ окончаніемъ этого дѣла губернское начальство имѣетъ особое наблюденіе.

С М Ъ С Ъ .

— *Почтовые, почтенные и иные шпіоны.*—Статейка объ Ульрихсѣ въ 74 листѣ Колокола подѣйствовала на его прислушниковъ и адъютантовъ. Лицеистъ Домбровскийъ и кандидатъ Шоръ собираются покинуть свои занятія; Шоръ управляетъ Канцелярією Комитета дѣтскихъ пріютовъ, и любимъ председателемъ гр. Блудовымъ, который пришелъ въ ужасъ (о святая невинность!), узнавъ изъ Колокола о пріятномъ занятіи кандидата (т. е. въ Гедерштерны) въ часы досуга. Статейка эта была перепечатана въ Börsen Halle, но Ульрихсъ покрылъ ее чернилами. Да, одинъ Ульрихсъ, незнакомый со слабостями смертныхъ, твердый въ гражданскомъ мужествѣ, не только не смутился, но поѣхалъ въ Берлинъ—по секретному дѣлу. Ужь не опять-ли мѣры противъ Колокола? Или можетъ тайная полиція также раздѣляется, какъ національная гвардія

въ 1848, на постоянную и блуждающую: одна твердо вросла въ землю возлѣ Зимняго Дворца, задуманная Николаемъ, исполненная Бенкендорфомъ, упроченная Орловымъ, поддержанная въ цвѣтущей акустикѣ Долгорукимъ и будущимъ графомъ Тимашевымъ, съ своими старшими чиновниками Кранцомъ и Туруновымъ, съ своимъ Несторомъ Сахтынскимъ и пр. и пр. Другая—police galoppante, почтовая, курьерская, несущаяся съ Ульрихсомъ въ корню, съ Шоромъ и Домбровскимъ на пристяжкѣ—

Вотъ ичится тройка удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой,
... А колокольчикъ даръ Валдая
Гудитъ уныло подъ дугой.

— *Крузенштернъ, Нолькинъ, плюхи, линьки, обезьяна и Анкудиновъ.*—“Въ одномъ изъ номеровъ вашего журнала было упомянуто о звѣрскомъ обращеніи съ матросами капитанъ-лейтенанта Крузенштерна, служившаго старшимъ офицеромъ на кораблѣ “Гангудъ,” въ Средиземномъ морѣ. Вполнѣ подтверждая рассказанное вами, я сообщаю вамъ интересный фактъ, случившійся на томъ-же кораблѣ. Одинъ офицеръ, баронъ Отто фонъ - Нолькинъ, молодой человекъ 22 лѣтъ, получилъ однажды, во время какой-то работы, отъ того-же Крузенштерна такого рода приказаніе: “баронъ! да дайте вы ему пять плюхъ.” Баронъ обернулся къ указанному матросу и собственноручно отсчиталъ ему пять плюхъ.

“И вотъ еще нѣсколько словъ о командирѣ корвета “Воль,” въ Средиземномъ морѣ, капитанъ-лейтенантъ Анкудиновъ, который сѣкъ матросъ, давая имъ до 300 линьковъ, и обезьяну-макаку, давая ей до 100 линьковъ; спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, говорилъ: “что команда и макака у меня вошли во вкусъ линьковъ.”

— *Правда-ли* это Константинъ Николаевичъ?

— *Правда-ли* это господинъ Краббе?

— *И наконецъ,* г. Головинъ правда-ли это?

— *Игнатъевскія маски.*—Издатели Колокола покорнѣйше просятъ извѣстить ихъ, введены-ли Игнатъевскія маски и, если возможно, прислать рисунокъ, для напечатанія его въ Пуншѣ.

печатаются :

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II, Н. Огарева.
ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ Вольной Русской
Типографіи въ Лондонѣ, кн. II.

СБОРНИКЪ правительственныхъ свѣденій о
РАСКОЛЬНИКАХЪ. Выпускъ II.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 87 & 88.

15 ДЕКАБРЯ 1860.

У Трюбнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Горжевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrald Street),
Soho, London. Price One ShillingВыходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ
Вольной Русской Типографіи— 5, Thornhill
Place, Caledonian Road, N.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—ИМПЕРАТОРСКІЙ КАБИНЕТЪ И МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ. СМѢСЬ: ШЕЙДЕМАНЪ—ПУТИ РАЗОБЩЕНІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ—ГАРИБАЛЬДИЦЫ ВЪ РАДОМѢ—

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЗА ЛИПЬКИ—ТЕРРОРЪ ВЪ ПОЛЬШѢ—ПОМѢЩИКЪ ХАРЧЕНКО—КОВАЛЕВСКІЙ—РУССКАЯ ПОЧТА—Г. ГЛАЗКОВЪ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ КАБИНЕТЪ И МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

Мы увѣрены, что читатели наши не будутъ сѣтовать на насъ за то, что мы въ заключеніе 1860 года печатаемъ цѣлкомъ вмѣсто Колокола—Кабинетную поэмю. Послѣ Мертвыхъ Душъ мало поэмъ въ прозѣ писаны съ болѣе злымъ юморомъ.

Печатаемъ слово въ слово, во всей первобытной цѣлости, не смотря на длинноту, эту поэмю о борьбѣ Муравьева-Амурскаго съ кабинетомъ его величества—борьбѣ здраваго смысла съ недобросовѣстностью и тупоуміемъ. На чью сторону склонился государь—на сторону Муравьева и здраваго смысла, или на сторону кабинета и грязной, бессмысленной лжи—неизвѣстно. Кажется, что кабинетъ торжествуетъ побѣду. Государя хотѣтъ заставить украсть у Россіи въ свою личную собственность государственное достояніе, и онъ—честный человекъ—этого не замѣчаетъ! Государя хотѣтъ заставить придержать въ рабствѣ заданное народонаселеніе приписныхъ къ горнымъ промысламъ крестьянъ, и онъ—освободитель—этого не замѣчаетъ! Россію хотѣтъ грабить въ пользу управительства—и онъ смотритъ въ оба и ничего не видитъ. Не видитъ, что всѣ эти Адлерберги, Чевкины, Княжевичи и прочіе кабинетныхъ дѣлъ мастера хотѣтъ вовлечь его въ глупое и нахальное обманываніе русскаго народа только ради своей корысти. Да если уже государю, изъ за необдуманныхъ нашествій на Варшаву и на разные институты военные и невоенные, некогда обсуждать государственныя дѣла, то хоть бы онъ подумалъ, что Муравьевъ-Амурскій, положимъ и не лишенъ своихъ погрѣшностей, на пр. попопозненія на деспотическое преобразование Сибири à la Pierre le Grand, не щадя людской жизни; но что все же онъ, Муравьевъ-Амурскій, безъ всякаго сравненія умѣе, образованнѣе и честнѣе всего кабинета совокупно; хотя бы это простое и наглядное наблюденіе пришло государю въ голову—то конечно его величество остановилось бы и не изъявило бы высочайшаго согласія съ мнѣніемъ кабинета равно гадкимъ и негѣпымъ... Но пусть документы сами доказываютъ публикѣ горькую истину нашихъ словъ.

По предположеніямъ генералъ-губернатора Восточной Сибири объ измѣненіяхъ въ управленіи и устройствѣ Нерчинскаго горнаго округа.

Нерчинскіе заводы, подобно Колывано-Воскресенскимъ (нынѣ Алтайскимъ), поступившимъ въ собственность имп. Елисаветы Петровны(1) отъ заводчика Демидова, издавна

(1) А на какія деньги купила Елисавета эти заводы? Была у ней какая нибудь отдѣльная собственность, завѣщанная ей не знаю кѣмъ—Петромъ первымъ или Меншиковымъ? Нѣтъ—не было. Стало заводы куплены на деньги казенныя, народныя, государственныя; стало и собственность принадлежить государству. Если во время Елисаветы, по неопредѣленности понятій, это присвоеніе заводовъ въ личную собственность старшаго въ родѣ Романовыхъ—было шуткою; если при Екатеринѣ II оно становится уже подлогомъ,—то въ наше время, въ царствованіе Александра II, это присвоеніе просто воровство, совершаемое государемъ у государства. Если же Елисавета получила, по какому либо завѣщанію, личную собственность, на которую купила Демидовскіе заводы,—пусть кабинетъ обнародуетъ это завѣщаніе и докажетъ, что именно этотъ капиталъ былъ употребленъ на покупку заводовъ; если подобное завѣщаніе существуетъ, оно должно храниться въ кабинетѣ на основаніи ст. 2154, кн. IV, Т. I, Св. зак., изд. 1857 г.; если же нѣтъ (что болѣе чѣмъ вѣроятно), то, какъ кабинетъ въ лжемудрствуй, все дѣло выходитъ императорское воровство у Россіи, кража у государства въ пользу Романовыхъ.

Годъ IV.

составляли частную собственность императора. Уже им. Екатерина II, при разрѣшеніи вопроса, по какой цѣнѣ Нерчинскіе заводы должны отпускать свинецъ Колыванскимъ, собственноручно положила слѣдующую резолюцію: *Сверхъ всего того не должно забывать, что какъ Колыванской, такъ и Нерчинской вотчинамъ также одна помѣщица.* Это же опредѣлено и въ законѣ, по которому (ст. 2137 Горн. Уст. Св. Зак., Т. VII, изд. 1857 года) всѣ рудники и заводы Нерчинскаго горнаго округа составляютъ собственность государя императора(2).

Горный промыселъ въ Нерчинскомъ краѣ возникъ въ началѣ XVIII столѣтія. Первый сереброплавильный заводъ, устроенный въ 1704, до 1760 находился въ вѣдѣніи мѣстныхъ начальствъ, но въ этомъ году поступилъ въ главное распоряженіе правительствующаго сената. 5 Января 1787 послѣдовалъ слѣдующій именный высочайшій указъ кабинету: "Для приведенія въ хозяйственное устройство Нерчинскихъ заводовъ и для удобнѣйшаго оными управленія, повелѣли мы: заводы сіи со всѣми принадлежащими строеніямъ, инструментами, матеріалами, деньгами на производство оныхъ п людьми, какъ и Горную Нерчинскую экспедицію, отдать въ вѣдѣніе кабинета нашего, подъ особое распоряженіе члена онаго ген.-маіора Соймонова, на такомъ основаніи, какъ состоятъ нынѣ Колывано-Воскресенскіе заводы"(3). Такимъ образомъ въ первый разъ были соединены въ вѣдомствѣ кабинета оба Сибирскіе горные округа, Колывано-Воскресенскій и Нерчинскій. Но въ 1830 признано было полезнымъ Колывано-Воскресенскіе и Нерчинскіе сереброплавильные заводы передать въ вѣдомство мин. финансовъ. При этомъ между прочимъ, было постановлено, что: 1) заводы сіи остаются частною собственностью государя императора(4);

(2) Кто уговорилъ Александра II, въ 1855, 27 Мая, Нерчинскіе заводы изъ мин. финансовъ, (что подчиняло заводы вѣдомству государственныхъ доходовъ), перечислить въ вѣдомство кабинета, (что заводскій государственный доходъ унизало на степень личнаго государева дохода) и узаконить воровство внесеніемъ его въ сводъ законовъ ст. 2138, Т. VII, изд. 1857 г.? Кто былъ этотъ злодѣй, изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ не убавившійся опозорить государя и ограбить государство?

(3) Изъ этого указа ясно, что собственно Нерчинскіе заводы нарѣчены Екатериною частной государевой собственностью произвольнымъ отнятіемъ ихъ у государства. Какъ она вѣрна самой себѣ. Вездѣ династическая страсть быть помѣщицей; тоже посягательство на присвоеніе себѣ горныхъ промысловъ, какъ и государственныхъ крестьянъ; см. л. 80 Колокола, указъ о податяхъ.

(4) Ну! и Николай вѣренъ самъ себѣ: причисляетъ заводы къ государственнымъ доходамъ и государственной собственности и велитъ называть ее своею, частною. Какъ Екатерина во все царствованіе проводитъ свой помѣщійскій интересъ государыни-Коробочки, такъ и Николай проводитъ свое династическое отсутствіе здраваго смысла и пониманія государственныхъ вопросовъ. Замѣчательно, что

2) на Колывано-Воскресенскіе заводы распространено все устройство Уральских заводовъ; 3) Перчинскіе горные заводы, по отдаленности ихъ, отданы въ главное мѣстное управление и оставлены на отвѣтственности ген.-губ. Восточ. Сибири, съ тѣмъ, чтобъ управление его по горной части было личное, безъ участія совѣта главнаго управленія, если только самъ ген.-губ. не разсудитъ внести въ оный какое либо дѣло. Управление г.-губ. въ существѣ было основано на правилахъ, преподанныхъ главному начальнику горныхъ заводовъ хребта Уральского, съ присовокупленіемъ той власти, которая предоставлена ген. губ. Восточн. Сибири; а ближайшія отношенія по сему предмету ген.-губ. къ мин. финансовъ предполагалось опредѣлить впослѣдствіи особымъ постановленіемъ. Для производства дѣлъ по горной части при канцеляріи ген.-губ. образовано особое отдѣленіе; мѣстное же горное начальство Перчинскихъ заводовъ и устройство оныхъ полагалось привести въ возможное единообразіе съ Уральскими заводами.

Въ 1855 (!) Алтайскіе и Перчинскіе заводы со всѣми людьми и всѣмъ имуществомъ снова переданы въ управление кабинета е. в., причемъ послѣдніе оставлены по прежнему въ главномъ мѣстномъ управленіи и на отвѣтственности ген.-губ. Восточн. Сибири.

Въ настоящее время мѣстное управленіе Перчинскими заводами, кромѣ ген.-губ., составляютъ: горный начальник, горное правленіе и на каждомъ заводѣ или большомъ рудникѣ горныя копторы; симъ послѣднимъ подчинены пристава, управляющіе на мѣстѣ рудниками и заводами, и всѣ прочіе находящіеся при оныхъ чиновники. Для производства дѣлъ по горной части въ главномъ управленіи Восточной Сибири состоитъ особое горное отдѣленіе, и при ген.-губ. для особыхъ порученій оберъ-офицеры изъ корпуса горныхъ инженеровъ. Горный начальникъ управляетъ Перчинскими заводами подъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ ген.-губ. и предсѣдательствуетъ въ горномъ правленіи, въ которомъ дѣла разсматриваются и разрѣшаются коллегіальнымъ порядкомъ. Устройство горной и заводской частей и всѣ прочіе предметы управленія хозяйственнаго, полицейскаго и судебнаго подлежатъ тѣмъ же правиламъ, какія установлены въ семъ отношеніи для заводовъ Алтайскихъ. Работы на Перчинскихъ заводахъ, рудникахъ и промыслахъ производятся мастеровыми, обязанными исправлять горнозаводскія работы, состоящими на особомъ положеніи, ссыльнокаторжными и, частію, вольнонаемными людьми.

До 1851 Перчинскій горный округъ хотя и не имѣлъ повсемѣстно положительно опредѣленныхъ границъ, но главные предѣлы его составляли: съ сѣверной стороны часть Яблоннаго хребта и горы, сопровождающія правый берегъ рѣчки Улдурги до устья ея и лѣвый берегъ рѣчекъ Нерчи и Нерчугана до вершины сей послѣдней; далѣе рѣчка Горбица до впаденія ея въ рѣку Шилку и потомъ сія послѣдняя до соединенія съ рѣкою Аргунью. Къ востоку рѣка Аргунь, а отъ Борзинскаго караула селенія пограничнаго вѣдомства Цурухайтуевской дистанціи до рѣчки Урулюнгуя. Часть же сей рѣчки, пограничныя селенія Чиндантской дистанціи, небольшое пространство рѣчки Ононъ-Борзи, Адувъ-Чилонскій горный кряжъ и Ононскіе оловянные пріиски, служили предѣлами съ полудеппной стороны. Наконецъ съ западной стороны селенія заводскихъ крестьянъ, расположенныя по рѣкѣ Ингодѣ, отъ рѣчки Гарени до Читинскаго острога, ограничивались Яблоннымъ хребтомъ, отдѣляющимъ Перчинскій округъ отъ Верхнеудинскаго. Мѣста заводскія на лѣвомъ берегу рѣчки Ингоды, будучи перемѣшаны съ поселе-

ніями казенныхъ крестьянъ, не имѣли отдѣльнаго оградія. По сему самая большая длина заводскаго округа простиралась отъ селенія Гарекинскаго на рѣкѣ Ингодѣ къ сѣверо-востоку до устья рѣчки Газимура, около 800 верстъ, а ширина отъ рѣчки Урулюнгуя, близъ Кличкинскаго рудника, къ сѣверозападу до верховыхъ селеній по рѣчкѣ Куенгѣ, около 300 верстъ.

По въ 1851 г., приписанные къ Перчинскимъ заводамъ крестьяне, въ числѣ 27,136 душъ, съ состоявшими въ ихъ пользованіи землями, обращены въ казаки Забайкальскаго казачьяго войска и кабинетъ сохранилъ только право на содержащіеся въ сихъ земляхъ металлы и драгоценныя камни. Съ уступкою этихъ крестьянъ кабинетъ лишился наибольшей части прежде принадлежавшихъ ему въ Перчинскомъ округѣ земель, такъ что нынѣ, вмѣсто цѣлаго, обширнаго округа, въ горномъ вѣдомствѣ остаются отъ нихъ небольшіе только участки, прилегающіе къ рудникамъ, заводамъ и золотымъ промысламъ, участки отдѣльные, безъ связи между собою, и окруженные дачами вѣдомства посторонняго.

Въ вознагражденіе за такое пожертвованіе кабинета, средства котораго къ развитію въ Перчинскомъ округѣ горнаго производства, съ передачею въ казачье вѣдомство крестьянъ, употребившихся тамъ на работы, и принадлежавшей имъ земли, значительно уменьшились, управлявшій кабинетомъ покойный гр. Перовскій испросилъ въ 1856 г. высочайшее соизволеніе на передачу въ собственность кабинета е. в., на томъ же основаніи, какъ Перчинскій округъ, той части земель лѣваго берега Амура, въ случаѣ если онѣ войдутъ въ черту русскихъ владѣній, которая, по соглашенію съ ген.-губ. Восточн. Сибири, признана будетъ наиболее выгодною(5). Кромѣ того, высочайше утвержденнымъ 27 Іюля 1856 года положеніемъ Сибирскаго комитета, обращены въ пользу кабинета доходы, слѣдующіе въ казну съ частнаго золотого промысла въ Верхнеудинскомъ округѣ. Доходы сіи за 1856 составляли 11,627 р. 31½ к., а за 1857, 11,051 р. 89½ к. сер.

Еще съ 1851 ген.-губ. Восточн. Сибири, находя на основаніи многолѣтняго опыта, что управленіе Перчинскими заводами отдѣльнымъ вѣдомствомъ безъ ближайшаго надзора и распоряженія мѣстнаго губернскаго начальства, хотя и подъ главнымъ вѣдѣніемъ ген.-губ., во всѣхъ отношеніяхъ неудобно, неоднократно представлялъ о необходимости подчинить означенныя заводы Забайкальскому в. губернатору и тамошнему областному правленію, а горнозаводскія судныя и счетныя дѣла разсматривать и ревизовать въ одномъ изъ отдѣленій главнаго управленія Восточной Сибири.

Всеподданнѣйшая записка генералъ-губернатора Восточной Сибири 1858 года.

Въ 1858 г. графъ Муравьевъ-Амурскій возобновилъ свои представленія о необходимости преобразованія управленія и устройства Перчинскихъ заводовъ, и предположенія свои по сему предмету изложилъ въ особой всеподданнѣйшей запискѣ поданной имъ государю императору. Въ этой запискѣ онъ объяснялъ, что Перчинскіе заводы приносили чистаго дохода кабинету съ 1840 по 1850 среднимъ числомъ по 88,000, съ 1850 до 1857 по 776,000 въ годъ; въ 1857 доходъ этотъ простирался только до 247,000, а по смѣтѣ на 1858 годъ онъ исчисленъ въ 176,000 р. сер. Полученные кабинетомъ въ теченіе этихъ 7 лѣтъ, сверхъ обыкновеннаго средняго дохода предшествовавшихъ годовъ, до 5,000 000 р., служатъ уже не малымъ вознагражденіемъ за крестьянъ, непринесшихъ почти никакого дохода и перечисленныхъ, по волѣ въ бозѣ почившаго государя Николая Павловича, въ казаки, для

(5) Замѣчательное отсутствіе всякаго понятія государственнаго права у самаго Льва Перовскаго. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ государь можетъ брать себѣ у государства такъ вотъ что вѣдывается? Да этого турецкій султанъ не дѣлаетъ, и мы не шута приходимъ къ убѣжденію, высказанному гр. Мордвиновымъ въ мѣтѣнн о Кутайсовскомъ дѣлѣ, что турецкое правительство въ Турціи гораздо образованнѣе нѣмецкаго правительства въ Россіи.

пользы отечества и освобождения ихъ изъ горнаго вѣдомства. Между тѣмъ въ послѣднее время доходъ съ сихъ заводовъ постоянно уменьшается, и г. Муравьевъ-Амурскій не ручался, чтобы при существующемъ порядкѣ управления и отчетности на Нерчинскихъ заводахъ, ежегодномъ увеличеніи расходовъ и при свойственномъ всѣмъ казеннымъ заводамъ безхозяйственнымъ употребленіи рабочихъ силъ, доходы сіи не стали и впредь ежегодно уменьшаться. Такъ, при настоящемъ порядкѣ, состоящіе на заводахъ рабочіе служатъ только въ тягость самимъ заводамъ, особенно при возвышеніи цѣнъ на провіантъ, ибо наибольшій расходъ составляетъ содержаніе сихъ рабочихъ, преимущественно *честнаго имени*, которымъ выдается провіантъ даже и на семейства: число душъ обою пола принадлежащихъ къ разряду рабочихъ честнаго имени простирается до 15,000, между тѣмъ собственно полносильныхъ рабочихъ только 4,000 человекъ, да и изъ нихъ 511 *находятся въ бѣдѣ (!)*. Лучшимъ доказательствомъ, въ какой степени настоящій порядокъ управления заводами и множество рабочихъ честнаго имени ведутъ въ увеличенію расходовъ, по объясненію графа Муравьева-Амурскаго, можетъ служить слѣдующій расчетъ: по смѣтѣ на 1858 г. предположено къ добычѣ изъ вѣсковъ слишкомъ 60 пудъ золота, стоимость котораго представляетъ сумму въ 756,000 р., между тѣмъ по той же смѣтѣ исчислено чистаго дохода кабинету только 176,000 руб. (6); у всякаго частнаго золотопромышленника, съ производствомъ работы вольнонаемными людьми, при равномъ съ россыпями Нерчинскими содержаніи золота въ пескахъ, всѣ расходы на управленіе и работы исчисляются обыкновенно въ $\frac{1}{3}$ стоимости золота; слѣдственно частный человекъ получилъ бы отъ вышепоказанныхъ 60 п. слишкомъ 500,000 руб. чистой прибыли, если бы не платилъ въ казну пошлины, какъ *не платитъ ея кабинетъ* (7). У частныхъ людей на золотыхъ промыслахъ Вост. Сибири, гдѣ добывается до 1,200 п. золота ежегодно, нѣтъ ни одного горнаго офицера въ управленіи, и на оборотъ Нерчинскіе заводы управляются *лишь одними горными офицерами и чиновниками* (8).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ и сравненій ген.-губ. Восточной Сибири выводилъ заключеніе, что единственнымъ способомъ преобразованія управленія Нерчинскими горными заводами было бы *совершенное упраздненіе* этого управленія, съ освобожденіемъ *всѣхъ горныхъ рабочихъ честнаго имени отъ тяжелой неволи*, въ которой они находятся, и съ производствомъ работъ на золотыхъ россыпяхъ и рудникахъ одними вольнонаемными и каторжными на основаніяхъ, существующихъ въ управленіи частными золотыми промыслами; для этого онъ прежде всего находилъ необходимымъ Нерчинскіе заводы исключить изъ вѣденія кабинета. Возвращеніе Россіи Амурскихъ ея владѣній и открытіе сообщенія ея по Амуру съ Восточн. Океаномъ окончательно опредѣлили необходимость и возможность исполненія этой мѣры съ соблюденіемъ всѣхъ справедливыхъ выгодъ кабинета, который до 1832 не получалъ отъ Нерчинскихъ заводовъ никакихъ доходовъ, съ 1840 по 1850 получалъ среднимъ числомъ только по 88,000 въ годъ и нынѣ съ 1857 опять получаетъ менѣе 250,000 р., исключительное же увеличеніе доходовъ въ теченіе 7 лѣтъ, отъ 1850 по 1857, можетъ быть приписываемо *только открытію клада*, по мнѣнію всего горнаго вѣдомства, уже истощившагося.

По всему этому графъ Муравьевъ-Амурскій полагалъ Нерчинскіе горные заводы передать во владѣніе государственное на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Изъ государственныхъ доходовъ вносить въ кабинетъ е. и. в. ежегодно по 300,000 р. на вѣчныя времена, какъ за

(6) Да и эти кабинетъ раскрадетъ.

(7) Новое доказательство, что собственность не частная; только государство не нуждается само себѣ платить пошлину, а частная собственность не можетъ быть изъята изъ общей подати.

(8) Муравьевъ только не хотѣлъ замѣтить, что управленіе горными чиновниками обходится еще дороже содержанія ненужныхъ рабочихъ.

Нерчинскіе заводы, такъ и за право пошлины съ частной золотопромышленности въ Верхнеудинскомъ округѣ.

2) Управленіе Нерчинскими рудниками, заводами и россыпями передать въ непосредственное распоряженіе ген.-губ. Вост. Сибири, безъ всякаго вмѣшательства со стороны горнаго и всякаго другаго вѣдомства, предоставивъ ген.-губ. учредить тамъ такого рода хозяйство, какое признаетъ онъ за лучшее, и преимущественно на основаніяхъ, частными людьми при разработкѣ рудниковъ и россыпей употребляемыхъ; равно предоставить ген.-губ. поручать эти заводы, подъ главнымъ его вѣдѣніемъ, въ распоряженіе мѣстнаго областного начальства, если онъ признаетъ это удобнымъ и полезнымъ.

3) Небольшое число горныхъ офицеровъ, изъ находящихся нынѣ въ Нерчинскихъ заводахъ, оставить по выбору и усмотрѣнію ген.-губ. въ его распоряженіи, съ производствомъ имъ содержанія изъ суммъ и доходовъ заводскихъ; вновь же опредѣлять на службу въ Нерчинскіе заводы горныхъ офицеровъ не иначе, какъ по особому о каждомъ изъ нихъ ходатайству ген.-губернатора.

4) Всѣхъ Нерчинскихъ рабочихъ честнаго имени, числомъ до 15,000 душъ обою пола, со включеніемъ урядниковъ, писарей и всѣхъ лицъ другихъ наименованій, къ сословію сему принадлежащихъ, обратить въ государственные крестьяне, надѣливъ ихъ полнымъ количествомъ земли изъ заводскихъ дачъ и обложивъ обыкновенными подушными и оброчными окладами, съ платежемъ таковыхъ въ доходъ казны; отъ сего оклада освободить носящихъ званія мастеровъ и урядниковъ, но только лично.

5) Всѣ излишнія *отъ надѣла сего земли* считать государственными землями и поступать съ ними, какъ со всѣми того же рода землями въ Восточной Сибири, оставляя при рудникахъ, заводахъ и россыпяхъ только необходимое количество для хозяйственныхъ заведеній и сѣнокосовъ; при чемъ разрѣшить ген.-губ. надѣлить изъ сихъ земель бесплатно, въ видѣ оброчныхъ статей на продолжительные сроки, тѣхъ изъ чиновниковъ Нерчинскихъ заводовъ, которые, выйдя въ отставку, пожелаютъ остаться въ томъ краѣ, но не болѣе, какъ въ размѣрахъ, для казачьихъ офицеровъ Забайкальскаго войска установленныхъ.

6) Время поступленія вышесказанныхъ 15,000 душъ па податные оклады назначить по соглашенію ген.-губ. съ мин. финансовъ.

7) Вмѣнить въ обязанность ген.-губ. употреблять въ работы на заводахъ всѣхъ ссыльнокаторжныхъ, какъ нынѣ въ Нерчинскихъ заводахъ находящихся, такъ равно и тѣхъ, которые впредь туда ссылаемы будутъ; а также призрѣвать на счетъ сихъ заводовъ всѣхъ дряхлыхъ и неспособныхъ ссыльнокаторжныхъ, впредь до истеченія назначеннаго имъ по судебному приговору срока пребыванія въ работахъ.

8) Вмѣнить ему же въ обязанность поддерживать серебряные рудники, которые, по содержанію мегалла, будутъ того заслуживать, и вообще заботиться, дабы сія отрасль горнозаводскаго производства могла на будущее время представлять государству выгоды, которыхъ она въ настоящее время *не приноситъ*. Впрочемъ ген.-губ. предоставляется право отдавать серебряные рудники въ аренду частнымъ лицамъ, по его усмотрѣнію.

9) Добычу металловъ изъ Нерчинскихъ заводовъ и россыпей производить, по прежнему, безъ всякой пошлины въ казну и полученные *дивиденды* (9) обращать на устройство Амурскаго края, въ той мѣрѣ, какъ государю импер. благоугодно будетъ повелѣть, и ежегодный отчетъ, какъ о дѣйствіи сихъ заводовъ, такъ и объ употребленіи полученныхъ съ нихъ дохо-

(9) Это неумѣстное названіе доходовъ дивидендами вѣроятно необдуманно сорвалось съ языка у Муравьева; видно ему все представлялось какъ горное и кабинетное управленіе считаетъ государственный доходъ дивидендами между членами управленія.

довъ, представлять въ собственныя руки е. в., какъ представляется таковой о другихъ остаточныхъ суммахъ, въ распоряженіи ген.-губ. находящихся.

10) Податныя и оброчныя деньги съ крестьянъ Нерчинскаго округа, перечисленнымъ въ это званіе изъ рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ, и пошлину съ золота, добываемаго въ Верхнеудинскомъ округѣ, обращать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, на которое отнести также и выдачу пенсіоновъ лицамъ горнаго вѣдомства Нерчинскихъ заводовъ, до сего времени производившихся изъ кабинета.

11) За поступленіемъ въ государств. казначейство означенныхъ денежныхъ статей, *недостающее* количество денегъ противъ ежегодно отпускаемыхъ въ кабинетъ 300,000 р., считать долгомъ на капиталахъ, въ распоряженіи ген.-губ. Восточной Сибири находящихся, до того времени, когда воспослѣдуетъ ему высочайшее повелѣніе объ уплатѣ сего долга или о сложении всего или части долга, по мѣрѣ употребленія суммъ этихъ на потребности Амурскаго края.

Такой переходъ Нерчинскихъ заводовъ изъ горнаго вѣдомства въ государственное долженъ, по мнѣнію графа Муравьева-Амурскаго, упрочить и обезпечить доходы кабинета, устранивъ навсегда колебаніе ихъ и ту зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ, въ которой они до сего времени находились; освобожденіе же заводскихъ людей поведетъ за собою быстрое возвышеніе благосостоянія края: 15,000 свободнаго сельскаго населенія, войдя въ составъ производительнаго класса области, усилятъ въ значительной степени производительность страны, богатой своими естественными средствами и нуждающейся только въ рабочихъ рукахъ. Съ другой стороны призрѣніе дряхлыхъ и больныхъ ссыльнокаторжныхъ будетъ вполнѣ и навсегда обезпечено государствомъ, тогда какъ въ настоящее время кабинетъ весьма тяготится призрѣніемъ престарѣлыхъ и неспособныхъ преступниковъ, и самый фактъ содержанія ихъ на счетъ собственныхъ доходовъ государя представляется не нормальнымъ и обыкновенному порядку несоотвѣтствующимъ. Самое управленіе Забайкальскою областью весьма много выиграетъ отъ уничтоженія независимаго отъ мѣстной власти вѣдомства, и получить возможность распространить благодѣтельное покровительство свое на всѣхъ жителей области безъ исключенія. Наконецъ нравственныя послѣдствія предлагаемаго преобразованія неисчислимы. Не говоря уже о томъ благотворномъ дѣйствіи, которое оно должно произвести на освобожденныхъ и вызванныхъ къ новой жизни людей заводскихъ, уничтоженіе этого тягостнаго вида крѣпостнаго состоянія, составлявшаго всегда болѣзненное явленіе въ Восточной Сибири, отзовется благодѣтельно и во всѣхъ классахъ Сибирскаго населенія, устранить возможность всякаго покушенія на личность и трудъ челоука, и обезпечить для всѣхъ законныя способы къ свободной и полезной дѣятельности, увѣковѣчивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сей отдаленной странѣ благодарную память о государѣ, великодушной волѣ котораго десятки тысячъ людей будутъ обязаны и личною свободою, и своимъ благосостояніемъ(10).

Въ заключеніе графъ Муравьевъ-Амурскій выражалъ твердое убѣжденіе, что предложенное имъ упрощеніе администраціи заводовъ и золотыхъ промысловъ и имѣющее произойти отъ того хозяйственное употребленіе средствъ и рабочихъ силъ, непременно усилятъ доходы съ Нерчинскаго горнаго производства и такимъ образомъ дадутъ въ распоряженіе правительства значительныя капиталы, которые, по указанію высочайшей воли государя императора, могутъ быть въ послѣдствіи употреблены на удовлетвореніе тѣхъ или другихъ потребностей государства, въ первое же время послужатъ къ *быстрому устройству, защитѣ и развитію* вновь приобрѣтеннаго обширнаго края.

(10) И даже эти слова не наши доступны къ высочайшему сердцу! Какъ можетъ самаго добраго челоука совратить съ пути истины кабинетный образъ мыслей.

Эту записку государь императоръ высочайше соизволилъ передать министру императорскаго двора, удостоивъ положить на ней слѣдующую собственноручную резолюцію: *“Сообразить и воспользоваться присутствіемъ здѣсь г. м. Карсакова для нужныхъ съ нимъ объясненій.”*

*Соображенія кабинета е. и. в. по запискѣ графа
Муравьева-Амурскаго.*

Кабинетъ е. и. в., внимательно разсмотрѣвъ изложенныя въ этой запискѣ предположенія и сообразивъ ихъ со всѣми имѣющимися въ кабинетѣ свѣденіями о прежнемъ и настоящемъ положеніи Нерчинскаго горнаго промысла, а также о видахъ, которые имѣются въ будущемъ для его развитія и упроченія, нашель, что окончательное заключеніе о предположеніяхъ графа Муравьева-Амурскаго можетъ послѣдовать только по предварительномъ разрѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ:

1) Не представляютъ-ли предположенія сіи значительныхъ невыгодъ для кабинета? и

2) Какія могутъ быть послѣдствія для Нерчинскаго горнаго промысла и его рабочихъ отъ предполагаемыхъ переменъ?

Чтобы разрѣшить первый изъ сихъ вопросовъ, необходимо принять въ соображеніе дѣйствіе Нерчинскихъ заводовъ въ послѣднее время и выгоды, которыя получалъ отъ нихъ кабинетъ е. в. Дѣйствительно, ни одинъ изъ русскихъ горныхъ округовъ никогда не представлялъ такихъ рѣзкихъ переменъ въ своей производительности и въ прибыляхъ отъ добычи металловъ, какъ округъ Нерчинскій. Серебристо-свинцовыя руды открыты въ Нерчинскомъ округѣ около 1691 г. и разработка ихъ началась въ 1704 г. Въ первые 43 г., т. е. по 1747 г., добыча серебра была весьма ограничена, рѣдко превышая 10 пуд., а иногда ограничиваясь нѣсколькими фунтами, и правительство обращало особенную заботливость на развитіе свинцоваго производства для удовлетворенія казенныхъ и частныхъ потребностей. Съ 1747 г. серебряный промыселъ началъ развиваться, выплавка серебра увеличилась и въ 1762 достигла уже 185 пуд. Самая же блестящая эпоха для Нерчинскихъ заводовъ была между 1763 и 1785 г., когда ежегодно извлекалось изъ рудниковъ среднимъ числомъ по 426 пуд. серебра. Послѣ того разработка серебра ослабѣла и колебалась между 170 и 328 пуд., но были годы (съ 1816 по 1822), когда рудники сряду нѣсколько лѣтъ доставляли отъ 300 до 328 пуд. серебра. Съ 1822 года по 1830 г. Нерчинскіе заводы выплаивали ежегодно серебра отъ 195 до 216 пуд., съ 1830—1843 г. отъ 192—258 пуд., съ 1843—1848 г. отъ 183—191, а въ 1848 г. 135 пуд(11). Въ послѣднее время Нерчинское серебряное производство мало приносило дохода и въ иные годы было даже убыточно. Между тѣмъ, съ поступленіемъ Нерчинскаго горнаго округа въ вѣдѣніе министерства финансовъ въ 1830 г., обращено было вниманіе на открытіе въ ономъ золотоносныхъ россыпей. Послѣдствіемъ сего было открытіе въ 1832 г. Карійской системы, упроченіе и развитіе тамъ золотаго промысла и новое увеличеніе доходовъ отъ заводскаго дѣйствія. Въ 1842 г., при добычѣ въ округѣ 7½ п. золота, прибыли отъ Нерчинскихъ заводовъ простирались до 48,000; въ 1847 г. получено 26 п. золота и 214,000 руб. дохода; въ 1850 г., когда начали усиленно разрабатывать открытыя въ округѣ богатая золотыя россыпи, получено 71 п. золота и доходы возрасли до 552,000 р. Это открытіе богатыхъ россыпей, которыя, по природѣ своей, такъ скоро вырабатываются, обольщая огромностію временныхъ выгодъ, но не упрочивая благосостоянія края,—побудило начальство заводовъ приступить къ коренному преобразованію Нерчинскаго горнаго промысла и пожертвовать производствомъ серебрянымъ для развитія промысла золотаго, въ той увѣренности, что сей послѣдній металлъ находится въ округѣ въ изобиліи.

(11) Но и тутъ все помѣченъ валовой доходъ, а объ расходахъ ни слова.

Въ 1849 г. ген.-губ. Восточной Сибири, ходатайствуя объ обращеніи приписныхъ къ заводамъ крестьянъ въ казацье сословіе, во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ въ бозѣ почившему государю императору выражалъ твердое убѣжденіе, что Нерчинскіе заводы и безъ крестьянъ будутъ давать кабинету ежегодно не менѣе 100 пуд. золота и по крайней мѣрѣ милліонъ руб. чистаго дохода. Въ первый послѣдовавшій за передачею крестьянъ годъ, 1851, вмѣсто 100 п. добыто 65 п. золота, дохода получено 341,000 руб.; во-второй 69 п. при 411,000 руб. дохода. 1853 г., казалось, подтвердилъ всѣ предположенія мѣстнаго начальства о богатствѣ Нерчинскаго края; въ этомъ году добыто 163 п. золота, и кабинетъ получилъ 1,628,000 руб. дохода; въ слѣдующемъ году, при добычѣ 137 пуд., доходъ сей простирался до 1,181,000 руб., но съ этими двумя годами кончился и блестящій періодъ Нерчинскаго горнаго промысла, ибо въ 1856 г. золота получено только 65 п. и дохода 199,000, а въ 1857 г. 63 п., доставившіе кабинету всей прибыли отъ Нерчинскихъ заводовъ не болѣе 186,000 руб. Столь неудовлетворительное состояніе Нерчинскихъ заводовъ, уменьшеніе въ округѣ добычи золота, упадокъ производства серебрянаго, увеличеніе заводскихъ расходовъ, которые, въ надеждѣ огромныхъ прибылей, легко допускались начальствомъ, и другія причины, побудили кабинетъ е. в. ходатайствовать въ началѣ 1858 г. объ учрежденіи особаго комитета, для разсмотрѣнія предположеній о будущемъ дѣйствіи Нерчинскихъ заводовъ(12). Комитетъ сей призналъ необходимымъ:

1) Поддерживать серебряное производство Нерчинскаго округа, какъ основной его горный промыселъ; но промыслу сему, до нынѣ неправильно и нехозяйственно веденному, дать иное направленіе. Для этого, впредь до времени, ограничить выплавку серебра и свинца такими только количествами, какія нужно собственно для поддержанія плавильнаго искусства между рабочими, наибольшую же часть команды, которая, безъ значительнаго ущерба промыслу золотому, можетъ быть удѣлена серебряному производству, обратить на развѣдку серебряныхъ рудниковъ и приисковъ и на поиски новыхъ мѣсторожденій, чтобы убѣдиться положительно, въ какомъ видѣ и размѣрѣ надлежитъ поддерживать выплавку серебра и свинца на будущее время, какія выгоды можетъ она обѣщать кабинету при правильномъ, хозяйственномъ устройствѣ, и какія средства потребуются заводскому управленію для этой цѣли.

2) Добычу россыянаго золота, какъ главный источникъ заводскихъ доходовъ, продолжать въ мѣрѣ нынѣшняго запаса россыпей, по при *хозяйственной*, а отнюдь не *хищнической*, ихъ разработкѣ(13). Особенное вниманіе обратить на поискъ новыхъ россыпей и на развѣдку открытыхъ уже приисковъ(14), строго наблюдая, чтобы, съ окончаніемъ одного заводскаго года, былъ положительно развѣданъ запасъ металла для наряда года послѣдующаго, и только по этой, тщательно исполненной, предуготовительной работѣ, опредѣлять сей нарядъ и вносить въ смѣты о заводскомъ дѣйствіи, представляемыя на высочайшее утвержденіе.

3) Предоставить графу Муравьеву-Амурскому привести, въ видѣ опыта, въ исполненіе предположенія мѣстнаго заводскаго начальства о разработкѣ воню открытой Бальджинской россыпи вольнонаемными людьми, если онъ, по ближайшей ему извѣстности мѣстныхъ обстоятельствъ и по собственной

(12) Комитетъ сей, подъ предсѣдательствомъ министра императорскаго двора, состоялъ: изъ предсѣдателя кабинета его величества, ген.-адъютанта Чевкина, горныхъ инженеровъ ген.-майоровъ: Соколовскаго и Озерскаго, и горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ подполковника Дейхмана. Пр. текста.

(13) Какъ легко отдѣлываться словами! какъ будто возможна хозяйственная разработка при цѣлой организаціи мошенническаго управленія?

(14) Колумбы—эти Чевкинъ съ компаніей! А чтожь они открыли съ тѣхъ поръ? Новое средство не понимать простыхъ вещей, или новое средство грабить казну? Или и то и другое разомъ?

его довѣренности къ лицамъ, которыя будутъ управлять промысломъ, признаеть сіе полезнымъ и удобнымъ. Дѣйствіе новаго промысла, какъ опытъ, долженствующій разрѣшить вопросъ, возбужденный съ высочайшаго соизволенія, подчинить отдѣльному отъ другихъ промысловъ счету и учету, чтобы вывести положительно прибыли, которыя этотъ новый способъ разработки обѣщаетъ кабинету.

4) Предложить ген.-губ. Восточной Сибири безотлагательно войти въ разсмотрѣніе положенія ссыльнокаторжныхъ на Нерчинскихъ заводахъ и изыскать средства, чтобы расходы по содержанію ссыльнокаторжныхъ падали на счетъ кабинета е. в. только *въ мѣрѣ дѣйствительной пользы, трудомъ ихъ горному промыслу приносимой*, такъ какъ комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что не мастеровые Нерчинскіе въ тягость заводамъ, но ссыльнокаторжные, трудъ которыхъ, по неискуству, непривычкѣ и нерадѣнію ихъ къ техническимъ занятіямъ, а также по *требованіямъ, закономъ установленнымъ въ отношеніи обращенія съ преступниками, не можетъ сравниться съ работою первыхъ*(15). По примѣрнымъ расчетамъ, самимъ заводскимъ начальствомъ составленнымъ, содержаніе мастерового обходится въ годъ въ 50 р. 82 к., содержаніе ссыльнаго стоитъ до 52 р., кромѣ того каторжные, вовсе не употребляющіеся въ работу и слѣдовательно никакой пользы заводамъ не приносящіе, стоятъ имъ болѣе 17,000 р., вообще же весь итогъ излишнихъ расходовъ, которые несутъ заводы потому только, что обязаны содержать преступниковъ, по примѣрнымъ соображеніямъ мѣстнаго начальства, опредѣленъ свыше 44,000 р. с. (Послѣднее заключеніе комитета не согласуется съ мнѣніемъ ген.-губ., что наибольшее бремя для заводовъ составляютъ рабочіе честнаго имени)(16).

Такое заключеніе особаго комитета 15 Марта 1858 года *удостоилось* высочайшаго утвержденія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ кабинетъ, желая привести въ большую опредѣлительность и по возможности сократить заводскіе расходы, непомѣрно увеличившіеся въ послѣднее время, къ ущербу доходовъ е. в., и возвышеніемъ содержанія служащихъ улучшить ихъ положеніе, составилъ, по соглашенію съ Нерчинскимъ горнымъ начальникомъ, проектъ новаго для Нерчинскихъ заводовъ штата. Въ числѣ главныхъ предметовъ, которые при составленіи штатовъ слѣдовало разрѣшить, представлялся вопросъ—сохранить-ли настоящій порядокъ мѣстнаго заводскаго управленія, сосредоточеннаго въ горномъ правленіи, или, упразднивъ оное и отмѣнивъ вовсе коллегіальный порядокъ дѣлопроизводства, исполнить тѣмъ неоднократныя ходатайства ген.-губ. о преобразованіи управленія Нерчинскими заводами. Кабинетъ призналъ необходимымъ

(15) Неужели государь, читая, не замѣтилъ, что тутъ все—и языкъ подлый и понятія подлые.

(16) Въротно Муравьевъ и не думаетъ, что ссыльно-каторжные выгодны для заводскихъ промысловъ; но онъ поставленъ въ необходимость принять ихъ на заводскія работы, иначе надо передѣлать весь сводъ уголовныхъ постановленій, и не только сводъ, но и самый взглядъ на уголовныя преступленія и наказанія. Что же дѣлать если понятія уголовного права основаны на томъ безуміи, что мало того, что преступникъ нанесъ вредъ обществу, но еще общество должно, наказывая, содержать его, и вслѣдъ за ущербомъ, нанесеннымъ преступленіемъ, наносить себѣ ущербъ содержаніемъ преступника. Это тоже, что содержаніе въ ямѣ неоплатнаго должника на счетъ кредитора. Кромѣ глупаго чувства мести тутъ нѣтъ никакой разумной выгоды. Но гдѣ же выходъ изъ этого? Пока его нѣтъ —чтоже дѣлать съ ссыльно-каторжными? Лучше же пусть работаютъ, чѣмъ содержать ихъ безъ работы? Дѣло въ томъ что тутъ заводскому промыслу извѣтъ, уголовнымъ правомъ навязана необходимость, противурѣчающая заводской выгодѣ и здравому смыслу, но тѣмъ не менѣе необходимая; но съ какой же стати увеличивать зло, приравнивая къ каторжнымъ и рабочимъ честнаго имени, въ ущербъ заводамъ и въ ущербъ самимъ рабочимъ, не говоря уже о всей подлой безправственности заводскаго крѣпостнаго права? Если работа каторжныхъ необходимость, то работа крѣпостныхъ честнаго имени не составляетъ ни малѣйшей необходимости, и кромѣ того, что при крѣпостной работѣ горное и кабинетное управленіе могутъ больше красть, нѣтъ никакой разумной выгоды и надобности въ поддержаніи вреднаго, глупаго и гнуснаго порядка вещей.

сохранить нынѣшній порядокъ заводскаго управленія, а потому и въ новомъ проэктѣ штата Нерчинское горное правленіе, съ подвѣдомственными ему мѣстами и лицами оставлено, но самый штатъ, въ отношеніи числа служащихъ. и накладные заводскіе расходы сокращены до крайняго предѣла; такъ число всѣхъ горныхъ инженеровъ, классныхъ и медицинскихъ чиновниковъ, простиравшееся въ послѣдніе годы отъ 79 до 83 чел., въ новомъ штатѣ уменьшено до 54, т. е. на $\frac{1}{3}$, а общій итогъ накладныхъ расходовъ, исчисленный ген.-губ. въ смѣтѣ на 1857 г. свыше 275,000 р. по новому проэктору ограниченъ 116,000 р. Такое сокращеніе дало возможность увеличить оклады жалованья всѣхъ вообще служащихъ Нерчинскаго округа. Представляя означенный проэктъ на благоусмотрѣніе государя императора, кабинетъ 26 Августа 1857 г. испросилъ высочайшее разрѣшеніе, прежде утвержденія онаго въ видѣ опыта на 5 лѣтъ, передать его на предварительное разсмотрѣніе графа Муравьева-Амурскаго, съ тѣмъ, что не будетъ ли имъ признано возможнымъ сдѣлать еще какія либо сокращенія расходовъ, не нарушая однакожъ нынѣшняго одобреннаго уже порядка заводскаго управленія; при этомъ ему предоставлено было, въ случаѣ одобренія имъ проэкта штатовъ, ввести исчисленные по онымъ расходы въ смѣту на 1859 г., дабы съ этого же времени заводскіе служащіе могли воспользоваться возвышенными окладами. Заключенія графа Муравьева-Амурскаго по означенному штату *до сихъ поръ еще не получено*(17); съ приведеніемъ же его въ дѣйствіе, при предполагаемомъ наименьшемъ нарядѣ 60 пуд. россыпнаго золота, 10 п. серебра и 1,000 п. свинца, по мнѣнію кабинета, слѣдовало ожидать отъ Нерчинскаго горнаго промысла до 216,000 р. ежегоднаго дохода.

Если сравнивать сумму сію съ тою, какую ген.-губ. полагалъ уплачивать ежегодно изъ государственнаго казначейства кабинету е. в., то для послѣдняго предложеніе графа Муравьева-Амурскаго, по видимому, должно представлять значительныя выгоды; но кабинетъ имѣетъ высочайше дарованныя ему права на другіе еще источники доходовъ въ Забайкальскомъ краѣ, которые, по принятіи въ соображеніе, могутъ дать расчету сему другой видъ. Съ уступкою заводовъ, кабинетъ, по предположенію ген.-губ., лишится нынѣ получаемой имъ пошлины съ добычи золота частными промышленниками въ Верхнеудинскомъ округѣ. Въ два истекшіе года доходъ сей конечно, былъ незначителенъ и не превышалъ 12,000 р. въ годъ; но промыселъ этотъ можетъ усилиться, а съ нимъ и прибыль кабинета(18). Еще важнѣе для кабинета можетъ быть потеря предоставленнаго ему въ 1856 г. права *на земли, вновь приобрѣтенныя въ Амурскомъ краѣ, уступку* которыхъ самъ ген.-губ. признавалъ справедливою, какъ вознагражденіе за пожертвованіе приписныхъ Нерчинскихъ крестьянъ(19). Въ этомъ правѣ собственно не земли важны кабинету, но минеральныя богатства, въ нѣдрахъ ихъ заключающіяся, о присутствіи которыхъ уже собраны нѣкоторыя свѣдѣнія особою экспедиціею, командированною въ 1849 по высочайшему повелѣнію въ Забайкальскій край. Находящіеся при этой экспедиціи горные офицеры открыли присутствіе золота въ рѣчкахъ, впадающихъ восточнѣе прежней пограничной рѣки Горбицы въ Амуръ, съ лѣвой его

(17) Кабинетъ сохраняетъ отвратительное управленіе, и вмѣсто дѣйствительныхъ преобразованій предлагаетъ сокращеніе штатовъ съ тѣмъ, чтобъ остающимся вреднымъ членамъ управленія увеличить жалованье—и удивляется, что Муравьевъ на подобныя шалости ничего не отвѣчаетъ. Да что же прикажете дѣлать умному и честному человѣку, какъ не пройти этотъ вздоръ молчаніемъ, и вмѣсто отвѣта представить свой проэктъ дѣйствительнаго преобразованія, сообразный съ государственной выгодой, здравымъ смысломъ и чувствомъ нравственнаго достоинства?

(18) Усилится-ли промыселъ—этого кабинетъ не знаетъ, но что и отъ усиленія промысла, при кабинетномъ управленіи, прибылмъ не будетъ, — это несомнѣнно.

(19) А что же Муравьеву было дѣлать, когда это воровство въ пользу Романовыхъ признается справедливымъ сичиизъ государемъ? Ему оставалось спасать дѣло по колѣнку возможно.

стороны, и геогностическій обзоръ мѣстности привелъ ихъ къ заключенію, что и здѣсь должны находиться мѣсторожденія, подобныя нынѣ разрабатываемымъ въ Нерчинскомъ округѣ богатымъ россыпямъ Каринскимъ, которыя находятся *въ близкомъ оттуда разстояніи*. Признаки золота, а также рудъ серебряныхъ открыты и далѣе къ Востоку, въ вершинахъ рѣки Зеи, также текущей въ Амуръ. Хотя вообще горныя изслѣдованія Забайкальской экспедиціи, по мѣстнымъ и политическимъ обстоятельствамъ, были весьма бѣглы и неопредѣлительны, и до разрѣшенія вопроса о принадлежности Амурскаго края не могли быть возобновлены, но золотонность ближайшихъ къ округу вновь приобрѣтенныхъ земель подтверждается уже и тѣмъ, что въ самой рѣчкѣ Горбицѣ залегаютъ россыпи, въ которой, по свѣдѣніямъ мѣстнаго горнаго начальства, считается *до 160 п. золота*. Между тѣмъ ген.-губ. Восточной Сибири во всеподданнѣйшей запискѣ своей вовсе не упомянулъ о семъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, *важномъ правѣ кабинета на Амурскія земли*, которое очевидно должно уничтожиться, съ принятіемъ предложенія графа Муравьева-Амурскаго. Воспользоваться металлическими богатствами новаго края, кабинетъ могъ бы двумя способами: а) разрабатывая со стороны заводовъ ближайшія къ Нерчинскому округу золотыя россыпи, по надлежащемъ предварительномъ ихъ изслѣдованіи, и б) пользуясь, какъ въ Верхнеудинскомъ округѣ, пошлиною съ частной золотопрмышленности въ прочихъ мѣстахъ вновь приобрѣтеннаго края. Съ передачею же заводовъ и ихъ рабочихъ, кабинетъ не будетъ имѣть возможности извлекать въ Амурскомъ краѣ металлы собственными средствами. Лишившись сего новаго источника доходовъ въ то время, когда едва наступила пора для удостовѣренія въ его благонадежности, и даже прежде нежели что нибудь сдѣлано для этого удостовѣренія, кабинетъ потерялъ бы послѣднюю надежду къ восстановленію своихъ доходовъ до того размѣра, какой былъ *ему обѣщанъ въ 1850 г., при уступкѣ Нерчинскихъ крестьянъ*(20).

Обращаясь собственно къ Нерчинскому горному промыслу, кабинетъ замѣтилъ, что выведенный по проэктору штатовъ годовою доходъ 216,000 р. долженъ быть принятъ за наименьшій. Хотя богатство округа золотомъ и не такъ велико, чтобы обезпечить кабинету 1,000,000 р. чистаго дохода, но металлъ въ россыпяхъ еще есть и можетъ быть вновь найденъ, если поиски и развѣдки будутъ продолжаться съ настойчивостью и знаніемъ дѣла. По смѣтѣ на 1858 г. предполагалось добыть на Нерчинскихъ промыслахъ 60 п. 32 ф. золота, но добыто было болѣе 70 п. Эта разниця увеличиваетъ доходъ кабинета за 1858 г. слишкомъ на 100,000 р. Хотя по мнѣнію ген.-губ. временное увеличеніе добычи золота въ Нерчинскомъ краѣ и послѣдовало отъ обрѣтенія клада, нынѣ, по мнѣнію будто бы всего горнаго вѣдомства, уже истощившагося; но гдѣ подобный кладъ найденъ однажды, тамъ, по законамъ природы о распредѣленіи металлическихъ ея богатствъ, онъ можетъ встрѣтиться въ другой и третій разъ; первый кладъ, по удостовѣренію горнаго вѣдомства, не истощился, но *неправильно, не хозяйственно вынутъ, при ошибочномъ убѣжденіи въ его неистощимости*(21). Можетъ быть и изъ нынѣшнихъ Нерчинскихъ россыпей, при *усиленіи средствъ*, можно еще добыть въ теченіе 2 или 3 лѣтъ по 100 и болѣе пуд. золота, если бы они потребовались на устройство Амурскаго края, или для другихъ назначеній; но послѣдствіемъ такихъ распорядженій будетъ конечный упадокъ тамошняго горнаго промысла(22).

(20) О кабинетѣ, коварная Сирена!... Такъ и нашептываетъ государю сладенькимъ голосомъ: "Украдь, украдь! вѣдь тутъ все золото! Что нужды что оно государственное? Украдь!".... И неужели высочайшее ухо поддается этому соблазнительному напѣву?

(21) Если убѣжденіе въ неистощимости было ошибочно, стало кладъ былъ истощимъ; если же онъ истощимъ, отъ чего же ему было не истощиться?

(22) Стало, если усилить средства, горный промыселъ совсѣмъ упадетъ; а не усиливать средствъ, то доходъ останется ничтожнымъ. Какая безвыходность! Изъ чего же кабинетъ такъ хлопочетъ о сохраненіи утраченной собственности?

Принявъ все вышеизложенное въ соображеніе, кабинетъ нашелъ, что при настоящемъ, неопредѣленномъ положеніи Нерчинскаго горнаго промысла, когда ни одно изъ предположеній кабинета о будущемъ устройствѣ и дѣйствіи заводовъ, объ ограниченіи расходовъ и т. п. предметамъ не приведено еще въ исполненіе, и когда побочныя отрасли кабинетскихъ доходовъ, *присвоенные ему* въ этомъ краѣ высочайшею волею, или мало или вовсе не приведены въ извѣстность, нѣтъ возможности рѣшить, будетъ ли для кабинета выгодно принять предложеніе ген.-губ. Восточной Сибири объ обмѣнѣ заводовъ на постоянный изъ государственнаго казначейства доходъ въ 300,000 р. сер. въ годъ.

Переходя за тѣмъ къ послѣдствіямъ, которыя, по мнѣнію графа Муравьева-Амурскаго, съ приведеніемъ въ исполненіе его предположеній должны произойти въ Нерчинскомъ горномъ промыслѣ и имѣть благотворное вліяніе на жителей тамошняго края, кабинетъ, соглашался, что упрощеніе заводскаго управленія, примѣненіемъ къ нему по возможности порядка, на частныхъ промыслахъ для того употребляемаго, могло бы въ нѣкоторой мѣрѣ возвысить доходы отъ добычи золота, онъ не полагалъ однакоже, чтобы увеличеніе это простиралось до такой степени, какая указана въ приложенныхъ ген.-губ. расчетахъ. Говоря о незначительномъ доходѣ 173,000 р., который ожидается по смѣтѣ отъ добычи 60 пуд. Нерчинскаго казеннаго золота въ 1858 г., графъ Муравьев-Амурскій предполагалъ, что добыча металла, при тѣхъ же условіяхъ, частными людьми должна принести прибыли не менѣе 500,000 р. Выводъ сей былъ основанъ на томъ убѣжденіи, что частные золотопромышленники обыкновенно рассчитываютъ всѣ расходы на управленіе и работы въ $\frac{1}{3}$ стоимости добытаго металла; но если расчетъ сей правиленъ, то добыча золота частнаго должна приносить среднимъ числомъ не менѣе 100% барыша, ибо, за уплатою, изъ остальныхъ $\frac{2}{3}$ стоимости металла, 15 и даже 20% пошлины въ казну, въ пользу владѣльца должна оставаться еще половина цѣнности золота(23). Можетъ быть, такіе доходы и бываютъ, но нельзя полагать, чтобы они случались часто. Если бы золотой промыселъ въ такой степени былъ выгоденъ, то правительство, безъ сомнѣнія, не понижало бы взимаемыхъ съ металла податей, что въ послѣдніе годы оно дѣлало неоднократно, въ видахъ облегченія и развитія частной золотопромышленности. Вообще доходъ отъ добычи золота въ одномъ и томъ же краѣ, при одинаковой стоимости содержанія рабочихъ, прямо зависитъ отъ богатства россыпей и большихъ или меньшихъ затрудненій въ ихъ разработкѣ. Въ 1853 г., когда въ Нерчинскомъ округѣ добыто было 163 пуд. золота, среднее содержаніе промытыхъ песковъ равнялось 2 $\frac{39}{96}$ зол. въ 100 пуд., и тогда доходъ этой добычи дѣйствительно простирался свыше $\frac{2}{3}$ стоимости металла или 200% на употребленный капиталъ; по смѣтѣ на 1858 г. предполагалось промыть россыпи содержаніемъ въ 78 доль или слишкомъ втрое убоже первыхъ, по этому и доходъ отъ добычи металла упалъ до 30%. Впрочемъ на Бальжинскомъ промыслѣ уже производится опытъ разработки золота вольнонаемными людьми. Ходатайствуя о семъ, по представленію ген.-губ., кабинетъ выразилъ однако же сомнѣніе свое, чтобы разработка людьми вольнонаемными, по выгодѣ(24), могла сравниться съ казенною. Это мнѣніе основано кабинетомъ на расчетахъ, самимъ заводскимъ начальствомъ составленныхъ, по которымъ содержаніе мастераго обойдется на промыслѣ отъ 50 до 62 р., расходъ

(23) По какой арифметикѣ кабинетъ принимаетъ 50% за 100%? Надо отдать въ гимназію Адлерберга, Мейендорфа и комп. $\frac{1}{3}$ барыша составляетъ 66%, а вычестъ 20% пошлины—останется 46%. Доходъ безъ сомнѣнія уродливо огромный; но едва ли, въ современномъ мѣрѣ, какой нибудь капиталистъ рискнетъ идти въ Сибирь на промыслы изъ 5%, развѣ уже государственные облигаціи совсѣмъ ничего не будутъ стоить, что при управленіи подобномъ кабинетному не невозможно.

(24) Пропущено въ скобкахъ: "для членовъ управленія."

же на рабочаго вольнонаемнаго простираться будетъ до 167 руб(25).

Что касается Нерчинскаго серебрянаго производства и передачи нѣкоторыхъ лучшихъ его рудниковъ въ аренду частнымъ лицамъ, то кабинетъ выразилъ убѣжденіе, что эта, упавшая въ настоящее время, отрасль горнаго промысла не иначе можетъ быть восстановлена, какъ при значительныхъ временныхъ пожертвованіяхъ со стороны казны. Убѣжденіе сіе раздѣлялъ и комитетъ, высочайше утвержденный для разсмотрѣнія предположеній о дѣйствіи Нерчинскихъ заводовъ, по заключенію котораго предполагается жертвовать частью прибылей отъ Нерчинскаго золотого производства на поддержаніе серебрянаго. Сомнительно, чтобы нашлись частныя лица, которыя бы согласились на такое пожертвованіе(26), въ видахъ будущаго устройства серебрянаго производства на пользу государства, или, согласившись, не дозволили себѣ хищнической выработки мѣсторожденій для покрытія употребленныхъ расходовъ.

• Однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ побужденіемъ къ принятію предложенія ген.-губ., должно считать намѣреніе его освободить Нерчинскихъ мастеровыхъ отъ нынѣшняго крѣпостнаго труда, тяжкаго для нихъ по существу своему и еще болѣе тяжкаго по сравненію съ трудомъ, на который законъ обрекаетъ самыхъ важныхъ преступниковъ. Горнорабочій обязанъ служить 35 лѣтъ, считая съ 18-лѣтняго возраста; ссыльнокаторжный рѣдко осуждается въ работы болѣе, нежели на 20 лѣтъ, да и этотъ срокъ въ послѣдствіи иногда сокращается. Работа честнаго мастераго и работа преступника почти одинаковы; по этому сравненіе матеріальнаго благосостоянія тѣхъ и другихъ на всегда бываетъ въ пользу первыхъ. Кабинетъ не только не оспаривалъ благихъ намѣреній графа Муравьева-Амурскаго объ освобожденіи мастеровыхъ отъ нынѣшней, *безусловно-обязанной*, крѣпостной работы(27), но раздѣлялъ ихъ вполне, полагая однакоже, что та же благотворная цѣль можетъ быть достигнута другимъ путемъ, *съ болѣею еще для мастеровыхъ пользою* и безъ разстройства горнозаводскаго производства. По высочайшей волѣ государя императора въ послѣднее время возбужденъ вопросъ объ улучшеніи положенія всего сословія горнорабочихъ имперіи. Предметъ сей, обсужденный въ отношеніи Алтайскихъ и Нерчинскихъ мастеровыхъ въ кабинетѣ его величества, былъ переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи, при министерствѣ финансовъ учрежденной. Въ заключеніи своемъ по этому предмету кабинетъ полагалъ, что въ обоихъ подвѣдомственныхъ ему горныхъ округахъ необходимо перейти отъ нынѣшняго обязаннаго труда къ свободному, *постепенно, дабы не уронить горнаго промысла, но приступить къ переменамъ нынѣ же; для привлеченія освобожденнаго отъ наследственно-крѣпостнаго труда сословія рабочихъ къ прежнимъ горнозаводскимъ занятіямъ, онъ признавалъ необходимымъ дать новому поколѣнію заводскихъ людей особыя права и преимущества, образованіе изъ нихъ самостоятельныя горныя общины, увеличить содержаніе мастеровыхъ, обезпечить ихъ будущность въ преклонныхъ лѣтахъ, однимъ словомъ возвысить званіе и положеніе рабочихъ и сдѣлать все, чтобы они, получивъ полную свободу продолжать или уклоняться отъ горнаго труда, остались при немъ по убѣжденію въ его преимуществъ*

(25) Кабинетъ умалчиваетъ о числѣ рабочихъ въ обоихъ случаяхъ, и о расходахъ явныхъ и тайныхъ на управленіе.

(26) Да и едва ли какой нибудь человекъ, не спятившій съ ума или не лгушій преднамѣренно, согласится что разрабатывать серебряную руду въ убытокъ выгодно, потому что это серебряная руда. Всякой скорѣе добудетъ выгодно золото и купитъ серебра тамъ, гдѣ это не въ убытокъ.

(27) Замѣтьте: даже безъ разпространенія на эту безусловно-обязанную работу — закона о трехъ-дневной барщинѣ. И кабинетъ находитъ, что прекращеніе этой незаслуженной каторги будетъ для самихъ мастеровыхъ сдѣлана съ болѣею пользою послѣ, чѣмъ теперь.

предъ другими промыслами и по выгодамъ матеріальнымъ, которыя онъ имъ доставлять будетъ(28). Только такимъ путемъ могъ быть поддержанъ на будущее время горный промыселъ. Требуя усиленнаго труда, навыка и техническихъ свѣдѣній, не столько для разработки россыпей, какъ для производства серебряннаго, мѣднаго, желѣзнаго и другихъ промысловъ, онъ тогда только будетъ проченъ и станетъ совершенствоваться, когда сдѣлается занятіемъ *особаго свободнаго сословія, гордящагося своимъ ремесломъ, когда трудъ отца не по принужденію, но по желанію, станетъ наследственнымъ для сына и, переходя отъ одного поколѣнія къ другому, достигнетъ той степени совершенства, до какой онъ возвысился на заводахъ иностранныхъ(29)*. Предположенія же ген.-губ. объ освобожденіи мастеровыхъ, при всей ихъ благонамѣренности, по мнѣнію кабинета, *едва ли будутъ для рабочихъ полезны(30)*, и не только не поведутъ къ прочному устройству Нерчинскаго горнаго промысла, но еще повредятъ ему, *особливо въ производствѣ серебрянномъ(31)*. Переименованіе мастеровыхъ въ податное сословіе непременно будетъ отвлекать ихъ отъ горнозаводскихъ занятій и поставитъ на ряду съ тѣмъ вынѣ, такъ сказать, бродячимъ, въ промышленномъ отношеніи, населеніемъ Сибири, которое постоянныхъ занятій не имѣетъ, по мнѣнію ихъ, смотря потому, *какой трудъ даетъ больше временныхъ выгодъ(32)*. Многолѣтній опытъ разработки частныхъ золотыхъ промысловъ ссыльнопоселенцами и крестьянами образовалъ немного настоящихъ горнорабочихъ, немногихъ привязалъ къ постоянному горному труду и немногимъ обезпечилъ будущность въ преклонныхъ лѣтахъ. Именно, чтобы не увеличивать числа подобнаго же населенія, не слѣдуетъ, по мнѣнію кабинета, желать обращенія Нерчинскихъ мастеровыхъ въ податное состояніе.

Въ слѣдствіе всего вышензложеннаго и принявъ во вниманіе : а) что вопросъ о томъ, будетъ ли для кабинета его вел. выгоды предпологаемый обмѣнъ Нерчинскихъ заводовъ на постоянное вознагражденіе въ 300,000 р., при настоящемъ, неопредѣленномъ положеніи тамошняго горнаго промысла не можетъ быть рѣшенъ положительно ; б) что кабинетъ, по приведеннымъ выше соображеніямъ, не раздѣлялъ убѣжденій ген.-губ. въ пользу предлагаемыхъ имъ перемѣнъ для горнозаводскаго производства этого края, и наконецъ в) что для освобожденія мастеровыхъ имѣется въ виду другой удобнѣйшій путь, не сопряженный съ разстройствомъ горнаго промысла и постоянно упрочивающій улучшенное положеніе рабочихъ, кабинетъ его величества находилъ предположенія ген.-губ. Восточной Сибири, заключающіяся въ представленной имъ государю императору запискѣ, не *своевременными и неудобными къ исполненію* въ настоящее время. Къ сему кабинетъ присовокупилъ, что предпологаемыя перемѣны въ бытѣ рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ, въ случаѣ ихъ исполненія, необходимо согласить съ положеніемъ мастеровыхъ Алтайскихъ заводовъ, число которыхъ простирается до 32,000, ибо тѣ и другіе имѣютъ одинаковыя права и обязанности, и не совместно было бы съ справедливостью, улучшая состояніе однихъ, оставлять въ прежнемъ положеніи другихъ(33).

Мнѣніе министра финансовъ.

Предположенія ген.-губ. Восточной Сибири объ измѣненіи управленія Нерчинскими заводами и устройства ихъ были

(28) О! благодѣтели челоѣчества, достойные каторги и проклятія ! И государь это читаетъ и не чувствуетъ сколько тутъ лицемерія и подлости.

(29) Какимъ же образомъ, принуждая населеніе къ извѣстному роду труда, вы изъ него сдѣлаете свободное сословіе, гордящееся и проч..... Что за чепуха !

(30) Во всякомъ случаѣ полезнѣе безусловно обязаннаго крѣпостнаго состоянія. Это едва ли гениально гнусно.

(31) Т. е. въ томъ, которое приноситъ убытокъ и потому нехорошо.

(32) Какъ будто трудъ можетъ быть привлекателемъ по мѣрѣ безвыгодности ? О идиоты !

(33) Пусть гибнутъ Нерчинскіе, чтобы Алтайскимъ не было завидно !

сообщены кабинетомъ его величества на заключеніе министра финансовъ. Д. т. с. Княжевичъ обратилъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства :

1) Въ настоящее время все населеніе мужскаго пола нижнихъ и рабочихъ чиновъ Нерчинскаго округа, которое, по предложенію графа Муравьева-Амурскаго, должно поступить въ податное состояніе, простирается до 8,500 душъ, считая неспособныхъ къ работамъ и бѣглыхъ, но не включая отставныхъ ; если обложить означенныхъ людей подушною податью по 86 к. и оброчною по 2 р. 29 к. съ души, то государственное казначейство можетъ получить дохода до 26,775 руб.

2) Нынѣ отдаваемыя, на основаніи закона, въ оброкъ Нерчинскія земли, приносятъ заводамъ дохода 98 р. 90 к.

3) Кабинетъ получилъ дохода отъ добычи частнаго въ Верхнеудинскомъ округѣ золота въ 1856 г. 11,627 р. 31½ к., въ 1857 г. 11,051 р. 89¼ коп.

4) На производство пенсій по Нерчинскому округу расходуется 20,139 р. 28 к.(34), въ случаѣ же передачи заводовъ, сумма эта должна значительно увеличиться, въ слѣдствіе увольненія въ отставку излишнихъ чиновниковъ(35); а на содержаніе Нерчинскихъ заводскихъ богадѣлей производится по 1835 р. въ годъ.

5) Добыча россыпнаго золота въ Нерчинскомъ округѣ далеко уже не соотвѣтствуетъ, по количеству металла и въ особенности по доходамъ отъ нея ожидаемымъ, прежнимъ объ этомъ предметѣ предположеніямъ, и къ увеличенію ея въ послѣдствіи въ настоящее время нѣтъ въ виду положительныхъ надеждъ. Хотя запасы металла въ россыпяхъ и простираются еще, за исключеніемъ добытаго въ нынѣшнемъ году золота, до 700 пуд., но они, по отзыву горнаго начальника, заключаются въ мѣсторожденіяхъ, неразвѣданныхъ положительно, и средняя промывка песковъ назначена была въ 1858 г. не выше 78 5/8 дол., собственно же Нерчинское серебрянное производство не только не даетъ доходовъ, но требуетъ, для поддержанія своего, постоянныхъ, значительныхъ издержекъ.

Такимъ образомъ казна, принявъ на себя налагаемыя на нее ген.-губ. Восточной Сибири обязательства по Нерчинскому округу, получила бы, въ замѣнъ ежегодныхъ издержекъ, простирающихся, по выше изложеннымъ выводамъ, до 322,000 р., только 38,000 р. въ годъ ; слѣдовательно потеря простиралась бы ежегодно до 284,000 р., не говоря о 600,000 р. сер., предстоящихъ, по прежнимъ примѣрамъ, къ постоянному, на дѣйствіе рудниковъ и золотыхъ россыпей Нерчинскаго округа, ассигнованію.

Кромѣ того, хотя, съ введеніемъ предпологаемаго графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ порядка управленія Нерчинскимъ округомъ, расходы по содержанію чиновниковъ значительно бы уменьшились, но въ замѣнъ того, увольненіе рабочихъ чистаго имени, лишивъ мѣстное начальство возможности поддерживать горнозаводское производство въ прежнемъ размѣрѣ, а тѣмъ болѣе усиливать и улучшать оное, не вознаградится работами вольнонаемными какъ по ихъ дороговизнѣ; такъ и по неимѣнію желающихъ принять на себя этотъ трудъ, рабочіе же, находящіеся теперь на промыслахъ по долгу службы, предоставленные самимъ себѣ, будутъ уклоняться отъ занятій въ мѣстностяхъ ненаселенныхъ, лишенныхъ всѣхъ удобствъ жизни, гдѣ осѣлости быть не можетъ, ибо, съ выработкою прииска, имъ предстоитъ, бросивъ дома и хозяйство, перебираться на другую, иногда весьма отдаленную, мѣстность ; наконецъ нанять достаточное число людей изъ ссыльныхъ или другихъ свободныхъ сословій, едва ли есть какая.

(34) Какъ ? развѣ изъ казначейства ?.. Такъ это за работу на частной собственности старшаго изъ Романовыхъ пенсій раздаются изъ государственнаго казначейства ? Мало того что украдена государственная собственность, да еще и расходы по ней производятся на счетъ народа ! Это ужъ кража на голо, даже безъ всякихъ юридическихъ лжеумудрствованій.

(35) А содержаніе лишнихъ чиновниковъ на службѣ не увеличиваетъ расходы на жалованье ? Господишь министръ — что вы это шутите или обманываете ?

либо возможность при конкуренции частных золотопромышленников, прииски которых находятся от черты поселения на несколько тысяч верст ближе, чем золотые промыслы Нерчинского округа. Что же касается части продовольственной, то, при новом порядке управления, затруднения не только не уменьшатся, но увеличатся, хотя заводы и предполагается освободить от лежащей на них ныне обязанности снабжать провиантом семейства мастеровых, ибо вольнонаемные люди, сверх жалованья по договору, требуют для продовольствия своего не только муку, но крупу, мясо, масло, вино и проч.

По этому едва ли можно рассчитывать на уменьшение расходов съ установлением предлагаемого ген.-губ. порядка управления Нерчинским округом; равномерно нельзя признать правильным сдѣланнаго имъ сравнительнаго, въ подкрѣпленіе его соображеній, расчета, ибо при условіяхъ, въ которыхъ находятся золотые прииски Нерчинского округа, частное лицо, конечно, получило бы съ одного и того же количества золота менѣе доходовъ, чемъ кабинетъ (36).

Что же касается горныхъ офицеровъ, то хотя разработку золотыхъ промысловъ и можно вести безъ ихъ пособія, но они необходимы для серебряннаго производства, которое и по мнѣнію кабинета, одобренному высочайше учрежденнымъ особымъ комитетомъ, должно поддерживать, если бы даже выгоды отъ оного и не были значительны, потому что производство сіе относится къ числу учреждений, приносящихъ государственную пользу, на что неоднократно обращено было высочайшее вниманіе государя императора, а также для того, чтобы дать, по возможности, на рудникахъ и заводахъ постоянное осѣдлое занятіе рабочимъ честнаго имени, сохранить въ семь краѣ, наполненномъ преступниками, это ядро трудолюбивыхъ, полезныхъ работниковъ, и оградить ихъ отъ того крайняго разоренія, которое они нынѣ терпятъ, при безпрерывныхъ передвиженіяхъ съ одного прииска на другой (37).

По всѣмъ симъ соображеніямъ министръ финансовъ не нашелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ графа Муравьева-Амурскаго о пользѣ и необходимости передачи Нерчинскихъ заводовъ въ государственное управленіе на изложенныхъ имъ началахъ.

Допустивъ даже, что, съ открытіемъ, какъ полагаетъ ген.-губ., новыхъ богатыхъ источниковъ золота, промыселъ сей увеличится до прежнихъ размѣровъ, и тогда, по мнѣнію д. т. с. Княжевича, неприлично было бы правительству располагать доходами, принадлежащими кабинету, который въ противномъ случаѣ, безъ всякаго сомнѣнія, не счелъ бы удобнымъ воспользоваться на счетъ государственнаго казначейства выгодами, въ мѣрѣ, далеко не соответствующей доходамъ, долженствующимъ по всей вѣроятности поступать съ Нерчинскихъ заводовъ и россыпей (38).

(36) Дѣйствительно прискорбно въ мнѣніи министра финансовъ, на котораго возлагался не малая надежда, встрѣтить отъ первой до послѣдней строки наглую ложь. Муравьевъ предлагаетъ работать навболѣе дешевымъ и правильнымъ способомъ, какъ работаютъ частные золотопромышленники, которыхъ цѣль получить наибольшій доходъ въ свой карманъ; а Княжевичъ гнетъ къ тому, что кабинетъ, котораго цѣль набить карманы управленія, получить болѣе дохода чѣмъ частные золотопромышленники и вступать въ заговоръ съ кабинетомъ для удержанія въ крѣпостномъ состояніи Нерчинскаго народонаселенія, все съ той же цѣлью набивать карманы управленія. Старикъ министръ, свиду благонамѣренный, да еще въ томъ возрастѣ, когда одна нога въ гробу, изъ какихъ то личныхъ видовъ жегетъ бесонѣстно какъ биржевой маклеръ — тутъ право словъ не найдешь, чтобы выразить все негодованіе и омерзѣніе.

(37) И такъ горные офицеры нужны для поддержанія производства, которое на предыдущей страницѣ самъ министръ призналъ убыточнымъ, но признаетъ полезнымъ, потому что его такимъ призналъ комитетъ Чевкинскій, надувая его величество. И эти офицеры нужны для спасенія рабочихъ честнаго имени и поддержанія ихъ въ крѣпостной зависимости между тѣмъ какъ ихъ единственное спасеніе въ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости.

(38) Мин. финансовъ въ припадкѣ честности совѣтуетъ государю узаконить въ пользу Романовыхъ маюратъ украденный у государства, и все это, чтобы

Обращаясь собственно къ сословію заводскихъ людей, которыхъ графъ Муравьевъ-Амурскій считаетъ справедливымъ освободить изъ крѣпостнаго состоянія, министръ финансовъ находилъ, что мѣра эта будетъ достигнута, только не вдругъ, а постепенно, если предположенія, представленныя уже въ высочайше учрежденный комитетъ для улучшенія быта всѣхъ вообще заводскихъ людей, удостоятся утвержденія. Вопросъ этотъ не замедлитъ разрѣшеніемъ, и тогда челолюбивая мысль графа Муравьева-Амурскаго осуществится, безъ значительнаго ущерба доходамъ какъ кабинета е. в., такъ и государственнаго казначейства.

Объясненія воен. губ. Забайкальской области (39).

Настоящее дѣло разсматривалось въ Сибирскомъ комитетѣ, въ засѣданіе котораго былъ приглашенъ и воен. губ. Забайкальской области, свиты е. в. ген.-маіоръ Карсаковъ. Онъ, съ своей стороны, представилъ на усмотрѣніе комитета, противъ замѣчаній кабинета и мин. финансовъ, слѣдующія объясненія:

Ген.-губ. восточной Сибири, ходатайствуя о преобразованіи Нерчинскаго горнаго управленія, имѣлъ при этомъ двѣ цѣли:

1) Освобожденіе горныхъ рабочихъ, носящихъ названіе рабочихъ честнаго имени, отъ тяжелой неволи, въ которой они находятся и на которую они обречены, безъ всякаго съ ихъ стороны преступленія, и

2) Болѣе правильное и возможное пріобрѣтеніе выгодъ изъ Нерчинскаго горнаго округа, противъ тѣхъ, какія онъ теперь приноситъ.

Освобожденіе рабочихъ честнаго имени должно занять первое мѣсто не только по естественному ихъ положенію, въ сравненіи съ ссыльнокаторжными, но и по челолюбивости.

Работы на Нерчинскихъ заводахъ и промыслахъ бываютъ слѣдующія: по заводскому производству: выплавка изъ рудъ свинца, содержащаго серебро; работы горныя: добыча въ рудникахъ серебристо-свинцовыхъ рудъ, разборка рудъ, крѣпленіе шахтъ (вертикальный колодезь въ рудникѣ) и штолень (горизонтальный корридоръ подъ землею); работы на золотыхъ промыслахъ: снѣганіе торфовъ, вынутіе галекъ и золотосодержащихъ песковъ, подвозка на тачкахъ или на телегахъ золотосодержащихъ песковъ, отъ мѣста ихъ добычи къ машинамъ для промывки ихъ, и промывка на машинахъ песковъ; работы поторжнныя: чистка улицъ, мощеніе дорогъ, подвозка дровъ изъ лѣсу для отопленія казенныхъ зданій, приготовленіе сѣна на лугахъ заводскихъ и подвозка его на казенныхъ лошадяхъ и быкахъ въ назначенныя мѣста; работы цѣховыя: ковка желѣза, дѣланіе разныхъ деревянныхъ вещей, приготовленіе канатовъ и разныхъ подобныя этому мастерства, и работы урочныя: рубка въ лѣсу дровъ, выжегъ угля въ казенныхъ куреняхъ, приготовленіе кирпичей, доставка всего этого на своихъ лошадяхъ, выработка торфовъ и разрѣзовъ на золотыхъ промыслахъ. На всѣхъ сихъ работахъ, исключая промывки песковъ на ма-

кабинетъ и горное управленіе могли красть. Мы чувствуемъ, что намъ придется краснѣть со стыда передъ иностранцами за Александра Николаевича, котораго мы считали добрымъ челолюбивымъ и который допускаетъ подобныя мерзости, — а все же напечатать отчетъ объ этомъ дѣлѣ на иностранныхъ языкахъ. Эгнхъ господъ иначе не проймешь какъ плетью иностраннаго мнѣнія; своихъ они не стыдятся; своего можно за лишнее слово позвать въ Тимашевку, — а что сдѣлаешь съ Англичаниномъ, который узнавъ, что русскій министръ финансовъ, ищущій совершить заемъ въ Англій, плутуетъ съ кабинетомъ, оправдываетъ государственное воровство и старается продлить крѣпостное положеніе, да еще безусловно обязанное, что сдѣлаешь съ Англичаниномъ, если онъ этого министра назоветъ вслухъ по имени?

(39) Къ этому объясненію генералъ-маіора Карсакова мы только можемъ прибавить, что оно отъ первой до послѣдней строки дѣльно, умно и благородно и составляетъ такую противоположность съ мнѣніями кабинета и Княжевича, отъ которой кабинету и Княжевичу въ глазахъ честныхъ людей не поздоровится.

шинахъ (на которую назначаются только горные служители), ссыльнокаторжные и рабочіе честнаго имени упогребляются безъ различія по назначенію и усмотрѣнію ближайшаго ихъ мѣстнаго начальства, примѣняясь къ существующимъ урочнымъ положеніямъ. Рабочіе получаютъ жалованья въ годъ отъ 6 р. 85 к. до 12 руб. 28 к. сер., а нѣкоторые до 18 руб. въ годъ; послѣднее зависитъ отъ силы и старанія работника и назначается крѣпильщикамъ въ рудникахъ. Сверхъ того выдается имъ по 5 к. с. кормовыхъ въ сутки, а рабочимъ честнаго имени и провіантъ на ихъ семейства, въ количествѣ назначенномъ закономъ.

Ссыльнокаторжный за самое тяжкое преступленіе назначается въ работу на 20 лѣтъ (что бываетъ очень рѣдко). Если же взять во вниманіе облегченіе ихъ участи всемилостивѣйшими манифестами, то и этотъ срокъ значительно сокращается. Заводскій служитель (за исключеніемъ нѣкотораго числа выпускаемыхъ изъ заводскихъ школъ въ писаря и прочія канцелярскія должности) поступаетъ съ 12 лѣтъ на легкія работы и только въ лѣтніе мѣсяцы, а съ 18 на дѣйствительную службу, т. е. въ работу наравнѣ съ каторжными и продолжаетъ оную 25 лѣтъ, если поступилъ изъ рекрутъ, и 35 лѣтъ, если онъ сынъ заводскаго служителя или родился отъ ссыльнокаторжнаго во время нахождения его въ работахъ, или же солдата прежде бывшаго горнаго баталіона. Ссыльнокаторжный, по окончаніи налагаемаго на него наказанія, поступаетъ въ разрядъ поселенцевъ и приписывается къ одной изъ волостей Забайкальской области, гдѣ и имѣетъ право водвориться на свободное жительство, а чрезъ 10 лѣтъ, при хорошемъ поведеніи, перечисляется въ крестьяне. Рабочій честнаго имени, по истеченіи 25 или 35 лѣтняго срока, увольняется въ отставку, и если все время работы своей пробылъ безпорочно, то пользуется пенсіономъ, рассчитаннымъ изъ послѣдне получаемаго имъ жалованья. Выплавка руды, равно какъ и работа горная, производится день и ночь посмѣнно, урочныя работы—по назначаемымъ мѣстнымъ начальствомъ урокамъ. Мѣстное горное начальство имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, назначать какъ ссыльнокаторжныхъ, такъ и рабочихъ честнаго имени, въ ту или другую работу и передвигать ихъ съ однихъ заводовъ, рудниковъ или золотыхъ промысловъ на другіе безъ всякаго ограниченія, такъ что личность всякаго изъ нихъ зависитъ совершенно отъ произвола какого нибудь горнаго урядника или чиновника и безъ всякой возможности апелляціи.

При соображеніи всего этого и не говоря о рабочихъ, посланныхъ въ каторжную работу за преступленіе, невольно представляются вопросы, почему люди, не сдѣлавшіе никакого проступка, попадаютъ подъ болѣе тяжкую участь, нежели ссыльнокаторжные? и почему населеніе въ 8000 душъ мужескаго пола должно нести эту неволю? Каждый день они видятъ близъ себя работающихъ наравнѣ съ ними преступниковъ, каждый день убѣждаются, что участь преступника сноснѣ ихъ участи, каждый день болѣе и болѣе сознаютъ они свое горькое, безвыходное положеніе. Что же остается имъ дѣлать? Или работать безропотно, перенося всѣ справедливыя и несправедливыя требованія надзирателя, въ рукахъ котораго часто не они одни, а также и семейства ихъ, или бѣжать, сдѣлать какое нибудь преступленіе, подвергающее ихъ каторжной работѣ на извѣстное время, а потомъ, сдѣлавшись поселенцами, навсегда избавиться отъ тяжелой заводской работы; тогда и дѣти ихъ будутъ свободными крестьянами. Грустный фактъ доказываетъ, что изъ 4000 полносильныхъ рабочихъ честнаго имени болѣе 500 человекъ находятся въ бѣгахъ.

По мнѣнію кабинета е. в. и министра финансовъ, освобожденіе теперь же означенныхъ рабочихъ несвоевременно, и оно должно быть произведено постепенно, соображаясь съ положеніемъ горнорабочихъ Алтайскихъ и другихъ заводовъ.

По справедливо ли оставлять въ каторжной работѣ людей, не сдѣлавшихъ никакого преступленія, не только на неопредѣленное, а даже на самое короткое время? Между тѣмъ рабочіе честнаго имени уже очень давно несутъ на себѣ тяжелое это бремя. Справедливо ли оставлять ихъ въ этомъ положеніи только для того, чтобы поддержать горный промыселъ, и можно ли надѣяться имѣть такимъ образомъ въ краѣ трудолюбивыхъ и полезныхъ горныхъ рабочихъ, когда въ самой основѣ существующаго для нихъ учрежденія лежитъ начало нравственнаго развращенія человека? Справедливо ли, наконецъ, не измѣнять нынѣ же ихъ быта болѣе тягостнаго, чѣмъ бытъ ихъ окружающихъ преступниковъ только потому, что на Алтайскихъ заводахъ, гдѣ нѣтъ ссыльнокаторжныхъ, горные рабочіе до сихъ поръ еще не освобождены? Оставляя ихъ крѣпостными, какое бы ни послѣдовало облегченіе въ ихъ участи, оно никогда не можетъ сравниться съ свободнымъ состояніемъ, о которомъ ходатайствуетъ ген.-губ. Восточной Сибири.

Какъ воен. губ. Забайкальской области, въ которой находятся эти рабочіе, принимая во вниманіе все вышесказанное и сверхъ того имѣя въ виду, что вѣсть о благодѣтельномъ намѣреніи государя императора уничтожить крѣпостное состояніе не могла не проникнуть и въ Нерчинскій край, и что возбужденная новая промышленная дѣятельность на Амурѣ еще болѣе заставляетъ такъ называемыхъ рабочихъ честнаго имени понимать свое тяжкое положеніе, ген.-маіоръ Карсаковъ находитъ, что мѣра, предложенная ген.-губ. Восточной Сибири, для всего населенія горныхъ рабочихъ Нерчинскаго края, не только будетъ справедлива и полезна, но даже необходима, и что мѣру эту слѣдуетъ привести въ исполненіе немедленно, не ожидая обсужденія и рѣшенія комитета объ улучшеніи быта рабочихъ на другихъ горныхъ заводахъ, потому что, если правительство не озаботится выпѣ же дать Нерчинскимъ рабочимъ такое положеніе, которымъ бы они были совершенно довольны, то трудно ручаться за то постоянное спокойствіе, въ которомъ они до сихъ поръ находились. Если же впоследствии найдено будетъ возможнымъ дать особыя права и преимущества рабочимъ на другихъ рудникахъ и заводахъ, то ихъ всегда возможно будетъ примѣнить къ тѣмъ изъ освобожденныхъ рабочихъ честнаго имени, которые пожелаютъ сдѣлаться постоянными горными рабочими, оставя при нихъ свободное ихъ состояніе.

Обращаясь за тѣмъ къ затрудненіямъ, встрѣченнымъ кабинетомъ и министромъ финансовъ для передачи Нерчинскихъ заводовъ и промысловъ въ полное распоряженіе ген.-губ., ген.-маіоръ Карсаковъ, не входи въ подробныя исчисленія всѣхъ сравнительныхъ расходовъ и доходовъ, существующихъ нынѣ по Нерчинскому, заводскому округу и могущихъ быть при осуществленіи предположеній ген.-губ., представилъ слѣдующія замѣчанія:

1) Доходъ съ Амурскихъ земель, который кабинетъ предполагалъ приобрести въ свою собственность и въ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣются значительныя источники золотопромышленности, до сихъ поръ не входилъ въ смѣту доходовъ съ Нерчинскаго горнаго округа, а слѣдовательно, и на будущее время, не можетъ быть смѣшиваемъ съ доходами, получаемыми съ Забайкальской области.

2) Мнѣніе кабинета, что въ Нерчинскомъ краѣ могутъ вновь открыться клады, подобныя тому, который былъ разрабатываемъ въ 1853 и 1854 годахъ, опровергается самимъ комитетомъ, учрежденнымъ въ 1858 году, который находилъ, что, по всѣмъ свѣденіямъ о положеніи Нерчинскаго горнаго округа, кабинетъ не имѣетъ надежды, чтобы обѣщанная ему при уступкѣ приписныхъ крестьянъ ежегодная добыча въ Нерчинскомъ округѣ 100 пуд. золота, упавшая въ послѣдніе 2 года почти на половину, могла опять возвыситься до

первой цифры. Тотъ же комитетъ опасался, чтобы съ унакомъ добычи золота и возвышеніемъ заводскихъ расходовъ, при обстоятельствахъ неблагоприятныхъ, какъ напр., въ случаѣ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ отъ мѣстныхъ неурожаевъ, Нерчинскіе заводы не только не перестали вовсе приносить дохода, но стали бы опять дѣйствовать въ убытокъ и обремененіе кабинета, какъ это случалось неоднократно въ прежніе годы и, исчисляя всю важность потери для кабинета отъ переименованія приписныхъ крестьянъ въ казаки, заключалъ положительно, что при тогдашнемъ числѣ способныхъ къ горнозаводскимъ занятіямъ взрослыхъ рабочихъ честнаго имени, не только не было возможности увеличить выплавку серебра, согласную съ попеченіемъ объ этомъ высшаго начальства, и усилить добычу золота съ сохраненіемъ соответственныхъ доходовъ кабинета, но даже и поддержать сіи производства въ бывшихъ въ послѣднее время размѣрахъ. Между тѣмъ число рабочихъ честнаго имени не увеличилось съ тѣхъ поръ, когда комитетомъ выражено было это мнѣніе, и не предвидится, чтобы оно могло увеличиться.

3) Чистый доходъ, получаемый съ Нерчинскаго округа, былъ въ 1856 году въ 199,000, въ 1857 въ 186,000, а въ 1858 году исчисленъ болѣе чѣмъ на 176,000 руб. сер.; доходъ съ Верхнеудинскихъ частныхъ промысловъ простирается въ 1856 году до 11,628, а въ 1857 году до 11,051 руб. сер. (40)

Трудно полагать, чтобы 300,000 ежегоднаго, постояннаго и вѣрнаго дохода не могли бы съ выгодною замѣнить кабинету невѣрный доходъ его, не превышающій въ послѣднее время 215,000 руб. сер. въ годъ.

4) Опасенія кабинета, чтобы освобожденіе рабочихъ честнаго имени въ Нерчинскомъ горномъ округѣ не повело къ разстройству горнозаводскаго производства, не могутъ быть оправданы, потому что освобожденные рабочіе, не имѣя достаточно собственныхъ средствъ для существованія и лишеныя провіанта, который они получаютъ пынѣ на себя и семейства свои, а между тѣмъ имѣя нѣкоторую осѣдность въ краѣ и, особенно, получивъ въ надѣль известное количество земли, какъ предполагаетъ ген.-губ., необходимо останутся на нѣкоторое время въ той же работѣ; но только уже не будутъ безотчетно зависѣть отъ управляющихъ заводами и промыслами, и работу будутъ производить и плату за нее получать условленную, а не произвольную по назначенію завѣдывающихъ работами, какъ это дѣлается нынѣ. При новомъ управленіи, сообразномъ съ существующимъ порядкомъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, не потребуется уже тѣхъ значительныхъ расходовъ на содержаніе административныхъ мѣстныхъ властей, существующихъ нынѣ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ, какъ то: горнаго начальника, горнаго правленія, конторъ, а также чиновниковъ и офицеровъ, которыхъ вмѣстѣ съ писцами и урядниками считается до 600 человекъ. При освобожденіи же рабочихъ честнаго имени и при надѣленіи ихъ землею останется на заботѣ правительства потребность провіанта только собственно для рабочихъ, а не для семействъ ихъ и мнѣніе графа Муравьева-Амурскаго, что въ настоящее время содержаніе рабочихъ честнаго имени составляетъ наибольшее бремя для заводовъ, совершенно справедливо, потому, что и семейства этихъ рабочихъ содержатся нынѣ на счетъ заводовъ; въ этомъ случаѣ дѣлаемое кабинетомъ сравненіе содержанія рабочаго честнаго имени въ 50 руб. 82 коп., (41) а ссыльнокаторжнаго въ 52 руб. не совсѣмъ правильно, такъ какъ при этомъ сравненіи не взяты въ расчетъ семьи

(40) По свѣдѣніямъ, нынѣ сообщеннымъ кабинетомъ е. в., доходъ этотъ въ 1858 году простирается до 27,000 р. с., а въ 1859 году, на основаніи отзыва главнаго управленія Восточной Сибири, ожидается около 85,000 р. с. Пр. тек.

(41) По отзыву кабинета е. в. въ этой суммѣ (50 р. 82 к.) показаны издержки и на содержаніе семействъ мастеровыхъ. Пр. тек.

рабочихъ. Потребность для вольнорабочихъ, сверхъ муки, еще и крупы, мяса, масла и проч. не можетъ также затруднить ихъ продовольственной части въ краѣ, потому что та же самая почти потребность въ сихъ предметахъ оказывается необходимою и нынѣ для горныхъ рабочихъ и ссыльнокаторжныхъ.

5) Нерчинскіе золотые промыслы находятся не на нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ черты населенія, но въ самомъ кругу населенія Нерчинскаго округа (исключая Бальджинскаго промысла), главнѣйшіе же частные золотые промыслы Восточной Сибири удалены отъ ближайшаго жилого мѣста на 200, а нѣкоторые на 300 и даже 350 верстъ. Нерчинскіе промыслы связаны исправными дорогами съ главными путями сообщенія края, дорога же къ частнымъ золотымъ промысламъ часто идетъ такъ называемой тайгой, т. е. цѣликомъ черезъ лѣса, болота и рѣчки, и при всемъ этомъ, не смотря на отдаленность частныхъ золотыхъ промысловъ отъ населенныхъ мѣстъ, они никогда не нуждались и не нуждаются въ наймѣ для нихъ рабочихъ, которые приходятъ со всѣхъ губерній Восточной и Западной Сибири и даже въ значительномъ числѣ изъ Европейской Россіи. По удостоенію ген.-майора Карсакова, основанному на близкомъ знакомствѣ съ мѣстнымъ положеніемъ Забайкальской области, недостатка въ желающихъ вольнорабочихъ и на Нерчинскіе промыслы быть не можетъ, но только въ такомъ случаѣ, если завѣдываніе ими будетъ не въ вѣденіи казеннаго управленія, а на основаніяхъ, существующихъ у частныхъ золотопромышленниковъ.

6) Ген.-губ. полагалъ, что частный золотопромышленникъ обыкновенно рассчитываетъ всѣ расходы на управленіе и работы въ $\frac{1}{3}$ часть стоимости добытаго металла, но поставлялъ при этомъ въ условіе: *при равномъ съ Нерчинскими промыслами содержаніи*, и хотя министръ финансовъ и замѣтилъ, что при условіяхъ, въ которыхъ находятся золотые пріиски Нерчинскаго округа, частное лице конечно бы получило съ одного и того же количества золота менѣе доходовъ, чѣмъ кабинетъ, но сравнивая во всякомъ предпріятіи частное управленіе съ казеннымъ, врядъ—ли можно найти тому подтвержденіе.

7) Расходъ по пенсіямъ на первое время хотя и увеличится; но въ послѣдствіи, за смертію пенсіоверовъ, постоянно будетъ уменьшаться и наконецъ совершенно прекратится.

8) Мин. финансовъ, исчисляя расходы по Нерчинскому горному округу, предполагаемые къ производству изъ госуд. казначейства, если Нерчинскіе заводы перейдутъ въ вѣденіе государственное, до 322,000, приходъ же только въ 38,000 р., и предполагая при новомъ порядкѣ расхода болѣе прежняго на 254,000 р. с., не включилъ вовсе въ число ежегоднаго дохода, дохода, получаемого съ золотыхъ промысловъ, а этотъ послѣдній доходъ долженъ быть принятъ, хотя въ равномъ количествѣ съ тѣмъ, какой получается нынѣ, а также и сокращеніе расходовъ на содержаніе Нерчинскаго горнаго управленія.—Доходъ съ золота даже нынѣ, при настоящемъ завѣдываніи горнымъ правленіемъ, приноситъ чистой прибыли болѣе 175,000 р., расходы же конечно будутъ менѣе 590,000 р., т. е. той суммы, которая на нихъ была рассчитана на 1858 годъ.

9) Увеличиваемая цѣнность рабочихъ, при вольномъ трудѣ, замѣнится при хозяйственномъ управленіи уменьшеніемъ самаго количества рабочихъ рукъ, потому что употребленіе до 5800 полносильныхъ рабочихъ для добычи 1,000 пуд. свинца, 10 пуд. серебра и до 60 пуд. золота ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться хозяйственнымъ, при настоящемъ содержаніи золотоносныхъ песковъ Нерчинскаго округа.

* Къ сему ген.-майоръ Карсаковъ присовокупилъ, что если е. в. угодно будетъ утвердить представляемые предположенія,

то граф Муравьевъ - Амурскій признаетъ возможнымъ 300,000 руб., которые госуд. казначейство будетъ ежегодно уплачивать кабинету, зачитать дѣйствительнымъ отпускомъ въ распоряженіе ген.-губ., въ счетъ тѣхъ суммъ, которыя будутъ подлежать къ ежегодному ассигнованію на укрѣпленіе и устройство При-Амурскаго края; но съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы, какіе будутъ получаться съ Нерчинскихъ горныхъ заводовъ и промысловъ и освобожденныхъ горныхъ рабочихъ, равно и пошлина съ частной золотопромышленности Верхнеудинскаго округа, уже поступали въ непосредственное распоряженіе ген.-губ. и употреблялись для Амурскихъ надобностей, а отчетъ въ расходъ этихъ суммъ представлялся въ собственные руки государю императору на тѣхъ же основаніяхъ, какъ представляется таковой объ остаточныхъ суммахъ, въ распоряженіи ген.-губ. находящихся.

Положеніе Сибирскаго комитета.

Сибирскій комитетъ нашель, что въ настоящемъ дѣлѣ требуютъ разсмотрѣнія и разрѣшенія два главные предмета: во 1^х измѣненіе порядка управленія Нерчинскими заводами вообще и отношеній ихъ къ кабинету е. в.; и во 2^х освобожденіе отъ зависимости заводовъ такъ называемыхъ рабочихъ честнаго имени.

По первому предмету комитетъ не могъ не принять въ уваженіе объясненій кабинета и мин. Двора(42), что предполагаемое ген.-губ. Восточной Сибири измѣненіе теперешняго порядка управленія Нерчинскими заводами, передачею ихъ въ госуд. вѣдомство, съ тѣмъ, чтобы казна постоянно платила кабинету 300,000 р. с. въ годъ на вѣчныя времена и чтобы за тѣмъ управленіе заводами было предоставлено въ полное распоряженіе ген.-губ. съ правомъ учреждать тамъ такое хозяйство, какое онъ признаетъ за лучшее, можетъ быть *невыгоднымъ для кабинета* е. и. в. Хотя доходы кабинета отъ Нерчинскихъ заводовъ въ послѣднее время значительно уменьшились, такъ что по проекту штата Нерчинскихъ заводовъ, составленному бывшимъ здѣсь особымъ о сихъ заводахъ комитетомъ, наименьшій доходъ кабинета отъ Нерчинскаго горнаго промысла исчисленъ въ 216,000 р. с. въ годъ, но въ этотъ расчетъ не вошли доходы кабинета отъ частной золотопромышленности въ Верхнеудинскомъ округѣ и отъ земель, кои должны быть отведены кабинету въ При-Амурскомъ краѣ, на основаніи послѣдовавшаго о семъ въ 1856 году высочайшаго повелѣнія е. в.; изъ дѣла же видно, что въ недавніе еще годы весь Нерчинскій доходъ кабинета простирался свыше 1,000,000 руб. По сему и принявъ во вниманіе, что Нерчинскіе заводы и принадлежащія имъ земли составляютъ собственность кабинета е. и. в.; что эта собственность не можетъ быть отчуждена безъ особо уважительныхъ причинъ(43); что *владеющій этою собственностью кабинетъ* находитъ отчужденіе ея для себя невыгоднымъ(44); что по богатству земель, принадлежащихъ къ округу Нерчинскихъ заводовъ, доходы отъ нихъ кабинета могутъ увеличиться; что при этомъ положеніи доходы сіи могутъ превзойти ту сумму, 300,000 руб. сер. въ годъ, которая, по предположенію ген.-губ., должна на вѣчныя времена производиться кабинету въ вознагражденіе за отчужденіе Нерчинскихъ заводовъ и принадлежащихъ имъ земель; и что, наконецъ, если теперешнее управленіе Нерчинскихъ заводовъ не соответствуетъ пользамъ кабинета, то съ приведеніемъ въ дѣйствіе *новаго* объ этомъ управленіи *проекта*(45), многіе недостатки тепе-

решнаго порядка будутъ устранены. — комитетъ съ своей стороны полагалъ, что Нерчинскіе заводы и принадлежащія имъ земли должны, по прежнему, составлять собственность кабинета е. и. в., но что управленіе ими заводами, какъ не вполне соответствующее мѣстнымъ ихъ обстоятельствамъ, должно быть измѣнено, упрощено и улучшено. Усматривая изъ представленныхъ комитету свѣдѣній что проектъ объ управленіи ими заводами находится нынѣ въ разсмотрѣніи ген.-губ. Восточной Сибири, комитетъ полагалъ, что отъ него, какъ главнаго мѣстнаго начальника не только всей Восточной Сибири, но и непосредственно Нерчинскихъ заводовъ, зависитъ при разсмотрѣніи сего проекта указать, какія именно измѣненія необходимы для того, чтобы заводы, составляя, по прежнему, собственность кабинета, имѣли управленіе лучше теперешняго и приносили кабинету болѣе теперешняго доходовъ.

По второму предмету комитетъ вполне согласился съ ген.-губ. Восточной Сибири, что настоящее положеніе приписанныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ рабочихъ честнаго имени требуетъ измѣненія. Изъ представленія ген.-губ., а еще болѣе изъ объясненій, сдѣланныхъ въ присутствіи комитета ген.-майоромъ Карсаковымъ, видно, что трудъ сихъ рабочихъ весьма тяжелъ и работы на Нерчинскихъ заводахъ почти однородны для приписанныхъ къ симъ заводамъ рабочихъ и для сосланныхъ туда тяжкихъ преступниковъ. И тѣ и другіе употребляютъ на работы безъ значительнаго различія, по назначенію и усмотрѣнію ближайшаго начальства. Ссылный за самое тяжкое преступленіе назначается въ работу не болѣе какъ на 20 лѣтъ; рабочій же честнаго имени, поступая на легкія работы съ 12, а на тяжелыя, однородныя съ каторжными, съ 18 лѣтняго возраста, продолжаетъ оную въ иныхъ случаяхъ 35 лѣтъ. Каторжные, по окончаніи срока работъ, поступаютъ на поселеніе, и по истеченіи извѣстнаго срока обращаются въ крестьяне; рабочіе же честнаго имени послѣ 35 лѣтней службы увольняются въ отставку съ незначительною пенсіею. Такимъ образомъ люди, не сдѣлавшіе никакого преступленія, несутъ на Нерчинскихъ заводахъ участь гораздо тяжелѣе преступниковъ. Такое неестественное положеніе не можетъ не имѣть неблагоприятнаго вліянія на рабочихъ честнаго имени. Они видятъ, что участь тяжкихъ преступниковъ сноснѣе ихъ участи. Послѣдствія такого положенія рабочихъ честнаго имени, по объясненію ген.-майора Карсакова, могутъ быть и вредны и пагубны.

Съ другой стороны комитетъ не могъ не принять въ уваженіе и объясненій мин. и. Двора, что предположеніе ген.-губ. Восточной Сибири относительно рабочихъ честнаго имени, состоящихъ при Нерчинскихъ заводахъ, не можетъ быть въ настоящее время приведено въ исполненіе. Онъ полагаетъ всѣхъ Нерчинскихъ рабочихъ честнаго имени, числомъ до 15,000 душъ обою пола, со включеніемъ урядниковъ, писарей и всѣхъ лицъ другихъ наименованій, къ сословію сему принадлежащихъ, обратить теперь же въ государственные крестьяне, надѣливъ ихъ полнымъ количествомъ земли изъ заводскихъ дачъ и обложивъ обыкновенными подушными и оброчными окладами съ платежемъ ихъ въ доходъ казны. *По твердому убѣжденію комитета* обращеніе всѣхъ сихъ рабочихъ теперь же въ крестьяне, съ совершеннымъ освобожденіемъ отъ всѣхъ работъ на заводахъ, не только уронитъ, но приведетъ и въ совершенный упадокъ горный промыселъ Нерчинскій къ вящему еще ущербу доходовъ кабинета е. и. в., къ разстройству главной промышленности Нерчинскаго края и къ пресѣченію одного изъ значительныхъ источниковъ металлическаго богатства всего государства, тѣмъ болѣе, что привыкнувъ съ дѣтства къ горному дѣлу, требующему особаго искусства, они въ такомъ отдаленномъ краѣ не всегда могутъ быть замѣнены людьми вольнонаемными. Между тѣмъ вопросъ объ устройствѣ

(42) Очень естественно, что дѣлопроизводитель Сибирскаго комитета Бутковъ не можетъ не принять въ уваженіе мнѣній подлыхъ и нелѣпныхъ.

(43) Разъ украденное—свято.

(44) Эге! договорились! Государственную собственность присвоилъ государь, а владеетъ этой собственностію кабинетъ, которому всякая перемена невыгодна.

(45) Во-первыхъ зачѣмъ же кабинету больше доходовъ въ ущербъ доходамъ государственнымъ? Это было бы новое воровство. Во-вторыхъ Муравьевъ не споритъ противъ майората дома Романовыхъ и предлагаетъ обезпечивающую ренту: за чѣмъ же вы не слушаете и порите все свою дичь, avec fin de non recevoir?

участи всѣхъ подобнаго рода работниковъ, находящихся какъ при Нерчинскихъ, такъ и при другихъ казенныхъ и кабинетскихъ заводахъ, разсматривается, въ общей совокупности, особымъ комитетомъ подъ предѣдательствомъ мин. Двора. Въ этомъ комитетѣ предположено уже даровать такимъ рабочимъ всѣ возможныя облегченія и освободить ихъ отъ настоящаго, почти крѣпостнаго къ заводамъ состоянія, но освободить постепенно, не вдругъ, мѣрами общими, а не частными, соотвѣтственно видамъ и указаніямъ е. в., дабы не разстроить и не уронить хозяйственнаго устройства горныхъ заводовъ вообще.

По отзыву м. им. двора работы сего комитета будутъ, по всей вѣроятности, копчены въ непродолжительномъ времени. При такомъ положеніи этого дѣла, когда рабочіе Нерчинскихъ заводовъ, наравнѣ съ рабочими прочихъ казенныхъ и кабинетскихъ заводовъ, получаютъ въ скоромъ времени особыя права и особое устройство, когда бытъ ихъ улучшится и улучшится на основаніяхъ общихъ, приступать теперь къ какимъ либо отдѣльнымъ, собственно для рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ мѣропріятіямъ, несогласнымъ съ общими видами и предположеніями, по убѣжденію комитета, будетъ во всѣхъ отношеніяхъ неудобно. Тѣмъ болѣе, по мнѣнію комитета, было бы неудобно принять въ отношеніи сихъ рабочихъ мѣру предполагаемую ген.-губ., т. е. освободить ихъ совсѣмъ отъ заводскихъ работъ и обратить въ крестьяне, однимъ словомъ изъ мастеровыхъ и рабочихъ сдѣлать ихъ земледѣльцами, отъ работъ, къ которымъ они привыкли и съ которыми освоились обратитъ ихъ къ труду имъ почти незнакому и новому(46). Въ сихъ видахъ комитетъ не могъ не обратить вниманія на весьма справедливое замѣчаніе мин. финансовъ, подкрѣпленное и ген.-адъютантомъ Чевкинскимъ, бывшимъ на Нерчинскихъ заводахъ и знакомымъ со всѣми подробностями ихъ устройства, что правительство должно дать, по возможности, на рудникахъ и заводахъ постоянное осѣдлое занятіе рабочимъ честнаго имени, сохранивъ въ Нерчинскомъ краѣ, наполненномъ преступниками, это ядро(47) трудолюбивыхъ и полезныхъ работниковъ и оградивъ ихъ отъ того крайняго раззоренія, которое они нынѣ терпятъ при непрерывныхъ передвиженіяхъ съ одного золотого прииска на другой.

Въ семь отношеній, изъ свѣденій представленныхъ комитету при слушаніи настоящаго дѣла, оказалось, между прочимъ, что положеніе рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ въ прежнее время было несравненно лучше нынѣшняго. Разстройство ихъ состоянія и нравственный ихъ упадокъ начались съ того времени, когда усилена развитъ въ Нерчинскихъ заводахъ золотой промыселъ. Посылка рабочихъ на промысла, удаленіе ихъ отъ жилищъ, и оставленіе ихъ въ продолженіе долгаго времени безъ достаточнаго призорнія и даже наблюденія, не можетъ не разстроить ихъ состоянія вообще. По мнѣнію комитета, для улучшенія положенія рабочихъ въ настоящее время, должны быть изысканы и приняты неотлагательно кабинетомъ особыя мѣры(48), которыя облегчили бы ихъ положеніе теперь же, въ ожиданіи того времени, когда сіи рабочіе, вмѣстѣ съ прочими подобными рабочими другихъ казенныхъ и кабинетскихъ заводовъ, будутъ освобождены отъ крѣпостной зависимости заводамъ.

Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ разсужденій комитетъ положилъ.

1) Нерчинскіе горные заводы съ принадлежащими къ нимъ землями оставить, по прежнему, собственностью кабинета е. и. в.

(46) "Послушай, ври, да знай же мѣру"...

(47) Жаль что это ядро трудолюбивыхъ зависитъ отъ ядра гнилыхъ комитетовъ и кабинетовъ.

(48) Вамъ Муравьевъ предлагаетъ эту единственно - возможную мѣру; чтожъ вы не слушаете? Видно золото приводитъ васъ къ нравственному упадку.

2) Предоставить ген.-губ. Восточной Сибири ускорить доставленіемъ ожидаемыхъ отъ него соображеній по проекту о порядкѣ управленія сими заводами, переданному ему еще въ 1858 году(49).

3) Предположенія объ освобожденіи состоящихъ при Нерчинскихъ заводахъ рабочихъ честнаго имени разсмотрѣть теперь тѣмъ порядкомъ, какой указанъ е. и. в. для разсмотрѣнія предположеній объ улучшеніи и устройствѣ быта рабочихъ, состоящихъ при горныхъ казенныхъ и кабинетскихъ заводахъ.

4) Между тѣмъ поручить кабинету е. и. в., особо отъ сего дѣла, сообразить всѣ средства и способы, коими теперь же можно бы было облегчить положеніе рабочихъ честнаго имени Нерчинскихъ заводовъ и въ особенности освободить ихъ отъ употребленія на дальніе золотые промыслы, и

5) Соображенія по сему предмету кабинета, по надлежащемъ съ тѣмъ слѣдуетъ сношеніи, привести въ исполненіе, установленнымъ порядкомъ, сообщивъ объ оныхъ, для свѣденія Сибирскому комитету(50).

Такое положеніе комитета, удостоившееся 3 Февраля прошлаго 1859 года в. одобренія, было сообщено, для завѣдующихъ распоряженій, ген.-губ. Восточной Сибири.

Вторая записка генералъ-губернатора Восточной Сибири.

Графъ Муравьевъ-Амурскій, принявъ во вниманіе, что означеннымъ положеніемъ Сибирскаго комитета управленіе Нерчинскими заводами признано не вполне соотвѣтствующимъ мѣстнымъ ихъ обстоятельствамъ и выражена необходимость измѣненія, упрощенія и улучшенія онаго, съ оставленіемъ заводовъ, по прежнему, въ вѣдомствѣ кабинета, представилъ въ Сибирскій комитетъ, въ Апрѣлѣ прошлаго года, новую записку о необходимости преобразования управленія и устройства Нерчинскихъ заводовъ, въ которой повторыетъ свое коренное убѣжденіе, что собственныя выгоды е. и. в. требуютъ безотлагательнаго освобожденія горнозаводскихъ людей отъ обязательнаго труда по Нерчинскимъ заводамъ, и что чѣмъ скорѣе будетъ оказана эта монаршая милость, тѣмъ успѣшнѣе и вѣрнѣе представится возможность дѣйствовать въ смыслѣ благосостоянія края и увеличенія доходовъ е. и. в. Въ этихъ видахъ графъ Муравьевъ-Амурскій представляетъ слѣдующія данныя :

1) Къ 1 Января 1859 на Нерчинскихъ заводахъ состояло офицеровъ и класныхъ чиновниковъ	56.
Копдукторовъ, уставщиковъ, пробирныхъ и маркшейдерскихъ учениковъ, штейгеровъ, гиттенмейстеровъ, разныхъ мастеровъ и учениковъ, учениковъ лѣкарскихъ и аптекарскихъ, учительскихъ помощниковъ	263.
Урядниковъ, канцелярскихъ служителей и писцовъ	410.
Рудоразборщиковъ	762.
Служителей	3,356.
Учениковъ окружнаго училища и частныхъ школъ	365.
Малолѣтнихъ мальчиковъ, получающихъ и не получающихъ отъ казны содержанія	2,971.
Женскаго пола	7,498.
Итого	15,681.

Сверхъ того :

Ссылкопаторжныхъ	2,809.
Ссылкопаторжныхъ, прикованныхъ къ стѣпкѣ	2.

(49) Бутковъ подкапывается подъ Муравьева. Еслибъ онъ зналъ какъ эта борьба возвыситъ Муравьева въ общественномъ мнѣніи и положитъ въ грязь всю эту бездарную и грабующую сволочь, составляющую кабинеты Александра II.

(50) Вотъ какими путями затыгиваютъ дѣло въ долгій ящикъ! И это дѣло удостоилось высочайшаго одобренія! Или государю пріятно, что изъ него дѣлаютъ владѣтеля незаконной собственности и подддержателя крѣпостнаго права, или онъ не понимаетъ что читаетъ... Въ обоихъ случаяхъ не утѣшительно!

Ссылнокаторжныхъ, употребляющихся въ работы скованными	173.
Богадѣльщиковъ	253.
Въ бѣгахъ : служителей	508.
— — — — — ссыльныхъ и ссылнокаторжныхъ.	3,104.
Итого (51)	6,849.

2) По числу задолжавшихся, въ 1858, рабочихъ людей и по количеству получаемаго на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири золота, на каждого человѣка причитается металла $1\frac{1}{2}$ фунта, при среднемъ содержаніи россыпей въ 88 долей, отъ 100 пуд. песка; на Верхнеудинскихъ частныхъ промыслахъ, гдѣ содержаніе золота въ россыпяхъ 55 долей, значительно менѣе Нерчинскихъ (78 долей), на одного человѣка причитается добытаго золота 80 золотниковъ. Въ Нерчинскомъ же горномъ округѣ (кромѣ Бальджинскаго промысла) на одного человѣка причитается полученнаго золота 48 золотниковъ. На Бальджинскомъ промыслѣ, въ мѣстности не населенной и удаленной отъ жилыхъ мѣстъ, въ первый годъ разработки, при содержаніи 2 золотн. 7 дол. на одного человѣка причитается золота около $1\frac{1}{2}$ фунта, не смотря на то, что значительная часть рабочихъ занималась обстройкою и приготовленіемъ промысла. При одинаковомъ же содержаніи золота на 10 Нерчинскихъ и 10 частныхъ промыслахъ изъ разныхъ системъ Восточной Сибири, по симъ послѣднимъ одинъ человѣкъ вырабатываетъ металла 1 фунтъ, въ 2 раза болѣе противъ Нерчинскихъ.

Принимая въ основаніе содержаніе Нерчинскихъ россыпей, расположенныхъ вблизи жилыхъ и населенныхъ мѣстностей, и содержаніе россыпей Бальджинской свиты, всѣ кабинетскіе промыслы, при употребленіи 3,000 человѣкъ рабочихъ, по на порядкѣ частномъ, должны дать 75 пуд.; исключая изъ сего 5 пуд. на разныя случайности, засухи и пельки рабочихъ, золота будетъ получено не менѣе 70 пуд., стоящихъ 875,000 р. На продовольствіе сихъ 3,000 человѣкъ, со включеніемъ тутъ же и всѣхъ накладныхъ расходовъ по управленію, постройкамъ, больницамъ и проч., полагая расхода на каждого человѣка кругомъ по 150 р., (52) употребится всего расхода 450,000 р., и получится чистой прибыли 425,000 р., на затраченный рубль 94%. Отъ этого произойдутъ еще слѣдующія выгоды : а) въ числѣ означенныхъ 3,000 челов., на вѣрное будетъ значительная часть изъ постороннихъ для горнаго вѣдомства людей, льготныхъ казаковъ, крестьянъ и ссылнопоселенцевъ ; б) рабочіе будутъ достаточно продовольствуемы пищею и одеждою, уничтожатся побѣги и преступленія ; и в) страна приобрететъ много отъ употребленія остальныхъ людей на развитіе земледѣлія и скотоводства ; и эта обоюдо рода сельская промышленность, знакомая вполне горнозаводскому сословію, заставляющему и нынѣ хлѣба до 3,595 десятинъ, доставитъ всему краю болѣе обильное, и, слѣдовательно, дешевѣйшее продовольствіе. При этомъ ген.-губ., имѣя въ виду разработку на частномъ порядкѣ Бальджинскаго золотого промысла, гдѣ рабочіе болѣею частію даже изъ уволенныхъ отставныхъ горныхъ служителей, и гдѣ въ 1858 не было ни одного побѣга, ни одного преступленія, убѣжденъ положительно, что работы на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго округа будутъ производиться вольнонаемными изъ обращенныхъ въ хлѣбопашцы горныхъ служителей, изъ людей другихъ свободныхъ состояній и значительнымъ числомъ ссылнокаторжныхъ, давая и послѣднимъ достаточный плакатъ и готовое продовольствіе.

(51) Хорошо управленіе, гдѣ 24% населенія въ бѣгахъ ; а кто эти двое прикованные къ стѣпѣ и на основаніи какой статьи XV тома положено такое наказаніе ?

(52) На Бальджинскомъ промыслѣ, не смотря на отдаленность онаго, населенность окружающей мѣстности, дороговизну закупокъ и перевозки, а также пропавденныя постройки, каждый человѣкъ въ первый годъ разработки обошелся въ 147 р., включая въ этотъ же расходъ и все мѣстное управленіе. Пр. Тек.

Ген.-губ. въ вѣщнее подкрѣпленіе убѣжденій своихъ приводитъ здѣсь слѣдующій годовою расходъ и прибыль отъ Нерчинскихъ заводовъ :

По смѣтѣ на 1859 въ Нерчинскомъ округѣ, за исключеніемъ Бальджинскаго золотого промысла, находящагося уже на частномъ упрощенномъ порядкѣ и управленіи, исчислено :

<i>Расхода.</i>	<i>Прибыли.</i>
670,296 руб.	36,774 р. 10 к.

Съ Бальджинскимъ же.

733,148 руб.	194,776 р. 98½ к.
--------------	-------------------

Съ 1840 по 1850 г., при существованіи приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, среднимъ количествомъ :

330,103 руб.	82,682 руб.
--------------	-------------

послѣ обращенія крестьянъ въ казаки :

Съ 1850 по 1853 годъ.

475,475 руб.	495,574 руб.
--------------	--------------

Съ 1853 по 1856 годъ.

588,787 руб.	1,213,206 руб.
--------------	----------------

Этотъ періодъ, по прибыли отъ Нерчинскаго горнаго промысла, составляетъ случайность, отъ богатства россыпей, пущенныхъ въ разработку вслѣдствіе минутей войны и на основаніи высочайшихъ повелѣній.

Съ 1856 по 1859 годъ.

543,609 руб.	314,465 руб.
--------------	--------------

При новомъ порядкѣ на частныхъ основаніяхъ :

<i>Расхода.</i>	<i>Прибыли.</i>
450,000 руб.	425,900 руб.

И эта прибыль получена при задолженіи 3,000 челов., въ числѣ коихъ будетъ весьма значительная часть вольнонаемныхъ изъ постороннихъ вѣдомствъ, и ссылнокаторжныхъ. Слѣдовательно, нѣтъ рѣшительно никакой надобности держать въ неволѣ, въ явный ущербъ интересовъ государя императора, столь значительное число горнозаводскихъ людей разнаго званія и тратить понапрасну огромныя суммы на выдачи плаката и семейнаго довольствія малолѣтнимъ мальчикамъ, лицамъ женскаго пола, а самимъ рабочимъ жалованья и провіанта въ зимнее время, когда работъ не производится, и когда между тѣмъ служители, привязанные къ мѣсту, лишены возможности заниматься собственнымъ своимъ дѣломъ.

И 4) Относительно мнѣнія противниковъ существованія сребросвинцоваго производства, по особымъ договорамъ, вольнонаемными, что при такомъ порядкѣ цѣнность серебра превыситъ истинную его стоимость, ген.-губ. удостовѣряетъ, что только при новомъ порядкѣ горные чиновники будутъ обязаны заботиться о совершенствованіи техническаго горнаго и заводскаго дѣла, не тратя понапрасну денегъ и рабочихъ силъ, и будутъ перевозить и пускать въ плавку руды обогащенные, а не такія, какія плавятся нынѣ, неочищенные, болѣею частію, отъ пустыхъ и пенужныхъ примѣсей.

Приведя такіе факты, ген.-губ. Восточной Сибири, въ видахъ отвращенія вреднаго для интересовъ к. и. в. употребленія денегъ и силъ человѣка, согласно прежняго своего мнѣнія, признаетъ безотложно необходимымъ :

1) Управленіе Нерчинскими рудниками, заводами и россыпями передать въ непосредственное распоряженіе ген. губ. Восточной Сибири, которому представлять о нихъ всеподданнѣйшій отчетъ въ собственныхъ руки к. и. в. При ген.-губ. назначить особаго бергъ-инспектора съ содержаніемъ въ 6,000 р., а при семъ послѣднемъ производителю дѣла и счетовъ чиновника съ содержаніемъ первому—1,400, а послѣднему 2,000 р., сверхъ того на наемъ писцовъ, канцелярскіе и другіе расходы 2,500 р., всего 11,900 р. с. въ годъ. Бергъ-инспектору сему поручается ревизовать и направлять горное дѣло во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшимъ результатамъ, подѣ

руководством ген.-губ., учреждать на заводахъ, рудникахъ и золотыхъ промыслахъ упрощенное письмоводство и счетоводство, на частномъ порядкѣ; онъ обязанъ представлять ген.-губ. годовыя смѣты доходамъ и расходамъ и годовую отчетность: первыя ген.-губ. препровождаетъ къ министру имп. двора для доклада государю императору, а послѣднюю представляетъ въ собственныя руки е. в. Кроме того предоставить ген.-губ. учреждать на заводахъ такого рода хозяйство, какое признаетъ онъ за лучшее, и преимущественно на основаніяхъ, частными людьми при разработкѣ рудниковъ и россыпей употребляемыхъ, равно предоставить ему поручать эти заводы, подъ главнымъ его вѣдѣніемъ, въ распоряженіе мѣстнаго воен. губ., если онъ признаетъ это удобнымъ и полезнымъ.

2) Вмѣнить ген.-губ. въ обязанность поддерживать серебряныя рудники, которые, по содержанію металла, будутъ того заслуживать; и вообще заботиться, дабы сія отрасль горнозаводскаго производства могла на будущее время представлять государству выгоды, которыхъ она въ настоящее время не приноситъ. Впрочемъ ген.-губ. предоставляется отдавать серебряныя рудники и заводы въ аренду частнымъ лицамъ по соглашенію его съ кабинетомъ е. и. в.

3) Всѣхъ Нерчинскихъ рабочихъ честнаго имени, со включеніемъ урядниковъ, писарей и всѣхъ лицъ другихъ наименованій, къ не чиновному сословію принадлежащихъ и невыслужившихъ сроковъ на класные чины, обратить въ свободныя хлѣбопашцы Нерчинскихъ заводовъ съ надѣленіемъ ихъ полнымъ количествомъ земли, съ обложеніемъ обыкновенными подушными и оброчными окладами въ доходъ кабинета е. и. в., давъ имъ льготу отъ оныхъ въ первые два года, послѣдующіе за освобожденіемъ.

4) Всѣ излишнія отъ надѣла сего земли, оставляя ихъ кабинетскими землями, распределить по указанному въ ст. 2151 Горн. Уст. Св. Зак. Т. VII изд. 1857 г., порядку, при чемъ только разрѣшить ген.-губ. надѣлять надлежащимъ количествомъ пашень и сѣнокосовъ, въ первые 2 года за освобожденіемъ, изъ означенныхъ земель пожизненно и безплатно, въ видѣ оброчныхъ статей, тѣхъ изъ чиновниковъ Нерчинскихъ заводовъ, которые, выйдя въ отставку, пожелаютъ остаться въ томъ краѣ.

5) Время поступленія означенныхъ горныхъ людей на податные оклады опредѣлить по соглашенію ген.-губ. Восточной Сибири съ кабинетомъ е. и. в.; при этомъ всѣхъ горнозаводскихъ людей, пользующихся нынѣ званіемъ мастеровъ и урядниковъ, равно увѣчныхъ, лично изъ оклада сего освободить до смерти.

6) Обращаемыхъ въ свободныя хлѣбопашцы горныхъ людей, въ видахъ увеличенія народонаселенія, а также въ уваженіе вѣковыхъ страданій, претерпѣнныхъ ими отъ крѣпостнаго состоянія, избавить навсегда отъ натуральной и денежной рекрутской повинности.

7) Людей сихъ предоставить на общихъ основаніяхъ въ главное мѣстное начальство воен. губ. Забайкальской области, обязавъ его ежегодно представлять объ нихъ отчетъ, чрезъ ген.-губ. Восточной Сибири, е. и. в.

8) Вмѣнить ген.-губ. въ обязанность употреблять въ работы на заводахъ, рудникахъ и золотыхъ промыслахъ ссыльно-каторжныхъ, которыхъ изъять изъ управленія Нерчинскими заводами и передать въ непосредственное вѣденіе мѣстнаго областнаго начальства, и предоставивъ сему послѣднему назначать ихъ на работы по Нерчинскому округу, и преимущественно на золотые промыслы, по усмотрѣнію воен. губ. Забайкальской области и съ производствомъ содержанія соразмѣрно ихъ труду и занятіямъ.

9) Получающимъ пенсію отставнымъ горнымъ инженерамъ класнымъ чиновникамъ, нижнимъ чинамъ и рабочимъ, вдо-

вамъ и сиротамъ, равно пріобрѣтшимъ право на пенсію, выдавать оныя до смерти изъ прибылей отъ Нерчинскаго горнаго промысла. (53)

10) Предоставить ген.-губ. оставить въ своемъ распоряженіи нѣкоторое число горныхъ офицеровъ и чиновниковъ для употребленія по Нерчинскимъ заводамъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы содержаніе ихъ входило въ общій, вышеизложенный расчетъ расходовъ по заводскому производству; впредь же опредѣлять на службу въ Нерчинскіе заводы горныхъ офицеровъ не иначе, какъ по особому о каждомъ изъ нихъ ходатайству ген.-губ.

При совершеніи сего преобразованія въ бытѣ горнозаводскаго сословія, ген.-губ. проситъ только кабинетъ е. в. имѣть на первое время въ мѣстныхъ магазинахъ необходимый запасъ хлѣба для вспоможеній за деньги или безвозмездно, по усмотрѣнію его, на обмѣненіе полей и выдачи тѣмъ горнымъ людямъ, которые найдутся въ затрудненіи перейти вдругъ на собственное свое продовольствіе.

За тѣмъ графъ Муравьевъ-Амурскій переходитъ къ вопросу о предоставленіи кабинету земель въ При-Амурскомъ краѣ. По объясненію его, Нерчинское горное вѣдомство, уже имѣя въ россыпяхъ своихъ, частію развѣданныхъ и болѣе уважительныхъ содержаніемъ (отъ 61 доли до 1 золотв. 71½ доли во 100 пудахъ песку), запаса золота слишкомъ 1,000 пуд., и въ рудникахъ и заводахъ серебра 2,000 и свинца 208,000 пуд., при настоящемъ порядкѣ управленія не пайдется въ возможности съ должною выгодною обрабатывать эти значительныя запасы драгоцѣнныхъ металловъ, неговоря уже о томъ, что Нерчинскій горный округъ достаточно не развѣданъ и заключаетъ въ себѣ большія еще количества драгоцѣнныхъ и другихъ металловъ; присоединеніе къ симъ заводамъ, какого бы то ни было поваго пространства изъ вновь пріобрѣтенныхъ Амурскихъ земель, поставило бы еще въ большее замѣшательство и затрудненіе мѣстное горное начальство съ его системою обязательнаго принужденнаго труда и съ его правилами давать содержаніе; едва достаточное для существованія рабочаго.

Вслѣдствіе сего и во исполненіе высочайшаго повелѣнія 1856 г. о поступленіи въ собственность кабинета части Амурскихъ земель, по лѣвому берегу Амура лежащихъ, какая признава будетъ наиболѣе выгодною, онъ находитъ полезнымъ—присоединить въ вѣдомство Нерчинскихъ заводовъ только верхнюю часть изъ вновь пріобрѣтенныхъ земель, включенную въ составъ Забайкальской области, а именно по лѣвому берегу р. Шилки, отъ впаденія въ оную р. Горбицы до слиянія рѣки Шилки съ Аргунью. Пространство это, составляя до 12,000 квадратныхъ верствъ, извѣстно уже своею золотоносностію по вершинамъ рѣкъ, впадающихъ въ Шилку и Амуръ. Кроме того, съ разрѣшеніемъ послѣ 1862, частной золотопромышленности въ областяхъ Амурской и Приморской, какъ о томъ положено высочайше утвержденнымъ 3 Февраля 1859 журналомъ Сибирскаго комитета, онъ полагаетъ отдѣлять въ доходъ кабинета е. в. извѣстный процентъ съ Амурской частной золотопромышленности по особому высочайшему назначенію.

Независимо отъ изложенныхъ въ настоящей своей запискѣ предположеній, графъ Муравьевъ-Амурскій, представивъ, отъ 10 Января минувшаго года, мин. имп. двора смѣты о дѣйствіи Нерчинскихъ заводовъ на этотъ годъ, снова выставялъ недостатки существующей нынѣ системы управленія сими заводами, называя ее несвоевременною и одряхлѣвшею, требующею огромной массы чиновнаго и пишущаго сословія, обязаннаго вести запутанныя и темныя счета и нескончаемую переписку; представлялъ о происходящихъ отъ этой системы убыткахъ для доходовъ е. и. в., о вредномъ ея вліяніи на нравственность рабочихъ и на успѣшность самыхъ работъ; настаивалъ на немедленномъ освобожденіи горнозаводскихъ людей изъ гор-

(53) Очевидно Муравьевъ не хочетъ обкрадывать государственное казначейство въ пользу кабинета; между тѣмъ какъ министру финансовъ подобная кража кажется такъ естественною, что онъ на этомъ даже и не замкнулся.

наго вѣдомства и перечисленіи ихъ въ свободное состояніе, съ надѣленіемъ ихъ полнымъ количествомъ земли, объясняя, что, пока обязательный трудъ не замѣнится вольнонаемнымъ, Нерчинскій округъ останется въ прежнемъ неестественномъ и страдательномъ положеніи, и ручаясь, что отъ исполненія этой мѣры и введенія упрощенной и сокращенной системы управленія увеличится количество добываемаго золота; наконецъ ходатайствовалъ о передачѣ ссыльнокаторжныхъ Нерчинскихъ заводовъ въ вѣдѣніе Забайкальскаго областного начальства(54). Въмѣстѣ съ тѣмъ графъ Муравьевъ-Амурскій отозвался, что по другимъ важнымъ занятіямъ онъ не успѣлъ рассмотреть препровожденнаго къ нему проекта штата Нерчинскихъ заводовъ, составленнаго кабинетомъ и высочайше одобреннаго 26 Августа 1858; но между тѣмъ въ представленныхъ имъ смѣтахъ число чиновниковъ, нижнихъ чиновъ и оклады ихъ жалованья назначены на основаніи сего проекта. Кабинетъ е. в., испросивъ высочайшее разрѣшеніе на утвержденіе этой смѣты, просилъ графа Муравьева-Амурскаго о скорѣйшемъ доставленіи заключенія по означенному проекту штата, на передачу же Нерчинскихъ ссыльнокаторжныхъ въ вѣдѣніе Забайкальскаго областного начальства испросилъ высочайшее одобреніе.

На остальные замѣчанія графа Муравьева-Амурскаго кабинетъ составилъ особое объясненіе, которое и представлено имъ министру импер. двора.

Мнѣніе министра императорскаго двора.

Мин. имп. двора, на разсмотрѣніе котораго была передана записка, представленная графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ въ Сибирскій комитетъ, въ Апрѣлѣ прошлаго года, объявилъ, что, въ отношеніи освобожденія Нерчинскихъ казенныхъ работниковъ отъ обязательнаго труда, онъ *непреклонно* остается при прежнемъ своемъ мнѣніи, и что *перемѣны сей, въ видахъ общей государственной пользы, теперь сдѣлать нельзя, а можетъ быть она исполнена лишь при общемъ преобразованіи всего горнозаводскаго населенія имперіи*(55).

Соображенія кабинета е. в. по запискѣ ген.-губ. Восточной Сибири, представленной имъ въ Апрель 1859 года.

Кабинетъ е. в., съ своей стороны, находитъ, что въ настоящемъ дѣлѣ подлежатъ обсужденію:

а) Преобразованіе мѣстнаго горнозаводскаго управленія; освобожденіе Нерчинскихъ мастеровыхъ отъ обязательныхъ работъ и передача ссыльнокаторжныхъ въ вѣдѣніе областного начальства, и

б) Право кабинета на разработку россыпей и рудниковъ въ При-Амурскомъ краѣ.

По первому изъ сихъ предметовъ кабинетъ замѣчаетъ сперва, что графъ Муравьевъ-Амурскій, возобновляя, на основаніи высочайше утвержденнаго 3 Февраля 1859 положенія Сибирскаго комитета, свое ходатайство о преобразованіи управленія Нерчинскимъ округомъ, не считаетъ уже по видимому обязательнымъ также высочайше утвержденное 26 Августа 1858 г. заключеніе кабинета о необходимости сохранить пастоящій порядокъ заводскаго управленія(56); потомъ находитъ, что нынѣ представленныя ген.-губ. предположенія о его передачѣ Нерчинскихъ заводовъ въ полное и исключительное управле-

(54) Очевидно въ новомъ проектѣ Муравьевъ на все согласился: и на признаніе законнымъ украденнаго у государства майората въ пользу Романовыхъ, и на присоединеніе къ нему части Амурскихъ земель, — лишь бы освободить рабочихъ честнаго имени, облегчить участь каторжныхъ, изгнать ворующее чиновничество, сократить расходы, увеличить доходы и направить ихъ расходованіе на государственную пользу въ Сибирскомъ краѣ; но все это не по вкусу кабинету; здравый смыслъ и честность съ его цѣлями несовмѣстны.

(55) Замѣчательная непреклонность въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ и при такомъ преклонномъ уиѣ.

(56) Да еслибъ ояъ это заключеніе кабинета принялъ за святыню, ояъ бы сталъ купаться въ одной грязи съ кабинетомъ.

ніе и обращеніи въ свободные хлѣбопашцы освобожденныхъ отъ обязательнаго труда тамошнихъ мастеровыхъ, суть тѣже самыя, которыя графъ Муравьевъ-Амурскій уже возбуждалъ въ концѣ 1858 г. въ Сибирскомъ комитетѣ, и кои комитетомъ не были одобрены. Различіе прежнихъ и нынѣшнихъ предположеній огривичивается тѣмъ, что теперь предполагается учредить при ген.-губ., по управленію Нерчинскими заводами, бергъ-инспектора, по особому штату, и что прежде подати съ освобожденныхъ мастеровыхъ и доходъ съ земель предназначались въ госуд. казначейство, для покрытія ежегодной уплаты кабинету 300,000 р., нынѣ же, когда заводы оставлены въ вѣдѣніе кабинета, суммы сіи уже назначаются сему послѣднему(57).

Затѣмъ, входя въ подробное разсмотрѣніе сихъ предположеній, кабинетъ объясняетъ, что управленіе Нерчинскими заводами уже и въ настоящее время представляетъ особенности, какихъ нѣтъ въ другихъ горныхъ округахъ имперіи. На Уралѣ и Алтай мѣстное главное начальство заводовъ вѣрено горнымъ инженерамъ, права и обязанности коихъ положительно опредѣлены закономъ и которые поставлены въ полную зависимость отъ ихъ высшихъ начальствъ, министерствъ финансовъ или имп. двора. Заводы же Нерчинскіе, находясь подъ главнымъ вѣдомствомъ кабинета е. в., на мѣстѣ управляются ген.-губ. Восточной Сибири и состоятъ на его отвѣтственности. Такое отношеніе ген.-губ. къ Нерчинскимъ заводамъ было установлено въ 1830 году, по мѣстнымъ обстоятельствамъ края, отдаленности отъ всякаго за ними надзора со стороны высшаго начальства и особому въ то время положенію заводовъ. Въ этомъ году Нерчинскій горный промыселъ изъ кабинета его величества поступилъ въ завѣдываніе министерства финансовъ. Заводы или приносили тогда ничтожные доходы, или дѣйствовали въ убытокъ; по этому-то въ условіяхъ о передачѣ обоихъ кабинетскихъ горныхъ округовъ, министерство финансовъ, принявъ на себя обязанность платить ежегодно опредѣленную сумму по заводамъ Алтайскимъ, Нерчинскіе горные промыслы приняло въ свое распоряженіе, безъ всякихъ по нимъ съ кабинетомъ расчетовъ. Нынѣ обстоятельства другія: не только Нерчинскіе заводы стали доставлять прибыли, копечно подверженныя огромнымъ колебаніямъ, но въ вѣ Восточной Сибири развилась еще частная золотопромышленность. Между тѣмъ горный промыселъ остался по прежнему въ распоряженіи одного лица, которому онъ былъ переданъ при своемъ упадкѣ(58). Лице сіе, по кругу его дѣйствій, по правамъ и обязанностямъ, будучи поставлено выше главныхъ начальниковъ Уральскаго и Алтайскаго, не могло быть приведено въ ту непосредственную по горному управленію отъ высшаго начальства зависимость, въ какой поставлены эти начальники. Съ другой стороны неопредѣлительность отношеній ген.-губ. къ кабинету, и неизвѣстность, въ чемъ должна состоять отвѣтственность его по заводамъ, были причиною недоразумѣній и того различія во взглядахъ на мѣстное заводское управленіе, которое возникаетъ нынѣ между графомъ Муравьевымъ Амурскимъ и кабинетомъ е. в. По мнѣнію графа Муравьева-Амурскаго, нынѣшняя система мѣстнаго заводскаго управленія недостаточна, не современна, и для успѣха предполагаемыхъ имъ перемѣнъ прежде всего необходимо Нерчинскіе заводы изъять изъ вѣдомства кабинета; по убѣжденію же кабинета, система сія совершенно согласна съ *существующимъ нынѣ законодательствомъ*, и пока оно не измѣнится и заводы останутся въ вѣдѣніи кабинета е. в., до той поры система сія въ ея суще-

(57) Какую же еще уступку сдѣлать ради спасенія края? Согласиться во всемъ съ кабинетомъ? Этого имъ хочется? Но Муравьевъ можетъ дѣлать ошибки, но погубить Сибирь и сдѣлаться подлецомъ ояъ не захочетъ.

(58) Ктоже это лицо, которое вывело горный промыселъ изъ упадка? Вѣдь не кабинетъ же! Замѣчательно и то, что когда промыселъ въ упадкѣ, государь возвращаетъ его государству; а когда промыселъ поправляется, ояъ опять отнимаетъ его у государства въ свою пользу.

ствѣ должна быть сохранена, иначе кабинетъ утратить всякое вліяніе на мѣстное управленіе принадлежащихъ ему заводовъ(59).

Устраненіе этого вліянія и составляетъ главную цѣль тѣхъ преобразованій въ мѣстномъ заводскомъ управленіи, о которыхъ графъ Муравьевъ-Амурскій ходатайствуетъ(60). Но такъ какъ прежнее предположеніе ген.-губ. о передачѣ Нерчинскихъ заводовъ въ полное его распоряженіе безъ всякаго вмѣшательства горной и всякой другой власти положеніемъ Сибирскаго комитета 3 Февраля 1859 г. не одобрено, то теперь онъ предполагаетъ уже учредить для надзора за кабинетскою горною промышленностью особаго бергъ-инспектора(61), который, будучи непосредственно подчиненъ одному ген.-губ., а не кабинету или другой власти, есть только простой исполнитель его распоряженій. Положеніе бергъ-инспектора представляется еще неопредѣлительнѣе, если, какъ предполагаетъ графъ Муравьевъ-Амурскій, будетъ призвано полезнымъ поручить заводы распоряженію мѣстнаго воен.-губ. Такимъ образомъ все управленіе Нерчинскими заводами по прежнему должно послѣдовать безъ всякаго въ немъ участія кабинета е. в., и только по двумъ предметамъ признается нужнымъ его согласіе, именно, на передачу серебрянныхъ рудниковъ въ аренду частнымъ лицамъ и на сохраненіе при заводахъ, на первое послѣ преобразованія время, необходимаго запаса хлѣба для выдачи, по назначенію ген.-губ., пособій тѣмъ горнозаводскимъ людямъ, которымъ будетъ затруднительно перейти вдругъ на собственное продовольствіе. Расходъ и учетъ заводскихъ суммъ графъ Муравьевъ-Амурскій предполагаетъ вести не по постановленіямъ счетнаго устава, но порядкомъ, частными лицами принятымъ, гдѣ нѣтъ строгихъ, обязательныхъ правилъ(62) для огражденія интересовъ владѣльца, но все зависитъ отъ собственной его довѣренности къ лицу, которое ведетъ приходъ и расходъ суммъ. Наконецъ все горнозаводское управленіе, будучи передано, по предположенію ген.-губ., непосредственно ему, должно зависѣть отъ его личнаго усмотрѣнія, и онъ учреждаетъ въ заводахъ такого рода хозяйство, какое признаетъ за лучшее, и преимущественно на основаніяхъ, частными людьми при разработкѣ рудниковъ и россыпей употребляемыхъ.

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ измѣненію вышшняго порядка мѣстнаго заводскаго управленія ген.-губ. поставяетъ ожидаемое при этомъ уменьшеніе заводскихъ издержекъ и въ особенности, такъ называемыхъ, расходовъ *накладныхъ*. Кабинетъ считаетъ необходимымъ войти въ разсмотрѣніе этого предмета, чтобы вывести заключеніе, въ какой мѣрѣ предполагаемая графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ перемѣны могутъ достигнуть указанной цѣли. По проекту ген.-губ. на содержаніе бергъ-инспектора назначается 6,000 р., двумъ при немъ чиновникамъ положено 3,400 р., для найма писцовъ, на канцелярскіе расходы, разъѣзды и проч. полагается 2,500 р., всего 11,900 р.; по проекту же штата, составленнаго кабинетомъ и высочайше одобреннаго 26 Августа 1858 г. расходы Нерчинскаго горнаго

(59) Откровенно и ясно; даже всѣ булабочки не забыты: предположенія Муравьева названы презрительно—мнѣніемъ; а подлая дичь кабинета—убѣжденіемъ. Одно только пропущено, что безъ сомнѣнія для блага Россіи необходимо, чтобъ эта мерзость, называемая кабинетомъ, дѣйствительно утратила всякое вліяніе.

(60) Отъ того именно, что онъ благородный человѣкъ и имѣетъ въ виду цѣль государственную, а не Чевкинно-Бутковскую съ примѣсью цѣлей Княжевича и К-шія.

(61) Видитъ кабинетъ, что вліяніе знающаго бергъ-инспектора гораздо полезнѣе вліянія Адлерберга, Мейндорфа, Пѣтухова и даже Дмитрія Нессельроде, видитъ и злится. Хочется ему сохранить вліяніе Адлерберга, который, на основаніи статьи 2157 Т. VII Св. Зак. изд. 1857 г., присутствуетъ въ кабинетѣ когда время позволитъ (когда Мипа Ивановна не требуетъ какой предусмотрительный и деликатный этотъ сводъ законовъ!).

(62) Но гдѣ есть отчетность, а не воровство, закутанное въ казенный формализмъ.

правленія опредѣлены въ 19,540 р., болѣе первой суммы на 7,640 р.; но въ счетъ издержекъ правленія отнесено содержаніе 2 горныхъ инженеровъ, при практическихъ занятіяхъ состоящихъ, механика и архитектора, 4 горныхъ межевщиковъ, 7 чертежниковъ, лѣсничаго и подлѣсничаго, лицъ заводамъ необходимыхъ, которыя неминуемо должны получать отъ нихъ и содержаніе, въ какую бы статью издержки на это отнесены ни были. Итогъ всѣхъ накладныхъ расходовъ, проектомъ штата опредѣленныхъ (считая и горное правленіе), простирается до 116,000 руб. Въ этой суммѣ заключаются, между прочимъ, слѣдующіе расходы:

а) На врачебную часть, ея инспектора, аптекаря, ветеринарнаго лѣкаря и проч. 3,474 р.

б) На окружное училище 2,908 р. Заведеніе это весьма важно для заводовъ потому, что въ немъ приготовляются низшаго разряда руководители для горнозаводскаго производства, имѣющіе непосредственное вліяніе на его успѣхъ.

в) На содержаніе своднаго пѣшаго казачьяго баталіона 28,740 р. 7½ к., т. е. ¼ часть всѣхъ накладныхъ заводскихъ расходовъ. По сравненіи съ издержкою 16,016 р. 73¼ к., которую по этому предмету несутъ Алтайскіе заводы, гдѣ число рабочихъ слишкомъ втрое болѣе, чѣмъ въ Нерчинскихъ, расходы послѣднихъ по этому предмету весьма велики и происходятъ отъ необходимости содержать усиленный караулъ за ссыльнокаторжными. Кабинетъ надѣется, что съ передачею ссыльнокаторжныхъ изъ горнаго вѣдомства въ управленіе Забайкальской области, ген.-губ. найдетъ средства уменьшить заводскіе по этой статьѣ расходы.

г) На отправку въ С. Петербургъ серебра и золота 4,000 р., на ремонтъ зданій главнаго управленія 2,000 р., на разъѣзды по округу 1,500 р.

Всѣ эти расходы необходимы; они должны остаться при всякомъ измѣненіи мѣстнаго заводскаго управленія и пасть въ цѣну металловъ. Равнымъ образомъ нельзя избѣгнуть на будущее время исчисленнаго по штату накладнаго расхода 7,000 р. на содержаніе приготовляющихся для заводской службы пенсіонеровъ въ горномъ институтѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. По отдаленности Нерчинскаго края, куда неохотно поступаютъ на службу свѣдущіе чиновники, содержаніе такихъ пенсіонеровъ, обязанныхъ срочною за воспитаніе службою, самимъ мѣстнымъ начальствомъ признавалось до сей поры необходимымъ и вѣроятно сохранится на будущее время.

Есть впрочемъ расходы, нынѣ по главному управленію исчисляемые, которые по освобожденіи мастеровыхъ отъ обязаннаго труда не будутъ располагаемы въ цѣну металловъ, такъ напр. болѣе 2,000 р. на содержаніе военносудныхъ комиссій, слишкомъ 1,800 руб. на богадѣльни, 20,000 руб. на пенсіоны служащимъ и болѣе 3,600 руб. на провіантъ пажимъ и рабочимъ чинамъ главнаго управленія. Но эти издержки, не падая прямо на металлы, неизбѣжно отвесутся на заводскій же счетъ косвеннымъ путемъ, потому что если заводы и отстраняютъ отъ себя прирѣвніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ, а также сложатъ обязанность выдавать провіантъ служащимъ и ихъ семействамъ, то этотъ же, или еще болѣе, расходъ они, по необходимости, должны будутъ приплачивать рабочимъ въ видѣ задѣльныхъ и иныхъ платъ, по добровольному, взаимному согласію установленныхъ(63).

Соображая всѣ сіи обстоятельства, кабинетъ приходитъ къ заключенію, что предполагаемая ген.-губ. перемѣны въ мѣстномъ заводскомъ управленіи не обѣщаютъ уменьшенія заводскихъ издержекъ въ общемъ ихъ итогѣ: нѣкоторыя изъ нихъ, конечно, не будутъ показываться по статьямъ, пынѣ

(63) Гадная ложь всего этого кабинетнаго разсчета до такой степени очевидна, что развѣ одинъ государь не пойметъ ее, а всякій простой читатель пойметъ съ разу.

непосредственно въ цѣну металловъ располагаемымъ, но за то онѣ еще въ большей степени увеличатся по другимъ предметамъ горнозаводскаго управления.

Не предвидя денежныхъ выгодъ отъ предполагаемыхъ гр. Муравьевымъ-Амурскимъ перемѣнъ въ мѣстномъ заводскомъ управленіи, кабинетъ не ожидаетъ отъ нихъ пользы и въ административномъ отношеніи. Не говоря уже о томъ *справедливо ли будетъ устранить мѣсто, завѣдывающее собственными е. в. доходами*, отъ всякаго на движеніе ихъ вліянія (что представило бы въ государствѣ единственный примѣръ распорядженій подобнаго рода), передача заводовъ въ полное и исключительное завѣдываніе ген.-губ. будетъ-ли совмѣстна съ обширностію другихъ, важныхъ занятій, нынѣ на немъ лежащихъ по управленію краемъ? Занятія сіи въ послѣдніе годы еще увеличились съ приобрѣтеніемъ Амурскаго края и требуютъ часто временныхъ отлучекъ ген.-губ.(64). Удѣляя заводскому управленію только небольшую часть своего времени посѣщая горный округъ изрѣдка, проѣздомъ, не долженъ ли онъ будетъ, по необходимости, передать свою власть по заводамъ подчиненнымъ ему лицамъ и дѣйствовать уже по ихъ представленіямъ? Если представленія сіи не будутъ подчиняться ни контролю кабинета, ни предварительному разсмотрѣнію самостоятельнаго, съ горнымъ дѣломъ знакомаго — мѣстнаго управленія, то какъ не ожидать въ этомъ случаѣ вреда заводскому дѣйствию и ущерба собственнымъ его величества доходамъ? *Кабинетъ всегда съ полною признательностію цѣнилъ заслуги графа Муравьева - Амурскаго по управленію Нерчинскими заводами, не забывая, что только его дѣятельности и настойчивости округъ обязанъ развитіемъ въ немъ золотаго производства; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кабинетъ его величества полагаетъ, что неудовлетворительное состояніе тамошняго горнаго промысла въ послѣдніе годы преимущественно отъ того и произошло, что увеличеніе важныхъ государственныхъ занятій ген.-губ. не давало уже ему возможности удѣлять заводскому управленію прежнюю времени.* Наконецъ, если даже графъ Муравьевъ-Амурскій лично въ себѣ и сознаетъ достаточно силъ для такого сложнаго и обширнаго управленія, то другое лице, которое со временемъ должно будетъ замѣстить его, согласится ли на нынѣ предполагаемыхъ ген.-губ. условіяхъ принять на себя управленіе заводами и не будетъ ли оно тяготиться частію, требующею специальныхъ свѣдѣній, неутомимой дѣятельности и внимательнаго личнаго надзора(65).

Не раздѣляя мнѣнія ген.-губ. о пользѣ предполагаемыхъ имъ перемѣнъ, кабинетъ е. в. въ тоже время сознаетъ, что и составленный имъ самимъ въ 1858 г. проектъ штата для мѣстнаго Нерчинскаго управленія долженъ подлежать значительнымъ измѣненіямъ, при ожидаемомъ преобразованіи въ бытѣ мастеровыхъ и въ ихъ отношеніяхъ къ заводамъ; проектъ сей составленъ въ то время, когда вопросъ объ улучшеніи положенія горнозаводскихъ людей только что возбужденъ и не было еще опредѣлительно извѣстно ни видовъ на него правительства, ни предѣловъ пожертвованій, на которыя оно въ этомъ отношеніи будетъ согласно. Посему кабинетъ полагаетъ, что полезнѣе бы было какъ настоящее предположеніе графа Муравьева-Амурскаго, такъ и проектъ штата, составленный кабинетомъ, не подвергать нынѣ окончательному обсужденію, но весь вопросъ о будущемъ устройствѣ мѣстнаго управленія Нерчинскимъ округомъ отложить до окончанія дѣла о рабочихъ(66).

(64) А кабинетъ бываетъ когданибудь ближе къ Нерчинску?

(65) Интересно знать кто писалъ эту страницу. Тутъ такъ поразительно ясно, что это писалъ человекъ, который въ душѣ лакей, прикащикъ, холопъ, притомъ глупый и немножко загуливающій, но привыкшій барина считать дуракомъ и обкрадывать на всѣ корни, и который испугался человека, заботящагося о пользѣ имѣнія и считающаго себя выше холопскихъ отношеній.

(66) Откладывайте, господа, въ долгой ящикъ. У насъ есть также твердое убѣжденіе, что исторія опередитъ васъ—и тогда пенайте не на народъ, а на самихъ себя.

Переходя за тѣмъ къ предположенію графа Муравьева-Амурскаго объ обращеніи Нерчинскихъ мастеровыхъ въ свободные хлѣбопашцы, кабинетъ замѣчаетъ, что вопросъ этотъ уже былъ разсматриваемымъ кабинетомъ, министромъ финансовъ и самимъ Сибирскимъ комитетомъ; всѣми единогласно признано неудобство исполнить это предположеніе въ томъ видѣ, какъ желаетъ ген.-губ. Восточной Сибири; но отклоняя путь, избранный имъ для освобожденія Нерчинскихъ мастеровыхъ отъ нынѣшняго обязательнаго труда, никто не оспаривалъ пользы и необходимости этого освобожденія. и въ § 3 *высочайше утвержденного журнала Сибирскаго комитета*(67) указанъ уже способъ для достиженія сей цѣли. Нынѣ ген.-губ. вновь старается доказать, что съ освобожденіемъ мастеровыхъ, заводы и кабинетъ е. в. не только не потеряютъ нынѣшнихъ доходовъ отъ Нерчинскаго горнаго промысла, но еще увеличатъ ихъ и въ доказательство сего приводитъ расчеты о добычѣ золота на частныхъ золотыхъ промыслахъ и прошлогоднее дѣйствіе Бальджинскаго золотого промысла. Кабинетъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи тѣхъ свѣдѣній, какія были у графа Муравьева-Амурскаго, *не можетъ ничего сказать противъ* его вывода, и замѣчаетъ только, что сравненіе успѣховъ дѣйствія промысловъ, основанное на одномъ числѣ людей и содержаніи песковъ, не можетъ еще быть признано за совершенно правильное. Кромѣ богатства россыпей, размѣръ ихъ, трудность добычи песковъ, количество пустыхъ породъ (торфа), подъ которыми скрытъ металлъ, обиліе или недостатокъ воды для движенія машинъ и для промывки песковъ и другія естественныя условія, промышленная рабочая сила, время и способы ея употребленія имѣютъ большое вліяніе на количество добычи золота и дохода отъ нея. *Частный промышленникъ нанимаетъ только здоровыхъ, способныхъ работниковъ, даетъ имъ занятія въ одни мѣсяцы, наиболѣе удобные для добычи золота; въ казенныя работы, напротивъ того, поступаютъ всѣ, и крѣпкіе, и слабосильные*(68), на Нерчинскихъ же промыслахъ половина работниковъ ссыльнокаторжныхъ, трудъ которыхъ, по нерадѣнію ихъ и непривычкѣ, не можетъ сравниться съ трудомъ людей свободныхъ. Къ этому должно присовокупить, что дѣйствіе Нерчинскихъ промысловъ кромѣ промывки песковъ, продолжается круглый годъ, и даже въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, когда дни такъ коротки и суровость климата дѣлаетъ работу малоуспѣшною, она не прекращается, потому что, по удаленію приисковъ, не представляется возможности дать людямъ, и въ особенности преступникамъ, другихъ выгодныхъ занятій. Поэтому кабинетъ, соглашаясь съ замѣчаніемъ графа Муравьева-Амурскаго, что этотъ мѣстный недостатокъ Нерчинскаго промысловаго дѣйствія составляетъ главную причину неуспѣшности добычи золота, остается однако же при томъ убѣжденіи, что не столько число людей и способы ихъ употребленія, сколько средства, самую природою предоставленныя, имѣютъ вліяніе на добычу металла и въ особенности на происходящіе отъ нея доходы. Доказательство тому представляетъ самый Нерчинскій округъ: въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ число тамошней промысловой команды было почти одинаково, порядокъ назначенія людей въ работы былъ тотъ же между тѣмъ вымывка золота и доходы отъ нея кабинета подвергались чрезвычайнымъ колебаніямъ. Колебанія эти достаточно объясняются неодинаковымъ богатствомъ промытыхъ песковъ; такъ въ 1853 они заключали во 100 пудахъ 2 зол. 39 долей и золота добыто 163 п., а въ 1857 только 77½ долей или почти въ 3 раза менѣе, и добыча золота упала до 63 пудовъ. Равнымъ образомъ кабинетъ не раздѣляетъ и того заключенія, что опытъ разработки Бальджинскаго промысла въ прошедшемъ году положительно доказалъ *преимущество, въ хозяйствен-*

(67) Хотъ бы ужъ не упоминали въ пощадѣ къ государю!

(68) Да кто же велитъ сохранять этотъ порядокъ вещей, когда предлагается замѣнить его болѣе выгоднымъ?

номъ отношеніи, вольною труда предъ обязаннымъ, потому что условія добычи металла обоими способами не были въ прошедшемъ году одинаковы, а исчисленіе употребленныхъ въ томъ и другомъ случаѣ расходовъ, по строгой справедливости, нельзя назвать правильнымъ. Промытые на Балд-жинскомъ промыслѣ пески были втрое богаче россыпей, обработанныхъ въ 1858 на другихъ Нерчинскихъ мѣсторожденіяхъ, и притомъ въ разцѣвку золота, полученнаго людьми вольнонаемными, нисколько не было отнесено накладныхъ расходовъ по управленію Нерчинскими заводами, издержекъ на поддержаніе производства серебрянаго и т. п. предметовъ(69).

Такъ какъ вопросъ объ освобожденіи Нерчинскихъ мастеровыхъ отъ обязательнаго труда не замедлитъ разрѣшиться, какія бы ни были отъ него послѣдствія для заводовъ, *выгодныя или невыгодныя*(70), что опытъ послѣдующихъ лѣтъ лучше покажетъ, чѣмъ всѣ нынѣшніе, преждевременные и односторонніе расчеты, и какъ разногласіе кабинета съ ген.-губ. происходитъ не о существѣ самаго дѣла, но только о времени и способѣ его исполненія, то кабинетъ, не видя необходимости отступать отъ началъ, изложенныхъ въ § 3 *высочайше утвержденнаго 3 Февраля 1859 положенія Сибирскаго комитета*(71).

Относительно изытія ссыльнокаторжныхъ изъ вѣденія и управленія горнаго вѣдомства съ передачею ихъ на государственный счетъ въ управленіе Забайкальскаго областного начальства, кабинетъ объясняетъ, что предположеніе о семъ уже было сообщено въ прошломъ году ген. губ. и что оно совершенно согласно съ видами по сему предмету кабинета и заключеніемъ бывшаго въ 1858 особаго о Нерчинскихъ заводахъ комитета. Предположеніе это уже удостоилось одобренія г. и. и съ высочайшаго разрѣшенія графу Муравьеву-Амурскому предложено развить оное въ особомъ положеніи, которое могло бы быть представлено на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ(72).

Обращаясь къ вопросу о *правѣ* на Амурскія земли, кабинетъ е. в. объясняетъ, предварительно, какимъ образомъ онъ полагаетъ воспользоваться этимъ правомъ. Не изъявляя никакого требованія собственно на земли вновь пріобрѣтеннаго края, кабинетъ желалъ только извлечь для себя выгоды изъ тамошнихъ металлическихъ богатствъ, и съ этою цѣлью представилъ слѣдующее по сему предмету ходатайство, одобренное и министромъ императорскаго двора :

1) Чтобы *Нерчинскимъ заводамъ* предоставлено было право во вновь *пріобрѣтенномъ краѣ* искать, развѣдывать и разрабатывать въ пользу кабинета е. в. золотыя россыпи, серебряныя и другія рудныя мѣсторожденія и тѣ изъ нихъ, которыя по близости къ Нерчинскому округу; богатству своему или другимъ выгоднымъ условіямъ, кабинетъ признаетъ полезнымъ разрабатывать собственными средствами, сохранить за кабинетомъ, мѣсторожденія же, средствами кабинета найденныя, но которыя разрабатываютъ со стороны заводовъ признано будетъ неудобнымъ, отдавать въ пользо-

ваніе частнымъ лицамъ по условіямъ, съ кабинетомъ заключеннымъ(73). Впредь до приведенія въ положительную, по возможности, извѣстность металлическихъ богатствъ вновь пріобрѣтеннаго края, сохранить за кабинетомъ *исключительное право поиска россыпей* и рудныхъ мѣсторожденій на всемъ пространствѣ Амурскаго края, прилежащемъ къ Нерчинскому округу и ограничивающемся Яблоннымъ хребтомъ, теченіемъ рѣки Амура и *впадающею въ нее рѣкою Зеєю*, со всѣми ея притоками правой и лѣвой сторонъ, гдѣ предварительными изслѣдованіями Забайкальской Экспедиціи, произведенными при содѣйствіи со стороны Нерчинскихъ заводовъ, уже найдены слѣды металлическихъ мѣсторожденій.

2) Все остальное пространство вновь пріобрѣтенныхъ земель предоставить для поиска россыпей и рудныхъ мѣсторожденій, частнымъ лицамъ по вѣдомству министерства финансовъ, если правительство признаетъ полезнымъ нынѣ же промыселъ этотъ разрѣшить; но *пошлину съ добытаго на пространство семъ золота* *взыскивать въ пользу кабинета е. в.*, подобно тому, какъ сіе нынѣ дѣлается по *Верхнеудинскому округу*(74). Въ послѣдствіи частному горному промыслу можетъ быть предоставлена и часть тѣхъ земель, которыя нынѣ сохраняются для исключительнаго пользованія кабинета, когда, по произведеннымъ со стороны его изслѣдованіямъ, земли сіи не потребуются для горнаго промысла Нерчинскаго.

3) Для приведенія въ извѣстность металлическихъ богатствъ вновь пріобрѣтеннаго края, въ нынѣшнемъ же году командировать отъ Нерчинскихъ заводовъ, на счетъ кабинета е. в., двѣ или три золотоискательныя и рудныя партіи, преимущественно на тѣ мѣста, гдѣ уже обнаружены признаки золота, предоставивъ ближайшее распоряженіе симъ дѣломъ ген.-губ. Восточной Сибири. Согласно съ симъ кабинетъ, съ разрѣшенія графа Адлерберга, уже *послѣшилъ просить*(75) графа Муравьева-Амурскаго о назначеніи въ нынѣшнемъ же году одной или нѣсколькихъ золотоискательныхъ и рудныхъ партій, преимущественно въ ближайшія къ Нерчинскому округу мѣста, гдѣ по изслѣдованію Забайкальской Экспедиціи уже открыты слѣды металловъ, съ тѣмъ, чтобы ко времени предполагаемаго разрѣшенія въ этомъ краѣ частной золотопромышленности не могло встрѣтиться затрудненія въ указаніи для нея мѣсть. Отвѣта на сію просьбу отъ ген.-губ. еще не получено.

За тѣмъ, противъ предположеній по сему предмету ген.-губ., кабинетъ объясняетъ, что указанный ген.-губ. запасъ, 1,000 пуд. золота въ россыпяхъ и 2,000 пуд. серебра въ рудникахъ, не составляетъ еще вѣрнаго обезпеченія будущихъ доходовъ кабинета отъ Нерчинскаго горнаго промысла. Запасъ сей, какъ изъ донесенія мѣстнаго начальства извѣстно, заключается въ мѣсторожденіяхъ мало изслѣдованныхъ, и потому нельзя сказать, будетъ ли для заводовъ выгодно извлечь все означенное количество металла изъ россыпей и рудниковъ. Когда бы запасы золота и серебра опредѣлены были вѣрно и выгода ихъ выработки не подлежала сомнѣнію, то добыча металла не упала бы въ округѣ до той степени, до какой она понизилась въ послѣдніе годы. Посему желаніе

(69) И глугъ съ ученымъ видомъ зватокъ безъ всякаго поиманія дѣла.

(70) Самопожертвованіе кабинета!

(71) Право не прилично на каждомъ шагѣ колоть глаза государю за это несчастное утвержденіе!

(72) Это на смѣхъ Муравьеву. Развѣ можно что нибудь сдѣлать изъ управленія только ссыльными, когда все управленіе въ лапахъ кабинета?

(73) Еще способъ красть.

(74) Если въ одномъ мѣстѣ государство обокрадено, отъ чего же не обокрасть его и въ другомъ? Это покрайней мѣрѣ логично.

(75) Какая учтивость, чтобы сказать, что отвѣта на эту просьбу неплучено и повредить Муравьеву въ мнѣніи государя, который конечно не замѣтилъ, что на такую лаксійскую насмѣшку отвѣчать не лзя.

кабинета приобрести въ Амурскомъ краѣ новыя, лучшія мѣсторожденія драгоцѣнныхъ металловъ *едва ли можетъ быть оспариваемо* ген.-губ., тѣмъ болѣе, что желаніе это основано на правѣ, высочайше дарованномъ кабинету за сдѣланныя имъ пожертвованія(76). Кромѣ того кабинетъ не предъявлялъ съ своей стороны намѣренія добывать въ новомъ краѣ металлы тѣмъ же обязательнымъ трудомъ, который до сего времени существуетъ въ Нерчинскомъ округѣ; согласіе на разработку Бальджинской россыпи людьми вольнонаемными могло уже удостовѣрить ген.-губ., *какіе виды имѣетъ на будущее время кабинетъ для разработки отдаленныхъ мѣсторожденій.* Что касается присоединенія къ Нерчинскому округу только верхней части вновь приобретенныхъ земель, отъ устья Горбицы до соединенія Шилки съ Аргунью или до начала собственно рѣки Амура, то предложеніе сіе несогласно будетъ съ высочайшимъ повелѣніемъ по которому Нерчинскимъ заводамъ предоставлены *лучшія мѣста по лѣвому берегу этой самой рѣки*(77). А потому, чтобы сохранить собственныя выгоды е. и. в. и вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣснить частной золотопромышленности, которую во вновь приобретенномъ краѣ предполагается разрѣшить только съ 1862, кабинетъ полагаетъ вопросъ *о принадлежности ему Амурскихъ земель, по точному смыслу вышеприведеннаго высочайшаго повелѣнія,* отложить до окончанія предварительныхъ развѣдокъ, о которыхъ кабинетъ просилъ ген.-губ. и которыя въ теченіе 1859, 1860 и 1861 могутъ повести къ болѣе правильнымъ заключеніямъ о металлическомъ богатствѣ Амурскаго края, потому что изслѣдованія, до сего времени произведенныя, были весьма бѣглы и неопредѣлительны.

Сообразивъ всѣ вышеизложенныя свѣденія, а также имѣя въ виду: а) что будущее устройство мѣстнаго управленія Нерчинскими заводами необходимо сообразить съ тѣми переменами, какія послѣдуютъ въ отношеніяхъ освобожденныхъ рабочихъ къ заводскому управленію; б) что ген.-губ., возобновляя вопросъ объ освобожденіи Нерчинскихъ мастеровыхъ, *не представилъ новыхъ, опредѣлительныхъ основаній, которыя бы могли побудить къ безотлагательному исполненію его ходатайства въ отпѣну состоявшагося уже по сему предмету положенія Сибирскаго кабинета*(78), и в) что принадлежность кабинету мѣстъ въ Амурскомъ краѣ должна опредѣлиться только по изслѣдованіи металлическихъ его богатствъ, кабинетъ е. в. полагаетъ, что вопросы, представленные нынѣ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, кромѣ предположенія о ссыльнокаторжныхъ, не могутъ получить теперь же окончательнаго разрѣшенія и что въ дѣлѣ семъ надлежитъ:

1) Будущее устройство мѣстнаго Нерчинскаго горнозаводскаго управленія прямо зависящее отъ того положенія, въ какое постановлены будутъ рабочіе, отложить до ожидаемыхъ по послѣднему предмету переменъ, до того же времени управленіе сіе и отношенія его къ кабинету е. в. оставить въ настоящемъ видѣ, а дѣйствіе заводовъ подчинить нынѣ

(76) Государь даетъ право кабинету, въ вознагражденіи за пожертвованіе! и какъ же это кабинету?... т. е. самому себѣ? Или кабинетъ тоже самъ по себѣ, еще что то особенное.

(77) Кабинетъ хочетъ, чтобы государь краѣ у государства на выборъ.

(78) Да какихъ же имъ еще доказательствъ нужно? Что это заприкидываніе глухими? Въ самомъ дѣлѣ мы нигдѣ не встрѣчали такой непродолжимой наглости.

существующимъ правиламъ, указаннымъ въ высочайше утвержденномъ въ 1858 журналѣ особаго по заводамъ сибирскаго комитета. Кабинетъ, отлагая до времени окончательное разрѣшеніе настоящаго вопроса, сохраняетъ убѣжденіе свое, что если Нерчинскіе заводы останутся въ его вѣдѣніи, то высочайше одобренный уже 26го Августа 1858 порядокъ мѣстнаго управленія въ существѣ его должно будетъ сохранить, съ тѣми въ отношеніи числа служащихъ лицъ, ихъ правъ и обязанностей измѣненіями и съ тѣмъ ограниченіемъ расходовъ, какіе при новомъ порядкѣ заводскаго дѣйствія будутъ признаны полезными; равнымъ образомъ кабинетъ признаетъ необходимымъ *ближе и точнѣе опредѣлить въ то время отношенія его къ ген.-губ.*(79).

2) Въ отношеніи освобожденія Нерчинскихъ мастеровыхъ поступить на точномъ основаніи § 3 высочайше утвержденнаго 3 Февраля журнала Сибирскаго комитета, которымъ заключено предположеніе сіе исполнить при общемъ измѣненіи быта горнорабочихъ имперіи, по даннымъ на сей предметъ е. и. в. указаніямъ.

3) Вопросъ о принадлежности кабинету Амурскихъ земель отложить также до 1862 г., поручивъ ген.-губ. изслѣдовать, по возможности, къ тому времени металлическія богатства этого края(80). — Предполагаемое изслѣдованіе Амурскаго края не можетъ остановить положенія о частной въ семъ краѣ золотопромышленности, надъ которымъ трудится въ настоящее время ген.-губ., потому что съ окончаніемъ развѣдочныхъ работъ, осенью 1861, къ новому 1862 могутъ уже быть положительно опредѣлены мѣста, остающіяся за кабинетомъ, и пространства, предоставленныя частнымъ золотоискателямъ; что касается назначенія процептовъ съ золота въ пользу кабинета, то предметъ сей не можетъ остановить рѣшенія дѣла, какъ скоро указавъ будетъ общій размѣръ подати, наложенной на промышленниковъ.

4) Предположенія ген.-губ. о передачѣ Нерчинскихъ ссыльнокаторжныхъ изъ горнаго вѣдомства въ управленіе Забайкальскаго областнаго начальства, какъ уже одобренное съ высочайшаго разрѣшенія кабинетомъ и не имѣющее прямой связи съ другими вышеизложенными вопросами, можетъ подлежать исполненію нынѣ же.

Обсудивъ представленные нынѣ предположенія ген.-губ., кабинетъ обратился къ разсмотрѣнію мѣръ о немедленномъ облегченіи Нерчинскихъ горнорабочихъ, составленіе которыхъ возложено на него 4 п. высочайше утвержденнаго 3 Февраля 1859 журнала Сибирскаго комитета. По убѣжденію кабинета, согласному съ изложеннымъ въ этомъ журналѣ мнѣніемъ Сибирскаго комитета, настоящее тягостное положеніе мастеровыхъ Нерчинскаго округа происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: *продолжительнаго срока ихъ службы на заводахъ и переводовъ на отдаленныя золотыя промыслы. Обязанная на заводахъ служба Нерчинскихъ мастеровыхъ не можетъ долго продолжаться, въ слѣдствіе возбужденнаго по высочайшему повелѣнію вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ всѣхъ горныхъ заводовъ имперіи. Посему при изысканіи средствъ для безотлагательнаго облегченія мастеровыхъ Нерчинскихъ заводовъ, кабинетъ не*

(79) Т. е. кабинету хочется, ничего не измѣнивъ въ управленіи заводами и въ положеніи населенія, отдѣлаться отъ вліянія Муравьева.

(80) Онъ же и работай въ пользу холоповъ барина, отнимающаго государственную собственность.

касаются уже отмены или уменьшения сроков их обязательной службы(81).

Добыча россыпного золота составляет нынѣ главный горный промыселъ Нерчинскаго края и единственный источникъ доходовъ кабинета е. в., потому что производство серебряное въ настоящее время ограничивается почти исключительно развѣдкою рудниковъ и даетъ въ годъ не болѣе 10 пуд. серебра, дѣйствительная цѣнность которыхъ не превосходить 9,400 руб., тогда какъ всѣ расходы по серебряному производству простираются до 73,000 руб. Кабинетъ, жертвуя такимъ образомъ ежегодно болѣе 63,000 руб., руководствуется въ семъ случаѣ высочайше утвержденнымъ 15 Марта 1858 г. заключеніемъ особаго по Нерчинскимъ заводамъ комитета(82), который имѣлъ цѣлю симъ временнымъ пожертвованіемъ изслѣдовать и приготовить серебряныя рудники Нерчинскаго края для болѣе правильной и хозяйственной ихъ выработки, вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣриться, въ какой степени благонадежна эта важная отрасль горнаго промысла и въ какомъ видѣ и размѣрѣ она должна быть устроена на будущее время, для пользы края и выгодъ кабинета е. в. Нынѣ въ округѣ считается до 3,880 рабочихъ честнаго имени какъ взрослыхъ, такъ и подростковъ, употребляющихся въ работы. Изъ нихъ серебрянымъ производствомъ занимаются до 860 человекъ; за тѣмъ остается болѣе 3,000 человекъ, которымъ надлежитъ дать занятія на золотыхъ промыслахъ, ибо *удѣлять болѣе рукъ, непроизводительному въ настоящую пору, промыслу серебряному было бы невыгодно для кабинета е. в.*(83). Золотыя россыпи покрываютъ Нерчинскій округъ въ различныхъ мѣстахъ; до 1858 онѣ раздѣлялись на два главные округа: Южный или Александровскій, ближайшій къ рудникамъ и заводамъ, и Сѣверный или Шилкинскій, болѣе удаленный отъ заводскихъ селеній. Въ первомъ округѣ въ 1858 считалось 13 золотыхъ россыпей съ запасомъ до 237 пуд. золота; въ Сѣверномъ округѣ золотыхъ приисковъ 16; въ нихъ золота считается до 850 п. Въ прошедшемъ году началась добыча металла въ третьей, югозападной части округа, по системѣ рѣки Онона, въ Бальжинской россыпи, которая такъ удалена отъ другихъ горнозаводскихъ селеній, что разработка ея производится вольнонаемными людьми. Въ 1858 изъ приисковъ Южнаго округа предполагалось добыть 34 пуда золота 2,580 рабочими; изъ россыпей Сѣвернаго округа назначалось получить 26½ п. золота 2,150 рабочими. Предполагая, что дѣйствіе Нерчинскихъ золотыхъ промысловъ и на будущее время можетъ быть поддерживаемо въ размѣрѣ близкомъ къ тому, какой назначался въ 1858 (что уже нынѣшній запасъ металла въ южныхъ россыпяхъ и дозволяетъ, въ теченіе 7 или 8 лѣтъ, не говоря о новыхъ открытіяхъ, которыя, при усиленныхъ развѣдкахъ могутъ еще быть сдѣланы), кабинетъ полагаетъ, чтобы улучшить бытъ мастеровыхъ честнаго имени, сохранить для нихъ исключительно разработку россыпей Южнаго

(81) Даже того что кабинетъ самъ признаетъ зломъ, съ нимъ бороться не хочетъ, надѣясь на близкую будущность, которую онъ постарается превратить въ далекую.

(82) Благородный кабинетъ жертвуетъ 648% безъ всякой пользы для государя, но съ великой пользою для членовъ управленія,—а государь себя знай подписываетъ.

(83) Есть предѣлъ и грабежу; видно въ мірѣ ничего нѣтъ безконечнаго, если уже тупоумію и грабежу нѣмецкаго управленія въ Россіи есть предѣлъ.

округа(84), работу же на сѣверныхъ россыпяхъ предоставить преимущественно ссыльнокаторжнымъ, удѣляя въ дополненіе къ нимъ для работъ техническихъ только небольшое число мастеровыхъ, преимущественно несемейныхъ, бездомовыхъ и вообще такихъ, которымъ переводъ на отдаленные промыслы менѣе будетъ тягостенъ, чѣмъ другимъ работникамъ. За тѣмъ добычу золота на столь отдаленныхъ промыслахъ, какъ наприм. Бальжинскій, производить, по примѣру прошедшаго и нынѣшняго годовъ, работниками вольнонаемными, если главное мѣстное начальство заводовъ не признаетъ полезнымъ дать и тамъ занятія ссыльнокаторжнымъ, осужденнымъ въ горныя работы. При такомъ распредѣленіи рабочихъ силъ Нерчинскаго округа, кабинетъ е. в. надѣется достигнуть слѣдующихъ важныхъ, какъ для самыхъ служащихъ, такъ и для заводскаго управленія, послѣдствій: а) семейные рабочіе честнаго имени, освобожденные отъ *раззорительнаго для нихъ переселенія на отдаленные золотые промыслы*, сосредоточены будутъ въ лучшей, болѣе населенной части округа, гдѣ *свободное отъ заводскихъ работъ время они могутъ удѣлять сельскимъ занятіямъ, какъ для собственной своей выгоды, такъ и для пользы заводовъ, нуждающихся въ аллювъ и т. п. предметахъ*; б) по возможности прекратится нынѣ, необходимостію допускаемое, смѣшеніе рабочихъ честнаго имени съ тяжкими преступниками, которое всегда невыгодно для первыхъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, и в) облегчится приведеніе въ исполненіе одобреннаго уже съ высочайшаго разрѣшенія, кабинетомъ предположенія ген.-губ. Восточной Сибири о передачѣ ссыльнокаторжныхъ изъ горнаго управленія въ вѣдомство Забайкальскаго областнаго начальства, потому что тогда надзоръ за преступниками, водворенными не повсемѣстно въ округѣ, но въ определенныхъ только мѣстахъ и преимущественно на промыслахъ, общающихся, по запасу металла, продолжительное дѣйствіе, многимъ облегчится, и самое содержаніе ихъ должно удешевиться при *сосредоточенномъ населеніи*(85) и управленіи.

Принимая все вышеизложенное въ соображеніе, кабинетъ находитъ, что возбужденный высочайше утвержденнымъ журналомъ Сибирскаго комитета вопросъ, о безотлагательномъ улучшеніи положенія Нерчинскихъ рабочихъ честнаго имени, можетъ быть разрѣшенъ *приведеніемъ въ исполненіе вышеозначенныхъ предположеній кабинета о распредѣленіи Нерчинскихъ рабочихъ честнаго имени по производствамъ серебряному и золотому!* При этомъ кабинетъ полагаетъ, для большаго облегченія мастеровыхъ, на золотые промыслы назначаемыхъ, уменьшить требуемое отъ нихъ рабочее число дней, ограничивъ его, вмѣсто нынѣшнихъ 240 или 250 дней, только 200 днями для промысловъ ближнихъ, Южнаго округа, и 175 днями для округа Сѣвернаго, куда, какъ объяснено выше, должны быть посылаемы мастеровые только въ крайнихъ случаяхъ, собственно для надзора и работъ техническихъ, какъ наприм. установка машинъ, или такихъ

(84) Стоитъ только рабочихъ, живущихъ въ сѣверномъ округѣ послать въ южный; это совершенно совпадаетъ съ видами кабинета—не отмѣнять зла, потому что оно само собою пройдетъ..... со смертью нынѣ живущихъ крѣпостныхъ работниковъ, а можетъ и раньше..... со смертью кабинета — навѣрно.

(85) На какомъ это экономическомъ основаніи? Въ гимназію членовъ кабинета! азбуки еще не знаютъ, думаютъ, что чѣмъ гуще населеніе тѣмъ дешевле жить.

занятій, которыя, требуя особой довѣренности, уже по этому не могутъ быть поручены преступникамъ. Уменьшеніе числа рабочихъ дней, по мнѣнію кабинета, принесетъ существенную пользу мастерамъ, давъ имъ возможность провести *свободное отъ занятій время съ ихъ семействами и заняться домашнимъ хозяйствомъ* (86), мастера же бездомовые и одинокіе, оставаясь это время, если пожелаютъ, на прискахъ, могутъ употреблять его для промысловыхъ работъ на условіяхъ добровольнаго найма, что доставитъ имъ значительные заработки (87).

(Печатано съ официального документа).

Страшно становится по прочтеніи этого документа. Одинъ человекъ съ государственнымъ смысломъ, того не слушаютъ; кабинетъ и министръ финансовъ наглымъ образомъ обманываютъ государя; государь крадетъ собственность у государства... И какъ подумаешь, что въ тоже время какой нибудь ворующій губернаторъ выключаетъ изъ службы какого нибудь становаго, обремененнаго семействомъ и украшаго казенный полтинникъ, такъ и хочется оправдать становаго. Онъ дѣйствуетъ въ смыслѣ высшихъ, только крадетъ въ мелкомъ размѣрѣ, а тѣ въ крупномъ. Становые крадутъ, губернаторы крадутъ, кабинетъ крадетъ, министры крадутъ... Скромность и смутная надежда, впрочемъ съ каждымъ днемъ слабѣющая, что молъ добрый человекъ авось исправится,— мѣшаютъ намъ назвать верхній брусъ этой уродливой пирамиды, называемой нѣмецкимъ правительствомъ въ Россіи.

СМѢСЬ.

ШЕЙДЕМАНЪ-КЕПЛЕРЪ, ШЕЙДЕМАНЪ-НЕВТОНЪ.

(Изъ письма къ издателямъ).

Въ Варшавѣ пронесся слухъ, что туда имѣетъ пріѣхать Наполеонъ, для свиданія съ нашимъ царемъ; Горчаковъ опасался чтобы Наполеонъ не открылъ Александру, того же что въ Виллафранка Францу австрійскому, въ отвѣтъ на завѣренія его о блестящемъ состояніи всѣхъ военныхъ потребностей въ знаменитомъ четырёхугольничкѣ крѣпостей (послѣдствія этого открытія извѣстны). Горчаковъ засуетился, потому что у нихъ тамъ, ни хлѣба, ни денегъ, ни орудій, ни пуль, ни рубахъ, ни сапогъ, ничего нѣтъ на дѣлѣ, а на бумагѣ все есть, чѣмъ Горчаковъ и успокоивался; но съ французскою полиціею дѣло нешуточное, узнаетъ да передастъ правду въ наготѣ; засуетился, но это ни къ чему не поведетъ, какъ вы сами увидите, а далъ бы богъ, чтобы хоть какой нибудь Наполеонъ открылъ добродушному Александру глаза, на то что у него повсюду творится, если не хочетъ вѣрить голосу народа русскаго и органу его, вашей типографіи. Относительно передаваемыхъ здѣсь свѣденій о Горчаковскомъ управленіи арміею, мы положительно сами удостовѣрились и потому вполне передаемъ вамъ полученные нами свѣденія, въ истинѣ которыхъ ни насколько не можно сомнѣваться. О рубахахъ и сапогахъ и вообще о дѣйствіяхъ комиссаріата, вы уже знаете почти все.

Теперь о томъ что въ арміи *нѣтъ пушекъ*.

(86) И читать романы Александра Дюма...

(87) Желая опубликовать для современниковъ и сохранить для назиданія потомства имена членовъ кабинета и Сибирскаго комитета, долгомъ считаемъ ихъ выписать. Члены кабинета: Адлербергъ (министръ), Мейендорфъ, Пѣтуховъ, Соколовскій, Стариковъ, Ивинъ, Нессельроде, секретарь Катакази. Члены Сибирскаго комитета: В. к. Константинъ Николаевичъ(!), всѣ министры, управляющій дѣлами Бутковъ и помощникъ его Гулькевичъ.

Пушки въ арміи, подъ командою Горчакова, по большей части со временъ до отечественной 1812 года войны, а именно 1807, 1809 и часть съ 1834 или 36 года,* но ровно ни къ чему не годны, потому что какъ по нашей теоріи извѣстно, орудіе пушки можетъ выдержать 800 до 1200 боевыхъ выстрѣловъ, послѣ этого оно должно быть перелито; сколько наши пушки выдерживали это одному Богу извѣстно, и послѣ этого хотятъ ими сражаться. Для царскаго смотра въ Варшавѣ, выслали во 2 Артиллерійскую дивизию 24 нарѣзныхъ орудія, которыя прибыли въ Варшаву и розданы по батареямъ въ Іюнь мѣсяцѣ; на пробную стрѣльбу сихъ орудій, явился самъ начальникъ артиллеріи предражый, Мерхелевичъ (генералъ-адъютантъ) съ своимъ начальникомъ штаба, Шейдеманомъ, вамъ извѣстнымъ, и инымъ причетомъ своихъ штабныхъ и адъютантовъ; офицеры цѣлой дивизіи также присутствовали; самъ Мерхелевичъ наводилъ пушки въ цѣли мишень, а Шейдеманъ, послѣ наведенія бѣгая отъ одной къ другой поочередно, громогласно объявлялъ которой пушки ядро попадетъ въ центръ мишени, а которое и на сколько линій отъ центра; началась пальба и увы, не только ни одно ядро въ центръ не опала, даже и на нѣсколько десятковъ линій отъ центра, но едва три или четыре ядра попали въ края доски мишени, а всѣ остальные на нѣсколько сажень пролетали мимо мишени; проба не удалась, назначили такуюжъ на другой день; на другой день Шейдеманъ пріѣзжаетъ раньше Мерхелевича и выскочивъ изъ экипажа, отъ радости подбѣгаетъ къ офицерамъ 2 Артиллерійской дивизіи и во всеуслышаніе объявляетъ, что онъ открылъ главную причину, что ядра не могутъ попадать вѣрно въ цѣль, какъ это было вчера; все настроило вниманіе слышать оракула и чтожъ вдругъ слышатъ, что на большое отклоненіе снаряда имѣетъ *главное вліяніе кругообращеніе земли*; да это такъ вѣрно! повторяетъ еще генералъ Шейдеманъ, торжественно прохаживаясь передъ фронтомъ офицеровъ "оттого и не могутъ ядра попадать въ цѣль." Улыбка по всѣмъ пробѣжала, а многіе закрыли свои губы рукавомъ или платками, чтобы не разсмѣяться. Проба въ этотъ день пошла лучше потому что узнали недостатки пушекъ; которую на бокъ дуломъ нужно было повернуть, чтобы попасть въ цѣль, которую поднять больше подъ менѣе острый уголъ и т. д. и пушки эти наконецъ признаны отличными и будутъ тѣшить царя.

Здѣсь кстати рассказать, какъ у насъ аферисты *на пуль рожь молотятъ*.

По поводу ожидавшагося пріѣзда государя въ Варшаву, въ нынѣшнемъ году, какъ это обыкновенно у насъ бываетъ по этимъ поводамъ, начали особенно обращать вниманіе на стрѣльбу въ цѣль, въ войскахъ 2 корпуса, собраннаго въ сборъ подъ Варшавою; командиры частей выходили изъ себя, отъ нецѣльной стрѣльбы солдатъ; въ мишени попадала едва $\frac{1}{3}$ часть, выпущенныхъ пуль; солдатъ муштровали и наказывали и долго быть можетъ имъ бѣднымъ пришлось бы терпѣть, еслибы не случай открылъ глаза; одинъ изъ ротныхъ командировъ, одного стрѣлковаго батальона, увѣряя что солдаты его роты ни одного промаху не дѣлаютъ, подъ натискомъ друзей да пріятелей своихъ, отъ чего это происходитъ, проговорился, что онъ досталъ лучшаго сорта свинецъ и что онъ навѣрно знаетъ, что войскамъ отпускается дурной свинецъ; секретъ открыть; все поднялось на дыбы;

* А даже, со временъ Елисаветы Петровны и пр. исключительно единороги.

войска бракують отпускаемый имъ свинець; дошло дѣло до Горчакова; его сѣятельство самъ присутствуетъ при стрѣльбѣ и увы, тоже самое, менѣе $\frac{1}{3}$ пуля попала въ мишень, къ счастію, князь отправляется съ мѣста откуда стрѣляли; къ мишени, и чтожь его и окружающимъ его глазамъ представляется, половина пространства къ мишени усѣяна свинцомъ; пули не долетая мишени, растрѣскивались; солдаты понабирали кучи этихъ растреснутыхъ пуль, взбѣсился князь и не смотря на объясненія начальства артиллеріи, что пули растрескиваются на лету, отъ дурнаго ихъ отлитія, а именно что между чугуннымъ стержнемъ и свинцомъ пули (конусныя пули) остается пустота, въ которую входятъ газы пороха и разрываютъ пулю, приказалъ произвести строгое слѣдствіе; обезпокоилось артиллерійское начальство, плохое дѣло и тѣмъ болѣе, что войска начали говорить и фактами доказывать, что при стрѣльбѣ, до введенія коническихъ пуль, шарообразными полями, таковыя ударя въ мишень, совершенно сплюскивались и какъ будто приклеивались къ мишени; начали свидѣтельствовать и испытывать свинець; но командиръ артиллерійскаго гарнизона Варшавской Александровской цитадели подполковникъ Голиковъ, хладнокровно смотрѣлъ и глядѣлъ на эти суеты, потому что когда дѣло уже дошло до того, что его спросили, почему онъ принялъ такой дурной свинець, отъ кого и когда, онъ доложилъ Шейдеману, для доклада по начальству, съ подлиннымъ дѣломъ, слѣдующее: Въ 1854 г., по поводу неприязненныхъ нашихъ соотношеній съ Западомъ, поручено было, по высочайшему повелѣнію, сдѣлать заготовку свинца и пороху Варшавскому банкиру Френкелю, къ принятію подъ казенный надзоръ, на мѣстахъ покупокъ командированы два артиллерійскихъ офицера Вилькенъ и Шульцъ; заготовилось значительное количество, но когда изъ этого количества доставилъ Френкель въ Варшаву 130,000 п., то при приѣмѣ перваго транспорта 57,000 п. въ склады артиллерійскаго гарнизона Александровской цитадели, командиръ сего гарнизона подполковникъ Голиковъ, выдалъ Френкелю квитанцію слѣдующаго содержания: что количествомъ слитокъ и вѣсомъ вѣрно, но качества сомнительнаго, а за неимѣніемъ средствъ подвергнуть этотъ свинець должному испытанію, онъ такого съ точностію не можетъ опредѣлить; Френкель сейчасъ ускакалъ въ Питеръ, и тамъ квитанція уничтожена.

Ужь не предвареніе ли равенства виновато?

— *Пути разобщенія въ Польшѣ.* — Шоссе въ Царствѣ Польскомъ, для сбереженія, отдапо съ прошлаго года съ торговъ компаніи промышленниковъ; въ заключенномъ контрактѣ хотя и есть, между прочимъ, пунктъ условия содержать въ установленной исправности и даже опредѣлена величина избенки и объемъ покрытія ею шоссе, по главное то: во время снѣговъ и мятелей чтобы расчищать шоссе пущено; поэтому истекшей зимы, которая какъ будто нарочно, чтобы издѣваться надъ умными правителями несчастнаго царства, изобилуя снѣгами и мятелями, страшными сугробами позаносила шоссе вплоть отъ Ковно до Остроленки, путешественниковъ возили на саночкахъ пароконныхъ, и какъ можно было ѣхать только по скатамъ сугробовъ къ краямъ шоссе, то ихъ привязывали одного къ другому чтобы не вывалились изъ саней—это вмѣсто почтовой кареты, за мѣста въ которой такъ дорого нужно платить; по большей

части только 4 версты въ часъ можно было ѣхать, никакъ не шибче, и это въ Польшѣ на краю Европы! Мы-бы не вѣрпли, если-бы сами не проѣзжали и еще, къ несчастію, въ оба пути; отъ Ковно-же до самага Острова, въ 3 раза больше снѣгу было и карета шла иногда какъ между стѣнами въ 2 раза ея выше, ѣзда была тише обыкновенной нашей почтовой ѣзды въ хорошую дорогу, но все таки дорога была расчищена и путешественникъ взявъ мѣсто въ каретѣ, по крайней мѣрѣ, ѣхалъ въ ней. Горчаковъ, узнавъ объ этомъ, по случаю ожидавшагося проѣзда Николая Николаевича и своего выѣзда въ Питеръ, предписалъ: на случай проѣзда особъ царской фамиліи или его и его семейства, расчищать дорогу сгономъ людей изъ деревень въ 7 верстномъ разстояніи отъ шоссе.

— *Гарибальдійцы въ Радомской губерніи.* — Мѣсяца два тому назадъ, кто-то сыгралъ преуморительную комедію съ Радомскимъ гражданскимъ губернаторомъ, генераль-маіоромъ Оперманомъ. Въ одно прекрасное утро графъ распечатываетъ повелѣніе главнаго директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго, знаменитаго Муханова, одѣтъ всю полицію Радомской губерніи, согласно приложенному рисунку, утвержденному княземъ намѣстникомъ и совѣтомъ, управленія царства, но по случаю ожидаемаго прибытія государя въ Варшаву, сдѣлать эту обмундировку въ сколь можно скорѣйшемъ времени и объ исполненіи донести комиссіи чрезъ 24 часа, съ возваршеніемъ рисунка. Требованія такого богдыхана, какъ Мухановъ исполняются не разсуждая и не шутя, а потому оно въ тотъ же день исполнено въ точности и донесено Муханову. Когда прочитали Муханову это донесеніе, онъ принялъ его за шутку; но увы, тутъ была не шутка: онъ видитъ рисунокъ формы, Гарибальдьева охотника, донесеніе Опермана, его подпись на рисункѣ соблюдены всѣ формальности закона; бѣда, а тутъ царь на носу. Поскакали чиновники и эстафеты къ Оперману приостановить распоряженіе и отобрать подлинное предписаніе комиссіи, а къ прочимъ губернаторамъ, осведомиться не случилось-ли подобной исторіи, но къ несчастію не случилось, одинъ только Оперманъ былъ выбранъ жертвою насмѣшки; подлинное предписаніе доставлено, но и на немъ соблюдены всѣ формальности и точность подписей, номеръ, бланкъ, однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ; наряжено слѣдствіе, по которому донынѣ только открыто, что пакетъ за этимъ номеромъ, былъ подапъ какимъ-то незнакомымъ господиномъ на одной изъ стапціи, на пути изъ Варшавы въ Радомъ, куда и отправленъ; теперь въ Польшѣ гадаютъ, какія Мухановъ придумаетъ формальности, чтобы не играли съ нимъ подобныхъ исторій.

— *Константинъ Николаевичъ за линьки.* — Паша рекомендація не пропала. Приказомъ отъ 17 Октября *Крузенштернъ*, о пристрастіи котораго къ истязаніямъ матросовъ мы говорили три раза, получилъ Станислава. Поздравляемъ Константина Николаевича и совѣтуемъ ему отслужить панихиду о капитанѣ *Пластуна!*—Исторію этого взрыва и нѣкоторыя подробности о капитанѣ I ранга *Шестаковъ*—о наказаніи на “Генераль-Адмиралѣ,” мы надѣемся въ скоромъ времени передать нашимъ читателямъ. Они узнаютъ чудеса—о томъ какъ матросамъ *затыкаютъ рты шваброй съ навозомъ*, какъ сбькутъ гардемариновъ, и какъ при этомъ остаются любимцами либеральнаго великаго князя.

ТЕРРОРЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Теймсъ, два раза съ 1 Декабря говорилъ о николаевщинѣ, снова появившейся въ Польшѣ, вслѣдъ за нелѣпымъ свиданіемъ въ Варшавѣ. Онъ называетъ полковника *Галлера*, председателя какой-то политической инквизиціи, судящей всякой вздоръ и основанной на подлыхъ доносахъ и сплетняхъ; и полицмейстера *Васильева*, рыщущаго по ночамъ, осматривающаго дома, берушаго подъ арестъ людей за запрещенныя книги. *Г. Ладиславъ Янковскій* былъ схваченъ потому что въ *прошломъ году* у него въ домѣ жилъ г. *Вишневицкій*, у котораго нашли тетрадку запрещенныхъ стиховъ. Фу—какіе мелкіе, плюгавые мерзавцы и невѣжды! Да, эта сволочь вмѣстѣ съ барининомъ достойна была вступить въ союзъ съ Австріей!

Пора, пора Польшѣ разорвать гнусную веревку, на которой ее держитъ Петербургъ.

Но это не все, *Теймсъ* говорить о *застѣномъ студентѣ* въ Варшавѣ. Мы умоляемъ написать намъ правда это или нѣтъ?

Если это не правда, зачѣмъ молчить русское правительство? Развѣ оно не понимаетъ, что съ него грязь каплетъ на насъ, на народъ? Что оно молчитъ изъ *Vornehmthuerei*, или отъ безграмотности,—пусть учится въ такомъ случаѣ читать и писать.

; *Правда ли*, что дѣло о злодѣйствахъ помѣщика Верхнеднѣпровскаго уѣзда Гаврила *Харченка*, замѣчательнаго, какъ мы уже писали, (смотри *Колоколъ* No. 55), выдумкою машины, *однимъ оборотомъ колеса*, дающей отъ 100 до 150 ударовъ палками по *пяткамъ*, кончено въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздномъ судѣ судьей Каширининовымъ, совершенно въ его пользу и, во время отсутствія начальника губерніи графа Сиверса, утверждено исправлявшимъ его должность вице-губернаторомъ *Большевымъ*, которому подсунули это дѣло въ числѣ другихъ дѣлъ, предающихся *волю Божіей*, по недостатку явныхъ доказательствъ? Правда ли, что графъ Сиверсъ, по прїѣздѣ и принятіи должности немедленно возвратилъ это беззаконное дѣло изъ Верхнеднѣпровскаго уѣзднаго суда, куда оно уже было отправлено для зависящаго распоряженія, т. е. объявленія *Харченка* невиннымъ и снятія опеки съ его имѣній, которая налагалась два года и едва могла состояться только нѣсколько мѣсяцевъ назадъ по рѣшительнымъ настояніямъ генералъ-губернатора и начальника губерніи, графа Сиверса?

— *Ковалевскій* призываетъ Петербургскихъ журналистовъ и высочайше повелѣлъ имъ плакать о покойной императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. А гророс, говорятъ будто Аничковскій Дворецъ, завѣщанный императрицей государю (видите дворцы-то все частная собственность — на прусскія деньги пріобрѣтена вѣрно?) *заложены идѣ-то въ Англии*? Если дорого, Александръ Николаевичъ можетъ отказаться, дворецъ здѣсь продадутъ съ молотка.

— *Какова русская почта!* Занятое исключительно подпечатываніемъ писемъ, вотъ до какихъ чудовищностей дошло у насъ почтовое вѣдомство. Письмо изъ Петербурга въ Дрезденъ или Штутгартъ идетъ 5 или 6 дней, а письмо изъ Пскова, Тулы, Орла идетъ 21 день! Значитъ изъ Пскова, Тулы, Орла до Петербурга заграничное письмо ходитъ 15 дней.

— Еще разъ намъ пишутъ о томъ, что генералъ *Глушковъ* (*Колоколъ*, 65—69) “одинъ изъ благонамѣреннѣйшихъ русскихъ начальниковъ, извѣстенъ своимъ безкорыстіемъ и высокой честностію.....” Намъ очень больно, что нѣсколько словъ, помѣщенныхъ о г. Глушковѣ, могли нанести неприятность ему и его друзьямъ. Мы еще разъ печатаемъ, что намъ нѣтъ никакой возможности *впередъ* знать вѣрность каждаго факта (недавно *Московскіе Вѣдомости* превосходно сказали нѣсколько словъ о томъ же предметѣ). Мы готовы помѣщать поправки, но за что же почтенный защитникъ г. Глушкова говорить—“стыдно вамъ... Вы говорите... и пр.—” Да развѣ онъ не понимаетъ, что *мы ничего не говоримъ* ни о комиссаріатѣ, ни объ интенданствѣ, *мы помѣщаемъ свѣденія доставленныя другими корреспондентами* Кажется ясно?

ПРОДАЮТСЯ :

У ТРЮБНЕРА и Ко., PATERNOSTER ROW :

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, (l'Etoile Polaire). За 1855, 1856, 1857, 1858, 1859. (Оглавленіе V книжки ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ: Стихотворенія Рылѣва, Рылѣва и Бестужева, Кюхельбекера, Пушкина, Языкова, Разныхъ Авторовъ; Разборъ донесенія Слѣдственной Комиссіи, Н. Муравьева; Былое и Думы, Искандера; Взглядъ на тайное общество въ Россіи, Лунина; Памяти Художника, Н. Огарева; Разговоръ съ Дѣтьми, Искандера; Стихотворенія Н. Огарева). Цѣна одной книжки 8s. 0

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ. (Recueil historique de l'imprimerie Russe à Londres). Книжка первая, съ приложеніемъ портрета Павла I, опубликованнаго въ Лондонѣ въ 1799. (Оглавленіе: Предисловіе, Письмо импера. Екатерины къ графу Н. Н. Салтыкову, Письмо импе. Маріи Феодоровны къ В. К. Ковстантину Памловичу, Письмо Н. С. Мордвинова къ императору Александру I, Мнѣніе Н. С. Мордвинова въ Госуд. Совѣтѣ по поводу учрежденія откуповъ, Мнѣніе Н. С. Мордвинова по пропшествію, бывшему въ Кіевской губерніи и по суду пропзведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ; Мнѣніе Н. С. Мордвинова, поданное въ государственный совѣтъ, при случаѣ разсмотрѣнія росписи о доходахъ и расходахъ на 1821 годъ, 20 Февраля 1821 г.; Письмо графа Ростопчина къ Александру, Смерть императора Павла I.; Записка статсъ-секретаря Марченко о событіяхъ совершившихся при восшествіи на престолъ императора Николая I; Записка о Сибири Штейнгеля, Письмо барона Штейнгеля къ императору Николаю, Синашко, Филаретъ и Николай, Секретно-конфиденціальное отношеніе синодальнаго члена Юсифа митрополита Литовскаго и Виленскаго къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода графу Протасову отъ 10 Января 1855, за No. 40; Рѣчь Кіевскаго Военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора Бибилова къ помѣщикамъ Кіевской губерніи 8 Мая 1855 года, Священный союзъ и Австрійская политика) 4s. 0

печатаются : (sous presse :)

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II, Н. Огарева. (Pour Cinq Ans 2e partie).

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ кн. II (Recueil historique 2e partie) СБОРНИКЪ правительственныхъ свѣденій о Раскольникахъ. Выпускъ второй. (Recueil de documents officiels sur les dissidents Russes 2e partie).

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1860.

№ 60.—1 Января.

1860 годъ. Казанскіе и петербургскіе студенты. Адрессъ дворянъ. Зальцманъ и Кочубей. Смѣсь : Къ физиологіи и зоологіи помѣщиковъ. Отравители въ Кіевской губерніи. Ай да Коръ! Академія художествъ. Генералъ-маіоръ Анастасьевъ.

№ 61.—15 Января.

Украина. О кончинѣ М. К. Кюхельбекера. Тверской комитетъ. Смѣсь : Das liefländische Athen. Слабость къ ворами. Изъ Чернигова и Нѣжина. Запросъ и отвѣтъ. У параднаго крыльца (стихотвореніе).

№ 62.—1 Февраля.

Комиссія по освобожденію крестьянъ. Изобличитель. Засѣченный матросъ. Смѣсь : По дѣлу Журавлева. Убитый помѣщикъ. Московскій университетъ. В. Безобразовъ. Отъ редакціи.

№ 63.—15 Февраля.

Комиссія по освобожденію восточныхъ крестьянъ. Бѣшенство православія. Сибирскіе баталіоны. Помѣщица-ненавидящая и помѣщикъ-любящій. Вѣщающій Муравьевъ. Смѣсь : Эпоха прогресса и гласности въ Россіи. For gentlemen only. Ученыя извѣстія. Академикъ Бассинъ. Агрономическая газета. Переходное положеніе. Przegląd gzeszy polskich.

№ 64.—1 Марта.

Ростовцевъ и Строгоновъ. Письмо изъ провинціи. Изъ Петербурга. Смѣсь : Депутаты и редакціонныя комиссіи. Опять розги. Въ примѣръ и не въ примѣръ. Кіевская децентрализація. Союзъ съ Австріей. Управляющій Машевскій. Герштейнцевъ. Шпицрутены и Сиверсъ.

№ 65 & 66.—15 Марта.

В. Панинъ. Россія и Польша. Тверской комитетъ и Унковскій. Комиссаріатъ. Смѣсь : Дворянъ съкутъ. Барановскій. Лужинъ дерется. Топильскій. Античный архимандритъ. Унковскій и Европеусъ. Отъ издателей. Майковъ.

№ 67.—1 Апрѣля.

Россія и Польша. Комиссія о крестьянскомъ дѣлѣ. Смѣсь : Письмо о дѣлѣ Яковлева. Набѣгъ Татаръ въ Тамбовской губерніи. Гоненія. Качановскій. Дуэль въ Иркутскѣ, (секундантъ Молчановъ)

№ 68 & 69.—15 Апрѣля.

Слово Панина. Письма изъ Россіи. Комиссія о крестьянскомъ дѣлѣ. Петербургскій комиссаріатъ. Дараганъ и Окуловъ. Циркуляры въ пресѣченіе и предупрежденіе гласности. Смѣсь : Мадамъ Полянская. Почта. Аенискій архимандритъ. Русскій сводъ въ Яссахъ. О Головачевѣ.

№ 70.—1 Мая.

Головачевъ. Катакази, Местмахеръ, Казакевичъ, Машевскій, Старицкій и пр. Возраженіе на 63 №. Колокола. Смѣсь : La vérité sur la Russie. Торговля молитвами. Тайное-явно. Свистуновъ и Кашкинъ.

№ 71.—15 Мая.

Владимірскій и Петербургскій адреса. Библиотека дочь Сенковского. Брилевичъ и разрубленный еврей. Арендаторъ Л. Путятицкій. Старицкій (окончаніе). Смѣсь : Новости изъ Россіи. Переходное состояніе. С. Лессеръ. Тверской вицъ-губернаторъ. Тайный совѣтникъ въ квадратѣ. Стихотвореніе Лермонтова. Аенискій іеродіаконъ. Revue Прудова.

№ 72.—1 Іюня.

За пять лѣтъ. Великокняжеское освобожденіе. Мухановъ что не на Вислѣ. Souvenirs Modestes. Розги и шпицрутены. Къ характеристикѣ Сибири. Смѣсь : Пиколай Николаевичъ. С. Петербургскія Вѣдомости. Омское красноярчье. Гвоздевская гласность. Помѣщикъ Абутовъ. Тимашевъ и Дубельтъ.

№ 73 & 74.—15 Іюня.

Августѣйшая благодарность. Комиссія по освобожденію крестьянъ. Переписка к. П. В. Долгорукова съ русскимъ правительствомъ. По дѣлу Иркутской дуэли. Оберъ-форъ-шнейдеръ. Еврейскіе выборы въ Вильнѣ. Князь Сергій Гагаринъ. Г. Извольскій. Смѣсь : Тайная полиція. Старицкій. Князь А. Ѳ. Голицынъ. Ислюбывый баринъ. Помѣщицье благодущіе и губернаторское бездушіе. Помѣщикъ Протопоповъ и Масленицкій. Теорія сѣченія Петербургской полиціи. Сверхштатный членъ Шереметевъ. Русскіе матросы въ Виллафранкѣ. Отъ издателей.

№ 75.—1 Іюля.

Розги долой. Комиссія по освобожденію крестьянъ. Мухановъ что на Вислѣ.

№ 76.—15 Іюля.

Узаконеніе государственнаго разбоя. Мѣры правительства относительно трезвости. Тостъ Пугачеву. Изъ Минской губерніи. Смѣсь : Русская музыка въ Лондонѣ. Самодержавный либерализмъ. Поправка. Г. Бергъ. А. С. Хомяковъ и Австрія. Капитанъ-лейтенантъ Костенко. Увѣдомленіе.

№ 77 & 78.—1 Августа

Письма къ соотечественнику. Мѣры правительства относительно трезвости. Замѣчанія о находящихся въ отпуску. Грязь и Лужинъ. Цыгуринъ. Смѣсь : Замѣчательная ошибка морскаго министерства. Музыка Олафа. Законоучитель. Палисадовъ. Бергъ и телеграфы. Гибкій человекъ (стихотвореніе). О торговыхъ установленіяхъ. Львиный надѣлъ Орлова. Католическая пропаганда Назимова. Монаршее благоволеніе. Письмо къ Зивовьеву. Офицерское ерничество на Тверскомъ бульварѣ. Отъ издателей.

№. 79.—15 Августа.

Записки И. В. Лопухина. Дѣло Зиновьевскихъ крестьянъ. По поводу долой розги. Становой приставъ Орловскій и Ефрейторъ Добропасъ. Рапініана. Распространеніе анеропофаги въ Россіи. Покорнѣйше благодаримъ.

№. 80.—1 Сентября.

По поводу правилъ Муравьева-вѣшателя. Прошеніе восемнадцати дворянъ Тверской губерніи въ сенатъ. Смѣсь: Витвицкій. Генералъ-кулачный боецъ. Пальто Менщикова и рубаха Муравьева-вѣшателя. Пугачевъ и Сухозанетъ. Великокняжескій камердинеръ. Шалунъ Мухановъ. Лужинъ вѣрный. Я. И. Глушковъ. Дополненіе біографіи г. Шевченко. Просьба. Отъ редакціи. Запросъ. Отчетъ.

№. 81.—15 Сентября.

Труды комиссіи для устройства земскихъ банковъ. Die edlen ritter von Liefland. Мальчикъ на каторгѣ. Смѣсь: Подвиги Муравьева-вѣшатели въ Архангельской губерніи. Анархія проповѣдуемая Александромъ II. Отвѣтъ.

№. 82.—1 Октября.

Последній ударъ. Башуцкій, Бурачекъ и Аскочинскій. Флигель-адъютантъ Бобринскій. Бутковъ. Смѣсь: Голодная смерть Лопарей. Краббе. Ей ты фельбетонистъ! Тихоцкій. Войтъ. Замятинъ. Петрашевскій. Ковенскіе порядки.

№. 83.—15 Октября.

Лишніе люди и желчевики. Разграбленіе крестьянъ Архангельскою палатою государственныхъ имуществъ. Вольное русское книгопечатаніе за границей. Новое стѣсненіе слова. Александръ второй Наполеону третьему—четыре лошади.

№. 84.—1 Ноября.

Сербы и Черногорцы. Второе письмо по поводу "Розги долой." Лужинъ вѣрный. Смѣсь: Полицейскіе маскарады Игнатьева. День ангела директора. Домъ примчавшійся къ Минѣ Ивановѣ на почтовыхъ. Выѣздъ татаро-австрійскаго посольства изъ Турина. Кончина А. С. Хомякова.

№. 85.—15 Ноября.

Es reiten drei Reiter. Положеніе Евреевъ въ Россіи. Отрывокъ изъ "Былое и Думы." Смѣсь: Еще глупѣе. Кіевскій губернаторъ Гессе. Потоцкій, Закревскій, Ильинскій. Полтава и Стокгольмъ. Радъ стараться. Дѣло крестьянъ Зиновьева. Зажигательныя спички и тушаще министры. Герштенцвейгъ, Сиверсъ и Гутцейтъ. Унковскій и Европеусъ. Паспорты. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Просьба Колокола.

№. 86.—1 Декабря

Помѣщичьи злодѣйства. Свѣтское и духовное образованіе. Монастырское крѣпостное право. Иродовскія поношенія Вологодской полиціи. Смѣсь: Police galoppante. Крузенштерпъ, Нолькинъ и пр. Игнатьевскія маски.

№. 87 & 88.—15 Декабря.

Императорскій кабинетъ и Муравьевъ-Амурскій. Смѣсь: Шейдеманъ. Пути разобщенія въ Польшѣ. Гарибальдійцы въ Радомѣ. Константинъ Николаевичъ за ливъки. Терроръ въ Польшѣ. Помѣщикъ Харченко. Ковалевскій. Русская почта. Г. Глушковъ.

ПОДЪ СУДЪ!

№. 4.—15 Января.

Дѣло плантатора Жадовскаго въ Оренбургской губерніи

№. 5.—1 Апрѣля.

Правительствующій откупъ и при немъ состоящая императорская власть.

№. 6.—1 Іюля.

Еще о стрѣлкѣ Кочубей. По поводу дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ.

№. 7.—15 Іюля.

Дѣло г. Лихачева. По поводу дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ (Окончаніе).

№. 8.—1 Сентября.

Саратовское начальство и откупъ. Герцогъ Саксенъ-Веймарскій и графъ Закревскій.

№. 9.—15 Сентября.

Процессъ Честнокова съ Бутуриннымъ.

№. 10.—1 Ноября.

Дѣло о разграбленіи крестьянъ архангельскою палатою государственныхъ имуществъ. Дѣло Гамалея президента Одесскаго коммерческаго суда.